ТОМАС МЭЛОРИ

СМЕРТЬ АРТУРА

ТОМАС МЭЛОРИ СМЕРТЬ АРТУРА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Литературные Памятники



THOMAS MALORY

LE MORTE DARTHURE





ТОМАС МЭЛОРИ



СМЕРТЬ АРТУРА



ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:

И. М. БЕРНШТЕЙН, В. М. ЖИРМУНСКИЙ,

А. Д. МИХАЙЛОВ, Б. И. ПУРИШЕВ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1974

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
В. М. ЖИРМУНСКИЙ, Б. И. ПУРИШЕВ

Иллюстрации О. Бердслея (1893 г.)

М $\frac{70304-0063}{042(01)-74}$ 329—72

ОТ РЕДАКЦИИ

Роман английского писателя XV в. сэра Томаса Мэлори, носящий, по более поздней традиции, название «Смерть Артура», представляет собой как памятник литературы двоякую ценность. Это, с одной стороны, лучший в мире свод рыцарских романов так называемого Бретонского цикла — свод героических и сказочных сюжетов, восходящих, в свою очередь, к мифу и эпосу кельтских народов и к истории западной оконечности Европы в середине I тысячелетия н. э. Эти сюжеты содержат отголоски реальных исторических событий — например, борьбы британских кельтов против англов и саксов; и следы мифических представлений древних обитателей европейского северо-запада — целый мир глубокой, темной европейской старины. Характерно, что типичные для средневековья мотивы поисков божественной благодати служат здесь поводом для новых рыцарских приключений, а чаша Грааля оборачивается неким рогом изобилия. Создание XV в., книга Мэлори прежде всего — некий итог предыдущих четырех веков развития европейской рыцарской литературы, его завершение.

В то же время «Смерть Артура» — превосходный памятник раннеанглийской литературы именно XV в., быть может, единственный, но неоспоримый вклад той эпохи в «золотой фонд» английской классической литературы, и сегодня, как мы можем убедиться, не окаменелость, а живой художественный организм. Томас Мэлори писал, имея за спиной многовековую традицию, но он писал по-своему, «в кратком изводе», отбирая сюжеты, отбирая героев, находя для их поступков новое психологическое и сюжетное обоснование. Он подчинил весь огромный повествовательный материал единому замыслу, создавал для своих персонажей энергичные, живые диалоги, он изложил свой рассказ стилем точным и в то же время певуче-поэтичным, скупым и оттого особенно ярким — стилем, который бесспорно принадлежит к высшим достижениям английской литературы.

Это выдающееся значение книги Мэлори и для своей эпохи и для последующих судеб английской литературы было отмечено академиком Виктором Максимовичем Жирмунским, который писал в одной из своих внутренних рецензий на данный перевод «Смерти Артура»:

«Роман о короле Артуре» (или, по традиционному заглавию, «Смерть Артура») Томаса Мэлори представляет классическое произведение мировой литературы, которое можно ставить рядом с «Илиадой» Гомера, «Нибелунгами», древнеиндийской «Махабхаратой» и др. Подобно этим произведениям, оно является отражением и завершением большой эпохи мировой культуры и литературы — рыцарского Средневековья, не только английского, но и западноевропейского в целом. Вместе с тем, как и названные произведения, оно в сущности является итогом творческой работы не одного

поэта, а многих поколений, создававших на протяжении четырех веков, с XII по XV, поэтическую легенду о короле Артуре и его рыцарях.

Огромное влияние «Смерть Артура» оказала на английскую поэзию и изобразительные искусства, в особенности в XIX—XX вв. Этот обширный цикл средневековых рыцарских романов, объединенный именем короля Артура, стал, наряду с Шекспиром, наиболее популярным памятником английской литературы, который неоднократно вдохновлял поэтов и художников на творческое воспроизведение и преображение его сюжетов и образов».

Редактирование перевода, общее наблюдение над комментированием романа Мэлори было одной из последних работ академика В. М. Жирмунского. Изучению закономерностей развития средневековых литератур Запада ученый посвятил многие свои труды, и книга Мэлори интересовала его как важный литературный памятник, появившийся на переломе от Средних веков к новому времени. В. М. Жирмунский предполагал написать работу о «Смерти Артура», но этот его замысел не был осуществлен.

Книга Мэлори за свою пятивековую жизнь прошла большую издательскую историю. Напечатанная в 1485 г. Вильямом Кэкстоном, перепечатанная еще в XV в. Винкином де Ворде [1], она в течение XVII—XVIII вв. была почти совершенно оставлена издателями, но со второй половины XIX в. пережила возрождение самого бурного к ней интереса.

В настоящее время интерес этот особенно велик. Книга Мэлори вышла в издании англо-американской «Библиотеки для всех» [2]. Появляются комментированные и модернизированные переиздания. Кроме того, в многочисленных ученых периодических изданиях ежегодно помещаются специальные и общие исследования, посвященные Томасу Мэлори и его творчеству.

Одновременно с перепечатками, пересказами и историко-критическими работами в наше время изданы также и переводы «Смерти Артура» на иностранные языки — немецкий [3], турецкий [4], чешский [5].

«Смерть Артура» стала одним из жемчужин английской литературы. Английские писатели от Эдмунда Спенсера до Джеймса Джойса, от Элфреда Теннисона до Вальтера Скотта неоднократно возвращались к ней в своем творчестве. Ее неизменная популярность подсказала Марку Твену замысел знаменитого романа «Янки при дворе короля Артура». На сюжеты артурианы создаются кинофильмы и оперы, детские сказки и лирические стихи. В 1958 г. бестселлером на англо-американском книжном рынке стала книга Т. Уайта «Король в прошлом и король в грядущем» [6], новейшая переработка основных артуровских сюжетов.

Книга дошла до нас в первопечатном издании Вильяма Кэкстона 1845 г., которое сохранилось в одном полном и одном дефектном экземпляре, но было воспроизведено издателем Оскаром Зоммером в 1889—1891 гг. и,

---

[1] «The Booke of the Noble Kyng Kyng Arthur...», ed by Wynkyn de Worde. Westminster, 1498.
[2] «Everyman's Library».
[3] Der Tod Arthurs. Leipzig, 1923. Переводчик Хедвиг Лахманн.
[4] «Arthur un Ömülü». Istanbul, 1948. Переводчик Мина Урган.
[5] «Artušova smrt». Praha, 1960. Переводчик Ян Цаха.
[6] *White T. H.* The Once and Future King. 1958.

кроме того, послужило на протяжении XVI, XVII, XVIII, XIX и XX вв. основой для многочисленных переизданий, пересказов и переработок.

Однако в 1934 г. в библиотеке Вестминстерского колледжа У. Ф. Оукшотом была обнаружена и в 1947 г. издана Ю. Винавером рукопись романа Мэлори, правда, не авторская, но современная изданию Кэкстона. С этой рукописи, ставшей достоянием читателя и исследователя в критическом издании Винавера, и выполнен настоящий перевод. Текст разделен по рукописи на восемь частей (которые Винавер считает отдельными произведениями, в соответствии с чем его издание озаглавлено: «Сочинения сэра Томаса Мэлори»)[7]. Однако за пятьсот лет существования этой книги в изданиях, восходящих к Кэкстоновскому, прочно закрепилась традиция дробления текста на мелкие параграфы — «рубрики», осуществленного самим Кэкстоном. Кэкстон сделал 507 таких «рубрик», предпослав каждой краткий пересказ ее содержания, и, хотя эти рубрики несут на себе печать наивности, в настоящем издании было сочтено целесообразным рубрикацию Кэкстона воспроизвести. «Рубрики» Кэкстона — едва ли не такое же достояние английской артуровской традиции, как и сам текст. При этом в соображение было принято и то, что разбивка текста на параграфы, если этот текст имеет объем без малого 60 печатных листов, весьма благоприятна для читателя и практикуется как старинной, так и современной полиграфией; и, наконец, то, что именно эти «рубрики» были использованы в качестве основы для оформления книги выдающимся английским художником и графиком Обри Бердслеем. А издание книги Мэлори 1893 г.[8], осуществленное Обри Бердслеем и представляющее собою в своей цельности бесспорный шедевр европейского книгоиздательского искусства, нельзя не признать еще одним значительным этапом в английской артуриане, как нельзя не признать работу Бердслея еще одним ценным вкладом в английскую артуровскую традицию и в мировую культуру.

На русский язык книга Мэлори никогда не переводилась, хотя отдельные пересказы и переработки артуровских романов печатались в разное время.

Поскольку настоящее издание поднимает целый пласт малоизвестного русскому читателю литературного материала, было сочтено полезным сопроводить текст по возможности более подробным аппаратом, главным образом информативно-справочного характера — приложения, впрочем, ни в коем случае не претендующие на исчерпывающую полноту, содержат, помимо собственно комментария, три статьи, трактующие как частные, так и более общие проблемы, связанные с текстом (в том числе одну переводную работу, принадлежащую известному английскому литературоведу-марксисту У. Мортону), а также Указатель имен, являющийся ценным подспорьем при изучении книги Мэлори, поскольку средневековая неунифицированная орфография и сюжетные неувязки весьма затрудняют идентификацию персонажей.

---

[7] «The Works of Sir Thomas Malory», ed by E. Vinaver. Oxford, 1947.
[8] «The Birth, Life and Acts of King Arthur». Edinburgh, 1900.

ПРЕДИСЛОВИЕ КЭКСТОНА

К изданию 1485 г.

По завершении мною и издания многоразличных историй, как рассудительного свойства, так и других, повествующих о памятных и мирских деяниях великих полководцев и властителей, а также еще и некоторых книг, содержащих благие примеры и поучения, многие благородные джентльмены сего королевства Англии обращались ко мне и вопрошали снова и многожды, отчего не позабочусь я о составлении и напечатании благородной истории о Святом Граале и о славнейшем христианском короле, первом и главнейшем из трех честнейших в мире христианских мужей, и достойнейшем,— о короле Артуре, память о коем должна изо всех христианских королей более всего почитаться среди нас, англичан.

Ибо по всему вселенскому миру известно каждому, что всего на свете было девять лучших и достойнейших, и это: три язычника, три иудея и три мужа-христианина. Что до язычников, то они жили еще прежде воплощения Христова, имена же им были: Гектор Троянский, об коем повести существуют и в прозе и в стихах; второй — Александр Великий, третий же — Юлий Цезарь, император Римский, об коем истории всякому ведомы и повсеместно имеются. А что до трех иудеев, также прежде воплощения Господа нашего бывших, то из них первый это — Иисус Навин, что вывел сынов Израиля в Землю Обетованную, второй — Давид, царь Иерусалимский, а третий — Иуда Маккавей; и об них троих в Библии излагаются все их благородные дела и подвиги. Со времени же помянутого воплощения Божия было еще три благородных мужа-христианина, восславленных по вселенскому миру и введенных в число девятерых достойнейших и лучших, и из них первый — благородный Артур, чьи благородные деяния я намереваюсь описать в нижеследующей книге. Вторым был Шарлемань, он же Карл Великий, коего жизнеописания имеются во многих местах, и французским языком, и английским изложенные; третьим же и последним был Годефрей Болонский, о коего житии и подвигах книгу посвятил я сему достославному властелину и благородной памяти королю — Эдуарду Четвертому.

Помянутые же благородные джентльмены побуждали меня незамедлительно отпечатать историю об этом благородном короле и завоевателе — короле Артуре и об его рыцарях, а также историю Святого Грааля и смерти и кончины помянутого Артура, утверждая, что надлежит мне скорее отпечатать его деяния и благородные подвиги, нежели Годефрея Болонского или же иного кого из тех восьми, поелику был он рожден в пределах этого королевства и здесь был королем и императором, и на французском языке есть много разных и благородных томов о его подвигах, а равно и подвигах его рыцарей.

Я же им отвечал, что многие люди держатся мнения, будто не было такого Артура, а все книги, о нем составленные, это лишь вымыслы и басни, ибо есть хроники, где вовсе о нем не говорится и не упоминается, равно же ни о рыцарях его.

*На что они мне отвечали, и один в особенности на том стоял, что ежели кто скажет и помыслит, будто не было на свете такого короля Артура,— в том человеке можно видеть великое неразумие и слепоту, ибо существует, по его словам, немало доказательств противному. Во-первых, можно видеть гробницу Артура в монастыре Гластонбери; а в «Полихрониконе», в книге пятой, глава шестая, и в книге седьмой, глава двадцать третья, читаем, где было похоронено его тело и как оно потом было найдено и перенесено в помянутый монастырь. И в истории Бокаса, в его книге «De Casu Principum»,— часть его благородных деяний и гибель его. Также и Гальфридус, в своей книге Брутовой, излагает его жизнь. И в разных местах Англии память о нем сохранена и останется навечно, а также и об рыцарях его; первое, это в Вестминстерском аббатстве, в раке святого Эдуарда, хранится оттиск его печати в красном воске, в берилл оправленный, а на нем значится: «Patricius Arthurus Britannie Gallie Germanie Daciae Imperator» *; далее, в Дуврском замке можно видеть череп Гавейна и плащ Кардока, в Винчестере — круглый стол, в иных же местах — Ланселотов меч и многие другие предметы.*

И потому, по рассмотрении всего этого, не может человек, судящий здраво, отрицать, что был в этой земле король по имени Артур. Ибо во всех краях, христианских и языческих, он прославлен и введен в число девяти достойнейших, а из трех мужей-христиан почитается первым. И однако же о нем более вспоминают за морем, там больше книг написано о его благородных деяниях, нежели в Англии, и не только по-французски, но и по-голландски, итальянски, испански и гречески. А между тем, свидетельства о нем и следы сохраняются в Уэльсе, в городе Камелоте: большие камни и чудесные изделия из железа, лежащие в земле, и царственные своды,— кои многими из ныне живущих видены были. И оттого дивиться должно, коль мало он прославлен в своей родной стране, единственно разве что в согласии со словом божиим, что несть пророка в своем отечестве.

И потому, все вышепомянутое рассудив, я уже не мог отрицать, что был такой благородный король именем Артур, прославленный как один из девяти достойнейших и первый и главнейший из христиан.

Много славных книг писано о нем и о его благородных рыцарях на французском языке, кои я видел и читал за морем, но на нашем родном языке их нет. На валлийском же языке их много, а также и на французском, есть иные и по-английски, но далеко не все.

И посему я, по простому моему разумению, мне богом ниспосланному, при благоволении и содействии всех этих благородных лордов и джентльменов, предпринял напечатать книгу, недавно на английский язык коротко

---

* *Патриций Артур, император Британии, Галлии, Германии, Дании* (лат.).

переложенную, о славной жизни помянутого короля Артура и иных из рыцарей его по списку, мне переданному, каковой список сэр Томас Мэлори, почерпнув из неких французских книг, на английском языке в кратком изводе составил.

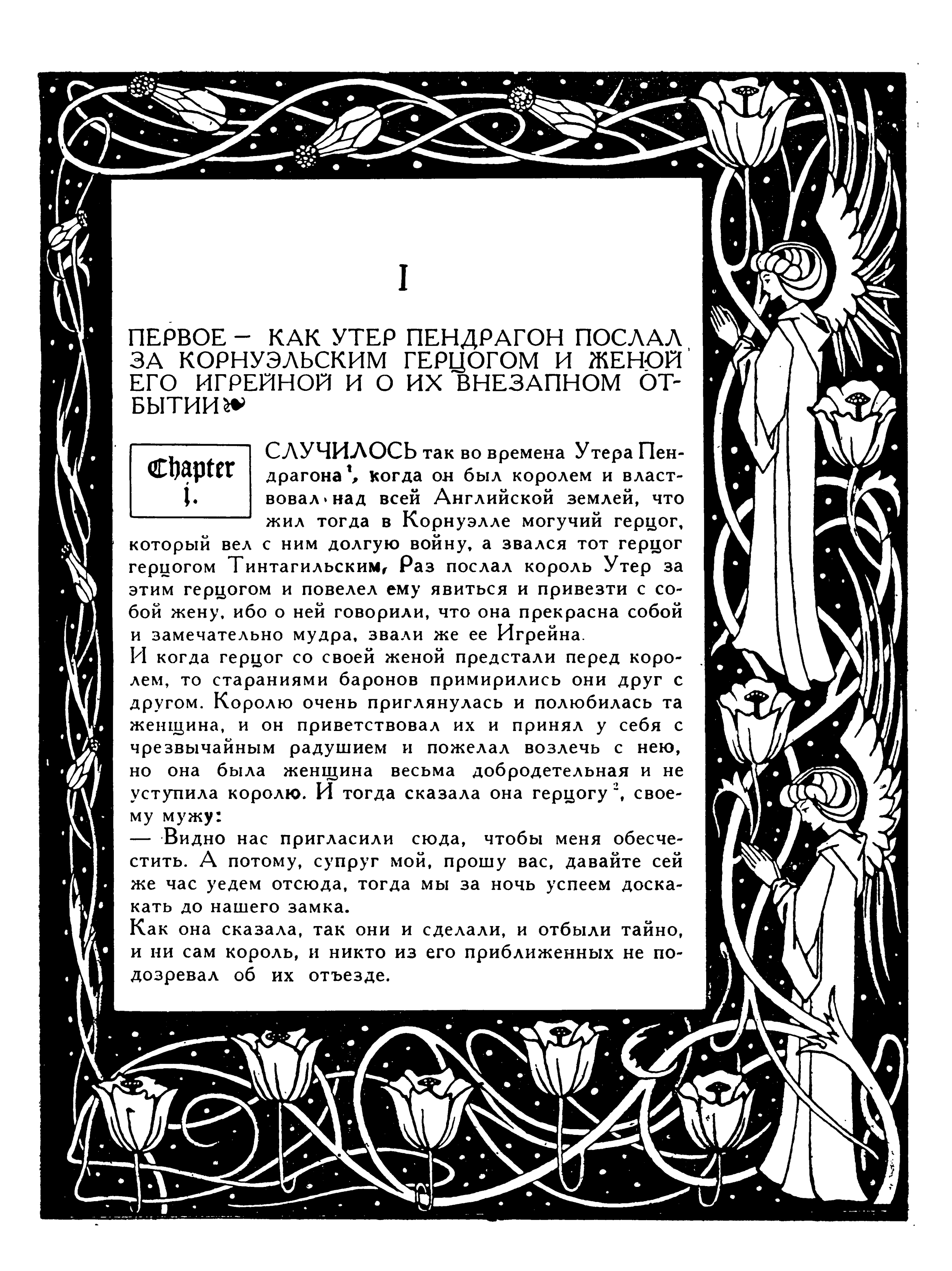
И я, в согласии с этим моим списком, составил набор, дабы люди благородные могли узнать и перенять благородные рыцарские подвиги, деяния добрые и достойные, кои совершали иные из рыцарей в те времена и через то прославились, а злые люди бывали наказаны и часто повергались в позор и ничтожество. И притом смиренно умоляю всех благородных лордов и дам и все другие сословия, каких бы состояний и степеней ни были они, кто увидит и прочитает труд сей, сию книгу, пусть воспримут и сохранят в памяти добрые и честные дела и следуют им сами, ибо здесь найдут они много веселых и приятных историй и славных возвышенных подвигов человеколюбия, любезности и благородства. Ибо истинно здесь можно видеть рыцарское благородство, галантность, человеколюбие, дружество, храбрость, любовь, доброжелательность, трусость, убийства, ненависть, добродетель и грех. Поступайте же по добру и отриньте зло, и это принесет вам добрую славу и честное имя.

Также принято будет чтение сей книги и для препровождения времени, а верить ли и принимать за истину все, что в ней содержится, или же нет, вы вольны и в своем праве. Но написано все это нам в назидание и в предостережение, дабы не впадали мы во грех и зло, но держались и укреплялись в добродетели, через это можем мы заслужить и достигнуть доброй славы и честного имени в сей жизни, а после сей краткой и преходящей жизни — вечного блаженства в небесах, что да ниспошлет нам Тот, кто царит в небесах, един в трех лицах. Аминь.

И с тем, приступая к означенной книге, которую я посвящаю всем благородным князьям, лордам и леди, джентльменам и дамам, кои пожелают прочесть или послушать о славной и благородной жизни этого великого завоевателя и превосходного короля Артура, некогда правившего нашей страной, прозывавшейся в те дни Британией, я, Вильям Кэкстон, простой человек, предлагаю всеобщему вниманию сию книгу, которую я отпечатал и которая толкует о благородных деяниях, подвигах воинской славы, рыцарства, доблести, человеколюбия, мужества, любви, галантности и подлинного великодушия, равно как о многих удивительных историях и приключениях.

ПОВЕСТЬ
О КОРОЛЕ АРТУРЕ





I

ПЕРВОЕ — КАК УТЕР ПЕНДРАГОН ПОСЛАЛ ЗА КОРНУЭЛЬСКИМ ГЕРЦОГОМ И ЖЕНОЙ ЕГО ИГРЕЙНОЙ И О ИХ ВНЕЗАПНОМ ОТБЫТИИ

Chapter I.

СЛУЧИЛОСЬ так во времена Утера Пендрагона[1], когда он был королем и властвовал над всей Английской землей, что жил тогда в Корнуэлле могучий герцог, который вел с ним долгую войну, а звался тот герцог герцогом Тинтагильским. Раз послал король Утер за этим герцогом и повелел ему явиться и привезти с собой жену, ибо о ней говорили, что она прекрасна собой и замечательно мудра, звали же ее Игрейна.

И когда герцог со своей женой предстали перед королем, то стараниями баронов примирились они друг с другом. Королю очень приглянулась и полюбилась та женщина, и он приветствовал их и принял у себя с чрезвычайным радушием и пожелал возлечь с нею, но она была женщина весьма добродетельная и не уступила королю. И тогда сказала она герцогу[2], своему мужу:

— Видно нас пригласили сюда, чтобы меня обесчестить. А потому, супруг мой, прошу вас, давайте сей же час уедем отсюда, тогда мы за ночь успеем доскакать до нашего замка.

Как она сказала, так они и сделали, и отбыли тайно, и ни сам король, и никто из его приближенных не подозревал об их отъезде.

Но как только король Утер узнал об их столь внезапном отъезде, разгневался он ужасно; он призвал к себе своих тайных советников и поведал им о внезапном отъезде герцога с женою. И они посоветовали королю послать за герцогом и его женою и велеть ему вернуться ради неотложного дела.

— Если же не возвратится он по вашему зову, тогда вы вольны поступать, как вам вздумается, у вас будет повод пойти на него сокрушительной войной.

Так и было сделано, и посланцы воротились с ответом, а ответ его был, вкоротке, тот, что ни сам он, ни жена его к нему не приедут. Сильно разгневался король и послал снова к герцогу и прямо объявил ему, чтобы он снаряжался и готовился к осаде, ибо не пройдет и сорока дней, как он, король, доберется до него, затворись он хоть в крепчайшем из своих замков.

Услышав такие угрозы, поехал герцог и подготовил и укрепил два своих самых больших замка, из коих один именовался Тинтагиль, а второй Террабиль [3]. Потом жену свою Игрейну поместил он в замке Тинтагильском, сам же засел в замке Террабильском, из которого вело много боковых и потайных выходов наружу. И вот в великой поспешности подошел Утер с большим войском и обложил замок Террабиль и разбил вокруг множество шатров. Было там большое сражение, и много народу полегло и с той и с этой стороны.

Но вскоре от ярости и от великой любви к прекрасной Игрейне занемог король. И пришел к королю Утеру сэр Ульфиус, благородный рыцарь, и спрашивал его, откуда его болезнь.

— Я скажу тебе,— отвечал король.— Я болен от ярости и от любви к прекрасной Игрейне, от которой нет мне исцеления.

— Тогда, господин мой,— сказал сэр Ульфиус,— я пойду и сыщу Мерлина [4], дабы он исцелил вас и принес утешение вашему сердцу.

Отправился Ульфиус на поиски и по воле счастливого случая повстречал Мерлина в нищенских отрепьях, и спросил его Мерлин, кого он ищет, а тот ответил, что нужды нет ему знать.

— Ну что ж,— сказал Мерлин.— Я-то знаю, кого ты ищешь,— ты ищешь Мерлина; и потому не ищи более, ибо это я. И если король Утер хорошо наградит меня, и поклянется исполнить мое желание, отчего больше пользы и славы будет ему, нежели мне, тогда я сделаю так, что и его желание целиком сбудется.

— За это я могу поручиться,— сказал Ульфиус,— чего бы ты ни пожелал, в разумных пределах, твое желание будет удовлетворено.

— Тогда,— сказал Мерлин,— он получит то, к чему стремится и чего желает, а потому,— сказал Мерлин,— скачи своей дорогой, ибо я прибуду скоро вслед за тобой.



КАК УТЕР ПЕНДРАГОН ПОШЕЛ ВОЙНОЙ НА КОРНУЭЛЬСКОГО ГЕРЦОГА И КАК СОДЕЙСТВИЕМ МЕРЛИНА ОН ВОЗЛЕГ С ГЕРЦОГИНЕЙ И ЗАЧАЛ АРТУРА

Возрадовался Ульфиус и во весь опор поскакал назад и, представ перед королем Утером Пендрагоном, поведал ему о встрече с Мерлином.

— Где же он? — спросил король.

— Сэр,— отвечал Ульфиус,— он не замедлит явиться.

Глядит Ульфиус, а уж Мерлин стоит у входа в шатер. Пригласили Мерлина приблизиться к королю. И сказал ему король Утер: «Добро пожаловать».

— Сэр,— сказал Мерлин,— мне ведомы все тайники вашего сердца. И потому, если вы поклянетесь мне, что, как есть вы истинный король, помазанник божий, вы исполните мое желание, тогда и ваше желание сбудется. Поклялся король на четырех Евангелиях.

— Сэр,— сказал Мерлин,— вот мое желание: в первую ночь, которую проведете вы с Игрейной, будет вами зачато дитя, и когда родится оно, отдайте его мне, дабы я мог вскормить его по своему усмотрению, ибо вам это будет во славу, а младенцу на пользу, если только окажется он ее достоин.

— Я согласен,— молвил король,— пусть будет по твоему желанию.

— Тогда готовьтесь,— сказал Мерлин.— Сегодня же ночью возляжете вы с Игрейной в замке Тинтагиль. Видом будете вы как герцог, ее супруг, Ульфиус примет облик сэра Брастиаса, одного из рыцарей герцога, я же обернусь рыцарем по имени Иордан, тоже одним из герцогских рыцарей. Но смотрите, задавайте поменьше вопросов ей и ее людям, скажите лишь, что вы больны, и поспешите лечь в постель, да не вставайте поутру, покуда я не приду за вами, ведь Тинтагильский замок отсюда не далее, как в десяти милях.

Как они задумали, так все и было сделано. Но герцог Тинтагильский заметил, как отъезжали они из-под стен замка Террабиль. И тогда под покровом ночи выбрался он через боковой ход из замка, дабы внести смятение в королевское войско, и в этой вылазке сам герцог был убит, прежде даже, нежели король успел доехать до замка Тинтагиль. Так, уже после кончины герцога, возлежал король Утер с Игрейной, три с лишним часа спустя после его кончины, и зачал король в ту ночь Артура[5]; а утром, еще до света, вошел к королю Мерлин и возвестил, что настал срок, и король поцеловал прекрасную Игрейну и с великой поспешностью удалился. Когда же услышала леди Игрейна весть о кончине герцога, ее супруга,— что был он, по всем рассказам, убит еще прежде, чем возлег с нею король Утер, подивилась она тому, кто бы это мог быть, взошедший к ней в обличии ее господина? И она горевала втайне, но хранила молчание.

А между тем собрались все бароны и стали молить короля, чтобы был положен конец распре между ним и леди Игрейной. Король дал им на то свое соизволение, ибо он рад был бы с нею примириться; возложил он все свое доверие на Ульфиуса, дабы был тот между ними посредником. И вот, наконец, стараниями посредника помирился с нею король.

— Ну, теперь-то все уладится,— сказал Ульфиус.— Наш король — моло-

дой и полный сил рыцарь, а супруги не имеет, леди же Игрейна прекрасна собой; нам всем была бы превеликая радость, если бы король соблаговолил взять ее себе в королевы.

Все сразу на то согласились и с тем вошли к королю. А он, будучи и впрямь молодым и полным сил рыцарем, в сей же миг с веселым сердцем явил на то свое изволение, и в то же утро с великой поспешностью сыграли они свадьбу, и не было конца радости и веселью.

Тогда же и Лот, король Лоутеана[6] и Оркнея, повенчался с Моргаузой, что стала матерью Гавейна, а король Нантрес, из земли Гарлот, обвенчался с Элейной — и все это было сделано по желанию короля Утера. А третья сестра — Фея Моргана[7] — была отдана на воспитание в обитель, и там обучилась она столь многому, что ей стали ведомы все тайны черной магии. Потом она обвенчалась с королем земли Гоор Уриенсом, отцом сэра Ивейна Белорукого.



О РОЖДЕНИИ КОРОЛЯ АРТУРА И О ЕГО ВОСПИТАНИИ, И О СМЕРТИ КОРОЛЯ УТЕРА ПЕНДРАГОНА, И КАК АРТУР БЫЛ ИЗБРАН КОРОЛЕМ, И О ДИВНОМ, ЧУДЕСНОМ МЕЧЕ, ИЗВЛЕЧЕННОМ ИЗ КАМНЯ ПОМЯНУТЫМ АРТУРОМ

А между тем королева Игрейна день ото дня все тяжелела и тяжелела. И случилось через полгода, что король Утер, лежа подле своей королевы, стал вопрошать ее во имя правдивости, каковой обязана она своему супругу, чье дитя носит она в своем теле. Королева же в горьком замешательстве не ведала, как отвечать ей.

— Не бойтесь ничего,— сказал король,— и поведайте мне истину. Жизнью клянусь, я еще больше буду любить вас за это!

— Сэр,— отвечала она.— Я скажу вам всю правду. В ту ночь, когда был убит мой супруг, в самый час его кончины, как о том поведали нам его рыцари, пришел ко мне в замок Тинтагиль муж, лицом и речью подобный моему супругу, и с ним двое в обличии двух герцогских рыцарей — Брастиаса и Иордана; и я легла с ним, как подобало супруге, и вот, как буду я держать ответ перед богом, в ту самую ночь и было зачато это дитя.

— Правду вы говорите,— молвил король.— Ведь это я сам взошел к вам в его обличии. И потому не бойтесь, ибо отец этого ребенка — я.

И он поведал ей, как все это было сделано по наущению Мерлина. Сильно возрадовалась королева, когда узнала, кто отец ее ребенка.

В скором времени пришел к королю Мерлин и говорит:

— Сэр, вам надлежит позаботиться о том, как будет вскормлено ваше дитя.

— Как тебе угодно,— отвечал король,— так пусть и будет.

— Хорошо,— сказал Мерлин.— Я знаю одного барона в вашей земле, он человек очень честный и преданный, и ему будет поручено воспитать ваше дитя. Имя его — сэр Эктор, ему принадлежат прекрасные владения по

всей Англии и Уэльсу. Пусть же пошлют за этим бароном, дабы он предстал перед вами для беседы, и вы сами выскажите ему свою волю,— пусть он, во имя любви его к вам, отдаст свое дитя вскармливать чужой женщине. ваше же дитя пусть вскормит его жена. Когда родится это дитя, повелите отдать его мне тайно через задний замковый выход некрещенным.

Как Мерлин сказал, так все и было сделано. Когда прибыл в замок сэр Эктор, он обещал королю вскормить дитя, как того желал король, и король пожаловал его многими дарами. Когда же разрешилась королева от бремени, король повелел двум рыцарям и двум дамам взять дитя и запеленать его в золотое полотнище. «И отдайте его первому нищему, что встретится вам у задних ворот замка». Так передано было дитя Мерлину, а тот отнес его к сэру Эктору, окрестив у святого отца и нарекши его Артуром. И жена сэра Эктора вскормила его своей грудью.

По прошествии же двух лет слег король Утер в жестокой болезни. Тогда недруги его вторглись в его владения, затеяли великую войну с его войском и многих из его людей перебили.

— Сэр,— сказал ему Мерлин,— не должно вам лежать тут, как вы лежите, место ваше — на поле брани, пусть даже отвезут вас туда в повозке. Ибо никогда вам не одолеть врага, если сами вы при этом не будете, а появитесь там, то будет победа за вами.

Как Мерлин сказал, так и было сделано. Повезли короля недужным навстречу врагу в повозке[8], а с ним пошло великое войско, и под Сент-Альбансом сошлись его воины с великим воинством Севера. В тот день сэр Ульфиус и сэр Брастиас свершили великие подвиги, и одолели воины короля Утера северное воинство, многих перебили, остальных же обратили в бегство. И тогда воротился король Утер в Лондон и предался великой радости.

Но спустя немного времени занемог он еще пуще прежнего и три дня и три ночи пролежал, не вымолвив ни единого слова. Тогда сильно опечалились все бароны и просили Мерлина, чтобы дал он наилучший совет.

— Тут нет иного исцеления,— отвечал Мерлин,— как только положиться на волю божию. Но смотрите, соберитесь все бароны пред королем Утером завтра поутру, и по изволению божиему и моему желанию он заговорит.

И вот наутро все бароны вместе с Мерлином явились к королю. И громко вопросил Мерлин короля Утера:

— Сэр, быть ли вашему сыну Артуру после вас королем над этой страной со всеми ее владениями?

Тут повернулся Утер Пендрагон и молвил во всеуслышание:

— Даю ему божье благословение и мое, пусть молится за упокой моей души и пусть по чести и по праву требует себе мою корону, иначе же нет ему моего благословения.

И с теми словами испустил он дух. Похоронили его, как подобало королю, а королева, прекрасная Игрейна, сильно убивалась, и с нею все бароны. После этого долгое время пребывало то королевство в великой опасности, ибо каждый властитель, у кого было довольно войска, собирался с силами, и немало кто чаял стать королем. Тогда Мерлин отправился к епископу Кентерберийскому и научил его послать за всеми баронами королевства и за всеми рыцарями, дабы под страхом проклятья собрались они к Рождест-

ву в Лондоне, затем, что Иисус, в ту ночь рожденный, по великой милости своей, быть может, явит им чудо, ибо как сам он был царем над людьми, так чудо его укажет, кому по праву царствовать над этой страной. И по наущению Мерлина послал архиепископ Кентерберийский за всеми баронами и рыцарями и велел, чтобы в канун Рождества явились они все в Лондон; и многие из них получили перед тем отпущение грехов, дабы молитвы их были угоднее господу.

И вот, в величайшей из церквей Лондона — был ли то собор Святого Павла [9], во Французской Книге [10] не говорится,— задолго до наступления дня все сословия королевства собрались на молитву. И когда отошла заутреня и ранняя обедня, вдруг узрели люди во дворе храма против главного алтаря большой камень о четырех углах, подобный мраморному надгробью, посредине на нем — будто стальная наковальня в фут вышиной, а под ней — чудный меч обнаженный и вкруг него золотые письмена: *Кто вытащит сей меч из-под наковальни, тот и есть по праву рождения король над всей землей английской.*

Подивились люди и поведали о том архиепископу.

— Повелеваю вам,— сказал архиепископ,— оставаться всем во храме и молиться богу; пусть ни один не коснется меча, покуда не будет завершена торжественная обедня.

Когда же окончилась служба, все лорды вышли подивиться на камень и на меч. И когда узрели они письмена, попытались иные, кто хотел стать королем, но ни один не сдвинул, не шелохнул меча.

— Нет среди вас того,— молвил архиепископ,— кто добудет этот меч, но отриньте сомнения, бог укажет его. Однако вот мой совет,— молвил архиепископ,— поставим здесь десять рыцарей, мужей доброй славы, и поручим им охранять сей меч.

Так и было сделано, и возвестили повсюду, чтобы всякий, кто пожелает, приходил и пытался выдернуть меч из-под наковальни. В день же Нового Года устроили бароны турнир с поединками [11], дабы все рыцари, кто желал сразиться и явить свое искусство, могли на нем выступить. А задумано все это было затем, чтобы съехались все лорды и собрался простой люд, ибо архиепископ уповал на то, что бог откроет, кому владеть мечом.

И вот в день Нового Года, когда отслужили службу, бароны выехали на поле, иные — сразиться в поединке, иные — погарцевать и явить свое искусство. Случилось так, что приехал на турнир и сэр Эктор, у которого были в окрестностях Лондона обширные владения, а с ним его сын сэр Кэй и юный Артур, приходившийся тому молочным братом. Перед тем незадолго, в день Всех Святых [12], сэр Кэй посвящен был в рыцари. Но когда направлялись они на турнирное поле, хватился сэр Кэй своего меча — он оставил его в отчем доме,— и просил он юного Артура съездить за его мечом.

— Хорошо, я поеду с превеликой охотою,— молвил Артур и во весь опор поскакал за мечом.

Когда же прискакал он домой, оказалось, что госпожа со всей челядью отправилась смотреть турнир. Разгневался тогда Артур и сказал себе: «Поскачу на церковный двор и возьму меч, что застрял между камнем и наковальней, не допущу, чтобы брат мой сэр Кэй был без меча в такой день».

Вот, прискакав на церковный двор, спешился Артур и привязал коня к ограде, потом пошел к сторожевому шатру, но рыцарей там не было, ибо все отправились на турнир. Тогда, ухватив меч за рукоять, одним быстрым могучим рывком выдернул он его из камня, сел на коня и поскакал своей дорогой, и, подъехав к брату своему, сэру Кэю, отдал ему меч.

Сэр Кэй только взглянул, тотчас узнал тот самый меч, что торчал в камне, и поскакал он к отцу своему сэру Эктору и сказал ему:

— Смотрите, сэр, вот меч, что торчал в том камне, и потому быть мне королем над этой страною.

Когда узрел сэр Эктор тот меч, повернулся он и поскакал к церкви, там спешились они все трое, вошли в храм, и он повелел сэру Кэю поклясться на книге[13] и ответствовать, как добыл он тот меч.

— Сэр,— отвечал сэр Кэй,— это брат мой Артур принес его мне.

— А как вы добыли сей меч? — вопросил сэр Эктор Артура.

— Сэр, я поведаю вам. Когда я вернулся домой за мечом моего брата, я не застал там никого, и некому было дать мне меч. И подумал я, что не быть же брату моему сэру Кэю без меча, и, поспешив сюда, выдернул сей меч из камня безо всякого труда.

— А не нашли вы тут рыцарей при мече? — спросил сэр Эктор.

— Нет,— отвечал Артур.

— Ну,— сказал тогда сэр Эктор Артуру,— вижу я, что быть вам королем над этой землей.

— Почему же именно мне? — удивился Артур.— Какая на то причина?

— Причина та, что так хочет бог,— сказал сэр Эктор.— Ибо только тому человеку дано было вытащить сей меч, кто будет законным королем над этой страной. А теперь посмотрим, сможете ли вы засунуть его обратно, туда, где он был, и вытащить еще раз.

— Дело немудреное,— молвил Артур и снова засунул меч под наковальню. Попробовал вытянуть его сэр Эктор, но тщетно.



КАК КОРОЛЬ АРТУР НЕСКОЛЬКО РАЗ ВЫТАЩИЛ МЕЧ

❧ — Попытайтесь и вы,— сказал он сэру Кэю. Потянул тот изо всей силы, но и ему не дано было преуспеть.

— Ну, а теперь тащите вы,— сказал сэр Эктор Артуру.

— Охотно,— отвечал Артур и вытащил меч с легкостию.

Тут опустился сэр Эктор на колени, а с ним и сэр Кэй.

— Увы мне! — вскричал Артур.— Возлюбленный мой отец и милый брат, почему стоите вы на коленях предо мною?

— Нет, нет, господин мой Артур. Я никогда не был вам отцом, ни кровным родичем, но вижу, что вы еще выше родом, нежели я о вас думал.

И поведал ему сэр Эктор обо всем — как взял он его на воспитание и по чьей воле и как принял он его на руки от Мерлина.

Сильно опечалился Артур, когда узнал, что сэр Эктор ему не отец.

— Сэр,— молвил сэр Эктор Артуру,— соизволите ли вы быть мне добрым и милостивым господином, когда станете королем?
— А иначе позор был бы мне,— ответствовал Артур,— ибо вы — человек, которому я больше всего на свете обязан, вам и моей прекрасной госпоже и матери, вашей жене, что вскормила и вырастила меня, как родного сына. И если будет на то божия воля, чтобы стать мне королем, как вы говорите, тогда скажите лишь, чего пожелаете вы от меня, и все вам будет. Не допустит бог, чтобы не исполнил я вашего желания.
— Сэр,— сказал сэр Эктор,— лишь об одном прошу у вас: сделайте сына моего, вашего молочного брата сэра Кэя, сенешалем всех ваших владений.
— Быть по сему,— отвечал Артур.— И более того, жизнью своей клянусь, что иному никому не достанется эта должность, покуда мы оба живы.
Тут отправились они к архиепископу и поведали ему, как извлечен был меч и кем. А в день Крещения Господня [14] собрались туда все бароны, дабы еще раз попытаться, кто пожелает, вытащить меч, и перед лицом их всех одному лишь Артуру удалось его вытащить. Многие лорды тут разгневались и говорили, что позор превеликий им и всему королевству, если будет ими править худородный юнец. И такая тут разгорелась распря, что решено было отложить дело до Сретения Господня [15], а тогда всем баронам съехаться снова, до той же поры отрядили десять рыцарей денно и нощно сторожить меч, разбили шатер над камнем и мечом и по пятеро стояли стражей.
На Сретение Господне съехалось туда великое множество баронов, и каждый пытался вытащить меч, но ни один не преуспел. Артур же и на Сретение, как и на Рождество, извлек тот меч с легкостию, отчего бароны еще пуще разгневались и отложили все дело до великого праздника Пасхи. Но, как преуспел Артур доселе, так было и на Пасху. Однако иные среди могучих лордов негодовали, что королем быть Артуру, и снова отложили решение до праздника Пятидесятницы [16]. Тогда архиепископ Кентерберийский, по наущению Мерлина, повелел собрать лучших рыцарей, каких только можно было, и тех рыцарей, кого больше всех любил Утер Пендрагон и кому он больше всех в свои дни доверял. И приставлены были к Артуру такие рыцари, как сэр Бодуин Бретонский, сэр Кэй, сэр Ульфиус, сэр Брастиас,— и все они, а с ними и многие иные денно и нощно пребывали при Артуре до самого праздника Пятидесятницы.



КАК КОРОЛЬ АРТУР БЫЛ КОРОНОВАН И РАСПРЕДЕЛИЛ ДОЛЖНОСТИ

На праздник Пятидесятницы многие мужи разных сословий изъявили охоту вытащить тот меч, но ни один не сумел, кроме Артура, он же снова извлек его на глазах у лордов и народа. И тогда весь народ закричал единогласно:
— Желаем Артура себе в короли! Не допустим, чтобы и дальше медлили с решением, ибо все видят: на то божия воля, чтобы быть ему нашим королем. А кто против, убьем того.
Тут пали все на колени, и богатые и неимущие, и возопили: «Смилуйся, Артур, прости, что не признавали тебя так долго!» Артур простил их и,

взявши меч обеими руками, склонил его пред алтарем, где стоял архиепископ. Так был он возведен в рыцари достойнейшим из бывших там мужей. Вслед за тем была устроена коронация, и там поклялся он своим лордам и общинам[17] быть им настоящим королем и стоять за истинную справедливость отныне и до конца дней своих. Тогда же повелел он, чтобы все лорды, державшие владения от короны, приблизились к нему и оказали ему почести, какие подобало. Потом выслушал сэр Артур многие жалобы на великие обиды, учиненные по смерти короля Утера всем тем лордам, рыцарям, дамам и джентльменам, что лишились своих земель. И повелел король Артур, чтобы отданы были все земли и владения обратно тем, кому они принадлежали.

Когда же распорядился король и установил порядок во всех землях, прилежащих к Лондону, то назначил он сэра Кэя сенешалем[18] Англии, сэра Бодуина Бретонского коннетаблем[19], сэра Ульфиуса сделал он правителем своего двора, а сэра Брастиаса отрядил во главе войска охранять границы королевства к северу от Трента, ибо в той стороне обитали тогда главные враги короля. Но по прошествии немногих лет овладел король Артур всем Севером, Шотландией и всеми, кто был у нее в подчинении, а также и Уэльсом, где иные тоже стояли за его недругов, но он одолел их всех, равно как и остальных, через благородную доблесть свою и своих рыцарей Круглого Стола.



КАК КОРОЛЬ АРТУР УСТРОИЛ НА ПЯТИДЕСЯТНИЦУ В УЭЛЬСЕ ВЕЛИКОЕ ПРАЗДНЕСТВО И КАКИЕ КОРОЛИ И ЛОРДЫ ПРИБЫЛИ НА ТО ПРАЗДНЕСТВО

После этого перебрался король в Уэльс и распорядился возвестить о великом празднестве, что устроит он на Пятидесятницу после того, как будет он коронован в городе Карлионе[20]. На это празднество прибыл Лот, король Лоутеана и Оркнея, а с ним пятьсот рыцарей; прибыл также на праздник и Уриенс, король земли Гоор, и с ним четыреста рыцарей; и прибыл король Гарлота Нантрес и с ним семьсот рыцарей; прибыл также на это празднество король Шотландии с шестьюстами рыцарями, хоть и был он еще молод. И еще прибыл один король, который именовался Король-с-Сотней-Рыцарей, но, впрочем, было и у него самого и у его людей прекрасное оружие и во всем полное снаряжение; и еще прибыл король Карадос и с ним пятьсот рыцарей.

Порадовался король Артур их приезду, ибо думал, что короли и рыцари прибыли от великой к нему любви и чтобы воздать ему на пиру почести; и потому возвеселился король Артур и послал королям и рыцарям щедрые дары. Но короли даров не приняли и послов выгнали с позором, говоря: что нам за радость принимать подарки от безбородого юнца, который низок рождением? — и повелели сказать ему, что им от него подарков не на-

добно, что они сами приехали его одарить — крепким мечом между шеей и плечами; так и велели ему передать, что затем они сюда и приехали, ибо позор им всем великий, если такой юнец будет править столь славным королевством. С тем ответом послы и удалились и королю Артуру его пересказали, и тогда по совету своих баронов он удалился с пятьюстами людей и засел в крепкой башне. А короли обложили ту башню и начали осаду, но у короля Артура припасов было довольно.

На пятнадцатый день явился среди людей Мерлин в городе Карлионе. Сильно обрадовались короли Мерлину и спрашивали его:

— Какая тому причина, чтобы стать этому юнцу Артуру нашим королем?

— Сэры,— отвечал Мерлин.— Я поведаю вам причину: он — сын короля Утера Пендрагона, рожденный в браке и зачатый Игрейной, женой герцога Тинтагильского.

— Но тогда он ему незаконный сын,— сказали все.

— О нет,— сказал Мерлин,— был Артур зачат после смерти герцога, спустя более трех часов, а на тринадцатый день после этого Утер обвенчался с Игрейной, и тем доказываю я вам, что он — законный Утеров отпрыск. И кто бы ни спорил, ни возражал, все равно он будет королем, всех врагов своих одолеет и прежде, чем умереть ему, долго будет царствовать над всею Англией, и будут в подчинении у него Уэльс, Ирландия, Шотландия и еще столько королевств, что мне сейчас и не счесть.

Подивились словам Мерлина иные короли и рассудили: быть по его слову; но нашлись там и такие, как король Лот, что принялись над ним смеяться и потешаться, а многие стали поносить его, называя чародеем. Но на одном порешили они с Мерлином — чтобы король Артур вышел к ним и говорил с королями, а в том, что придет и уйдет он целым и невредимым, дали они Мерлину свои зароки. Пошел он к королю Артуру, поведал ему об этом уговоре и так наставлял его:

— Не опасайтесь ничего, сэр, но смело выходите и говорите с ними: и не щадите их, отвечайте им, как и подобает их королю и повелителю, ибо все равно возьмете вы над ними верх, хотят они того или нет.



О ПЕРВОМ СРАЖЕНИИ, КОТОРОЕ ВЕЛ КОРОЛЬ АРТУР, И КАК ОН ОДЕРЖАЛ ПОБЕДУ ❧ И вот вышел король Артур из башни, а под плащом была у него надета кольчуга двойного плетения, и с ним вышел архиепископ Кентерберийский, и сэр Бодуин Бретонский, и сэр Кэй, и сэр Брастиас; все эти мужи достойнейшие были с ним. Когда сошлись они, то никто не явил робости, и сказаны были горячие речи и той, и другой стороной, король же Артур отвечал им и говорил, что если будет он жив, то все равно заставит их преклониться, и потому они все в гневе удалились. «Берегитесь же!» — сказал им король Артур, и они тоже сказали королю: «Берегитесь!». А король возвратился в свою башню и вооружился и вооружил своих рыцарей.

— Что станете вы делать? — спросил Мерлин королей.— Одумайтесь лучше, ибо вам здесь не победить, будь вас хоть десять раз столько.

— Разве подобает нам бояться какого-то толкователя снов? — воскликнул король Лот.

Тут Мерлин исчез и, явившись к королю Артуру, стал советовать ему, чтобы обрушился он на них со всей мощью. А между тем триста воинов из лучших, что были у королей, не долго думая перешли на сторону Артура, и это сильно его порадовало.

— Сэр,— сказал Мерлин Артуру,— не пускайте в ход тот меч, что достался вам чудом божиим, покуда не увидите, что дело совсем плохо. А тогда обнажите его и бейтесь, что есть мочи.

И вот напал король Артур на них в их лагере, и сэр Бодуин, сэр Кэй и сэр Брастиас разили врагов направо и налево так, что дивно было смотреть, а впереди на коне всегда был король Артур с мечом в руках, и столько свершил он бранных подвигов, что многие короли возрадовались его ловкости и отваге. Но тут сзади пробился король Лот, а с ним Король-с-Сотней-Рыцарей и король Карадос, и яростно напали они на Артура с тыла.

Повернулся сэр Артур вместе с рыцарями своими и разил всех кругом, и все время был сэр Артур первым в самой гуще битвы, покуда не убили под ним коня. Тут размахнулся король Лот и поверг наземь короля Артура. Но четыре рыцаря подхватили его и посадили на другого коня. И тогда вытащил он свой меч Экскалибур[21], и заблистал он в глазах врагов его ярче тридцати факелов. И обратились они в бегство, и многие были перебиты. А тут поднялся простой люд Карлиона с дубинами и дрекольем и перебил многих рыцарей; короли же держались все вместе с теми из рыцарей, кто остался в живых, и так они бежали и скрылись. И пришел к Артуру Мерлин и дал ему совет их далее не преследовать.



КАК МЕРЛИН НАУЧИЛ КОРОЛЯ АРТУРА ПОСЛАТЬ ЗА КОРОЛЕМ БАНОМ И КОРОЛЕМ БОРСОМ И О ТОМ, КАКОЙ ОНИ ЕМУ ДАЛИ ВОЕННЫЙ СОВЕТ ❧ Король Артур устроил пир, а потом отправился в путь и прибыл в Лондон. Сюда, по совету Мерлина, созвал король своих баронов, ибо Мерлин предупредил его, что шестеро королей, против него воевавшие, не замедлят пойти войной на него и на его земли. Стал король спрашивать у баронов совета. Никакого совета они ему не дали, сказали лишь, что сил у них довольно.

— Хорошо сказано,— молвил Артур.— Я благодарю вас за вашу храбрость. Но, может быть, вы все, кто любите меня, спросите совета у Мерлина? Ведь вам ведомо, как много он для меня сделал и как много всего знает. Когда увидите его перед собою, то поклонитесь ему челом и попросите, чтобы дал наилучший совет.

Все бароны согласились поклониться ему и просить его совета. И вот послали за Мерлином, и все бароны просили его, чтобы дал им наилучший совет.

— Вот что скажу я вам,— ответил им Мерлин.— Остерегитесь: враги ваши весьма сильны, и искуснее бойцов еще на свете не бывало. Они привлекли сейчас на свою сторону еще четырех королей и одного могущественного герцога, и если не пойдет за нашим королем рыцарство многочисленнее, нежели можно набрать в пределах сего королевства, и не станет сражаться на его стороне, то будет он побежден и убит.

— Что же тогда нам делать? — вопрошали все бароны.

— Вот какой я дам вам совет,— сказал Мерлин.— Живут за морем два брата, оба короли и оба искусные воины. Одного из них зовут Бан, король Бенвика, другого же Борс, король Галлии, иначе сказать, Франции. Против этих двух королей воюет могущественнейший из мужей король Клаудас, между ними распря из-за одного замка, и война у них идет превеликая. Но король Клаудас так богат добром всяким, что с помощью этого богатства привлекает к себе многих превосходных рыцарей и наносит тем двум королям поражения. А посему мой совет таков: пусть наш король и повелитель пошлет к королям Бану и Борсу двух надежных рыцарей с письмами, искусно составленными, и пригласит их явиться [22] ко двору короля Артура и помочь ему в его войнах, а он за это поклянется помочь им в их войнах против короля Клаудаса. Что скажете вы на этот совет?

— Это добрый совет,— сказал Артур.

Тут же с превеликой поспешностью отрядили двух баронов ехать с этим поручением к двум королям, и по желанию короля Артура составлены были письма в любезнейшем духе, а послами были назначены Ульфиус и Брастиас. И отбыли они на добрых конях и в добрых доспехах, как требовал того обычай тех времен [23], и, переехав через море, поскакали они к городу Бенвику. Но неподалеку от Бенвика заметили их восемь рыцарей, подстерегли на узкой дороге и хотели взять в плен. Стали они просить, чтобы те пропустили их, ибо они — посланцы от короля Артура к королям Бану и Борсу.

— Раз так,— сказали те рыцари,— значит вы либо умрете, либо станете пленниками, ибо мы — рыцари короля Клаудаса.

И с теми словами двое из них наставили свои копья на Ульфиуса и Брастиаса, а те тоже наставили копья, и что было силы сшиблись они друг с другом. Сломались копья у рыцарей Клаудаса, вышибли их Ульфиус и Брастиас из седел и повергли наземь и, оставив их лежать, поскакали своей дорогой. Но остальные шестеро рыцарей поспешили вперед, чтобы снова встретиться с ними на узкой дороге. И еще двоих сокрушили Ульфиус и Брастиас и снова поскакали своей дорогой. Так, у четвертого переезда сошлись они двое на двое, но и этих двоих тоже повергли наземь. И не осталось из восьми рыцарей ни одного, кто не получил бы жестоких ран или кровавых ссадин.

Когда же прибыли они в Бенвик, то случилось, по счастью, так, что оба короля, Бан и Борс, были там. Сообщили королям, что прибыли два посланца. В тот же час отправлены были к ним два достойнейших рыцаря, один из них звался Лионс, властитель Палернский, другой — сэр Фарианс, славный рыцарь; и спрашивали Ульфиуса и Брастиаса, откуда они прибыли. Те отвечали, что прибыли от короля Артура, короля земли Англий-

ской. Тут в превеликой радости заключили их рыцари в объятья. Но, ведая, что то — посланцы Артура, не медлили рыцари, а тот же час пошли и доложили королям. Короли приняли их с искренним радушием и объявили, что Артуровы посланцы им дороже всех прочих послов. И тогда, поцеловав письма, они вручили их королям. Когда же короли Бан и Борс узнали, что писано в тех письмах, то оказали им еще больший почет, нежели прежде. И на эти важные письма дали они такой ответ, что исполнят желание короля Артура, и пригласили сэра Ульфиуса и сэра Брастиаса погостить у них, сколько те пожелают, ибо здесь им окажут такое гостеприимство, какое только можно оказать в этих краях. А Ульфиус и Брастиас рассказали им о своем приключении по дороге с восемью рыцарями.

— А! — сказали Бан и Борс,— это наши старые знакомцы. Знал бы я об этом, они бы так легко не отделались.

И были оба рыцаря приняты там с великим почетом, и одарили их дарами, сколько могли они унести, и передали им ответ на словах и на бумаге, что оба короля прибудут к Артуру со всей возможной поспешностью.

Пустились двое рыцарей в обратный путь, переехали через море и, явившись к своему гоподину, поведали ему, как успели они в том деле. Сильно возрадовался Артур и спрашивает:

— Как думаете вы, в какой срок прибудут сюда те два короля?

— Сэр,— отвечали они,— ждите их еще прежде Дня Всех Святых.

Тогда король повелел приготовить великий пир и по всему своему королевству сзывать охотников на турнир с поединками, и назначил быть тому празднеству в День Всех Святых. Время шло, и все было готово и устроено. И вот те два благородных короля прибыли из-за моря и ступили на Английскую землю, а с ними триста рыцарей в полном облачении и вооружении и для мира, а равно и на случай войны. И приняли их по-королевски и повезли к городу Лондону. А в десяти милях от Лондона встретил их Артур, и все так радовались, что и сказать нельзя.

В День Всех Святых на великом пиру восседали три короля в просторном зале, и сэр Кэй-Сенешаль им прислуживал, и сэр Лукан-Дворецкий, сын герцога Корнеуса, и сэр Грифлет из Кардала, по прозвищу Божий Сын,— три эти рыцаря распоряжались всей челядью, какая прислуживала королям. А когда они кончили пировать и вымыли руки, тут стали собираться все рыцари, кто хотел выступить и сразиться на турнире. И было их, когда собрались все охотники, семьсот всадников. Короли Артур, Бан и Борс, а с ними епископ Кентерберийский и сэр Эктор, отец Кэя, восседали под навесом из златотканого полотна, словно под сводами дворцового зала, и с ними благородные дамы — чтобы оттуда видеть, кто отличится на турнире, и по своему суду назвать победителей.

Chapter ix. О БОЛЬШОМ ТУРНИРЕ, КОТОРЫЙ ЗАДАЛИ КОРОЛЬ АРТУР И КОРОЛИ БАН И БОРС, И КАК ОНИ ПЕРЕЕХАЛИ ЧЕРЕЗ МОРЕ ❧ Повелел король Артур и те двое королей разделиться семистам всадникам на две партии. И с одной стороны сражались триста рыцарей из королевств Бенвика и Галлии. Вот выставили они щиты свои, добрые всадники, наставили копья.

И выехал на них первым сэр Грифлет, а навстречу ему — рыцарь по имени Ладинас. И так они яростно друг на друга ринулись, что все воины диву дались, и так отчаянно бились, что щиты у них разлетелись в куски, и кони вместе с всадниками рухнули наземь, и так долго лежали на земле и французский рыцарь и английский, что все уже думали, будто они мертвы. Увидел Лукан-Дворецкий, что сэр Грифлет лежит на земле и не встает, привел ему другого коня, сел тот на коня, и вместе со многими молодыми рыцарями совершили они немало удивительных подвигов.

Потом и сэр Кэй выехал на поле с пятью рыцарями, и вместе они повергли наземь других шестерых. И совершил сэр Кэй в тот день столь много ратных подвигов, достойных изумления, что никто более в тот день так не отличился. А против них выступили Ладинас и Грациан, два французских рыцаря, и тоже явили превосходное искусство, так что все их восхваляли. После того выехал сэр Плацидас, добрый рыцарь, против сэра Кэя и поверг его наземь, и коня и всадника, и тогда разгневался сэр Грифлет, выехал на сэра Плацидаса и с такой силой его поразил, что рухнул тот наземь вместе с конем. А пятеро рыцарей сэра Кэя, завидев, что он лежит, поверженный, разгневались превыше меры и, ринувшись в бой, поразили каждый по рыцарю.

Когда завидели король Артур и два короля гнев и ярость и с той и с другой стороны, поспешили сами они сесть на низкорослых лошадей и повелели возгласить, чтобы все расходились по домам. Разъехались все, поснимали доспехи и отправились к вечерне, а затем к ужину. После ужина вышли три короля в сад и объявили победителями на турнире сэра Кэя, сэра Лукана-Дворецкого, и сэра Грифлета. А затем удалились они держать совет, и с ними Гвенбаус, брат королей Бана и Борса, муж ученый и премудрый, и туда же явились Ульфиус, Брастиас и Мерлин. Долго совещались, а потом пошли спать. Наутро слушали они обедню, потом позавтракали[24], а потом снова удалились держать совет и много судили там и рядили, как им лучше поступить.

Наконец порешили, чтобы Мерлин отправился с печатью короля Бана в перстне к людям его и короля Борса; Грациан же и Плацидас должны возвратиться назад и охранять свои замки и земли, а король Бан Бенвикский и король Борс Галльский все им наказали, что и как устроить. Вот переехали они через море и прибыли в Бенвик. Там народ, увидев перстень с печатью короля Бана и видя Грациана с Плацидасом, принял их с почетом; их спрашивали, как поживают два короля, и от души радовались их благополучию.

И по велению властелинов своих стали снаряжаться воины со всей возможной поспешностью. Всего собралось пятнадцать тысяч, верхами и пеших, и было у них, заботами Мерлина, припасов вдоволь, Грациан же и Плацидас остались на родине — готовиться к обороне и укреплять замки против коварного короля Клаудаса.

Переправился Мерлин через море, и было у них в пути всего вдоволь, и на суше, и на воде. Но как подошли они к берегу моря, Мерлин отослал обратно всех пеших стрелков и взял с собою лишь десять тысяч верхами, все больше бывалых воинов. Он погрузил их на корабли, переехал через море

и высадился на Английском берегу в Дувре. Оттуда, по хитрому своему замыслу, Мерлин повел войско на север, в Бедгрейнский лес по самой потайной дороге и потихоньку расположил его там в долине. Потом поскакал Мерлин к Артуру и двум королям и поведал им обо всем, что он успел, и сильно дивились короли, что сумел человек за столь краткий срок съездить туда и возвратиться. И рассказал им Мерлин про десять тысяч всадников, что стояли, отлично вооруженные, в Бедгрейнском лесу.

Тут не о чем было больше толковать, сели на коней все воины, каких успел собрать до этого король Артур. И с двадцатью тысячами всадников скакал он днем и ночью. А там по Мерлинову указу еще раньше так было заведено, что ни одному вооруженному человеку, ни конному, ни пешему, не было ни проезда, ни прохода по земле по сю сторону Трента, ежели не вез он при себе особого знака от короля Артура, и оттого не смели теперь враги короля Артура там ездить и доглядывать, как ездили раньше.



КАК ОДИННАДЦАТЬ КОРОЛЕЙ СОБРАЛИ ВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ПРОТИВ КОРОЛЯ АРТУРА ❧ По прошествии же недолгого времени прибыли трое королей в Бедгрейнский лес, и нашли там славную дружину, отлично вооруженную, отчего они сильно возвеселились, да и в припасах недостатка у них не было.

Вот как образовалось Северное войско, снаряженное и собранное за обиды шести королей, учинивших распрю в Карлионе. А те шестеро переманили к себе еще пять королей, и теперь собирали своих людей, поклявшись, что — на счастье ли, на го́ре ли — не жить им, покуда не погубят они Артура.

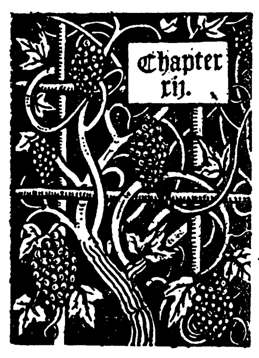
Стали произносить они присягу, и первым говорил герцог Канбенет, что приведет он пять тысяч воинов, вооруженных и верхами. Потом поклялся король Брангорис Странгорский, что приведет пять тысяч воинов верхами. Потом поклялся король Кларенс Нортумберландский, что приведет три тысячи человек. Потом поклялся Король-с-Сотней-Рыцарей, человек превосходных достоинств и молодой, что приведет четыре тысячи добрых воинов верхами. Потом поклялся король Лот, славный рыцарь и отец сэра Гавейна, что он приведет с собой пять тысяч отличных воинов-конников. И еще клялся король Уриенс, отец сэра Ивейна, из земли Гоор, что он приведет шесть тысяч воинов верхами. И король Идрис Корнуэльский поклялся привести пять тысяч верхами. И еще клялся король Крадилманс привести пять тысяч конников. И еще клялся король Ангвисанс Ирландский привести пять тысяч воинов верхами. Еще клялся король Нантрес привести пять тысяч верхами. И король Карадос клялся привести пять тысяч воинов на конях. Так что все их великое войско составляли бывалые воины — верхами полных пятьдесят тысяч, и пеших десять тысяч добрых бойцов[25].

Как только были они все готовы и на конях, высланы были на дорогу передовые всадники-лазутчики. Еще прежде эти одиннадцать королей обложили на своем пути замок Бедгрейн; а теперь отошли из-под замка и пустились навстречу Артуру, оставив лишь немногих, чтобы продолжали осаду, ибо замок Бедгрейн был держанием от короля Артура, и те, кто сидели в нем, были все Артуровы люди.



О СНЕ, ПРИСНИВШЕМСЯ КОРОЛЮ-С-СОТНЕЙ-РЫЦАРЕЙ ❧ Но и Артур, по совету Мерлина, выслал передовой отряд всадников, дабы обследовать местность; и те повстречались с лазутчиками Севера и принудили их открыть, куда движется их войско. Поведали о том королю Артуру, и он, посовещавшись с королями Баном и Борсом, повелел разорять и выжигать всю местность, по какой предстояло им ехать.

Между тем Королю-с-Сотней-Рыцарей привиделся за два дня до битвы дивный сон: будто подул ветер великий и обрушил их замки и города, а затем нахлынула вода и прочь унесла все обломки. И все, кто ни слышал о том сновидении, говорили, что оно предвещает великую битву. Между тем, прознав, каким путем поедут одиннадцать королей и где станут в ту ночь лагерем, Артуровы люди, по наущению Мерлина, в полночь напали на них, когда были они в своих шатрах. Но ночной дозор их заметил и поднял клич тревоги: «К оружию, лорды! ибо враги наши подле нас!»



КАК ОДИННАДЦАТЬ КОРОЛЕЙ СО СВОИМ ВОЙСКОМ БИЛИСЬ ПРОТИВ КОРОЛЯ АРТУРА И ЕГО ВОЙСКА И О МНОГИХ ПОДВИГАХ ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ ❧ Тут король Артур и короли Бан и Борс со своими славными и верными рыцарями так яростно на них набросились, что обрушили шатры прямо на их головы. Но и одиннадцать королей явили подвиги мужественной доблести, и пало у них в тот предрассветный час десять тысяч добрых воинов. Но еще предстояли жестокие сражения, ибо у тех оставалось еще пятьдесят тысяч добрых бойцов.

Стало тем временем светать. И говорит Мерлин трем королям: — Теперь делайте, как я вам скажу. Пусть короли Бан и Борс со своими дружинами по десять тысяч человек засядут здесь, в ближнем леске, и притаятся, и пусть останутся там, покуда не разольется свет дня, а до той поры пусть не шелохнутся, пока вы и рыцари ваши будете вести бой с противником. Когда же совсем рассветет, прямо на глазах у него стройте свои полки и готовьтесь к битве и к переходу, и пусть они видят ваше войско, ибо тогда они совсем осмелеют, видя, что

у вас только двадцать тысяч, и не станут задерживать вас с вашим войском.
И сказали трое королей и все бароны, что это Мерлин задумал отлично, и как он говорил, так и было сделано.
И когда рассвело и противные армии смогли увидеть друг друга, Северное войско сильно воспряло духом. Но потом Ульфиусу и Брастиасу отрядили три тысячи воинов, и они напали на тех в узком месте дороги, и всех разили направо и налево, так что диво было смотреть. Когда же одиннадцать королей увидели, сколь немногочислен этот отряд, вершащий такие подвиги, устыдились они и набросились на них с новой силой. Убили под сэром Ульфиусом коня, но он и пеший творил чудеса. Всех яростнее наседали на Ульфиуса герцог Эстанс Канбенетский и король Кларенс Нортумберландский. Но сэр Брастиас, увидев, что товарищу его приходится туго, с такой силой поразил копьем герцога, что сокрушил и коня и всадника. Это увидел король Кларенс, обернулся он против сэра Брастиаса, и такие нанесли они друг другу удары, что рухнули наземь оба: и кони и всадники. И долго пролежали они на земле, оглушенные, а у коней их лопнули поджилки.
Тут подошел сэр Кэй-Сенешаль с шестью товарищами и тоже сражался с великою доблестью. Тогда выехали на бой одиннадцать королей, и были повергнуты наземь вместе с конями Грифлет и Лукан-Дворецкий, сокрушены королем Брангорисом и королем Идрисом и королем Ангвисансом.
Все яростнее и свирепее сражались и та сторона и другая. Когда сэр Кэй увидел, что под сэром Грифлетом нет лошади, устремился он на короля Нантреса, выбил его из седла, а коня его отвел к сэру Грифлету и помог ему подняться в седло. И еще сэр Кэй тем же копьем сокрушил короля Лота и нанес ему жестокую рану. Это увидел Король-с-Сотней-Рыцарей, и ринулся он на сэра Кэя, выбил его из седла, увел его коня и отдал королю Лоту, и он сказал ему на то: «Грамерси» [26]. А сэр Грифлет, увидев, что сер Кэй и сэр Лукан-Дворецкий оба пеши, поднял острое копье, тяжелое и квадратное, и ринулся на Пионеля, славного рыцаря, поверг его вместе с конем наземь, а затем взял его коня и отдал сэру Кэю.
Тут король Лот увидел, что под королем Нантресом нет коня, устремился он тогда на Мелиота де ла Роша, сокрушил всадника вместе с конем, а коня отвел к нему и помог ему подняться в седло. А Король-с-Сотней-Рыцарей, увидав, что пешим бьется король Идрис, бросился на Гвинаса де-Блуа [27], сокрушил его наземь, и коня и всадника, и отдал коня королю Идрису и помог ему сесть в седло. После того король Лот выбил из седла сэра Кларинаса и его коня отдал герцогу Эстансу. И когда все короли снова оказались верхами, съехались они все одиннадцать вместе и говорили между собой, что еще отплатят за урон, нанесенный им в тот день.
Между тем явился на поле битвы король Артур, и лик его был ужасен. Увидел он, что Ульфиус и Брастиас сражаются пешими и гибель грозит им со всех сторон и попирают их яростно конские копыта. Тогда, подобно льву, бросился Артур на короля Северного Уэльса Крадилманса и такой нанес ему удар с левой стороны, что рухнули наземь и конь и всадник. Потом взял он его коня за узду, отвел его к Ульфиусу и молвил:

— Возьми этого коня, мой старый друг, ибо ты сильно нуждаешься в нем.
И сказал ему Ульфиус:
— Грамерси.
После того являл король Артур своим оружием столь чудесные подвиги, что все люди кругом дивились. Но Король-с-Сотней-Рыцарей увидел, что под королем Крадилмансом нет коня, ринулся на сэра Эктора, отца сэра Кэя, сидевшего на добром коне, и вышиб его из седла, а коня отдал тому королю и помог ему усесться верхом. Когда увидел король Артур того короля верхом на коне сэра Эктора, он сильно разгневался и мечом своим нанес королю удар по шлему, так что раскололся шлем сбоку надвое, а также и щит; а меч вонзился в шею коню, и рухнули оба на землю, и конь и всадник. А сэр Кэй выехал против Морганора, сенешаля при Короле-с-Сотней-Рыцарей, сокрушил его наземь вместе с конем, и коня отвел отцу своему сэру Эктору.
Потом сэр Эктор сшибся с рыцарем по имени Ларданс и сокрушил его, а коня отвел сэру Брастиасу, ибо тому, пешему, приходилось худо, со всех сторон его попирали конские копыта. Когда же Брастиас завидел Лукана-Дворецкого лежащим замертво под копытами лошадей — к нему как раз спешил на помощь Грифлет, ибо четырнадцать рыцарей наседали на сэра Лукана,— тут сэр Брастиас ударил одного из них по шлему так, что рассек ему голову по самые зубы, потом направил коня на другого и такой нанес ему удар, что у того рука отлетела прочь, а после того обернулся он против третьего и его поразил в плечо, так что рука вместе с плечом отлетели прочь. А когда сэр Грифлет увидел, что пришла подмога, он поразил одного рыцаря в висок, так что голова в шлеме покатилась на землю; а Грифлет взял его коня, подвел к сэру Лукану и предложил ему подняться в седло и отплатить за свои увечья — и помог ему сесть на коня.



ЕЩЕ О ТОМ ЖЕ СРАЖЕНИИ ❧ Поглядел сэр Лукан и увидел, что король Ангвисанс вот-вот зарубит Мариса де ла Роша; ринулся на него Лукан, подняв острое свое и тяжелое копье, и нанес ему такой удар, что конь рухнул под ним на землю. А еще увидел Лукан, что бьются пешими Белиас Фландрский и сэр Гвинас, два храбрых рыцаря, и в гневе, охватившем его, зарубил Лукан двух молодых рыцарей, а им отдал коней. А битва становилась все яростнее. Но радовался король Артур, что все его люди снова на конях. И стали они биться плечо к плечу так, что шум и звон отдавался по водам и весям. И тогда изготовились короли Бан и Борс, наставили щиты и подтянули доспехи, и с такой смелостью ринулись в бой, что враги их так и затрепетали от ярости. А тем временем сэр Лукан, Гвинас, Бриант и Белиас Фландрский вели жаркий бой против шести королей: короля Лота, короля Нантреса, короля Брангориса, короля Идриса, короля Уриенса и короля Ангвисанса. Когда подоспели к ним на помощь сэр Кэй и сэр Грифлет, стали сильно теснить они шестерых королей, так что у тех едва доставало силы отбиваться. Видит Артур, что конца нет битве. Разъярился он, точно лев, стал носиться

взад и вперед по полю, то направо поворотит коня, то налево, и до той поры не остановился, покуда не сокрушил двадцать рыцарей. И королю Лоту нанес он в плечо жестокую рану и тем принудил его покинуть поле брани. а также и сэр Кэй с сэром Грифлетом совершали, сражаясь подле короля Артура, подвиги великой воинской доблести.

А сэр Ульфиус, Брастиас и сэр Эктор бились против герцога Эстанса и короля Крадилманса, короля Кларенса Нортумберландского и короля Карадоса и Короля-с-Сотней-Рыцарей. И тем кончилась эта схватка шести королей с рыцарями, что пришлось им оставить поле брани. Сильно опечалился король Лот по своим товарищам, а также из-за урона, им понесенного, и сказал он королям:

— Если не сделаем мы, как я тут задумал, то все мы будем убиты и погублены. Пусть поедут со мною Король-с-Сотней-Рыцарей, и король Ангвисанс, и король Идрис, и герцог Канбенет. Будет у нас, у пяти королей, десять тысяч воинов, и мы отойдем с ними, покуда шестеро королей с двенадцатью тысячами станут продолжать бой. А как увидим мы, что вы уже долго бьетесь с ними, мы набросимся на них со свежими силами; ибо иначе никогда не одолеть нам их,— говорил король Лот,— как только так.

Вот разделились они на две части, как было ими задумано, и шестеро королей, собрав все силы, устремились против короля Артура и вели с его войском долгую, жаркую битву.

Но тут вырвались из засады короли Бан и Борс, а передовыми выехали Лионс и Фарианс, и двое этих рыцарей повстречались с королем Идрисом и его дружиной. Завязалась между ними жаркая схватка, много копий было поломано, много щитов расколото, и людей и коней погублено, и начал поддаваться король Идрис, вот-вот одолеют его. Это увидел король Ангвисанс, и вот уже Лионс с Фариансом на самом краю гибели, ибо он наслал на них герцога Канбенета с большой дружиной. Уже гибель грозит им двоим неотвратимо, уже решились они повернуть назад; ведь только чудом избегли они смерти сами и спасли своих людей. Но когда король Борс увидел, что двое его рыцарей обратились в бегство, жестоко опечалился он. И с такими силами ринулся вперед, что полки его чернели за ним тучей, точно разлитое чернильное море. Когда же король Лот завидел короля Борса, он сразу его признал и сказал так:

— Иисус да убережет нас от гибели и ужасных увечий, ибо я хорошо вижу, что великая опасность угрожает нам; ибо вон там вижу я короля, славнейшего из мужей, в чьи полки стремятся лучшие рыцари со всего мира.

— Кто же это? — спросил Король-с-Сотней-Рыцарей.

— Это,— отвечал он,— король Борс Галльский. Удивления достойно, как они попали в нашу страну, а из нас ни один о том не ведал.

— Их научил Мерлин,— молвил один из рыцарей.

— Что до меня,— сказал король Карадос,— то я выступлю навстречу королю Борсу и буду с ним биться, вы же придете мне на подмогу, когда в том будет нужда.

— Да, выступайте,— сказали они,— мы же готовы сделать все возможное.

И король Карадос со своим войском поскакал ровной рысью и приблизился к полкам короля Борса на расстояние полета стрелы из лука. Тут оба вой-

ска пустили коней во весь опор. Блеобрис, крестник короля Борса, вез штандарт своего военачальника; он был рыцарь превосходных достоинств.
— А ну-ка посмотрим,— сказал король Борс,— как-то эти северные бритты владеют оружием?
И съехался король Борс с одним рыцарем и насквозь пронзил его копьем, так что упал тот замертво наземь: а после того обнажил он свой меч и свершал им такие подвиги воинской доблести, что дивились обе стороны. И рыцари его тоже не уронили своей славы. Был повергнут ими король Карадос. Но тогда выехал Король-с-Сотней-Рыцарей и силою своего оружия спас короля Карадоса, ибо он был рыцарь превосходных достоинств и совсем еще молод.



ЕЩЕ О ТОМ ЖЕ СРАЖЕНИИ ❧ Но в это время, свирепый, как лев, выехал на поле брани король Бан, а на щите у него — зеленая полоса и по зеленому — золото.
— О, вот оно что! — промолвил король Лот,— значит, быть нам побежденными, ибо вон там вижу я наидоблестнейшего в мире рыцаря, мужа великой славы, ибо нет на свете других таких двух братьев, как король Бан и король Борс. И потому должны мы неизбежно либо отступить, либо погибнуть, и если не отступим мы мужественно и мудро, останется нам лишь смерть.
Вот вмешались в битву эти два короля, Бан и Борс, и бились они столь яростно, что звон и стук от их ударов отдавался по горам и долам. И заплакал король Лот от жалости и сострадания при виде того, сколь многие добрые рыцари приняли свой конец. Но великая мощь короля Бана принудила оба Северных войска, на какие те разделились, сбиться воедино от сильного страха. А три короля и их рыцари все разили и крушили, так что прежалостно было смотреть и видеть такое множество людей, обратившихся в безоглядное бегство.
Но король Лот и Король-с-Сотней-Рыцарей и король Морганор рыцарственно защищали своих людей и оружием своим вершили чудеса и целый день храбро вели этот отчаянный бой. Увидел Король-с-Сотней-Рыцарей, какой урон чинит им король Бан, стал теснить он его своим конем и ударил сверху по шлему с такой силой, что жестоко его оглушил. Пришел тут король Бан в такую свирепую ярость, что бросился преследовать его вне себя от гнева. Тот видит погоню и, вскинув щит на спину и пришпорив коня, скачет прочь, но удар короля Бана обрушивается на него сзади и откалывает край щита, меч скользит по кольчуге у него вдоль спины, разрубает стальной чепрак и лошадь ровно пополам и вонзается в землю. Высвободил быстро ноги из стремя Король-с-Сотней-Рыцарей и насквозь пронзил своим мечом коня под королем Баном. Тогда и король Бан быстро высвободил ноги из-под мертвого коня и так сильно поразил противника ударом по шлему, что тот рухнул на землю. И еще в порыве гнева сокрушил он короля Морганора, и пало там великое множество добрых рыцарей и простого люда.

Ворвался в гущу битвы король Артур и увидел, что король Бан стоит среди мертвых людей и мертвых коней и бьется пешим, точно яростный лев, так что ни один не отваживается к нему приблизиться настолько, чтобы он мог достать своим мечом. Но и ему нанесен был жестокий удар по шлему, и король Артур сильно о том опечалился. А был король Артур так весь окровавлен, что по щиту никто не признал бы его, ибо щит его и меч были сплошь измазаны кровью и мозгами. Поглядел король Артур вокруг себя и увидел рыцаря на прекрасном коне. Тогда бросился он на него и так ударил по шлему, что прошел меч до зубов, и рухнул рыцарь мертвый наземь. А король Артур взял коня его под уздцы, подвел к королю Бану и молвил:

— Доблестный брат, примите этого коня, ибо у вас в нем великая нужда, и я сокрушаюсь о тяжком уроне, что вы претерпели.

— Он вскорости будет отомщен,— сказал король Бан,— ибо я полагаюсь на бога и верю, что раны мои еще не таковы, чтобы врагам моим не поплатиться жестоко за них.

— На это и я уповаю,— сказал король Артур,— ибо воистину видел подвиги ваши, но меня к тому времени, быть может, не окажется поблизости.

Когда поднялся в седло король Бан, началось тут новое сражение, и было оно жестоким и жарким, и великое произошло кровопролитие. И благодаря мощи своей король Артур, король Бан и король Борс могли распорядиться, чтобы их рыцари спешились и отошли в небольшой лесок через речку; и там отдыхали они, ибо в предыдущую ночь невелик был у них отдых на поле брани. А те одиннадцать королей со своими всадниками и не мыслили отступать; они сбились все вместе в одну кучу, охваченные страхом и лишенные какой-либо надежды. Но одолеть их не мог никто на свете, ибо так крепко стояли они и в передних рядах и позади, что нельзя было к ним подступиться, и дивился король Артур доблести их оружия и разгневался он ужасно.

— О, сэр Артур,— молвили ему король Бан и король Борс,— не вините их, ибо они поступают так, как и подобает добрым мужам. Ибо клянусь верой моею,— сказал король Бан,— они — славнейшие из воинов и рыцари величайшей доблести, каких мы видели когда-либо или слышали о них молву. Эти одиннадцать — достойнейшие из мужей; и будь они на вашей стороне, не сыскалось бы под небесами второго короля, у которого служили бы другие одиннадцать столь славных королей.

— Я не могу любить их,— отвечал король Артур,— ибо они желали моей погибели.

— Про то и нам ведомо,— сказали король Бан и король Борс, — они — ваши смертельные враги, и это доказано было еще прежде. Они и ныне делали свое черное дело, но великого сожаления достойна их злонамеренность.

А одиннадцать королей съехались все вместе. И тогда сказал король Лот:

— Лорды, вам надлежит против прежнего изменить свои действия, а не то ждут вас великие потери: ибо глядите, сколько людей мы уже потеряли и сколь добрых рыцарей мы лишаемся из-за того, что все время охраняем пешие полки; и так выходит, что, спасая одного пешего, мы теряем за него десять конников. А потому совет мой таков: отведем от нас наши пешие полки, ибо близится ночь. И благородный король Артур не станет тратить вре-

мени на пеших стрелков, а они всегда могут спастись: до леса рукой подать. Когда же мы, всадники, соберемся вместе, пусть каждый из вас, королей, даст повеление, чтобы под страхом смерти ни один не покинул рядов. И кто увидит, что рыцарь готовится обратиться в бегство, пусть убьет его, ибо лучше нам убить труса, чем всем из-за труса быть убитым. Что скажете вы? — говорил король Лот.— Пусть каждый король мне ответит!

— Хорошо вы говорили,— сказал король Нантрес. Так сказал и Король-с-Сотней-Рыцарей. То же сказали и король Карадос, а с ним и король Уриенс; так сказали король Идрис и король Брангорис; также и король Крадилманс и герцог Канбенет; то же сказал и король Кларенс, а также и король Ангвисанс, и поклялись, что не предадут друг друга, все равно, жить ли им или погибнуть. И всякий, кто побежит, должен умереть от их руки. Потом починили они свои доспехи, выровняли щиты, взяли новые копья и уперли их каждый в бедро, и так стояли недвижно, точно лес стоячий.



ЕЩЕ О ПОМЯНУТОМ СРАЖЕНИИ, И КАК ЗАВЕРШИЛОСЬ ОНО БЛАГОДАРЯ МЕРЛИНУ ❧ Когда король Артур и короли Бан и Борс увидели их и всех их всадников, воздали они им хвалу за их рыцарское мужество, ибо отважнее бойцов не видали они и рассказов о таких не слыхали. Тут изготовились к бою сорок рыцарей и объявили трем королям, что готовы прорвать вражеские ряды. Имена же их были: Лионс, Фарианс, Ульфиус, Брастиас, Эктор, Кэй, Лукан-Дворецкий, Грифлет Божий Сын, Марис де ла Рош, Гвинас де Блуа, Бриант-Лесовик, Белиас, Морианс из Девичьего Замка, Фландер из Замка Дам, Аннециан, крестник короля Борса, добрый рыцарь, и Ладинас де ла Рус, Эмеранс, Каулас, Грациан-Кастелян, Блойс де ла Кас и сэр Колгреванс Гоорский. Все эти рыцари поскакали вперед, уперев копья каждый в бедро и сильно пришпорив коней. Тогда одиннадцать королей и иные из их рыцарей ринулись им навстречу во весь опор, навесив копья, и были тут свершены славные воинские подвиги и с той стороны и с этой. Но тут ворвались в гущу битвы Артур, Бан и Борс и крушили направо и налево, так что кони их ступали по самые бабки в крови. Но все так же сражались одиннадцать королей с Артуром лицом к лицу. И сильно дивились тому король Бан и Борс, ведь было тут великое побоище; но вот наконец отошли они за малую речку.

Тогда явился Мерлин на большом черном коне и сказал королю Артуру:

— Неуёмен ты. Неужто тебе еще мало? Ныне из шестидесяти тысяч ты разве пятнадцать тысяч оставил в живых. И потому настало время трубить отбой, ибо господь гневается на тебя за твою неуемность. Вон там стоят одиннадцать королей, и тебе сейчас не сломить их, а помедлишь еще немного, то удача твоя от тебя отвернется, их же — будет возрастать. А по-

тому отходите с поля боя и расположитесь на отдых, а добрых ваших рыцарей наградите золотом и серебром, ибо они это заслужили. Нет сокровищ, слишком для них драгоценных, ибо при столь немногочисленном войске, как у вас, никогда еще не свершали люди столь славных подвигов воинской доблести, как вы свершили сегодня: ибо ныне вы бились со славою против лучших бойцов мира.

— Это правда,— сказали короли Бан и Борс.

И тогда обратился Мерлин к ним:

— Уезжайте отсюда, куда хотите, ибо на ближайшие три года я могу поручиться, что они не потревожат вас; а к тому времени вы услышите новые вести.

И сказал Мерлин Артуру:

— Этих одиннадцать королей ожидает более забот, нежели они полагают, ибо в их владениях высадились сарацины, числом более сорока тысяч, и жгут и убивают, они обложили замок Вандесборо и причиняют великие разрушения; а потому в этом году вам нечего их опасаться. А также, сэр, пусть будет разыскана вся добыча, взятая в этом сражении, и, когда вся она окажется в ваших руках, пусть будут щедро наделены ею эти два короля, Бан и Борс, дабы и они могли наградить от этих богатств своих рыцарей; тогда в нужде вашей люди из чужих стран станут с большей охотой приходить к вам на службу. Своих же рыцарей вы можете наградить, когда только ни вздумаете.

— Хорошо сказано,— отвечал Артур,— как ты задумал, так и будет сделано.

Когда передана была добыча королям Бану и Борсу, они наделили добром своих рыцарей с такой же щедростью, с какой и сами были наделены.

А Мерлин распрощался с королем Артуром и с двумя королями, ибо хотел посетить наставника своего Блэза [28], что жил в Нортумберланде. Отправился он и прибыл к своему наставнику, и тот сильно возрадовался его приходу. И поведал он ему о том, как преуспел Артур и двое королей в той великой войне и чем она кончилась, и назвал ему поименно всех королей и славных рыцарей, принимавших в ней участие. Блэз же записал о той войне все слово в слово, что Мерлин ему рассказывал, как она началась и кем была затеяна, а также и чем кончилось и кто одержал верх. И все сражения, что случились в Артуровы дни, наставник Мерлина Блэз с его слов вот так записывал. Также записал он и все поединки, какие вел каждый из славных рыцарей Артурова двора.

После этого Мерлин покинул своего наставника и возвратился к королю Артуру, который находился в замке Бедгрейн, одном из тех замков, что стоят в Шервудском лесу [29]. Наряжен же Мерлин был так, что король Артур его не признал, ибо он был весь укутан в черную овчину, обут в грубые сапоги, за спиною лук со стрелами, поверх плащ грубротканый, и в обеих руках держал по дикому гусю. Было это наутро после Сретения Господня. Артур не признал его.

— Сэр,— сказал Мерлин королю,— пожалуйте меня подарком.

— Зачем же,— спросил король Артур,— должен я делать тебе подарок, мужичина?

— Сэр,— ответил Мерлин,— уж лучше вы отдайте мне в подарок то, чего нет у вас в руках, иначе утратите вы великие богатства. Ибо здесь, в этом самом месте, где велась великая битва, лежит упрятанное в землю бесценное сокровище.
— Кто тебе это сказал, мужичина?
— Сэр, это сказал мне Мерлин,— ответил он.
Тут Ульфиус и Брастиас узнали его и стали смеяться.
— Сэр,— сказали эти два рыцаря,— ведь это Мерлин говорит с вами.
Король Артур тут сильно смутился, и подивился он Мерлиновой хитрости, а равно и короли Бан и Борс. Так он их всех потешил.
Между тем прибыла ко двору благородная девица, герцогская дочь; имя отца ее было Санам, она же звалась Лионора и была прекрасна собою. Прибыла она туда, дабы, как все бароны, оказать почести королю после великой войны. Королю Артуру она очень полюбилась, и он ей тоже, и король возлежал с нею, и зачала она от него и родила сына. Имя ему дали Борр[30], и стал он в последующие годы добрым рыцарем в дружине Круглого Стола.
Потом прошел слух, что король Северного Уэльса Риенс пошел великой войною на короля Лодегранса Камилардского, и разгневался король Артур, ибо он сильно любил его, Риенса же ненавидел, ибо тот во всем шел против него. (А по велению трех королей были отосланы обратно в Бенвик все те, кто желал вернуться из опасения перед королем Клаудасом. И рыцари Фарианс, Аннециан, Грациан и Лионс Палернский возглавили тех, кто должен был охранять владения двух королей.)



КАК КОРОЛЬ АРТУР, КОРОЛЬ БАН И КОРОЛЬ БОРС СПАСЛИ КОРОЛЯ ЛОДЕГРАНСА, И ДРУГИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ❧ И вот король Артур, король Бан и король Борс выступили со своими полками, числом в двадцать тысяч, и на седьмой день прибыли в страну Камилард; там вступились они за короля Лодегранса и многих людей короля Риенса перебили, числом тысяч до десяти, и обратили его в бегство. После того оказал король Лодегранс трем королям почетный прием и благодарил их за великую доброту, что отмстили они за него его недругам.
Тогда-то увидел Артур впервые королеву Гвиневеру, дочь короля страны Камилард, и с тех пор всю жизнь любил ее. Впоследствии обвенчались они, как о том рассказывается в этой книге.
Между тем, коротко говоря, собрались Бан и Борс назад в свою страну, ибо король Клаудас чинил великие опустошения в их землях. И молвил тогда Артур:
— И я поеду с вами.
— Нет,— отвечали они,— сейчас вам не надобно ехать, у вас есть много дел и в этой стране. А потому мы расстанемся. На богатую добычу, что получили мы в этой стране от вас в награду, мы сможем нанять многих добрых рыцарей и отстоять владения наши от коварного короля Клаудаса, и милостию божией, буде возникнет у нас в том нужда, мы можем послать к

вам за подмогой. А буде у вас возникнет нужда, то и вы посылайте за нами, и мы не помедлим, в чем клянемся жизнью.

— Не будет в том нужды,— молвил Мерлин,— чтобы эти два короля снова с войною сюда возвращались; но мне ведомо, что король Артур недолго пробудет в разлуке с вами. Ибо не пройдет и двух лет, как беда подступится к вам, и тогда отмстит он за вас вашим врагам, как вы отмстили за него. А эти одиннадцать королей все погибнут в один день через великую мощь и силу оружия двух доблестных рыцарей,— как о том повествуется впоследствии. Имена их: Балин Свирепый и Балан, брат его, и они добрые рыцари, каких лучше и на свете не бывало.

А теперь обратимся мы к одиннадцати королям, что вернулись в город под названием Сурхот, а был этот город во владениях короля Уриенса. И там отдохнули они и подкрепились, как могли, призвали лекарей, чтобы залечили их раны, и оплакали гибель людей своих. Но тут явился к ним вестник и поведал, что в их земли вторглись люди, не знающие закона, наподобие сарацин, числом в сорок тысяч, что они все предают огню и всех, кого встретят, обрекают гибели без милосердия, и что обложили они замок Вандесборо.

— Увы! — вскричали одиннадцать королей.— За бедствиями обрушиваются на нас новые бедствия, вот теперь, если бы не воевали мы против Артура, он скоро заступился бы за нас и отомстил. Что же до короля Лодегранса, то он любит Артура больше, нежели нас; а король Риенс занят с королем Лодегрансом, ибо тот обложил его в его замке.

И сговорились они между собой охранять все границы Корнуэлла, Уэльса и Севера. Для того прежде всего посадили они короля Идриса в город Нант в Бретани с четырьмя тысячами вооруженных воинов, чтобы караулить и на воде и на суше. Также посадили они в город Виндесан короля Нантреса Гарлотского с четырьмя тысячами рыцарей караулить на воде и на суше. И еще у них оставалось более восьми тысяч воинов, чтобы расположить во всех крепостях по границам Корнуэлла. И еще поставили они на границах Уэльса и Шотландии других королей с добрыми гарнизонами, и так продержались они три года, заключая, где возможно, союзы с могущественными королями и герцогами. На их сторону встал король Риенс из Северного Уэльса, могущественный король среди мужей, и Неро, могучий муж. И все это время они собирали и вооружали новые полки и запасались провиантом и всякого рода снаряжением, для войны потребным, чтобы расквитаться за Бедгрейнскую битву, как о том повествуется в книге приключений.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ПРИЕХАЛ В КАРЛИОН, И О ЕГО СНОВИДЕНИИ, И КАК ОН ВИДЕЛ ЗВЕРЯ РЫКАЮЩЕГО ❧ А король Артур после отъезда королей Бана и Борса приехал в город Карлион. И прибыла к нему туда супруга короля Лота Оркнейского будто бы с вестями, но на самом деле была она послана доглядывать за двором Артуровым. И прибыла она в богатых одеждах, сопровождаемая четырьмя своими сыновьями: Гавейном[31], Гахерисом, Аг-

равейном и Гаретом и многими рыцарями и дамами, ибо была она собой весьма прекрасна.

И потому король воспылал к ней великой любовью и возжелал ее. На том согласились они, и зачала она от него сэра Мордреда. Приходилась же она Артуру сестрой со стороны матери его Игрейны. Она прожила там один месяц, а затем наконец уехала.

А королю привиделся чудесный сон, вселивший в него великий страх (хоть король Артур все это время и не знал, что супруга короля Лота приходится ему сестрой). Снилось же ему вот что: будто заполонили его землю грифоны и змеи и будто сожгли они и истребили весь народ в его королевстве; и привиделось ему, что он вступил с ними в бой и что причинили они ему великий урон и нанесли ему жестокие раны, но будто бы под конец он их зарубил.

Пробудился король, и тяжко было у него на душе после того сна; и потому, чтобы прогнать о нем все мысли, собрался он со многими рыцарями ехать на охоту. Только выехали они в лес, завидел король впереди матерого оленя.

— Погонюсь за этим оленем,— сказал король Артур.

Пришпорил он коня и долго скакал за оленем, и часто на полном скаку казалось вот-вот поразит он его. И так долго гонялся он за тем оленем, что конь его задохнулся и пал наземь, и тогда отправился доезжачий назад привести ему другого коня.

Видит король, что олень ушел от погони, а конь его пал, сел он тут у ручья и глубоко задумался. Так он сидел, и стало чудиться ему, будто он слышит лай собачьей своры глоток в тридцать, и вдруг видит: выходит прямо на него удивительнейший зверь, какого не случалось ему ни видеть, ни рассказов о таком слышать.

Подошел зверь к источнику и стал пить. И такой из брюха у зверя слышался рык, будто лают разом тридцать гончих псов, но, покуда пил он, шума у него в брюхе не было. Наконец, с громогласным рыком удалился зверь, а король глядел ему вслед, и показалось ему все это весьма удивительно. Задумался он о том глубоко, а потом погрузился в сон.

Тут же явился пред Артуром пеший рыцарь и спросил:

— Рыцарь задумчивый и сонный, скажи мне, не проходил ли здесь чудесный зверь?

— Видел я такого,— отвечал король Артур,— он сейчас уже милях в двух отсюда. А для чего нужен он вам? — спросил Артур.

— Сэр, я уже давно преследую этого зверя и загнал много коней. Только бы мне достать еще одного, дабы мог я продолжить погоню.

Тут как раз подскакал доезжачий с конем для короля. Когда рыцарь увидел коня, стал просить он короля Артура, чтобы подарил он того коня ему:

— Ибо я провел в погоне вот уже двенадцать месяцев, и либо настигну этого зверя, либо изойду лучшей кровью моего тела,— (так говорил тот рыцарь, а имя ему было король Пелинор, и гонялся он за Зверем Рыкающим [32], когда же умер он, то погоню продолжил сэр Паломид).



КАК КОРОЛЬ ПЕЛИНОР ВЗЯЛ АРТУРОВА КОНЯ И ПОСЛЕДОВАЛ ЗА ЗВЕРЕМ РЫКАЮЩИМ И КАК ВСТРЕТИЛСЯ С МЕРЛИНОМ АРТУР

— Сэр рыцарь,— сказал король,— оставьте это преследование, а я, если вы согласитесь, возьму его на себя и буду гоняться за ним еще двенадцать месяцев.

— О глупец! — отвечал тот королю Артуру.— Бессмысленно твое желание, ибо никому не настигнуть его, кроме меня или ближайшего моего сородича.

С тем подошел он к королевскому коню, сел в седло и сказал:

— Грамерси, теперь это мой конь.

— Ну,— сказал король,— ты бы лучше взял у меня коня моего силой, тогда бы я мог сразиться с тобой и мог бы узнать, кто из нас достойнее владеть им: ты или я?

Услышав такие слова, тот король сказал:

— Ищи меня здесь, когда захочешь, и в этом самом месте, подле источника, ты меня найдешь,— и поскакал прочь своей дорогой.

А король погрузился в задумчивость, а потом подозвал своих людей и велел привести себе другого коня, да побыстрее.

Но в это время подошел к нему Мерлин в облике юного отрока четырнадцати лет, приветствовал короля и спросил, отчего он так задумчив.

— Тут поневоле задумаешься,— отвечал король,— ведь я видел сейчас величайшее в свете диво.

— Я знаю об этом,— сказал Мерлин,— не хуже тебя самого, и знаю все твои мысли. Но ты глупец, что принимаешь так близко к сердцу то, в чем ты бессилен. Также знаю я, кто ты таков, и кто был твой отец, и кем был ты зачат: ибо отец твой — король Утер, и зачала тебя от него Игрейна.

— Это ложь! — молвил король Артур.— Откуда тебе знать это, ведь ты годами не настолько стар, чтобы знать моего отца.

— Все равно,— отвечал Мерлин, — я знаю все это лучше, чем любой другой человек на свете.

— Не верю я тебе,— молвил король Артур, сильно гневаясь на отрока.

Тут удалился Мерлин и явился вновь в обличии древнего старца восьмидесяти лет. И Артур возрадовался, ибо этот старец был с виду очень мудр.

Спросил его старец:

— Отчего ты так печален?

— Поневоле будешь тут печален,— отвечал Артур,— ибо много к тому причин. Только сейчас был здесь отрок, который поведал мне многое, чего, думается мне, не должен он был знать, ибо он не вышел годами, чтобы знать моего отца.

— Нет,— сказал старец,— тот отрок поведал вам правду, и он еще многое рассказал бы вам, пожелай вы его выслушать. Но в недавнее время вы совершили поступок, за который господь гневается на вас, ибо вы возлежали с сестрой вашей и от нее зачали сына, от руки которого погибнете вы и все рыцари вашего королевства.

— Кто таков ты,— вопросил Артур,— что приносишь мне такие вести?

— Сэр, я — Мерлин, и я же являлся вам в обличии отрока.

А-а,— сказал король,— ты удивительный человек. Но я более всего дивлюсь твоим слова, что я должен погибнуть в бою.

— Не дивитесь,— сказал Мерлин,— ибо такова божия воля, чтобы тело ваше понесло кару за ваши дурные дела. Но сокрушаться должно более мне,— сказал Мерлин,— ибо мне предстоит погибнуть позорной смертью: быть заживо зарытым в землю; вы же умрете смертью славной.

Покуда так толковали они, подъехал человек с конем для короля, и король уселся на коня, а Мерлин — на другого, и поскакали они в Карлион.

А там спросил король Эктора и Ульфиуса о том, как он был рожден на свет, и они рассказали, что отец его — король Утер, а королева Игрейна — мать.

— Так и Мерлин говорил мне. Пусть пошлют за моею матерью, дабы мог я говорить с нею. И если она сама это скажет, тогда я поверю.

С превеликой поспешностью послали за королевой, и прибыла она вместе с Феей Морганой, дочерью своею, которая была так прекрасна собою, что лучше и быть не может. Король встретил Игрейну с радушием и почетом.



КАК УЛЬФИУС ОБВИНИЛ ИГРЕЙНУ, МАТЬ АРТУРА, В ИЗМЕНЕ, И КАК ПРИБЫЛ ТУДА РЫЦАРЬ, ЖЕЛАВШИЙ ОТМЩЕНИЯ ЗА СМЕРТЬ СВОЕГО ГОСПОДИНА

Вышел тут Ульфиус и говорил открыто, так что и король, и все, кто пировал там, могли слышать:

— Ты — лживейшая женщина в свете и предательница пред королем.

— Гляди,— сказал король Артур,— обвинение твое тяжко; ты несешь ответ за свои слова.

— Сэр, я знаю, что говорю,— отвечал Ульфиус,— и вот перчатка моя, дабы доказать мою правоту всякому, кто бы ни вздумал говорить противное. Из-за этой королевы Игрейны несете вы великий ущерб, из-за нее же и великая война ваша, ибо если бы открыла она еще при жизни Утера тайну вашего рождения и как вы были зачаты, то не пришлось бы вам вести смертную войну, какую вы вели. Ведь почти никто из баронов в вашем королевстве не знал, чей вы сын и кто вас породил; ей же, которая произвела вас на свет из чрева своего, надлежало открыто о том поведать, дабы восстановить свою честь и вашу, а равно и всего королевства. Оттого я и обвиняю ее в предательстве пред богом, и пред вами, и пред королевством вашим. И кто станет говорить противное, тому докажу я свою правоту в честном поединке.

Тут заговорила Игрейна и молвила:

— Я женщина и не могу сразиться с вами; но, дабы поддержать честь мою, я верю, отыскался бы добрый человек, который взял бы мою сторону в споре.— Но,— так говорила она,— Мерлин хорошо знает и вы, сэр Ульфиус, тоже, как пришел ко мне король Утер в замок Тинтагиль в обличии моего супруга, убитого за три часа до того, и как в ту ночь зачала я от него, а он на четырнадцатый день со мною обвенчался. И по его велению, когда

родилось дитя, отдали его на воспитание Мерлину. А я никогда больше не видела ребенка и не знаю даже имени его; потому не смогла бы его признать.

Тут оборотился Ульфиус к Мерлину:

— Вы тогда более виновны, нежели королева.

— Сэр, я ведаю лишь,— молвила Игрейна,— что родила младенца от супруга моего короля Утера, но никогда я не узнала, что с ним сделалось.

Тогда король взял за руку Мерлина и сказал такие слова:

— Эта ли женщина — моя мать?

— Воистину, сэр, это она.

Тут выступил сэр Эктор и свидетельствовал, как взрастил он его по велению короля Утера. И тогда заключил король Артур свою мать, королеву Игрейну, в объятия и целовал ее, и плакали они оба на груди друг у друга. И повелел король устроить пир на восемь дней.

В один из этих дней приехал ко двору оруженосец верхом, гнал он перед собой коня, а поперек седла лежал смертельно раненный рыцарь. И поведал оруженосец о том, что в лесу, у источника, какой-то рыцарь разбил шатер.

— И убил он моего господина, доброго рыцаря по имени Милес. Потому заклинаю вас, пусть похоронят моего господина и пусть кто-нибудь из рыцарей отомстит за его смерть.

Тут поднялись при дворе толки о гибели того рыцаря, и каждый высказывал свое суждение.

И выступил Грифлет, который был еще оруженосцем, ибо был он молод, одних лет с королем Артуром, и стал просить короля в награду за всю службу, что сослужил он ему, посвятить его в Рыцарский Орден.



КАК ГРИФЛЕТ БЫЛ ВОЗВЕДЕН В РЫЦАРИ И КАК ОН СРАЗИЛСЯ В ПОЕДИНКЕ С НЕКИМ РЫЦАРЕМ ❧ — Ты еще слишком юн и нежен возрастом,— возразил король Артур,— чтобы принять на себя столь высокое звание.

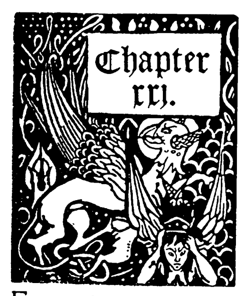
— Сэр,— сказал Грифлет,— заклинаю вас, посвятите меня в рыцари.

— Сэр,— сказал Мерлин,— весьма жаль было бы потерять Грифлета, ибо он станет мужем превосходных достоинств, когда достигнет совершеннолетия, и до конца дней своих не покинет вас. Если же подвергнет он опасности свое юное тело в схватке с тем рыцарем у источника, то он может и вовсе не вернуться назад, ибо тот рыцарь — один из лучших в мире и сильнейший в военном искусстве муж.

— Что ж,— сказал Артур,— раз таково желание твое, быть тебе рыцарем.

Так, по желанию Грифлета, король произвел его в рыцари.

— А теперь,— сказал Артур Грифлету,— раз я произвел тебя в рыцари, должен ты исполнить одно мое желание.
— Все, что будет вам угодно,— отвечал Грифлет.
— Поклянись мне жизнью твоею, что, кончив поединок с рыцарем у источника, на коне ли ты останешься или пеш, сразу же ты вернешься ко мне, не вступая с ним далее в препирательства.
— Клянусь вам,— сказал Грифлет,— как вы того желаете.
И в превеликой поспешности сел Грифлет на коня, взял щит и копье и так поскакал во весь опор к источнику. Там увидел он богатый шатер, поблизости стоял покрытый попоной конь под добрым седлом и взнузданный, а на дереве висел разноцветный щит и рядом — большое копье. Ударил по щиту Грифлет рукояткой своего копья, и упал щит.
Тут вышел из шатра рыцарь и спросил:
— Любезный рыцарь, зачем сбили вы наземь мой щит?
— Затем, сэр, что я желаю сразиться с вами,— отвечал Грифлет.
— Сэр, лучше бы вам не делать этого,— сказал тот король,— ибо вы молоды и недавно произведены в рыцари, и сила ваша с моей не сравнится.
— Что же с того,— отвечал Грифлет.— Я желаю сразиться с вами.
— Не по сердцу мне это,— сказал рыцарь,— но раз уже все равно придется сражаться, я должен приготовиться к поединку. Откуда вы? — спросил рыцарь.
— Сэр, я состою при дворе короля Артура.
Вот ринулись друг на друга два рыцаря, да с такой силой, что Грифлетово копье разлетелось в куски. А тот пробил Грифлету щит и грудь с левой стороны, так что копье сломалось и обломок застрял у него в груди, и пали наземь конь со всадником.



КАК ПРИБЫЛИ ИЗ РИМА ДВЕНАДЦАТЬ РЫЦАРЕЙ И ПОТРЕБОВАЛИ У АРТУРА ДАНИ ОТ НАШЕЙ ЗЕМЛИ, И КАК АРТУР СРАЗИЛСЯ С НЕКИМ РЫЦАРЕМ

Увидел рыцарь, что лежит Грифлет на земле, спешился он в глубокой печали, ибо думал, что убил его. Расшнуровал он ему завязки под шлемом и дал вздохнуть полной грудью. А потом так, с обломком копья в груди, посадил на свою лошадь, натянул поводья и поручил его господу, сказав так: — У него было храброе сердце! — И еще сказал: — Если б он остался в живых, из него вышел бы замечательный рыцарь,— и поехал Грифлет ко двору короля Артура, где его все горько оплакивали. Но искусные лекари исцелили его, и был он спасен.
Тем временем прибыли ко двору двенадцать рыцарей, мужи возраста преклонного, посланные от Римского императора. И они потребовали у Артура дани от его королевства, а не то император разорит его и все его владения.
— Что ж,— сказал король Артур,— вы — всего лишь послы, и потому можете говорить, что хотите, а иначе приняли бы вы смерть за эти слова. Но вот вам мой ответ: от меня императору дань не причитается, и ничего я ему не уплачу, лишь на поле честной брани уплачу я ему дань, мечом ост-

рым или острым копьем И клянусь душой отца моего Утера, близок срок, когда это сбудется!

С тем и отбыли послы в превеликом гневе, да и король Артур разгневался тоже, ибо прибыли они в недобрый час.

Но король гневался из-за ран сэра Грифлета, и вот повелел он верному человеку при своих покоях. чтобы еще до наступления дня лучший конь королевский, и доспехи, и все, что до королевской особы принадлежит, было вывезено за городскую стену еще перед наступлением завтрашнего дня. И в назначенном месте сошелся он с тем человеком, приведшим ему коня, поднялся в седло, воздел щит, подхватил копье и повелел своему постельничьему поджидать там его возвращения.

Ехал Артур тихим шагом, покуда не настал день. И тут вдруг видит он, что трое мужиков гонятся за Мерлином и вот-вот настигнут его и убьют. Поскакал король прямо на них и повелел им: «Прочь, мужланы!» Перепугались они, увидев всадника, и убежали.

— Ага, Мерлин,— сказал Артур,— видишь, когда бы не я, тебя бы здесь, при всем твоем искусстве, убили.

— Нет,— отвечал Мерлин,— не так это было, ибо, захоти я, мог бы я спастись. Ты вот ближе моего к смерти своей, ибо едешь прямо туда, где твоя смерть, и бог не на твоей стороне.

Так беседуя, ехали они своей дорогой и прибыли к источнику и к богатому шатру подле него. И видит король Артур, что сидит там рыцарь в полном вооружении.

— Сэр рыцарь,— сказал Артур,— по какой причине расположился ты тут, так что никому нет этой дорогой проезда, покуда не вступят с тобой в поединок? Повелеваю тебе оставить этот обычай.

— Обычая этого,— отвечал рыцарь,— я прежде придерживался и придерживаться буду, кто бы мне что ни говорил. А кому обычай мой не по нраву, пусть научит меня лучшему.

— Вот я тебя и научу,— молвил Артур.

— А я еще поспорю с тобой,— сказал рыцарь. И тут же сел он на коня, и навесил щит, и поднял в руке тяжелое копье, и с такой силой сшиблись двое рыцарей и так друг друга ударили копьями в середину щита, что у обоих разлетелись копья в щепы.

Тут Артур вытащил меч.

— Нет,— говорит рыцарь,— лучше нам еще на острых копьях сразиться.

— Я согласен,— отвечал Артур,— будь у меня тут запасные копья.

— У меня есть довольно копий,— сказал рыцарь.

Подошел тут его оруженосец и подал им два копья, и Артур выбрал себе одно, а он взял другое. Потом снова пришпорили они коней и ринулись навстречу друг другу, так что у обоих копья обломались по рукоять.

Наложил Артур руку на меч свой.

— Нет,— говорит ему рыцарь,— лучше поступим не так. Вы сражаетесь на копьях со столь великим искусством, что лучшего мне встречать не случалось, и потому во славу высокого Ордена Рыцарей давайте еще раз сразимся на копьях.

— Я согласен,— сказал Артур.

И вот принесли два тяжелых копья, и выбрали оба рыцаря себе по копью; а потом ринулись они друг другу навстречу и сшиблись, да так, что Артурово копье разлетелось в куски. И тот рыцарь с такой силой ударил его в середину щита, что рухнули наземь конь со всадником. Тут разъярился Артур, вытащил свой меч и говорит:
— Теперь я стану нападать на тебя пешим, сэр рыцарь, ибо в седле я не удержался и потерпел поражение.
— А я, сэр, останусь верхом и буду нападать на тебя.
Сильно разгневался Артур, загородился щитом и поднял меч обнаженный. Увидел тот рыцарь, что он и в самом деле хочет биться с ним пеший, и посчитал, что мало ему чести иметь над противником такое преимущество, чтобы оставаться самому на коне, когда тот пеш; спешился и он и, прикрывшись щитом, пошел на Артура. И начался тут великий бой, сыпались могучие удары, и так рубились они мечами, что лишь осколки летели во все стороны, и кровь у обоих лилась ручьем, так что все кругом них было залито кровью. Так бились они долго, а потом немного передохнули. И снова приступили к бою. Ринулись друг на друга, точно два быка, и оба рухнули наземь. Вскочили, скрестили мечи, и равная была сила в тех мечах. Но меч короля Артура переломился пополам, и сильно опечалился король. Сказал тут рыцарь Артуру:
— Ты — в моей власти, захочу — помилую тебя, захочу — зарублю; и если ты не сдашься мне, не признаешь своего поражения, тогда ты умрешь.
— Что до этого,— отвечал король Артур,— то смерти я не страшусь, пусть приходит, когда придет, но сдаваться тебе я не намерен!
И с теми словами бросился он на короля Пелинора, обхватил его поперек туловища, повалил и сорвал с него шлем. Испугался рыцарь. А был он муж могучий и силы превеликой. И подмял он Артура под себя, сорвал с него шлем и хотел уже было отрубить ему голову.



КАК МЕРЛИН СПАС АРТУРУ ЖИЗНЬ И НАВЕЛ ЧАРЫ НА КОРОЛЯ ПЕЛИНОРА И УСЫПИЛ ЕГО ❧ Но тут явился Мерлин и молвил:
— Рыцарь, остановись. Ибо если ты зарубишь этого рыцаря, ты причинишь здешнему королевству такие беды, каких ни одна страна еще не ведала: ибо рыцарь этот гораздо знатнее, чем ты о том полагаешь.
— Да кто же он? — спросил рыцарь.
— Король Артур,— отвечал Мерлин.
Тут захотел рыцарь зарубить Артура из страха перед гневом его и взмахнул мечом. Но Мерлин тогда навел на него чары, и тот упал на землю в глубоком сне. А Мерлин поднял короля Артура, сам сел на рыцарева коня, и поехали они прочь.
— Увы! — говорит Артур.— Что сделал ты, Мерлин? Неужели ты убил того доброго рыцаря своими чарами? Ведь второго столь славного рыцаря и на свете нет. Я бы на целый год отдал все свои владения, чтобы только остался он жив.

— Не печальтесь,— отвечал Мерлин,— ибо он невредим и пострадал куда меньше вашего: он ведь только спит и пробудится, не пройдет и часа. Я предупреждал вас,— сказал Мерлин,— что он за рыцарь. Вот и быть бы вам убитым, когда бы не я. На свете нет рыцаря сильнее его; но теперь он еще сослужит вам добрую службу. Имя ему — король Пелинор, и породит он двух сыновей, мужей доброй славы, с коими лишь один на свете сравнится доблестью и праведным житьем, имена же их будут Персиваль и сэр Ламорак Уэльский. И он же откроет вам имя собственного вашего сына, родной вашей сестрой рожденного, через которого погибнет все здешнее королевство.



КАК БЛАГОДАРЯ МЕРЛИНУ АРТУР ДОСТАЛ ЭКСКАЛИБУР, МЕЧ СВОЙ, У ВЛАДЫЧИЦЫ ОЗЕРА ❧ Так скакали они и приехали к жилищу отшельника, а был тот отшельник добрый человек и искусный лекарь. Осмотрел он раны короля и дал ему целебные притирания. Три дня провел у него король, и зажили все его раны настолько, что он мог уже ездить верхом и ходить пешком, и тогда они распростились и уехали.

В пути говорит король Артур:

— У меня нет меча.

— Не беда,— отвечал Мерлин,— тут поблизости есть меч, и, если я захочу, он достанется вам.

Едут они дальше и видят озеро, широкое и чистое. А посреди озера, видит Артур, торчит из воды рука в рукаве богатого белого шелка, и сжимает она в длани своей добрый меч.

— Глядите,— сказал Мерлин,— вон меч, о котором говорил я вам.

Тут видят они вдруг деву, по водам к ним идущую.

— Кто эта дева? — спросил Артур.

— Это — Владычица Озера [33],— отвечал Мерлин.— Есть на озере большая скала, а на скале той стоит прекраснейший из замков, богато убранный. Сейчас дева эта приблизится к вам, и вам надлежит говорить с нею любезно, дабы она отдала вам тот меч.

Вот приблизилась дева к Артуру и приветствовала его, а он ее.

— О дева,— сказал Артур,— что это за меч держит вон та рука над водой? Хотелось бы мне, чтобы был он мой, ибо у меня нет меча.

— Сэр Артур,— отвечала девица,— меч этот мой, и если вы отдадите мне в дар то, что я у вас попрошу, вы его получите.

— Клянусь,— сказал Артур,— что подарю вам, что бы вы ни попросили.

— Хорошо,— согласилась дева,— войдите вон в ту барку и подгребите к мечу, и можете взять его себе вместе с ножнами. А я попрошу у вас обещанный дар, когда придет срок.

Спешились король Артур с Мерлином и привязали коней к дереву; и вошли они в барку. А когда поравнялись они с мечом, что держала рука, вынул Артур из руки рукоять меча и взял его себе. А рука скрылась под водой. Пристал Артур к берегу и поехали они дальше.

И увидел король Артур богатый шатер.
— Что за шатер вижу я там?
— Сэр, это шатер того рыцаря, с которым вы сражались, сэра Пелинора; но самого его там нет. Недавно был у него поединок с вашим рыцарем по имени Эглам, бились они жестоко, но под конец бежал Эглам, ибо иначе быть бы ему убитым; он же бросился за ним в погоню и гнался за ним до самого Карлиона. Так что теперь мы с ним скоро повстречаемся на дороге.
— Вот это добрая весть! — молвил Артур.— Теперь у меня есть меч, я вступлю с ним в поединок и поквитаюсь.
— Нет, сэр,— сказал Мерлин,— ведь рыцарь этот устал после боя и погони, так что не будет вам чести от поединка с ним. Да и есть ли еще на свете рыцарь, чтобы сравняться с ним в мощи? Потому вот мой совет: пусть проедет он подобру-поздорову, ибо он еще сослужит вам верную службу, а после него — сыновья его. Скоро настанет день, когда вы от души рады будете выдать за него сестру свою в награду за верную службу. И потому не вступайте с ним в бой, когда встретите его.
— Я сделаю так, как ты советуешь.
Стал разглядывать король Артур меч свой, и очень он ему пришелся по вкусу. А Мерлин спросил его:
— Что больше вам нравится, меч или ножны?
— Меч мне больше нравится,— отвечал Артур.
— Не угадали,— говорит Мерлин,— ибо ножны эти стоят десяти таких мечей; покуда будут они у вас на боку, вы не потеряете ни капли крови, как бы жестоко ни были вы изранены. Потому храните ножны и держите их всегда при себе.
И поскакали они в Карлион. По пути повстречался им король Пелинор. Но Мерлин навел на него такие чары, что Пелинор не увидел короля Артура и так проскакал, не сказав ни слова.
— Дивлюсь я,— говорит Артур,— что рыцарь этот ничего не сказал.
— Сэр, он вас не видел; ибо увидь он вас, не разъехаться бы вам подобру-поздорову.
Вот прибыли они в Карлион, и все рыцари радовались возвращению Артура. Когда же услышали они о его приключениях, то подивились, зачем он так подвергал себя опасности в одиночку.
И однако рассудили все достойные мужи, что приятнее служить под началом такого сюзерена, который сам готов пуститься в приключения, как и его бедные рыцари.



КАК ПРИШЛО К АРТУРУ ИЗВЕСТИЕ, ЧТО КОРОЛЬ РИЕНС ОДОЛЕЛ ОДИННАДЦАТЬ КОРОЛЕЙ, И КАК ОН ПОТРЕБОВАЛ БОРОДУ АРТУРА НА ОПУШКУ СВОЕЙ МАНТИИ

А тут прибыло посольство от короля Риенса, что правил Северным Уэльсом и был также королем всей Ирландии и многих островов. Слал он королю Артуру приветствия, сообщая, что он, король Риенс, разбил и победил одиннадцать королей и что каждый из

них ему смиренно покорился, дав отрезать свою бороду, сколько у кого бороды было. А теперь прислал он посольство за бородой короля Артура. Ибо король Риенс затеял оторочить себе мантию королевскими бородами и как раз не хватало на одну полу, потому прислал он за бородой Артура; а не то вторгнется он в его владения, все предаст огню и мечу и до тех пор не покинет пределов его королевства, покуда не снимет ему голову вместе с бородою.

— Ну что ж,— отвечал Артур послу,— ты сказал, что тебе поручено было передать, а посольство твое наглейшее и грубейшее, какое когда-либо отправляли королю. Борода моя еще чересчур молода, чтобы делать из нее оторочку для мантии. А королю своему скажи, что я не обязан ему послушанием, надо мною он не старший; в скором времени он сам придет ко мне с поклоном, на коленях будет стоять предо мною, а не то, клянусь жизнью, не сносить ему головы! Ибо он прислал мне позорнейшее посольство, о каком только слыхивали на свете. Я знаю, что твой король ни разу еще не встречался в поединке с достойным противником. Вот и скажи твоему королю, что я сниму с него голову, если не поклонится он мне.

С тем и отбыл посол.

— Есть ли здесь кто-нибудь,— спросил тогда Артур,— знакомый с королем Риенсом?

Отозвался рыцарь по имени Нарам:

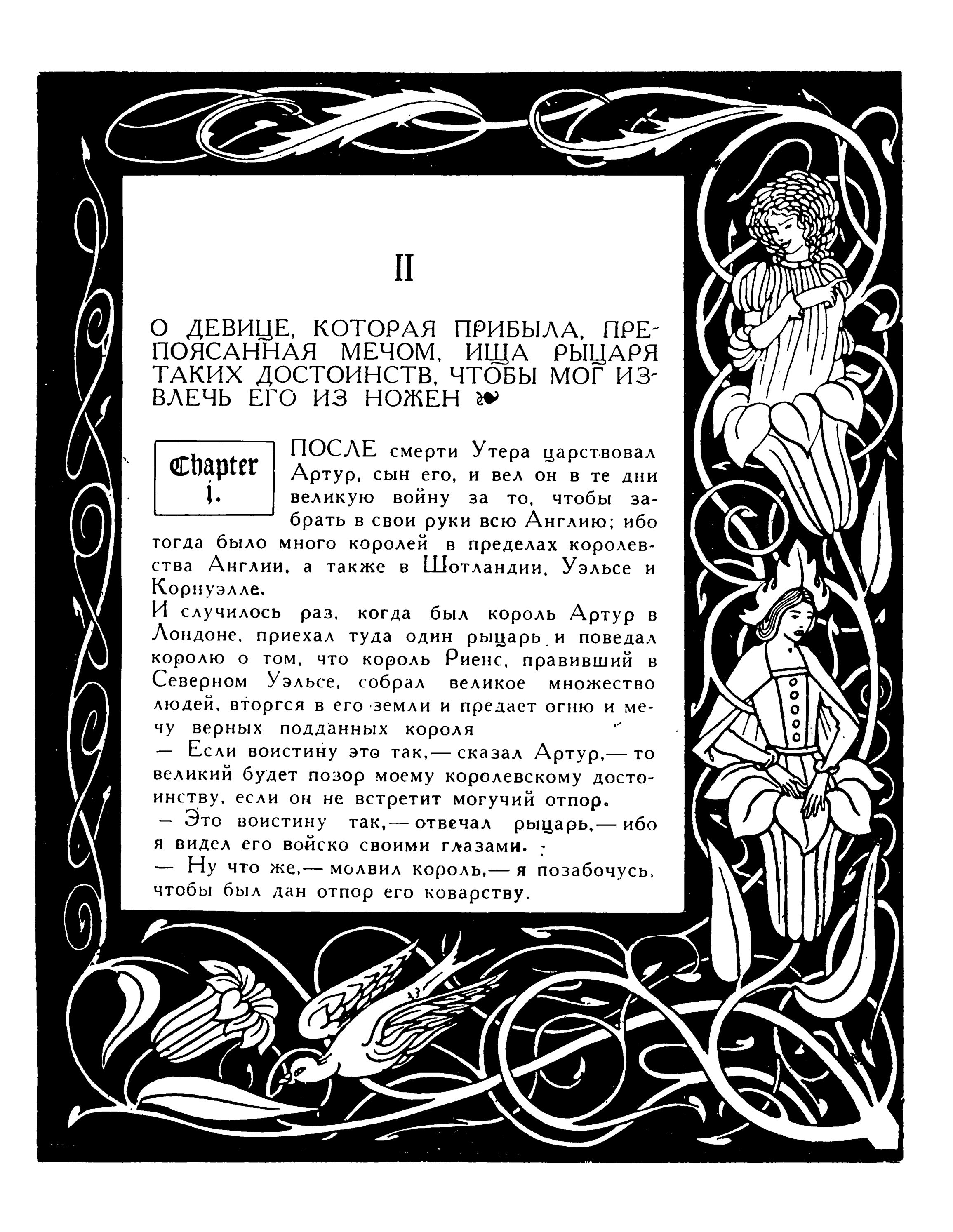
— Сэр, я знаю хорошо этого короля. Он муж могучий телом, мало кто на свете с ним сравнится, и весьма надменный. И не сомневайтесь, сэр, он выставит против вас великие силы.

— Ну, что ж,— молвил Артур,— дойдет у меня и до него черед.



КАК БЫЛО ПОСЛАНО ЗА ВСЕМИ БЛАГОРОДНЫМИ ДЕТЬМИ, РОЖДЕННЫМИ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МАЯ, И КАК МОРДРЕД СПАССЯ ❧ Между тем повелел король Артур привезти к нему всех младенцев, рожденных в первый день мая знатными дамами от знатных лордов; ибо Мерлин открыл королю Артуру, что тот, кто погубит его и все его земли, родился на свет в первый день мая. Потому и повелел он, чтобы прислали ему их всех под страхом смерти, и многие сыновья лордов и рыцарей были отправлены к королю. Был и Мордред послан к нему женою короля Лота. Посадили их всех на корабль и пустили по морю, а иные были четырех недель от роду, иные же и того моложе [34]. И по воле случая пригнало корабль тот к берегу, где стоял замок, и разбило, и все почти при этом погибли, только Мордреда выбросило волной, его подобрал один добрый человек и растил у себя до тех пор, пока не сравнялось ему четырнадцать лет от роду, а тогда он привел его ко двору, как о том повествуется дальше [35], в конце книги «Смерть Артура» [36].

А многие лорды и бароны Артурова королевства негодовали на то, что у них отняли и погубили детей, но вину за это возлагали больше на Мерлина, нежели на Артура. И из страха ли, из любви ли, но сохраняли мир.
Когда же посольство вернулось с ответом к королю Риенсу, разъярился он сверх всякой меры и стал собирать великое войско, как о том повествуется в книге о Балине Свирепом, которая следует за этой: там рассказывается, как Балин добыл себе меч.



II

О ДЕВИЦЕ, КОТОРАЯ ПРИБЫЛА, ПРЕПОЯСАННАЯ МЕЧОМ, ИЩА РЫЦАРЯ ТАКИХ ДОСТОИНСТВ, ЧТОБЫ МОГ ИЗВЛЕЧЬ ЕГО ИЗ НОЖЕН

Chapter I.

ПОСЛЕ смерти Утера царствовал Артур, сын его, и вел он в те дни великую войну за то, чтобы забрать в свои руки всю Англию; ибо тогда было много королей в пределах королевства Англии, а также в Шотландии, Уэльсе и Корнуэлле.

И случилось раз, когда был король Артур в Лондоне, приехал туда один рыцарь и поведал королю о том, что король Риенс, правивший в Северном Уэльсе, собрал великое множество людей, вторгся в его земли и предает огню и мечу верных подданных короля

— Если воистину это так,— сказал Артур,— то великий будет позор моему королевскому достоинству, если он не встретит могучий отпор.

— Это воистину так,— отвечал рыцарь,— ибо я видел его войско своими глазами.

— Ну что же,— молвил король,— я позабочусь, чтобы был дан отпор его коварству.

И повелел король кликнуть клич, чтобы все лорды, рыцари и служилые дворяне в краткий срок съехались в замок Камелот [37], и король там устроит всеобщий совет и большой турнир. Когда прибыл туда король со своими баронами, и расположились они там, как казалось им лучше, приехала в замок также и одна девица, которую прислала великая Владычица острова [38] Авалона [39]. Явилась она пред королем Артуром и поведала ему, откуда она, и объявила, что прислана она к нему с поручением. Тут скинула она с плеч свой плащ, богато отороченный мехом, и увидели все, что на поясе у нее — добрый меч, и король удивился этому и спросил:

— О, девица, для чего препоясались вы мечом? Вам не подобает это.

— Я поведаю вам причину,— отвечала девица.— Сей меч, что препоясывает меня, причиняет мне великие страдания и неудобства, но освободить меня от него может лишь рыцарь добрый, и по делам рук его и по праведной жизни, не ведающий низости, измены и обмана. Если я найду такого рыцаря, и он будет обладать всеми этими достоинствами, то сумеет вытащить меч у меня из ножен. Побывала я у короля Риенса, ибо люди говорили, будто при его дворе много славных рыцарей; и сам он пытался, и все рыцари его, но ни один не преуспел.

— Это великое диво,— сказал Артур.— Если воистину это так, я тогда и сам попытаюсь вытащить сей меч; не потому что мыслю о себе, будто я лучше всех остальных рыцарей, но просто начну первым и тем покажу пример баронам, дабы и они все попытались один за другим после меня.

И Артур взялся за ножны, потянул с силою, но меч не вынимался.

— Сэр,— сказала девица,— вам нет нужды тянуть и вполовину так сильно, ибо тот, кому суждено его вытащить, сделает это с легкостью.

— Верно,— отвечал Артур.— А теперь пытайте удачи и вы все, мои бароны.

— Только смотрите, чтобы не быть вам запятнанным ни позором, ни изменой, ни хитростью, ибо тогда вы не преуспеете,— сказала девица,— ибо тот рыцарь должен быть чист душой и чужд коварства, и должен он быть благородного происхождения с отцовской стороны и с материнской.

Чуть не все бароны Круглого Стола, какие собрались там в то время, по очереди стали пытать удачи, но ни одному не дано было преуспеть. И девица тогда опечалилась превыше меры и молвила:

— Увы! А я-то думала, что здесь при дворе состоят лучшие в мире рыцари — без предательства и обмана!

— Клянусь,— сказал Артур,— на мой суд, тут перед вами лучшие рыцари в свете, но им не дано освободить вас, и это меня весьма печалит.



КАК БАЛИН В ОБЛИЧИИ БЕДНОГО РЫЦАРЯ ИЗВЛЕК ИЗ НОЖЕН МЕЧ, СТАВШИЙ ПОТОМ ПРИЧИНОЙ ЕГО ПОГИБЕЛИ ❧ Случилось же так, что в то время был у короля Артура на дворе бедный рыцарь, он полгода содержался там узником за то, что убил одного рыцаря, который королю Артуру доводился родичем. Имя же ему было Балин, и с доброй помощью баронов был он вызволен из тюрьмы, ибо у него была добрая слава и рождением он был нортумберландец.

И вот пришел он потихоньку на королевский двор и увидел, над чем бьются там рыцари; тут сердце его взыграло, и захотелось ему тоже попытать удачи. Но был он беден и в бедных одеждах, и потому не стал протискиваться вперед. В глубине же души своей он твердо знал, что не ударит в грязь лицом, если только судьба ему будет благоприятствовать. И когда девица поклонилась королю Артуру и всем баронам и собралась в обратный путь, этот рыцарь Балин обратился к ней и сказал:
— Благородная девица, я молю вас о милости, чтобы вы дозволили и мне попытать удачи, как другим лордам. Хоть я может и бедно одет, все равно в душе моей я столь же твердо верю в удачу, как и иные из этих лордов, и думается мне, что дано мне тут преуспеть.
Поглядела девица на бедного рыцаря и видит: он собою хорош; но из-за того, что его одежда была бедна, не верилось ей, что он славный рыцарь без низости и обмана. И сказала ему она:
— Сэр, нет нужды вам опять беспокоить меня, ибо где уж вам преуспеть там, где остальные рыцари потерпели неудачу.
— Ах, прекрасная девица,— сказал Балин,— о достоинствах и добродетелях, да и о славных подвигах судят не только по одежде; мужество и доблесть скрываются в самом человеке, и немало есть добрых рыцарей на свете, о которых никто из людей не знает. Достоинства и отвага не в одежде.
— Видит бог,— отвечала девица,— вы говорите правду, и потому дозволяю вам попытать удачи, если вы желаете.
Тогда Балин взялся за рукоять и за ножны и вытащил меч с легкостию. А когда взглянул он на меч, то пришелся ему меч по сердцу.
А король и все бароны очень подивились, что Балин свершил этот подвиг; и многие рыцари затаили против него зло.
— Воистину,— молвила девица,— это добрый рыцарь, лучший изо всех, кого довелось мне встретить, рыцарь достойнейший, без измены, обмана и низости. И немало дивных дел он еще свершит. А теперь, благородный и любезный рыцарь, возвратите мне этот меч.
— О нет,— отвечал Балин,— меч этот оставлю я у себя, и отнимут у меня его только силою.
— Напрасно,— сказала девица,— хотите вы сохранить у себя мой меч, ибо этим мечом убьете вы своего лучшего друга, человека, кого дороже не будет у вас никого на свете, и станет этот меч вашей погибелью.
— Я готов принять все испытания,— отвечал Балин,— какие пошлет мне бог. Но теперь, клянусь жизнью, я меча вам не отдам!
— Вы скоро раскаетесь в этом,— сказала девица,— я прошу у вас этот меч более для вашей пользы, нежели для моей; и я горько сокрушаюсь о вас, ибо если не оставите мне его, то он обернется вашей погибелью, а это будет великой жалости достойно.
И с такими словами покинула их благородная девица, плача и печалясь.
А Балин после того послал за своим конем и за доспехами, ибо собрался покинуть королевский двор. Стал прощаться он с королем Артуром.
— Нет,— молвил ему король,— не следует вам так вдруг покидать нас. Вы, верно, держите зло против меня за то, что я был с вами суров. Но не ви-

ните меня слишком, ибо вас предо мною оговорили, я не знал, что вы столь славный и искусный рыцарь. Если вы захотите остаться здесь при дворе среди моих рыцарей, я одарю вас щедро, и будете вы довольны.

— Да наградит бог ваше величество,— отвечал Балин.— Щедрость вашу и вполовину не выразить словами, но настал срок, когда я непременно должен вас покинуть, и молю лишь, чтобы милость ваша всегда была со мною.

— Воистину,— сказал король,— я весьма досадую на вас за то, что вы уезжаете. Но прошу вас, добрый рыцарь, не мешкайте вдали от нас, возвращайтесь, здесь будете вы приняты мною и моими баронами с великим радушием, и я возмещу то зло, что было причинено вам.

— Бог да наградит вашу милость,— отвечал Балин и стал собираться в путь.

Между тем из рыцарей Круглого Стола многие говорили, что он свершил этот подвиг не силою, но колдовством.



КАК ВЛАДЫЧИЦА ОЗЕРА ПОТРЕБОВАЛА СЕБЕ ГОЛОВУ РЫЦАРЯ, КОТОРОМУ ДОСТАЛСЯ МЕЧ, ИЛИ ГОЛОВУ ДЕВИЦЫ ❧ Но пока собирался он в дорогу, прибыла ко двору Владычица Озера на коне и в богатых одеждах. Она поклонилась королю Артуру и сказала, что хочет получить от него дар, как он обещал, когда она отдала ему меч.

— Это правда,— сказал Артур,— я обещал отдать вам в дар, что вы ни попросите, только я забыл, как зовется мой меч, который вы мне подарили.

— Зовется он,— отвечала Владычица Озера,— Экскалибур, а это означает: «Руби Сталь».

— Хорошо сказано,— молвил Артур.— Спрашивайте, чего вы хотите, и вы получите все, если только это в моей власти.

— Тогда,— сказала дама,— я прошу голову рыцаря, что сейчас вытащил заколдованный меч, или же голову той девицы, что привезла меч к вашему двору. Я готова принять и обе их головы, ибо он убил моего брата, доброго и честного рыцаря, а эта благородная девица погубила моего отца.

— Воистину,— отвечал король Артур,— честь не позволяет мне пожаловать вам ни его голову, ни ее, а потому просите у меня, что еще вы захотите, и я тогда исполню ваше желание.

— Ничего иного не стану я у вас просить,— отвечала она.

А Балин собрался в дорогу и вдруг увидел Владычицу Озера, которая кознями своими погубила некогда его мать, и он за то три года искал ее по свету. Когда же сказали ему, что она просила у короля Артура его голову, приблизился он прямо к ней и сказал:

— В недобрый час ты явилась. Ты хотела получить мою голову, и за то лишишься ты своей!

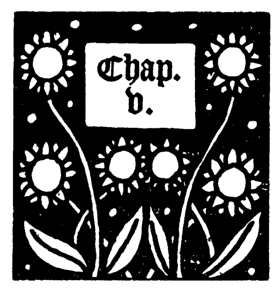
И мечом в тот же миг отсек ей голову на глазах у короля Артура.
— Увы, позор! — воскликнул король Артур.— Зачем вы это сделали? Вы опозорили меня и весь мой двор, ибо перед этой дамой я в большом долгу, и она прибыла сюда под мое покровительство. И потому я никогда не прощу вам такое самоуправство.
— Сэр,— сказал Балин,— меня печалит ваша немилость, ведь эта дама — коварнейшая из женщин на свете, чарами и колдовством погубила она многих добрых рыцарей, из-за нее и моя мать погибла на костре — через измену ее и предательство.
— Какова бы ни была у вас причина,— отвечал Артур,— все равно следовало вам сдержаться в моем присутствии. И не думайте, вам еще придется раскаяться в своем поступке, ибо такого беззакония никогда еще не бывало у меня при дворе. А потому покиньте мой двор со всей возможной поспешностью.
Подобрал Балин срубленную голову и отнес ее на подворье, где он стоял, а там ожидал его оруженосец, который был очень опечален, что его господин навлек на себя немилость короля.
Вот выехали они из города.
— А теперь,— сказал Балин,— надлежит нам расстаться. Ты возьми эту голову и отвези ее друзьям моим и расскажи обо мне, и поведай им в Нортумберланде, что мой злейший враг мертв. И еще скажи им, что я освобожден из заточения, и о том расскажи, как удалось мне добыть этот меч.
— Увы! — сказал оруженосец.— Велика ваша вина, что навлекли вы на себя немилость короля Артура.
— Что до этого,— отвечал Балин,— то должен я отправиться в путь со всей поспешностью, дабы встретиться мне с королем Риенсом и сокрушить его или же пасть самому. Если же посчастливится мне его одолеть, тогда будет король Артур мне добрым другом.
— Сэр, где увижу я вас снова? — спросил оруженосец.
— При дворе короля Артура, — отвечал Балин.
Так и расстались они с оруженосцем. А король Артур и весь его двор горько сокрушались из-за гибели Владычицы Озера и из-за навлеченного на них позора. И король богато похоронил ее.



КАК МЕРЛИН ПОВЕДАЛ ИСТОРИЮ ЭТОЙ ДЕВИЦЫ ❧ А в то время был там один рыцарь, сын Ирландского короля, и звался он Лансеор; был он рыцарь надменный и сам себя почитал из первых при дворе. На Балина затаил он великое зло за то, что тот преуспел в приключении с мечом, ибо не желал, чтобы кто-то почитался доблестнее и искуснее, нежели он. И стал он просить у короля Артура изволения, чтобы поскакать ему вслед Балину и отплатить за причиненное королю оскорбление.
— Поезжайте и отличитесь, как можете,— сказал Артур.— Я сильно разгневан на Балина. И хочу,

чтобы он поплатился за оскорбление, какое нанес он мне и моему двору. И отправился Лансеор на подворье, где он стоял, чтобы собраться в дорогу. Между тем прибыл ко двору короля Артура Мерлин, и поведали ему о приключении с мечом и о гибели Владычицы Озера.

— Вот что скажу я вам,— молвил Мерлин,— прямо при девице этой, что стоит сейчас перед вами, привезшей тот меч к вашему двору, я открою причину, по какой прибыла она к вам. Она — лживейшая из женщин,— и пусть попробует отрицать это! Ибо у нее есть брат, рыцарь добрый и искусный, и верный сердцем, а эта девица полюбила другого рыцаря, который взял ее в наложницы. И добрый рыцарь, брат ее, встретился в поединке с тем рыцарем, что содержал ее в наложницах, и зарубил его силою руки своей. И когда увидела это сия лживая девица, отправилась она к Владычице острова Авалона и просила у нее помощи, дабы отмстить своему брату.



КАК СЭР ЛАНСЕОР, ИРЛАНДСКИЙ РЫЦАРЬ, УВИДЕЛ БАЛИНА, КАК ОНИ СРАЗИЛИСЬ И ОН БЫЛ УБИТ ❧ И Владычица Авалона дала ей тот меч, с которым приехала она потом к вашему двору, и сказала ей, что вытащить его из ножен сумеет лишь лучший рыцарь в королевстве, и будет он доблестен и могуч; и что мечом этим он убьет собственного брата. Вот какая причина, о девица, что прибыли вы сюда ко двору. Мне она известна, как и вам. О, лучше бы не приезжать вам сюда! Ибо никогда, являясь среди общества достойных людей, не причиняли вы им добра, но лишь великое зло. И рыцарь, добывший тот меч, из-за меча того и погибнет; а это будет великим злом, ибо не живет на земле рыцарь искуснее его. А вам, господин мой Артур, он сделает много чести и добра; и превеликой жалости достойно, что жить ему лишь краткий срок, ибо по силе и мужеству не знаю я равных ему на земле.

А ирландский рыцарь тем временем снарядился в погоню, повесил щит на плечо, сел на коня, в руку взял добрый меч и пустил коня во весь дух. В скором времени разглядел он с горы Балина и громким голосом вскричал:

— Помедли, о рыцарь! Не то все равно придется тебе помедлить, хочешь ты того или нет. И щит, на груди у тебя висящий, тебе не поможет,— сказал ирландский рыцарь.— Ибо я еду вослед тебе.

— Может быть,— отвечал Балин,— лучше бы вам было оставаться дома. Ибо немало было рыцарей, полагавших повергнуть своих врагов, а вместо того оборачивалось дело против них же самих. От какого двора явились вы? — спросил Балин.

— От двора короля Артура,— сказал ирландский рыцарь,— и здесь я для того, чтобы отмстить за оскорбление, которое нанесли вы ныне королю Артуру и всему его двору.

— Ну что ж,— отвечал Балин,— вижу я, что должен вступить с вами в поединок. Что огорчил я короля Артура и его двор, это меня печалит. На ваше против меня обвинение ответить просто,— сказал Балин,— ибо убитая мною дама причинила мне великое зло, а будь это не так, заслужи-

вал бы я презрения, как и всякий рыцарь, который поднимет меч на даму.
— Готовьтесь к бою! — вскричал рыцарь Лансеор.— И нападайте на меня! Ибо лишь один из нас останется на поле брани.
Уперли они копья в упоры на луке седла и ринулись друг на друга, как могли только нести их кони. Ирландский рыцарь ударил в щит Балина, и в куски разлетелось копье его. А Балин в ответ ударил его — и прошло копье сквозь щит, прорвало кольчугу, пронзило тело, и перебросил Балин рыцаря через круп его коня. А потом в ярости повернул снова на него коня и обнажил меч, не ведая еще, что уже убил его.



КАК ДЕВИЦА, ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ЛАНСЕОРА, УБИЛА СЕБЯ ИЗ ЛЮБВИ, И КАК БАЛИН ПОВСТРЕЧАЛ СВОЕГО БРАТА БАЛАНА ❧ Но увидел он, что лежит тот бездыханным трупом, огляделся вокруг и видит: скачет к нему во весь опор девица на прекрасной лошади. Когда же разглядела она, что Лансеор убит, стала она горько стенать и печалиться превыше меры и так сказала:
— О Балин, двоих убил ты, поразив одно сердце, два сердца убил в одном теле, две души погубил.
И с теми словами вынула она меч из-за пояса у своего мертвого возлюбленного и упала наземь в беспамятстве. А когда поднялась, то стала прежалостно стенать и скорбеть превыше меры, и горе ее сильно опечалило Балина. Он приблизился к ней и хотел было взять из рук ее меч, но она сжимала его так крепко, что никак ему было не отнять у нее меча, не причинив ей боли. И внезапно она уперла рукоять меча в землю, бросилась на меч и рассекла свое тело снизу доверху.
При виде этого тяжко стало на сердце у Балина, и стыдно ему было, что столь прекрасная девица погубила себя из-за смерти своего возлюбленного.
— Увы! — воскликнул Балин,— из-за этой девицы горько раскаиваюсь я, что убил рыцаря, ибо меж ними была великая и верная любовь.
И так ему было горестно, что не мог он их больше видеть, повернул коня и направился было к густому лесу[40]. Вдруг видит: навстречу ему скачет рыцарь, и в нем, по доспехам его, узнает своего брата Балана. Съехались они, сняли шлемы, поцеловались и заплакали оба от радости и от печали. И сказал Балан:
— Брат, не гадал я, не чаял повстречаться вдруг с вами на этой дороге, но я весьма радуюсь вашему избавлению из унылой темницы; ибо один человек в Замке Четырех Камней рассказал мне, что вас освободили,— он видел вас при дворе короля Артура. И потому я отправился в эти края, ибо где-нибудь здесь думал найти вас.
Тут Балин поведал брату о своем приключении с мечом, и о смерти Владычицы Озера, и о том, что он впал в немилость у короля Артура.
— Потому-то и послал он мне вослед вон того рыцаря, что лежит там мертвый. И гибель вот этой девицы горько меня печалит.
— И меня также,— сказал Балан.— Но нам следует принимать все испытания, какие ниспошлет бог

— Истинно так,— сказал Балин.— На душе у меня тяжело из-за немилости господина моего Артура, ибо он — славнейший из королей, ныне правящих на земле; и любовь его я себе верну, или же сложу голову в бою. Ибо король Риенс стоит с войском под замком Террабиль, и туда мы поспешим со всей быстротой, чтобы в бою доказать свою доблесть и поддержать свою добрую славу.
— Вы правы,— сказал Балан,— что решили ехать туда. Я же отправлюсь вместе с вами и вместе с вами подвергну жизнь свою опасности, как и надлежит брату.



КАК КАРЛИК УКОРЯЛ БАЛИНА ЗА СМЕРТЬ ЛАНСЕОРА, И КАК ИХ ТЕЛА НАШЕЛ КОРОЛЬ МАРК КОРНУЭЛЬСКИЙ И СООРУДИЛ НАД НИМИ ГРОБНИЦУ — А теперь в путь! — воскликнул Балин.— В добрый час была наша встреча.
Но пока вели они беседу, прискакал из города Камелота карлик, сидя верхом на коне, как умел, и увидел он два мертвых тела; и стал он стенать и плакать и от горя рвать волосы на голове, а потом спросил:
— Который из двух рыцарей свершил это?
— А ты почему спрашиваешь? — сказал Балан.
— Потому что хочу знать, — ответил карлик.
— Это я,— сказал Балин,— зарубил рыцаря, защищая мою жизнь; ибо он преследовал меня и нагнал, и либо мне было его убить, либо ему меня. А девица закололась сама из-за своей любви, и я о том сожалею. В память о ней буду я до конца дней моей жизни служить и помогать всем женщинам на свете.
— Увы! — сказал карлик,— ты причинил великое зло самому себе. Ибо рыцарь этот, что лежит здесь мертвый, был муж доблестнейший в свете. И знай, Балин, родичи этого рыцаря будут преследовать тебя по всей земле, покуда не убьют тебя[41].
— Ну это,— сказал Балин,— меня не очень страшит; но на сердце у меня тяжело оттого, что, быть может, я навлек на себя еще большую немилость господина моего короля Артура, убив этого рыцаря.
Пока так они друг с другом говорили, подъехал туда король Корнуэлла, который звался король Марк. Увидел он обоих убитых, узнал, что убиты они этими двумя рыцарями, как было рассказано выше, и оплакал горько великую и верную любовь, что была между ними.
И сказал он так:
— Не покину этого места, покуда не поставлю здесь над ними гробницу.
Разбил он там свои шатры и обшарил всю ту местность в поисках подходящего для них надгробья. И вот в одной церкви сыскали каменную плиту, красиво и богато отделанную[42]. Король повелел зарыть оба тела в землю, а сверху установили плиту и на ней начертали их имена: «Здесь покоится Лансеор, сын короля Ирландии, павший по своей вине от руки Балина, и леди Коломба, его возлюбленная, которая закололась его мечом от горя и тоски».



КАК МЕРЛИН ПРЕДРЕК, ЧТО ДВА ЛУЧШИХ РЫЦАРЯ В МИРЕ БУДУТ БИТЬСЯ ЗДЕСЬ В ПОЕДИНКЕ, И ЭТО — СЭР ЛАНСЕЛОТ ОЗЕРНЫЙ И СЭР ТРИСТРАМ ❧

Но покуда делали все это, пришел к королю Марку Мерлин и увидел, что там происходит.

— На этом самом месте,— сказал Мерлин,— быть величайшему поединку между двумя рыцарями, какой когда-либо был или будет, между двумя рыцарями, двумя верными любовниками; и ни тот ни другой не поразит противника насмерть.

И начертал Мерлин на гробнице золотыми буквами имена тех, кому предстояло сразиться на этом самом месте; имена же те были: Ланселот Озерный и Тристрам.

— Странный ты человек,— сказал король Марк Мерлину,— ты, говорящий столь странные вещи. Ты груб и неотесан — тебе не подобает вести речи о таких делах. Как твое имя? — спросил король Марк.

— Пока что,— отвечал Мерлин,— я не открою его вам. Но впоследствии, когда сэра Тристрама застанут с его госпожой, вы услышите и узнаете мое имя; и еще вы услышите тогда вести, какие не обрадуют вас.

— А ты, Балин,— обратился тут Мерлин к Балину,— ты причинил себе великое зло тем, что не помешал этой женщине заколоть себя. Ведь ты мог бы ее спасти, если бы только захотел.

— Жизнью клянусь,— отвечал Балин,— что не мог я ее спасти, ибо она бросилась на меч внезапно.

— Это печалит меня,— сказал Мерлин,— ибо из-за гибели той женщины ты должен будешь нанести самый плачевный удар, какой когда-либо наносил человек, кроме удара, нанесенного господу нашему Иисусу Христу. Ты поразишь верного рыцаря, мужа славнейшего из ныне живущих, и через этот удар на двенадцать лет ввергнешь три королевства в величайшие бедствия, невзгоды и страдания. И рыцарь тот многие годы не сможет оправиться от причиненной тобою раны.

И Мерлин собрался их покинуть.

— Нет,— сказал Балин,— не бывать тому; ибо если бы верил я, что ты говоришь правду, будто я свершу столь ужасное дело, я бы убил себя, дабы ты оказался лжецом.

Тут Мерлин исчез, а Балин и брат его стали прощаться с королем Марком.

— Но прежде,— сказал король,— назовите мне ваше имя.

— Сэр,— отвечал Балан,— вы видите, он при двух мечах, и потому можете называть его Рыцарем-о-Двух-Мечах.

И с тем уехал король Марк в Камелот к королю Артуру.

А Балин направил путь к королю Риенсу. Едут они так вдвоем и попадается им навстречу Мерлин в новом обличии, для них неузнаваем.

— Куда же это держите вы путь? — спросил Мерлин.

— Для чего станем мы отвечать вам? — сказали двое рыцарей.

— А как ваше имя? — спросил Балин.

— Имени своего,— отвечал Мерлин,— я вам пока что не открою.

— Это дурной знак,— сказали рыцари,— будь ты человек верный, ты бы не отказался открыть нам свое имя.
— Что ж,— молвил Мерлин,— это как бог даст. Но я могу сказать вам, для чего скачете вы этим путем: чтобы встретиться с королем Риенсом. Но вам не добиться удачи, если вы не воспользуетесь моим советом.
— Ну, тогда я знаю,— сказал Балин,— вы — Мерлин. Мы охотно поступим по вашему совету.
— Поскачем вперед,— сказал Мерлин,— и вы добьетесь великой славы. Только смотрите, поступайте по-рыцарски, ибо вам предстоит нелегкое дело.
— Не беспокойтесь,— отвечал Балин,— мы сделаем, что сможем.



КАК БАЛИН И ЕГО БРАТ ПО СОВЕТУ МЕРЛИНА ЗАХВАТИЛИ В ПЛЕН КОРОЛЯ РИЕНСА И ПРИВЕЗЛИ ЕГО К КОРОЛЮ АРТУРУ ❧ Заночевали Мерлин и двое рыцарей в лесу среди густой листвы подле дороги; с коней своих сняли сбрую и пустили их пастись, а сами улеглись на покой и проспали до полуночи. Перед самой полуночью Мерлин их разбудил и велел приготовиться.
— Ибо здесь поблизости сейчас проедет король, он тайно ускользнул от своего войска с шестью десятками своих лучших рыцарей верхами, и еще двадцать проследовали вперед, дабы предуведомить жену герцога де Ванса, ибо в эту ночь король Риенс задумал возлечь с нею.
— Который же из них король? — спросил Балин.
— Повремените,— ответил Мерлин,— и здесь вы с ним повстречаетесь.
И он указал Балину и его брату на короля. Тут выехали они навстречу королю и завязали с ним бой. Они выбили его из седла и нанесли ему жестокие раны и повергли его на землю. А рыцарей его разили они направо и налево и более сорока перебили, остальные же бежали. Тогда снова приблизились они к королю Риенсу и хотели было его заколоть, но он сдался им и попросил у них пощады. И сказал он так:
— Рыцари, исполненные доблести, не убивайте меня! Ибо оставив меня в живых, вы можете выиграть многое, от смерти же моей вам мало пользы.
— Ваша правда,— сказали рыцари, и потому положили они его в повозку.
А Мерлин тут вдруг исчез и явился прежде них к королю Артуру и поведал ему о том, что его злейший враг побежден и захвачен.
— Кем же это? — спросил король Артур.
— Двумя рыцарями,— отвечал Мерлин,— которые желали бы от души служить вам. А кто эти рыцари, вы узнаете завтра.
Вскоре после того прибыл Рыцарь-о-Двух-Мечах со своим братом, и привезли они с собой короля Риенса, что царствовал в Северном Уэльсе. Они передали его привратникам и поручили нести ко двору. А сами на рассвете дня уехали назад.
Пришел король Артур к королю Риенсу и сказал:

— Король, добро вам пожаловать. Какой случай привел вас сюда?
— Сэр,— отвечал король Риенс,— меня привел сюда несчастный случай.
— Кто же победил вас? — спросил король Артур.
— Сэр,— отвечал тот,— меня победил Рыцарь-о-Двух-Мечах и его брат, два рыцаря дивной доблести.
— Я не знаю их,— сказал Артур,— но я перед ними в великом долгу.
— О, сэр,— сказал тут Мерлин,— я открою вам правду. Это Балин, тот, что добыл заклятый меч, и брат его Балан, рыцарь добрый; не живет на свете человек, доблестью и честью его превосходящий. Но скоро он будет прегорько оплакан, ибо ему недолго осталось жить.
— Увы,— сказал король Артур,— это превеликой жалости достойно, ибо я перед ним в большом долгу и пока только злом отплатил ему за добро.
— Нет, нет,— сказал Мерлин,— он сделает для вас еще гораздо больше, вы о том скоро узнаете. Но, сэр, готовы ли вы к войне? — спросил Мерлин.— Ведь завтра войско короля Неро, который приходится братом королю Риенсу, нападет на вас еще до полудня с великими силами. А потому готовьтесь, я же теперь вас покину.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ВОЕВАЛ С КОРОЛЕМ НЕРО И С КОРОЛЕМ ЛОТОМ ОРКНЕЙСКИМ, И КАК КОРОЛЬ ЛОТ БЫЛ ОБМАНУТ МЕРЛИНОМ, И КАК БЫЛИ УБИТЫ ДВЕНАДЦАТЬ КОРОЛЕЙ ❧ Тогда король Артур снарядил десять полков, а Неро с великим войском, готовым к бою, стал на поле перед замком Террабиль. У него было тоже десять полков, но куда более многочисленных, чем у короля Артура. Еще был у Неро большой передовой отряд.

А Мерлин меж тем явился к королю Лоту, что царствовал над островом Оркнеем, и задержал его своими притчами-предсказаниями, покуда Неро и его люди не были разбиты. В битве той отличился сэр Кэй-Сенешаль, так что до конца дней слава не покидала его; и сэр Хервис де Ревель свершил в тот день вместе с Артуром замечательные подвиги. Король же Артур в тот день убил двадцать рыцарей и изувечил сорок. И прибыл туда Рыцарь-о-Двух-Мечах со своим братом, и такие они вдвоем явили чудеса, что король и все рыцари диву дались. Все, кто видели их в бою, говорили, что это ангелы, посланные с неба, или же дьяволы из преисподней. Сам король Артур сказал, что никогда не видел он рыцарей доблестнее, ибо они наносили такие удары, что все на них дивились.

А тем временем приехал один рыцарь к королю Лоту и поведал ему о том, что, покуда он медлил, Неро с войском разбит и уничтожен.
— Увы,— вскричал король Лот,— позор мне; ибо по моей вине погибло немало славных мужей. ведь выступи мы с ним вместе, не нашлось бы на свете воинства, равного нашему. Но этот обманщик посмеялся надо мною своими предсказаниями.

Все это сделал Мерлин, ибо он знал, что, окажись король Лот со своим войском на поле битвы, король Артур был бы убит и все его полки рассея-

ны и уничтожены. Мерлин-то знал, что из двух королей одному пасть мертвым в тот день; и как ни жаль ему было и того и другого, но из двух он предпочитал, чтобы убили Лота Оркнейского, нежели Артура.

— Как теперь мне лучше поступить? — спросил король Лот,— заключить ли с королем Артуром мир или же воевать с ним? Ведь почти все наши люди перебиты и полки рассеяны.

— Сэр,— сказал ему один рыцарь,— нападите на Артура, ибо его люди устали и обессилели после боя, наши же силы свежи.

— Что до меня,— сказал король Лот,— то я бы хотел, чтобы каждый рыцарь исполнил свой долг, как я исполню мой.

И вынесли они вперед знамена, и ударили на тех, так что копья в щепы разлетелись. Но рыцари короля Артура с помощью Рыцаря-о-Двух-Мечах и брата его Балана взяли верх над королем Лотом и его войском. Сам король Лот был все время впереди и являл чудеса доблести, ведь он одолевал любого рыцаря, все его войско было взращено его руками. Увы! ему не суждено было остаться в живых, и это превеликой жалости достойно, чтобы столь славный рыцарь потерпел поражение. Ведь прежде он был рыцарем короля Артура и женат был на его сестре. Но из-за того, что король Артур возлежал с его женою и она родила от него Мордреда, король Лот и выступал теперь всегда против Артура.

А был там один рыцарь, которого звали Рыцарем Чудесного Зверя, настоящее же имя его было Пелинор; то был воин доблестный, каких немного насчитывалось в его время. Он нанес королю Лоту могучий удар, когда рубился тот со своими врагами, но пришелся удар мимо и рассек шею его коня. Конь рухнул наземь вместе с королем Лотом. И в этот миг король Пелинор нанес ему великий удар и пробил ему шлем и череп до бровей.

Тут все войско Оркнейское обратилось в бегство, испуганное смертью короля Лота, и были они захвачены и перебиты, все воины до единого. Но вина за смерть короля Лота была на короле Пелиноре, и сэр Гавейн отомстил за смерть своего отца через десять лет после того, как был возведен в рыцари, и убил короля Пелинора своею собственной рукой. А всего с королем Неро в той битве пало двенадцать королей с Лотовой стороны, и были они похоронены в церкви святого Стефана в Камелоте. Останки же рыцарей и простых воинов заключили в большую пещеру.



О ПОХОРОНАХ ДВЕНАДЦАТИ КОРОЛЕЙ И О ПРОРОЧЕСТВЕ МЕРЛИНА, КАК БАЛИН НАНЕСЕТ ПЛАЧЕВНЫЙ УДАР ❧ А в день похорон прибыла туда Моргауза, жена короля Лота, с четырьмя своими сыновьями: Гавейном, Агравейном, Гахерисом и Гаретом. Еще прибыли король Уриенс, отец сэра Ивейна, с Феей Морганой, женой своей, что приходилась сестрой королю Артуру. Все они приехали, дабы присутствовать при погребении. Но из всех двенадцати королей король Артур повелел сделать самое богатое надгробье для короля Лота и установил его сам.

А еще король Артур повелел отлить и поставить двенадцать фигур из бронзы и меди, покрытых золотом, в виде тех двенадцати королей, и каждая держала в руке восковую свечу, и горели эти свечи день и ночь. А над ними воздвигли фигуру короля Артура с обнаженным мечом в руке, и всем тем двенадцати фигурам был придан вид побежденных. Все это сделал Мерлин тонким своим искусством.

И еще объявил он королю Артуру, что после его смерти свечи те погаснут, и будет это, когда завершится подвиг взыскующих Святого Грааля, «который явится среди вас и будет достигнут иными из вас». Рассказал он также королю Артуру о том, что Балин, славный рыцарь, нанесет плачевный удар, за который падет потом великая месть.

— А где же Балин, Балан и Пелинор?

— Что до короля Пелинора,— отвечал Мерлин,— то его вы в скором времени увидите снова. И Балин недолго пробудет вдали от вас. Но брат его уже не вернется, его вы больше не увидите.

— Клянусь верою,— сказал Артур,— они оба рыцари мужественные; Балин превосходит доблестью любого рыцаря на свете, и я перед ним в большом долгу. Как бы я хотел, чтобы он находился при нас!

— Сэр,— сказал ему Мерлин,— смотрите, берегите ножны Экскалибура, ибо пока эти ножны при вас, вы не потеряете ни капли крови, сколько бы ни нанесли вам ран.

(Впоследствии Артур в знак великого доверия отдал ножны Фее Моргане, сестре своей.

Она же любила другого рыцаря более, нежели своего мужа, короля Уриенса, или Артура. И она замыслила погибель своему родному брату Артуру и для того приказала сделать другие ножны для Экскалибура, волшебно подобные прежним, а ножны Экскалибура отдала своему возлюбленному. Акколон звали того рыцаря, который после едва не убил короля Артура.)

И еще объявил Мерлин королю Артуру пророчество, что у Солсбери будет некогда великая битва, в которой его собственный сын Мордред выйдет против него. Он сказал также, что Багдемагус приходится кузеном ему и королю Уриенсу.



КАК НА АРТУРА ВЫЕХАЛ ПЕЧАЛЬНЫЙ РЫЦАРЬ, КАК БАЛИН ДОГНАЛ И ВЕРНУЛ ЕГО И КАК ТОТ РЫЦАРЬ БЫЛ УБИТ НЕВИДИМЫМ РЫЦАРЕМ ❧ Прошел день-другой, и король слегка занемог. Повелел он разбить свой шатер на лугу, и лег там на постель, желая забыться сном; но не было ему отдыха. Слышит он громкий конский топот. Тут же выглянул король из шатра и видит: скачет мимо рыцарь в превеликой печали.

— Помедлите, любезный сэр,— сказал Артур,— и откройте мне, из-за чего предаетесь вы такой скорби?

— Вы все равно не сможете мне помочь,— отозвался рыцарь и проехал мимо по дороге на замок Мелиот.

Вскоре вслед за ним появился там Балин.

Увидел он короля Артура, сошел с коня, подошел к королю пешком и приветствовал его.

— Клянусь головой моею,— сказал Артур,— мы рады видеть вас у себя. Сэр, только что здесь проехал рыцарь в превеликой печали, но о чем он так печалился, того я сказать не могу. И потому я желаю, чтобы вы, благородный и учтивый рыцарь, вернули назад того рыцаря, доброй ли волею, либо силой.

— Я сделаю и больше для вашего величества,— отвечал Балин. — Он возвратится, а не то ему будет плохо.

И поскакал Балин скорой рысью и нагнал того рыцаря, а он сидел в лесу под деревом с девицею. Балин сказал:

— Сэр рыцарь, вам должно отправиться со мною к королю Артуру, дабы вы поведали ему о причине вашей печали.

— Нет, я не сделаю этого,— отвечал рыцарь,— ибо мне от того был бы большой вред, вам же никакой пользы.

— Сэр,— сказал ему Балин,— я прошу вас, собирайтесь в путь, ибо вы должны поехать со мною, иначе мне придется сражаться с вами, а мне бы очень этого не хотелось.

— Поручитесь ли вы мне за мою безопасность,— спросил рыцарь,— если я отправлюсь с вами?

— О да,— отвечал Балин,— иначе, клянусь телом и душою, я сам приму смерть.

Тогда собрался он в путь и поскакал с Балином, а девицу оставил там. Но когда они уже были у шатра Артура, вдруг приблизился к рыцарю, что прискакал с Балином, некто невидимый и насквозь пронзил его копьем.

— Увы! — сказал рыцарь,— я убит рыцарем по имени Гарлон, хотя и был под вашим охранным ручательством. А потому возьмите моего коня, который лучше вашего, скачите к той девице и поезжайте дальше моим путем, чтобы довести до конца мое дело, как она поведет вас. И когда сможете, отомстите за мою смерть.

— Так я и сделаю,— отвечал Балин,— и в том даю клятву во имя бога и рыцарства.

И с тем покинул он короля Артура в превеликой скорби.

А король Артур повелел богато похоронить рыцаря и на могиле у него написать о том, что здесь был убит рыцарь Харлеус и кем предательство было свершено.

А обломок копья, которым был поражен сэр Харлеус Бородатый, всю жизнь возила с собой та благородная девица.



КАК БАЛИН С ДЕВИЦЕЮ ПОВСТРЕЧАЛИ ДРУГОГО РЫЦАРЯ, КОТОРЫЙ БЫЛ УБИТ ТАКИМ ЖЕ ОБРАЗОМ, И КАК ДЕВИЦА ОТДАЛА СВОЮ КРОВЬ ВО ИСПОЛНЕНИЕ ОБЫЧАЯ ЗАМКА

Вот едут Балин и девица, и углубились они в лес, и повстречался им там рыцарь, который возвращался с охоты. Спрашивает рыцарь у Балина о причине его великой скорби.

— Я не расположен отвечать вам,— говорит ему Балин.

— Ах так,— сказал тот рыцарь,— будь только я вооружен, как вы, я бы сразился с вами, раз вы отказываетесь отвечать.

—В этом нет нужды,— сказал Балин,— ведь я не со страху не хотел вам отвечать,— и он рассказал ему обо всем, что было.

— Ах,— сказал рыцарь,— и это все? В таком случае я клянусь вам верою своею и жизнью, что отныне никогда не покину вас, покуда я жив. И они отправились на подворье, где он стоял, он там вооружился и поскакал дальше вместе с Балином.

Но когда проезжали они мимо хижины отшельника подле кладбища, снова приблизился невидимо Гарлон и поразил того рыцаря Перина де Маунт-Белиарда, пробив ему насквозь грудь пикою.

— Увы! — сказал рыцарь,— я убит этим предателем, который подъезжает невидимый.

— Увы мне,— сказал Балин,— это уже не первое оскорбление, которое он мне наносит.

Отшельник с Балином похоронили рыцаря под богато изукрашенным камнем, под надгробьем королевским. А наутро оказались на том камне золотые письмена о том, что сэр Гавейн отмстит королю Пелинору за смерть своего отца короля Лота.

После того поехали Балин и девица дальше и подъехали к замку. Спешился Балин и вошел в замок. Только он вошел, ворота за ним опустились, а на девицу набросилось много людей и хотели ее убить. При виде того сокрушался Балин, ибо помочь он ей не мог. Но потом взбежал он на башню и перепрыгнул через стены прямо в ров, не повредив себе. Обнажил он меч и хотел вступить с ними в бой. Но они все сказали, что не станут биться с Балином, ведь они лишь исполняли старый обычай этого замка. Они рассказали ему, что владелица замка уже много лет лежит больная, и ей не поправиться, покуда не принесут ей серебряное блюдо, полное крови непорочной девицы и королевской дочери.

— И потому обычай этого замка таков, что ни одна девица не проедет мимо, не отдав серебряное блюдо своей крови.

— Ну что ж,— сказал Балин,— пусть она отдаст вам своей крови, сколько надо, но пока я жив, я не позволю вам лишить ее жизни.

Дала девица по доброй воле пустить себе кровь, но ее кровь не помогла владелице замка. В замке им было оказано доброе гостеприимство, и они провели там всю ночь, а утром отправились дальше. А потом, как рассказано в книге о Святом Граале, сестра сэра Персиваля спасла ту даму, отдав ей свою кровь, а сама оттого умерла.



КАК БАЛИН ПОВСТРЕЧАЛ НА ПИРУ ТОГО РЫЦАРЯ ПО ИМЕНИ ГАРЛОН И УБИЛ ЕГО, ЧТОБЫ ЕГО КРОВЬЮ ИСЦЕЛИТЬ СЫНА ТОГО, КТО ОКАЗАЛ ЕМУ ГОСТЕПРИИМСТВО ❧ Дня три или четыре ехали они без приключений. Потом случилось им заночевать у одного дворянина. Сели они за ужин, и вдруг слышит Балин, в соседнем покое громко и горько кто-то стонет.

— Что это за шум? — спросил Балин.

— Увы,— отвечал хозяин,— я расскажу вам. Был я недавно на турнире и бился там с одним рыцарем, который приходится братом королю Пеламу, и дважды поверг я его наземь. А он поклялся отплатить мне через того, кто мне всего дороже. И вот он нанес рану моему сыну, а она не заживает, покуда я не добуду крови того рыцаря. Он же подъезжает всегда невидимый, и имени его я не знаю.

— А-а,— сказал Балин,— зато я знаю имя этого рыцаря; его зовут Гарлон, и он уже убил таким образом двух рыцарей — моих друзей. И потому встреча с ним для меня желаннее, нежели все золото этого королевства, из-за того оскорбления, что он мне причинил.

— Тогда,— сказал ему хозяин,— я научу вас, как с ним встретиться. Король Пелам Листенойзский распорядился возвестить по всей стране, что через двадцать дней он устроит великое празднество, на которое ни один рыцарь не имеет права явиться без жены или возлюбленной. Там-то вы и увидите вашего и моего врага.

— В таком случае,— сказал Балин,— я обещаю вам его крови для исцеления вашего сына.

— Тогда отправимся в путь завтра же,— сказал хозяин.

Наутро пустились они все втроем в путь к королю Пеламу и ехали пятнадцать дней, прежде чем добрались до места. А там как раз в день их приезда началось великое празднество.

Они спешились, поставили в стойла лошадей и пошли в замок, но Балинова спутника не впустили, ибо он был без дамы.

— Рыцарь, почто убил ты моего брата? За это не уйти тебе отсюда живым!

— Нет,— сказал Балин,— этого я не сделаю, ибо у меня на родине обычай таков, чтобы рыцарь не расставался со своим оружием. Иначе,— сказал он,— я отправлюсь туда, откуда прибыл.

Тогда ему позволили остаться при мече, и он вошел в залу и очутился на пиру в обществе благородных рыцарей, ведя перед собой свою даму.

И спросил Балин одного рыцаря:

— Нет ли здесь при дворе рыцаря по имени Гарлон?

— Да, сэр, есть такой. Вон он идет, рыцарь, черный лицом, равного ему рыцаря на свете нет. И он губит немало добрых рыцарей, ибо он приближается невидимый.

— Вот как,— сказал Балин.— Значит, это он?

Потом задумался Балин и долго размышлял, как ему поступить: «Если я убью его здесь, мне отсюда не выбраться. А если я уеду так, то, быть может, другого случая встретиться с ним у меня не будет, и он, оставшись в живых, станет и дальше творить зло».

Но тут Гарлон заметил, что Балин разглядывает его, подошел и ударил Балина по лицу тыльной стороной ладони, сказав:

— Рыцарь, почему ты так смотришь на меня? Стыдись! Раз ты на пиру, то ешь, делай то, ради чего ты сюда пришел.

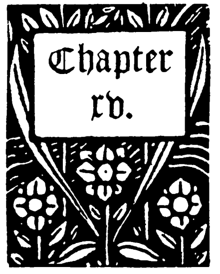
— Правда твоя,— отвечал Балин,— ведь это уже не первое оскорбление, какое ты мне наносишь. И потому я сделаю то, ради чего сюда пришел.

Поднялся он в ярости и раскроил ему голову до плеч.

— А теперь,— сказал он своей даме,— дайте мне острие того копья, которым он убил вашего рыцаря.

И она дала ему обломок копья, ибо всегда носила его с собой. Балин пронзил им ему грудь и возгласил во всеуслышанье:

— Этим копьем убил ты доброго рыцаря — теперь же оно торчит у тебя в груди!



КАК БАЛИН БИЛСЯ С КОРОЛЕМ ПЕЛАМОМ, КАК СЛОМАЛСЯ ЕГО МЕЧ И КАК ОН ДОБЫЛ КОПЬЕ, КОТОРЫМ ВПОСЛЕДСТВИИ НАНЕС ПЛАЧЕВНЫЙ УДАР ❧ Потом кликнул Балин того дворянина, что дал им приют и привел туда:

— Теперь мы можем набрать довольно крови, чтобы исцелить вашего сына!

Тут все рыцари повскакали из-за стола и хотели было наброситься на Балина. Сам король Пелам поднялся в ярости и воскликнул:

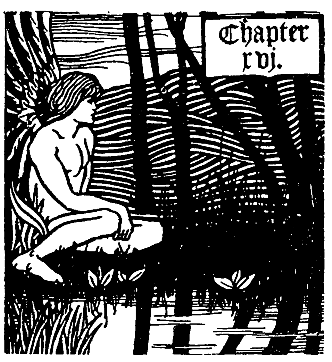
— Рыцарь, почто убил ты моего брата? За это не уйти тебе отсюда живым!

— Что ж,— сказал Балин,— убейте меня своей рукой.

— Именно так,— отвечал Пелам,— никто иной не вступит с тобой в поединок, но лишь я, во имя любви к моему брату.

Тут схватил король Пелам устрашающий меч и замахнулся яростно на Балина, но он выставил над головою свой меч, и удар пришелся по нему, так что разлетелся меч в куски. Оказавшись безоружным[43], бросился Балин в замковые покои искать себе оружие и бежал из покоя в покой, но не мог сыскать себе меча. А король Пелам все гнался вслед за ним. Наконец очутился он в покое, чудесно и богато убранном; там была кровать под золотым покрывалом, какого богаче и не бывает, и в ней кто-то лежал, а рядом стоял стол из чистого золота. На том столе стояло чудесное копье, украшенное дивным узором.

Увидел Балин копье, схватил его, обернулся и бросился на короля Пелама. Он сбил его с ног и нанес ему тем копьем жестокую рану, так что упал король Пелам без памяти. Тут рухнул замок, и стены его, и кровли,— все обрушилось на землю. И Балин упал и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, и почти все, кто был в том замке, погибли через тот плачевный удар.



КАК БАЛИН БЫЛ ВЫЗВОЛЕН ИЗ-ПОД РАЗВАЛИН МЕРЛИНОМ И СПАС РЫЦАРЯ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ УБИТЬ СЕБЯ ОТ ЛЮБВИ

Так пролежали король Пелам и Балин три дня.

Потом прибыл туда Мерлин, поднял Балина, дал ему доброго коня, ибо его конь погиб, и сказал ему, чтобы он покинул ту страну.

— Сэр, пусть мне возвратят мою даму,— отвечал Балин.

— Взгляни: вон она лежит мертвая,— сказал Мерлин.

А король Пелам пролежал жестоко изувеченный много лет и не мог поправиться, покуда не исцелил его Галахад, Высокородный Принц, взыскующий Святого Грааля. Ибо в том сосуде содержалась толика крови господа нашего Иисуса Христа, которую привез в нашу землю Иосиф Аримафейский. Это он и лежал в той богатой постели. А копье это было то самое, коим Лонгин пронзил сердце господа нашего. Король Пелам приходился Иосифу прямым потомком, и был он благороднейшим мужем изо всех в те времена, и превеликой жалости достойно, что он был так покалечен, ибо через тот плачевный удар была великая скорбь, мука и страдание.

А Балин распрощался с Мерлином.

— Ибо,— сказал тот,— никогда в этом мире нам больше не встречаться, не расставаться.

И поехал он прочь. Едет он по полям и лугам, по городам прекрасным, и везде валяются мертвые, а кто в живых остался, те стонут и кричат ему вслед:

— Ах, Балин! Ты причинил в наших краях великий вред и бедствия! Через плачевный удар, что нанес ты королю Пеламу, погубил ты три королевства. И знай, все равно падет на тебя отмщение!

И потому Балин был рад, когда те три королевства остались позади, он скакал восемь дней, прежде чем встретилось ему новое приключение.

Въехал он в густой лес на дне долины и увидел там башню. Неподалеку от башни стоял могучий конь, привязанный к дереву, а подле него сидел на земле добрый рыцарь в великой печали, хоть был он собой пригож и ладен и строен. Балин сказал ему:

— Спаси вас господь! Отчего вы так печальны? Поведайте мне причину, и я помогу вам, если то будет в моих силах.

— Сэр рыцарь,— отвечал тот,— не мучай меня, ибо я погружен был в сладкие думы, ты же возвращаешь меня к страданиям.

Балин отъехал немного, чтобы поглядеть на его коня, и слышит, рыцарь говорит про себя: «О, прекрасная дама! Зачем, зачем нарушили вы данное мне обещание? Ведь вы обещали встретиться здесь со мною в полдень. А теперь да падет на вас проклятье, ибо этим мечом, что подарили мне вы, я решил себя убить». И вытащил он меч. Тут Балин к нему подошел и взял его за руку.

— Отпусти мою руку,— сказал рыцарь,— иначе я убью тебя!

— В этом нет нужды,— отвечал ему Балин,— ибо клянусь, я готов помочь вам найти вашу даму, если вы скажете мне, где ее искать.

— А как ваше имя?

— Сэр, мое имя — Балин Свирепый.

— О, сэр, это имя мне хорошо знакомо: вы — Рыцарь-о-Двух-Мечах, муж величайшей доблести, какого видел мир.

— А как ваше имя? — спросил Балин.

— Мое имя Гарниш-Горец, я сын бедного человека, но за храбрость мою и доблесть герцог возвел меня в рыцари и даровал мне земли. Зовут этого герцога Хервис, и это его дочь * [я люблю, а она, как я полагал, любит меня.

— А далеко ль она сейчас отсюда? — спросил Балин.

— В шести лишь милях,— ответил рыцарь.

— Едем туда,— сказали оба рыцаря.

И поскакали они во весь опор и подъехали к прекрасному замку, крепкими стенами обнесенному и глубокими рвами окруженному.

— Я войду в замок,— сказал Балин,— и погляжу, там ли она.

Вот проник он в замок, стал шарить всюду, переходя из покоя в покой, нашел ее постель, но ее там не было. Потом заглянул Балин в прекрасный сад, и там, под лавровым деревом, на разостланном одеяле зеленого шелку лежала она, а в объятьях у нее рыцарь, и крепко обнялись они, а под головами у них — цветы и травы. Увидел Балин, что лежит она так с безобразнейшим рыцарем, какого свет видывал, хоть сама она собою прекрасна, прошел он назад через все покои и рассказал рыцарю, как нашел ее, крепко спящую, и привел он его в то место, где она лежала и крепко спала.



КАК ЭТОТ РЫЦАРЬ УБИЛ СВОЮ ВОЗЛЮБЛЕННУЮ И РЫЦАРЯ, С НЕЮ ЛЕЖАВШЕГО, И КАК ОН ПОСЛЕ ЭТОГО УБИЛ СЕБЯ СОБСТВЕННЫМ МЕЧОМ, И КАК БАЛИН ПОЕХАЛ ДАЛЬШЕ К ЗАМКУ, ГДЕ ВСТРЕТИЛ СВОЮ СМЕРТЬ ❧ Когда увидел ее Гарниш там, лежащую в глубоком сне, хлынула у него от горя кровь носом и ртом, и он мечом своим отсек им обоим головы. А потом стал горестно стенать и плакать и молвил:

— О Балин! Ты причинил мне великое горе, ведь не приведи ты меня сюда, я еще сумел бы пережить мое горе.

— Но видит бог,— сказал Балин,— я сделал это с одной лишь целью, чтобы придать вам мужества и чтобы вы, увидев и поняв всю лживость этой

дамы, перестали любить ее; воистину, я поступил с вами только так, как желал бы, чтобы вы поступили со мною.
— Увы,— сказал Гарниш,— теперь вдвойне возросло мое горе, и не под силу мне его вынести, ибо я убил ту, которую любил больше всех в моей жизни!
И с этими словами он вдруг вонзил себе в грудь меч по рукоятку.
Как увидел это Балин, тут же поспешил он оттуда прочь, чтобы люди не сказали, будто это он убил их. Ехал он, ехал и через три дня подъехал к большому кресту, а на кресте том золотыми буквами было начертано[44]: «Ни единому рыцарю не должно в одиночку приближаться к этому замку». Потом увидел он, что подходит к нему седой старец и говорит: «Балин Свирепый, ты заехал сюда, свернув со своего пути, а потому возвращайся назад, ради своей же пользы». И, сказав так, вдруг исчез.
Потом услышал он звук рога, точно на охоте, когда забита дичь.
— Этот рог,— сказал Балин,— трубит по мне, ибо дичь эта —я, однако я еще жив.
И тут он вдруг увидел сто дам и множество рыцарей, и они приветствовали его с любезным видом и выказали ему большое радушие и отвели его в замок, и там были танцы и игры менестрелей[45] и всяческое веселье. Потом владелица замка приблизилась к нему и промолвила:
— Рыцарь-о-Двух-Мечах, вы должны вступить в поединок и сразиться с одним рыцарем, что живет здесь поблизости и владеет островом, ибо никто не может здесь проехать, прежде не сразившись с ним.
— Это недобрый обычай,— сказал Балин,— если рыцарь не может проехать этим путем без боя.
— Вам надобно сразиться лишь с одним рыцарем,— сказала ему дама.
— Ну что ж,— отвечал Балин,— раз так надобно, то я готов; правда, путники нередко бывают усталыми, и кони их тоже, но хоть конь мой устал, сердце мое не устало. Да и если тут смерть моя, я с радостью ее приму.
— Сэр,— сказал Балину один рыцарь,— мне сдается, что ваш щит не хорош; молю, позвольте мне сменить его вам на больший.
И взял Балин щит, никому не ведомый, а свой оставил и поскакал на остров. Вошел он с конем своим в большую ладью, а когда вышел на другом берегу, то повстречалась ему благородная девица и сказала:
— О рыцарь Балин, зачем оставили вы ваш собственный щит? Увы! великой опасности подвергли вы себя, ибо по вашему щиту вас можно было признать. Жаль вас, как никого из рыцарей, ибо в храбрости и доблести нет тебе равных на свете.
— Я сожалею,— сказал Балин,— что заехал в здешние края; но теперь я уже не могу повернуть назад, это был бы позор, и что бы мне ни было суждено, жизнь ли, смерть ли, я готов принять любое испытание, какое выпадет на мою долю.
Оглядел он свои доспехи, увидел, что снаряжен хорошо, и, благословясь, поднялся в седло.



КАК БАЛИН ВСТРЕТИЛСЯ СО СВОИМ БРАТОМ БАЛАНОМ И КАК ОНИ РУБИЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ, ТОГО НЕ ВЕДАЯ, ПОКА НЕ НАНЕСЛИ ОДИН ДРУГОМУ СМЕРТЕЛЬНЫЕ РАНЫ ❧ Вскоре видит он: скачет ему навстречу из замка рыцарь, конь его под красным чепраком и сам он облачен в одежды того же цвета. Увидел его тот рыцарь в красном, и по двум его мечам подумалось ему, что это брат его Балин, но потом, раз не узнал он его щита, то и счел, что это не он. И вот наставили они копья и ринулись друг на друга со всей силою, ударили один другого по щиту, и так крепок был этот удар и копья их так крепки, что рухнули и кони и всадники, и остались оба лежать без чувств на земле.

Из них сильнее пострадал Балин, когда падал с коня, ибо он устал с дороги. А Балан первым поднялся на ноги, обнажил свой меч и пошел на Балина, но тот также вскочил и пошел на него. Балан разил первым, загородившись щитом, он пробил Балину щит и рассек ему шлем. Но тут и Балин нанес ответный удар злосчастным своим мечом и едва не сразил своего брата Балана. Так они бились друг с другом, покуда совсем не задохнулись.

Тут взглянул Балин вверх и увидел, что на всех стенах и башнях замка стоят дамы. И снова схватились оба рыцаря и прежестокие наносили друг другу раны, и дышать они стали громко и часто, и так бились они, что все кругом было красным от крови. У каждого из них к тому времени зияло на теле по семи ужасных ран, из коих наималейшая одна причинила бы смерть огромнейшему из великанов на свете.

А они все продолжали биться, да так, что не верили люди потом, слушая рассказы об их поединке, столько было тогда пролито крови. Латы их расклепались, и тела их были обнажены. Наконец, Балан, младший из братьев, отступил и повалился на землю. Тут спросил его Балин Свирепый:

— Кто ты, рыцарь? Ведь до сей поры не встречал я рыцаря, равного себе.

— Имя мое,— отвечал тот,— Балан, я брат славному рыцарю Балину.

— Увы! — вскричал Балин,— лучше бы не дожить мне до этого дня!

И с тем рухнул он наземь без чувств.

А Балан приподнялся на четвереньках, подполз к брату своему, снял с него шлем, но не мог его признать по лицу, так оно было все изрублено и окровавлено: но тот, придя в себя, воскликнул так:

— О Балан, мой брат! Ты зарубил меня, а я тебя, из-за того весь белый свет будет говорить о нас с тобою.

— Увы мне! — сказал Балан.— Зачем дожил я до такого дня, когда по воле злого случая я вас не смог признать! Ведь я видел ваши два меча, но из-за того, что вы были при другом щите, я судил, что это не вы, а другой рыцарь.

— Увы! — сказал Балин,— во всем этом виноват тот злосчастный рыцарь в замке, который уговорил отдать ему мой щит, к моей и твоей погибели.

Если б только остался я жив, я бы разрушил тот замок за злой их обычай.
— И хорошо бы сделали,— сказал Балан,— ибо вот уже сколько времени я не мог покинуть эти места, в которые заехал, ибо так случилось, что я убил здесь рыцаря, владевшего этим островом, и с тех пор меня отсюда не выпускали, как и вас не выпустили бы, брат, если бы вы, убив меня, сами вышли бы из поединка живым.
В это самое время спустилась к ним владелица замка с четырьмя рыцарями, шестью дамами и шестью при них прислужниками и услыхала, как они оплакивают друг друга, говоря: «Из одного лона вышли мы, из чрева одной матери, и потому лежать нам в одной могиле». И Балан испросил у этой дамы милости, чтобы за верную его службу она повелела похоронить их обоих на том самом месте, где они сражались, и она со слезами пообещала ему, что так и будет все сделано, и похоронят их богато и достойно.
— А теперь пошлите за священником, дабы было свершено над нами последнее таинство и мы причастились священного тела господа нашего Иисуса Христа.
— Хорошо,— отвечала дама,— все будет исполнено,— и послала за священником, и они приняли последнее причастие.
— Ну вот,— сказал Балин,— когда похоронят нас в одной гробнице и сверху на камне напишут о том, как убили друг друга два брата, то не найдется рыцаря славного или доброго человека, который, проходя мимо нашей могилы, не помолится о спасении наших душ.
И все дамы и кавалеры плакали от жалости. Вскоре умер Балан, но Балин прожил еще до полуночи. После того похоронили их обоих, и владелица замка повелела записать на камне имя Балана и как он был убит рукою брата своего, Балинова же имени она не знала.



КАК МЕРЛИН ПОХОРОНИЛ ИХ ОБОИХ В ОДНОЙ ГРОБНИЦЕ, И О МЕЧЕ БАЛИНА

Наутро прибыл туда Мерлин, и по его указанию было на камне начертано золотыми буквами имя Балина: «Здесь лежит Балин Свирепый, что звался Рыцарем-о-Двух-Мечах и нанес плачевный удар». И еще Мерлин сделал тогда волшебную кровать, в которую кто бы ни лег, становился безумным. Но Ланселот Озерный разрушил те чары своим благородством.
Когда умер Балин, взял Мерлин его меч, снял с рукояти и насадил на другую.] И сказал рыцарю, подле стоявшему, чтобы взял он тот меч, но рыцарь как ни старался, не мог его поднять. Мерлин засмеялся.
— Почему смеешься ты? — спрашивает рыцарь.
— Вот какая тому причина,— отвечает Мерлин,— никому на свете не владеть этим мечом, кроме лучшего из рыцарей, какого видел свет, и то будет сэр Ланселот или же сын его Галахад. Ланселот же мечом этим убьет того, кто ему всех на свете дороже, и то будет сэр Гавейн.
И все это записал он на рукоятке меча.

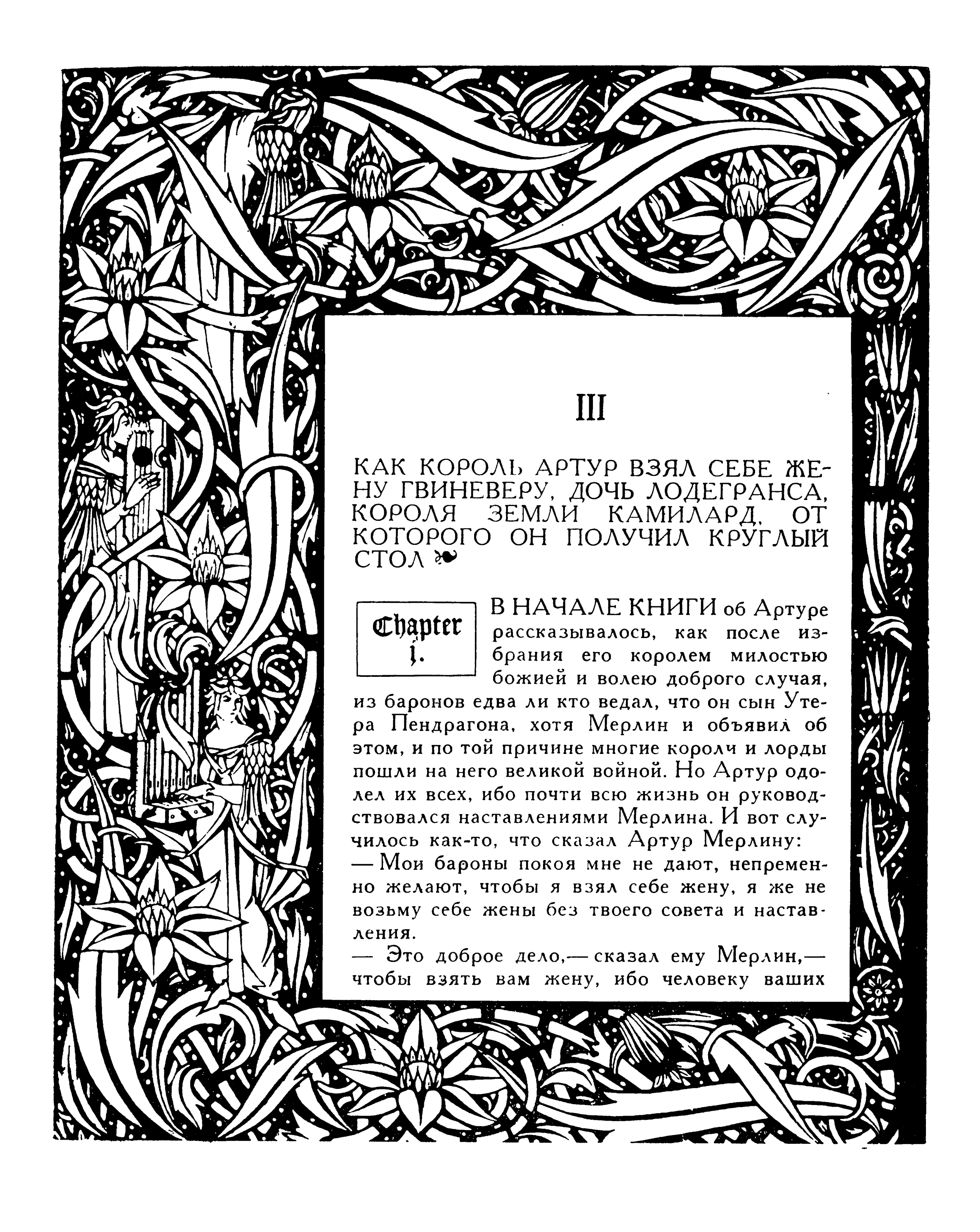
После того распорядился Мерлин перекинуть на остров мост из железа и стали всего лишь в полфута шириною. «Перейти же этот мост сможет и ступить на него отважится лишь тот, кто добр душой, кто не ведает подлости и измены». А ножны от Балинова меча Мерлин оставил на острове, чтобы Галахаду их там найти. И еще искусством своим сделал Мерлин так, что Балинов меч оказался воткнут в мраморный камень высотой с верстовой столб, который торчал из воды, и в нем меч оставался долгие годы. Но в конце концов случилось так, что столб смыло и принесло потоком в город Камелот, по-английски именуемый Винчестер, и в тот же самый день Галахад, Высокородный Принц, прибыл к королю Артуру; он привез с собою ножны и извлек тот меч из мраморного столба, торчавшего над водою. Он достал тот меч в Троицын день, как о том повествуется в «Книге о Святом Граале».

Мерлин же после того, как сделал все это, явился к королю Артуру и поведал ему о плачевном ударе, что нанес Балин королю Пеламу, и как сражались Балин и Балан в неслыханном поединке и что похоронили их обоих в одной могиле.

— Увы! — сказал король Артур,— это самая печальная весть, какую случалось мне слышать о двух рыцарях, ибо на этом свете не знаю я других таких двух рыцарей.

Так кончается повесть о Балине и Балане, двух братьях, рожденных в Нортумберланде, которые были лучшими рыцарями изо всех в свои дни.

Explicit [46]



III

КАК КОРОЛЬ АРТУР ВЗЯЛ СЕБЕ ЖЕНУ ГВИНЕВЕРУ, ДОЧЬ ЛОДЕГРАНСА, КОРОЛЯ ЗЕМЛИ КАМИЛАРД, ОТ КОТОРОГО ОН ПОЛУЧИЛ КРУГЛЫЙ СТОЛ ❧

Chapter i.

В НАЧАЛЕ КНИГИ об Артуре рассказывалось, как после избрания его королем милостью божией и волею доброго случая, из баронов едва ли кто ведал, что он сын Утера Пендрагона, хотя Мерлин и объявил об этом, и по той причине многие короли и лорды пошли на него великой войной. Но Артур одолел их всех, ибо почти всю жизнь он руководствовался наставлениями Мерлина. И вот случилось как-то, что сказал Артур Мерлину:

— Мои бароны покоя мне не дают, непременно желают, чтобы я взял себе жену, я же не возьму себе жены без твоего совета и наставления.

— Это доброе дело,— сказал ему Мерлин,— чтобы взять вам жену, ибо человеку ваших

достоинств и вашего благородства не должно оставаться неженатым. Однако есть ли на свете такая,— спросил Мерлин,— что больше была бы вам по сердцу, нежели другие?

— Да,— ответил король Артур.— Мне по сердцу Гвиневера, дочь короля Лодегранса из страны Камилард, того самого, что хранит у себя в доме Круглый Стол[47], который получил он, как рассказывал мне ты, от моего отца Утера. Эта девица — достойнейшая и прекраснейшая из всех живущих на земле или, по крайней мере, из всех, кого смог я найти.

— Без сомнения,— сказал Мерлин, — красотою и добронравием она превосходит многих. Но если бы вы не любили ее, я нашел бы вам другую девицу, прекрасную и добрую нравом, которая пришлась бы вам по вкусу и по сердцу, не будь ваше сердце уже отдано. Но когда человек уже нашел себе избранницу сердца, он не склонен отступаться.

— Это правда,— сказал король Артур.

Но Мерлин предостерег короля темными словами, что Гвиневера — не подходящая для него жена. Ибо, предостерегал он, ее полюбит Ланселот, и она его. И под конец повел Мерлин речь о Святом Граале.

После того испросил он у короля людей, дабы отправиться сватать Гвиневеру, и король дал ему свое соизволение. Вот прибыл Мерлин в страну Камилард к королю Лодегрансу и открыл ему желание короля Артура взять в жены себе Гвиневеру, дочь его.

— Для меня это,— отвечал король Лодегранс,— самая радостная весть, какую случалось мне слышать, что столь могучий король, славный доблестью и благородством, пожелал обвенчаться с моей дочерью. Что до земель моих, то я отдал бы их ему, если б знал, что тем его порадую, да у него и так земель довольно, больше ему не надобно. Но я пошлю ему дар, который обрадует его куда более,— я отдам ему Круглый Стол, что получил от отца его Утера Пендрагона. Когда все места за тем столом заполнены, то всего там помещается сто рыцарей и еще полста. Сто добрых рыцарей есть у меня самого, но полста уже не хватает, ибо столько как раз и потерял я в битвах за те годы, что царствую.

И с тем вручил король Лодегранс Мерлину дочь свою Гвиневеру и Круглый Стол с сотней рыцарей; и они отбыли провожаемые со всеми королевскими почестями, ехали по суше и по морю и наконец подъехали к Лондону.



КАК ПОЛУЧИЛИ ПОСВЯЩЕНИЕ РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА, И КАК ИХ МЕСТА БЫЛИ БЛАГОСЛОВЛЕНЫ ЕПИСКОПОМ КЕНТЕРБЕРИЙСКИМ

Как услышал король Артур, что едет к нему королева Гвиневера и сто рыцарей, везущие Круглый Стол, весьма обрадовался он ее скорому прибытию и столь богатому подарку и во всеуслышанье сказал так:

— Как я рад, что ко мне едет сия прекрасная дама, ведь я уже давно люблю ее, и потому нет для меня ничего приятнее. И рыцари эти с Круглым Столом радуют меня более, нежели самые великие богатства.

И со всей возможной поспешностью отдал король распоряжения о свадьбе и коронации, дабы все было устроено самым торжественным образом.
— А ты, Мерлин,— сказал король Артур,— поезжай и выбери мне во всей стране пятьдесят рыцарей, славнейших и доблестнейших среди прочих.
И Мерлин в короткий срок нашел для него рыцарей, чтобы заполнить ими сорок восемь[48] мест за столом, но больше, сколько ни искал, найти не мог.
Тогда послали за епископом Кентерберийским, и он благословил каждое сидение с превеликой торжественностью, а на тех сидениях сидело сорок восемь рыцарей. После того сказал Мерлин:
— Любезные сэры, вам должно теперь всем подняться и подойти с поклоном к королю Артуру, он тогда с большей охотою станет вашим сюзереном.
И они все поднялись и королю поклонились. А Мерлин на оставленных ими сидениях нашел написанные золотыми буквами имена всех рыцарей, кто где сидел, и лишь на двух сидениях ничего написано не было.
Тут выступил юный Гавейн и стал просить у короля, чтобы исполнил он его желание.
— Проси, что хочешь,— отвечал король,— и я удовлетворю твою просьбу.
— Сэр, я прошу у вас, чтобы вы посвятили меня в рыцари в тот самый день, когда обвенчаетесь с леди Гвиневерой.
— Я сделаю это с доброй охотою,— отвечал король,— и окажу вам все надлежащие почести, ведь вы мой племянник, сын моей сестры.



КАК ПРИБЫЛ БЕДНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ТОЩЕЙ КОБЫЛЕ И ИСПРОСИЛ У КОРОЛЯ АРТУРА МИЛОСТИ, ЧТОБЫ ВОЗВЕЛИ ЕГО В РЫЦАРИ ❧ А вслед за тем прибыл ко двору бедный человек, и с ним ладный молодец восемнадцати лет от роду, верхом на тощей кобыле. И всех, кого ни встречал он, спрашивал бедный человек:
— Где найти мне короля Артура?
— Вон он, там,— отвечали рыцари.— А тебе от него что-нибудь надобно?
— Да,— отвечал бедный человек,— для того я сюда и прибыл.
И приблизившись к королю, поклонился он ему и сказал:
— Король Артур, цвет всех королей, да спасет тебя Иисус! Сэр, я слышал, что ныне, в день вашей свадьбы, вы обещали исполнить желание всякого, если только оно в пределах разумного.
— Это правда,— сказал король,— об этом повелел я возгласить и обещание исполню, пусть только будет просьба не в ущерб моему королевству и моему сану.
— Хорошо вы говорите и милостиво,— сказал бедный человек.— Сэр, я ни о чем ином не прошу вас, возведите лишь моего сына в рыцари.

— Велика милость, что ты испрашиваешь,— сказал король.
— Как твое имя? — спросил король у бедного человека.
— Сэр, мое имя Арий, я скотопас.
— Откуда желание твое, от тебя или же от твоего сына?
— Нет, сэр,— отвечал Арий,— желание это от моего сына, не от меня. Ибо, поведаю вам, у меня тринадцать сыновей, и все мне повинуются и рады заняться тем, к чему я их приставлю, лишь этот отрок не идет на работы, что бы мы с женой ни делали, ему бы все только стрелять [49] да метать копья, и рад он видеть сражения и любоваться рыцарями. И неотступно днем и ночью он просит меня, чтобы сделаться ему рыцарем.
— Как имя твое? — спросил король юношу.
— Сэр, мое имя — Тор.
Тут король поглядел на него хорошенько и увидел, что лицом он отменно пригож и сложения для своих лет редкого.
— Вот что,— сказал король Артур скотопасу Арию,— пойди приведи ко мне всех своих сыновей, дабы я мог их увидеть.
Так бедный человек и сделал. И все обличием походили весьма на того бедного человека, лишь Тор не походил на него ни лицом, ни статью, ибо был много крупнее, чем любой из них.
— Ну,— сказал король Артур скотопасу,— а где же меч, коим быть ему посвященным в рыцари?
— Вот он,— отвечал тут Тор.
— Извлеки его из ножен,— сказал король,— и проси у меня, чтобы я произвел тебя в рыцари.
Тор соскочил с кобылы, вытащил меч свой из ножен и, став на колени, просил короля, чтобы посвятил он его в рыцарство и принял в рыцари Круглого Стола.
— Рыцарем-то я тебя сделаю,— и король ударил его по загривку мечом.— Будь же добрым рыцарем, о чем молю за тебя господа, и ежели окажешься ты доблестным и достойным, то будешь ты и рыцарем Круглого Стола.
— А теперь, Мерлин,— спросил Артур,— отвечай нам: будет ли сей юноша Тор хорошим человеком?
— Непременно, сэр, да и как не быть ему хорошим человеком, если он происходит из хорошего рода, если он королевской крови?
— Как так, сэр? — спросил король.
— Я поведаю вам,— отвечал Мерлин.— Этот бедный человек Арий-Скотопас не отец его, он и не родич ему; ибо отец его — король Пелинор.
— Ну нет, не верю я,— сказал скотопас.
— Приведи-ка ко мне жену твою,— сказал ему Мерлин,— и она не станет отрицать.
Вот привели туда жену его, пригожую и добрую хозяйку. Она отвечала Мерлину с надлежащей женщине скромностью, и поведала она королю и Мерлину, как однажды, еще когда была она девицею, она пошла доить коров, и там повстречался ей рыцарь горячий и почти силой лишил ее девственности.— Вот тогда-то и зачала я сына моего Тора, а рыцарь увез у меня пса, что был там со мною, и сказал, что будет держать его при себе на память о моей любви.

— О,— воскликнул скотопас,— а я-то не знал об этом, но верю, что было так, ибо в нем ничего нет и не было от меня.
И сказал сэр Тор Мерлину:
— Не позорьте мою мать.
— Сэр,— отвечал Мерлин,— это скорее вам к чести, нежели в унижение, ибо отец ваш — славный рыцарь и король, и он может возвысить и вас и вашу мать, ибо она зачала вас от него еще до того, как стала женой этого человека.
— Истинно это так,— сказала женщина.
— Это мне уже не так обидно,— сказал и скотопас.



КАК СЭР ТОР БЫЛ ПРИЗНАН СЫНОМ КОРОЛЯ ПЕЛИНОРА И КАК ГАВЕЙН БЫЛ ПОСВЯЩЕН В РЫЦАРИ ❧ А на другое утро прибыл ко двору Артура король Пелинор. Король Артур сильно ему обрадовался и поведал ему о сэре Торе, что оказался он его сыном и как посвятил он его в рыцари по просьбе скотопаса. Когда увидел король Пелинор сэра Тора, тот пришелся ему весьма по душе. Король и Гавейна произвел в рыцари, но первым был Тор в тот праздничный день.
— Что за причина,— спросил король Артур,— что два места за Круглым Столом пустуют?
— Сэр,— отвечал Мерлин,— никому не дано сидеть на этих местах, лишь славнейшим из славных. На Гибельном же Сидении лишь один человек сможет сидеть, и кто отважится его занять, погибнет; но тому, кто будет сидеть на нем, не будет равных.
И с теми словами взял Мерлин за руку короля Пелинора, подвел его к правому сидению, которое было справа от Гибельного Сидения, и возгласил всем во услышание:
— Вот ваше место, ибо изо всех, кто здесь есть, вы всего достойнее его занять.
На то весьма позавидовал Гавейн, и сказал он брату своему Гахерису:
— Вон тому рыцарю оказана великая честь, и это для меня горькая обида, ибо он убил нашего отца короля Лота. И потому я сейчас убью его,— сказал Гавейн,— мечом, которым меня посвятили в рыцари, ибо меч этот весьма остер.
— Не делайте этого сейчас,— сказал ему Гахерис.— Теперь я всего лишь оруженосец ваш, но когда я стану рыцарем, я сам отомщу ему; так что лучше нам, брат, подождать до другого раза, когда мы сможем встретиться с ним где-нибудь не при дворе, ибо иначе мы омрачили бы этот великий праздник.
— Пусть будет так,— согласился Гавейн.



КАК НА СВАДЕБНОМ ПИРУ КОРОЛЯ АРТУРА И ГВИНЕВЕРЫ ВБЕЖАЛ В ЗАЛУ БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ, А ЗА НИМ ТРИДЦАТЬ ПАР ГОНЧИХ ПСОВ. И КАК В НЕГО ВЦЕПИЛАСЬ СУКА, И КАК ОНА БЫЛА ОТТУДА УНЕСЕНА

И начался тут великий праздник, в церкви святого Стефана в Камелоте король с великой пышностью и торжественностью обвенчался с леди Гвиневерой. Потом был пир, и когда расселись все, как кому подобало по положению, подошел Мерлин к рыцарям Круглого Стола и сказал им, чтобы сидели тихо и ни один не покинул бы своего места.

— Ибо вы увидите, как произойдет здесь нечто удивительное и небывалое.

И тут вдруг вбегает в залу белый олень, вслед ему по пятам белая сука, а за ними с великим лаем — тридцать пар черных гончих псов. Обежал олень Круглый Стол, и когда пробегал он вдоль других столов, сука успела вцепиться ему в заднюю ногу и вырвала кусок, и олень оттого скакнул отчаянным скоком и опрокинул одного рыцаря, за тем столом сидевшего. Рыцарь поднялся на ноги, перехватил белую суку, выбежал с нею из дворца, вскочил на коня и поскакал прочь неведомо куда.

Вслед за тем вдруг прискакала туда дама на белой лошади и громко вскричала, обращаясь к королю Артуру:

— Сэр, заступитесь, не велите чинить мне обиду! Эта сука, что увез с собою рыцарь, принадлежит мне.

— Тут я ничего не могу поделать,— отвечал король.

В это самое время прискакал туда вдруг рыцарь в доспехах и на могучем коне, и силою увез с собой ту даму, как ни плакала она, ни кричала. И король был рад, когда они уехали, ибо очень уж много от нее было шуму.

— Ну, нет,— сказал Мерлин,— не должно вам оставлять дело так, не доведя этого приключения до конца, ведь тогда будет великое бесчестие вам и вашему празднеству.

— Я согласен,— отвечал король,— чтобы все было исполнено по вашему совету.

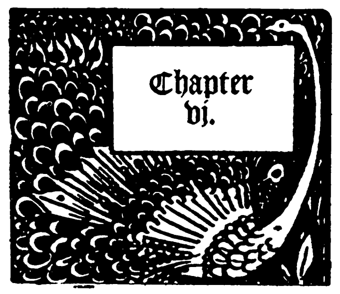
И велел он позвать сэра Гавейна и ему наказал изловить и вернуть белого оленя.

— А еще, сэр, должно вам позвать сэра Тора, и пусть он возвратит сюда суку и того рыцаря, либо же убьет его. И еще велите позвать короля Пелинора, и он пусть возвратит ту даму и рыцаря, либо же пусть убьет его. И трое этих рыцарей свершат дивные подвиги, прежде чем вернутся назад.

И послали за ними тремя, как и было сказано выше, и каждый из них принял поручение и облачился в крепкие латы. Но из них первым получил

королевский наказ сэр Гавейн, а потому мы начнем с него, а уж потом перейдем к остальным.

Здесь начинается первый бой, который вел сэр Гавейн после того, как был посвящен в рыцари.



КАК СЭР ГАВЕЙН ОТПРАВИЛСЯ ВДОГОНКУ ЗА ОЛЕНЕМ, И КАК БИЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ ЗА ОЛЕНЯ ДВА БРАТА ❧ Сэр Гавейн скакал во весь опор, а с ним отправился оруженосцем брат его Гахерис, чтобы служить ему. Едут они и вдруг видят: два рыцаря верхами ведут друг с другом жестокий бой. Сэр Гавейн и брат его встали между ними и начали у них спрашивать, что за причина им сражаться.

Отвечал им один из рыцарей:

— По простой причине мы сражаемся, ведь мы двое — братья, рожденные одной матерью от одного отца.

— Увы! — молвил сэр Гавейн.

— Сэр,— сказал тут второй брат,— незадолго до вас проскакал тут белый олень, преследуемый большой сворой собак, и одна белая сука гналась вслед ему по пятам. Догадались мы, что это охота по случаю празднеств у короля Артура. И я хотел поскакать за оленем и добыть себе чести, но вот мой младший брат сказал, что скакать следует ему, ибо он — лучший рыцарь, нежели я. Об том заспорили мы и надумали доказать в деле, который из нас — лучший рыцарь.

— И вправду простая это причина,— сказал Гавейн.— Чужим людям должно биться, а не брату идти на брата. А потому вот что я вам скажу: либо придется вам обоим сразиться со мною, либо же вы подчинитесь мне и отправитесь к королю Артуру и сдадитесь ему на милость.

— Сэр рыцарь,— сказали двое братьев,— мы обессилели и потеряли много крови через неразумную свою драчливость, и потому сражаться с вами нам никак не желательно.

— В таком случае поступите, как я вам сказал,— молвил им сэр Гавейн.

— Мы согласны исполнить вашу волю. Но какое имя назвать нам, как сказать, кем мы присланы?

— Скажите, что послал вас рыцарь, отряженный за оленем. А как ваши имена? — сказал Гавейн.

— Сэр, мое имя Сорлуз-Лесовик,— отвечал старший.

— А мое,— отвечал меньший,— Бриан-Лесовик.

С тем они с ним простились и отправились ко двору короля, Гавейн же продолжил свой путь.

Преследует он оленя по голосам гончих, и вдруг видит: впереди большая река. Олень переплыл ее. Только собрался было сэр Гавейн последовать за ним, как появился на том берегу рыцарь и сказал ему:

— Сэр рыцарь, не переплывай через эту реку вслед за оленем, а переплывешь, так будешь биться со мной.

— Из-за такой малости,— отвечал сэр Гавейн,— не откажусь от подвига, мне назначенного.
Взяли они свои пики и ринулись друг на друга что было мочи, и Гавейн сшиб его с коня и сказал ему, чтобы он сдавался.
— Нет,— отвечал ему рыцарь,— неправильно это, ибо хотя ты взял надо мною верх в конном бою, я заклинаю тебя, доблестный рыцарь, спешиться и сразиться со мной на мечах.
— Назовите же мне ваше имя,— сказал сэр Гавейн.
— Сэр, мое имя — Алардин-с-Внешних-Островов [50].
Тут загородились они щитами и ударили мечами, но сэр Гавейн с такой силой обрушил меч на его шлем, что рассек ему череп, и упал тот рыцарь мертвый.
— Ого,— молвил тут Гахерис,— вот это могучий удар для молодого рыцаря.



КАК ОЛЕНЬ БЫЛ ЗАГНАН В ЗАМОК И ТАМ УБИТ, И КАК ГАВЕЙН УБИЛ ДАМУ ❧ И поехали сэр Гавейн и Гахерис дальше в погоню за белым оленем и выпустили на него еще три пары гончих. Так загнали они оленя в какой-то замок и там, в главном зале, убили его. Но тут вышел из внутренних покоев рыцарь с обнаженным мечом в руке и убил двух собак на глазах у сэра Гавейна, остальных же, размахивая мечом, выгнал из замка. А возвратившись, сказал так:
– О, мой белый олень, как горестно мне, что ты мертв! Ведь тебя подарила мне моя госпожа. Плохо я берег тебя, но за смерть твою отплачу жестоко, если только буду жив.
Тут удалился он в свои покои, надел доспехи, вооружился и вышел, готовый к бою. Говорит ему сэр Гавейн:
— Зачем убили вы моих собак? Ведь они лишь сделали то, что положено им по природе, и лучше бы вам выместить злобу на мне, чем на бессловесной твари.
— Правду ты говоришь,— отвечал рыцарь.— Я выместил обиду на твоих псах, но отплачу тебе, прежде чем ты покинешь этот замок.
Тогда сэр Гавейн спешился, загородился щитом, и разили они друг друга с такой силой, что раскололи щиты, рассекли шлемы, разрубили кольчуги, и кровь струилась у них по ногам. Но под конец так ударил сэр Гавейн, что тот рыцарь рухнул на землю и вскричал, прося о пощаде, и сдался ему, умоляя, чтобы как благородный рыцарь он пощадил ему жизнь.
— Нет, ты умрешь,— отвечал сэр Гавейн,— за то, что убил ты моих собак.

— Я возмещу урон,— сказал рыцарь,— по мере сил моих.

Но сэр Гавейн слышать не хотел о пощаде и отстегнул ему шлем, дабы отрубить голову.

Но тут из покоев выбежала дама и упала, закрыв его своим телом, и Гавейн, по воле несчастного случая, отсек голову ей.

— Увы,— сказал Гахерис,— низкое и позорное это дело, и позора вам не смыть никогда. К тому же, всегда следует даровать пощаду тем, кто просит о пощаде, ибо рыцарь, не ведающий милосердия,— недостойный рыцарь.

А сэр Гавейн так был потрясен смертью этой прекрасной дамы, что себя не помнил. Он сказал рыцарю:

— Вставай, я дарую тебе пощаду.

— О нет! — отвечал рыцарь,— мне не надобно теперь от тебя пощады, ибо ты подло убил мою возлюбленную и мою даму, которую я любил больше всего на свете.

— Я горько сожалею об этом,— сказал сэр Гавейн,— ведь удар мой предназначался тебе. Но теперь надлежит тебе отправиться к королю Артуру и поведать ему обо всем, что приключилось с тобою, и как тебя одолел в поединке рыцарь, отряженный за белым оленем.

— Мне все равно, жить или умереть,— отвечал рыцарь.

Но наконец, под страхом смерти, он поклялся отправиться к королю Артуру, и сэр Гавейн велел ему одну убитую собаку положить на седло перед собою, другую же — сзади.

— Но прежде чем нам расстаться, назовите ваше имя,— сказал сэр Гавейн.

— Мое имя,— отвечал рыцарь,— Бламур Маризский.

И он поскакал в Камелот.



КАК СЭР ГАВЕЙН И ГАХЕРИС БИЛИСЬ ПРОТИВ ЧЕТЫРЕХ РЫЦАРЕЙ И БЫЛИ ПОБЕЖДЕНЫ, И КАК ИМ БЫЛА СОХРАНЕНА ЖИЗНЬ ПО ПРОСЬБЕ ЧЕТЫРЕХ ДАМ ❧ А сэр Гавейн вошел в покои замка и устроился там на ночь, и хотел было снять с себя доспехи.

— Что задумали вы сделать? — сказал Гахерис.— Неужели вы снимете здесь свои доспехи? Помните, что у вас в этом краю много врагов.

Едва только произнес он эти слова, как явились туда четверо рыцарей, вооруженные и в доспехах, и напали на сэра Гавейна со всей силою, говоря ему:

— О ты, новопроизведенный рыцарь, ты обесславил свое рыцарское звание, ибо рыцарь без милосердия — это рыцарь без чести. К тому же, на позор себе, отныне и до скончания века, ты убил прекрасную даму, и потому не сомневайся, тебе самому еще будет великая нужда в милосердии, прежде чем ты расстанешься с нами.

И с тем один из них нанес сэру Гавейну сильный удар, и он едва устоял на ногах. В ответ поразил того жестоко Гахерис. То с одной стороны, то

с другой нападали на них, так что жизнь сэра Гавейна и Гахериса была в опасности. А один, бывший там с луком, лучник, поразил стрелой сэра Гавейна в руку, чем причинил ему нестерпимую боль.

Но когда гибель их уже казалась неминуемой, явились туда четыре прекрасные дамы и стали просить у рыцарей пощады сэру Гавейну. И по просьбе дам они благородно даровали жизнь сэру Гавейну и Гахерису и взяли их пленниками. Горько сокрушались сэр Гавейн и Гахерис.

— Увы,— говорил сэр Гавейн,— рука моя причиняет мне нестерпимую боль, боюсь, как бы не остаться мне калекою.

Так, прежалостно, возносил он свои пени.

А рано поутру пришла к сэру Гавейну одна из тех четырех дам, слышавшая его жалобы, и сказала ему:

— Сэр рыцарь, как поживаете?

— Худо.

— Отчего так? Ведь это все ваша вина,— сказала дама,— ибо вы содеяли великую низость, убив женщину, и это ляжет на вас страшным позором. Но не короля ли Артура вы рыцарь?

— Да,— отвечал сэр Гавейн.

— А как ваше имя? — спросила дама.— Ибо вы должны назвать себя, прежде чем сможете уехать отсюда.

— Прекрасная дама, имя мое — сэр Гавейн, сын Лота, короля Оркнейского, а моя мать — сестра королю Артуру.

— Тогда, значит, вы — племянник короля,— сказала дама.— Ну вот что,— сказала она,— я заступлюсь за вас, и ради Артура вас отпустят к нему.

Она ушла и поведала четырем рыцарям о том, что их пленник — племянник короля Артура, имя же ему — сэр Гавейн, сын короля Лота Оркнейского. Тогда они его освободили и дали ему с собой голову оленя, ради которого и предпринято было его путешествие. И отпустили его, взяв с него обещание, что повезет с собою убитую даму: голову ее повесили ему на шею, а тело положили перед ним на коня.

Так и прискакал он в Камелот. А когда прибыл ко двору, то по наущению Мерлина король Артур повелел сэру Гавейну поведать под клятвою о своих приключениях, о том, как случилось ему убить даму, и о том, как не пожелал он даровать побежденному рыцарю пощаду и как через это была убита та дама.

Сильно разгневались король и королева на сэра Гавейна за то, что он убил женщину, и по велению королевы был устроен над сэром Гавейном суд дам, и они присудили ему, покуда жив он, заступаться за всех женщин и биться за их обиды, и положили ему всегда быть учтивым и никогда не отказывать в милосердии тому, кто испросит милосердия. И поклялся сэр Гавейн на Четырех Евангелиях, что никогда не выступит против дамы, разве только доведется так, что он будет сражаться в поединке за одну даму, а противник его — за другую.

И на том кончается история о приключениях сэра Гавейна во время женитьбы короля Артура.



КАК СЭР ТОР ПОЕХАЛ ВДОГОНКУ ЗА РЫЦАРЕМ, УНЕСШИМ СУКУ, И О ЕГО ПРИКЛЮЧЕНИЯХ В ПУТИ ☙ А сэр Тор, когда собрался, то сел на коня и поскакал за рыцарем, что увез с собою белую суку. Ехал он, ехал, и вдруг повстречался ему карла. Ударил карла посохом его коня по голове, и отскочил конь назад на длину копья.

— Для чего ты это сделал? — спросил сэр Тор.

— А для того, что не проехать тебе этой дорогой, пока не сразишься ты вон с теми рыцарями, что сидят в шатрах.

Посмотрел сэр Тор и увидел два шатра, а у входов торчали в земле два больших копья и два щита висели на двух деревьях, росших возле шатров.

— Мне нельзя задерживаться,— сказал сэр Тор,— ибо я выехал на рыцарский подвиг и непременно должен довести возложенное на меня дело до конца.

— Нет, ты не проедешь тут,— сказал карла и с теми словами затрубил в рог. Тот же час выехал один всадник во всеоружии, выставил щит и ринулся на сэра Тора. Он тогда тоже изготовился против него, и сшиблись они, да с такой силой, что выбил сэр Тор того всадника из седла, и вот уже тот рыцарь сдается на его милость.

— Но, сэр, вон в том шатре есть у меня товарищ, он тоже желает сразиться с вами.

— Милости прошу,— сказал сэр Тор.

И увидел, что еще один рыцарь мчится прямо на него во весь опор, и сшиблись они, да так, что диво было смотреть. Ударил тот рыцарь сэра Тора в середину щита — только копье себе в щепы разбил. Ударил сэр Тор его снизу под щит, и впилось копье рыцарю в бок, но насмерть удар этот его не поразил. Тогда спешился сэр Тор и нанес ему могучий удар по шлему, и рыцарь сдался и попросил у него пощады.

— Я охотно пощажу вас,— сказал им сэр Тор,— но вы с товарищем вашим должны отправиться к королю Артуру и объявить ему, что вы — его пленники.

— А как сказать нам, кем посланы мы к нему?

— Скажите, что вас послал тот, кто отряжен вдогонку за рыцарем с белой сукой. А как ваши имена?

— Мое имя,— отвечал первый из них,— сэр Фелот из Лангедока.

— А мое,— сказал второй,— сэр Петипас из Винчелси.

— Ну так отправляйтесь,— сказал сэр Тор.— И бог да поможет вам в пути, а также и мне.

Но тут подошел к сэру Тору карла и сказал:

— Прошу вас, окажите мне милость.

— Охотно,— отвечал сэр Тор.— Спрашивай и получишь.

— Я прошу лишь одного,— сказал карла,— дозвольте мне служить вам, ибо я не желаю служить рыцарям, которые складывают оружие.

— Ну что ж,— сказал ему сэр Тор,— садись на лошадь и поезжай за мной.
— Я знаю, что вы гонитесь за рыцарем, который увез белую суку, и я провожу вас туда, где он сейчас находится,— сказал карла.
Поскакали они через лес. И вот вблизи монастыря видят они два шатра, а перед ними снаружи висят два щита, один щит выкрашен в белый цвет, другой же щит — в красный.



КАК СЭР ТОР НАШЕЛ СУКУ У ОДНОЙ ДАМЫ И КАК ИЗ-ЗА СОБАКИ НАПАЛ НА НЕГО РЫЦАРЬ ❧ Сэр Тор спешился, отдал карле свое копье, а сам вошел в белый шатер. Видит, там постлано ложе и на нем спят три девицы; он тогда вошел в другой шатер и увидел, что там спит одна дама; а у ложа ее — белая собака, и при виде его она громко залаяла. Сэр Тор схватил собаку, вышел из шатра и передал ее на руки карле. На шум вышла дама из шатра, а с ней и все ее девушки, и спросила она:
— Сэр, неужели вы хотите отнять у меня мою собаку?
— Да,— отвечал сэр Тор.— Ведь в поисках этой собаки я доехал до здешних мест от самого двора короля Артура.
— Ах, так, сэр рыцарь,— сказала дама,— знайте: далеко вы с нею не уедете; вас встретят и жестоко накажут.
— Я готов ко всякому испытанию, какое ни будет мне послано милостью божией,— и с тем сел он на коня и отправился в обратный путь к Камелоту. Но отъехал он совсем недалеко, как наступила ночь.
— Не знаешь ли ты, где бы тут поблизости остановиться на ночлег? — спросил сэр Тор.
— Постоялого двора я здесь не знаю,— отвечал карла,— но есть поблизости жилище отшельника, и там вам придется удовольствоваться приютом, какой у него найдете.
Чуть погодя и вправду подъехали они к жилищу отшельника и стали там на ночлег, удовольствовавшись тем, что там было, нашли и сена, овса и хлеба для лошадей. Скоро со всем управились, ибо весьма скуден был их ужин. И отдыхали они там всю ночь до утра, а утром выслушали благочестиво обедню и распрощались с отшельником. И сэр Тор просил отшельника, чтобы молился он за него, и тот отвечал, что будет молиться, и поручил его милости божией. Сел тогда сэр Тор на коня и пустился в дальний путь к Камелоту.
Долго ехали они и вдруг слышат: нагоняет их рыцарь и громко их сзади кличет:
— Рыцарь, постой! Верни мне суку, что увез ты у моей дамы!
Обернулся сэр Тор и увидел рыцаря собой ладного, на добром коне и в

полном вооружении. Тут загородился сэр Тор щитом своим и взял в руки пику. И ринулись они друг на друга, словно бы и не с дальней оба дороги, и сшиблись так, что рухнули оба наземь, и кони, и всадники. Но тут же вскочили на ноги, свирепые, точно два льва, обнажили мечи, заслонились щитами и ударили по щитам так, что во все стороны посыпались осколки. Разрубили они один другому шлемы, и вытекла горячая кровь наружу, и толстые кольчуги рассекли и разорвали, и побежала горячая кровь на землю. Множество нанесли они друг другу ран и оба обессилили.

Видит сэр Тор, что противник его слабеет, стал преследовать он его еще неотступнее и удвоил свои удары, и вот повалился тот боком на землю. Говорит ему сэр Тор: «Сдавайся!»

— Не бывать тому,— отвечал Абелеус,— покуда есть во мне жизнь и душа остается в моем теле, не сдамся, если не возвратишь ты мне мою суку.

— Не бывать и этому,— отвечал сэр Тор,— ведь такой мне был назначен рыцарский подвиг, чтобы привезти собаку или тебя, или вас обоих.



КАК СЭР ТОР ОДОЛЕЛ ЭТОГО РЫЦАРЯ И КАК ТОТ ЛИШИЛСЯ ГОЛОВЫ ПО СЛОВУ ОДНОЙ ДЕВИЦЫ

Вдруг скачет к ним, торопится, девица на лошади и громким голосом кличет сэра Тора.

- Что надобно вам от меня? — спросил ее сэр Тор.

— Молю тебя,— отвечала девица,— заклинаю именем короля Артура, обещай, если ты настоящий рыцарь, дать мне то, о чем я попрошу, благородный витязь!

— Ладно,— сказал сэр Тор,— спрашивайте, и вы это получите.

— Грамерси,— отвечала девица.— А теперь прошу у вас голову этого лживого рыцаря Абелеуса, ибо он — недостойнейший из живущих на земле рыцарей и величайший убийца.

— Мне не хотелось бы отдавать вам обещанный дар,— сказал сэр Тор.— Пусть лучше этот рыцарь возместит вам все, в чем он против вас повинен.

— Нет,— отвечала девица,— это невозможно, ведь он у меня на глазах зарезал моего родного брата, который был рыцарь получше, чем он,— не из тех, что не ведают милосердия; я же целых полчаса простояла перед ним в грязи на коленях, думала, спасу жизнь брата, который ничем перед ним не провинился, но сражался с ним в поединке, положившись на бранную удачу; но как я ни молила, он все равно отсек ему голову. И потому я требую от тебя, как есть ты настоящий рыцарь, отдай мне то, что посулил отдать, иначе я опозорю тебя перед всеми при дворе короля Артура, потому что этот рыцарь — лживейший из живущих на земле и злейший губитель людей, в особенности же — славных рыцарей.

Когда услышал все это Абелеус, то испугался и поспешил сдаться, прося пощады.

— Нет, теперь это невозможно,— отвечал ему сэр Тор,— иначе выйдет, что я не держу своих обещаний. А ведь раньше, когда я предлагал вам сдаться, вы не пожелали просить у меня пощады, пока я не верну вам белую суку, которую мне было назначено достать.
И с этими словами сорвал он с него шлем, а тот поднялся на ноги и побежал, но сэр Тор нагнал его и отсек ему голову долой.
— Сэр,— сказала тогда девица,— взгляните: ночь близка. Прошу вас, поедемте со мной, и вы переночуете неподалеку отсюда в моем доме.
— Охотно,— отвечал сэр Тор,— ибо мой конь и я немало вынесли с тех пор, как покинули Камелот.
И поскакал он с ней, и она приняла его с великим радушием. У нее был муж — добрый старый рыцарь, и он тоже принял его с радостью и позаботился о нем и о его коне. Утром выслушал он молитву, утолил голод и стал прощаться с рыцарем и его женой, а те спросили у него его имя.
— Открою вам,— отвечал он,— что зовусь я сэр Тор, в рыцари посвящен недавно, и это мой первый рыцарский подвиг: на меня было возложено вернуть королю Артуру то, что увез у него этот рыцарь Абелеус.
— Прощайте, любезный рыцарь,— сказали ему хозяин с хозяйкой.— Если еще когда-нибудь случится вам быть в здешних краях, приходите в наш небогатый дом, здесь все всегда к вашим услугам.
И сэр Тор отправился в путь и на третий день к полудню прибыл в Камелот. Там король и королева и весь двор дожидались его с великим нетерпением и сильно возрадовались его возвращению; ведь когда покидал он королевский двор, никто не помогал ему снарядиться в дорогу, только король Пелинор, отец его, дал ему старого боевого коня и король Артур пожаловал ему меч и доспехи, а больше ни от кого помощи он не получил и в путь отправился один, без спутника. И по Мерлинову совету повелели ему король с королевой рассказать всю правду про его приключения, и он им все рассказал и свидетельства представил всему, о чем прежде была речь, а король и королева слушали и радовались.
— Это еще что! — сказал тогда Мерлин.— Ведь все, что он пока свершил,— пустяки, он еще покажет себя благородным рыцарем редких достоинств, доблестным, учтивым, добронравным, верным своему слову, верным рыцарской чести.
После этих слов Мерлина пожаловал король Артур Тору графский титул и земли, недавно ему доставшиеся. Здесь кончается рассказ о приключениях сэра Тора, сына короля Пелинора.



КАК КОРОЛЬ ПЕЛИНОР ПОЕХАЛ ЗА ДАМОЙ И ЗА РЫЦАРЕМ, КОТОРЫЙ ЕЕ УВЕЗ, И КАК ОДНА ДАМА ПРОСИЛА ЕГО О ПОМОЩИ, И КАК ОН СРАЗИЛСЯ ЗА НЕЕ С ДВУМЯ РЫЦАРЯМИ И ОДНОГО УБИЛ ПЕРВЫМ ЖЕ УДАРОМ ❧ А король Пелинор, снарядившись, сел на коня и поскакал во весь опор за дамой, которую увез рыцарь. Едет он через лес и видит в лощинке у ручья девицу, а на коленях у нее — раненый рыцарь. Король Пелинор поздоровался с ней, а девица, увидав его, стала умолять его громким голосом:

— Помоги, помоги мне, рыцарь, во имя Иисуса.

Но король Пелинор не пожелал задерживаться, слишком не терпелось ему исполнить назначенный подвиг, так что напрасно она взывала к нему о помощи целых сто раз. Когда же увидела она, что он не останавливается, то воззвала к богу, моля, чтобы явилась этому рыцарю такая же нужда в помощи, какая сейчас у нее, чтобы довелось и ему до смерти его испытать беду. А потом, как рассказывается в книге, умер тот рыцарь, что был ранен, а дама от горя закололасъ его мечом.

Едет король Пелинор лощиной, и повстречался ему бедный человек, работник, и спрашивает у него Пелинор:

— Ты не видел, не проскакал ли этой дорогой рыцарь, увозящий на седле своем даму?

— Да, сэр,— отвечал бедный человек,— я видел и рыцаря, и даму, горько сетовавшую. Вон там, в конце лощины, найдете вы два шатра, в них — два рыцаря, и один из них остановил того, кто вез даму, и потребовал, чтобы он отдал ее ему, ведь она ему близкая родня, и поэтому он не смеет увозить ее дальше. Из-за того затеялся у них поединок, ибо один говорил, что та дама принадлежит ему по праву силы, а другой говорил, что власть над ней принадлежит ему, раз он ее родич, и он должен отвезти ее в отчий дом.

Так он и оставил их сражающимися друг с другом.

— Если вы поскачете туда, то найдете их там, они и сейчас еще бьются в лощине. А даму они оставили в шатре со своими оруженосцами.

— Вознагради тебя бог,— сказал король Пелинор.

И поскакал галопом, пока не увидел два шатра и двух сражающихся рыцарей. Подъехал он к шатрам, видит, что дама, которую он разыскивал, находится внутри, и сказал он ей:

— Прекрасная дама, вы должны поехать со мной ко двору короля Артура.

— Сэр рыцарь,— отвечали двое оруженосцев,— вон там два рыцаря сражаются за эту даму. Ступайте и разнимите их и с ними сговоритесь, и тогда вы сможете распорядиться ею как пожелаете.

— Верно вы говорите,— сказал король Пелинор.

И поскакал он и поставил коня своего между ними, и спрашивает, что за причина им сражаться.

— Сэр рыцарь,— говорит один из них,— я отвечу вам. Эта дама мне близкая родня, дочь моей тетки, и когда я услышал, как она сетует, что едет вот с ним против своей воли, я вступил с ним в поединок.

— Сэр рыцарь,— сказал тут и второй, имя которому было Онтлак из Вентланда [51],— я завоевал эту даму доблестью рук моих и силою оружия при дворе Артура.

— Это неправда,— возразил ему король Пелинор.— Вы явились ко двору нежданно-негаданно, когда мы все сидели и пировали, и вы увезли эту даму, прежде чем кто-либо из рыцарей сумел изготовиться к бою, вот почему на меня возложено нагнать вас и привезти обратно ее или же вас обоих, не то одному из нас придется лечь костьми вот на этом поле. И потому эта дама сейчас отправится со мною, или же я паду здесь в поединке, ибо так обещал я королю Артуру. Вы же прервите свой поединок, ибо ни у

одного из вас нет сейчас прав на эту даму. Если же вы желаете сразиться за нее со мной, я готов ее защищать.

— Что ж,— сказали рыцари,— тогда готовьтесь, а мы сейчас нападем на вас со всею нашею силою.

Когда же король Пелинор поворачивал коня, чтобы отъехать от них, сэр Онтлак пропорол коню брюхо мечом, говоря:

— Теперь ты пеш, как и мы.

Увидел король Пелинор, что конь под ним убит, соскочил он на землю с живостию, вытащил меч свой из ножен, загородился щитом и воскликнул:

— Ну, рыцарь, достанется тебе за гибель моего коня!

И нанес ему король Пелинор по шлему такой удар, что рассек ему голову до подбородка, и рухнул тот наземь мертвый.



КАК КОРОЛЬ ПЕЛИНОР ОТВОЕВАЛ ДАМУ И ПРИВЕЗ ЕЕ В КАМЕЛОТ КО ДВОРУ КОРОЛЯ АРТУРА ❧ После того обернулся он против второго рыцаря, который был жестоко ранен. Но тот, увидев его страшный удар, не пожелал с ним драться, а упал на колени, говоря:

— Берите эту даму, мою сестру, если такой вам назначен подвиг, но заклинаю вас, как есть вы истинный рыцарь, не подвергайте ее ни позору, ни насилию.

— Что? — удивился король Пелинор.— Вы не будете за нее драться?

— Нет,— отвечал тот рыцарь.— не буду драться со столь доблестным рыцарем, как вы.

— Ну что ж,— сказал король Пелинор,— даю вам слово, что она не испытает от меня насилия, как есть я истинный рыцарь. Но теперь мне надобен конь,— продолжал король Пелинор.— Возьму я коня Онтлака.

— Сэр, в том не будет вам нужды,— сказал ему рыцарь,— я подарю вам такого коня, какой придется вам по нраву, а сейчас вы переночуйте у меня, ведь ночь уже близка.

— Я охотно останусь у вас на ночь,— отвечал король Пелинор.

И принял его рыцарь с радушием, угощал всем, что было у него лучшего, запивали они ужин добрым вином и славно отдохнули в ту ночь.

А утром выслушал Пелинор молитву, потом позавтракал. И подвели ему доброго гнедого скакуна, уже под его седлом.

— Как же мне называть вас? — спросил его рыцарь.— Ведь в вашей власти моя сестра, вы посланы были за нею на рыцарский подвиг.

— Сэр, я отвечу вам: мое имя — Пелинор, король Островов и рыцарь Круглого Стола.

— Радуюсь я,— сказал рыцарь,— что столь славный рыцарь покровительствует моей сестре.

— А как ваше имя? — спросил король Пелинор.— Прошу вас, скажите мне его.
— Сэр, мое имя — Мелиог Логрский, а эта дама, двоюродная сестра моя, носит имя Ниневы. А там, в шатре, находится мой названый брат, добрый рыцарь, по имени Бриан-Островитянин, он ни за что не сделает никому зла и драться ни с кем не станет, если только его не принудить.
— Да, удивительно,— сказал король Пелинор,— ведь он не вступил в поединок со мною.
— Сэр, он не станет биться ни с кем, если только его не вызовут на поединок.
— Прошу вас, привезите его ко двору в ближайшее время,— сказал король Пелинор.
— Сэр, мы прибудем оба.
— Вы будете приняты с радушием при дворе короля Артура,— сказал король Пелинор,— и щедро вознаграждены за ваш приезд.
С тем они расстались, и он поехал с дамой в Камелот.
Но в долине, по которой они скакали, было много камней, и конь дамы споткнулся и сбросил ее. Она жестоко разбила себе руку, так что от боли едва не лишилась чувств.
— Увы! — вскричала дама,— я вывихнула себе плечо и потому должна остановиться, ибо дальше ехать не могу.
— Что ж, остановимся,— сказал король Пелинор.
Он спешился под деревом, где росла сочная трава, поставил там своего коня, а сам лег под деревом отдохнуть и проспал до самого вечера. Когда проснулся он, то хотел было скакать дальше, но дама сказала ему:
— Теперь что вперед ехать, что назад — все равно не видно, ведь уже совсем стемнело.
И они остались там и устроились на ночлег. И король Пелинор снял с себя доспехи.
Вдруг перед самой полуночью слышат они конский топ.
— Ничего не говорите и не двигайтесь,— сказал король Пелинор,— мы тогда услышим вести о разных приключениях.



КАК ПО ПУТИ ОН ПОДСЛУШАЛ РАЗГОВОР ДВУХ РЫЦАРЕЙ, ПОКА ОТДЫХАЛ В ЛОЩИНЕ, А ТАКЖЕ О ДРУГИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ❧ И с тем облачился он в доспехи. Вот прямо возле них съехались два рыцаря, один ехал из Камелота, другой же держал путь с Севера. Поздоровались они и стали друг у друга спрашивать.
— Какие вести из Камелота? — спрашивает один.
— Клянусь головой,— второй отвечает,— был я там, видел двор короля Артура, и там собралось рыцарское братство, которое ничто не нарушит, ведь с Артуром чуть не весь мир, ибо у него цвет рыцарства. Для того и скачу я теперь на Север — чтобы рассказать вождям нашим о великом боевом товариществе, что сплотилось вокруг короля Артура.

— Ну,— сказал тут первый рыцарь,— против этого везу я с собой надежное средство, сильнейший яд, о каком только слышали на земле. С ним поспешаю я в Камелот, ибо там у нас есть друг среди приближенных короля и он отравит короля Артура, так он поклялся нашим вождям и получил за это вперед большое вознаграждение.

— Остерегайтесь Мерлина,— посоветовал ему второй рыцарь,— ибо ему все известно через дьявольские чары.

— Ну, этим-то меня не остановишь,— отозвался тот; и расстались они и поскакали каждый в свою сторону.

А король Пелинор сразу собрался и снова пустился со своей дамою в путь к Камелоту. Когда подъехали они к ручью, у которого видел он на том пути девицу и раненого рыцаря, оказалось, что рыцаря и его даму пожрали львы или иные дикие звери, остались от них лишь головы; и сильно он опечалился и пролил горькие слезы, говоря:

— Увы, ее жизнь мог бы я спасти, но я слишком спешил исполнить назначенный мне подвиг и не остановился.

— Зачем же горевать так? — спросила его дама.

— Не знаю,— отвечал король Пелинор.— Сердце мое разрывается из-за смерти той, что лежит вон там, ибо она была прекрасна собой и молода.

— Тогда послушайтесь моего совета: подберите останки рыцаря и распорядитесь, чтобы его похоронили близ жилища отшельника; а голову дамы возьмите с собой к королю Артуру.

И король Пелинор положил мертвого рыцаря на свой щит, перенес его к жилищу отшельника и поручил его попечению тело, а также распорядился, чтобы была прочитана молитва за упокой его души.

— А за труды возьмите себе его доспехи [52].

— Все будет сделано,— сказал отшельник,— как держать мне ответ перед господом богом.



КАК, ПРИБЫВ В КАМЕЛОТ, ОН ПОКЛЯЛСЯ НА КНИГЕ ПРАВДИВО ПОВЕДАТЬ О СВОЕМ ПРИКЛЮЧЕНИИ ❧ На том они с ним расстались и возвратились туда, где лежала голова девушки с прекрасными золотыми волосами. И снова при взгляде на нее сжалось горько сердце короля Пелинора, ибо прилепилась душа его к этому лицу.

Вот к полудню прибыли они в Камелот, и король с королевой очень обрадовались его приезду. И велено ему было, поклявшись на Четырех Евангелиях, рассказать всю правду о том, как он ездил, с самого начала и до конца.

— Ах, король Пелинор,— сказала королева Гвиневера,— велика ваша вина, что не спасли вы жизнь той дамы.

— Госпожа,— отвечал король Пелинор,— всего больше вина на том, кто собственную жизнь не

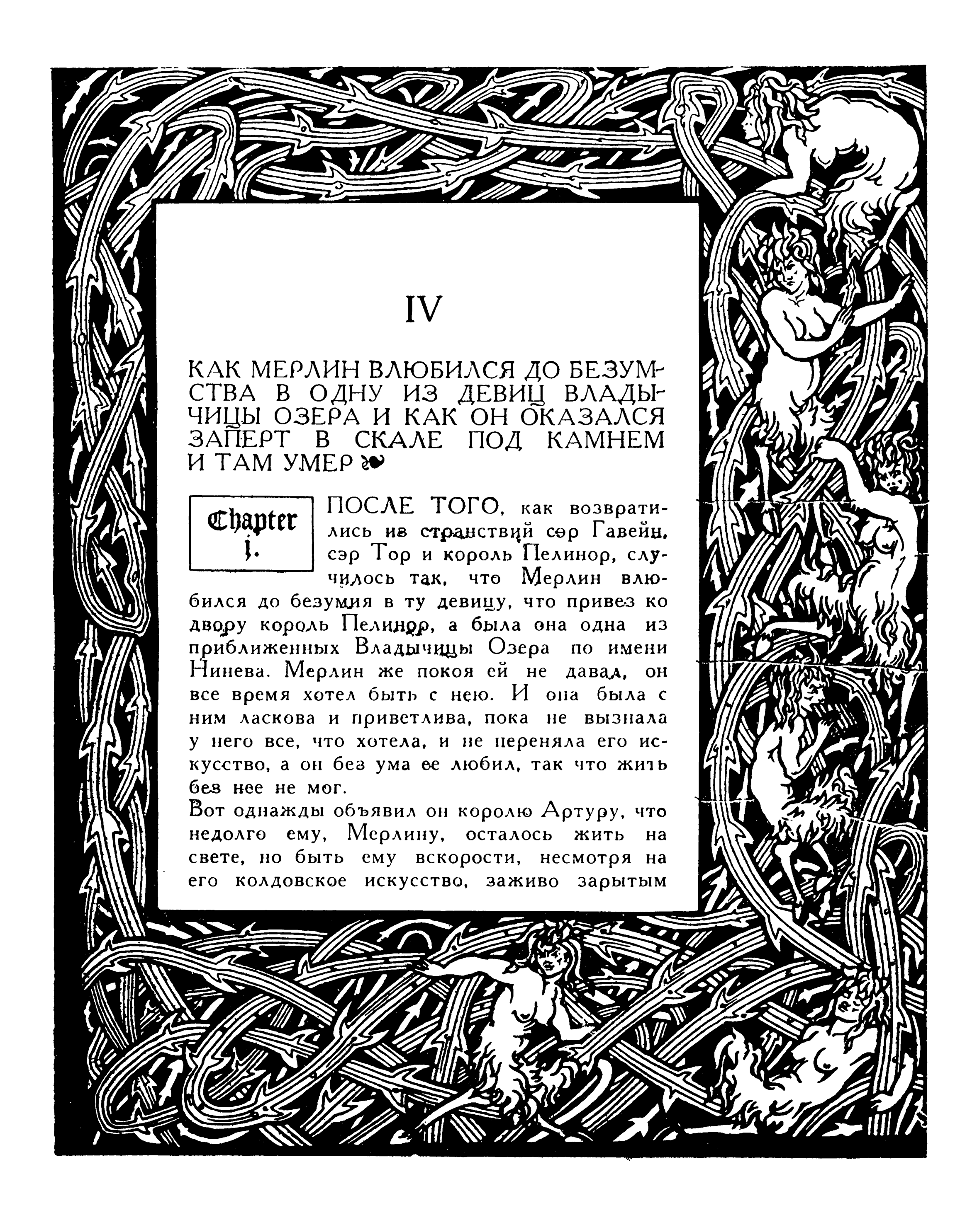
спас, хотя мог [53]. Но да не вызову я немилость вашу, я так стремился исполнить возложенный на меня подвиг, что не в силах был задержаться, и теперь горюю о том и буду горевать до конца дней моих.

— Да и как же не горевать вам столь жестоко,— сказал тут Мерлин.— Ведь эта девушка была ваша родная дочь, рожденная владетельницей Рульской, а рыцарь тот мертвый был ее возлюбленным, с которым должна она была обвенчаться, и был он юноша добрый, славный рыцарь, и показал бы себя доблестным мужем. Он ехал ко двору Артура, имя же ему — Милес Ландский. На него напал с тыла и копьем его насмерть поразил некий рыцарь, по имени Лорейн Свирепый, рыцарь коварный и трусливый. А она от великой горести и печали зарезалась его мечом. Звали же ее — Алина. Теперь за то, что вы не остановились и не оказали ей помощи, доживете вы до такого дня, когда лучший ваш друг предаст вас, попавшего в злейшую беду, какую только случится вам изведать. За этот ваш проступок судил вам бог, что покинет вас в беде тот, на кого вы будете полагаться более чем на кого-либо еще на свете, что оставит он вас и вы примете так свою погибель.

— Мне печально слышать,— сказал король Пелинор,— что таков мой удел. Но ведь бог еще может изменить судьбу.

И вот когда завершен был подвиг сэра Гавейна, которому было назначено добыть белого оленя, и подвиг сэра Тора, Пелинорова сына, добывшего белую собаку, и подвиг короля Пелинора, отыскавшего даму, увезенную насильно рыцарем,— тогда собрал у себя король Артур всех рыцарей и оделил их дарами и землями; и наставил он их никогда не совершать грабежей и убийств, бежать измены и даровать пощаду тому, кто испросит,— иначе утратят они навечно добрую славу и покровительство короля Артура; а также всегда заступаться за дам, девиц, благородных женщин и вдов, защищать их права и никогда не учинять над ними насилия под страхом смерти. И еще наставлял их Артур, чтобы ни один из них не подымал оружия для несправедливой войны — ни ради славы и ни за какие богатства земные. И в том поклялись ему все рыцари Круглого Стола, и молодые, и старые. И с тех пор каждый год повторяли они свою клятву в день великого праздника Пятидесятницы.

Конец истории о женитьбе короля Артура.



IV

КАК МЕРЛИН ВЛЮБИЛСЯ ДО БЕЗУМСТВА В ОДНУ ИЗ ДЕВИЦ ВЛАДЫЧИЦЫ ОЗЕРА И КАК ОН ОКАЗАЛСЯ ЗАПЕРТ В СКАЛЕ ПОД КАМНЕМ И ТАМ УМЕР

Chapter i.

ПОСЛЕ ТОГО, как возвратились из странствий сэр Гавейн, сэр Тор и король Пелинор, случилось так, что Мерлин влюбился до безумия в ту девицу, что привез ко двору король Пелинор, а была она одна из приближенных Владычицы Озера по имени Нинева. Мерлин же покоя ей не давал, он все время хотел быть с нею. И она была с ним ласкова и приветлива, пока не вызнала у него все, что хотела, и не переняла его искусство, а он без ума ее любил, так что жить без нее не мог.

Вот однажды объявил он королю Артуру, что недолго ему, Мерлину, осталось жить на свете, но быть ему вскорости, несмотря на его колдовское искусство, заживо зарытым

в землю. И еще многое открыл он королю Артуру, что должно произойти в будущем, но всего строже наказал ему беречь меч Экскалибур с ножнами, ибо будут у него меч и ножны похищены женщиной, которой он более всех доверяет. И еще предсказал он королю Артуру, что не раз пожалеет он о нем, Мерлине.

— Все владения свои согласитесь вы тогда отдать за то, чтобы снова я был с вами.

— Но раз уж,— сказал ему король,— вам ведома судьба ваша, позаботьтесь, чтобы силою чар ваших отвести от себя такое несчастье.

— Нет,— отвечал Мерлин,— это невозможно.

Расстался он с королем Артуром, а в скором времени девица из Озерной страны покинула Артуров двор и Мерлин вместе с нею, и следовал он за нею повсюду, куда бы она ни направлялась.

По пути не раз замышлял он овладеть ею тайно силою волшебных чар своих. Но она заставила его поклясться, что он никогда не употребит против нее волшебства, чтобы добиться своего, и он дал ей в том клятву.

Переехала она с Мерлином через море в страну Бенвик, где правил король Бан, который вел великую войну с королем Клаудасом. Там говорил Мерлин с женою короля Бана, женщиной прекрасной и доброй, а имя ей было — Элейна. И там увидел он юного Ланселота. А королева сильно горевала из-за кровопролитной войны, что вел король Клаудас против ее владений.

— Не печальтесь,— сказал ей Мерлин,— ибо не пройдет и двадцати лет, как вот этот мальчик, юный Ланселот, отомстит за вас королю Клаудасу, так что весь христианский мир станет о том говорить; и будет тот мальчик доблестнейшим и славнейшим мужем на свете. А прежнее имя его — Галахад, о том доподлинно мне известно,— добавил Мерлин,— лишь позднее окрестили вы его Ланселотом.

— Это правда,— отвечала королева.— Сначала назвали его Галахад. О Мерлин,— сказала королева,— неужели доживу я и увижу моего сына столь славным мужем?

— Да, воистину, госпожа, клянусь спасением моим, вы это увидите и много зим еще после того проживете.

И в скором времени отбыли оттуда Мерлин и его дама. По пути показывал он ей многие чудеса, и так прибыли они в Корнуэлл. А он все замышлял овладеть ее девственностью, и так он ей докучал, что она только и мечтала, как бы избавиться от него, ибо она страшилась его, как сына дьяволова, но отделаться от него не могла никаким способом. И вот однажды стал он ей показывать великое чудо — волшебную пещеру в скале, прикрытую тяжелой каменной плитой. Она же хитро заставила его лечь под тот камень, чтобы могла она убедиться, в чем заключалась волшебная сила, а сама так наколдовала, что он со всем своим искусством уже не мог никогда поднять каменную плиту и выйти наружу, и с тем, оставив Мерлина, отправилась в дальнейший путь.



КАК ПЯТЬ КОРОЛЕЙ ПРИБЫЛИ В НАШУ ЗЕМЛЮ ВЕСТИ ВОЙНУ ПРОТИВ КОРОЛЯ АРТУРА И КАКОЙ СОВЕТ ДЕРЖАЛ АРТУР

А король Артур между тем поехал в Камелот и устроил там великий пир всем на радость и ликование, а после того в недолгом времени возвратился он в Кардал. И тут достигли слуха Артура вести, что король Дании, и король Ирландии, брат его, и король Уэльский, и король Сурлузы[54], и король Дальних Островов — все эти пять королей с диким войском вторглись в его земли и все сжигали дотла, губили и сокрушали на своем пути, и зáмки, и города, так что горестно было об этом слушать.

— Увы! — вскричал Артур,— ни на месяц не было мне покоя с тех пор, как я коронован королем этой страны. Теперь же не успокоюсь я до тех пор, покуда не встречусь с этими королями на поле честной битвы, в том я сейчас даю клятву: не будут мои верные подданные обречены бедствиям и погибели по моей вине. И потому пусть кто пожелает едет со мною, а кто не пожелает, пусть остается.

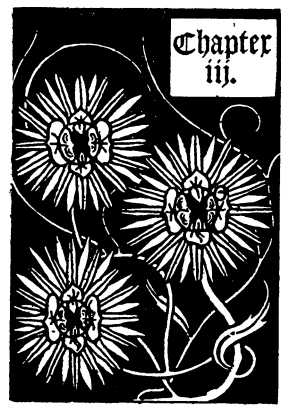
Потом повелел король Артур писать к королю Пелинору и просил его со всей поспешностью готовиться к походу с теми лишь людьми, коих собрать успеет, и поспешать, не мешкая, ему, королю Артуру, вослед. Бароны же все втайне негодовали, что король задумал столь внезапный отъезд, но король ни за что не соглашался повременить с походом и повелел писать ко всем тем, кто в те поры находился не при дворе, веля, чтобы выступали, не мешкая, вслед за ним. Потом пришел король к королеве Гвиневере и сказал ей так:

— Госпожа моя, готовьтесь, вы поедете вместе со мной, ибо я не могу долго быть в разлуке с вами. Ваше присутствие придаст мне мужества, какие бы испытания ни выпали мне на долю; ведь я не допущу, чтобы моей даме угрожали опасности.

— Сэр,— отвечала она,— я по вашему велению готова ехать в любую минуту.

И вот наутро отправились король и королева с дружиной, какую успели собрать, и прибыли на Север, и в лесу, над берегом Умбера[55], стали они лагерем. Когда же до помянутых пяти королей дошло известие, что Артур стоит в лесу над Умбером, нашелся там рыцарь, брат одного из них, который дал им такой совет:

— Ведомо вам, что у сэра Артура — весь цвет рыцарства на земле, свидетельством тому — его великая победа над одиннадцатью королями. А потому поспешайте вы навстречу ему и днем и ночью, пока не сойдетесь с ним на поле, ибо чем больше проходит времени, тем мощь его возрастает, мы же слабеем. И он так храбр и так в своей доблести уверен, что прибыл на поле брани с малой дружиной, посему нападем на него до наступления дня и перебьем его рыцарей порознь, так что ни один не успеет подойти другому на подмогу.



КАК КОРОЛЬ АРТУР СРАЗИЛСЯ С НИМИ И ПОБЕДИЛ И УБИЛ ПЯТЕРЫХ КОРОЛЕЙ, А ОСТАЛЬНЫХ ОБРАТИЛ В БЕГСТВО ❧

Вняли пятеро королей его совету, и вот со своим войском прошли они через Северный Уэльс и ночью напали на Артура и на его дружину, когда король и рыцари разошлись по своим шатрам. Король отложил оружие, снял доспехи и улегся на покой с королевой своей Гвиневерой.

— Сэр,— сказал сэр Кэй,— не следовало бы нам снимать оружие.

— Ничего не будет,— сказали сэр Гавейн и сэр Грифлет, которые спали в маленьком шатре подле королевского.

И вдруг услышали они великий шум и возгласы: «Измена!»

— Увы! — сказал Артур,— нас предали! К оружию, други! — так вскричал он тут. И в тот же миг все они облачились в доспехи и схватили оружие. Вдруг явился к королю раненый рыцарь и молвил так:

— Сэр, спасайтесь и спасайте госпожу мою королеву, ибо войско наше разбито и множество людей наших порублено.

Тогда король с королевой и те трое рыцарей сели на коней и поскакали к Умберу и собрались было переправиться на тот берег, но вода в реке была бурной, и они не решились переправляться.

— Вы должны выбирать,— сказал король Артур,— остаться ли вам на этом берегу и тут испытать удачу,— ведь если вас захватят, то убьют.

— Я все же предпочитаю умереть в этих волнах, чем оставаться здесь и попасть в руки ваших врагов,— сказала королева,— и от них погибнуть.

Но пока они стояли там и так друг с другом говорили, сэр Кэй вдруг увидел пятерых королей, которые без свиты скакали прямо на них с копьями в руках.

— Глядите,— сказал сэр Кэй,— вот те пять королей. Устремимся же им навстречу и померимся с ними силами!

— Это было бы неразумно,— возразил сэр Гавейн,— ибо нас всего четверо, их же пятеро.

— И правда,— сказал сэр Грифлет.

— Нет нужды,— сказал сэр Кэй,— я готов взять на себя двоих из них, кто посильнее. Тогда вы втроем сразитесь с тремя остальными.

И с тем сэр Кэй пустил коня своего во весь опор навстречу одному из пятерых и сшибся с ним и пробил ему щит и грудь на целую сажень, так что тот король мертвый повалился на землю. Увидел это сэр Гавейн и ринулся против другого короля с такою силой, что выбил его из седла и пронзил ему грудь копьем, и тот рухнул на землю мертвый. Тогда сэр Грифлет бросился на третьего короля и с такою силой его сокрушил, что у того шея переломилась. А тут и сэр Артур устремился навстречу противнику и пронзил ему грудь копьем, так что тот упал мертвый. Тогда сэр Кэй бросился на пятого короля и нанес ему столь сильный удар, что разрубил ему шлем и череп и рассек его всего до земли.

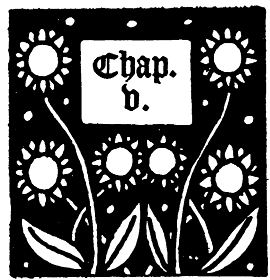
— Вот это отличный удар, — сказал король Артур. — Ты с честью выполнил свое обещанье, и потому буду я тебя почитать, покуда я жив. После того посадили они королеву в барку, стоявшую на водах Умбера. И королева Гвиневера восхвалила сэра Кэя за его подвиги, говоря:
— Если есть на свете дама, которую бы вы любили, а она вас — нет, то достойна эта дама сурового осуждения. Я же, — сказала королева, — среди всех дам разнесу о вас благородную славу, ибо вы дали великое слово и выполнили его с честию.
И с тем королева отплыла. Король же с тремя рыцарями поехал в лес, где думали они собрать вести о тех, кто уцелел из их людей, и там нашли они бóльшую часть своего войска и объявили им, что пять королей убиты.
— И потому будем держаться все вместе до наступления дня, а когда их войско при свете утра увидит, что вожди его перебиты, будет у них великий плач, и от горя не в силах они будут сражаться.
Как король сказал, так все и случилось. Когда увидели те, что их пять королей убиты, они предались столь сильному горю, что попадали с коней на землю. И тогда явился туда король Артур с малой дружиною и крушил их направо и налево, так что едва ли один из них уцелел, — все были перебиты, числом тридцать тысяч. По окончании же битвы стал король на колени и воздал господу смиренную хвалу. После того послал он за королевой. Королева прибыла и весьма радовалась такому исходу сражения.



КАК БИТВА ЗАКОНЧИЛАСЬ РАНЬШЕ, ЧЕМ ОН ПРИБЫЛ, И КАК КОРОЛЬ ОСНОВАЛ АББАТСТВО НА ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ ОНА ПРОИСХОДИЛА

Потом явился некто к королю Артуру и оповестил его, что в трех милях оттуда находится король Пелинор с большим войском. И сказал этот человек так:
— Поспешай и поведай ему, как мы преуспели.
И в скором времени прибыли туда король Пелинор с большим войском и приветствовал дружину и короля Артура, и было повсюду великое ликование. Потом повелел король разведать и перечесть, сколько у него народу перебито, и найдено было мертвыми лишь немногим более двух сотен людей, и восемь рыцарей Круглого Стола лежали зарубленные в своих шатрах.
И тогда повелел король заложить и возвести на том самом месте, где было сражение, прекрасный монастырь; он наделил его многими владениями и дал ему имя: «Аббатство Доброй Удачи».
Когда же возвратились иные из рыцарей в те края, где правили прежде пять королей, и поведали там, что все они пятеро убиты, был там по ним великий плач. И все враги короля Артура — король Северного Уэльса и короли Севера, тоже услышали о том сражении и весьма сокрушались. А король поспешил возвратиться в Камелот. И когда он прибыл в Камелот, призвал он к себе короля Пелинора и молвил ему:
— Ведомо вам, что мы потеряли восьмерых из лучших рыцарей Круглого

Стола и теперь должны мы по вашему совету избрать вместо них восемь рыцарей, самых лучших, каких только можно найти здесь при дворе.
— Сэр,— отвечал Пелинор,— я дам вам по своему разумению лучший совет. Есть при нашем дворе немало благороднейших рыцарей и среди старых, и среди молодых. Мой совет вам: изберите половину из старых, половину из молодых.
— Кого же из старых? — спросил король Артур.
— Сэр, думается мне, короля Уриенса, что женат на вашей сестре Фее Моргане, и короля Озёр, и сэра Хервиса де Ревеля, благородного рыцаря, а четвертого — сэра Галагара.
— Это добрый совет, — сказал Артур, — так и будет сделано. А кого же из молодых рыцарей?
— Сэр, первый — это сэр Гавейн, ваш племянник, он славнейший рыцарь, какого только можно в наши дни сыскать в этой земле. А второй, как думается мне, это сэр Грифлет по прозванию Божий Сын, добрый рыцарь, горячий в бою, и, кому доведется, увидят, как в будущие годы он еще выкажет себя витязем славным. Третий, достойный занять место за Круглым Столом, полагаю я, это сэр Кэй-Сенешаль, ибо он много свершил славных подвигов. И теперь, в вашем последнем сражении, добыл он себе чести: вызвался сразиться с двумя королями и обоих одолел.
— Клянусь головой! — сказал Артур,— вы говорите верно. Он всех более достоин быть рыцарем Круглого Стола из тех, кто был вами назван, даже если до конца дней своих не свершит больше ни единого подвига.



КАК СЭР ТОР БЫЛ ВОЗВЕДЕН В РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА И КАК БАГДЕМАГУС ОСТАЛСЯ НЕДОВОЛЕН ❧ — А теперь, — сказал король Пелинор, — выберите вы сами из двух рыцарей, каких я вам назову, который достойнее: сэр Багдемагус или сэр Тор, мой сын; как есть он мне сын, не должно мне хвалить его, а не то, не будь он моим сыном, я бы осмелился сказать про него, что из его сверстников нет в этой земле рыцаря лучше, нежели он, и нравом достойнее, который никогда не сделает зла и никогда перед злом не смирится.
— Клянусь головой, — сказал Артур, — он рыцарь не хуже любого, кого вы здесь помянули. Мне это отлично известно, — сказал король, — ибо я видел его в деле; говорит он немного, делает же гораздо больше, и я не знаю здесь при дворе никого, будь он даже столь же высокого рода и с материнской стороны, как ваш сын — с отцовской, кто был бы равен ему в доблести и силе. И потому я выберу на сей раз его, сэра же Багдемагуса оставлю до другого случая.
Когда же были они избраны с одобрением баронов, то на предназначенных для них сидениях за Круглым Столом оказались имена всех тех рыцарей, какие здесь были поименованы. Так они и расселись по своим местам, и тут сэр Багдемагус пришел в превеликую ярость, что сэр Тор удостоился

чести перед ним. Потому он покинул внезапно двор и взял с собою своего оруженосца, и долго ехали они по темному лесу, пока не увидели в лесу крест, и тогда он спешился и произнес благочестиво молитву. Оруженосец же его нашел тем временем на кресте надпись, а в ней значилось, что Багдемагусу до тех пор не вернуться ко двору короля, покуда не одолеет кого-нибудь из рыцарей Круглого Стола в бою один на один.

— Взгляните,— сказал оруженосец,— я нашел здесь надпись о вас; и потому мой совет вам — вернуться поскорее ко двору.

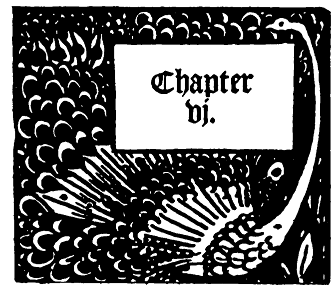
— Ни за что!— отвечал Багдемагус. — Пока не заговорят обо мне люди, пока не пройдет повсюду обо мне слава и не буду я достоин стать рыцарем Круглого Стола.

И с тем поскакал он дальше, и по пути нашел он ветвь священной травы, которая была знак Святого Грааля[56], и находили такие знаки лишь те рыцари, кто жил праведной жизнью и обладал великой доблестью.

И дальше поехал сэр Багдемагус навстречу многим приключениям; и случилось ему наехать на ту скалу, в которой приближенная Владычицы Озера заточила под камнем Мерлина. Услышав его громкие пени, хотел было сэр Багдемагус помочь ему и вызволить его оттуда. Он подлез под каменную плиту, но она была столь тяжела, что и сотня людей не могла бы ее поднять. А Мерлин, услыхавши его, сказал ему, чтобы он оставил этот труд, ибо все тщетно: никто не мог его вызволить, кроме той, которая туда его заточила.

И поскакал оттуда Багдемагус дальше, и много он встретил на пути своем приключений, выказал себя со временем славным рыцарем, и вернулся ко двору короля, и был возведен в рыцари Круглого Стола.

А там наутро были новые вести и многие новые приключения.



КАК КОРОЛЬ АРТУР, КОРОЛЬ УРИЕНС И СЭР АККОЛОН ГАЛЬСКИЙ ГНАЛИ ОЛЕНЯ, И О ИХ ЧУДЕСНОМ ПРИКЛЮЧЕНИИ

Случилось так, что Артур и многие его рыцари поехали на охоту в большой лес. И так вышло, что король Артур и король Уриенс и сэр Акколон Гальский втроем погнались за большим оленем — они все трое были на добрых конях и так быстро скакали за ним, что в недолгом времени оказались более чем в десяти милях от своих спутников. А они так разгорячились погонею, что загнали своих коней, и пали их кони мертвыми. Остались они все трое пеши, а впереди виден им был тот олень, обессилевший и весь в пене.

— Как нам поступить? — сказал король Артур.— Плохо наше дело.

— Давайте пойдем пешком,— предложил король Уриенс,— будем идти, пока не встретится нам какое-нибудь жилище.

Вскоре увидели они, что олень лежит на берегу большой реки и гончая сука терзает ему горло и другие собаки сбегаются к тому месту. Затрубил король Артур в рог и заколол оленя.

Потом огляделся король и видит: плывет по широкой реке маленькая барка, вся, до самой воды, убранная шелками. Подплыла она прямо к ним и причалила к песчаному берегу. Король спустился к воде, заглянул в барку, но не увидел там ни живой души.

— Серы,— позвал король,— ступайте сюда! Посмотрим, что в этой барке.

Забрались они все втроем в барку и видят, что она и изнутри богато увешана шелковыми полотнищами.

К тому времени спустилась уже черная ночь, и тут вдруг засияли вокруг них сто факелов по бортам, и стало светло. И вышли к ним тогда двенадцать прекрасных дев и, упав на колени, приветствовали короля Артура, величали его по имени, говорили: «Добро пожаловать, чем богаты мы, лучшего просим у нас отведать». Король поблагодарил их. И тогда они отвели короля и его товарищей в прекрасный покой, и была там скатерть, богато уставленная всем потребным для трапезы, и потчевали их там всеми винами и яствами, каких только могли они пожелать. Король же сильно этому дивился, ибо никогда не угощался он лучше, чем за этим ужином. Когда поужинали они в свое удовольствие, уложили короля Артура в прекрасном покое, и богаче, роскошнее убранства не видывал король в своей жизни; также и короля Уриенса проводили и уложили в другом столь же богатом покое; а сэру Акколону третий покой отвели, где убранство было такое же роскошное и богатое. Возлегли они на мягкие ложа и в недолгом времени уже уснули и спали чудным глубоким сном всю ночь.

Поутру проснулся король Уриенс — а он в Камелоте, дома у себя на постели в объятиях жены своей Феи Морганы. Пробудившись, очень он дивился тому, как мог попасть домой, ведь накануне вечером он был в двух днях пути от Камелота.

Король же Артур, пробудившись наутро, увидел, что находится в мрачной темнице, и вокруг него слышались стоны и пени несчастных рыцарей.



КАК АРТУР ВЫЗВАЛСЯ ВЫЙТИ НА БОЙ РАДИ ТОГО, ЧТОБЫ ОСВОБОДИТЬСЯ ИЗ ТЕМНИЦЫ, А ТАКЖЕ ВЫЗВОЛИТЬ ДВАДЦАТЬ РЫЦАРЕЙ, КОТОРЫЕ БЫЛИ В ЗАТОЧЕНИИ

— Кто вы такие, что стенаете так? — спросил король Артур.

— Нас тут двадцать рыцарей-узников, из нас иные пробыли в заточении восемь лет, иные же более, а иные менее.

— За что же? — спросил Артур.

— Сейчас мы поведаем вам,— сказали рыцари.— Владелец здешнего замка, сэр Дамас,— коварнейший из рыцарей, он лжив, он изменник и к тому же трус, каких свет не видывал. И есть у него младший брат, славный и доблестный рыцарь, по имени Онтлак. Предатель же этот Дамас, старший брат, не желает делить с ним свои земли, признает за ним лишь только то, что тот добудет доблестью рук своих. Вот сэр Онтлак и держит, доблестью рук своих отстаивая от него,

прекрасное имение и богатсе; там и живет он честно и благородно, и любим всеми. Господина же нашего, сэра Дамаса, не любят, ибо он жестокосерд и труслив; и издавна идет между ними нескончаемая война. Но Онтлак всегда одерживал верх и постоянно вызывал сэра Дамаса на бой, один на один, но тот на поединок не шел, и тогда его брат предложил ему выставить вместо себя другого рыцаря, который согласился бы сразиться за него. На том порешили, и сэр Дамас повелел сыскать охотника среди рыцарей, но он так был всем ненавистен, что не находилось среди рыцарей охотника за него сразиться
— Когда увидел Дамас, что нет среди рыцарей охотника за него сражаться, укрылся он в засаде со многими рыцарями и всех рыцарей этой страны стал хватать без разбору. Он брал их силою и препровождал в эту тюрьму. Так он и нас схватил, когда ехали мы на поиски подвигов, и много добрых рыцарей уже умерли тут в темнице голодной смертью — числом восемнадцать рыцарей. Если бы хоть кто-либо из нас, здесь сидящих или прежде сидевших, согласился бы биться с его братом Онтлаком, он освободил бы нас всех; но оттого, что Дамас этот — такой коварный предатель, мы не желаем за него сражаться даже под страхом смерти, хоть и совсем исчахли от голода и еле держимся на ногах.
— Да спасет вас бог в великой милости своей!
Тут вдруг является к Артуру девица и спрашивает:
— Как поживаешь, король?
— Сам не знаю,— ответил Артур.
— Сэр,— сказала тогда она,— если вы согласитесь сразиться за моего господина, вы будете отпущены из этой темницы, а иначе вам живым отсюда не вырваться.
— Вот как,— сказал Артур.— Дело плохо. Но по мне всякий поединок лучше смерти в темнице. Если только в самом деле я буду свободен, а со мной и все эти узники,— сказал Артур,— то я согласен сражаться.
— Хорошо,— отвечала девица.
— Тогда я готов,— сказал Артур,— мне бы только коня и доспехи.
— У вас ни в чем не будет недостатка,— сказала девица.
— Думается мне, благородная девица, что наверно встречал я вас при дворе Артура.
— Нет,— отвечала девица.— Я никогда там не бывала. Я дочь владельца этого замка.
Но она лгала, ибо состояла в приближенных при Фее Моргане.
Вот пошла она к сэру Дамасу и рассказала ему, что Артур согласился выйти вместо него на поединок, и он послал за Артуром. Пришел Артур, лицом прекрасен, телом строен, и все рыцари при виде его говорили, что жаль было бы, если бы такому прекрасному рыцарю пришлось умереть в темнице. Сговорился он с сэром Дамасом, что сразится за него на том условии, чтобы и все остальные рыцари-узники были отпущены на свободу. И в том Дамас поклялся Артуру, а Артур ему, что будет сражаться до последнего. Проводили двадцать рыцарей из темницы в залу, и сэр Дамас дал им свободу, а они все там остались, чтобы увидеть поединок.



КАК АККОЛОН ОКАЗАЛСЯ У РУЧЬЯ И ВЫЗВАЛСЯ СРАЗИТЬСЯ С АРТУРОМ ❧ Теперь вернемся мы к Акколону Гальскому, который, когда проснулся, увидел, что лежит на самом краю глубокого колодца, не далее как в полуфуте,— того и гляди, сорвется и погибнет. Из глубины колодца выходила серебряная труба, а из той трубы била высоко вверх струя воды и падала в мраморный водоем. Как увидел это сэр Акколон, перекрестился и сказал себе: «Спаси, Иисусе, господина моего короля Артура и короля Уриенса, ибо те девицы в барке предали нас. Это дьяволицы, а не женщины. Если останусь жив после этого злоключения, то разделаюсь с ними, всех перебью, кого только найду из этих девиц-предательниц, которые так во зло употребляют свои чары».

И тут вдруг как раз является к нему карла с широким ртом и плоским носом, поклонился сэру Акколону и говорит, что прибыл он от Феи Морганы. «И она шлет вам привет и велит собраться с мужеством, ибо завтра предстоит вам сразиться с одним рыцарем в рассветный час. А потому шлет она вам Экскалибур, меч Артура, вместе с ножнами, и заклинает вас вашею любовью, чтобы вы бились до последнего и не давали пощады, ведь об том условились вы, когда говорили с ней в последний раз наедине. А ту девицу, что принесет ей голову короля, с которым будет у вас бой, она сделает королевой».

— Я понял вас,— отвечал Акколон.— И выполню, о чем условился с нею, раз у меня теперь есть этот меч. Сэр, а когда виделись вы с госпожой моей Феей Морганой?

— Да вот только что,— сказал карла.

Тогда Акколон заключил его в объятья и сказал:

— Передайте мой поклон госпоже моей королеве и скажите ей, что все будет сделано, как я ей обещал, или же я погибну, сражаясь. Я же надеюсь,— продолжал Акколон,— что она употребила все чары и все колдовство для благополучного исхода этой битвы?

— Сэр, в этом вы можете не сомневаться,— отвечал карла.

Тут явились вдруг рыцарь и дама в сопровождении шести пажей, приветствовали Акколона и просили его, чтобы встал он и пошел с ними и отдохнул у них в замке. Сел Акколон на свободного коня и поехал с рыцарем в прекрасный замок, что стоял в соседстве с монастырем, и был ему там оказан радушный прием.

А сэр Дамас между тем послал к своему брату Онтлаку, чтобы готовился тот выйти завтра в рассветный час на поединок и сразиться в поле со славным рыцарем, ибо он сыскал рыцаря, готового вести с ним поединок по всем правилам. Как услышал это сэр Онтлак, очень опечалился, ибо незадолго перед тем был он ранен пикою в оба бедра,— и потому сильно горевал; но и раненный, он все равно решился идти на поединок.

И вот случилось так в то время, что чарами Феи Морганы очутился Акколон под одной крышей с сэром Онтлаком. И когда он услышал о предстоящем поединке и о том, что Онтлак ранен, объявил он, что сразится за него, ибо для того Фея Моргана и послала ему меч Экскалибур с ножнами.

чтобы наутро сразиться ему с рыцарем. Вот по какой причине и вызвался сэр Акколон на этот поединок. Обрадовался сэр Онтлак, от всего сердца благодарил сэра Акколона за то, что намерен он оказать ему столь великую услугу. И вот послал сэр Онтлак брату своему сэру Дамасу весть, что есть у него рыцарь, готовый выйти завтра на поле битвы в рассветный час.

— Назавтра выехал сэр Артур на коне и в доспехах и говорит сэру Дамасу:

— Когда же отправимся мы на поле боя?

— Сэр,— отвечал ему сэр Дамас,— сначала вы прослушаете обедню.

Выслушал Артур обедню, а когда кончилась служба, прибыл туда оруженосец на большом коне и спросил сэра Дамаса, готов ли его рыцарь к бою. «ибо наш рыцарь готов и, уже на поле». Сел и Артур на коня. А там собрались все рыцари и сословия той стороны. И по их общему согласию были избраны двенадцать лучших мужей судить их поединок.

Но когда Артур уже сидел на коне, прибыла туда девица, посланная от Феи Морганы, и подала сэру Артуру меч, во всем подобный видом Экскалибуру, а также и ножны, и сказала Артуру:

— Она шлет вам меч ваш с любовью.

Он поблагодарил ее, думая, что так оно и есть, но она была обманщица, ибо и меч и ножны были подмененные, хрупкие, обманные.



О ПОЕДИНКЕ МЕЖДУ АРТУРОМ И АККОЛОНОМ

Разъехались они на две стороны в поле и пустили коней на полном скаку, и сшиблись так, что пробили друг другу щиты в самой середине, копья их в щитах застряли, и рухнули они оба наземь, и кони и всадники. Но тут же вскочили на ноги и схватились за мечи.

Так бились они, а между тем явилась к ним на поле битвы та девица, приближенная Владычицы Озера, что погребла под камнем Мерлина. Прискакала она туда ради короля Артура, ибо было ей ведомо, что Фея Моргана положила в тот день погибнуть Артуру в бою. Вот и поспешила она, чтобы спасти ему жизнь.

А они тем временем бились отчаянно, нанося друг другу могучие удары. Но всякий раз Артуров меч разил не столь сильно, как Акколонов; Акколон как ни ударит, так ранит Артура жестоко, дивиться можно было, что тот все еще на ногах; и кровь его бежала струею. Увидел Артур, как густо залита кровью земля, и тяжко стало у него на душе. И тогда заподозрил он предательство, что меч у него подмененный, ибо он не рубил сталь, как бывало раньше. И сильно устрашился он, что быть ему убитым, ибо ему показалось, что Экскалибур в руках у Акколона, ведь он всяким ударом поражал Артура до крови.

— Ну, рыцарь,— молвил Акколон Артуру,— берегись!

Артур же ничего не сказал в ответ, но нанес ему такой сокрушительный удар по шлему, что тот склонился чуть не до земли и едва не упал. Тогда сэр Акколон отступил на шаг, занес над головою меч Экскалибур и

обрушил на сэра Артура могучий удар, так что и он едва устоял на ногах. Тут они разъярились сверх меры и наносили один другому жестокие удары. Однако сэр Артур так истек кровью, что дивиться можно было, как он еще держится на ногах, но настолько он был преисполнен рыцарским мужеством, что по-рыцарски выдерживал всю боль. Сэр же Акколон не потерял крови ни капли и потому становился все веселей и бодрей, тогда как сэр Артур совсем ослаб и думал, что уже пришла его смерть, но не показывал вида, словно все ему нипочем, и наседал на Акколона из последних сил. Акколон же так осмелел из-за того, что в руках у него Экскалибур, и рубился с превеликой доблестью. Но все, кто смотрел тот поединок, говорили, что никогда не видели, чтобы рыцарь сражался лучше, нежели Артур, ведь он так сильно истек кровью; и все, кто там был, сожалели, что эти два брата-рыцаря не помирятся между собою.

А они все бились друг с другом свирепо и яростно, пока, наконец, не отступил чуть-чуть король Артур, чтобы перевести дух, а сэр Акколон стал звать его на бой, говоря: «Не время мне теперь дожидаться, покуда ты отдохнешь!» И с теми словами набросился свирепо на Артура. Но Артур разъярился, что столь много потерял крови, и, высоко замахнувшись, ударил Акколона по шлему так сильно, что едва не сшиб его с ног; и при этом меч Артуров сломился у рукояти и упал в траву окровавленную, лишь верная рукоять с перекладиной остались у него в руке. Как увидел это король Артур, понял он, что грозит ему смертельная опасность; но он лишь выше поднял свой щит и не отступил ни на шаг и не пал духом.



КАК МЕЧ КОРОЛЯ АРТУРА, КОТОРЫМ ОН БИЛСЯ, ОКАЗАЛСЯ СЛОМАН И КАК ОН ОТНЯЛ У АККОЛОНА СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ МЕЧ ЭКСКАЛИБУР И ОДОЛЕЛ ПРОТИВНИКА ❧ Тут начал Акколон вероломные речи, говоря:

— Рыцарь, ты побежден и дальше биться не можешь; к тому же ты безоружен и весь истек кровью. Мне совсем не по сердцу убивать тебя. И потому — сдавайся.

— Нет,— отвечал сэр Артур,— я не могу сдаться, ибо я поклялся душою вести этот бой до последнего дыхания моей жизни, и потому я предпочту умереть с честью, чем жить в позоре. И если б даже мог я сотню раз умереть, я и тогда предпочел бы эту сотню смертей, чем сдаваться тебе. Ибо хоть я и лишился оружия, но честь моя при мне, а что до тебя, то если убьешь меня безоружного, будет тебе великий позор.

— Ну что ж,— сказал Акколон,— что до позора, то он меня не остановит. А теперь берегись, ты уже все равно что мертв!

И с теми словами нанес Акколон ему такой удар, что едва не сшиб его с ног, и ждал, чтобы Артур закричал, прося о пощаде. Но сэр Артур стал теснить Акколона своим щитом и так ударил его рукоятью меча, что тот, покачнувшись, отступил на три шага назад.

А девица, посланная от Владычицы Озера, глядя на Артура и видя, сколь он могуч и доблестен и какая подлая измена привела к тому, чтобы пасть ему там зарубленным насмерть, прегорько сожалела, что столь добрый рыцарь и муж славный обречен на такую погибель. И вот снова замахнулся сэр Акколон, чтобы нанести Артуру удар, но тут чарами той девицы меч Экскалибур выпал на землю из Акколоновой руки, и сэр Артур сразу прыгнул к нему с резвостью, схватил и тут же почувствовал, что в руке у него — его меч Экскалибур.

— А! — промолвил Артур.— Ты так долго был не со мной и так много вреда мне тем причинил!

И видит он, на боку у Акколона ножны. Подскочил он вдруг к нему, сорвал ножны у него с пояса и забросил так далеко, как только мог.

— А, сэр рыцарь,— молвил тут король Артур,— нынче причинил ты мне великий урон этим мечом. Но теперь пришла твоя смерть, ибо обещаю тебе, прежде чем мы расстанемся, столь же щедро вознаградить этим мечом тебя, как ты наградил меня, ибо много страданий принял я из-за тебя и совсем истек кровью.

И с тем ринулся на него сэр Артур со всей мощью и повалил его наземь, а тогда сорвал с него шлем и так ударил его плашмя мечом по голове, что кровь побежала у него из ушей, из носа и рта.

— А теперь я тебя убью! — сказал Артур.

— Убивайте, ваша воля,— отвечал сэр Акколон,— ибо вы — лучший рыцарь, какого пришлось мне встретить, и вижу я, что бог на вашей стороне. Но я поклялся,— сказал Акколон,— вести бой до последнего и не сдаваться, покуда я жив. И потому не произнесу я слов мольбы о пощаде своими устами, и пусть будет со мною, что бог мне судил.

Тут увидел сэр Артур, что лицо этого рыцаря ему знакомо, и подумал, что, верно, где-то он с ним встречался.

— Отвечай мне,— сказал Артур,— прежде чем я убью тебя: из какой ты страны, от какого двора?

— Сэр рыцарь,— отвечал сэр Акколон,— я состою при королевском дворе короля Артура, и зовут меня Акколон Гальский.

При этих словах стало у Артура еще того горше на душе, ибо сразу припомнилась ему сестра его Фея Моргана, которой поручил он свой меч, и заколдованная барка.

— Сэр рыцарь, прошу вас, скажите, кто дал вам этот меч, от кого вы его получили?



КАК АККОЛОН ПРИЗНАЛСЯ В ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ, СВЕРШЕННОМ ФЕЕЙ МОРГАНОЙ, СЕСТРОЙ КОРОЛЯ АРТУРА, И КАК ОНА ХОТЕЛА, ЧТОБЫ ОН БЫЛ УБИТ ❧ А сэр Акколон закручинился и говорит:

— Горе — цена этому мечу! ибо через него вышла мне смерть.

— Возможно, что и так,— сказал король.

— Сейчас, сэр,— продолжал Акколон,— я вам все расскажу. Этот меч хранился у меня уже более полугода, а вчера мне прислала его сюда с карлой Фея Моргана, жена короля Уриенса, чтобы я зарубил им короля Артура, ее брата. Ибо знайте, короля Артура ненавидит она пуще всех на свете, ведь он — самый доблестный и благородный в ее роду. Зато любит она превыше меры меня, своего возлюбленного, и я ее тоже. И вот если бы сумела она чарами своими погубить Артура, то тогда уж мужа своего короля Уриенса убила бы без труда. А потом задумала она посадить меня королем этой земли, и чтобы я царствовал, а она была бы моей королевой. Но теперь с этим покончено,— сказал Акколон,— ибо вижу, что смерть моя неотвратима.

— Да,— сказал король Артур,— вижу, что вам очень хотелось стать королем, но ведь убить своего господина — это великое зло,— сказал Артур.

— Воистину так,— отвечал Акколон.— Но я открыл вам всю правду и теперь прошу вам сказать мне, откуда вы, от какого двора.

— А, Акколон,— сказал король Артур,— знай же, что я — король Артур, которому ты причинил великое зло.

Услыхал это Акколон, вскричал громко:

— О благородный и милостивый господин! сжалься надо мною, ведь я не признал тебя!

— А, сэр Акколон,— отозвался король Артур,— тебе будет оказано милосердие, ибо я чувствую по твоим словам, что ты и в самом деле меня не признал, но я также чувствую по твоим словам, что ты согласился на мою гибель, и потому ты — предатель. Но я сужу тебя не столь сурово, ибо это сестра моя Фея Моргана заставила тебя своими чарами согласиться с ее предательскими замыслами. И ей я так отомщу, что весь мир христианский будет об этом говорить. Видит бог, я оказывал ей больше почестей и уважения, чем всем в нашем роду, и доверял ей более, нежели собственной жене и всем остальным моим родичам.

Потом позвал король Артур тех, кто находился на том поле, и сказал:

— Сэры, подойдите сюда. Вот перед вами мы, два рыцаря, что бились здесь друг с другом, нанося один другому великий урон, так что едва не зарубили друг друга насмерть. Но знай хоть один из нас, с кем он бьется, не было бы этого поединка, не было бы нанесено ни одного удара.

Тут вскричал во весь голос Акколон ко всем рыцарям и мужам, что там собрались:
— Лорды! Этот рыцарь, с которым я сейчас сражался,— славнейший и доблестнейший муж на свете, ибо это — сам король Артур, над всеми нами сеньор и господин. На беду, на несчастье, вступил я в поединок с господином моим и королем, вассалом которого я состою.



КАК АРТУР ПОМИРИЛ ДВУХ БРАТЬЕВ И ВЕРНУЛ СВОБОДУ ДВАДЦАТИ РЫЦАРЯМ, И КАК ПОГИБ СЭР АККОЛОН ❧ Тут все люди упали на колени и громко просили Артура о милосердии.
— Милосердие вам будет оказано,— отвечал король Артур.— Здесь могли вы сами видеть, сколь неожиданные бедствия выпадают нередко на долю странствующего рыцаря.
Вот и я только что бился с моим же рыцарем, и оба мы с ним понесли немалый урон. Но, сэры, как я столь тяжко ранен, да и он тоже, и я сильно нуждаюсь в отдыхе, вот каков будет наш краткий суд над двумя братьями:
— Что до тебя, сэр Дамас, за которого я сражался и для которого выиграл поединок, я теперь буду судить тебя. Тебя, сэр Дамас, называют надменным рыцарем, низким и злобным, недостойным собственных же доблестных подвигов, и потому я отдаю твоему брату все ваши владения, и усадьбу, и титул, и все, что к этому принадлежит, с тем только условием, чтобы сэр Онтлак держал свое владение от тебя и ежегодно давал тебе лошадь под украшенным дамским седлом, ибо на такой лошади тебе более пристало сидеть, нежели на боевом скакуне. Также повелеваю я тебе, сэр Дамас, под страхом смерти, чтобы не смел ты причинять обиды странствующим рыцарям на их пути в поисках подвигов и тем двадцати рыцарям, которых столь долго томил ты в темнице, возмести весь урон, дабы не было и им обиды. Если хоть один из них явится к моему двору и пожалуется на тебя, тогда, клянусь головой, ты за это умрешь!
Что же до вас, сэр Онтлак, вас называют славным рыцарем, исполненным доблести, преданным и благородным во всем, что вы ни делаете, и потому вот мой суд вам: поспешайте в добрый час к нашему двору, и вы станете моим рыцарем, и если дела ваши будут согласны с нашими установлениями, обещаю, милостию божией, что в кратком времени у вас будет все потребное, дабы жить не хуже, чем жил ваш брат Дамас.
— Бог да вознаградит широту вашей благородной души, вашу великую доброту и щедрость. Отныне я всякую минуту в вашем распоряжении. Ведь я, сэр,— сказал Онтлак,— по воле господа совсем недавно был ранен проезжим рыцарем в оба бедра, иначе же я бы сегодня бился против вас сам.
— Если бы на то была божья воля,— сказал сэр Артур,— то я не пострадал бы так тяжко. А почему, сейчас открою вам причину. Я не был бы

столь жестоко изувечен, будь при мне мой собственный меч, который изменой оказался у меня украден; и весь этот поединок был задуман заведомо для моей погибели, и на то употреблены были предательство и волшебство.
— Увы,— сказал сэр Онтлак,— превеликой жалости достойно, что вот есть столь благородный человек, как вы, прославленный вашими подвигами, вашей доблестью, и находится мужчина или женщина, которые против вас питают измену в сердце своем.
— Они получат по заслугам,— молвил Артур.— А теперь ответьте мне,— спросил Артур,— далеко ли я от Камелота?
— Сэр, вы оттуда в двух днях пути.
— Я хотел бы попасть в господню обитель,— сказал сэр Артур,— дабы мне отдохнуть там и набраться сил.
— Сэр,— отвечал Онтлак,— здесь поблизости находится богатый женский монастырь, некогда основанный вашими предками, всего лишь в трех милях отсюда.
И король простился со всеми, сел на коня и поскакал, и сэр Акколон за ним.
Когда же приехали они в монастырь, он повелел сыскать лекарей, дабы они осмотрели его раны и Акколоновы тоже. Но сэр Акколон на исходе четвертого дня умер, ибо он слишком истек кровью и не мог жить, король же Артур поправился совсем. Когда умер Акколон, он отправил в Камелот его тело на колеснице в сопровождении шести рыцарей и приказал:
— Свезите его к сестре моей Фее Моргане и скажите ей, что я шлю ей его в подарок. И еще скажите ей, что мой меч Экскалибур и ножны — у меня.
И они отбыли с телом Акколона.



КАК МОРГАНА ХОТЕЛА ЗАРУБИТЬ СЭРА УРИЕНСА, СВОЕГО МУЖА, И КАК ЕГО СПАС ЕЕ СЫН СЭР ИВЕЙН ❧ Тем временем Фея Моргана полагала, что король Артур убит. И вот видит она однажды, что король Уриенс лежит и спит на своем ложе, позвала она девицу из своих доверенных и приближенных и говорит:
— Ступай принеси мне меч господина, ибо не было еще удобнее мгновения, чтобы зарубить его.
— Ах, госпожа,— сказала та девица,— если вы зарубите господина, то не избежать вам кары.
— Об том не заботься,— отвечала Моргана.— Вижу я, что сейчас самое подходящее для этого время, а потому поторопись и скорее принеси мне меч.
Пошла девица и явилась к сэру Ивейну, который спал у себя на ложе в другом покое. Разбудила она сэра Ивейна и просит его:

— Подымайтесь и последите за вашей матерью, ибо она замыслила убить спящего короля, вашего отца, и я послана принести ей меч.
— Ладно,— отвечал сэр Ивейн,— иди и исполни поручение, остальное же предоставь мне.
Вот принесла девица королеве меч в дрожащих руках. Та взяла его спокойно, вынула из ножен и подходит преспокойно к ложу мужа своего, выбирает, где и как лучше нанести удар. Но когда она уже замахнулась мечом, готовая разить, выскочил сэр Ивейн, бросился на мать, схватил ее за руку и сказал:
— А, диаволица, что задумала ты сделать? Не будь ты мне матерью, я бы вот этим же мечом отсек прочь твою голову! Увы,— сказал сэр Ивейн,— люди говорят, что Мерлин рожден от диаволицы, но меня уж воистину родила на свет диаволица во образе человеческом.
— О добрый мой сын Ивейн, сжалься надо мною! Дьявол меня попутал, и потому взываю я к твоему милосердию. Никогда больше не сделаю я этого. Спаси же честь мою и не выдавай меня!
— На том условии я прощу вас,— отвечал сэр Ивейн,— что никогда более и помышлять вы не станете о подобных делах.
— Никогда, сын мой, и в том я вас заверяю.



КАК КОРОЛЕВА ФЕЯ МОРГАНА СИЛЬНО ГОРЕВАЛА ИЗ-ЗА СМЕРТИ АККОЛОНА И КАК ОНА ОБМАНОМ ОТНЯЛА У АРТУРА НОЖНЫ

А вскоре пришло Фее Моргане известие, что Акколон убит и что тело его привезено в церковь, а также что король Артур вновь завладел своим мечом. Когда услышала королева Моргана о смерти Акколона, велико было ее горе; едва сердце ее не раскололось. Но она не хотела, чтобы об том узнали люди, и потому не показала вида и затаила свое горе, но все равно она отлично знала, что стоит ей только дождаться ее брата Артура, и тогда никаким золотом не выкупить ей у него своей жизни.
И вот пошла она к королеве Гвиневере и просила у нее изволения уехать в свои земли.
— Лучше бы вам повременить здесь,— сказала королева,— пока не вернется ваш брат король.
— Это невозможно, госпожа,— отвечала Фея Моргана,— я получила известия, требующие моего поспешного отбытия.
— Ну, что же,— сказала королева,— вы можете уехать, когда желаете.
Назавтра рано поутру, еще до света, села она на лошадь и ехала весь день и большую часть ночи, и на следующий день к полудню подъехала она к тому самому монастырю, где стоял король Артур, а она-то знала, что он там. Спросила она, где он, а монахини отвечают, что он лежит на своем ложе и спит, «ибо эти три ночи он почти не ведал отдыха».

— Вот как,— сказала тогда она.— Повелеваю в таком случае, чтобы ни одна из вас его не будила, покуда я сама его не разбужу.

Слезла она с лошади и думала было взять у него потихоньку Экскалибур, его меч. И направилась прямо туда, где он спал, и никто не смел ослушаться ее повеления. Вот видит она: Артур спит на своем ложе, а в правой руке у него Экскалибур обнаженный. Как увидела она это, то поняла в сокрушении, что не сможет взять меч, не разбудив Артура; а тогда уж она погибла. И потому взяла она только ножны и ускакала своей дорогою.

Когда проснулся король и хватился ножен, то стал во гневе спрашивать, кто побывал здесь, и ему отвечали, что сестра его, королева Фея Моргана, побывала у его ложа, спрятала ножны у себя под плащом и ускакала.

— Увы,— сказал король Артур,— плохо вы оберегали меня.

— Сэр,— возразили они все,— мы не смели ослушаться повелений сестры вашей.

— Ну, что ж,— сказал король— приведите мне лучшего коня, какой у вас найдется, и передайте сэру Онтлаку, чтобы он тоже снаряжался со всей поспешностью, садился на доброго коня и скакал за мной.

Вот снарядились король и сэр Онтлак и поскакали вослед Моргане. Доехали до перекрестка, увидели там пастуха и спрашивают бедного человека, не проезжала ли тут дама на лошади.

— Сэр,— отвечал бедный человек,— вот только что проезжала тут дама на лошади в ту сторону, а с нею сорок всадников, и поскакала вон к тому лесу.

Пришпорили они коней и устремились поспешно вслед за нею, и вот уже завидел Артур Фею Моргану. Тогда припустился он так быстро, как только мог. А она, заметив погоню, поскакала во весь опор через лес и выехала на поляну. Видит Моргана, что не уйти ей от погони, и тогда она подъехала к озеру, что было там поблизости, и сказала: «Что бы ни сталось со мной, эти ножны мой брат не получит!» И с тем забросила ножны на самое глубокое место озера. Пошли они на дно, ибо были тяжелыми от золота и драгоценных камней. А она сама проскакала еще немного и очутилась в долине, усеянной большими каменными глыбами. И видя, что ее вот-вот нагоняют, силой своих чар как была, вместе с лошадью, себя и всех своих спутников обратила в каменные изваяния.

Вот подъехали король Артур и сэр Онтлак поближе, так что может король уже узнать свою сестру и ее людей и отличить одного рыцаря от другого.

— А! — воскликнул тут король,— вот видим мы божие возмездие! Я же весьма сожалею, что случилось такое.

Хочет он забрать свои ножны, а их нигде нет. И повернул он тогда назад к монастырю, из которого ехал.

Но как только Артур скрылся из виду, она вернула себе и всем спутникам прежнее обличье и говорит:



КАК ФЕЯ МОРГАНА СПАСЛА ОТ СМЕРТИ РЫЦАРЯ, КОТОРОГО ХОТЕЛИ УТОПИТЬ, И КАК КОРОЛЬ АРТУР ВОЗВРАТИЛСЯ ДОМОЙ ❧

— Сэры, теперь мы можем ехать, куда хотим!

И еще сказала Фея Моргана:

— Признали ли вы Артура, брата моего?

— Да,— отвечали ее люди.— И вы бы это сразу поняли, будь в нашей власти хоть стронуться с места: перед его грозным воинственным ликом [57] мы не вытерпели бы и обратились бы в бегство.

— Верю вам,— сказала королева.

Немного спустя повстречался им рыцарь, который вез перед собой на коне другого рыцаря, спутанного по рукам и ногам и с повязкой на глазах. Он вез его топить в глубоком источнике. Увидела она его так связанного и спрашивает:

— Что хотите вы сделать с этим рыцарем?

— Леди,— отвечал он,— я его утоплю.

— Из-за чего же? — она спросила.

— Из-за того, что я застал его с моей женою, и ее тоже ждет вскорости такая же смерть.

— Это печально,— сказала Фея Моргана.— Ну, а вы, рыцарь, что скажете? Верно ли он на вас говорит?

— Нет, воистину, госпожа, неверно он на меня говорит.

— Откуда вы? — спросила королева.— Из какой страны?

— Я состою при дворе короля Артура, имя же мое — Манессен, кузен Акколона Гальского.

— Добро ты говоришь, и ради него ты будешь освобожден, а враг твой будет в твоих руках, как ты сейчас — в руках у него.

И был тот рыцарь Манессен освобожден от пут, а тот, другой, связан. Манессен снял с него доспехи и сам в них облачился, сел на коня позади него и столкнул его прямо в воду и так его утопил. Потом снова подъехал он к Моргане и спросил, не желает ли она что передать Артуру.

— Передай ему,— сказала она,— что я спасла тебя не его ради, но ради Акколона, и скажи ему, что я его не боюсь, ведь я могу обратиться камнем и всем своим людям придать обличье каменных глыб. И пусть знает, что я еще и не то сделаю, когда придет мое время.

И с тем отбыла она в страну Гоор и там была встречена с должным почетом, и она жила там, укрепляя города свои и замки, ибо велик был ее страх перед королем Артуром.

Исцелившись и набравшись сил в монастыре, король возвратился к себе в Камелот, и королева и все его бароны встретили его с превеликой радостью. Когда же они услышали обо всех его странных злоключениях, о коих здесь выше повествовалось, они очень подивились предательству Феи Морганы. Многие рыцари требовали для нее смерти на костре.

Тут приехал ко двору Манессен и поведал королю о своих приключениях.

— Вот как,— молвил король.— Добрая у меня сестра. Жив буду, я ей отомщу так, что весь мир христианский будет о том говорить.

А наутро прибыла туда девица с поручением к королю от Феи Морганы, и привезла она с собой богато изукрашенный плащ, каких при дворе и не видывали,— он так густо был расшит драгоценными камнями, как только умещались они один подле другого, и среди них были драгоценнейшие изо всех, какие только случалось видеть королю. Говорит девица:
— Ваша сестра шлет вам этот плащ и желает, чтобы вы приняли от нее этот дар, а в чем она против вас преступила, то она искупит по вашему желанию.
Королю очень понравился плащ. Но он ничего не сказал.



КАК ДЕВИЦА — ПРИБЛИЖЕННАЯ ВЛАДЫЧИЦЫ ОЗЕРА СПАСЛА КОРОЛЯ АРТУРА ОТ ПЛАЩА, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫЛ ЕГО ИСПЕПЕЛИТЬ

Между тем явилась ко двору та девица, что была от Владычицы Озера, и обратилась к королю:
— Сэр, я должна сказать вам кое-что по секрету.
— Говорите,— отвечал король,— что вам угодно.
— Сэр,— сказала девица,— не надевайте этот плащ, приглядитесь сначала повнимательнее, и ни за что не позволяйте накинуть его на себя и ни на кого из ваших рыцарей, но сначала велите надеть его той, кто его привезла.
— Хорошо,— сказал король.— Как вы советуете, так и будет.
И говорит он девице, что прибыла от его сестры:
— Девица, плащ, который вы привезли, я желаю увидеть сначала на вас.
— Сэр,— отвечала она,— мне не пристало надевать королевские одежды.
— Клянусь головой,— сказал Артур,— вы его наденете прежде меня и прежде всех остальных, кто здесь находится.
И с тем набросил он плащ на девицу. В тот же миг она упала мертвая и, слова более не вымолвив, сгорела и рассыпалась угольями.
Разгневался король еще пуще прежнего и молвил королю Уриенсу:
— Сестра моя, а ваша жена, постоянно замышляет против меня измену. Хотел бы я знать, не состоите ли вы сами или мой племянник, ваш сын, в сговоре с нею, чтобы меня погубить. Впрочем, что до вас,— так говорил король Артур королю Уриенсу,— я не думаю, чтобы вы были в этом заговоре, ибо от Акколона слышал я признание из его собственных уст, что она намеревалась и вас погубить, как и меня. И потому вас я считаю свободным от подозрений. А вот что до вашего сына сэра Ивейна, то он остается у меня под подозрением. И потому повелеваю вам удалить его от моего двора.
Так был отослан от двора сэр Ивейн.
Узнав о том, сэр Гавейн поспешно собрался следовать за ним, ибо, сказал он: «Если кто изгоняет моего кузена, изгоняет и меня». Так уехали они оба и приехали в густой лес, а там оказался монастырь, и в нем расположились они на ночлег.
Но когда у Артура стало известно, что и сэр Гавейн отъехал от двора, то горевали все сословия.

— Вот,— сказал Гахерис, брат Гавейна,— мы лишились двух добрых рыцарей из-за одного.

А те наутро прослушали в монастыре обедню и поехали дальше и приехали в другой лес, еще больше первого. Там в долине стояла башня, а подле нее сэр Гавейн увидел двенадцать прекрасных девушек и двух рыцарей в доспехах и верхами, и девушки те ходили вокруг дерева. И увидел он, что на дереве том висит белый щит, а девушки, проходя мимо, плюют на него, а иные бросают в него грязью.



КАК СЭР ГАВЕЙН И СЭР ИВЕЙН ПОВСТРЕЧАЛИСЬ С ДВЕНАДЦАТЬЮ ПРЕКРАСНЫМИ ДЕВИЦАМИ И КАК ТЕ ЖАЛОВАЛИСЬ НА СЭРА МАРХАЛЬТА

❧ Сэр Гавейн и сэр Ивейн подъехали к ним, приветствовали их и спросили, отчего такое надругательство учиняют они над щитом.

— Сэр,— отвечали девушки,— мы вам все объясним. Есть такой рыцарь в нашей земле — ему как раз и принадлежит этот белый щит,— он доблестен и искусен в бою, но ненавидит всех дам и девиц. И вот поэтому мы учиняем надругательство над его щитом.

— Вот что я вам скажу,— сказал сэр Гавейн.— Не к лицу славному рыцарю презирать дам и девиц; но, может быть, ненавидя вас, он имеет на то причину, а может быть, он любит и любим где-нибудь в другой стороне, раз уж он такой доблестный рыцарь, как вы говорите. А как его имя?

— Сэр,— отвечали они,— его имя сэр Мархальт, сын Ирландского короля.

— Я хорошо знаю его,— сказал тут сэр Ивейн,— он рыцарь доблестный, не много есть ему равных. Я видел один раз, как он выступал на турнире, где собралось множество рыцарей, но ни один не мог против него выстоять.

— А,— сказал сэр Гавейн,— благородные девицы, видно, вы замыслили дурное, ведь тот, кто повесил этот щит, и сам должен здесь с минуты на минуту появиться, и эти двое рыцарей верхами на него нападут. Но не пристало такое благородным девицам, да и я долее не намерен смотреть, как бесчестят щит рыцаря.

С тем отъехали немного сэр Гавейн и сэр Ивейн. И вдруг видят: прямо на них скачет сэр Мархальт на могучем коне. А двенадцать девиц, увидев сэра Мархальта, бросились как безумные к башне бегом, иные даже попадали по дороге. Тут один из рыцарей, что были с ними, подтянул свой щит и вскричал громогласно:

— Сэр Мархальт, защищайся!

И сшиблись они, и тот рыцарь сломал о сэра Мархальта копье, а сэр Мархальт ударил с такой силой, что проломил ему шею, а лошади его спину.

Увидел это второй рыцарь башни и изготовился против него, и с такой силой они сшиблись, что рыцарь башни рухнул мертвый на землю вместе с конем.



КАК СЭР МАРХАЛЬТ СРАЖАЛСЯ В ПОЕДИНКЕ С СЭРОМ ГАВЕЙНОМ И СЭРОМ ИВЕЙНОМ И ПОВЕРГ НАЗЕМЬ ОБОИХ ❧. А сэр Мархальт подъехал к своему щиту, увидел, что он весь осквернен, и проговорил:

— За надругательство это я уже отчасти отомстил. И во имя любви к той, кто мне этот белый щит подарила, я буду теперь носить его, а старый мой щит повешу на место этого.

И повесил белый щит себе на шею. Потом поскакал он дальше и наехал прямо на сэра Гавейна и сэра Ивейна. Спросил он их, что они тут делают. Они ему отвечали, что едут от Артурова королевского двора на поиски приключений.

— Что ж,— сказал сэр Мархальт,— я, если пожелаете, к вашим услугам. Я тоже странствую в поисках приключений, и за мною дело не станет.

И с тем отъехал от них, чтобы было ему место для разгона.

— Пусть скачет своей дорогой,— сказал сэр Ивейн сэру Гавейну,— ведь он один из доблестнейших рыцарей на свете. Лучше бы нам, своею волею, не выходить против него один на один.

— Ну, нет,— отвечал сэр Гавейн,— этому не бывать! Позор нам будет, если мы с ним не сразимся, каким бы превосходным рыцарем он ни был.

— Что ж, ладно,— сказал сэр Ивейн.— Я выеду против него первый, ибо я слабее вас, и если он меня повергнет, тогда вы за меня отомстите.

Вот сшиблись два рыцаря с такой страшной силой, и сэр Ивейн так ударил сэра Мархальта в середину щита, что копье его раскололось от удара на мелкие куски. А сэр Мархальт столь жестокий нанес ему удар, что сшиб на землю и коня и всадника и поразил сэра Ивейна в левый бок. Сэр же Мархальт повернул коня и отъехал туда, откуда начал поединок, и снова изготовился и поднял копье. Увидел это сэр Гавейн, перетянул наперед свой щит, уперли они оба копья в седельные упоры и ринулись друг на друга со всей мощью коней своих, и ударили друг друга что было силы прямо в середину щита. Тут копье сэра Гавейна сломалось, а копье сэра Мархальта выдержало удар, и рухнул сэр Гавейн наземь вместе с конем.

Но вскочил сэр Гавейн проворно на ноги, обнажил меч свой и пеший бросился на сэра Мархальта. Увидел сэр Мархальт, что он обнажил меч, и стал конем теснить сэра Гавейна.

— Сэр рыцарь,— сказал тут сэр Гавейн,— должно тебе спешиться, иначе я зарублю твоего коня.

— Грамерси,— отвечал сэр Мархальт,— вы очень великодушны. Вы обучаете меня рыцарскому обхождению, ведь в самом деле не подобает, чтобы один рыцарь сражался пеший, другой — верхом.

И с тем сэр Мархальт прислонил копье свое к дереву, спешился, привязал к дереву коня и загородился щитом, и яростно ринулись они друг на друга.

Ударили они мечами так, что от щитов щепы полетели, и рассекли они один на другом шлемы и кольчуги и нанесли один другому глубокие раны.

Но у сэра Гавейна от девяти часов и до полудня сила прибавлялась и возрастала[58], так что к полуденному часу увеличилась его мощь втройне. А сэр Мархальт все это видел и очень дивился его возросшей мощи. И наносили они один другому жестокие раны. Но когда миновал полдень и день стал клониться к вечеру, сила сэра Гавейна начала убывать, и сделался он совсем слаб, так что едва мог уже ему противостоять, а сэр Мархальт все более укреплялся духом.

— Сэр рыцарь,— сказал тут сэр Мархальт,— я убедился вполне, что вы славный рыцарь и муж великой мощи, я испытал ее на себе, пока она у вас не иссякла. Причины нам враждовать нет, и потому печально было бы, если бы я нанес вам увечья, ибо чувствую, что вы совсем ослабели.

— О благородный рыцарь,— сказал сэр Гавейн,— вы произнесли слова, которые должен был бы сказать я.

И с тем сняли они шлемы, поцеловались и дали клятву любить друг друга по-братски. И сэр Мархальт пригласил сэра Гавейна провести ту ночь у него. Так сели они на коней и поскакали к дому Мархальта.

Едут, и по дороге сэр Гавейн говорит:

— Очень дивлюсь я вам, сэр рыцарь, вы, столь доблестный, столь благородный муж, отчего же вам быть ненавистником дам и девиц?

— Сэр,— отвечал сэр Мархальт,— напрасно меня так называют, ведь это прозвание дали мне девушки из башни и прочие им подобные. Я сейчас открою вам, что за причина мне их ненавидеть: среди них есть злые волшебницы и чаровницы, и даже самого храброго рыцаря, могучего телом и доблестного духом, могут обратить они в жалкого труса, чтобы получить над ним власть. В этом причина моей ненависти к ним. А благородным дамам и девицам я всегда готов служить, как это и надлежит рыцарю.

А во Французской книге перечисляются те рыцари, которые одерживали верх над сэром Гавейном, несмотря на всю его втрижды возраставшую мощь, и то были: сэр Ланселот Озерный, сэр Тристрам, сэр Борс Ганский, сэр Персиваль, сэр Пелеас, сэр Мархальт,— эти шестеро рыцарей одержали победы над сэром Гавейном.

Вот проехали они немного и очутились во владениях сэра Мархальта, вблизи небольшого монастыря. Там они спешились, дамы и девицы помогли им снять доспехи и поспешили осмотреть их раны, ибо все трое они имели увечья. И были приняты они у сэра Мархальта с превеликим радушием, ибо когда он узнал, что они — племянники короля Артура, он постарался оказать им, какое только мог, доброе гостеприимство. Пробыли они там целую неделю, залечили надежно свои раны, а там и в путь собрались.

— Нет,— сказал им сэр Мархальт,— так вот сразу мы не расстанемся, я провожу вас через наш лес.

И поехали они все трое. А сэр Мархальт захватил с собой самое большое свое копье. Так ехали они по лесу день за днем чуть не целую неделю, прежде чем встретилось им на пути новое приключение.

Въехали они в большой лес, носивший название, как и вся та сторона, Аррой — страна чудесных приключений.

— В этой стране со времен, как утвердилась здесь христианская вера,— объяснил им Мархальт,— не проезжал еще рыцарь, чтобы не встретилось ему чудесное приключение.

Поехали они дальше и очутились в глубокой долине, усеянной камнями, а по долине бежал чистый ручей. Тут же поблизости он и начинался, бил светлым родником, и у того родника сидели три девицы. Подъехали рыцари, приветствуют девиц. А у старшей вкруг головы был златой венец, и от роду ей было шесть десятков зим, а то и более, и волосы у нее под венцом белы. Второй девице было тридцать зим, и вкруг головы у нее — золотой обручок. А третьей девице лишь пятнадцать лет, и на голове у нее венок из цветов.

Поглядели на них рыцари и спрашивают, что за причина им так сидеть у родника.

— Сидим мы здесь,— отвечали девицы,— вот по какой причине: мы высматриваем странствующих рыцарей, чтобы нам научить их, где найти чудесные приключения. Вот вы, трое рыцарей, ищете приключения, а нас трое девиц, и потому пусть каждый из вас изберет себе из нас одну. Потом мы отведем вас туда, где разветвляется натрое дорога, и там каждый из вас поедет избранным путем, и девица его — с ним. А через двенадцать месяцев, день в день, съедетесь вы в том же месте опять, если даст вам бог дожить. И в том должно вам честью поклясться.



КАК СЭР МАРХАЛЬТ, СЭР ГАВЕЙН И СЭР ИВЕЙН ПОВСТРЕЧАЛИ ДЕВИЦ И КАЖДЫЙ ИЗБРАЛ СЕБЕ СПУТНИЦУ

— Отлично сказано,— молвил сэр Мархальт.— Пусть теперь каждый из нас изберет себе девицу.

— Я так скажу,— выступил сэр Ивейн.— Я вас обоих моложе и слабее, и потому позвольте мне избрать старшую девицу, ибо она многое повидала на своем веку и всего лучше сумеет мне помочь, когда будет у меня в том нужда, ведь из нас троих я всех более нуждаюсь в помощи.

— Тогда,— сказал сэр Мархальт,— я избираю ту, которой от роду тридцать зим, она мне более всех приглянулась.

— Ну, что же,— сказал тут сэр Гавейн,— я благодарю вас за то, что вы оставили мне меньшую и собой прекраснейшую, она мне пришлась более всех по душе.

Тут взяли девицы за повод их коней и привели их туда, где дорога разветвляется натрое, и там дали рыцари клятву, что, живы будут, встретятся вновь у того родника ровно через год. Потом поцеловались они и разъехались, каждый рыцарь посадил свою девицу позади себя на коня. Сэр Ивейн поехал дорогою, что вела на Запад, сэр Мархальт избрал дорогу, что вела на Юг, а сэр Гавейн поскакал дорогой, что вела на Север.

Теперь мы начнем с Гавейна, который ехал своей дорогой до тех пор, пока не подъехал к прекрасному дому, где жил один старый рыцарь, рачительный хозяин. Спрашивает у него сэр Гавейн, нет ли поблизости каких приключений.

— Завтра поутру,— отвечает рыцарь,— я покажу вам удивительнейшие приключения.

Вот наутро поскакали они назад и углубились в лес, знаменитый чудесами. Выехали на поляну, увидели на ней крест, осадили коней, остановились, и в это время прискакал туда рыцарь собою статный и лицом прекраснейший, какого только случалось им видеть. Едет он и горько рыдает. Когда же заметил он сэра Гавейна, то приветствовал его и пожелал ему от господа чести да славы.

— Что до этого,— отвечал сэр Гавейн,— то я вас благодарю. И я тоже желаю вам от господа чести и славы.

— О,— сказал рыцарь,— бог с ней, со славою. Ибо вслед за нею пришли ко мне позор и печаль.



КАК РЫЦАРЬ И КАРЛА ДРАЛИСЬ ЗА ДАМУ

И с тем проехал он на край поляны, а в это время на другой край поляны выехали десять рыцарей, осадили коней, перетянули щиты и наставили копья и изготовились к бою с тем рыцарем, что проехал мимо сэра Гавейна. Тот рыцарь упер в седло большое копье, поскакал и на всем скаку сшибся с одним из своих преследователей. И так этот печальный рыцарь его ударил, что перелетел он через круп своего коня. Подобным же образом расправился грустный рыцарь со всеми десятью: повергал их наземь,— и коней и всадников, и все это одним копьем. Когда же они все десятеро очутились пеши, подбежали они к нему, а он сидит в седле неподвижно, как каменный, и, не сопротивляясь, позволил он стащить себя с коня, спутать веревкой по рукам и ногам и подвязать коню под брюхо. Так они повезли его с собою.

— О господи! — воскликнул сэр Гавейн.— Горько видеть, как обращаются с этим рыцарем. А ведь он, кажется, вовсе и не сопротивлялся, а позволил им себя связать.

— Так оно и есть,— отвечал его хозяин.— Ведь захоти он только, и им бы его никогда не одолеть.

— Сэр,— сказала тут девица сэру Гавейну.— Мне кажется, ваш рыцарский долг — помочь этому грустному рыцарю, ибо, по-моему, он из лучших рыцарей, когда-либо мною виденных.

— Я бы вступился за него,— отвечал сэр Гавейн.— Но, кажется, он не желает принимать помощь.

— Нет,— возразила девица.— А мне кажется, вы просто не хотите ему помочь.

Но пока они так говорили, появился вдруг на поляне с одной стороны рыцарь, весь закованный в латы, но с обнаженной головой. А с другой стороны выехал на поляну карла на коне, тоже весь в латах, только голова открыта, рот до ушей, нос — обрубок. Подъехал к ним карла и говорит:

— Где же эта дама, что должна нас тут встретить?

И тут выходит из лесу дама. Сразу затеялся между ними спор, ибо рыцарь потребовал, чтобы она досталась ему.

— Правильно ли мы поступаем?— сказал тогда карла.— Вон там, у креста, стоит рыцарь, давайте возложим решение на него,— как он рассудит, так тому и быть.

— Я согласен,— отвечал рыцарь.

Подъехали они втроем к сэру Гавейну и рассказали, о чем у них спор.

— Что же, сэры? Вы желаете предоставить решение вашего спора мне?

— Да, сэр,— отвечали они оба.

— В таком случае, девица,— сказал сэр Гавейн,— встаньте вы между ними, и тот, к кому вы предпочтете подойти, вас и получит.

Когда же ее между ними поставили, она отвернулась от рыцаря и подошла к карле. И тогда карла поднял ее к себе в седло и ускакал, весело распевая, а рыцарь поехал своей дорогой, горько плача.

Тут выехали на поляну два рыцаря в полных доспехах, и громко вскричал один:

— Сэр Гавейн, рыцарь Артурова королевского двора! Не медли, готовься сразиться со мною!

Сшиблись они с силою и оба вылетели из седел. Тогда пеши схватились они за мечи и рубились отчаянно. А тем временем второй рыцарь подъехал к девице и спрашивает ее, отчего она с этим рыцарем, и говорит:

— Если согласитесь вы уехать со мной, я буду вашим верным рыцарем.

— Я охотно уеду с вами,— отвечала девица,— мне не по душе дальше оставаться с ним, ибо у него на глазах только что один рыцарь победил десятерых, но под конец его подло уволокли отсюда. Потому давайте уедем, покуда длится поединок.

А сэр Гавейн еще долго бился с первым рыцарем, но под конец они помирились. И стал рыцарь приглашать Гавейна, чтобы он остановился у него на эту ночь.

Сэр Гавейн с ним поехал, а по пути и спрашивает:

— Что за рыцарь в вашей стороне, один смог победить десятерых? И после такого мужественного подвига он позволил им связать себя по рукам и ногам и увезти прочь.

— А,— отвечал рыцарь,— это, как я полагаю, лучший на свете рыцарь и доблестнейший муж, и он достоин превеликого сострадания,— ведь то, что произошло сегодня, уже было с ним более десяти раз. Имя же ему — сэр Пелеас; и он любит одну знатную даму в этой стране по имени леди Этарда. Случилось однажды, когда он ее полюбил, что стали сзывать рыцарей по всей стране на трехдневный турнир, и съехались туда все рыцари этой страны и все дамы. Тому, кто выказал бы себя лучшим рыцарем, назначен был в награду добрый меч и золотой венец, и тот венец победитель должен был вручить прекраснейшей из дам, какие собрались на турнире.

Всех рыцарей там намного превосходил силою и искусством этот самый сэр Пелеас, а было там пять сотен рыцарей. Но из них не было ни одного, кого бы сэр Пелеас не вышиб из седла или не сбил бы с ног; он каждый день в течение трех дней побеждал по двадцать рыцарей. И за то награда была

присуждена ему. А он в тот же миг поскакал туда, где сидела леди Этарда, и преподнес ей венец, объявив ее прекраснейшей из всех дам, а кто не согласен, тому готов он доказать это с оружием в руках.



КАК КОРОЛЬ ПЕЛЕАС СДАЛСЯ В ПЛЕН, ДАБЫ ТОЛЬКО УВИДЕТЬ СВОЮ ДАМУ

❧ Так он избрал ее своей дамой и госпожой и поклялся кроме нее никогда никого не любить. Но она была так горда, что презрела его и отвергла, и сказала, что никогда его не полюбит, пусть бы он хоть умер за нее; а все дамы осудили ее за такую гордость, ибо там были и красивее ее, но не нашлось бы ни одной, которая, предложи ей сэр Пелеас свою любовь, не ответила бы ему любовью за благородство его и доблесть. Но рыцарь поклялся, что последует за Этардой в эти края и не отступится, пока она его не полюбит; вот так он оказался здесь и проводит дни поблизости от ее жилища, а ночи в монастыре.

— А она каждую неделю высылает против него рыцарей, он же, одолев их всех, нарочно дает им потом захватить себя, потому что только так может увидеть свою даму. Она же обращается с ним всегда презрительно и жестоко, иной раз велит своим рыцарям привязать его к хвосту лошади, иной же раз подвязать лошади под брюхо. И таким постыдным способом доставляют его пред ее лицо, и все это делает она затем, чтобы заставить его уехать и отказаться от своей любви. Но ничто не может заставить его уехать. А ведь он бы и пеший одолел этих десятерых рыцарей, если бы захотел, будь они хоть пеши, хоть верхами.

— Увы,— сказал тут сэр Гавейн,—мне очень жаль его. После сегодняшней ночи я его утром отыщу в лесу, чтобы оказать ему помощь, какую только смогу.

И вот наутро сэр Гавейн распрощался со своим хозяином сэром Карадосом и поехал по лесу. Наконец, встретил он сэра Пелеаса, предававшегося горю сверх меры и громко стенавшего. Они приветствовали друг друга, и сэр Гавейн спросил, отчего он так страдает. Сэр Пелеас поведал сэру Гавейну все, как о том выше говорилось.

— Но всякий раз, позволяя ее рыцарям так со мной обходиться, как вы вчера видели, я надеюсь в конце концов завоевать ее любовь; ведь она знает, что ее рыцарям так легко меня не одолеть, захоти только я биться с ними всерьез. Если бы я не любил ее так сильно, я бы предпочел сто раз умереть, окажись это возможным, нежели терпеть все ее надругательства; но я верю, что в конце концов она сжалится надо мною. Ведь любовь многих славных рыцарей принуждала страдать ради того, чтобы добиться желанной цели [59], но мне — увы! — нет удачи.

И он так горько заплакал, что едва не упал с лошади.
— Ну, вот что,— сказал сэр Гавейн,— оставьте свои стенания, а я клянусь вам жизнью сделать все, что в моей власти, для того, чтобы добыть вам любовь вашей дамы, и в том даю вам свое честное слово.
— О,— сказал сэр Пелеас.— А откуда вы?
— Сэр, я состою при дворе короля Артура, я племенник его, сын его сестры, и король Лот Оркнейский был моим отцом. Имя же мое — сэр Гавейн.
— А мое имя — сэр Пелеас, рожденный на Островах и многих Островов властелин, и по сей день не любил я еще ни одной дамы, ни девицы. О сэр рыцарь, поскольку вы столь близкий родич королю Артуру и сами — королевский сын, то не предайте меня, но окажите мне помощь, ибо мне никогда не добиться ее любви без помощи какого-нибудь доброго рыцаря — она живет в неприступном замке здесь поблизости, милях в четырех, и владеет всем здешним краем, и мне иначе к ней не проникнуть, как только позволив ее рыцарям меня схватить, но если б я терпел такое не ради того, чтобы ее увидеть, я бы уже давно умер. А ведь я от нее не услышал еще доброго слова. Когда меня к ней приводят, она насмехается надо мною самым жестоким образом, а потом мне возвращают коня и доспехи и выпроваживают за ворота — она не удостаивает меня ни единым словом и не дает мне ни есть, ни пить. Я же всякий раз предлагаю остаться ее пленником, но она и с этим не соглашается, а я бы о большем и не мечтал, несмотря на все страдания, какие я принял,— мне бы только видеть ее каждый день.
— Ну,— сказал сэр Гавейн,— я знаю средство все это исправить, если только вы послушаетесь моего совета. Я облачусь в ваши доспехи и так поскачу в ее зáмок и скажу ей, что я вас убил. Она за это примет меня ласково и будет ко мне благосклонна. И вот тогда-то и исполню я мой дружеский долг, так что вам непременно достанется ее любовь.



КАК СЭР ГАВЕЙН ПРИБЫЛ К ДАМЕ ЭТАРДЕ И ВОЗЛЕГ С НЕЮ И КАК СЭР ПЕЛЕАС ЗАСТАЛ ИХ СПЯЩИХ ❧ Тут поклялся сэр Гавейн честью сэру Пелеасу быть верным и преданным ему, и оба они дали друг другу клятвы верности, а потом обменялись конями и доспехами.

Распрощался с ним сэр Гавейн и приехал к замку, где стояли ее шатры перед воротами. Как увидела его Этарда, поспешила укрыться за стенами замка. Но сэр Гавейн окликнул ее громким голосом и сказал, чтобы она остановилась, ибо он — не сэр Пелеас.
— Я другой рыцарь, я убил сэра Пелеаса.
— Тогда поднимите забрало,— отвечала леди Этарда,— чтобы мне увидеть ваше лицо.
Когда уверилась она, что это не сэр Пелеас, пригласила его спешиться и провела в зáмок. Там стала она его допрашивать, верно ли, точно ли, что убил он сэра Пелеаса, и он отвечал ей, что так оно и есть. Потом рассказал

он ей, что имя ему — сэр Гавейн, что он состоит при дворе короля Артура и ему племянник, и поведал ей, как он убил сэра Пелеаса.

— Воистину,— сказала она,— это превеликой жалости достойно, ведь он был прекрасный рыцарь. Но изо всех мужчин на свете я более всех его ненавидела, ибо не было мне от него ни минуты покоя. И раз вы его убили, то я к вашим услугам и все готова сделать по вашему изволению.

И она принимала его ласково и радушно.

Но сэр Гавейн сказал ей, что он любит одну даму, а она ни за что не хочет полюбить его.

— Она достойна порицания,— сказала Этарда,— если она не любит вас, ведь вы такого высокого рождения и сами столь доблестны, нет на свете дамы, что была бы слишком хороша для вас.

— Обещаете ли вы мне,— спросил ее Гавейн,— поклянетесь ли душою и телом сделать все, что только сможете, чтобы мне досталась любовь моей дамы?

— О да, сэр, в этом я вам клянусь.

— Ну, вот,— сказал сэр Гавейн.— Это вы сами — та дама, которую я столь сильно люблю; и потому исполните ваше обещание.

— Ничего не поделаешь,— сказала леди Этарда,— раз уж я дала клятву.

И она согласилась исполнить его желание.

И вот майским вечером они с сэром Гавейном вышли из за́мка и ужинали в шатре, и было им там постлано ложе, и они возлегли на то ложе вдвоем. А в соседнем шатре ночевали ее прислужницы, а в третьем — лишь несколько рыцарей, ведь она больше не боялась появления сэра Пелеаса. Так провел с ней сэр Гавейн в шатре два дня и две ночи. На третий день рано поутру облачился в доспехи сэр Пелеас — он глаз не сомкнул с той поры, как сэр Гавейн поклялся ему честью и жизнью прийти за ним в его шатер у монастыря самое позднее через день. Вот сел он на коня и прискакал к воротам замка, где стояли шатры. В первом шатре, видит он, трое рыцарей спят на трех ложах, а в изножьях у них лежат трое оруженосцев. Он ко второму шатру, а там четыре дамы спят на четырех ложах. Тогда пошел он в третий шатер и там увидел сэра Гавейна, лежащего на ложе с его дамой леди Этардой, и они спят, крепко обнявшись. Как увидел он это, сердце его едва не разорвалось от боли, и он сказал:

— Увы, как мог рыцарь оказаться столь вероломен!

И снова сел на коня, ибо от горя не в силах был более там оставаться, но не отъехав и на пол-мили, повернул обратно, ибо он решил зарубить их обоих. Но увидев их обоих крепко спящими в объятиях друг у друга, от горя чуть было не упал с коня и так сказал себе:

— Пусть этот рыцарь и вероломен, я не стану убивать его спящего, ибо я никогда не нарушу правил высокого Рыцарского Ордена.

И с тем снова поскакал прочь. Но снова, не проехав и полумили, повернул коня, решившись их все же убить, и на скаку прегорестно сетовал и стенал. Подъехав к шатрам, он спешился, привязал коня к дереву и сам, подняв в руке обнаженный меч свой, пошел туда, где они лежали. Но опять подумал он, что позорно ему убивать их, положил свой обнаженный меч им обоим поперек горл, сел на коня и ускакал.

Вернувшись к своим шатрам, поведал сэр Пелеас рыцарям своим и оруженосцам о том, что увидел, и так сказал им:
— За верную вашу и честную службу я отдаю вам все мое имущество, ибо сам я сейчас лягу в постель и буду лежать, не вставая, пока не умру. Когда же умру я, то, велю вам, выньте сердце у меня из груди и снесите ей на серебряном блюде под серебряной крышкой и расскажите о том, как я увидел ее на ложе с этим вероломным рыцарем сэром Гавейном.
И с такими словами совлек сэр Пелеас с себя доспехи и лег на свое ложе, прегорестно плача и стеная.
А сэр Гавейн и леди Этарда пробудились ото сна, а у них поперек горл лежит обнаженный меч. И она узнала меч Пелеаса.
— Увы! — сказала она,— сэр Гавейн, вы предали сэра Пелеаса и меня, ибо вы сказали, что он вами убит, но я теперь знаю наверное, что он жив. А ведь поступи он с вами так же неблагородно, как вы с ним, были бы вы сейчас мертвы. Но вы обманули меня, да послужит мой пример всем дамам и девицам в назидание.
Тут сэр Гавейн собрался и ускакал в лес.
Случилось же так, что Владычица Озера Нинева повстречала одного из рыцарей сэра Пелеаса, пешком блуждавшего по лесу и громко стенавшего. Спросила она его, в чем причина его печали. И горестный рыцарь поведал ей все про своего господина и лорда, как его предали рыцарь и дама и как он решился лежать в постели, не вставая, пока не умрет.
— Отведите меня к нему,— сказала она,— и я спасу ему жизнь. Он не умрет от любви, а та, что внушила ему столь безнадежную любовь, в скором времени сама окажется в таком же положении, ибо не будет радостей для такой гордой дамы, которая не желает сжалиться над столь доблестным рыцарем.
Привел ее к нему тот рыцарь, она увидела его лежащим на ложе и подумала, что в жизни не встречался ей рыцарь прекраснее. И тут же навела она на него чары, так что он вдруг крепко уснул. Она же поскакала к леди Этарде, а им сказала, чтобы никто не будил его, покуда она не вернется.
Не прошло и двух часов, как она возвратилась с леди Этардой, и застали его обе дамы спящим.
— Взгляните,— говорит Владычица Озера,— вам должно стыдиться, что вы губите такого рыцаря.
И с тем навела на нее чары, и та вдруг полюбила его так сильно, что едва рассудок не потеряла.
— Ах, господи Иисусе! — воскликнула леди Этарда.— Как могло это статься, чтобы я теперь полюбила, кого прежде более всех на свете ненавидела?
— То праведный суд божий,— отвечала Нинева.
Тем временем пробудился сэр Пелеас, поглядел на Этарду и, как увидел, сразу ее признал, а признав, возненавидел более всех женщин на свете. И сказал он так:
— Прочь ступай, изменница, исчезни с глаз моих навсегда!
Она же, услышав такие его слова, стала плакать и убиваться, как безумная.



КАК СЭР ПЕЛЕАС РАЗЛЮБИЛ ЭТАРДУ БЛАГОДАРЯ ЧАРАМ ДЕВИЦЫ — ПРИБЛИЖЕННОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ ОЗЕРА, КОТОРУЮ ОН И ЛЮБИЛ ПОТОМ ВСЮ ЖИЗНЬ ❧ — Сэр рыцарь Пелеас,— сказала Владычица Озера,— садитесь на своего коня и уезжайте из этой страны. Вы полюбите другую даму, которая ответит вам на любовь.

— Охотно,— отвечал сэр Пелеас,— ибо эта леди Этарда подвергала меня великому позору и надругательству.

И рассказал он ей все от начала и до конца, как он решился уже никогда не вставать со своего ложа, покуда не умрет.

— И вот теперь послал мне бог такую милость, что я возненавидел ее столь же сильно, как прежде любил.

— За это благодарите меня,— сказала Владычица Озера.

Вот снарядился сэр Пелеас, облачился в доспехи, сел на коня и наказал своим людям везти за ним его шатры и все имущество, куда назначит им Владычица Озера. Леди же Этарда умерла от горя, а Владычица Озера утешила его с радостью, и они любили друг друга всю жизнь.



КАК СЭР МАРХАЛЬТ ЕХАЛ С ДЕВИЦЕЙ И КАК ОНИ ПРИБЫЛИ К ГЕРЦОГУ ЮЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ ❧ Теперь возвратимся мы к сэру Мархальту, который с девицею тридцати лет поехал к Югу. Заехали они в дремучий лес, и так случилось, что там застала их ночь. Долго ехали они, пробираясь сквозь чащу, покуда не выехали к подворью, и там попросили приюта. Но хозяин двора не согласился пустить их на ночлег, как они его ни просили.

Так отвечал им добрый человек:

— Если не побоитесь вы встретить опасность, добывая себе приют, то я отведу вас туда, где могли бы вы с удобством расположиться.

— Что же это за опасность, что ждет меня там, где можно бы нам расположиться на ночлег? — спросил сэр Мархальт.

— Вот приедете туда и узнаете,— отвечал добрый человек.

— Сэр, какая бы опасность меня там ни ждала, прошу вас, поспешите отвести нас туда, ибо сам я устал и дама моя и конь мой нуждаются в отдыхе.

И зашагал добрый человек по лесной дороге, а они — за ним, и не прошло и часу, как вывел он их к прекрасному замку. Окликнул бедный человек

привратника, и тот пропустил его в замок. Он явился к владельцу замка и рассказал ему, что привел с собой странствующего рыцаря и его даму, которые хотят остановиться у него на ночлег.

— Впустите его,— распорядился владелец замка,— и может статься, он еще раскается, что попросил у меня приюта.

Вот при свете факелов впустили в замок сэра Мархальта, и встречали его рыцари добрые — любо-дорого взглянуть. Коня его свели в конюшню, самого его с его дамою проводили в залу, а там стоял могучий герцог в окружении многих добрых рыцарей.

И спрашивает у него герцог, как он прозывается, откуда путь держит, у кого живет.

— Сэр,— отвечает он,— я рыцарь короля Артура, рыцарь Круглого Стола, имя же мое — сэр Мархальт, а рожден я в Ирландии.

— Это мне не нравится,— сказал тогда владелец замка,— ибо я не люблю ни господина твоего и никого из твоих товарищей по Круглому Столу. А потому отдохни как следует этой ночью, ибо завтра я и шесть моих сыновей с тобой сразимся.

— А нельзя ли как-нибудь избегнуть этого,— спросил сэр Мархальт,— чтобы я не вынужден был вести бой с вами и вашими шестью сыновьями зараз?

— Нельзя,— отвечал владелец замка,— и вот по какой причине. Я дал клятву: за то, что сэр Гавейн убил в поединке моего седьмого сына, я поклялся, что ни один рыцарь Артурова королевского двора не заночует у меня и не проедет мимо без того, чтобы я не вступил с ним в бой, дабы я мог отомстить за смерть моего сына.

— А как ваше имя? — спросил тогда сэр Мархальт.— Я прошу вас, назовите мне его, если это вам будет угодно.

— Знай же, что я — герцог Южных Окраин.

— А! — сказал сэр Мархальт.— Слышал я, что вы издавна были злым врагом господину моему Артуру и его рыцарям.

— И в этом вы завтра сами убедитесь,— отвечал герцог,— если только доживете до утра.

— Значит, мне придется биться с вами? — спросил сэр Мархальт.

— Да,— ответил герцог,— хочешь ты того или нет. И потому отведите его покуда в его покои, и пусть ни в чем ему не будет недостатка.

С тем он сэра Мархальта отпустил, и проводили его в покои, ему предназначенные, а даму его отвели в другие покои.

А наутро послал герцог к сэру Мархальту и велел сказать, чтобы тот готовился к предстоящему бою. Сэр Мархальт встал со своего ложа и облачился в доспехи. Потом отслужили для него обедню, а после утолил он голод и сел на коня своего во дворе замка, где предстояло быть сражению.

А там уже ждал его герцог, верхом на коне и закованный в латы, и с ним его шесть сыновей, и у каждого в руке копье. Начался у них бой, и герцог и все его сыновья обломали об него свои копья, он же острие своего копья поднял вверх и не коснулся ни одного из них.



КАК СЭР МАРХАЛЬТ СРАЖАЛСЯ С ГЕРЦОГОМ И ЕГО ШЕСТЬЮ СЫНОВЬЯМИ И ВСЕХ ПОКОРИЛ ❧ Тогда четверо сыновей поскакали на него попарно, и двое первых поломали копья, а за ними и вторые двое. И снова сэр Мархальт не коснулся никого из них. Но потом поскакал сэр Мархальт на герцога и так ударил его копьем, что тот повалился наземь, конь и всадник вместе. Так же расправился он и с его сыновьями. А затем спешился и велел герцогу сдаваться, а не то ему смерть. Тем временем кое-кто из герцогских сыновей уже снова был на ногах, и стали они наседать на сэра Мархальта. И сказал тогда сэр Мархальт:

— Сэр герцог, останови своих сыновей, иначе не будет вам от меня пощады!

Видит герцог, что не избежать ему гибели, и тогда крикнул он своим сыновьям, чтобы они сдавались сэру Мархальту, и все они опустились перед ним на колени, протянули ему мечи свои рукоятями, признали себя побежденными; а затем подняли на ноги своего отца. Потом, по общему согласию, поклялись они сэру Мархальту, что не будут больше врагами королю Артуру, а на будущую Троицу приедут все в Камелот, и сам он, и все его сыновья, и предадут себя на милость короля. С тем сэр Мархальт с ними простился и уехал.

По прошествии же двух дней привела сэра Мархальта его дама туда, где леди де Ванс созвала большой турнир, на котором победителю назначался в награду золотой венец ценою в тысячу безантов[60]. И на том турнире сэр Мархальт так отличился, что пошла о нем слава, он одолел в поединках сорок рыцарей, и золотой венец был присужден ему. И отбыл он оттуда с честью.

А к исходу недели привела его девица к замку одного графа. Имя его владельца было граф Фергус, потом стал он рыцарем сэра Тристрама, а тогда был он еще молод и лишь недавно вступил во владение своими землями. А по соседству с ним обитал великан по имени Таулурд, и был у него в Корнуэле брат по имени Таулас, которого сэр Тристрам потом убил, когда лишился рассудка. Вот стал тот граф жаловаться сэру Мархальту на великана, что по соседству с ним обитает и разоряет все его земли, и что из-за этого великана не смеет он ни на коне куда проехать, ни пешком пройти.

— Сэр,— спрашивает Мархальт,— какое у него обыкновение: верхом сражаться или же пешим?

— Нет, нет,— отвечал граф,— нет такого коня, чтобы выдержал его.

— Ну, что ж,— сказал сэр Мархальт,— в таком случае я померюсь с ним силой в пешем бою.

Вот наутро просит сэр Мархальт графа, чтобы кто-нибудь из его людей проводил его туда, где обитает великан. Повели его, и видит он, сидит великан под дубом, а вокруг разбросаны во множестве дубинки, железом окованные, и топоры боевые. Пошел на великана рыцарь, прикрываясь щитом, а великан схватил в руку дубинку и с первого удара расколол его щит. Грозит рыцарю жестокая опасность, ибо великан тот — хитрый боец. Но излов-

чился рыцарь и отсек великану правую руку повыше локтя. Тут великан пустился в бегство, а рыцарь за ним, и загнал его в реку; но великан-то был ростом огромен, зашел глубоко, куда рыцарю за ним не пройти. Но сэр Мархальт велел тут человеку графа Фергуса натаскать камней, и теми камнями закидал он великана, нанося ему жестокие удары, покуда не рухнул тот в воду, и тут ему и смерть пришла.

А сэр Мархальт отправился в великанов замок и вызволил из великановой темницы двадцать четыре рыцаря и двенадцать дам; и завладел он там бесчисленными богатствами, так что до конца дней своих не знал бедности. Потом вернулся он к графу Фергусу, и тот благодарил его горячо и хотел отдать ему половину своих земель, но он отказался их принять.

Прожил сэр Мархальт у графа без малого полгода, потому что был сильно изранен в бою с великаном. Но наконец все же распрощался с графом и поехал своей дорогой вместе с девицею, чтобы встретиться с сэром Гавейном и сэром Ивейном.

Но повстречались ему в пути четыре рыцаря от Артурова двора: первый был сэр Саграмур Желанный, а еще — сэр Озанна-Храброе Сердце, сэр Додинас Свирепый и сэр Фелот Листенойзский. И всех их сэр Мархальт вышиб из седел одним копьем и нанес им жестокие увечья. И поскакал дальше к условленному месту встречи.



КАК СЭР ИВЕЙН ЕХАЛ С ДЕВИЦЕЙ СОРОКА ЛЕТ ОТ РОДУ И КАК ОН ЗАВОЕВАЛ ПЕРВЕНСТВО НА ТУРНИРЕ ❧ Теперь возвратимся мы к сэру Ивейну, который свернул на Запад со своей девицей, что была шестидесяти лет от роду. Достигли они границ Уэльса и там попали на турнир, и на том турнире сэр Ивейн победил тридцать рыцарей. За то была ему дана награда — охотничий кречет и белый конь под золотым ковром. А после того, наставляемый той старой девицей, свершил сэр Ивейн множество чудесных подвигов, под конец же привела она его к даме, которая прозывалась Владычицей Скалы и была весьма любезного обхождения.

А были в том краю два рыцаря, два родные брата, которых называли Страшными рыцарями: одному имя было сэр Эдвард из Красного за́мка, другому — сэр Хью из Красного замка. И эти два брата силой отняли у той дамы, Владычицы Скалы, целое баронство. И вот когда сэр Ивейн остановился у нее на ночлег, она стала жаловаться ему на тех двух рыцарей.

— Госпожа,— сказал ей сэр Ивейн — велика их вина, ибо они преступают законы высокого Рыцарского Ордена, нарушают данную ими клятву. Хотите, я поговорю с ними, ведь я рыцарь короля Артура и могу добром их уговорить. Если же они не согласятся, я буду биться с ними во имя господа и в защиту ваших прав.

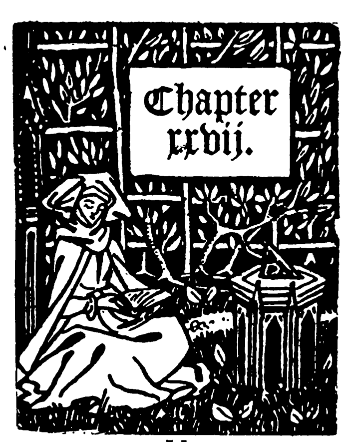
— Грамерси,— отвечала дама.— И в чем я не смогу вас за это отблагодарить, наградит вас бог.

Вот наутро послали за теми двумя рыцарями, чтобы прибыли поговорить с Владычицей Скалы, и, уж конечно, они не замедлили явиться — прискакали в сопровождении сотни всадников. Но когда эта дама увидела, какая у них сила, она ни за что не позволила сэру Ивейну выйти к ним — ни под честное их поручительство и ни под какие заверения — и заставила его говорить с ними из башни. Но как их ни увещевали, братья не соглашались, отвечали, что захваченного не отдадут.

— Ну что ж,— сказал сэр Ивейн,— тогда я буду биться с одним из вас и докажу, что вы против этой дамы не правы.

— Ну нет, тому не бывать,— отвечали они,— ибо мы если бьемся, то бьемся только оба вместе против одного рыцаря. И потому, если хотите сразиться на таких условиях, мы будем готовы в любой час, какой вы ни назначите, и если вы одолеете нас в бою, тогда она получит свои земли назад.

— Отлично,— сказал сэр Ивейн,— в таком случае готовьтесь и будьте здесь завтра, я встречусь с вами для защиты прав этой дамы.



КАК СЭР ИВЕЙН БИЛСЯ С ДВУМЯ РЫЦАРЯМИ И ПОБЕДИЛ ИХ ❧ Обменялись они клятвенными заверениями, что бой будет честный, без предательства, и те рыцари уехали облачаться к сражению.

В ту ночь потчевали сэра Ивейна и спать укладывали с превеликим радушием, а наутро поднялся он рано, прослушал обедню, утолил голод и выехал за ворота на лужайку, где уже стояли оба брата, его поджидая. Вот ринулись они навстречу ему, сшиблись, да так, что сэр Эдвард и сэр Хью обломали об сэра Ивейна копья, а сэр Ивейн так ударил сэра Эдварда, что тот перелетел через лошадь, и, однако, копье его осталось цело. Тогда пришпорил он коня, налетел на сэра Хью и поверг его наземь. Но они скоро от ударов оправились, загородились щитами, обнажили мечи и стали вызывать сэра Ивейна, чтобы он спешился и вел с ними бой до последнего.

Тут сэр Ивейн соскочил ловко с коня, выставил перед собой щит и обнажил меч, и стали они втроем рубиться, нанося друг другу могучие удары. Поначалу поранили сэра Ивейна братья так жестоко, что Владычица Скалы уже и не чаяла, что он выживет. И так бились они целых пять часов, в ярости утратив всякий рассудок, но наконец сэр Ивейн нанес сэру Эдварду столь сильный удар по шлему, что меч рассек череп и вонзился в ключицу; и при виде того умерилась храбрость сэра Хью, но сэр Ивейн продолжал его теснить — вот-вот зарубит его насмерть. Видит это сэр Хью, упал на колени и сдался сэру Ивейну, а тот по-рыцарски принял у него меч, взял его за руку, и они вместе вошли в замок.

Владычица Скалы очень обрадовалась, а сэр Хью горько печалился о смерти своего брата. Ей же возвращены были все ее земли, а сэру Хью было

наказано на следующий праздник Пятидесятницы явиться ко двору короля Артура. И прожил сэр Ивейн у этой дамы еще без малого полгода, ибо ему не скоро удалось залечить свои глубокие раны.

А между тем подошел срок, когда сэр Гавейн, сэр Мархальт и сэр Ивейн должны были съехаться вновь на перекрестке дорог, и каждый из них направился туда, чтобы сдержать данное ими обещание. Сэр Мархальт и сэр Ивейн привезли с собою своих девиц, и только сэр Гавейн свою девицу потерял.



КАК НА ИСХОДЕ ГОДА ВСЕ ТРОЕ РЫЦАРЕЙ И ИХ ТРИ ДЕВИЦЫ СЪЕХАЛИСЬ К ТОМУ ЖЕ ИСТОЧНИКУ ❧ И вот точно на исходе двенадцатого месяца съехались все три рыцаря у родника, а с ними и их девицы, но та девица, которую выбрал сэр Гавейн, немного могла сказать к его чести. Потом они расстались с девицами и поехали густым лесом, и повстречался им вестник от Артурова двора. От него они узнали, что король уже скоро двенадцать месяцев разыскивает их по всей Англии, Уэльсу и Шотландии и что приказано ему, если он найдет сэра Гавейна и сэра Ивейна, пусть поторопит их возвратиться к королевскому двору. Тут они оба возрадовались и пригласили сэра Мархальта поехать с ними к королю Артуру.

На исходе двенадцати дней прибыли они в Камелот, и король был очень рад их приезду, и весь двор тоже. Король повелел им поклясться на книге, что они правдиво расскажут обо всех своих приключениях за минувшие двенадцать месяцев, и они так и сделали. И сэр Мархальт был там всем хорошо известен, ибо многим из рыцарей приходилось в прежние времена с ним сражаться и его числили среди лучших рыцарей на свете.

А накануне праздника Пятидесятницы приехала туда Владычица Озера и привезла с собой сэра Пелеаса, и в дни праздников были устроены большие турниры.

Из всех рыцарей, там выступавших, награду завоевал сэр Пелеас, сэр же Мархальт был возглашен вторым. Сэр Пелеас был столь силен, что мало кто из рыцарей мог выдержать удар его копья. А в следующий праздник сэр Пелеас и сэр Мархальт были приняты в рыцари Круглого Стола[61]; там как раз было два свободных места, ибо за тот год два рыцаря были убиты.

И король Артур ласково принял сэра Пелеаса и сэра Мархальта, но Пелеас с тех пор навсегда невзлюбил сэра Гавейна, однако щадил его ради короля; и только на игрищах и турнирах сэр Пелеас часто проучивал сэра Гавейна, как о том повествуется во Французской Книге[62].

А с сэром Мархальтом много дней спустя сражался на одном острове сэр Тристрам. Между ними был великий бой, но под конец сэр Тристрам его

убил. Сэр Тристрам и сам был столь тяжко ранен, что не скоро мог оправиться, но целых полгода пролежал в монастыре у монахинь [63].

И сэр Пелеас был славным рыцарем, он был один из четырех, которые достигли Святого Грааля [64]. А Владычица Озера чарами своими устроила так, что ему ни разу не пришлось сразиться с сэром Ланселотом Озерным; когда сэр Ланселот сражался на каком-нибудь турнире или в битве, она устраивала так, чтобы его в тот день там вовсе не было или же он выступал на Ланселотовой стороне.

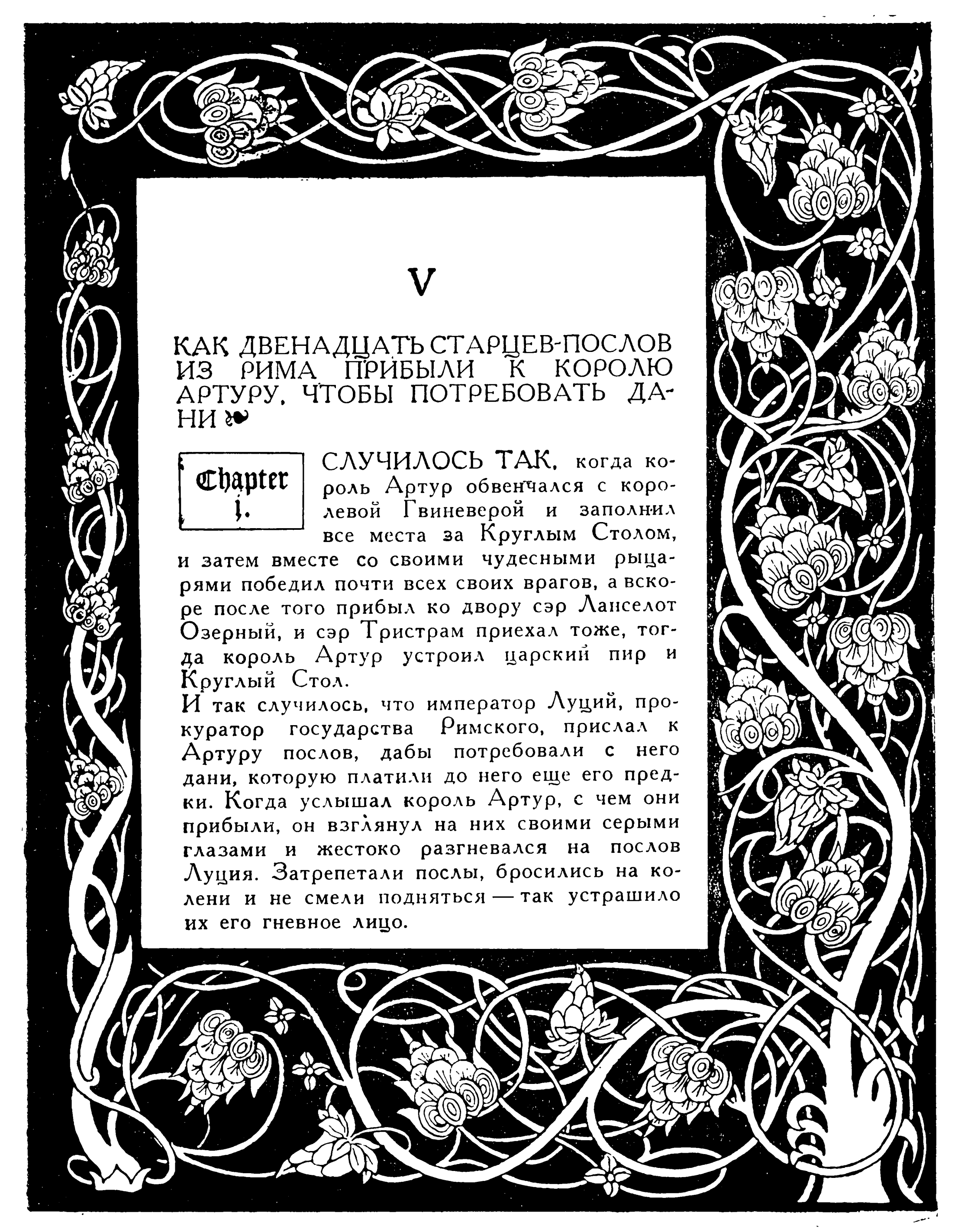
Здесь кончается эта повесть, как она рассказана во Французской Книге, от женитьбы короля Утера и далее про короля Артура, что правил после него и победил во многих битвах.

Кончается эта книга на том, как сэр Ланселот и сэр Тристрам прибыли ко двору. Пусть тот, кто задумает писать дальше, ищет другие книги о короле Артуре, или о сэре Ланселоте, или о сэре Тристраме; а эту книгу изложил рыцарь-узник сэр Томас Мэлори, да пошлет ему бог благополучное вызволение. Аминь [65].

ПОВЕСТЬ О БЛАГОРОДНОМ КОРОЛЕ АРТУРЕ,

КАК ОН САМ СТАЛ ИМПЕРАТОРОМ ЧЕРЕЗ ДОБЛЕСТЬ СВОИХ РУК





V

КАК ДВЕНАДЦАТЬ СТАРЦЕВ-ПОСЛОВ ИЗ РИМА ПРИБЫЛИ К КОРОЛЮ АРТУРУ, ЧТОБЫ ПОТРЕБОВАТЬ ДАНИ

Chapter i.

СЛУЧИЛОСЬ ТАК, когда король Артур обвенчался с королевой Гвиневерой и заполнил все места за Круглым Столом, и затем вместе со своими чудесными рыцарями победил почти всех своих врагов, а вскоре после того прибыл ко двору сэр Ланселот Озерный, и сэр Тристрам приехал тоже, тогда король Артур устроил царский пир и Круглый Стол.

И так случилось, что император Луций, прокуратор государства Римского, прислал к Артуру послов, дабы потребовали с него дани, которую платили до него еще его предки. Когда услышал король Артур, с чем они прибыли, он взглянул на них своими серыми глазами и жестоко разгневался на послов Луция. Затрепетали послы, бросились на колени и не смели подняться — так устрашило их его гневное лицо.

Затем сказал один из рыцарей посольства:
— Венчанный король, не причиняй обиды послам, ибо мы прибыли сюда по императорскому велению, как верные слуги.
И отвечал Завоеватель:
— Ты, жалкий и трусливый рыцарь, отчего убоялся ты моего взгляда? Здесь, в этой зале, есть многие, кому, во гневе, ты за целое герцогство не осмелился бы взглянуть в лицо.
— Сэр,— отвечал один из сенаторов,— помоги мне Христос, я так устрашился, когда взглянул тебе в лицо, что не имел духу пересказать тебе наше посольство.
Однако я все же намерен сказать тебе то, что мне поручено,— что Луций, император Рима, тебя приветствует и повелевает тебе под страхом кары отослать ему дань с этой земли, которую платил еще отец твой Утер Пендрагон, а иначе он отнимет у тебя все твои владения и королевства и ты будешь мятежник, не признающий своего сюзерена, ибо не приносишь и не платишь того, что причитается, и тем нарушаешь законы и установления, принятые славным и благородным Юлием Цезарем, Завоевателем этой страны.
— Хорошо сказано,— отвечал Артур.— Но несмотря на твои заносчивые речи, я не стану торопиться, и ты просидишь здесь с товарищами семь дней. Я же призову к себе на совет моих самых доверенных рыцарей, и герцогов, и вассальных королей, и графов, и баронов, и моих самых ученых мудрецов, и когда мы примем решение, вы получите от меня ясный ответ, какой я пожелаю дать.
А там были иные из молодых рыцарей, которые, услыша, о чем было то посольство, хотели наброситься на послов и зарубить их, ибо они сочли оскорблением для всех рыцарей, что с их королем так непочтительно говорили. Но король под страхом смерти запретил оспаривать послов и причинять им вред.
И повелел благородный король сэру Клегису позаботиться об устройстве послов и о том, чтобы у них было все лучшее, чтобы не было им недостатку в изысканных яствах и чтобы ни паж, ни конюх не задевали их и не вступали с ними в перебранку, ибо они все королевской крови.
— И хотя они оскорбили меня и мой двор, наша забота — не уронить нашей чести.
И так отвели их в богатые покои и подносили им щедро самые изысканные яства. И римляне тому весьма дивились.
Король же созвал к себе на совет своих благородных баронов и рыцарей, и собрались в высокой башне чуть ли не все рыцари Круглого Стола. И повелел король, чтобы каждый, по своему разумению, дал наилучший совет.
— Сэр,— сказал сэр Кадор Корнуэльский,— что до меня, то я не печалюсь этому посольству. Ведь мы уже давно на отдыхе. И я рад письму императора Луция, ибо теперь нам предстоит война и слава.
— Клянусь богом, я охотно верю,— сказал король,— что тебе, сэр Кадор, по душе это посольство. Но ведь нельзя же им так ответить, ибо их злобные речи язвили мое сердце. Эту дань Риму я платить никогда не

буду. И потому, ради Христа на небе, подавайте мне советы, мои благородные рыцари. Ибо вот что обнаружил я в хрониках этой страны: что предки мои сэр Белин и сэр Брин[1], рожденные в Британии, сто шестьдесят лет владели императорским престолом, а после них наш родич Константин, сын королевы Елены Английской, завоевал его и был императором Римским, и еще он добыл крест, на котором Христос принял смерть. Так что моему роду некогда принадлежала императорская корона, и у нас есть довольно прав, чтобы притязать на всю Римскую империю.



КАК КОРОЛИ И ЛОРДЫ ОБЕЩАЛИ КОРОЛЮ АРТУРУ ПОДДЕРЖКУ И ПОМОЩЬ ПРОТИВ РИМЛЯН ❧ И тогда ответил Артуру король Ангвисанс:

— Сэр, тебе надлежит занять место надо всеми христианскими королями, по твоей рыцарской доблести и доброму разумению, никогда тебя не оставляющему. Шотландия никогда не терпела урону с тех пор, как ты коронован королем, а когда нами правили римляне, они грабили наших старейшин и губили наши жизни. И потому перед кроткой Марией и Иисусом Христом я даю нынче клятву, что отомщу римлянам, и чтобы поддержать тебя в твоей войне, приведу тебе ярых бойцов общим числом в двадцать тысяч бывалых воинов. Я сам буду выплачивать им содержание за то, чтобы они отправились войной на римлян и их разбили. И будут они погружены на два корабля, готовые отплыть, куда ты ни повелишь им.

Затем сказал королю Артуру король Малой Британии[2]:

— Сэр, не задерживайте этих чужеземцев, дайте им достойный ответ, я же призову моих людей, и вы получите от меня тридать тысяч воинов на моем жаловании и содержании.

— Это хорошо сказано,— сказал король Артур.

Затем говорил могущественный герцог, владыка Западного Уэльса:

— Сэр, я даю перед богом клятву отомстить римлянам, и отправить туда передовой отряд, и одержать победу над Римским воеводой. Ибо однажды, когда я шел на поклонение в Святую Землю через Понт-Тремоли, он находился в Тоскане и пленил моих рыцарей и взял с них непомерный выкуп. Тогда я пожаловался самому всемогущему папе римскому, но сподобился одних только любезных речей. Больше в Риме мне негде было искать заступничества, и я отправился в дальнейший путь, жестоко оскорбленный. Потому, ради отмщения, я соберу моих доблестных валлийцев и на моем жаловании приведу вам их тридцать тысяч.

Затем держали речь сэр Ивейн и сын его Идрис, близкие родичи Завоевателю и кузены. Они держали Ирландию, Аргалию и все Внешние острова.

— Сэр,— сказали они королю Артуру,— перед Христом богом даем мы клятву проехать по Ломбардии под стены Милана, а оттуда через Понт-Тремоли в долину Витербо и там добыть провиант нашим рыцарям.

А чтобы отомстить римлянам, мы даем тебе тридцать тысяч добрых воинов.

Затем вскочил юный Ланселот Озерный с легким сердцем и так сказал королю Артуру:

— Хоть мои владения соседствуют с землями твоих врагов, я все же клянусь по мере моих сил привести с собою добрых воинов из моего рода числом в двадцать тысяч шлемов, и они не подведут тебя, покуда живы. Тут и сэр Бодуин молвил с улыбкой королю:

— А я даю верную клятву привести с собою десять тысяч добрых воинов, которые не подведут, покуда живы.

— Благодарствуйте все,— сказал король,— благодарю вас от всего сердца. Сдается мне, когда дело будет сделано, римляне пожалеют о своем дерзком посольстве.

И вот по прошествии недели сенаторы стали просить у короля ответа.

— Хорошо,— сказал им король.— Передайте же своему императору, что я с моими горячими рыцарями, как смогу, поспешу и у реки, на которой стоит Рим, поставлю мой Круглый Стол. И приведу я с собой лучших бойцов из пятнадцати королевств, и с ними проеду по горам и долам к стенам гордого Милана, а оттуда — к Риму с благородными моими рыцарями. Вот вам мой ответ.

А теперь поспешайте отсюда, покиньте мой замок вон через те ворота, и даю вам семь дней на то, чтобы добраться до Сандуича. Поторопитесь же, мой вам совет, и не жалейте лошадей, да смотрите, скачите только по Уотлингской дороге и никуда не сворачивайте, и где ночь вас застанет, там и ночуйте, будь то селение или открытое поле, ибо не гоже чужеземцам ездить по нашим дорогам ночной порою. Если же кто из вас хоть на шаг уклонится в сторону и если через неделю вы не отплывете, никакому золоту на божьем свете не выкупить вас из плена.

— Сэр,— отвечали сенаторы,— это тяжкие условия. Мы просим у вас свободного проезда.

— Нет нужды,— сказал король,— вы под королевской защитой.

И тогда выехали они из Карлайля и пустились в путь к Сандуичу, и было у них на всю дорогу семь дней, сопровождал же их сэр Кадор. И сенаторы не жалели лошадей, от города к городу нанимали себе подставы и к закату седьмого дня прискакали в Сандуич — никогда еще не ездили они так поспешно.

В ту же ночь отплыли они из Англии и прибыли во Фландрию и Аллеманию, а оттуда через высокую гору Годард и через Ломбардию и Тоскану и скоро явились к императору Луцию и вручили ему письма короля Артура и рассказали о беспримерном его бесстрашии.

Император же Луций, прочтя те письма и узнав печати, едва не обезумел от ярости.

— Я полагал, что Артур послушает вас и сам станет вам прислуживать в своей земле, ибо надлежит ему, равно как и любому христианскому королю, подчиняться всякому сенатору, посланному от моей персоны.

— Сэр,— отвечали сенаторы,— оставьте такие слова, ибо за то, что мы вернулись живыми, вечно должно нам благодарить бога. Во второй раз мы даже за все ваши бескрайние земли не отправились бы с таким посольством. А потому, верьте нашим словам, вы найдете в нем неукротимого врага и можете не искать с ним встречи, он сам прибудет сюда, не пройдет и полугода, ибо он задумал сам сделаться императором. Он говорит, что вы заняли престол великой неправдой, а что ранее все его предки, кроме отца его Утера, сидели императорами в Риме. И изо всех монархов, каких мы видели на свете, он — самый великий король, ибо мы видели на Новый год за его Круглым Столом девятерых королей и наилучшую рыцарскую дружину, какая существует на земле, ибо они всем взяли: и мудростью, и красноречием, и доблестью, и богатством. А потому, сэр, наш совет таков: собирайте своих людей и шлите во все концы своих владений королей и герцогов за подмогой, да пусть крепко стерегут Аллеманские горные проходы.

— К пасхе,— сказал император,— я намерен вторгнуться в Аллеманию и оттуда во Францию и отобрать там его земли. Я приведу с собою генуэзских великанов, из коих один стоит ста рыцарей, а опасные проходы будут охраняться моими славными рыцарями.

И разослал император с посольствами своих старых и мудрых рыцарей — в Амбагию и Аррагию[3], и в Александрию, и в Индию, и в Германию, где протекает река Евфрат, и в Азию, и в Африку и Европу бескрайнюю, в Еретанию, Эламию и на Внешние Острова, в Аравию, в Египет, в Дамаск и в Дамиак — ко всем благородным герцогам и графам. И также к королюКападокии, и к королю Тарса и Турции, Понтии и Памполии, и в земли пресвитера Иоанна[4] и в Судан и Сирию. И от Нерона до Назарета, и от Греции до Галахии[5], где сарацины были подданными Рима. И стали прибывать они в галеонах и галерах, и прибыл также король Кипра, и собрались греки в богатых облачениях, и с ними король Македонии, и короли и герцоги Калабрии и Каталонии, и король Португалии со многими тысячами испанцев.

Так собрались все короли и герцоги и благородные эмиры, всего шестнадцать монархов, и прибыли они в Рим и с ними людей без числа. Узнав об их прибытии, император повелел снаряжать всех своих благородных римлян и всех воинов от Рима до Фландрии. И еще взял он с собою пятьдесят великанов, от диаволов рожденных, их он оставил при своей персоне, дабы прорвать передние ряды Артурова войска, были же они так тяжелы, что кони не могли их носить. И вот со всем этим ужасным воинством двинулся Луций через Аллеманию, желая разорить земли Артура, которые тот со своими рыцарями завоевал в честном бою.

Прибыл Луций в Колонию, обложил там замок, захватил его в краткий срок и отдал своим сарацинам. И так в недолгом времени разорил Луций многие прекрасные земли, отвоеванные Артуром у могучего короля Клаудаса. Растянул Луций свое войско на шестьдесят миль, повелев всем сойтись к нему в Нормандию, в землю Константина.

— И там, в Барфлете, все вы меня поджидайте, а я покуда предам разорению герцогство Бретонское.



КАК КОРОЛЬ АРТУР СОЗВАЛ В ЙОРКЕ ПАРЛАМЕНТ И КАК ОН РАСПОРЯДИЛСЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ КОРОЛЕВСТВОМ В СВОЕ ОТСУТСТВИЕ Мы же теперь оставим Луция и поведем речь о короле Артуре, который повелел всем своим подданным и вассалам после дня святого Гилария[6] съехаться и устроить парламент в Йорке, внутри городских стен. И на том парламенте решено было забрать все суда в стране и через пятнадцать дней быть всем наготове в Сандуиче.

— Сэры,— сказал Артур,— я задумал пройти путями войны и захватить императорский престол, который некогда принадлежал моим предкам. И об этом прошу вас высказывать ваши суждения, как велит вам честь.

Собрались на совет короли и рыцари, и решено было назначить двух правителей: сэра Бодуина Бретонского, рыцаря старого и доблестнейшего,— для совета и порядка, и сына сэра Кадора Корнуэльского, который звался Константином и стал королем после смерти Артура[7]. И вот в присутствии всех лордов король поручил им попечение о своем королевстве — этим двум баронам и королеве Гвиневере.

И еще сэр Тристрам остался с королем Марком Корнуэльским ради любви Прекрасной Изольды, отчего весьма разгневался сэр Ланселот.

Королева же Гвиневера очень убивалась из-за предстоящего отъезда короля и всех лордов и наконец упала без чувств, и тогда ее дамы отнесли ее в ее покои.

И вот король призвал на всех божье благословение и поручил свою королеву попечению сэра Константина и сэра Бодуина, а также и всю святую Англию, дабы правили по наилучшему своему разумению.

И когда король был уже на коне, так сказал он во всеуслышанье своим лордам:

— Если погибну я в этом походе, тебя, сэр Константин, объявляю я своим истинным наследником, ибо ты мой самый близкий родич, не считая отца твоего сэра Кадора, и потому, если я умру, я хочу, чтобы ты был коронован королем.

И тот же час пустился он со своими рыцарями в путь к Сандуичу, и там застали они на берегу почти всех рыцарей Круглого Стола готовыми к отплытию по воле короля.

И вот со всей возможной поспешностью погрузили они на корабли своих коней и латы и все снаряжение, потребное для войны, палатки, шатры, с кистями и без кистей, и отчалили от берега многие большие карраки и бревенчатые барки, и галеоны, и благородные спиннеты, и галеры, и галеоты[8], со многими гребцами. И выплыли они на стрежень, многие сотни судов.

Далее следует сон короля Артура.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ПОГРУЗИЛСЯ НА КОРАБЛИ, И КАК ЕМУ В КАБИНЕ ПРИВИДЕЛСЯ ДИВНЫЙ СОН, И КАК ЕГО ИСТОЛКОВАЛИ ❧ И вот когда плыл король в своей барке, задремал он, и приснился ему сон, будто ужасный дракон потопил его людей, прилетев на крыльях с западной стороны. Голова того дракона была как бы крыта лазурной эмалью, плечи сияли золотом, а брюхо покрывала чешуя дивных цветов, хвост был изодран клоками, ноги же покрывал черный пух. А когти его были чистого золота, из глотки же изрыгалось ужасное пламя, так что и земля и вода полыхали огнем. Но тут, видится ему, появился с Востока на облаке страшный медведь, весь черный, и ноги как столбы. Весь он был покрыт спутанными космами, и ужаснее зверя не видывал человек. Он ревел и грозно рычал, так что дивно было слышать.

Вот обернулся к нему ужасный дракон, взвился по ветру, точно ястреб, и набросился на медведя. А свирепый медведь разит его страшными клыками, и вся его грудь и шея уже залиты кровью, и красная кровь разлита по морю. Вот отпрянул змей, снова взлетел к небесам и с силою обрушился сверху медведю на хребет и на холку, а было в том от головы до хвоста добрых десять футов. И когтит он медведя, и пламенем сжигает, так что осыпались пеплом плоть его и кости, и широко развеялся пепел по морским волнам.

Пробудился король, смущенный своим сновидением, и посылает он поспешно за мудрым философом и велит ему растолковать, что сей сон означает.
— Сэр,— отвечал ему философ,— дракон, что тебе приснился, означает тебя самого, отплывающего вместе со своими верными рыцарями; и цвета его крыльев — это цвета твоих королевств, которые ты завоевал со своими рыцарями. А хвост его, изодранный клоками, означает твое рыцарство Круглого Стола. Медведь же, которого дракон убил в облаках, означает тирана, угнетающего твой народ, или же великана, которого тебе предстоит победить в доблестном поединке. По всему этому пусть не страшит тебя твой страшный сон, и не печалься, славный Завоеватель[9], но будь спокоен и радостен.

И вот по прошествии недолгого времени завидели они берега Нормандии, и с тем же приливом причалил король в Барфлете и там уже застал наготове многих своих славных баронов, как он сам повелел им перед Рождеством.



КАК МЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК ПОВЕДАЛ ЕМУ ОБ УДИВИТЕЛЬНОМ ВЕЛИКАНЕ И КАК ОН БИЛСЯ С НИМ И ЕГО ПОБЕДИЛ ❧ А потом явился к нему один местный поселянин и обратился к королю с дивными словами и сказал ему так:

— Сэр, здесь по соседству находится страшный генуэзский великан, и он мучает твой народ. Пятьсот наших детей и еще более того пожрал он за последние семь лет. И этого обжоре мало, он и во владении Константина убил и пожрал всех детей мужского пола, а нынче ночью он схватил герцогиню Бретонскую, когда она ехала вдоль берега со своей богатой свитой, и уволок ее вон на ту гору, дабы возлежать с нею, покуда она не испустит дух.

Многие гнались за ним, более пятисот баронов, бойцов и благородных рыцарей, но вызволить ее не смогли, она же так громко и страшно кричала, что муку этой дамы не забыть нам никогда. А была она женой твоего кузена сэра Хоуэлла, который, как мы знаем, состоит с тобой в близком родстве. И потому, как есть ты наш законный король, сжалься над этой дамой и над своими подданными и отомсти за нас, как надлежит благородному завоевателю.

— Увы,— сказал король Артур,— это страшное злодейство. Я отдал бы все владения моей короны, чтобы только быть вблизи от этого разбойника и спасти несчастную даму по мере моих сил. А теперь, друже,— сказал Артур,— не покажешь ли мне, где обитает этот злодей? Я надеюсь, что разделаюсь с ним, прежде чем мне отправиться в дальнейший путь.

— Господин наш Завоеватель,— отвечал добрый человек,— видишь, вон там два костра? Там над холодным ручьем ты найдешь злодея, а также, наверное, и всевозможных бессчетных сокровищ более, я полагаю, нежели имеется во всей остальной Франции.

И сказал король:

— Будь же спокоен, добрый человек, и ни слова более. Твои справедливые речи уязвили мое сердце.

И вернулся он к своим шатрам, не промолвив более ничего. Призвал к себе король на совет сэра Кэя и сэра Бедивера доблестного и сказал так:

— Смотрите, после вечерни облачитесь вы двое в крепкие доспехи и берите лучших коней, ибо я собираюсь в тайное странствие и никого, кроме вас двоих, не возьму с собою. Когда кончится служба господу, мы отправимся на гору святого Михаила, где объявились разные чудеса.

И вот удалился сэр Артур и облачился в доспехи, надел кольчугу и панцирь, взял широкий щит. И приблизился он к своему коню, что стоял у обочины, и поднялся в седло, и пустился вскачь, и повстречал своих двух рыцарей в добром облачении. Пустились они рысью без дальних речей, едут вместе по богатому краю, а вокруг весело распевают птицы. Достигнув же подножья горы, спешились они, и повелел им король остаться там.

— А теперь,— сказал Артур,— привяжем коней наших одного подле другого. Я же один навещу святого Михаила и перемолвлюсь словом со здешним властелином, забравшим в свою власть эту гору.

И поднялся король на самую вершину и вдохнул освежающего холодного ветра, а затем пошел он между двумя ручьями и увидел два костра, полыхающих до самого неба. Подле одного из костров он нашел горькую вдовицу, ломающую руки над свежей могилой. Приветствовал ее Артур и спросил, о чем она так убивается.

— Увы,— отвечала она,— бедный ты рыцарь! Слишком громок твой голос! Вон там сидит страшный злодей, который убьет нас обоих. Не к добру ты здесь очутился. Чего ищешь ты на этой горе? Да будь здесь таких, как ты, полсотни, и тогда не совладать вам с ним всем вместе. Для чего ты в рыцарском облачении? Не много тебе от него будет проку, ибо он не нуждается в ином оружии, кроме своего голого кулака. А здесь лежит погубленная герцогиня, краше которой не было на свете. Он убил ее, кроткую, безо всякого сожаления — учинил над нею грязное насилие и разорвал ее до самого пупа.

— Дама,— сказал король,— я прибыл от благородного Завоевателя сэра Артура, и мне поручено рассчитаться за его подданных с этим тираном.

— Тьфу на такое поручение! — сказала она тогда.— Ибо он ставит ни во что твоего короля, как и любого другого человека. Вот если бы ты привез сюда Артурову жену, даму Гвиневеру, ей бы он обрадовался более, нежели отдай ты ему пол-Франции в подарок. А раз ты не привез королеву, то и сам держись от него подальше. Или ты не знаешь, что учинил он над пятнадцатью королями? Он сшил себе плащ, унизанный драгоценными камнями, и оторочил его бородами пятнадцати королей из самых великих родов, какие есть на земле. Иной дани он не стребовал с этих пятнадцати королевств. А бороды они прислали ему в подарок на Рождество, чая тем самым спасти своих подданных. Здесь же, на горе, он засел ради жены короля Артура, ибо сокровищ у него побольше, чем у Артура и любого из его предков. Ты застанешь его сейчас за трапезой — он ужинает шестью младенцами мужеска пола, заедает соленьями да вареньями, запивает драгоценными винами, и поворачивают ему вертелы три прекрасные девицы, которым предстоит затем взойти на его ложе, и все три умрут, не пройдет и четырех часов, как будет сделано грязное дело насыщения его плоти.

— Нужды нет,— сказал Артур,— несмотря на все ваши грозные слова, я выполню то, что мне поручено.

— Тогда ступай вон к тому костру, что полыхает так высоко, и там ты, верно, его найдешь.

И поднялся он снова на хребет холма и оттуда увидел: сидит великан без штанов в одиночестве за ужином, глодает ногу человеческую и греет у огня свои огромные ляжки. А три девицы вращают три вертела, а на вертелах новорожденные младенцы числом двенадцать нанизаны, точно куропатки. И при виде этого горестного зрелища облилось кровью королевское сердце. Обратился он к нему с гневными словами:

— Ах ты, вор, да поразит тебя Тот, кто владеет миром! Ибо ты мерзейший негодяй, когда-либо живший на свете, и кормишься по-злодейски, дьявол

да заберет твою душу! По какой такой причине убил ты, мужлан, этих христианских младенцев? Многих ты сделал мучениками в этой земле! И потому теперь получишь и ты свою меру с помощью святого Михаила, которому принадлежит эта гора. Почему погубил ты прекрасную герцогиню? Готовься же, песий сын, ибо нынче ты умрешь от моей руки!

Зарычал и завыл тут грязный обжора. Клыки у него были как у гончей собаки, и мерзее зрелища не видывал человек, ибо никогда еще подобный ему не родился на земле и сам диавол в преисподней был не ужаснее его видом. А был он с головы до ног высотою и толщиною в пятнадцать локтей. Вот вскочил он грозно на ноги и в руку схватил свою дубину кованого железа. Замахнулся он на короля этим оружием. И сшиб с его головы на сырую землю королевскую корону. Король загородился щитом и достал его мечом, поразил прямо в лоб, так что пробил кость клинок и впился в мозг. Но он все наступает на сэра Артура, а король чуть пригнулся и с размаху поразил его в ляжку и отсек ему мечом срамные части.

Взвыл, взревел великан и еще яростнее ударил дубиной, да промахнулся и не задел сэра Артура, а ударил дубиной оземь, так что взрыл борозду на три фута в глубину. Тут подскочил к нему король и нанес ему мечом удар такой силы, что раскроил череп, и хлынула кровь, запятнав кругом всю землю и траву. Отшвырнул тогда тот дубину, обхватил короля ручищами и так сдавил, что затрещали ребра. И тогда упали на колени злосчастные девицы, заломили руки и воззвали ко Христу о помощи и поддержке Артуру. И злодей повалил Артура наземь, и покатились они оба по кустам и каменьям, крепко сжимая один другого в железных объятьях. И оказывался Артур то сверху, то снизу, и так, борясь и кувыркаясь, скатились они по склону горы, не разжимая рук, до самой кромки воды. Но все время катясь вниз, Артур разил и колол его коротким кинжалом, вонзая его по самую рукоять, а упав с горы, великан сломал себе сразу три ребра.

По счастью, случилось так, что они свалились прямо на то место, где поджидали при лошадях два королевских рыцаря. Увидел сэр Кэй короля и великана, сжимающих один другого в объятиях, и говорит:

— Увы! Мы навечно пропали. Вот господин наш, схваченный диаволом.

— Ну, нет,— отозвался Артур.— Но помогите мне, сэр Кэй, ибо вот какие святые мощи выкопал я из грота там, на вершине горы.

— Да, правду сказать,— промолвил сэр Бедивер,— это мерзкий урод.

И принял он его из рук короля и сказал так:

— Дивлюсь я, неужто святой Михаил таков собою? В таком случае, как господь наш терпит его у себя на небе? И если таковы святые — слуги Иисусовы, клянусь верой, мне они не по душе!

Засмеялся король Бедиверовым словам и сказал:

— Этого святого я захватил, едва не поплатившись жизнью. Отрубите же ему голову и насадите на древко копья и отдайте тому из слуг ваших, кто всех быстрее скачет на коне,— пусть отвезет ее сэру Хоуэллу, дабы он возвеселился, ибо супостат его убит. А после в Барфлете выставите ее на стене городского замка всем жителям этой страны на осмотрение. Сами же вы двое подымитесь на эту гору и принесите мне щит мой и меч да захватите тяжелую железную дубину, а если будет вам охота до сокро-

вищ, берите все, что захотите, ибо там вы найдете любых сокровищ без счета. Мне отдайте только плащ и дубину, а больше мне ничего не надо. Этот великан был свиреп и весьма могуч, я за пятнадцать последних лет не встречал такого, лишь однажды в горах Аравии попался мне один, равный этому, но этот еще свирепее, и в том я едва не убедился на себе, не окажись судьба ко мне милостива.

Принесли ему рыцари дубину, плащ и все остальное, а с собой захватили столько сокровищ, сколько им хотелось. И вот сели они все трое на коней и ускакали оттуда тем же путем, каким прибыли.

И вскоре прошел об этом слух, и явились все дружно к королю и благодарили бога и короля за то, что их враг уничтожен.

— За все это благодарите господа,— сказал Артур,— а не смертного человека. Да смотрите, разделите все поровну, чтобы каждому досталась его доля.

И еще повелел он кузену своему сэру Хоуэллу построить на той скале церковь во имя святого Михаила.

А наутро вышел король из Барфлета с великим своим войском, парадно снаряженным, и перебрались они через реки на богатую равнину и там, в долине, разбили свои шатры. И как раз во время трапезы прибыли туда два посла, из коих один был марешаль Франции, и объявили они королю Артуру, что император вторгся во французские пределы.

— И разорил он многие наши земли, и прибыл в Бургундию, и там разрушил многие города и благородным твоим подданным учинил побоище. А теперь он рыщет по Прекрасной Франции, и где ни проезжает, сеет смерть и разорение и все предает пожарам. И теперь все бароны, герцоги и остальные, и все пэры города Парижа уехали в Нидерланды, туда, где течет Рона, и если вы в скорейшем времени не явитесь им на подмогу, они должны будут все покориться сами и отдать свои города. Более им неоткуда ждать помощи, и придется им отдаться в руки врагу.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ОТПРАВИЛ СЭРА ГАВЕЙНА И ДРУГИХ К ЛУЦИЮ И КАК ОНИ ВЫДЕРЖАЛИ НАПАДЕНИЕ И ВЫШЛИ ИЗ БИТВЫ С ЧЕСТЬЮ

❧ И говорит тогда король сэру Борсу:

— Садись поскорей на коня вместе с сэром Лионелем и сэром Бедивером, да не преминитe позвать с собой моего племянника сэра Гавейна, и возьмите с собой каждый по доброму рыцарю и поезжайте прямехонько к сэру Луцию и передайте ему, что я повелеваю ему немедля удалиться из моих владений. Если же он откажется, пусть тогда готовит свое войско к бою, и мы своими руками разрешим этот спор, а это будет куда достойнее, чем разорять беззащитный народ.

И вот со всей поспешностью садятся они на

коней, благородные рыцари, и, подъехав к зеленому лесу, видят перед собою множество богатых шатров разноцветного шелка, разбитых на лугу у реки, а в середине — императорский шатер и над ними императорский орел. И поехали наши рыцари прямо лесом и подъехали к самому императорскому шатру. Но позади они оставили в засаде вооруженных людей во главе с сэром Лионелем и сэром Бедивером. А с посольством отправились сэр Гавейн и сэр Борс.

Подъезжают они гордо к императорскому шатру и громко говорят ему в голос оба сразу:

— Горе тебе, император, и всем твоим приспешникам! Ибо почему без права занимаешь ты римский императорский престол? Его должен наследовать король Артур от своих благородных предков, которые им владели,— все кроме Утера, его отца. И потому король повелевает тебе покинуть пределы его владений, либо же сразиться за них и по-рыцарски их отвоевать.

— Хорошо сказано,— отвечал император.— Вы с честью выполнили то, что было на вас возложено. Передайте же своему господину мой привет да скажите ему, что негоже ему так оскорблять меня и моих баронов. Скажите ему, что я поеду вниз по Сене и завоюю все прилежащие к ней земли, а потом поскачу к Роне и покорю себе все до последнего уголка.

— Негоже это,— отвечал сэр Гавейн,— чтобы такой пигмей говорил такие хвастливые речи. Да мне не надо всей Франции — только бы мне дали с тобою сразиться.

— Как и мне,— сказал сэр Борс,— не надо всей Бретани и благородной Бургундии.

Тут сказал сэр Гай, близкий родич Луция, такие слова:

— Послушайте-ка, что за хвастуны эти английские британцы. Они болтают и похваляются, будто могут победить весь мир.

Разгневался сэр Гавейн на эти заносчивые речи и своим искривленным светлым клинком отсек рыцарю Гаю голову.

И, поворотив коней, поскакали они через воды и веси и добрались, наконец, туда, где стояли засадой сэр Лионель и сэр Бедивер. А римляне гнались за ними, и всадники, и пешие, по широкой равнине и въехали в густой лес.

Здесь оборотился сэр Борс и видит: скачет на них рыцарь, весь сверкающий золотом, и теснит рыцарей короля Артура. Как увидел его сэр Борс, навесил копье и пронзил его насквозь, так что вывалились наружу внутренности и он упал на землю, горестно стеная.

Тут скачет могучий барон, весь в пурпуре. Он ворвался в гущу рыцарей Артура и поверг наземь многих славных бойцов, звали же его Калибурн, первый силач Павии. Оборотился против него сэр Борс и пронзил его широкий щит и проткнул его широкую грудь, так что повалился тот наземь бездыханный, как камень.

А тут сэр Фельденак, могучий прославленный боец, ринулся на сэра Гавейна, ища мести за сэра Гая и всех своих товарищей, но сэр Гавейн его заметил, вытащил меч свой Галантин и обрушил ему на голову удар та-

кой силы, что раскроил его надвое по грудь, а сам изловил своего коня и поскакал к своим.

Тут обратился к соратникам богатый римлянин, один из сенаторов, и сказал, чтобы они поворачивали назад.

— Ибо там стоят умные послы и храбрые хвастуны, и если мы последуем за ними и дальше, нам несдобровать.

И возвратились римляне к своим шатрам и поведали императору о том, что с ними было и как был убит воевода города Рима и пали на поле боя более пяти тысяч человек.

Но еще прежде, чем они успели выбраться из леса, вырвались наши рыцари из засады и со всех сторон набросились на римлян, и теснили их сэр Лионель и сэр Бедивер и справа, и слева. Наши благородные рыцари, сыны веселой Англии, пробивали им шлемы и яркие щиты и крушили их наземь, а кто жив остался, возвратились к императору и поведали ему в двух словах, что рать его разбита, десять тысяч бойцов пало от руки испытанных рыцарей, каких отважнее не случалось им встречать в бою. А сэр Борс с сэром Гавейном преследовали римлян до самых императорских шатров. Вдруг вырвались римляне со всех сторон, и конные и пешие, во множестве без числа. Но сэр Борс и сэр Берел храбро бились в передних рядах, как надлежит доблестным рыцарям. А сэр Гавейн оказался справа и делал все, что мог, но против него одного было их столько, что он ничем не мог помочь своим товарищам и принужден был повернуть коня или же должен был погибнуть. Сэр Борс и сэр Берел, могучие бароны, бились, как два загнанных вепря. Но в конце концов, как они ни противились, пришлось им сдаться в плен — их схватили и отвели и поставили чуть поодаль, на виду у сэра Гавейна, а тот горько сокрушался беде этих двух лордов.

Но тут прискакал туда со свежими силами рыцарь в чистых доспехах, и то был сэр Идрис, сын сэра Ивейна, благородный боец. Он привел с собою пятьсот добрых бойцов, облаченных в кольчуги, и когда он узнал, что сэр Борс и сэр Берел захвачены в плен, то сказал так:

— Увы! Слишком велик позор и ущерб, нам нанесенный! Ибо король Артур, проведай он, что сталось с этими двумя рыцарями, не знал бы радости, покуда не отомстил за них.

— Ах, славный рыцарь,— отвечал сэр Гавейн,— ты, я знаю, муж благородный, ведь таков и твой отец. И мать твою я хорошо знаю. В английской земле ты рожден на свет. Увы, эти римляне гнали нас сегодня, точно диких зайцев, и захватили в плен нашего военачальника. А ведь лучше рыцарь, нежели он, никогда не садился в седло. Вон там, погляди, они ведут наших лордов по широкому полю. И я даю клятву,— сказал сэр Гавейн,— что не увижу господина моего Артура, если не спасу их сейчас, когда их от нас уводят.

— Это рыцарские речи,— сказал сэр Идрис, натянул удила и поскакал через широкое поле. И кололи там копьями и рубили мечами, и сэр Гавейн своим мечом Галантином совершил много чудесных подвигов. Он пробился к тому, кто вел сэра Борса, и вонзил в него меч свой по рукоять, и отвел сэра Борса к товарищам. А юный сэр Идрис, сын сэра Ивейна, пробил-

ся к тому рыцарю, который вел сэра Берела, и так он орудовал своим мечом, что кровь и мозг стекали по лезвию.

Между тем один гордый сенатор пробился к сэру Гавейну и нанес ему тяжкий удар. Видит это сэр Идрис и скачет к нему на подмогу — он убил бы гордого сенатора, если бы тот не сдался с поспешностью в плен. Не хотелось ему покориться, но пришлось поневоле, и тогда сэр Идрис вывел его из гущи сражения и отвел к сэру Лионелю и к сэру Ловелю, его брату, и строго наказал ему сторожить пленника.

И завязалось тут большое сражение, и римские силы все прибывали. Видит это сэр Гавейн, и отправил он рыцаря к королю Артуру.

— Расскажите ему, как тяжко нам здесь досталось, да передайте, что мы захватили в плен главного казначея города Рима. И Петр, благороднейший сенатор, тоже наш пленник, как и многие другие гордые римские князья, чьих имен мы не знаем. Просите же его, как есть он наш господин и король, пусть поспешает с подмогой, ибо за этих пленников можем мы получить богатейший выкуп. Да еще скажите ему, что я жестоко ранен.

Когда прибыли гонцы к королю и все ему пересказали, он возблагодарил Иисуса и всплеснул руками.

— За эти твои речи, если только буду я жив, награжу тебя, как ни одного рыцаря на свете. Но если сэру Гавейну угрожает смерть, то, клянусь перед богом, никакому золоту не купить их жизни. Ибо пусть лучше император и все его лорды горят в геенне огненной, чем хоть один рыцарь Круглого Стола получит жестокую рану.

И были пленники приведены пред лицо Артурово, и он повелел поручить коннетаблям их охрану, да чтобы обходились с ними как с рыцарями благородными.

А вскоре вслед за тем стали подъезжать передовые всадники и предупредили о прибытии сэра Борса, сэра Бедивера, сэра Лионеля и сэра Гавейна, жестоко раненного, со всей их доблестной ратью. Ни один рыцарь не пал у них в бою. Король Артур повелел при себе обмыть сэру Гавейну раны и сказал ему так:

— Любезный кузен, я сострадаю твоим ранам! Если бы я знал, что тебе от того станет легче и спокойнее на сердце, я подарил бы тебе головы тех, кто тебя изувечил.

— От этого мало было бы проку,— отвечал сэр Гавейн.— Они уже давно лишились бы голов, если бы я захотел, а убивать рыцарей, которые сдались в плен, постыдно.

И было в тот день среди рыцарей Круглого Стола веселье и разные игрища, и гонцы вели рассказы о великой доблести и о славных подвигах, в тот день совершенных.

А поутру, чуть рассвело, король призвал к себе сэра Кадора Корнуэльского и сэра Кларуса Клермонтского, безупречного бойца, сэра Клодруса и сэра Клегиса, двух старых почтенных рыцарей, и сэра Борса, сэра Берела, превосходных бойцов, а также сэра Бриана Островитянина, и сэра Бедивера, бесстрашного рыцаря, и еще он призвал к себе сэра Ланселота и при всех сказал во всеуслышанье так:

— Прошу тебя, сэр, твоей любовью ко мне, стань во главе вот этих рыцарей и доблестно препроводи наших пленников в город Париж, дабы там содержать их под надежной охраной. И если на вас нападут, чтобы отбить пленников, на тебя я полагаюсь всех более, да поможет мне Иисус.
И вот сэр Ланселот и сэр Кадор с остальными рыцарями отобрали из своей дружины десять тысяч храбрейших мужей, всех лучше снаряженных, развернули знамена и распустили их над головами.



КАК ЛУЦИЙ ОТПРАВИЛ НЕКОТОРЫХ ВПЕРЕД ЗАСАДОЙ, ЧТОБЫ ОТБИТЬ СВОИХ ПЛЕНЕННЫХ РЫЦАРЕЙ, И КАК ИМ ЭТО НЕ УДАЛОСЬ

Мы же теперь вернемся к императору Рима, который узнал от лазутчиков, куда поведут пленных. Призвал он к себе сэра Эдольфа и сэра Эдварда, двух могучих королей, и сэра Сектора Ливийского, и многих сенаторов, и царя Сирийского, и одного сенатора города Рима. Все эти бароны со многими испытанными рыцарями поскакали в долину Труа, чтобы там перехватить рыцарей короля Артура, которым были поручены пленники.
А наши рыцари направлялись к Парижу. Впереди же их поджидала засада в шестьдесят тысяч человек.
— Ну, лорды,— сказал сэр Ланселот,— я прошу на миг вашего внимания. Следует опасаться, как бы в этом лесу перед нами не залегли наши враги. И потому мой совет: пошлем вперед трех надежных рыцарей.
— Я согласен,— сказал сэр Кадор, и все остальные тоже согласились, и решено было, что вперед выедут сэр Кларион и благородный сэр Клемент, и сэр Клегис, дабы обыскать весь лес, и горы и долы.
Вот выехали вперед эти три рыцаря и увидели в лесу воинов на конях. И крикнул тогда громким голосом сэр Клегис:
— Есть здесь хоть один рыцарь, король или царь, который дерзнет, ради того, кому он служит, сразиться с рыцарем Круглого Стола? Будь он король или простой рыцарь, здесь наготове ждет его противник.
И ответил ему гневно один граф:
— Твой господин возомнил, что завоюет со своими рыцарями весь мир! Но, сдается мне, скоро вашей храбрости сильно поубавится.
— Тьфу на тебя, трусливый рыцарь! — отвечал ему сэр Клегис.— Трусливы и речи, которые ты ведешь, ибо, клянусь Иисусом, мое оружие прославлено по всей Англии и Бретани и я происхожу из древнего рода благородных баронов и зовусь сэр Клегис, рыцарь Круглого Стола. Мои предки приехали с Брутом из Трои [10].
— Вижу я,— отвечал граф,— по ясным твоим доспехам, что ты один из лучших рыцарей. Но что бы ты ни говорил и ни делал, здесь с тобой сегодня никто не сразится.
Повернул тогда сэр Клегис коня и поскакал оттуда к сэру Ланселоту и сэру Кадору и поведал им обо всем, что видел в лесу,— как там затаилось доброе войско числом в шестьдесят тысяч бойцов.

— Потому, лорды, предстоит вам сразиться или же покрыть себя позором — выбирайте, что вам больше нравится.

— Ну, нет, клянусь верою,— сказал сэр Ланселот,— не время сейчас поворачивать вспять, ведь с нами здесь все прославленные бывалые рыцари, не ведавшие в своей жизни позора. Что же до меня и моих родичей, мы лишь недавно возведены в рыцари, но никогда не согласимся утратить честь, добытую предками нашими.

— Хорошо сказано,— молвил сэр Кадор и с ним все остальные.— Ваши рыцарственные речи нас радуют. Думается мне, здесь нет никого, кто пожелал бы повернуть назад, а что до меня,— сказал сэр Кадор,— то я предпочту сегодня погибнуть, чем обратить к врагам спину.

— Добро,— сказал сэр Борс.— Давайте же нападем на них и заслужим честь и похвалу нашего короля, и он наградит нас землями и титулами за наши благородные подвиги. Кто же уклонится от битвы, пусть дьявол заберет его кости. А если кто ради раздела добычи прибережет своих рыцарей до тех пор, пока не станет видно, какая сторона одерживает верх, тот поступит не по-рыцарски, да поможет мне Иисус!

И вот сэр Ланселот и сэр Кадор, два могучих герцога, посвятили новых рыцарей на добычу славы. И первым был Йоник, благороднейший витязь, и сэр Хектимер и сэр Алидук, оба рожденные в Английской земле, и сэр Хамерель, и сэр Хардольф, доблестные мужи, и еще сэр Харри и сэр Харригаль, оба добрые бойцы.

— Ну, други,— сказали сэр Ланселот и яростный сэр Кадор,— теперь пусть сэр Бедивер с сэром Берелом возьмут с собою сэра Рейнольда и сэра Эдварда, сыновей Роландовых, и охраняют этих благородных пленников. Что бы ни приключилось с нами, берегите их и самих себя. Как выполните вы наше повеление, в том ответите вы господину нашему Артуру, и как бы плохо ни приходилось нам в сражении, стойте на своих местах и не оставляйте пленников. И если вы увидите, что вражья сила нас превозмогает, укройтесь в каком-нибудь близлежащем замке и оттуда поспешите к нашему королю и просите у него для нас подмоги, как есть он наш добрый повелитель.

И устремились они вперед все разом, доблестнейшие рыцари, когда-либо преломлявшие хлеб, и в передних рядах скакали пять сотен бойцов, грозно навесив копья, и только трубы трубили, а больше не раздавалось ни звука.

Тогда римское войско слегка отступило, и выехал вперед строя царь Ливийский, возглавлявший передовой отряд, упер копье свое и пустил коня прямо навстречу сэру Берелу и пробил ему копьем горло, так что рухнули наземь и конь и всадник, и на том лишился он жизни.

— Увы,— сказал сэр Кадор,— горько у меня на сердце, оттого что лежит мертвым мой кузен, которого я всех более любил.

И он сошел с коня и поднял его на руки и повелел своим рыцарям хорошо стеречь его тело.

Между тем царь громко засмеялся и стал похваляться:

— Вот один из этих гордых рыцарей повержен!

И сказал сэр Кадор:

— Этот король вздумал похваляться. Но если только доживу я до сегодняшнего вечера, я еще сражусь с ним, да поможет мне Христос!
— Сэр,— сказал сэр Ланселот,— не предавайтесь слишком вашему горю, но берите копье, а мы от вас не отстанем.
И вот сэр Кадор, сэр Ланселот и сэр Борс, все трое добрые бойцы, наставили свои копья и ринулись в самую гущу сраженья, и трижды пробились туда и обратно через вражеские ряды, а когда копья у них поломались, они выхватили мечи и порубили доблестных рыцарей более сотни, а затем возвратились к товарищам. И тогда крикнул громким голосом сэру Кадору царь Ливийский:
— Щедро отомстили вы за смерть своего рыцаря, ибо за одного него я потерял моих рыцарей сотню или полторы.
И стали сходиться оба войска, и началось там большое побоище сарацин, но из доблестных рыцарей короля Артура десятеро были захвачены и уведены в плен. Горько опечалились тому сэр Ланселот и сэр Кадор, и сэр Борс, свирепый рыцарь. Видит их подвиги царь Ливийский, он садится на горячего скакуна и окружает наших рыцарей, и многие могучие мужи были повержены наземь — сэр Алидук был убит, сэр Аскамур жестоко ранен, сэр Херод и сэр Херингдаль порублены в куски, а сэр Ловель захвачен в плен, и сэр Лионель тоже, и сэр Клегис с сэром Клермонтом едва избегли пленения с помощью рыцарственного сэра Ланселота; вновь же посвященные рыцари были все как один перебиты.
Вот выехал против царя Ливийского сэр Кадор с добрым своим мечом в руке и такой удар обрушил ему свысока на голову, что выбил ему мозги.
— Вот тебе,— сказал сэр Кадор,— мой долг, заплаченный сполна, и пусть дьявол заберет твои кости, раз уж ты был рожден на свет!
Тогда рассвирепел султан Сирийский, ибо смерть царя опечалила его сердце, он воззвал к своим людям, и вновь насели они свирепо на наших рыцарей.
Но вскоре выехали против него сэр Ланселот и сэр Борс, и в скором времени, как повествуют поэмы, они убили сарацинов числом более пяти тысяч. И сэр Кэй бесстрашный захватил в плен военачальника, а Эдвард захватил двух графов, султан Сирийский сдался в плен сэру Ланселоту, а сенатор Савтр сдался сэру Кадору.
Когда увидели римляне и сарацины, к чему идет дело, они предались бегству что было мочи, дабы спасти свои головы. А наши рыцари преследовали их со свежими силами и рубили сарацинов направо и налево.
И в тот день свершил сэр Ланселот столько бранных подвигов, что сэр Кадор и все римляне весьма дивились его мощи, ибо в той битве ни один король, царь или рыцарь не могли устоять под его ударом. И с того дня пошла его слава на всю жизнь, а до того ему еще не случалось так отличиться, ибо он с сэром Борсом и сэром Лионелем лишь незадолго до того на большом празднике были посвящены в рыцари.
Так были все римляне и сарацины в том бою перебиты, кроме немногих, которые укрылись поблизости в одном замке. И тогда добрые мужи Круглого Стола подобрали на поле брани тела благородных рыцарей и послали их к

королю Артуру, дабы он предал их земле. А они все поскакали дальше и прибыли в Париж и оставили там пленников у почтенного подесты, и он передал их под надежную охрану. А после того каждый рыцарь взял свое копье и испил холодного вина, и пустились, все вдруг, в обратный путь к королю Артуру.

Увидел король своих рыцарей и весьма возрадовался сердцем, он заключил каждого рыцаря в объятия и сказал:

— Вы заслужили все почести, какие есть на свете! Клянусь, нет другого короля, у которого были бы такие же превосходные рыцари.

— Сэр,— отвечал ему сэр Кадор,— из нас ни один не подвел товарищей, но сэр Ланселот явил такую доблесть, что дивно рассказывать. Его храбрые кузены тоже выказали себя достойными рыцарями, но сэр Ланселот своим мудрым соображением и великой силой превосходит всех ровесников.

Когда король услышал такие слова сэра Кадора, он сказал:

— Он отличился, как ему и подобало.

И назвал сэр Кадор Артуру добрых рыцарей, павших в бою:

— Царь Ливии, который убил первого рыцаря с нашей стороны сэра Берела; и сэр Алидук, благородный боец, и сэр Маурел, и сэр Морис, два брата, с сэром Менадуком и сэром Мандиффом, добрыми рыцарями.

Заплакал тут король, утер платком глаза и сказал:

— Ваша храбрость и горячность едва не привели вас к гибели, ведь если бы вы повернули назад, вы не утратили бы чести, ибо неразумием полагаю я оставаться на месте, когда силы противника превосходящи.

— Ну нет,— сказал сэр Ланселот,— мы навсегда покрыли бы себя позором.

— Это верно,— сказали сэр Клегис и сэр Борс.— Ибо рыцарь, однажды опозоренный, не смоет позора никогда.



КАК ОДИН СЕНАТОР СООБЩИЛ ЛУЦИЮ ВЕСТЬ ОБ ИХ ПОРАЖЕНИИ, А ТАКЖЕ О ВЕЛИКОМ БОЕ МЕЖДУ АРТУРОМ И ЛУЦИЕМ

А теперь оставим мы сэра Артура и его благородных рыцарей и поведем речь о сенаторе, который покинул поле битвы. Когда он прибыл к Луцию, императору Римскому, то сказал:

— Сэр, уводи свои полки! Что делаешь ты в этом краю, зачем угнетаешь бедных людей? Ты ничего для себя не завоюешь, а если встретишься с королем Артуром и его храбрыми рыцарями, то завоюешь лишь могучие удары без счета. Ибо в нынешнем бою один рыцарь Артура стоил сотни наших.

— Тьфу на тебя! — сказал Луций.— Трусливы твои речи! Если понесенный урон меня печалит, то еще того более печалят меня твои слова.

И созвал он к себе на совет мужей высоких родом. И по их совету выслал он вперед рыцаря по имени сэр Леомий. Тот снарядил своих людей, и повелел ему Луций поспешить, взявши с собою лучших бойцов.

— И выступайте вперед, мы же последуем за вами.

Но король об их выступлении был тайно предупрежден, и он поспешил со

своими людьми в Суассон и там успел засесть в славных замках и укрепленных городах. Тогда-то сэр Вилар Доблестный поклялся перед королем, что либо умрет, либо захватит в плен или убьет Римского владыку.

Потом приказал король сэру Кадору стать во главе заслона.

— И возьмите с собою мужей Круглого Стола, каких пожелаете, кроме сэра Ланселота и сэра Борса. Сэр Кэй и сэр Клегис тоже останутся здесь. И сэр Маррок с сэром Мархальтом будут вместе со мною — все они и еще многие другие останутся при моей особе.

Так король Артур расположил свое войско в разных местах, дабы враги не могли уклониться от сраженья.

И вот когда император вошел в долину Суассона, он увидел короля Артура во главе выстроенной дружины с развевающимися знаменами. Со всех сторон оказался он в окружении, и оставалось ему либо сражаться, либо сдаться в плен.

— Вижу я,— сказал Луций,— что этот мятежник меня предал.

Расставил он своих рыцарей по разные стороны и поднял дракона с черными орлами, и повелел трубить в трубы и стучать в барабаны, так что зазвенела вся долина. И громко возгласил он, так что слышно было каждому воину:

— Сэры, ведомо вам, что честь и слава всегда следовали за римлянами. Да не утратим мы их и ныне, не дрогнем сердцем, ибо по вражьему строю вижу я, что ныне многие падут мертвыми. И потому бейтесь храбро, и нашей будет победа.

А король Уэльса находился от них так близко, что слышал все, что говорил сэр Луций. И устремился он против Римского воеводы, желая сдержать свою клятву. Ярко сияли у того доспехи, украшенные страшными драконами, и в переднем строю он скакал с крепким копьем в руке, и сшибся он на скаку с сэром Виларом Доблестным, хоть и был сам воеводой Рима, и пробил сэр Вилар ему копьем нижние ребра насквозь, так что хлынула кровь из обеих ран, и упал он на землю, не промолвив больше ни слова.

Тогда подскакал туда бесстрашный сэр Ивейн и пробился через ряды императорского войска в самой гуще битвы и зарубил великого барона, охранявшего императорский штандарт, а потом и самое знамя разрезал ударом ясного меча, сорвал с древка и ускакал с ним к своим товарищам.

Тут выехал сэр Ланселот на могучем скакуне и устремился к сэру Луцию, и по пути пробил он грудь королю, стоявшему рядом с Луцием, и был то Джоконд, благородный сарацин. А потом подскочил он к сэру Луцию и ударил его мечом по шлему, так что тот повалился наземь. Тогда он трижды переехал его конем, захватил римское знамя и отвез к королю Артуру. И говорили все люди, что ни один рыцарь так не отличился, как он в тот день.

Тут сэр Борс наехал на могучего рыцаря и так ударил его по шлему, что сломал ему шею. А он повернул коня против страшного великана и пробил ему оба бока, и еще на пути он убил двоих рыцарей.

К этому времени начали стрельбу лучники Англии и Бретани, а римляне и сарацины пустили в ход дротики и арбалеты. И пошла тут жаркая битва, и много полегло римлян, но и голландцы своими короткими стрелами при-

чинили немало вреда, ибо они выступали на стороне римлян с луками из рога. И огромные генуэзские великаны убили много рыцарей, выбивая им мозги стальными дубинами и раскраивая также головы боевым скакунам. Увидел Артур, что делают великаны, и крикнул он тогда громким голосом, чтобы все рыцари могли его услышать:

— Любезные лорды, смотрите не позорьте свои имена! Не уступите чести этим голоногим мужланам! А что сделаю я, это вы сейчас увидите.

И выхватил он меч свой Экскалибур и поскакал на великана Галапаса. И с размаху перерубил ему король колени, говоря:

— Вот теперь ты ростом сравнялся с нашими рыцарями!

А затем, не замедлив, отсек ему голову с плеч.

Тут ринулись в бой сэр Кадор и сэр Кэй, сэр Гавейн и славный сэр Ланселот, сэр Борс, сэр Лионель, сэр Эктор Окраинный и сэр Аскамур, добрый рыцарь, никогда не подводивший своего господина, сэр Пелеас и сэр Мархальт, два испытанных бойца. И все эти грозные рыцари набросились на великанов, и когда все было кончено и суд божий свершился, более пятидесяти великанов лежали поверженные мертвыми на сырой земле.

Так продвигались они вперед со своим королем, эти доблестные рыцари Круглого Стола. И ни один король, ни рыцарь еще так не отличался, с тех пор как бог создал мир. Они рубили длинными мечами и раскалывали вражьи черепа. Ни щиты, ни крепкие латы не служили от них защитой. И они не остановились, покуда не повергли наземь десять тысяч в один наезд. И тогда дрогнули римляне и начали отступать, но король Артур со своими несравненными рыцарями все теснили их и теснили.

Вот сэр Кэй, сэр Клегис и сэр Бедивер Могучий наскочили на них из-за скалы и втроем убили более пятисот. Вот сэр Кэй сшибся с королем Ефиопским и пробил ему грудь насквозь, а когда повернул и поскакал к своим товарищам, тиран вонзил ему копье между грудью и животом, но и с мучительной раной повернул он опять коня и ударил того по голове, так что раскололся до плеч череп, и сказал он:

— Пусть я умру из-за тебя, но и ты не заслужишь славы!

Когда же сэр Клегис и сэр Бедивер увидели, что сэр Кэй ранен, они расправились с римлянами, как охотничьи псы с зайцами.

Потом возвратились они к королю Артуру и поведали ему, что с ними было.

— Сэр король,— промолвил сэр Кэй.— Я служил тебе долго. А ныне, ради отца моего, похорони меня где-нибудь да поклонись от меня даме Гвиневере, твоей доброй королеве, и передай мой привет моей достойной жене, никогда меня не гневившей, вели ей молиться за мою душу.

Заплакал тогда король Артур от боли в сердце и сказал:

— Сердце говорит мне, что ты будешь жить.

И с тем выдернул у него король своими руками из тела обломок копья и велел лекарям хорошенько осмотреть его рану, и они ему сказали, что ни печень, ни легкие, ни кишки не задеты. Уложил тогда король его в своем шатре и приставил к нему верных рыцарей и сказал так:

— Я отплачу за твою боль, вот увидишь!

И поскакал король и в печали повстречал какого-то короля и мечом своим Экскалибуром разрубил ему спину. Едет дальше, наезжает на другого, и

в тоске пронзил он его насквозь от бока до бока. Так носился он туда и сюда в самой гуще сраженья, тридцать раз проехав из конца в конец поле брани.

А сэр Ланселот, сэр Гавейн и сэр Ловель, его сын, отъехали в сторону и видят вдруг на лугу императора Луция. Увидел и сэр Луций сэра Гавейна и так ему говорит:

— Добро тебе пожаловать сюда! Вижу я, ты ищешь себе беды, ибо здесь ты будешь побежден!

Разгневался сэр Ланселот его грозным словам и так ударил его мечом по ясному шлему, что пролилась кровь к самым его ногам.

И сэр Гавейн своим долгим мечом рубился яростно, он убил трех эмиров своими руками. И юный Ловель не отставал, он убил короля и герцога, двух доблестных рыцарей. Но тут римляне спохватились. Когда увидели они, как досталось их повелителю, они набросились на наших добрых рыцарей и многих порубили, и в том наезде выбили из седла доблестного сэра Бедивера, и остался он на сырой земле, жестоко раненный острым мечом, но сэр Ланселот и сэр Ловель подобрали его и спасли.

Тут прискакал туда король Артур с рыцарями Круглого Стола и спас своих славных людей, которые уже не чаяли спасения, ибо нередко случается, что зависть друг к другу приносит рыцарям погибель: на словах они все очень хороши друг с другом, а в бою их единственная забота отличиться перед остальными.

Лишь только завидел король Артур императора Луция, не стал он более задерживаться ни ради короля, ни ради капитана.

Ринулись они один на другого с обнаженными мечами. Сэр Луций ударил Артура мечом поперек носа и нанес ему рану чуть не до языка глубиной. Сэр Артур разъярился и обрушил меч со всей силой, что была у него в руках, и от шишака на шлеме прошел клинок до широкой груди, и на том пришел императору конец.

А король повстречал сэра Кадора, своего яростного кузена, и крикнул ему:

— Прошу тебя, рази и убивай, ради сэра Кэя, моего молочного брата, и ради сэра Бедивера, который служил мне так долго! И потому не щади никого ни за золото, ни за серебро, ибо не похвально щадить тех, кто союзничает с сарацинами. Убивай же всех и не щади ни язычника, ни христианина.

Взялись за мечи сэр Кадор и сэр Клегис, сэр Ланселот, сэр Борс, сэр Лионель, сэр Эктор Окраинный, и стали они носиться взад-вперед среди вражьих воинов. И сэр Гавейн, сэр Гахерис, сэр Ловель и сэр Флоренс, его брат, рожденный на горе́ сестрою сэра Бранделя, все эти рыцари скакали в передних рядах вместе со многими другими рыцарями Круглого Стола, чьи имена здесь не перечисляются. Они носились по холмам, долинам и лесам и перебили столь дивное количество народу, что тысячи тел валялись в одной огромной груде.

Как ни отбивались римляне и сарацины и как ни кричали, что готовы сдаться, ни один не был пощажен, все были преданы мечу. Король Артур скакал по полю в самой гуще битвы и, словно дикий лев, разил направо и налево благородных сенаторов. Он никому ни за что не давал пощады,

но убивал всякого и, убив, устремлялся к следующему, покуда не были перебиты там все числом в сто тысяч, да еще многие тысячи спаслись бегством с тайной помощью друзей.

И тогда отступил король со своими благородными рыцарями, и послал обшарить все поле в поисках своих славных баронов. Тех, кто был мертв, похоронили, как подобало им по рождению, а кого возможно было спасти, для тех не жалели редкостных снадобий, и не было для них слишком дорогих яств, какие только можно было закупить на золото и серебро. Так он спас жизнь многим рыцарям, которые и не чаяли выжить, но выздоровлению сэра Кэя и могучего сэра Бедивера он радовался как никто на свете.

Потом поехал король прямо к тому месту, где лежал убитый император, и велел поднять его и уложить по-царски вместе с благородными баронами, и султаном Сирии, и царем Ефиопии, и королем Египта, и королем Индии, двумя благородными властелинами, и еще с семнадцатью королями и шестьюдесятью римскими сенаторами, славными и почтенными, и всеми старейшинами.

Король повелел набальзамировать их драгоценными смолами, а потом запеленать в широкое тонкое полотно в шестьдесят слоев, а потом заключить в свинец, чтобы они не испортились и не повредились, а потом уложить в коробы, богато изукрашенные, а сверху — их знамена и щиты, дабы все могли видеть, откуда они и кто такие.

А поутру поймали на равнине трех римских сенаторов. И когда привели их к королю, он сказал им такие слова:

— Я готов сохранить вам жизнь, если вы отправитесь с моим поручением в великий Рим и привезете эти мертвые тела гордому подесте и вручите ему мои письма и сообщите ему на словах, что вскорости они меня увидят, и думаю, они поостерегутся шутить со мною и моими рыцарями.

И уложили императора в повозку, а за ним по два рыцаря в повозке и по два сенатора на катафалке.

— Передайте же подесте и всем лордам, что вот я шлю им дань, которая причитается от меня Риму, ибо этим лишь только и задолжал я с моими предками Риму за последние двести лет. Да скажите, что, по-моему, я заплатил им сполна, а если они сочтут, что этого мало, готов исправить дело, когда явлюсь туда. И потому велю вам передать им, чтобы никогда не требовали дани и налога с меня и моих земель, ибо придется им довольствоваться вот такими сокровищами.

И вот рано поутру отправились эти сенаторы в Рим и на восемнадцатый день прибыли к подесте и объявили ему, что привезли налог и подать за две сотни лет с Англии, Ирландии и со всех Восточных земель.

— И король Артур вам повелевает не спрашивать с него под страхом смерти ни дани, ни налога, покуда не приобретете на то права повернее, нежели было у ваших предков. Мы же за то бились теперь во Франции, и нам пришлось плохо, всех порезали, порубили насмерть, и простых и знатных. И потому наш совет, запасайтесь провиантом, ибо война идет сюда. Эта беда приключилась в месяце мае в земле Константина, где текут чистые реки, и там он со своими рыцарями подобрал нас, тех, кто был ранен, в тот же день отдал на излечение лекарям, убитых же предал земле.



КАК АРТУР, ОДЕРЖАВ ПОБЕДУ НАД РИМЛЯНАМИ, ВТОРГСЯ В АЛЛЕМАНИЮ, А ОТТУДА — В ИТАЛИЮ ❧ Мы же теперь обратимся к Артуру и его благородным рыцарям. Они направились прямо к Люксембургу, оттуда через Фландрию и в Лотарингию [11]. И завоевал он там все герцогства и графства, а затем прошел в Аллеманию и богатую Ломбардию и установил в тех землях свои законы, которые сохранялись там очень долго. Оттуда он пошел в Тоскану и там разбил всех тиранов, но были там хитрые военачальники, уже знавшие об Артуровом прибытии, и они поджидали его в узких проходах и перебили многих его воинов и во многих городах ставили свои гарнизоны

И был там один большой город, который долго выдерживал осаду Артура и его рыцарей, и на то разгневался Артур и воскликнул громким голосом:

— Я возьму штурмом сей город, или же многие расстанутся с жизнью!

И он приблизился к городским стенам без щита, лишь в одной кольчуге.

— Сэр,— сказал ему сэр Флоренс,— вы поступаете неразумно, столь близко подходя безоружным к этому опасному городу.

— Если ты боишься,— отвечал король Артур,— мой совет тебе, спасайся поспешно бегством, ибо со мной они не завоюют славы, но лишь копья обломают, ибо господь наш того не допустит, чтобы подлый люд мог убить помазанного и коронованного короля.

Тут подъехали к городу благородные рыцари Круглого Стола и спешились прямо под стенами. Они устремились все дружно в ряд на предмостное укрепление, всех рубя и сокрушая, кто попадался им на пути, и в этой схватке завладели они городским мостом. И когда бы не поставленный там гарнизон, пробились бы они и в городские ворота и захватили бы весь город через мощь и силу своих рук.

Но вот отошли наши благородные рыцари немного назад и, явившись к королю Артуру, просили его стать там на ночлег. И повелел он разбить шатры полотняные и палатки вокруг всех стен города, и еще он повелел наставить тайно стенобитные машины во множестве.

Затем призвал к себе король сэра Флоренса и сказал ему такие слова:

— Мои люди ослабели из-за недостатка провианта, здесь же кругом густые леса, и в них затаились враги наши. Там у них, я уверен, много скота. Отправляйся же за добычей в эти леса, и с тобою поедут сэр Гавейн и сэр Вичард с сэром Вальчером, два достойных рыцаря, в сопровождении своих бывалых воинов с Западных Окраин. И еще с вами отправятся сэр Клермонт и сэр Клегис, столь умело владеющие оружием, и воевода Кардифский, рыцарь превосходнейший. А теперь ступай и предупреди их всех, чтобы сделано было так, как я повелел.

Пошел сэр Флоренс и вскоре снарядил свою рать, и вот поскакали они по горам и долам, по лесам и полянам.

Выехали они на широкий луг, пестреющий прекрасными цветами, и там стреножили они своих лошадей.
А как забрезжил день, сел тайно на коня сэр Гавейн и поскакал на поиски чудес. Вскоре повстречался ему у реки всадник, медленно едущий на высоком коне по лесной опушке, за спиной у него висел щит, а сопровождал его лишь один оруженосец, везший тяжелое копье. А щит у того рыцаря — на золотом поле сверкающем три черненых грифона с карбункулами и серебряное оглавие. Увидел сэр Гавейн этого пестро облаченного рыцаря, схватил большое копье и поскакал прямо на него, дабы съехаться с этим грозным рыцарем на лесной опушке. Подъехав, спросил его сэр Гавейн по-английски, кто он таков. И тот рыцарь ответил ему на языке Тосканы так:
— Зачем ты прискакал сюда, подлый вор, наставив свое копье? У меня ты ничем не поживишься, как бы ни старался, и только будешь моим пленником, как ты не заносись.
— Горды твои речи,— сказал сэр Гавейн.— Но мой тебе совет, оставь грозные слова и береги доспехи, не то не миновать тебе беды.



О ПОЕДИНКЕ, КОТОРЫЙ ВЕЛ ГАВЕЙН С ОДНИМ САРАЦИНОМ, КОТОРЫЙ СДАЛСЯ ЕМУ И ПРИНЯЛ ХРИСТИАНСТВО

Сжали они копья в руках по всем правилам воинского искусства, ринулись друг на друга, нанося меткие удары, и пробили друг на друге щиты и панцири и пронзили один другому плечи на целую ладонь. И от того пришли они оба в такую ярость, что тут же, не отъехав, выхватили с поспешностью мечи и рубили друг друга жестоко по шлемам и кололи друг друга под ребра стальными клинками. Так рубились пешими эти два яростных рыцаря, и искры огнем сыпались наземь из их шлемов.
Но вот распалился пуще прежнего сэр Гавейн, размахнулся мечом своим Галантином и ударил со всею мощью и разрубил у рыцаря щит на две половины. И пробил меч толстую кольчугу, из крепких колец сплетенную, и богатые одежды, все рассек на две части, так что видны стали легкие и печень. Застонал рыцарь от столь тяжкой раны, бросился на сэра Гавейна и ударил его с плеча наискось, так что и на спине и на груди рассек ему панцирь и вскрыл вену, и так жестока и мучительна была эта рана, что затмился у него разум и кровь залила доспехи.
Тогда обратился к сэру Гавейну тот рыцарь и велел ему перевязать раны.
— А не то расстанешься с жизнью. Ибо ты пятнаешь кровью и коня, и свои пестрые одежды. Но знай, все цирюльники Бретани не остановят тебе кровь, ибо кого поранит этот клинок, тот до смерти будет истекать кровью.
— Клянусь богом,— отвечает сэр Гавейн,— мне и горя мало. И ты своими

кичливыми словами меня не запугаешь. Ты думаешь такими речами усмирить мое сердце, однако тебе еще придется несладко, прежде чем ты отсюда уедешь, разве только ты поспешишь мне открыть, кто может остановить мне кровь.

— Это я могу и сделаю, если только ты поможешь мне получить святое крещение и покаяться кротко в грехах моих. Ибо я молю о милосердии господнем и желаю стать христианином и веровать крепко в бога, твоей же душе за доблесть твою уготовано небесное спасение.

— Я согласен, да поможет мне бог, исполнить твое желание,— отвечал сэр Гавейн.— Ты заслужил это. Но прежде открой мне правду, чего искал ты в этих местах, разъезжая в одиночестве, и какого господина ты вассал.

— Сэр,— говорит тот,— я зовусь Приам, мой отец — владетельный князь, он отпал от Рима и завоевал у него многие земли. Родом же мой отец происходит от Александра, владыки над всеми королями земли, и от Гектора также происходит он по прямой линии; и еще многие были в нашем роду, как Иуда Маккавей и вождь Иисус Навин. И я — прямой наследник всех владений Александрии, Африки и всех Внешних Островов. И, однако, я готов уверовать в того бога, в которого веришь ты, и тебя за труды твои одарить богатыми сокровищами. Ибо так заносчив был я в сердце моем, что мнил, будто на свете нет мне равных, и с согласия отца прибыл на эту войну со ста сорока рыцарями, однако нынче встретил я противника, в поединке с которым отвел душу. И потому, сэр рыцарь, прошу тебя именем твоего короля, скажи мне, кто ты?

— Сэр,— отвечал сэр Гавейн,— я вовсе не рыцарь, я вырос в гардеробной благородного короля Артура, много дней и лет берег его доспехи и всю одежду, чистил его гамбизоны, хранил дублеты[12] герцогов и графов. А прошлым Рождеством он возвел меня в йомены[13] и одарил богатыми дарами — пожаловал мне коня со сбруей и сто фунтов деньгами. И если мне посчастливится вернуться к моему господину, я, уж конечно, буду сразу же исцелен.

— О! — воскликнул сэр Приам.— Если у него слуги таковы, рыцари и вовсе должны быть превосходны. Прошу же тебя отцом твоим небесным и королем твоим, рыцарь ты или слуга, открой мне свое имя!

— Клянусь богом,— сказал сэр Гавейн,— я скажу тебе теперь всю правду. Я зовусь сэр Гавейн и прославлен при дворе короля и в его доме, и значусь рядом с доблестнейшими рыцарями Круглого Стола, и возведен в герцоги его собственной рукой. И потому не сокрушайся, славный рыцарь, что потерпел от меня поражение: это милость божья придала мне силы.

— Это мне больше по душе,— сказал сэр Приам.— Предложи ты мне все богатства Прованса и Персии, я бы все равно скорее предпочел, чтобы меня разорвали дикие кони, чем понести мне поражение от йомена и уступить в бою пажу или простому коннику. Но теперь, сэр рыцарь Круглого Стола, предостерегаю тебя: здесь поблизости находится герцог Лотарингский со своим войском, и храбрейшие воины Дофинии с голландцами, и многие лорды Ломбардии, и Готардский гарнизон, и мужи Вестфалии, могущественные владыки, и саксонцы, и сарацины из Южных земель в великом

множестве, всего числом шестьдесят тысяч могучих бойцов. И потому если ты не поторопишься прочь с этого поля, нам обоим придется плохо, ведь мы тяжко изранены, и неизвестно еще, исцелимся ли когда-нибудь. Только смотри, чтобы мой слуга не затрубил в рог, и чуть он попытается, разруби его на куски, ибо здесь поблизости стоят сто рыцарей из моей свиты, и если ты попадешь им в руки, никакому золоту червонному не выкупить тебя из их власти.

И тогда сэр Гавейн переехал вброд через реку, дабы укрыться от нападения, и тот благородный рыцарь последовал за ним, жестоко раненный. И так они ехали, покуда не выехали на луг, где паслись лошади спутников Гавейна, и там отдыхали многие лорды, облокотясь о лежащие щиты, и слышались смех и шутки и громкие речи. Но лишь только завидел сэр Вичард сэра Гавейна и его жестокие раны, побежал он ему навстречу, плача и ломая руки.

Сэр Гавейн поведал ему, как он бился с тем могучим рыцарем.

— И потому не сокрушайтесь, любезный сэр, хотя мой щит разбит в щепы и плечо рассечено, однако и этот рыцарь сэр Приам получил немало жестоких ран. У него, как он говорит, есть снадобья, которые могут исцелить нас обоих. Но тут поблизости творятся новые дела, о которых вы не подозреваете, и к полудню, думается мне, все мы испытаем их на себе.

Потом сэр Приам и сэр Гавейн сошли с коней и пустили их пастись на зеленый луг. И велели они распустить себе завязки шлемов и отбросили свои широкие щиты. Тут снова хлынула у обоих кровь так обильно, что все только диву дались, как они могли сидеть в седле и стоять на ногах.

— А теперь,— промолвил сэр Приам,— принесите мне фиал, что висит на поясе у моего слуги, ибо в нем налита вода четырех рек, что текут из Рая [14], цвет и плод обмана, который всем нам суждено вкусить. Приложите той воды к нашему телу в тех местах, где имеются раны, и через четыре часа мы будем исцелены.

И промыли им раны холодным белым вином и смазали несколько раз целебным бальзамом, и по прошествии часа не было на божьем свете людей целее и невредимее, чем они.

И вот когда они были обмыты и исцелены, открыли бочки и принесли им вина, и хлеб, и мясо, и дичь в изобилии. Когда же поели, то затрубили в трубы, сзывая всех на совет. И говорил сэр Гавейн:

— К оружию, лорды!

Когда же все вооружились и собрались, сэр Гавейн поведал им обо всем.

— А теперь, вы, сэр Приам, расскажите нам, для какой причины собрались те превосходные рыцари.

— Сэры,— отвечал сэр Приам,— они дали клятву вызволить меня или же на этом самом месте всем лечь костьми. Вот какая у них единственная цель, с тех пор как я против их воли ускакал от них, дабы одному поискать приключений.

— Коли так, други,— сказал сэр Гавейн,— соберитесь с духом, ведь если мы отступим без добычи, это весьма опечалит нашего короля. А сэр Флоренс во время предстоящего сраженья останется здесь и не сдвинется с этого места, как благородный рыцарь, ведь король его избрал и поста-

вил предводителем нашего отряда и головою над всеми нами. И будет ли он сражаться или обратится в бегство, мы последуем за ним, и что до меня, то я никогда не уклонюсь от сражения с теми рыцарями.

— Ах, отец! — сказал Флоренс,— слишком лестны ваши речи, ведь я не более как дитя в сравнении с испытанными бойцами. И если я где промахнусь, то не по своей вине, а по вашей. А потому не роняйте своеи чести. Мое разумение слишком просто, вы же нам всем голова, поступайте же так, как сочтете разумнейшим.

— Любезные лорды,— сказал сэр Приам,— оставьте ваши речи, говорю вам, не то будет поздно. Вон в том лесу затаилось много могучих рыцарей. Они выпустят скот, чтобы заманить вас, а вас-то всего не более семи сотен рыцарей, и этого слишком мало для битвы с такой многочисленной ратью, ведь от подлого и простого люда нам будет мало проку — они поспешат попрятаться в кусты, несмотря на все свои храбрые речи.

— Верно сказано, да поможет мне бог! — молвил сэр Гавейн.— А теперь, любезный сын,— сказал сэр Гавейн сэру Флоренсу,— возьмите с собою лучших испытанных бойцов числом в сотню и поспешите на врага, дабы выказать свою доблесть и отбить у них добычу.



— Со всей моей охотою,— отвечал Флоренс.



КАК САРАЦИНЫ ВЫСКОЧИЛИ ИЗ ЛЕСА, ЧТОБЫ ОТБИТЬ СВОЙ СКОТ, И О ВЕЛИКОМ СРАЖЕНИИ ❧ И позвал сэр Флоренс сэра Флоридаса с сотней рыцарей, и пустились они в путь быстрой рысью, угоняя перед собою стадо. И сразу же бросилась за Флоренсом погоня — добрых семь сотен рыцарей, а впереди на лихом скакуне сэр Феронт Испанский, в Фармагосе воспитанный, от нечистого рожденный. Подлетает он к сэру Флоренсу и спрашивает:

— Куда это ты так торопишься, недостойный рыцарь?

Тут разъярился сэр Флоренс, упер покрепче свое копье и пустился вскачь тому навстречу, нимало не промедлив, и прямо в лоб его поражает, так что у того и шея надвое переломилась. Тогда заплакал прегорестно кузен сэра Феронта и воскликнул так:

— Ты убил рыцаря и помазанного короля, который до сего дня не встречал человека, способного выдержать его удар. И за это ты сейчас умрешь, ни один из вас не останется в живых!

— Тьфу на тебя, жалкий еретик,— говорит Флоридас.

И бросается на него с мечом в руке и разрубает ему бок, так что все его грязные языческие внутренности вывалились на землю.

Тут скачет еще один рыцарь, желая спасти этого барона,— рожденный на Родосе и от Христа отпавший. Он врывается в гущу боя и устремляется за своей добычей. Но Ричард, рыцарь Круглого Стола, на буланом коне выехал против него и пробил ему щит и поразил в самое сердце.

И тогда тот страшным голосом зарычал, но с земли уже не поднялся никогда.

После того устремились на сэра Флоренса и его сотню рыцарей все его товарищи числом в пять сотен. Уперли сэр Флоренс и сэр Флоридас свои копья и с первого наскока сокрушили наземь пятерых в переднем ряду, но и они наседали свирепо на наших и раскраивали панцири и шлемы и многих валили наземь.

Когда увидел сэр Приам, превосходный рыцарь, какая пошла там потеха, он пришел к сэру Гавейну и сказал ему такие слова:

— Твои лучшие люди терпят горькую беду и поражение, ибо их пересиливают сарацины, которых более пяти сотен. Позволь же мне, во имя твоего бога, отправиться покуда не поздно с небольшим отрядом им на помощь.

— Сэр, не сокрушайтесь напрасно,— сказал сэр Гавейн,— ибо они все равно выиграют, ведь они получат богатые дары от моего короля. Потому пусть они сражаются, ярые рыцари, покуда есть силы, ибо многие из них за последние пять лет не могли нарубиться всласть. И потому я не сдвинусь с этого места ни на пол-шага моего коня, если только не увижу, что им приходится еще гораздо хуже, чем сейчас.

Но в это время видит сэр Гавейн: на опушку леса выехало бешеным галопом множество рыцарей в пестрых доспехах — это появился граф Этельвольд, и по обе стороны от него многотысячное войско, а следом герцог Голландский и рыцари Приама. И тогда Гавейн, добрый рыцарь, крикнул рыцарям своим:

— Не страшитесь, мужи добрые, этого грозного зрелища, не пугайтесь этих ребят в цветных одеждах, ибо, если станем мы биться всерьез, за нами будет победа!

Натянули они удила и пустились вскачь, и. проскакав до края луга, немало славных рыцарей успели повергнуть на скаку. Не было на свете потехи веселее! Вот доблестные рыцари Круглого Стола скачут в самую гущу сраженья, наставив крепкие копья, и многим от них досталось в тот раз, лишь самые доблестные рыцари остались на поле, а все, кто был слаб духом, обратились в бегство.

— Клянусь богом,— сказал сэр Гавейн,— меня радует, что все эти парни разбежались, ведь их было слишком много. Теперь наших врагов в поле, наверное, на двадцать тысяч меньше, чем было вначале, и всей их похвальбе невелика цена.

Тут Джулиан Генуэзский, могучий великан, наставил копье против сэра Герарда, славного рыцаря из Уэльса. И поразил он уэльского рыцаря в самое сердце. Тогда наши рыцари снова напали на их ряды. И всякий раз падали многие сарацины, и саксонские владыки обрекались на вечное помазание.

К тому времени сэр Приам, благородный принц, на глазах у королей и лордов подъехал к своему флажку, поднял его в руке и поскакал вместе с королевской дружиной Круглого Стола. В тот же миг выехала из леса вся его свита и последовала за ним, точно овечье стадо, прямо на поле боя они устремились и окружили своего короля и господина.

А герцогу послали они сказать такие слова:

— Сэр, мы семь лет служили тебе солдатами, но теперь переходим от тебя к нашему господину королю Артуру, ведь мы вправе отъехать, когда захотим, ибо мы не получали от тебя ни золота, ни подкреплений.

— Тьфу на вас, и дьявол забери ваши кости! Ибо таких солдат я ставлю ни во что!

Вот направляет герцог своих голландцев прямо на сэра Гавейна и сэра Приама. Эти двое сжали в руках копья и навстречу ему поскакали со всей благородной мощью. Сшибся сэр Приам с маркизом Метцким и пробил ему грудь насквозь.

Тут Честелейн, отрок Артурова дома и воспитанник сэра Гавейна с Западных окраин, пустился в погоню за сэром Челдраком, благородным вождем, и пробил копьем ему грудь — так выпала отроку превратная военная удача одержать верх в той стычке. Но тотчас же бросились за отроком в погоню, и не было ему спасения, один из преследователей перерубил ему шею. Когда увидел это сэр Гавейн, заплакал он от всего сердца и в душе загорелся горем.

И еще Готелак, добрый воин, от печали по Честелейну весь преобразился, и текучая влага сбежала по его щекам. Вот развернулся сэр Гавейн и скачет прямо на герцога, а герцог сэр Дольфин летит во весь опор ему навстречу. Но сэр Гавейн наставил свое тяжелое копье, так что точеное острие пронзило его до самого сердца. Но он все же выдернул копье и устремился на другого — на сэра Гардольфа, могучего бойца, и ловко достал его копьем, и вот уж и тот валится наземь. А всего он убил на том поле своими руками более шестидесяти рыцарей.

Вот заметил сэр Гавейн того, кто убил его воспитанника Честелейна, выхватил он меч свой, не медля, и пронзил его насквозь.

— Ведь если бы ушел ты без наказания, позор был бы нам всем!

После того вновь устремился сэр Гавейн на поле битвы и, срывая на скаку шлемы, проехал его из конца в конец, а сэр Приам скакал с ним бок о бок, указывая ему дорогу. И многих языческих рыцарей порубили, пошвыряли они наземь, а сэр Флоренс скакал от него по другую руку и тоже делал что мог.

И были захвачены нашими рыцарями лорды Лотарингии и Ломбардии и отведены прочь. Ибо столь великая военная удача сопутствовала нашим лордам, что они повсеместно одерживали верх.

Когда сэр Флоренс и сэр Гавейн одержали полную победу, они выслали вперед сто рыцарей и с ними свою добычу и пленников. А сэр Гавейн на узкой дороге стоял охраной до тех пор, покуда не прогнали весь скот,— так опасался он нападения. Затем поехали они дальше и вскоре завидели большой город, который был осажден и в тот же день пал.

Там сэр Флоренс и сэр Гавейн расположили своих рыцарей, а потом явились в шатер и поведали королю все, как было в тот день, и какое им выпало приключение и как отличились все его доблестные воины.

— И многие твои враги расстались с жизнью, и много именитых пленников сдалось в наши руки. Но Честелейн, твой отрок, лишился головы, однако он успел своими руками зарубить грозного рыцаря.



КАК СЭР ГАВЕЙН ВОЗВРАТИЛСЯ К КОРОЛЮ АРТУРУ СО СВОИМИ ПЛЕННИКАМИ И КАК КОРОЛЬ ВЗЯЛ ГОРОД И БЫЛ КОРОНОВАН ИМПЕРАТОРОМ ❧ — Благодаренье богу,— сказал благородный король.— Но я весьма дивлюсь на этого могучего рыцаря, что стоит подле тебя, он кажется мне чужеземцем, однако и на пленника не походит.

— Сэр,— отвечал сэр Гавейн,— это доблестный воин, нынче утром мне солоно пришлось в поединке с ним, и если б он не оказал мне помощь, нашел бы я смерть мою. Но потом он сдался богу и мне, мой король, дабы сделаться христианином и уверовать в добро. Когда же он получит крещение и истинную веру, не будет на свете рыцаря благороднее и доблестнее, нежели он.

Тут король поспешил окрестить его и нарек его Приамом, как он и звался раньше, и своей рукой произвел его в герцоги и посвятил в рыцари Круглого Стола.

И вот велел король трубить к приступу, и стали поднимать лестницы и крушить стены. Бедствия жителей было прегорестно видеть. И тогда герцогиня облачилась со своими дамами в богатые одежды, и графиня Кларисина со своими чистыми девами, и опустились они на колени в своих пышных платьях прямо на землю перед королем и молили его о спасении во имя господа:

— Молви нам доброе слово и отведи назад своих людей, прежде чем город падет под приступом, ибо тогда погибнут многие, ничем перед тобой не повинные.

Король поднял забрало и с любезным видом встал с нею рядом кротко на колени и сказал ей такие ласковые слова:

— Никто из моих людей не причинит вам урона, госпожа, ибо я жалую вам грамоты и вашим дамам, и вашим детям, и всем вашим приближенным. Но ваш супруг герцог — наш пленник. Вы же получите содержание, достойное вашего положения.

И посылает Артур в обе стороны лордов с повелением прекратить приступ, ибо город им сдался. Тут явился старший герцогский сын с ключами от города, он опустился перед королем на колени и просил королевской милости. И с согласия лордов прекратили приступ, герцога же отправили в Дувр под охраной надежных рыцарей короля, дабы там содержать его в плену и печали до конца дней. А король в короне на голове явился в город и замок, и капитаны и коннетабли признали его своим властелином, и он в присутствии многих лордов назначил доход для герцогини и ее детей. И поставил он правителей управлять теми землями.

Так стал он независимым владыкой Лотарингии и Ломбардии и устанавливал там порядки и законы по своему усмотрению. Он ходил в Ламмас и в Люцерну и стоял на отдыхе, сколько ему хотелось. А потом двинулся через горы и, совершая многие чудеса, одолел Готард, который потом был завоеван Гаретом. И, с высоты глядя в Ломбардию, так сказал он громким голосом:

— В этой любезной моему сердцу земле буду я жить.

А сэр Флоренс и сэр Флоридас с пятьюстами рыцарями отправились в тот же день к городу Урбину. Они прошли прямым путем прямо к городским воротам и залегли засадой. Вот выехали из города несколько сотен всадников и завязали стычку с нашим передовым отрядом. Тут выскочили остальные из засады и захватили мост, и ворвались в предместья с развевающимися знаменами. И великие толпы предались бегству из страха перед сэром Флоренсом и его ярыми рыцарями. Тогда подняли они, не тратя времени, флаг над городскими воротами, и радости и ликованию их не было предела.

А король выехал на вершину холма, смотрит на городские стены и говорит:

— Вижу я по этому флагу, что город уже наш.

И тогда повелел он издать клич по всему своему войску, чтобы под страхом смерти и увечья и потери всего достояния ни один из его войска не учинял насилия ни над девицей, ни над дамой, ни над мещанской женой. И вот завоеватель вошел в город и проследовал в замок, и он оказывал многим людям помощь и утешение рыцарскими речами, и поставил капитаном рыцаря из своей страны, и общины изъявили на то согласие.

Когда узнали владыки Милана, что этот город взят, они отправили королю Артуру великое количество серебра, шестьдесят нагруженных лошадей и просили его сжалиться над народом, а они обещают всегда быть ему верными подданными, служить ему безотказно и платить дань за все их земли — Плезанс и Павию, Петерсонту и Порт-Трембило [15],— всего от Милана вносить каждый год миллион золотом и почитать Артура господином до самой его смерти. Тогда король, посовещавшись с баронами, послал им охранные грамоты, дабы они прибыли к нему с поклонением.

Потом, когда приспело время, направился он в Тоскану и здесь захватывает города и высокие замки и все опустошает на своем боевом пути. Оттуда поспешает он в Сполуту со своими скорыми рыцарями и в Витербе, где набирает провиант, и в долину Вискаунта, где хочет стать на отдых среди богатых виноградников. Там он пребывает, могучий властелин, радуясь сердцем, в ожидании, пока сенаторы пришлют к нему молить о милости. И вот в субботу явились к королю Артуру все сенаторы, которые еще оставались в живых, и хитроумнейшие из кардиналов, живших при дворе, и просили его о мире и предлагали большие богатства. И испрашивали они у него как у высшего под Богом владыки шесть недель сроку, чтобы им успеть всем собраться и в городе Риме, который зовется Сион, короновать его со всей пышностью — со скипетром, и миропомазанием, и положением рук, как надлежит императору.

— Я согласен,— сказал король,— пусть будет, как вы задумали, на Рождество я даю согласие короноваться, дабы отныне править на императорском престоле и здесь содержать мой Круглый Стол на римскую дань по моему усмотрению. А затем, как мне советуют, я намерен переехать через соленое море с моими добрыми рыцарями и отмстить за смерть того, кто умер за нас на кресте.

Получив его ответ, сенаторы возвратились в Рим и занялись приготовлением к торжественной коронации. И вот в назначенный день, как повествуют

романы[16], сам папа своею рукою со всей подобающей торжественностью короновал его императором, дабы править ему вечно. И пребывали они там до времени, и распределили все земли от Рима до Франции, наделив владениями и доходами тех рыцарей, которые это заслужили.

Сэру Ланселоту и сэру Борсу он повелел взять земли их отцов короля Бана и короля Борса и их праотцов.

— Да смотрите, возьмите под свою власть и заботу все эти обширные земли, и пусть подданные ваши признают вас своими милостивыми господами, и не допускайте, чтобы подрывали вашу власть и ваше величие. И владения короля Клаудаса я тоже отдаю вам, дабы вы разделили их между собою, чтобы вы могли кормить всех своих родичей, благородных рыцарей, достойных вместе с вами состоять в дружине Круглого Стола. Сэр Ланселот и Борс Ганский любезно благодарили короля и сказали, что сердца их и верная служба навечно принадлежат ему.

— А где же ты, Приам? Тебе еще не назначена награда. Я жалую тебя герцогом Лотарингским на вечные времена и всех твоих наследников после тебя. Когда же мы возвратимся в Англию, будет тебе четырежды в году выдаваться по пятьдесят тысяч на корм коням, дабы тебе содержать твоих слуг. Оставайся только с нами, и все это будет твоим.

Рыцарь любезно короля благодарит и отвечает ему так:

— Покуда я жив, моя служба принадлежит вам.

Так роздал король многие земли. Ни один не остался без награды, кто бы к нему ни обращался, ибо богатств и сокровищ было у них вдосталь. Потом рыцари и лорды короля созвали ясным утром совет и сказали так:

— Сэр король, мы просим, выслушай нас. Под твоею властью мы весьма обогатились, благодаренье богу, а ведь у всех у нас есть венчанные жены. И мы просим вашего изволения отпустить нас для забавы с нашими женами, ибо этот поход, слава Христу, с честью завершен.

— Хорошо сказано,— отвечал король,— добрая мера лучше доброго пира. Ибо я полагаю неразумным добиваться у господа чересчур многого. И потому готовьтесь, мы возвращаемся в Англию.

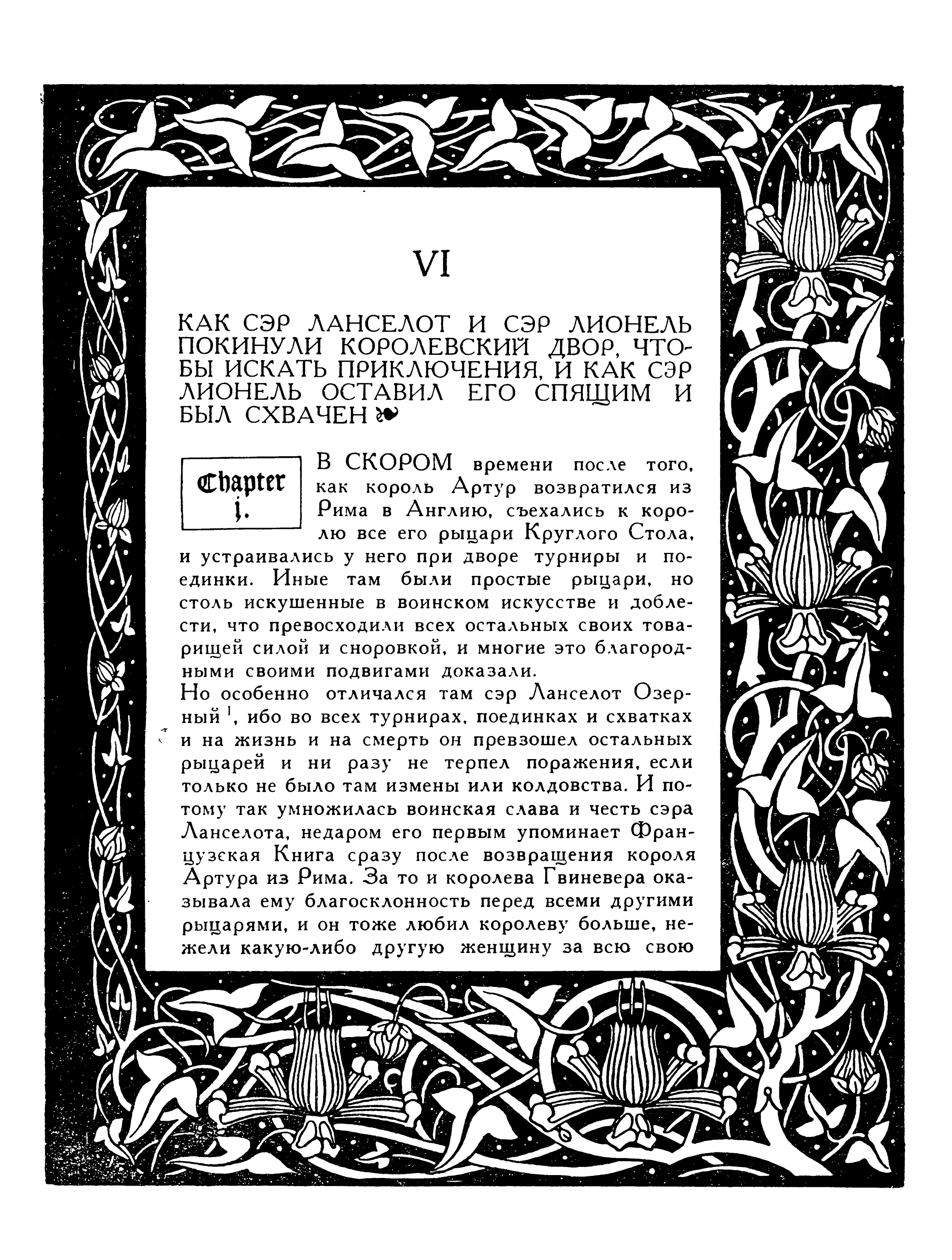
Стали тут укладывать поклажу в богатые возы. Король простился со святым отцом папой, с патриархами и кардиналами, с богатыми сенаторами, он оставил надежных правителей в этом великом городе и всех римских землях, дабы смотрели, чтобы под страхом смерти ни одно его повеление не было нарушено, и отправился обратно через разные страны и земли. Переправился король Артур через море в Сандуический порт. Королева Гвиневера, узнавши о его возвращении, выехала в Лондон встретить его, и так же поступили все остальные королевы и благородные дамы. И не было встречи торжественнее ни в одном городе, ибо они привезли с собою всяких богатств без числа.

Здесь кончается повесть о благородном короле Артуре, который сам стал императором через доблесть своих рук. И далее следует много благородных повестей о сэре Ланселоте Озерном.

Explicit благородная повесть о короле Артуре и Луции, императоре Римском.

СЛАВНАЯ ПОВЕСТЬ О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ ОЗЕРНОМ





VI

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ И СЭР ЛИОНЕЛЬ ПОКИНУЛИ КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР, ЧТОБЫ ИСКАТЬ ПРИКЛЮЧЕНИЯ, И КАК СЭР ЛИОНЕЛЬ ОСТАВИЛ ЕГО СПЯЩИМ И БЫЛ СХВАЧЕН ❧

Chapter i.

В СКОРОМ времени после того, как король Артур возвратился из Рима в Англию, съехались к королю все его рыцари Круглого Стола, и устраивались у него при дворе турниры и поединки. Иные там были простые рыцари, но столь искушенные в воинском искусстве и доблести, что превосходили всех остальных своих товарищей силой и сноровкой, и многие это благородными своими подвигами доказали.

Но особенно отличался там сэр Ланселот Озерный[1], ибо во всех турнирах, поединках и схватках и на жизнь и на смерть он превзошел остальных рыцарей и ни разу не терпел поражения, если только не было там измены или колдовства. И потому так умножилась воинская слава и честь сэра Ланселота, недаром его первым упоминает Французская Книга сразу после возвращения короля Артура из Рима. За то и королева Гвиневера оказывала ему благосклонность перед всеми другими рыцарями, и он тоже любил королеву больше, нежели какую-либо другую женщину за всю свою

жизнь, во имя ее свершил он немало боевых подвигов и спас ее от костра через рыцарское свое благородство.

Долго сэр Ланселот так жил среди игр и забав. Но потом решил он попытать удачи в каких-нибудь чудесных приключениях и велел племяннику своему сэру Лионелю готовиться в поход — «ибо мы отправляемся на поиски приключений».

Сели они на коней, облаченные в полный доспех, и пустились в путь. Едут густым лесом, едут открытым полем. А дело было к полудню, день стоял жаркий. И чувствует сэр Ланселот, что сморил его сон. Увидел сэр Лионель развесистую яблоню у обочины и говорит:

— Сэр, вон там найдем мы прохладную тень и сможем дать отдых себе и коням.

— Правда,— согласился Ланселот.— Семь лет меня так не одолевал сон[2].

Они спешились, лошадей привязали к деревьям, и сэр Ланселот улегся под яблоней, шлем свой положив под голову. А сэр Лионель остался сторожить, покуда он будет спать. Заснул сэр Ланселот крепким сном.

А тем временем вдруг скачут мимо три рыцаря, несутся во весь опор, а за ними тремя гонится один рыцарь. Увидел его Лионель и сразу подумал, что никогда еще ему не встречался муж столь могучий, наездник столь искусный, рыцарь в убранстве столь богатом. Вот нагнал этот могучий рыцарь одного из тех троих, с ходу повергнул его на сырую землю,— тот так и остался лежать. А он наезжает на второго, поразил его, так что и конь и всадник, оба рухнули наземь. А он — прямо к третьему и его достает копьем, поровнявшись с крупом его коня. А потом спешился, держит коня своего под уздцы, и тех троих рыцарей вяжет каждого уздою его коня.

Поглядел на это все сэр Лионель и решил с ним сразиться. Стал готовиться к бою, потихоньку отвязал своего коня, а Ланселота и не подумал будить, сел верхом и рыцаря того могучего нагоняет. Он окликнул его на скаку, тот повернул коня и нанес ему такой удар, что и конь и всадник рухнули на землю. А рыцарь спешился, связал накрепко сэра Лионеля и взвалил поперек седла, как и тех троих, и дальше с ними поскакал, покуда не приехал в свой замок. Там сорвал он с них доспехи, бил их нагих лозами колючими, а потом бросил в глубокую темницу, где уже много рыцарей томилось, горестно стеная.



КАК СЭР ЭКТОР ОТПРАВИЛСЯ ВСЛЕД НА ПОИСКИ СЭРА ЛАНСЕЛОТА И КАК ОН БЫЛ ПЛЕНЕН СЭРОМ ТАРКВИНОМ

А между тем, узнал о том сэр Эктор Окраинный[3], что сэр Ланселот отъехал от королевского двора искать приключений, сильно он подосадовал на себя и собрался в путь на поиски сэра Ланселота. Едет долго темным лесом, и повстречался ему человек, по виду лесник.

— Скажи мне, добрый человек,— обратился к нему сэр Эктор,— известны ли тебе здешние места

и не слыхал ли ты о каких опасностях, о каких-нибудь чудесных приключениях здесь поблизости?
— Сэр,— отвечал лесник,— эту местность я знаю хорошо. Поблизости, в миле отсюда, есть укрепленный замок, глубокими рвами окруженный, рядом, по левую руку, протекает ручей с ключевой водою, там можно коня напоить, а за ручьем растет развесистое дерево. На дереве том висит много добрых щитов, служивших некогда славным рыцарям, а у корней прибит таз медный и латунный. Если ударить трижды в тот таз древком копья, то услышишь новые вести, и может быть выпадет тебе добрая удача, какая когда-либо за многие годы доставалась рыцарю в здешних лесах.
— Грамерси,— сказал сэр Эктор и поскакал дальше. Приехал к тому дереву и увидел много крепких щитов, а меж ними щит своего брата сэра Лионеля и еще многие, в которых узнал он щиты товарищей своих по Круглому Столу.

Опечалился он и поклялся отомстить за брата. Он стал колотить, словно безумный, в медный таз и коня поспешил напоить из того ручья.
Сразу же явился у него за спиной рыцарь и окликнул его:
— Выезжай из ручья и готовься к бою!
Сэр Эктор не долго думая поворотил коня, вставил копье свое в седельный упор и с такой силой на того налетел, что под ним конь дважды на месте перевернулся.
— Славный удар,— молвил тот могучий рыцарь,— ты ведешь бой по-рыцарски.
И с тем ринулся прямо на сэра Эктора, подхватил его на всем скаку под правую руку, вырвал из седла и ускакал с ним в свой замок, а там швырнул на пол.
И так сказал тот рыцарь Тарквин сэру Эктору:
— За то, что бился ты сегодня со мною лучше всех за последние двенадцать лет, я сохраню тебе жизнь, если ты признаешь себя моим пленником и поклянешься мне в верности.
— Ну нет,— отвечал сэр Эктор,— такого слова я не дам и, если будет случай, свободу себе верну.
— Что же, жаль,— сказал сэр Тарквин.
И повелел разоружить его, совлечь с него доспехи и нагого стегать колючими лозами, а потом бросил его в глубокую темницу, где нашел сэр Эктор многих своих товарищей.
Но когда увидел он там сэра Лионеля, то стал стенать и сетовать прегорестно:
— Увы, брат мой! Как же так? И почему не вижу я брата моего сэра Ланселота?
— Мой добрый брат, я оставил его спящим под яблоней, когда отъехал от него, и что с ним теперь сталось, того сказать не могу.
— Увы нам!— вскричали остальные узники.— Если только сэр Ланселот нам не поможет, не выберемся мы отсюда никогда, ибо не знаем мы другого рыцаря, который мог бы помериться силой с нашим теперешним владыкой Тарквином.



КАК ЧЕТЫРЕ КОРОЛЕВЫ НАШЛИ СПЯЩЕГО ЛАНСЕЛОТА И КАК ВОЛШЕБНЫМИ ЧАРАМИ ОН БЫЛ СХВАЧЕН И УВЕЗЕН В ЗАМОК

Теперь оставляем мы этих рыцарей-узников и поведем речь о Ланселоте Озерном, который лежит под яблоней и спит. В полдень проезжали мимо него четыре владетельные королевы. Чтобы жар полдневный их не достал, четыре рыцаря окружали их, держа натянутое на четыре шеста полотнище зеленого шелку и закрывая их от солнца. Ехали же королевы на четырех белых мулах.

И вдруг слышат они где-то поблизости конское могучее и грозное ржание. Поглядели вокруг, видят, под яблоней спит рыцарь в полном облачении. Когда же увидели его лицо, то сразу же признали в нем сэра Ланселота. И затеяли между собою спор, которой из них он достанется в полюбовники.

— Лучше не будем попусту пререкаться,— сказала Фея Моргана, которая была сестрой короля Артура,— я наведу на него чары, чтобы он еще семь часов не проснулся, а тем временем отвезу его в мой замок. А уж когда окажется он в моих руках, я чары сниму, и пусть он тогда сам выберет, которая из нас станет его возлюбленной.

Вот навела она на сэра Ланселота чары, и тогда положили его на щит, двое рыцарей подняли его меж своих коней и так привезли в замок Чэриот. А там положили его в холодную комнату и к ночи послали прекрасную девицу снести ему приготовленный ужин. К тому времени чары уже рассеялись. Поклонилась ему девица и спросила, как он поживает.

— Сам не знаю, прекрасная девица,— отвечал сэр Ланселот.— Ума не приложу, как я попал в этот замок. Не иначе, как это колдовство.

— Сэр,— сказала ему девица,— только не падайте духом. И если вы в самом деле такой прекрасный рыцарь, как о вас говорят, завтра на рассвете я вам кое-что расскажу.

— Благодарю, прекрасная девица,— сказал сэр Ланселот,— за вашу доброту.

Она ушла, а он провел там всю ночь в горьких думах. Рано поутру явились к нему все четыре королевы в богатых одеяниях, пожелали ему доброго утра, и он им того же.

— Сэр рыцарь,— сказали четыре королевы,— как ты, должно быть, уже понял, ты — наш пленник. Кто ты такой, мы отлично знаем: ты сэр Ланселот Озерный, сын короля Бана. Мы наслышаны о славе твоей и доблести и о том, что ты — благороднейший из рыцарей на свете, а также, что ни одна дама на свете не удостоилась твоей любви, кроме лишь единственной, и эта единственная — королева Гвиневера. Но теперь предстоит тебе утратить ее любовь навсегда, и ей — твою. Ибо сейчас тебе придется выбрать одну из нас четырех. Я — королева Фея Моргана, владычица страны Гоор, а это — королева Северного Уэльса, и королева Восточной Страны, и королева Внешних Островов. Итак, выбирай, которая из нас четверых будет твоей возлюбленной, иначе же ты умрешь в этой темнице.

— Да, это трудный выбор,— сказал сэр Ланселот,— либо умереть мне, либо избрать одну из вас. Но я предпочту с честью умереть в этой темнице, чем против воли моей взять которую-нибудь из вас себе в возлюбленные. И, стало быть, вот вам мой ответ: ни одну из вас я не возьму, ибо вы — коварные колдуньи. Что же до госпожи моей леди Гвиневеры, то, будь я сейчас, как прежде, на свободе, я бы с оружием в руках доказал, что на свете ни одна дама не сохраняет тверже верность своему супругу и господину.
— Что ж,— спросили королевы,— значит, таков ваш ответ и вы нас отвергаете?
— Да, клянусь жизнью,— сказал сэр Ланселот,— я отвергаю вас.
С тем они и ушли и оставили его там одного в горькой печали.



КАК ОДНА ДЕВИЦА ВЫЗВОЛИЛА СЭРА ЛАНСЕЛОТА ❧ А в полдень явилась к нему та девица, принесла она ему обед и спрашивает, как он поживает.
— Воистину, благородная девица,— ответил сэр Ланселот,— хуже, кажется, не бывало.
— Сэр,— говорит она,— мне весьма жаль это слышать, но если вы согласитесь поступать по моему совету, я помогу вам освободиться отсюда без стыда и позора, только дайте мне ваше слово, что будете во всем меня слушаться.
— Прекрасная девица, я согласен и слово вам даю, но я очень боюсь колдовства этих королев, ведь они погубили немало добрых рыцарей.
— Сэр, это верно,— сказала она,— из-за вашего доброго имени и великодушия, о которых они наслышаны, они и добиваются так вашей любви. Говорят, сэр, что вы — сэр Ланселот Озерный, цвет рыцарства, и ваш отказ привел их в сильный гнев. Но если, сэр, вы обещаете мне, что поможете моему отцу в будущий вторник, когда назначен турнир между ним и королем Северного Уэльса,— потому что во вторник на прошлой неделе мой отец потерпел поражение по вине трех рыцарей Артурова двора,— если вы обещаете явиться туда в будущий вторник и помочь моему отцу, тогда я вас завтра на рассвете с божией помощью отсюда освобожу.
— Вот что, прекрасная девица,— отвечал сэр Ланселот,— назовите только имя вашего отца, и тогда я дам вам ответ.
— Сэр рыцарь,— сказала она,— мой отец — король Багдемагус, который на прошлом турнире был столь бесславно побежден.
— Я хорошо знаю вашего отца,— сказал сэр Ланселот.— Он благородный король и добрый рыцарь, и, клянусь телом и душой, вашему отцу я готов служить, а равно и вам самой.
— Сэр,— сказала она,— грамерси. Будьте готовы завтра поутру, я вас освобожу и верну вам ваши доспехи, и коня, и щит, и копье. В десяти милях отсюда есть обитель белых монахов [4], и там, прошу вас, вы меня ждите, я приведу к вам туда моего отца.
— Все так и будет сделано,— отвечал сэр Ланселот,— как есть я верный рыцарь.

Она удалилась, а рано поутру пришла и застала его уже готовым. Отомкнула она ему двенадцать дверей, вывела на волю, вернула доспехи и коня, а он вскочил с легкостью в седло, подхватил копье в руку и пустил коня, крикнув:

— Благородная девица, я слово сдержу, да поможет мне бог!

Вот едет он целый день по густому лесу, все не находит дороги. Так и ночь его застала, и тут вдруг видит он красный шелковый шатер на дне оврага.

— Богом клянусь,— говорит Ланселот,— в этом шатре проведу я сегодня ночь.

Спешился он, привязал коня у шатра и снял доспехи. А внутри оказалась постель, и он лег на нее и уснул в печали.



КАК ОДИН РЫЦАРЬ НАШЕЛ ЛАНСЕЛОТА В ПОСТЕЛИ СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ БИЛСЯ С ЭТИМ РЫЦАРЕМ

И часу не прошло, приехал рыцарь, владелец того шатра. Он подумал, что это его возлюбленная спит в его постели, и вот он ложится подле сэра Ланселота, заключает его в свои объятья и начинает целовать. Как почувствовал сэр Ланселот, что его целует кто-то с жесткой бородой, выскочил он легким прыжком из постели, а рыцарь — за ним. Схватились они оба за мечи, владелец шатра выбежал на волю, и Ланселот вслед за ним тоже. И там в овраге сэр Ланселот так сильно его ранил, что едва не насмерть. Тогда он сдался на милость сэра Ланселота, а сэр Ланселот даровал ему жизнь на том условии, если он объяснит, зачем залез к нему в постель.

— Сэр,— отвечал тот рыцарь,— ведь это мой собственный шатер, и сегодня я назначил моей даме прийти сюда и провести со мною ночь, а вот теперь должен буду умереть от этой раны.

— Мне огорчительно слышать,— сказал сэр Ланселот,— что вы так изувечены, но я опасался предательства, ибо совсем недавно пострадал от коварной измены. Теперь же войдите в шатер и ложитесь там, я же, надеюсь, сумею остановить вам кровь.

Они вошли вдвоем в шатер, и сэр Ланселот вскоре остановил ему кровь.

А тем временем явилась туда дама того рыцаря, которая была весьма прекрасна собой. Когда увидела она, что господин ее Белеус столь тяжко ранен, закричала она на сэра Ланселота и прегорестно запричитала.

— Успокойтесь, любовь моя и госпожа моя,— сказал сэр Белеус,— ибо этот рыцарь — добрый человек и странствующий рыцарь.

И он поведал ей все, как было и как он получил свою рану.

— И когда я сдался ему, он благородно меня отпустил и остановил мне кровь.

— Сэр,— сказала тогда дама,— прошу вас, откройте, что вы за рыцарь и как ваше имя?

— Прекрасная дама,— отвечал он,— мое имя — сэр Ланселот Озерный.
— Так я и догадывалась по вашим речам,— сказала дама,— ибо я и раньше часто вас видела и знаю вас лучше, нежели вы полагаете. Пообещайте же мне за то зло, что причинили вы мне и моему господину, сделать его, из вашего любезного благородства, когда возвратитесь вы к королю Артуру, рыцарем Круглого Стола. Ведь он — доблестный воин и владетельный лорд, ему принадлежат многие Внешние Острова.
— Прекрасная дама,— отвечал сэр Ланселот,— пусть на будущие праздники приезжает он ко двору, и вы тоже обязательно приезжайте вместе с ним. Я сделаю все, что в моих силах. И если он покажет себя искусным и крепким на руку, его желание будет исполнено.
А тем временем и ночь прошла, и засиял день. Собрался сэр Ланселот, сел на коня, и они научили его, как доехать до монастыря.



КАК СЭРА ЛАНСЕЛОТА ПРИНИМАЛА ДОЧЬ КОРОЛЯ БАГДЕМАГУСА И КАК ОНА ПОВЕДАЛА ЕМУ О ГОРЕ СВОЕГО ОТЦА

Подъезжает он туда, а дочь короля Багдемагуса услышала конский богатырский топот по двору, вскочила и подошла к окну, видит: это сэр Ланселот приехал. Посылает она поскорее людей, чтобы взяли у него коня и отвели в стойло, а самого его проводили в покои и помогли снять доспехи. Выслала она ему долгополую ферязь [5], а потом явилась и сама и сердечно его принимала, говоря, что никому изо всех рыцарей на свете она так не рада, как ему.
Потом она послала спешно за отцом своим Багдемагусом, находившимся в двенадцати милях от того монастыря, и еще до наступления вечера он приехал туда со славной дружиной своих рыцарей. Как только сошел король с коня, поспешил он тут же к сэру Ланселоту в его покои, и там же была его дочь. Они приветствовали сердечно один другого, и король заключил его в свои объятья.
Потом сэр Ланселот пожаловался королю, как его вероломно захватили в плен и как брат его сэр Лионель исчез от него неведомо куда, поведал и как его дочь вызволила его из темницы.
— И потому, покуда жив, я буду служить ей и всем родичам ее.
— Тогда, значит, я могу рассчитывать на вашу помощь,— сказал король,— в будущий вторник?
— Да, сэр,— отвечал сэр Ланселот,— на меня можете положиться, ибо в том я дал обещание госпоже моей вашей дочери. Но скажите мне, сэр, которые же из рыцарей моего господина короля Артура выступали на стороне короля Северного Уэльса?
— Сэр, то были сэр Мадор де ла Порте, и сэр Мордред, и сэр Гахалантин, и они победили моих рыцарей, потому что против них троих ни у меня самого, ни у кого из моих недостало сил.
— Сэр,— сказал сэр Ланселот,— я слышал, что турнир будет прямо здесь,

в трех милях от этого монастыря? Так вот, сэр, пришлите мне трех ваших рыцарей понадежнее, да смотрите, пусть у каждого будет щит белый, без гербов и изображений, и мне тоже пришлите с ними такой щит. Вчетвером мы выскочим из леска, когда обе партии уже будут на поле, набросимся прямо на противников и, если сумеем, сомнем их ряды. А я при том останусь не узнан.

В ту ночь они отдыхали. А назавтра было воскресенье, и король уехал и прислал сэру Ланселоту трех рыцарей с четырьмя белыми щитами.

Вот во вторник затаились они в зеленом леске, что был поблизости оттуда, где назначено было состояться турниру. А там сколотили помосты и ложи, чтобы лорды и дамы могли следить за боем и избрать победителей.

Выехал на поле король Северного Уэльса и с ним сто восемьдесят шлемов и трое рыцарей короля Артура чуть в стороне. Выехал на поле и король Багдемагус с восемьюдесятью шлемами; и вот, навесив копья, ринулись они друг на друга что было сил. В том первом столкновении пало со стороны короля Багдемагуса двенадцать рыцарей и шесть из партии короля Северного Уэльса; и Багдемагусову сторону сильно потеснили и отбросили назад.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ВЫСТУПАЛ НА ТУРНИРЕ И КАК ОН ПОВСТРЕЧАЛСЯ С СЭРОМ ТАРКВИНОМ, ВЕЗУЩИМ СЭРА ГАХЕРИСА

Но тут вылетел на поле сэр Ланселот и стал разить своим копьем в самой гуще схватки; не сменив копья, сбил он наземь пятерых рыцарей и четверым из них перешиб спину. В тесном бою он сокрушил наземь самого короля Северного Уэльса, и тот при падении сломал себе бедро. Все это видят трое рыцарей короля Артура, и так они говорят:

— Вон какой там появился опасный гость, а ну-ка поспешим против него.

Вот съехался с ним сэр Мадор де ла Порте, и сэр Ланселот сбил его с ног, и коня вместе со всадником, так что у того плечо вышло из сустава.

— Вижу, что пора мне браться за дело всерьез,— молвил тут сэр Мордред,— ибо сэр Мадор повержен и пострадал.

Увидел его сэр Ланселот, подхватил в руку копье и ринулся ему навстречу. У сэра Мордреда копье обломалось, сэр же Ланселот нанес ему своим копьем такой удар, что лопнула седельная лука и он перелетел через круп своего коня, шлемом землю пробил на целый фут, едва шею себе не сломал, упал и долго лежал без чувств.

Тогда выехал против него и сэр Гахалантин с длинным копьем, а сэр Ланселот — ему навстречу, скачут, что есть у коней мочи, а сшиблись, и у обоих копья в щепы разбиты; лишь малые обломки остались в руках. Тут выхватили они мечи и стали наносить один другому жестокие удары. Разъярился сэр Ланселот свыше меры, ударил сэра Гахалантина по шлему так, что хлынула у того кровь из носа, рта и ушей; и тогда поник он в седле головой, а лошадь под ним понесла и сбросила его на землю.

А сэр Ланселот тогда подхватил новое копье, и прежде чем оно сломалось, поверг наземь еще шестнадцать рыцарей, иных с конями вместе, иных из седла выбивал. И воистину, кого он в тот день ни поражал своим копьем, всякий оказывался обезоружен. Потом взял он другое копье и им сокрушил двенадцать рыцарей, и из них мало кто потом оправился от удара. Наконец, рыцари короля Северного Уэльса отказались дальше сражаться, и победителем был объявлен король Багдемагус.

Разъехались обе стороны, и сэр Ланселот поскакал с королем Багдемагусом в его замок. Там принимали его и сам король, и его дочь с превеликим радушием и одарили его богатыми дарами.

А на утро он с ними простился и сказал королю, что едет на поиски брата своего Лионеля, который покинул его, пока он спал, и скрылся неизвестно куда. Сел Ланселот на коня, поручил их господу богу и так сказал королевской дочери:

— Если вам когда-нибудь будет нужда в моей службе, прошу вас, меня о том оповестите, и как есть я верный рыцарь, я все непременно исполню.

Так уехал сэр Ланселот, и привел его случай в тот самый лес, где он спал тогда на опушке. Скачет он по проселку, а навстречу ему едет девица на белой лошади. Поздоровались они друг с другом.

— Прекрасная девица,— спрашивает сэр Ланселот,— не слышали ли вы о каких-либо чудесных приключениях в здешних местах?

— Сэр рыцарь,— отвечала девица,— здесь поблизости ждут тебя приключения, если ты не побоишься пойти им навстречу.

— С чего бы это мне бояться? — сказал сэр Ланселот.— Ведь для того я сюда и прибыл.

— Ну, хорошо, ты и в самом деле кажешься добрым рыцарем, и если ты не побоишься помериться силами с другим добрым рыцарем, я отведу тебя к лучшему и сильнейшему рыцарю, какого только можешь ты встретить. Но назови мне твое имя и скажи, кто ты таков.

— Благородная девица, что до имени моего, то пожалуй: сэр Ланселот Озерный зовут меня.

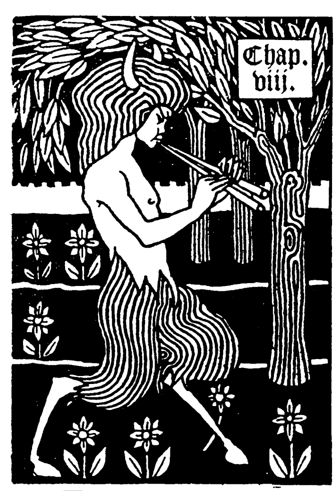
— Сэр, ты здесь оказался кстати; ждут тебя тут поблизости приключения — как раз по тебе. В здешних местах живет один рыцарь, которому не знала я в силе равных, но ты его превосходишь. Имя ему — Тарквин. И говорят, в темнице у него томятся добрые рыцари Артурова двора, числом шестьдесят четыре, которых он полонил всех сам своими руками. Но ты должен обещать мне, как есть ты верный рыцарь, что, покончив с этим приключением, ты приедешь на помощь мне и другим девицам, ибо мы беспрестанно терпим обиду от одного недостойного рыцаря.

— Все, что вы захотите и пожелаете, благородная девица, я непременно исполню, вы только сведите меня с этим рыцарем.

— А теперь, славный рыцарь, езжайте за мной.

И она привела его к тому дереву над ручьем, где висел таз. Сэр Ланселот напоил коня, а потом стал бить древком копья в медный таз, покуда не вывалилось дно. Но хоть долго он так колотил, никто перед ним не появился. Тогда поехал он в обход под стенами замка и скакал так целых полчаса. Вдруг завидел он, скачет впереди него могучий рыцарь и гонит перед со-

бой коня, а на коне поперек седла лежит рыцарь в доспехах, по рукам и ногам связанный. И чем ближе они съезжались, тем все более знакомым казался он сэру Ланселоту. Наконец, узнал он в нем сэра Гахериса, Гавейнова брата и рыцаря Круглого Стола.
— Ну, прекрасная девица,— говорит сэр Ланселот,— вон там я вижу рыцаря, крепко-накрепко связанного, а это — мой товарищ и брат сэра Гавейна. Так что для первого почина обещаю вам, с милостью божией, этого рыцаря освободить. И разве только полонивший его рыцарь сидит в седле покрепче моего, а то я и всех остальных его пленников спасу, ибо, как я полагаю, среди узников его томятся два моих брата.
К этому времени и тот его уже заметил, и схватились они оба за копья.
— Вот что, славный рыцарь,— промолвил сэр Ланселот,— опусти с седла этого раненого рыцаря и пусть он немного отдохнет, мы же с тобой тем временем померимся силой. Потому что, как стало мне известно, ты чинишь и прежде чинил мне немало оскорблений, а рыцарям Круглого Стола позор и поношения. Так что теперь — защищайся!
— Ах, и ты тоже принадлежишь к Круглому Столу,— отозвался Тарквин.— Я плюю на тебя и на твоих соратников!
— Слишком много слов,— сказал сэр Ланселот.— Не довольно ли с тебя будет для первого раза?



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ И СЭР ТАРКВИН БИЛИСЬ В ПОЕДИНКЕ ❧ Вот уперли они свои копья в седельные упоры и ринулись один другому навстречу с такой силою, как только могли скакать их кони. Ударили один другого в середину щита, да так, что под обоими седоками хребты конские переломились, и оба рыцаря упали оглушенные. Чуть опомнились, выпростали с поспешностью ноги из стремян, выставили щиты перед собою и, мечи обнажив, схватились яростно. И столь могучими ударами осыпали один другого, что ни щиту, ни броне не выстоять под таким ударом.
И потому скоро они оба получили немало жестоких ран и оба бедственно истекали кровью. Более двух часов они так рубились, то уклоняясь, то нападая, чуть только противник приоткрывался. Под конец выбились оба из сил, задохнулись и стояли друг против друга, опершись о мечи свои и тяжело дыша.
— Вот что, друг,— промолвил Тарквин,— попридержи покуда руку и ответь мне на вопрос, который я тебе задам.
— Спрашивай,— говорит сэр Ланселот.
И так сказал тогда сэр Тарквин:
— Ты высок и широк костью, как никто из рыцарей, мне когда-либо встречавшихся, и бьешься ты всех дольше, не задохнувшись. Уподобить тебе я могу только одного рыцаря, которого всех более на свете ненавижу. И если

только ты — не он, я готов с тобою вступить в согласие и ради тебя освобожу всех пленников моих числом в шестьдесят четыре, только ты назови мне свое имя. Мы с тобою заключим дружбу, и покуда живу я, буду я тебе верен.

— Хорошо сказано,— отвечал сэр Ланселот,— но раз уж ты предлагаешь мне твою дружбу, чтобы мог я ее принять, открой мне, кто тот рыцарь, что ненавистен тебе более всего на свете.

— Правду сказать,— отвечал ему сэр Тарквин,— имя ему — сэр Ланселот Озерный, ведь он убил моего брата сэра Карадоса из Башни Слез, а он был из лучших рыцарей на свете. И потому для него изо всех рыцарей делаю я исключение: только бы мне с ним встретиться, и одному из нас в живых не быть, в том я дал клятву. Из-за этого Ланселота я уже убил сотню славных рыцарей и столько же вконец изувечил, так что до могилы останутся они калеками, и еще многих сгноил в темнице. Но еще содержатся у меня шестьдесят четыре пленника, и все получат свободу, только ты назови мне свое имя, если ты, конечно, не сэр Ланселот.

— Значит,— отвечал сэр Ланселот,— все зависит от того, кто я таков: или будет мне от тебя мир, или же война не на жизнь, а на смерть. Ну, так вот, сэр рыцарь, я отвечу на твой вопрос: услышь и знай, что я — сэр Ланселот Озерный, сын Бана, короля Бенвикского, и верный рыцарь Круглого Стола. А теперь защищайся, как можешь!

— Ага! — вскричал сэр Тарквин.— Тебе изо всех рыцарей на свете я рад более всего! И теперь мы не разойдемся, покуда один из нас не падет мертвый.

И они ринулись друг на друга, точно два диких быка, размахивая щитами, разя мечами, ничком падая на землю и вновь подымаясь. Так бились они еще два часа с лишком, не зная ни на миг передышки, и сэр Тарквин нанес сэру Ланселоту множество ран, так что вся земля там, где они сражались, была забрызгана кровью.



КАК СЭР ТАРКВИН БЫЛ УБИТ И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОРУЧИЛ СЭРУ ГАХЕРИСУ ОСВОБОДИТЬ ВСЕХ ПЛЕННИКОВ

Но вот, наконец, ослабел сэр Тарквин, дрогнул, отступил немного и от усталости приспустил щит. Увидел это сэр Ланселот, одним прыжком подле него очутился, ухватил его за подбородник шлема, поверг на колени и, сорвав с него шлем, перерубил ему шею.

А после того отошел сэр Ланселот к девице и сказал ей:

— Благородная девица, я готов отправиться с вами, куда вы пожелаете, но у меня нет коня.

— Любезный сэр,— промолвил тут раненый рыцарь,— возьмите моего коня, а меня пошлите в этот замок освободить пленников.

И он взял Гахерисова коня и просил его о коне не печалиться.

— Нет, нет, мой любезный господин, я рад отдать вам его, ибо вы спасли и коня моего, и меня.

Я видел сегодня, что вы лучший рыцарь на свете, ибо сегодня у меня на глазах вы убили мужа могущественнейшего и рыцаря лучшего в свете, не считая вас. Но прошу вас, благородный сэр,— сказал Гахерис,— назовите мне ваше имя.

— Сэр, мое имя — сэр Ланселот Озерный, и вы всегда по праву можете рассчитывать на мою помощь ради короля нашего Артура и в особенности ради моего господина сэра Гавейна, родного вашего брата. А когда вы войдете вон в тот замок, там, сдается мне, найдете вы многих рыцарей Круглого Стола, ибо я видел их щиты, мне знакомые, висящими вон там на дереве. Там и щит сэра Кэя, и сэра Бранделя, и сэра Галихуда, щит сэра Бриана Листенойзского, сэра Алидука, сэра Мархальта и еще многих, кого я сейчас не упомню, а также щиты двух моих братьев: сэра Эктора Окраинного и сэра Лионеля. Прошу вас, передайте им всем мой поклон и скажите, что я наказал им взять в этом замке, какого добра они пожелают, и пусть непременно братья мои возвращаются ко двору и там меня ожидают, ибо я намерен быть там к празднику Пятидесятницы. А сейчас я должен ехать вот с этой девицею, дабы исполнить мое обещание.

Так расстались они с Гахерисом, и Гахерис отправился в замок и там разыскал привратника и ключаря, который держал все ключи. Но сэр Гахерис швырнул его на землю и отнял у него ключи; и отомкнул он с поспешностью двери темницы и выпустил на волю всех узников, и каждый из них помогал товарищу освободиться от оков. Когда же увидели они сэра Гахериса, то стали его благодарить, ведь они думали, что это он победил сэра Тарквина, потому что он был изранен.

— О нет, сэры,— отвечал им сэр Гахерис,— это не я, а сэр Ланселот убил его в честном бою своими руками, и он шлет вам всем свой поклон и наказал вам поспешать ко двору короля Артура. Вам же, сэр Лионель и сэр Эктор Окраинный, он наказал там при дворе его дожидаться.

— Ну, нет,— сказали его братья,— мы поедем за ним и разыщем его, если будем живы.

— И я тоже,— сказал сэр Кэй,— разыщу его прежде, чем вернусь ко двору, не будь я верный рыцарь.

Обшарили они весь дом, нашли, где хранились там доспехи, и в них облачились; и каждый рыцарь отыскал своего коня и все, что ему принадлежало. А тут прибыл в замок лесничий и привел четырех лошадей, груженных жирной олениной.

Увидел его сэр Кэй и говорит:

— Вот славная пища нам на ужин, ведь мы уже много дней не отведывали доброго угощения.

Оленину изжарили, сварили и стушили, а после такого ужина многие остались там и на ночь. Только сэр Лионель и сэр Эктор Окраинный, и сэр Кэй с ними, пустились в путь за Ланселотом, чтобы отыскать его, если возможно.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОЕХАЛ С ДЕВИЦЕЮ И УБИЛ РЫЦАРЯ, КОТОРЫЙ УЧИНЯЛ ОБИДЫ ВСЕМ ДАМАМ, А ТАКЖЕ ЕЩЕ ПРОСТОЛЮДИНА, НЕ ПУСКАВШЕГО НА МОСТ ❧ А теперь обратимся мы к сэру Ланселоту, который скакал рядом с девицей по широкому проселку.

— Сэр,— говорит девица,— здесь на этой дороге часто нападает на девиц и дам один рыцарь, он их грабит, а то и насилует.

— Как? — воскликнул сэр Ланселот.— Рыцарь — и вор? Насильник женщин? Он позорит рыцарское звание и нарушает клятвы. Сожаления достойно, что такой человек живет на земле. Но поезжайте вперед, прекрасная девица, а я последую за вами незаметно; и если только он попробует вас тронуть и обидеть, я вам приду на помощь, а его проучу, чтобы знал, как должно вести себя рыцарю.

Вот едет девушка неспешным, тихим шагом, и вдруг выезжает из лесу рыцарь на коне, а за ним — паж. Силою снял он девицу с лошади. Закричала она. И тотчас примчался туда сэр Ланселот на полном скаку, подъехал к рыцарю и вскричал:

— А, неверный рыцарь, изменник рыцарскому званию! Кто научил тебя обижать благородных дам, девиц и женщин?

Ничего не ответил рыцарь сэру Ланселоту на эти упреки, но молча обнажил меч и поскакал сэру Ланселоту навстречу. И сэр Ланселот, отбросив копье, обнажил свой меч и нанес ему такой удар по шлему, что рассек тому голову и шею до ключиц.

— Теперь получил ты плату, которую давно уже заслужил!

— Это правда,— сказала девица.— Ибо подобно тому, как Тарквин выслеживал и губил рыцарей, так этот рыцарь старался губить и насиловать благородных дам, девиц и женщин. Имя же его было сэр Перис Из-Дикого-Леса.

— А теперь, благородная девица,— спросил сэр Ланселот,— нужна ли вам от меня еще какая служба?

— Нет, сэр,— отвечала она,— больше пока не нужна. Да хранит вас всемогущий Иисус, куда бы вы ни шли и ни ехали, ибо вы — учтивейший из всех рыцарей на свете и всем дамам и девицам покорный слуга. Но есть одно, сэр рыцарь, чего, думается мне, вам не хватает: вы рыцарь неженатый, а не хотите полюбить какую-нибудь девицу или благородную даму. Не приходилось мне слышать, чтобы вы любили кого-либо, хоть из какого сословия или звания, и это величайшей жалости достойно. Правда, рассказывают, что вы любите королеву Гвиневеру и что она сумела чарами и колдовством сделать так, чтобы вы никогда никого, кроме нее, не полюбили и чтобы ни одна другая женщина не радовала красотой вашего взора. И об том многие в этой стране и высокого роду и низкого весьма горюют.

— Прекрасная девица,— отвечал сэр Ланселот,— мне невозможно запретить людям говорить обо мне, что им нравится. Что же до женитьбы, то же-

ниться нет у меня намерения, ибо тогда я должен спать с женой, оставить брань и турниры, походы и приключения. А любиться и тешиться с разными женщинами я не согласен, более всего страха божия ради, ибо странствующим рыцарям не должно быть прелюбодеями и распутниками, иначе не будет им удачи и счастья на войне: либо одолеет такого рыцаря рыцарь попроще родом и званием, либо же, по несчастной случайности себе на беду, он сам убьет человека лучшего, нежели он. У кого есть любовницы, тот несчастлив и нет ему удачи ни в чем.

На том расстались они с сэром Ланселотом. Два дня и еще того дольше едет сэр Ланселот по густому лесу, на ночлег останавливаясь, где придется. На третий день выехал он на длинный мост, как вдруг бросился на него грязный мужлан. Ударил он по морде Ланселотова коня, чтобы он поворачивал назад, и спрашивает: как так едет Ланселот по мосту без позволения?

— Отчего же мне не ехать по этому мосту? — отвечал сэр Ланселот.— Иным-то путем здесь не проедешь.

— Не тебе выбирать,— сказал грубый мужлан и замахнулся на сэра Ланселота тяжелой палицей, железом подбитой. Но сэр Ланселот успел выхватить меч, отбил палицу и одним ударом раскроил тому голову по самую грудь. А за мостом оказалась большая деревня, и все жители ее, мужчины и женщины, стали кричать, завидев Ланселота:

— Сэр рыцарь, нет хуже беды, чем ты себе наделал, ведь ты убил главного привратника нашего замка.

Не мешал им сэр Ланселот говорить, что они хотят, но прямым путем направился в замок. Въехал в ворота, спешился и привязал коня за кольцо в стене. Увидел он широкий зеленый двор и скорее туда устремился, ибо там всего удобнее вести, если придется, бой. Огляделся он вокруг, видит во всех окнах и дверях множество людей, и они ему говорят:

— Славный рыцарь, на беду себе ты сюда прибыл!



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ УБИЛ ДВУХ ВЕЛИКАНОВ И ОСВОБОДИЛ ЗАМОК ❧ И вот выходят на него два огромных великана, все закованные в латы, только головы без шлемов, и в руках у обоих по ужасной палице. Сэр Ланселот загородился щитом и отвел удар палицы одного великана, а сам мечом своим пополам раскроил ему голову. Увидел смерть товарища второй великан и бросился бежать, словно безумный, а сэр Ланселот что было мочи — за ним, ударил его по плечу и рассек ему тело до самого пупа.

После того вошел Ланселот внутрь замка, и явились к нему шестьдесят дам и девиц, они все опустились перед ним на колена и благодарили господа бога и его за спасение.

— Ведь почти все мы,— сказали они,— вот уже семь лет содержимся здесь в неволе, мы шили шелками и исполняли всякие рукоделия за про-

корм, а мы ведь высокого и благородного происхождения. Пусть же будет благословен тот час, о рыцарь, когда был ты рожден на свет, ибо ты свершил подвиг, какого ни один рыцарь на земле еще не совершал, и все мы тому свидетели. Мы просим вас открыть нам ваше имя, чтобы мы могли назвать нашим родичам и близким того, кто избавил нас от неволи.

— Прекрасные дамы,— отвечал он,— мое имя — сэр Ланселот Озерный.

— О, сэр,— вскричали они все,— кем же и быть вам, как не сэром Ланселотом, ведь кроме него, мы полагаем, ни один рыцарь не совладал бы с этими великанами, ибо многие славные рыцари пытались их одолеть и все нашли здесь свою погибель. Сколько раз мы тут мечтали о вашем появлении. И те два великана боялись изо всех рыцарей только вас.

— Так и скажите вашим близким,— промолвил сэр Ланселот,— и передайте им всем от меня поклон; если же случится мне заехать в ваши края, окажите мне прием, какой почтете справедливым. А какие есть богатства в этом замке, отдаю их вам за все те лишения, что вы претерпели. Лорд же владелец этого замка пусть получит его назад, как причитается ему по праву.

— Любезный сэр,— сказали они,— замок этот называется Тинтагиль, некогда владел им один герцог, который женился на прекрасной Игрейне, а она потом стала женой Утера Пендрагона и родила ему Артура.

— Ну, что ж,— сказал сэр Ланселот,— теперь я понял, кому принадлежит этот замок.

И он покинул их, поручив их милости божией.

И сев на коня, он поехал своей дорогою, через дальние чужие края, через реки и долы, на ночлег останавливаясь, где придется. Наконец, посчастливилось ему оказаться к исходу дня у богатого двора, а там жила старушка, и она приняла его с великим радушием на постой и ночлег, накормила, напоила и коня его не забыла. А пришло время, и отвела его благородная женщина в наворотный покой, где была приготовлена ему постель. Там снял сэр Ланселот с себя доспехи, подле себя их сложил, лег в постель и в скором времени крепко уснул.

А ночью кто-то на коне прискакал туда, стучится торопливо в ворота. Услышал то сэр Ланселот, встал с постели и в окно выглянул. И видит при лунном свете, как трое всадников нагнали у ворот одного и с мечами на него бросились. А тот рыцарь против них повернулся и мужественно от них защищается.

— Клянусь,— сказал себе сэр Ланселот,— этому одинокому рыцарю приду я на помощь, ибо позор мне смотреть, как трое нападают на одного, и если его убьют, то и на меня ляжет вина в его смерти.

С тем облачился он в доспехи, вылез из окна и по простыне спустился прямо к четырем рыцарям. И воскликнул сэр Ланселот:

— Обернитесь, вы, рыцари и сражайтесь со мной, а этого рыцаря оставьте в покое!

И тогда они все трое оставили сэра Кэя [6], оборотились против сэра Ланселота и стали со всех сторон на него наседать. Изготовился сэр Кэй придти на помощь сэру Ланселоту:

— Нет, нет, сэр,— вскричал тот,— я не нуждаюсь в вашей помощи. И потому, если хотите, чтобы я вам помог, то дайте мне одному с ними управиться.
И сэр Кэй в угоду славному рыцарю поступил по его воле и отъехал в сторону. И сэр Ланселот семью ударами поверг их наземь. Тут вскричали они все трое:
— Сэр рыцарь, мы сдаемся вам как мужу мощи несравненной!
— Ну, что до этого, то я меча вашего не приму, вы сдайтесь вот этому рыцарю. На таком условии я сохраню вам жизнь, иначе же — нет.
— Благородный рыцарь, ваше условие нам вовсе не по душе, ведь что до этого рыцаря, то мы гнались за ним, тут его настигли и одолели бы, когда бы не вы. И оттого сдаваться ему нет у нас причины.
— Что ж, дело ваше, но подумайте хорошо, прежде чем выбирать между жизнью и смертью. Ибо если вы сдадитесь, то только сэру Кэю.
— Тогда, о благородный рыцарь,— сказали они,— чтобы спасти себе жизнь, мы сделаем так, как ты нам велишь.

— В таком случае,— сказал сэр Ланселот,— в будущую Троицу отправляйтесь ко двору короля Артура и там поклонитесь королеве Гвиневере, поручите себя все трое ее милости и власти и скажите ей, что вас шлет к ней пленниками сэр Кэй.

— Сэр,— сказали они,— так все и будет сделано, клянемся телом и душой, если только будем мы живы.

И каждый из них поклялся в том на своем мече, а после этого сэр Ланселот их отпустил. Потом постучал сэр Ланселот в ворота рукоятью меча своего, на стук вышла хозяйка и впустила их обоих, его и сэра Кэя.
— Сэр,— говорит почтенная женщина,— я думала, что вы в постели.
— Я и был в постели, но потом я встал и выпрыгнул в окно, чтобы помочь моему старому товарищу.

А когда приблизились они к огню, узнал и сэр Кэй сэра Ланселота, он упал перед ним на колени и благодарил его за все добро, что он ему сделал, дважды спасши его от смерти.

— Сэр,— отвечал тот,— я делал только лишь то, что велел мне долг. А вам добро пожаловать, здесь сможете вы отдохнуть эту ночь.
Сэр Кэй снял с себя доспехи и попросил есть. Принесли ему еды, он наелся доотвалу, и когда он насытился, отправились они оба спать и в ту ночь спали вместе в одной постели.
А поутру поднялся сэр Ланселот рано и оставил сэра Кэя спящим. Он взял доспехи сэра Кэя, щит его и оружие, облачился и вооружился. Пошел в конюшню, оседлал коня и, простившись с почтенной хозяйкой, ускакал прочь. А вскоре после того пробудился и сэр Кэй, хватился — нет сэра Ланселота, а нашел он взамен его доспехи и коня.
— Клянусь, достанется от него теперь кое-кому при дворе короля Артура. Ведь рыцари станут обращаться с ним дерзко, полагая, что это я. И жестоко обманутся. А я благодаря его щиту и доспехам смогу теперь, я уверен, ехать спокойно.
И с тем сэр Кэй поблагодарил хозяйку и уехал.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ВЫЕХАЛ В ОБЛАЧЕНИИ СЭРА КЭЯ И ПОВЕРГ НАЗЕМЬ ОДНОГО РЫЦАРЯ ❧ Мы же теперь обратимся к сэру Ланселоту, который долго едет по густому лесу. Под конец приехал он в край прекрасный, где текли в долине чистые реки и раскинулись цветущие луга. И видит он перед собою длинный мост, а на мосту — три шатра разноцветного шелка. Перед шатрами на копейных древках висят три белых щита и стоят прислоненные длинные копья, а у входа в каждый шатер стоит рыцарь, бодрый после сна и полный сил.

Сэр Ланселот мимо них едет, не сказав ни слова. Проехал, а трое рыцарей его узнали, подумали, что это — гордый сэр Кэй.

— Он почитает себя выше всякого рыцаря, на деле же не раз доказывал обратное. Клянусь душой,— так говорил один из рыцарей по имени сэр Гаутер,— я догоню его и за эту его гордость вступлю с ним в бой. А вы смотрите, как я его одолею.

Облачился сэр Гаутер в доспехи, навесил щит на плечо, сел на борзого коня, подхватил в руку копье и поскакал во весь опор вслед сэру Ланселоту. Нагнав его, он крикнул:

— Помедли, о гордый рыцарь сэр Кэй! Дальше ты не проедешь так спокойно.

Сэр Ланселот обернулся, они оба наставили копья и ринулись друг на друга со всею мощью. И копье сэра Гаутера сломалось, Ланселот же своим копьем поверг его наземь, и коня и всадника.

Увидели братья его поверженным и говорят:

— Этот рыцарь — не сэр Кэй, этот куда сильнее.

— Готов голову положить,— сказал сэр Гилмер,— этот рыцарь убил сэра Кэя и взял себе его коня и доспехи.

— Так это или нет,— сказал сэр Рейнсльд,— поспешим и сядем на коней и выручим нашего брата сэра Гаутера. Жизнью клянусь, нелегко нам придется в бою с этим рыцарем, ибо, сдается мне по его виду, что это сэр Ланселот, или сэр Тристрам, или же сэр Пелеас, славный рыцарь.

Вот сели они на коней и нагнали сэра Ланселота. Выставил сэр Гилмер свое копье и ринулся на сэра Ланселота, но сэр Ланселот сшиб его наземь, так что тот упал и чувств лишился.

— Сэр рыцарь,— говорит тогда сэр Рейнольд,— ты очень силен и наверно насмерть убил двух моих братьев, и за это сердце мое исполнено горечи против тебя. Если бы позволила мне честь моя, я бы не стал с тобой биться, но мне придется разделить с ними их участь. А потому, о рыцарь, защищайся!

И они сшиблись со всей своей мощью, и у обоих копья разлетелись в куски.

Тогда выхватили они мечи и стали яростно рубиться. А тем временем поднялся с земли сэр Гаутер, приблизился к брату своему сэру Гилмеру и так ему говорит:

— Вставай и поспешим на помощь нашему брату, что вон там сражается с тем рыцарем, совершая чудеса доблести.
И с тем они оба напали на сэра Ланселота. Но когда он увидел, что они на него бросаются, нанес он сэру Рейнольду могучий удар и вышиб его наземь из седла. А потом ринулся на тех двух братьев и двумя ударами их обоих уложил.
Тут поднялся с земли сэр Рейнольд с залитым кровью лицом и идет прямо на сэра Ланселота.
— Ну, полно,— говорит сэр Ланселот,— ведь я присутствовал при том, как тебя, сэр Рейнольд, посвятили в рыцари, и знаю, что ты рыцарь добрый. Не хотелось бы мне тебя убивать.
— Грамерси,— отвечал сэр Рейнольд,— за вашу доброту. Я скажу за братьев своих и за себя, что мы готовы сложить оружие и стать вашими пленниками, как только узнаем ваше имя. Ибо мы понимаем, что вы — не сэр Кэй.
— Это уж как знаете. А должны вы явиться с поклоном к госпоже Гвиневере, да смотрите, будьте там на Троицын день и поручите себя ее власти, и скажите, что вас послал к ней пленниками сэр Кэй.
Они поклялись, что все так будет сделано, и сэр Ланселот поехал дальше, а братья стали помогать друг другу, как могли.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ БИЛСЯ С ЧЕТЫРЬМЯ РЫЦАРЯМИ КРУГЛОГО СТОЛА И ОДОЛЕЛ ИХ ❧ Едет сэр Ланселот по густому лесу и видит, на лужайке под дубом остановились четверо рыцарей, все четверо — от Артурова двора. Один был сэр Саграмур Желанный, и с ним сэр Эктор Окраинный и сэр Гавейн, и сэр Ивейн. И с первого же взгляда на него эти рыцари подумали по его доспехам, что это — сэр Кэй.
— Вот что,— говорит сэр Саграмур,— клянусь, я поскачу за сэром Кэем и испытаю, каков он в бою.— И взяв копье, пустился вслед за сэром Ланселотом. Заметил сэр Ланселот погоню и признал сразу же сэра Саграмура, он направил на него свое копье и ударил с такой силою, что и всадника и коня сшиб наземь.
— Взгляните-ка, сэры,— сказал сэр Эктор,— видите, что за удар это был? Сдается мне, этот рыцарь куда посильнее, чем сэр Кэй. Сейчас посмотрите, как я с ним управлюсь.
И вот подхватил сэр Эктор копье и помчался галопом на сэра Ланселота.
Но сэр Ланселот пробил ему щит и в плечо его поразил, так что рухнули наземь и конь, и всадник. А у него даже копье осталось цело.
— Клянусь богом,— промолвил сэр Ивейн,— этот рыцарь силен и могуч. Уж, конечно, он убил нашего сэра Кэя. И вижу я по великой его силе, что нелегко будет с ним сражаться.
С тем подхватил сэр Ивейн копье и поскакал на сэра Ланселота. А сэр Лан-

селот сразу его признал, пустил ему навстречу своего коня вскачь по равнине и нанес ему такой удар, что тот упал оглушенный и долго не мог понять, где он и что с ним.

— Ну, что ж, вижу я,— говорит тогда сэр Гавейн,— что придется мне вступить в бой с этим рыцарем.

И он навесил на себя щит, взял в руку доброе копье и пустил коня во весь опор прямо на сэра Ланселота. Сшиблись они и ударили один другого прямо в середину щита. Но копье сэра Гавейна при том сломалось, а сэр Ланселот налетел на него с такой силой, что конь под тем перекувырнулся, и было сэру Гавейну заботы высвобождаться из седла. А сэр Ланселот отъехал на шаг, засмеялся и говорит:

— Да пошлет господь радостей тому, кто смастерил это копье, лучшего копья не держал я в руках.

Четверо же рыцарей вместе сошлись, стали друг другу помогать и так между собой говорили:

— Что скажете вы на это? — спрашивает сэр Гавейн.— Ведь сейчас в бою он одним копьем нас четверых уложил.

— Предоставим его дьяволу,— отвечают остальные,— очень уж он крепок и могуч.

— Это верно вы говорите, что он крепок и могуч,— сказал сэр Гавейн.— И готов я голову положить, что это сэр Ланселот. Я узнаю его по посадке.

— Пусть едет своей дорогой,— сказал сэр Ивейн.— А когда мы встретимся при дворе, тогда и узнаем.

И было им заботы ловить своих коней.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОСЛЕДОВАЛ ЗА ГОНЧЕЙ СУКОЙ В ЗАМОК, ГДЕ НАШЕЛ МЕРТВОГО РЫЦАРЯ, И КАК ПОТОМ ОДНА ДЕВИЦА ПРОСИЛА ЕГО ИСЦЕЛИТЬ ЕЕ БРАТА ❧ А теперь мы их оставим и поведем речь о сэре Ланселоте, который едет все дальше по темному лесу. Долго он так ехал, вдруг видит: черная гончая сука бежит, принюхивается, точно по следу раненого оленя. Поскакал он за нею и вот уже видит, что тянется по земле широкий кровавый след. Поскакал сэр Ланселот скорее, а собака на него озирается, свернула на большое болото, но сэр Ланселот от нее не отстает.

Наконец завиделся впереди старый замок, и прямо туда бежит собака по ветхому мосту. Но сэр Ланселот вслед за ней вступил на мост, переехал в замок и очутился в просторном зале. А там посреди лежит мертвый рыцарь, собою прекрасный, и собака к нему бросилась и лижет его раны.

Вдруг выходит туда дама, плача и ломая руки, и так к нему обращается:

— Рыцарь, великое горе ты мне причинил!

— Зачем говорите вы так? — сказал сэр Ланселот.— Я не сделал этому рыцарю вреда, и сюда привела меня по кровавому следу собака. А потому,

прекрасная дама, не гневайтесь на меня, ибо я горько печалюсь вашему горю.

— Верно, так и есть, сэр,— говорит она,— я верю, что это не вы убили моего мужа, ибо тот, кто свершил это, должен быть жестоко изранен, и никогда он не оправится, в том я могу поручиться.

— А как имя вашего супруга? — спросил сэр Ланселот.

— Сэр, имя ему было — сэр Гилберт-Бастард, он — один из лучших рыцарей на свете. А того, кто его убил, имя мне неведомо.

— Да пошлет вам бог утешение,— молвил сэр Ланселот. И расставшись с нею, снова поехал темным лесом.

И повстречалась ему там девица, она сразу его признала и громким голосом ему говорит:

— Хорошо, что я вас встретила, господин мой! Рыцарской вашей честью прошу, помогите моему брату, он тяжко ранен и истекает кровью. Ведь сегодня днем он сражался с сэром Гилбертом-Бастардом и убил его в честном бою, сам же был жестоко изранен. А одна волшебница, что живет здесь поблизости в замке, сказала мне, что раны моего брата заживут лишь тогда, когда я сумею найти рыцаря, который отправится в Гиблую Часовню. Там найдет он меч и окровавленное полотнище, в которое был завернут убитый им рыцарь. И лоскут того полотнища и меч тот исцелят моего брата, если их приложить к его ранам.

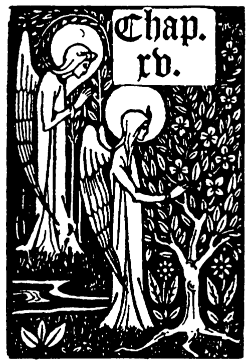
— Дивные дела,— сказал сэр Ланселот.— А как имя вашего брата?

— Сэр,— она отвечала,— его зовут сэр Мелиот Логрский.

— Мне горестно это слышать,— сказал сэр Ланселот,— ибо он — один из рыцарей Круглого Стола, и чтобы ему помочь, я сделаю все, что в моих силах.

Тогда она сказала:

— Сэр, скачите все время этим проселком, и он приведет вас к Гиблой Часовне, я же останусь ждать вас здесь, пока господь не приведет вас обратно. Если же вы там не преуспеете, то я уже не знаю такого рыцаря, которому под силу был бы этот подвиг.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИЕХАЛ В ГИБЛУЮ ЧАСОВНЮ И ВЗЯЛ ТАМ ОТ МЕРТВОГО ТЕЛА ЛОСКУТ ПОЛОТНА И МЕЧ ❧ Сэр Ланселот с ней расстался и, приехав к Гиблой Часовне, спешился там и привязал коня у калитки. А войдя в ограду, увидел он, что на стене часовни висят перевернутые щиты, все богато и красиво изукрашенные, и многие из тех щитов были ему знакомы: он видел их прежде у рыцарей, которым они принадлежали. Оглянулся, а уж его обступили тридцать могучих рыцарей, каждый на ярд выше, чем случалось ему видеть человека, и все тридцать ухмыляются в глаза и скрежещут зубами. Поглядел он на их лица, и стало ему страшно, и тогда он выставил перед собой щит и взял в руку меч, изготовясь к бою.

Они же все были в черных доспехах и держали щиты наготове и мечи обна-

женными. Но когда сэр Ланселот попробовал пройти мимо них, они расступились перед ним в обе стороны и его пропустили, он же осмелел и прямо пошел в часовню. Там внутри не оказалось иного света кроме одной тускло горящей лампады, но вскоре он разглядел в глубине мертвое тело, завернутое в шелковое полотнище. Нагнулся сэр Ланселот и отрезал от того полотнища лоскут, и почудилось ему при этом, будто бы земля под ним вздрогнула; и стало ему страшно.

Потом видит он, лежит подле мертвого рыцаря добрый меч. Взял он его и поспешил из часовни вон. Но лишь только он очутился во дворе, заговорили с ним все тридцать рыцарей грубыми голосами и сказали так:

— Рыцарь Ланселот, выпусти из рук этот меч, иначе ты умрешь!

— Умру я или нет,— отвечает Ланселот,— громкими словами вы у меня его не отнимете. А потому придется вам за него сразиться.

И с тем пошел прямо на них, и они его пропустили.

Но за оградой часовни повстречалась ему прекрасная девица и сказала:

— Сэр Ланселот, оставьте этот меч, где взяли, иначе за него вы умрете.

— Не оставлю,— говорит Ланселот,— не посмотрю ни на какие угрозы.

— Вы правы,— говорит тогда она,— ведь если бы вы его оставили, не видать вам больше королевы Гвиневеры.

— Значит, был бы я последним глупцом, если бы согласился этот меч оставить.

— Тогда, любезный рыцарь, я прошу вас,— говорит девица,— поцелуйте меня, один только раз.

— Нет,— отвечал сэр Ланселот,— не могу. Бог не велит.

— Сэр, если бы вы меня поцеловали, тут бы вам и конец пришел. А теперь, увы, вижу я,— сказала она,— что все труды мои напрасны, ибо эту часовню я велела возвести лишь ради вас и ради сэра Гавейна. Его я один раз к себе залучила, когда вел он поединок с тем самым рыцарем, что лежит сейчас там у меня мертвый,— с сэром Гилбертом-Бастардом; а в тот день он отсек сэру Гилберту левую руку. Теперь же открою я тебе, сэр Ланселот, что вот уже семь лет я тебя люблю, но ни одной женщине не дано внушить тебе любовь, кроме королевы Гвиневеры. И потому, что не дано мне вкусить радости с тобою живым, не было мне в этом мире иного утешения, как только завладеть твоим мертвым телом. Я бы тогда его умастила смолами, пеленами окутала и до конца дней моих у себя бы хранила; и каждый день бы тебя обнимала и целовала, на зло королеве Гвиневере.

— Складно вы говорите,— сказал сэр Ланселот,— спаси Иисус меня от ваших хитрых чар!

И с тем сел он на коня и ускакал от нее прочь. Она же, как повествуется в Книге, так горевала от разлуки с сэром Ланселотом, что в две недели умерла; а звали ее Волшебница Хелависа[7], владычица Негрского Замка. А сэр Ланселот повстречался с той девицей, сестрой сэра Мелиота, и когда увидела она его, то всплеснула руками и от радости заплакала. Поскакали они в замок, где лежал израненный сэр Мелиот, и лишь только сэр Ланселот его увидел, сразу же признал, хоть и был он совсем бледен, как земля, столько потерял он крови.

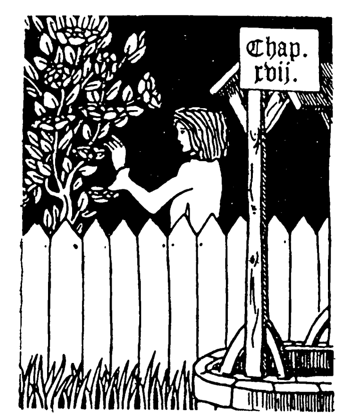
Увидав сэра Ланселота, встал сэр Мелиот на колени и громко воскликнул:

— О, господин мой, сэр Ланселот! Помоги мне!
Бросился к нему сэр Ланселот, коснулся его ран Гилбертовым мечом и отер их кровавым лоскутом от того же полотнища, в которое был Гилберт завернут,— и встал он жив и невредим и здоров, как никогда.
Велика тут была их радость. Был оказан у них сэру Ланселоту наилучший прием. А наутро сэр Ланселот с ними простился и наказал сэру Мелиоту, чтобы поспешал он ко двору короля Артура,— ибо близок уже праздник Пятидесятницы. «И там, милостью божией, вы тогда меня найдете».
С тем и расстались.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПО ПРОСЬБЕ ОДНОЙ ДЕВИЦЫ ДОСТАЛ ЕЙ ЛОВЧЕГО СОКОЛА, ЧЕМ И БЫЛ ОБМАНУТ ❧ Едет сэр Ланселот долго через чужие земли, через болота и долины. И случилось ему, наконец, выехать к прекрасному замку. Едет и слышит он, словно бы колокольцы звенят, а потом видит: пролетела у него над головой птица-сокол и села на высокий вяз, а к цевкам у нее долгие нити-поводки навязаны. Села птица-сокол на ветку, нити-то в сучьях запутались, и когда надумала она взлететь, то лишь взмахнула крылами и повисла лапами вверх. Смотрит на нее сэр Ланселот, видит, что это добрый ловец, и стало ему ее жаль. Тем временем выехала из замка дама на лошади и громко кричит:
— Ланселот, Ланселот! Как есть ты цвет всего рыцарства, помоги мне достать моего ловчего сокола! Если не верну я его, меня убьет господин мой, ибо эта птица поручена моим заботам, да я ее упустила. И если господин супруг мой про то узнает, он без дальних слов меня зарубит.
— Как же зовут вашего господина?— спрашивает сэр Ланселот.
— Сэр,— она отвечает,— его имя — сэр Фелот, он рыцарь короля Северного Уэльса.
— Что ж, прекрасная дама, раз уж вы знаете мое имя и взываете к моему рыцарскому долгу, я сделаю, что могу, чтобы достать вам этого сокола. Но, видит бог, я не мастер лазать, да и дерево уж очень высокое и мало на нем суков, по которым можно было бы взбираться.
Вот спешился сэр Ланселот, к этому же дереву привязал своего коня и даму попросил,чтобы расстегнула на нем доспехи. А от доспехов освободившись, снял он с себя всю одежду до штанов и рубахи и, могучий и ловкий, стал карабкаться вверх по дереву, долез до сокола, смотал нити на сухой сучок, обломил его и сбросил вместе с птицей вниз.
Схватила дама сокола на руки. И тут вдруг вышел из зарослей сэр Фелот, ее муж, весь в латах, в руке меч обнаженный, и так говорит Ланселоту:
— Ага, рыцарь Ланселот! Наконец-то ты мне попался!
И встал у корней под вязом, готовясь его зарубить.
— Ах, госпожа! — сказал сэр Ланселот,— зачем вы меня предали?

— Она сделала лишь то, что я ей велел,— отвечал сэр Фелот. — И потому ничего тут не поделаешь, наступил час тебе умереть.
— Позор тебе,— говорит сэр Ланселот,— что ты, рыцарь в полном вооружении, задумал изменой убить нагого.
— Все равно, не будет тебе пощады,— отозвался сэр Фелот,— так что спасайся, если можешь.
— Воистину,— сказал сэр Ланселот,— позор тебе будет, но уж раз ты не согласен ни на что другое, возьми себе мои доспехи, повесь только на сук мой меч, чтобы я мог его достать, а тогда уж убивай меня, если сумеешь.
— Ну, нет,— отвечал сэр Фелот,— ведь я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Так что, пока моя воля, от меня ты оружия не получишь.
— Увы!— воскликнул тогда сэр Ланселот. — Приходится рыцарю умирать безоружным!
И с тем стал он озираться вокруг себя, вверх поглядел и вниз поглядел и прямо у себя над головой увидел крепкий острый сук, толстый и без листьев. Обломил он его у самого ствола и стал спускаться вниз, а сам приметил, где стоит его конь, да и спрыгнул вдруг на землю позади коня. Замахнулся на него сэр Фелот мечом, хотел его зарубить, но сэр Ланселот суком удар отразил, а затем с размаху ему на голову тот сук обрушил, так что повалился сэр Фелот на землю без памяти. А сэр Ланселот к нему подскочил, схватил его меч, да и перерубил ему шею.
— Увы! — вскричала тогда дама,— зачем убил ты моего супруга?
— Не я тому зачинщик,— отвечал сэр Ланселот.— Ведь это ты коварно затеяла изменой погубить меня, вот и обернулось это против вас обоих.
Упала она и лишилась чувств, будто смерть ее пришла. А сэр Ланселот поспешил собрать свои доспехи, и, как мог, в них облачился, ибо опасался новых засад,— ведь замок убитого им рыцаря был совсем поблизости. Он поспешил сесть на коня и поскакал оттуда прочь, возблагодарив бога за избавление от столь страшной опасности.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ НАГНАЛ РЫЦАРЯ, КОТОРЫЙ ПРЕСЛЕДОВАЛ СВОЮ ЖЕНУ, ЧТОБЫ УБИТЬ ЕЕ, И ЧТО ОН ЕМУ СКАЗАЛ ❧ Едет сэр Ланселот дикими путями, по взгорьям и низинам, и встретился ему в долине рыцарь: гонится он с обнаженным мечом за дамой и хочет ее зарубить. Вот-вот уже ей погибнуть, но тут случилось ей заметить сэра Ланселота, и она стала звать его и просить у него защиты.
А сэр Ланселот, видя это злое дело, направил коня своего прямо между ними и так сказал:
— Рыцарь, стыд тебе и позор, для чего убиваешь ты даму? Позор тебе и всему рыцарству!
— Что за дело тебе вставать между мною и моей женой? Решился я ее убить, и убью, и на тебя не посмотрю.

— Ну, нет,— говорит сэр Ланселот,— тогда уж придется тебе вступить со мной в поединок.
— Сэр Ланселот,— рыцарь отвечает,— не дело ты затеял, ведь эта дама — изменница.
— Неправда это! — воскликнула дама,— клянусь, он возвел на меня напраслину. Я просто с лаской и любовью принимала моего кузена, а он приревновал меня к нему, хотя, вот как держать мне ответ перед господом богом, ничего такого между нами не было. О, сэр,— сказала дама,— как почитаешься ты благороднейшим рыцарем на свете, рыцарским твоим долгом прошу тебя, защити меня и спаси, ибо что бы он тебе ни стал говорить, он все равно меня убьет, ибо он безжалостен.
— Не страшитесь, он не волен будет в этом.
— Сэр,— сказал тот рыцарь,— раз вы здесь, то я готов поступать, как вы мне велите.
И двинулись они в путь, сэр Ланселот по одну сторону, а дама по другую. Долго не проехали, как рыцарь вдруг говорит:
— Обернитесь, сэр Ланселот, посмотрите назад, там скачут нам вдогонку вооруженные рыцари.
Сэр Ланселот обернулся, не помыслив об измене. А рыцарь, очутившись один подле дамы, взял да и отсек ей голову.
Как увидел сэр Ланселот, что этот рыцарь учинил, громко он воскликнул:
— Предатель! Ты опозорил меня навеки!
Спрыгнул сэр Ланселот с коня, меч свой вытащил и хочет его убить. Но тот на землю повалился, ноги Ланселоту обнимает и молит о пощаде.
— Позор тебе,— говорит сэр Ланселот,— бесчестный рыцарь! Не будет тебе пощады. Вставай и сразись со мною!
— Нет,— тот отвечает,— я не встану, покуда не даруете вы мне пощады.
— Тогда вот что предложу я тебе по чести: я сниму все доспехи и останусь только в рубашке и при мече, и если ты меня убьешь, тем вину ты свою навеки искупишь.
— Нет, нет, сэр, я не согласен!
— Раз так,— сказал сэр Ланселот,— возьми тогда тело этой дамы и ее голову и взвали себе на спину. И поклянись на моем мече, что не опустишь ее на землю и не будешь знать передышки, покуда не явишься пред госпожой моей королевой Гвиневерой.
— Сэр, клянусь телом и душой, я все так и исполню.
— А как твое имя?
— Сэр, я зовусь сэр Педивер.
— В постыдный час родился ты на свет,— сказал сэр Ланселот.
И отправился сэр Педивер в путь со своей ношей и нашел королеву Гвиневеру с королем Артуром в Винчестере [8]; и им поведал он всю правду.
— Сэр рыцарь,— сказала ему королева,— это ужасный и постыдный поступок и жестокое оскорбление сэру Ланселоту, хотя слава о нем идет по разным странам. Вот что назначу я вам во искупление вины: сделайте себе носилки и свезите эту мертвую даму к Римскому папе,— он наложит на вас эпитимию за ваше черное дело. Будете ехать, на одном месте две ночи не ночуйте, и на какое ложе ни ляжете, и мертвое тело кладите с собою.

В том дал он клятву и отправился в путь. Когда же, как повествуется во Французской Книге, добрался он в Рим, папа Римский повелел ему возвратиться назад к королеве Гвиневере. И в Риме же, по велению папы, была похоронена его супруга, а сэр Педивер после того обратился к добру, сделался святым мужем и отшельником.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИБЫЛ КО ДВОРУ КОРОЛЯ АРТУРА И КАК ТАМ БЫЛО ПОВЕДАНО ОБО ВСЕХ ЕГО СЛАВНЫХ ДЕЛАХ И ПОДВИГАХ

А мы теперь опять поведем рассказ о сэре Ланселоте Озерном, который возвратился домой за два дня до праздника Пятидесятницы, и король и весь двор весьма возрадовались его приезду. А когда Гавейн, сэр Ивейн, сэр Саграмур и сэр Эктор Окраинный увидели Ланселота в доспехах сэра Кэя, они уже не сомневались, что это он свалил их всех четверых одним копьем. И по этому поводу было там много смеха и веселья. А между тем ко двору стали прибывать один за другим бывшие узники сэра Тарквина, и все они восхваляли сэра Ланселота. Сэр Гахерис услышал его голос и сказал:

— Я видел весь бой от начала и до конца.

И он поведал королю Артуру, как все происходило, и прибавил, что сэр Тарквин был могущественнейший из рыцарей, каких доводилось ему видеть, не считая лишь сэра Ланселота. И еще многие рыцари все это подтвердили, числом шестьдесят.

И сэр Кэй поведал королю, как сэр Ланселот спас его от верной гибели.

— И он заставил тех трех рыцарей признать себя не его пленниками, но моими.

Да и сами они трое были здесь же и все это подтвердили.

— А потом, клянусь Иисусом,— заключил сэр Кэй,— сэр Ланселот взял мои доспехи, мне же оставил свои, и я ехал в мире и спокойствии, ибо никто не желал со мной драться.

Между тем явились ко двору и те трое рыцарей, что сражались с сэром Ланселотом на долгом мосту, и тоже назвали себя пленниками сэра Кэя. Но сэр Кэй от них отказался, говоря, что с ними не бился и в глаза их не видывал.

— Но я успокою вас,— сказал им сэр Кэй.— Видите, вон там сэр Ланселот, это он вас победил.

И узнав то, они обрадовались.

А тут и сэр Мелиот Логрский возвратился домой, и рассказал сэру Кэю и королю, как сэр Ланселот спас его от смерти. И все другие его приключения стали известны: как четыре королевы-волшебницы заключили его в темницу, и как его освободила дочь короля Багдемагуса.

Узнали при дворе и о тех подвигах воинской доблести, что свершил сэр Ланселот на турнире в сражении между двумя королями: королем Северного Уэльса и королем Багдемагусом. Всю правду об этом рассказал сэр Гаха-

лантин, и сэр Мадор де ла Порте с сэром Мордредом, ибо они принимали участие в том турнире.

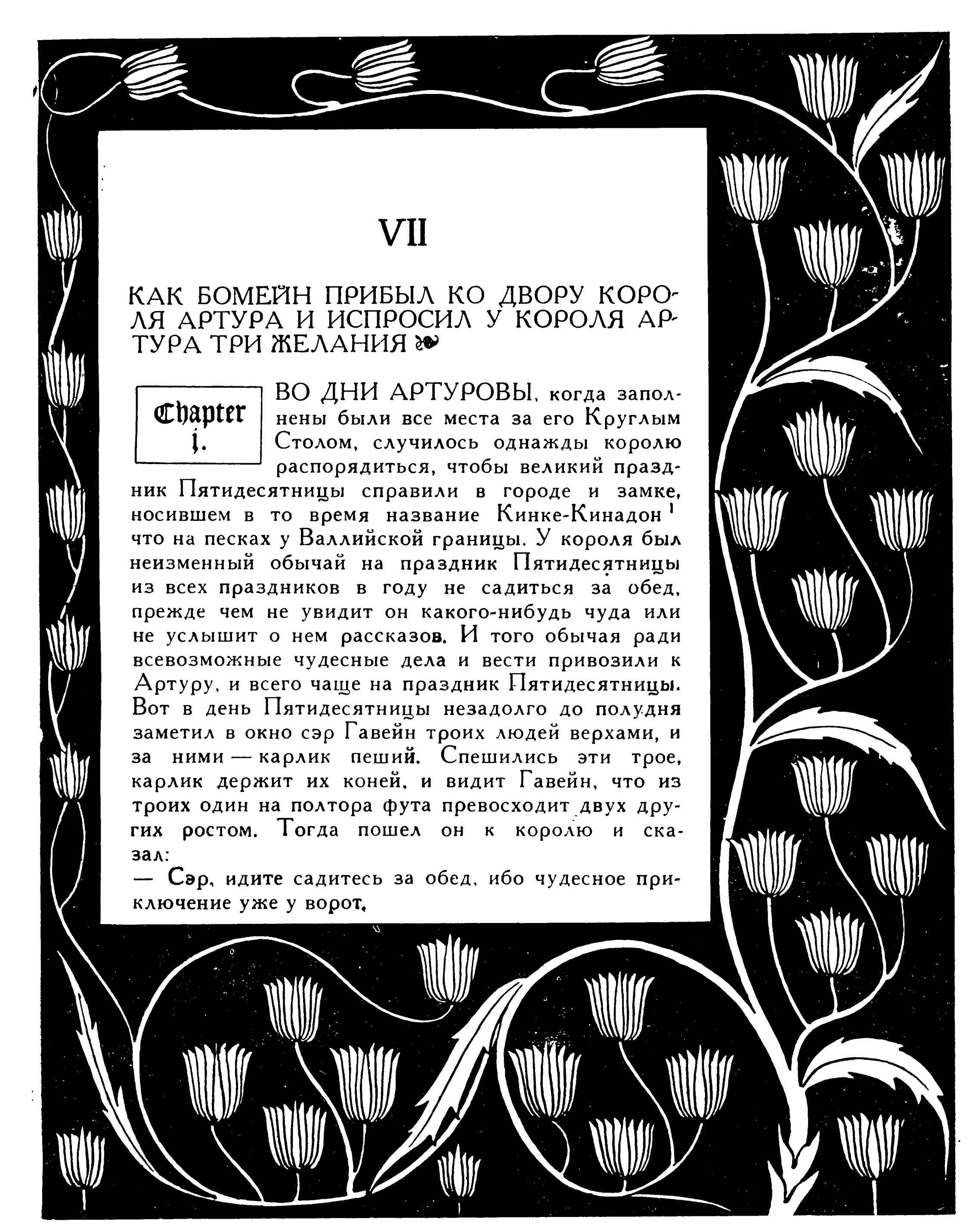
Под конец явилась туда та дама, что узнала сэра Ланселота, когда ранил он у шагра сэра Белеуса; и по ходатайству сэра Ланселота сэр Белеус был произведен в рыцари Круглого Стола.

И была в ту пору у сэра Ланселота слава такая, как ни у кого из рыцарей на свете, и почитал его всяк — и велик, и мал.

Конец славной повести о сэре Ланселоте Озерном.

ПОВЕСТЬ О СЭРЕ ГАРЕТЕ ОРКНЕЙСКОМ ПО ПРОЗВАНИЮ БОМЕЙН





VII

КАК БОМЕЙН ПРИБЫЛ КО ДВОРУ КОРОЛЯ АРТУРА И ИСПРОСИЛ У КОРОЛЯ АРТУРА ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Chapter i.

ВО ДНИ АРТУРОВЫ, когда заполнены были все места за его Круглым Столом, случилось однажды королю распорядиться, чтобы великий праздник Пятидесятницы справили в городе и замке, носившем в то время название Кинке-Кинадон[1] что на песках у Валлийской границы. У короля был неизменный обычай на праздник Пятидесятницы из всех праздников в году не садиться за обед, прежде чем не увидит он какого-нибудь чуда или не услышит о нем рассказов. И того обычая ради всевозможные чудесные дела и вести привозили к Артуру, и всего чаще на праздник Пятидесятницы. Вот в день Пятидесятницы незадолго до полудня заметил в окно сэр Гавейн троих людей верхами, и за ними — карлик пеший. Спешились эти трое, карлик держит их коней, и видит Гавейн, что из троих один на полтора фута превосходит двух других ростом. Тогда пошел он к королю и сказал:

— Сэр, идите садитесь за обед, ибо чудесное приключение уже у ворот.

Уселся король за богатый обед вместе со многими другими королями. И были там все рыцари Круглого Стола, кроме тех, кто находился в плену или пал. И в тот день великого праздника предстояло им пополнить свое число снова до ста пятидесяти, дабы не было за Круглым Столом пустых мест. Тут вдруг входят в залу двое в нарядных и богатых одеждах, и на их плечи опирается юноша, какого прекрасней лицом и стройнее телом никому из них не случалось встретить. Был он высок и крепок, в плечах широк, лицом хорош и руки имел большие и красивые, что красивее и не увидишь на земле. Но он повис у них на плечах, словно не мог ходить и держаться на ногах без такой опоры. Как увидел его король, тут же смолкли все и расступились, пропуская их, и туда, на царское возвышение, они все трое прошли, не промолвив ни единого слова.

И сразу отступил на шаг тот юноша рослый, выпрямился легко и сказал:

— О благороднейший из королей король Артур! Бог да благословит вас и всю вашу славную дружину, а рыцарей Круглого Стола стократ! Я приехал к вам молить вас о милости, просить вас выполнить три моих желания. Я не испрошу ничего такого, что не могли бы вы пожаловать мне с честью, и не будет вам с того ни ущерба, ни урона. Первую милость, первый дар испрошу я сейчас, другие же два — ровно через год, где бы вы ни справляли тогда великий праздник Пятидесятницы.

— Спрашивайте,— отвечал король Артур,— и что испросите, получите.

— Сэр, вот вам мое желание по случаю великого праздника: чтобы вы кормили меня и поили вдоволь весь год, а тогда испрошу я у вас два других дара.

— Сын мой,— сказал король Артур,— мой совет тебе, проси большего, ведь эта просьба — не просьба, ибо сердце мое расположено к тебе и мне говорит, что ты происходишь из славного рода, и либо я сильно обманываюсь в моем суждении, либо же ты еще выкажешь себя мужем благородным и доблестным.

— Сэр,— тот отвечал,— это уж как придется, а я просил у вас то, что мне покамест надобно.

— Ну, что ж,— говорит король,— в еде и питье у тебя не будет недостатка, я не отказываю в этом ни другу, ни врагу. Но я хочу знать твое имя.

— Сэр, того сказать я не могу.

— Чудесное дело,— сказал король,— чтобы ты не знал собственного имени. А ведь ты прекраснейший из юношей, каких я когда-либо видел.

И король поручил его сэру Кэю-Сенешалю, повелев, чтобы его кормили и поили лучшими яствами и винами и чтобы все у него было в избытке, как если был бы он сын лорда.

— Вот уж была нужда так на него тратиться,— сказал себе сэр Кэй.— Ведь могу поручиться, он мужичьего роду и не получится из него рыцаря, ибо будь он рожден лордом, он бы попросил коня и доспехи, он же каков есть, такова и просьба его. А раз нет у него имени, я сам ему дам имя: будет он зваться Бомейн, что значит «Прекрасные Руки»[2]. И определю его я на кухню, и там будет он кормиться каждый день жирной похлебкой, так что к исходу двенадцатого месяца окажется он жирен, как боров в свинарнике.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ И СЭР ГАВЕЙН РАССЕРДИЛИСЬ ЗА ТО, ЧТО СЭР КЭЙ НАСМЕХАЛСЯ НАД БОМЕЙНОМ, И О ДЕВИЦЕ, КОТОРАЯ ИСКАЛА РЫЦАРЯ, ЧТОБЫ СРАЗИЛСЯ ЗА ДАМУ ❧ А те двое тут же и уехали и оставили юношу на попечении сэра Кэя, который всячески над ним издевался и насмехался. Разгневался на сэра Кэя за то сэр Гавейн. А всех больше — сэр Ланселот, он велел сэру Кэю оставить издевки.
— Ибо головой могу поручиться, он еще покажет себя мужем славным и доблестным.
— Увидим,— отвечал сэр Кэй,— да только едва ли, ведь каков он сам, такова и просьба его была.
— Смотрите,— сказал ему сэр Ланселот,— вот вы дали славному рыцарю Брюнору Динаданову брату прозвище «Худая Одежка», и сами же за то потом поплатились.
— Ну, что до него,— отвечал сэр Кэй,— то этим вашу правоту не докажешь. Ведь сэр Брюнор всегда мечтал о чести и славе, а этот — лишь о хлебе, да о питье, да о жирной похлебке. Готов жизнью поручиться, он вырос при каком-нибудь монастыре, где не видели вдоволь ни еды, ни питья [3], вот он и явился сюда на прокормление.
И велел ему сэр Кэй отыскать себе место за столом и садиться есть. И Бомейн-Прекрасные Руки пошел к дверям зала, сел среди мальчиков и прислуги и ел свой обед в печали. Сэр Ланселот после обеда звал его в свой покой, дабы там накормить и напоить его вдоволь, приглашал его и сэр Гавейн. Но он ни за что не соглашался, ибо желал поступать только так, как приказывал ему сэр Кэй.
Что до сэра Гавейна, то он не зря предлагал ему гостеприимство, а по велению крови, ибо юноша приходился ему близким родичем, хоть он того и не знал. Сэром же Ланселотом руководила лишь любезность его и великое благородство.
И был юноша отправлен на кухню и спал по ночам с кухонными мужиками. Так прожил он целый год и ни разу не обидел ни взрослого, ни ребенка, ко всем являя кротость и покорство. Но всякий раз, как устраивали рыцари поединок, если только мог, непременно шел он смотреть. А сэр Ланселот предлагал ему золото на расходы и дарил платье, и сэр Гавейн тоже. И когда бывали там игрища и состязания, он на них являлся неизменно, и кидал бревна и камни [4] на два ярда далее самых искусных своих соперников. Сэр же Кэй тогда приговаривал:
— Ну, каков мой кухонный мужик?
Так шло все до самой Троицы, а в тот день король устроил праздник в Карлионе, и такого богатого праздника нигде не бывало, только у Артура раз в году. Но снова король не садился за пиршественный стол, покуда не услышит о каком-нибудь приключении.
Вот прибежал к королю паж и говорит:
— Сэр, вы можете садиться за стол, ибо сюда едет какая-то девица, уж она-то наверно поведает о чудесных вещах.
Король обрадовался и сел за стол.

И тут вошла в залу девица, поклонилась королю и просит у него заступничества.

— За кого же мне заступиться? — спрашивает король.— Поведайте нам об этом приключении.

— Сэр,— сказала она,— есть у меня сестра, благороднейшая дама, и ее утесняет тиран, так что она не осмеливается выйти из замка. И как у вас тут собралось, говорят, все славнейшее в свете рыцарство, я сюда и явилась за заступничеством.

— А как имя этой дамы? И где живет она? И кто ее утеснитель, обложивший ее замок?

— Сэр,— отвечала она,— имени этой дамы я пока еще вам не открою, знайте только, что она — благороднейшая дама и владелица многих земель. Что же до того тирана, обложившего ее замок и разоряющего ее владения, то он зовется Красный Рыцарь Красного Поля.

— Не знаю такого,— сказал король.

— Сэр,— сказал сэр Гавейн,— мне он хорошо знаком, ибо он один из самых грозных рыцарей на свете. Говорят, в нем сила семи мужей, и я сам однажды едва не погиб от его руки.

— Добрая девица,— сказал тогда король,— здесь многие рыцари готовы сделать все, что в их силах, дабы помочь госпоже вашей сестре. Но раз вы отказываетесь открыть ее имя и где она живет, то ни один из моих рыцарей, здесь находящихся, не поедет с вами по моей воле.

— Что ж, придется мне, видно, искать в другом месте.



КАК БОМЕЙН ПОЖЕЛАЛ ВЫСТУПИТЬ В ПОЕДИНКЕ И ЖЕЛАНИЕ ЕГО БЫЛО УДОВЛЕТВОРЕНО, И КАК ОН ПОЖЕЛАЛ, ЧТОБЫ ЕГО ПРОИЗВЕЛ В РЫЦАРИ СЭР ЛАНСЕЛОТ ❧ Но не успела еще девица уехать, как явился к королю Бомейн-Прекрасные Руки и сказал так:

— О король, благодарю вас от души, я полных двенадцать месяцев состоял у вас на кухне и щедро там кормился. А теперь я испрошу у вас две другие милости, которые остались за вами.

— Спрашивайте не откладывая, клянусь душой!

— Сэр, первое мое желание таково: соизвольте поручить мне подвиг, о каком хлопочет эта девица, ибо у меня есть на него право.

— Даю тебе на то мое соизволение.

— А теперь, сэр, второе желание, что осталось за вами: пусть меня посвятит в рыцари сэр Ланселот Озерный, ибо если не от него, то более ни от кого не приму я посвящения. И когда я отъеду от вашего двора с этой девицей, прошу вас, пошлите его вслед за мной, и пусть он произведет меня в рыцари, когда я его о том попрошу.

— Будет исполнено и это,— отвечал король.
— Тьфу на тебя! — вскричала тут девица.— Неужели никого, кроме одного кухонного мужика, ты со мной не отправишь?
Она сильно рассердилась, села на лошадь и уехала. Но в это время подходит к Бомейну-Прекрасные Руки человек и говорит, что конь его и доспехи прибыли и карлик привез ему все потребное снаряжение, богатое и роскошное. Весь двор дивился, откуда взялось такое? Когда же предстал он пред ними в полном облачении, то мало кто из мужей был столь блистателен и хорош собою.
А он прошел, не медля, в залу, простился с королем, сэром Гавейном и сэром Ланселотом и просил того, чтобы он вслед за ним поспешал. Сам же сел на коня и пустился вдогонку за девицей, и многие высыпали во двор смотреть, как он отъезжал — конь под ним добрый, на плечах — плащ из золотой парчи, но ни копья, ни щита при нем не было.



КАК БОМЕЙН ОТПРАВИЛСЯ В ПУТЬ И КАК ОН ДОБЫЛ КОПЬЕ И ЩИТ У СЭРА КЭЯ И КАК ОН СРАЖАЛСЯ И РУБИЛСЯ С СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ ❧ И сказал громко сэр Кэй:
— Пожалуй, поеду я за моим кухонным мужиком, посмотрю, признает ли он меня, своего господина.
— Не надобно того,— говорят сэр Ланселот и сэр Гавейн,— оставайтесь лучше дома.
Но сэр Кэй снарядился в путь, сел на коня, взял копье и поскакал. И как раз, как нагнал Прекрасные Руки девицу, тут и сэр Кэй подъехал и кричит:
— Эй, Прекрасные Руки! Или ты, сэр, меня не признаешь?
Поворотил тот коня, признал сразу сэра Кэя, что чинил ему насмешки и обиды, как вы о том слыхали. И сказал он:
— Да нет, я вас отлично знаю: вы — низкий царедворец и недостойный рыцарь, а потому берегитесь!
Тут упер сэр Кэй свое копье в седельный упор и бросился прямо на него, а Прекрасные Руки против него с мечом, выбил у него мечом копье из рук, быстрым выпадом нанес ему рану в бок, так что повалился сэр Кэй наземь замертво. А Прекрасные Руки спешился, подобрал у сэра Кэя щит и копье, снова сел на коня и хочет ехать дальше своей дорогой.
Все это видел сэр Ланселот, и девица тоже. А он еще карлику велит сесть на Кэева коня, и карлик садится и вслед за ним скачет. Но тут нагнал его сэр Ланселот, и он предлагает Ланселоту с ним сразиться. Вот изготовились оба и сшиблись друг с другом с такой силой, что оба рухнули наземь и жестоко разбились. Потом поднялся сэр Ланселот и помог ему выпростать ноги из стремени, и тогда Бомейн-Прекрасные Руки отбросил свой щит и предлагает сэру Ланселоту пеший бой.
Ринулись они один на другого, словно два диких вепря, рубили, разили, отступали, наступали, изворачивались, наседали в продолжение целого часа. Видит сэр Ланселот, какая в том сила, и только диву дается, ибо тот сражался как великан, а не простой рыцарь, так стоек он был в бою и так

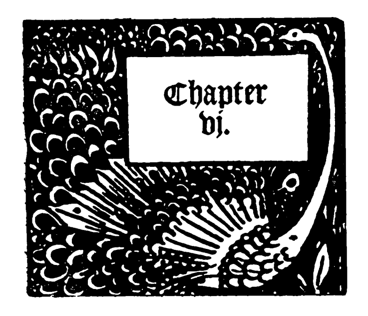
грозен. Нелегко приходилось сэру Ланселоту с ним в поединке и, боясь позора, заговорил он так:
— Прекрасные Руки, не дерись так яростно! У нас с тобой нет причины ссориться, на том можно и кончить наш бой.
— Воистину это правда,— отвечал тот,— мне просто приятно ощутить вашу мощь. Но ведь и я, господин мой, бился еще не изо всех сил.



КАК БОМЕЙН НАЗВАЛ СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ СВОЕ ИМЯ И КАК ОН БЫЛ ПРОИЗВЕДЕН В РЫЦАРИ СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ И НАГНАЛ ДЕВИЦУ ❧

— Во имя господа,— сказал сэр Ланселот,— я клянусь тебе телом и душой, мне пришлось немало постараться, чтобы не потерпеть от тебя позора. А потому знай, что ни один рыцарь на земле тебе не страшен.
— Значит, вы думаете, я могу надеяться, что стану когда-нибудь настоящим рыцарем?
— Всегда дерись так, как сейчас со мной,— сказал сэр Ланселот,— и я буду твоим поручителем.
— Тогда заклинаю вас, сэр, посвятите меня в Рыцарский Орден.
— Сэр, в этом случае вы должны назвать мне свое истинное имя и открыть, какого вы роду.
— Сэр, если только вы не выдадите мою тайну, я скажу вам мое имя.
— Клянусь, сэр,— сказал сэр Ланселот,— своей жизнью, что сохраню тайну, покуда вы сами ее всем не откроете.
И тогда он сказал:
— Мое имя — Гарет, я брат сэру Гавейну с отцовской стороны и с материнской стороны.
— А, сэр, вы мне теперь еще больше по душе, чем прежде, мне ведь все время казалось, что наверное вы благородной крови и что не за пищей и питьем явились вы во дворец.
И посвятил его сэр Ланселот в Рыцарский Орден. А после того сэр Гарет попросил его уехать, чтобы он один мог следовать за девицей.
Сэр Ланселот повернул назад, прискакал к тому месту, где оставался сэр Кэй, и позаботился, чтобы его на щите доставили домой, где его едва выходили и вылечили от смертельной раны. И все над ним насмехались, более же прочих сэр Гавейн. Да и Ланселот говорил, что не дело ему утеснять и обижать заезжих молодцов.
— Ведь нам невдомек, какого они роду и за каким делом прибыли ко двору.
С тем и оставим мы сэра Кэя и обратимся к Бомейну-Прекрасные Руки. Нагоняет он девицу, а она ему и говорит:
— Чего тебе здесь надобно? От тебя кухней за милю разит, платье у тебя все сальное и грязное. Ты что думаешь,— так говорила девица,— я приму твои услуги из-за того, что ты убил рыцаря? И не надейся, ведь ты убил его случайно и с трусливым коварством. А потому поворачивай коня и ез-

жай отсюда прочь, ты, грязный кухонный мужик! Я отлично знаю, кто ты таков, ведь сэр Кэй звал тебя Прекрасные Руки, и ты всего лишь неповоротливый мужлан, вращатель вертелов и мойщик уполовников.
— Благородная девица,— отвечал он,— говорите, что хотите, но что бы вы ни говорили, я от вас не уеду, ибо перед королем Артуром я вызвался исполнить этот подвиг и потому я либо доведу его до конца, либо же погибну.
— Тьфу на тебя, кухонный мужик! Где тебе справиться с этим приключением? Вот погоди, встретишься скоро с таким рыцарем, что за всю похлебку короля Артура не отважишься взглянуть ему в лицо.
— А это,— говорит он,— уж как выйдет.
Вот поехали они по лесу и видят: бежит со всех ног им навстречу человек.
— Куда ты бежишь? — спросил Прекрасные Руки.
— Ах, господин,— тот отвечает,— помогите мне! Здесь поблизости на лужайке шестеро воров схватили моего господина, связали крепко-накрепко, и боюсь, не убили бы они его насмерть.
— Веди меня туда,— сказал Прекрасные Руки.
Поехали они и выехали на лужайку, где лежал связанный рыцарь. Пустил Бомейн коня прямо на воров, одного ударил и поразил насмерть, другого вслед за ним тоже, а третьим ударом убил третьего. Остальные же трое обратились тут в бегство. Но он вдогонку за ними скачет, их настигает, и тогда они против него оборотились, набрасываются на него, наносят удары, пока, наконец, он их всех троих не зарубил и не возвратился освободить от веревок связанного рыцаря.
Рыцарь стал его благодарить и зовет его с собою в свой замок, что был оттуда неподалеку, дабы там вознаградить щедро за такое доброе дело.
— Сэр,— отвечал Прекрасные Руки,— мне не надобно награды. Только сегодня я получил посвящение в рыцари от сэра Ланселота, и потому не нужно мне иной награды, кроме божией. И к тому же, должен я следовать за этой девицей.
Но когда он к ней подъехал, она велела ему убираться прочь:
— От тебя разит кухней! Ты что думаешь, за все, что ты здесь сделал, я буду рада тебе? Просто тебе недобрый случай сейчас помог, но вот погоди, скоро увидишь такое, что сразу коня повернешь, и мгновенья не промедлишь.
Но спасенный рыцарь поехал за девицей и просил ее остановиться на ночь в его замке. А ночь уже близилась, и потому она согласилась, и там был им оказан щедрый прием. За ужином сажает рыцарь Бомейна-Прекрасные Руки напротив девицы.
— Фу, какой позор,— говорит она,— вы неучтивы, сэр рыцарь, что посадили против меня кухонного прислужника. Ему более пристало свиней колоть, чем сидеть за столом против девицы высокого рождения.
Рыцарь устыдился ее слов, взял и усадил его сбоку за отдельный стол, и сам сел против него.
Так они в тот вечер сладко ели и сладко спали в ту ночь.



КАК БОМЕЙН ВСТУПИЛ В БОЙ И УБИЛ ДВУХ РЫЦАРЕЙ У ПЕРЕПРАВЫ ❧ А наутро простилась с рыцарем девица, благодарила его и снова отправилась в путь. И так ехали они, покуда не очутились в диком лесу. Поперек пути у них текла широкая река, а через ту реку лишь один переезд, но на том берегу стояли два рыцаря в полном вооружении.

— Ну, что скажешь ты? — спрашивает девица.— Померишься силами с теми двумя рыцарями или же назад повернешь?

— Нет,— отвечал сэр Бомейн,— назад я не поверну, будь их там хоть шестеро!

И с тем направил он коня в воду. Съехались они с разлета посередине реки, и обломались у них от удара копья, только щепы в руках остались. Тогда вытащили они мечи и стали яростно рубиться. Наконец, ударил сэр Бомейн своего противника по шлему, так что совсем его оглушил, тот свалился в воду, да так и утонул. А сэр Бомейн пришпорил коня и выбрался на берег, но тут второй рыцарь на него налетел и тоже сломал с разлету свое копье. И снова обнажили мечи, и долго рубились они друг с другом, покуда, наконец, не разрубил сэр Бомейн тому шлем и голову до плеч. А потом вернулся он к девице и приглашает ее переехать через реку.

— Увы,— говорит она,— надо же такому злосчастью случиться, что кухонному мужику выпало убить двух славных рыцарей! А ты что думаешь, ты доблестно сражался? Отнюдь нет, просто под первым рыцарем конь споткнулся, вот он и утонул в реке, а вовсе не было в том твоей заслуги и победы. А второй рыцарь пал, потому что на беду оказался ты у него за спиной и на злосчастье сумел его сзади зарубить.

— Благородная девица,— отвечал Прекрасные Руки,— говорите, что хотите, но с кем ни пришлось бы мне сражаться, уповаю на бога, что всякому сумею воздать, прежде чем мы с ним разъедемся. А потому мне безразлично, что бы вы ни говорили, только бы мне освободить вашу госпожу.

— Тьфу, вонючий кухонный мужик! Вот погоди, встретишься с рыцарями, которые уймут твое хвастовство.

— Любезная девица, говорили бы вы со мной ласково, и тогда ни о чем не было бы мне заботы, ибо какие бы рыцари мне ни встретились, мне дела нет, я никого не боюсь.

— Но ведь я для твоей же выгоды так говорю,— отвечала девица,— ты пока еще можешь с честью повернуть назад. Ибо если ты и дальше последуешь за мной, то почитай себя уже убитым. Я же видела, что всего, что ты сделал, добился ты просто удачей, а не доблестью твоих рук.

— Ну, что же, благородная девица, говорите, что хотите, но куда бы вы ни направились, я последую за вами.

И ехал Бомейн-Прекрасные Руки с той дамою до самой вечерни, и она его всю дорогу поносила, не давая себе отдыха. Но вот, наконец, выехали они на черный луг, где рос черный боярышник, на нем с одного боку висело черное знамя, с другого — черный щит, а подле стояло черное копье, боль-

шое и длинное, рядом конь богатырский черный под шелковой попоной, а чуть в стороне — глыба черного камня. А на нем сидел рыцарь, весь закованный в черные латы, и прозвание ему было Рыцарь Черного Поля.



КАК БОМЕЙН БИЛСЯ С РЫЦАРЕМ ЧЕРНОГО ПОЛЯ И БИЛСЯ, ПОКУДА ОН НЕ УПАЛ И НЕ УМЕР ❧ Увидела девица этого рыцаря и крикнула Бомейну, чтобы спасался бегством вниз по оврагу, покуда у того рыцаря конь не оседлан.

— Грамерси,— отвечал Прекрасные Руки,— что почитаете меня трусом.

Черный же Рыцарь при виде ее спросил:

— Благородная девица, вы при дворе короля Артура выбрали этого рыцаря себе в защитники?

— Нет, любезный рыцарь, это не рыцарь, а лишь кухонный мужик, из милости кормившийся у Артура на кухне.

Тогда рыцарь сказал:

— Что же он ездит в таком облачении? Ведь это позор, что он вас сопровождает.

— Сэр, я не в силах отделаться от него, ибо он увязался за мною против моей воли. Дай-то бог,— говорит она,— чтобы вы его от меня отвадили! Либо же убейте его, если сможете. Ибо он — злосчастный холоп и на беду сегодня выехал в недобрый час. Я сама видела, как он зарубил двух рыцарей у речного брода, и еще до этого свершил он чудесные подвиги, все по воле недоброго случая.

— Это удивительно,— отвечал Черный Рыцарь.— Неужели хоть один настоящий рыцарь согласился с ним сражаться?

— Сэр, они не знали, кто он,— объяснила девица.— Они думали, раз он едет со мной, значит, он благородного роду.

— Возможно, что так,— сказал Черный Рыцарь,— но как бы то ни было, хоть он, вы говорите, вовсе не благородного роду, он собой весьма статен и верно должен быть очень силен. Но я вам обещаю,— сказал Черный Рыцарь,— я заставлю его спешиться и коня его и доспехи оставлю у себя. Но больше я ему ничего не сделаю, ибо это было бы для меня позором.

Услыхал сэр Бомейн эти речи и говорит:

— Сэр рыцарь, ты неплохо распорядился моим конем и моими доспехами! Такие слова недорого стоят. Но хочешь ты того или нет, я через этот луг все равно и против твоей воли проеду, коня же моего и доспехи ты получишь, только если отнимешь их силой рук и оружия. А потому поглядим-ка, на что ты способен!

— Это ты-то такие речи говоришь? — сказал Черный Рыцарь.— А ну, отступись от своей дамы и езжай прочь. Не пристало кухонному мужику общество такой дамы.

— Лжешь! — отвечал Бомейн,— я благородного роду и происхождения более высокого, чем ты, и сейчас я тебе это докажу!

Вот в великом гневе разъехались они в оба конца луга, пришпорили коней и ринулись друг на друга, сшиблись, словно гром грянул. Сломалось копье у Черного Рыцаря, Бомейн же проткнул его своим копьем насквозь. Только и его копье тут сломалось, и осталось острие у того в боку. Но Черный Рыцарь все равно обнажил меч и обрушил на него могучие удары без счета и нанес Бомейну жестокие раны. Полтора часа они так бились, но под конец свалился Черный Рыцарь без чувств с коня, да так и дух испустил.

А сэр Бомейн поглядел, видит: добрый у того конь и славные доспехи, быстро спешился он, облачился в его доспехи, сел на его коня и поскакал вдогонку за девицей. Увидела она его и говорит:

— Прочь, кухонный мужик, чтобы ветер от тебя в мою сторону не дул! От твоей грязной одежды дурной дух и мне досада. Увы! — так сказала она,— что за недобрый случай помог такому холопу, как ты, убить столь славного рыцаря! Все это просто злая твоя удача. Но погоди, неподалеку отсюда встретится тебе тот, кто за все тебе отплатит! А потому опять я советую тебе: беги.

— Может быть, и в самом деле,— отвечал Прекрасные Руки,— буду я побежден или убит. Но заверяю вас, любезная девица, я не убегу и не оставлю вас, что бы вы мне ни говорили. Ведь вы всякий раз говорите, что меня убьют или одолеют, но уж как бы там ни было, а я выхожу цел, они же остаются лежать на земле. И потому лучше было бы вам оставить насмешки, какими донимаете вы меня целый день, ибо я все равно от вас не отстану, покуда не увижу конца этого приключения, если только не буду убит или вконец побежден. Езжайте же своей дорогой, и, что бы ни случилось, я последую за вами.



КАК БРАТ УБИТОГО РЫЦАРЯ ВСТРЕТИЛСЯ С БОМЕЙНОМ И БИЛСЯ С БОМЕЙНОМ, ПОКА НЕ ПОКОРИЛСЯ ❧ Вот едут они дальше и видят: скачет, торопится им вслед рыцарь, весь в зеленом — и доспехи, и чепрак на коне. Нагнал он их и спрашивает у девицы:

— Это мой брат Черный Рыцарь едет с вами?

— Нет, нет,— она отвечает,— этот злосчастный кухонный мужик убил по воле недоброго случая твоего брата.

— Увы! — вскричал Зеленый Рыцарь.— Прежалостно это, что такой благородный рыцарь, как он, столь злосчастным образом погиб, да еще, как вы говорите, от холопской руки! Ну, предатель! — так сказал Зеленый Рыцарь,— за то, что подло убил ты моего брата, ты умрешь! Он был благороднейший рыцарь, и звался он сэр Перард[5].

— Не страшны твои угрозы,— отвечал сэр Бомейн.— И знай, что брата твоего я убил не подло, но в честном рыцарском поединке.

Тут подъехал Зеленый Рыцарь к кусту боярышника, а на том кусте висел зеленый рог. Он схватил его, дунул трижды и издал три грозных призыва. И явились тут две девицы и в миг снарядили его для боя. Он пересел на боевого коня, навесил через плечо зеленый щит, взял зеленое копье, и ри-

нулись они друг на друга, сшиблись, и обломились у них в руках копья по рукояти. Тогда они обнажили мечи и наносили один другому много яростных ударов, и прежестоко один другого изранили. Но под конец налетел сэр Бомейн конем сбоку на Зеленого Рыцаря, конь того не устоял, и очутился Зеленый Рыцарь на земле. Но Зеленый Рыцарь высвободил проворно ноги из стремян, вскочил и изготовился биться пешим. Увидел это Прекрасные Руки, тоже спешился, и бросились они друг на друга, точно два могучих кулачных бойца, и долго рубились, так что оба жестоко истекали кровью.

А девица подъехала к ним и говорит:

— Господин мой Зеленый Рыцарь, не стыдно ли вам, что так долго бьетесь с кухонным мужиком? Увы! на позор посвятили вас в рыцари, если этот деревенщина вас одолевает, как сорная трава одолевает хлеба на полях.

Устыдился Зеленый Рыцарь и, собравшись с силой, вдруг нанес ему великий и могучий удар, так что надвое расколол его щит. Но и Бомейна устыдили ее речи и этот могучий удар, от которого раскололся надвое щит у него в руках. И обрушил он меч тому на шлем с такой силою, что тот не устоял, рухнул на колени, а сэр Бомейн еще его толкнул, и растянулся он ничком на земле. Тут запросил Зеленый Рыцарь пощады, признает Бомейна-Прекрасные Руки победителем и молит сохранить ему жизнь.

— Напрасны все твои мольбы,— отвечал Прекрасные Руки.— Ты умрешь, если только за тебя не попросит эта девица, что приехала вместе со мной. И распустил ему завязки шлема, словно затем, чтобы отсечь ему голову.

— Тьфу на тебя, подлый кухонный мужик! Никогда не стану я просить тебя о спасении его жизни, не желаю у тебя одолжаться.

— Что ж, тогда он умрет,— говорит сэр Бомейн.

— Не так грозно, ты, грязный мужлан,— сказала девица.— Убивай, меня не испугаешь!

— Увы! — промолвил Зеленый Рыцарь.— Неужели вы допустите, чтобы я погиб, пожалеете для меня доброго слова? Благородный рыцарь,— сказал Зеленый Рыцарь,— сохрани мне жизнь, и я прощу тебе гибель моего брата и всегда стану служить тебе, сам я и тридцать рыцарей, которые держат от меня, и мы будем верными твоими слугами.

— Во имя диавола! — вскричала девица.— Неужто этому грязному мужлану станут служить тридцать рыцарей и ты сам?

— Сэр рыцарь,— отвечал Прекрасные Руки,— все бесполезно, покуда моя дама не попросит меня о твоем спасении.

И он уже замахнулся, чтобы отсечь ему голову.

— Оставь его,— сказала девица,— ты, грязный кухонный мужик! Не убивай его, иначе раскаешься.

— Благородная девица,— сказал Прекрасные Руки,— исполнить ваше веление для меня удовольствие, и по вашему приказу жизнь ему будет сохранена, иначе же нет.— И сказал он: — Сэр рыцарь в зеленых доспехах, я отпускаю тебя на свободу по просьбе этой девицы, которую гневить не желаю, ибо я исполняю все, о чем бы она меня ни попросила.

Тут встал Зеленый Рыцарь на колено и протянул ему свой меч. А девица сказала:

— Сокрушаюсь я, сэр Зеленый Рыцарь, о вашем поражении и о гибели вашего брата Черного Рыцаря, мне великая нужда была в вашей помощи, ибо я очень боюсь ехать через этот лес.
— Не бойтесь ничего,— отвечал Зеленый Рыцарь,— ибо эту ночь вы все проведете у меня, а завтра утром я вас через этот лес провожу.
Вот сели они на коней и поскакали к его замку, что расположен был оттуда неподалеку. Но и там девица все глумилась над Бомейном-Прекрасные Руки и не позволила ему сесть с ней за один стол, так что Зеленый Рыцарь отвел его за другой стол и там вместе с ним сидел.



КАК ДЕВИЦА ВСЕ ВРЕМЯ ПОНОСИЛА БОМЕЙНА И НЕ ДОЗВОЛЯЛА ЕМУ СЕСТЬ С НЕЙ ЗА ОДИН СТОЛ, А ЗВАЛА ЕГО КУХОННЫМ МУЖИКОМ

— Благородная девица,— сказал Зеленый Рыцарь,— дивлюсь я, что вы все время глумитесь над этим славным рыцарем. Ведь я ручаюсь, он — муж благородный, и я не знаю рыцарей, ему равных. А потому вы поступаете неправильно, что так его поносите, ведь он будет вам служить, как ни один рыцарь. Ибо кем бы он сейчас ни представлялся, он в конце концов выкажет себя рыцарем самой благородной крови и королевского роду.
— Тьфу! — отвечала девица.— Позор, что говорите вы о кухонном мужике хвалебные речи.
— Воистину,— отвечал Зеленый Рыцарь,— позор был бы мне говорить о нем худые речи, ибо он выказал себя лучшим рыцарем, нежели я, а я немало добрых рыцарей встречал с копьем в руках на своем веку, но ни разу не видел рыцаря, равного ему.
Ночью же, когда ушли они на покой, Зеленый Рыцарь тайно наказал своим тридцати рыцарям всю ночь до утра сторожить сэра Бомейна и оберегать его от измены и коварства. Утром встали они, прослушали обедню, утолили голод, а потом сели на коней и поехали своей дорогой, и Зеленый Рыцарь проводил их через лес. А когда надо им было расставаться, он сказал так:
— Господин мой сэр Бомейн, я сам и эти тридцать рыцарей всегда будем к вашим услугам, когда бы вы нас ни призвали и куда бы ни послали.
— Добро вы говорите,— отвечал сэр Бомейн.— Когда я призову вас, вы должны будете со своими тридцатью рыцарями прибыть по моему наказу к королю Артуру и объявить себя его пленниками.
— Мы в любое время готовы это сделать,— сказал Зеленый Рыцарь.
— Тьфу, позор тебе, во имя диаволово,— сказала девица,— что столь благородный рыцарь выказывает послушание кухонному мужику!
Так она с ним распрощалась, а потом говорит Бомейну:
— Что ты преследуешь меня, кухонный мужик? Выбрось ты этот щит и копье и беги прочь. Я тебе во благовременье даю такой совет, а не то скоро станешь кричать: «Увы!» Ибо будь ты даже могуч, как сэр Ланселот, сэр

Тристрам или добрый рыцарь сэр Ламорак, все равно тебе не пройти этим ущельем, которое называется Гиблый Проход.
— Благородная девица,— отвечал Прекрасные Руки,— кто боится, пусть спасается бегством, ведь позор был бы мне повернуть теперь назад, когда я уже так далеко с вами заехал.
— Все равно,— сказала девица,— ты скоро повернешь назад, хочешь ты того или нет.



КАК ТРЕТИЙ БРАТ, КОТОРОГО ЗВАЛИ КРАСНЫЙ РЫЦАРЬ, БИЛСЯ С БОМЕЙНОМ НА КОПЬЯХ И НА МЕЧАХ И КАК БОМЕЙН ПОБЕДИЛ ЕГО

Проехали они еще немного и видят: возвышается башня, белая, как снег, навесными бойницами на все стороны прорезанная [6], двойным рвом обведенная, а на воротах башни висят пятьдесят разного цвета щитов. Перед башней — просторный луг, а на лугу видно рыцарей и пажей без счета, и шатры, и подмости, ибо там назавтра предстояло быть большому турниру.
А владелец той башни был в своих покоях, он увидел из окна девицу, карлика и рыцаря в полном вооружении.
— Ну, да поможет мне бог,— вымолвил он,— с этим рыцарем я выйду на поединок, ибо, сдается мне, это — странствующий рыцарь.
Вот с поспешностью облачился он в доспехи и сел на коня. А когда сидел он в седле, со щитом на плече и с копьем в руке, то все у него было красное, и сбруя на коне, и латы на нем, и все остальное. Думается тому, что это брат его Черный Рыцарь, и он громким голосом его окликает:
— Брат, что делаете вы в наших краях?
— Нет, нет!— отозвалась девица.— Это не брат ваш, а кухонный мужик, вскормленный из милости на Артуровом дворе.
— Пусть так,— отвечал Красный Рыцарь,— я все равно хочу поговорить с ним, прежде чем он поедет дальше.
— Что вы! — вскричала девица.— Этот мужлан убил вашего брата. Сэр Кэй дал ему прозвище Прекрасные Руки, а конь под ним и доспехи принадлежали прежде вашему брату Черному Рыцарю. А еще он у меня на глазах одолел вашего другого брата — Зеленого Рыцаря. Теперь-то, наконец, вы должны ему отомстить, ибо я не могу от него избавиться.
С тем разъехались рыцари в разные стороны, и ринулись друг на друга на полном скаку. У обоих кони рухнули наземь. Но они высвободили ноги из стремян, выставили перед собой щиты и, обнажив мечи, стали наносить один другому жестокие удары — то там, то здесь, нападая, отступая, приседая, наседая и бросаясь друг на друга, точно два диких вепря, в продолжение двух часов. Наконец, крикнула девица Красному Рыцарю:
— Увы. благородный Красный Рыцарь! Вспомни свою неизменную боевую славу! Не позволяй кухонному мужику так долго против тебя стоять!
Красный Рыцарь тут разъярился и удвоил свои удары и нанес Бомейну

жесточайшие раны, так что кровь побежала на землю и дивно было смотреть на столь отчаянный бой. Но под конец все же Прекрасные Руки поверг его на землю. И хотел уже его убить, как вскричал Красный Рыцарь:

— Пощади, благородный рыцарь! Не убивай меня! Я сдаюсь во власть твою вместе с шестьюдесятью рыцарями, что находятся у меня в подчинении, и прощаю тебе все обиды, какие ты мне учинил,— и смерть моего брата Черного Рыцаря, и поражение другого брата — Зеленого Рыцаря.

— Бесполезно,— отвечал Прекрасные Руки.— Одно может тебя спасти: если моя дама станет просить меня о твоем спасении.

И он сделал вид, будто сейчас отрубит ему голову.

— Отпусти его, Бомейн, не надо его убивать, ведь он — благородный рыцарь и к тебе не питает вражды, если только ты сохранишь ему жизнь.

Тут велел он Красному Рыцарю подняться на ноги и благодарить прекрасную девицу за свое избавление. А потом Красный Рыцарь стал приглашать их осмотреть его замок и там провести ночь. Девица дала на то свое согласие, и их приняли в замке с великим радушием.

Но девица, не переставая, осыпала Бомейна унизительной бранью, и слыша это, немало дивился Красный Рыцарь. В ту ночь он отрядил шестьдесят рыцарей сторожить гостя, чтобы ему не учинил никто ни обиды, ни позора.

Наутро они прослушали обедню, утолили голод, и явился тогда Красный Рыцарь перед Бомейном с шестьюдесятью рыцарями, воздал ему почести и присягнул ему на верность и служение вместе со своими рыцарями.

— Я благодарю вас,— отвечал Прекрасные Руки.— Вы же вот что мне обещайте: по моему зову вы должны явиться перед господином моим королем Артуром, изъявить ему верность и покорность.

— Сэр,— сказал Красный Рыцарь,— я сам и моя дружина всегда готовы явиться по первому вашему зову.

И снова пустился Прекрасные Руки в путь вслед за девицей, которая не переставала клясть его и поносить и осыпать самой жестокой бранью.



КАК СЭР БОМЕЙН ПЕРЕНОСИЛ ПОНОШЕНИЯ ДЕВИЦЫ И ПЕРЕНОСИЛ ТЕРПЕЛИВО

— Девица,— сказал ей Прекрасные Руки,— вы неучтивы, что так обращаетесь со мной, ведь кажется, я сослужил вам хорошую службу, и хоть вы всякий раз грозились, что быть мне побитым встречными рыцарями, но, всякий раз, несмотря на такую вашу похвальбу, они повергнуты в прах и грязь. А потому прошу вас, не оскорбляйте меня больше; когда увидите, что я побит или сдался, тогда и гоните меня с позором, а до той поры, знайте, я вас не покину, ибо иначе я был бы уж вовсе глупец, что покинул вас, пока честь победы на моей стороне.

— Ничего,— говорит она,— вот скоро встретишься ты с рыцарем, который за все воздаст

тебе по заслугам, ибо он — доблестнейший рыцарь на свете, не считая короля Артура.

— С превеликой охотою,— отвечал Прекрасные Руки.— Ведь чем доблестнее он, тем больше мне чести с ним сразиться.

И вот в скором времени увидели они впереди город, богатый и прекрасный, а перед городом раскинулся больше чем на милю прекрасный луг, свежевыкошенный и уставленный пестрыми, приятными глазу шатрами.

— Вон там,— говорит девица,— находится господин этого города, и у него такой обычай: располагаться в погожие дни здесь на лугу, проводя время в турнирах и поединках. При нем всегда пятьсот рыцарей и благородных воинов, и они устраивают всевозможные игры и состязания, в каких только может подвизаться благородный муж.

— Этого достославного лорда я бы очень хотел повидать.

— Погоди, ты на него еще вдоволь наглядишься,— отвечала девица. И поскакала вперед, высматривая шатер лорда.

— Вон, погляди,— наконец, сказала она.— Видишь ли шатер, весь выкрашенный синей краской индиго? (И там, куда она указывала, все: и мужчины, и женщины, и лошади, и щиты с перевязями, и копья,— всё было синего цвета.) Его имя — сэр Персиант Индийский, это величайший из рыцарей, каких ты когда-либо встречал.

— Возможно, что и так,— отвечал Прекрасные Руки,— но каким бы могучим рыцарем он ни был, я все равно не покину этого поля до тех пор, пока не увижу его под щитом.

— Глупец! — воскликнула она.— Лучше спасайся, пока еще есть время.

— Зачем? — отвечал Бомейн.— Раз он такой благородный рыцарь, как говорите вы, то он не набросится на меня со своими людьми, ну а если они будут выходить на меня по-одному, то я ему ни в чем не уступлю.

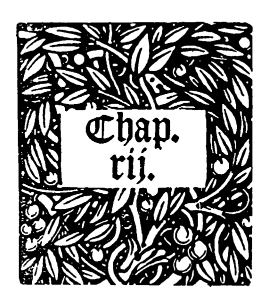
— Тьфу! — говорит девица.— Надо же, чтобы какой-то вонючий кухонный мужик так выхвалялся!

— Девица,— сказал он,— дурно вы поступаете, что так надо мной глумитесь, ибо я предпочел бы сразиться в пяти поединках, чем подвергаться таким оскорблениям. Пусть он выходит против меня, и тогда посмотрим, насколько он страшен.

— Сэр,— сказала тогда она,— я дивлюсь тебе. Какого ты роду и откуда прибыл, что так смело говоришь, да и действовал смело у меня на глазах? Потому-то я и прошу тебя: спасайся, пока еще можно, ибо и сам ты и конь твой немало сегодня уже потрудились, мне же страшно дольше медлить вдали от замка. Ведь нам осталось до места осады лишь семь миль и все опасности мы уже миновали, кроме этой последней, вот почему я так сильно страшусь, как бы тебе здесь не пострадать. И потому я хочу, чтобы ты поспешил прочь отсюда и не был побит и изувечен этим могучим рыцарем. Но знай, что сэру Персианту Индийскому далеко до того рыцаря, что осаждает мою госпожу.

— Ну, что до этого,— отвечал Бомейн,— то уж будь как будет, но раз уж я съехался столь близко с этим рыцарем, то не могу не помериться с ним силою прежде, чем мы расстанемся, не то позор мне будет, что я от него убежал. А потому, благородная девица, не бойтесь: с божией помощью я

так отделаю этого рыцаря, что покончу с ним к исходу второго часа после полудня, и мы еще засветло поспеем на подмогу к осажденной даме.
— Ах, Иисусе, дивно мне, что вы за человек? Ибо не иначе как вы благородного происхождения, потому что ни одна женщина так не глумилась, не издевалась над рыцарем, как я над вами, вы же переносили все с неизменной учтивостью, а это дается лишь людям благородной крови.
— Любезная девица,— отвечал Бомейн,— немногого стоит тот рыцарь, который не выказывает кротости даме. Что ни говорили вы мне, я не придавал словам вашим значения — ведь чем больше вы меня бранили, тем больше возрастал мой гнев, а я обращал его на тех, с кем сражался. Брань, которой вы меня незаслуженно осыпали, только подвигала меня на храбрый бой и была мне на пользу, она внушала желание отличиться и выказать себя таким, какой я в самом деле есть. Ведь как ни по душе мне было кормиться при дворе короля Артура я бы, наверно, и в другом месте снискал себе пропитание, но я, может быть, просто высматривал себе товарищей. Как-нибудь в другое время еще откроется, рыцарского я роду или нет. Пока же помните, любезная девица, что службу я сослужил вам рыцарскую и, быть может, еще не так вам послужу, прежде чем нам расстаться.
— Увы! — сказала она,— любезный Бомейн, простите мне все обиды, что я вам причинила.
— Со всей моей охотой,— отвечал он,— я вам прощаю, ибо вы поступали так, как должно вам было поступать, и ваша брань была мне в удовольствие. Прекрасная девица,— сказал Бомейн,— раз вы теперь предпочитаете обращаться со мной ласково, знайте, что душа моя этому радуется, и сдается мне, нет на свете рыцаря, которого бы я теперь не одолел.



КАК БОМЕЙН БИЛСЯ С СЭРОМ ПЕРСИАНТОМ ИНДИЙСКИМ И ПРИНУДИЛ ЕГО К СДАЧЕ ❧ Между тем сэр Персиант Индийский их заметил, как они остановились на лугу и беседовали, и по-рыцарски послал к нему узнать, с миром ли он туда приехал или же с войной.
— Передай господину своему, что это — как он захочет, мне же все равно.
Посланный возвратился к сэру Персианту и передал ему тот ответ.
— Ах так! Тогда я вступлю с ним в поединок и мы будем биться до последнего.
И он облачился в доспехи и выехал против Бомейна.
Увидав это, изготовился сэр Бомейн, и они ринулись друг на друга во весь опор, сшиблись, что было мочи, и сломались у обоих копья на три куска каждое, и кони под ними обоими рухнули наземь. Проворно высвободили они ноги из стремян, выставили перед собой щиты, обнажили мечи и стали осыпать друг друга могучими ударами без счета, и так друг на друга наскакивали, что, случалось, падали ничком на землю.
Так рубились они два часа с лишком, и уже щиты у них и панцири были иссечены, и во многих местах были они оба поранены. Но под конец сэр

Бомейн пробил ему бок, и он стал понемногу отступать, хотя долго еще по-рыцарски вел с ним бой. Но вот наконец, хоть и не по душе ему то было, Бомейн ударил сэра Персианта сверху по шлему, так что рухнул тот ничком наземь, а он сверху на него прыгнул и, распутав завязки его шлема, приготовился его убить. Тут признал сэр Персиант свое поражение и запросил пощады. И девица подъехала, стала просить за сэра Персианта.

— Я сохраню ему жизнь с охотою,— сказал Бомейн-Прекрасные Руки,— ибо прежалостно было бы, чтобы такой благородный рыцарь должен был умереть.

— Грамерси,— сказал сэр Персиант.— Теперь я точно знаю, что это вы убили моего брата Черного Рыцаря у Черного боярышника. Достославный рыцарь то был! Звали же его — сэр Перард. И еще уверился я, что это вы нанесли поражение второму моему брату, Зеленому Рыцарю по имени сэр Пертолип. Вы же победили и третьего моего брата, Красного Рыцаря — сэра Перимона. И вот теперь, сэр, вы победили и меня. Вот что я готов сделать вам в угоду: я присягну вам на верную службу вместе с сотней моих рыцарей, и мы всегда будем у вас в распоряжении, готовые ехать, куда вам угодно, по первому вашему слову.

И они вошли в шатер сэра Персианта и пили там вино и ели пряные яства. А потом сэр Персиант уложил его на ложе отдыхать до ужина, а после ужина уложил его спать. Когда же сэр Бомейн уже улегся в постель,— а у сэра Персианта была дочь, прекрасная собой девица восемнадцати лет,— вот он и призвал ее к себе и повелел ей, с отцовского благословения, взойти к тому рыцарю на ложе.

— Лягте с ним рядом, дочь моя, и не отпугивайте его, но будьте с ним приветливы и ласковы, заключите его в свои объятья и поцелуйте, да смотрите, чтобы все было сделано, как я повелеваю, если дороги вам моя любовь и доброе расположение.

Так и сделала дочь сэра Персианта, как наказал ей отец, она приблизилась к ложу сэра Бомейна, тихонько разделась и легла с ним рядом. Проснулся он, увидел ее и спрашивает, кто она такая.

— Сэр,— она отвечает,— я дочь сэра Персианта, я пришла по повелению моего отца.

— Вы девица или замужняя дама?

— Сэр,— отвечает она,— я чистая девственница.

— Господь меня упаси,— говорит он,— чтобы я вас лишил девственности и тем причинил сэру Персианту столь великий стыд! И потому прошу вас, любезная девица, встаньте с этого ложа, или же придется встать мне.

— Сэр,— сказала она,— я ведь явилась сюда не по моей воле, но по отцовскому велению.

— Увы! — сказал сэр Бомейн.— Позор был бы мне, рыцарю, если бы я причинил вашему отцу такое бесчестие.

Он поцеловал ее и она удалилась и, придя к отцу своему сэру Персианту, поведала ему все, как и что с ней было.

— Истинно,— сказал сэр Персиант,— кто бы он ни был, он муж благороднейший.

Здесь мы оставляем их до утра.



О БОГОУГОДНОЙ БЕСЕДЕ МЕЖДУ СЭРОМ ПЕРСИАНТОМ И БОМЕЙНОМ, И КАК ОН ОТКРЫЛ, ЧТО ЕГО ИМЯ — СЭР ГАРЕТ

А наутро сэр Бомейн и его дама отслушали обедню, утолили голод и стали прощаться.

— Любезная девица,— сказал сэр Персиант,— куда везете вы с собой этого рыцаря?

— Сэр,— отвечала она,— этот рыцарь едет к Замку Угроз, в котором терпит осаду моя сестра.

— А-а,— сказал сэр Персиант,— знаю, ее осаждает Рыцарь Красного Поля, самый беспощадный, свирепый рыцарь, какого я только встречал на земле, и человек, не ведающий милосердия. К тому же говорят, в нем сила семи мужей. Спаси вас бог, сэр Бомейн, от этого рыцаря, но он жестоко утесняет ту даму, а это великой жалости достойно, ибо она — одна из прекраснейших дам на свете, и вижу я, ваша дама ее сестра. Ваше имя не Лионетта?

— Да, сэр, так меня зовут, а госпожа моя сестра зовется леди Лионесса.

— Вот что я вам скажу,— говорит сэр Персиант,— этот Красный Рыцарь Красного Поля давно обложил ее замок, скоро два года стоит он осадой, и он уже много раз мог бы его взять, но он все тянет и медлит, ибо хочет дождаться, чтобы приехал биться с ним в поединке сэр Ланселот Озерный, или сэр Тристрам, или же сэр Ламорак Уэльский, или же сэр Гавейн, вот потому-то он и продолжает осаду. А теперь, господин мой,— сказал сэр Персиант Индийский,— поезжайте с легким сердцем и с тяжелой рукой, ибо вам предстоит сразиться с достойнейшим противником.

— Вот посмотрите, как я с ним управлюсь,— сказал сэр Бомейн.

— Сэр,— сказала тут девица Лионетта,— я прошу вас за этого благородного юношу: посвятите его в рыцари, прежде чем ему драться с Красным Рыцарем.

— Я готов со всей моей охотою,— отвечал сэр Персиант.— Если только он согласен принять посвящение в Рыцарский Орден от такого незнатного человека, как я.

— Сэр,— отвечал Бомейн,— я вас благодарю, но мне уже посчастливилось в этом: сам сэр Ланселот Озерный посвятил меня в рыцари.

— О! — воскликнул сэр Персиант,— более почетного посвящения не могли бы вы удостоиться, ибо среди всех рыцарей он должен быть назван главою рыцарства, и по всему свету идет молва, что славу истинного рыцарства разделили между собой три рыцаря: сэр Ланселот Озерный, сэр Тристрам Лионский и сэр Ламорак Уэльский. Эти трое — из рыцарей славнейшие, но есть и много других благородных рыцарей, как сэр Паломид-Сарацин, сэр Сафир, его брат; а также сэр Блеоберис и его брат сэр Бламур Ганский; и сэр Борс Ганский, и сэр Эктор Окраинный, и сэр Персиваль Уэльский. Эти все и еще многие — благородные рыцари, но нет среди них ни одного со столь славным именем, как те трое. А потому да пошлет вам господь удачи,— так сказал сэр Персиант,— ибо если вы одолеете Красного Рыцаря, будете вы почитаться четвертым рыцарем в мире.

— Сэр,— отвечал Бомейн,— мне бы очень хотелось приобрести рыцарскую

славу и доброе имя. Знайте, что я из хорошего рода, смело могу сказать, что отец мой — благородный барон. И если вы обещаете хранить это в тайне, и эта благородная девица тоже, я открою вам, кто я таков и из какого рода.

— Мы не выдадим вас,— сказали они оба,— пока вы сами того не пожелаете, клянемся нашей верою в Иисуса.

— Истинно,— сказал он тогда,— мое имя — сэр Гарет Оркнейский, и король Лот мне отец, и мать моя — сестра королю Артуру, имя же ее — леди Моргауза. Сэр Гавейн мне приходится братом, а также сэр Агравейн и сэр Гахерис, я из них всех меньший. Но ни сам король Артур, ни сэр Гавейн не знают, кто я.



КАК ДАМА, КОТОРАЯ ПОДВЕРГАЛАСЬ ОСАДЕ, ПОЛУЧИЛА ИЗВЕСТИЕ ОТ СВОЕЙ СЕСТРЫ О ТОМ, ЧТО ОНА НАШЛА ЕЙ РЫЦАРЯ, И О ПОЕДИНКАХ, ИЗ КОТОРЫХ ОН ВЫШЕЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ

Между тем, как рассказывается в Книге, та дама, что находилась в осажденном замке, была извещена карликом о приближении своей сестры и о том, что с нею едет рыцарь, и как они благополучно преодолели все опасности в пути.

— А что он за человек? — спросила дама.

— Он истинно благородный рыцарь, госпожа,— отвечал ей карлик.— Он еще совсем юн, но собою хорош, какого краше не встретишь.

— Кто же он таков и откуда родом? — спросила дама.— И от кого он принял посвящение в рыцари?

— Госпожа,— отвечал карлик,— он приходится сыном королю Оркнейскому, но имени его я вам пока не назову; однако знайте, что в рыцари его произвел сэр Ланселот, ибо ни от кого другого он не соглашался принять посвящение, и что сэр Кэй прозвал его Бомейн-Прекрасные Руки.

— А как он ушел от братьев сэра Персианта?

— Так, как должно благородному рыцарю. А сначала еще он двоих рыцарей убил у брода.

— Ах! — сказала она.— То были два славных рыцаря, но немилосердные убийцы. Одного из них звали сэр Герард ле Брюс, а другого сэр Арнольд ле Брюс.

— После того, госпожа, он повстречался с Черным Рыцарем и убил его в честном бою, и дальше поехал, взяв его коня и доспехи, и бился с Зеленым Рыцарем и его в честном бою одолел. Так же обошелся он и с Красным Рыцарем, а потом тем же самым образом и с Синим Рыцарем, одолев его в честном поединке.

— Так значит,— сказала дама,— он победил сэра Персианта Индийского, одного из благороднейших рыцарей в мире?

— Истинно, госпожа,— отвечал карлик,— он одолел всех четверых братьев и Черного Рыцаря убил, но он свершил и еще многое — он поверг сэра

Кэя и оставил его лежать на земле замертво; и еще он вел великий поединок с сэром Ланселотом, и они разошлись полюбовно, и вот тогда-то сэр Ланселот и посвятил его в рыцари.

— Карлик,— сказала дама,— я радуюсь этим вестям. А потому отправляйся поскорее в отшельническую обитель, что находится тут неподалеку на моих землях, и захвати с собой моего вина в двух бутылях из серебра — в них вмещается по два галлона,— а также два каравая хлеба вместе с жирным жарким из оленины и изысканно приготовленной дичью; и еще вот я даю тебе золотой кубок, богато украшенный драгоценными камнями. Ты отнеси все это к моему отшельнику и передай ему прямо в руки. А после возвращайся к моей сестре, приветствуй ее от меня сердечно, а также передай мой поклон тому любезному рыцарю и пригласи его отведать еды и питья и набраться свежих сил. Да скажи ему, что я благодарю его за его благородство и доброту, что он взял на себя такой труд ради меня, которая ни разу не оказала ему ни щедрости, ни любезного приема. Пусть он мужается и воспрянет духом, ибо ему предстоит встреча с рыцарем доблестным, но не знающим ни учтивости, ни благородства, ни доброты; тому нет дела ни до чего, кроме убийства, вот почему я не могу его хвалить и не могу полюбить его.

Карлик с ней расстался и возвратился к сэру Персианту. Он застал еще у него девицу Лионетту и сэра Бомейна и пересказал им все, что вы сейчас слышали. Они стали прощаться с сэром Персиантом, но он сел на низкорослую лошадь и проводил их до дороги и поручил их господу.

Вот в недолгом времени приехали они в отшельничью обитель, там пили они вино и угощались жареной олениной и другой дичью. Когда же они насытились, карлик взял порожние бутыли и кубок и привез их обратно в замок. Но по дороге повстречался ему Красный Рыцарь Красного Поля и спрашивает, откуда он едет и где был.

— Сэр,— отвечает карлик,— я ездил с сестрой моей госпожи, владелицы замка, а она побывала при дворе короля Артура и везет с собою оттуда рыцаря.

— Ну, я думаю, напрасны все ее труды и пропадут они даром, ибо привези она с собою даже сэра Ланселота, сэра Тристрама, сэра Ламорака или сэра Гавейна, все равно, сдается мне, я ни перед кем из них не оплошаю.

— Возможно, что и так,— отвечал карлик,— но только этот рыцарь преодолел все опасности на пути, убил Черного Рыцаря и еще двоих и победил в поединках Зеленого Рыцаря, Красного Рыцаря и Синего Рыцаря.

— Так значит он один из тех четверых, что я сейчас тебе назвал?

— Нет,— отвечал карлик,— но он — королевский сын.

— Как же его имя?— вопрошал Красный Рыцарь Красного Поля.

— Этого я вам не скажу, но сэр Кэй прозвал его в насмешку Бомейн-Прекрасные Руки.

— Ну, мне нет дела до того, кто он таков,— промолвил рыцарь,— все равно я с ним скоро разделаюсь, и когда я его одолею, он погибнет позорной смертью, как и многие другие до него.

— Жаль, если это будет так,— сказал карлик,— и жаль, что вы ведете с благородными рыцарями столь постыдную войну.



КАК ДЕВИЦА И БОМЕЙН ПРИБЫЛИ К МЕСТУ ОСАДЫ И ПОДЪЕХАЛИ ПОД ДЕРЕВО СИКАМОРУ И КАК БОМЕЙН ЗАТРУБИЛ В РОГ И К НЕМУ НА БОЙ ВЫЕХАЛ РЫЦАРЬ КРАСНОГО ПОЛЯ ❧ А теперь мы оставляем этого рыцаря и карлика и поведем речь о Бомейне-Прекрасные Руки, который всю ночь провел в хижине отшельника. На заре прослушали они с девицей Лионеттой обедню, утолили голод, сели на коней и поскакали через густой лес. Вот выезжают на равнину и видят: стоит там множество шатров и палаток, и высится посреди прекрасный замок, а вокруг дым клубится и слышен великий шум. Подъезжают они поближе к осажденному замку, и видит сэр Бомейн, что вокруг на высоких деревьях висят повешенные рыцари в полном облачении, и щиты у них на шее, и мечи на поясе, и золоченые шпоры на пятках. Так висело там на позорище чуть не сорок рыцарей в полных доспехах. Упало сердце у сэра Бомейна, и спрашивает он:

— Что это значит?

— Добрый сэр,— отвечает девица,— не падайте духом, как ни ужасен этот вид, напротив того, мужайтесь, иначе мы все погибли. Ведь все эти рыцари прибыли сюда к осажденному замку на выручку моей сестре даме Лионессе, но когда Красный Рыцарь Красного Поля одерживал над ними верх, он всякий раз казнил их этой позорной казнью без пощады. Таким же образом он поступит и с вами, если только вы не возьмете над ним верх.

— Упаси меня Иисусе,— сказал сэр Бомейн,— от столь низкой смерти и оружие мое от позора. Чем кончить так, уж лучше пасть в честном бою.

— Оно и лучше,— сказала девица.— Но смотрите, не доверяйте ему, ему неведомо благородство. У него в мыслях только убийства и позорные казни. А это жаль,— сказала девица,— ибо он муж собою видный и рыцарь предоблестный, и ему принадлежат многие земли и богатые владения.

— Истинно,— сказал сэр Бомейн,— быть может, он и доблестный рыцарь, но он привержен к низким обычаям, и удивления достойно, что он так долго оставался невредим, просто ни одному из благородных рыцарей господина моего короля Артура не случалось с ним сразиться.

Поскакали они дальше и подъехали ко рву. Видят, высятся вдоль рвов крепкие стены, а под стенами расположились многие могучие бароны и кругом громко играют и поют менестрели. А с другой стороны ударяют в стены морские волны, а на них качаются корабли, и матросы громко кричат свое «Эгей! Тяни, подымай!»

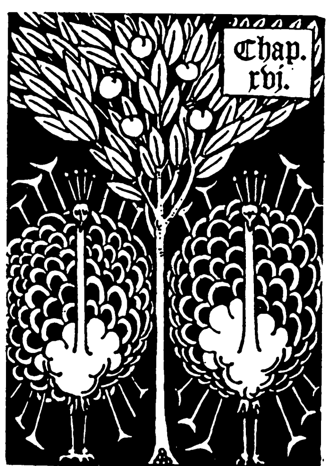
И там поблизости росло дерево сикомора, а на нем висел рог, столь огромный, что им такого видеть не случалось; он был сделан из слоновой кости, и Рыцарь Красного Поля его там повесил для того, чтобы кто из странствующих рыцарей туда прибудет, в тот рог бы затрубил, и он тогда изготовится и выйдет с ним на поединок.

— Но молю вас, сэр,— сказала девица,— не трубите в этот рог раньше, чем настанет полдень, ибо сейчас еще утро и сила его возрастает[7], а в нем, говорят, силы на семерых.

— Ах, любезная девица, позор вам! Больше никогда не говорите мне таких речей, ибо каким бы доблестным рыцарем он ни был, я не уступлю ему, даже когда он в самой силе,— либо завоюю себе чести в честном бою, либо же погибну на поле рыцарской смертью.

С тем пришпорил он коня, подскакал прямо к сикоморе и так сильно дунул в тот рог, что откликнулось, загудело и в замке и в стане осаждающих. Из шатров и палаток повыскакивали во множестве рыцари, а те, кто находились в замке, стали выглядывать из-за стен и из окон.

А Красный Рыцарь Красного Поля облачился поспешно в доспехи, двое баронов нацепили ему на пятки шпоры, и все на нем было кроваво-красное: и латы, и меч, и щит. Шлем ему на голову надел и пристегнул граф, и привели ему коня красного и подали красное копье. Выехал он на лужайку перед замком, чтобы и в замке и в его лагере могли видеть поединок.



КАК ОБА РЫЦАРЯ СЪЕХАЛИСЬ, И О ЧЕМ ОНИ ГОВОРИЛИ, И КАК НАЧАЛИ ПОЕДИНОК — Сэр,— обратилась девица Лионетта к Бомейну,— глядите веселее и радуйтесь, ибо вон он, ваш смертельный враг, а вон у того окна стоит госпожа сестра моя, дама Лионесса.

— Где?— спросил сэр Бомейн.

— А вон там,— отвечала девица и указала пальцем.

— Воистину,— сказал Бомейн,— она кажется мне самой прекрасной изо всех когда-либо виденных мною дам. И право,— сказал он,— лучшего не надобно мне случая, чтобы отличиться в поединке, ибо она будет моей дамою и ради нее я сейчас иду в бой.

И с тем обратил он к ее окну лицо свое с любезным и радостным видом, а эта дама, госпожа Лионесса, сделала ему глубокий реверанс, до самой земли, воздев кверху ладони. Но тут окликнул Бомейна Красный Рыцарь и сказал:

— Сэр рыцарь, оставь эти взгляды и смотри лучше на меня, таков тебе мой совет, ибо знай, она — моя дама, и ради нее я провел уже немало храбрых поединков.

— Если и так,— отвечал сэр Бомейн-Прекрасные Руки,— то, сдается мне, это был напрасный труд, ибо ей не мило твое общество, любить же ту, которая не любит тебя,— великое неразумие[8]. Если бы я не видел, что она радуется моему приезду, я бы еще подумал, прежде чем идти за нее на бой. Но по осаде этого замка я могу судить, что к тебе она вовсе не стремится. И потому говорю тебе, Красный Рыцарь, я ее люблю и освобожу ее, либо же за нее погибну.

— Ты осмеливаешься так говорить? — вскричал Красный Рыцарь.— Я думал, тебя образумит вид тех рыцарей, висящих на деревьях.
— Стыд и позор тебе,— отвечал Бомейн,— что говоришь ты такие слова и совершаешь столь низкие поступки! Ведь этим ты позоришь себя и все рыцарство. Так знай и не сомневайся, что ни одна дама тебя не полюбит, если узнает тебя и твои подлые обычаи. Ты думал, что вид повешенных рыцарей меня испугает? Ну, нет, ошибся ты! Позорное это зрелище только питает мою храбрость и ожесточает против тебя мое сердце гораздо сильнее, чем если бы ты был честным и благородным рыцарем.
— Готовься к бою! — вскричал Красный Рыцарь,— Довольно с меня твоих речей.
Вот наставили они копья и ринулись друг на друга со всей, сколько в них было, мощью. Ударили один другого в середину щита, так что лопнули подпруги, пахвы и нагрудники, и свалились оба на землю, не выпустив из рук поводьев. Долго лежали они так, совсем оглушенные, и уже все в замке и на поле думали, что они сломали себе шеи.
И многие говорили, среди осаждающих и среди осажденных, что неизвестный этот рыцарь — муж великой силы и доблестный боец, «ибо доныне не видали мы рыцаря, который мог бы помериться силами с Красным Рыцарем Красного Поля». Так говорили люди и за стенами, и у шатров.
Но тут они вскочили на ноги с легкостью и проворством, высвободившись из стремян и бросив поводья, выставили перед собой щиты и обнажили мечи и налетели друг на друга, точно дикие львы, и нанесли один другому по шлему два таких удара, что оба пошатнулись и отступили на два шага. Но тут же опомнились, снова ринулись в бой и вырубали один у другого из лат и щитов немало больших кусков, разбрасывая их по всему полю.



КАК ПОСЛЕ ДОЛГОГО БОЯ БОМЕЙН ОДОЛЕЛ РЫЦАРЯ И ХОТЕЛ ЕГО УБИТЬ, НО ПО ПРОСЬБЕ ЛОРДОВ СОХРАНИЛ ЕМУ ЖИЗНЬ, НО ЗАСТАВИЛ ЕГО ПОКОРИТЬСЯ ДАМЕ ❧ Так бились они, а между тем уже миновал полдень, но ни тот ни другой не помышляли о конце поединка, покуда, наконец, оба вовсе не задохнулись, и тогда остановились они друг против друга и стояли, качаясь, едва держась на ногах, клонясь к земле, громко и тяжко дыша и истекая кровью, так что чуть не все, кто там был, плакали от жалости, Но немного передохнув, вновь ринулись они в бой, наседая, приседая, разя и рубя, точно два диких вепря. То вдруг бросались с разбега и сшибались, как два оленя, так что падали оба ничком на землю, а то вдруг в сумятице боя вместо собственного меча хватались за меч противника.
Так продолжалось до самой вечерни, и ни один из тех, кто там был, не мог сказать, который возьмет верх в поединке. Доспехи на них были все

иссечены, так что просвечивали голые бока, и другие части тела были у них обнажены, но нагие места защищали они оружием от ударов. Красный Рыцарь был в бою хитер, и это научило сэра Бомейна уму-разуму, но дорогой ценой заплатил он за такую науку.

Вечером согласились они оба на передышку и сели друг против друга тут же на двух невысоких кочках. Оба отстегнули и сняли шлемы, чтобы освежиться прохладным ветром, ибо их пажи постоянно находились поблизости, готовые по первому знаку снять с них доспехи или же снова надеть, когда им прикажут. Когда же, обнажив голову, сэр Бомейн обратил взор вверх, к тому окну, он увидел в нем прекрасную даму Лионессу, и она так на него посмотрела, что вновь стало у него на сердце радостно и легко. И тогда призвал он Красного Рыцаря Красного Поля снова готовиться к бою.

— И будем мы биться до последнего!

— С превеликой охотою,— отвечал рыцарь.

Вот опять пристегнули они свои шлемы, отослали прочь пажей и, сойдясь, стали рубиться снова. Но Красный Рыцарь Красного Поля выждал и налетел на него сбоку и поранил ему ладонь, так что выпал у него меч из руки. Тут нанес он ему и второй удар — по шлему,— и упал Бомейн ничком на землю, а Красный Рыцарь навалился на него сверху, чтобы не дать ему подняться.

И тогда вскричала громким голосом девица Лионетта:

— О, сэр Бомейн! Где же твоя храбрость? Увы! Госпожа моя сестра глядит на тебя, и она так плачет и рыдает, что при виде ее у меня разрывается сердце.

Услыхал сэр Бомейн такие ее речи, он собрал всю свою могучую силу, вскочил на ноги, проворно прыгнул к своему мечу, схватил его, сжал в руке и, повернувшись, бросился на Красного Рыцаря, и возобновили они свой смертный бой.

Но теперь сэр Бомейн удвоил силу своих ударов, он осыпал того ударами, так что выпустил Красный Рыцарь свой острый меч. Тут ударил его Бомейн по шлему, и упал тот на землю, а сэр Бомейн навалился на него сверху и, отстегнув ему шлем, хотел уже его убить. И тогда признал тот свое поражение и стал просить пощады, громким голосом говоря:

— О, благородный рыцарь, я сдаюсь на твое милосердие!

Но сэр Бомейн вспомнил всех тех рыцарей, что были им позорно повешены, и сказал:

— Честь моя не позволяет мне сохранить тебе жизнь, потому что ты обрек позорной смерти стольких благородных рыцарей.

— Сэр,— промолвил Красный Рыцарь,— опустите ваш меч, и вы узнаете причину, по какой я обрек их всех позорной смерти.

— Говори! — сказал сэр Бомейн.

— Сэр, некогда я любил одну прекрасную даму, у которой были убиты братья, и она сказала мне, что их убил сэр Ланселот Озерный либо же сэр Гавейн, и молила меня во имя моей любви к ней, чтобы я поклялся ей своим рыцарским достоинством не складывать ни на день оружия, покуда не встретится мне один из них, и всякого, кого я одолею в бою, чтобы обрекал я на постыдную смерть. И я поклялся ей, что буду чинить позор и смерть

рыцарям Артура и тем двоим отомщу. И еще, сэр, я сейчас открою вам, что каждый день до полудня сила моя возрастает в семь раз.



КАК РЫЦАРЬ ПРИЗНАЛ СЕБЯ ПОБЕЖДЕННЫМ И КАК БОМЕЙН ВЕЛЕЛ ЕМУ ОТПРАВИТЬСЯ КО ДВОРУ КОРОЛЯ АРТУРА И ПРОСИТЬ ПОЩАДЫ У СЭРА ЛАНСЕЛОТА ❧ Между тем собрались туда многие графы, и бароны, и благородные рыцари и просили за того рыцаря, чтобы он сохранил ему жизнь и сделал его своим пленником. Они встали перед ним на колени и молили о пощаде.

— И право, сэр,— говорили все,— разумнее вам принять от него присягу на верность и служение и чтобы он держал свои земли от вас, чем убивать его, ибо от его смерти не будет вам никакого проку, а что он сотворил обид, того не изменишь. И потому пусть лучше он все обиды искупит, мы же станем вашими людьми и присягнем вам на верную службу.

— Любезные лорды,— отвечал Бомейн-Прекрасные Руки,— знайте, что мне бы очень не хотелось убивать этого рыцаря, хоть он сотворил много зла и позора. Но поскольку все это он совершил по велению дамы, я виню его уж не так сильно, и ради вас я его согласен отпустить. Но жизнь ему будет сохранена лишь вот на каком условии: пусть он пойдет в замок и сдастся на милость его владелицы, и если она его простит, то и я готов, но только пусть он возместит ей за все утеснения, какие чинил он ей и ее землям. А когда это будет сделано, он еще должен отправиться ко двору короля Артура и там испросить прощения у сэра Ланселота и сэра Гавейна за то зло, что он против них питал.

— Сэр,— промолвил Красный Рыцарь,— все это я сделаю, как вы мне повелеваете, и в том получите вы надежные поручительства и залоги.

И представив залоги и заверения, он присягнул ему на верную службу и подчинение, и с ним — все его графы и бароны.

Тогда пришла к сэру Бомейну дева Лионетта, она совлекла с него доспехи. осмотрела и промыла ему раны и остановила кровь, и так же обошлась она с Красным Рыцарем Красного Поля. А после того они десять дней пролежали там в палатках, набираясь сил и залечивая раны. И Красный Рыцарь наказал своим баронам и слугам, чтобы они, как могли, угождали сэру Бомейну и делали все, что он прикажет. А в недолгом времени пошел Красный Рыцарь в замок на поклон к госпоже, и она смилостивилась над ним, получив надежные залоги и заверения, что всякий ущерб от него ей будет возмещен, на что бы она ни пожаловалась. А он после того собрался в путь и прибыл ко двору короля Артура; и там открыто Красный Рыцарь отдался на милость сэра Ланселота и сэра Гавейна и при всем народе поведал о том, как он был побежден в поединке и кем, а также перечислил он все прежние битвы Бомейна, от первой и до последней.

— Иисусе милосердный,— вскричали король Артур и сэр Гавейн.— Вот диво! Он — столь славный рыцарь, какого же он роду?
— Не дивитесь,— отвечал им сэр Ланселот.— Вы скоро узнаете, что он самого высокого роду. Что же до силы его и мужества, то, право, мало кто из ныне живущих мог бы с ним сравниться силою и благородной доблестью.
— Сдается нам,— сказал король Артур,— что вам уже известно его имя и откуда он родом.
— Надо думать, что так,— отвечал сэр Ланселот.— А иначе я не дал бы ему своего посвящения в высокий Орден Рыцарства. Но он тогда взял с меня обещание не открывать его тайну, пока он сам того не пожелает, или же пока она не откроется через кого-нибудь другого.



КАК БОМЕЙН ОТПРАВИЛСЯ К ДАМЕ, НО НАШЕЛ ВОРОТА ЗАПЕРТЫМИ, И КАКИЕ СЛОВА ГОВОРИЛА ЕМУ ДАМА ❧ Теперь возвратимся мы к сэру Бомейну, который в это время просил девицу Лионетту, чтобы ему увидеться с ее госпожой.
— Сэр,— отвечала она,— я и сама очень хотела бы, чтобы вы с ней увиделись.
Вот облачился сэр Бомейн во все доспехи, сел на коня, подхватил копье и поскакал прямо к замку. Но подъехав к воротам замка, он увидел там вооруженных людей, и они подняли разводной мост и опустили на воротах железную решетку. Подивился он тому, что они не дают ему войти в замок, поднял голову и увидел в окне прекрасную даму Лионессу, и она ему громким голосом сказала так:
— Поезжай своей дорогою, сэр Бомейн, ибо пока еще не будет тебе моей любви, сначала должен ты приобрести славу одного из достойнейших рыцарей мира. Потому поезжай и завоюй себе чести и славы, а ровно через двенадцать месяцев ты услышишь новые вести.
— Увы, любезная госпожа!— сказал сэр Бомейн-Прекрасные Руки.— Не заслужил я от вас такого холодного приема. Я-то надеялся, что вы встретите меня с великим радушием, ведь я по мере моих сил заслужил вашу благодарность. И право же, я заплатил за вашу любовь немалой долей собственной крови.
— Любезный, учтивый рыцарь,— отвечала дама Лионесса,— не гневайтесь и не будьте чересчур поспешны в своем суде, ибо знайте, что подвиги ваши бранные и верная любовь не напрасны, ибо я ценю вашу доблесть и мужество, ваше благородство и доброту, как и должно их ценить. Поэтому поезжайте своим путем, да смотрите, не падайте духом, ибо все будет к лучшему и вам во славу; и,— видит бог!— двенадцать месяцев скоро пролетят. Я же, верьте мне, любезный рыцарь, буду вам верна и никогда

не изменю, я до самой смерти буду любить лишь вас и больше никого. С этими словами она отвернулась от окна, и сэр Бомейн поехал прочь от замка в великой печали. Он скакал, сам не зная куда и не разбирая дороги, покуда не спустилась ночная тьма. И случилось как раз, что он выехал к хижине бедняка, и там расположился он на ночлег. Но только не было в ту ночь покоя сэру Бомейну, он метался и ворочался на ложе от любви к этой даме — владелице замка.

А утром он сел на коня и ехал, покуда солнце не поднялось совсем высоко[9], и выехал на берег широкой реки, а там спешился и лег спать, голову положив на щит, коня же поручив карлику и наказав ему караулить всю ночь до следующего утра.

А теперь мы обратимся к той даме — владелице замка. Она день и ночь думала о сэре Бомейне. Вот призвала она к себе брата своего сэра Грингамура и заклинала его как только могла, если любит он ее, чтобы поскакал он за сэром Бомейном.

— Вы подстерегите его, когда он будет спать, ибо я уверена, глубоко опечаленный, он где-нибудь спешится и ляжет спать под открытым небом. И вот тогда подкрадитесь к нему тайным образом, схватите его карлика и с ним возвращайтесь к себе как только можно скорее: моя сестра Лионетта говорит, что от карлика можно узнать, какого он роду и откуда. Потому мы с нею пока отправимся в ваш замок и будем ждать вашего прибытия с карликом, и я сама его допрошу, ибо пока я не узнаю его настоящего имени и откуда он родом, не будет моему сердцу веселия и покоя.

— Сестра,— отвечал сэр Грингамур,— все это будет сделано по вашему желанию.

Он отправился в путь и ехал весь следующий день и всю ночь, пока, наконец, не выехал к реке, где расположился сэр Бомейн. И когда он увидел сэра Бомейна спящим, со щитом под головой, он подкрался неслышно сзади к карлику, подхватил его, зажал подмышкой и поскакал с ним к себе в замок. А был тот сэр Грингамур весь в черном, и доспехи черные, и конь под ним черный, и все, что при нем. Но карлик, уносимый к чужому замку, успел крикнуть своему господину и воззвать к нему о помощи. И оттого пробудился сэр Бомейн, вскочил проворно на ноги и заметил, куда поскакал черный рыцарь с карликом и в какой стороне скрылся.



КАК СЭР БОМЕЙН ПОЕХАЛ СПАСАТЬ СВОЕГО КАРЛИКА И ПРИЕХАЛ В ЗАМОК, ГДЕ ТОТ НАХОДИЛСЯ

Тут надел сэр Бомейн шлем, навесил на плечо щит, сел на коня и поскакал в погоню во весь опор через луга и топи и через широкие равнины, и нередко в пути случалось ему на коне с головой погружаться в трясину, ибо он скакал не разбирая дороги, и не раз в безумии своего гнева был на волос от гибели. Но под конец случилось ему выехать на ровный зеленый проселок, и там повстречался ему бедный поселянин. Он спросил его, не видел ли он рыцаря на черном коне и в черных доспехах, у которого позади седла сидит маленький грустный карлик?

— Сэр,— отвечал бедный человек,— мимо меня тут проехал сэр Грингамур, рыцарь, и с ним карлик. Но мой совет вам: не преследуйте его, ибо он — один из самых грозных рыцарей в мире, и замок его здесь совсем неподалеку, всего в двух милях. Вот почему мы советуем вам не ехать за сэром Грингамуром иначе как с миром.

Тут покинем мы сэра Бомейна на пути к замку и поведем речь о сэре Грингамуре и карлике. Лишь только оказался карлик в замке, дамы Лионесса и Лионетта, ее сестра, стали его допрашивать, откуда прибыл его хозяин и какого он роду-племени.

— Ну, а если только не откроешь ты мне это,— сказала дама Лионесса,— то вовеки не выйдешь из этого замка, навсегда останешься здесь узником.
— Что до этого,— отвечал карлик,— то я без боязни могу сказать вам его имя и какого он роду-племени. Знайте же, что он — сын короля и королевы, его отец зовется король Лот Оркнейский, а мать его — сестра королю Артуру и сэр Гавейн — его брат. Имя же его — сэр Гарет Оркнейский. А теперь, когда я назвал вам его настоящее имя, я молю вас, прекрасная дама, отпустите меня к моему господину, ибо он не покинет здешних краев, покуда не вернет меня себе; когда же он в гневе, то не знает удержу, он причинит много бед и вы потерпите от него великий урон.
— Что до этих угроз,— сказал сэр Грингамур,— то пойдемте-ка лучше обедать.

Они умылись и приступили к обеду и веселились при этом от всей души. Ибо оттого, что леди Лионесса из Замка Угроз была наконец с ними, они все радовались и шутили.

— В самом деле, госпожа,— говорила сестре своей Лионетта,— похоже, что он и вправду королевский сын, ведь у него много достоинств: он учтив и добр, и он — самый кроткий человек, с каким мне случалось встречаться. Ибо, правду говоря, ни одна дама так грубо не оскорбляла рыцаря, как я изводила и поносила его, и во все время он неизменно отвечал мне лишь кротостью и добротой.

Но пока они так сидели и беседовали, сэр Гарет подъехал к воротам замка с обнаженным мечом в руке и крикнул зычным голосом на весь замок:
— Эй, ты, рыцарь-предатель сэр Грингамур! Возврати мне моего карлика, не то, клянусь верностью моею господу богу и высокому Ордену Рыцарства, я причиню тебе столько зла, сколько будет в моих силах!
А сэр Грингамур тут выглянул из окна и сказал:
— Сэр Гарет Оркнейский, оставь свои хвастливые речи, ибо карлика твоего ты назад не получишь.
— Ах так, трусливый рыцарь!— вскричал Гарет.— Спустись же с ним вместе и сразись со мною и выиграй его в честном поединке.
— Так я и сделаю,— отвечал сэр Грингамур,— если только захочу. Ты же какие грозные речи ни произноси, не получишь его назад.
— Ах, любезный брат,— говорит тут леди Лионесса,— уж лучше бы возвратить ему карлика, ибо я не желала бы вызывать его гнев. Ведь теперь, когда я узнала, что хотела, мне больше его карлик не нужен. К тому же, брат мой, он так много для меня сделал, избавив меня от Красного Рыцаря Крас-

ного Поля. Поэтому, любезный брат, я у него в долгу более, чем у какого-либо другого рыцаря на свете, и он изо всех рыцарей один мне по сердцу. Мне бы очень хотелось с ним поговорить. Только ни в коем случае нельзя, чтобы он догадался, кто я, пусть думает, что это какая-то другая неизвестная дама.

— Хорошо, сестра,— отвечал сэр Грингамур.— Раз такова ваша воля, я подчинюсь ему.

С тем спустился он из замка и сказал так:

— Сэр Гарет, я прошу пощады. Все дурное, что вам сделал, я готов возместить по вашей воле. Теперь же прошу вас только спешиться и испытать мое гостеприимство в этом замке, а я чем богат, тем и буду рад вам.

— Возвратят ли мне моего карлика?— спросил сэр Гарет.

— Да, сэр, вас ждет там ваш карлик и самый любезный прием, ибо лишь только ваш карлик открыл мне, кто вы и откуда родом и какие благородные подвиги свершены вами в здешних краях, как я немедленно раскаялся, что был с вами столь непочтителен.

Сэр Гарет спешился, а тут и карлик его явился и принял у него коня.

— А-а, дружище!— сказал ему сэр Гарет.— Пришлось мне ради тебя поездить!

Тут сэр Грингамур взял его за руку и ввел в залу, где находилась его жена.



КАК СЭР ГАРЕТ, ИНАЧЕ ПРОЗЫВАЕМЫЙ БОМЕЙНОМ, ЯВИЛСЯ К СВОЕЙ ДАМЕ И КАК ОНИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ, И ОБ ИХ ЛЮБВИ ❧ Туда же вышла к ним и леди Лионесса, наряженная принцессой, и она приветствовала его очень радушно, и он ее тоже, и они вели между собой изысканную беседу, речи их были учтивы и обхождение любезно. И много раз думал про себя сэр Гарет: «Иисусе! Вот если бы госпожа Замка Угроз была столь же прекрасна, как она!»

Были в тот вечер устроены игры и всевозможные развлечения, и пение, и танцы, и сэр Гарет все смотрел и любовался этой дамой. И чем больше он на нее смотрел, тем сильнее разгоралась в нем любовь, покуда он уже едва не лишился рассудка. Вечером сели они ужинать, а сэр Гарет не может куска проглотить — так сгорал он от любви, что сам себя не помнил.

Заметил его взгляды сэр Грингамур, и вот после ужина зазвал он свою сестру леди Лионессу во внутренние покои и так ей говорит:

— Любезная сестра, я отлично вижу все, что происходит между вами и этим рыцарем, и я хочу, чтобы вы знали, сестрица, что он — рыцарь благороднейший, и если вы склоните его остаться здесь у меня, я буду всячески

ему угождать и служить, ибо будь вы даже лучше, чем вы есть, все равно он вас вполне достоин.

— Любезный брат,— отвечала леди Лионесса,— я и сама отлично знаю, что он — добрый рыцарь и славного роду. Но все равно я хочу испытать его еще, хотя из всех смертных перед ним я в самом большом долгу, ибо ради меня свершил он немало ратных трудов и прошел через много опасностей.

Тут вышел сэр Грингамур к сэру Гарету и сказал ему так:

— Сэр, возвеселитесь духом, ибо у вас нет и не будет причины к унынию, ведь любовь этой дамы, моей сестры, будет неизменно принадлежать вам, если только честь ее останется соблюдена. Она вас любит так же, как вы ее, и даже больше, если это возможно.

— Знай я это,— отвечал сэр Гарет,— не было бы на свете человека веселее меня.

— Клянусь честью,— сказал Грингамур,— вы можете моим словам довериться. Оставайтесь здесь столько, сколько вам угодно, и эта дама будет с нами денно и нощно — услаждать и развлекать вас, насколько ей это под силу.

— С охотою,— отвечал сэр Гарет,— ибо я дал обещание до исхода двенадцати месяцев находиться в здешних краях, и я знаю, что король Артур и другие благородные рыцари непременно за эти двенадцать месяцев меня здесь разыщут, ибо, покуда я жив, они меня будут искать и найдут.

И вошел Гарет к леди Лионессе, целовал ее без счета, и радости их обоих не было границ. Она поклялась ему в своей верной любви, что будет всю жизнь любить его и никого другого до самой смерти. И с соизволения своего брата леди Лионесса открыла сэру Гарету всю правду: что она — та самая дама, за которую сражался он в поединке, и что она — госпожа Замка Угроз.



КАК НОЧЬЮ ПОЯВИЛСЯ ВООРУЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ И БИЛСЯ С СЭРОМ ГАРЕТОМ И КАК, ЖЕСТОКО РАНЕННЫЙ В БЕДРО, ОН ОТСЕК РЫЦАРЮ ГОЛОВУ ❧ И еще поведала она ему, как она упросила брата увезти у него карлика «для той причины, чтобы узнать наверняка, кто вы такой и какого роду». А потом позвала сестру свою Лионетту, что проехала с ним вместе долгий путь. И тогда сэр Гарет убедился и возрадовался еще того более.

Потом обручились они и обменялись клятвами, что будут любить друг друга и хранить верность, покуда живут на свете. И так они оба сгорали от пылкой любви, что уговорились тайно удовлетворить свое желание. Леди Лионесса наказала сэру Гарету, чтобы он лег на ночь непременно в зале, и обещала перед полуночью к его ложу туда пробраться.

Так он и сделал по ее наказу, но тайной это ни для кого не осталось, все их намерения угадали, ибо они оба были молоды и нежны возрастом и в подобных ухищрениях не опытны. Не понравилось это девице Лионетте, она сочла, что сестра ее леди Лионесса чересчур торопится, что не хочет выждать срока до свадьбы. И решила она для спасения сестринской чести помешать этому. Она обратилась к колдовским чарам, чтобы не вышло по-ихнему, как им обоим грезилось, покуда не будут они повенчаны.

А ночь приближалась. После ужина вынесли все из залы, и все мужчины и дамы должны были разойтись на ночь по отдельным покоям. Но сэр Гарет объявил, что никуда не пойдет, ибо для странствующего рыцаря, сказал он, нет места удобнее для ночного отдыха, чем эта зала. И вот поставили там большое ложе, на него постлали пуховые перины, и на них улегся он спать.

А в скором времени явилась туда к нему леди Лионесса, закутанная в плащ на горностаевом меху, и легла подле сэра Гарета. Он заключил ее в объятья и стал целовать

Но вдруг поднял он взгляд и видит: стоит перед ним вооруженный рыцарь в окружении множества огней, в руке держит алебарду и с грозным видом на него замахивается. Увидев это, сэр Гарет вскочил с ложа, схватил свой меч и бросился в ярости на рыцаря. А тот сделал выпад алебардой и пронзил ему мякоть бедра, так что образовалась рана шириной в ладонь и многие жилы и вены оказались рассечены. Тут ударил его сэр Гарет по шлему с такой силой, что рухнул тот ничком наземь, а сэр Гарет прыгнул на него сверху, отстегнул ему шлем и отсек ему голову от тела. Но у самого у него так сильно бежала кровь из раны, что не мог он устоять на ногах, но упал без чувств на свое ложе и лежал, словно мертвый.

Закричала тут леди Лионесса громким голосом, сэр Грингамур ее услышал и спустился в залу. Увидев, что сэр Гарет лежит, предательски раненный, он рассердился не на шутку и сказал:

— Мне стыдно, что этот благородный рыцарь потерпел предательство в моем доме,— так говорил сэр Грингамур. — Как это случилось, что вы находитесь здесь, а этот благородный рыцарь лежит раненный?

— Брат,— отвечала она,— не могу вам этого сказать, но только сделано это не мною и не с моего изволения, ибо он — мой господин и я принадлежу ему, и он должен стать моим супругом. И потому, брат мой, я хочу, чтобы знали вы: я не стыжусь находиться с ним и ублажать его, насколько это в моих силах.

— Сестра,— сказал на это сэр Грингамур,— а я хочу, чтобы знали вы, и сэр Гарет тоже, что и не мною это сделано и не с моего соизволения, столь коварное, подлое дело.

Остановили они ему кровь, как могли, и горько убивались оба, и сэр Грингамур, и леди Лионесса. Но тут вдруг явилась туда Лионетта, на глазах у них у всех подняла отрубленную голову, натерла ее притираниями в том месте, где была она отрублена, и шею тоже натерла там, где росла голова. А потом составила все вместе, и голова пристала чуть не крепче прежнего. Рыцарь вскочил проворно, и девица Лионетта отвела его к себе в спальню.

Все это видели сэр Грингамур и леди Лионесса, и сэр Гарет тоже, он видел своими глазами, что это была та самая девица Лионетта, что сопровождала его раньше на всем его опасном пути.
— Ах, девица, девица,— сказал он,— вот уж не думал я, что вы со мной так обойдетесь.
— Господин мой сэр Гарет,— отвечала Лионетта,— как я с вами обошлась, в том я во всем погодя признаюсь, и увидите, что это к вашей же чести и к чести всех нас тоже.
Вот в недолгом времени совсем почти оправился сэр Гарет, снова сделался весел и шутлив и снова стал петь и танцевать. И опять в нем и в леди Лионессе так разгорелась жаркая любовь, что они на десятую ночь опять сговорились, что она тайно придет к нему на ложе. Но потому что в прежний раз был он ранен, положил он теперь подле постели все доспехи свои и меч свой.



КАК УПОМЯНУТЫЙ РЫЦАРЬ НА ВТОРУЮ НОЧЬ ЯВИЛСЯ СНОВА И СНОВА БЫЛ ОБЕЗГЛАВЛЕН И КАК НА ПРАЗДНИК ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ ВСЕ РЫЦАРИ, ПОБЕЖДЕННЫЕ СЭРОМ ГАРЕТОМ, ПРИБЫЛИ ПЛЕННИКАМИ КО ДВОРУ КОРОЛЯ АРТУРА ❧ А она как обещала, так и явилась. Но лишь только очутилась она у него в постели, как увидела, что приближается к их ложу вооруженный рыцарь, и о том успела сказать Гарету. Он проворно с ее доброй помощью облачился в доспехи и стал биться с тем рыцарем во гневе и злобе, гоняясь за ним по всему залу. Но в каком бы углу они ни рубились, позади и впереди них было светло, будто горело двадцать ярких факелов.
От великого напряжения сил снова вскрылась у сэра Гарета старая рана, и он начал истекать кровью. Но в пылу боя и в храбрости своей он и не поглядел на свою рану, а могучим ударом сокрушил рыцаря наземь, сорвал с него шлем и отсек ему голову.
Потом разрубил он ту голову на сотню кусков, а разрубив, подобрал их и вышвырнул все через окно в замковый ров. Но к этому времени он уже совсем ослабел и едва стоял на ногах, и прямо в доспехах упал в смертном обмороке на пол.
И снова закричала громким голосом леди Лионесса, так что услышал ее сэр Грингамур, и когда он спустился туда и нашел сэра Гарета в столь бедственном состоянии, горе его было велико и глубоко. Он привел в чувство сэра Гарета и дал ему выпить питья, которое чудесно восстановило его силы.
Леди же Лионесса столь жестоко сокрушалась, что нет слов сказать, она так плакала и убивалась, что едва не умерла.
А тут явилась к ним туда девица Лионетта, она подобрала за окном и сложила все куски, на какие разрубил сэр Гарет рыцареву голову, натерла их,

как и в прошлый раз, каким-то снадобьем и на глазах у них у всех приставила к телу.

— Ах, девица Лионетта,— промолвил сэр Гарет,— не заслужил я от вас такого зла.

— Сэр рыцарь,— отвечала она,— я не свершила ничего, в чем погодя не признаюсь, а все, что я сделала, окажется к вашей же чести и к чести всех нас тоже.

Потом остановили сэру Гарету кровь, но приглашенные лекари объявили, что ни один смертный человек не излечит его раны до конца, покуда не разрушит тех чар, коими она была нанесена.

А теперь оставляем мы сэра Гарета с сэром Грингамуром и его сестрами и обратимся к королю Артуру, который в то время опять справлял праздник Пятидесятницы. И явился вдруг к нему на празднество Зеленый Рыцарь с пятьюдесятью рыцарями, и все они объявили себя пленниками короля Артура. Вслед за тем явился Красный Рыцарь, его брат, и объявил себя пленником короля Артура вместе с шестьюдесятью рыцарями. Также прибыл туда Синий Рыцарь, его брат, и объявил себя пленником короля Артура. Имя же Зеленого Рыцаря было сэр Пертолип, Красного Рыцаря имя было сэр Перимон, а Синего Рыцаря — сэр Персиант Индийский.

Эти трое братьев поведали королю Артуру, как их всех одолел рыцарь, который ехал с девицей, а она его называла сэр Бомейн.

— Иисусе! — вскричал король.— Хотелось бы мне знать, что же это все-таки за рыцарь и какого он роду-племени. Он провел у меня целый год, но здесь с ним обращались презрительно и плохо. И сэр Кэй в насмешку прозвал его Бомейн-Прекрасные Руки.

Но как раз, когда король стоял и беседовал с этими тремя братьями, вошел сэр Ланселот Озерный и сказал королю, что там прибыл к ним важный барон с пятьюстами рыцарями. А был в это время король в Карлионе, ибо там справлял он в этот год праздник, и барон к нему туда приехал и приветствовал короля со всей учтивостью.

— Что угодно вам? — спросил король Артур.— По какому делу вы к нам прибыли?

— Сэр,— отвечал тот,— меня называют Красный Рыцарь Красного Поля, имя же мое — сэр Иронсид-Железный Бок [10]. И знайте, сэр, сюда к вам я послан рыцарем по имени сэр Бомейн-Прекрасные Руки, ибо он победил меня в честном бою один на один, а это еще ни одному рыцарю кроме него не удавалось за последние двадцать лет. И мне велено сдаться в вашу власть.

— Милости просим,— сказал король.— Ведь вы долгое время были заклятым врагом нашим — моим и всего моего двора, ныне же с божьей помощью я надеюсь склонить вас сделаться моим другом.

— Сэр, и сам я, и эти пять сотен рыцарей всегда к вашим услугам и готовы по вашему зову вам служить всем, что в нашей власти.

— Грамерси,— молвил король Артур.— Я в большом долгу перед тем рыцарем, что подвергал свою жизнь стольким опасностям ради приумножения чести моей и моего двора. Что же до тебя, сэр Иронсид-Железный Бок, именуемый Красным Рыцарем Красного Поля, ты известен как доблестный ры-

царь, и если ты согласен держать свои владения от меня, то будешь у меня в почете и я сделаю тебя рыцарем Круглого Стола, но только ты должен тогда отказаться от своих человекоубийственных обычаев.
— Сэр, что до этого, я уже дал в том обещание сэру Бомейну, ибо этот постыдный обычай я завел для себя по желанию дамы, которую любил. А теперь должно мне обратиться к сэру Ланселоту и сэру Гавейну и испросить у них прощения за то зло, что я против них имел, ибо все, кого я погубил, приняли смерть за сэра Ланселота и сэра Гавейна.
— Вот они здесь,— отвечал король,— перед тобою. Можешь сказать им сейчас все, что пожелаешь.
Тогда опустился он на колени перед сэром Ланселотом и перед сэром Гавейном и молил их простить ему его против них вражду.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ПРОСТИЛ ИХ И СПРАШИВАЛ, ГДЕ СЭР ГАРЕТ

И они оба учтиво отвечали:
— Бог вас простит и мы прощаем. Просим вас только, скажите нам, где найти сэра Бомейна?
— Любезные лорды,— отвечал сэр Иронсид-Железный Бок,— этого я вам сказать не могу, ибо разыскать его очень трудно: ведь такие молодые рыцари, как он, уж если отправятся странствовать, то подолгу на одном месте не задерживаются.
Не передать все похвалы, что говорили о Бомейне Красный Рыцарь Красного Поля и сэр Персиант, и его братья,— дивно было бы это слышать.
Ну, что ж, любезные лорды,— молвил король Артур,— знайте, что все вы будете у меня в чести ради любви моей к сэру Бомейну, а как только сыщу его, тот же час возведу вас всех в один день в рыцари Круглого Стола. Что же до тебя, сэр Персиант Индийский, ты всегда слыл рыцарем весьма благородным, да и трое твоих братьев тоже. Удивляюсь я только,— сказал король,— что ничего не слышу о вашем брате Черном Рыцаре. А ведь и он — благородный рыцарь.
-- Сэр,— отвечал Пертолип, Зеленый Рыцарь,— его убил в поединке сэр Бомейн своим копьем. Звали же его сэр Перард.
— Это великой жалости достойно,— сказал король, а с ним и многие рыцари, ибо эти четверо братьев были хорошо известны при дворе короля Артура как доблестные рыцари, ведь они долгое время вели войну с рыцарями Круглого Стола.
И поведал Пертолип, Зеленый Рыцарь, королю, как при переправе через реку Мортезу встретили сэра Бомейна два брата, всегда охранявшие тот переезд, оба — рыцари искусные и беспощадные. Старшего он поразил прямо в воде, нанесши ему такой удар, что тот упал в реку и захлебнулся. Имя же его было — сэр Герард ле Брюс. А потом на суше он убил второго брата. его же имя было — сэр Арнольд ле Брюс.



КАК НА ЭТОТ ПРАЗДНИК ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ ПРИБЫЛА КОРОЛЕВА ОРКНЕЙСКАЯ, И СЭР ГАВЕЙН И ЕГО БРАТЬЯ ПРОСИЛИ У НЕЕ БЛАГОСЛОВЕНИЯ

После того король и они вышли к обеду, и было там царское угощение. Когда же сидели они за столами, явилась вдруг туда королева Оркнейская и с нею дамы и рыцари в большом числе. Встали тогда сэр Гавейн, сэр Агравейн и сэр Гахерис и, подойдя к своей матери, на коленях ее приветствовали и просили ее благословения, ибо они не видели ее вот уже двенадцать лет.

Но она громким голосом обратилась к брату своему, королю Артуру:

— Куда девали вы моего меньшого сына, сэра Гарета? Он провел тут у вас год, вы же сделали из него кухонного мужика, и это — позор вам всем! Увы! Куда дели вы моего любезного сына, который был мне утешением?

— Ах, милая мать,— сказал сэр Гавейн,— я не признал его.

— И я тоже,— сказал король,— и теперь об том сожалею, но, благодаренье господу, он показал себя славным рыцарем, не хуже любого рыцаря из своих сверстников. И я не успокоюсь теперь, покуда не разыщу его.

— Ах, брат мой,— сказала королева,— стыд и позор вам тут всем, что вы держали моего сына на кухне и кормили его со свиньями!

— Любезная сестра,— отвечал король Артур,— должно вам помнить, что я не признал его, да и сэр Гавейн и его братья тоже. Но раз уже вышло так,— говорил король,— что он нас всех покинул, мы должны изыскать средство, как помочь делу и его найти. Да и вы, сестра, думается мне, должны были предуведомить меня об его приезде, и тогда, прими я его неласково, вы могли бы меня в том укорять. Ведь он явился к нашему двору, опираясь на плечи двух людей, словно не мог ходить. И выговорил у меня три желания, два за собой оставил, одно же испросил тогда же: чтобы я целый год кормил его и поил. А через год испросил и два остальных: чтобы на него было возложено приключение с девицей Лионеттой, и третье — чтобы сэр Ланселот посвятил его в рыцари, когда он того пожелает. Я все три его желания исполнил. А ведь многие здесь при дворе дивились, что за причина ему была испрашивать себе на год пропитание; и многие из нас оттого решили, что он не из благородного дома.

— Сэр,— возразила королева Оркнейская брату своему королю Артуру,— знайте, что я отправила его к вам хорошо вооруженным, в богатых доспехах, на добром коне, в здравии и достойном его наряде, и золота да серебра на расходы было с ним вволю.

— Возможно, что и так,— отвечал король Артур,— но мы ничего этого в глаза не видели, только в день его отъезда рыцари мне говорили, что к нему прибыл неведомо откуда карлик и привез с собой полные доспехи и доброго коня со всем снаряжением и богатой сбруей. И тому мы все дивились и гадали, откуда взялось такое богатство. И вот тогда-то мы и склонились все к мысли, что, уж верно, он высокого рода.

— Брат,— сказала королева,— всему этому, что вы говорите, мы верим, потому что он с самого рождения всегда был чудесно хитер на выдумку, равно как был он предан и верен неизменно своему слову. Но дивлюсь я,— сказала королева,— как мог сэр Кэй над ним потешаться и измываться, и дать ему прозвище Прекрасные Руки? Но при том сэр Кэй,— сказала королева,— прозвал его лучше, чем сам думал, ибо сдается мне, что у него и вправду легкая рука и добрый нрав, как редко у кого на этом свете,— если только он жив.
— Сестра,— молвил король Артур,— пусть не звучат больше такие речи. Мы будем искать его по всем семи царствам и с божьей помощью где-нибудь отыщем. Пусть же все это пройдет и настанет веселие, ибо он выказал себя воистину благородным мужем, и это радует мое сердце.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ПОСЛАЛ К ЛЕДИ ЛИОНЕССЕ И КАК ОНА ПОВЕЛЕЛА УСТРОИТЬ ТУРНИР У СТЕН СВОЕГО ЗАМКА И КАК ТУДА ПРИБЫЛИ МНОГИЕ РЫЦАРИ ❧ Тут сказали сэр Гавейн и его братья королю Артуру:
— Сэр, если вы дадите на то свое соизволение, мы отправимся на поиски нашего брата.
— Нет,— вмешался тут сэр Ланселот,— в том нет нужды.
И так же сказал сэр Бодуин Бретонский.— Наш совет таков, чтобы отправил король людей к леди Лионессе и просил ее явиться ко двору со всею возможной поспешностью. И не сомневайтесь, она явится непременно, и от нее сможете вы получить наилучший совет, где искать сэра Гарета.
— Хорошо сказано,— сказал король.
С тем составлены были учтивые письма, и отправили гонца, чтобы скакал день и ночь, покуда не прибудет в Замок Угроз. А там послали за госпожой, леди Лионессой, которая была в это время у своего брата сэра Грингамура вместе с сэром Гаретом. Она же, узнав, какое у гонца к ней посольство, велела ему скакать назад к королю Артуру, а она прибудет следом со всей поспешностью, возможной для ее достоинства.
Потом явилась она к сэру Грингамуру и сэру Гарету и поведала им, что король Артур послал за нею.
— Это из-за меня,— сказал сэр Гарет.
— Тогда наставьте меня,— сказала леди Лионесса,— что я должна буду говорить и как себя вести.
— Госпожа и любовь моя,— сказал сэр Гарет,— я прошу вас ни под каким видом не выдавать, где я нахожусь. Я знаю, что там моя мать и мои братья, и они все отправятся на поиски, а этого-то я и желаю. Но вот что, госпожа, я хочу, чтобы вы сказали и объявили королю Артуру, когда он будет вас обо мне допрашивать: скажите, что, если будет на то его добрая воля, вы

ко дню Успения Богородицы [11] разошлете глашатаев возвестить, что рыцарю, который выкажет себя изо всех лучшим на турнире, достанется ваша рука и все ваши земли. Если же победителем окажется рыцарь женатый, то он получит золотую диадему, всю усеянную драгоценными камнями в тысячу фунтов ценою, и белого ловчего кречета.

С тем и отправилась леди Лионесса в путь, и говоря коротко, когда прибыла она к королю Артуру, ее приняли с почетом, а потом король Артур и королева Оркнейская стали ее упорно допрашивать, она же отвечала, что где сэр Гарет, того она сказать не может, но вот с какой речью она обратилась с королю Артуру:

— Сэр, с вашего изволения, я повелю созвать рыцарей на турнир, который устрою перед моим замком в день Успения Богородицы, и повелю возгласить, что на том турнире будете вы, господин мой, и ваши рыцари, и мои рыцари выступят против ваших. И уж тогда-то, верно, мы услышим о сэре Гарете.

— Хорошо задумано,— сказал король.

И она уехала, и они с королем сговорились и распорядились о том турнире. Когда же леди Лионесса прибыла на остров Авильон — а это был тот самый остров, на котором жил ее брат Грингамур,— она поведала ему все как было, и как она обещала королю Артуру устроить турнир.

— Увы!— сказал сэр Гарет,— на беду я был так жестоко ранен в этом замке, что не смогу даже выступить на турнире, как достойно рыцарю, ведь я так и не оправился до конца, с тех пор как получил эту рану.

— Не печальтесь, все будет хорошо,— сказала девица Лионетта. — Я берусь за пятнадцать дней вернуть вам ваше прежнее здоровье и веселье. И она стала притирать его притираниями и прикладывать ему целебные снадобья по своему выбору и усмотрению, и он вновь сделался бодр, весел и здоров, как никогда.

Тогда говорит девица Лионетта:

— Посылайте теперь к сэру Персианту Индийскому, чтобы собрался и явился к вам со своими рыцарями, как он обещал. Также пошлите к Ironсиду-Железному Боку, Рыцарю Красного Поля, и велите ему быть у вас со всей своей рыцарской дружиной. И тогда вы сможете выступить против короля Артура и его рыцарей.

Так и было сделано, и послали за рыцарями, чтобы собрались в Замке Угроз. И Красный Рыцарь дал леди Лионессе и сэру Гарету такой ответ:

— Знайте, что я вместе с сэром Персиантом и его братьями был при дворе короля Артура и поступил к нему в подчинение, как вы нам повелели. И я,— сказал сэр Иронсид-Железный Бок,— уже условился, что выступлю вместе с сэром Персиантом Индийским и его братьями против сэра Ланселота и других рыцарей Артурова двора. Я сделал это ради госпожи моей леди Лионессы и ради вас, сэр Гарет.

— Вы поступили правильно,— сказал сэр Гарет,— но знайте, что вам придется очень худо в состязании с доблестнейшими рыцарями мира. И потому нам надобно созвать всех добрых рыцарей, какие только найдутся.

— Это верно,— сказал сэр Персиант.

И пустили клич по всей Англии, Уэльсу, Шотландии, Ирландии и Корнуэл-

лу, а также на всех Внешних Островах, в Бретани и многих еще странах, чтобы в Богородицын день, в следующее Успение, собрались люди к Замку Угроз, что против острова Авильона, и там все рыцари должны будут избрать, что им больше по душе: на стороне ли рыцарей Замка им выступать или же на стороне короля Артура. И сроку осталось до того турнира ровно два месяца день в день.

А в те времена много добрых рыцарей, разъезжавших по свету, враждовало с королем Артуром и рыцарями Круглого Стола, так что многие, собравшись туда, встали на сторону Замка. Из них первым был сэр Эпиногрис, сын короля Нортумберландского, сэр Паломид-Сарацин был вторым, и сэр Сафир с сэром Сегваридом, его братья,— но они уже оба были крещеные,— и сэр Малегрин, и сэр Бриан-Островитянин, благородный рыцарь, и сэр Груммор Грумморсон[12], добрый шотландский витязь, и сэр Карадос из Башни Слез, славный рыцарь, и сэр Тарквин, его брат, и сэр Арнольд с сэром Гаутером, два брата, доблестные корнуэльские рыцари. А еще прибыл туда сэр Тристрам Лионский, и с ним сэр Динас-Сенешаль, и сэр Садук. В те времена сэр Тристрам еще не был рыцарем Круглого Стола, но он и тогда уже был одним из лучших рыцарей мира.

И вот все эти благородные рыцари стали на сторону рыцарей госпожи Замка под начало Красного Рыцаря Красного Поля. Что же до сэра Гарета, то он не пожелал выступить иначе, как самый простой рыцарь.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ОТПРАВИЛСЯ НА ТОТ ТУРНИР СО СВОИМИ РЫЦАРЯМИ, И КАК ЛЕДИ ПРИНИМАЛА ИХ С ЧЕСТЬЮ, И КАК РЫЦАРИ ВСТУПИЛИ В БОЙ

А теперь мы обратимся к королю Артуру. Он привел с собою сэра Гавейна, Агравейна и Гахериса, трех братьев; а также племянников своих: сэра Ивейна-Белорукого и сэра Агловаля, сэра Тора, сэра Персиваля Уэльского и сэра Ламорака Уэльского. Также прибыл туда сэр Ланселот Озерный со своими братьями, племянниками и сородичами как сэр Лионель, сэр Эктор Окраинный, сэр Борс Ганский и сэр Блеоберис Ганский, сэр Бламур Ганский и сэр Галиходин, сэр Галихуд и еще многие из Ланселотова рода; и еще сэр Динадан и его брат по прозвищу Худая Одежка, рыцарь доблестный, и сэр Саграмур Желанный, и сэр Додинас Свирепый, и чуть не все остальные рыцари Круглого Стола.

А еще прибыли с королем Артуром короли: король Ирландии Ангвисанс, и король Шотландии Карадос, и король Уриенс, владыка земли Гоор, и король Багдемагус с сыном своим сэром Мелегантом и сэром Галахальтом, благородным принцем, и все другие принцы и графы и бароны и благородные рыцари, как сэр Брандель, сэр Ивейн Отчаянный, и сэр Кэй, сэр Бедивер, сэр Мелиот Логрский, сэр Петипас из Винчелси, сэр Готелак,— все они

явились с королем Артуром, и еще многие другие, кто здесь не назван. А теперь мы оставим всех этих рыцарей и королей и поведем лучше речь о великих приготовлениях, что велись в замке и вокруг замка; ибо леди Лионесса распорядилась, чтобы все было в изобилии приготовлено для ее благородных рыцарей — и ночлег богатый, и всякий провиант, какой только возможно доставить по суше и по морю, чтобы ни в чем не испытывали недостатка рыцари ее стороны и противной тоже, но могли бы и король Артур со своими рыцарями за серебро и золото купить всего в избытке. А вскоре явились и герольды от короля Артура и возвестили о приближении его и всех его королей, герцогов, графов, баронов и рыцарей.

И тогда сэр Гарет стал просить леди Лионессу, и Красного Рыцаря Красного Поля, и сэра Персианта с братьями, и сэра Грингамура, чтобы ни один из них ни под каким видом не выдавал его имени и не обращался с ним иначе, как с самым последним из собравшихся рыцарей.

— Ибо,— говорил он,— я не хочу быть узнанным ни великими, ни малыми, ни поначалу, ни к концу.

И сказала сэру Гарету леди Лионесса:

— Сэр, я хочу дать вам мое кольцо. Но только заклинаю вас вашей горячей любовью ко мне, возвратите его мне после окончания турнира, ибо это кольцо много прибавляет мне красоты против того, какова она есть сама по себе. Сила же моего кольца вот какая: зеленое оно превращает в красное, а красное подобным же образом превращает в зеленое, синее же оно превращает в белое и белое, наоборот, в синее. Так превращает оно все цвета. И кроме того, носящий это кольцо не потеряет ни капли крови. Даю же я вам это кольцо из великой моей к вам любви.

— Грамерси,— отвечал сэр Гарет,— возлюбленная моя госпожа. Кольцо это мне очень кстати, ибо оно переменит мой вид, и по этой причине никто меня не узнает.

А сэр Грингамур дал сэру Гарету гнедого скакуна, доброго боевого коня. И еще он дал ему крепкие доспехи надежные и благородный меч, в былые времена отвоеванный отцом Грингамура у одного языческого тирана.

Подобным же образом изготовились к турниру все рыцари.

Король Артур прибыл на место за два дня до Успения Богородицы. Он расположился со всей пышностью, и собрались вокруг него там все барды и менестрели, каких только возможно было сыскать. Также прибыла с ним королева его Гвиневера и королева Оркнейская, мать сэра Гарета.

И вот в день Успения, после заутрени и обедни, были высланы герольды с трубами трубить и сзывать на турнирное поле. И выехал вперед сэр Эпиногрис, сын короля Нортумберландского, а его встретил на поле сэр Саграмур Желанный, они сшиблись друг с другом и поломали копья по самую рукоять. Затем из замка выехал сэр Паломид, а против него выехал сэр Гавейн, и так они друг на друга ударили, что оба добрых рыцаря рухнули наземь — и кони, и всадники. И с каждой стороны рыцари бросились их вызволять и поднимать.

Тогда выехали на поле сэр Сафир и сэр Сегварид, братья сэра Паломида; и встретили сэра Сафира сэр Агравейн, а сэра Сегварида сэр Гахерис. И в этом столкновении сэр Сафир сокрушил сэра Агравейна. А сэр Малегрин,

рыцарь Замка, выехал против сэра Ивейна Белорукого, и сэр Ивейн вышиб сэра Малегрина из седла, так что тот едва шею себе не сломал.



КАК РЫЦАРИ ДЕРЖАЛИСЬ В БОЮ ❧ Тогда сэр Бриан-Островитянин и сэр Груммор Грумморсон, рыцари Замка, выехали против сэра Агловаля и сэра Тора и те сокрушили рыцарей Замка.

После того выехал сэр Карадос из Башни Слез и сэр Тарквин, со стороны Замка. И встретились они на поле с сэром Персивалем Уэльским и с сэром Ламораком, его братом, и с такой силой они друг на друга налетели, что у сэра Персиваля с сэром Карадосом обломались копья по рукоять, сэр же Тарквин с сэром Ламораком оба рухнули с конями на землю. И с каждой стороны рыцари их подняли и снова посадили на коней.

А сэр Арнольд с сэром Гаутером, рыцари Замка, выехали и бились против сэра Бранделя и сэра Кэя, и эти четверо рыцарей ударили друг на друга со всей мощью и поломали копья по рукоять.

После того выехали сэр Тристрам, сэр Садук и сэр Динас, рыцари Замка, и встретились на поле сэр Тристрам с сэром Бедивером, и сэр Бедивер был сбит наземь вместе с конем. А сэр Садук встретился с сэром Петипасом, и здесь уже потерпел поражение сэр Садук. А сэра Динаса-Сенешаля сокрушил сэр Ивейн Отчаянный.

Потом выехал на поле сэр Персиант Индийский, рыцарь Замка, а против него выехал сэр Ланселот Озерный, и сокрушил он сэра Персианта, сшиб наземь и всадника, и коня. За ними выехал от Замка сэр Пертолип, и с ним встретился на поле сэр Лионель, и сэр Пертолип, Зеленый Рыцарь, сшиб наземь сэра Лионеля, Ланселотова брата.

И все это отмечали герольды, возглашая, кто отличился и как его имя. Вот выехал на поле сэр Перимон, Красный Рыцарь, брат сэра Персианта, рыцарь Замка. Он встретился с сэром Эктором Окраинным, и они с такой силой ударили друг на друга, что оба рухнули с конями на землю.

А затем выехали Красный Рыцарь Красного Поля и сэр Гарет, от Замка; и встретились они на поле с сэром Борсом Ганским и с сэром Блеоберисом. Красный Рыцарь и сэр Борс так ударили друг на друга, что копья у них поломались и кони под ними рухнули на землю. Сэр же Блеоберис свое копье поломал о сэра Гарета, но и сам от того удара упал на землю.

Это увидел сэр Галиходин и крикнул сэру Гарету, чтобы он помедлил, не уезжал с поля. Но сэр Гарет и его тоже сшиб наземь. Тогда схватился за копье сэр Галихуд, дабы отомстить за своего брата, но и с ним разделался сэр Гарет подобным же образом. И так же разделался он с сэром Динаданом и с его братом по прозвищу Худая Одежка, и с сэром Саграмуром Желанным, и с сэром Додинасом Свирепым — всех этих рыцарей сбил он наземь одним копьем.

Когда увидел король Ирландский Ангвисанс подвиги сэра Гарета, поди-

вился он, кто таков этот рыцарь, ибо он то казался зеленым, то вдруг при следующем выходе представлялся синим. И так при всяком новом круге, который он описывал на коне, менялись на нем цвета — белый на красный и на черный, так что ни рыцарь, ни король не могли его сразу признать[13]. Вот и король Ирландии Ангвисанс выехал против сэра Гарета, и сэр Гарет и его сшиб с коня наземь, самого всадника прямо с седлом. После того выехал против сэра Гарета король Шотландии Карадос, но сэр Гарет и его сокрушил. И подобным же образом разделался он с королем Гоора Уриенсом. Потом выехал сэр Багдемагус — сэр Гарет и его сокрушил, сшиб на землю и всадника, и коня. И сын короля Багдемагуса сэр Мелегант поломал о сэра Гарета копье, по-рыцарски со всей силой на него устремясь.

Тут вскричал громким голосом сэр Галахальт, благородный принц:

— Эй, рыцарь разных цветов! Отлично ты бьешься! Готовься же опять, чтобы мог с тобой сразиться и я!

Услышал его сэр Гарет, взял копье побольше, и съехались они на поле, и у принца копье сломалось на куски. Сэр же Гарет нанес ему снизу по набороднику шлема такой удар, что тот закачался из стороны в сторону и рухнул бы на землю, не подхвати его под руки его люди.

— Клянусь богом,— молвил тут король Артур,— этот рыцарь разных цветов — добрый боец.

С тем призвал к себе король сэра Ланселота и попросил его выступить против того рыцаря.

— Сэр,— отвечал сэр Ланселот,— я склоняюсь сердцем отложить с ним бой до другого раза и не выходить против него сегодня, ибо он уже свершил сегодня довольно ратных подвигов. Когда же какой-нибудь рыцарь столь доблестно отличится за один день, настоящему рыцарю не пристало отымать у него честь победы, особливо когда тот уже так много потрудился. Ведь, может быть,— сказал сэр Ланселот,— здесь находится его враг и обидчик, а может быть, он влюблен в какую-нибудь даму из тех, что находятся здесь,— но я вижу, что он прилагает все старанья и усилия, чтобы свершать великие подвиги. А потому,— сказал сэр Ланселот,— что до меня, то первенство сегодня достанется ему, даже если бы я мог его отнять у него, я этого не сделаю.



ЕЩЕ О ТОМ ЖЕ ТУРНИРЕ ❧ На том кончились поединки, и тогда обнажили рыцари мечи, и началось жестокое турнирное сраженье. В том сражении чудесные подвиги свершил сэр Ламорак — между ним и сэром Иронсидом, Красным Рыцарем Красного Поля, завязался яростный бой. Также и между сэром Паломидом и сэром Блеоберисом бой разгорелся нешуточный. И встретились в том сражении сэр Гавейн с сэром Тристрамом, и верх одержал сэр Тристрам, он стащил сэра Гавейна с коня, и тот долго оставался пеш и весь в грязи.

Потом выехал сэр Ланселот и ударил на сэра Тарквина, а тот на него. Тут явился сэр Карадос, его

брат, и они вдвоем напали на сэра Ланселота, но он как доблестнейший рыцарь мира бился славно с ними обоими и им приходилось жарко, а все вокруг дивились доблести сэра Ланселота.

В это время выехал сэр Гарет, он догадался, что тот, кто сражается с двоими,— это сэр Ланселот, и поспешил их разнять; однако сам ни единого удара не нанес сэру Ланселоту. И сэр Ланселот это про себя заметил, и подумалось ему, что это, должно быть, и есть добрый рыцарь сэр Гарет. А сэр Гарет скакал по турнирному полю туда и сюда, разя направо и налево, так что всем видно было, куда пролегал его путь. И случилось ему съехаться с братом, сэром Гавейном, и он одержал над ним верх, ибо сбил с него шлем. Подобным же образом разделался он и еще с пятью или шестью рыцарями Круглого Стола, так что все о нем заговорили, что он сражается, не жалея сил и всех доблестнее исполняет свой долг.

Сэр же Тристрам, видя, как он выступал сначала в поединках и как теперь бьется столь доблестно на мечах, подскакал к сэру Ironсиду-Железному Боку и к сэру Персианту Индийскому и стал выспрашивать у них клятвенно, кто таков этот рыцарь, представляющийся взгляду разноцветным.

— Воистину мне сдается,— говорил сэр Тристрам,— что он не щадит в бою сил, ведь он не дает себе ни минуты роздыха.

— А разве вы не знаете, кто он таков? — спросил Ироncид-Железный Бок.

— Нет,— отвечал сэр Тристрам.

— Тогда узнайте, что это тот самый рыцарь, который любит госпожу Замка, а она его. И это тот самый рыцарь, который победил меня, когда я осаждал эту даму в стенах здешнего замка. И он же победил сэра Персианта и трех его братьев.

— Как же его имя? — спросил сэр Тристрам.— И какого он роду?

— Сэр, при дворе короля Артура его называли Бомейн-Прекрасные Руки, настоящее же его имя — сэр Гарет, брат сэру Гавейну.

— Клянусь головой,— сказал сэр Тристрам,— он добрый рыцарь и могучий воин. Если он сейчас молод, он еще выкажет себя в будущем благороднейшим рыцарем.

— Сэр,— отвечали они,— он еще почти отрок, а посвящение в рыцари получил от сэра Ланселота.

— Это к вящей его чести,— сказал сэр Тристрам.

И поскакали сэр Тристрам, сэр Иронсид-Железный Бок и сэр Персиант с братьями на подмогу сэру Гарету. И сыпались там жестокие удары без счета. А сэр Гарет тем временем отъехал в сторону поправить на себе шлем. Тут говорит ему его карлик:

— Дайте-ка мне ваше кольцо, не то еще потеряете его, когда нагнетесь напиться.

Когда же он напился, то надел снова шлем, вскочил в нетерпении на коня и поскакал на турнирное поле, а кольцо так и забыл у карлика, а карлик и рад был оставить кольцо у себя, потому что тогда, знал он, будет узнан на поле сэр Гарет.

Вот выехал на поле сэр Гарет, и все увидели ясно, что его цвет — желтый. И снова срывал он шлемы и повергал рыцарей наземь, так что опять подивился король Артур: кто, мол, таков этот рыцарь?

По коню король видел, что это — тот же самый рыцарь[14], что прежде выступал в разноцветном облачении, теперь же у него цвет один — желтый.



КАК СЭР ГАРЕТ БЫЛ ПРИЗНАН ГЕРОЛЬДАМИ И КАК ОН ПОКИНУЛ ПОЛЕ

— Поезжайте,— молвил король Артур своим герольдам,— держитесь к нему поближе и глядите лучше: может быть вам удастся разведать, кто он таков. Ибо я сегодня расспрашивал о нем многих рыцарей с его стороны, и все они говорят, что не знают его.

Вот под конец один герольд подъехал к нему совсем близко и сумел прочесть у него на шлеме надпись золотом: «Это шлем сэра Гарета Оркнейского». И тогда вскричал тот герольд, как безумный, и с ним — еще многие другие герольды: «Этот рыцарь в желтых доспехах — сэр Гарет Оркнейский!» Тогда все рыцари и короли с Артуровой стороны услышали это и обратили на него взгляды. Они теснились к нему и указывали на него, а герольды все повторяли свой клич:

— Это сэр Гарет, сын короля Лота Оркнейского!

Увидал сэр Гарет, что тайна его раскрывается, и удвоил силу своих ударов, и сокрушил сэра Саграмура и брата своего сэра Гавейна.

— О, брат мой,— молвил Гавейн,— не думал я, что вы меня поразите.

Услыхав эти слова, он заметался по полю, с великим трудом пробился сквозь толпу и в отдалении съехался со своим карликом.

– Ну, парень! — сказал Гарет. — Перехитрил ты меня сегодня вероломно с этим кольцом. Давай его скорее назад, чтобы я мог скрыться от взглядов. И он взял у него кольцо, и снова никто не мог сказать, куда он делся. Только сэр Гавейн успел заметить, куда он направился, и поскакал за сэром Гаретом во весь опор. Завидел сэр Гарет погоню и быстро свернул в лес, и что ни пробовал сэр Гавейн, никак он не мог узнать, куда тот скрылся. Когда же убедился сэр Гарет, что сэр Гавейн проехал, стал он спрашивать у карлика совета.

— Сэр,— отвечал карлик,— сдается мне, что теперь, когда вы укрылись от погони, должно вам отослать моей госпоже леди Лионессе ее кольцо.

— Добрый совет! — молвил сэр Гарет.— Бери вот кольцо и доставь его ей и скажи, что я поручаю себя ее милости, да передай, что я возвращусь, как только смогу, и молю ее сохранить мне верность и любовь, как я сохраню любовь и верность ей.

— Сэр,— отвечал карлик,— все это будет исполнено, как вы наказали. С тем поскакал он прочь и выполнил порученье. А дама спрашивает:

— Где же мой рыцарь сэр Гарет?

— Госпожа, он велел мне сказать вам, что пробудет вдали от вас недолго. И с тем снова вернулся карлик поспешно к сэру Гарету, который мечтал в это время о хорошем ночлеге, ибо он нуждался в отдыхе.

А тут еще разразилась гроза, хлынул дождь и гром грохотал, словно небо

вот-вот рухнет на землю. Сэр же Гарет был утомлен, ибо за весь тот день не дал ни минуты роздыха ни себе, ни коню. Но пришлось ему еще долго ехать по лесу, покуда не опустилась ночь, а кругом сверкало и гремело, так что дивно было смотреть.

Но вот, на счастье, выехал он к какому-то замку и услышал, как стражники перекликаются на стенах.



КАК СЭР ГАРЕТ ПРИЕХАЛ К ЗАМКУ И БЫЛ ТАМ ХОРОШО ПРИНЯТ И КАК ОН БИЛСЯ С НЕКИМ РЫЦАРЕМ И УБИЛ ЕГО

❧ Сэр Гарет подъехал к предворотной башне замка и стал учтиво просить привратника, чтобы впустил его в замок.

Но привратник отвечал ему грубо:

— Проезжай! Здесь ты не получишь ночлега.

— Любезный сэр, не говорите так, ведь я рыцарь короля Артура и именем Артура прошу господина и госпожу этого замка дать мне приют.

Тогда привратник отправился к герцогине и рассказал ей, что там у ворот просит ночлега рыцарь короля Артура.

— Впустить его,— приказала герцогиня,— ибо я желаю его увидеть. Ради короля нашего Артура он не останется ночью без крова.

И она с зажженными факелами отправилась в надвратную башню. Когда сэр Гарет увидел столько света, он громко вскричал:

— Будь ты рыцарь или дама, великан или могучий боец, мне все равно, лишь бы только мне дали здесь ночлег. Если же мне предстоит сразиться, завтра, когда я отдохну, мне не будет нужды в снисхождении, но не сегодня, когда оба мы, и я, и конь мой, без сил.

— Сэр рыцарь,— отвечала дама,— ваши речи рыцарственны и смелы. Но знайте: владелец этого замка не любит короля Артура и рыцарей его двора, ибо мой супруг и господин всегда был с его противниками. А потому лучше бы вам не входить в этот замок, ибо если вы войдете сюда нынче ночью, то лишь под таким условием: где бы вы потом ни повстречали господина моего супруга, в поле ли, или на дороге, вы обязаны будете сдаться ему в плен.

— Госпожа,— сказал сэр Гарет,— кто же таков господин ваш супруг и как его имя?

— Сэр,— имя моего супруга — герцог де ла Рус [15].

— Ну, что ж,— сказал сэр Гарет,— я даю вам обещание, где ни встречу я вашего супруга, я сдамся ему в плен и подчинение, если, конечно, он не причинит мне оскорбления и позора. Если же окажется, что он меня оскорбит, тогда я верну себе свободу, как смогу, копьем и мечом.

— Хорошо,— отвечала герцогиня.

Она повелела опустить разводной мост, и сэр Гарет верхом въехал в замковую залу, а там спешился и дал увести коня в конюшню. А сам совлек с себя оружие и доспехи и сказал:

— Госпожа, нынче ночью я не выйду из этой залы. А завтра, когда настанет день, посмотрим, не пожелает ли кто со мной сразиться. Меня тот найдет готовым к бою.

После того сел он за ужин, и его потчевали многими прекрасными блюдами. Сэр же Гарет был сильно голоден, и он принялся за еду жадно и нетерпеливо, как настоящий боец. А вкруг него расположились прекрасные дамы, и они говорили, что не случалось им видеть, чтобы рыцарь был так хорош собой и чтобы так по-богатырски ел. И они веселили его и развлекали, как только могли. А вскоре была постлана ему прямо там в зале постель, и он устроился на отдых и спал всю ночь. Вставши, выслушал он обедню, утолил голод и распрощался с герцогиней и ее дамами, поблагодарив их всех сердечно за ночлег и радушный прием. А она спросила, как его зовут.

— Госпожа,— он ответил,— мое имя сэр Гарет Оркнейский, но иные зовут меня Бомейн-Прекрасные Руки.

И тогда она поняла, что это тот рыцарь, который сражался за Лионессу. А сэр Гарет поскакал своей дорогой и въехал на высокую гору, а там повстречался ему рыцарь по имени Бенделейн. Говорит он сэру Гарету:

— Нет тебе здесь проезда, покуда ты не сразишься со мной или не сдашься мне в плен.

— Давай сразимся,— отвечал сэр Гарет.

И они пустили друг на друга коней, и сэр Гарет пробил ему грудь навылет, так что сэр Бенделейн, не сбавляя шагу, поскакал в свой замок, что стоял там поблизости, и, приехав туда, там и умер.

Меж тем настало время сэру Гарету отдохнуть. Он ехал и мечтал о какомнибудь пристанище и вдруг выехал прямо к замку сэра Бенделейна. Бенделейновы рыцари и слуги узнали в нем того, кто убил их господина. Они вооружили двадцать бойцов, выехали из ворот замка и напали на сэра Гарета. А у него и копья не было, а только меч, и вот он выставил впереди себя щит, и они поломали об него десять копий. Еще того яростнее стали они на него наседать, но сэр Гарет оборонялся как настоящий рыцарь.



КАК СЭР ГАРЕТ СРАЖАЛСЯ С РЫЦАРЕМ, КОТОРЫЙ ДЕРЖАЛ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ТРИДЦАТЬ ДАМ, И КАК ОН ЕГО УБИЛ

Тогда, увидев, что им его не одолеть, отъехали они в сторону и сговорились убить под ним коня. С тем снова они на него набросились и копьями убили под ним коня, а тогда с новым пылом стали нападать на сэра Гарета. Но когда сэр Гарет бился пеш, то кого он доставал своим мечом, из тех уже ни один не подымался снова. Так он перебил их одного за другим, покуда не осталось их всего четверо. И тогда обратились они в бегство. А сэр Гарет выбрал себе доброго коня, из тех, что остались от них, и поскакал дальше своей дорогой. Долго он ехал, пока не приехал к замку, а из-за стен

там слышны были плач и стенания благородных дам. Он спросил пробегавшего мимо пажа:

— Что это за шум раздается из замка?

— Сэр рыцарь,— отвечал паж,— в этом замке находятся тридцать благородных дам, все они вдовицы. Ибо под стенами этого замка день и ночь караулит один рыцарь, которого называют Коричневый Рыцарь, а также Рыцарь без Жалости и Милосердия. А потому,— сказал паж,— мой совет вам: бегите отсюда.

— Ну, нет,— сказал сэр Гарет,— я-то не убегу, хоть ты его и боишься.

В это время паж вдруг заметил, что вдали показался Коричневый Рыцарь, и сказал сэру Гарету:

— Вон он, глядите, едет сюда!

— Сейчас я им займусь,— сказал сэр Гарет.

Между тем и тот его заметил, и они пустили навстречу друг другу коней. Вот сшиблись они на скаку. У Коричневого Рыцаря сломалось копье, сэр же Гарет пронзил ему грудь насквозь, тот запрокинулся и рухнул наземь бездыханный.

А сэр Гарет въехал в замок и стал просить у дам изволения стать у них на отдых.

— Увы! — отвечали они,— вам нельзя остановиться здесь.

— Нет, можно,— сказал тут паж.— Примите его радушно, ибо он убил вашего злодея.

Тогда они все возрадовались и принимали его как только могли хорошо. И знайте, что прием ему был оказан богатый, ибо хоть они были и бедны и обездолены, иначе они его встретить не могли. Утром же он вышел на молитву и увидел там всех тридцать женщин, коленопреклоненных или ничком лежащих над тридцатью надгробиями, в великом плаче и горе.

И понял сэр Гарет, что под теми надгробными камнями покоятся их супруги.

— Любезные дамы,— сказал сэр Гарет,— вам должно в будущий великий праздник явиться ко двору короля Артура и объявить, что это я, сэр Гарет, послал вас туда.

— Сэр, мы все исполним по вашему велению,— отвечали дамы.

А он поехал дальше, и по воле случая очутился под горой, где его встретил рыцарь, прекрасный видом, и так ему сказал:

— Стой, сэр рыцарь! Сразись со мною!

— А кто вы такой? — спросил сэр Гарет.

— Мое имя,— тот отвечал,— герцог де ла Рус.

— А, сэр, вы — тот самый рыцарь, в замке которого я недавно ночевал, и там я дал слово вашей супруге сдаться вам в плен.

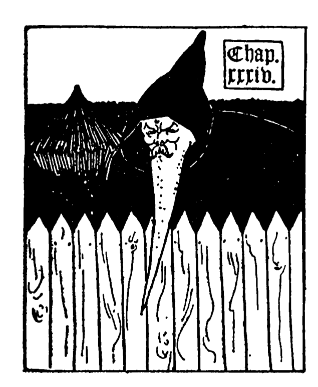
— А-а! — сказал герцог.— Ты и есть тот гордый рыцарь, который собирался драться с моими рыцарями? В таком случае, готовься, ибо я буду биться с тобою в поединке.

Вот пустили они навстречу друг другу коней, и сэр Гарет вышиб герцога из седла, но герцог проворно высвободил ноги из стремян, выставил перед собой щит, обнажил меч и призвал сэра Гарета спешиться и рубиться с ним на мечах. Так он и сделал, и более часа длился их яростный поединок, и

они нанесли один другому немало жестоких ран. Но под конец поверг сэр Гарет герцога наземь и готов был его зарубить, и тогда герцог признал себя побежденным и сдался ему в плен.

— Тогда поезжайте к господину моему, королю Артуру,— сказал ему сэр Гарет,— в будущий праздник и скажите ему, что это я, сэр Гарет, вас к нему послал.

— Так мы и сделаем,— отвечал герцог,— и я с сотней рыцарей поступлю к вам в подчинение и дам присягу служить вам верно всю жизнь и быть всегда к вашим услугам.



КАК СЭР ГАВЕЙН И СЭР ГАРЕТ БИЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ И КАК ОНИ УЗНАЛИ ОДИН ДРУГОГО БЛАГОДАРЯ ДЕВИЦЕ ЛИОНЕТТЕ

❧ С тем уехал герцог, а сэр Гарет остался стоять один. Стоит он там и вдруг видит: скачет к нему рыцарь в полном вооружении. Сэр Гарет без промедления тоже вскочил на коня, и, не тратя слов, сшиблись они, точно гром грянул. И тот рыцарь поранил сэра Гарета в бок копьем. Тогда они оба спешились, обнажили мечи и стали наносить один другому могучие удары, так что кровь бежала на землю. И так рубились они два часа.

Тут вдруг явилась туда девица Лионетта, которую иные люди называли демуазель Саваж. Она прискакала на белом муле-иноходце, громким голосом крича:

— Сэр Гавейн! Остановись! Не рубись со своим братом сэром Гаретом!

И когда он услышал это, то отбросил щит и меч, подбежал к сэру Гарету и заключил его в объятья, а потом стал пред ним на колени и просил у него милосердия.

— Кто же ты,— удивился сэр Гарет,— что сейчас только бился с такой силой и отвагой, и вдруг взываешь к моему милосердию?

— Ах, сэр Гарет, я ваш брат, сэр Гавейн, принявший из-за вас столько бранных трудов и мучений.

Тут и сэр Гарет снял с себя шлем, опустился перед ним на колени и тоже просил у него милосердия. Потом встали они оба, обнялись друг с другом и долго плакали, прежде чем смогли сказать хоть слово. А тогда они стали уступать один другому честь победы, и было сказано между ними много добрых слов.

— Увы! любезный брат мой,— сказал сэр Гавейн,— я должен бы по справедливости почитать вас над собой главным, не будь вы моим братом, ибо вы прославили короля Артура и весь его двор, прислав за этот год больше пленных рыцарей, нежели любой из пяти лучших рыцарей Круглого Стола, кроме сэра Ланселота.

Тут подъехала к ним та самая девица Лионетта, что сопровождала сэра Гарета во всем пути. И она остановила кровь, бежавшую из ран у сэра Гарета и сэра Гавейна.

— А теперь что намерены вы делать? — спросила она.— Думается мне, хорошо бы, чтобы король Артур узнал про вас, ведь у обоих у вас кони так побиты, что дальше нести вас не могут.

— Да, любезная девица,— сказал сэр Гавейн,— прошу вас, поезжайте к господину моему и дяде королю Артуру и поведайте ему о том приключении, что у нас здесь было. И думается мне, он не замедлит приехать.

Она погнала своего мула и скоро прискакала к королю Артуру, который находился оттуда всего в двух милях. И когда она передала ему это известие, король воскликнул: «Подать мне коня!» — сел в седло и сказал своим лордам и дамам, чтобы следовали за ним, если хотят. Тут стали седлать и взнуздывать лошадей всем королевам и принцессам, и благо было тому, кто всех раньше собрался.

Король же, прискакав на место, увидел, что сэр Гавейн и сэр Гарет сидят вдвоем на склоне пригорка. Выпростал король ноги из стремян, спешился, приблизился к сэру Гарету, хотел заговорить, но не мог, а покачнулся и упал, на радостях лишившись чувств.

Тут бросились они к своему дяде, заклиная милостивого короля утешиться и возрадоваться. И можете не сомневаться, радости короля не было границ! Он осыпал сэра Гарета горестными жалобами, и плакал все время, словно малое дитя.

А тут приехала и мать его, королева Оркнейская, леди Моргауза, она взглянула прямо в лицо сэру Гарету, и не смогла даже заплакать, но упала внезапно без чувств и долго лежала неподвижно, как мертвая. Но сэр Гарет над ней склонился и ее утешал, так что она пришла в себя и радовалась ему ото всей души.

Король приказал, чтобы все рыцари, какие были у него в подчинении, прямо там стали лагерем и устроились на ночлег, ради его двух любезных племянников. Так и было сделано, и доставили туда все, что только можно было пожелать, так что ни в дичине, ни в баранине — не было недостатку ни в чем, что покупалось на золото и серебро.

Вскоре заботами девицы Саваж были залечены раны у сэра Гавейна и сэра Гарета, и так провели они оба там восемь дней. И сказал король Артур девице Саваж:

— Удивляюсь я, что ваша сестра, леди Лионесса, не едет сюда ко мне, особливо же,— что не навещает она своего рыцаря и моего племянника, сэра Гарета, который столько принял трудов ради ее любви.

— Мой господин,— отвечала девица Лионетта,— вы должны по милости вашей ее извинить, ибо она не знает, что мой господин сэр Гарет находится здесь.

— Тогда поезжайте за нею,— сказал король Артур,— дабы можно было все устроить к удовольствию моего племянника.

— Сэр,— сказала девица,— это будет исполнено.

И она поехала к своей сестре, и та со всей возможной поспешностью собралась в путь и наутро явилась туда со своим братом сэром Грингамуром и его сорока рыцарями.



КАК СЭР ГАРЕТ ОБЪЯВИЛ ОБ ИХ ЛЮБВИ КОРОЛЮ АРТУРУ И КАК БЫЛ НАЗНАЧЕН ДЕНЬ СВАДЬБЫ ❧ Когда она прибыла, ей был оказан весьма радушный прием и самим королем, и всеми другими рыцарями, и королевами тоже. И ее признали прекраснейшей и несравненнейшей изо всех дам. Когда же встретились они с сэром Гаретом, то обменялись ласковыми взорами без счета и ласковыми речами, так что всем честным людям радостно было на них смотреть.

Потом вошли к ним король Артур и с ним многие другие короли, и леди Гвиневера и королева Моргауза, мать сэра Гарета; и король спросил своего племянника, желает ли он сделать эту даму своей возлюбленной или же взять ее себе в жены.

— Мой господин, знайте, что я люблю ее больше всех женщин на свете.

— А вы, любезная дама,— спросил король Артур,— что скажете?

— Благороднейший король,— отвечала леди Лионесса,— да будет вам ведомо, что для меня нет желаннее супруга, чем господин мой сэр Гарет, и я возьму его в мужья охотнее, нежели любого короля или принца в христианской земле. Если же не он, то, клянусь вам, никто не будет мне мужем. Ибо знайте, господин мой Артур,— сказала леди Лионесса,— он — моя первая любовь и он же будет моей последней любовью. И если вы дадите ему волю и свободный выбор, то, полагаю, он выберет меня.

— Это правда,— сказал сэр Гарет,— если я не получу в жены вас, то, клянусь, ни одна женщина, ни одна благородная дама не добьется моего расположения.

— Как, племянник? — вскричал король.— Значит, вот какой оборот принимает дело? Уж если на то пошло, знайте, что я скорее короны моей лишусь, чем стану понуждать вас пойти на попятный, раз вы уже отдали этой даме ваше сердце, а она вам — свое. И да будет вам ведомо, что как бы ни сильна была ваша любовь, я предпочту, чтобы она не ослабевала, а еще того более возросла. И моя любовь тоже будет с вами, а также и мое покровительство во всем, что только окажется в моей власти.

И подобные же речи говорила и мать сэра Гарета.

Тут же были назначены день и место свадьбы. По совету короля решено было, что она произойдет в будущий Михайлов день [16] в Кинкенадоне, что на берегу моря, ибо там край обильный и богатый.

И повелели о том возгласить во все концы королевства. Сэр же Гарет послал ко всем тем дамам и рыцарям, которых он победил и взял в плен за этот год, чтобы явились они в назначенный день к нему на свадьбу в Кинкенадон, что на морском берегу.

После того леди Лионесса и девица Лионетта собрались с сэром Грингамуром обратно к себе в замок, и она подарила сэру Гарету кольцо, прекрасное и драгоценное, а он ей — другое. И король Артур одарил ее богатым золотым браслетом. И с тем она уехала.

А король Артур со своей дружиной отправился в Кинкенадон, Гарет же сопроводил в замок свою даму, а потом присоединился к королю и

поехал вместе со всеми. Боже! как радовался сэру Гарету сэр Ланселот, а сэр Гарет — ему! Ибо ни одного рыцаря так не любил сэр Гарет, как сэра Ланселота, и он постоянно стремился быть вместе с сэром Ланселотом.

Ибо впоследствии, познакомившись с нравом сэра Гавейна, сэр Гарет от него отдалился, хоть он и был его братом. Он увидел, что сэр Гавейн мстителен, и кого он ненавидит, тому отомстит убийством, а это сэр Гарет ненавидел.



О ПЫШНОМ ТОРЖЕСТВЕ И О ТОМ, КТО КАКИЕ ДОЛЖНОСТИ НА НЕМ ИСПРАВЛЯЛ, И О ПОЕДИНКАХ НА ПРАЗДНЕСТВЕ ❧ Между тем Михайлов день быстро приближался. И вот прибыли леди Лионесса, владелица Замка Угроз, и сестра ее девица Лионетта, и с ними брат их сэр Грингамур, ибо он был опекуном этих двух дам. И по распоряжению короля Артура их устроили и расположили достойно.

И вот в Михайлов день епископ Кентерберийский с превеликой торжественностью сочетал браком сэра Гарета и леди Лионессу. А сэр Гахерис [17], по воле короля Артура, сочетался браком с демуазель Саваж, которая и была девица Лионетта. А еще король Артур женил сэра Агравейна на племяннице леди Лионессы, прекрасной даме по имени Лаурелла [18].

Когда же покончено было с торжественной церемонией, прибыл туда Зеленый Рыцарь сэр Пертолип с тридцатью рыцарями; и он поклонился сэру Гарету и принес ему вместе со своими рыцарями присягу в верности и подчинении в знак того, что отныне он держит свои владения от него. И еще сказал сэр Пертолип так:

— Прошу вас, дозвольте мне сегодня на свадьбе быть вашим постельничим.

— С охотою,— отвечал сэр Гарет,— если вам по нраву столь простая должность.

За ним приехал Красный Рыцарь с шестьюдесятью рыцарями, и вместе с ними принес он сэру Гарету присягу в верности и подчинении в знак того, что отныне навсегда держит свои владения от него. И потом сэр Перимон испросил себе позволения быть у сэра Гарета на свадьбе главным дворецким.

— Я с охотою даю на то соизволение,— отвечал сэр Гарет,— чтобы вы исправляли эту должность, если вам так больше нравится.

После того прибыл сэр Персиант Индийский с сотней рыцарей и принес со всеми своими рыцарями присягу сэру Гарету, что будут они верно ему служить и свои земли держать от него.

А потом он стал просить сэра Гарета, чтобы сделал он его на том празднестве своим стольником.

— Я с охотою отдам вам эту должность,— отвечал сэр Гарет,— если вам так угодно.

Потом прибыл герцог де ла Рус, и с ним сотня рыцарей, и там он принес сэру Гарету присягу в верности и подчинении и объявил, что отныне будет держать свои земли от него. И еще он просил у сэра Гарета, чтобы быть ему в тот день на свадебном пиру его виночерпием.

— С охотою,— отвечал сэр Гарет,— если вам угодно.

Вслед за тем прибыл Красный Рыцарь Красного Поля по имени сэр Ironсид-Железный Бок и привел с собой три сотни рыцарей, и вместе с ними принес присягу в подчинении и верности, что всегда теперь будут держать свои владения от него.

И он просил у сэра Гарета дозволения быть ему кравчим и разрезать для него за столом мясо.

— Я согласен,— отвечал сэр Гарет,— если вам того хочется.

А после того прибыли к Артурову двору тридцать дам, все тридцать — вдовицы. А с ними приехали и еще многие прекрасные дамы. И они, все вдруг, опустились на колена перед королем Артуром и перед сэром Гаретом, и поведали королю Артуру, как сэр Гарет вызволил их из Башни Слез и убил Коричневого Рыцаря, прозванного Рыцарем без Жалости и Милосердия.

— И потому все мы, и наши наследники тоже, отныне будем почитать над собою сэра Гарета Оркнейского.

Тут все короли, королевы, принцы, графы, бароны и доблестные рыцари уселись пировать, и можете не сомневаться, там было всевозможных яств полное изобилие, и всевозможное веселие, и забавы, и песни менестрелей, все, какие только пелись в те времена.

И три дня велись турнирные поединки, но только сэру Гарету король Артур ради его молодой жены не позволил сражаться, ибо, как рассказывается во французской книге, леди Лионесса испросила у короля запрещения всем новобрачным участвовать в этом турнире.

Так что в первый день отличился в поединках сэр Ламорак Уэльский — он поверг наземь тридцать рыцарей и являл чудеса бранной доблести. И в тот день король Артур произвел сэра Персианта и его братьев в рыцари Круглого Стола до конца их жизни и пожаловал им богатые земли.

На второй день всех лучше сражался сэр Тристрам,— он поверг наземь сорок рыцарей и являл удивительные чудеса бранной доблести. А король Артур в тот день произвел сэра Иронсида, который был Красным Рыцарем Красного Поля, в рыцари Круглого Стола до конца его жизни и пожаловал ему богатые земли.

А на третий день выступал в поединках сэр Ланселот, и он поверг пятьдесят рыцарей и свершил множество столь славных подвигов, что все кругом диву давались. И в тот день король Артур произвел в рыцари Круглого Стола до конца жизни герцога де ла Руса и пожаловал богатые земли ему во владение.

Но когда турнир был окончен, сэр Ламорак и сэр Тристрам вдруг покинули двор и скрылись неведомо куда, о чем король Артур и все при его дворе горько сокрушались.

Сорок дней продолжались там придворные празднества и великие торжества.

Так стал сэр Гарет Оркнейский прославленным благородным рыцарем и женился на леди Лионессе, владелице Замка Угроз. А сэр Гахерис женился на ее сестре леди Лионетте, которую звали также демуазель Саваж. И сэр Агравейн женился на леди Лаурелле, прекрасной даме и владелице многих богатых земель. И были им приданы великие богатства, чтобы до конца дней своих они могли жить в королевском достатке.

А я прошу всех тех, что прочтет эту повесть, помолиться за написавшего ее, дабы послал ему господь поспешное и скорое освобождение [19]. Аминь.

Здесь кончается повесть о сэре Гарете Оркнейском.

КНИГА О СЭРЕ ТРИСТРАМЕ ЛИОНСКОМ





VIII

КАК БЫЛ РОЖДЕН СЭР ТРИСТРАМ ЛИОНСКИЙ И КАК ЕГО МАТЬ УМЕРЛА В РОДАХ, ОТЧЕГО И НАЗВАЛА ЕГО ТРИСТРАМ ❧

Chapter i.

ЖИЛ НА СВЕТЕ рыцарь по имени Мелиодас, владыка страны Лион[1] И был этот Мелиодас один из славнейших рыцарей, какие только жили в то время. И посчастливилось ему сочетаться браком с сестрой короля Марка Корнуэльского Елизаветой[2], которая славилась и добрым нравом и красотой. А в те времена царствовал король Артур, он был единый король Англии, Уэльса, Шотландии и многих еще земель. Было, правда, и много других королей, которые правили отдельными владениями, но все они держали свои королевства от короля Артура: так, в Уэльсе было два короля, и на Севере много королей, и в Корнуэлле и на Западе — тоже два короля, также и в Ирландии — два или три короля, и все были в подчинении у короля Артура, а также и король Франции, и король Малой Британии, и все владетели до самого Рима.

Вот зажил тот король Мелиодас со своей женою, и в скором времени сделалась она тяжела ребенком. А она была дама кроткая и горячо любила своего господина и супруга, и он ее тоже, и велика была радость промежду них.

Но в том краю жила одна дама, которая издавна любила короля Мелиодаса, но никакими средствами не могла добиться его любви. И тогда устроила она так, чтобы в один прекрасный день, когда выехал король Мелиодас на охоту,— ибо он был страстный любитель гоняться за красным зверем,— погнался он в одиночку за оленем, она заманила его так с помощью колдовства в старый замок, и там сделался он пленником дамы, которая его любила.

Когда королева Елизавета, Мелиодасова жена, хватилась своего супруга и господина, она едва не лишилась рассудка и, хоть и была тяжела ребенком, тут же вдруг, взяв с собой одну даму-камеристку, побежала в лес разыскивать своего супруга. Когда углубилась они далеко в лес, то дальше она идти оказалась не в силах, ибо тут же начались у нее родовые муки, и много у нее было жестоких схваток, и только лишь сопровождавшая ее дама оказывала ей помощь, какую могла.

И так, по чудесной милости Небесной Владычицы нашей, разрешилась она с великими мучениями от бремени, но по недостатку вспоможения она так сильно простудилась, что охватило ее всепронизывающее веяние смерти и предстояло ей умереть и покинуть сей свет, и ничего уж тут нельзя было поделать.

Когда увидела королева Елизавета, что нет ей спасения, горько стала она сетовать и так сказала своей даме-камеристке:

— Когда свидитесь вы с моим супругом королем Мелиодасом, передайте ему мой поклон, поведайте ему о тех муках, что приняла я здесь ради любви к нему, и как приходится мне умереть по недостатку доброго вспоможения; и пусть он знает, что мне горько покидать сей свет и с ним разлучаться. Молю его любить душу мою. А теперь дайте мне взглянуть на мое малое дитя, из-за которого я вкусила все это горе.

А когда она увидела его, то сказала:

— Ах, мой сыночек, ты убил свою мать! И потому думаю я, что раз в младенчестве ты оказался убийцею, быть тебе непременно мужем доблестным, когда придешь в возраст. А так как я умру, оттого что произвела тебя на свет, то поручаю моей даме просить супруга моего и господина, короля Мелиодаса, чтобы нарек тебя при крещении Тристрам, что значит: «горестного рождения» [3].

С тем испустила королева дух и умерла. Дама положила ее под тенью большого дерева и, как могла, закутала дитя, оберегая от холода.

Тут явились бароны короля Мелиодаса, отправившиеся вдогонку за королевой. Когда же они увидели, что она мертва, а короля



КАК МАЧЕХА СЭРА ТРИСТРАМА ЗАКАЗАЛА ЯД, ДАБЫ ОТРАВИТЬ ТРИСТРАМА ❧ они также почитали погибшим, то иные из баронов вздумали было убить младенца, так как тогда бы им самим досталось владеть страной Лионом. Но благородная дама-камеристка своими справедливыми речами и стараниями добилась того, что большинство баронов на то не согласились. Мертвую королеву перенесли домой, и все о ней горестно убивались.

А между тем на следующее утро после смерти королевы Мерлин вызволил из плена короля Мелиодаса. И когда король возвратился домой, бароны встретили его с великой радостью, но он так убивался и оплакивал свою королеву, что язык не в силах того передать. Он похоронил ее богато, а потом устроил крестины и нарек сына, как наказала перед смертью его жена. Тристрам было дано ему имя, «горестнорожденный».

После того король Мелиодас семь лет прожил без жены, и все это время Тристрам рос в заботе и холе. Но потом случилось так, что король Мелиодас женился на дочери Бретонского короля Хоуэлла, и она родила королю Мелиодасу детей. И стала она роптать про себя и злиться, что страна Лион не достанется во владение ее детям; и для того задумала королева отравить юного Тристрама.

Вот повелела она насыпать яду в серебряный кубок и поставить в том покое, где жили вместе Тристрам и ее дети, чтобы Тристрам, как захочется ему пить, испил того зелья. Но случилось в тот день, что королевин сын, зайдя туда, увидел кубок с ядом и подумал, что, наверно, это добрый напиток; и, почувствовав жажду, взял мальчик серебряный кубок и испил зелья, и тут вдруг грудь его разорвалась, и дитя упало мертвое.

Когда узнала Мелиодасова королева про смерть своего сына, уж конечно горько было у нее на сердце, но король ничего не проведал про такое ее предательство. Королева же не отступилась, она снова повелела отмерить яду и налить в кубок. Но, по случаю, король Мелиодас, ее супруг, увидел тот кубок вина, в котором был яд, и так как ему хотелось пить, он взял кубок и поднес ко рту. Но не успел он еще его пригубить, как увидела это королева. Она бросилась к нему вдруг и отняла у него из рук кубок. Король подивился, для чего ей было так поступить, а потом вдруг припомнилась ему столь внезапная смерть ее сына, убитого ядом. И тогда он взял ее за руку и сказал:

— Коварная предательница! Признавайся, что за питье в этом кубке, не то я убью тебя!

И с тем вытащил он свой меч и поклялся великой клятвой, что убьет ее, если только не откроет она правды.

— О, смилуйтесь, господин мой! — отвечала она.— Я скажу вам все.

И она призналась ему, как хотела убить Тристрама, чтобы его королевство досталось ее детям.

— Ну, что ж,— молвил король,— за это будет тебе суд.

И вот с согласия баронов приговорена была она к сожжению. Но когда она уже должна была взойти на костер, дабы принять свою казнь, тут юный Тристрам стал на колени перед королем Мелиодасом и испросил у него для себя милости, чтобы исполнил он одно его желание.
— С охотою,— отвечал король.
Тогда сказал юный Тристрам:
— Подарите мне жизнь вашей королевы, моей мачехи!
— Неправ ты в этом желании,— сказал король Мелиодас,— ибо по справедливости ты должен ее ненавидеть, ведь она хотела погубить тебя ядом, и это за тебя прежде всего мною вынесен ей смертный приговор.
— Сэр,— отвечал Тристрам,— что до всего этого, то я заклинаю вас о милости, дабы вы ее простили. Я же со своей стороны прощаю, и пусть бог ей простит. И раз ваше величество соблаговолили даровать мне исполнение одного желания, во имя господа заклинаю вас, сдержите слово ваше.
— Ну, коли на то пошло,— отвечал король,— я согласен подарить тебе ее жизнь,— и еще сказал: — Отдаю ее тебе, приблизься к костру, бери ее и поступай с ней, как знаешь.
И вот сэр Тристрам приблизился к костру и с соизволения короля спас королеву от смерти. Но король Мелиодас после того не желал более с нею общения — ни на ложе, ни за столом. Однако потом стараниями юного Тристрама произошло между королем и ею примирение. Но тогда король не позволил, чтобы юный Тристрам оставался долее при его дворе.



КАК СЭРА ТРИСТРАМА ОТОСЛАЛИ ВО ФРАНЦИЮ, И КАК У НЕГО БЫЛ НАСТАВНИК ПО ИМЕНИ ГОВЕРНАЛ, И КАК ОН ОБУЧИЛСЯ ИГРЕ НА АРФЕ, А ТАКЖЕ СОКОЛИНОЙ И ПСОВОЙ ОХОТЕ ❧ Он призвал к себе благородного дворянина, умудренного и ученого, по имени Говернал, и с Говерналом отправил юного Тристрама во Францию для обучения тамошнему языку, обхождению и бранному искусству. Там провел Тристрам более семи лет. Когда же обучился он в тех краях всему, чему только мог, он возвратился назад к отцу своему, королю Мелиодасу.
Овладел он искусством игры на арфе и так преуспел, что никто на свете не мог бы с ним в этом сравниться. Так в юности он посвятил себя занятиям музыкой, обучившись играть на арфе и на других музыкальных инструментах. Позднее, когда возросла и созрела его сила, он перешел к трудам псовой ловитвы и соколиной охоты — и отличался в этом более, нежели какой-либо еще благородный дворянин, о котором случалось бы нам слышать из книг. Как повествуется в Книге, это он первый установил добрые правила — как трубить по разной дичи, поднятой гончими

или забитой охотниками, по крупному зверю и по малым грызунам; и все эти установления сохранились у нас и теперь. Поэтому и книга об охоте псовой и соколиной, об искусстве звериной ловитвы носит название: «Книга сэра Тристрама» [4].

Вот почему, думается мне, все благородные джентльмены, носители старинных родовых гербов, должны по справедливости почитать сэра Тристрама за эти добрые правила, какими пользовались и пользуются благородные охотники и будут пользоваться до скончания века. Ведь по ним всякий достойный человек может отличить джентльмена от йомена и йомена от мужика [5]. Ибо тот, кто сам благороден, придерживается благородных правил и следует тонким обычаям джентльменов.

Так прожил Тристрам в Корнуэлле, покуда не вырос высоким и сильным и не сравнялось ему восемнадцать лет. Король Мелиодас не мог нарадоваться на юного Тристрама и королева, жена его, тоже, ибо сэр Тристрам спас ее от костра, так что она никогда больше не питала к нему ненависти, но неизменно любила его и задаривала его щедрыми подарками — где бы он ни был, все его любили, и великие, и малые.



КАК ИЗ ИРЛАНДИИ ПРИБЫЛ СЭР МАРХАЛЬТ ВЗИМАТЬ С КОРНУЭЛЛА ДАНЬ, А В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ — БИТЬСЯ В ПОЕДИНКЕ ❧ Но случилось так, что король Ирландии Ангвисанс направил посольство к королю Корнуэльскому Марку за данью, которую уже много зим выплачивал ему Корнуэлл, а к тому сроку король Марк задолжал ему уже за семь лет.

И ответил король Марк и его бароны посольству Ирландскому такие слова, что платить они не будут, а пусть те возвращаются к королю своему Ангвисансу и скажут ему:

— Никакой дани мы ему платить не намерены, да скажите, если-де желает он добиться вечной дани от Корнуэлла, пусть пришлет от себя доверенного рыцаря в нашу страну, чтобы тот сразился за него, мы же тоже подберем рыцаря, чтобы нас защитил.

С тем возвратились послы в Ирландию. Услышал король Ангвисанс такой ответ на свое посольство и сильно разгневался. Он призвал к себе сэра Мархальта, который был добрым бойцом, не раз выказавшим свою доблесть, и притом рыцарем Круглого Стола. А приходился этот Мархальт братом королеве Ирландской. И сказал ему король так:

— Любезный брат, сэр Мархальт, прошу вас, отправляйтесь в Корнуэлл и сразитесь там в поединке за наше право на дань от них, которая исстари нам причитается. И как бы вы при этом ни потратились, вы получите от нас еще гораздо больше на необходимые расходы.

— Сэр,— отвечал сэр Мархальт,— знайте, что за права ваши и вашего королевства я не откажусь сразиться и с самым доблестным рыцарем Круглого Стола. Ведь я их там в Корнуэлле всех знаю, и какие кто подвиги совершил, мне известно. Я же ради новых подвигов и умножения своей чести и славы готов с радостию отправиться в путь.

И вот со всей поспешностью собрали сэра Мархальта в дорогу, снарядили его всем потребным, и отбыл он из Ирландии и приплыл в Корнуэлл под самые стены замка Тинтагиль. Узнал король Марк, что он прибыл биться за права Ирландии, и горько опечалился прибытию славного рыцаря сэра Мархальта. Ибо не знали они в своей среде рыцаря, который осмелился бы вступить с ним в поединок, ведь в то время сэр Мархальт почитался как один из лучших рыцарей на свете.

А сэр Мархальт не высаживался на берег, но каждый день посылал с моря к королю Марку, требуя либо заплатить дань за семь лет, либо же выставить против него рыцаря, который сразился бы с ним за право дани.

И по всему Корнуэллу было возглашено, что если сыщется рыцарь, готовый выйти на бой, чтобы спасти Корнуэлл от дани, то получит он вознаграждение и будет жить в богатстве до конца дней своих. Однако иные из баронов говорили с королем Марком и советовали ему лучше послать ко двору короля Артура, дабы искать защиты у сэра Ланселота Озерного, который прославлен был в то время как первейший из рыцарей в свете. Но другие бароны говорили, что это был бы напрасный труд, ибо сэр Мархальт и сам рыцарь Круглого Стола; а они не любят воевать друг с другом, разве только если какой-нибудь из этих рыцарей по своему желанию станет сражаться безымянным и неузнанным.

И потому король и все его бароны согласились, что бесполезно будет искать помощи у рыцарей Круглого Стола.

А между тем достигли и короля Мелиодаса вести и слухи о том, что сэр Мархальт ждет под самыми стенами Тинтагиля, а король Марк никак не может найти рыцаря, чтобы сразился за него.

Как услышал про то юный Тристрам, то разгневался он и горько устыдился, что не нашлось в Корнуэлле ни одного рыцаря, который бы отважился выйти на бой против сэра Мархальта Ирландского.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ВЫЗВАЛСЯ НА ПОЕДИНОК ЗА КОРНУЭЛЛ, И КАК ОН БЫЛ ПОСВЯЩЕН В РЫЦАРИ ❧ Явился Тристрам к отцу своему, королю Мелиодасу, и стал спрашивать его совета: каким бы путем лучше избавить Корнуэлл от тяжкой зависимости?

— Ведь, сдается мне,— сказал Тристрам,— стыдно нам будет, если сэр Мархальт, брат ирландской королевы, так и уедет, не найдя никого, кто бы с ним сразился.

— Что до этого,— отвечал король Мелиодас,— знайте, сын мой Тристрам, что сэр Мархальт почитается одним из лучших рыцарей на свете, и потому я не знаю в нашей стране рыцаря, который мог бы помериться с ним силами.

— Увы,— сказал сэр Тристрам,— как жаль, что я не посвящен в рыцари! Но если сэр Мархальт уедет так в Ирландию, пусть никогда не сподоблюсь я от господа чести и славы! Сэр,— так сказал Тристрам,— прошу на то

вашего соизволения, чтобы отправиться мне к королю Марку. И если не сочтете вы это за обиду, от короля Марка я хотел бы принять посвящение в рыцари.

— Я с охотою даю согласие,— отвечал король Мелиодас,— на то, чтобы вы поступали так, как велит вам ваша храбрость.

Поблагодарил Тристрам своего отца и стал собираться в дорогу.

Но в это время из Франции прибыл посланный с любовными письмами к сэру Тристраму от дочери французского короля Фарамона, письма те были полны любовными жалобами, но сэра Тристрама они ничуть не радовали, ибо ему не было до нее никакого дела. И еще она прислала ему маленькую собачку, замечательно красивую. Когда же королевская дочь узнала, что Тристрам ее не любит, то она, как повествуется в Книге, умерла от горя. А тот самый паж, что привозил от нее письма и собачку, вернулся назад к сэру Тристраму, как вы еще услышите в дальнейшем повествовании.

И вот после этого юный Тристрам приехал к своему дяде, королю Марку Корнуэльскому, и как раз когда он к нему входил, услышал он речи о том, что никто из рыцарей не соглашается выступить против сэра Мархальта.

— Сэр,— молвил Тристрам,— если вы возведете меня в Рыцарский Орден, я буду биться с сэром Мархальтом.

— Кто вы такой? — спросил король.— И откуда вы прибыли?

— Сэр,— отвечал Тристрам,— я прибыл от короля Мелиодаса, который некогда был женат на вашей сестре, и знайте, я и сам рождения благородного.

Поглядел король Марк на Тристрама, видит, годами он еще совсем юн, но собою очень ладен, крепок и высок.

— Любезный сэр,— сказал король,— как ваше имя и откуда вы родом?

— Сэр, мое имя — Тристрам, а родом я из страны Лион.

— Добро,— сказал король.— Если вы согласны на этот поединок, я посвящу вас в рыцари.

— Для того я и приехал к вам,— отвечал Тристрам,— и ни для какой другой причины.

И вот посвятил его король Марк в рыцари, и лишь только окончил посвящение, как сразу же послал к сэру Мархальту сказать, что сыскался юный рыцарь, готовый с ним биться до последнего.

— Так-то оно, может, и так,— сказал сэр Мархальт.— Да только передайте королю Марку, что я не со всяким стану биться, а лишь с рыцарем королевской крови, иначе сказать, лишь с сыном короля или королевы, рожденным от принца или принцессы.

Услышав это, послал король Марк за сэром Тристрамом Лионским и передал ему ответ сэра Мархальта. Тогда сэр Тристрам и говорит:

— Раз уж на то пошло, пусть он знает, что я и с отцовской стороны, и с материнской родом не ниже его; ибо да будет вам теперь известно, сэр, я — сын короля Мелиодаса, рожденный вашей сестрой леди Елизаветой, что умерла в лесу, произведя меня на свет.

— Иисусе! — воскликнул король Марк.— Добро пожаловать к нам, любезный племянник!

И тогда со всею поспешностью снарядил король сэра Тристрама, дал ему коня, и сбрую, и доспехи, и оружие — все самое лучшее, что только могло быть куплено за серебро и золото. И снова послал король Марк к сэру Мархальту с известием, что с ним будет биться муж получше родом, чем он, «звать же его сэр Тристрам Лионский, рожденный от короля Мелиодаса сестрой короля Марка». И сэр Мархальт был доволен и рад, что ему предстоит поединок со столь высокородным рыцарем.

И вот с соизволения короля Марка они условились, что поединок произойдет на острове, неподалеку от того места, где стояли Мархальтовы корабли. Вот погрузили сэра Тристрама на судно, самого его и его коня, и все снаряжение, потребное для боя ему и коню его, чтобы ни в чем не было ему недостатка. И когда король Марк и его корнуэльские бароны смотрели, как юный сэр Тристрам отплывает бесстрашно сражаться за Корнуэлл, не было там ни мужа честного, ни благородной дамы, которые бы не плакали при мысли, что столь юный рыцарь идет за них на смерть.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ВЫСАДИЛСЯ НА ОСТРОВЕ, ДАБЫ ВСТУПИТЬ В ПОЕДИНОК С СЭРОМ МАРХАЛЬТОМ ❧ И вот, говоря коротко, высадился сэр Тристрам на острове, огляделся и увидел: у дальнего его конца стоят под берегом на якоре шесть кораблей, а в тени их, на берегу, дожидался благородный рыцарь сэр Мархальт Ирландский. И приказал тогда сэр Тристрам свести на берег своего коня. Оруженосец его Говернал надел на него, как надо, все доспехи, и сэр Тристрам сел на коня.

И сидя на коне во всем облачении, со щитом, висящим через плечо, спрашивает сэр Тристрам Говернала:

— А где же тот рыцарь, с которым мне надо биться?

— Сэр,— отвечал Говернал,— разве вы его не видите? Я полагал, что вы его уже заметили, ведь вон он дожидается верхом на коне в тени своего корабля с копьем в руке и со щитом на плече.

— Да, верно,— говорит сэр Тристрам.— Теперь я его вижу.

И приказал он Говерналу возвратиться на судно.

— И передайте мой поклон дяде моему, королю Марку, да просите его, если погибну я в этом бою, пусть похоронит мое тело, как сочтет лучше. Что же до меня, пусть он знает, что я никогда не поддамся страху и не отступлю, а если я погибну, но не побегу, то не на мне будет вина в том, что им придется выплачивать ту дань. Если же я все-таки дрогну и побегу или же попрошу пощады, так и скажите моему дяде, пусть после смерти не дождаться мне христианских похорон. Ты же, под страхом смерти,— так сказал сэр Тристрам Говерналу,— не смей приближаться к этому

острову, покуда не увидишь, что я побежден и убит, или же что я одолел того рыцаря.

С тем они расстались, горько плача.



КАК СЭР ТРИСТРАМ БИЛСЯ ПРОТИВ СЭРА МАРХАЛЬТА И ОДЕРЖАЛ ПОБЕДУ, И КАК СЭР МАРХАЛЬТ БЕЖАЛ К СВОЕМУ КОРАБЛЮ

А сэр Мархальт увидел сэра Тристрама и сказал так:

— Юный рыцарь сэр Тристрам, зачем ты здесь? Горько я сожалею о твоей храбрости; ибо да будет тебе известно, многие благородные рыцари выходили против меня, с лучшими рыцарями этой страны я мерился силой, но даже и лучшие рыцари мира были мне не страшны. А потому мой совет тебе: возвращайся на свой корабль.

— О славный и испытанный рыцарь,— отвечал сэр Тристрам,— да будет ведомо тебе, что я не отступлю перед тобой в этом деле, ибо ради того, чтобы биться с тобою, был я посвящен в рыцари. Знай, что я сын короля, рожденный королевой, и по просьбе моего родича, а также по собственной моей воле я дал слово биться до последнего и освободить Корнуэлл от старой дани. И еще знай, о сэр Мархальт, ведь мне лишь храбрости придает то, что тебя почитают одним из самых знаменитых рыцарей мира. Эта слава твоя громкая лишь побуждает меня к бою, ибо никогда еще я не пробовал силы в поединке с настоящим, многоопытным рыцарем. Я только сегодня получил посвящение в Рыцарский Орден, и потому я весьма радуюсь, и это для меня величайшая честь — сразиться с таким рыцарем, как ты. Знай, сэр Мархальт, что я намерен добыть себе чести твоею кровью. Пусть я еще ни разу не отличился в бою — сегодня я надеюсь, по милости божией, с честью выказать мою доблесть в сражении и навечно избавить земли Корнуэлла от всякой повинности перед Ирландией.

Выслушал сэр Мархальт все, что пожелал он сказать, а потом говорит в ответ:

— Любезный рыцарь, раз уж ты вознамерился завоевать себе чести в поединке со мною, то знай, что честью тебе уже будет, если ты выстоишь хотя бы три моих удара. Ибо да станет ведомо тебе, за мои подвиги, всем и всюду известные, сам король Артур возвел меня в рыцари Круглого Стола!

И вот выставили они копья, ринулись друг на друга и сшиблись с такой силою, что сбили один другого наземь, и коней вместе со всадниками. Но сэр Мархальт при этом нанес сэру Тристраму копьем в бок жестокую рану.

Выпростали они ноги из стремян, извлекли из ножен мечи и, выдвинув щиты перед собою, стали рубиться дико и неустрашимо. Долго они так рубились, покуда руки им не отказали и не стало больше у них сил взма-

хивать мечами, и тогда перестали они сечь с плеча, а принялись разить и колоть друг друга в грудь сквозь панцирь и в лицо сквозь забрало. Но видя, что и так ни тот ни другой не могут взять верх, схватились они друг с другом врукопашную, и сцепившись, точно два матерых тура, стали валить один другого наземь.

Так, не расходясь, бились они и рубились полдня, и оба были уже столь жестоко изранены, что горячая кровь бежала по ногам их на землю. Но сэр Тристрам все ожесточался, а сэр Мархальт начал слабеть, тогда как у сэра Тристрама все прибывало силы и духа. И вот могучим ударом обрушил он свой меч на голову сэру Мархальту так, что прошел меч через гребень шлема и через стальной наглавник и рассек череп и так прочно застрял в кости, что трижды понадобилось сэру Тристраму потянуть к себе меч, прежде чем вырвал он его из головы врага.

Сэр Мархальт покачнулся, упал на колени — обломок клинка так и остался у него в черепе. Потом выпрямился он во весь рост, отбросил меч и щит от себя прочь и обратился в бегство и бежал к своим кораблям.

Сэр же Тристрам подобрал тут же его щит и меч и так крикнул ему вослед, видя, что тот убегает:

— Куда же ты, сэр рыцарь Круглого Стола? Ты позоришь себя и род свой, ведь я же рыцарь совсем еще молодой и никогда прежде не бился в поединках. Я бы, чем бежать от тебя, предпочел быть изрубленным в куски!

Но сэр Мархальт не ответил ни слова и только прегорестно стенал на ходу.

— Что ж, сэр рыцарь,— крикнул ему сэр Тристрам,— клянусь, твой меч и щит станут отныне моими. Я буду носить твой щит во всех моих странствиях, и на глазах у короля Артура, и в виду всех рыцарей Круглого Стола!



КАК СЭР МАРХАЛЬТ, ВОЗВРАТИВШИСЬ В ИРЛАНДИЮ, УМЕР ОТ РАНЫ, КОТОРУЮ НАНЕС ЕМУ СЭР ТРИСТРАМ, И О РАНЕ СЭРА ТРИСТРАМА ❧ И отбыл сэр Мархальт со своею дружиной обратно в Ирландию. Как только явился он к королю, своему брату, его раны сразу же осмотрели и обмыли, и когда обмывали ему голову, то нашли в кости обломок Тристрамова меча, но никаким лекарским искусством не удавалось тот осколок извлечь. Так он и умер от Тристрамова меча, а обломок стального лезвия королева, сестра его, навсегда у себя сохранила, ибо надеялась отомстить, если представится случай.

Мы же теперь вновь обратимся к сэру Тристраму, который остался жестоко израненный и так сильно истек кровью, что вскоре уже не в силах был стоять на ногах. Когда же еще и холод пронизал его члены, он уже почти

не в силах был шевельнуть ни рукой, ни ногой. Опустился он тихо на холмик и сидел, истекая кровью. Но в недолгом времени прибыл туда его слуга Говернал на своем судне, а там и король со многими баронами явились торжественно за сэром Тристрамом.

Сойдя на берег, король Марк поднял сэра Тристрама на руки и вместе с сэром Динасом-Сенешалем довез его в замок Тинтагиль; и когда обмыли и осмотрели со всем искусством его раны, уложил он его в свою постель. И при виде жестоких ран Тристрама плакал король от жалости, и с ним все его лорды.

— Да поможет мне бог,— молвил король Марк,— за все мои земли я не хочу, чтобы племянник мой умер.

Так пролежал там сэр Тристрам больше месяца, но не мог он оправиться от смертельной раны, что нанес ему в начале боя сэр Мархальт своим копьем; ибо, как рассказывает Французская Книга, наконечник того копья был отравлен и сэру Тристраму не было спасения. Горевали король Марк и все его бароны, ибо не видели спасения для сэра Тристрама. Король повелел созвать всех знахарей и лекарей, и мужчин и женщин, какие только были в том краю, но не было из них ни одного, кто сулил бы ему выздоровление.

Но вот явилась туда одна дама, очень мудрая женщина, и она прямо сказала королю Марку и сэру Тристраму и всем баронам, что он никогда не поправится, пока не попадет в ту самую страну, откуда взялся этот яд [6], и только там он может исцелиться, а более нигде. Так сказала женщина королю. Узнав это, король повелел снарядить для сэра Тристрама доброе судно, щедро загрузить его запасами пищи, и туда положили сэра Тристрама, и с ним сел Говернал, и взял сэр Тристрам с собой свою арфу. Так спустили его на воду, чтобы плыть под парусом в Ирландию.

И вот по воле счастливого случая, приплыл он в Ирландию под самые стены того замка, где жили король с королевой. Очутившись у берега, сел он на своем ложе и сыграл на арфе веселую мелодию — и столь чудесной мелодии не слыхивал в Ирландии ни один человек. Когда узнали об том король с королевой, что прибыл к ним недужный рыцарь, столь искусно владеющий арфой, король тут же послал за ним, повелел осмотреть его рану, а потом спросил его имя. И ответил он ему так:

— Я родом из страны Лион, мое имя Трамтрист, рану же эту я получил в поединке, сражаясь в защиту одной дамы.

— Ну, да поможет мне бог,— сказал король Ангвисанс,— в этой стране вы получите всякое лечение, в каком будет вам нужда. Мы же совсем недавно понесли в Корнуэлле потерю величайшую, какую когда-либо случалось понести королю. Там потерял я рыцаря, который был лучшим рыцарем в мире. Звали его сэр Мархальт, благороднейший рыцарь и рыцарь Круглого Стола.

И он поведал сэру Трамтристу о том, как был убит сэр Мархальт. А сэр Трамтрист притворился, будто сочувствует королю, а ведь он сам знал, как это было, получше, чем король.



КАК СЭР ТРИСТРАМ БЫЛ ОТДАН НА ПОПЕЧЕНИЕ ИЗОЛЬДЫ ПРЕКРАСНОЙ, ДАБЫ ОНА ИСЦЕЛИЛА ЕГО РАНУ

Потом, в знак великой милости, король поручил Трамтриста уходу и заботе своей дочери, которая владела чудесно лекарским искусством. Она же, осмотрев его рану, нашла в ней на дне яд, и от того яда его со временем исцелила.

И тогда сэр Трамтрист воспылал великой любовью к Изольде Прекрасной, ибо она была в то время первой красавицей изо всех дам и девиц на свете. Трамтрист обучил ее игре на арфе, и она стала питать к нему благосклонность.

А в ту пору находился в их стране сэр Паломид-Сарацин, королем и королевой он был обласкан, и каждый день являлся он к Прекрасной Изольде и приносил ей богатые дары, ибо горячо ее любил. Все это видел Трамтрист, а он знал сэра Паломида как благороднейшего рыцаря и могучего бойца. И оттого, конечно, сэр Трамтрист воспылал к сэру Паломиду сильной враждой, ибо от Прекрасной Изольды он узнал, что сэр Паломид намерен ради нее принять крещение. Так родилось великое соперничество между Трамтристом и сэром Паломидом.

А в это время как раз король Ангвисанс разослал по стране возгласить о великом турнире, который он давал в честь одной дамы, носившей имя Владетельницы Земель, которая была близкой сродницей королю. Кто на том турнире одержит победу, тот через четыре дня станет ее мужем и получит все ее владения. И был возглашен тот клич по всей Англии, Уэльсу и Шотландии, а также во Франции и Бретани.

И вот однажды случилось, что Прекрасная Изольда пришла к Трамтристу и поведала ему о том турнире. И сказал он ей в ответ:

— Прекрасная дама, я ведь совсем еще слаб, быть бы мне сейчас мертвым, когда бы не ваша доброта. Чего же, прекрасная дама, вам угодно от меня на этом турнире? Вы же знаете, госпожа моя, что я не в силах держать копье.

— Ах, Трамтрист! — отвечала Прекрасная Изольда.— Неужели не хотите вы выступить на турнире? Ведь мне доподлинно известно, что там выступит сэр Паломид и явит все свое воинское искусство. Вот почему, сэр Трамтрист, я умоляю вас принять участие в турнире, ибо иначе первенство непременно достанется сэру Паломиду.

— Госпожа, что до этого, то это вполне возможно, ибо он прославленный рыцарь, я же еще рыцарь молодой, совсем недавно принявший посвящение, и, как видите, в первом же поединке, который я провел, довелось мне получить жестокую рану. Но если бы вы согласились быть моей дамой, я тогда принял бы участие в турнире, но только с одним условием: вы должны сохранить все в тайне, дабы ни одна душа не ведала о моем намерении выступить, кроме вас и тех, кому вы доверяете,—

и тогда я готов ради вас подвергнуть жалкую мою особу опасностям турнира, пусть только сэр Паломид не знает, когда я явлюсь.
На что сказала ему Прекрасная Изольда:
— Уж вы постарайтесь, я же,— сказала Прекрасная Изольда,— изыщу способ раздобыть вам доспехи и коня по моему выбору.
— Как вы желаете, так тому и быть,— молвил сэр Трамтрист.— Я буду к вашим услугам.
И вот в день первый турнира прибыл туда сэр Паломид с черным щитом, и столь многих рыцарей сокрушил он в поединках, что народ просто диву давался,— ибо он одолел сэра Гавейна, Гахериса, Агравейна, Багдемагуса, Кэя, Додинаса Свирепого, Саграмура Желанного, Гунрета Низкорослого и Грифлета по прозвищу Сын Божий,— всех их в тот первый день поверг сэр Паломид на землю. После того рыцари стали бояться сэра Паломида, многие называли его Рыцарем Черного Щита, так что сэр Паломид стяжал себе великую славу.
Тогда пришел король Ангвисанс к Трамтристу и спрашивает, отчего не выходит он биться в поединках?
— Сэр,— тот отвечал,— я совсем недавно был жестоко ранен и еще не решаюсь подвергаться опасностям.
Но в это время прибыл к ним тот самый паж, что некогда был послан к сэру Тристраму дочерью короля французского, и, увидев сэра Тристрама, пал ниц у его ног. А Изольда Прекрасная заметила, как приветствовал паж Трамтриста. Но сэр Тристрам поспешил навстречу пажу — а он звался Эб Достославный — и просил его ото всей души ни в коем случае не открывать его имени.
— Сэр,— отвечал Эб,— я не открою никому вашего имени, покуда вы сами мне не прикажете.



КАК СЭР ТРИСТРАМ СТАЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ НА ТУРНИРЕ В ИРЛАНДИИ И ЗАСТАВИЛ ПАЛОМИДА ЦЕЛЫЙ ГОД НЕ НОСИТЬ ДОСПЕХОВ

После того спросил его сэр Тристрам, что он делает в этих краях.
— Сэр,— тот отвечал,— я прибыл сюда с сэром Гавейном, чтобы здесь получить посвящение в рыцари, и если будет на то ваша милость, я хотел бы принять посвящение от ваших рук.
— Хорошо, ждите меня тайно завтра, и я на турнирном поле возведу вас в рыцари.
А у Изольды Прекрасной зародилось подозрение, что Трамтрист — на самом деле другой человек, славный и доблестный рыцарь, и оттого она возрадовалась и воспылала к нему еще большей любовью, ибо полагала, что он — знаменитый лорд.
Вот на следующее утро сэр Паломид вновь изготовился и выехал на турнирное поле, как и в первый день, и он успел одолеть и повергнуть наземь Короля-с-Сотней-Рыцарей и короля скоттов. Между тем Изольда Пре-

красная снарядила сэра Трамтриста и выпустила его тайно в задние ворота, и он в белых доспехах и на белом коне выехал на турнирное поле, словно светлый ангел. Увидел его сэр Паломид, наставил на сэра Тристрама копье свое, а тот на него, сшиблись — и сэр Тристрам опрокинул сэра Паломида наземь.

Поднялся тут среди народа великий шум,— одни толковали: «Упал сэр Паломид!»; другие твердили: «Упал Рыцарь Черного Щита!» А уж Прекрасная Изольда от души радовалась. Сэр же Гавейн с девятью товарищами меж собой дивились: кто бы это мог быть, повергнувший наземь сэра Паломида? И ни один там не вызвался вести поединок с Трамтристом, но все — от велика до мала — признали его победителем.

После того сэр Тристрам посвятил в рыцари Эба и велел ему выступить, и тот выказал в тот день немало мужества и доблести. С тех пор сэр Эб навсегда остался при сэре Тристраме.

А сэр Паломид, очутившись на земле, уж конечно испытал горький стыд и как мог незаметно удалился затем с турнирного поля. Но это увидел сэр Трамтрист и пустился на коне за ним вослед. Он скоро настиг сэра Паломида и крикнул ему, чтобы тот обернулся, ибо лучше им еще раз схватиться, прежде чем он уедет. И вот развернул коня сэр Паломид, и замахнулись они друг на друга мечами. Но с первого же удара сэр Тристрам сокрушил сэра Паломида, он такой удар нанес ему по голове, что тот рухнул наземь.

Тут сказал ему сэр Тристрам, чтобы он сдавался и исполнил его волю, иначе же быть ему убитым. И при виде лица его устрашился сэр Паломид ударов его меча и согласился на все, чего он от него ни потребует.

— Хорошо же,— говорит сэр Трамтрист.— Вот что я вам повелю: прежде всего, под страхом смерти, отступитесь от моей дамы Изольды Прекрасной и не смейте ни под каким видом более ее преследовать; а кроме того, начиная с сегодняшнего дня целый год и один день вы не должны носить никакого оружия, ни воинских доспехов. Итак, клянитесь мне в этом, иначе же вы умрете!

— Увы! — молвил сэр Паломид,— я опозорен навсегда!

И он поклялся во всем, чего потребовал от него сэр Тристрам. А потом со зла и обиды разрезал на себе доспехи и выбросил их прочь.

Сэр же Тристрам повернул назад и поехал к замку, где жила Прекрасная Изольда. По дороге повстречалась ему девица, и она спросила у него, как ей найти сэра Ланселота, завоевателя замка Плачевной Стражи [7]. И еще она спросила сэра Тристрама, кто он сам таков, ибо ей говорили, что это он сокрушил сэра Паломида, от которого прежде потерпели поражение десятеро рыцарей Артура. Девица просила сэра Тристрама открыть ей, кто он такой и уж не он ли и есть сэр Ланселот Озерный, ибо она полагала, что кроме сэра Ланселота ни одному рыцарю в мире не под силу такие подвиги.

— Да будет ведомо вам, любезная девица, что я не сэр Ланселот, мне далеко до его доблести. Но все в воле божией: господь бог может еще сделать меня столь же славным рыцарем, как и сэр Ланселот.

— В таком случае, любезный рыцарь, подымите ваше забрало.

Когда же она увидела его лицо, то нашла, что красивее не случалось ей видеть мужского лица и рыцаря любезнее она не встречала. Но убедившись в том, что это не сэр Ланселот, девица простилась с ним и поехала своей дорогой.

А сэр Тристрам тайно подъехал к задним воротам, где дожидалась его Прекрасная Изольда, и она обрадовалась его возвращению и возблагодарила господа за его воинскую удачу.

А в скором времени король с королевой и все при дворе уже догадались, что это сэр Трамтрист был победителем сэра Паломида, и тогда все стали почитать его еще более, нежели прежде.



КАК КОРОЛЕВА УЗНАЛА ПО МЕЧУ, ЧТО ЭТО СЭР ТРИСТРАМ УБИЛ ЕЕ БРАТА, И В КАКОЙ ОН ОКАЗАЛСЯ ОПАСНОСТИ

Так прожил там сэр Трамтрист долго, ласкаемый королем и королевой и, в особенности, Прекрасной Изольдой.

И вот однажды королева с Прекрасной Изольдой устроили баню сэру Трамтристу, и пока он там находился, королева и дочь ее Изольда обошли все его покои в отсутствие Говернала и Эба, которые прислуживали Трамтристу. Увидела королева его меч, лежащий на его ложе, и по несчастью, она извлекла меч из ножен и долго его разглядывала. Они обе любовались прекрасным мечом, но на лезвии его, в полутора футах от острия, был выщерблен большой кусок стали. И когда королева заметила эту щербину на мече, вспомнила она о том обломке меча, что застрял когда-то в черепе ее брата сэра Мархальта.

— Увы! — сказала она дочери своей Прекрасной Изольде.— Это тот коварный рыцарь, который убил моего брата и твоего дядю.

Изольда при этих ее словах жестоко огорчилась, ибо любила Трамтриста, и уж она-то знала беспощадный нрав матери своей, королевы. Королева же с поспешностью удалилась к себе, раскрыла свой сундук и вынула тот обломок меча, что был извлечен из черепа сэра Мархальта после его смерти. И прибежала она с этим куском стали обратно туда, где лежал меч, и когда она приложила на место тот кусок стали и железа, совпали его края с краями щербины, как если бы был он выломан только что.

Тут сжала королева яростно меч в руке своей и бросилась со всех ног прямо туда, где сидел Трамтрист в бане. Так бы она и пронзила ему грудь мечом, не окажись там сэра Эба — он обхватил ее руками и отнял у нее меч, иначе она пронзила бы его насквозь.

Когда же не удалось ей исполнить свою злую волю, побежала она в ярости к своему супругу королю и вскричала так:

— Ах, господин мой!— она упала перед ним на колени.— Здесь, в вашем доме, находится тот коварный рыцарь, что убил моего брата и вашего слугу — благородного рыцаря сэра Мархальта!

— Кто он? — вопросил король.— И где он сейчас?
— Сэр,— она отвечала,— это сэр Трамтрист, тот самый рыцарь, которого исцелила моя дочь.
— Увы! — сказал король.— Это меня весьма печалит, ибо он славный рыцарь, какого лучше не довелось мне видеть на турнирном поле. Но повелеваю вам,— так сказал король,— не поддерживать с ним никаких сношений и предоставить это дело мне.
С тем отправился король в покои сэра Трамтриста, а тот был уже у себя, и король застал его уже во всем облачении, готового сесть на коня. И увидев, что он облачен в доспехи и готов сесть в седло, сказал король так:
— Нет, Трамтрист, негоже тебе будет выступить против меня. Вот что сделаю я ради моей чести и любви к тебе,— ведь покуда ты находишься при моем дворе, мне не будет чести убить тебя, и потому я позволю тебе покинуть мой двор невредимым, но при одном условии: ты откроешь мне, кто был твой отец, и как твое имя, и признаешься, не ты ли это убил сэра Мархальта, моего брата?



КАК СЭР ТРИСТРАМ ПРОСТИЛСЯ С КОРОЛЕМ И С ПРЕКРАСНОЙ ИЗОЛЬДОЙ И, ПОКИНУВ ИРЛАНДИЮ, ВЕРНУЛСЯ В КОРНУЭЛЛ

— Сэр,— отвечал Трамтрист,— сейчас я расскажу вам всю правду. Мой отец — сэр Мелиодас, король страны Лион, а мать мою звали Елизаветой, она была сестрой королю Корнуэльскому Марку. Моя мать умерла, родив меня, в лесу, и по этой причине она перед тем, как умереть, повелела дать мне при крещении имя Тристрам. Я же, не желая быть узнанным в здешней стороне, перевернул мое имя и назвался Трамтрист. Сражался же я за страну мою Корнуэлл, за дядю моего, и чтобы избавить Корнуэлл от дани, которую вы много лет с него взимали.
— И знайте,— сказал сэр Тристрам королю,— я вышел на бой за моего дядю короля Марка и за страну мою Корнуэлл, но также и для того, чтобы добыть себе воинской чести: ибо в тот самый день, когда я бился в поединке с сэром Мархальтом, я как раз получил посвящение в рыцари, и до того никогда еще ни с одним рыцарем не вступал в поединок. И он пошел от меня живой, оставив мне щит свой да меч.
— Да поможет мне бог! — сказал король.— Мне не в чем упрекнуть вас: вы поступили, как надлежит рыцарю, ваш долг был выступить в том поединке и добыть себе чести, ибо так и полагается рыцарям. Но при всем этом, моя честь не позволяет мне долее принимать вас в моей земле, не то я вызову недовольство многих моих баронов, и жены моей и моих сородичей.

— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— я благодарю вас за доброту вашу и милость, что оказывали вы мне, пока я здесь находился, и за ту великую доброту, какую явила мне госпожа моя ваша дочь. Может быть,— сказал сэр Тристрам,— оттого, что оставите меня в живых, вы еще выиграете больше, чем если бы обрекли меня на смерть, ибо, может статься, на просторах Англии я еще когда-нибудь сослужу вам службу, и вы рады будете, что оказали мне некогда милость. А кроме того, я даю слово, как есть я верный рыцарь, всегда и всюду, где бы я ни был, и в правом деле, и в неправом, оставаться слугой и рыцарем госпожи моей вашей дочери и неизменно исполнять по ее воле все, что только под силу рыцарю. И еще я прошу вашего милостивого соизволения на то, чтобы мне проститься с госпожой моей вашей дочерью и со всеми баронами и рыцарями.

— Я даю вам мое соизволение, и с охотою,— молвил король.

И отправился сэр Тристрам к Прекрасной Изольде и с нею простился. И рассказал ей при этом, кто он таков и как одна женщина ему предсказала, что он никогда не исцелится, покуда не окажется в той земле, где был составлен яд.

— Так что смерть моя была уже совсем близка, и только ваша доброта меня спасла.

— Ах, любезный рыцарь,— сказала Прекрасная Изольда.— Сколь горька мне разлука с тобою! Ибо никогда не встречала я человека, более достойного моего доброго расположения.

И с тем она прегорько заплакала.

— Госпожа моя,— сказал сэр Тристрам,— помните, что мое имя — сэр Тристрам Лионский, что я сын короля и рожден королевой. И я даю вам свое верное слово, что всегда, до конца дней моей жизни, буду вашим рыцарем.

— Грамерси,— молвила Прекрасная Изольда.— Я же в ответ даю вам слово, что семь лет ни за кого не выйду замуж без вашего на то соизволения; я выйду лишь за того, за кого будет ваша воля мне выйти, и никому не стану женою, если не будет на то вашего согласия.

Тут сэр Тристрам дал ей кольцо, а она ему в обмен другое, и он простился с ней и вышел во двор к баронам.

И там он простился со всеми, от велика до мала, и так говорил громко к ним ко всем:

— Благородные лорды, наступило мне время с вами расстаться. Если есть среди вас кто-либо, мною обиженный, претерпевший от меня оскорбление, пусть выскажет сейчас свою обиду, и перед тем, как мне уехать, я постараюсь возместить ее по моим силам. И если есть среди вас кто-либо, замысливший причинить мне зло или сказать обо мне дурное или за спиной у меня меня опозорить, пусть говорит сейчас или никогда, и я грудью готов отстоять мою правоту, готов встретиться с ним сейчас лицом к лицу!

Но все они стояли молча — ни один среди них не промолвил ни слова. А между тем, были там рыцари из королевиных родичей, из родичей сэра Мархальта, но они не отважились выступить против сэра Тристрама.



КАК СЭР ТРИСТРАМ И КОРОЛЬ МАРК РАНИЛИ ОДИН ДРУГОГО ИЗ-ЗА ЖЕНЫ ОДНОГО РЫЦАРЯ ❧ И отбыл сэр Тристрам и сел на корабль и с попутным ветром приплыл в Тинтагиль, что в Корнуэлле. Там король Марк пребывал в здравии и благоденствии, и когда ему принесли известие, что возвратился сэр Тристрам, исцеленный от своих ран, король Марк возрадовался от души, и с ним все бароны.

А спустя немного времени сэр Тристрам поехал к своему отцу, королю Мелиодасу, и там король с королевой встретили его так радушно, как только могли. Король Мелиодас и его королева щедро одарили сэра Тристрама от своих земель и богатств. Но потом, с соизволения отца, он возвратился ко двору короля Марка.

Там долгое время жил он в довольстве и радости, но под конец между сэром Тристрамом и королем Марком родилась ревность и вражда, ибо им обоим полюбилась одна дама, жена графа, который звался сэр Сегварид. А той даме полюбился весьма сэр Тристрам, и он ее тоже полюбил, ибо она была собой весьма прекрасна, и сэр Тристрам это отлично видел. Но когда об том проведал король Марк, он жестоко возревновал, ибо королю Марку эта дама тоже была весьма по душе.

И вот случилось однажды, что дама послала карлика к сэру Тристраму, прося его, если он и вправду ее любит, чтобы он провел с ней следующую ночь.

И также наказывала она, чтобы он явился к ней не иначе как в полном вооружении, ибо ее муж был известен как доблестный рыцарь.

Сэр Тристрам отвечал карлику и сказал:

— Передайте мой поклон госпоже моей и скажите ей, что я не премину к ней явиться и буду с нею в указанный ею срок.

И с тем отбыл карлик.

Но король Марк заметил, что карлик был у сэра Тристрама с поручением от Сегваридовой жены. И тогда он послал за карликом, и когда тот явился, он заставил его силой открыть все, как и с чем был он послан к сэру Тристраму. И тот ему все открыл.

— Ну, хорошо,— сказал король Марк.— Отправляйся теперь, куда хочешь, но смотри, под страхом смерти не говори ни слова о том, что беседовал со мною.

И карлик пошел прочь, а король Марк в ту самую ночь, что назначена была у Сегваридовой жены с сэром Тристрамом, вооружился, собрался и с двумя доверенными рыцарями выехал на дорогу. И поскакали они и остановились у дороги подстерегать сэра Тристрама.

Вот скачет сэр Тристрам с копьем в руке. Выскочил на него вдруг король Марк и его двое рыцарей, все трое с копьями на него ударили, и король Марк нанес сэру Тристраму в грудь под сосцом глубокую рану. Тут наставил сэр Тристрам копье свое и, разогнавшись, так ударил короля Марка, что тот рухнул наземь, жестоко разбился и так и остался лежать без

чувств — немало прошло времени, прежде чем он снова пришел в себя. А сэр Тристрам бросился меж тем на одного рыцаря, потом на другого и обоих их поверг замертво на сырую землю.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ВОЗЛЕЖАЛ С ЭТОЙ ДАМОЙ И КАК ЕЕ МУЖ БИЛСЯ С СЭРОМ ТРИСТРАМОМ

После этого поскакал сэр Тристрам, сильно раненный, к своей даме и нашел ее у задних ворот, где она его поджидала, и она встретила его весьма радостно, и они заключили друг друга в объятья. Она приказала поставить коня его в лучшее стойло, а затем помогла ему снять доспехи, и потом они поужинали и, не откладывая, улеглись в постель с превеликой радостью и удовольствием. И в пылу страсти он забыл и думать о той глубокой ране, что нанес ему король Марк, и окровянил сэр Тристрам и простыни, и одеяло, и подушки, и наволоки.

Но в скором времени явился туда ее человек и предупредил, что ее супруг и господин сэр Сегварид совсем уже близко, на расстоянии выстрела из лука. Тогда она велела сэру Тристраму скорее подыматься, и он поспешно облачился в доспехи, взял своего коня и ускакал. А тем временем и муж ее сэр Сегварид явился домой, и заметив, что постель его вся в беспорядке, осмотрел ее при свете свечи и увидел, что в ней недавно лежал раненый рыцарь.

— А, коварная предательница! — воскликнул он.— Почему ты мне изменила?

С тем он выхватил меч и сказал:

— Если только не признаешься, кто здесь с тобой был, ты теперь же умрешь!

— Ах, господин мой, пощадите! — вскричала дама и воздела кверху ладони.— Не убивайте меня, и я вам открою, кто здесь был.

А Сегварид ей в ответ:

— Говори, да смотри только — правду!

И она со страху призналась:

— Здесь был со мной сэр Тристрам, и по пути ко мне сюда он был сильно ранен.

— А, коварная изменница! Куда же он теперь делся?

— Сэр,— отвечала она,— он облачился в доспехи и ускакал прочь, но не мог еще отъехать и полумили.

— Что ж, отлично,— сказал Сегварид.

И он быстро облачился в доспехи, вскочил на коня и помчался в погоню за сэром Тристрамом по дороге на Тинтагиль. И в скором времени его нагнал. Вот окликнул он его:

— Обернись, коварный рыцарь!
И с тем ударил Сегварид сэра Тристрама копьем, но вдребезги раскололось его копье, и тогда он выхватил меч и обрушил его со всей силой на сэра Тристрама.
— Сэр рыцарь,— молвил сэр Тристрам,— мой совет вам: больше не замахивайтесь! Но как бы то ни было, за обиду, что я вам причинил, я готов терпеть ваши удары, сколько хватит моего терпения.
— Ну, нет,— отвечал Сегварид,— этому не бывать. Либо ты сейчас умрешь, либо я!
Тогда обнажил сэр Тристрам свой меч и погнал на него коня во весь опор и так рассек ему тело до пояса, что тот замертво рухнул на землю.
А сэр Тристрам там его и оставил и поехал дальше. Он возвратился в Тинтагиль и тайно лег у себя, ибо не хотел, чтобы знали, что он ранен. Сегваридовы же люди поехали за своим хозяином и привезли его домой на его щите; и там долго он пролежал, прежде чем зажила его рана и он опять стал здоров.
Но и король Марк тоже не хотел, чтобы сделалось известно, как он ночью подкараулил и напал на сэра Тристрама; а что до сэра Тристрама, то он и не знал, что это был король Марк. И вот король явился к нему словно бы проведать и утешить его больного. Но до конца дней своих король Марк больше уже не любил сэра Тристрама. Так что с тех пор хоть и говорились ласковые речи, любви уже меж ними не было.
Так продолжалось много дней и недель, и обида, нанесенная Тристрамом, была забыта, ибо сэр Сегварид не отваживался вызвать сэра Тристрама на поединок из-за его славной доблести, да еще и потому, что он приходился племянником королю. И поэтому он оставил дело так, ибо тот, кто втайне потерпел оскорбление, не хочет, чтобы позор его сделался явным.



КАК СЭР БЛЕОБЕРИС ПОТРЕБОВАЛ СЕБЕ ПРЕКРАСНЕЙШУЮ ИЗ ДАМ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ МАРКА, КАКОВУЮ И УВЕЗ, И КАК С НИМ СРАЖАЛИСЬ

И вот однажды сучилось, что славный рыцарь сэр Блеоберис Ганский, родной брат сэру Бламуру Ганскому и близкий родич славного рыцаря Ланселота Озерного, этот самый сэр Блеоберис прибыл ко двору короля Марка и испросил милость у короля, чтобы король Марк исполнил одно его желание и отдал ему то, что приглянется ему у них при дворе.
Услышав такую просьбу, подивился король Марк, но потому что был тот рыцарем Круглого Стола и слава его была велика, он согласился исполнить, что он просит.
И тогда сказал сэр Блеоберис:
— Я желаю получить прекраснейшую даму при вашем дворе, какую изберу.

— Я теперь уже не могу вам отказать,— отвечал король Марк. — Выбирайте на свой страх.

И сэр Блеоберис как раз и выбрал Сегваридову жену, взял ее за руку и пошел с нею оттуда прочь. Он сел на коня, а ее посадил позади своего пажа, и поскакали они своей дорогой.

Когда услышал сэр Сегварид, что жену его увез рыцарь короля Артура, тут же он облачился в доспехи и поскакал в погоню, чтобы спасти свою жену.

А после отъезда сэра Блеобериса король Марк и все при его дворе негодовали на то, что тот взял и увез эту даму.

И были там дамы, которые знали о любви, что существовала между нею и сэром Тристрамом, и что сэр Тристрам был ей милее всех других рыцарей. И одна из тех дам стала поносить сэра Тристрама и упрекать его в трусости, говоря, что он опозорил рыцарское звание, раз у него на глазах силой увезли даму от двора его дяди. Да еще, думала она про себя, ту, с которой у него нежная любовь.

Но сэр Тристрам отвечал ей так:

— Прекрасная дама, не мое это дело — биться при таком случае в поединке, когда присутствует ее супруг и господин. Вот если бы случилось так, что ее супруга здесь не было, тогда ради чести этого двора я, быть может, выступил бы ее защитником. Или если сэра Сегварида постигнет неудача, я, возможно, еще побеседую с этим добрым рыцарем, прежде чем он покинет пределы нашей страны.

Но в скором времени прибыл ко двору оруженосец сэра Сегварида и возвестил, что их господин побит и изранен и уже при последнем издыхании — он хотел отбить у сэра Блеобериса свою жену, но тот его опрокинул и жестоко изранил.

Огорчился король Марк таким вестям, и с ним весь двор. Когда же сэр Тристрам об том услыхал, он устыдился и горько опечалился и в тот же миг он облачился в доспехи и уселся верхом на коня своего, а Говернал, его слуга, вез за ним щит и копье.

Скачет сэр Тристрам во весь опор, а навстречу ему сэр Андрет, его родич, посланный королем Марком нагнать и привести двух рыцарей короля Артура, которые проезжали через их страну в поисках приключений.

Увидел сэр Тристрам сэра Андрета и спрашивает:

— Какие вести везете, кузен?

— Да поможет мне бог,— отвечал сэр Андрет,— хуже у меня вестей не бывало, ибо вот я по велению короля Марка отправился, чтобы привести к нему двух рыцарей короля Артура, но первый же из них двоих меня побил и поранил и даже не стал меня слушать.

— Любезный кузен,— сказал сэр Тристрам,— езжайте своей дорогой, я же, если встречу их, то, быть может, еще им за вас отомщу.

И сэр Андрет поскакал дальше в Корнуэлл, а сэр Тристрам поехал вдогонку за теми двумя рыцарями, из коих одного звали Саграмур Желанный, другого же имя было сэр Додинас Свирепый.



КАК СЭР ТРИСТРАМ БИЛСЯ С ДВУМЯ РЫЦАРЯМИ КРУГЛОГО СТОЛА ❧ Вот в недолгом времени увидел их сэр Тристрам впереди себя: скачут два добрых рыцаря, один другого виднее.

— Сэр,— говорит Говернал своему господину,— мой совет вам: не вступайте с ними в бой, ведь это — два прославленных рыцаря от Артурова двора.

— Что до этого,— отвечал сэр Тристрам,— то не сомневайся, в бой я с ними двумя вступлю непременно, дабы умножить мою честь и славу, ведь уже много дней как я не занимался бранным делом.

— Поступайте, как знаете,— сказал Говернал.

Тогда окликнул их вдруг сэр Тристрам и спросил, откуда они и куда направляются и что делают в этих краях. А сэр Саграмур оглядел сэра Тристрама с презрением, лишь усмехнулся его речам и, вместо ответа, его спрашивает:

— А вы, сэр, корнуэльский рыцарь?

— Отчего вы это спрашиваете? — говорит сэр Тристрам.

— А оттого, что редко бывает, чтобы вы, корнуэльские рыцари, являли доблесть в бранном деле,— отвечает сэр Саграмур.— Еще и двух часов не прошло, как с нами тут повстречался один из ваших корнуэльских рыцарей. На словах-то он воин хоть куда, а на деле-то и оглянуться не успел — оказался на земле.. И думается мне,— так сказал сэр Саграмур,— что и вам достанется тот же трофей.

— Любезные лорды,— сказал сэр Тристрам,— кто знает, быть может, я успешнее сумею выстоять против вас. И хотите вы того или нет, я буду с вами сражаться, ибо побитый вами рыцарь приходится мне сородичем. А потому покажите-ка себя как можете! И знайте: если только не приложите вы стараний, быть тогда вам обоим побитыми одним корнуэльским рыцарем!

Как услышал сэр Додинас Свирепый такие его слова, он схватил копье и говорит:

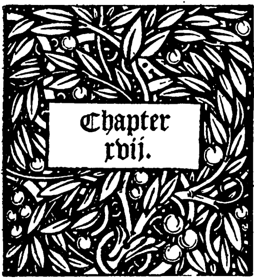
— Сэр рыцарь, держись!

И они разъехались и с разгону налетели друг на друга, словно гром грянул.

Копье сэра Додинаса раскололось на куски, сэр же Тристрам поразил его сильнее — он опрокинул его и сбросил наземь через круп его коня, так что тот едва шею не сломал.

Увидел сэр Саграмур, что его товарищ повергнут наземь, и подивился: что же это за рыцарь? Но тут же изготовился, выставил копье и со всей силой ринулся на сэра Тристрама, а тот на него, и сшиблись они, будто гром грянул. Но при этом сэр Тристрам нанес сэру Саграмуру столь могучий удар, что и коня, и всадника сокрушил наземь, и тот, упавши, сломал себе бедро.

А сэр Тристрам тогда и говорит:
— Любезные рыцари, довольно ли с вас будет? Нет ли при дворе короля Артура рыцарей покрепче? На позор себе бесчестите вы имя рыцарей Корнуэлла, ибо, глядишь, какой-нибудь корнуэльский рыцарь вас вдруг одолеет.
— Это правда,— отвечал сэр Саграмур,— и мы в этом убедились. Но прошу вас,— сказал сэр Саграмур,— откройте нам, кто вы, я требую от вас этого во имя вашей преданности и верности высокому Ордену Рыцарства.
— Вы заклинаете меня великими вещами,— сказал сэр Тристрам,— и раз вам так угодно, то знайте и помните: я — сэр Тристрам Лионский, сын короля Мелиодаса и родной племянник королю Марку.
Возрадовались те двое рыцарей, что пришлось им встретиться с сэром Тристрамом, и стали они приглашать его к себе в товарищи.
— Нет,— отвечал им сэр Тристрам,— это невозможно, ибо я должен еще сразиться с одним из ваших рыцарей по имени сэр Блеоберис Ганский.
— Да пошлет вам бог удачи,— сказали сэр Саграмур и сэр Додинас.
И вот простился с ними сэр Тристрам и поехал дальше своей дорогой. Наконец, видит: впереди по долине скачет сэр Блеоберис, а с ним и Сегваридова жена едет на лошади позади его оруженосца.



КАК СЭР ТРИСТРАМ БИЛСЯ ЗА ДАМУ С СЭРОМ БЛЕОБЕРИСОМ И КАК ДАМЕ БЫЛО ПРЕДЛОЖЕНО ВЫБРАТЬ, С КЕМ ОНА ПОЕДЕТ

Прибавил сэр Тристрам ходу и их нагоняет.
И говорит сэр Тристрам:
— Стой, рыцарь Артурова двора! Отвези назад эту даму или же отдай ее мне!
— Не сделаю ни того, ни другого,— отвечал сэр Блеоберис.— Нет такого корнуэльского рыцаря, которого я бы побоялся настолько, чтобы уступить ему даму.
— А что же,— спрашивает сэр Тристрам,— разве корнуэльские рыцари хуже прочих? Вот как раз сегодня, милях в трех отсюда, повстречались мне два ваших рыцаря, и, прежде чем нам расстаться, убедились они, что и в Корнуэлле сыщутся рыцари, которые им обоим ни в чем не уступят.
— Как же их звали? — спрашивает сэр Блеоберис.
— Сэр, они мне сказали, что одного из них зовут сэр Саграмур Желанный, другого же — сэр Додинас Свирепый.
— А! — сказал сэр Блеоберис.— Значит вот с кем вы повстречались! Да поможет мне бог, это добрые рыцари и славные бойцы, и если вы их обоих одолели, значит, не иначе как и сами вы рыцарь доблестный. Но пусть вы и побили их обоих, все равно меня вы не запугаете, и вам придется сначала одолеть и меня, прежде чем вы получите эту даму.

— Тогда защищайтесь! — вскричал сэр Тристрам.

И они разъехались и сшиблись с разгону, точно гром грянул, и один другого повергли наземь вместе с конями. Тогда высвободили они ноги из стремян и стали яростно рубиться мечами и свирепо, то отсюда, то оттуда, отступая и наступая, когда справа, когда слева — и так больше двух часов. И порой бросались друг на друга с такою силой, что валились оба ничком на землю.

Но под конец отступил сэр Блеоберис Ганский на один шаг назад и сказал так:

— Повремени, благородный рыцарь,— попридержи руку и давай побеседуем.

— Говорите, что вам угодно,— отвечал сэр Тристрам,— и я, если смогу, вам отвечу.

— Сэр,— сказал Блеоберис,— я хочу знать, откуда вы родом, кто ваши родители и как ваше имя.

— Да поможет мне бог,— сказал сэр Тристрам,— я не боюсь назвать вам мое имя. Знайте же, что я сын короля Мелиодаса, мать моя была сестрой королю Марку, а мое имя — сэр Тристрам Лионский, и король Марк мне родной дядя.

— Воистину,— сказал сэр Блеоберис,— я счастлив, что встретился с вами, ведь вы — тот самый рыцарь, что убил на острове рыцаря Мархальта, сражаясь с ним один на один за право Корнуэлла не платить дани. И вы же одолели доброго рыцаря сэра Паломида на турнире в Ирландии, когда он один побил сэра Гавейна с девятью товарищами.

— Да поможет мне бог,— отвечал сэр Тристрам,— знайте, что я и в самом деле тот самый рыцарь. Ну, а теперь, когда я сказал вам, кто я, назовите и вы мне ваше имя.

— С доброй охотою. Да будет вам ведомо, что я — сэр Блеоберис Ганский, а мой брат зовется Бламур Ганский, он известен своей рыцарской доблестью. И оба мы приходимся племянниками с сестринской стороны[8] господину нашему сэру Ланселоту Озерному, который славится как один из лучших рыцарей мира.

— Это правда,— сказал сэр Тристрам,— сэр Ланселот прославлен как не имеющий себе равных в рыцарском вежестве и в рыцарской доблести. И ради него,— сказал сэр Тристрам,— я не стану больше по моей доброй воле биться с вами, ради великой любви, что питаю я к сэру Ланселоту.

— Клянусь,— сказал сэр Блеоберис,— что и я тоже никак не хотел бы биться с вами, и раз уж вы последовали сюда за мною, чтобы отбить у меня эту даму, я тут же и выкажу вам мое вежество и расположение. Мы поставим ее между нами двоими, и с кем она пожелает поехать: с вами или со мною,— тот пусть и увозит ее с миром.

— Я согласен,— отвечал сэр Тристрам,— ибо мне думается, она захочет оставить вас и поехать со мною.

— А мы вот сейчас увидим,— сказал сэр Блеоберис.



КАК ДАМА ПРЕНЕБРЕГЛА СЭРОМ ТРИСТРАМОМ И ОСТАЛАСЬ С СЭРОМ БЛЕОБЕРИСОМ, И КАК ОНА ПОЖЕЛАЛА ВЕРНУТЬСЯ К СВОЕМУ МУЖУ ❧ И вот, когда ее поставили между ними, она обратилась к сэру Тристраму с такими словами:

— Знай, о сэр Тристрам Лионский, что до недавнего времени ты был тем, кого я всех более на свете любила и на кого полагалась. И я думала, что ты тоже любишь меня больше, чем всех других женщин. Но когда у тебя на глазах этот рыцарь увез меня, а ты и не попытался меня спасти, но позволил, чтобы за мной поехал мой муж сэр Сегварид,— тогда я перестала верить в твою любовь. И потому теперь я отказываюсь от тебя и отныне тебя больше не люблю.

И с тем перешла она к сэру Блеоберису. Увидев такое, сильно разгневался на нее сэр Тристрам и застыдился возвращаться один ко двору. Но сэр Блеоберис сказал сэру Тристраму:

— Это ваша вина, из слов этой дамы я понял, что она изо всех рыцарей на земле всех более верила вам, вы же, как она говорит, обманули ее веру. Насильно, я знаю, никого не удержишь, но я, чем причинять вам огорчения, готов уступить ее вам, если только она согласна.

— Ну, нет,— сказала дама,— да поможет мне Иисус, я ни за что с ним не поеду, ибо он, кого я так любила и верила, что и он меня любит, оставил меня в нужде. И потому, сэр Тристрам,— так сказала она,— скачи, откуда приехал, ибо хоть ты и одолел этого рыцаря, как тому и быть должно, однако я с тобою не поеду. Я буду просить этого рыцаря, столь любезного и благородного, чтобы прежде чем покинуть пределы этой страны, он отвез меня в обитель, где лежит мой господин сэр Сегварид.

— Да поможет мне бог,— сказал сэр Блеоберис,— пусть будет вам ведомо, добрый рыцарь сэр Тристрам, ведь это король Марк даровал мне право выбрать, что́ мне захочется при его дворе, и мне всего более приглянулась эта дама — хоть она и повенчана, и у нее есть супруг и господин,— однако теперь, когда я исполнил назначенный мне рыцарский подвиг, я отправлю ее назад к мужу, и в особенности из любви к вам, сэр Тристрам. А если бы она согласилась поехать с вами, я бы ее вам отдал.

— Я благодарю вас,— сказал сэр Тристрам.— Я же по ее милости впредь буду знать, каких женщин любить, каким дамам верить. Ведь будь ее супруг сэр Сегварид в отсутствии, я бы первый последовал за вами. Однако теперь, раз она меня отвергла, я уж точно буду знать, кого можно любить, на кого полагаться.

С тем простились они и разъехались — сэр Тристрам возвратился в Тинтагиль, а сэр Блеоберис поехал в ту обитель, где лежал сэр Сегварид, страдая от тяжких ран, и там он вернул ему жену и ускакал прочь как благородный рыцарь.

И при виде жены своей утешился сэр Сегварид. А она поведала ему о том, как сэр Тристрам бился с сэром Блеоберисом в жестоком поединке и заставил того привезти ее назад.

Приятно было сэру Сегвариду, что сэр Тристрам столько для него сделал; а дама поведала и королю Марку, как проходил бой между сэром Тристрамом и сэром Блеоберисом.



КАК КОРОЛЬ МАРК ПОСЛАЛ СЭРА ТРИСТРАМА В ИРЛАНДИЮ ЗА ПРЕКРАСНОЙ ИЗОЛЬДОЙ, И КАК ПО ВОЛЕ СЛУЧАЯ ОН ПРИПЛЫЛ В АНГЛИЮ ❧ И тогда король Марк задумал в сердце своем любым способом погубить сэра Тристрама, и измыслил он про себя отправить сэра Тристрама в Ирландию со сватовством к Прекрасной Изольде. Ибо сэр Тристрам так восхвалял ее красоту и добрый нрав, что король Марк объявил о своем намерении взять ее себе в жены. И с этим поручением просил он сэра Тристрама отплыть в Ирландию. А все это было лишь затем, чтобы сэра Тристрама там убили. Но ни опасности, ни угроза гибели не склонили сэра Тристрама отказаться от поручения, данного ему его дядей. И вот он собрался в дорогу, снарядился самым достойным образом — он взял с собою самых видных рыцарей, каких только можно было найти при дворе, в самом лучшем по обычаям тогдашних времен облачении.

Вот сел сэр Тристрам со своей дружиной на корабль и вышел в море. Но в открытом море разразилась вдруг буря и пригнала их обратно к берегу Англии. Прибило их под самые стены Камелота, и не было меры их радости, когда удалось им причалить. Вышли они на берег, сэр Тристрам тут же разбил шатер на Камелотской земле, и повесил на шатер свой щит.

В тот же день проезжали там двое рыцарей короля Артура: один был сэр Эктор Окраинный, а другой — сэр Морганор. Эти двое ударили в щит и стали вызывать его, чтобы вышел он из шатра и сразился с ними, если он пожелает.

— Сейчас получите ответ,— отозвался сэр Тристрам,— лишь чуть-чуть повремените.

Он изготовился к бою и сначала сбил наземь сэра Эктора, а вслед за ним и сэра Морганора — обоих одним копьем, и они жестоко расшиблись. И, лежа на земле, стали они спрашивать, кто он таков и рыцарь какой страны.

— Любезные лорды,— отвечал сэр Тристрам,— да будет вам известно, что я из Корнуэлла.

— Увы!— сказал сэр Эктор.— Позор мне, что меня одолел корнуэльский рыцарь!

И в сердцах сэр Эктор сорвал с себя доспехи, отбросил их прочь и пошел пешком, не желая садиться на коня.



КАК ИРЛАНДСКИЙ КОРОЛЬ АНГВИСАНС БЫЛ ПРИЗВАН КО ДВОРУ КОРОЛЯ АРТУРА ЗА ИЗМЕНУ ❧ А как раз случилось, что братья сэр Блеоберис Ганский и сэр Бламур Ганский в это время передали от короля Артура наказ королю Ирландии Ангвисансу явиться к Артурову двору под страхом лишения королевской милости — если в тот самый день, условленный и назначенный, он не явится, то потеряет король Ирландии все свои земли.

Но в тот день получилось так, что ни сам король Артур, ни сэр Ланселот не могли присутствовать на суде, ибо король Артур был с сэром Ланселотом в замке Веселая Стража. И потому король Артур назначил короля Карадоса и короля скоттов быть в тот день судьями.

И вот когда съехались короли в Камелот, король Ангвисанс Ирландский явился, дабы увидеть своих обвинителей. И выступил против него сэр Бламур Ганский и обвинил ирландского короля в измене — что он предательски убил у себя при дворе их сородича. Король от таких речей совсем смешался, ибо до того как он прибыл в Камелот, он и не знал даже, что за причина была королю Артуру за ним посылать.

Но выслушав все, что тот против него пожелал сказать, король понял, что иного ему пути нет, как только ответить на обвинения по-рыцарски. Ибо в те времена был такой обычай, что всякий, кого обвиняли в измене или убийстве, должен был сразиться за свою правоту один на один или же найти другого рыцаря, который бы за него сразился. А убийства в те времена почитались за измену.

И потому, узнав, каковы возведенные на него обвинения, король Ангвисанс пал духом, ибо он знал, что сэр Бламур Ганский — рыцарь доблестный. Но долго думать об ответе ему было нечего. Судьи назначили ему явиться с ответом на третий день. А покуда он отбыл в свои покои.

В один из этих дней проезжала мимо Тристрамова шатра дама, горько о чем-то убиваясь.

— Что с вами? — спросил ее сэр Тристрам,— отчего вы так убиваетесь?

— Ах, любезный рыцарь! — отвечала дама.— Если какой-нибудь благородный рыцарь мне не поможет, я опозорена! Одна знатная дама послала меня отвезти в дар сэру Ланселоту прекрасный щит, богато изукрашенный, но неподалеку отсюда мне повстречался какой-то рыцарь, он сбросил меня с лошади и отнял у меня щит.

— Ну, что ж, госпожа моя,— сказал сэр Тристрам,— уж хотя бы ради господина моего сэра Ланселота я добуду вам этот щит, или же буду побежден в поединке.

С тем сел сэр Тристрам на коня и спрашивает даму, в какую сторону поскакал тот рыцарь. Она указала ему, и он помчался вдогонку. В недолгом времени нагнал он рыцаря и потребовал от него, чтобы он воротился назад и отдал даме щит.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ЗАЩИТИЛ ПАЖА ОТ РЫЦАРЯ И КАК ГОВЕРНАЛ РАССКАЗАЛ ЕМУ ПРО КОРОЛЯ АНГВИСАНСА

Но рыцарь тотчас же поворотил коня и изготовился к бою, и тогда сэр Тристрам нанес ему мечом такой удар, что он покатился на землю, и после этого он сдался сэру Тристраму.

— Ах, так? Тогда поезжай назад и возврати щит даме! — сказал сэр Тристрам.

И тот послушно сел на своего коня и поскакал рядом с сэром Тристрамом, а сэр Тристрам по дороге спрашивает, как его имя.

— Сэр,— тот отвечал,— я зовусь Брюс Безжалостный.

А возвратив даме щит, он сказал:

— Сэр, этим все поправлено.

И тогда сэр Тристрам его отпустил, о чем впоследствии горько раскаялся, ибо тот был заклятым врагом многим добрым рыцарям Артурова двора.

Вскоре после того пришел к нему в шатер слуга его Говернал и рассказал о приезде короля Ангвисанса Ирландского и о том, что он попал в беду: и рассказал он ему, как тот был призван ко двору и обвинен в убийстве.

— Да поможет мне бог,— молвил сэр Тристрам,— это лучшая весть, какую я слышал за последние семь лет. Ибо теперь королю Ирландии будет нужда в моей помощи. Ведь я думаю, едва ли найдется в этой стране рыцарь, не принадлежащий к Артурову двору, который отважился бы вступить в поединок с сэром Бламуром Ганским. Я же, чтобы завоевать любовь короля Ирландии, возьму этот поединок на себя. И потому поручаю тебе, Говернал, отправляйся к королю и это ему передай.

Вот явился Говернал к королю Ангвисансу Ирландскому и приветствовал его с глубоким почтением. Король принял его радушно и спрашивает, зачем он пожаловал.

— Сэр,— тот отвечает,— здесь неподалеку находится один рыцарь, который желает побеседовать с вами. Он поручил мне сказать вам, что его меч к вашим услугам.

— Что же это за рыцарь? — спрашивает король.

— Сэр, это — сэр Тристрам Лионский, он за милости, которые вы ему оказывали в вашей стране, готов отплатить вам здесь.

— Пойдем же, добрый человек,— сказал король,— сведи меня сей же час с сэром Тристрамом.

Сел король на низкорослую лошадь и лишь с малой свитой подъехал к Тристрамову шатру. Увидев короля, сэр Тристрам выбежал к нему навстречу и хотел поддержать его стремя, но король поспешил соскочить с лошади, и они крепко обнялись.

— Благороднейший господин мой,— сказал сэр Тристрам,— я благодарю вас за милости и ласки, что оказывали вы мне в вашей стране! Ведь я еще

тогда дал слово сослужить вам службу, если когда-либо это будет в моей власти.

— Ах, любезный рыцарь,— сказал король сэру Тристраму,— сейчас мне как раз великая нужда в вашей службе, никогда еще ни от кого так не нуждался я в помощи.

— А что так, господин мой?

— Я сейчас вам объясню,— отвечал король.— Я вызван на суд из моей страны держать ответ за одного рыцаря, который приходился родичем славному рыцарю сэру Ланселоту. И за него сэр Бламур Ганский, брат сэра Блеобериса, вызвал меня сразиться с ним или найти взамен себя другого рыцаря. Я же отлично знаю,— сказал король,— что все те, в ком течет кровь короля Бана, как сэр Ланселот и эти двое, все они рыцари искуснейшие и могучие, и выиграть бой у них труднее, чем у любого другого рыцаря из ныне живущих.

— Сэр,— сказал сэр Тристрам,— за то доброе расположение, что вы оказывали мне в Ирландии, и ради госпожи моей вашей дочери Изольды Прекрасной, я возьму на себя этот поединок, но с двумя условиями: поклянитесь мне, что правда на вашей стороне и не с вашего изволения убит тот рыцарь; и еще, сэр,— так продолжал сэр Тристрам,— после поединка, если по милости божией я одержу победу, вы в награду отдадите мне то, о чем я вас попрошу.

— Да поможет мне бог,— отвечал король,— вы получите, что ни попросите.



КАК СЭР ТРИСТРАМ БИЛСЯ ЗА СЭРА АНГВИСАНСА И ПОБЕДИЛ ЕГО ПРОТИВНИКА И КАК ПРОТИВНИК НЕ ХОТЕЛ СДАВАТЬСЯ ❧ — Добро,— сказал сэр Тристрам.— А теперь дайте им ответ, что ваш рыцарь готов к бою, ибо я скорее умру, защищая вас, чем уступлю и сдамся.

— Я не сомневаюсь в вас,— сказал король,— что вы, если пришлось бы, сразились бы и с сэром Ланселотом Озерным.

— Что до сэра Ланселота, то он славится как лучший и благороднейший из рыцарей в мире, и уж конечно рыцари одной с ним крови — достойные мужи и страшатся лишь одного позора. А что до сэра Блеобериса, который приходится братом сэру Бламуру, то с ним я сражался, и потому, клянусь головой, мне не зазорно назвать его добрым рыцарем.

— Сэр, говорят,— сказал король,— что сэр Бламур из них двоих сильнейший.

— Что до этого, то хотя бы и так! Будь он даже лучшим из рыцарей, носящих щит и копье, все равно я не откажусь от поединка.

С тем отправился король Ангвисанс к королю Карадосу и остальным, кто посажены были в тот раз судьями, и объявил им, что нашел рыцаря, готового за него сразиться. Тогда, по велению королей, послали за сэром Бламуром Ганским и за сэром Тристрамом Лионским, дабы при них огласить

условия поединка, и когда они оба явились пред судьями, там собралось в это время множество королей и баронов, и когда увидели они сэра Тристрама, то много о нем было толков, ведь он убил сэра Мархальта, доброго рыцаря, и одолел другого доброго рыцаря — сэра Паломида.
Вот провозглашен был поединок, и разъехались они готовиться к бою.
И сказал сэр Блеоберис брату своему сэру Бламуру:
— Любезный и милый брат,— так сказал он,— помните о том, какого мы рода и кто таков сэр Ланселот Озерный, которому мы приходимся с братниной стороны ни много ни мало как родными племянниками. Никогда еще никто в нашем роду не терпел посрамления в бою, и потому, брат, лучше примите смерть, чем позор!
— Брат,— отвечал сэр Бламур,— не сомневайтесь во мне, я не опозорю мой род. Правда, тот рыцарь, как мне известно, почитается одним из лучших, какие живут теперь на свете, но все равно я ему не сдамся и не произнесу ненавистных слов. Может статься, что он повергнет меня наземь своею рыцарской мощью,— тогда пусть он меня убивает, я пощады не попрошу.
— Бог да пошлет вам удачу,— сказал сэр Блеоберис,— ибо вы увидите, что он — самый могучий рыцарь изо всех, с кем вам приходилось сражаться. Уж я-то знаю, я сам бился с ним в поединке.
— Да поможет мне бог! — сказал сэр Бламур.
И с тем сел он на коня в одном конце поля, а сэр Тристрам — на другом, и они, выставив и уперев копья, сшиблись с разгона, точно гром грянул, и сэр Тристрам, через великую свою мощь, сокрушил сэра Бламура наземь вместе с конем.
Но сэр Бламур тут же высвободил ноги из стремян, вытащил меч и, выдвинув щит перед собою, крикнул сэру Тристраму, чтобы он спешился.
— Ибо хоть конь мой меня не выдержал, даст бог, земля выдержит!
Тогда и сэр Тристрам спешился и изготовился к бою, и стали они рубиться яростно, нападая, уклоняясь и нанося множество жестоких ударов, так что все короли и бароны только диву давались, откуда у них силы выстоять такое, ибо они бились, как безумные. Никогда еще до сей поры не видано было, чтобы два рыцаря рубились отчаяннее. Сэр Бламур нападал с таким пылом, что не оставалось и минуты дух перевести, и дивиться можно было, как это у них еще хватает силы держаться на ногах. Вокруг же, там, где они сражались, вся земля была залита кровью. Но вот под конец сэр Тристрам нанес сэру Бламуру по шлему такой удар, что тот так и повалился на бок, сэр же Тристрам стоял недвижно, глядя на него.



КАК СЭР БЛАМУР ЖЕЛАЛ, ЧТОБЫ ТРИСТРАМ УБИЛ ЕГО, И КАК СЭР ТРИСТРАМ СОХРАНИЛ ЕМУ ЖИЗНЬ И КАК ОНИ ЗАКЛЮЧИЛИ УГОВОР ❧ И вот, собравшись с силами, сэр Бламур заговорил и сказал так:
— Сэр Тристрам Лионский, прошу тебя, как есть ты благородный рыцарь и лучший боец, какого случалось мне встретить, убей меня, ибо я не хочу

жить, даже если б сделали меня владыкой всей земли. Лучше пусть я умру здесь с честью, чем мне жить в позоре. И потому, сэр Тристрам, придется тебе меня убить, иначе ты не выйдешь победителем, ибо я никогда не произнесу ненавистных слов и не попрошу пощады. Так что, рази, если смеешь, убей меня, я требую!

Когда услышал сэр Тристрам его столь рыцарственные речи, не знал он в сердце своем, как ему с ним поступить. Помня, какой он крови и с отцовской, и с материнской стороны, и из любви к сэру Ланселоту, он не хотел его убивать. И однако же, ему не было иного выбора, как только заставить его произнести те ненавистные слова, либо же убить его.

И вот сэр Тристрам отошел назад и подступил к королям, вершившим суд. И там он преклонил перед ними колена и заклинал их ради их чести и преданности королю Артуру, и ради сэра Ланселота, взять решение в свои руки.

— Ибо, любезные лорды,— сказал сэр Тристрам,— достойно всякой жалости и позорно было бы, если бы вон тот благородный рыцарь, что лежит там, был убит, потому что, вы сами слышали, позора он принять не желает. И бог да не попустит, чтобы смерть или позор пришли к нему от меня. Что же до короля, за которого я сражаюсь, то у него я, как я есть его верный рыцарь и защитник, испрошу пощады для этого рыцаря.

— Да поможет мне бог,— сказал король Ангвисанс,— ради вас, сэр Тристрам, я согласен поступить, как вы желаете, и я готов от души просить королей, вершащих ныне суд, чтобы они взяли решение в свои руки.

Тогда короли, их судившие, призвали сэра Блеобериса и спросили его совета.

— Лорды,— отвечал сэр Блеоберис,— хоть брат мой и оказался повержен и побежден силой оружия, все же, я знаю, сокрушив его тело, духа его сэр Тристрам не сокрушил; и позора, благодарение господу, он ныне не претерпел. И чем быть ему опозоренным, я требую,— сказал сэр Блеоберис,— пусть лучше сэр Тристрам его убьет!

— Не бывать этому! — сказали короли.— Ведь оба его противника: и король, и его рыцарь,— сжалились над сэром Бламуром за его рыцарственное благородство.

— Лорды,— сказал сэр Блеоберис,— пусть будет по-вашему.

Тогда судьи призвали короля Ирландии, и он оказался в добром расположении и сговорчив. И тогда, по всеобщему решению, сэр Тристрам и сэр Блеоберис подняли с земли сэра Бламура, и обоих братьев склонили к примирению с королем Ангвисансом, и они поцеловались и заключили меж собой дружбу навеки. После этого поцеловались и сэр Тристрам с сэром Бламуром, и они оба поклялись, что ни тот ни другой из братьев никогда не будет воевать с сэром Тристрамом, и сэр Тристрам дал им такую же клятву. И за тот рыцарственный поединок все в роду сэра Ланселота всегда любили сэра Тристрама.

А после того король Ангвисанс и сэр Тристрам со всеми простились и отплыли в Ирландию с великой торжественностью и веселием. Когда же они прибыли в Ирландию, то король повелел оповестить по всей стране, что сделал для него сэр Тристрам и как это было. И тогда королева и все ос-

тальные приняли его с превеликим почтением. Но радость, с какой встретила сэра Тристрама Прекрасная Изольда, не выразить человеческим языком, ибо она любила его больше, чем кого-либо на свете.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ПРОСИЛ ПРЕКРАСНУЮ ИЗОЛЬДУ ДЛЯ КОРОЛЯ МАРКА И КАК СЭР ТРИСТРАМ И ИЗОЛЬДА ИСПИЛИ ЛЮБОВНОГО НАПИТКА ❧ И вот однажды король Ангвисанс спрашивает сэра Тристрама, отчего он не просит обещанного ему дара. А сэр Тристрам отвечает:
— Да, сейчас настало время. Сэр, вот все, чего я желаю: отдайте мне вашу дочь Изольду Прекрасную, не для меня самого, но для моего дяди, короля Марка, который хочет взять ее в жены, а я дал ему в этом слово.
— Увы! — сказал король.— Я бы отдал все земли, какими владею, чтобы только вы сами на ней женились.
— Сэр, сделай я это, и я буду опозорен на всю жизнь, что оказался неверен своему слову. И потому,— сказал сэр Тристрам,— призываю и вас исполнить обещание, которое вы мне дали, ибо таково мое желание: отдайте мне Прекрасную Изольду, чтобы она поехала вместе со мной в Корнуэлл и стала там женой короля Марка, моего дяди.
— Что до этого,— сказал король Ангвисанс,— то вы ее получите и вольны будете с ней поступить как захотите. То есть, если вы захотите сами на ней жениться, мне это более всего по душе, ну, а отдадите дяде вашему королю Марку — выбор ваш.
И вот, заключая кратко, Изольду Прекрасную собрали в путь — плыть вместе с сэром Тристрамом. Вместе с нею отправилась дама Брангвейна главной ее камеристкой и еще многие служанки; это королева, мать Изольды, послала с нею даму Брангвейну.
И еще она и Говернал повезли с собой от королевы напиток, который она им наказала дать королю Марку в самый день свадьбы, чтобы он выпил за Прекрасную Изольду.
— А уж тогда,— так говорила им королева,— они оба будут любить друг друга до конца их дней.
Так был поручен этот напиток даме Брангвейне и Говерналу.
Так отплыл сэр Тристрам от берегов Ирландии, и с ним Прекрасная Изольда. И вот как-то, когда находились они в каюте, случилось, что оба они почувствовали жажду. И видят, стоит подле них золотой фиал, а в нем, на вкус и на вид, благородное вино. Взял сэр Тристрам в руку тот фиал и говорит:
— Госпожа Изольда, вот доброе вино, которое ваша служанка дама Брангвейна и Говернал, мой слуга, держат для себя.

И они оба весело рассмеялись, и испили оба вдоволь того напитка друг за друга, и показалось им, что никогда еще не отведывали они такого доброго и сладкого вина. Но с первого же глотка они полюбили друг друга такой любовью, какая не кончается никогда, ни в радости, ни в горе. Вот как возникла между сэром Тристрамом и Прекрасной Изольдой любовь, которая продолжалась до конца дней их жизни.

Так плыли они, пока, по воле случая, не приплыли к берегу под стенами замка, который звался Замок Рыданий, и туда они вошли, чтобы передохнуть, ожидая найти там удобный ночлег.

Но едва только сэр Тристрам взошел в ворота замка, как все они оказались пленниками, ибо в этом замке был такой обычай, что всякий, кто проезжает мимо вместе с дамой, обязан сразиться с хозяином замка по имени сэр Брюнор. И если победителем окажется этот Брюнор, тогда мимоезжий рыцарь и его дама должны быть убиты, кто бы такие они не были. Если же мимоезжий рыцарь возьмет верх над сэром Брюнором, то тогда тот должен умереть, и его дама тоже. И уже много лет держался у них этот обычай, оттого и замок тот именовался Замком Рыданий.



КАК СЭР ТРИСТРАМ И ИЗОЛЬДА БЫЛИ В ТЕМНИЦЕ И КАК ОН БИЛСЯ ЗА ЕЕ КРАСОТУ И ОТРУБИЛ ГОЛОВУ ДРУГОЙ ДАМЕ ❧ И вот когда сэр Тристрам с Прекрасной Изольдой очутились в темнице, пришел к ним туда какой-то рыцарь с дамой, чтобы их развлечь беседой. Сэр же Тристрам так сказал этому рыцарю и даме:

— Для какой причины владелец этого замка держит нас в заточении? Ибо ни в одном месте, где уважается честь, не приходилось мне встречать такого обычая, чтобы рыцаря с дамой, попросивших приюта, сначала приняли, а потом этих же гостей своих хватали и бросали в темницу.

— Сэр,— отвечал рыцарь,— таков старинный обычай этого замка, чтобы всякий приезжий рыцарь непременно сразился с нашим господином, и кто окажется слабейшим, тому голову долой. А после того, если дама, что с ним приехала, окажется собою безобразнее, чем супруга нашего господина, то и ей отсекут голову долой. Если же она превосходит красотою нашу госпожу, тогда лишится головы владелица этого замка.

— Да поможет мне бог,— сказал сэр Тристрам,— это безобразный обычай и постыдный. Но на моей стороне одно преимущество,— сказал сэр Тристрам,— моя дама собой уж во всяком случае хороша, и она-то по недостатку красоты не лишится головы. Я же, чем лишиться головы, лучше буду биться за свою голову в честном поединке. Сэр рыцарь и вы, прекрасная дама, прошу вас, передайте вашему господину, что завтра с утра я буду готов к бою за себя и за мою даму, если только мне дадут коня моего и доспехи.

— Сэр,— отвечал рыцарь,— обещаю вам, что ваше желание будет исполнено, а потому вы покуда ложитесь на покой, завтра же подымитесь пораньше и будьте готовы, и вы, и ваша дама, ибо вам ни в чем, что вам потребно, не будет недостатка.
И с тем он вышел, а назавтра, рано поутру, этот же самый рыцарь явился к сэру Тристраму и вывел его с его дамой на волю, вручил ему коня и доспехи, его собственные, и наказал ему готовиться к бою, ибо все сословия и общины того герцогства уже собрались на поле наблюдать поединок и суд. И вот явился сэр Брюнор, герцог того замка, и он вел за руку свою даму. И спросил он сэра Тристрама, где его спутница.
— Ибо если твоя дама прекраснее собою, нежели моя, тогда бери свой меч и отсеки моей даме голову. Если же моя дама прекраснее твоей, тогда я должен буду отсечь моим мечом голову твоей даме. И если я одолею тебя, значит, быть твоей даме моею, ты же лишишься головы.
— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— это безобразный обычай и ужасный, и чем лишиться головы моей даме, пусть лучше отсекут голову мне.
— Ну, нет! — сказал сэр Брюнор.— Дамы предстанут вместе на суд первыми, и одна из них получит, что ей причитается.
— Нет, я не согласен,— отвечал сэр Тристрам,— ибо здесь нет никого, кто мог бы судить по справедливости. Я-то знаю,— сказал сэр Тристрам,— что моя дама прекраснее твоей, и готов доказать это в честном бою. А кто не поверит, пусть рискнет своей головой!
И с тем сэр Тристрам вывел вперед Прекрасную Изольду и трижды обошел с нею по кругу, держа в руке обнаженный меч. Так же и сэр Брюнор обошел трижды со своей дамой. Но когда сэр Брюнор увидел Прекрасную Изольду, он понял, что никогда в жизни не встречал он дамы прекраснее, и подумалось ему, что не иначе как быть его даме без головы. И все, кто там присутствовали, высказали суждение, что из двух дам Прекрасная Изольда лицом красивее и станом стройнее.
— Ну, так как же? — говорит сэр Тристрам.— Мне жаль, что этой даме предстоит лишиться головы. Но за то, что ты и она завели этот злой обычай, за то, что по вашей с нею вине погибло много добрых рыцарей и прекрасных дам,— из-за этого всего невелика будет потеря убить вас обоих.
— Да поможет мне бог,— сказал сэр Брюнор.— Ибо, правду сказать, твоя дама прекраснее моей, хоть мне и обидно это признавать, но я слышу, что и народ весь потихоньку так говорит, ибо изо всех женщин, мне известных, ни одна не была столь хороша. И потому, если ты убьешь мою даму, тем лучше: я, без сомнения, убью тебя и твою даму возьму себе.
— Ну, ее придется тебе сначала у меня отвоевать,— отвечал сэр Тристрам.— И достанется она тебе, поверь, недешево. А за этот твой суд, что угрожал моей даме, окажись она из двух безобразнее, и за злой ваш обычай отдавай-ка сюда твою даму,— сказал сэр Тристрам.
И с тем сэр Тристрам шагнул к нему, взял его даму и одним косым ударом отсек ей голову прочь.
— Ну, что ж, рыцарь,— говорит сэр Брюнор,— этим ты причинил мне страшное оскорбление. Теперь садись на коня, и раз уж я остался без дамы, я отвоюю даму у тебя, если смогу.



КАК СЭР ТРИСТРАМ БИЛСЯ С СЭРОМ БРЮНОРОМ И ПОД КОНЕЦ ОТСЕК ЕМУ ГОЛОВУ ❧ Вот сели они на коней, сшиблись с разгону, точно бы гром грянул, и сэр Тристрам сбросил сэра Брюнора долой с коня. Но тот быстро вскочил на ноги, и, как раз когда сэр Тристрам снова на него наехал, пронзил сбоку его коня насквозь у плеча, конь пошатнулся, споткнулся и рухнул наземь мертвый. А сэр Брюнор бросился вперед, чтобы убить повергнутого сэра Тристрама, но сэр Тристрам был скор и резв и успел высвободить ноги из стремян. И все же, прежде чем сэр Тристрам успел загородиться щитом и обнажить меч, сэр Брюнор нанес ему три или четыре удара.

Потом ринулись они друг на друга, словно два вепря, то отступая, то наседая со всей мощью и с тонким искусством, и рубились, как два настоящих рыцаря-богатыря, ибо этот сэр Брюнор был боец многоопытный и погубил уже к тому времени немало добрых рыцарей, так что сожаления было достойно, что он так зажился на этом свете. Так бились они, наступая то отсюда, то оттуда, без малого два часа, и оба уже были жестоко изранены. Но под конец сэр Брюнор набежал на сэра Тристрама и схватил его в свои объятья, ибо он очень полагался на свою силу. А на самом деле в те времена сильнейшим из рыцарей был сэр Тристрам, ибо всем известно было, что мощью мышц он превосходил даже сэра Ланселота, хотя у сэра Ланселота зато было мощнее дыхание. И потому сэр Тристрам взял и отшвырнул сэра Брюнора прочь, тот упал ничком, и тогда сэр Тристрам распутал завязки его шлема и отрубил ему голову.

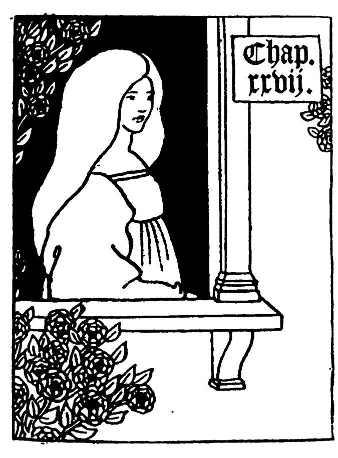
Тут все, кто принадлежали к тому замку, приблизились к нему и поклонились, признавая его своим властелином, и просили пожить немного в их замке, чтобы искоренить тот мерзкий обычай. И сэр Тристрам согласился. А между тем один из рыцарей поскакал к сэру Галахальту, Высокородному Принцу, который был сыном сэра Брюнора и доблестным рыцарем, и поведал ему о плачевной судьбе, постигшей отца его и его мать.

И приехал туда сэр Галахальт, а с ним Король-с-Сотней-Рыцарей, и вызвал сэр Галахальт сэра Тристрама сразиться с ним один на один. И вот изготовились они оба к бою и выехали на поле с великой храбростью.

Пустили они коней и сшиблись с такой силою, что оба рухнули наземь, и кони и всадники. И тогда, высвободившись из седел, они как доблестные рыцари заслонились щитами и обнажили мечи в ярости и гневе и стали рубиться, нанося один другому ужасные удары. Они то рубили, то кололи, наседали, приседали, наступали, отступали, как должно доблестным рыцарям. Так сражались они долго, едва не полдня, и оба были уже жестоко изранены. Но под конец стала возрастать Тристрамова сила и проворство, он удвоил свои удары и начал теснить сэра Галахальта то справа, то слева, так что тому уже вовсе плохо пришлось и он был близок к гибели.

Но тут выехал на поле Король-с-Сотней-Рыцарей и всей своей дружиной устремился со свежими силами на сэра Тристрама. Но когда увидел сэр Тристрам, как они скачут на него, он понял, что против них ему не высто-

ять, и тогда как благородный и разумный воин обратился он к сэру Галахальту, Высокородному Принцу, и сказал так:
— Сэр, вы не по-рыцарски со мной поступаете, позволяя всем вашим людям напасть на меня одного. А ведь вы казались мне благородным рыцарем. Позор же вам!
— Да поможет мне бог,— отвечал Галахальт,— тут уж ничего не поделаешь: придется тебе либо сдаться мне в плен, либо погибнуть, сэр Тристрам!
— Сэр, раз уж так, то я предпочту сдаться, чем погибнуть, ибо этим я уступлю силе твоих людей, а не доблести твоих рук.



КАК СЭР ГАЛАХАЛЬТ БИЛСЯ С СЭРОМ ТРИСТРАМОМ И КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОКОРИЛСЯ И ОБЕЩАЛ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К ЛАНСЕЛОТУ ❧ И с тем сэр Тристрам взял меч свой за самое острие, а рукоять вложил в руку Галахальту, но тут как раз прискакал Король-с-Сотней-Рыцарей и хотел было наброситься на сэра Тристрама.
— Назад! — приказал сэр Галахальт.— Умерьте свою храбрость и не трогайте его, ибо этому рыцарю я только что даровал жизнь.
— Позор вам! — отвечал король.— Ведь он убил вашего отца и вашу мать.
— Что до этого,— сказал сэр Галахальт,— то я его сильно винить не могу, ибо мой отец держал его в темнице и принудил к поединку. И был у моего отца обычай, который был обычаем позорным, чтобы какой рыцарь с дамой ни попросит у него пристанища, у того дама должна погибнуть, если только она красотою не превзойдет мою мать; и самого рыцаря, если отец его одолеет, тоже ожидала смерть. Воистину, обычаи такие и нравы позорны, чтобы рыцарь, ищущий пристанища, находил столь скверный прием. Из-за этого обычая я и близко не подъезжал к их замку.
— Да поможет мне бог,— сказал король,— это и правда позорный обычай.
— Истинно,— сказал сэр Галахальт,— и мне так думается. И еще думается мне, превеликой жалости было бы достойно, если бы этот рыцарь погиб, ибо он, по моему суждению, благороднейший из ныне живущих рыцарей, не считая сэра Ланселота Озерного.
— А теперь, любезный рыцарь,— сказал сэр Галахальт,— откройте мне ваше имя и откуда вы и куда направляетесь?
— Сэр,— тот отвечал,— мое имя сэр Тристрам Лионский, я был послан королем Марком Корнуэльским с поручением к королю Ирландии Ангвисансу, чтобы получить его дочь королю Марку в жены. Она здесь со мной, готовая ехать в Корнуэлл, зовут же ее — Изольда Прекрасная.
Тогда сказал сэр Галахальт сэру Тристраму:
— Да сопутствует вам удача в наших краях! Если вы дадите мне слово явиться к сэру Ланселоту и находиться при нем, я отпущу вас и вашу прекрасную даму с вами, куда вы пожелаете. Я же обещаю вам, что никогда

более, пока я жив, не возобновится в здешнем замке обычай, какой существовал здесь доныне.

— Сэр,— отвечал Тристрам,— да будет вам ведомо, что я принял вас за сэра Ланселота Озерного и оттого вас испугался. Я даю вам обещание, сэр,— так сказал Тристрам,— что найду сэра Ланселота и заключу с ним дружбу, ибо изо всех рыцарей на свете его дружба мне всего желаннее.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОВСТРЕЧАЛСЯ С СЭРОМ КАРАДОСОМ, УВОЗИВШИМ СЭРА ГАВЕЙНА, И О СПАСЕНИИ СЭРА ГАВЕЙНА ❧ И вот, когда подошло время, сэр Тристрам с ними простился и снова пустился в путь по морю.

А между тем, пришли вести, что сэр Карадос, могучий король, отличавшийся силой исполина, сражался с сэром Гавейном и нанес ему такие удары, что тот прямо в седле лишился чувств. А он тогда взял его за ворот, вытащил его из седла и, спутав веревкой, привязал к луке своего седла и поскакал с ним к своему замку. Но по дороге как раз случилось сэру Карадосу повстречать сэра Ланселота, и тот сразу же признал сэра Гавейна в связанном рыцаре, что лежал у того поперек седла.

— А, это вы! — сказал сэр Ланселот сэру Гавейну.— Как дела?

— Хуже не было,— отвечал сэр Гавейн,— Вот разве только вы мне поможете. Ибо, да поможет мне бог, если вы меня не спасете, я не знаю другого, кто смог бы меня спасти, кроме вас и еще сэра Тристрама.

И от этих слов сэра Гавейна грустно стало сэру Ланселоту.

Крикнул он сэру Карадосу:

— Опусти на землю этого рыцаря и сразись со мной!

— Ты просто глупец,— отвечал сэр Карадос,— ведь я же и с тобой точно так же разделаюсь.

— Что до этого,— сказал сэр Ланселот,— то давай, нападай не жалея сил, ибо предупреждаю, что я тебя щадить не буду.

Связал сэр Карадос сэра Гавейна по рукам и ногам и так швырнул на землю, а потом взял у своего оруженосца копье и отъехал от сэра Ланселота для разгона. Вот сшиблись они и обломали оба копья по рукояти. Тогда они обнажили мечи и рубились верхами более часа. Но под конец сэр Ланселот нанес сэру Карадосу такой удар по шлему, что проломил ему череп. А тогда сэр Ланселот схватил сэра Карадоса за ворот, стянул его под ноги своего коня, сам спешился, стащил с него шлем и отсек ему голову. После этого сэр Ланселот развязал сэра Гавейна.

Этот самый рассказ и достиг ушей сэра Галахальта и сэра Тристрама. И сказал сэр Галахальт:

— Вот видите, какая слава осеняет сэра Ланселота.

— Увы! — сказал сэр Тристрам.— Не будь я занят сейчас тем, что сопровождаю эту прекрасную даму, право, я бы тут же отправился в путь и не остановился, покуда бы не разыскал сэра Ланселота.

И с тем отплыли сэр Тристрам и Прекрасная Изольда и прибыли в Корнуэлл, а там их вышли встречать все бароны.



О СВАДЬБЕ КОРОЛЯ МАРКА И ПРЕКРАСНОЙ ИЗОЛЬДЫ И О БРАНГВЕЙНЕ, ЕЕ СЛУЖАНКЕ, И О ПАЛОМИДЕ

❧ В недолгом времени состоялась пышная королевская свадьба, но все равно, как повествует Французская Книга, сэр Тристрам и Прекрасная Изольда продолжали всегда любить друг друга.

На свадебных торжествах был устроен большой турнир с поединками, и много лордов и дам явилось туда, но изо всех отличился особо сэр Тристрам. И продолжалось это празднество много дней.

Когда же окончились торжества, то по прошествии недолгого времени две дамы, приближенные королевы, сговорились между собой по ненависти своей и завистничеству погубить даму Брангвейну[9], которая была прислужницей и камеристкой Изольды Прекрасной. Ее послали в лес собирать целебные травы, а там схватили и, спутав по рукам и ногам, оставили привязанной к дереву. И так она там пробыла три дня и три ночи. Но, по счастливому случаю, ее там нашел сэр Паломид, он спас даму Брангвейну от смерти и отвез в близлежащую монашескую обитель.

Когда же королева Изольда хватилась своей служанки, уж конечно, она так убивалась, как ни одна королева на свете. Ибо изо всех женщин на земле она больше и сильнее всех любила ее, ведь она приехала вместе с нею из ее родной страны. И вот как-то однажды гуляла королева Изольда по лесу, ища избавления от своих печальных мыслей. Она подошла одна к ручью, села на берегу и стала горько плакать и стонать. Вдруг вышел к ней из чащи сэр Паломид, который слышал все ее жалобы, и говорит ей:

— Госпожа Изольда, если вы пообещаете исполнить мое желание, я верну вам даму Брангвейну, живую и невредимую.

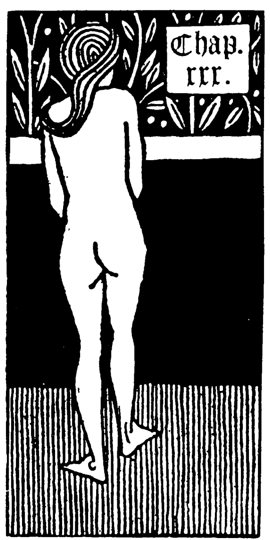
Королева так обрадовалась, что, не подумав, тут же согласилась.

— Хорошо, госпожа моя,— сказал сэр Паломид,— я верю вашему слову, и если вы подождете меня здесь всего полчаса, я вам ее приведу.

— Сэр, я вас жду,— сказала королева.

А сэр Паломид поскакал к обители монахинь и скоро возвратился с дамой Брангвейной. Правда она своей волей не хотела возвращаться к королеве, ибо из-за нее едва не лишилась жизни. Но однако же, наполовину против воли, она прибыла с сэром Паломидом к королеве, и когда королева ее увидела, то очень обрадовалась.

— А теперь, госпожа моя,— сказал сэр Паломид,— не забудьте и вы ваше обещание, ибо я свое обещание выполнил.
— Сэр Паломид,— отвечала королева,— я не знаю, чего вы у меня попросите, но да будет вам известно, что хоть я и дала вам слово, не оговаривая, ничего дурного я в виду не имела и дурного, знайте, не сделаю.
— Госпожа,— сказал сэр Паломид,— мое желание останется пока для вас неведомым. Но перед королем, вашим супругом, вы его узнаете и тогда должны будете его исполнить, как обещали.
Королева поскакала домой к королю, и сэр Паломид поскакал вместе с нею, и когда сэр Паломид явился пред королем, он сказал так:
— Государь, я требую от тебя, как есть ты справедливый король, чтобы рассудил ты нас справедливым судом.
— Откройте мне, в чем дело,— отвечал король,— и все будет по справедливости.



КАК ПАЛОМИД ПОТРЕБОВАЛ СЕБЕ КОРОЛЕВУ ИЗОЛЬДУ И КАК ЛАМБЕГУС ПОСКАКАЛ ВОСЛЕД СПАСАТЬ ЕЕ И ОБ ИЗБАВЛЕНИИ ИЗОЛЬДЫ

— Сэр,— сказал сэр Паломид,— я пообещал вашей королеве, госпоже моей даме Изольде, что верну ей пропавшую у нее даму Брангвейну, но на том условии, что она исполнит мое желание, какое я у нее испрошу, и она, не жалеючи, не раздумывая, прямо согласилась.
— Что скажете вы, моя супруга? — спросил король.
— Все это так, как он говорит, да поможет мне бог! Правду сказать,— молвила королева,— я посулилась выполнить любое его желание от радости и счастья, что увижу ее.
— Ну, что ж, госпожа моя,— сказал король,— если вы так поспешили обещать, что исполните его желание, я хочу, чтобы вы свое слово сдержали.
Тогда сэр Паломид сказал:
— Знайте же, что я желаю получить вашу королеву, дабы я мог увезти ее с собой хоть на край света.
Молча выслушал его король, задумался. И вспомнил он о сэре Тристраме, и понадеялся, что он спасет королеву. И тот же час дал он сэру Паломиду такой ответ:
— Бери ее себе, а с нею и все беды, которые за этим последуют, ибо, думается мне, недолго ты будешь наслаждаться ее обществом.
— Ну, что до этого,— отвечал сэр Паломид,— то я готов встретить любую беду и любую опасность.
И вот, говоря коротко, сэр Паломид взял королеву за руку и сказал:
— Госпожа, не побрезгуйте последовать за мною, ведь я ничего от вас не желаю, кроме лишь того, что вы сами мне обещали.
— Ну, что до этого,— отвечала королева,— то знай, что я не слишком боюсь последовать за тобою, хоть ты и воспользовался нечестно моим обе-

щанием, ибо я твердо верю, что буду достойным образом избавлена от тебя.
— Что до этого,— сказал сэр Паломид,— то будь что будет.
И вот королеву Изольду подсадили на коня позади сэра Паломида, и она с ним уехала. А король тот же час послал за сэром Тристрамом, но его нигде не могли найти, ибо он был в лесу на охоте. Ведь таков был его всегдашний обычай — если он не воевал, то проводил время среди лесов в охоте и ловитве.
— Увы! — сказал король,— теперь я навеки опозорен, ибо с моего собственного согласия будет погублена супруга моя и королева.
Но тут выступил вперед рыцарь по имени Ламбегус, один из рыцарей сэра Тристрама.
— Господин мой! — так сказал этот рыцарь.— Раз вы такие надежды возлагали на господина моего сэра Тристрама, знайте, что ради него я готов отправиться вдогонку королеве и спасти ее, либо же претерпеть поражение.
— Грамерси! — отвечал король.— Буду жив, я вас за это отблагодарю.
Вот снарядился сэр Ламбегус, сел на коня и поскакал за ними во весь опор и в недолгом времени их нагнал. Тут оставил сэр Паломид королеву и обращается к нему:
— Кто ты таков? — спрашивает,— ты не сэр ли Тристрам?
— Нет,— отвечает тот,— я служу ему, а имя мое — сэр Ламбегус.
— Это жаль,— говорит сэр Паломид,— я предпочел, чтобы ты был сэром Тристрамом.
— Верю тебе,— отвечает сэр Ламбегус.— Да только когда встретишься ты с сэром Тристрамом, то хлопот не оберешься!
Тут ринулись они друг на друга и поломали оба свои копья, а тогда обнажили они мечи и посекли друг на друге и шлемы, и панцири. Но под конец нанес сэр Паломид сэру Ламбегусу такую рану, что тот замертво повалился на землю. Тогда оглянулся он, ищет Прекрасную Изольду, а ее нет, и куда она ушла, он не знает. Опечалился сэр Паломид так горько, как никогда в жизни!
А королева бежала в лес, и там набрела она на ручей и в нем решила утопиться. Но, по воле доброго случая, ехал как раз мимо рыцарь из близлежащего замка, а звался он сэр Адтерп. И когда он увидел королеву в беде, он ее спас и привез к себе в замок. Узнав же, кто она такая, он вооружился, сел на коня и сказал, что едет отомстить сэру Паломиду.
Долго скакал он, пока не съехался с сэром Паломидом, и там в поединке сэр Паломид его жестоко изранил и силой заставил его признаться, что за причина ему была искать с ним боя. И тот открыл ему, что отвез королеву Изольду Прекрасную в свой замок.
— Ах так! Вези меня туда,— приказал сэр Паломид,— а не то умрешь от моей руки!
— Сэр,— отвечал сэр Адтерп,— я столь тяжко изранен, что не в силах сам ехать. Но вы скачите вот этой дорогой, и она приведет вас к замку, в котором находится королева.
Поскакал сэр Паломид и приехал к замку. Но Прекрасная Изольда увидела его из окна и приказала запереть накрепко ворота. Тогда сэр Паломид,

увидев, что нет ему въезда в замок, снял с коня своего седло и сбрую и пустил его пастись, а сам уселся на землю у ворот, словно безумец, не ведающий. что творит.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОЕХАЛ ЗА ПАЛОМИДОМ И КАК НАШЕЛ ЕГО И БИЛСЯ С НИМ И ПО СЛОВУ ИЗОЛЬДЫ ПОЕДИНОК БЫЛ ПРЕКРАЩЕН ❧ А теперь мы обратимся к сэру Тристраму, который, когда возвратился с охоты и узнал, что Прекрасная Изольда увезена сэром Паломидом, уж конечно разгневался безмерно.

— Увы! — молвил сэр Тристрам.— Позор мне!

И он позвал к себе слугу своего Говернала и сказал:

— Скорее помоги мне облачиться в доспехи и сесть на коня, ибо я хорошо знаю, что сэр Ламбегус не столь силен и крепок, чтобы выстоять против сэра Паломида! Увы! Почему не я на его месте!

Он с поспешностию был снаряжен и сел на коня и поскакал по лесу во весь опор и в недолгом времени нашел своего рыцаря сэра Ламбегуса чуть живым от ран. Он отнес его к леснику и поручил ему ходить и смотреть за ним. А сам поскакал дальше и встретил сэра Адтерпа, жестоко израненного, и тот поведал ему все, как он не дал королеве утопиться и как ради нее выехал на бой с сэром Паломидом.

— Где же моя госпожа? — спросил сэр Тристрам.

— Сэр,— отвечал рыцарь,— нет сомненья, что она в моем замке, и там она может продержаться сколько угодно.

— Грамерси,— сказал сэр Тристрам,— за твою доброту.

И он поскакал дальше и подъехал к замку. А сэр Паломид там сидел у ворот, и хотя видел приближение сэра Тристрама, но остался недвижим, словно бы во сне, конь же его пасся поблизости.

— Ступай, Говернал,— сказал сэр Тристрам,— разбуди его и скажи, чтобы готовился к бою.

Говернал к нему подъехал и говорит:

— Сэр Паломид! Встань и возьмись за оружие!

Но тот так глубоко задумался, что не услышал слов Говернала. Тогда Говернал возвратился к сэру Тристраму и сказал ему, что сэр Паломид либо крепко спит, либо сошел с ума.

— Поезжай к нему опять,— говорит сэр Тристрам,— и скажи ему, чтобы он вставал, ибо здесь перед ним — я, его смертельный враг.

Говернал к нему подъехал, опустил на плечо ему рукоять копья и сказал:

— Сэр Паломид, готовься к бою, ибо знай, вон там поджидает тебя сэр Тристрам, он прислал меня тебе сказать, что он — твой смертельный враг.

Тут вдруг сэр Паломид молча вскочил, поймал коня своего, не промолвив

ни слова, скоро его оседлал и, легко вскочив в седло, подхватил копье. Наставили они оба копья, сшиблись друг с другом, и сэр Тристрам сразу же перекинул сэра Паломида наземь через круп его коня. Но сэр Паломид тут же загородился щитом и вытащил меч из ножен.

И начался тут между ними богатырский бой, ибо и тот и другой рубились предоблестно,— они оба бились за одну даму. Она же все это время находилась на стене и следила за их беспримерным боем. И были они оба изранены жестоко, но раны сэра Паломида были тяжелее. Они бились так, нападая и уклоняясь, более двух часов, так что Прекрасная Изольда едва не лишилась чувств от горя и печали и говорила так:

— Увы! Зачем должны биться между собою тот, кого я любила и люблю, и тот, кого я не люблю! Но все же мне прегорестно было бы видеть, как падет зарубленный сэр Паломид, ведь я-то знаю, что когда кончится поединок, сэр Паломид будет мертв, а он некрещеный, и я бы ни за что не хотела, чтобы он умер сарацином.

И с тем она спустилась со стены и стала просить их, ради нее, прекратить поединок.

— Ах, госпожа моя,— сказал сэр Тристрам.— Как же так? Разве вы хотите моего позора? Ведь вы же знаете, что я поступлю так, как вы мне велите.

— Мой господин,— отвечала Прекрасная Изольда,— вы сами отлично знаете, что я не пожелаю вам бесчестья. Но я хочу, чтобы ради меня вы пощадили этого злосчастного сарацина, сэра Паломида.

— Госпожа,— сказал сэр Тристрам,— ради вас я прекращаю бой.

Тогда она обратилась к сэру Паломиду и сказала так:

— Вот как я обязую тебя поступить: уезжай прочь из этой страны, и покуда я здесь, не возвращайся.

— Госпожа, я подчинюсь вашему повелению,— отвечал сэр Паломид,— но против воли.

— В таком случае,— сказала Прекрасная Изольда,— поезжай ко двору короля Артура, передай мой поклон королеве Гвиневере, да скажи ей от меня, что в нашей земле лишь четверо любят по-настоящему: сэр Ланселот и дама Гвиневера, и сэр Тристрам и королева Изольда.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ПРИВЕЗ ОБРАТНО КОРОЛЕВУ ИЗОЛЬДУ, И О СПОРЕ МЕЖДУ КОРОЛЕМ МАРКОМ И СЭРОМ ТРИСТРАМОМ

И отбыл сэр Паломид в превеликой печали, а сэр Тристрам взял королеву и привез ее обратно королю Марку. Много было там радости по случаю ее возвращения. А героем всех торжеств кому и быть там, как не сэру Тристраму?

Потом сэр Тристрам распорядился доставить домой из хижины лесника своего рыцаря сэра Ламбегуса, и много прошло времени, прежде чем тот снова стал здоров, но все же под конец он поправился.

Так жили они среди радостей и веселья много дней. Но все это время сэр Андрет, близкий родич сэра Тристрама, неотступно следил за сэром Тристрамом и Прекрасной Изольдой, желая его подстеречь и погубить.

И вот однажды, когда сэр Тристрам беседовал с Прекрасной Изольдой, стоя у нее под окном, это заметил сэр Андрет и побежал сказать королю. Король Марк схватил меч свой и бросился на сэра Тристрама. Он назвал его «коварным предателем» и хотел было его зарубить. Но сэр Тристрам стоял слишком близко, он успел подскочить к нему, пока он замахивался, и отнять у него из руки меч.

Стал кричать король:

— Где мои люди, где мои рыцари? Повелеваю, убейте этого предателя!

Но там не нашлось ни одного, кто хоть бы двинулся по этому его слову. Увидев, что там никого нет, кто был бы против него, сэр Тристрам потряс мечом над головой короля, сделав вид, будто хочет его убить. И тогда король Марк обратился в бегство, сэр же Тристрам погнался за ним, плашмя ударив его раз пять или шесть по шее, так что тот упал носом в землю.

А тогда сэр Тристрам пошел оттуда прочь, облачился в доспехи, сел на коня и уехал вместе со своими людьми и стал жить в лесах. Там в лесу однажды сэр Тристрам бился с двумя братьями, которые были рыцарями при короле Марке, одному из них он отрубил голову, другого ранил смертельно и заставил отвезти в своем шлеме братнину голову к королю. В этом же бою он ранил еще тридцать рыцарей. А тот рыцарь, представ с головой брата перед королем и королевой, тут же и умер у них на глазах, не промолвив ни слова.

Тогда созвал король Марк к себе совет и стал спрашивать у баронов, как ему лучше поступить с сэром Тристрамом.

— Сэр,— сказали бароны, и первый среди них сэр Динас-Сенешаль,— мы даем вам совет послать за сэром Тристрамом, ибо, да будет вам ведомо, многие ваши люди пойдут за сэром Тристрамом, если он будет сильно утеснен.

И еще, сэр,— так говорил сэр Динас-Сенешаль,— не забудьте, что ему, как считают, нет равных и подобных среди рыцарей христианских, и по силе и мощи лишь одного мы знаем столь же доброго рыцаря, и это — сэр Ланселот Озерный. Если он отъедет от нашего двора и пристанет к рыцарям короля Артура, то уж, конечно, он найдет там прием столь дружественный, что весь ваш гнев ему будет нипочем. И потому, сэр, мой совет вам — привлеките его своею милостью.

— Охотно,— сказал король.— Пусть пошлют за ним, чтобы мы снова могли стать друзьями.

Бароны послали за сэром Тристрамом, сами поручившись за его безопасность, и когда сэр Тристрам возвратился к королю, ему был оказан радушный прием, о прежнем никто не поминал, и были устроены там игры и развлечения.



КАК СЭР ЛАМОРАК БИЛСЯ С ТРИДЦАТЬЮ РЫЦАРЯМИ, И СЭР ТРИСТРАМ ПО ВОЛЕ КОРОЛЯ МАРКА УБИЛ ЕГО КОНЯ

И вот как-то отправились с сэром Тристрамом король и королева на охоту. Король с королевой разбили шатры и палатки в лесу у реки, и день за днем шла там охота и рыцарские состязания, ибо с ними там были тридцать рыцарей, готовые сразиться со всяким, кто ни подвернется.

И случилось, что приехали туда сэр Ламорак Уэльский и сэр Дриант. Сэр Дриант сражался на копьях хорошо, но, под конец, был все же выбит из седла. Вслед за ним вышел на бой сэр Ламорак и так искусно бился с теми тридцатью рыцарями, что ни один из них против него не усидел в седле и многие, падая, разбились прежестоко.

— Хотелось бы знать,— сказал король Марк,— кто таков этот рыцарь, что являет столь высокое воинское искусство?

— Сэр,— отвечал Тристрам,— я хорошо его знаю, это благороднейший рыцарь, каких немного на свете, имя же его — сэр Ламорак Уэльский.

— Стыдно нам будет,— сказал король,— если он уедет непобежденным.

— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— на мой взгляд, благородному рыцарю мало чести теперь против него выступить, и вот почему: ведь он уже принял столько бранных трудов, что ни один рыцарь не выдержал бы. И я полагаю,— сказал сэр Тристрам,— что позор был бы сейчас его и дальше испытывать, ибо и конь под ним, и сам он уже без сил после всех подвигов, что он свершил сегодня. Ведь если подумать, такое впору самому сэру Ланселоту Озерному.

— Коли на то пошло,— сказал король Марк,— я повелеваю вам, ради любви вашей ко мне и к супруге моей королеве Изольде Прекрасной, возьмитесь за оружие и померяйтесь силой с сэром Ламораком Уэльским!

— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— вы повелеваете мне поступить против рыцарской чести. Мне нетрудно будет, я думаю, выбить его из седла, тут не потребуется особого искусства, ибо конь мой свеж и сам я тоже, не то что он. И он уж, конечно, почтет это за позорное нарушение рыцарского вежества, ибо настоящий рыцарь никогда не воспользуется слабостью другого. Но я не должен вызывать вашего неудовольствия, и потому, как вы мне приказываете, так и поступлю по вашему велению.

И с тем облачился сэр Тристрам в доспехи, сел на коня и выехал на поле, и сэр Ламорак встретил его доблестно. И с такой силой сшиблись они, ударив друг в друга копьями, что под сэром Ламораком конь рухнул на землю, а тот как был в седле, так с конем и упал.

Тут он, как мог поспешно, высвободил ноги из стремян, выставил щит перед собою и взялся за меч. И крикнул он сэру Тристраму:

— Слезай с коня, сэр рыцарь, или не смеешь?

— Нет, сэр! — отозвался сэр Тристрам.— Я не стану больше сражаться с вами, ибо уже и так сделал довольно для бесчестия себе и для вашей славы.
— Что до этого,— отвечал сэр Ламорак,— то я спасибо тебе не скажу. Раз ты одолел меня верхом, я теперь требую и прошу тебя, если в самом деле ты сэр Тристрам Лионский,— слезай с коня и сразись со мной пеший.
— Не бывать этому!— сказал сэр Тристрам.— Знайте, что имя мое — и в самом деле сэр Тристрам Лионский, вы же, я знаю,— сэр Ламорак Уэльский. Что урона я вам причинил, то все против моей воли, я был обязан подчиниться. Я всегда готов исполнить вашу просьбу, но только не на этот раз, ибо сейчас я с вами больше сражаться не буду, я и так уже себя опозорил.
— Что до позора,— отвечал сэр Ламорак,— то по своей воле ты избираешь позор. Ибо хоть сын кобылы и отказался мне служить, сын королевы к твоим услугам[10]! И если ты и в самом деле такой рыцарь, как люди о тебе говорят, должно тебе спешиться и сразиться со мною!
— Сэр Ламорак,— сказал сэр Тристрам,— я понимаю, вы разгневаны и недаром. Ведь сказать по правде, я бы и сам огорчился, видя, как благородный рыцарь, не принимавший участия в бою и сохранивший силы, нападает на другого, уставшего в сражениях; ибо не создан такой рыцарь и такой конь, которые не ведали бы усталости. И потому,— сказал сэр Тристрам,— я не стану дольше биться с вами, ибо мне и о том противна мысль, что уже сделано мною.
— Что до этого,— сказал сэр Ламорак,— я с вами еще когда-нибудь расквитаюсь, когда будет подходящий случай.



КАК СЭР ЛАМОРАК ПРИСЛАЛ КОРОЛЮ МАРКУ РОГ ИЗ ВРАЖДЫ К СЭРУ ТРИСТРАМУ И КАК СЭР ТРИСТРАМ СПРЯТАЛСЯ В ЧАСОВНЕ ❧ И с тем отбыл он оттуда вместе с сэром Дриантом, и по пути встретился им рыцарь, посланный от госпожи Феи Морганы к королю Артуру. Вез этот рыцарь с собою рог, изукрашенный золотом, а у этого рога было такое чудесное свойство, что напиться из него могла только та дама или благородная женщина, которая была верна своему мужу; если же она неверна, то непременно прольет все питье, а если сохранила верность своему господину, то может пить спокойно. Для королевы Гвиневеры и в обвинение сэру Ланселоту был послан этот рог королю Артуру. Но сэр Ламорак силой заставил того рыцаря признаться, зачем и куда везет он рог, и тот ему все открыл.
— А теперь выбирай,— сказал сэр Ламорак,— либо ты отвезешь рог королю Марку, либо умрешь. Ты должен свезти его туда назло сэру Тристраму. И скажешь королю, что я шлю ему этот рог, чтобы он испытал им свою супругу, и если она ему верна, он в том удостоверится.

И рыцарь пустился в путь и, прибыв к королю Марку, отдал ему драгоценный рог и сказал, что его прислал сэр Ламорак, и открыл ему чудесное свойство рога.

И тогда король заставил королеву, а с нею и еще сто дам, напиться из того рога, и лишь четыре дамы изо всех испили питья, не облившись.

— Увы! — сказал тут король Марк,— это нам страшное оскорбление.

И он поклялся великой клятвой, что и она, и остальные дамы будут сожжены на костре.

Но тут собрались бароны и объявили открыто, что не согласны посылать на костер своих дам из-за какого-то рога, созданного волшебными чарами той, которая сама есть коварнейшая в свете колдунья и волшебница. Ибо от этого рога никакого проку нет, а одни только раздоры и распри, ведь она всю жизнь свою была врагом всех истинно любящих.

И многие рыцари, кто там были, поклялись, что если встретится им Фея Моргана, то любезного обращения от них не дождется. Особенно же разгневался сэр Тристрам, что сэр Ламорак затеял прислать рог королю Марку, ибо он-то уж конечно понимал, что это сделано против него, сэра Тристрама, и он задумал поквитаться за это с сэром Ламораком.

В те времена сэр Тристрам приходил к королеве Изольде днем и ночью, когда только возможно было, а сэр Андрет, его родич, все время подстерегал его ночь за ночью, желая застигнуть его с Прекрасной Изольдой. И вот однажды ночью сэр Андрет подстерег в свой срок и час, когда сэр Тристрам пришел к своей даме. И тогда сэр Андрет привел двенадцать рыцарей и в полночь набросился на сэра Тристрама нежданно-негаданно. И взяли сэра Тристрама нагого в постели с Прекрасной Изольдой, связали по рукам и ногам и стали ждать наступления дня.

А наутро по решению короля Марка и сэра Андрета и иных баронов отвели сэра Тристрама в часовню, что стояла над морем на скалистом берегу, чтобы там над ним исполнили приговор. Повели его связанного, в сопровождении сорока рыцарей, и когда увидел сэр Тристрам, что ничего не остается ему, как умереть, сказал он им так:

— Любезные лорды! Вспомните, что сделал я для Корнуэльской земли, каким опасностям подвергался ради вашего блага. Ведь когда я бился с сэром Мархальтом, добрым рыцарем, за избавление Корнуэлла от дани, а из вас ни один не вызвался на бой — разве такая мне была обещана награда? И потому, если вы действительно благородные рыцари, не дайте мне умереть позорной смертью, ибо это позор будет всему рыцарству, если вы допустите, чтобы я так погиб. Ведь смело могу сказать,— так говорил сэр Тристрам,— скольких бы рыцарей я ни встречал, я ни перед кем не оплошал, а многих и превосходил.

— Позор тебе! — отвечал сэр Андрет.— Со всей своей доблестью, ты — низкий предатель! И сколько бы ты ни выхвалялся, сегодня ты умрешь!

— Ах, Андрет, Андрет! — сказал сэр Тристрам.— Ты ведь мой близкий родич, а говоришь со мною как последний враг. А ведь будь мы сейчас одни, только ты да я, ты же не стал бы меня убивать.

— Как же, не стал бы! — отвечал сэр Андрет, и, обнажив меч, хотел было его зарубить.

Но при этом его движении посмотрел сэр Тристрам из стороны в сторону на свои руки, крепко привязанные к двум рыцарям, стоявшим у него по бокам, и вдруг дернул, подтащил их обоих к себе, высвободил из ослабленных пут запястья и, бросившись на родича своего Андрета, вырвал у него меч. Ударил он сэра Андрета, так что рухнул тот наземь, а сам стал биться с остальными и десятерых рыцарей там уложил.
А потом бросился в часовню и стал там обороняться доблестно, никого туда не подпуская. Поднялся тогда крик и шум, и сбежалось на подмогу сэру Андрету более ста рыцарей. Увидел сэр Тристрам, что столько народу против него собралось, и вспомнил он тут, что он наг, и тогда он запер накрепко дверь часовни, выломал прутья на окне и, выпрыгнув вон, упал прямо на прибрежные камни.



КАК СЭРА ТРИСТРАМА ВЫЗВОЛИЛИ ЕГО ЛЮДИ, И О КОРОЛЕВЕ ИЗОЛЬДЕ, КАК ОНА БЫЛА БРОШЕНА В ХИЖИНУ ПРОКАЖЕННОГО, И КАК СЭР ТРИСТРАМ БЫЛ РАНЕН ❧ Туда уж за ним ни сэр Андрет, и никто из его людей добраться не могли, но когда они ушли, Говернал и сэр Ламбегус, и сэр Сентраль де Люшон, люди сэра Тристрама, стали искать своего господина неотступно, узнав, что преследователи от него отступились. И на тех камнях они нашли его и подняли его на полотнищах.
И лишь только они его вытащили, сэр Тристрам стал спрашивать, где Прекрасная Изольда.
— Сэр,— отвечали они,— она в лачуге у прокаженных.
— Увы! — сказал сэр Тристрам,— неподобающее это место для столь прекрасной дамы, и если будет моя воля, долго она там не останется.
И он взял своих людей, поехал туда, где находилась Прекрасная Изольда, увез ее оттуда в славный, густой лес, где стоял славный лесной дом; и там он с нею поселился. Людям же своим добрый этот рыцарь велел от них уехать, ибо им тогда от него ни в чем не могло быть пользы. И они все уехали, кроме верного Говернала.
Вот однажды сэр Тристрам гулял в лесной чаще, и случилось ему там прилечь и задремать. И как раз в это время проезжал там один человек, у которого сэр Тристрам когда-то давно убил брата. Увидел этот человек спящего сэра Тристрама и выстрелил в него из лука и пронзил ему стрелой плечо, а сэр Тристрам тогда вскочил и убил этого человека.
А между тем король Марк прознал о том, что сэр Тристрам с Прекрасной Изольдой живут вместе в лесном доме, и он отправился туда со многими рыцарями, чтобы убить сэра Тристрама. Но сэра Тристрама он не застал, а тогда он схватил Прекрасную Изольду, увез ее к себе и содержал так строго, что не могла она отправить ни весточки, ни письма.

Вот возвратился домой сэр Тристрам, видит множество лошадиных следов, стал искать по всему дому, но дамы его нигде нет. Тут погрузился сэр Тристрам в глубокое горе, и в печали и болезни пребывал он долго, ибо стрела, которой он был ранен, оказалась отравленной.
Но тем временем Прекрасная Изольда уговорила одну даму, которая была в близком родстве с дамой Брангвейной, и та отправилась к сэру Тристраму и открыла ему, что ему не излечиться без искусной целительницы.
— А потому велит тебе госпожа твоя Изольда Прекрасная, чтобы ты отправился, не медля, в Бретань к королю Хоуэллу, а там найдешь ты дочь его, которую зовут Изольда Белорукая, и она тебя исцелит.
Вот сели сэр Тристрам и Говернал на корабль и отплыли в Бретань. И когда король Хоуэлл признал в нем сэра Тристрама, он ему очень обрадовался.
— Сэр,— сказал сэр Тристрам,— я прибыл в вашу страну, дабы получить исцеление от раны у вашей дочери, ибо мне было сказано, что, кроме нее, никто меня не исцелит.
И она и в самом деле его исцелила.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОСТУПИЛ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ К КОРОЛЮ БРЕТАНИ ХОУЭЛЛУ И УБИЛ ВРАГА ЕГО НА ПОЛЕ БИТВЫ ❧ А был там один граф по имени Агрип[11], этот граф пошел войной на короля Хоуэлла и жестоко его разбил и осадил в его городе. И однажды, когда сэр Кэхидин, сын короля Хоуэлла, устроил вылазку, его там жестоко изранили, едва что не до смерти. Тогда Говернал пришел к королю и говорит:
— Сэр, мой совет вам — обратитесь к моему господину сэру Тристраму, чтобы он помог вам в беде.
— Я поступлю по вашему совету,— сказал король.
И он отправился к сэру Тристраму и просил у него помощи в войне — ибо сын его сэр Кэхидин не в силах был теперь выехать на бранное поле.
— Сэр,— отвечал ему сэр Тристрам,— я выеду на поле брани и сделаю, что смогу.
И вот выехал сэр Тристрам из городских ворот с небольшой дружиной, какую удалось собрать, и такие свершил он там воинские подвиги, что вся Бретань говорила о нем. Под конец, своей могучей рукою он убил самого графа Агрипа, и более сотни рыцарей уложил он в тот день в бою. После того встретили сэра Тристрама в городе торжественной процессией. Король Хоуэлл заключил его в свои объятия и сказал:
— Сэр Тристрам, все мое королевство я готов отдать вам.
— Упаси бог! — отвечал сэр Тристрам.— Ведь за вашу дочь я перед вами еще в гораздо большем долгу.
Вскоре великими стараниями короля и его сына началась между Изольдой

и сэром Тристрамом великая любовь, ибо эта дама была и прекрасна собой, и добра нравом, она была высокого и славного рода. И, осыпанный богатствами и окруженный радушием и всевозможными приятностями, сэр Тристрам почти забыл свою Прекрасную Изольду.

И вот, в недолгом времени, сэр Тристрам согласился обвенчаться с Изольдой Белорукой. И они торжественно отпраздновали свою свадьбу. Но когда они легли на ложе, сэр Тристрам вдруг вспомнил свою прежнюю даму, Изольду Прекрасную, и такая на него тут нашла печаль, что он совсем загрустил и иначе ее не приветил, как только обнял и поцеловал. Иных же плотских утех сэр Тристрам с ней никогда не имел — так говорится во Французской Книге. И еще там говорится, что его жена так и думала, будто в поцелуях и объятиях и есть вся любовь.

Между тем жил в Бретани один рыцарь по имени сэр Супинабиль [12], он переехал через море в Англию и так прибыл ко двору короля Артура. Там он встретился с сэром Ланселотом Озерным и рассказал ему о женитьбе сэра Тристрама. И сказал тогда сэр Ланселот:

— Позор ему, рыцарю, не сохранившему верность своей даме! Могло ли статься, чтобы столь благородный рыцарь, как сэр Тристрам, оказался неверным своей первой даме и возлюбленной, королеве Корнуэлла! Но вот что передайте ему,— сказал сэр Ланселот.— Я изо всех рыцарей на свете всего более любил его и его подвигам радовался,— из-за доблести его и благородства. Объявите же ему, что любви теперь настал конец, и что я шлю ему предупреждение: отныне я его смертельный враг.



КАК СЭР СУПИНАБИЛЬ ПОВЕДАЛ СЭРУ ТРИСТРАМУ О НЕДОБРОЙ СЛАВЕ, КОТОРАЯ ПОШЛА О НЕМ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА, И О СЭРЕ ЛАМОРАКЕ

С тем отбыл сэр Супинабиль обратно в Бретань, нашел там сэра Тристрама и рассказал ему, что он был при дворе короля Артура. А сэр Тристрам тогда спросил:

— Не слышали ли вы обо мне каких разговоров?

— Да поможет мне бог,— отвечал сэр Супинабиль,— я слышал, как сэр Ланселот вас поносил и позорил, что вы неверны вашей даме. И он велел мне вам передать, что теперь он всегда будет вашим смертельным врагом, где бы он с вами ни встретился.

— Это меня печалит,— сказал сэр Тристрам,— ибо изо всех рыцарей, его дружба мне была всего дороже.

Устыдился сэр Тристрам и горько стало ему, что благородные рыцари позорят его из-за его дамы. А тем временем Изольда Прекрасная составила

письмо королеве Гвиневере, где сетовала на неверность сэра Тристрама, за то что он женился на дочери короля Бретани. А королева Гвиневера отправила ей в ответ другое письмо и наказывала ей утешиться, ибо после горя будет ей радость: ведь сэр Тристрам — столь прекрасный и прославленный рыцарь, что таких дамы чарами и волшебством заставляют на себе жениться. «Но в конце концов будет так,— писала королева Гвиневера,— что он ее возненавидит, вас же полюбит еще больше, чем любил».

Теперь оставляем мы сэра Тристрама в Бретани и поведем речь о сэре Ламораке Уэльском, который плыл по морю, и корабль его налетел на скалы, и все, кто там был, погибли, кроме сэра Ламорака и его оруженосца; сэр Ламорак плыл без устали, пока рыбаки с острова Серваж [13] его не подобрали, оруженосец же его утонул. Но тем рыбакам немало пришлось положить стараний, чтобы выходить сэра Ламорака и спасти его от смерти. А владельцем того острова был сэр Навон Черный, могучий великан, и этот сэр Навон ненавидел люто всех рыцарей короля Артура, не давая им ни проходу, ни проезду. Рыбаки рассказали сэру Ламораку, каков этот сэр Навон и как ни один Артуров рыцарь от него еще живой не ушел. В последний раз бился он с сэром Наноуном Малорослым, и когда одолел его, то из ненависти к королю Артуру обрек его позорной смерти — разодрал его тело на части.

— Мне горестно слышать,— сказал сэр Ламорак,— про смерть этого рыцаря, ибо он приходился мне родичем. И будь я сейчас в силе, я бы отомстил за его погибель.

— Тише! — сказали рыбаки.— Не говорите больше ни слова. Ибо прежде чем вы отсюда уедете, сэр Навон должен быть оповещен о том, что вы здесь, а иначе из-за вас нам не сносить головы.

— Только бы мне поправиться от болезни,— отвечал сэр Ламорак,— что подхватил я в море, а тогда ступайте и скажите ему, что я рыцарь короля Артура, ибо еще ни под каким страхом я не отрекался от моего господина.



КАК СЭР ТРИСТРАМ И ЕГО ЖЕНА ПРИЕХАЛИ В УЭЛЬС И КАК ОН ТАМ ВСТРЕТИЛСЯ С СЭРОМ ЛАМОРАКОМ

А теперь мы обратимся к сэру Тристраму, который в один прекрасный день сел в легкую барку с женой своею, Изольдой Белорукой, и сэром Кэхидином, ее братом, и поехал покататься вдоль берега. Но когда они отплыли немного, поднялся ветер и отнес их к побережью Уэльса, к самому острову Серважу, где находился сэр Ламорак.

Здесь разбилась о скалы их барка, и дама Изольда пострадала при крушении, и они, как смогли, осторожно отнесли ее в лес. Там у ручья повстречал сэр Тристрам сэра Сегварида с девицею, и они приветствовали один другого.

— Сэр,— молвил сэр Сегварид,— я узнал вас, вы — сэр Тристрам Ли-

онский, человек, кого более всех на свете есть у меня причины ненавидеть, ибо вы разбили любовь между мной и моею женою. Однако я,— сказал сэр Сегварид,— не из тех, кто может возненавидеть благородного рыцаря из-за легконравной женщины [14], и потому я прошу вас, будьте моим другом, а я буду вашим другом по мере сил. Ибо знайте, вам грозят жестокие опасности в этой долине, и нам обоим придется немало поработать копьем в помощь друг другу.

И с тем отвел сэр Сегварид сэра Тристрама к одной женщине там неподалеку, которая была родом из Корнуэлла, и она поведала ему о всех опасностях той долины и что какой рыцарь туда ни попадет, всякого ждет смерть или заточение.

— Да будет вам ведомо, любезная дама,— сказал Тристрам,— я убил сэра Мархальта и избавил Корнуэлл от тяжких поборов. Я тот самый рыцарь, кто спас короля Ирландии от сэра Бламура Ганского, и я же победил сэра Паломида, ибо знайте, что я — сэр Тристрам Лионский, который, по милости божией, еще освободит этот горемычный остров Серваж.

И расположился там сэр Тристрам на отдых. А вскоре ему рассказали, что на острове находится рыцарь короля Артура, потерпевший кораблекрушение на скалах.

— Как его имя? — спросил сэр Тристрам.

— Мы не знаем,— отвечали рыбаки,— но он не делает секрета из того, что он рыцарь короля Артура, и могучего владыку нашего острова ставит ни во что.

— Прошу вас,— сказал сэр Тристрам,— если возможно, приведите его сюда, дабы я мог с ним увидеться. И если он вправду один из благородных Артуровых рыцарей, я его узнаю.

Добрая женщина велела рыбакам пригласить его в ее дом. И вот наутро они привели его в рыбацкой одежде, но сэр Тристрам узнал его с первого взгляда и встретил его с улыбкой. Но он сэра Тристрама не узнал.

— Любезный сэр,— сказал сэр Тристрам,— по виду вашему и взгляду мне сдается, что вы недавно были тяжко больны, а также сдается мне, что наверное я вас уже где-то видел.

— Охотно допускаю,— отвечал сэр Ламорак,— что вы меня уже встречали, ибо со мной встречались и вели поединки благороднейшие из рыцарей Круглого Стола.

— Любезный сэр,— сказал сэр Тристрам,— откройте мне ваше имя.

— Сэр, я сделаю это на одном условии: вы должны мне сказать, не вы ли — владелец этого острова, носящий имя сэр Навон Черный?

— Нет, это не я, и я не ленник его, но враг его смертельный, как и вы, и это я докажу, прежде чем покину сей остров!

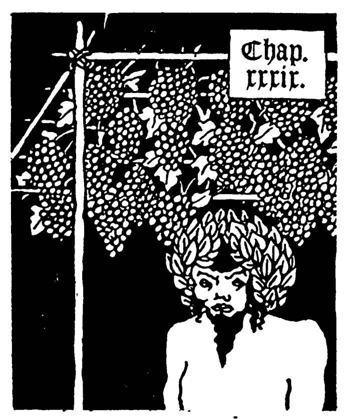
— Ну, что ж,— сказал сэр Ламорак,— раз вы так, без утайки, ответили на мой вопрос, я скажу вам, что я — сэр Ламорак Уэльский, сын короля Пелинора.

— Воистину так оно и есть,— молвил сэр Тристрам.— И если бы вы сказали иначе, я все равно бы знал правду.

— Кто же вы,— спросил сэр Ламорак,— так хорошо знающий меня?

— Правду сказать, сэр, я — сэр Тристрам Лионский.

— А, сэр! А помните ли вы, как однажды выбили меня из седла, а потом отказались спешиться и биться со мною на мечах?
— Сэр, причиной тому был не страх мой перед вами. Но мне было стыдно тогда продолжать с вами бой, ибо я знал, что вы уже и так довольно потрудились на поле брани. Но знайте, сэр, в уплату за мою доброту вы причинили зло многим дамам, послав рог Феи Морганы королю Марку. Он предназначался королю Артуру, вы же обратили его во зло мне.
— Ну и что ж,— отвечал тот,— я и снова бы так поступил, ибо я предпочитаю, чтобы раздоры и распри обрушились на двор короля Марка, чем на двор короля Артура, ибо честь этих двух дворов не равноценна.
— Что до этого,— сказал сэр Тристрам,— то я с вами согласен. Но вами руководило желание причинить зло мне. Однако, благодарение господу, ваша злая воля большого ущерба никому не принесла. А потому,— так сказал сэр Тристрам,— не питайте ко мне больше вражды, и я тоже не буду вам врагом, и давайте вместе попытаем удачи, чтобы нам с вами вдвоем выйти с честью из сражения с этим великаном сэром Навоном Черным, владыкой здешнего острова, и его уничтожить.
— Сэр,— молвил сэр Ламорак,— теперь я оценил все ваше благородство. Не лгут же люди, когда говорят, что в вежестве, благородстве и доблести вам нет среди рыцарей равного. А я за всю вашу любезность и доброту отплатил вам злом, и в этом теперь раскаиваюсь.



КАК СЭР ТРИСТРАМ СРАЖАЛСЯ С СЭРОМ НАВОНОМ И ОДОЛЕЛ ЕГО И ПОСТАВИЛ СЭРА ЛАМОРАКА ГОСПОДИНОМ ОСТРОВА ❧ Тем временем пришло известие, что сэр Навон приказал огласить по острову, чтобы весь народ собрался у него в замке через четыре дня на пятый, ибо в тот день сын Навона будет возведен в рыцари, и все рыцари долины и округи должны туда явиться и выступить на турнире, на котором все, кто родом из королевства Логрис [15], будут биться против жителей Северного Уэльса.
И прибыли туда издалека пять сотен рыцарей. А местные рыцари захватили с собой сэра Ламорака, и сэра Тристрама, и сэра Кэхидина, и сэра Сегварида, ибо иначе они не осмеливались выступить. И Навон по просьбе сэра Ламорака ссудил его конем и доспехами, и сэр Ламорак так отличился там на турнирном поле, что и сэр Навон, и весь народ сказали, что никогда еще не случалось им видеть, чтобы рыцарь являл такие чудеса доблести. Ибо, как рассказывается во Французской Книге, он одолел чуть не всех из тех пятисот рыцарей, и ни один его противник не удержался в седле.
Тогда и сам рыцарь Навон предложил сэру Ламораку посостязаться с ним в рыцарских забавах, ибо, сказал он, никогда еще он не видел, чтобы рыцарь за один день столько успел.

— Охотно,— сказал сэр Ламорак.— Я как могу позабавлюсь с вами, но только я уже выбился из сил и получил много ударов.

С тем схватились они оба за копья, но сэр Навон не стал мериться силами с сэром Ламораком, а поразил в голову его коня и тот рухнул замертво. Тогда сэр Ламорак вышел против него пеш, перетянул наперед щит, обнажил меч, и начался тут отчаянный пеший бой. Но сэр Ламорак уже сильно устал и задыхался, и стал он шаг за шагом уклоняться и отступать.

— Ну, друг,— говорит сэр Навон,— попридержи свой меч. Я окажу тебе сейчас милость, какой никогда еще не оказывал рыцарям, ибо я видел сегодня твою благородную рыцарскую доблесть. А потому, отступи в сторону, а я узна́ю, не вызовется ли кто из твоих товарищей сразиться со мною.

Услышал это сэр Тристрам и говорит:

— Сэр Навон, ссудите меня конем и крепкими доспехами, и я приму ваш вызов.

— Добро, друг,— отвечал сэр Навон.— Ступай вон к тому шатру, облачись там в лучшие, какие найдешь, доспехи, и я тогда позабавлюсь с тобою предивной игрой.

А сэр Тристрам говорит:

— Смотрите только, не посрамитесь в игре, а не то как бы еще я не научил вас новым забавам.

— Хорошо сказано,— отозвался сэр Навон.

И вот, когда сэр Тристрам облачился в лучшие, какие выбрал, доспехи, с добрым щитом и мечом, он изготовился к пешему бою:

— Ибо вижу я, что сэр Навон не терпит копейных ударов, и всякий раз спешит убить под рыцарем коня.

— Ну, друг,— говорит сэр Навон,— давай-ка позабавимся!

Долго рубились они в пешем бою, наступая, уклоняясь, разя смаху ребром и коля острием, и все без передышки. Но вот, наконец, спрашивает у него сэр Навон, как же его имя.

— Сэр,— он отвечает,— мое имя — сэр Тристрам Лионский, я рыцарь из Корнуэлла, что под королем Марком.

— А! Милости просим! — сказал сэр Навон.— Ведь изо всех рыцарей я всего более желал сразиться с тобою, да еще с сэром Ланселотом.

И снова они ринулись яростно друг на друга, но, в конце концов, сэр Тристрам все же зарубил сэра Навона. А тогда подскочил он сразу же к его сыну и отсек и ему голову долой.

Тут объявили все жители острова, что теперь желают держать свои владения в долине Серваж от сэра Тристрама.

— Нет, этому не бывать,— отвечал сэр Тристрам,— ибо вот здесь находится славный рыцарь сэр Ламорак, пусть он вместо меня будет владеть этим островом, ведь он свершил сегодня великие бранные подвиги.

— Нет, и этому не бывать,— сказал сэр Ламорак.— Я не согласен быть владыкой этой страны, ибо я не заслужил этого так, как вы. А потому передайте ее кому хотите, я же ее не возьму.

— Ну, что ж,— сказал сэр Тристрам,— раз ни вы, ни я ее не берем, отдадим тогда ее тому, кто меньше этого заслуживает.

— Сэр, поступайте как знаете, ибо дарить — ваше право, а я бы ее не взял, даже если бы заслуживал.

И вот, с общего согласия, отдали остров сэру Сегвариду. Он их поблагодарил; и так стал сэр Сегварид владеть тем островом и правил там с честью. Он освободил всех узников и установил в долине добрые порядки. А потом он возвратился в Корнуэлл и рассказал королю Марку и Прекрасной Изольде о том, как сэр Тристрам поставил его владеть островом Серваж. И он разгласил по всему Корнуэллу о подвигах этих двух рыцарей, так что стало это известно повсюду. Но велико было горе Изольды Прекрасной, когда она услышала, что с сэром Тристрамом была там Изольда Белорукая.



КАК СЭР ЛАМОРАК РАССТАЛСЯ С СЭРОМ ТРИСТРАМОМ И ПОВСТРЕЧАЛСЯ С СЭРОМ ФРОЛЛОМ, А ПОТОМ С СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ ❧ А теперь обратимся мы к сэру Ламораку, который держал путь ко двору короля Артура.

Сэр Тристрам, и его жена, и сэр Кэхидин сели на корабль и уплыли назад в Бретань, к королю Хоуэллу, где их встретили с превеликой радостью. И когда там услышали об их приключениях, все восхитились его благородству и доблести.

А сэр Ламорак, расставшись с сэром Тристрамом, поехал по лесу и выехал прямо к отшельничьей обители. Увидел его отшельник и спрашивает, откуда он к нему прибыл.

— Сэр, я приехал вон из той долины.

— Дивно мне это слышать,— сказал отшельник,— ибо за последние двадцать лет не случалось такого, чтобы рыцарь, попавший в здешние края, не был убит, свирепо изранен или же обращен в бедного пленника.

— Сэр, с этими злыми обычаями покончено навсегда,— отвечал сэр Ламорак,— ибо сэр Тристрам убил вашего владыку сэра Навона и его сына. Отшельник обрадовался, и все его братья тоже, ибо, по его словам, другого такого тирана никогда не было среди христиан.

— Стало быть,— сказал отшельник,— эта богатая долина станет теперь держанием от сэра Тристрама.

Наутро сэр Ламорак с ним простился и поскакал своей дорогой. Вот едет он и по пути видит, как один рыцарь бьется против четверых. Одинокий рыцарь защищался доблестно, но под конец они все же выбили его из седла. Тогда сэр Ламорак встал между ним и ими и спросил, зачем хотят они убить этого одинокого рыцаря, ибо это позорно, когда четверо нападают на одного.

— Так знай же,— отвечали они,— что он — предатель.

— Это вы так говорите,— сказал сэр Ламорак.— А вот когда я выслушаю его, тогда увидим, скажу ли и я то же, что и вы. Сэр,— молвил сэр

Ламорак,— что ответите вы на это? Неужели не оправдаетесь и не докажете, что обвинены ложно?
— Сэр, я могу оправдаться и словом и делом, и я готов доказать мою правоту сильнейшему из них в честном бою один на один.
Тут они заговорили разом все четверо:
— Мы не станем подвергать себя смертельной опасности. Но знайте, заступись за него сейчас даже сам король Артур, не в его власти было бы спасти ему жизнь.
— Ну, это уж вы слишком расхвастались,— сказал сэр Ламорак.— Много есть таких, кто говорит за спиной у человека больше, чем осмелится сказать ему в лицо. Я же в ответ на эти ваши слова объявляю вам, что я — из самых простых рыцарей Артурова двора, и во славу моего господина теперь держитесь: я, вам всем на страх, сейчас этого рыцаря отобью!
Тут они все вчетвером набросились на сэра Ламорака, но он двумя ударами уложил двоих, и тогда остальные двое бежали. Сэр же Ламорак обратился к тому рыцарю, помог ему встать, подсадил на коня и спрашивает, как его имя.
— Сэр, мое имя — сэр Фролл с Внешних Островов.
И он поехал вместе с сэром Ламораком и сопровождал его дальше в пути. Вот едут они и видят: скачет им навстречу статный рыцарь весь в белом.
— А! — воскликнул сэр Фролл,— с этим рыцарем у меня недавно был поединок, и он выбил меня из седла, поэтому я сейчас с ним сражусь.
— Нет, вы с ним не сразитесь,— сказал сэр Ламорак,— если послушаете моего совета. Сначала расскажите мне, в чем ваша ссора и кто кого вызвал на бой: он вас или вы его?
— Конечно,— отвечал сэр Фролл,— это я его вызвал.
— Сэр, тогда мой вам совет, оставьте его и больше его не задевайте, ибо, судя по виду, он — рыцарь доблестный и шутить не станет. Сдается мне, что он из рыцарей Круглого Стола.
— Ну, и что ж! Я ему все равно спуску не дам! — отвечал сэр Фролл.
И он окликнул рыцаря и сказал:
— Сэр рыцарь! Готовьтесь к поединку!
— В том нет нужды,— отвечал белый рыцарь,— ибо я не расположен ни к шутливым речам, ни к копейным забавам.
Наставили они копья, и белый рыцарь опрокинул сэра Фролла на землю, а сам поскакал не спеша своей дорогой. Поехал вслед за ним сэр Ламорак, нагнал его и спрашивает, как его имя.
— Ибо сдается мне, вы из дружины рыцарей Круглого Стола.
— Сэр, я отвечу вам, но на том условии, что вы никому не скажете моего имени, и, кроме того, назовете мне свое.
— Сэр, мое имя — сэр Ламорак Уэльский.
— А мое имя — сэр Ланселот Озерный.
Тут они обрадовались оба, отложили мечи и сердечно поцеловались.
— Сэр,— сказал сэр Ламорак,— с вашего изволения, я готов служить вам.

— Упаси бог, сэр, чтобы столь высокородный рыцарь служил мне,— сказал сэр Ланселот и добавил: — я выехал на подвиг, который должен свершить в одиночку.
— Тогда да пошлет вам господь удачи! — сказал сэр Ламорак.
И с тем они расстались. Сэр Ламорак возвратился к сэру Фроллу и опять подсадил его на коня.
— Сэр, кто таков тот рыцарь? — спрашивает сэр Фролл.
— Сэр, вам этого не узнать, да и не ваше это дело.
— Вы весьма нелюбезны,— сказал сэр Фролл,— и потому я дружбу с вами расторгаю.
— Поступайте как вам угодно, хотя благодаря мне вы сберегли прекраснейший цветок в вашем венце.
И с тем они разъехались.



КАК СЭР ЛАМОРАК УБИЛ СЭРА ФРОЛЛА, И О РЫЦАРСТВЕННОМ ПОЕДИНКЕ С СЭРОМ БЕЛИАНСОМ, ЕГО БРАТОМ

А дня через два или три подъехал сэр Ламорак к ручью и увидел там спящего рыцаря, дама же его сидела рядом и бодрствовала. Но в это самое время скакал той дорогой сэр Гавейн, он схватил даму, посадил ее на коня позади своего оруженосца и поехал дальше.
Тот рыцарь пустился за ним в погоню и его окликает:
— Эй, рыцарь, поворачивай коня!
— Что вам от меня надобно? — спрашивает сэр Гавейн.— Я племянник короля Артура.
— Сэр, за это я готов отпустить вас подобру-поздорову, только пусть эта дама останется со мной.
Но сэр Гавейн повернул коня и поскакал с копьем наперевес против защитника дамы. Однако тот рыцарь мощным ударом выбил его из седла и даму снова забрал себе.
Все это видел сэр Ламорак, и он сказал себе так:
— Если я не отомщу за своего товарища, он опозорит меня при дворе короля Артура.— И сэр Ламорак предложил тому рыцарю поединок.
— Сэр, я готов,— отвечал тот [16].
Вот сшиблись они со всей мощью, и сэр Ламорак пронзил его копьем с левого бока до правого, так что тот упал мертвый.
Тогда дама поехала к брату своего рыцаря, носившему имя сэр Белианс Надменный, что жил оттуда неподалеку. Она поведала ему о гибели его брата.
— Увы! — молвил он,— я отомщу!
И он облачился в доспехи, сел на коня и в недолгом времени нагнал сэра Ламорака. Он крикнул ему:
— Оборотись, сэр рыцарь, и забудь и думать про эту даму, ибо тебе со мною предстоят еще новые забавы: будем биться с тобою не на жизнь,

а на смерть, ибо ты убил моего брата сэра Фролла, доброго рыцаря, каким тебе никогда не бывать!

— Сказать-то всякое можно,— отвечал сэр Ламорак,— но сегодня в честном поединке я выказал себя лучшим рыцарем, нежели он.

И вот ринулись они друг на друга, сшиблись и оба рухнули наземь, и тогда перетянули они наперед щиты, обнажили мечи, и два часа длился у них богатырский могучий бой. Под конец спрашивает сэр Белианс, как его имя.

— Сэр, мое имя — сэр Ламорак Уэльский.

— Ах,— сказал сэр Белианс,— ты и есть тот самый человек, кого я пуще всех ненавижу, ибо, спасая твою жизнь, я погубил моих сыновей, а теперь ты еще убил моего брата сэра Фролла. Увы! Разве могу я примириться с тобой? Так защищайся же! Сегодня ты умрешь, тут уж ничего ни поделать, ни поправить нельзя.

— Увы! — молвил сэр Ламорак,— я должен был бы признать вас, ведь вы — тот самый человек, кто сделал мне добра больше всех на свете.

И с тем опустился сэр Ламорак на колени и стал просить у него прощения.

— Вставай! — отвечал сэр Белианс,— не то я зарублю тебя на этом самом месте коленопреклоненного!

— В том нет нужды,— сказал сэр Ламорак,— ведь я сдаюсь вам, и не от страха перед вами и вашей мощью, а из-за доброты вашей, которая не позволяет мне с вами сражаться. Поэтому прошу вас, во имя господа и рыцарской чести, простите мне все, чем я вас обидел!

—Увы! — воскликнул сэр Белианс.— Подымись с колен, а иначе я зарублю тебя безо всякой пощады!

И снова завязался меж ними бой, они наносили один другому раны, так что вся земля была окровавлена, где они рубились. Но вот наконец сэр Белианс отступил назад и тихонько присел на пригорок, ибо был он совсем обескровлен и обессилел и не мог уже больше стоять на ногах.

Тут закинул сэр Ламорак свой щит за спину, подошел к нему и спрашивает:

— Ну, как дела?

— Хорошо,— отвечает сэр Белианс.

— Так-то, сэр, и все же я окажу вам милосердие в ваш трудный час.

— Ах, рыцарь,— говорит сэр Белианс сэру Ламораку,— ты просто глупец. Будь ты у меня в руках, как я сейчас в руках у тебя, я бы тебя убил. Но благородство твое и доброта столь велики, что мне ничего не остается, как только забыть все то зло, какое я на тебя держал.

И сэр Ламорак опустился перед ним на колени, отстегнул прежде его забрало, а потом свое, и они поцеловались, плача обильными слезами. После того сэр Ламорак отвел сэра Белианса в монашескую обитель, что была там поблизости, и не покинул его, покуда он совсем не поправился. И они поклялись, что никогда больше не станут биться друг против друга.

После этого сэр Ламорак отправился в путь и прибыл ко двору короля Артура.

Здесь кончается повесть о сэре Ламораке и сэре Тристраме и начинается повесть о славном рыцаре по прозванию сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка.



IX

КАК ПРИБЫЛ КО ДВОРУ КОРОЛЯ АРТУРА ЮНОША, КОТОРОГО СЭР КЭЙ ПРОЗВАЛ В НАСМЕШКУ «ХУДАЯ ОДЕЖКА» ❧

ПРИБЫЛ ко двору короля Артура однажды юноша могучего сложения и в богатых одеждах и пожелал получить от короля посвящение в рыцари. Но поверх всего на нем был надет короткий плащ, который болтался вкривь и вкось, хоть и был скроен из богатой золотой парчи.

— Как ваше имя? — спросил юношу король Артур.

— Сэр, мое имя — сэр Брюн Черный, и в недалеком времени вы удостоверитесь, что я высокого роду.

— Может статься, что и так,— сказал Кэй-Сенешаль,— но пока что вас в насмешку будут звать Лакот Мальтелье, что значит Худая Одежка.

— Ты просишь немалого,— продолжал король Артур.— А что за причина тебе носить этот парчовый плащ?

— Есть у меня, сэр, на то причина,— отвечал тот.— Был у меня отец, благородный рыцарь, и однажды поехал он в лес на охоту. Там случилось ему лечь и уснуть, а тем временем проезжал мимо рыцарь, издавна бывший ему врагом. Он увидел, что отец мой крепко спит, и зарубил его насмерть, а на нем тогда был вот этот самый плащ. Потому-то он и сидит на мне так криво, ибо как я нашел его порезанным, так и не чинил и не буду чинить. И потому-то, в память о гибели моего отца, я ношу его, пока не отомщу.

И как прославлены вы благороднейшим из королей на свете, я прибыл к вам, дабы от вас принять посвящение в рыцари.

— Сэр,— сказали сэр Ламорак и сэр Гахерис,— в самом деле, его следует посвятить в рыцари, ибо по виду его и повадкам можно сказать, что он окажется рыцарем доблестным и могучим. Ведь помните, сэр, таким же был и сэр Ланселот, когда явился впервые сюда ко двору, и мало кто из нас тогда ведал, откуда он приехал. А теперь он явил себя достойнейшим мужем на свете, всему вашему двору и Круглому Столу он слава и опора, как ни один другой рыцарь.

— Это правда,— сказал король.— Завтра по вашей просьбе я посвящу его в рыцари.

А наутро подняли в лесу охотники матерого оленя, и король Артур с дружиной своих рыцарей поскакал туда, чтобы убить оленя. Юноша же, которому сэр Кэй дал прозвище Худая Одежка, остался с королевой Гвиневерой.

А там, в каменной башне, содержался ужасный лев, и нежданно-негаданно случилось, что он вырвался на волю и ворвался к королеве и ее рыцарям. При виде льва закричала королева, бросилась бегом, моля своих рыцарей о спасении. Но там остались лишь двенадцать рыцарей, остальные же все обратились в бегство.

И сказал тогда Худая Одежка:

— Вижу я, что не все еще трусливые рыцари перебиты.

И он обнажил меч и вышел на льва. Лев разверз свою пасть и ринулся на него, разя лапами и грозя смертью, но он в ответ обрушил ему меч посередь лба, так что рассек голову на две половины, и рухнул лев наземь и издох.

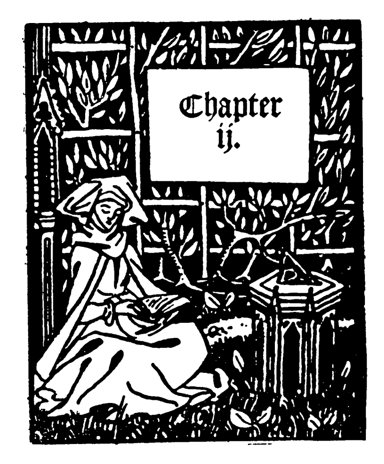
Тут же оповестили королеву, что юноша, получивший от сэра Кэя прозвище Худая Одежка, убил страшного льва, а тут как раз и король Артур воротился из леса, и королева поведала ему все об этом приключении. Порадовался король и говорит:

— Клянусь головой, он еще покажет себя настоящим рыцарем, преданным и верным своему слову!

И с тем без промедления король возвел его в рыцари.

— А теперь, сэр,— сказал вновь произведенный рыцарь,— я прошу вас и всех рыцарей этого двора, зовите меня не иначе, как Лакот Мальтелье-Худая Одежка; раз уж сэр Кэй дал мне это имя, так и желаю я называться.

— Пусть будет по-вашему,— отвечал король.



КАК КО ДВОРУ ПРИЕХАЛА ДЕВИЦА И ПРОСИЛА, ЧТОБЫ КАКОЙ-НИБУДЬ РЫЦАРЬ ВЗЯЛСЯ ИСПОЛНИТЬ ПОДВИГ И КАК ВЫЗВАЛСЯ ЛАКОТ МАЛЬТЕЛЬЕ ❧ В этот же самый день прибыла туда ко двору девица, и привезла она большой черный щит, а посередине на нем была изображена белая рука, сжимающая меч, других же знаков и украшений на щите не было. Увидел ее король Артур и спрашивает, откуда она и зачем приехала.

— Сэр,— она отвечала,— я долго скакала с этим щитом, много дней была в пути, многими дорогами ехала, и вот для чего явилась я к вашему двору: жил в наших краях рыцарь, которому принадлежал этот щит. Некогда, чтобы завладеть этим щитом, он совершил великие бранные подвиги. Но по воле несчастного случая встретился с ним однажды в пути другой могучий рыцарь, и в долгом и жестоком поединке нанесли они друг другу тяжкие раны без счета. так что под конец, обессилев, согласились разойтись. Вскоре владелец этого щита почувствовал, что умирает и что нет ему спасенья, и тогда он приказал мне отвезти щит ко двору короля Артура и просить, чтобы какой-нибудь добрый рыцарь взял его щит и завершил его подвиг.

— Ну, что скажете вы на такую просьбу? — спросил король Артур.— Найдется ли средь вас один, кто готов взять этот щит?

Но ни один из них не произнес ни слова. Тогда взялся за щит сэр Кэй и поднял его над головою.

— Сэр рыцарь,— спросила девица,— как ваше имя?

— Да будет вам ведомо, что имя мое — сэр Кэй-Сенешаль,— и оно прославлено повсеместно.

— Сэр,— сказала девица,— положите щит. Этот щит не про вас. Ибо рыцарь, коему он достанется, должен быть получше вас.

— Девица,— отвечал сэр Кэй,— я и взял-то ваш щит вовсе не для того. Пусть едет с вами тот, кому захочется, я же никуда не поеду.

И долго еще стояла та девица, не говоря ни слова, и лишь обводя взглядом всех собравшихся там рыцарей. Под конец заговорил юный рыцарь Лакот Мальтелье и сказал так:

— Любезная девица, я готов принять этот щит и взять на себя незавершенный подвиг, если только я буду знать, куда мне держать путь. Ибо я лишь сегодня посвящен в рыцари и хочу, чтобы это приключение досталось мне.

— А как ваше имя, прекрасный юноша? — спросила девица.

— Мое имя,— он отвечал,— Лакот Мальтелье.

— И верно подходит тебе это имя, — сказала девица,— ты, рыцарь в худой одежке! Только знай: если ты настолько смел, что навесишь на себя этот щит и последуешь за мною, быть и коже твоей продырявленной не хуже плаща.

— Что до этого,— отвечал Худая Одежка,— то если буду порублен, у вас я не стану просить снадобий для исцеления!

Тем же часом явились вдруг ко двору двое пажей, ведя под уздцы двух боевых скакунов, а также доспехи его и копья. Он облачился без промедления и стал прощаться.

— Сэр,— сказал король Артур,— нам не желательно, чтобы вы брались за столь опасное приключение.

— Сэр,— отвечал Худая Одежка,— приключение это досталось мне, и оно — первое в моей жизни. Я взялся за него и не отступлюсь, что бы меня ни ждало.

Между тем девица уже пустилась в путь, и сэр Лакот Мальтелье поскакал вслед за нею во весь дух. В недолгом времени он ее нагнал, но она осыпала его самыми бранными словами.



КАК ЛАКОТ МАЛЬТЕЛЬЕ ПОВЕРГ НАЗЕМЬ СЭРА ДАГОНЕТА, КОРОЛЕВСКОГО ШУТА, И ОБ УПРЕКАХ, КОТОРЫМИ ОСЫПАЛА ЕГО ДЕВИЦА

А сэр Кэй послал за ним вдогонку сэра Дагонета, Артурова шута, он нарядил сэра Дагонета в доспехи, посадил на коня и наказал ему догнать рыцаря и вызвать его на поединок. Так он и сделал, и когда завидел Худую Одежку, то крикнул ему, чтобы он готовился к бою.

Сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка встретил его, повернув коня, и перекинул сэра Дагонета наземь через круп лошади.

Но девица стала глумиться над Худой Одежкой, говоря так:

— Фи, позор тебе! Ты теперь навеки опозорен в глазах короля Артура и его двора, ведь они нарочно подослали тебе шута, чтобы ты вступил с ним в бой, с ним провел свой первый поединок.

Так она долго ехала и всячески его поносила. Но потом повстречался им сэр Блеоберис, добрый рыцарь, и затеяли он и сэр Лакот Мальтелье меж собою бой. Сэр Блеоберис ударил так, что конь его так и рухнул наземь вместе со всадником. Но Худая Одежка тут же вскочил с легкостию, загородился щитом, обнажил меч и изготовился к пешему бою не на жизнь, а на смерть, ибо он был вне себя от ярости.

— Да нет уж,— сказал Блеоберис Ганский,— нет у меня сейчас желания рубиться с тобою в пешем бою.

Тут девица Мальдизанта Злоязычная того больше принялась его бранить нещадно и гнать прочь от себя, говоря:

— Ступай назад, жалкий трус!

— Ах, прекрасная девица,— отвечал он,— сделайте милость, не ругайте меня, ибо мне и без того тошно. Но все-таки это еще не значит, что плох рыцарь, если сын кобылы под ним оплошал, да и не почитаю я для себя зазорным быть повергнутым рукою сэра Блеобериса.

Так ехали они еще два дня, и случилось им повстречать сэра Паломида, благородного рыцаря, и сэр Паломид расправился с ним так же, как раньше сэр Блеоберис. А девица опять:
— Ну, что ты за мной увязался? Убирайся прочь! Ведь в поединке ты и минуты не можешь усидеть в седле, тебе с одним только рыцарем под силу тягаться — с сэром Дагонетом, шутом!
— Ах, прекрасная девица, мне не зазорно быть повергнутым рукою сэра Паломида. И к тому же, чести моей в том нет особого урона, ведь ни сэр Блеоберис, ни сэр Паломид не пожелали спешиться и рубиться со мной на мечах.
— Что до этого,— отвечала девица,— то знайте, они просто почли для себя недостойным и унизительным спешиться для боя с таким мужланом.
В недолгом времени повстречался им сэр Мордред, брат сэра Гавейна, и он присоединился к Мальдизанте Злоязычной.
Вот едут они и приехали к Замку Гордыни, а там был такой обычай, что всякий мимоезжий рыцарь должен был либо биться в поединке, либо сдаться в плен, либо уж, по меньшей мере, лишиться коня и доспехов.
Выехали против них два рыцаря, и с первым сшибся сэр Мордред. И рыцарь из замка выбил сэра Мордреда из седла. Тогда сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка сшибся со вторым, и под обоими кони рухнули наземь. Но они тотчас же высвободили ноги из стремян и снова сели на своих коней.
Сэр Лакот Мальтелье устремился на того рыцаря, что поверг наземь сэра Мордреда, ранил его жестоко и выбил вон из седла, так что тот замертво рухнул на землю.
Потом он оборотился против первого своего противника, но тот пустился в бегство, и сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка поскакал вслед за ним в Замок Гордыни и там его зарубил.



КАК ЛАКОТ МАЛЬТЕЛЬЕ БИЛСЯ ОДИН ПРОТИВ СТА РЫЦАРЕЙ, И КАК ОН СПАССЯ С ПОМОЩЬЮ ДАМЫ

Но в замке на него вдруг набросились сто рыцарей, обступили и наседают со всех сторон. Видит Худая Одежка, что сейчас убьют под ним коня, и тогда он спешился, бросил узду и выпустил коня за ворота замка. А сам принялся от них отбиваться, прислонясь спиною к стене женских покоев, и говоря сам себе, что уж лучше ему погибнуть с честью, чем опять терпеть поношения девицы Мальдизанты Злоязычной.
А пока он там стоял и оборонялся, дама, что находилась в тех покоях, вышла тайно через задние ворота, поймала его коня и, взявши за узду, привязала у задних ворот. А сама вернулась незаметно к себе в покои, чтобы и дальше видеть, как один рыцарь бьется против ста.

Долго она так на него глядела, а потом заговорила с ним через окошко у него за спиной:

— Рыцарь, сражающийся столь чудесно! Как ни велика твоя доблесть, а все же не избежать тебе смерти, если только не употребишь ты свою силу и ловкость на то, чтобы добраться вон к тем задним воротам, ибо там ждет тебя твой конь, которого я для тебя привела. Но только смотри, пусть будут все твои помыслы лишь о рыцарской чести и славе, а не о смерти, ибо лишь тогда ты пробьешься к задним воротам, если соберешь все силы и все твое мужество.

Услышал ее сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка, сжал покрепче в руке меч, загородился понадежнее щитом и, ринувшись в самую гущу врагов, пробился к задним воротам. Четверо из рыцарей ждали его там, готовые к бою, но он с двух ударов двоих из них зарубил, другие же два обратились в бегство.

Тогда вскочил он верхом на коня и ускакал прочь.

Обо всем этом, как и что было, рассказывали люди при дворе короля Артура — как убил он один двенадцать рыцарей в стенах Замка Гордыни.

А он между тем скакал своей дорогой. Мальдизанта же Злоязычная говорит сэру Мордреду:

— Не иначе как мой глупый рыцарь убит или попал в плен.

И тут как раз вдруг видят: он скачет прямо к ним. Подъехав, он рассказал им, как и что с ним было в том замке, как он преуспел и как остался жив, один против всего замка.

— И среди них многие рыцари из лучших уже не смогут ни о чем поведать.

— Ты лживый хвастун,— сказала девица,— и я готова это доказать. Просто они отпустили тебя на все четыре стороны как трусливого шута, позорящего рыцарское звание.

— Это еще надо доказать,— отвечал Худая Одежка.

И тогда она отправила в замок своего скорохода, который всегда путешествовал вместе с нею, и он поехал туда без промедления и стал расспрашивать там, как и что было и каким образом выбрался тот рыцарь из замка.

И все рыцари в ответ проклинали его, твердя, что он был не человек, а дьявол.

— Ведь он убил здесь у нас двенадцать наших лучших рыцарей, а мы по сей день полагали, что даже сэру Тристраму Лионскому, да и сэру Ланселоту Озерному такое не под силу. И как мы ни старались, ни наседали, он потом все же ушел от нас.

Скороход возвратился назад и рассказал госпоже своей, как отличился сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка в Замке Гордыни. И она опустила голову и не сказала ни слова.

— Клянусь головой,— сказал ей сэр Мордред,— вы достойны порицания, напрасно вы так его поносили, ибо, говорю вам, он добрый рыцарь и, вне сомнения, еще выкажет себя мужем благородным. Правда, сейчас он еще не очень прочно сидит в седле, но, чтобы стать умелым всадником, нужны

упражнение и привычка. А когда доходит дело до рубки на мечах, тут он могуч и доблестен. В этом убедились сэр Блеоберис и сэр Паломид, ибо они-то уж конечно бывалые бойцы и могут с одного взгляда на молодого рыцаря по его посадке определить, удастся ли им выбить его из седла или поразить копьем. Но они редко когда соглашаются спешиться и вести с молодыми рыцарями бой на земле, ведь у них тяжелые и крепкие доспехи. Подобным же образом и сэр Ланселот Озерный, когда еще только получил он посвящение в рыцарство, часто терпел поражение будучи на коне, но в пешем бою всегда оказывался победителем и убил и подверг позору многих рыцарей Круглого Стола. Так что эти победы сэра Ланселота побудили наших славных рыцарей к осмотрительности, ибо мне нередко приходилось видеть, как старые, многоопытные рыцари терпели поражение и принимали смерть от тех, которые были всего лишь юными новичками.

Так беседуя, ехали они все вместе дальше своей дорогой.



КАК КО ДВОРУ ПРИБЫЛ СЭР ЛАНСЕЛОТ И УСЛЫШАЛ ПРО ЛАКОТА, И КАК ОН ВЫЕХАЛ ЗА НИМ, И КАК ЛАКОТ МАЛЬТЕЛЬЕ ПОПАЛ В ПЛЕН ❧ Здесь эта повесть на время переносится к сэру Ланселоту,— а он, прибыв ко двору короля Артура, услышал там рассказы о юном рыцаре по прозвищу сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка, как он убил льва и как взялся завершить приключение с черным щитом, считавшееся тогда самым трудным подвигом в мире.

— Спаси меня бог! — сказал сэр Ланселот своим многочисленным товарищам.— Да это позор всему благородному рыцарству, что столь юного рыцаря допустили взяться за такое приключение себе на погибель. Ибо знайте,— сказал сэр Ланселот,— что девица Мальдизанта Злоязычная уже давно возила этот щит, ища самых прославленных рыцарей. Ведь это у нее отнял щит сэр Брюс Безжалостный, а потом еще сэр Тристрам Лионский этот щит у него отвоевал и ей возвратил, и было это как раз незадолго перед тем, как сэр Тристрам сразился с моим племянником сэром Бламуром Ганским из-за ссоры, которая была у него с королем Ирландии.

И тогда многие рыцари пожалели, что сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка выехал на столь трудный подвиг.

— Право,— сказал сэр Ланселот,— я намерен последовать за ним.

Вот на исходе семи дней сэр Ланселот нагнал того, кто носил имя сэр Лакот Мальтелье, и приветствовал его и девицу Мальдизанту. А сэр Мордред при виде сэра Ланселота тут же их покинул, сэр же Ланселот к ним присоединился, и они скакали вместе целый день. Мальдизанта Злоязычная всю дорогу поносила своего рыцаря, а когда сэр Ланселот за него вступил-

ся, то она оставила в покое того, кого звали Худая Одежка, и принялась честить и поносить сэра Ланселота.

А между тем сэр Тристрам отправил с одной девицей к сэру Ланселоту письмо, принося извинения за женитьбу на Изольде Белорукой, и в этом письме говорилось, что как есть он верный рыцарь, никогда у него не было плотского общения с Изольдой Белорукой. Так учтиво и любезно писал сэр Тристрам к сэру Ланселоту, прося его быть добрым другом ему и Прекрасной Изольде Корнуэльской, и если увидится с нею сэр Ланселот, пусть извинит его перед нею. А вскоре, если будет на то милость божья, писал сэр Тристрам, он и сам повидается с Изольдой Прекрасной и с сэром Ланселотом.

И сэр Ланселот отстал от девицы Мальдизанты и ее рыцаря, чтобы прочесть, что написано в этом письме, и написать письмо сэру Тристраму в ответ.

А сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка дальше поехал с девицей Мальдизантой, и прибыли они к замку под названием Пендрагон. Их встретили у ворот шесть рыцарей, и один из них вызвал его на бой.

Перебросил его сэр Лакот Мальтелье через круп его коня. И тогда остальные пятеро рыцарей налетели на него с копьями все сразу и опрокинули его, и коня и всадника, на землю. А затем, спешившись все вдруг, наложили на него руки и захватили его в плен.

Наутро поднялся сэр Ланселот, отправил девицу с письмом к сэру Тристраму и снова пустился в путь по следам девицы Мальдизанты и ее рыцаря.

По пути у моста повстречался ему рыцарь и вызвал его на поединок, и сэр Ланселот вышиб его из седла. После того затеяли они богатырский благородный пеший бой, долго бились, но под конец упал противник перед сэром Ланселотом на колени и на ладони. И признал он себя побежденным, и сдался сэру Ланселоту, и сэр Ланселот принял его по-рыцарски.

— Сэр,— говорит рыцарь,— прошу вас, назовите мне ваше имя, ибо я чувствую в душе к вам доброе расположение.

— Нет,— отвечал сэр Ланселот,— я покуда еще не открою вам своего имени. Сначала вы мне откройте ваше имя.

— Разумеется,— сказал рыцарь.— Мое имя — сэр Неровенс, я принял посвящение в рыцари от сэра Ланселота Озерного.

— А! Сэр Неровенс Островной! — воскликнул сэр Ланселот.— Я рад, что вы оказались добрым рыцарем, ибо знайте, я — сэр Ланселот.

— Увы! — промолвил сэр Неровенс.— Что я сделал!

И он упал ниц у его ног и хотел поцеловать их, но сэр Ланселот этого не дозволил.

Оба они обрадовались встрече, и сэр Неровенс предостерег сэра Ланселота, чтобы он не ехал мимо Замка Пендрагона.

— Ибо владелец его — могучий рыцарь, и с ним многочисленная боевая дружина, и не далее как нынче ночью, я слышал, они захватили в плен одного рыцаря, что проезжал поблизости с дамою, и говорят, что он — рыцарь Круглого Стола.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ СРАЗИЛСЯ С ШЕСТЬЮ РЫЦАРЯМИ, А ПОТОМ ЕЩЕ С СЭРОМ БРИАНОМ И КАК ОН ОСВОБОДИЛ ПЛЕННИКОВ

— О,— воскликнул сэр Ланселот,— этот рыцарь — мой товарищ, и я спасу его и освобожу, или же лягу за него костьми.

И с тем поскакал он во весь дух и очутился под стенами замка Пендрагон. Тут же выехали ему навстречу шестеро рыцарей, изготовились наброситься на сэра Ланселота все разом. Тогда наставил сэр Ланселот копье и ударил на переднего из них, да так, что перешиб ему хребет, а из них трое ударили на него, и все трое промахнулись. Сэр же Ланселот проскакал мимо них, повернул быстро коня и еще одному рыцарю пробил копьем грудь и спину на целую сажень, и при этом копье его сломалось. Тогда оставшиеся четыре рыцаря выхватили мечи и набросились на сэра Ланселота, но он так направил удары своего меча, что с четырех ударов покатились они все четверо из седел жестоко израненные, и он поскакал во весь опор прямо в замок.

Но владелец замка по имени сэр Бриан-Островитянин, доблестный рыцарь и заклятый враг короля Артура, поспешил облачиться в доспехи и выехал на коне ему навстречу. И вот уперли они копья в крючья-упоры и с разгону так сшиблись друг с другом, что под обоими кони рухнули наземь. Но тут же высвободили они ноги из стремян, выставили щиты, выхватили мечи и налетели друг на друга как безумные, и посыпались удары без счета.

Но под конец нанес сэр Ланселот сэру Бриану такой удар мечом, что тот не устоял, упал на колени, а сэр Ланселот тут подскочил к нему могучим прыжком и сорвал у него с головы шлем. Увидел сэр Бриан, что не избежать ему гибели, и тогда он признал себя побежденным и сдался ему на милость и снисхождение.

И тогда сэр Ланселот заставил его выпустить всех пленников, какие содержались у него в замке, и среди них нашел сэр Ланселот из дружины короля Артура тридцать рыцарей и сорок дам. Он их освободил и поехал дальше своей дорогой.

Как только вышел сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка на волю, он поспешил найти своего коня, и доспехи свои, и свою даму Мальдизанту Злоязычную.

Между тем, сэр Неровенс, с которым сражался сэр Ланселот по пути у моста, послал девицу проведать, как преуспел сэр Ланселот в замке Пендрагон. А в замке все диву давались: кто таков был этот рыцарь, заставивший сэра Бриана и его рыцарей освободить всех узников?

— Не удивляйтесь,— сказала девица,— ибо лучший из рыцарей в мире побывал здесь и совершил этот подвиг. Да будет ведомо вам,— сказала она,— это был сэр Ланселот.

Возрадовались этому известию сэр Бриан, и его жена, и все рыцари, что их победитель был столь славный рыцарь. Когда же сэр Лакот Мальтелье-

Худая Одежка и девица Мальдизанта Злоязычная поняли, что ехавший с ними рыцарь был сам сэр Ланселот, и когда она припомнила, как она его поносила и называла трусом, тут она жестоко раскаялась.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОВСТРЕЧАЛ ДЕВИЦУ, КОТОРУЮ ЗВАЛИ МАЛЬДИЗАНТА ЗЛОЯЗЫЧНАЯ, И КАК ОН ДАЛ ЕЙ ИМЯ БЬЕНПЕНСАНТА ДОБРОХОТНАЯ ❧ Сели они на коней и поскакали во весь опор вдогонку за сэром Ланселотом и, нагнав его за две мили оттуда, приветствовали его и благодарили. И девица со слезами просила сэра Ланселота о прощении за ее злые речи и говорила так:

— Теперь-то я знаю, что вы — цвет рыцарства и что высшая слава поделена поровну между вами и сэром Тристрамом. Видит бог,— сказала девица,— я повсюду уже давно разыскиваю вас, господин мой сэр Ланселот, и сэра Тристрама, и теперь я благодарю господа, ибо встретилась, наконец, с вами. И с сэром Тристрамом я тоже повстречалась однажды в Камелоте, когда он вернул мне этот черный щит с изображением белой руки, сжимающей обнаженный меч, а отнял у меня этот щит сэр Брюс Безжалостный.

— Как так, прекрасная девица? — спросил сэр Ланселот.— Откуда известно вам мое имя?

— Сэр,— отвечала она,— девица, посланная рыцарем, с которым вы бились у моста, сказала мне, что ваше имя — сэр Ланселот Озерный.

— Плохо она поступила,— сказал он.— Но, верно, это ее господин сэр Неровенс так ей велел. И вот что, любезная девица,— сказал сэр Ланселот,— я поеду с вами лишь на одном условии: лишь если вы не будете больше оскорблять этого рыцаря, который зовется сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка, ибо он — добрый рыцарь и несомненно еще выкажет себя мужем благородным. Ведь я из любви к нему, дабы уберечь его в этом опасном приключении от гибели, последовал за ним, поспешил ему на подмогу.

— Да наградит вас Иисус! — отвечала девица,— теперь я могу признаться вам и ему, что поносила его и оскорбляла вовсе не из ненависти, а из великой любви, которую к нему питаю, ибо я полагала, что он чересчур юн годами и нежен возрастом, чтобы браться за столь опасное приключение. И потому я пыталась нарочно прогнать его от себя, опасаясь за его жизнь. Ибо не юному рыцарю свершить такой подвиг.

— Клянусь богом! — сказал сэр Ланселот,— это хорошо сказано! Прежде вас называли Мальдизанта Злоязычная, я же буду звать вас Бьенпенсанта Доброхотная.

И они поскакали вместе дальше и долго ехали, покуда не прибыли в страну Сурлузу. На пути у них лежало большое селение, куда вел мост, укрепленный, точно крепость. Только что подступили они с сэром Ланселотом к предмостью, как вышли им навстречу джентльмены и йомены в большом числе и сказали так:

— Любезные лорды! Через этот мост и эти укрепления вам всем вместе нет проезда, по причине того черного щита, который мы видим на одном из вас. Вам дозволено будет проехать лишь по одному. И потому выбирайте, который из вас первым ступит на мост.

Сэр Ланселот вызвался первым сразиться и переехать по мосту. Но сэр Лакот Мальтелье сказал ему:

— Сэр, молю вас, дозвольте мне первым въехать за предмостное укрепление. Если я преуспею, то пошлю за вами, а если меня убьют, так тому и быть. Если же меня захватят в плен, тогда вы сможете меня освободить.

— Сэр, мне не хотелось бы пускать вас в такое дело первого,— сказал сэр Ланселот.

— Сэр,— настаивал сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка,— заклинаю вас, дозвольте мне взять на себя это приключение.

— Ну, поезжайте,— сказал сэр Ланселот,— и да пошлет Иисус вам удачи!

Он въехал на мост, и там встретили его два брата — одного звали сэр Плэн де Форс-Всесильный, а другого сэр Плэн д'Амор Любвеобильный. Стал с ними биться сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка и вышиб из седла сначала первого, а за ним и второго.

Тут они перетянули наперед щиты, извлекли мечи из ножен и крикнули ему, чтобы он спешился тоже, и он так и сделал. Посыпались тут удары мечей, и стали они вдвоем на него наседать, этот рубит, тот колет, и нанесли ему много тяжких ран в голову, грудь и плечи. И он, как мог, тоже разил их в ответ и нанес им немало ударов. Тогда братья стали отступать и уклоняться, норовя обойти его с боков, но он с рыцарской доблестью и искусством оказывался с ними всегда лицом к лицу. Почуяв же, что раны его тяжки, он удвоил силу своих ударов и нанес им столь много ран, что поверг их обоих на землю и убил бы, не сдайся они на его милость.

Тогда выбрал себе сэр Лакот Мальтелье лучшего из трех коня, сел в седло и поскакал дальше ко второму предмостному укреплению. Там встретил его третий брат, сэр Пленориус, благородный рыцарь, и они ринулись друг на друга, сшиблись и повергли один другого наземь, и коней и всадников.

А затем, высвободив ноги из стремян, заслонились щитами, выхватили мечи и стали наносить один другому жестокие удары. То один продвигался по мосту, то другой.

Так рубились они два часа и долее без отдыха, а сэр Ланселот с девицей смотрели с берега.

— Увы,— говорит девица,— мой рыцарь бьется отчаянно, но очень уж долго.

— Теперь-то вы видите,— сказал ей сэр Ланселот,— что он воистину рыцарь превосходный, ведь если вспомнить, что он только что уже провел один бой и жестоко изранен, то диву даешься, откуда у него силы для столь долгого боя с этим славным рыцарем.



КАК ЛАКОТ МАЛЬТЕЛЬЕ БЫЛ ЗАХВАЧЕН В ПЛЕН, А ПОТОМ СПАСЕН СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ОДОЛЕЛ ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЕВ ❧ Но в это время сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка покачнулся и упал, ибо он так изранен был и так истек кровью, что не мог уже стоять на ногах. Пожалел его тот рыцарь и говорит:

— Любезный рыцарь, не печальтесь, ведь если бы вы вступили в этот поединок со свежими силами, как я, я бы уж конечно не выстоял против вас. И потому, за ваши доблестные подвиги, я выкажу вам всю доброту и вежество, какие только в моих силах.

И с тем поднял его благородный этот рыцарь сэр Пленориус, заключив в объятья, и отвел в свою башню. А там угостил его вином и прислал осмотреть его раны и остановить ему кровь.

— Сэр,— сказал ему сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка,— не задерживайтесь тут со мной, но поспешите назад к предмостному укреплению, ибо там вас ждет другой рыцарь, не мне чета.

— Как так?— удивился сэр Пленориус.— Разве там еще кто-то остался из ваших товарищей?

— Да, сэр, и знайте, что тот рыцарь несравненно меня превосходит.

— Как же его имя?— спросил сэр Пленориус.

— Сэр, имя его вы узнаете не от меня.

— Ну, что ж,— сказал рыцарь,— он найдет здесь противника по себе.

И тут вдруг слышит он рыцарский оклик:

— Сэр Пленориус, где ты? Либо ты отдашь мне своего пленника, которого увел ты к себе в башню, либо же выходи и сразись со мною!

Тут сел на коня сэр Пленориус, и зажав копье в руке, выехал галопом на сэра Ланселота. На скаку наставили они и уперли копья и сшиблись с разгону, точно гром грянул. И с такой силой они столкнулись, что под обоими рыцарями кони рухнули наземь. А тогда высвободили они ноги из стремян, вытащили мечи из ножен, и, как два разъяренных быка, бросились друг на друга, разя и коля мечами. Но шаг за шагом наступал сэр Ланселот, а сэр Пленориус, отступая, хотел его обойти, но сэр Ланселот не дозволял этого, и теснил его все дальше, покуда не очутились они у ворот его башни.

И тогда сказал сэр Ланселот:

— Вижу я, что ты славный рыцарь, но знай: жизнь твоя и смерть твоя в моих руках. И потому сдавайся мне и отдай мне своего пленника!

Ни слова тот не сказал в ответ, но с такой силой ударил сэра Ланселота по шлему, что у него огонь из глаз выбился. Тогда сэр Ланселот участил свои удары и так его поразил, что тот не устоял и упал на колени. А сэр Ланселот подскочил и поверг его ниц. Тогда сэр Пленориус признал себя побежденным и сдался ему на милость вместе со своею башнею и всеми пленниками. И принял от него сэр Ланселот присягу в верности и подчинении.

Потом сэр Ланселот поскакал ко второму укреплению и там сразился с тремя другими братьями, из которых одному было имя сэр Пелон, другому — сэр Пелогрис, а третьему — сэр Пеландрис. Он сначала верхом вышиб всех троих из седел, а потом победил их в пешем бою и принудил к сдаче. После того возвратился он к башне сэра Пленориуса и там в заточении нашел короля Карадоса Шотландского и еще многих других рыцарей и всех их освободил.

Вышел к нему сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка, и сэр Ланселот хотел пожаловать ему весь этот мост с укреплениями, но он сказал:

— Нет, сэр, я не возьму себе владений сэра Пленориуса. Если только он согласится и даст вам слово, господин мой сэр Ланселот, что отправится ко двору короля Артура и станет его рыцарем, а с ним и все его братья, я прошу вас, господин мой, в этом случае сохраните за ним его владения.

— Я охотно соглашусь на это,— отвечал сэр Ланселот,— если он явится ко двору короля Артура и будет служить ему вместе со своими пятью братьями. Что же до вас, сэр Пленориус, то я позабочусь,— сказал сэр Ланселот,— чтобы в ближайший праздник, если только будет свободное место, вы стали рыцарем Круглого Стола.

— Сэр,— сказал сэр Пленориус,— на будущий праздник Пятидесятницы я явлюсь ко двору и поступлю в ваше и короля Артура распоряжение.

После того сэр Ланселот и сэр Лакот Мальтелье остались там и пребывали на отдыхе, покуда не зажили все их раны. И было там много веселья, и добрый отдых, и молодецкие игры, и было там много прекрасных дам.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ СДЕЛАЛ СЭРА ЛАКОТА ВЛАДЕЛЬЦЕМ ЗАМКА ПЕНДРАГОН, И КАК ОН ПОТОМ БЫЛ ВОЗВЕДЕН В РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА ❧ И еще туда приехали сэр Кэй-Сенешаль, и сэр Брандель и к ним присоединились, и лишь по прошествии десяти дней отбыли они все, рыцари короля Артура, из той крепости.

А когда сэр Ланселот ехал мимо Замка Пендрагон, он согнал сэра Бриана-Островитянина с его земель за то, что тот не соглашался стоять за короля Артура. И весь Замок Пендрагон со всеми прилежащими к нему землями он отдал сэру Лакоту Мальтелье. И еще сэр Ланселот послал за сэром Неровенсом, которого он некогда посвятил в рыцари, и поставил его управлять тем замком и землями от сэра Лакота. И поскакали они дальше все вместе ко двору короля Артура.

А в следующую Пятидесятницу был принят там сэр Пленориус, и тогда же сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка стал называться по праву своим именем сэр Брюнор Черный. И оба они были произведены в рыцари Круглого Стола, и король Артур им пожаловал много земель.

И там же сэр Брюнор Черный женился на девице Мальдизанте, которая с тех пор уже звалась дама Бовиванта Добронравная. Но и впоследствии

его чаще всего называли Лакот Мальтелье-Худая Одежка и под этим именем он прославился как благородный и могучий рыцарь, и за жизнь свою он свершил немало славных подвигов. И сэр Пленориус тоже выказал себя добрым рыцарем, исполненным доблести. И оба они до конца дней своих сопровождали всюду сэра Ланселота и ему служили. Братья сэра Пленориуса тоже сделались рыцарями короля Артура. И еще во Французской Книге сказано, что сэр Лакот Мальтелье отомстил за смерть своего отца.



КАК ПРЕКРАСНАЯ ИЗОЛЬДА ОТПРАВИЛА СО СВОЕЙ СЛУЖАНКОЙ БРАНГВЕЙНОЙ ПИСЬМА К СЭРУ ТРИСТРАМУ, И О РАЗЛИЧНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ СЭРА ТРИСТРАМА

Теперь мы оставляем сэра Ланселота Озерного и сэра Брюнора по прозвищу Лакот Мальтелье и обращаемся к сэру Тристраму Лионскому, который жил в Бретани и которому Изольда Прекрасная, получив известие о его женитьбе, отправила со своей служанкой дамой Брангвейной письма столь жалостные, какие только можно вообразить и написать. В заключение же она писала, что, буде на то воля сэра Тристрама, пусть он приезжает ко двору ее и привезет с собой Изольду Белорукую; у нее им будет житься не хуже, чем ей самой.

Тогда призвал к себе сэр Тристрам сэра Кэхидина и спросил его, согласен ли он отправиться вместе с ним тайно в Корнуэлл. И тот отвечал ему на это, что готов ехать с ним в любое время. И тогда приказал он потихоньку снарядить небольшое судно, и на нем они уплыли — сэр Тристрам, сэр Кэхидин и дама Брангвейна, и Говернал, оруженосец сэра Тристрама.

Но когда они очутились в открытом море, задул противный ветер и отнес их к берегам Северного Уэльса и выбросил на сушу неподалеку от Гиблого Леса. И тогда сэр Тристрам сказал:

— Дожидайтесь меня здесь десять дней, и Говернал, мой оруженосец, останется с вами. Если же я не возвращусь в назначенный срок, отправляйтесь кратчайшей дорогой в Корнуэлл, ибо в этом лесу, как я слыхал, много чудес и опасностей, и иные из них я намерен испытать, прежде чем покину здешние места. А когда смогу, я поспешу вслед за вами.

С тем сели на коней сэр Тристрам и сэр Кэхидин и покинули своих спутников. Вот скачут они по лесу милю, скачут больше, и наконец, увидел сэр Тристрам впереди рыцаря, который сидел, облаченный в добрые доспехи, над ручьем, а поблизости, привязанный к дубу, стоял его могучий боевой конь. И еще человек верхом поджидал того рыцаря, и в поводу за ним лошадь, груженная копьями. У сидевшего же над ручьем рыцаря вид был задумчивый и печальный. Подъехал к нему сэр Тристрам и говорит:

— Любезный рыцарь! Отчего сидите вы так поникнув в печали? По доспехам вашим и платью судя, вы должны быть странствующим рыцарем. А по-

тому подымайтесь и выходите на бой с одним из нас, а хотите, то и с обоими! Рыцарь тот ни слова на это не сказал, но взял свой щит, навесил его на шею, быстро отвязав коня, вскочил в седло, и, взяв у оруженосца своего большое копье, отъехал в сторону для разгона.

Тут стал Кэхидин просить у Тристрама дозволения сразиться первым.

— Сэр, покажите себя!— согласился сэр Тристрам.

Вот сшиблись они, и сэр Кэхидин не усидел в седле, но упал на землю с жестокой раной в груди над сосцом. И тогда сказал сэр Тристрам:

— Ну, рыцарь, это сделано на славу! А теперь готовьтесь помериться силой со мною.

— Сэр, я готов,— отвечал рыцарь.

Он взял копье потяжелее и ринулся против сэра Тристрама. И по воле счастливого случая и по силе своей великой, выбил этот рыцарь сэра Тристрама из седла и поверг его наземь. Устыдился сэр Тристрам жестоко, высвободил поспешно ноги из стремян, перетянул щит наперед и обнажил меч, и рыцарской честью потребовал сэр Тристрам у того рыцаря, чтобы он тоже спешился и с ним сразился.

— Охотно,— отвечал рыцарь.

Вот он спешился, отвел коня, перетянул щит свой через плечо и вытащил меч из ножен, и начался между ними бой, и длился он без малого два часа. Наконец, говорит сэр Тристрам:

— Любезный рыцарь, попридержи свой меч на краткий срок и скажи мне, откуда ты родом и как твое имя.

— Что до этого,— отвечал рыцарь,— то моя воля: хочу — отвечу, а нет — промолчу. Но если вы назовете свое имя, может быть, тогда и я назову вам свое.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОВСТРЕЧАЛСЯ С СЭРОМ ЛАМОРАКОМ УЭЛЬСКИМ, И КАК ОНИ СРАЖАЛИСЬ, А ПОТОМ УГОВОРИЛИСЬ НИКОГДА БОЛЬШЕ ДРУГ С ДРУГОМ НЕ СРАЖАТЬСЯ

— Что ж, любезный рыцарь,— сказал он.— Мое имя — сэр Тристрам Лионский.

— Сэр, а мое имя — сэр Ламорак Уэльский.

— А, сэр Ламорак! — вскричал сэр Тристрам.— В добрый час мы встретились! Вспомни-ка, как ты хотел мне повредить, пославши рог ко двору короля Марка, чтобы погубить или опозорить госпожу мою королеву Изольду Прекрасную. И оттого знай,— сказал сэр Тристрам,— что прежде чем мы расстанемся, один из нас сегодня умрет!

— Сэр,— сказал сэр Ламорак,— а ведь когда мы с вами были вместе на острове Серваже, вы обещали мне дружбу.

Но сэр Тристрам не пожелал более терпеть промедления и снова бросился с мечом на сэра Ламорака, и так рубились они долго, покуда оба

не остались совсем без сил. И тогда сказал сэр Тристрам сэру Ламораку:
— Во всю мою жизнь не встречал я рыцаря, чтобы рубился столь могуче и неутомимо и не терял дыхания. И оттого,— сказал сэр Тристрам,— сожаления было бы достойно, если бы один из нас потерпел здесь урон.
— Сэр,— отвечал сэр Ламорак,— слава вашего имени столь велика, что я готов признать за вами честь победы, и потому я согласен вам сдаться.
И он взялся за острие своего меча, чтобы вручить его сэру Тристраму.
— Нет,— сказал сэр Тристрам,— этому не бывать. Ведь я отлично знаю, что вы предлагаете мне свой меч не от страха и боязни передо мною, но по рыцарскому своему вежеству.
И с тем сэр Тристрам протянул ему свой меч и сказал так:
— Сэр Ламорак, будучи побежден вами в поединке, я сдаюсь вам как мужу доблестнейшему и благороднейшему, какого я только встречал!
— Нет,— отвечал сэр Ламорак,— я явлю вам великодушие: пусть мы оба дадим клятву отныне никогда больше не биться друг против друга.
И с тем сэр Тристрам и сэр Ламорак поклялись, что никогда больше не выступят один против другого, ни в беде, ни в удаче.



КАК СЭР ПАЛОМИД ПРЕСЛЕДОВАЛ ЗВЕРЯ РЫКАЮЩЕГО И ПОВЕРГ НАЗЕМЬ СЭРА ТРИСТРАМА И СЭРА ЛАМОРАКА ОДНИМ КОПЬЕМ ❧ А тем временем ехал мимо сэр Паломид, добрый рыцарь. Он преследовал Зверя Рыкающего, что с виду был головой — как змея, телом — как леопард, лядвеями — как лев, и голенями — как олень. А из чрева у него исходил рев, точно сорок псов гончих заключены были в нем, и этот рев исходил от него, где бы зверь ни очутился. За этим зверем сэр Паломид гонялся всю жизнь, ибо таков был назначенный ему рыцарский подвиг. Так гнался он за зверем, и зверь промчался мимо сэра Тристрама, а чуть погодя явился туда и сэр Паломид. И, коротко излагая, сэр Паломид поверг наземь сэра Тристрама и сэра Ламорака одним копьем, а затем ускакал вдогонку за Зверем Рыкающим, который назывался Бет Глатиссант, двое же рыцарей остались там в превеликом гневе, что сэр Паломид не стал с ними биться в пешем бою.
Людям же честным должно понимать, что не создан на свете такой человек, кто во всякое время побеждает, но иной раз удача ему изменит, а иной раз и слабейший рыцарь возьмет верх над тем, который сильнее.
После того сэр Тристрам и сэр Ламорак уложили на щит сэра Кэхидина, подняли его между собой и отнесли к жилищу лесника. Там они его поручили его заботам и пробыли с ним три дня.
А потом сели они двое на коней и на перепутье распрощались. И сказал сэр Тристрам сэру Ламораку:

— Прошу вас, если случится вам встретиться с сэром Паломидом, передайте ему, что он найдет меня у того самого ручья, где мы встретились на этот раз, и там я, сэр Тристрам, ему покажу, кто из нас лучший рыцарь.
И с тем они расстались и поскакали каждый своей дорогой. Сэр Тристрам поехал назад к сэру Кэхидину, а сэр Ламорак скакал долго, покуда не выехал к часовне, и у этой часовни он пустил своего коня пастись.
Вдруг является туда сэр Мелегант, сын короля Багдемагуса, и он тоже пустил там коня своего пастись, не заметив присутствия сэра Ламорака. И принялся этот рыцарь сэр Мелегант вслух стонать и оплакивать свою любовь к королеве Гвиневере, и любовные жалобы его были прегорестны. Все это слышал сэр Ламорак. Утром он снова сел на коня и поскакал дальше лесом и видит в чаще лесной — стоят два рыцаря верхами.
— Любезные рыцари! — говорит сэр Ламорак.— Что за причина вам тут стоять и ждать? Может быть, вы странствующие рыцари и ищете случая сразиться? Так знайте, я готов к вашим услугам!
— Нет, сэр рыцарь,— они отвечали.— Мы затаились здесь не затем, чтобы сразиться с вами, но чтобы подкараулить одного рыцаря, который убил нашего брата.
— Кто же таков он, этот рыцарь,— спросил сэр Ламорак,— которого вы поджидаете?
— Сэр,— они отвечали,— это сэр Ланселот, которого мы убьем, если он здесь проедет.
— Вы взяли на себя нелегкую задачу,— сказал сэр Ламорак,— ведь сэр Ланселот прославленный доблестный рыцарь.
— Что до этого, сэр, то мы не боимся, ибо кого из нас двоих ни возьми, любой ему под стать.
— Не верю,— сказал сэр Ламорак,— ибо за всю мою жизнь не слыхал я о таком рыцаре, которого не превосходил бы силою сэр Ланселот.



КАК СЭР ЛАМОРАК ПОВСТРЕЧАЛСЯ С СЭРОМ МЕЛЕГАНТОМ И СРАЖАЛСЯ С НИМ ВО ИМЯ КРАСОТЫ ДАМЫ ГВИНЕВЕРЫ

❧ И как раз пока они так беседовали, заметил вдруг сэр Ламорак, скачет издали прямо на них сэр Ланселот. Пустился сэр Ламорак ему навстречу, приветствовал сэра Ланселота, а он — его, и спросил его тогда сэр Ламорак, не может ли он ему чем услужить в этих краях.
— Нет, благодарю,— отвечал сэр Ланселот,— пока что мне ни в чем нет нужды.
И на том они расстались. Сэр Ламорак возвратился туда, где оставались те двое рыцарей, и видит, что они притаились за кустами.
— Позор вам! — сказал сэр Ламорак.— Трусливые предатели! Стыд и жалость, что такие, как вы, получили посвящение в высокий Рыцарский Орден!



И сэр Ламорак оставил их и поскакал прочь и в недолгом времени вновь повстречался с сэром Мелегантом. И спросил у него сэр Ламорак, отчего он так любит королеву Гвиневеру.
— Ибо я был неподалеку от вас и слышал ваши любовные жалобы у часовни.
— Ах, вот как! — сказал сэр Мелегант.— Я от своих слов не отступлюсь. Я люблю королеву Гвиневеру!
— Ну, и что из того?
— А то, что я готов доказать и подтвердить против всякого, что она прекраснейшая в мире дама, всех превосходящая своей красотой.
— Что до этого,— сказал сэр Ламорак,— то я не согласен, ибо не она, а королева Моргауза Оркнейская, мать сэра Гавейна,— прекраснейшая из дам, живущих на свете.
— Нет, это неправда,— отвечал сэр Мелегант,— и я докажу это с оружием в руках.
— Вот как? — сказал сэр Ламорак.— А я и за меньшее готов с вами драться.
И они отъехали друг от друга в сильном гневе, а потом ринулись один на другого, сшиблись с разгона, точно гром грянул, и с такой силой друг друга поразили, что под обоими кони осели на крупы. Тут быстро высвободили они ноги из стремян, заслонились щитами, обнажили мечи и набросились друг на друга, словно бешеные вепри, и так рубились долгое время. Ибо сэр Мелегант был добрый боец и сила его была велика, но сэр Ламорак превосходил его мощью и теснил его шаг за шагом. И оба они уже были жестоко изранены.
Но случилось так, что, пока они там рубились, ехали мимо сэр Ланселот и сэр Блеоберис, и сэр Ланселот поставил между ними своего коня и спрашивает, что за причина им так яростно биться друг с другом, ведь оба они рыцари короля Артура.
— Сэр,— говорит сэр Мелегант,— я открою вам причину, по какой мы сражаемся. Я восхвалял мою даму, королеву Гвиневеру, и говорил, что она — прекраснейшая дама на свете, а сэр Ламорак с этим не согласился и сказал, что всех прекраснее королева Моргауза Оркнейская и гораздо превосходит ее красотой.
— А! — сказал сэр Ланселот,— зачем же ты, сэр Ламорак, так говоришь? Не гоже тебе оспаривать превосходство госпожи твоей, которой ты обязан службой, как и все мы.— И с тем спешился сэр Ланселот и сказал:
— Коли так, готовься к бою, ибо я сейчас докажу тебе, что королева Гвиневера — прекраснейшая дама в мире и превосходит всех также и своей добротой.
— Сэр,— отвечал сэр Ламорак,— не по душе мне биться с вами из-за этого спора, ведь каждый почитает свою даму прекраснейшей, и хоть я всех выше восхваляю ту даму, которую я люблю, вам не должно на меня за это гневаться. Госпожа наша королева Гвиневера в ваших глазах прекраснее всех, но знайте, что в моих глазах всех прекраснее королева Моргауза Оркнейская. Так и всякий рыцарь свою даму почитает прекраснейшей [17]. И знайте, сэр, что изо всех рыцарей на свете я всего менее желал бы иметь моим про-

тивником вас, да еще разве сэра Тристрама, но если вы непременно на том стоите, чтобы со мною биться, я готов держаться против вас, сколько мне под силу.

Тут заговорил сэр Блеоберис и сказал:

— Мой лорд сэр Ланселот, никогда я не видел, чтобы вы поступали столь неразумно, как сейчас. Ведь сэр Ламорак говорил вам дело и говорил по-рыцарски. Вот и у меня тоже есть дама, и я почитаю ее прекраснейшей дамой в мире. Разве дело вам гневаться на меня за такие мои слова? И знайте, сэр Ламорак — из благороднейших рыцарей, каких случалось мне встречать, и он всегда питал к вам и ко всем нам только дружбу. А потому прошу вас: будьте друзьями!

Тогда сказал сэр Ланселот:

— Сэр, прошу вас, простите мне причиненные вам обиды и зло, что я на вас держал. Раз я был неразумен, я готов заслужить ваше прощение.

— Сэр,— отвечал сэр Ламорак,— вам я всегда готов простить обиду.

И с тем сэр Ланселот и сэр Блеоберис их покинули, а сэр Ламорак и сэр Мелегант сели на коней и разъехались в разные стороны.

А в скором времени случилось так, что сэр Ламорак повстречал на пути короля Артура, и между ними был поединок, и король Артур вышиб его из седла, жестоко поранив его копьем. А потом он ускакал своей дорогой, и сэр Ламорак остался в сильном гневе, что тот не пожелал рубиться с ним пешим, ибо он не узнал в нем короля Артура.



КАК СЭР КЭЙ ПОВСТРЕЧАЛСЯ С СЭРОМ ТРИСТРАМОМ, А ПОТОМ О ДУРНОЙ СЛАВЕ РЫЦАРЕЙ КОРНУЭЛЛА, И КАК ОНИ БИЛИСЬ В ПОЕДИНКЕ ❧

Здесь эта повесть их оставляет, и теперь поведет она речь о сэре Тристраме, который ехал и повстречался с сэром Кэем-Сенешалем. Спросил сэр Кэй сэра Тристрама, откуда он родом. И тот сказал ему в ответ, что он родом из земли Корнуэльской.

— Да уж, конечно, так,— сказал сэр Кэй.— Недаром я еще никогда не слыхал, чтобы рыцари из Корнуэлла были хорошими бойцами.

— Отлично сказано,— сказал сэр Тристрам.— Но прошу вас, если вы соблаговолите, то откройте мне ваше имя.

— Сэр, знайте, что мое имя — сэр Кэй-Сенешаль.

— А, сэр, значит, вот вы кто такой! — сказал сэр Тристрам.— Так вот, знайте, что у вас слава недостойнейшего из ныне живущих рыцарей. Правда всем известно, что вы бьетесь искусно, но вас считают в бою неудачливым и весьма сварливым на язык.

Так переговариваясь, скакали они бок о бок и в недолгом времени выехали к мосту, а перед мостом стоял рыцарь, и он не пускал их проехать, покуда

один из них с ним не сразится. Выехал против него сэр Кэй, и он выбил сэра Кэя из седла. Имя же его было сэр Тор, единокровный брат сэра Ламорака.

После того они вдвоем поскакали дальше, и ехали, покуда не стали на ночлег, а там уже был сэр Брандель, и вскоре прибыл еще туда и сэр Тор. И когда они все четверо сидели за ужином, то те трое принялись насмехаться над Корнуэльскими рыцарями, говоря о них все дурное, что только возможно было измыслить. Сэр же Тристрам все это слышал, но говорил он мало, хотя думал много. Он еще пока не хотел открывать им, кто он таков. А наутро сэр Тристрам сел на коня и выехал рано и поджидал их на дороге. Сэр Брандель предложил ему поединок, и сэр Тристрам сбил его наземь, и коня и всадника.

После этого выехал против сэра Тристрама сэр Тор-Скотопасов Сын, и сэр Тристрам его тоже сокрушил. После этого он поскакал оттуда прочь, а сэр Кэй хотел было последовать за ним, но он не пожелал больше брать его в спутники. Тут подъехал к сэру Кэю сэр Брандель и говорит:

— Мне бы очень хотелось узнать, как имя того рыцаря.

— Поедемте кто-нибудь один со мною,— сказал сэр Кэй,— мы его догоним и спросим, как его зовут.

И они вдвоем поскакали за ним вдогонку и в недолгом времени увидели, что он сидит, склонившись над ручьем и снявши шлем свой, и хочет из того ручья напиться. Но заметив их приближение, он тут же снова надел и пристегнул шлем, сел на коня и выехал им навстречу, готовый к поединку.

— Нет,— сказал сэр Брандель,— мы ведь недавно сражались с вами. Не для того мы сюда за вами последовали, но чтобы рыцарской вашей честью просить вас открыть нам ваше имя.

— Любезные лорды, раз уж таково ваше желание, я, дабы удовлетворить вас, открою вам мое имя. Знайте, я — сэрТристрам Лионский, племянник королю Марку Корнуэльскому.

— В добрый час мы встретились,— сказал сэр Брандель,— Знайте, что мы весьма рады были разыскать вас. А наши товарищи с радостью приняли бы вас к себе, ибо мы — рыцари Круглого Стола и изо всех рыцарей на свете всего более желали бы иметь в своей дружине вас.

— Бог да наградит вас всех,— отвечал сэр Тристрам,— за такое великодушие, но я чувствую, что не могу пока присоединиться к вашему братству, ибо я еще не свершил столь славных подвигов, чтобы мне войти достойным в эту рыцарскую дружину.

— О,— сказал сэр Кэй,— если вы и есть сэр Тристрам, то вы ведь славнейший рыцарь в свете, но только после сэра Ланселота, ибо нет на земле ни христианина, ни язычника, который смог бы сыскать другого подобного ему рыцаря — что по доблести, или по мощи рук, или по чести. Ибо ни одной живой душе не удалось еще возвести на него бесчестие и подтвердить это в поединке.

Так беседовали они долгое время, а потом расстались, и каждый поехал своим путем.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ОЧУТИЛСЯ В ГИБЛОМ ЛЕСУ И КАК СЭР ТРИСТРАМ СПАС ЕМУ ЖИЗНЬ

А теперь мы услышим, что за причина была королю Артуру очутиться в Гибельном Лесу, что в Северном Уэльсе. Виною тому была дама. Ее имя было Аннаура, и эта дама явилась к королю Артуру в Кардифф и любезными посулами и заманчивыми обещаниями завлекла его за собой в Гибельный Лес. А была она великая чародейка, и уже много дней она любила короля Артура, и чтобы заставить его возлечь с нею, она и прибыла в те края.

И вот когда король отправился вместе с нею, хватившись его, пустились вслед за ними многие рыцари — сэр Ланселот, и сэр Брандель, и еще другие.

А она, заманив его в свою башню, желала, чтобы он возлег с нею, но король вспомнил о своей даме и не поддавался, какие бы чары она на него ни наводила. Тогда она вздумала всякий день отсылать его в Гибельный Лес в сопровождении своих рыцарей, дабы там ему найти смерть. Ибо эта дама Аннаура, видя, что не может склонить короля Артура к исполнению своих желаний, измыслила предательством и коварством погубить его и обречь на смерть.

Но Владычица Озера, которая всегда была дружественна к королю Артуру, проведала своим волшебным искусством о том, что королю Артуру грозит гибель. И тогда эта Владычица Озера, что звалась Нинева, тоже явилась в Гибельный Лес, желая отыскать сэра Ланселота Озерного или же сэра Тристрама, чтобы спасли они короля Артура, ибо ей было известно, что в этот самый день он неизбежно погибнет, если только не придет к нему помощь от одного из этих двоих рыцарей.

Вот едет она по косогору и вдруг видит, навстречу ей скачет сэр Тристрам. Она с первого же взгляда его признала и говорит ему так:

— Ах, господин мой сэр Тристрам, хорошо что вы мне встретились, и да будет благословен день и час этой встречи, ибо нынче же, не пройдет и двух часов, предстоит свершиться плачевнейшему и позорнейшему делу, какое когда-либо свершалось в этой стране.

— Любезная девица,— сказал сэр Тристрам,— не могу ли я тут помочь?

— Именно так, сэр, об том и речь, и потому следуйте за мною со всей, какая возможна, поспешностью, и вы увидите, что славнейший в мире рыцарь находится в тяжкой беде.

И ответил сэр Тристрам:

— Вот я готов помочь вам, коли он и в самом деле такой благородный рыцарь, как вы говорите.

— Сэр, он ни много ни мало,— отвечала девица,— как сам благородный король Артур.

— Упаси бог,— сказал сэр Тристрам,— чтобы он попал в беду!
И они поскакали вместе во весь опор и прибыли к боковой башенке замка, а под стеной замка пеший рыцарь отбивался от двух всадников. Остановился сэр Тристрам и смотрит, что будет. Вот, наконец, сбили те двое того рыцаря с ног, и один из них распустил завязки его шлема, а леди Аннаура, взявши в руку Артуров меч, замахнулась, чтобы отсечь ему голову.
Но тут ринулся на них сэр Тристрам во весь опор с криком:
— Прочь от этого рыцаря, изменники!
И пронзил сэр Тристрам одному рыцарю грудь, так что тот упал мертвый, а затем обратился против другого и тому разрубил спину надвое.
Меж тем Владычица Озера крикнула королю Артуру:
— Не дайте спастись этой коварной предательнице!
И тогда король Артур погнался за ней, настиг ее и тем же самым мечом отсек ей голову долой. А Владычица Озера ту голову подняла и привесила за волосы к луке своего седла.
После того подсадил сэр Тристрам короля снова в седло, и они вместе пустились в путь, но Владычице Озера он наказал не открывать еще покуда его имени. И потому, когда король, вновь очутившись на коне, стал благодарить его и пожелал узнать его имя, он ничего ему не ответил, сказал лишь, что он бедный странствующий рыцарь. И так он сопровождал короля Артура, покуда не повстречались им королевские рыцари.
Первым встретился им сэр Эктор Окраинный, и, не признав ни короля Артура, ни сэра Тристрама, он пожелал сразиться с одним из них. Выехал против сэра Эктора сэр Тристрам и, налетев на него, выбил его из седла, а сделав свое дело, возвратился к королю Артуру и говорит:
— Мой лорд, вон там один из рыцарей вашей дружины, он сможет вас сопровождать дальше. Вы же, я надеюсь, когда случится нам повстречаться в другой раз, припомните, что́ я для вас сделал, и признаете меня, готового к вашим услугам.
— Увы! — сказал король Артур,— откройте мне, кто вы такой.
— В другой раз,— отвечал сэр Тристрам.
И он распрощался с ними и оставил короля Артура с сэром Эктором.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ВЕРНУЛСЯ К ПРЕКРАСНОЙ ИЗОЛЬДЕ, И КАК КЭХИДИН ПОЛЮБИЛ ПРЕКРАСНУЮ ИЗОЛЬДУ, И О ПИСЬМЕ, КОТОРОЕ НАШЕЛ ТРИСТРАМ ❧ А в назначенный день сэр Тристрам и сэр Ламорак съехались у ручья, заехали за сэром Кэхидином, находившимся в доме лесника, и поскакали вместе с ним к берегу, где стоял их корабль и где они оставили даму Брангвейну и Говернала. И все вместе, сев на корабль, отплыли к берегам Корнуэлла.
Когда же они там высадились, то дама Брангвейна, все разведав, посоветовала им отправиться прямо к сэру Динасу-Сенешалю, верному другу

сэра Тристрама. А потом сэр Динас и дама Брангвейна поехали ко двору короля Марка и объявили королеве Изольде Прекрасной, что сэр Тристрам от нее неподалеку, в их краю. И от чистейшей радости Изольда Прекрасная лишилась чувств, а обретши вновь дар речи, сказала так:

— Любезный сенешаль, помогите мне увидеться и побеседовать с ним, иначе сердце мое разорвется!

И доставили сэр Динас и дама Брангвейна сэра Тристрама с сэром Кэхидином тайно ко двору и провели в те покои, что назначила им Изольда Прекрасная. И радость Прекрасной Изольды и сэра Тристрама не передать в книге, и не вообразить сердцем, ни пером не описать и не выразить словом.

Но, как повествуется во Французской Книге, сэр Кэхидин с первого же взгляда так сильно полюбил Прекрасную Изольду, что, охваченный любовью, никогда уже не мог ее забыть. И в конце концов, как вы услышите, прежде чем придет к завершению эта книга, сэр Кэхидин принял смерть из любви к Прекрасной Изольде.

А пока он стал тайно писать к ней письма и баллады совершеннейшие, какие только складывались в те времена. Изольда же Прекрасная, узнав содержание его писем, пожалела его за его любовные жалобы и неразумно написала ему в ответ письмо, дабы тем его утешить.

А сэр Тристрам все это время находился в башне, вблизи Прекрасной Изольды, и она всякий час, как могла, туда к нему являлась.

Но вот однажды король Марк играл в шахматы под окнами покоя, где в это время как раз находились над ним сэр Тристрам с сэром Кэхидином. И, по несчастью, случилось так, что сэр Тристрам обнаружил письмо, писанное сэром Кэхидином к Изольде Прекрасной, а также и то письмо, что она ему прислала в ответ. А тут и сама она явилась в тот покой. И тогда приблизился сэр Тристрам к Прекрасной Изольде и сказал:

— Госпожа, вот письмо, посланное вам, и вот письмо, писанное вами тому, кто вам его послал. Увы, госпожа! А я-то любил вас столь преданной любовью и ради вас пожертвовал многими землями и великими богатствами[18]. Вы же изменили мне, и это причиняет мне великую боль. Что же до тебя, сэр Кэхидин, я привез тебя в эти края из Бретани, а для отца твоего, короля Хоуэлла, я в поединке отстоял его королевство. Правда, я повенчался с сестрой твоею, Изольдой Белорукой, за доброту ее ко мне, но как есть я верный рыцарь, она для меня — невинная девственница. Знай же, сэр Кэхидин, что за этот твой обман и предательство я тебе отомщу!

И, обнаживши меч свой, крикнул сэр Тристрам:

— Сэр Кэхидин, защищайся!

Пошатнулась Прекрасная Изольда и упала в обморок.

Видит сэр Кэхидин, что сэр Тристрам идет на него с мечом в руке и что нет ему спасения, и тогда он взял да и выпрыгнул из выступающего окна над самой головой короля Марка, сидевшего за шахматами. Король же, увидев человека, свалившегося ему прямо на голову, удивился и спросил:

— Приятель, кто ты таков и что за причина тебе прыгать из окна?

— Господин мой король, — отвечал сэр Кэхидин, — я по нечаянности заснул там, в окне, над вами, и, когда я спал, мне привиделся сон, вот я и вывалился оттуда.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОКИНУЛ ТИНТАГИЛЬ И КАК ОН ПРЕДАВАЛСЯ ГОРЮ И СТОЛЬ ДОЛГО ПРОБЫЛ В ЛЕСУ, ЧТО ЛИШИЛСЯ РАССУДКА ❧ Так оправдался сэр Кэхидин, а сэр Тристрам как раз очень боялся, как бы король не обнаружил его присутствие. Оттого он перебрался под защиту крепкой башни и облачился в полный доспех, дабы быть готовым к бою со всяким, кто против него выйдет.

Но увидев, что против него ничего не затевается, сэр Тристрам послал Говернала за своим конем и копьем и открыто, по-рыцарски отъехал из того замка, что носил название замок Тинтагиль.

У самых ворот повстречался ему сэр Гингалин, сын сэра Гавейна, и сэр Гингалин выставил копье и поскакал на сэра Тристрама, и разлетелось его копье в куски. У сэра же Тристрама был под рукой лишь меч, и этим мечом он нанес ему по шлему такой удар, что вывалился тот наземь из седла, а меч, соскользнувши вниз, раскроил надвое еще шею коня. И с тем поскакал сэр Тристрам дальше своей дорогой в лес.

Все это видел король Марк, и он послал к поверженному рыцарю пажа с повелением явиться к нему, и тот к нему явился. Когда же король Марк узнал в нем сэра Гингалина, то приветствовал его и пожаловал ему другого коня, а потом спрашивает, кто был таков тот рыцарь, что повстречался ему у ворот замка.

— Сэр,— отвечал сэр Гингалин,— я не знаю, кто таков был этот рыцарь, знаю лишь, что на скаку он вздыхает и предается глубокой печали. А сэр Тристрам в недолгом времени повстречал рыцаря из своей дружины по имени сэр Фергус и, съехавшись с ним, принялся так стонать и убиваться, что свалился с коня, лишившись чувств, и в такой глубокой и горькой печали пребывал он три дня и три ночи.

Но потом сэр Тристрам послал сэра Фергуса ко двору разведать, что там слышно. А тот по пути повстречал девицу, которую прислал туда сэр Паломид разузнать про сэра Тристрама и поглядеть, как он живет. И поведал ей сэр Фергус, что сэр Тристрам почти что лишился рассудка.

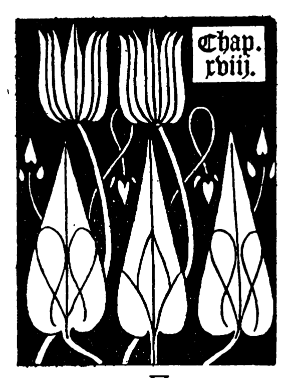
— Увы! — сказала девица,— где же мне найти его?

— Там-то,— отвечал сэр Фергус.

После того сэр Фергус узнал, что королева Изольда лежит больная и предается горчайшей тоске и печали, какой предавалась на земле женщина. А девица, найдя сэра Тристрама, стала сама плакать и убиваться, ибо никаким путем не могла она облегчить его страданий: чем заботливее она за ним ходила, тем горше становились его муки. Так что под конец сел сэр Тристрам на коня и уехал от нее прочь. И прошло три дня, прежде чем она сумела его отыскать и доставить ему пищу и питье, он же и думать забыл и о том, и о другом.

И в другой раз бежал от девицы сэр Тристрам, и случилось ему проезжать как раз под стенами того замка, где некогда сражались они с сэром Паломидом, когда Прекрасная Изольда прервала их поединок. Там, по счастью, девица сумела его настигнуть и застала его плачущим и стенающим прего-

рестно. И тогда она явилась к владелице того замка и поведала ей о приключившейся с сэром Тристрамом беде.
— Увы! — сказала владелица замка.— Где же он, господин мой сэр Тристрам?
— Здесь, под самыми стенами вашего замка.
— В добрый час,— сказала дама,— очутился он вблизи меня. Ему не будет недостатка в лучшей пище и питье. И еще у меня есть его арфа, на которой он некогда учил меня играть, ведь он по всему миру прославлен как искуснейший арфист.
И дама с девицей принесли ему еды и питья, но он отведал лишь немного от принесенного. А в ту же ночь он отпустил своего коня и совлек с себя все доспехи, и так стал он нередко уходить в дикую лесную глушь, обламывая кусты и древесные сучья. Или же, найдя арфу, присланную ему той дамой, он подолгу сидел и перебирал струны, играя и плача одновременно. Иногда он подолгу пропадал в лесной чащобе, и дама не знала, где он. И тогда она сама садилась, брала арфу и на ней играла, и сэр Тристрам приходил неизменно на звуки арфы и подолгу слушал или же брал ее и играл сам.
Так провел он там четверть года, но потом он сбежал и оттуда, и она так и не узнала, куда он исчез. А он бродил нагой, жалкий и совсем отощавший телом. Он пристал к пастухам и скотогонам, и они делили с ним свою пищу и питье, а когда он бывал неисправен, били его посохами. Волосы его они обстригли овечьими ножницами, и он сделался подобен шуту.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ИСКУПАЛ В РУЧЬЕ ДАГОНЕТА, И КАК ПАЛОМИД ОТПРАВИЛ НА ПОИСКИ ТРИСТРАМА ДЕВИЦУ, И КАК ПАЛОМИД ВСТРЕТИЛСЯ С КОРОЛЕМ МАРКОМ ❧ Вот как-то однажды сэр Дагонет, шут короля Артура, прибыл в Корнуэлл с двумя пажами; ехали они через лес и выехали к тому чистому ручью, над которым обычно проводил теперь дни сэр Тристрам. День был жаркий, и они спешились, чтобы напиться из ручья, но, пока они пили, кони их отвязались. А тут как раз вдруг вышел к ним сэр Тристрам, и он окунул в ручей сперва сэра Дагонета, а потом и обоих пажей, а пастухи стояли рядом и потешались. Потом он изловил одного за другим их коней и заставил их мокрых попрыгать в седла и снова пуститься в путь. Так провел сэр Тристрам нагой и босый полгода, ни разу не побывав в городе.
Между тем девица, посланная сэром Паломидом на розыски сэра Тристрама, возвратилась к сэру Паломиду и поведала ему о Тристрамовых злоключениях.
— Увы! — сказал сэр Паломид. — Весьма прискорбно, что столь благородный рыцарь так страдает из-за любви к даме. Все же я отправлюсь в путь, разыщу его и утешу, насколько смогу.
А незадолго до того Изольда Прекрасная повелела сэру Кэхидину оставить пределы Корнуэлла. И сэр Кэхидин отправился в путь, убиваясь в

сердце своем, и случилось так, что он встретился с сэром Паломидом. И они поехали вместе, жалуясь друг другу на свою горячую любовь, что питали они оба к Прекрасной Изольде.

— Давайте же,— сказал сэр Паломид,— отправимся на поиски сэра Тристрама, который любит ее так же сильно, как и мы. Попытаем удачи, быть может, нам удастся исцелить его.

И вот они въехали в лес и три дня и три ночи не слезали с коней, разыскивая сэра Тристрама. И по воле случая повстречался им король Марк, он ехал один, отстав от своих людей. Увидев его, сэр Паломид его сразу признал, но сэру Кэхидину показался он незнаком.

— А, коварный рыцарь!— воскликнул сэр Паломид,— сожаления достойно, что ты еще жив, ибо ты погубитель всех доблестных рыцарей, ты мстительностью своею и коварством погубил славнейшего из рыцарей — сэра Тристрама Лионского. И потому защищайся,— сказал сэр Паломид,— ибо ныне ты умрешь!

— Это было бы постыдное дело,— отвечал король Марк,— ибо вы оба вооружены, я же безоружен.

— Что до этого,— сказал сэр Паломид,— то делу можно помочь: вот со мною рыцарь, ты получишь его доспехи.

— Ну, нет,— отвечал король Марк,— я не согласен на поединок с вами, ибо нет у вас причины со мною биться. Ведь все злоключения сэра Тристрама произошли из-за найденного им письма [19]. Что же до меня, то я ему зла не причинил, и видит бог, я горько сожалею об его болезни и об его горе.

Так король оправдался в их глазах, и после того они сделались друзьями, и король Марк стал приглашать их к себе в замок Тинтагиль. Но сэр Паломид с ним не поехал, он направился в Логрскую землю, а сэр Кэхидин сказал, что решил возвратиться в Бретань.

Мы же теперь вернемся снова к сэру Дагонету с товарищами, который, вновь очутившись в седле, подумал, что пастухи нарочно подучили своего дурака так с ними обойтись, чтобы самим над ними потешиться. И тогда, возвратившись к скотапасам, они их жестоко побили.

Когда сэр Тристрам увидел, что бьют тех, от кого получал он насущный хлеб свой, он прибежал туда со всех ног, ухватил сэра Дагонета за голову и с такой силой швырнул его на землю, что тот весь разбился и лежал, не шевелясь. И тогда он вырвал у него из рук меч, погнался за одним из пажей его и отсек ему голову, другой же паж спасся бегством. А сэр Тристрам убежал оттуда с мечом в руке, и, как безумный, мчался, не разбирая дороги. Сэр Дагонет приехал к королю Марку и поведал ему о том, что приключилось с ним в лесу.

— И потому,— сказал сэр Дагонет,— остерегайся и ты, король Марк, очутиться у того лесного ручья, ибо там ты встретишься с нагим дураком. С этим дураком я, дурак, повстречался, и он едва не лишил меня жизни.

— Вот как,— сказал король Марк.— Это, должно быть, сэр Матто ле Брюн, который лишился рассудка, потеряв свою даму, ведь с тех пор как сэр Гахерис победил его в поединке и отбил у него его даму, он так и не пришел в себя, а это весьма прискорбно, ибо он был добрый рыцарь.



КАК ПРОШЕЛ СЛУХ, ЧТО СЭР ТРИСТРАМ УМЕР И КАК ПРЕКРАСНАЯ ИЗОЛЬДА ХОТЕЛА СЕБЯ УБИТЬ

А вскоре после того сэр Андрет, кровный родич сэра Тристрама, научил одну женщину, свою возлюбленную, распустить слух и объявить повсюду, будто она была с сэром Тристрамом и он на руках у нее умер. С этим измышлением она явилась в дом к королю Марку, утверждая, будто она похоронила Тристрама у ручья и будто перед смертью он просил, чтобы король Марк отдал его родичу сэру Андрету земли Лиона, который был владением сэра Тристрама. Все это сэр Андрет затеял, чтобы получить Тристрамовы земли.

Когда король Марк услышал, что сэр Тристрам умер, он стал сокрушаться и плакать. Когда же королева Изольда узнала об этом известии, она горевала столь сильно, что едва не утратила рассудка. И под конец она решилась убить себя, чтобы только не пережить ей сэра Тристрама. И вот однажды Прекрасная Изольда тайно взяла меч, принесла его в свой сад и воткнула по самую рукоять в ствол старой сливы, так что он вышел наружу и торчал там крепко как раз вровень с ее грудью. И вот она уже готовилась, разбежавшись, броситься на меч и убить себя, но все это увидел король Марк — как она опустилась на колени и молвила:

— Господи Иисусе милосердный! Смилуйся надо мною, ибо я не в силах пережить сэра Тристрама. Он был моей первой любовью и да будет последней!

При этих ее словах вышел к ней король Марк и поднял ее на руки. Меч он из дерева вырвал, а Прекрасную Изольду отнес к себе в башню и там оставил под строгим присмотром и надзором. Она же долго пролежала там больная между жизнию и смертью.

А тем временем сэр Тристрам нагой бежал по лесу с мечом в руке, покуда не оказался у жилища отшельника, а там он лег и заснул. Отшельник же, пока он спал, унес у него меч и поставил подле него пищу. Так провел у него сэр Тристрам десять дней, а потом возвратился к пастухам.

А в том краю был великан по имени Таулас, и от страха перед сэром Тристрамом семь лет он почти не решался выходить на волю, но все больше сидел под защитой стен своего крепкого замка. Но вот услышал этот Таулас, что при дворе короля Марка прошел слух, будто сэр Тристрам умер. И тогда великан Таулас снова стал каждый день выходить на волю.

Но однажды случилось так, что, бродя и гуляя, он пришел к пастухам и уселся среди них отдохнуть. А тем временем ехал мимо один Корнуэльский рыцарь с дамой, звали же его сэр Динант. Увидал его великан, отошел от пастухов и спрятался за деревом.

Подъехал рыцарь к ручью, спешился и решил там передохнуть. Но только что он сошел с коня, как великан Таулас подбежал к его коню, вскочил в

седло, поехал на сэра Динанта, схватил его за ворот, подтянул к себе на седло и хотел было отрезать ему голову.

Тут сказали пастухи сэру Тристраму:

— Помоги-ка этому рыцарю!

— Помогайте сами,— отвечал сэр Тристрам.

— Мы боимся,— сказали пастухи.

Тут заметил сэр Тристрам меч рыцаря, лежавший в стороне, он бросился туда, поднял меч и, налетев на сэра Тауласа, отсек его голову одним ударом, а потом спокойно возвратился к пастухам.



КАК КОРОЛЬ МАРК НАШЕЛ СЭРА ТРИСТРАМА НАГОГО И РАСПОРЯДИЛСЯ, ЧТОБЫ ЕГО ДОСТАВИЛИ В ТИНТАГИЛЬ, И КАК ТАМ ЕГО ПРИЗНАЛА СОБАКА

А сэр Динант подобрал великанову голову и привез ее ко двору короля Марка и поведал ему о том, что приключилось с ним в лесу и как бедный человек, едва не нагой, спас его от кровожадного великана сэра Тауласа.

— Где же это все с вами приключилось?— спросил король Марк.

— Да вот в том лесу,— отвечал сэр Динант,— у чистого источника, где часто съезжаются странствующие рыцари. Там и видел я этого помешанного.

— Ну,— сказал король Марк,— я желаю видеть этого безумца.

И повелел король Марк своим рыцарям и охотникам быть готовыми и дня через два объявил, что наутро выезжают они на охоту. И отправились они все утром в лес.

Подъехав к ручью, увидал там король спящего нагого человека, прекрасного собой. А подле лежал меч. Тут дунул король Марк в свой охотничий рог и затрубил, и собрались к нему все его рыцари, и он приказал им взять этого нагого человека, но обращаться с ним любезно и так доставить его в замок. Так они и поступили, обошлись с ним осторожно и любезно и, набросив на него свои плащи, привели его в Тинтагиль. Там ему устроили баню, вымыли его и отчистили, накормили горячим ужином, и так в конце концов к нему возвратилась память. Но за все это время из них ни один не признал сэра Тристрама и не догадывался, что он за человек.

Но вот через несколько дней дошел до королевы Изольды Прекрасной слух о нагом безумце, бродившем по лесу, и о том, как король повелел привести его ко двору. Позвала Изольда Прекрасная к себе даму Брангвейну и говорит:

— Пойдем со мною, надо нам поглядеть на помешанного, которого мой супруг король распорядился на днях доставить к нам из лесу.

Они вышли из покоев, расспросили, где находится больной, и один из пажей им сказал, что он лежит в саду и греется на солнце.

И когда взглянула королева на сэра Тристрама, узнать она его не узнала, но сказала сразу же даме Брангвейне:
— Почему-то мне кажется, будто я уже много раз видела этого человека.
А сэр Тристрам узнал ее с первого взгляда, и, поглядев на нее, он отвернул лицо свое и заплакал.
Но при королеве всегда была собачка, которую подарил ей сэр Тристрам, когда она только прибыла в Корнуэлл, и эта собачка ни на шаг не отходила от Прекрасной Изольды, разве только когда сэр Тристрам оказывался поблизости. Это была та самая собачка, которую прислала когда-то сэру Тристраму в знак своей великой любви дочь французского короля.
И тут вдруг эта собачка учуяла дух сэра Тристрама. Она прыгнула на него, стала лизать ему щеки, уши, визжать и лаять и обнюхивать ему ступни и ладони и все его тело, куда только могла дотянуться.
— Ах, госпожа моя!— сказала дама Брангвейна. — Вижу я, что это — мой господин сэр Тристрам.
И тогда Прекрасная Изольда упала в обморок и так пролежала долгое время. А когда вернулись к ней силы, она заговорила и сказала так:
— Ах, господин мой сэр Тристрам! Благословен господь, вы живы! Но я знаю, что эта собачка вас выдаст, ибо она теперь ни за что не отстанет от вас. И еще я знаю, что как только господин мой король Марк вас обнаружит, он изгонит вас из пределов страны Корнуэльской либо же обречет вас на смерть. А потому заклинаю вас богом, горячо любимый мой господин, уступите велению короля Марка, уезжайте и отправляйтесь ко двору короля Артура, ибо там вас любят. Я же всякий раз, как смогу, буду посылать за вами, и вы, когда вам придет охота, сможете навещать меня. И всегда, во всякое время, рано ли, поздно ли, я по вашему слову готова зажить жизнью бедной, какой еще не жила на земле ни одна королева или благородная дама.
— Ах, госпожа! — отвечал сэр Тристрам,— уйдите от меня, ибо ради вашей любви пришлось пережить мне много бед и печалей.



КАК КОРОЛЬ МАРК ПО НАУЩЕНИЮ ПРИДВОРНЫХ СОВЕТЧИКОВ ИЗГНАЛ СЭРА ТРИСТРАМА ИЗ КОРНУЭЛЛА НА СРОК В ДЕСЯТЬ ЛЕТ ❧ Королева ушла, но собачка так и осталась при нем, а когда явился туда король Марк, она припала к земле и стала на них всех лаять. И тогда сказал сэр Андрет:
— Сэр, этот человек — сэр Тристрам, видно по собачке.
— Ну, нет,— отвечал король,— в это невозможно поверить.
И король стал честью просить его, чтобы он назвал им свое имя.
— Да поможет мне бог,— тот отвечал,— мое имя — сэр Тристрам Лионский. И можете делать со мною, что хотите.

— А,— сказал король Марк,— мне весьма жаль, что память к вам вернулась.

И он повелел созвать своих баронов, дабы они присудили сэра Тристрама к смерти. Но многие его бароны были не согласны с таким приговором, всех менее сэр Динас-Сенешель и сэр Фергус. И по общему постановлению сэру Тристраму объявили об изгнании из Корнуэлла на десять лет, в чем он и поклялся на книге перед королем и всеми баронами.

И вот подошло ему время покинуть Корнуэлл. Много баронов собралось проводить его на корабль, были среди них и друзья его, были и враги.

А тут как раз явился туда рыцарь короля Артура по имени Динадан[20], выехавший нарочно на поиски сэра Тристрама. Ему указали на него, когда он в полном доспехе шел садиться на корабль.

— Любезный рыцарь,— обратился к нему сэр Динадан,— прежде чем покинуть здешний двор, не соизволите ли вы со мною сразиться?

— Охотно,— отвечал сэр Тристрам.— Если только эти лорды дадут на то согласие.

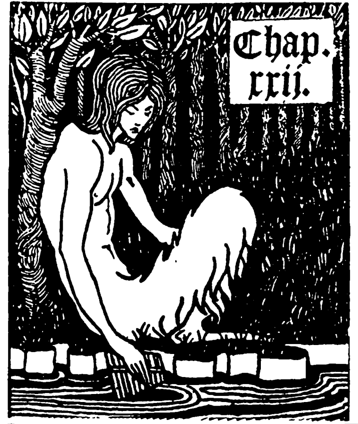
Бароны согласились, и они бросились друг на друга, и сэр Тристрам поверг сэра Динадана наземь. И тогда стал он просить великодушного Тристрама, чтобы он взял его в товарищи.

— Буду вам рад,— отвечал сэр Тристрам.

Сели сэр Тристрам и сэр Динадан на коней и вместе спустились к своим кораблям. А когда они отчалили, сказал сэр Тристрам собравшимся на берегу:

— Передайте поклон мой королю Марку и всем моим недругам! Скажите, что я еще возвращусь, когда будет возможно. Скажите королю: щедро я вознагражден за то, что бился с сэром Мархальтом и всю его страну избавил от дани. И щедро я вознагражден за все заботы и труды, что положил я, когда привез ему из Ирландии королеву Изольду, и за все опасности этого путешествия. А на возвратном пути я еще подвергал смертельной опасности мою жизнь, вызволяя королеву из Замка Рыданий! Вознагражден я и за битву с сэром Блеоберисом, когда я спас жену сэра Сегварида. И за то еще я вознагражден, что бился с сэром Бламуром Ганским за короля Ангвисанса, отца Прекрасной Изольды. Вознагражден я и за то, что, по велению короля Марка, поразил славного рыцаря сэра Ламорака Уэльского. И за то вознагражден, что победил Короля-с-Сотней-Рыцарей и короля Северного Уэльса, которые оба замышляли покорить его земли, но мною были разбиты. И за то вознагражден, что убил Тауласа, могучего великана. И еще много я совершил ради него подвигов и вот теперь получил за все это плату! Вы скажите королю Марку, что ради любви ко мне многие рыцари Круглого Стола щадили баронов этой страны. И еще скажите, что я не получил должной награды за то, что бился со славным рыцарем сэром Паломидом и спас от него королеву Изольду. А ведь тогда король Марк перед всеми своими баронами посулил мне щедрую награду.

И с тем он отплыл в море.



КАК ОДНА ДЕВИЦА ИСКАЛА ПОМОЩИ СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ, КОТОРЫЙ БИЛСЯ ПРОТИВ ТРИДЦАТИ РЫЦАРЕЙ, И КАК СЭР ТРИСТРАМ ВСТУПИЛ С НИМИ В БОЙ

А когда пристали они в первый раз к берегу, то у самой воды встретили сэра Тристрама и сэра Динадана сэр Эктор Окраинный и сэр Борс Ганский, и сэр Эктор вызвал на поединок сэра Динадана и поверг его наземь вместе с конем. Тогда сэр Тристрам хотел сразиться с сэром Борсом, но сэр Борс отказался вступить с ним в поединок, говоря, что с Корнуэльскими рыцарями он не сражается, ибо их и за рыцарей-то почитать нельзя.

Вдруг подъехали туда сэр Блеоберис и сэр Дриант. Сэр Блеоберис вызвал на поединок сэра Тристрама, и сэр Тристрам поверг сэра Блеобериса наземь. Говорит тут сэр Борс Ганский:

— Никогда я не встречал Корнуэльских рыцарей столь могучих и доблестных, как вон тот рыцарь, на коне под чепраком с золотыми коронами.

А сэр Тристрам и сэр Динадан расстались с ними и поехали лесом, и там повстречалась им девица, которая из любви к сэру Ланселоту отправилась на поиски благородных рыцарей короля Артура, ища, кто бы из них спас сэра Ланселота от смерти. Ибо коварством предательницы Феи Морганы все было подстроено так, что сэру Ланселоту грозила гибель, и тридцать рыцарей, посланных ею, поджидали сэра Ланселота в засаде.

Но эта девица знала о таком ее предательстве, и для того-то она и отправилась искать благородных рыцарей на подмогу сэру Ланселоту, ибо в ту ночь или на следующий день, но не позже, должен был сэр Ланселот проезжать как раз там, где поджидали его в засаде тридцать рыцарей.

На пути повстречала девица сэра Борса, и сэра Эктора, и сэра Дрианта и поведала им всем троим о коварстве Феи Морганы. И они пообещали ей быть поблизости, когда сэр Ланселот съедется с теми тридцатью рыцарями.

— И если обернется дело так, что будут они его теснить, мы окажем ему помощь, какую сможем.

На том рассталась с ними девица, и тогда-то, по воле случая повстречались с нею сэр Тристрам и сэр Динадан. Им она тоже рассказала о том предательстве, что замышлялось против сэра Ланселота.

— Ну, прекрасная девица,— говорит сэр Тристрам,— проводите меня к тому месту, где готовится нападение на сэра Ланселота.

А сэр Динадан говорит:

— Зачем это? Не гоже нам одним биться с тридцатью рыцарями, и знайте, что я на это не согласен. Против одного рыцаря выступить, против двоих или троих — это еще куда ни шло, если, конечно, эти рыцари — смертные люди. Но одному выступить против пятнадцати — ни за что!

— Стыд и позор! — молвил сэр Тристрам.— Исполняйте свой долг!

— Нет уж,— отвечал сэр Динадан.— Я соглашусь, только если вы дадите

мне ваш щит. Ведь вы носите Корнуэльский щит, и по причине трусости, которую молва приписывает Корнуэльским рыцарям, вас из-за этого вашего щита никто не трогает.
— Ну нет,— воскликнул сэр Тристрам.— Я не расстанусь с моим щитом, храня память о той, кто мне его подарила. Но в одном, сэр Динадан, я могу тебе поклясться: если ты не последуешь за мною, я тебя тут же, не сходя с места, убью. Ибо от тебя требуется сразиться только с одним рыцарем. Если же и на это у тебя не хватит духу, тогда стой рядом и смотри!
— Сэр,— отвечал сэр Динадан,— я даю вам слово, что буду смотреть, как идет бой, и сделаю все возможное для собственного моего спасения. Но мне жаль, что я встретился с вами.
Между тем тридцать рыцарей Феи Морганы повстречались на дороге с сэром Борсом, сэром Эктором, сэром Дриантом и сэром Блеоберисом. Они признали их, а те — этих, но тридцать рыцарей их пропустили проехать, дабы не прибавлять себе врагов, когда дойдет до боя с сэром Ланселотом, а эти четверо дали им свободно проехать, ибо желали поглядеть, как они нападут на сэра Ланселота.
И вот скачут тридцать рыцарей дальше и поравнялись с сэром Тристрамом и сэром Динаданом. И крикнул им сэр Тристрам громким голосом:
— Эй, вот перед вами рыцарь, готовый биться с вами за сэра Ланселота!
И с тем поразил он насмерть двоих копьем и десятерых мечом. А тут и сэр Динадан подоспел и тоже рубился лихо. Из тридцати рыцарей осталось в живых лишь десять, и они обратились в бегство.
Этот бой наблюдали сэр Борс и его три товарища, и они признали в нем того же самого рыцаря, который состязался с ними на мостках. Погнали они коней и, подскакав к сэру Тристраму, стали хвалить и благодарить его за столь славные подвиги. Приглашали они его к себе на ночлег, но он отказался, объявив, что не намерен еще располагаться на отдых. Тогда они стали просить его, чтобы он им открыл свое имя.
— Любезные лорды,— отвечал им сэр Тристрам,— покуда еще не намерен я открывать вам мое имя.



КАК СЭР ТРИСТРАМ И СЭР ЛАНСЕЛОТ НАШЛИ ПРИСТАНИЩЕ, НО ДОЛЖНЫ БЫЛИ СРАЗИТЬСЯ С ДВУМЯ РЫЦАРЯМИ ❧ И снова поскакали сэр Тристрам с сэром Динаданом своей дорогой, и попались им на пути пастухи и подпаски. Спрашивают у них рыцари, нет ли где поблизости для них пристанища.
— Сэр,— отвечали скотопасы,— есть здесь поблизости доброе пристанище — целый замок, но в том замке обычай таков, что ни один рыцарь не получит там приюта, пока не сразится с двумя рыцарями. И даже если он странствует в одиночку, все равно должен он выступить против двоих. Вам же двоим как раз будет по противнику.

— Никуда не годится такое пристанище! — сказал сэр Динадан.— Вы как хотите, а я там ночевать не буду.
— Позор вам,— сказал Тристрам.— Разве вы не рыцарь Круглого Стола? А коли так, рыцарская честь вам не дозволяет отказаться от этого ночлега.
— Это еще как сказать,— говорят пастухи.— Если вас побьют и одолеют, вы там приюта не получите. Ну а если вы возьмете верх, то вам будет оказано всяческое гостеприимство.
— Ну,— говорит сэр Динадан,— уж верно те двое — бойцы из лучших.
И сэр Динадан ни за что не соглашался искать там ночлега, пока сэр Тристрам не воззвал к его рыцарской чести, и тогда они вдвоем отправились к замку. И, говоря коротко, сэр Тристрам с сэром Динаданом повергли тех двоих наземь, и с тем были впущены в замок, и встретили там столь щедрый прием, какой только возможно вообразить и представить.
Но лишь только совлекли они с себя доспехи и думали уже вкусить отдых и веселье, как подъехали к воротам сэр Паломид и сэр Гахерис и потребовали пристанища, по обычаю замка.
— Это еще что такое? — сказал сэр Динадан.— Я желаю отдыхать.
— Никак невозможно,— отвечал сэр Тристрам.— Мы теперь обязаны поддержать обычай этого замка, раз мы победили его владельцев. Так что, сэр Динадан,— сказал сэр Тристрам,— придется вам приготовиться к бою.
— Дьявол меня попутал,— сказал сэр Динадан,— напроситься к вам в попутчики.
И с тем они изготовились, и сэр Тристрам выехал против сэра Гахериса и выбил его из седла. А сэр Динадан выехал на сэра Паломида и был им повергнут на землю. Надо было дальше биться пешими, но сэр Динадан не соглашался, ибо он сильно разбился, упав с лошади. Сэр Тристрам снова надел и пристегнул на нем шлем и просил у него поддержки.
— Нет,— отвечал сэр Динадан,— я слишком жестоко изранен в столкновении с теми тридцатью рыцарями. Вы же,— сказал сэр Динадан,— поступаете как человек, утративший рассудок и потому ищущий своей погибели. Будь проклят тот час, когда я вас увидел, ибо во всем мире нет других таких безумцев, как сэр Ланселот да вы, сэр Тристрам! Однажды случилось мне странствовать вместе с сэром Ланселотом, как теперь с вами, и мне так досталось, что я потом три месяца не вставал с постели. Избави меня бог,— сказал сэр Динадан,— от общества подобных рыцарей, в особенности же от такого попутчика, как вы, сэр Тристрам!
Тогда сказал сэр Тристрам:
— Что ж, буду рубиться с ними один!
И он крикнул им обоим, чтобы они приблизились, ибо он готов с ними сразиться. Сэр Паломид и сэр Гахерис изготовились к бою и бросились на него оба. Тут сэр Динадан все же нанес сэру Гахерису два-три удара, но сразу же отступил.
— Не бывать этому! — вскричал сэр Паломид.— Нам позорно двоим биться против одного рыцаря.
И он попросил сэра Гахериса:
— Отойдите в сторону и постойте вместе с тем рыцарем, которому нет охоты сражаться.

После того они ринулись друг на друга и бились долго, но под конец сэр Тристрам удвоил свои удары и потеснил сэра Паломида на три шага. И тогда, согласившись обоюдно, сэр Гахерис и сэр Динадан выступили вперед и встали между ними и так их розняли.

После того, с согласия сэра Тристрама, они решили было устроиться там на ночлег всем вместе, но сэр Динадан объявил, что не будет ночевать в этом замке. Он сказал, что проклинает час, когда с ними съехался, сел на коня, взял свое оружие и уехал.

Тогда сэр Тристрам попросил хозяев замка послать с ними человека, чтобы он отвел их куда-нибудь на другой ночлег. И поехали они за сэром Динаданом и проводили его за две мили оттуда к одному доброму отшельнику. Там они и устроились на ночь.

А сэр Борс, и сэр Блеоберис, и сэр Эктор, и сэр Дриант провели эту ночь на том самом месте, где сэр Тристрам бился с тридцатью рыцарями. Там они дождались появления сэра Ланселота и предложили ему отправиться на ночлег к сэру Колгревансу.



КАК СЭР ТРИСТРАМ СРАЖАЛСЯ С СЭРОМ КЭЕМ И С СЭРОМ САГРАМУРОМ ЖЕЛАННЫМ И КАК СЭР ГАВЕЙН ОТВЕЛ СЭРА ТРИСТРАМА ОТ ФЕИ МОРГАНЫ ❧

Но сэр Ланселот, услышав о рыцаре с Корнуэльским щитом, сразу понял, что это сэр Тристрам сражался с его врагами. И сэр Ланселот восхвалил сэра Тристрама и назвал его благороднейшим мужем в мире.

А в той обители уже находился один рыцарь, по имени сэр Пелинор, и он во что бы то ни стало захотел узнал, кто таков сэр Тристрам, но ему это не удавалось. А утром сэр Тристрам оттуда уехал, оставив сэра Динадана у отшельника, ибо сэр Динадан был слишком устал и разбит, чтобы снова сесть на коня, и тогда этот рыцарь, сэр Пелинор, сказал сэру Динадану:

— Раз вы отказываетесь открыть мне имя того рыцаря, я сей же час поскачу за ним вдогонку и заставлю его назвать себя, а иначе он умрет!

— Только смотрите, сэр рыцарь,— отвечал сэр Динадан,— как бы вам не раскаяться, что вы за ним погнались.

И вот этот рыцарь сэр Пелинор поскакал вслед за сэром Тристрамом и вызвал его на поединок. И сэр Тристрам вышиб его из седла, пронзив ему копьем плечо, а сам поехал дальше своим путем.

А на следующий день сэр Тристрам повстречал на дороге глашатаев[21], и они объявили ему о предстоящем большом турнире у стен Девичьего Замка между королем Шотландии Карадосом и королем Северного Уэльса. Глашатаи и вестники были разосланы по всей стране на поиски добрых рыцарей, и изо всех король Карадос разыскивал сэра Ланселота, а король Се-

верного Уэльса — сэра Тристрама. И тогда сэр Тристрам решил явиться на этот турнир.

А вскоре случилось так, что повстречались ему сэр Кэй-Сенешаль и сэр Саграмур Желанный, и сэр Кэй стал вызывать сэра Тристрама на поединок. Но сэр Тристрам не пожелал с ним состязаться, ибо не хотел получить ни раны, ни ушиба перед большим турниром у стен Девичьего Замка, но желал отдохнуть получше и набраться свежих сил.

Но сэр Кэй не отставал, крича:

— Сэр рыцарь из Корнуэлла, выходи на бой либо же сдавайся мне в плен!

Когда услышал сэр Тристрам от него такие речи, он не стерпел и повернул прямо на него, а сэр Кэй тогда не стал с ним биться и повернулся к нему спиною. Но сэр Тристрам воскликнул:

— Еду на тебя, хочешь защищайся, хочешь нет!

Поневоле обернулся сэр Кэй. А сэр Тристрам вышиб его из седла и поскакал дальше своей дорогой.

Но тогда сэр Саграмур помчался за ним вслед и потребовал, чтобы он сразился и с ним. Сэр Тристрам и его сшиб с коня наземь и снова поскакал своей дорогой.

В тот же день повстречалась еще ему девица, и девица объявила ему, что ему предстоит славная победа над одним странствующим рыцарем, который чинит там обиды всему краю. Когда услышал от нее это сэр Тристрам, он был рад последовать за нею и добыть себе чести в бою. И проехал сэр Тристрам с девицею шесть миль.

Но потом повстречался им сэр Гавейн, и сэр Гавейн в тот же час признал в той девице служанку Феи Морганы. И он сразу понял, что она уводит рыцаря навстречу беде. Он спросил:

— Любезный рыцарь, куда вы скачете с этой девицей?

— Сэр,— ответил сэр Тристрам,— куда мне ехать, я не знаю, эта девица показывает мне путь.

— Сэр,— сказал сэр Гавейн,— не следует вам ехать с этой девицей, ибо от нее и ее госпожи добра не видели, но лишь зло.

И сэр Гавейн обнажил меч свой и сказал:

— Девица, если ты сей же час мне не откроешь, для чего заманила ты этого рыцаря, ты на этом самом месте умрешь, ибо мне известно все коварство твое и госпожи твоей.

— Ах, пощадите, сэр Гавейн,— сказала она,— если вы сохраните мне жизнь, я вам во всем признаюсь.

— Говори,— отвечал сэр Гавейн,— если жизнь тебе дорога.

— Сэр,— сказала она,— госпожа моя королева Моргана разослала тридцать дам искать и выслеживать сэра Ланселота или сэра Тристрама, и кто из свиты этих дам прежде всех найдет одного из этих двоих рыцарей, той велено завлечь его в замок Феи Морганы, посулив ему там бранные подвиги. А приедет сэр Ланселот или сэр Тристрам в замок — там будут поджидать его, затаившись в башне, тридцать рыцарей, готовых к нападению.

— Стыд и позор,— молвил сэр Гавейн,— что такое коварное предательство могла задумать королева и королевская сестра и дочь короля с королевой! Сэр, останьтесь со мной, и вы убедитесь в низости этих рыцарей.



КАК СЭР ТРИСТРАМ И СЭР ГАВЕЙН ВЫЕХАЛИ НА БОЙ ПРОТИВ ТРИДЦАТИ РЫЦАРЕЙ, НО ТЕ НЕ ОСМЕЛИЛИСЬ К НИМ ВЫЙТИ — Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— поедем туда, если хотите, я же, увидите, вас не подведу, ибо совсем недавно я вдвоем с одним моим товарищем уже сражался против тридцати рыцарей из королевиной дружины и с божией помощью мы так преуспели, что вышли из той схватки победителями.

И с тем поехали сэр Гавейн с сэром Тристрамом к замку, где жила Фея Моргана. А сэр Гавейн уже догадался, что его спутник — сэр Тристрам Лионский, ибо он слышал о том, как два рыцаря разбили и победили тридцатерых. И когда они оказались под стенами замка, крикнул сэр Гавейн громким голосом:

— Королева Моргана! Высылайте к нам ваших рыцарей, которых вы отрядили подкараууливать сэра Ланселота и сэра Тристрама. Ныне,— объявил сэр Гавейн,— я убедился в вашем коварном предательстве. И всюду, куда ни направлю я путь, люди узнают об вашем коварстве. А теперь поглядим-ка,— сказал сэр Гавейн,— осмелитесь ли вы выехать из замка, вы тридцать трусливых рыцарей!

Отвечала ему королева и все тридцать рыцарей разом:

— А, сэр Гавейн, уж ты-то знаешь, что делаешь, и знаешь, что говоришь. Ведь мы с тобою знакомы преотлично. И если ты сейчас так грозен и заносчив, то оттого, что с тобою — вон тот добрый рыцарь. Ибо из нас тут многим весьма близко знакома десница этого доброго рыцаря. И потому знай, сэр Гавейн, что если мы не выедем из замка, то не из-за тебя, а из-за него, ибо, знай, сэр Гавейн, этот рыцарь со щитом Корнуэлла нам знаком и каков он в бою, нам ведомо.

И сэр Гавейн с сэром Тристрамом поскакали оттуда прочь, и дня два ехали они вместе, и однажды повстречались им нежданно сэр Кэй и сэр Саграмур Желанный. Они обрадовались сэру Гавейну, а он им, но кто такой рыцарь с Корнуэльским щитом, они не знали, а лишь догадывались.

Дальше ехали они день или два все вчетвером и вдруг видят, сэр Брюс Безжалостный гонится за дамой и хочет ее убить, как убил перед тем уже ее возлюбленного.

— Постойте тут немного,— говорит сэр Гавейн,— и не показывайтесь. Вы увидите, как я накажу этого недостойного рыцаря. Но только стойте тихо: если он заметит вас, то спасется бегством, ибо конь под ним добрый.

И с тем выехал сэр Гавейн вперед, поставил коня между сэром Брюсом и дамой и воскликнул:

— Недостойный рыцарь, оставь ее и сразись со мною!

Увидел сэр Брюс, что перед ним не кто-нибудь, а только сэр Гавейн, он упер копье и ринулся на сэра Гавейна, а тот на него. И поверг сэр Брюс

сэра Гавейна наземь, а после переехал его конем вдоль и поперек двадцать раз, дабы совсем его погубить.

Сэр Тристрам, увидев это злое дело, ринулся на него, скача во весь опор, но сэр Брюс заметил его Корнуэльский щит и сразу понял, что это сэр Тристрам. И тогда он обратился в бегство, а сэр Тристрам — за ним, но под сэром Брюсом был столь могучий конь, что он унес его от погони. Сэр же Тристрам долго еще скакал за ним следом, горя жаждой мести.

Вот, после долгой погони, вдруг увидел сэр Тристрам чистый источник, и он свернул туда, чтобы отдохнуть, и привязал коня своего к дереву. Снял он шлем, умыл лицо и руки, лег и заснул.



КАК ДЕВИЦА БРАНГВЕЙНА НАШЛА ТРИСТРАМА СПЯЩИМ У ИСТОЧНИКА И КАК ОНА ОТДАЛА ЕМУ ПИСЬМА ОТ ПРЕКРАСНОЙ ИЗОЛЬДЫ ❧ А тем временем проезжала там девица, которая уже давно и повсюду разыскивала сэра Тристрама в тех краях. Она подъехала к воде, поглядела на него, но не угадала бы в нем по памяти сэра Тристрама, если бы не конь его по имени Пассебрюль[22], которого она сразу узнала,— он служил ему уже много лет, ибо, пока он жил безумный в лесу, коня его хранил сэр Фергус. И тогда эта женщина, дама Брангвейна, села тихо у ручья и стала ждать, пока сэр Тристрам проснется. А когда она увидела, что он пробудился от сна, она приветствовала его, и он ее тоже, ибо они были старые знакомые. И она поведала ему, как искала его всюду и везде, и сказала ему, что везет для него письма от королевы Изольды Прекрасной.

Сэр Тристрам их тут же и прочел и, уж конечно, радовался от души, ибо в них содержалось немало горьких любовных жалоб. А потом сэр Тристрам сказал:

— Госпожа моя, дама Брангвейна, вы будете сопровождать меня до окончания турнира под стенами Девичьего Замка. А потом отвезете мои письма и вести обо мне.

И с тем сел сэр Тристрам на коня и поехал искать пристанища на ночь. Повстречался ему добрый старый рыцарь, и у него сэр Тристрам попросил ночлега. По дороге же присоединился к ним Говернал, и он весьма обрадовался приезду дамы Брангвейны. А старого рыцаря звали сэр Пелон, и он рассказал им о предстоящем большом турнире у Девичьего Замка:

— К этому турниру сэр Ланселот и еще двадцать два рыцаря из его рода заказали для себя щиты с Корнуэльским гербом.

В это время явился некто к сэру Пелону и объявил ему, что сэр Персид Блойзский возвратился домой. Тут воздел старый рыцарь руки к небу и возблагодарил господа за это возвращение, и рассказал сэр Пелон сэру Тристраму, что он уже два года не видел своего сына, сэра Персида.

— Сэр,— сказал ему сэр Тристрам,— я знаю о вашем сыне, что он добрый рыцарь.

И так вышло, что сэр Тристрам и сэр Персид явились в дом сэра Пелона в одно время, и они, разоружившись, совлекли с себя доспехи и облачились в одежду, какая у кого была. А после того оба эти рыцаря приветствовали один другого, и когда сэр Персид узнал, что сэр Тристрам родом из Корнуэлла, он сказал, что был однажды в Корнуэлле.

— И там я выступал на турнире перед королем Марком, и мне посчастливилось за один день сокрушить десятерых рыцарей. Но потом выехал против меня сэр Тристрам Лионский, сбил меня с лошади и отнял у меня мою даму, и это всегда буду помнить, пока не представится мне случай отомстить.

— А,— сказал сэр Тристрам,— значит, как я понимаю, вы ненавидите сэра Тристрама? Но как же вы полагаете, неужели у сэра Тристрама недостанет силы устоять против вас?

— Это верно,— отвечал сэр Персид,— я отлично знаю, что сэр Тристрам — доблестный рыцарь и превосходит меня силой, но обиды я ему не оставлю.

А пока они так стояли и беседовали в верхних покоях у окна, им видно было, как множество рыцарей проезжали мимо замка по дороге на турнир. Вдруг увидел сэр Тристрам статного рыцаря на могучем черном коне и с затянутым в черное щитом.

— Кто этот рыцарь,— спросил сэр Тристрам,— с черным щитом и на черном коне?

— Я его сразу узнал,— отвечал сэр Персид,— этот рыцарь — один из лучших рыцарей мира.

— В таком случае это сэр Ланселот,— сказал сэр Тристрам.

— Нет,— отвечал сэр Персид,— это сэр Паломид, еще не крещенный рыцарь.



КАК СЭРА ТРИСТРАМА ПОВЕРГ НАЗЕМЬ СЭР ПАЛОМИД И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ОДОЛЕЛ ДВОИХ

И они увидели, как народ там, собравшись во множестве, приветствовал сэра Паломида громкими криками:

— Храни и спаси тебя Иисус, о благородный рыцарь сэр Паломид!

А вскоре прискакал в замок один паж и рассказал хозяину, сэру Пелону, что рыцарь с черным щитом уже сокрушил тринадцать рыцарей.

— Вот что, любезный брат,— сказал сэр Тристрам сэру Персиду,— накинем-ка легкие плащи и отправимся поглядеть на состязание.

— Ну, нет,— отвечал сэр Персид,— не как холопы явимся мы туда, но как рыцари — верхами, как добрые бойцы, готовые встретиться с противниками.

И они облачились в доспехи, сели на коней и, подхватив тяжелые копья, прискакали туда, где

рыцари состязались перед началом турнира. Увидел сэр Паломид сэра Персида и послал к нему своего оруженосца, сказав так:
— Ступай вон к тому рыцарю, у которого зеленый щит с золотым львом, и скажи ему, что я вызываю его на поединок, да объяви, что мое имя — сэр Паломид.
Услышавши вызов сэра Паломида, сэр Персид изготовился к бою, они съехались на поле, и сэр Персид был выбит из седла.
Тогда стал готовиться к бою сэр Тристрам, желая отомстить сэру Паломиду. Видит это сэр Паломид, и налетел он на сэра Тристрама, когда он еще не был готов к бою, и перебросил сэра Тристрама через круп его коня, не успел тот еще наставить и упереть свое копье.
Вскочил с земли сэр Тристрам, снова быстро поднялся в седло, разгневанный без меры и жестоко устыженный своим падением. Он послал к сэру Паломиду Говернала, требуя, чтобы он еще раз с ним сразился по его вызову.
— Ну, нет,— ответил сэр Паломид,— сейчас я больше не буду биться с этим рыцарем, ибо я знаю его лучше, нежели он полагает. Если же он разгневан, то сможет отплатить мне завтра под стенами Девичьего Замка, где он найдет меня и много других рыцарей.
А тем временем подъехал туда сэр Динадан. Он увидел, что сэр Тристрам в гневе, и не стал с ним шутить, а сказал так:
— Вот видите, сэр Тристрам, нет на свете столь доблестного бойца, чтобы никогда не терпел поражения, и нет такого мудреца, чтобы и ему не случилось ошибиться, и всадника искусного, чтобы хоть раз да не свалился с коня.
Но сэр Тристрам был вне себя от гнева, и он сказал сэру Персиду и сэру Динадану:
— Я отомщу за это!
И как раз когда они стояли так, беседуя, проскакал мимо сэра Тристрама тяжелой торжественной поступью статный рыцарь с черным щитом.
— Кто это? — спросил сэр Тристрам сэра Персида.
— Этого я сразу узнал,— отвечал сэр Персид.— Его имя сэр Бриант из Северного Уэльса.
И рыцарь проехал дальше и соединился с остальными рыцарями Северного Уэльса. Вслед за тем прибыл туда сэр Ланселот Озерный, а щит у него был с гербом Корнуэлла, и он послал оруженосца к сэру Brианту с вызовом на поединок.
— Ну, что ж,— ответил сэр Бриант,— раз я получил вызов, то уж постараюсь, как смогу.
Сшиблись они, и сэр Ланселот выбил сэра Брианта из седла. А сэр Тристрам смотрел и дивился: кто таков этот могучий рыцарь с Корнуэльским щитом?
— Сэр, кто бы он ни был,— сказал ему сэр Динадан,— ручаюсь, что он из рода короля Бана, у них все рыцари отличаются величайшей в мире доблестью в честном бою.
Затем прибыли туда еще два рыцаря из Северного Уэльса, одного из них звали сэр Хью де ла Монтань, а другого сэр Мадок де ла Монтань, и они,

не откладывая, тут же вызвали сэра Ланселота на бой. И сэр Ланселот не стал отказываться, он изготовился, и одним тяжелым копьем перекинул он через крупы коней обоих рыцарей и поскакал прочь.
— Клянусь всеблагим господом,— сказал сэр Тристрам,— этот рыцарь со щитом Корнуэлла — отличный рыцарь, и мне сдается, что он сидит в седле лучше, нежели кто-либо, кого случалось мне видеть.
Тем временем король Северного Уэльса подъехал к сэру Паломиду и просил его ото всей души, чтобы он, ради него, вызвал на бой того рыцаря, который учинил такую обиду всем рыцарям Северного Уэльса.
— Сэр,— отвечал сэр Паломид,— мне не по душе биться с этим рыцарем по причине большого турнира, что состоится завтра. Для этого турнира я хотел бы сохранить свои силы свежими, будь моя воля.
— Нет,— сказал король Северного Уэльса,— я прошу вас, вызовите его на состязание.
— Сэр,— отвечал сэр Паломид,— по вашей просьбе я согласен с ним биться и вызову его сейчас на бой, хотя мне часто случалось видеть, как рыцарь, пославший вызов, сам оказывается повергнутым наземь.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ СРАЖАЛСЯ С ПАЛОМИДОМ И СОКРУШИЛ ЕГО И КАК ПОТОМ НА НЕГО НАПАЛИ ДВЕНАДЦАТЬ РЫЦАРЕЙ ❧ И сэр Паломид отправил к сэру Ланселоту своего оруженосца, чтобы передал от него вызов.
— Приятель,— сказал сэр Ланселот,— назови мне имя твоего господина.
— Сэр, имя моего господина — сэр Паломид доблестный рыцарь.
— В добрый час,— сказал сэр Ланселот,— ибо за последние семь лет я не встречал рыцаря, с которым бы мне так хотелось помериться силами, как с ним.
И оба рыцаря изготовились к бою, наставив и уперев тяжелые копья.
— Вот посмотрите,— сказал сэр Динадан,— сэр Паломид ему отплатит.
— Может статься, что и так,— сказал сэр Тристрам,— но я полагаю, что тот рыцарь со щитом Корнуэлла его сокрушит.
— Не верю,— сказал сэр Динадан.
И вот они пришпорили коней и, выставив копья, ринулись друг на друга. Сэр Паломид поломал копье о сэра Ланселота, а тот и не шелохнулся в седле. Сэр же Ланселот с такой силой ударил копьем, что у того седло слетело с коня, и этим ударом рассек он ему щит и кольчугу, так что, не упади тот наземь, быть бы ему убитым.
— Ну что? — спросил сэр Тристрам.— Я ведь по посадке их видел, что сэру Паломиду не удержаться против него на коне.
А сэр Ланселот поскакал прочь и, подъехав к ручью, остановился напиться и передохнуть. Но рыцари Северного Уэльса следили за ним. Они заметили, куда он направился, и за ним поехали туда двенадцать рыцарей, чтобы

напасть на него, а задумано это было затем, чтобы утром на турнире он не смог завоевать победу.

И вот напали они вдруг на сэра Ланселота, и не успел он еще надеть шлем и вскочить на коня, как они уже схватились с ним врукопашную. Сжал сэр Ланселот в руке копье и бросился прямо в гущу врагов и одного рыцаря убил, но в его теле сломал свое копье. Тогда выхватил он меч из ножен и стал разить направо и налево и в несколько ударов зарубил еще троих рыцарей, а других изранил жестоко — всех, кто не обратился в бегство. Так сэр Ланселот спасся от своих врагов из Северного Уэльса.

Поехал сэр Ланселот своим путем, прискакал к дому одного своего друга и провел у него ту ночь до утра, ибо он не хотел выступать на турнире в первый день, так как жестоко утомился накануне. В этот первый день он сидел с королем Артуром на высоких подмостях и высматривал среди рыцарей себе достойных противников. Так сэр Ланселот был с королем Артуром и не сражался в первый день.



КАК ПРЕУСПЕЛ СЭР ТРИСТРАМ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТУРНИРА И КАК ОН ЗАВОЕВАЛ ПЕРВЕНСТВО

Теперь мы обращаемся к сэру Тристраму Лионскому, который велел слуге своему Говерналу приготовить ему черный щит безо всяких знаков, и с тем сэр Тристрам и сэр Персид расстались с сэром Пелоном. Они загодя прибыли к месту турнира и стали на сторону короля Шотландского Карадоса.

Вскоре собрались на поле рыцари — и со стороны короля Северного Уэльса, и со стороны короля Карадоса; и началось большое сражение. Одни нападали, другие оборонялись, и все носились по всему полю. И сэр Персид с сэром Тристрамом тут вступили в бой, и так они в тот день преуспели, что король Северного Уэльса был потеснен.

Но потом выехали на поле сэр Блеоберис Ганский и сэр Гахерис, сражавшиеся на стороне Северного Уэльса. И сокрушен был наземь сэр Персид и едва не затоптан насмерть, ибо сорок всадников и даже более проскакали над ним. Сэр Блеоберис свершил там немало ратных подвигов, и сэр Гахерис от него не отставал.

Когда сэр Тристрам заметил их и увидел, как доблестно они бьются, он подивился: кто они такие? И еще подумал сэр Тристрам, что ему позор — поражение, понесенное сэром Персидом. И, сжавши в руке тяжелое копье, он ринулся прямо на сэра Гахериса и выбил его наземь из седла.

Тут пришел в ярость сэр Блеоберис, взял копье и поскакал на сэра Тристрама в превеликом гневе. Но сэр Тристрам и его сшиб с коня на землю. Тогда разгневался Король-с-Сотней-Рыцарей, он подсадил снова на коней сэра Блеобериса и сэра Гахериса, и началась тут яростная схватка. И в этой

схватке сэр Тристрам наседал на них без передышки, и сэру Блеоберису пришлось тогда нелегко.

Потом выехал против сэра Тристрама сэр Динадан, но сэр Тристрам поразил его мечом с такой силой, что тот, сидя на коне, лишился чувств. А когда пришел в себя, то подъехал к сэру Тристраму и сказал:

— Сэр, я знаю тебя лучше, нежели ты думаешь, и вот я здесь даю тебе клятву, что никогда больше не выйду против тебя, ибо, клянусь, я не желаю, чтобы твой меч еще хоть раз обрушился на мой шлем.

Между тем подскакал сэр Блеоберис, и сэр Тристрам так ударил его мечом, что у того голова совсем поникла, и тогда он ухватил его крепко за шлем и стянул с коня себе под ноги. Но в это время король Артур затрубил в рог и подал знак всем рыцарям разъехаться.

Сэр Тристрам отъехал в свой шатер, а с ним сэр Динадан и сэр Персид. Король же Артур и все другие короли с обеих сторон только диву давались: кто таков этот рыцарь с черным щитом? И многие рыцари гадали о том же, но были иные, кто узнал сэра Тристрама, и эти молчали и ничего не говорили. И в тот первый день король Артур и все короли и лорды, которые судили тот турнир, объявили победителем сэра Тристрама, хотя имени его они не знали и именовали его Рыцарь-с-Черным-Щитом.



КАК СЭР ТРИСТРАМ РЕШИЛ ВЫСТУПИТЬ ПРОТИВ ПАРТИИ КОРОЛЯ АРТУРА, ПОТОМУ ЧТО УВИДЕЛ, ЧТО НА ИХ СТОРОНЕ СЭР ПАЛОМИД

❧ А наутро сэр Паломид отъехал от короля Северного Уэльса и перешел на сторону короля Артура, за которого стоял и король Карадос, и король Ирландии, и весь род сэра Ланселота, и весь род сэра Гавейна. А к сэру Тристраму сэр Паломид послал опять ту самую девицу, что разыскивала его когда-то, когда он жил в лесу, потеряв рассудок. И эта девица стала спрашивать у сэра Тристрама, кто он и как его имя.

— Что до этого, то передайте сэру Паломиду, что до срока он этого не узнает, а узнает не прежде, чем я обломаю об него два копья. Пусть только будет ему ведомо, что я — тот самый рыцарь, которого он выбил из седла накануне турнира, и скажите ему прямо, что, на какой бы стороне ни выступал он, я буду биться на другой.

— Сэр,— сказала девица,— знайте, что сэр Паломид будет на стороне короля Артура, где собрались все лучшие рыцари мира.

— Во имя господа,— отвечал сэр Тристрам,— я тогда выступлю за короля Северного Уэльса, раз сэр Паломид будет на стороне короля Артура. А если б не он, я бы тоже выбрал эту сторону.

И вот когда явился король Артур, затрубили к выходу на поле, и завязалось там большое сражение. В нем король Карадос бился против Короля-с-Сотней-Рыцарей и был повергнут наземь. Рыцари наступали, оборонялись,

скакали по всему полю. Но вот выехали рыцари короля Артура и обратили в бегство рыцарей, выступавших за Северный Уэльс.

Но тогда выехал на поле сэр Тристрам и так сокрушительно и могуче начал биться, что ни один не в силах был против него устоять. Долго сражался он так. Но под конец случилось, что он оказался в окружении рыцарей из рода короля Бана. Обступили его сэр Борс Ганский, и сэр Эктор Окраинный, и сэр Бламур Ганский, и немало еще других.

Стал сэр Тристрам разить направо и налево, так что все лорды и дамы заговорили об его доблестных подвигах. Но под конец одолели бы все же противники сэра Тристрама, когда бы не Король-с-Сотней-Рыцарей. Он явился со своей дружиной и отбил сэра Тристрама от рыцарей с Корнуэльскими щитами.

Потом увидел там сэр Тристрам еще одну отдельную дружину из сорока рыцарей, а возглавлял ее сэр Кэй-Сенешаль. Въехал сэр Тристрам прямо в самую их гущу, сэра Кэя сразу же сшиб он с коня, а с рыцарями расправился, как охотничий пес с зайцами.

А сэр Ланселот повстречал на турнирном поле рыцаря, жестоко раненного в голову.

— Сэр,— спрашивает сэр Ланселот,— кто вас столь жестоко поранил?

— Сэр,— тот отвечал,— это сделал рыцарь с черным щитом. И я проклинаю час, когда с ним встретился, ибо он дъявол, а не человек.

Сэр Ланселот его оставил и пожелал непременно встретиться с сэром Тристрамом, и поскакал он разыскивать его с обнаженным мечом в руке. Вот он увидел его, наконец, разящего направо и налево и чуть не каждым ударом сокрушающего наземь рыцаря.

— А! Помилуй меня Иисусе! — вскричал сэр Ланселот.— С той поры как я ношу доспехи, не случалось мне видеть рыцаря, свершающего в одиночку столь дивные подвиги. А если я сейчас,— сказал себе сэр Ланселот,— нападу со свежими силами на этого рыцаря, то будет мне это позором. И с тем вложил сэр Ланселот меч свой в ножны.

А в это время Король-с-Сотней-Рыцарей и еще сто рыцарей от Северного Уэльса напали на двадцать рыцарей Ланселотова рода, но эти двадцать рыцарей твердо держались друг за друга, как дикие вепри, и ни один не дрогнул в сраженье. Увидел сэр Тристрам, как доблестно они бьются, подивился их благородным подвигам, ибо понял по их хватке и дружному действию, что они скорее погибнут, чем оставят поле боя.

— Иисусе! — воскликнул сэр Тристрам.— Уж конечно, доблестен и мужествен тот, у кого в роду столь отменные бойцы. И уж наверно благороднейшим бароном должно почитать того, кто над ними вождь и глава.

Так он отозвался о сэре Ланселоте Озерном.

Недолго так следил за их сраженьем сэр Тристрам, и подумалось ему, что позорно ему смотреть, как у него на глазах двести рыцарей наседают на двадцатерых. И тогда подъехал сэр Тристрам к Королю-с-Сотней-Рыцарей и сказал ему так:

— Сэр, прекратите этот бой против двадцати рыцарей, ибо вам он не к чести, ведь вас так много, а их так мало. И знайте, что они поле боя не покинут, об этом я сужу по их виду и повадке, вам же оттого не будет чести,

если вы их перебьете. И потому прекратите бой с ними, иначе я, дабы снискать себе чести, присоединюсь к этим двадцати рыцарям и поддержу их, сколько достанет во мне силы и мощи.

— Ну нет,— сказал Король-с-Сотней-Рыцарей,— этого вы не сделаете. Видя в вас такую храбрость и рыцарское благородство, я ради вас отзову моих рыцарей, ибо так уж заведено, что настоящий рыцарь всегда заступится за другого рыцаря и всякий тянется к себе подобным.

И Король-с-Сотней-Рыцарей отозвал своих рыцарей.



КАК СЭР ТРИСТРАМ НАШЕЛ СЭРА ПАЛОМИДА У ИСТОЧНИКА И ПРИВЕЗ ЕГО С СОБОЙ НА НОЧЛЕГ ❧ А сэр Ланселот все это время и еще до того задолго наблюдал за сэром Тристрамом, думая, приглядевшись, заключить с ним дружбу. Но сэр Тристрам вдруг вместе с сэром Динаданом и Говерналом, своим слугой, повернул коней и ускакал в лес, так что никто и заметить не успел, куда они держали путь.

Тут король Артур затрубил перерыв, и выигравшей стороной объявили рыцарей короля Северного Уэльса, ибо за него выступал сэр Тристрам. Сэр же Ланселот тщетно скакал то туда, то сюда, точно бешеный лев, утративший добычу, ибо он потерял сэра Тристрама. Под конец он возвратился к королю Артуру. А тут по всему полю раздался крик, так что по ветру на две мили было слышно, как все лорды и дамы кричали:

— Победитель турнира — Рыцарь-с-Черным-Щитом!

— Увы,— сказал король Артур,— куда же исчез этот рыцарь? Всем участникам турнира это позор, что вы дали ему скрыться, ибо любезностью и вежеством его можно было привести ко мне в этот Девичий Замок.

Но потом король Артур обратился к своим рыцарям и утешил их, сказав:

— Добрые друзья, не сокрушайтесь тем, что сегодня не вам досталась победа.

Многие из них были поранены и побиты, но многие были здравы и невредимы. И король Артур им сказал:

— Друзья мои, смотрите не падайте духом, ибо завтра я буду вместе с вами на поле и мы отомстим вашим противникам.

Наступила ночь, и король Артур со своими рыцарями устроились на отдых.

А девица, посланная к сэру Тристраму от Прекрасной Изольды, во все время турнира находилась при королеве Гвиневере, и королева ее расспрашивала, по какой причине прибыла она в те края.

— Госпожа,— та отвечала,— я послана от госпожи моей Изольды Прекрасной не для какой иной причины, но лишь затем, чтобы осведомиться о вашем благополучии.

Ибо она ни за что не хотела открывать королеве, что находится там ради сэра Тристрама.

А потом эта дама Брангвейна простилась с королевой Гвиневерой и поехала за сэром Тристрамом.

Едет она лесом и вдруг слышит громкий крик. Она велела пажу своему свернуть в чащу и разузнать, что там за шум. Он так и сделал и вскоре подъехал к ручью, а над ручьем стоит рыцарь, привязанный к дереву, и кричит, точно безумный. Конь же его и доспехи дожидаются рядом.

Завидев пажа, он одним усилием разорвал свои путы, схватил меч и бросился на пажа, желая его убить. Тот пришпорил коня и, возвратившись к даме Брангвейне, рассказал ей о том, что с ним приключилось. Она же, приехав к шатру сэра Тристрама, поведала сэру Тристраму об этом приключении в лесу.

— Увы,— сказал сэр Тристрам,— клянусь головой, видно, с хорошим человеком приключилась беда.

И сэр Тристрам сел на коня, взял меч и поскакал туда и, подъезжая, услышал, как тот рыцарь стонет и оплакивает себя:

— О, несчастный я рыцарь сэр Паломид! И должна же была такая беда со мною приключиться, что я теперь опозорен и запятнан как изменник и предатель через сэра Борса и сэра Эктора! Увы,— повторял он,— для чего я до сих пор не умер?

Он взял в руку меч свой и стал писать им на песке разные странные знаки и фигуры, а потом в ярости швырнул свой меч в воду. И тут же стал стонать и ломать руки и, наконец, потерявши голову от горя, хотел уже сам прыгнуть в воду, чтобы отыскать на дне свой меч. Но, видя это, сэр Тристрам подбежал к нему и остановил его, крепко сжав в своих объятьях.

— Кто ты таков,— спросил сэр Паломид,— что держишь меня и не пускаешь?

— Я житель этого леса и не желаю тебе вреда.

— Увы! — сказал сэр Паломид,— мне не снискать себе чести там, где присутствует сэр Тристрам. Где бы мы с ним вместе ни оказались, честь достается ему. А когда нет его, то по большей части победителем бываю я, если только нет там сэра Ланселота и сэра Ламорака. Однажды в Ирландии,— сказал немного спустя сэр Паломид,— сэр Тристрам меня победил. Другой раз в Корнуэлле и еще в других местах этой страны.

— А что бы вы сделали,— спросил сэр Тристрам,— окажись сейчас сэр Тристрам здесь?

— Я бы с ним вступил в поединок,— отвечал сэр Паломид,— и утолил мое сердце. И все же, сказать правду, сэр Тристрам — благороднейший на свете рыцарь из ныне живущих.

— Сэр, что вы намерены делать дальше? — спросил сэр Тристрам.— Не последуете ли со мной к моим шатрам на ночлег?

— Нет,— тот отвечал,— не туда, но к Королю-с-Сотней-Рыцарей, ибо он спас меня от сэра Борса Ганского и сэра Эктора, иначе быть бы мне предательски убитым.

Но сэр Тристрам сказал сэру Паломиду добрые слова, и тот поехал вместе с ним. А Говернал выехал вперед и отослал даму Брангвейну, чтобы им не

помешала. И сэру Персиду он передал, чтобы с вновь прибывшим не затевал ссор.

А они поскакали бок о бок и приехали к шатру сэра Тристрама, и там принял он сэра Паломида со всем радушием, какое можно измыслить. Но кто он, этого он сэру Паломиду не открывал. Вот после ужина улеглись они на покой, и сэр Тристрам, после стольких ратных трудов, проспал, не пробуждаясь, до утра. Сэр же Паломид так горевал, что не мог заснуть и с первым светом дня собрался тайно и ускакал к сэру Гахерису и сэру Саграмуру Желанному, к их шатрам, ибо эти трое рыцарей заключили союз еще перед началом турнира.

И вот наутро протрубил король Артур начало третьего дня турнира.



КАК СЭР ТРИСТРАМ СОКРУШИЛ СЭРА ПАЛОМИДА И КАК ОН СРАЖАЛСЯ С КОРОЛЕМ АРТУРОМ И О ДРУГИХ ПОДВИГАХ ❧ И встретились в схватке король Северного Уэльса и Король-с-Сотней-Рыцарей, двое, с королем Карадосом и королем Ирландии. И Король-с Сотней-Рацарей сокрушил короля Карадоса, а король Северного Уэльса сокрушил короля Ирландии. Тогда выехал на поле сэр Паломид, и немалое он вызвал смятение, ибо по изрубленному щиту его многие узнали. А вслед за ним выехал король Артур, и вдвоем они совершили великие бранные подвиги и обратили в бегство короля Северного Уэльса и Короля-с-Сотней-Рыцарей.

Но тут явился на поле сэр Тристрам со своим черным щитом. Он схватился с сэром Паломидом, и могучей своей силой сэр Тристрам перекинул сэра Паломида через круп его коня.

И тогда крикнул король Артур:

— Эй, рыцарь с черным щитом! Готовься сразиться со мною!

Но сэр Тристрам и короля Артура выбил из седла.

Артуровы рыцари вновь подсадили на коней короля и сэра Паломида. Разгорелось, распалилось Артурово сердце, он схватил тяжелое копье, налетел сбоку и сбросил сэра Тристрама на землю.

Тут же, по горячим следам, наскочил на него, еще пешего, сэр Паломид и хотел переехать его конем. Но сэр Тристрам, увидев его, ступил чуть в сторону, в великой ярости поймал его за руку, стянул с коня и швырнул на землю.

Сэр Паломид вскочил с поспешностью, и они стали рубиться свирепо, нанося мечами столь могучие удары, что многие короли, королевы, лорды и дамы поднялись на ноги, чтобы лучше видеть. Но под конец сэр Тристрам трижды поразил сэра Паломида могучими ударами по шлему, при каждом взмахе мечом приговаривая:

— Получайте за сэра Тристрама!

И сэр Паломид рухнул ничком на землю.

Тут подъехал Король-с-Сотней-Рыцарей и привел сэру Тристраму коня, и вот уж он опять в седле. Но и сэр Паломид тоже уже сидит верхом, и, охваченный яростью, устремился он на сэра Тристрама и нанес ему удар тяжелым копьем, упертым в седельный упор, да еще и могучим своим мечом. Но сэр Тристрам уклонился от его копья, ухватил его за шею обеими руками, вырвал из седла и протащил, держа перед собой, на расстояние десяти копейных бросков, а там разжал руки и выпустил.

Но тут увидел сэр Тристрам, что на него скачет король Артур, с обнаженным мечом в руке, и, выставив копье свое, сэр Тристрам устремился ему навстречу. Но король Артур поджидал его, не дрогнув, и мечом своим он разрубил ему копье надвое. Растерялся сэр Тристрам, и король Артур успел нанести ему мечом четыре могучих удара, прежде чем он вытащил свой меч из ножен. Но вот все же обнажил сэр Тристрам меч, и они жестоко рубились друг с другом. Не скоро кончилось то большое сражение.

После этого сэр Тристрам еще долго скакал по турнирному полю, направляя коня то туда, то сюда, и так доблестно сражался, что в тот день он сокрушил двенадцать добрых рыцарей из дома короля Бана, сородичей сэра Ланселота. И все сословия дивились его подвигам, и весь народ стал выкрикивать имя Рыцаря-с-Черным-Щитом.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОРАНИЛ СЭРА ТРИСТРАМА, И КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОСЛЕ ЭТОГО СОКРУШИЛ СЭРА ПАЛОМИДА

И так громок был общий крик, что его услышал сэр Ланселот. Он взял в руку тяжелое копье и поскакал туда, где кричали люди.

И воскликнул сэр Ланселот:

— Рыцарь-с-Черным-Щитом, готовься к бою со мной!

Сэр Тристрам услышал его вызов, сжал в руке копье, и оба они, низко пригнув головы, устремились навстречу друг другу, сшиблись, точно гром грянул, и копье сэра Тристрама сломалось на куски. А сэру Ланселоту, по несчастью, удалось глубоко ранить сэра Тристрама в бок, едва что не насмерть, однако сэр Тристрам в седле усидел, Ланселотово же копье притом сломалось. И жестоко раненный, сэр Тристрам все же выхватил свой меч и, ринувшись на сэра Ланселота, нанес ему по шлему три столь могучих удара, что даже огонь высек, и сэр Ланселот поник головой к самой луке своего седла. И тогда сэр Тристрам покинул турнирное поле, ибо рана его была столь глубока, что он чувствовал, что иначе умрет. Это заметил лишь сэр Динадан, и он последовал за сэром Тристрамом в лес.

А сэр Ланселот пришел в себя и, оставшись на турнире, свершил еще немало бранных подвигов.

Сэр же Тристрам, выехав на опушку леса, спешился, отстегнул доспехи и промыл рану. А сэр Динадан, думая, что он умирает, горько заплакал.

— Полно, не плачьте, сэр Динадан,— сказал ему сэр Тристрам.— Не бойтесь, жизнь моя в безопасности, и от этой раны я, с помощью божией, скоро оправлюсь.

Вдруг заметил сэр Динадан, что прямо туда скачет сэр Паломид. И сэр Тристрам тоже его увидел и понял, что сэр Паломид едет затем, чтобы его, сэра Тристрама, убить. Но сэр Динадан поспешил предупредить его и сказал:

— Сэр Тристрам, господин мой, вы столь жестоко поранены, что не можете вступать с ним в поединок. И потому давайте я поеду на него и сделаю, что смогу, а если он меня убьет, вы помолитесь о моей душе. Вы же тем временем успеете уйти и укрыться в замке или в лесу, чтобы он не смог до вас добраться.

Сэр Тристрам улыбнулся в ответ и сказал:

— Я благодарю вас, сэр Динадан, на доброй заботе, но знайте, что я сам в силах с ним посчитаться.

И он с поспешностью облачился в доспехи, сел на коня, взял в руку тяжелое копье и, сказав сэру Динадану «прощайте», небыстрым шагом двинулся навстречу сэру Паломиду.

Увидев его, сэр Паломид поспешил спешиться и сделал вид, будто поправляет сбрую, но причина у него была на деле та, что он поджидал сэра Гахериса, который ехал за ним следом. Вот появился сэр Гахерис, и тогда сэр Паломид направил коня на сэра Тристрама. А сэр Тристрам послал ему вызов на поединок и предложил условие, что если он повергнет наземь сэра Паломида, то на том и конец бою, если же сэр Паломид сокрушит сэра Тристрама, то пусть, если желает, бьется насмерть. На том и согласились, и поскакали навстречу друг другу.

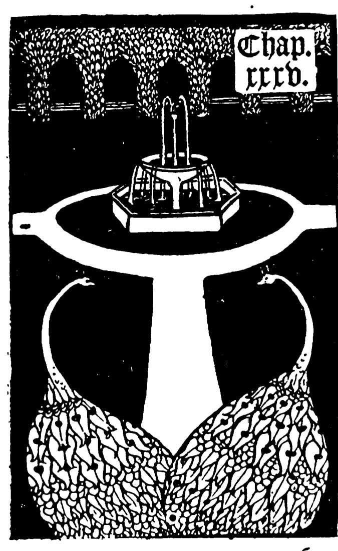
И вышиб сэр Тристрам сэра Паломида из седла, так что тот рухнул наземь и остался лежать неподвижно, точно мертвый. А сэр Тристрам тогда обратился против сэра Гахериса. Сэр Гахерис хотел было избегнуть поединка, но хоти он того или нет, сэр Тристрам с ним сшибся и перекинул его через круп его коня, так что он так и остался лежать неподвижно. А сэр Тристрам поскакал прочь, оставив сэра Персида и своего оруженосца у шатров.

В эту ночь сэр Тристрам и сэр Динадан завернули ночевать к одному старому рыцарю, у которого пятеро сыновей уехали на турнир и он от души молил бога об их благополучном возвращении. И вскоре, как повествуется во Французской Книге, они все пятеро и возвратились домой, но жестоко покалеченные.

А сэр Ланселот, после того как сэр Тристрам скрылся в лесу, продолжал сражаться отчаянно, точно безумец, которому и жизнь не дорога. А уж против него-то сражалось немало доблестных рыцарей. Когда король Артур увидел, какие дивные подвиги совершает сэр Ланселот, он вооружился, сел на коня, взял щит и копье и выехал на поле на подмогу сэру Ланселоту, и многие добрые рыцари последовали за ним.

Но вот, чтобы под конец быть кратким, король Северного Уэльса и Король-с-Сотней-Рыцарей потерпели поражение. Сэру же Ланселоту за то, что он не покинул турнирного поля и был в сраженье до конца, было присуждено первенство среди рыцарей. Однако сэр Ланселот, как ни просили его король

и королева и другие рыцари, не принимал такую честь. И когда на поле раздался клич: — «Ныне победитель на турнире — сэр Ланселот!» — то сэр Ланселот поднял другой клич:
— Победитель — сэр Тристрам, ибо он начал раньше всех и дольше всех продержался на поле, и так было в первый день, во второй и третий!



КАК ПРИЗ ЗА ТРЕТИЙ ДЕНЬ БЫЛ ПРИСУЖДЕН СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ОТДАЛ ЕГО СЭРУ ТРИСТРАМУ

❧ И тогда все сословия и звания, от верха донизу, заговорили с почтением о сэре Ланселоте за его благородство, какое он выказал сэру Тристраму, и за это его благородство было тогда сэру Ланселоту больше чести и славы, нежели сокруши он один пять сотен всадников. И весь народ, кто там был, сначала все сословия, сверху донизу, а потом и простой люд, закричали в один голос:
— Победитель — сэр Ланселот, что бы там кто ни говорил!
Но сэр Ланселот тем был разгневан и унижен, и поскакал он прямо к королю Артуру.
— Увы,— сказал король,— мы все опечалены тем, что сэр Тристрам нас столь неожиданно покинул. Клянусь богом,— сказал король Артур,— он — один из доблестнейших рыцарей, каких случалось мне видеть с копьем или мечом в руке, и самый учтивый. Всего тяжелее ему пришлось в тот раз, когда он трижды ударил мечом по шлему сэра Паломида, так что вовсе разнес ему шлем своими ударами, и еще приговаривал: «Получайте за сэра Тристрама!» И так он сказал трижды.
С тем король Артур и сэр Ланселот и сэр Додинас Свирепый сели на коней и отправились на поиски сэра Тристрама. И через сэра Персида король Артур узнал, где стоит шатер сэра Тристрама. Но когда они туда прибыли, сэра Тристрама с сэром Динаданом там уже не было. Опечалились король Артур и сэр Ланселот и возвратились в Девичий Замок, оплакивая рану сэра Тристрама и его столь внезапный отъезд.
— Видит бог,— молвил король Артур,— то, что я не могу с ним встретиться, меня печалит более, нежели все раны, полученные моими рыцарями на этом турнире.
Но в то самое время явился туда сэр Гахерис, и он поведал королю Артуру о том, как сэр Тристрам поверг наземь сэра Паломида в поединке, которого искал сэр Паломид.
— Увы,— сказал король Артур,— это великое бесчестие сэру Паломиду, ведь сэр Тристрам жестоко ранен. Нам должно всем признать — и королям, и рыцарям, и добрым людям,— что сэр Тристрам — настоящий рыцарь, и притом из лучших, каких за всю мою жизнь я когда-либо видел. Да будет

ведомо вам всем, и королям и рыцарям,— сказал король Артур,— что мне не случалось видеть, чтобы рыцарь так отличился, как сэр Тристрам за минувшие три дня, ибо он первым начинал и дольше всех держался на поле, не считая сегодняшнего, последнего дня. Но и ныне, хотя он был ранен, это был мужественный бой между двумя благородными рыцарями. Ведь когда встречаются в бою два славных рыцаря, одному из них неизбежно приходится терпеть поражение, а кому — это как бог даст.

— Сэр, что до меня,— молвил сэр Ланселот,— то за все земли, оставленные мне отцом моим, я бы не нанес увечья сэру Тристраму, знай я тогда, что это он, ведь я не видел его щита. Если бы я заметил его черный щит, я бы не вступил с ним в бой по многим причинам,— сказал сэр Ланселот.— Ведь он совсем недавно сделал для меня так много, как ни один рыцарь: всем ведомо, как он победил тридцать рыцарей, а в помощь ему был один только сэр Динадан. И я в одном могу дать клятву,— сказал сэр Ланселот,— сэр Паломид еще раскается в своем нерыцарском поступке, что выследил в лесу благородного рыцаря, которого я, к несчастью, так жестоко поранил.

И сэр Ланселот произнес в хвалу сэру Тристраму все, что только можно было сказать.

После того король Артур устроил пир для всех, кто ни пожелал прийти. На том мы оставляем короля Артура и обратимся на время к сэру Паломиду,— а он, потерпев поражение от руки сэра Тристрама, разъярился на сэра Тристрама так, что едва рассудок не потерял, и пустился наудачу за ним вслед. Вот выехал он на берег реки и хотел в пылу погони перескочить на коне через реку, но конь не допрыгнул и упал в воду, и испугался сэр Паломид, как бы ему не утонуть.



КАК ПАЛОМИД ПРИБЫЛ В ЗАМОК, ГДЕ НАХОДИЛСЯ СЭР ТРИСТРАМ И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ И ЕЩЕ ДЕСЯТЬ РЫЦАРЕЙ ОТПРАВИЛИСЬ НА ПОИСКИ СЭРА ТРИСТРАМА ❧ Тогда он высвободил ноги из стремян и поплыл к берегу, оставив коня утонуть или выплыть — как придется. Выйдя же на берег, он снял с себя доспехи и сидел на песке, плача и рыдая, словно безумный.

Вдруг едет мимо девица, посланная от сэра Гавейна к его брату сэру Мордреду, что лежал больной у того же самого старого рыцаря, где остановился и сэр Тристрам. Ибо, как повествуется во Французской Книге, сэр Персид десять дней назад так изранил сэра Мордреда в поединке, что если бы не воздержался сэр Персид из любви к сэру Гавейну и его братьям, то не быть бы сэру Мордреду уже в живых.

И вот проезжала эта девица мимо того места, где сидел сэр Паломид. Побеседовали они меж собой, но, не найдя в том для себя утешения, разъеха-

лись. И девица поскакала дальше своей дорогой и приехала к старому рыцарю, а там рассказала, что по дороге случилось ей встретить рыцаря безумного, какого безумнее она в жизни не видала.
— А какое изображение у него на щите? — спрашивает ее сэр Тристрам.
— Сэр, на щите у него зубцы, черные и белые,— она отвечала.
— А! — сказал сэр Тристрам,— это Паломид, добрый рыцарь. Я его хорошо знаю,— сказал сэр Тристрам,— как одного из лучших рыцарей в здешней стороне.
Тогда старый рыцарь оседлал низкорослую кобылу и поскакал за сэром Паломидом и привез его к себе в дом. Сэр Тристрам его сразу признал, но не сказал ничего. Ибо сэр Тристрам к тому времени уже ходил и раны его зажили. И всякий раз при виде сэра Тристрама сэр Паломид вглядывался в него с удивлением, и все ему казалось, будто он его где-то уже встречал. А сэру Динадану он повторял:
— Вот только попадись мне когда-нибудь сэр Тристрам, он из моих рук не уйдет.
— Удивительно мне,— отвечал ему сэр Динадан,— что это вы так выхваляетесь у сэра Тристрама за спиной? Ведь совсем недавно он был у вас в руках, а вы — в его руках. Что же вы тогда его упустили? Ведь я сам видел дважды или трижды, как вы без особой чести выходили из рук сэра Тристрама.
Тогда сэр Паломид устыдился. И с тем мы их оставим на время в замке старого рыцаря сэра Дараса.
А теперь поведем мы речь о короле Артуре, который сказал сэру Ланселоту:
— Когда бы не вы, не лишились бы мы сэра Тристрама, ибо он оставался здесь много дней, покуда не встретился с вами. Не в добрый час,— сказал король Артур,— съехались вы с ним.
Мой господин Артур,— сказал сэр Ланселот,— выслушайте меня! Вы возлагаете на меня вину за отъезд сэра Тристрама, а ведь, видит бог, это случилось против моей воли! Но когда люди распалятся в бою, нередко бывает, что они увечат не только врагов своих, но и друзей. И знайте, мой господин,— сказал сэр Ланселот,— сэра Тристрама изо всех людей я всех менее желал бы обидеть, ибо он сделал для меня гораздо больше, чем я покамест мог сделать для него.
И сэр Ланселот велел принести книгу, и потом он сказал так:
— Вот мы, десять рыцарей, поклянемся на этой книге, что не будем две ночи ночевать в одном месте хоть целый год подряд, покуда не найдем сэра Тристрама. А что до меня,— сказал сэр Ланселот,— то клянусь на этой книге, что, случись мне встретиться с ним, я добром ли, злом ли, но привезу его к вашему двору, или же погибну.
Имена же тем десяти рыцарям, что отправились тогда на поиски, были такие: первый сэр Ланселот, и еще сэр Эктор Окраинный, и сэр Борс Ганский, сэр Блеоберис, сэр Бламур Ганский, сэр Лукан-Дворецкий, сэр Ивейн, сэр Галихуд, сэр Лионель и сэр Галиходин.
И эти десять благородных рыцарей покинули двор короля Артура и выехали все вместе в рыцарское странствие. Они ехали так до перекрестка,

где расходились четыре дороги, и там разделилась их дружина на четыре части, и разъехались они искать сэра Тристрама.
Вот едет сэр Ланселот, и повстречалась ему дама Брангвейна, посланная в те края на поиски сэра Тристрама. И она гнала своего иноходца во весь опор. Сэр Ланселот поравнялся с нею и спрашивает, отчего она так торопится.
— Ах, любезный рыцарь,— отвечала дама Брангвейна,— я скачу, спасая жизнь свою, ибо за мною гонится сэр Брюс Безжалостный и хочет меня убить.
— Держитесь подле меня,— сказал сэр Ланселот.
Когда же показался сэр Брюс Безжалостный, он крикнул ему так:
— Недостойный рыцарь, погубитель дам и девиц, наступил твой последний час!
Увидел сэр Брюс Безжалостный щит сэра Ланселота и тотчас же его узнал, ибо в этом походе он ехал не с Корнуэльским щитом, а со своим собственным. И тогда сэр Брюс повернул коня и обратился в бегство, а сэр Ланселот поскакал за ним вдогонку. Но под сэром Брюсом был столь добрый конь, что легко уносил его, по его желанию, от погони. И потому сэр Ланселот возвратился к даме Брангвейне, она же стала благодарить сэра Ланселота за его труды и учтивость.



КАК СЭР ТРИСТРАМ, СЭР ПАЛОМИД И СЭР ДИНАДАН БЫЛИ СХВАЧЕНЫ И БРОШЕНЫ В ТЕМНИЦУ ❧ А теперь поведем мы речь о сэре Лукане-Дворецком, который по воле случая выехал как раз туда, где находился сэр Тристрам. Он подъехал к воротам не для иной причины, как только испросить себе пристанище на ночь. Спросил привратник у него его имя.
— Сэр, передайте вашему господину, что мое имя — сэр Лукан-Дворецкий, рыцарь Круглого Стола.
Привратник явился к своему хозяину, сэру Дарасу, и рассказал ему, кто просит у него ночлега.
— Ну, нет,— вскричал сэр Данам, племянник сэра Дараса,— скажи ему, что здесь он не получит ночлега. Да объяви ему, что я, сэр Данам, буду драться с ним в поединке, пусть готовится к бою.
И выехал на него сэр Данам верхом, и они с копьями в руках налетели друг на друга. И вышиб сэр Лукан сэра Данама из седла и перекинул через круп его коня. Тот вскочил, убежал и скрылся в замке, а сэр Лукан поскакал за ним и много раз вызывал его, стоя перед воротами.
И тогда сказал сэр Динадан сэру Тристраму:

— По-моему, позорно смотреть, как подвергается бесчестью кузен нашего хозяина.
— Повремените,— отвечал сэр Тристрам,— и я поправлю дело.
Но сэр Динадан вскочил на коня и выехал против сэра Лукана, и сэр Лукан пробил ему копьем бедро и поскакал оттуда прочь. Разгневался сэр Тристрам за рану сэра Динадана и погнался за ним, желая ему отомстить. В недолгом времени поравнялся он с сэром Луканом, окликнул его, тот повернул коня, и сшиблись они с разгона. И сэр Тристрам жестоко поранил сэра Лукана и выбил его из седла на землю.
В это время явился туда сэр Ивейн, учтивый рыцарь, и, видя увечье сэра Лукана, вызвал сэра Тристрама на поединок.
— Любезный рыцарь,— отвечал сэр Тристрам,— прошу вас только, назовите мне ваше имя.
— Сэр рыцарь, да будет вам известно, что мое имя —сэр Ивейн, сын короля Уриенса.
— А,— сказал сэр Тристрам,— с вами я, будь моя воля, не стал бы сражаться никогда.
— Нет, сэр, нет вашей воли,— отвечал сэр Ивейн,— это я вызываю вас на поединок.
Видит сэр Тристрам, что тут уж ничего не поделаешь, и тогда он пустил на него коня и сбросил сэра Ивейна на землю и сильно его поранил. И с тем ускакал обратно в дом сэра Дараса.
Когда сэр Данам узнал о том, что сэр Тристрам только ранил сэра Лукана, он хотел поскакать туда и его добить. Но сэр Тристрам не допустил того. А сэр Ивейн повелел устроить конную повозку и отвез сэра Лукана в Ганский монастырь. Там поблизости был замок, называвшийся Ганским замком, и принадлежал тот замок сэру Блеоберису. И там сэр Ланселот назначил встречу всем своим товарищам, выехавшим вместе с ним на поиски сэра Тристрама.
Сэр же Тристрам возвратился к сэру Дарасу, а в это время туда явилась девица, и она рассказала сэру Дарасу, что трое его сыновей убиты на турнире, а двое жестоко изувечены, так что никогда уже не в силах будут сесть на коней, и все это сделал доблестный рыцарь с черным щитом — тот самый, кому присуждено первенство на турнире.
А потом явился еще некто и сообщил сэру Дарасу, что этот самый рыцарь с черным щитом находится сейчас у него в доме. Тогда сэр Дарас вошел в покой сэра Тристрама, там он нашел его щит и показал его девице.
— Ах, сэр,— сказала девица,— это и есть тот самый рыцарь, что убил трех ваших сыновей.
И тогда без промедления сэр Дарас заключил сэра Тристрама, сэра Паломида и сэра Динадана в крепкую темницу, и там сэр Тристрам едва не умер от тяжкой болезни.
В темнице сэр Паломид каждый день клял сэра Тристрама по старой вражде, сэр же Тристрам неизменно отвечал ему любезно и малословно. Но когда сэр Паломид увидел, что сэр Тристрам жестоко занемог, он исполнился к нему состраданием и утешал и подбадривал, как только мог.
А потом, как повествует Французская Книга, к сэру Дарасу приехали со-

рок рыцарей — его родичей, и они хотели убить сэра Тристрама и его товарищей, однако сэр Дарас не допустил того, но оставил их в заточении, и были у них и пища, и питье.

Так терпел там сэр Тристрам великие страдания, ибо его одолела болезнь, а это — величайшее бедствие, какое только может выпасть на долю узнику. Ибо покуда узник сохраняет здоровье в своем теле, он может терпеть заточенье с помощью божией и в надежде на благополучное вызволение, но когда недуг охватывает тело узника, тут уже может узник сказать, что счастье ему окончательно изменило, тут же остается ему лишь плакать и стенать[23]. Так и было с сэром Тристрамом, когда его свалила в темнице болезнь, ибо он погрузился в столь глубокую печаль, что едва не лишил себя жизни.



КАК КОРОЛЯ МАРКА ЗЛИЛА ДОБРАЯ СЛАВА СЭРА ТРИСТРАМА. О ПОЕДИНКАХ РЫЦАРЕЙ АРТУРА С КОРНУЭЛЬСКИМИ РЫЦАРЯМИ ❧ Теперь оставляем мы сэра Тристрама, сэра Паломида и сэра Динадана в заточении и поведем речь о других рыцарях, что разъехались во все концы страны на поиски сэра Тристрама.

Из них иные заехали в Корнуэлл, и случилось так, что сэр Гахерис, племянник короля Артура, прибыл к королю Марку. И был он там радушно принят, сидел за королевским столом, угощался с королевского блюда. Вот спрашивает гостя король Марк, какие новости в королевстве Логрском.

— Сэр,— отвечал сэр Гахерис,— король правит как благородный рыцарь, и недавно был у нас большой турнир, какому равного не видывал еще я в королевстве Логрском, и на тот турнир собралось все славнейшее рыцарство. Но один рыцарь там был, который во все три дня отличался изо всех. У него был черный щит, и с каким бы рыцарем он ни схватился, всякого одолевал и всех превзошел.

— Должно быть,— сказал король Марк,— это был сэр Ланселот или же сэр Паломид, язычник.

— Нет, сэр,— отвечал сэр Гахерис,— ибо они двое принадлежали к другой стороне и выступали против рыцаря с черным щитом.

— Ну, тогда это сэр Тристрам Лионский,— сказал король.

И с тем он повесил низко голову и в душе своей устрашился того, что сэр Тристрам завоевал себе такую славу в королевстве Логрском и стал могущественнее его.

Так был радушно принят сэр Гахерис королем Марком и королевой. Прекрасная Изольда радовалась его словам, ибо из рассказа его она сразу поняла, что речь шла о сэре Тристраме.

А вскоре король устроил богатое празднество. И на празднество приехал туда сэр Ивейн, сын короля Уриенса (некоторые звали его сэр Ивейн Бе-

лорукий). Прибыв туда, сэр Ивейн объявил, что вызывает на бой всех рыцарей Корнуэлла. И ужасно разгневался тогда король, что нет у него рыцарей, чтобы принять Ивейнов вызов.

Но тут выскочил вперед сэр Андрет, племянник короля Марка, и сказал:

— Я померюсь силами с сэром Ивейном!

И он пошел облачился в крепчайшие доспехи и выбрал себе самого лучшего коня. Сшиблись сэр Ивейн с сэром Андретом, и сэр Андрет с такой силой рухнул на землю, что лишился чувств. Тогда огорчился и разгневался король Марк безмерно, что нет у него рыцаря, чтобы отомстить за его племянника сэра Андрета. Он призвал к себе сэра Динаса-Сенешаля и просил его, ради него, короля, взять на себя поединок с сэром Ивейном.

— Сэр,— отвечал сэр Динас,— не по душе мне сражаться с рыцарями Круглого Стола.

— И все же, ради меня, прошу вас, возьмитесь за копье.

Вот изготовился сэр Динас к поединку, и сшиблись они, выставив тяжелые копья. И сэр Динас был повержен наземь,— и конь и всадник,— и сильно разбился. Ну и рассвирепел же тут король Марк!

— Увы! — вскричал он.— Неужто ни одного рыцаря не найдется у меня, чтобы сразиться вон с тем рыцарем?

— Сэр,— сказал тогда сэр Гахерис,— для вас я готов сразиться с ним.

И вот сэр Гахерис собрался, облачился в доспехи и выехал на поле. Увидел сэр Ивейн щит сэра Гахериса, подъехал к нему и говорит:

— Сэр, вы поступаете не по долгу рыцаря Круглого Стола, ведь когда вас принимали в это братство, вы клялись не вступать в бой ни с одним из ваших товарищей, только разве если по неведению. И, клянусь богом, сэр Гахерис, вы не могли не узнать меня по моему щиту, как и я вас узнал по вашему. Пусть вы даже и готовы нарушить вашу клятву, но я мою клятву не нарушу. И никто из здесь присутствующих, ни вы сами не можете заподозрить меня в трусости, ибо я ничуть не боюсь вступить с вами в поединок. Но ведь мы — сыновья родных сестер!

Тут устыдился сэр Гахерис. И разъехались рыцари без боя. И сэр Ивейн покинул те края.

Тогда король Марк облачился в доспехи, сел на коня и, взявши с собою оруженосца, который вез его тяжелое копье, пустился в погоню за сэром Ивейном. И в узком ущелье он налетел на него, не ведавшего об его приближении, и пробил он сэру Ивейну грудь едва не насквозь и, бросивши его там, ускакал восвояси.

В недолгом времени проезжал там сэр Кэй. Он нашел сэра Ивейна и стал расспрашивать, как получил он такое увечье.

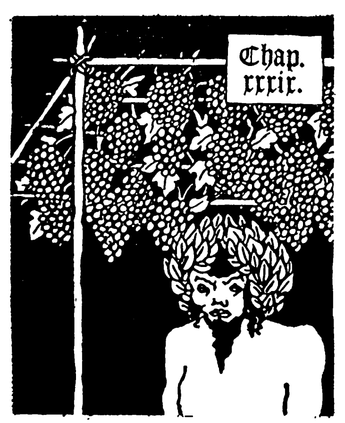
— Я не знаю,— отвечал сэр Ивейн,— от кого получил я рану и за что, и уверен, что это — предательство. На меня вдруг выехал неизвестный рыцарь и поразил меня, прежде чем я опомнился.

В это время прискакал туда сэр Андрет, разыскивавший короля Марка.

— Коварный рыцарь,— вскричал сэр Кэй.— Знать бы мне, что это ты нанес предательски рану этому рыцарю, уж ты бы тогда не ушел от меня!

— Сэр,— отвечал сэр Андрет,— я и не думал ранить этого рыцаря, пусть он сам подтвердит!

— Позор вам, недостойные рыцари Корнуэлла,— сказал сэр Кэй,— ибо цена вам — грош!
И сэр Кэй позаботился, чтобы сэр Ивейн был перенесен в аббатство Черного Креста и оставался там, покуда не исцелился.
Тем временем собрался сэр Гахерис покинуть двор короля Марка, но перед прощанием сказал так:
— Король, вы совершили позорное дело, что изгнали сэра Тристрама из пределов вашей страны, ибо, находись он сейчас с вами, не страшен был бы вам никакой рыцарь.
И с тем он стал прощаться.



О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ КОРОЛЯ МАРКА, И КАК СЭР ГАХЕРИС ПОВЕРГ ЕГО НАЗЕМЬ, А ТАКЖЕ КУЗЕНА ЕГО АНДРЕТА ❧ В это время прибыл ко двору короля Марка сэр Кэй-Сенешаль, и приняли его по виду будто бы очень радушно.
— А ну, любезные лорды,— предложил король Марк,— не хотите ли попытать удачи и взяться за тяжкий подвиг, отправившись в Моррисский лес? Там ждет вас приключение, которого труднее я не видывал.
— Сэр,— отвечал сэр Кэй,— я готов.
А сэр Гахерис сказал, что еще подумает, ибо король Марк всегда отличался коварством. И с тем он ускакал своей дорогой. Он поехал тем же путем, каким должен был отправиться сэр Кэй. И, улегшись там на отдых, повелел своему оруженосцу следить зорко.
— И если появится сэр Кэй, предупредите меня об его приближении.
Вот вскоре показался сэр Кей. Сэр Гахерис сел на коня и выехал ему навстречу.
— Сэр Кей,— сказал он,— неразумно вы поступаете, что скачете на подвиг, назначенный королем Марком, ведь все, что он затевает,— предательство.
Отвечает сэр Кэй:
— Вызываю вас вместе со мной испытать опасность
— Что ж, на меня можете положиться.
И они поскакали вместе и ехали так, покуда не увидели озеро, которое в те времена называлось Гибельным Озером, и там, на опушке леса, они остановились.
Между тем король Марк в своем замке Тинтагиль удалил от себя всех своих баронов, и все прочие, кроме самых при нем доверенных, были удалены из его покоев. А тогда повелел он призвать племянника своего сэра Андрета и наказал ему тайно облачиться в доспехи и сесть на коня без промедления, ибо близка уже была полночь. И сам король Марк тоже облачился в доспехи — черные с ног до головы, и конская сбруя тоже — и через потайные боковые ворота выехали они двое со своими слугами и скакали долго, покуда не подъехали к тому озеру.

Первым заметил их сэр Кэй, подхватил он копье, выехал к ним и предложил им поединок. Поскакал против него король Марк, и налетели они друг на друга с разгону, ибо луна сияла светло, как днем. Сшиблись, и рухнул наземь конь сэра Кэя, ибо он был не столь силен, как конь короля, и сэр Кэй притом жестоко разбился.

Сэр Гахерис разгневался на то, что сэр Кэй оказался повержен. И крикнул он:

— Рыцарь, держись покрепче в седле, ибо сейчас я отомщу тебе за моего товарища!

Испугался король Марк сэра Гахериса, но пришлось ему поневоле пустить тому навстречу своего коня. И сэр Гахерис ударил на него так, что он рухнул на землю. А сэр Гахерис сразу же обратился против сэра Андрета и его тоже сбросил с коня, да так, что он шишаком шлема вонзился в землю и едва не сломал себе шею. Тут сэр Гахерис спешился поспешно, поднял на ноги сэра Кэя, и вдвоем они приблизились к тем и потребовали, чтобы они сдавались и назвали свои имена, иначе же им смерть. Сэр Андрет заговорил первым, жестоко страдая, и сказал:

— Это король Марк Корнуэльский, так что смотрите, обращайтесь с ним почтительнее. Я же — сэр Андрет, его племянник.

— Позор вам обоим,— отвечал сэр Гахерис,— ибо оба вы предатели, и коварным предательством было ваше показное радушие, с каким вы нас принимали. Сожаления достойно, чтобы такие, как вы, и дальше жили на свете,— сказал сэр Гахерис.

— Сохраните мне жизнь,— сказал король Марк,— и я искуплю свои вины. Помните также, что я помазанный король.

— Тем позорнее нам будет,— сказал сэр Гахерис,— оставить тебя в живых! Как король, помазанный священным миром, ты должен бы быть другом всем благородным рыцарям. Ты же достоин смерти!

И с тем замахнулся он мечом на короля Марка, а тот стал прикрываться щитом и защищаться, как мог. А сэр Кэй пошел с мечом на сэра Андрета. Наконец, сдался король Марк сэру Гахерису, опустился на колени и поклялся на перекрестии своего меча, что никогда, покуда он жив, не будет чинить вреда странствующим рыцарям. И еще он поклялся быть добрым другом сэру Тристраму, если тот когда-нибудь заедет в Корнуэлл. А тем временем сэр Андрет оказался повержен на землю, и сэр Кэй хотел было его убить.

— Отпустите его,— сказал сэр Гахерис,— прошу вас, не убивайте его.

— Сэр, жаль было бы,— сказал сэр Кэй,— оставлять его в живых, ведь он близкий родич сэру Тристраму, а всегда его предавал, и через него сэр Тристрам был изгнан из Корнуэлла. А потому я лучше убью его,— сказал сэр Кэй.

— Не делайте этого,— сказал сэр Гахерис.— Раз уж я королю сохранил жизнь, то прошу вас и ему жизнь сохранить.

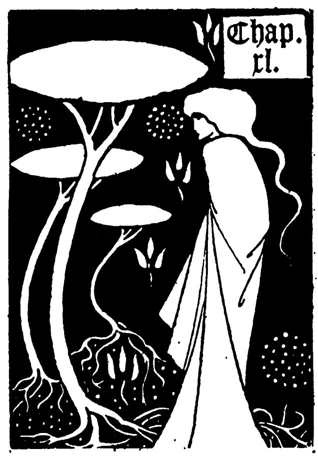
И с тем сэр Кэй его отпустил.

И они поскакали дальше своей дорогой и приехали к сэру Динасу-Сенешалю, ибо они слышали, что он друг сэра Тристрама. У него они передохнули, а вскоре после того возвратились в Логрское королевство.

Там в скором времени повстречался им сэр Ланселот, который ездил вместе с дамой Брангвейной, ибо таким способом думал скорее разыскать сэра Тристрама. Сэр Ланселот спросил у них, какие вести из Корнуэлла и не слышали ли они там о сэре Тристраме. Сэр Кэй и сэр Гахерис ему ответили, что о нем они не слыхали, и победали ему слово в слово все, что с ними приключилось. А сэр Ланселот улыбнулся и сказал:

— Трудно выбить из плоти то, что въелось в кости.

И они вместе посмеялись.



КАК, ПРОБЫВ ДОЛГОЕ ВРЕМЯ В ЗАТОЧЕНИИ, СЭР ТРИСТРАМ, СЭР ПАЛОМИД И СЭР ДИНАДАН БЫЛИ ОСВОБОЖДЕНЫ

А теперь мы оставляем этот рассказ и поведем речь о сэре Динасе, у которого в замке жила возлюбленная, а она больше любила другого рыцаря, нежели его. И вот когда сэр Динас отлучился на охоту, она спустилась из окна на полотенце и, захватив с собою двух гончих собак, ушла к тому рыцарю, которого любила.

И когда сэр Динас возвратился домой, он хватился своей возлюбленной и двух своих гончих собак, и, больше чем за даму, он разгневался за собак. Он поскакал к тому рыцарю, который забрал себе его возлюбленную, и предложил ему поединок. И, съехавшись с ним, с такой силой его сокрушил, что тот, упавши, сломал себе ногу и руку. И тогда дама его и возлюбленная воскликнула: «Пощады, сэр Динас!» — и пообещал любить его еще крепче, чем прежде.

— Ну, нет,— сказал сэр Динас,— я никогда не доверюсь тем, кто раз меня предал. И потому как вы начали, так и кончайте, я же вас и знать не хочу.

И с тем сэр Динас ускакал оттуда прочь, захвативши с собою своих собак, и возвратился в свой замок.

Теперь же мы вновь обратимся к сэру Ланселоту, который был в глубокой печали, оттого что не получал о сэре Тристраме никаких вестей, ведь он все это время сидел в темнице у сэра Дараса вместе с сэром Паломидом и сэром Динаданом. Наконец, дама Брангвейна простилась с сэром Ланселотом и решила возвратиться в Корнуэлл. А сэр Ланселот, сэр Кэй и сэр Гахерис отправились на поиски в страну Сурлузу.

А теперь в этой повести пойдет речь о сэре Тристраме и его двух товарищах, ибо сэр Паломид что ни день поминал, клял и поносил сэра Тристрама. И тогда сказал ему сэр Динадан:

— Дивлюсь я на тебя, сэр Паломид, ведь я думаю, очутись сэр Тристрам с тобой здесь, ты бы не стал причинять ему зла. Ведь если волк и овца оказались в одной темнице, и то волк оставил бы овцу в покое. И знай,— сказал сэр Динадан,— ведь это как раз и есть сэр Тристрам, уж поверь моему слову, так что можешь сейчас на нем выказать свою силу. Ну-ка, я погляжу, на что ты способен!

Тут сэр Паломид устыдился и замолчал. И тогда сказал сэр Тристрам:
— Много я слышал о вашей вражде против меня, но сейчас я не хотел бы с вами драться из страха перед владельцем этого замка, у которого мы во власти. А если б не боялся я его больше, чем вас, то скоро бы с вами управился.

И с тем установили они мир. А тут явилась к ним одна девица и сказала:
— Рыцари, возвеселитесь духом, ибо жизни вашей никто не угрожает, я слышала, как это говорил сам господин мой сэр Дарас.

Тут они все возрадовались, ибо день ото дня ожидали они своей смерти. Но вскоре после того слег сэр Тристрам в тяжком недуге и думал уже, что пришло ему время умирать. Заплакал сэр Динадан, и сэр Паломид тоже, и оба они убивались вслух. На шум вошла к ним девица и застала их в плаче. Тогда она отправилась к сэру Дарасу и объявила ему о том, что могучий рыцарь, у которого был черный щит, лежит при смерти.

— Этому не бывать,— сказал сэр Дарас.— Упаси бог, чтобы рыцари, ищущие у меня пристанища, умирали у меня в заточении. А потому,— сказал сэр Дарас,— ступайте и приведите ко мне этого больного рыцаря и его товарищей.

И когда сэр Дарас увидел перед собой сэра Тристрама, то сказал он:
— Сэр рыцарь, я сожалею о вашей болезни, ибо про вас говорят, что вы из благороднейших рыцарей, и по виду вашему так оно и есть. И знайте, никто никогда не скажет, что я, сэр Дарас, уморил в темнице столь благородного рыцаря, как вы, пусть даже вы и убили троих моих сыновей, за что я на вас был жестоко разгневан. Но теперь вы свободны, ты и твои товарищи, и берите коней своих и доспехи, ибо они содержатся в чистоте и сохранности, и можете отправляться, куда пожелаете, с тем лишь условием, что вы, сэр рыцарь, обещаете мне быть другом двум моим сыновьям, которые еще остались в живых, а также еще, что вы откроете мне ваше имя.

— Сэр, что до меня, то мое имя — сэр Тристрам Лионский, в Корнуэлле я рожден и прихожусь племянником королю Марку. Что же до гибели ваших сыновей, тут я ни при чем, ибо будь даже они моими ближайшими родичами, я бы иначе поступить не мог. Но если бы я убил их обманом и предательством, то заслужил бы смерти.

— Все это я так понимаю,— сказал сэр Дарас,— что вами это сделано по долгу рыцарства, по этой-то причине я и не пожелал предавать вас смерти. А раз вы и есть сэр Тристрам, славный рыцарь, то я от души прошу вас быть другом мне и моим сыновьям.

— Сэр,— сказал сэр Тристрам,— клянусь вам телом моим и душой, покуда я жив, я буду служить вам, ибо вы обошлись с нами так, как и должно урожденному рыцарю.

После того сэр Тристрам пробыл там еще, покуда вовсе не излечился от своего недуга, а когда он сделался снова силен и здоров, они простились с сэром Дарасом, каждый взял своего коня и свои доспехи, и они пустились в путь и ехали вместе, пока не выехали на перекресток дорог.

— Ну, друзья,— сказал сэр Тристрам,— здесь мы с вами расстанемся.

А дальше, поскольку первое приключение было у сэра Динадана, я начну про него.



КАК СЭР ДИНАДАН СПАС ДАМУ ОТ СЭРА БРЮСА БЕЗЖАЛОСТНОГО, И КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОЛУЧИЛ ЩИТ ОТ ФЕИ МОРГАНЫ

Поскакал сэр Динадан и у ручья увидел даму, которая горько убивалась.

— Что с вами? — спросил сэр Динадан.

— Сэр рыцарь,— отвечала дама,— я несчастнейшая дама в мире, ибо пяти дней еще не прошло, как сюда приехал рыцарь по имени сэр Брюс Безжалостный, и он убил моего родного брата, и с тех пор я в его власти, а изо всех людей на свете он мне всех более ненавистен. И потому я прошу вас вашей рыцарской честью, отомстите ему за меня, ибо он не промедлит сейчас сюда явиться.

— Пусть является! — сказал сэр Динадан.— Ради чести всех женщин я исполню свой долг.

И тут вдруг скачет сэр Брюс, и, увидев рыцаря подле своей дамы, он разгневался и вскричал:

— Эй, сэр рыцарь! Защищайся!

И сшиблись они, точно гром грянул, и сильно поранили один другого. Но сэр Динадан пробил ему в плече жестокую сквозную рану и еще не успел поворотить коня, как уже сэр Брюс ударился в бегство и ускакал.

Тогда дама стала просить его, чтобы он отвез ее в замок, что был оттуда всего лишь в четырех милях; и сэр Динадан ее туда привез, и там она была принята весьма радушно, ибо владелец этого замка приходился ей дядей. А сэр Динадан снова пустился в путь на поиски приключений.

А теперь это повествование обращается к сэру Тристраму, которому случилось попросить ночлега в замке, где находилась в это время королева Фея Моргана. Впустили сэра Тристрама в замок, и оказан ему там был добрый прием. Наутро же, когда он снова собрался в дорогу, говорит ему королева:

— Знайте, что так просто вы отсюда не уедете, ибо вы здесь пленник.

— Боже избави меня! — отвечал сэр Тристрам.— Ведь я только что был уже пленником.

— Вот что, любезный рыцарь,— сказала королева,— вы останетесь здесь у меня, покуда я не узнаю, кто вы такой и откуда родом.

И королева усадила сэра Тристрама подле себя, а по другую руку от себя посадила своего возлюбленного, сама же глаз не отводила от сэра Тристрама. И тот рыцарь жестоко возревновал, так что готов был тут же наброситься на него с мечом, и лишь стыд его от этого удержал. Королева же говорит сэру Тристраму:

— Назовите мне ваше имя, и я отпущу вас, когда вы того пожелаете.

— На таком условии, госпожа, я вам отвечу: мое имя — сэр Тристрам Лионский.

— А! — сказала королева Фея Моргана.— Знай я это, вы бы так скоро не смогли меня покинуть. Но раз уж я дала обещание, я его сдержу, если только вы возьмете щит, который я вам дам, и поклянетесь выступить с ним у замка Твердой Скалы, где король Артур повелел созвать большой

турнир. Там я прошу вас быть и ради меня отличиться в бранных подвигах. Ибо у Девичьего Замка вы, сэр Тристрам, я слышала, явили небывалые воинские подвиги.

— Госпожа,— отвечал сэр Тристрам,— дайте мне увидеть щит, который я должен там носить.

И принесли ему щит, а там на червленом поле изображены были король и королева, над ними же — стоящий рыцарь, и одной ногой он попирал голову короля, а другой — голову королевы.

— Госпожа,— сказал сэр Тристрам,— это добрый и крепкий щит, но что означают эти король с королевой и рыцарь, стоящий на их головах?

— Я вам отвечу,— сказала Фея Моргана.— Эти изображения означают короля Артура и королеву Гвиневеру и одного рыцаря, который держит их в своей власти и подчинении.

— Госпожа, но кто же этот рыцарь? — спросил сэр Тристрам.

— Сэр, этого вам пока что знать не должно,— отвечала королева.

Но Французская Книга повествует, что королева Моргана из рыцарей всех более любила сэра Ланселота и всегда домогалась его любви, он же ее не любил и не соглашался поступать по ее желаниям, и оттого она собрала у себя многих рыцарей, чтобы захватить его силой. А так как она полагала, что сэр Ланселот — возлюбленный королевы Гвиневеры, для того-то дама Моргана и заказала такой щит в оскорбление сэру Ланселоту, желая, чтобы король Артур догадался о существующей между ними любви.

И вот сэр Тристрам взял этот щит и поклялся ей выступить с ним на турнире у замка Твердой Скалы. Но сэр Тристрам не знал про этот щит, что он предназначен в оскорбление сэру Ланселоту, но он узнал об этом впоследствии. И с тем сэр Тристрам простился с королевой и щит увез с собою.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ВЗЯЛ ЩИТ С СОБОЮ, А ТАКЖЕ КАК ОН УБИЛ ВОЗЛЮБЛЕННОГО ФЕИ МОРГАНЫ

Тогда тот рыцарь, чьей возлюбленной была Фея Моргана,— а имя его было сэр Хемисон — тоже собрался последовать за сэром Тристрамом.

— Вот что, любезный рыцарь,— сказала ему Моргана,— не гонитесь вы за этим рыцарем, ибо оттого не будет вам чести.

— Я презираю его, трусливого рыцаря! — отвечал сэр Хемисон.— Ибо я не знаю ни одного достойного рыцаря родом из Корнуэлла, разве вот только сэр Тристрам Лионский.

— Сэр, а что если это он?

— Ну, нет,— он отвечал,— он с Изольдой Прекрасной, а это просто какой-то шут.

— Увы, мой любезный друг, вы убедитесь, что он лучший рыцарь, какого вам случалось встретить в жизни, ибо я знаю его лучше, нежели вы.

— Госпожа, во славу вам,— сказал сэр Хемисон,— я его убью.
— А! Любезный друг,— сказала королева,— мне жаль отпускать вас за этим рыцарем, ибо я боюсь подумать, каково будет ваше возвращение.
И с тем рыцарь Хемисон пустился в путь, горя гневом на сэра Тристрама, и гнал коня во весь опор, словно за ним самим была погоня.
Вот услышал сэр Тристрам, что кто-то его нагоняет, повернул он коня и видит, прямо на него скачет рыцарь во весь дух. А приблизившись довольно, крикнул он сэру Тристраму громким голосом:
— Сэр рыцарь, защищайся!
И сшиблись они, точно гром в небе грянул. Сэр Хемисон сломал об сэра Тристрама копье, но доспехи его были столь прочны, что поранить он его не сумел. А сэр Тристрам ударил его сильнее, и пробил ему грудь насквозь, и перебросил его через круп его коня. После того сэр Тристрам снова повернул коня, чтобы дальше рубиться мечом, но увидел, что противник его так истекает кровью, что, видно, пришла его смерть. И тогда он поскакал оттуда прочь и приехал к замку одного старого рыцаря, и там остановился сэр Тристрам на ночлег.



КАК ФЕЯ МОРГАНА ПОХОРОНИЛА СВОЕГО ВОЗЛЮБЛЕННОГО И КАК СЭР ТРИСТРАМ ВОСХВАЛЯЛ СЭРА ЛАНСЕЛОТА И ЕГО РОД ❧ А теперь мы покинем сэра Тристрама и поведем речь о том рыцаре, что остался лежать смертельно раненный. Оруженосец его спешился, снял с него шлем и спрашивает своего господина, жив он еще или нет.
— Еще я жив,— отвечал рыцарь,— но жизни во мне осталось немного. А потому подыми меня в седло, сам вспрыгни позади и держи меня крепко, чтобы мне не упасть, и доставь меня к королеве Моргане, ибо глубинным хладом смерти потянуло в сердце моем и мне уже не жить. Но прежде чем я умру, я непременно должен поговорить с нею, а иначе душа моя обречена на погибель.
Но когда привез его оруженосец в замок с превеликими трудами, упал там сэр Хемисон наземь мертвый. Увидела Фея Моргана, что он мертв, и убивалась по нем, как безумная, а потом повелела раздеть его до рубахи и поместить тело в гробницу, а на гробнице сделала надпись: «Здесь покоится сэр Хемисон, павший от руки сэра Тристрама Лионского».
А теперь мы обратимся к сэру Тристраму, который стал расспрашивать старого рыцаря, не видал ли он за последнее время странствующих рыцарей.
— Сэр,— тот отвечал,— прошлую ночь здесь ночевал сэр Эктор Окраинный, и с ним девица. И эта девица мне сказала, что он — один из лучших рыцарей мира.
— Это неверно,— сказал сэр Тристрам,— ибо я знаю из одного только его рода четырех рыцарей, которые его превосходят. Из них первый — сэр Ланселот Озерный, его зовем лучшим из рыцарей, и еще — сэр Борс Ганский, сэр Блеоберис Ганский и сэр Бламур Ганский. А также еще и сэр Гахерис.

— Ну нет,— говорит хозяин,— сэр Гавейн будет его получше.
— Нет, это неверно,— возразил сэр Тристрам.— Я встречался с ними обоими и нашел, что сэр Гахерис из них — лучший рыцарь. И еще сэр Ламорак, его я почитаю не хуже любого из них, кроме сэра Ланселота.
— Сэр, а отчего не называете вы сэра Тристрама? — спрашивает хозяин.— Я так полагаю, что он не уступит любому из этих рыцарей.
— Я не знаю сэра Тристрама,— отвечал сэр Тристрам.
Так побеседовали они и пошутили вдоволь, а потом улеглись на покой.
А наутро сэр Тристрам простился с хозяином и снова пустился в путь, направляясь к замку Твердой Скалы, и больше у него по пути никаких приключений не было. Он скакал, не останавливаясь, покуда не добрался до замка, а там он увидел пять сотен шатров.



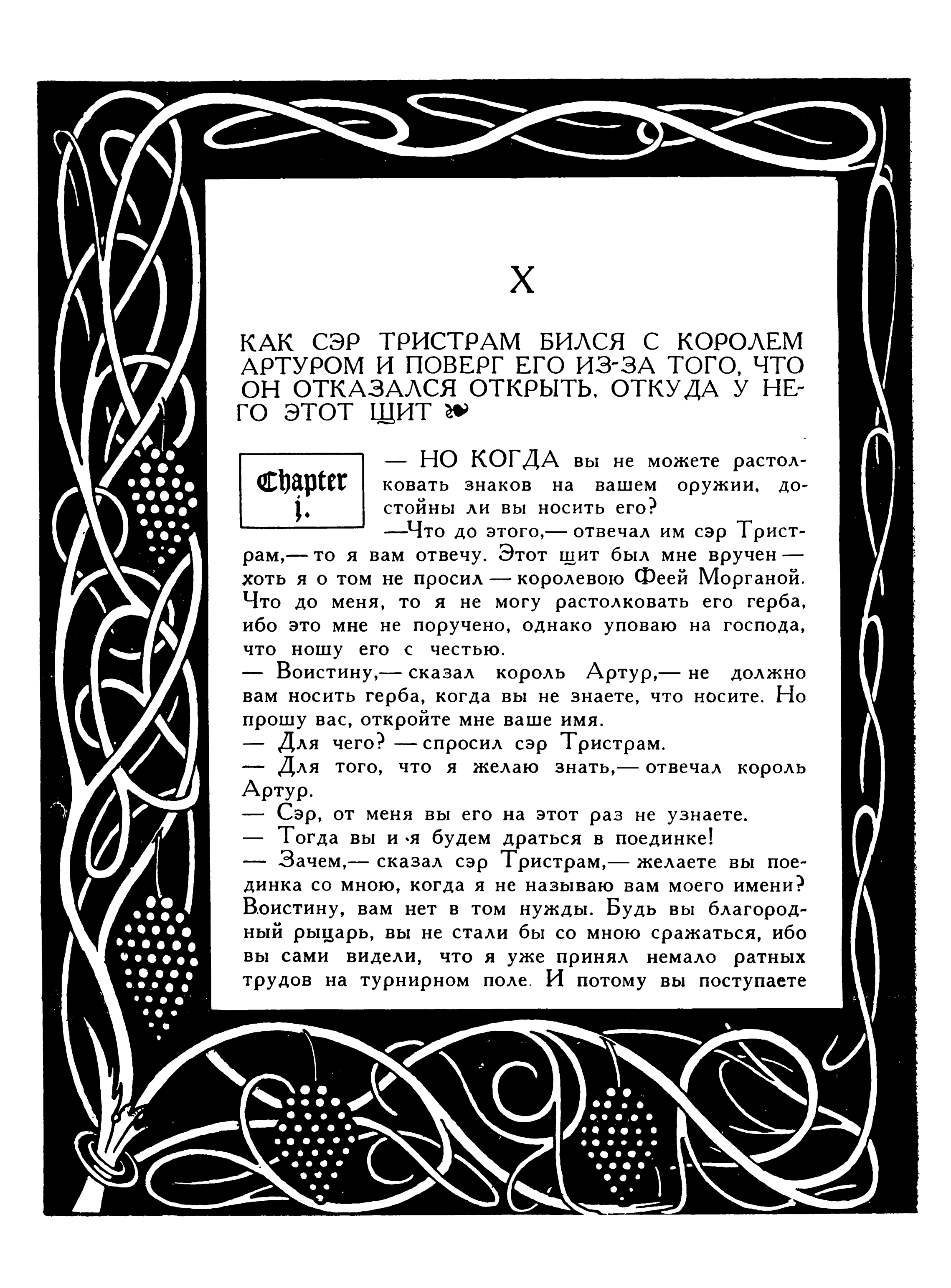
КАК СЭР ТРИСТРАМ НА ТУРНИРЕ ВЫСТУПАЛ СО ЩИТОМ, ПОЛУЧЕННЫМ ОТ ФЕИ МОРГАНЫ ❧ Король скоттов и король Ирландии выступали против рыцарей короля Артура. И вот началось большое сражение.
И выехал на поле сэр Тристрам и свершал дивные подвиги брани. Он многих рыцарей поверг и все время был на виду у короля Артура со своим новым щитом. И при виде этого щита король Артур дивился, для чего такой щит был сделан. А королева Гвиневера поняла его смысл, и оттого омрачилось ее сердце.
Но была там одна девица от королевы Морганы в покоях короля Артура и, услышавши, как он говорил о том щите, сказала она ему во всеуслышание:
— Король, знайте, что этот щит был сделан для вас, дабы вас предостеречь от позора и бесчестия, угрожающих вам и вашей королеве.
И с тем она ускользнула оттуда незаметно, так что никто и не знал, куда она вдруг пропала. Король же опечалился и разгневался и стал спрашивать, откуда взялась эта девица. Но никто там ее не знал и не видел, куда она делась.
А королева Гвиневера призвала к себе сэра Эктора Окраинного и стала жаловаться ему, говоря:
— Я знаю, этот щит сделан по велению Феи Морганы, ибо она замыслила зло против меня и сэра Ланселота, и потому мне страшно, как бы она меня не погубила.
Король же, глядя на подвиги сэра Тристрама, все дивился и гадал, кто бы мог быть этот рыцарь, и знал он лишь ясно, что это — не сэр Ланселот. Но и про сэра Тристрама ему говорили, будто он в Бретани с Изольдой Белорукой, ибо в противном случае, он полагал, будь сэр Тристрам в королевстве Логрском, сэр Ланселот или кто-нибудь из его товарищей, выехавшие на поиски сэра Тристрама, уж наверно нашли бы его. Вот король и гадал понапрасну, кто этот рыцарь. И все время взгляд короля покоился на том щите. А королева это видела, и страх ее был велик.

А сэр Тристрам продолжал разить рыцарей, так что диво было смотреть, и направо сокрушал их, и налево, и едва ли кто из рыцарей мог против него устоять. И стали отступать король скоттов и король Ирландии. Когда увидел это король Артур, он подумал, что нельзя допустить, чтобы рыцарь со странным щитом от него скрылся. Он призвал к себе сэра Ивейна Белорукого и велел ему облачиться в доспехи и готовиться к бою.

И вот выехали король Артур и сэр Ивейн против сэра Тристрама и потребовали, чтобы он им сказал, откуда у него тот щит.

— Сэр,— он отвечал,— я получил его от королевы Феи Морганы, сестры короля Артура.

И здесь кончается эта книга, ибо это — первая книга о сэре Тристраме Лионском. А вторая книга начинается с того, как сэр Тристрам поверг наземь короля Артура и сэра Ивейна, ибо он отказался им ответить, для чего был сделан его щит. Правду же сказать, сэр Тристрам не мог им ответить, ибо он и сам того не знал [24].



X

КАК СЭР ТРИСТРАМ БИЛСЯ С КОРОЛЕМ АРТУРОМ И ПОВЕРГ ЕГО ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ОН ОТКАЗАЛСЯ ОТКРЫТЬ, ОТКУДА У НЕГО ЭТОТ ЩИТ ❧

Chapter i.

— НО КОГДА вы не можете растолковать знаков на вашем оружии, достойны ли вы носить его?

—Что до этого,— отвечал им сэр Тристрам,— то я вам отвечу. Этот щит был мне вручен — хоть я о том не просил — королевою Феей Морганой. Что до меня, то я не могу растолковать его герба, ибо это мне не поручено, однако уповаю на господа, что ношу его с честью.

— Воистину,— сказал король Артур,— не должно вам носить герба, когда вы не знаете, что носите. Но прошу вас, откройте мне ваше имя.

— Для чего? — спросил сэр Тристрам.

— Для того, что я желаю знать,— отвечал король Артур.

— Сэр, от меня вы его на этот раз не узнаете.

— Тогда вы и я будем драться в поединке!

— Зачем,— сказал сэр Тристрам,— желаете вы поединка со мною, когда я не называю вам моего имени? Воистину, вам нет в том нужды. Будь вы благородный рыцарь, вы не стали бы со мною сражаться, ибо вы сами видели, что я уже принял немало ратных трудов на турнирном поле. И потому вы поступаете

не по-рыцарски, что вызываете меня на бой, раз я уж так много потрудился. Но как бы то ни было, я к вашим услугам, и можете не сомневаться, я вас не боюсь! И хотя вы думаете, что на вашей стороне большое превосходство, я готов выступить против вас.

И с тем король Артур выставил свой щит и копье, а сэр Тристрам — оборотился против него, и они съехались с разгону. И копье короля Артура разбилось вдребезги о щит сэра Тристрама. Сэр же Тристрам в ответ так поразил короля Артура, что тот рухнул наземь — и конь и всадник,— и получил король Артур в левый бок глубокую и опасную рану.

Как увидел сэр Ивейн, что господин его король Артур лежит на земле тяжко раненный, омрачился он в сердце своем. И, выставивши щит свой и копье, крикнул сэру Тристраму громким голосом:

— Рыцарь, защищайся!

И ринулись они друг на друга во весь опор, и копье сэра Ивейна разбилось вдребезги о щит сэра Тристрама. Сэр же Тристрам поразил его сильнее и жесточе, так что выбил его из седла прямо на землю. А потом поворотил коня сэр Тристрам и сказал им так:

— Любезные рыцари, более мне нет нужды с вами биться, ибо с меня на сегодня довольно.

Тогда поднялся с земли король Артур, подошел к сэру Ивейну, и так сказал он сэру Тристраму:

— Мы получили, что заслужили, ибо по нашей гордыне мы требовали от вас боя, а ведь имени вашего мы как не знали, так и не знаем.

— Но как бы то ни было, клянусь Святым Крестом,— сказал сэр Ивейн,— сдается мне, что он рыцарь могучий, каких на свете мало.

После того сэр Тристрам оттуда уехал, и повсюду, куда бы он ни попадал, он спрашивал о сэре Ланселоте. Но нигде не мог он дознаться, жив ли сэр Ланселот или умер, и оттого сэр Тристрам горько сокрушался и печалился.

Вот ехал раз сэр Тристрам через лес, и видит он, по одну сторону высокая башня над болотом, а по другую сторону — зеленый луг, и на том лугу сражаются десять рыцарей. Еще ближе он подъехал, и видит, что там один рыцарь бьется против девяти, и так доблестно этот рыцарь сражался, что сэр Тристрам просто диву дался, как это может один рыцарь являть такие чудеса доблести. В краткий срок он под половиной из них убил коней, а остальных повышибал из седел, и кони их разбежались по лесам и лугам.

И посочувствовал сэр Тристрам от души этому одинокому рыцарю, которому так трудно пришлось в бою, а по щиту думалось ему, что это должно быть не иначе как сэр Паломид. И вот направил он коня в гущу рубившихся на мечах и крикнул им, чтобы они прекратили этот бой, ибо они позорят себя, что так много рыцарей бьются против одного. Отозвался ему предводитель этих рыцарей по имени Брюс Безжалостный, самый злобный изо всех рыцарей в те времена:

— Сэр рыцарь, что за дело вам до нас? Если вы умны, то как сюда приехали, так и дальше поезжайте своей дорогой, ибо этому рыцарю от нас живому не уйти!

— Великой жалости это было бы достойно,— сказал сэр Тристрам,— когда бы столь благородный рыцарь был так подло убит. И потому я объявляю вам, что буду защищать его, насколько у меня достанет сил!



КАК СЭР ТРИСТРАМ СПАС ЖИЗНЬ СЭРУ ПАЛОМИДУ И КАК ОНИ СГОВОРИЛИСЬ СРАЗИТЬСЯ ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ

С тем сэр Тристрам спешился, ибо они сражались пеши, и он не желал, чтобы убили под ним его коня. И выставил сэр Тристрам щит свой, выхватил меч из ножен и стал рубить направо и налево столь яростно, что чуть не с каждым ударом сокрушал кого-либо из рыцарей. И при виде того обратились они в бегство, и сам сэр Брюс, и вся его рать бежали к башне, а сэр Тристрам с мечом в руке гнался за ними, но они успели укрыться за стенами, и сэр Тристрам остался перед запертыми воротами.

Видя такое, вложил сэр Тристрам меч в ножны и возвратился к сэру Паломиду, туда, где он сидел под деревом, жестоко израненный.

— А, любезный рыцарь,— сказал сэр Тристрам,— я рад, что повстречался с вами.

— Грамерси,— сказал сэр Паломид,— за вашу великую доброту, ибо вы спасли мне жизнь и защитили меня от смерти.

— А как ваше имя? — спросил сэр Тристрам.

— Сэр, мое имя — сэр Паломид.

— Иисусе! — воскликнул сэр Тристрам.— Ныне и вправду тебе повезло изрядно, что я тебя спас, ведь ты как раз и есть тот человек, кто мне всех более на свете ненавистен! Однако теперь готовься к бою, ибо я желаю с тобой сразиться!

— Но кто вы такой? — спросил сэр Паломид.

— Сэр Тристрам, ваш смертельный враг!

— Возможно, что так,— сказал сэр Паломид,— но вы сегодня слишком много сделали для меня, чтобы я мог поднять на вас руку, да и вы только что спасли мне жизнь, и для вас не будет чести со мной сразиться, ведь я жестоко изранен, тогда как вы полны свежих сил. И потому если вы во что бы то ни стало желаете поединка со мной, то назначьте мне день, и тогда я с вами встречусь, можете на меня положиться.

— Добро вы говорите,— сказал сэр Тристрам.— Назначаю вам встретиться со мною на лугу у реки Камелот, там где стоит камень Мерлина[25].

На том они и согласились. Тогда сэр Тристрам спросил у сэра Паломида, отчего напали на него те девять рыцарей.

— Вот какая тому причина,— отвечал сэр Паломид.— Я ехал здесь лесом на мой рыцарский подвиг и вдруг вижу, лежит мертвый рыцарь, а подле него рыдает дама. И когда я увидел ее в столь сильном горе, я спросил у нее, кто убил ее рыцаря. «Сэр,— она отвечала,— это сделал недостойнейший из рыцарей и самый жестокий, имя же его — сэр Брюс Безжалостный». И тогда, посочувствовав ей, я помог ей сесть на лошадь, пообещал быть ей защитником и помочь ей похоронить ее супруга.

Но вдруг, когда мы поравнялись с этой башней, оттуда выехал сэр Брюс Безжалостный и сбил меня неожиданно с моего коня. И не успел я снова взобраться в седло, как сэр Брюс убил мою даму. Я снова сел на коня, чувствуя себя жестоко опозоренным, и так завязался между нами бой. Вот какая тому причина, что мы сражались.

— Что ж,— сказал сэр Тристрам,— теперь мне понятно, что за бой это был. Но как бы то ни было, смотрите, не забудьте вашего обещанья встретиться со мной в поединке ровно через две недели.

— Я вас не подведу,— сказал сэр Паломид.

— Как и я вас нынче,— сказал сэр Тристрам,— не оставлю, покуда вы не окажетесь недосягаемы для ваших недругов.

И они сели на коней и поехали вместе по лесу, а там нашли ручей, журчащий чистой водою.

— Любезный сэр,— сказал сэр Тристрам,— я испытываю сильное желание испить этой чистой воды.

Они спешились и вдруг видят, что неподалеку стоит могучий конь, привязанный к дереву, и, не переставая, ржет. Стали они оглядываться кругом и видят — под деревом лежит добрый рыцарь в полном доспехе, только шлем у него под головою.

— Клянусь милосердным господом,— говорит сэр Тристрам,— там лежит славный рыцарь. Как нам должно лучше всего поступить?

— Разбудим его! — говорит сэр Паломид.

Растолкал его сэр Тристрам рукоятью своего копья. Рыцарь вскочил с поспешностью, надел шлем, сел на коня, в руку схватил тяжелое копье и, ни слова не произнесши, ринулся на сэра Тристрама, сбросил его с седла и поранил ему левый бок. Лежит сэр Тристрам на земле, не может двинуться, грозит ему гибель.

А тот проскакал галопом, поворотил коня и налетел на сэра Паломида. И пробил он ему грудь насквозь, так что он упал с коня своего на землю. Неизвестный же рыцарь так их там и оставил и ускакал прочь сквозь чащу леса.

Поднялись с земли сэр Тристрам и сэр Паломид, взяли коней своих и стали друг с другом советоваться, как им дальше быть.

— Клянусь головой,— говорит сэр Тристрам,— я последую за этим неизвестным рыцарем, который нас так опозорил.

— А я,— говорит сэр Паломид,— останусь в этих местах, отдохну в доме одного моего друга.

— Но смотрите,— сказал ему сэр Тристрам,— не преминйте встретиться со мною в день, что у нас назначен. Думается мне, что вам меня не одолеть, ибо я гораздо превосхожу вас силою.

— Уж это как выйдет,— отвечал сэр Паломид,— да только я вас не боюсь. Если буду на свободе и в здравии, то явлюсь, как условлено между нами. Я же более опасаюсь за вас, что вас там не окажется, ибо вот вы сейчас погонитесь за тем рыцарем, и если нагоните его, то еще бог весть, удастся ли вам уйти от него живым.

На том сэр Тристрам и сэр Паломид расстались и поехали каждый своей дорогой.



КАК СЭР ТРИСТРАМ РАЗЫСКИВАЛ НЕИЗВЕСТНОГО РЫЦАРЯ, КОТОРЫЙ ПОВЕРГ ЕГО, А ТАКЖЕ МНОГИХ ДРУГИХ РЫЦАРЕЙ КРУГЛОГО СТОЛА ❧ Долго скакал сэр Тристрам за неизвестным рыцарем и, наконец, видит: лежит ничком дама поперек тела убитого рыцаря.

— Любезная леди,— обратился к ней сэр Тристрам,— кто убил вашего супруга?

— Сэр,— она отвечала,— мы отдыхали здесь с моим супругом, и вдруг примчался сюда рыцарь верхом на коне. Он спросил, откуда мы, и мой супруг ответил, что он от двора короля Артура. «Ах так,— сказал неизвестный рыцарь,— я буду биться с тобой, ибо я ненавижу всех, кто состоит при дворе короля Артура!» И супруг мой, что лежит здесь мертвый, сел на коня, и они съехались с неизвестным рыцарем, и тот пробил ему копьем грудь насквозь. И тем вверг меня в горе и бедствия.

— Мне грустно слышать,— сказал сэр Тристрам,— что вы в столь тяжком горе. Но не соблаговолите ли вы назвать мне имя вашего любезного супруга?

— Сэр, его имя было сэр Галардон, и он бы еще выказал себя доблестным рыцарем.

Вот расстался сэр Тристрам с той плачущей дамой и поехал своим путем и две ночи ночевал под открытым небом. А на третью ночь в лесной сторожке встретился сэр Тристрам с сэром Гавейном и сэром Блеоберисом, и оба они были жестоко ранены. Спросил сэр Тристрам сэра Гавейна и сэра Блеобериса, не было ли у них встречи с таким-то рыцарем, у которого знак такой: затянутый сверху донизу щит.

— Любезный рыцарь,— отвечали эти раненые рыцари,— именно такой рыцарь и встретился нам на нашу беду. Сначала он поверг наземь товарища моего, сэра Блеобериса, и жестоко его поранил, а меня сэр Блеоберис просил не вступать в поединок, полагая, что такой противник чересчур для меня силен. Незнакомый же рыцарь принял его слова за оскорбление и сказал, что они сказаны ему в насмешку. И тогда они выехали друг против друга, и он поранил моего друга. А после этого мне стыд уже не позволял отпустить его без боя. Он же с первого раза сбил меня наземь вместе с конем, а потом едва не лишил меня жизни. А потом сел на коня и нас оставил. В недобрый час мы с ним повстречались!

— Любезные рыцари,— сказал сэр Тристрам,— он и мне тоже повстречался, мне и еще одному рыцарю, сэру Паломиду, и он нас обоих сокрушил наземь одним копьем и жестоко нас поранил.

— Клянусь верою,— сказал сэр Гавейн,— пусть он лучше едет своей дорогой, вам же лучше не искать с ним встречи, ибо в будущий праздник Круглого Стола, ручаюсь головой, вы сможете найти его там.

— Клянусь верою,— сказал сэр Тристрам,— я не буду знать отдыха, покуда не найду его!
А сэр Гавейн тогда спросил у него его имя. И он ответил:
— Мое имя — сэр Тристрам.
Так они открыли друг другу свои имена, а потом простились. Сэр Тристрам поехал дальше своей дорогой. И случилось ему на лугу повстречаться с сэром Кэем-Сенешалем и с сэром Динаданом.
— Какие вести,— спросил сэр Тристрам,— у вас, рыцари?
— Недобрые,— они отвечали.
— Что так? — спросил сэр Тристрам.— Прошу вас, расскажите мне все, ибо я разыскиваю одного рыцаря.
— А какие знаки он носит? — спрашивает сэр Кэй.
— Он носит щит,— отвечал сэр Тристрам,— плотно затянутый сверху донизу.
— Клянусь головой,— сказал сэр Кэй,— этот же самый рыцарь повстречался и нам! Минувшей ночью мы ночевали тут поблизости в доме одной вдовицы, и там стоял и этот рыцарь. И когда он узнал, что мы — от двора короля Артура, он произнес против короля оскорбительные речи, особенно же против королевы Гвиневеры. Потому наутро был у нас с ним бой. И он с первого же раза выбил меня из седла,— сказал сэр Кэй,— и поранил меня жестоко. Увидел мой товарищ, сэр Динадан, меня поверженным наземь и жестоко раненным, однако не стал за меня ему мстить, он обратился в бегство. А тот нас оставил и ускакал прочь своей дорогой.
Тогда сэр Тристрам спросил у них имена, и они назвались друг другу. После того сэр Тристрам расстался с сэром Кэем и сэром Динаданом и долго ехал густым лесом, покуда не выехал в долину, где стояла монашеская обитель.
Там отдыхал он у доброго человека целых шесть дней.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОВЕРГ СЭРА САГРАМУРА ЖЕЛАННОГО И СЭРА ДОДИНАСА СВИРЕПОГО ❧ Он послал оттуда в город по соседству оруженосца своего Говернала и велел ему добыть там новые доспехи, ибо уже давно сэр Тристрам не обновлял своего снаряжения, и его старый доспех весь был посечен и порублен. И когда Говернал воротился с новым для него облачением, он распростился со вдовицей, сел на коня и рано поутру пустился в путь.
И нежданно-негаданно повстречался ему сэр Саграмур Желанный и сэр Додинас Свирепый. Съехавшись с ним, спросили сэра Тристрама два эти рыцаря, не желает ли он с ними сразиться.
— Любезные рыцари,— отвечал сэр Тристрам,— со всей моей охотою я бы с вами сразился, но я дал слово и мне уже подходит срок встретиться

в поединке с одним рыцарем, и потому не хотелось бы мне сейчас сражаться с вами. Ибо если сегодня здесь мне изменит удача и я буду ранен, я не смогу тогда выступить в том поединке, как обещал.
— Ну, что до этого,— сказал сэр Саграмур,— то желаете вы того или нет, но вы с нами сразитесь, иначе мы вас не пропустим.
— Что ж,— сказал сэр Тристрам,— раз вы силою меня принуждаете, я уж постараюсь, как смогу.
И они, навесив щиты, ринулись с великой яростью друг на друга. Сэр Тристрам, через великую свою мощь, вышиб из седла сэра Саграмура. А потом, поворотив коня и пустившись во весь опор, крикнул сэру Додинасу:
— Рыцарь, готовься!
И могучей своей силой сэр Тристрам сбросил сэра Додинаса наземь с его коня. А увидев их обоих распростертыми на земле, натянул поводья и поскакал прочь своей дорогой, и с ним слуга его Говернал.
Только что скрылся сэр Тристрам из виду, как вскочили на ноги сэр Саграмур и сэр Додинас, поймали коней своих, уселись поспешно в седла и пустились вслед за сэром Тристрамом. Увидел сэр Тристрам, что мчатся они за ним во весь опор, и тогда он повернул коня им навстречу и спросил, что им нужно.
— Сдается мне, я не слишком давно поверг вас обоих наземь, как вы сами того добивались. Я же хотел проехать мимо, да вы меня не пропустили. А теперь, сдается мне, вы хотите еще раз со мной сразиться?
— Это правда,— они отвечали,— мы желаем отомстить за полученное от вас оскорбление.
— Любезные рыцари,— сказал сэр Тристрам,— в том нет вам нужды, ведь что я сделал вам, вы сами были тому причиной. А потому я рыцарской честью вас прошу, не преследуйте меня сегодня больше, ибо я уверен, что из сражения с вами я выйду не без увечий, да и вы, я полагаю, отделаетесь не вовсе дешево. И по этой причине я не хочу вступать с вами в бой, ибо через три дня мне предстоит поединок с рыцарем могучим и доблестнейшим, какого только можно сыскать. И если я буду ранен, то не смогу с ним сразиться.
— Что же это за рыцарь,— спросил сэр Саграмур,— с которым предстоит вам биться?
— Сэр, это — добрый рыцарь по имени сэр Паломид.
— Клянусь головой,— сказали сэр Саграмур и сэр Додинас,— вы не напрасно его опасаетесь, ибо вы увидите, что он — рыцарь искуснейший и доблестный. И оттого что вас ожидает поединок с ним, мы на этот раз вас оставляем, иначе бы вы от нас так легко не ушли. Однако, любезный рыцарь,— сказал сэр Саграмур,— назовите нам ваше имя.
— Сэры, мое имя — сэр Тристрам.
— А! — сказали сэр Саграмур и сэр Додинас,— в добрый час мы встретились, ибо мы немало наслышаны о вашей славе.
И с тем они распрощались друг с другом и поехали своей дорогой.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОВСТРЕЧАЛСЯ У КАМНЯ С СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ И КАК ОНИ СРАЖАЛИСЬ, НЕ УЗНАВ ДРУГ ДРУГА ❧ Сэр Тристрам держал путь прямо в Камелот, к надгробному камню, воздвигнутому некогда Мерлином в том месте, где сэр Лансеор, сын короля Ирландского, пал от руки сэра Балина. Там же погибла и прелестная дама Коломба, возлюбленная сэра Лансеора, ибо, когда он умер, она взяла его меч и пронзила им себе грудь. И тогда Мерлин своим искусством сделал так, чтобы этого рыцаря и его даму Коломбу похоронили под одним камнем. И тогда же Мерлин предсказал, что на этом самом месте произойдет поединок между двумя лучшими из рыцарей, какие только будут во дни короля Артура, и лучшими из любовников.

Подъехавши к той каменной гробнице, сэр Тристрам стал озираться вокруг, ища сэра Паломида.

И вот видит он, скачет к нему статный и видный рыцарь, весь в белом и с затянутым щитом.

— Добро пожаловать, сэр рыцарь,— сказал он, приблизившись к сэру Тристраму,— вы верно и точно сдержали свое слово.

Тут выставили они щиты свои и копья и ринулись друг против друга со всей мощью своих коней. И сшиблись с такой силою, что оба,— и кони, и всадники — рухнули на землю. Тогда, с какой возможно поспешностью, они выпростали ноги из стремян и, загородившись щитами, как могучие мужи ударили друг на друга мечами блещущими и жестоко поранили один другого, так что кровь пролилась на траву. Так рубились они добрых четыре часа, не сказавши друг другу ни единого слова. И были доспехи на них изрублены в куски.

— Ах, господи Иисусе! — сказал Говернал.— Дивлюсь я могучим ударам, какие мой господин наносит вашему господину.

— Клянусь головой,— отвечал слуга сэра Ланселота [26],— ваш господин нанес не так уж много ударов, как получил.

— Иисусе! — сказал Говернал.— Кто бы мог это выдержать, кроме сэра Паломида или сэра Ланселота? Разве не достойно жалости, что два столь доблестных рыцаря проливают кровь друг друга?

Так они там стояли оба и плакали и громко рыдали, видя их блестящие мечи, покрытые рыцарской кровью. Но вот наконец заговорил сэр Ланселот и сказал:

— Рыцарь, вы сражаетесь так, что дивно смотреть, лучшего бойца не встречал я в жизни. И потому не соизволите ли вы открыть мне ваше имя?

— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— мне ни перед кем не хотелось бы открывать моего имени.

— Воистину,— сказал сэр Ланселот,— если бы меня спросили, я бы никогда не отказался назвать мое имя.

— Добро вы говорите,— сказал сэр Тристрам.— Тогда я прошу вас сказать мне ваше имя.
— Любезный рыцарь, мое имя — сэр Ланселот Озерный.
— Увы! — молвил сэр Тристрам,— что я наделал! Ведь вы — тот самый человек, кого я люблю более всех на свете!
— Ну, а теперь, любезный рыцарь,— сказал сэр Ланселот,— назовите и вы мне ваше имя.
— Воистину, сэр, я зовусь сэр Тристрам Лионский.
— Иисусе! — молвил сэр Ланселот.— Что за приключение мне выпало на долю!
И сэр Ланселот опустился на колени и протянул ему рукоятью свой меч. И сэр Тристрам также стал на колени и протянул ему рукоять своего меча. Так они уступали друг другу честь победы. А после того они отошли к камню Мерлина, сели на него, сняли оба шлемы, чтобы прохладиться, и поцеловались сто раз.
А после того они сели на коней и поскакали в Камелот, и на пути им повстречались сэр Гавейн и сэр Гахерис, которые поклялись королю Артуру не возвращаться, покуда они не найдут сэра Тристрама.



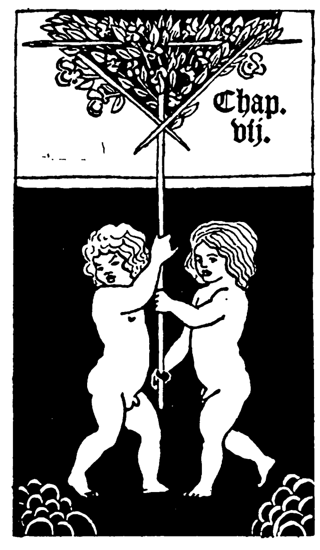
КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИВЕЗ СЭРА ТРИСТРАМА КО ДВОРУ И О РАДОСТИ КОРОЛЯ И ДРУГИХ ПО СЛУЧАЮ ПРИБЫТИЯ СЭРА ТРИСТРАМА

❧ Поворачивайте коней,— сказал им сэр Ланселот,— ибо назначенный вам подвиг исполнен; я встретил сэра Тристрама. Вот он, глядите!
Сэр Гавейн обрадовался и сказал сэру Тристраму:
— Добро вам пожаловать, вы избавили меня от тяжких трудов! А что за причина вам,— спросил сэр Гавейн,— приехать в эти края?
— Любезный сэр,— отвечал сэр Тристрам,— я прибыл в эти края из-за сэра Паломида, ибо мы с ним сговорились сегодня встретиться в поединке у Мерлинова камня, и я весьма удивлен, что от него нет ни слуху ни духу. Там-то по воле случая и встретились господин мой сэр Ланселот и я.
Тут появился и король Артур, и, узнав, что с ними сэр Тристрам, он подошел к нему, взял его за руку и сказал:
— Сэр Тристрам, добро вам пожаловать к нашему двору.
Когда же король услышал про то, как они бились с сэром Ланселотом и жестоко поранили друг друга, он очень опечалился. А сэр Тристрам ему поведал о том, что он прибыл в те края для встречи с сэром Паломидом, и как он спас его от девяти рыцарей и сэра Брюса Безжалостного, и как они нашли у ручья спящего рыцаря. «И этот рыцарь поверг наземь и меня и сэра Паломида, и щит его был затянут полотнищем. Тогда сэр Паломид меня покинул, а я последовал за тем рыцарем, и повсюду, где бы я вслед ему ни проезжал, он успел убить или покалечить многих рыцарей».

— Клянусь головой,— сказал сэр Гавейн,— этот же рыцарь с затянутым щитом поверг наземь также и меня и сэра Блеобериса и нанес нам обоим жестокие раны.
— А-а! — воскликнул и сэр Кэй.— Этот же самый рыцарь и меня сокрушил и весьма жестоко изранил.
— Иисусе милосердный! — сказал король Артур,— что же за рыцарь это был с затянутым щитом?
— Мы его не знаем,— сказал сэр Тристрам, и то же сказали остальные.
— Не знаете? — сказал король Артур,— заго я знаю: это — сэр Ланселот!
Поглядели они все на сэра Ланселота и сказали:
— Сэр, вы обманули нас всех своим затянутым щитом.
— Это он делает не в первый раз,— сказал король Артур.
— Мой господин,— сказал сэр Ланселот,— знайте, и в самом деле тот рыцарь с затянутым щитом был я, и потому что я не хотел, чтобы во мне угадали вашего рыцаря, я непочтительно говорил о вашем доме.
— Это правда,— сказали сэр Гавейн, сэр Кэй и сэр Блеоберис.
А король Артур взял за руку сэра Тристрама и подвел к Круглому Столу. Тут вышла королева Гвиневера и с нею много дам, и сказали все дамы в один голос:
— Добро пожаловать, сэр Тристрам!
— Добро пожаловать! — сказали и девицы.
— Добро пожаловать тебе,— молвил король Артур,— превосходному и учтивому рыцарю и мужу благороднейшему. Во всех видах охоты тебе принадлежит первенство, и всякому способу игры на охотничьем роге ты был началом, и всех приемов травли дичи и соколиной охоты ты зачинатель, и во владении всеми музыкальными инструментами ты — лучший. И потому, благородный рыцарь,— сказал король Артур,— добро вам пожаловать к нашему двору. И еще, прошу вас,— сказал король,— исполните одно мое желание.
— Сэр, все будет по вашему слову,— сказал сэр Тристрам.
— Хорошо,— сказал король Артур.— Я желаю, чтобы вы остались у меня при дворе.
— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— мне это никак нельзя, у меня много дел в разных странах.
— Ну, нет,— сказал король Артур,— раз вы дали мне слово, то теперь не можете отказываться.
— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— я поступлю по вашему желанию.
Тогда король Артур обошел все места за Круглым Столом и осмотрел все свободные места, для которых не хватало рыцарей. И увидел король на месте сэра Мархальта надпись, гласившую: «Это место для благородного рыцаря сэра Тристрама».
И произвел король Артур сэра Тристрама в рыцари Круглого Стола со всей приличествующей торжественностью, и был по этому поводу большой праздник.
Ибо сэр Мархальт некогда пал на острове от руки сэра Тристрама, и в те времена при дворе короля Артура это отлично знали. Ибо этот сэр Мархальт был рыцарь достойный и бой между ними произошел за утеснения,

которые чинил он Корнуэллу, и бились они до тех пор, пока оба не рухнули на землю, истекая кровью. Сэр Тристрам тогда, по счастью поправился, сэр же Мархальт умер от удара по голове.

С тем оставляем мы сэра Тристрама и возвращаемся к королю Марку.



КАК ИЗ НЕНАВИСТИ К СЭРУ ТРИСТРАМУ КОРОЛЬ МАРК С ДВУМЯ РЫЦАРЯМИ ПРИБЫЛ В АНГЛИЮ И КАК ОН УБИЛ ОДНОГО ИЗ РЫЦАРЕЙ ❧ Короля Марка сильно злила великая слава сэра Тристрама. Когда он изгнал сэра Тристрама из Корнуэлла (а ведь он был родным племянником королю Марку, но король питал к нему подозрение из-за своей королевы Изольды Прекрасной, ибо ему казалось, что между ними существует чересчур большая любовь) и когда сэр Тристрам отбыл из Корнуэлла в Англию, молва о новых подвигах сэра Тристрама все равно доходила до короля Марка и приводила его в ярость.

И он послал в Англию своих людей, чтобы следили за делами сэра Тристрама, и королева от себя тоже послала тайно соглядатаев, чтобы знать о делах его, из-за той великой любви, что была между ними. Когда же посланцы возвратились назад, то рассказали всю правду, какую узнали: что сэр Тристрам превзошел всех рыцарей, кроме разве сэра Ланселота. Тяжко опечалился такому известию король Марк, Прекрасная же Изольда обрадовалась от души. А злоба совсем завладела королем Марком, и он, взявши с собою двух рыцарей и двух оруженосцев и приняв обличие странствующего рыцаря, отправился в Англию, дабы выискать случай и убить сэра Тристрама. Из его спутников одного звали сэр Берсуль, имя же второго рыцаря было Амант. На пути повстречался им рыцарь, и король Марк спросил у него, где им найти короля Артура.

— Сэр,— тот отвечал,— в Камелоте.

И еще он спросил того рыцаря про сэра Тристрама, слыхал ли он о таком при дворе короля Артура.

— Да будет вам ведомо,— отвечал рыцарь,— что вы найдете там сэра Тристрама в величайшем почете, какой только доставался рыцарю на этом свете, ибо доблестью своею он завоевал первенство на турнире под стенами Девичьего Замка, что стоит у Твердой Скалы [27]. И еще после того он своими руками один одолел тридцать славных рыцарей. А в последний раз он бился с сэром Ланселотом, и то был дивный бой. Сэр Ланселот привез сэра Тристрама ко двору, но лаской, а не силою. И король Артур ему весьма был рад, он произвел его в рыцари Круглого Стола, место же ему за Круглым Столом досталось то же, на котором прежде сидел сэр Мархальт, славный рыцарь.

Королю Марку горько было слышать о почестях, доставшихся сэру Тристраму, и потому они поспешили с тем рыцарем распрощаться. И сказал тогда король своим двум рыцарям:

— Теперь я открою вам мой тайный замысел, ибо вам двоим я доверяю более всех на свете. Знайте же, что я прибыл сюда для того, чтобы погубить сэра Тристрама любым обманом и предательством, и плохо нам будет, если он уйдет у нас из рук.

— Увы! — сказал сэр Берсуль,— господин мой, что это значит? Ведь если таков ваш замысел, то вы замыслили постыдное, ибо сэр Тристрам — рыцарь благороднейший, какого мы знаем. И потому предупреждаю вас открыто, что я не соглашусь его погубить, и для того оставлю вас и перейду на службу к нему.

Услышав такие его речи, король Марк вдруг выхватил меч, воскликнув: «А, предатель!» — и так ударил сэра Берсуля мечом по голове, что рассек ее до зубов. Но когда его товарищ сэр Амант увидел такое подлое дело и оба оруженосца тоже, они сказали королю:

— Вы поступили низко и коварно, и потому мы больше вам не слуги. И знайте, мы обвиним вас за ваше предательство при дворе короля Артура.

Тут совсем разъярился король Марк и хотел было зарубить Аманта, но тот с двумя оруженосцами держались дружно и не поддались его злобе. И, видя, что ему с ними не совладать, король Марк сказал так рыцарю Аманту:

— Знай, если ты обвинишь меня в предательстве, я сумею оправдаться перед королем Артуром, но я требую от тебя, чтобы ты не называл моего имени, не открывал, что я — король Марк, как бы ни обернулось дело.

— Что до этого,— отвечал сэр Амант,— то я вашего имени не открою.

И с тем они расстались. Сэр Амант и его товарищи взяли тело сэра Берсуля и его похоронили.



КАК КОРОЛЬ ПОДЪЕХАЛ К ИСТОЧНИКУ И НАШЕЛ ТАМ СЭРА ЛАМОРАКА, ВОЗНОСЯЩЕГО ЖАЛОБЫ НА СВОЮ ЛЮБОВЬ К ЖЕНЕ КОРОЛЯ ЛОТА

А король Марк поехал дальше и подъехал к ручью. Там у воды он сел отдохнуть в большом сомнении, продолжать ли ему путь дальше ко двору короля Артура или же вернуться обратно в свою страну.

И пока он там отдыхал у ручья, подъехал туда рыцарь в добрых доспехах, спешился, привязал коня к дереву, а сам уселся над самой водою и стал вздыхать, жаловаться и плакать. То были горчайшие любовные жалобы, какие только можно услышать, и рыцарь этот совсем не замечал, что рядом находится король Марк. Такова была его горькая жалоба, которую произносил он, рыдая и плача:

— О, прекрасная королева Оркнейская, супруга короля Лота и мать сэра Гавейна, и сэра Гахериса, и еще многих, ради твоей любви я жестоко страдаю!

Тогда король Марк поднялся, подошел к нему и сказал:

— Любезный рыцарь, ваши жалобы прегорестны.

— А в действительности,— отвечал рыцарь,— они еще во сто крат горше, нежели в силах выразить мое сердце.

— Прошу вас,— сказал король Марк,— назовите мне ваше имя.

— Сэр, что до моего имени, я не стану скрывать его ни от кого из рыцарей, носящих щит. Сэр, мое имя — сэр Ламорак Уэльский.

А сам сэр Ламорак, услышав речь короля Марка, сразу же понял по его речи, что перед ним Корнуэльский рыцарь.

— Сэр рыцарь,— сказал сэр Ламорак,— я по вашему говору понял, что вы из Корнуэлла, где живет ныне недостойнейший рыцарь и король, заклятый враг всех добрых рыцарей. Он себя заклеймил, изгнав из своего королевства сэра Тристрама, рыцаря славнейшего из ныне живущих на свете, о ком все рыцари говорят с великим почтением. Он же, ревнуя свою королеву, изгнал его из своей страны. Достойно сожаления,— сказал сэр Ламорак,— чтобы такой презренный и трусливый король, как король Марк, был супругом столь прекрасной и добродетельной дамы, как Изольда Прекрасная, ибо о нем весь мир говорит лишь самое дурное, о ней же говорят с величайшим почтением, какое когда-либо выражали королеве.

— До всего до этого мне нет дела,— сказал король Марк.— Но, сэр, может быть, вам известны какие-нибудь новости?

— Могу сказать вам,— отвечал сэр Ламорак.— В скором времени будет устроен большой турнир под Камелотом, у Замка Гент. Сражаться на том турнире, как слышал я, будут Король-с-Сотней-Рыцарей против короля Ирландии.

В это время подъехал туда рыцарь по имени сэр Динадан и приветствовал их обоих. Узнав же, что король Марк — Корнуэльский рыцарь, он стал поносить перед ним короля Марка еще в тысячу крат сильнее, чем сэр Ламорак. А потом предложил он королю Марку сразиться с одним из них двоих. Тому вовсе не по душе было сражаться, но сэр Динадан стал потешаться над ним, так что тот в конце концов выехал с копьем против сэра Ламорака. И сэр Ламорак так ударил на короля Марка, что перебросил его на конце копья через круп его коня.

Поднялся король Марк, снова сел верхом и собрался преследовать сэра Ламорака. Сэр же Динадан и не подумал вызывать на поединок сэра Ламорака, а королю Марку сказал, что его противник — сэр Кэй-Сенешаль.

— Это не верно,— сказал король Марк,— ведь он гораздо выше и сильнее сэра Кэя.

И поскакал он вслед за ним, нагнал его и окликнул.

— Что вам надобно? — спросил сэр Ламорак.

— Сэр,— тот отвечал,— я желаю сразиться с вами на мечах, раз вы нанесли мне поражение на копьях.

И они налетели друг на друга с мечами в руках. Сначала сэр Ламорак щадил его и бился не в полную силу, король же Марк рубился не на шутку,

так и осыпая его ударами. Видит сэр Ламорак, что король Марк рубится изо всех сил, тут он разъярился на него и удвоил свои удары, ведь он был из лучших рыцарей мира. И так ударил того по шлему, что король Марк поник головою к самой седельной луке. А сэр Ламорак, видя это, спрашивает:

— Ну, как дела, рыцарь? Сдается мне, что с вас уже довольно драки. Жалко было бы и дальше вас калечить, ведь вы рыцарь не слишком-то искусный. А потому я отпускаю вас ехать, куда вы пожелаете.

— Грамерси,— отвечал король Марк,— ведь вам я и в самом деле не ровня.

А сэр Динадан поднял его на смех, говоря:

— Да вы никому из добрых рыцарей не ровня.

— Что до этого,— отвечал ему король Марк,— то ведь вы-то с ним сразиться после меня отказались.

— А по-вашему, это мне позор? — сказал сэр Динадан.— Нет, сэр, всякому рыцарю к чести, если он умеет отказаться от того, что ему все равно не по плечу. И потому вам куда больше чести было бы отказаться, как я, от поединка с ним, ибо, верно говорю вам, он с пятерыми такими, как вы и я, сладит. Ведь вы, корнуэльские рыцари, не такие славные бойцы, как другие рыцари, и оттого, что сами вы не заслужили славы, вы ненавидите всех славных рыцарей. В вашей стране не родился такой рыцарь, как вот к примеру, сэр Тристрам.



КАК КОРОЛЬ МАРК, СЭР ЛАМОРАК И СЭР ДИНАДАН ПРИЕХАЛИ В ЗАМОК. И КАК КОРОЛЯ МАРКА ТАМ УЗНАЛИ ❧ И они пустились в путь все вместе: король Марк, сэр Ламорак и сэр Динадан. Ехали-ехали и прискакали они к мосту, а перед въездом на мост стоит крепкая башня. И видят они всадника в добрых доспехах, который машет копьем и громко кричит и вызывает их с ним сразиться.

— Вот что,— сказал сэр Динадан королю Марку — Здесь живут два брата, одного зовут Алин, а другого Триан, и эти братья ни одного рыцаря не пропустят по мосту без поединка. Выезжайте вы и предложите поединок,— сказал сэр Динадан королю Марку.— А то что же вы все время ходите в побежденных.

Король Марк тогда устыдился, он наставил свое копье и налетел на сэра Триана. И поломали они оба в куски свои копья и пронеслись друг мимо друга. Тогда сэр Триан выслал королю Марку новое копье, но тот ни за что не соглашался биться дальше. И тогда они все трое подъехали к замку и попросили хозяев пустить их на ночлег.

— Милости просим,— отвечали рыцари из замка.— Мы приглашаем вас именем владельца этой башни, сэра Тора, Ариева сына.

Вот въехали они на широкий чистый двор, и там принимали их щедро, пока начальник дружины того замка (а звался он сэр Берлюс) не узнал вдруг короля Марка Корнуэльского.

И тогда сказал сэр Берлюс:
— Сэр рыцарь, я вас узнал, я знаю вас лучше, чем вы полагаете. Вы — король Марк, который убил моего отца прямо у меня на глазах, убил бы и меня, да только я сбежал и спрятался в лесу. Но знайте, ради господина моего, сэра Тора, который владеет этим замком, я на сей раз не причиню вам вреда и ущерба, ни вам и никому из ваших спутников. Но запомните, как только вы покинете этот ночлег, я буду с вами биться, сколько хватит у меня сил, ибо вы зарезали отца моего как трус и предатель. Покуда же, ради моего господина сэра Тора и ради доблестного рыцаря сэра Ламорака, прибывшего сюда на ночлег, вам будет оказано гостеприимство. Сожаления достойно, что вы находитесь в обществе благородных рыцарей, ведь вы — подлейший из рыцарей и королей на свете и погубитель славных рыцарей, и что бы вы ни совершили, все — коварством.



КАК СЭР БЕРЛЮС СРАЖАЛСЯ С КОРОЛЕМ МАРКОМ И КАК СЭР ДИНАДАН ПРИНЯЛ ЕГО СТОРОНУ

Устыдился король Марк и ничего не сказал в ответ. Но сэр Ламорак и сэр Динадан, услыхав, что он — король Марк, пожалели, что с ним поехали.

После ужина разошлись все спать, а наутро встали, и король Марк отправился в путь вместе с сэром Динаданом.

Но не проехав и трех миль, повстречали они трех всадников, и один из них был сэр Берлюс, а другие двое его сородичи.

И, увидев короля Марка, воскликнул сэр Берлюс громким голосом:
— Предатель! Защищайся, ибо знай: я — сэр Берлюс!
— Сэр рыцарь,— сказал тут сэр Динадан,— мой совет вам: не останавливайте его сейчас, дайте проехать, ведь он держит путь к королю Артуру. А поскольку я дал слово доставить его к господину моему королю Артуру, приходится и мне поневоле выступать заодно с ним, хотя мне вовсе не по душе его нрав и я рад бы его оставить.
— Ну, что ж, сэр Динадан,— сказал сэр Берлюс,— мне жаль, что вы заодно с ним, но в таком случае держитесь!

С тем он устремил коня на короля Марка, ударил его по щиту с такой силою, что тот вылетел из седла и растянулся на земле. Увидел это сэр Динадан, упер покрепче свое копье, поскакал на второго рыцаря и вышиб его из седла. А потом сэр Динадан повернул коня и сокрушил та́кже и третьего рыцаря и поверг его на землю, ибо этот сэр Динадан, когда садился на коня, был добрый боец.

И тут началась горячая схватка, ибо в пешем бою сэр Берлюс и его товарищи стояли стойко плечом к плечу. Но с помощью сэра Динадана

противник короля Марка сэр Берлюс был повержен наземь, а двое его товарищей обратились в бегство. И когда бы не сэр Динадан, король Марк его бы убил, так что сэр Динадан спас ему жизнь, ибо этот король Марк был низкий убийца.

И, севши на коней, они снова пустились в путь и оставили сэра Берлюса жестоко израненного.

Так проехали король Марк и сэр Динадан еще четыре английских лиги [28] и видят — мост, а перед въездом на мост всадник, в полном вооружении и готовый к бою.

— Глядите,— сказал сэр Динадан,— вон стоит рыцарь, с которым надо сразиться, ибо по этому мосту проехать может лишь тот, кто вступит с ним в поединок.

— Добро,— отвечает король Марк,— теперь ваша очередь выезжать на поединок.

Но сэр Динадан знал, что этот всадник — доблестный рыцарь, и ему вовсе не по сердцу было с ним сражаться. Он хотел бы, чтобы с ним сразился король Марк. Но и отказаться сэру Динадану было никак невозможно, и вот они оба выставили копья и щиты, сшиблись, и сэр Динадан был силою удара сбит с коня на землю. С поспешностью вскочил он опять в седло и потребовал от рыцаря, чтобы он теперь рубился с ним на мечах. Но тот отвечал ему так:

— Любезный рыцарь, продолжать поединок с вами я сейчас не буду, ибо так велит здешний обычай.

Сэр Динадан жестоко разгневался, что не может с ним сквитаться, однако на том они и разъехались. Тот рыцарь ни за что не согласился им открыть свое имя, но сэру Динадану подумалось, что он и так его узнает по щиту, и что это — сэр Тор.

Chap. xi.

КАК КОРОЛЬ МАРК НАСМЕХАЛСЯ НАД СЭРОМ ДИНАДАНОМ И КАК ИМ ВСТРЕТИЛИСЬ ШЕСТЬ РЫЦАРЕЙ КРУГЛОГО СТОЛА

Они поскакали дальше, и король Марк стал в пути насмехаться над сэром Динаданом, говоря так:

— А я-то думал, что вам, рыцарям Круглого Стола, никто не страшен!

— Так оно и есть,— отвечал сэр Динадан.— А вот вас в Корнуэлле, клянусь душой, хорошими рыцарями не назовешь! Но поскольку вы так стараетесь меня уязвить и унизить, я вызываю вас в поединке испытать мою силу.

— Ну, нет,— отвечал король Марк,— я ни за что не соглашусь с вами биться. Но прошу вас, по чести, чтобы при дворе короля Артура вы не открывали, кто я, ибо меня там жестоко ненавидят.

— Позор вам,— отвечал сэр Динадан,— что вы

поступаете столь низко, ведь сразу видно, что вы трусливы, да к тому же вы еще убийца, а это — величайший позор для рыцаря, ибо рыцарь-убийца не заслуживает чести и рыцарской славы. Ведь если бы не я, вы зарезали бы поверженного рыцаря сэра Берлюса, а ведь он рыцарь — не вам ровня, да и никогда вам с ним не сравняться ни искусством, ни доблестью.

Так они ехали, переговариваясь, и наконец подъехали к высокому дому, и там встретил их рыцарь и пригласил их к себе на ночлег. И они, по приглашению того рыцаря, остановились у него, и был им оказан сердечный прием, и не было им ни в чем недостатка, ибо он рад был всякому странствующему рыцарю, рыцарям же короля Артура в особенности. Потом спросил сэр Динадан у их хозяина, как имя того рыцаря, что охраняет въезд на мост.

— А что за причина вам спрашивать? — спросил хозяин.

— Да он совсем недавно выбил меня из седла.

— А, любезный рыцарь,— сказал хозяин,— тут вам нечего дивиться, ибо он — превосходный рыцарь, имя же его сэр Тор, сын Ария-Скотопаса.

— А! — сказал сэр Динадан,— это, стало быть, и был сэр Тор? Правду сказать, так мне и подумалось.

И вот пока они стояли так, беседуя, вдруг показались шесть рыцарей короля Артура — они скакали у них на виду через поле в полном вооружении, и сэр Динадан узнал их всех по щитам. Первый был добрый рыцарь сэр Ивейн, сын короля Уриенса. Второй был благородный рыцарь сэр Брандель. Третьим был Озанна-Храброе Сердце. Четвертый — сэр Ивейн Отчаянный [29]. Пятым был сэр Агравейн, шестым сэр Мордред,— два брата сэра Гавейна.

Разглядев этих шестерых, сэр Динадан задумал про себя каким-нибудь способом заставить короля Марка вступить в поединок с одним из них. И вот, сев на коней, они пустились вслед за этими шестью и так проскакали без малого три английских мили. Наконец, видит король Марк, они все шестеро сидят у источника, пьют и едят, что нашлось у них с собою. А лошади их пасутся неподалеку, иные спутаны, и щиты их висят вокруг них.

— Глядите-ка,— сказал сэр Динадан,— вот странствующие рыцари, с ними предстоит нам сразиться.

— Избави бог,— сказал король Марк,— ведь их шестеро, нас же всего только двое.

— Ну и что ж,— отвечал сэр Динадан,— будем биться не на жизнь, а на смерть! Я нападу на переднего.

И с тем он изготовился к бою. А при виде этого с тою же быстротой, с какой устремился сэр Динадан на тех рыцарей, поскакал оттуда король Марк прочь, и все его слуги за ним.

Когда увидел сэр Динадан, что король Марк обратился в бегство, опустил он копье, перекинул на спину щит и поскакал к своим товарищам — рыцарям Круглого Стола. Сэр Ивейн сразу же признал сэра Динадана, и все его товарищи тоже.



КАК ТЕ ШЕСТЕРО РЫЦАРЕЙ ВЫСЛАЛИ СЭРА ДАГОНЕТА СРАЗИТЬСЯ С КОРОЛЕМ МАРКОМ И КАК КОРОЛЬ МАРК ОТКАЗАЛСЯ ВСТУПИТЬ С НИМ В ПОЕДИНОК ❧

Они стали расспрашивать его об его приключениях и не случалось ли ему встретить сэра Тристрама или сэра Ланселота.

— Да поможет мне бог,— он отвечал,— что до меня, то я не встречал ни того, ни другого с тех пор, как оставил Камелот.

— А что за рыцарь это был,— спросил сэр Брандель,— что так поспешно вдруг от вас повернул и ускакал через вон то поле?

— Сэр, это рыцарь из Корнуэлла и ужаснейший из трусов, когда-либо садившихся на коня.

— А как его имя? — спросили все рыцари.

— Этого я не знаю,— отвечал сэр Динадан.

И вот, отдохнув и побеседовав между собою, они снова сели на коней и приехали к замку, где жил один старый рыцарь, оказывавший гостеприимство всем странствующим рыцарям.

Там они сидели и беседовали, и вдруг приехал в замок сэр Грифлет по прозвищу Божий Сын. Ему был оказан добрый прием, и все рыцари стали расспрашивать его, не встречал ли он сэра Ланселота или сэра Тристрама.

— Я их не видел с тех пор, как они покинули Камелот.

А сэр Динадан решил обойти и осмотреть замок, и в дальнем покое он нашел короля Марка, и тогда он стал его бранить и спрашивать, отчего это он вдруг его бросил и ускакал?

— Сэр, я не решился ехать с вами, ведь их было так много. Но как вам удалось спастись? — спросил король Марк.

— Сэр, оказалось, что они — мои добрые друзья.

— Кто же у них предводитель? — спросил король Марк.

И сэр Динадан, чтобы запугать его, сказал, что сэр Ланселот.

— Ах, Иисусе! — воскликнул король Марк.— А можно ли узнать сэра Ланселота по щиту?

— Конечно,— отвечал сэр Динадан,— ибо он носит серебряный щит с черными полосами.

Все это он говорил, чтобы напугать короля Марка, ибо сэра Ланселота среди тех рыцарей не было.

— Тогда я прошу вас,— сказал король Марк,— сопровождать меня и дальше.

— К этому у меня нет охоты,— отвечал сэр Динадан,— ведь вы-то меня бросили и уехали.

И сэр Динадан оставил короля Марка и возвратился к своим товарищам. И они сели на коней и поехали вместе, беседуя в пути о корнуэльском рыцаре, ибо сэр Динадан рассказал, что он ночевал в том же замке.

— Вот это хорошо,— сказал сэр Грифлет.— Со мною как раз едет сэр Дагонет, шут короля Артура, славный малый и первый в мире забавник.

— А знаете что? — сказал сэр Динадан.— Я ведь сказал корнуэльскому рыцарю, что с нами тут сэр Ланселот, а корнуэльский рыцарь спросил меня, какой у него щит, и я описал ему щит сэра Мордреда.
— Правильно,— сказал сэр Мордред,— я ведь ранен и едва могу выдержать тяжесть щита и доспехов, и потому облачим сэра Дагонета в мои доспехи, дадим ему мой щит и выпустим против корнуэльского рыцаря.
— Так и будет сделано,— сказал сэр Дагонет,— клянусь душой!
Облачили сэра Дагонета в доспехи сэра Мордреда, навесили на него серебряный щит, посадили на боевого скакуна и дали в руку тяжелое копье.
— Ну,— говорит сэр Дагонет,— подавайте сюда вашего рыцаря, уж я повергну его наземь, вот увидите.
Они все отъехали к опушке леса и стали ждать, пока мимо поедет король Марк. И когда он показался, выпустили на него сэра Дагонета. Помчался сэр Дагонет во весь опор — прямо на короля Марка. И, приблизившись к нему с гневными возгласами, крикнул:
— Держись, корнуэльский рыцарь, сейчас я тебя убью!
А король Марк, разглядевши его щит, сказал себе:
— Это скачет сэр Ланселот. Увы, я погиб!
И, повернув коня, он пустился прочь во весь опор и скакал сквозь заросли и буреломы. А сэр Дагонет гнался за королем Марком, точно бешеный, изрыгая хулу и проклятья, и носились они так по всему лесу.
А сэр Ивейн и сэр Брандель, видя, как сэр Дагонет гонит по лесу рыцаря, смеялись, словно безумные. Потом они сели на коней и поскакали за ними посмотреть, как дальше преуспеет сэр Дагонет, ибо им никак нельзя было допустить, чтобы сэр Дагонет пострадал,— ведь король Артур его очень любил и своей рукой посвятил в рыцари. Он перед началом каждого турнира заставлял короля Артура смеяться. И потому эти рыцари тоже углубились в чащу леса и скакали то туда, то сюда, перекликаясь и гоняясь за королем Марком, так что шум стоял на весь лес.



КАК СЭР ПАЛОМИД ПО ВОЛЕ СЛУЧАЯ ПОВСТРЕЧАЛСЯ С БЕГУЩИМ КОРОЛЕМ МАРКОМ, И КАК ОН ПОВЕРГ НАЗЕМЬ ДАГОНЕТА И ОСТАЛЬНЫХ РЫЦАРЕЙ

А король Марк выехал неожиданно к ручью, и видит, поперек тропы стоит странствующий рыцарь, верхом и в полном вооружении, с тяжелым копьем в руке. Увидал он, что король Марк спасается бегством, и сказал ему так:
— Рыцарь, стыдись! Поверни коня и стань рядом со мной, и я буду тебе защитой.
— Ах, добрый рыцарь,— отвечал король Марк,— дай мне проехать, ибо за мною гонится лучший рыцарь мира, тот, у которого щит с черной перевязью.
— Стыдись! — отвечал рыцарь,— он вовсе не принадлежит к знаменитейшим рыцарям мира.

Но даже будь он сам сэр Ланселот или сэр Тристрам, я не побоюсь выехать и против сильнейшего из них!

Услыша от него такие слова, король Марк поворотил коня и встал подле него. А неизвестный рыцарь выехал с копьем на сэра Дагонета и с такой силою его поразил, что тот перелетел через круп своего коня и едва не сломал себе шею. Но тут подоспел сэр Брандель, и, увидев сэра Дагонета поверженным, он разгневался жестоко и крикнул:

— Ну, держись, рыцарь!

И они сшиблись на полном скаку. Неизвестный рыцарь с такою силой ударил на сэра Бранделя, что тот так и рухнул на землю, и всадник и конь. Тем временем подскакал и сэр Ивейн, и он видел это все.

— Иисусе! — воскликнул.— Что за могучий рыцарь!

Они выставили копья, ринулись друг на друга, и этот рыцарь налетел на сэра Ивейна с такой силой, что поверг наземь и его. Следом прискакал и сэр Озанна-Бесстрашное Сердце и был тоже повержен на землю.

— Вот что,— сказал тогда сэр Грифлет,— я полагаю, что надобно послать к этому странствующему рыцарю и узнать, не от Артурова ли он двора, ибо я полагаю, что это сэр Ламорак Уэльский.

И они послали к нему и просили этого могучего неизвестного рыцаря сказать им, как его зовут и от Артурова ли он двора или же нет.

— Что до моего имени, то передай этим рыцарям, что я странствующий рыцарь, как и они, и имени моего им пока не открою. Но пусть они знают, что я — не из числа рыцарей короля Артура.

С тем паж к ним возвратился и передал, что ему было сказано.

— Клянусь головой,— молвил сэр Агравейн,— он один из самых могучих рыцарей, каких я только встречал, ибо он сокрушил подряд троих благородных рыцарей, да и нам не уйти от позора, придется с ним сразиться.

И с тем сэр Агравейн наставил свое копье, а тот поджидал его наготове и перекинул его через конский круп на землю. Подобным же образом обошелся он и с сэром Ивейном Отчаянным, а также и с сэром Грифлетом. Так расправился он с ними со всеми, кроме сэра Динадана, который остался на опушке, и сэра Мордреда, в чьи доспехи был облачен сэр Дагонет.

А когда с этим было покончено, неизвестный рыцарь повернул коня и неспешно пустился в путь, король же Марк ехал вслед за ним и всячески его превозносил. Но он не вымолвил ни слова в ответ, а лишь тяжко и горько вздыхал и, низко поникнув головой, не слушал его речей. Так проехали они без малого три английских мили. Тут подозвал рыцарь к себе одного из пажей и сказал:

— Скачи вон к тому прекрасному замку, передай мой поклон владелице замка и здешних земель и попроси, чтобы она выслала мне доброй пищи и питья подкрепиться. Если же она спросит тебя, кто я, скажи, что я — тот самый рыцарь, что преследует Зверя Рыкающего (что по-английски сказать, значит: Зверя Лающего, ибо куда бы тот зверь ни шел, в брюхе у него раздавался лай и рык, словно то целая свора гончих псов).

Паж туда отправился, явился в замок, и приветствовал его владелицу, и

рассказал, от кого он прибыл. Она же, когда услышала, что его прислал рыцарь, который преследует Зверя Рыкающего, то воскликнула:

— Ах, милостивый господи Иисусе! — сказала она.— Когда же смогу я увидеть этого славного рыцаря — моего любезного сына сэра Паломида? Увы! Неужто он не остановится у меня?

И с тем она упала без чувств, и плакала, и горько рыдала. Но как только вернулись к ней силы, она передала пажу все яства, каких он спрашивал. И, возвратившись, он сразу открыл королю Марку, что имя этого рыцаря — сэр Паломид.

— Я рад,— сказал король Марк,— но ты молчи и никому не говори. Вскоре они все спешились, расселись на земле и стали отдыхать. А король Марк незаметно возьми да и усни. Увидел сэр Паломид, что он крепко спит, сел на коня и поскакал прочь, сказав:

— Спящий рыцарь — мне не товарищ.

И он ускакал, пришпорив коня.



КАК КОРОЛЬ МАРК И СЭР ДИНАДАН СЛЫШАЛИ ЖАЛОБЫ И ПЕНИ СЭРА ПАЛОМИДА НА ПРЕКРАСНУЮ ИЗОЛЬДУ

❧ А теперь мы обратимся к сэру Динадану, который нашел своих семерых товарищей в глубокой печали, и когда он услышал, что с ними было, то и он опечалился тоже.

— Сэр Ивейн,— сказал сэр Динадан,— я не побоюсь голову заложить, это был сэр Ламорак Уэльский. Даю всем вам обещание, что отыщу его, если только возможно его отыскать в пределах этой страны.

И с тем сэр Динадан поехал на поиски этого рыцаря, как и король Марк, который тем временем разыскивал его по всему лесу. И едучи по лесу в поисках сэра Паломида, король Марк вдруг услышал чьи-то горькие стоны. Он подъехал поближе, насколько осмелился. И видит рыцаря, который сошел с коня, снял шлем и стоит, испуская печальные стоны и горестные любовные жалобы.

На том мы их оставим и поведем речь о сэре Динадане, который тоже поехал на поиски сэра Паломида. Въехал он в лес, и повстречался ему рыцарь-охотник.

— Сэр,— спрашивает его сэр Динадан,— не попадался ли вам рыцарь, у которого серебряный щит со львиными головами?

— Да, добрый рыцарь,— тот отвечал,— совсем недавно повстречался мне этот рыцарь, и путь держал он прямо вон туда.

— Грамерси,— сказал сэр Динадан,— если уж я найду след его коня, тогда я сумею разыскать и рыцаря.

И поехал сэр Динадан в ту сторону, а был уже поздний вечер. И вдруг слышит печальные звуки, будто бы человек плачет. Поехал сэр Динадан на эти звуки, а подъехавши поближе, спешился и пошел дальше пеш-

ком. И вот видит он, стоит под деревом рыцарь, конь его привязан тут же, шлем в руке; и стонет этот рыцарь прегорестным образом, и жалуется сокрушенно на Прекрасную Изольду, королеву Корнуэльскую, говоря:

— Ах, прекрасная дама, зачем люблю я тебя? Ведь ты превосходишь всех своей красотою, а мне не выказываешь ни любви, ни милости. И все же, увы мне! должен я тебя любить. И не в чем мне винить тебя, госпожа моя, ибо мои собственные глаза всему причиной. Но я глупец, что люблю тебя, ибо тебя любит лучший рыцарь в мире, а ты — его, и это сэр Тристрам Лионский. А супруг твой — недостойнейший из рыцарей и презреннейший из королей; последний из трусов и коварный предатель — господин твой король Марк. Увы, зачем столь прекрасная дама, которой нигде нет равных, повенчана с ничтожнейшим рыцарем мира!

И все эти речи слышал король Марк, все, что сэр Паломид о нем говорил. И потому, увидев вдруг сэра Динадана, он испугался, как бы и тот его не заметил и не открыл сэру Паломиду, что он и есть король Марк. И потому он оттуда потихоньку удалился, сел на коня и ускакал к своим людям туда, где он оставил их его дожидаться. И поехал он дальше, торопясь в Камелот.

Там нашел он уже сэра Аманта, рыцаря, который обвинил его перед королем Артуром в предательстве. Король, не откладывая, тут же постановил им сразиться друг с другом. И по несчастному случаю король Марк пробил сэру Аманту грудь; а ведь сэр Амант был в том споре прав. Король же Марк, не сходя с коня, пустился прочь и ускакал от двора из страха перед сэром Динаданом, что тот откроет сэру Тристраму и сэру Паломиду, кто он такой.



КАК КОРОЛЬ НЕПРАВЕДНО УБИЛ ПЕРЕД КОРОЛЕМ АРТУРОМ АМАНТА И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ДОСТАВИЛ КОРОЛЯ МАРКА К КОРОЛЮ АРТУРУ ❧

А там при дворе короля Артура были девицы, посланные от Изольды Прекрасной к сэру Тристраму, и они хорошо знали сэра Аманта. И вот, с изволения короля Артура, они пришли к нему и с ним говорили, ибо пока острие копья торчало у него в груди, он еще мог говорить.

— Ах, любезные девицы,— он сказал,— передайте поклон мой Прекрасной Изольде и расскажите ей, что я умираю за нее и за сэра Тристрама.

И он поведал тем девицам, как король Марк подло погубил его и сэра Берсуля, его товарища.

— За это его предательство я обвинил его перед королем Артуром, и вот я убит, хоть правда на моей стороне. А все потому, что мы с сэром Берсулем отказались убить предательски сэра Тристрама.

Заплакали тут громкими голосами обе девушки, так что весь двор их слышал, и говорили так:
— О, милостивый Иисусе, ведающий все, что сокрыто! Отчего попускаешь ты столь коварному предателю одолеть и убить этого верного рыцаря, сражавшегося за правду?
Так узнали король и королева и все бароны, что рыцарь, убивший сэра Аманта,— это король Марк, и он же еще раньше убил сэра Берсуля, за что и был обвинен сэром Амантом. И король разгневался безмерно, и все другие рыцари тоже.
Сэр же Тристрам, когда узнал обо всем, то горько оплакал гибель сэра Берсуля и сэра Аманта. И тогда сэр Ланселот, увидев сэра Тристрама плачущим, поспешил к королю Артуру и сказал ему так:
— Сэр, прошу вас, дозвольте мне воротить назад этого недостойного рыцаря и короля.
— Да, я прошу вас,— молвил король,— доставьте его сюда, но исполните мою волю и, блюдя мою честь, сохраните ему жизнь.
И вот сэр Ланселот со всей поспешностью облачился в доспехи, сел верхом на могучего коня, взял в руку копье и поскакал вдогонку за королем Марком. Через три английских мили нагнал его сэр Ланселот и крикнул, чтобы он поворачивал коня:
— Вернись, трусливый рыцарь и король! Ибо хочешь ты того или нет, ты все равно возвратишься вместе со мною ко двору короля Артура!
Король Марк оборотился, увидел сэра Ланселота и спросил:
— Любезный сэр, как ваше имя?
— Знай, мое имя — сэр Ланселот, а потому — защищайся!
Услышав, что это сам сэр Ланселот скачет на него во весь опор с копьем в руке, король Марк вскричал громким голосом:
— Я сдаюсь тебе, сэр Ланселот, благородный рыцарь!
Но сэр Ланселот, ничего не желая слышать, продолжал скакать прямо на него. И когда они сблизились, король Марк, не защищаясь, вывалился, словно мешок, наземь из седла — лежит недвижимо и кричит:
— Пощади, сэр Ланселот!
— Встань и защищайся, трусливый рыцарь и король!
— Сэр, я не хочу сражаться.— отвечал король Марк,— но готов последовать за вами, куда вы ни повелите.
— Увы,— сказал сэр Ланселот,— мне жаль, что я не могу и одного удара нанести тебе за сэра Тристрама, и за Прекрасную Изольду, и за тех двух рыцарей, столь коварно тобою убитых!
И, подсадив его на коня, он привез его к королю Артуру. А как въехали они в ворота, король Марк тут же спешился, не сходя с места, бросил шлем свой и меч оземь и, распростершись ниц, у ног короля Артура, поручил себя его милости и власти.
— Да поможет мне бог,— молвил король Артур,— мы и рады и не рады вас видеть у себя при дворе. Радует нас, что вы здесь, хоть, как видно, и против вашей воли.
— Это правда,— отвечал король Марк,— а иначе меня сейчас бы здесь не было, ибо господин мой сэр Ланселот доставил меня сюда силой.

— Что ж,— сказал король Артур,— вы обязаны мне службой, верностью и подчинением, я же от вас ничего этого не видел, вы во всем были мне противник и моих рыцарей погубитель. Как же думаете вы предо мной оправдаться?
— Сэр,— отвечал король Марк,— что только ваше величество от меня ни пожелает и сколько будет в моих силах, я все готов возместить.
Ибо он был скор на сладкие речи, но слова своего не держал. Но король Артур, к радости сэра Тристрама, дабы установить между ними согласие, велел королю Марку там еще остаться и назначил им срок примириться[30].



КАК СЭР ДИНАДАН РАССКАЗАЛ СЭРУ ПАЛОМИДУ О ПОЕДИНКЕ МЕЖДУ СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ И СЭРОМ ТРИСТРАМОМ

А теперь мы обратимся к сэру Паломиду и поведем речь о том, как сэр Динадан утешал его в его великой печали.
— Кто вы? — спрашивает его сэр Паломид.
— Сэр, я такой же странствующий рыцарь, как и вы, и давно разыскиваю вас по вашему щиту.
— Вот мой щит,— отвечал тот.— Но если вы желаете им завладеть, то знайте, что я буду его защищать.
— Ну, нет,— отвечал сэр Динадан,— я желаю дружбы с вами.
— Как угодно, но если вы хотите поединка, то я не заставлю себя просить и ждать.
— Сэр,— спросил его сэр Динадан,— куда же держите вы путь?
— Клянусь головой,— отвечал сэр Паломид,— сам не знаю. Я еду туда, куда влечет меня судьба.
— А не встречался ли вам сэр Тристрам или, быть может, вы слышали о нем?
— Да поможет мне бог, я и слышал о сэре Тристраме, и встречался с ним, и хоть в душе мы не любим друг друга, однако в мой трудный час сэр Тристрам спас меня от смерти. А потом, прежде чем нам расстаться, мы по взаимному уговору назначили день, чтобы нам съехаться у каменной гробницы, что возвел некогда под Камелотом Мерлин. И там должны мы были с ним сразиться. Но случилось так, что мне помешали,— сказал сэр Паломид,— и я не смог выполнить уговора, и это меня жестоко печалит. Но у меня есть веское оправдание, ибо вместе со многими другими рыцарями я находился в плену, так что сэр Тристрам поймет, что я не из трусости и малодушия не явился к месту нашей встречи.
И сэр Паломид назвал сэру Динадану день, когда должен был состояться между ними поединок.
— Да поможет мне бог,— сказал сэр Динадан,— в этот самый день у этой самой гробницы был поединок между сэром Тристрамом и сэром Ланселотом — самый богатырский бой, какой когда-либо вели между собой два

рыцаря в этой стране, ибо они бились кряду более пяти часов и оба так истекли кровью, что все кругом дивились, как могли они так долго выстоять. А потом с обоюдного согласия заключили они между собою дружбу и поклялись в братстве навечно. И никто там не мог бы сказать, который из них одержал верх. А теперь сэр Тристрам возведен в рыцари Круглого Стола и сидит на месте благородного рыцаря сэра Мархальта.

— Клянусь головой,— сказал сэр Паломид,— сэр Тристрам куда сильнее, чем сэр Ланселот, и гораздо отважнее.

— Сэр, а вы разве мерялись силами с ними обоими? — спросил сэр Динадан.

— Я испытал силу сэра Тристрама,— отвечал сэр Паломид,— но с сэром Ланселотом в бою не встречался, разве только сам того не ведая. Но один раз я застал сэра Ланселота спящим у ручья. Он в тот раз одним копьем сокрушил сэра Тристрама и меня. Но они тогда еще не знали друг друга.

— Ну, любезный рыцарь,— сказал сэр Динадан,— что до сэра Ланселота и сэра Тристрама, то лучше их не трогать, ведь даже со слабейшим из них двоих едва ли справится хоть кто-нибудь из ныне живущих рыцарей.

— Боже избави, это все так,— отвечал сэр Паломид.— Но только, если они меня оскорбят, я так же готов принять бой с любым из них, как и с вами.

— Сэр, прошу вас,— сказал сэр Динадан,— назовите мне ваше имя, и я буду вам верным товарищем на всем пути в Камелот. А когда мы прибудем туда, там сможете вы отличиться на большом турнире, на котором будут присутствовать королева Гвиневера и прекрасная Изольда Корнуэльская.

— Знайте же, сэр рыцарь, что я отправлюсь в Камелот ради того, чтобы лицезреть Изольду Прекрасную, а иначе бы меня там не увидели. Но выступать на турнире при дворе короля Артура я не стану.

— Сэр,— сказал сэр Динадан,— я готов ехать вместе с вами и буду к вашим услугам, если вы назовете мне ваше имя.

— Сэр, узнайте, что имя мое — Паломид, я брат сэру Сафиру, доброму рыцарю, и сэру Сегвариду. И мы все трое — рожденные сарацины.

— Сэр, я вас благодарю,— сказал сэр Динадан,— ибо я рад с вами познакомиться. Клянусь, через меня вам не будет зла, но только выгода, насколько у меня достанет сил. Вы завоюете славу при дворе короля Артура, и вас ждет там сердечный прием.

И с тем они пристегнули свои шлемы, вскинули на плечи щиты, сели на коней и поскакали широкой дорогой в Камелот. Едут они и видят по пути прекрасный и богатый замок за стенами крепкими, каких крепче не найти в здешнем краю. И сказал сэр Паломид сэру Динадану:



КАК СЭР ЛАМОРАК БИЛСЯ С РАЗНЫМИ РЫЦАРЯМИ ИЗ ЗАМКА, ГДЕ НАХОДИЛАСЬ ФЕЯ МОРГАНА — Вот замок, мне отлично знакомый, ибо в этом замке обитает королева Фея Моргана, сестра короля Артура. Король Артур сам ей подарил этот замок, в чем с тех пор раскаялся тысячу раз, ибо с тех пор между ним и ею не прекращались раздор и несогласие; но уж отнять у нее этот замок он не мог ни силою, ни уговорами

и никакими ухищрениями. Она же по всякому поводу затевает войну против короля Артура, и она содержит при себе всевозможных отчаянных рыцарей, дабы губить тех рыцарей, которых любит король Артур. Так что никто здесь не может проехать, покуда не сразится с каким-нибудь рыцарем, а то и с двумя или даже тремя. И если случается, что рыцарь короля Артура терпит поражение, то он лишается коня и доспехов и всего, что при нем, да еще, того гляди, и сам окажется пленником.

— Да поможет мне бог,— сказал сэр Паломид,— это жестокий и позорный для королевы обычай — враждовать с родным братом и государем, который почитается цветом рыцарства и христианского, и языческого. И я всем сердцем желал бы уничтожить этот обычай. Пусть свет узнает, что ей я служить не стану. Если же она вышлет против меня своих рыцарей, как, я полагаю, она не преминет это сделать, то им будет со мною немало забот.

— И я, клянусь жизнью, буду вместе с вами,— сказал сэр Динадан,— насколько достанет у меня сил!

И вот пока они так стояли верхами перед замком, подскакал к ним рыцарь с красным щитом, а за ним следовали двое оруженосцев. Он подъехал прямо к сэру Паломиду и сказал:

— Любезный странствующий рыцарь, я требую от вас, во имя верности, какою вы обязаны всему Рыцарскому Ордену, чтобы вы не вступали в бой ни с одним из рыцарей этого замка,— так сказал ему сэр Ламорак.— Это — мое дело, ради него я сюда прибыл. Я прошу вас, рыцарь, предоставьте сражаться мне, если же я потерплю поражение, тогда отомстите за меня!

— Во имя господа,— отвечал сэр Паломид,— приступайте. Мы же поглядим, как вы преуспеете.

Между тем выехал из замка рыцарь и устремился на рыцаря с красным щитом. Вот сшиблись они, и тот у кого был красный щит, так ударил на своего противника, что поверг его наземь. Тут вдруг выехал второй рыцарь замка, однако и ему был нанесен такой удар, что он вылетел из седла. Вслед за тем и третий рыцарь появился из ворот, но рыцарь с красным щитом и его сокрушил. Тут подъехал сэр Паломид и стал его просить, чтобы дозволил он и ему сразиться.

— Нет, сэр рыцарь,— тот отвечал,— предоставьте мне на этот раз действовать по моей воле, ибо, будь их даже двадцать рыцарей, я их все равно не испугаюсь!

А на стенах замка стояли дамы и кавалеры и громко ему кричали:

— Славно ты бьешься, рыцарь с красным щитом!

Двое же его оруженосцев, лишь только он сшибал рыцаря на землю, тут же ловили коня, снимали седло и сбрую, коня отпускали в лес, а рыцаря задерживали, пока не кончатся все поединки.

Но вот выехал из замка четвертый рыцарь и со свежими силами предлагает поединок рыцарю с красным щитом. Тот был готов, и он нанес своему противнику удар такой силы, что рухнули наземь и конь, и всадник, и при падении сломал рыцарь себе спину и шею тоже.

— Ах, Иисусе! — сказал сэр Паломид.— Это превосходный рыцарь и лучший боец на копьях, какого я знаю.

— Клянусь головой,— сказал сэр Динадан,— да он ни в чем не уступает ни сэру Ланселоту, ни сэру Тристраму, этот рыцарь, кто бы он ни был.



КАК СЭР ПАЛОМИД ХОТЕЛ ВЫСТУПИТЬ ВМЕСТО СЭРА ЛАМОРАКА ПРОТИВ РЫЦАРЕЙ ЗАМКА

Но в это время выехал из замка еще один рыцарь, и держал он щит с черной и белой перевязью. И сшибся с ним рыцарь Красного Щита и такой силы нанес ему удар, что пробил и щит с перевязями, и грудь рыцаря, и конский хребет.

— Любезный рыцарь,— обратился к нему сэр Паломид,— слишком много вам досталось ратных трудов, и потому прошу вас, дайте сразиться мне, ибо вам необходим отдых.

— Разве, сэр,— отвечал тот,— я кажусь вам слабым и обессилевшим? Нет, сэр, мне думается, предложение ваше для меня постыдно и оскорбительно, между тем как победа на моей стороне. Ведь говорю вам, как говорил поначалу: будь их даже двадцать рыцарей, я их одолею! Если же быть мне поверженным или убитым, вот тогда отомстите за меня. А если вы полагаете, что я устал, и вам пришла охота вступить в поединок со мною, то извольте, я дам вам случай повоевать вволю.

— Сэр,— он отвечал,— я так сказал не оттого, что желаю сразиться с вами, но мне думается, что вы чересчур много потрудились.

— Ну, а коли так,— сказал рыцарь с красным щитом,— окажите мне любезность и не делайте мне больше оскорбительных предложений. А я за это вызываю вас на поединок, и вы убедитесь, что я еще не обессилел.

— Раз вы меня вызываете,— сказал сэр Паломид,— тогда держитесь!

И оба рыцаря ринулись друг на друга, сколько было силы в их конях и тот рыцарь так ударил сэра Паломида по щиту, что копье проникло ему в бок и нанесло ему глубокую и опасную рану. И сэр Паломид упал с коня. А тот рыцарь оборотился против сэра Динадана, но он, видя его приближение, вскричал громким голосом так:

— Сэр, у меня нет желания с вами сражаться!

Однако тот ему не внял и несся вскачь прямо на него. Тогда пришлось, стыда ради, и сэру Динадану выставить копье, и оно разлетелось в куски, ударившись об рыцарев щит. А тот ударил его в ответ так, что сбросил наземь с коня.

Но их коней он оруженосцам тронуть не позволил, оттого что сэр Паломид и сэр Динадан — странствующие рыцари.

После этого он снова оборотился к замку и сразился еще с семью рыцарями, и ни один не мог против него устоять, всех поверг он на землю Из двенадцати рыцарей он убил в честном бою четверых, а восьмерых заставил на перекрестии меча поклясться в том, что они не станут дальше следовать злобному обычаю этого замка. И, заставив их принести такую клятву, отпустил их на все четыре стороны.

А на стенах замка во все время сражений стояли дамы и кавалеры, и они кричали ему так:

— Рыцарь с красным щитом, вы отличились так, как ни один рыцарь, нами когда-либо виденный!
И с тем вышел из замка безоружный рыцарь и сказал:
— Рыцарь с красным щитом, много бед сотворил ты за один нынешний день! А потому отправляйся туда, откуда прибыл, ибо здесь больше уже некому драться с тобою, и мы горько сожалеем, что ты к нам явился, ведь из-за тебя погибли все древние обычаи этого замка.
И с таковыми словами этот рыцарь снова удалился в замок и запер за собою ворота. А рыцарь с красным щитом тут кликнул своих оруженосцев и ускакал с ними прочь во весь опор.
Как только скрылся он из глаз, сэр Паломид приблизился к сэру Динадану и сказал:
— Никогда еще ни от одного рыцаря не принимал я такого позора. А потому я намерен поскакать за ним вослед и сквитаться с ним на мечах, раз уж верхом, как видно, мне его не одолеть.
— Сэр Паломид,— сказал сэр Динадан,— мой совет вам, не ищите вы с ним боя, ибо вам оттого не будет чести, ведь вы видели, сколько он сегодня уже потрудился и как устал.
— Клянусь всемогущим Иисусом,— сказал сэр Паломид,— я не буду знать покоя, пока не сражусь с ним.
— Сэр,— сказал сэр Динадан,— а я буду вашим зрителем.
— Что ж,— сказал сэр Паломид,— тогда вы увидите, как мы поведем бой с новыми силами.
И они взяли у оруженосцев своих коней и поскакали вслед за рыцарем с красным щитом. Они настигли его в долине у источника, где он спешился, чтобы отдохнуть, и снял шлем с головы, желая напиться из ручья.



КАК СЭР ЛАМОРАК БИЛСЯ В ПОЕДИНКЕ С СЭРОМ ПАЛОМИДОМ И ЖЕСТОКО ЕГО ПОРАНИЛ ❧ Сэр Паломид подскакал к нему вплотную и сказал:
— Рыцарь, помните ли вы меня и помните ли тот позор, что причинили вы мне недавно у стен замка? Так приготовьтесь же к бою, ибо я желаю с вами сразиться.
— Любезный рыцарь,— отвечал сэр Ламорак,— вам от поединка со мною не будет чести, ведь вы сами видели, что сегодня я уже тяжко потрудился.
— Что до этого,— сказал сэр Паломид,— то мне все равно, я желаю с вами сквитаться.
— Ну что ж,— сказал рыцарь,— быть может, я и устою против вас.
И с тем сел он на коня, взял в руку большое копье и изготовился к бою.
— Э, нет,— сказал сэр Паломид,— я на копьях

с вами биться не буду, ибо знаю, что в конном бою я вас никогда не одолею.

— Но, любезный рыцарь,— отвечал тот,— рыцарю подобает сражаться верхом и на копьях.

— А это мы сейчас увидим,— сказал сэр Паломид.

И с тем он спешился, перетянул щит свой наперед и обнажил меч. Тогда и рыцарь с красным щитом тоже слез с коня на землю, щит выставил перед собою и извлек из ножен меч. И пошли они друг на друга неспешным шагом, и обрушили один на другого тьму ударов, и так рубились в продолжение часа, не давая себе передышки. Они наседали и уклонялись и оба жестоко разъярились и грозили друг другу погибелью. И с такой силою обрушивали они мечи свои, что разрубили один другому щиты пополам, рассекли и шлемы, и кольчуги, так что голое тело во многих местах проступало из доспехов.

Увидел сэр Паломид, что меч его противника весь залит кровью, и горько опечалился. И снова они то разили острием, то рубили с плеча, словно безумные. Но под конец ослабел вовсе сэр Паломид из-за той первой копьевой раны, что получил он еще у замка, ибо эта рана причиняла ему жестокие страдания.

— Ну, любезный рыцарь,— сказал сэр Паломид,— сдается мне, что мы уже довольно испытали друг друга, и теперь, если только вам угодно, я прошу вас вашей рыцарской честью открыть мне ваше имя.

— Сэр,— тот отвечал,— мне это вовсе не по сердцу, ведь вы поступили со мною не честно и не по-рыцарски, что вызвали меня на поединок, когда я уже был так утомлен. Но если вы мне назовете ваше имя, тогда и я назову вам мое.

— Сэр, знайте, что я зовусь сэр Паломид.

— А я, да будет вам ведомо, зовусь сэр Ламорак Уэльский, сын и наследник доброго рыцаря и короля сэра Пелинора. И сэр Тор, добрый рыцарь, мне единокровный брат.

Когда услышал это сэр Паломид, он опустился на колени и стал просить прощения:

— Ибо я не по-рыцарски поступил ныне с вами, зная о великих подвигах, вами прежде свершенных, я же постыдным и неучтивым образом вызвал вас сражаться со мною.

— Сэр Паломид,— отвечал сэр Ламорак,— вы сделали и сказали уже чересчур много!

И с тем он поднял его с земли обеими руками и сказал так:

— Сэр Паломид, достойный рыцарь, во всей здешней стороне нет рыцаря лучше и искуснее, и я весьма сожалею, что мы с вами сражались.

— А я не жалею,— отвечал сэр Паломид,— хоть и ранен сильнее вас; да это не беда, я скоро исцелюсь. Но я бы и за прекраснейший в здешней стороне замок не отказался бы от этой встречи с вами, ибо до конца дней моих я буду любить вас больше, нежели какого-либо другого рыцаря на свете, кроме брата моего сэра Сафира.

— И я тоже,— молвил сэр Ламорак.— Кроме брата моего сэра Тора.

Тут подъехал к ним сэр Динадан, и велика была его радость при виде сэра

Ламорака. Оруженосцы же их починили им щиты и доспехи и остановили кровь из их ран. И в близлежащем монастыре они отдыхали всю ту ночь.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ УСЛЫШАЛ О ТОМ, ЧТО ДАГОНЕТ ПРЕСЛЕДОВАЛ КОРОЛЯ МАРКА, А НЕКИЙ РЫЦАРЬ ПОВЕРГ ЕГО И ОСТАЛЬНЫХ ШЕСТЕРЫХ

А теперь мы снова возвратимся ко двору короля Артура. Когда прибыли туда сэр Ивейн и сэр Брандель с товарищами, они рассказали королю и сэру Ланселоту и сэру Тристраму, как сэр Дагонет, королевский шут, гонял в лесной чаще короля Марка и как неизвестный рыцарь их всех семерых сокрушил одним копьем,— и было при дворе много смеха и веселья, и потешались все над королем Марком и сэром Дагонетом. Но ни один из рыцарей не мог сказать, кто был тот рыцарь, что вступился за короля Марка. И они спросили самого короля Марка, не знает ли он того рыцаря, он же ответил им так:

— Он назвался рыцарем, преследующим Зверя Рыкающего, и под этим именем послал к своей матери одного из моих прислужников. Она же, когда услышала, от кого он прибыл, заплакала прегорестно и открыла его имя моему прислужнику, сказавши так: «Ах, мой любезный сын сэр Паломид, отчего не пожелал ты со мною увидеться?» Вот почему,— сказал король Марк,— можно заключить, что это был сэр Паломид, благородный рыцарь. И все семеро рыцарей очень обрадовались, что узнали его имя.

А теперь возвратимся мы назад к сэру Ламораку и к сэру Паломиду с сэром Динаданом. Поутру сели они на коней и поскакали в сопровождении пажей и оруженосцев. И увидели они прекрасный замок на горе за прочными стенами. Они свернули туда и нашли в замке рыцаря по имени сэр Галахальт, владельца этого замка. Он встретил их сердечно и принимал щедро.

—Сэр Динадан,— спросил сэр Ламорак,— что намереваетесь вы делать?

— Сэр, я завтра поутру отправлюсь ко двору короля Артура.

— А я, клянусь головой,— сказал сэр Паломид,— в ближайшие три дня не сяду в седло, ибо я жестоко ранен и сильно истек кровью, и потому я стану здесь на отдых.

— Воистину так,— сказал сэр Ламорак,— и я останусь тут вместе с вами. Когда вы тронетесь в путь, тогда поеду и я, если только вы не слишком долго здесь задержитесь,— а до тех пор не сяду я на коня. И потому прошу вас, сэр Динадан, повремените и вы тут с нами, дабы нам поехать всем вместе.

— По чести,— отвечал сэр Динадан,— это для меня невозможно, ибо я испытываю столь неодолимое желание видеть сэра Тристрама, что долго пребывать от него вдали я не в силах.

— А! Сэр Динадан,— сказал сэр Паломид,— я вижу, вы любите моего смертельного врага! Как я могу доверять вам?

— Да будет вам ведомо,— отвечал сэр Динадан,— я люблю господина моего сэра Тристрама превыше всех рыцарей на свете и буду служить ему и поклоняться.

— И я тоже,— молвил сэр Ламорак,— сколько это в моих силах.

И вот наутро сэр Динадан пустился в путь ко двору короля Артура. Скачет он по дороге и вдруг видит: стоит на дороге всадник и уже изготовился к бою.

— Ни к чему это,— говорит сэр Динадан.— Ибо у меня нет охоты сражаться.

— Со мной вам придется вступить в поединок,— отвечал рыцарь,— а иначе вам тут не проехать.

— Сэр, вы по любви или по злобе вызываете меня на бой?

И ответил рыцарь:

—Знайте, что я вызываю вас по любви, не по злобе.

— Возможно, что и так,— сказал сэр Динадан,— но что-то уж очень жестока ваша любовь, если вы хотите выразить ее вашим жестоким копьем! Но вот что, любезный рыцарь,— сказал сэр Динадан,— раз вы непременно желаете со мною биться, то, пожалуй, разыщите меня при дворе короля Артура, и там я с вами сражусь.

— Что ж,— говорит рыцарь,— раз вы не желаете сражаться, то откройте мне ваше имя.

— Сэр рыцарь, мое имя — сэр Динадан.

— А, сэр,— молвил тот рыцарь,— я немало слышал о вас как о рыцаре добром и благородном, и знайте, что я люблю вас всем сердцем.

— Ну, а коли так,— сказал сэр Динадан,— значит, незачем нам с вами и драться!

И с тем они расстались.

И в тот же день он прибыл в Камелот, где сидел король Артур. И приветствовал он короля с королевой и сэра Ланселота и сэра Тристрама; и весь двор радовался возвращению сэра Динадана, ибо был он рыцарь учтивый и разумный и добрый боец, а всех более любил сердечно сэра Динадана сэр Тристрам.

Стал расспрашивать сэра Динадана король, какие встретились ему приключения.

— Сэр,— отвечал сэр Динадан,— я повидал немало приключений, и про иные из них знает король Марк, но не про все.

И выслушал король рассказ сэра Динадана о том, как они с сэром Паломидом были у стен замка Феи Морганы и как сэр Ламорак сражался, их опередив, как одолел в поединках двенадцать рыцарей и четверых из них убил насмерть и как после всего сокрушил еще и сэра Паломида и его, сэра Динадана.

— Этому я не могу поверить,— сказал король,— ведь сэр Паломид — превосходнымй рыцарь.

— Это истинная правда,— отвечал сэр Динадан,— и все же я видел, как он потерпел поражение в честном поединке.

И он поведал королю об этом поединке, как сэр Паломид оказался слабей-

шим, и раны его были тяжелые, и кровью истек он обильнее, нежели сэр Ламорак.

— И нет сомнения,— сказал сэр Динадан,— что, продлись поединок долее, быть бы сэру Паломиду убитым.

— Иисусе! — воскликнул король Артур,— это достойно всяческого удивления.

— Сэр,— молвил тут сэр Тристрам,— не должно вам дивиться, ибо, по моему мнению, нет на свете сейчас рыцаря доблестнее, ибо я испытал его силу в бою. И теперь могу сказать вам, что ни с одним рыцарем не пришлось мне в поединке так тяжко, разве только с господином моим сэром Ланселотом. И нет на свете рыцаря, не считая сэра Ланселота, который бился бы так доблестно, как сэр Ламорак.

— Да поможет мне бог,— сказал король Артур,— я хотел бы, чтобы этот сэр Ламорак явился к нашему двору.

— Сэр,— сказал сэр Динадан,— он в недолгом времени будет здесь и сэр Паломид тоже. Боюсь только, что сэр Паломид пока еще не в силах выступать на турнире.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ПОВЕЛЕЛ ВОЗГЛАСИТЬ БОЛЬШОЙ ТУРНИР, И КАК ТУДА ПРИБЫЛ СЭР ЛАМОРАК И ПОВЕРГ СЭРА ГАВЕЙНА И МНОГИХ ДРУГИХ

А через три дня после этого король повелел устроить турнир у стен соседнего монастыря. И приготовились там выступить многие рыцари Круглого Стола, приготовились биться на копьях сэр Гавейн и его братья. Но сэр Ланселот, сэр Тристрам и сэр Динадан не стали выступать на том турнире, из любви к королю Артуру они уступили сэру Гавейну с братьями честь завоевать там первенство, если хватит у них сил.

Вот рано поутру облачились в доспехи сэр Гавейн и его братья, и свершили они немало бранных подвигов, и всех более отличился сэр Эктор Окраинный. Но сэр Гавейн превзошел там всех, и король и все рыцари поначалу присудили первенство сэру Гавейну.

Но вдруг увидел король Артур, что из лесу выехал в сопровождении двух оруженосцев рыцарь со щитом, затянутым кожей. Он подъехал незаметно и стал разить направо и налево и одним копьем сокрушил двух рыцарей Круглого Стола. Но в схватке потерял он чехол со своего щита. И тогда король и все увидели, что он носит красный щит.

— Ах, Иисусе!— вскричал король Артур.— Взгляните все на вон того рыцаря с красным щитом!

И повсюду раздались крики и возгласы:

— Берегитесь рыцаря с красным щитом!

А он за краткий срок поверг наземь трех братьев сэра Гавейна.

— Да поможет мне бог,— молвил король Артур,— в жизни не видел я такого славного копейщика.

Смотрит король и видит, что рыцарь тот уже скачет против сэра Гавейна, и с такой силой он его поразил, что у того седло с коня соскочило.

— Как так?— спрашивает король сэра Гавейна.— Кажется нам, вас сбросили на землю? Хорошо было бы нам узнать, кто таков этот рыцарь с красным щитом.

— Я-то знаю его отлично,— сказал сэр Динадан,— но вам до поры не открою его имени.

— Клянусь головой,— сказал сэр Тристрам,— он орудует копьем лучше сэра Паломида, и если желаете знать, это — сэр Ламорак Уэльский.

Так они стояли и беседовали и вдруг видят: сэр Гавейн и тот рыцарь снова скачут друг на друга, и снова выбил он сэра Гавейна из седла и нанес ему жестокие увечья. И на глазах у короля Артура он сокрушил еще двадцать рыцарей после сэра Гавейна, и потому, уж конечно, первенство было присуждено ему как рыцарю, не ведающему себе равных. Но сэр Ламорак незаметно и ловко удалился от всей рыцарской рати и скрылся в лесу. Но это видел король Артур, ибо ни на миг не отрывал от него глаз.

И тогда король, сэр Ланселот, и сэр Тристрам, и сэр Динадан сели на низкорослых лошадей и поехали прямо вслед за добрым рыцарем сэром Ламораком Уэльским и вскоре его отыскали.

И сказал король так:

— А, любезный рыцарь, в добрый час мы вас встретили!

Он же, увидев короля, снял шлем свой и ему поклонился. А когда он увидел сэра Тристрама, то сошел с коня и подбежал к нему, и хотел обнять его колени; но сэр Тристрам того не допустил, но сам спешился и пошел ему навстречу, и они заключили друг друга в объятья, и велика была тут их радость.

И король тоже возрадовался, а также и вся дружина рыцарей Круглого Стола, кроме сэра Гавейна и его братьев. Они же когда узнали, что это сэр Ламорак, затаили на него жестокую злобу за то, что он в тот день подверг их всех бесчестью поражения. Сэр Гавейн созвал к себе тайно всех своих братьев на совет и сказал им так:

— Любезные братья, смотрите сами: кого мы ненавидим, того король Артур любит, и кого мы возлюбим, того возненавидит. И знайте, любезные мои братья, что этот сэр Ламорак никогда не будет питать к нам дружества, ибо мы убили его отца, короля Пелинора, потому что думали, что он убил нашего отца, короля Лота Оркнейского. А за смерть короля Пелинора сэр Ламорак отомстил нам, опозорив нашу мать. Вот поэтому и я жажду отмщения.

— Сэр,— отвечали Гавейновы братья,— давайте подумаем и поразмыслим, и какой вы ни изберете способ отомстить, увидите, что мы все готовы исполнить.

— Хорошо,— сказал сэр Гавейн.— Храните тайну, и мы дождемся удобного времени.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ЗАСТАВИЛ КОРОЛЯ МАРКА ПОМИРИТЬСЯ С СЭРОМ ТРИСТРАМОМ И ОНИ ОТБЫЛИ В КОРНУЭЛЛ ❧ А мы тут продолжим рассказ и оставим сэра Гавейна и поведем речь о короле Артуре, который сказал однажды королю Марку:

— Сэр, окажите мне милость, о какой я попрошу вас.

— Сэр,— отвечал король Марк,— что могу, я все сделаю по вашей просьбе.

— Сэр, грамерси,— сказал король Артур.— Вот о чем прошу я вас: будьте добрым сеньором сэру Тристраму, ибо он — славнейший из мужей, и возьмите его с собою в Корнуэлл, пусть он повидается со своими друзьями, и там обходитесь с ним ласково и с почтением, ради любви вашей ко мне.

— Сэр,— отвечал король Марк,— я клянусь вам своей верою и верностью, какой обязан я и господу моему и вам, что буду почитать его, ради вас, как только смогу и сумею.

— Сэр,— сказал король Артур,— я же прощу вам тогда все зло, которое вы причинили, если вы подкрепите свое обещание клятвой на книге.

— С доброй охотой,— отвечал король Марк.

И он поклялся на книге пред лицом короля Артура и всех его рыцарей, а после того король Марк и сэр Тристрам протянул и крепко пожали один другому руки. Но при всем том король Марк замыслил коварство, как позже оказалось, ибо он бросил сэра Тристрама в темницу и подло хотел его убить [31].

А вскоре король Марк с ними распростился, чтобы ехать к себе в Корнуэлл, и сэр Тристрам приготовился отправиться с ним вместе, и все рыцари Круглого Стола о том печалились и гневались. Всех же более разгневаны были сэр Ланселот и сэр Ламорак и сэр Динадан, ибо уж они-то знали, что король Марк задумал зарезать или уморить насмерть сэра Тристрама.

— Увы!— сказал сэр Динадан.— Неужто и в самом деле должен ехать господин мой сэр Тристрам?

Сэр же Тристрам при виде такой их печали только дивился.

— Увы!— сказал сэр Ланселот королю Артуру,— что сделали вы? Ведь вы лишитесь славнейшего из мужей при вашем дворе.

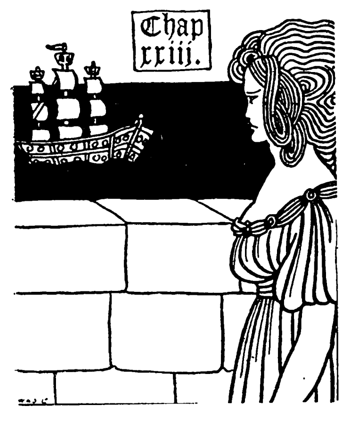
— Сэр, таково было его собственное желание,— отвечал король Артур,— и тут я был бессилен, ибо я сделал все, что возможно, и заставил их примириться.

— Примириться?— воскликнул сэр Ланселот.— Немного стоит такое примирение! Вы скоро услышите, что он убил сэра Тристрама либо бросил его в темницу, ибо он — трусливейший и коварнейший из рыцарей и королей на свете.

И с тем сэр Ланселот ушел и явился к королю Марку и сказал ему так:

— Сэр король, знай, что добрый рыцарь сэр Тристрам отправляется вместе с тобою. Смотри, воздержись от предательства, говорю тебе, ибо если при-

чинишь ты зло этому рыцарю каким-нибудь коварством или обманом, то, клянусь моей верностью господу и высокому Ордену Рыцарства, я убью тебя моими собственными руками!
— Сэр Ланселот, лишние эти речи, ведь я дал клятву и во всеуслышанье повторил ее пред королем Артуром и всеми рыцарями, и позор бы мне был великий, если б нарушил я мое слово.
— Добро вы говорите,— сказал сэр Ланселот,— но у вас слава столь коварного и лицемерного рыцаря, что верить вам невозможно. Клянусь богом, всем известно, ради какой причины прибыли вы в эту страну: вы прибыли не для чего иного, но лишь для того, чтобы убить сэра Тристрама!
И вот, при всеобщей печали, выехали вместе король Марк и сэр Тристрам. Ибо таковы были воля сэра Тристрама и желание — отправиться вместе с королем Марком, и все это лишь затем, чтобы увидеть Прекрасную Изольду, ибо, не видя ее, не в силах был сэр Тристрам долее жить.



КАК СЭР ПЕРСИВАЛЬ БЫЛ ВОЗВЕДЕН В РЫЦАРИ КОРОЛЯ АРТУРА, И КАК ЗАГОВОРИЛ НЕМОЙ И ПРИВЕЛ ЕГО К КРУГЛОМУ СТОЛУ

А мы теперь вновь обратимся к сэру Ламораку и поведем речь об его братьях: сэр Тор был первенцем короля Пелинора, рожденным женой скотопаса Ария, и потому он был незаконнорожденным; а сэр Агловаль был его первенцем, рожденным в браке; а также сэр Ламорак, Дарнард и Персиваль, они тоже были его законными сыновьями.
И вот когда король Марк и сэр Тристрам отъехали из Камелота, все там жестоко сокрушались и печалились отъезду сэра Тристрама. И восемь дней ни король, ни его доблестные рыцари не знали никаких развлечений.
Но по прошествии тех восьми дней прибыл ко двору рыцарь и с ним юный паж, и когда этот рыцарь снял доспехи, он прошел к королю Артуру и просил, чтобы его юного пажа произвели в рыцари.
— А какого он рода?— спросил король.
— Сэр,— отвечал рыцарь,— он сын короля Пелинора, некогда сослужившего вам добрую службу, и брат сэру Ламораку Уэльскому, доброму рыцарю.
— Добро,— сказал король.— А что за причина вам хлопотать, чтобы я возвел его в рыцари?
— Знайте же, господин мой король, что этот юный паж и мне приходится братом, как и сэру Ламораку, мое же имя — Агловаль.
— Сэр Агловаль,— молвил Артур,— ради сэра Ламорака и ради отца его он будет завтра возведен в рыцарское достоинство. А теперь скажите мне,— спросил Артур,— как его имя?
— Сэр,— отвечал рыцарь,— его имя Персиваль Уэльский.
И вот на следующий день в Камелоте король посвятил его в рыцари. Но и сам король и все рыцари полагали, что еще немало времени пройдет, прежде

чем он выкажет себя достойным рыцарского звания. И потому на обеде, когда король сел за стол, и следом и все рыцари — каждый по своему достоинству, король повелел ему сесть с простыми рыцарями, и сэр Персиваль там и сел, где повелел ему король.

А среди приближенных королевы была там одна девица, она была высокого рождения, но немая, и за всю жизнь не произнесла ни слова. И теперь вдруг вошла она прямо в дворцовую залу, приблизилась к сэру Персивалю, взяла его за руку и сказала громко, так что и король и все рыцари услышали:

— Встань, сэр Персиваль, благородный рыцарь, рыцарь божий, и следуй за мною!

Он поднялся, и она подвела его с правой стороны в Погибельному Сидению и сказала так:

— Любезный рыцарь, займи вот это место, ибо тебе оно принадлежит и никому иному.

И с тем она удалилась, и призвали к ней священника, и она, покаявшись и получив отпущение грехов, умерла. Король же и весь его двор радовались за сэра Персиваля.



КАК СЭР ЛАМОРАК ВОЗЛЕЖАЛ С ЖЕНОЙ КОРОЛЯ ЛОТА И КАК СЭР ГАХЕРИС УБИЛ ЕЕ, КОТОРАЯ БЫЛА ЕМУ РОДНОЙ МАТЕРЬЮ ❧ А теперь мы обратимся к сэру Ламораку, который был при дворе в большом почете. Вскоре, по злому умыслу сэра Гавейна и его братьев, послали за их матерью, и она остановилась неподалеку в замке, что по соседству с Камелотом. А для того за нею послали, чтобы погубить сэра Ламорака.

Королева Оркнейская недолго успела пробыть там, а уж сэр Ламорак об том прознал и сгорал от страсти.

И вот, говоря об том коротко, он послал к ней, и была назначена между ними ночь, когда он должен был к ней прийти. Но про это проведал сэр Гахерис, и сел он в ту ночь на коня и стал поджидать сэра Ламорака. Вот видит он, скачет сэр Ламорак в полном вооружении, спешился у стен замка, привязал коня у потайного входа; а потом прошел во внутренние покои и снял с себя все доспехи. После того взошел он на ложе к королеве, и велика была ее радость, и его тоже, ибо они любили друг друга жестоко.

А сэр Гахерис, выждав нужное время, взошел к ним и приблизился к их ложу во всеоружии, с обнаженным мечом в руке, и, вдруг схвативши мать свою за волоса, отсек ей голову. Брызнула на сэра Ламорака горячая кровь, и увидел он, что это кровь той, которую он столь сильно любил, и уж конечно он в горькой тоске взирал на это плачевное зрелище. В одной рубашке выскочил сэр Ламорак, горестный рыцарь, из постели и воскликнул так:

— О, сэр Гахерис, рыцарь Круглого Стола! Злое и черное дело вы сделали,

и за это — позор вам великий! Увы! зачем вы убили вашу мать, которая вас родила? Уж скорее надлежало вам убить меня!

— Это ты причинил нам оскорбление,— отвечал сэр Гахерис,— а ведь мужчина родится на свет, чтобы служить людям, а не вредить. Но от нас ты не отделаешься безнаказанно. Ты опозорил моих братьев и меня, а твой отец убил нашего отца, теперь же еще ты возлег с нашей матерью, и это уж слишком, такого позора мы не вытерпим. Что же до отца твоего, короля Пелинора, то мой брат сэр Гавейн и я,— мы убили его!

— Тем большее вы свершили беззаконие,— отвечал сэр Ламорак,— ведь мой отец не убивал вашего отца, это сделал Балин Свирепый! [32] И смерть моего отца по сей день не отомщена.

— Довольно слов,— сказал сэр Гахерис,— ибо если ты не прекратишь свои оскорбительные речи, я тебя заколю, но из-за наготы твоей мне стыдно будет тебя убивать. И знай, что где я ни встречу тебя, там я тебя и убью! А мать моя теперь избавлена от тебя и более уже не опозорит своих детей. Поспешай же прочь отсюда и возьми свои доспехи, дабы больше мне тебя уже не видеть!

Видит сэр Ламорак, что иного ему не остается, как покинуть замок. Он с поспешностью облачился в доспехи, сел на коня и поскакал оттуда прочь, предаваясь горькой печали. Но от горя и стыда он не поехал ко двору короля Артура, а свернул в другую сторону.

Когда же стало известно, что сэр Гахерис убил свою мать, король разгневался и приказал сэру Гахерису покинуть двор. А сэр Гавейн, тот разгневался, конечно, на сэра Гахериса за то, что он убил их мать, сэра же Ламорака отпустил живым. Велик был гнев короля, и многие рыцари тоже негодовали.

— Сэр,— сказал сэр Ланселот,— великое свершилось злодейство через коварный обман и злой умысел, ибо сестра ваша королева Оркнейская вероломно убита. Говорю вам: это — предательство. И еще говорю, что мы потеряем и доброго рыцаря сэра Ламорака. Я знаю наверное, что, прослышь об этом деле сэр Тристрам, никогда не возвратится он к вашему двору.

— Упаси бог,— сказал король Артур,— чтобы я потерял сэра Ламорака!

— Потеряете,— сказал сэр Ланселот.— Ибо сэр Гавейн и его братья непременно убьют его тем ли способом или иным.

— Этого я не допущу,— молвил король Артур.



КАК СЭР АГРАВЕЙН И СЭР МОРДРЕД ПОВСТРЕЧАЛИСЬ С УБЕГАЮЩИМ РЫЦАРЕМ, И КАК ОНИ ОБА БЫЛИ ПОВЕРЖЕНЫ, И О СЭРЕ ДИНАДАНЕ.

А теперь мы оставим сэра Ламорака и поведем речь о сэре Гавейне и его братьях, сэре Агравейне и сэре Мордреде.

Они ехали на поиски приключений, и повстречался им жестоко раненный рыцарь, скакавший во весь опор. Спросили они у него, какие несет он вести.

— Любезные рыцари,— он отвечал,— за мною гонится рыцарь, он убьет меня!

Между тем, по воле случая, ехал мимо во весь опор сэр Динадан. Но он не пообещал ему защиты. Только сэр Агравейн и сэр Мордред дали ему слово за него заступиться.

И тут появился его преследователь, он подскакал прямо к ним и приготовился к бою. Видя это, устремился на него сэр Мордред и ударил, но тот перекинул сэра Мордреда через круп его коня. Видя это, устремился прямо на того рыцаря сэр Агравейн. Но как расправился тот с сэром Мордредом, так же он расправился и с сэром Агравейном, и сказал так:

— Да будет вам ведомо, сэры, обоим: сэр Брюс Безжалостный зовут меня, вас ныне здесь одолевшего!

И он проехал над повергнутым Агравейном туда и обратно шесть раз.

Когда увидел это сэр Динадан, понял он, что придется и ему тоже вступить с ним в поединок во избежание позора. И вот съехались сэр Динадан и тот рыцарь, и сэр Динадан мощным ударом перебросил того через круп его коня. И тогда тот вскочил на коня и со стыда умчался прочь, ибо он был повержен на землю, он, один из доблестнейших рыцарей в Артуровы времена и нещадный губитель добрых рыцарей.

Подъехал сэр Динадан к сэру Мордреду и сэру Агравейну.

— Сэр рыцарь,— сказали они,— вы славно бились и расквитались за нас сполна, и потому мы просим вас, откройте нам ваше имя.

— Любезные сэры, имя мое вам должно быть знакомо: я зовусь сэр Динадан.

Но когда они поняли, что перед ними сэр Динадан, то разъярились еще пуще прежнего, ибо они люто ненавидели сэра Динадана за сэра Ламорака. Ибо у сэра Динадана был такой обычай, что он любил всех добрых рыцарей, известных доблестью, и ненавидел всех губителей добрых рыцарей. Сэра же Динадана ненавидели только те, кто был ославлен среди рыцарей как подлый убийца.

И вот заговорил тот рыцарь, которого преследовал сэр Брюс Безжалостный, а имя его было — сэр Далан, и сказал он так:

— Если ты и есть сэр Динадан, то ты убил моего отца.

— Возможно, что и так,— отвечал сэр Динадан,— но если я и сделал это, то лишь защищаясь и лишь по его вызову.

— Клянусь головой,— молвил Далан,— за это ты умрешь!

И с тем он выдвинул свой щит и выставил копье. И говоря кратко, сэр Динадан сбил его с коня, так что тот едва шею себе не сломал. Подобным же образом поразил он и сэра Мордреда с сэром Агравейном. Но впоследствии, во время поисков Святого Грааля, они трусливо и предательски убили сэра Динадана, и тем совершили злое дело, ибо он был добрый шутник и славный рыцарь.

И вот поехал сэр Динадан дальше и приехал к замку, который назывался Красный Дол, и там он нашел сэра Паломида, еще не оправившегося от раны, что нанес ему сэр Ламорак. И поведал сэр Динадан сэру Паломиду все, что знал и слышал про сэра Тристрама,— как он уехал вместе с королем Марком, и все по своей воле и по своему желанию. От таких вестей разгневался сэр Паломид, ибо он любил Прекрасную Изольду и понимал, что теперь-то сэр Тристрам наслаждается ее обществом.



КАК КОРОЛЬ АРТУР, КОРОЛЕВА И ЛАНСЕЛОТ ПОЛУЧИЛИ ПИСЬМА ИЗ КОРНУЭЛЛА, И ОБ ИХ ОТВЕТАХ ❧ Мы же оставим сэра Паломида и сэра Динадана в замке Красный Дол и обратимся вновь к королю Артуру. Прибыл к нему из Корнуэлла рыцарь по имени сэр Фергус, один из рыцарей Круглого Стола, и поведал королю и сэру Ланселоту добрые вести о сэре Тристраме и доставил от него учтивые письма. Он сказал им, что оставил сэра Тристрама в замке Тинтагиль.

А вскоре прибыла туда еще девица с учтивыми письмами к королю Артуру и к сэру Ланселоту, и приняли ее король и королева и сэр Ланселот с великим радушием. И были ими написаны и отосланы столь же учтивые письма в ответ. Но сэр Ланселот в своем письме предостерегал сэра Тристрама против короля Марка и называл его королем Лисом, как говорят о том, кто постоянно замышляет предательство и зло; и за это сэр Тристрам возблагодарил в своем сердце сэра Ланселота.

Девица вернулась потом к Прекрасной Изольде и отдала ей письма от короля и сэра Ланселота, Изольда же тем письмам очень обрадовалась.

— Любезная девица,— спросила Изольда Прекрасная,— как поживают господин мой Артур и королева Гвиневера и благородный рыцарь сэр Ланселот?

И девица, коротко сказать, ответила так:

— Радуются вашей и сэра Тристрама радости.

— Бог да вознаградит их,— сказала Изольда,— ибо сэр Тристрам принял великие страдания из-за меня, и я — из-за него.

С тем девица ее оставила и явилась с письмами к королю Марку. И когда он их прочел и разобрал, то разгневался на сэра Тристрама, ибо догадался, что это он послал девицу к королю Артуру. В письмах короля Артура и сэра Ланселота король Марк усмотрел себе угрозу и, прочитавши их, заподозрил сэра Тристрама в измене.

— Девица,— сказал король Марк,— не поедете ли вы обратно и не отвезете ли от меня письма к королю Артуру?

— Сэр,— она отвечала,— я к вашим услугам, готова ехать, когда ни будет на то ваша воля.

— Хорошо сказано,— молвил король.— Явитесь к нам завтра за письмами.

С тем она его оставила и пришла к Изольде Прекрасной и к сэру Тристраму и объявила им, что собирается с письмами назад к королю Артуру.

— Тогда мы просим вас,— сказали они,— прийти к нам после того, как вы получите письма от короля, дабы мы могли узнать, что в них написано.

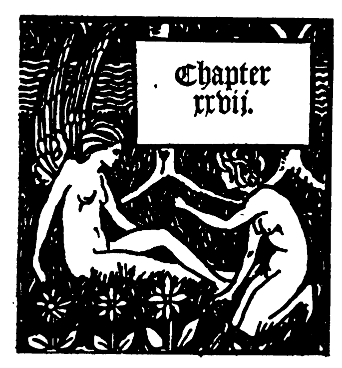
— Так я и сделаю, госпожа, ибо знайте, ради сэра Тристрама я на все готова, я ведь долгое время ему служила.

Вот наутро явилась девица к королю Марку, чтобы получить у него письма и отправиться в путь.

— Девица,— сказал ей король Марк,— я передумал и не буду сейчас слать письма королю Артуру.

Сам же он тайно отправил письма к королю Артуру и к королеве Гвине-

вере и к сэру Ланселоту. Отбыл с письмами его слуга, и нашел он короля с королевой в Уэльсе, в Карлионе. Король с королевой были у обедни, когда он явился с письмами, и по окончании молитвы они вскрыли тайком эти письма, оставшись одни. Письмо Артуру было на диво кратким и содержало совет королю, чтобы он заботился о себе и о своей жене и смотрел за своими рыцарями, а он, король Марк, о своей жене и о рыцарях позаботится сам.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ БЫЛ РАЗГНЕВАН ПИСЬМОМ, КОТОРОЕ ПОЛУЧИЛ ОТ КОРОЛЯ МАРКА, И О СЭРЕ ДИНАДАНЕ, КОТОРЫЙ СЛОЖИЛ ПЕСНЮ О КОРОЛЕ МАРКЕ ❧ Прочел то письмо король Артур и задумался о многом; и припомнились ему слова сестры его Феи Морганы, как она говорила, будто бы есть что-то между королевой его Гвиневерой и сэром Ланселотом. Долго сидел король, погруженный в эти думы. Но под конец вспомнил он, что его родная сестра — ему враг и ненавидит королеву и сэра Ланселота смертельной ненавистью. И с тем изгнал он все эти мысли из своей головы.

После того перечел письмо король Артур, а в конце письма значилось, что король Марк почитает сэра Тристрама своим смертельным врагом и пусть не сомневается король Артур, он еще отомстит сэру Тристраму. И за то разгневался король Артур на короля Марка.

А когда королева Гвиневера разобрала и прочла свое письмо, то ее гневу не было меры, ибо в письме содержались оскорбления ей и сэру Ланселоту. Она тайно переслала это письмо сэру Ланселоту. Он же, узнав содержание письма, так огорчился, что бросился на ложе свое и крепко уснул. Об этом прознал сэр Динадан, ибо такой у него был обычай, что он был в близкой дружбе со всеми добрыми рыцарями. И покуда сэр Ланселот спал, он украдкой вынул у него из руки письмо и прочел все от слова до слова, а прочтя, стал громко сокрушаться об его обиде. Тут пробудился сэр Ланселот, подошел к окну, снова перечел письмо и еще того более разгневался.

— Сэр,— сказал ему сэр Динадан,— что мучит вас? Прошу вас, откройте мне ваше сердце, ибо, клянусь богом, вы знаете отлично, что я желаю вам только добра, ведь я бедный рыцарь, слуга вам и всем славным рыцарям. И хоть сам я не из доблестных, я люблю всех тех, кто исполнен доблести.

— Это правда,— сказал сэр Ланселот,— вы рыцарь достойный доверия, и, из великого доверия к вам, я посвящаю вас в мою тайну.

И когда сэр Динадан его выслушал, он сказал:

— Сэр, вот вам мой совет: выкиньте из головы все угрозы, ибо король Марк так низок и коварен, что прямыми путями от него ничего не добьешься. И увидите, что сделаю я: я сложу про него песню [33], а когда она будет готова, пошлю к нему певца с арфой, и он споет ее перед ним.

И с тем он ушел и сложил песню и обучил ей менестреля по имени Элиот, а тот, запомнив песню, обучил ей еще многих менестрелей. А после, с согласия короля Артура и сэра Ланселота, отправились менестрели в Уэльс и Корнуэлл и повсюду пели песню, что сложил сэр Динадан про короля Марка, и то была самая злая из песен, когда-либо спетых под звуки арфы или же иного инструмента.



КАК СЭР ТРИСТРАМ БЫЛ РАНЕН, И О ВОЙНЕ, КОТОРУЮ ВЕЛ КОРОЛЬ МАРК, И О ТОМ, КАК СЭР ТРИСТРАМ ДАЛ ОБЕЩАНИЕ ЕГО СПАСТИ ❧ Мы же теперь вновь обратимся к сэру Тристраму и к королю Марку. Случилось так, что, выступая на королевском турнире, сэр Тристрам был сильно ранен и копьем и мечом, однако первенство все же досталось ему. По окончании же турнира он уехал на поправку в замок к одному доброму Корнуэльскому рыцарю по имени сэр Динас-Сенешаль.

Но по несчастью, в это время как раз прибыло из Саксонии [34] великое множество воинов, целое несметное войско, и высадились они совсем неподалеку от Тинтагиля. Предводителем же у них был сэр Элиас, искусный боец.

Узнавши о том, что враги вторглись на его землю, горько печалился и сокрушался король Марк, ибо по своей доброй воле он ни за что не желал послать за сэром Тристрамом, так смертельно он его ненавидел. Но когда собрался его совет, все предвидели и понимали, какими бедами грозит могучая вражья сила. И, согласившись между собой, они сказали королю Марку так:

— Сэр, знайте, что должно вам послать за сэром Тристрамом, славным рыцарем, а иначе нам никогда не одолеть врагов, ибо только сэр Тристрам может против них воевать, мы же только напрасно будем грести против течения.

— Хорошо,— сказал король Марк,— я поступлю по вашему совету.

И хотя было это ему вовсе не по душе, но нужда заставила его послать за сэром Тристрамом.

Вот послали за ним со всей возможной поспешностью, чтобы он прибыл ко двору короля Марка. И услышав, что его призывают, с трудом сел сэр Тристрам верхом на смирную лошадь и поехал к королю Марку. Когда же он явился, то король сказал ему так:

— Любезный племянник сэр Тристрам, дело у нас к вам такое: вторглись в нашу землю враги из Саксонии, они уже здесь неподалеку, и предстоит нам встретить их, не откладывая, а иначе они погубят нашу страну.

— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— знайте, что вся моя сила к вашим услугам. Но только, сэр, ближайшие восемь дней я не смогу носить ору-

жия, ибо мои раны еще не зажили. Но когда пройдет этот срок, тогда я сделаю все, что могу.

— Хорошо сказано,— молвил король Марк.— Возвращайтесь же назад, отдыхайте и набирайтесь свежих сил, а я тем временем выйду навстречу саксонцам со всем моим войском.

С тем король возвратился в Тинтагиль, а сэр Тристрам вернулся на поправку в замок сэра Динаса.

Король собрал большое войско и разделил его на три полка. Первый полк возглавил сэр Динас-Сенешаль, а сэр Андрет встал во главе второго; третий же полк возглавил сэр Аргус, кровный родич короля Марка.

У саксонцев же было три больших полка и много искусных бойцов.

И вот, по совету своих рыцарей, король Марк вышел с войском из замка Тинтагиль и напал на полки врагов. Впереди всех ехал сэр Динас, добрый рыцарь, и своими руками он зарубил двух рыцарей. И началось тут большое сражение. Много в нем было поломано копий, побито мечей, повержено добрых рыцарей. Но изо всех отличился в Марковом войске Динас-Сенешаль.

И долго длился тот бой, и великое множество народу в нем полегло, но под конец король Марк и сэр Динас, как ни противно то было их воле, принуждены были укрыться в стенах замка Тинтагиль, так много у них было перебито войска. Саксонцы же преследовали их по пятам, десятеро проникли вслед за ними внутрь замка и четверо были убиты опускными воротами.

И тогда король Марк снова послал к сэру Тристраму слугу, и посланный поведал ему обо всех потерях. Сэр Тристрам отправил его назад и наказал ему так:

— Передай королю Марку, что я прибуду, лишь только поправлюсь, а раньше ему от меня не будет проку.

Такой получил от него ответ король Марк.

Между тем явился под стены Тинтагиля сэр Элиас и потребовал от короля Марка, чтобы он сдал замок.

— Ибо вы ведь не в силах его долее удерживать.

— Сэр Элиас,— отвечал король Марк,— если я не получу подкрепления, то мне и в самом деле придется сдать вам замок.

И в третий раз послал король Марк к сэру Тристраму за подмогой. К этому времени сэр Тристрам уже почти поправился, он собрал десятерых добрых рыцарей короля Артура и с ними поскакал к Тинтагилю. Но при виде несметного саксонского войска подивился сэр Тристрам. Пришлось ему ехать лесами и оврагами, и так незаметно подобрался он к замковым воротам. Лишь у самых ворот бросился на него один рыцарь, увидя, что он хочет проникнуть в замок. Встретил его сэр Тристрам и на всем скаку насмерть его поразил. Так же обошелся он и еще с тремя. И все десять его добрых рыцарей тоже убили каждый по всаднику. И въехал сэр Тристрам в ворота Тинтагильского замка.

Когда узнал король Марк о прибытии сэра Тристрама, он ему очень обрадовался, и вся его дружина тоже, и веселились все по случаю его приезда.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ВЫИГРАЛ БОЙ, И КАК ЭЛИАС ВЫЗВАЛ ЖЕЛАЮЩИХ НА ПОЕДИНОК

А наутро выехал военачальник Элиас и обратился к королю Марку:

— Выходите и примите бой, ведь славный рыцарь сэр Тристрам уже прибыл к вам. И теперь позор тебе,— говорил Элиас,— отсиживаться за стенами замка.

Услышав такие речи, разгневался король Марк, он не вымолвил ни слова, но отправился к сэру Тристраму спрашивать его совета.

— Сэр,— сказал сэр Тристрам,— если на то ваша воля, я могу сам ему дать ответ.

— Да, такова наша воля,— отвечал король Марк.

И тогда сказал сэр Тристрам посланным так:

— Передайте господину вашему от короля и от меня, что завтра мы дадим ему бой в открытом поле.

— Сэр, а как ваше имя? — спросили они.

— Сэр, да будет ведомо вам, что мое имя — сэр Тристрам Лионский.

И с тем они отбыли и передали все своему предводителю Элиасу.

— Сэр,— сказал меж тем сэр Тристрам,— прошу вас, отдайте на завтрашний день ваше войско под мое начало.

— Сэр, прошу вас, считайте его у себя под началом,— отвечал король.

И тогда сэр Тристрам стал готовить полки к завтрашней битве. Он разделил все войско на шесть частей и поставил сэра Динаса-Сенешаля во главе передового отряда, а других рыцарей назначил вести остальных. И в ту же ночь спалил сэр Тристрам прямо на воде все саксонские корабли. Узнавши про это, Элиас сразу же сказал, что это — дело рук сэра Тристрама.

— Ибо он замыслил отрезать нам путь назад, чтобы ни один из нас не спасся. И потому, любезные други, завтра будем биться бесстрашно, не убоимся, не дрогнем перед рыцарем, будь он даже первый рыцарь в мире, ведь все равно один он всех нас не одолеет.

И они расположили полки свои четырьмя отрядами, и дивны были боевые уборы и блестящие доспехи их бойцов.

Вот вышли из ворот замка воины короля Марка, и осадные рати набросились на них яростно, и завязался бой, в котором особенно отличился сэр Динас-Сенешаль. Но все же, несмотря на его подвиги, сэр Динас и его дружина стали терпеть поражение.

И тогда выехал из замка сэр Тристрам и одним копьем поразил насмерть двух рыцарей. И стал он сеять смерть направо и налево, так что дивились все его бранным подвигам. И видно было, как сражение то отодвигалось от замка на расстояние полета стрелы, то подкатывалось к самым воротам. Но вот выехал Элиас-военачальник, он носился яростно по полю битвы туда и сюда и самому королю Марку нанес столь могучий удар по шлему, что выбил его прочь из седла. Тогда сэр Динас вновь подсадил короля Марка на коня.

И прискакал туда сэр Тристрам, точно дикий лев, он схватился с сэром Элиасом и с такой силой ударил его по шлему, что тот вывалился из седла. Так продолжался бой до ночи, и тогда, потеряв убитыми великое множество людей и множество раненых увозя с собою, обе стороны отошли на прежние рубежи.

Когда король Марк оказался за стенами своего замка Тинтагиль, он не досчитался из рыцарей своих целой сотни, те же, кто осаждали замок, потеряли двести рыцарей. После того обе стороны оказали помощь своим раненым, и тогда те и другие сошлись на советы. И знайте, что ни та сторона, ни другая не желала возобновлять сражение, дабы обоим войскам выйти из этого дела с честью.

Когда Элиас-военачальник узнал о гибели своих людей, он предался великой печали; когда же он услышал, что его люди не хотят больше биться, гневу его не было меры. И тогда Элиас, не долго думая, послал к королю Марку и надменно потребовал, чтобы король нашел рыцаря, который сразился бы с ним, Элиасом, один на один, и если он убьет того рыцаря, то будет взимать ежегодную дань с Корнуэлла, а если тот рыцарь убьет его, тогда навеки откажутся саксонцы от своих притязаний.

Вот отбыл посланец к королю Марку и передал ему, что господин его Элиас вызывает его найти рыцаря, который с ним сразился бы один на один. Выслушал король Марк это посольство и велел ему дожидаться ответа. А сам созвал он все свое войско, чтобы получить наилучший совет, и все они сказали одно:

— Нам сражаться нет охоты, ведь когда бы не доблесть сэра Тристрама, мы бы и вчера с поля боя живыми не ушли. И потому, сэр, мы так полагаем, что лучше будет сыскать рыцаря, который бы вступил с ним в поединок, как он по-рыцарски предлагает.



КАК СЭР ЭЛИАС И СЭР ТРИСТРАМ БИЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ ИЗ-ЗА ДАНИ, И КАК ТРИСТРАМ УБИЛ СЭРА ЭЛИАСА НА ПОЛЕ БОЯ ❧ Но хоть судить-то они так судили, однако рыцаря, чтобы сражаться, сыскать не могли.

— Государь,— объявили они все ему,— нет такого рыцаря, который бы осмелился выйти против Элиаса.

— Увы! — сказал король Марк.— Тогда я опозорен и погиб, если только племянник мой сэр Тристрам не возьмет на себя этот поединок.

— Сэр, да будет вам ведомо,— сказали все,— он вчера потрудился на поле брани сверх меры и тяжко устал и жестоко изранен.

— Но где же он? — спросил король Марк.

И ответил один из них:

— Сэр, он лежит на своей постели и отдыхает.

— Увы! — сказал король Марк,— если я не

получу помощи от племянника моего сэра Тристрама, я навеки безвозвратно погиб.

И с тем один из них отправился к сэру Тристраму, который лежал обессиленный после боя, и передал ему слова короля Марка. И сэр Тристрам сразу вскочил, накинул на себя долгополую ферязь и явился перед королем и лордами. И увидя их столь сокрушенными, спросил, какие у них вести.

— Хуже некуда,— отвечал король.

И он поведал ему все, что вы слышали ранее.

— Что же до вас,— сказал король,— с вас не можем мы более спросить ничего, ибо через вашу храбрость в прошлом бою вы всех нас уже спасли от смерти.

— Сэр,— молвил сэр Тристрам,— вижу я, что вы ждете от меня помощи, да и понятно, что я должен сделать все, что в моих силах, для спасения чести моей и жизни, хотя я изранен и весь разбит. И раз уж сэр Элиас шлет нам заносчиво свой вызов, я его принимаю! Либо погибну я на поле боя, либо избавлю Корнуэлл от прежней дани. А потому призовите немедля его посланца, и он услышит мой ответ. Ибо раны мои еще свежи, им еще семь дней заживать, а пока они день ото дня будут все болезненнее, так что пусть он передаст, что я стану с ним биться завтра же.

И приведен был Элиасов посланец пред очи короля Марка.

— Слушай, приятель,— сказал сэр Тристрам,— поспеши к господину твоему и скажи, чтобы он дал залог со своей стороны, как король даст залог со своей стороны. И еще скажи твоему господину, что сэр Тристрам, рыцарь короля Артура из дружины рыцарей Круглого Стола, завтра встретится с твоим господином, дабы вести с ним бой верхами, покуда достанет сил у коня, а после того — пеший бой до последнего дыханья.

Оглядел посланец сэра Тристрама с головы до ног и с тем отбыл. И явившись к своему господину, передал ему ответ сэра Тристрама.

Наутро выдали заложников с обеих сторон и принесли все заверения, со всей возможной ясностью, что кому ни достанется победа, то уж раз навсегда. И собрались оба войска с обоих концов поля под стенами Тинтагиля, и ни на ком не было оружия, кроме сэра Тристрама и сэра Элиаса. И вот когда приготовления были окончены, они разъехались, а потом пустили друг другу навстречу коней во весь опор, и так ударили один другого, что рухнули оба, и кони и всадники, наземь. Но тут же вскочили оба на ноги, перетянули щиты свои на грудь и с обнаженными мечами в руках стали так рубиться друг с другом, словно пламя полыхало над ними. И рубились они, то наседая, то приседая, рассекая друг на друге панцири и шлемы, щербя щиты и нанося один другому столь жестокие раны, что горячая кровь бежала на землю.

Так бились они в продолжение часа, когда стал вдруг сэр Тристрам слабеть и изнемогать, и потекла его кровь обильно, и сильно подался он назад. Видя это, стал наседать на него сэр Элиас с новой яростью и нанес ему множество свежих ран. А сэр Тристрам все изворачивался и уклонялся, отступая то в одну, то в другую сторону, из последних сил заслонялся щитом; и все говорили, что он побежден, ибо на один его удар сэр Элиас отвечал двадцатью.

И поднялся смех на стороне саксонцев, а на стороне короля Марка громкий плач.

— Увы,— воскликнул король Марк,— мы все опозорены и погублены навсегда!

Ибо, как повествуется в Книге, никогда еще не приходилось сэру Тристраму в бою так тяжко, разве только когда бился он с сэром Ланселотом. Остановились они и посмотрели вокруг себя и видят: одна сторона смеется, а другая плачет. И вспомнил тогда сэр Тристрам о своей даме, Изольде Прекрасной, взиравшей на него, и подумал он, что, может быть, никогда уже ему не быть с нею вместе. И тогда поднял он щит свой, что уже касался земли, и ринулся на сэра Элиаса и осыпал его свирепыми ударами, двадцать на один, и рассек ему надвое щит и панцирь, так что хлынула кровь его горячая на землю потоком.

Тут стали смеяться король Марк и все корнуэльцы, а на той стороне стали плакать. А сэр Тристрам крикнул сэру Элиасу:

— Покорись!

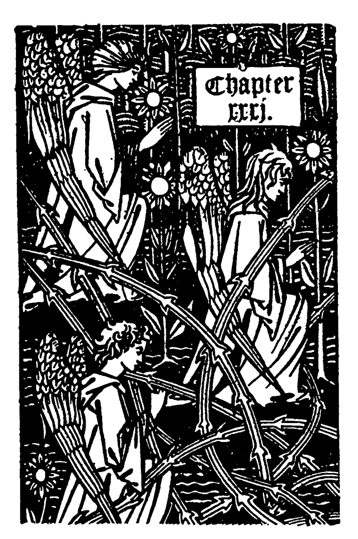
Пошатнулся сэр Элиас, споткнулся, и при виде того сказал ему сэр Тристрам:

— Сэр Элиас, я от души о тебе сожалею, ибо ты — превосходнейший рыцарь, какого я когда-либо встречал, не считая сэра Ланселота.

И с тем сэр Элиас повалился на землю и умер.

— Что еще должен я сделать? — спросил сэр Тристрам короля Марка.— Ибо этот бой окончен.

И разошлись все. Король Марк многих из них оставил у себя пленниками в возмещение вреда и ущерба, остальных отослал на родину собирать выкуп. А сэру Тристраму обмыли и исцелили все раны. Но несмотря ни на что, король Марк не оставлял своих замыслов убить сэра Тристрама, однако сэр Тристрам, хоть и видел это и слышал про коварство короля Марка, не прятался от него, но где бы ни была Изольда Прекрасная, там и он был подле нее.



КАК НА БОЛЬШОМ ПИРУ КОРОЛЬ МАРК ПРИЗВАЛ МЕНЕСТРЕЛЯ, И ТОТ СПЕЛ ПЕСНЮ, КОТОРУЮ СОЧИНИЛ ДИНАДАН ❧ Мы же теперь оставим это и поведем речь о менестрелях, посланных в Корнуэлл сэром Ланселотом и сэром Динаданом. Вот на большой пир, что задал король Марк по случаю изгнания из страны саксонцев, явился менестрель Элиот[35] с песней, сложенной сэром Динаданом. Он пробрался тайно к сэру Тристраму и пересказал ему Динаданову песню о короле Марке. Выслушал ее сэр Тристрам и сказал:

— Господи Иисусе! Дивно, как этот сэр Динадан способен и добро творить и зло. На этот раз он задумал злое дело!

— Сэр,— спрашивает Элиот,— возможно ли мне спеть эту песню перед королем Марком?

— Да, клянусь спасением,— отвечал сэр Тристрам,— ибо кто тебя вздумает обидеть, я буду твоим защитником.

Во время пиршества вошел менестрель Элиот с остальными певцами и начал свою песню. И потому что был он певец искусный, все гости стали слушать его песню, сложенную сэром Динаданом, в которой так поносил он короля Марка за его предательство, что люди и не слыхивали такого. Когда же он пропел песню до конца, разгневался жестоко король Марк и вскричал:

— Менестрель, как смеешь ты распевать такие песни предо мною?

— Сэр,— отвечал Элиот,— знайте, что я менестрель, и должен делать, как велят мне мои господа, чьи цвета ношу я на своем платье. И да будет ведомо вам, сэр, что это сэр Динадан, рыцарь Круглого Стола, сложил эту песню и прислал меня, дабы я спел ее перед вами.

— Твоя правда,— молвил король Марк.— И потому что ты менестрель, ты уйдешь отсюда цел и невредим. Но повелеваю тебе: торопись и исчезни прочь с моих глаз!

Певец Элиот ушел и, явившись с сэру Тристраму, поведал ему, как было дело. И тогда сэр Тристрам наказал составить письма со всей возможной учтивостью к сэру Ланселоту и сэру Динадану и послал с менестрелем провожатых вывести его из пределов Корнуэлла.

Нам же остается сказать, что король Марк был в ярости, ибо он полагал, что та песня была сложена по наущению сэра Тристрама, и потому он замыслил погубить сэра Тристрама и всех, кто был в Корнуэлле ему другом.



КАК КОРОЛЬ МАРК ИЗМЕННИЧЕСКИ УБИЛ СВОЕГО БРАТА БОДУИНА В БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА СЛУЖБУ, КОТОРУЮ ОН ЕМУ СОСЛУЖИЛ

❧ Теперь обратимся мы к другой теме и поведем речь о том, что приключилось между королем Марком и его братом, добрым принцем Бодуином, которого горячо любил весь народ той страны.

Случилось однажды, что неверные сарацины высадились на берег Корнуэлла вскоре после ухода саксонцев. Когда добрый принц Бодуин узнал, где они высадились, он тайно и скоро собрал в том месте своих людей. И еще до наступления дня он повелел развести дикие огни[36] на трех своих кораблях, поднял вдруг паруса, подошел по ветру и вторгся в самую гущу сарацинского флота. И говоря коротко, с этих трех кораблей огонь перекинулся на суда сарацинов и спалил их, так что ни одного не осталось. А на рассвете доблестный принц Бодуин и его дружина с кликами и возгласами напали на неверных, перебили их всех числом сорок тысяч и ни одного не оставили в живых. Король же Марк при этом известии жестоко разгневался, что брат его стяжал себе такой почет и славу. И оттого, что этот принц был всеми любим в стране более, нежели он, король, и оттого, что он был другом сэру Тристраму, король Марк задумал его погубить.

Для того, спешно и безотлагательно, он, замыслив измену, послал за принцем Бодуином и женой его Англидой, повелев им явиться немедленно и привезти с собою их малолетнего сына, дабы он мог увидеть племянника. А нужно ему это было для того, что он вознамерился и младенца тоже убить, как и отца, ибо был он подлейший из предателей, когда-либо живших на свете. Увы! за всю доброту его и за славные подвиги благородный Бодуин был убит!

Вот явился он с женою своею Англидой к королю, и король был с ними притворно ласков, пока они не отобедали. А потом подозвал король своего брата и сказал ему так:

— Брат, что там было у вас, когда приплыли неверные? Мне думается, ваш долг был оповестить об этом меня и призвать меня к месту сражения, ибо правильнее было бы, чтобы слава досталась мне, а не вам.

— Сэр,— отвечал принц Бодуин,— если бы я тогда послал за вами, неверные успели бы разорить все мои владения.

— Ты лжешь, коварный изменник!— сказал король Марк.— Ты всегда норовишь отнять у меня славу, а меня обрекаешь бесчестью, и ты любишь то, что ненавистно мне!

И с тем ударил он его кинжалом прямо в сердце, так что тот и слова уже больше не вымолвил.

А леди Англида зарыдала прегорестно и упала в обморок, когда у нее на глазах закололи ее супруга. Но ничего уже не оставалось делать, с принца Бодуина сняли одежды, увезли его и похоронили. Но супруга его леди Англида тайком унесла его рубашку и дублет и спрятала у себя.

Сильно горевали и убивались тогда сэр Тристрам, сэр Динас и сэр Фергус, а также и все другие рыцари, ибо добрый принц был всеми любим.

А Изольда Прекрасная послала за женой его Англидой и дала ей совет уезжать без промедления, а иначе будет убит и ее малолетний сын, Александр-Сирота. Выслушав такой совет, она села на коня, взяла своего сына и поскакала прочь, сопровождаемая лишь несколькими бедняками, что осмелились за ней последовать.



КАК АНГЛИДА, ЖЕНА БОДУИНА, БЕЖАЛА СО СВОИМ ЮНЫМ СЫНОМ АЛЕКСАНДРОМ-СИРОТОЙ И ПРИБЫЛА В ЗАМОК АРУНДЕЛЬ ❧ Король же Марк, сделав свое черное дело, на том не успокоился, но, ища мести, с мечом в руке бегал по дворцовым покоям в поисках Англиды и ее юного сына. Не найдя ее нигде, он призвал к себе одного доброго рыцаря по имени сэр Садук и повелел ему под страхом смерти догнать и возвратить Англиду с ее юным сыном.

И пустился в путь сэр Садук и поскакал вслед за Англидой. Через десять миль он ее нагнал и крикнул ей, чтобы она повернула коня и возвратилась ко двору короля Марка.

— Увы, любезный рыцарь,— молвила она,— что за корысть вам в смерти моего сына или в моей смерти? Ведь я и так претерпела слишком много горя и жестокую потерю.
— Госпожа,— отвечал сэр Садук,— ваша потеря горька и плачевна. Но вы, госпожа,— сказал сэр Садук,— покинете ли с сыном вашим эту страну и сумеете ли вырастить его, покуда он не войдет в возраст, дабы он тогда отомстил за смерть отца? Когда так, я согласен отпустить вас, если вы обещаете мне отомстить за смерть принца Бодуина.
— Ах, благородный рыцарь, да вознаградит тебя Иисус! И если только сын мой Александр-Сирота доживет до рыцарского возраста, он получит от меня рубашку и дублет своего отца с кровавыми пятнами и услышит рассказ о том, как все было и что возложено на него, и уж этого он до конца дней своих не забудет.
И вот они распрощались друг с другом, и сэр Садук поскакал прочь. Когда же сэр Садук возвратился к королю Марку, то его он уверил, будто утопил юного Александра. И король Марк был тому очень рад.
Мы же теперь обратимся к Англиде, которая днем и ночью скакала куда глаза глядят, торопясь покинуть Корнуэльские пределы, лишь изредка, лишь кое-где останавливаясь на отдых, и все время держала путь на юг, к берегу моря, покуда не случилось ей выехать к замку, который назывался Магон, а ныне зовется Арунделл, что в Сассексе [37]. Управитель того замка радушно встретил Англиду и объявил ей, что она — у себя дома. И был ей оказан там почетный прием, ибо жена того управителя была ей близкая родня. Имя же управителя было сэр Беллингер, и он сообщил Англиде, что этот замок по праву наследования принадлежит ей.
И там прожила Англида много лет и много зим, покуда не вырос Александр большим и сильным, и не было никого в том краю равного ему в мощи, и в играх и состязаниях ни один не мог его превзойти.



КАК АНГЛИДА ПЕРЕДАЛА СВОЕМУ СЫНУ АЛЕКСАНДРУ ОКРОВАВЛЕННЫЙ ДУБЛЕТ В ТОТ ДЕНЬ, КАК ЕГО ПОСВЯТИЛИ В РЫЦАРИ, А С НИМ И ПОРУЧЕНИЕ ОТОМСТИТЬ ❧ И вот однажды явился к Англиде управитель сэр Беллингер и сказал:
— Госпожа, настало время господину моему сэру Александру получить посвящение в рыцари, ибо он силен и крепок.
— Сэр,— она отвечала,— я бы тоже желала, чтобы он был возведен в рыцарство, но тогда я должна буду возложить на него дело столь тяжкое, какого ни одна еще грешная мать не возлагала на своего сына.
— Что до этого, то поступайте, как сочтете лучшим, я же уведомлю его, что ему предстоит быть возведенным в рыцари. И всего лучше было бы ему получить посвящение Великим постом на Благовещение [38].

— Пусть будет так,— сказала Англида,— и прошу вас сделать все приготовления.

И вот пришел управитель к Александру и объявил ему, что Великим постом на Благовещение он будет посвящен в рыцари.

— Сэр, я благодарю господа и вас,— сказал Александр,— ибо это — лучшая весть, какую я когда-либо слышал.

А управитель назначил сыновей первых баронов страны и юношей из лучших родов, всего числом в двадцать, чтобы в один день с Александром принять посвящение в рыцари.

И вот в тот самый день, когда Александр и его двадцать товарищей были возведены в рыцарское достоинство, пришла эта леди Англида к своему сыну и сказала ему так:

— О дорогой мой, любезный сын, я заклинаю тебя моим благословением и Высоким Орденом Рыцарства, в который ты ныне принят, выслушай меня и прими то дело, которое я на тебя возложу.

И с тем она извлекла на свет окровавленный дублет и окровавленную рубаху, покрытые пятнами старой крови. Когда увидел это Александр, он отшатнулся, побледнел и сказал:

— Любезная матушка, что это такое и как мне это понять?

— Я скажу тебе, любезный сын. Это дублет и рубаха твоего родного отца, которые были на нем в тот день, когда он был убит.

И она поведала ему, как это было.

— И в благодарность за славные его дела король Марк заколол его кинжалом у меня на глазах.



КАК КОРОЛЮ МАРКУ СТАЛО ИЗВЕСТНО ОБ АЛЕКСАНДРЕ, И КАК ОН ЕДВА НЕ УБИЛ СЭРА САДУКА ЗА ТО, ЧТО ТОТ ЕГО СПАС

И потому вот что я на тебя возлагаю: я требую от тебя, ради моего благословения и ради Высокого Ордена Рыцарства, чтобы отомстил ты королю Марку за смерть твоего отца.

Тут она лишилась чувств. Александр бросился к своей матери, заключил ее в объятья и сказал:

— Любезная матушка, вы возложили на меня великое дело, и вот я клянусь вам, что отомщу королю Марку, когда только сумею, в том я даю клятву перед господом и перед вами.

Так закончилось это празднество, и управитель, по желанию Англиды, позаботился, чтобы у Александра был добрый конь и крепкие доспехи. После того Александр состязался со своими двадцатью товарищами, что приняли посвящение в рыцари одновременно с ним, и, говоря коротко, он всех их, двадцать человек, одолел и поверг наземь, и никто не в силах был против него устоять.

А вскоре один из тех молодых рыцарей уехал и явился к королю Марку и поведал ему о том, как Александр был посвящен в рыцари и какое дело возложила на него его мать, о чем вы уже слышали.

— Увы! Измена и предательство!— сказал король Марк. — Я полагал, что мой злодей давно мертв. Увы! кому же я могу довериться?

И с тем схватил король Марк в руку меч и бросился разыскивать сэра Садука по дворцовым покоям, желая его зарубить. Увидел сэр Садук короля Марка с обнаженным мечом в руке.

— Сэр,— он сказал,— остерегись приблизиться ко мне! Ибо знай, что я сохранил юному Александру жизнь и об том не жалею, ибо ты коварно и трусливо убил его отца, благородного принца Бодуина, предательством отплатив за его добрые дела. И потому я молю всемогущего Иисуса, дабы послал он Александру силы и крепости отомстить тебе. И теперь настал черед тебе, король Марк, остерегаться юного Александра, ибо он уже посвящен в рыцари!

— Увы мне,— сказал король Марк,— что я должен слышать такие предательские речи!

Тут четыре рыцаря короля Марка обнажили мечи, дабы зарубить сэра Садука, но король и оглянуться не успел, как уже все четверо были убиты у него на глазах.

А сэр Садук прошел к себе в покой, взял доспехи свои, сел на коня и ускакал оттуда беспрепятственно, ибо ни сэр Тристрам, ни сэр Динас, ни сэр Фергус не желали ему зла.

А король Марк чуть не обезумел от ярости и замыслил непременно погубить Александра, ибо его он страшился и ненавидел более всех на свете.

Когда узнал сэр Тристрам, что Александр посвящен в рыцарство, он тут же послал к нему письмо с просьбой и советом, чтобы он отправился ко двору Артура и поступил в науку и услужение к сэру Ланселоту. Получил Александр письмо от кузена своего — Тристрама и решил последовать его совету.

А король Марк призвал к себе юного рыцаря, что принес ему вести об Александре, и пригласил его остаться в Корнуэлле.

— Сэр,— тот отвечал,— я поневоле здесь должен остаться, ибо к себе на родину я не осмелюсь возвратиться.

— Не беда,— сказал король Марк,— ибо я здесь дам тебе земель вдвое более против того, что имел ты на родине.

Однако в недолгом времени с этим рыцарем-предателем повстречался сэр Садук и его убил. Король Марк пришел от этого в безмерную ярость. И отправил он письма к Фее Моргане и к королеве Северного Уэльса, двум волшебницам, прося их разослать по всей округе девиц-чародеек и самых свирепых рыцарей, вроде сэра Малегрина и сэра Брюса Безжалостного, дабы Александру-Сироте ни в коем случае не миновать с ними встречи, но быть непременно убитым, либо схваченным. И все это затеял король Марк, чтобы погубить сэра Александра.



КАК СЭР АЛЕКСАНДР ЗАВОЕВАЛ ПЕРВЕНСТВО НА ТУРНИРЕ, И О ФЕЕ МОРГАНЕ, И О ТОМ, КАК ОН БИЛСЯ С СЭРОМ МАЛЕГРИНОМ И СРАЗИЛ ЕГО ❧ Мы же теперь обратимся к сэру Александру, который, расставшись со своей матерью, увез с собою окровавленную рубаху отца своего, и он возил ее до самого своего смертного часа в знак того, что не забывает об отцовской гибели.

Решил сэр Александр, по совету сэра Тристрама, добраться до Лондона и явиться к сэру Ланселоту. Но случилось так, что он выехал на берег моря и выбрал неверное направление. По пути же пришлось ему выступить на турнире, устроенном королем Карадосом, и там завоевать первенство — он сокрушил самого короля Карадоса, и двадцать его рыцарей, и еще сэра Сафира, доброго рыцаря, что приходился братом сэру Паломиду.

Всему тому была свидетельница одна девица, и она явилась к Фее Моргане и поведала ей, что видела на турнире лучшего рыцаря на свете: кого он побеждал, он заставлял поклясться, что не наденет тот оружия двенадцать месяцев и один день.

— Вот доброе известие,— сказала Фея Моргана,— ибо рыцаря этого я давно желаю видеть.

И она села на своего иноходца и долго скакала по дороге, а потом остановилась на отдых в своих шатрах. И вот едут мимо четыре рыцаря — двое при оружии и двое безоружных. И они назвали Фее Маргане свои имена. Первый был Элиас де Гоморет, а второй — Кар де Гоморет; эти двое были вооружены. А другие двое были из Камиларда и приходились кузенами королеве Гвиневере; звали же их сэр Ги и сэр Гранат, и они были безоружны.

И эти четыре рыцаря поведали Фее Моргане, как у стен одного замка какой-то молодой рыцарь всех их одолел и поверг на землю.

— Нам сказала девица, живущая в том замке, будто он молод и лишь недавно возведен в рыцарство. Мы же полагаем, что разве только сэр Тристрам или сэр Ланселот, или сэр Ламорак, славный рыцарь, могли бы выдержать удар его копья и усидеть в седле.

— Хорошо,— сказала Фея Моргана.— Я в недолгом времени увижусь с этим рыцарем, если только он находится в пределах сей страны.

А теперь мы обратимся к девице, что жила в том замке,— когда Александр-Сирота победил у нее на глазах четырех рыцарей, она подозвала его к себе и сказала так:

— Сэр рыцарь, не возьмешься ли ты, ради меня, сразиться с одним здешним рыцарем, моим давним недобрым соседом? Его имя — сэр Малегрин, и он ни за что не допускает меня выйти ни за кого замуж.

— Девица,— отвечал сэр Александр,— если он появится, покуда я здесь, я с ним сражусь.

Тогда она послала за Малегрином, и он туда прибыл, ибо он ей верно служил. Завидели они друг друга и оба изготовились к бою. Вот ринулись они друг на друга, и сэр Малегрин сломал об сэра Александра копье, а сэр

Александр в ответ ударил его так, что сбил его с коня прямо наземь. Но сэр Малегрин высвободил ноги из стремян, быстро вскочил, перетянул наперед щит, обнажил меч и крикнул сэру Александру, чтобы он спешился.

— Ибо знай, сэр рыцарь, хоть ты и одолел меня верхами, ты увидишь, что в пешем бою я буду стоять против тебя, как подобает рыцарю.

— Добро,— отвечал сэр Александр.

И он сошел с коня и передал его своему пажу. И вот бросились они друг на друга, точно два диких борова, и осыпали ударами шлемы и щиты друг на друге едва не три часа кряду, так что никто бы не мог назвать из них победителя.

А между тем Фея Моргана явилась к той девице в замок, и они вместе наблюдали за боем.

Но этот Малегрин был рыцарь многоопытный и на ноги крепкий и славился на весь мир как искуснейший пеший боец, тогда как верхами его превосходили многие. И этот Малегрин все выжидал случая нанести сэру Александру смертельный удар, а пока он так жестоко его изранил, что дивиться приходилось, как тот еще держится на ногах — так обильно он истекал кровью. Ибо сэр Александр рубился горячо и нерасчетливо, а противник его был рыцарь коварный, он все выжидал и высматривал и разил жестоко. И порой они сшибались друг с другом щитами, точно вепри или быки, и падали оба ничком на землю.

— Эй, сэр рыцарь,— сказал, наконец, сэр Малегрин,— попридержи свою руку и скажи мне, кто ты такой.

— Ну, нет,— отвечал сэр Александр. — Заставить меня никто не может! А вот ты скажи мне свое имя и по какому праву ты держишь здешние земли, или же ты умрешь от моей руки!

— Сэр, да будет тебе известно,— отвечал сэр Малегрин,— что из любви к девице, владелице этого замка, я, по злой моей удаче, убил десять добрых рыцарей и еще десятерых — по злобе и заносчивости.

— Да поможет мне бог!— вскричал сэр Александр,— признания гнуснее не случалось мне слышать из уст рыцаря. Жалости было бы достойно оставлять тебя и дальше в живых. А потому держись! Ибо, как есть я верный рыцарь, либо ты меня зарубишь насмерть, либо же я тебя!

И вновь они бросились друг на друга с яростью. Наконец сэр Александр поверг его наземь и сорвал с него шлем и отсек ему голову.

А закончив поединок, он хотел было сесть на коня, но не смог — так он был обессилен. И тогда он промолвил.

— Поддержи меня, Иисусе!

Тут явилась перед ним Фея Моргана и сказал ему, чтобы он не падал духом. Она уложила его в конную повозку и отвезла его в замок, ибо ноги не держали его, ведь у него было шестнадцать страшных ран в теле, и одна была особенно тяжела и грозила причинить ему смерть.



КАК КОРОЛЕВА ФЕЯ МОРГАНА ЗАВЛЕКЛА АЛЕКСАНДРА К СЕБЕ В ЗАМОК И ИСЦЕЛИЛА ЕГО РАНЫ ❧ Сначала королева Фея Моргана осмотрела и промыла ему раны и дала ему такие притиранья, что он едва не умер.

Назавтра, когда она опять к нему явилась, он стал жаловаться на страшные мучения. И тогда она смазала его другим снадобьем, и всю боль его как рукой сняло.

И явилась к Фее Моргане девица, что была владелицей того замка, и сказала так:

— Молю вас, помогите мне сделать так, чтобы этот рыцарь на мне женился, ибо он завоевал это право своим оружием.

— Вы увидите,— сказала Фея Моргана,— каков будет мой ответ.

А сама королева Фея Моргана пришла к сэру Александру и научила его ни в коем случае не соглашаться на просьбу этой дамы, если она предложит ему с ней обвенчаться.

— Ибо она вам не пара.

И вот явилась к сэру Александру та девица и сказала, что желает взять его себе в мужья.

— Девица,— отвечал ей сэр Александр,— я вас благодарю, но покуда еще нет у меня намерения жениться в этой стране.

— Сэр,— она тогда сказала,— раз вы не желаете на мне жениться, я прошу вас, как вы меня завоевали в честном бою, отдайте меня в жены одному здешнему рыцарю, который мне преданный друг и любит меня уже много лет.

— Ото всей моей души,— отвечал сэр Александр,— я даю вам на это свое согласие.

И было послано за тем рыцарем, имя которому было сэр Герин Толстый. И он соединил их руки и обвенчал их.

А после того явилась королева Фея Моргана к сэру Александру и велела ему подняться с ложа и снова уложила его в конную повозку. И она дала ему выпить такого снадобья, что три дня и три ночи он спал без просыпу.

Так она привезла его к себе в замок, что в те времена носил название Бель-Регард. А там Фея Моргана опять пришла к сэру Александру и спросила его, желает ли он исцелиться.

— Госпожа, кто же пожелает болезни, если возможно исцеление?

— Хорошо,— сказала Моргана,— поклянитесь мне рыцарской вашей честью, что целый год и один день не покинете пределов этого замка, и вы сразу же выздоровеете.

— Я согласен,— сказал сэр Александр.

И он дал обещание и тут же исцелился. Но, почувствовав себя исцеленным,

сэр Александр раскаялся в этой клятве, ибо из-за нее он не мог мстить королю Марку.

Тем временем прибыла туда одна девица, племянница графа Пазского, и она состояла в близком родстве также и с Феей Морганой. И замок этот Бель-Регард должен был по праву наследования принадлежать ей. Въехала эта девица в замок и нашла там сэра Александра на ложе в тоске и печали.



КАК БЛАГОДАРЯ ДЕВИЦЕ АЛЕКСАНДРУ УДАЛОСЬ ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ЗАМКА КОРОЛЕВЫ ФЕИ МОРГАНЫ ❧ — Сэр рыцарь,— сказала девица,— если желаете вы порадоваться, я могу сообщить вам добрые вести.

— Хорошо бы,— отвечал сэр Александр,— услышать мне добрые вести, ибо сейчас я здесь — пленник моего собственного слова.

— Сэр,— она сказала,— знайте, что неволя ваша крепче, чем вы полагаете, ибо госпожа моя и сестра Фея Моргана держит вас здесь пленником для того лишь, чтобы насладиться с вами любовью, когда она пожелает.

— Упаси меня Иисусе,— сказал сэр Александр,— от такого наслажденья! Ибо я лучше дам себя оскопить, чем доставлю ей такое наслаждение.

— Да поможет мне Иисус,— сказала девица,— если вы полюбите меня и послушаете моего совета, я научу вас, как освободиться с честью.

— Говорите, как мне должно поступить, и вы заслужите мою любовь.

— Любезный рыцарь,— сказала она,— этот замок по праву должен принадлежать мне. У меня есть дядя, могущественный лорд и граф Пазский, и он изо всех людей ненавидит всех более Фею Моргану. Я пошлю к нему и буду просить, чтобы он, по моему желанию, разрушил замок за здешние злые обычаи, и он сюда прибудет и подпалит замок со всех концов диким огнем. А я буду ждать вас у потайного бокового выхода, и у меня будет конь ваш и ваши доспехи.

— Любезная девица, это прекрасно задумано.

— И тогда вы можете прожить на месте этого замка целый год и один день, и не нарушите вашей клятвы.

— Воистину, любезная девица,— сказал сэр Александр,— вы говорите правду.

И он ее поцеловал и сделал по ее желанию все, что им обоим было в полное удовольствие и наслаждение.

И послала она к своему дяде и просила его приехать и разрушить замок, ибо, как повествуется в Книге, он бы давно его уничтожил, когда бы не опасался причинить зло ей.

Когда прочел граф ее письмо, он послал ей весть, что в такой-то день он

прибудет туда и разрушит замок. И вот, когда настал тот день, сэр Александр направился к боковому выходу, чтобы, как было меж ними условлено, выбраться из замка и укрыться в саду, где должны были ждать его конь и доспехи.

И в назначенный день прибыл туда граф Пазский с четырьмя сотнями рыцарей и поджег тот замок с четырех сторон, так что когда они оттуда уехали, то не осталось там и камня на камне.

Он же все время, пока бушевал пожар в замке, скрывался в саду. Когда же погасло пламя, он возгласил во всеуслышанье, что останется на этой земле, где был прежде замок Бель-Регард, и целый год и один день готов оружием отстаивать ее ото всякого проезжего рыцаря.

А был там один граф по имени сэр Ансерус, он приходился родичем сэру Ланселоту. И был этот рыцарь великий паломник, ибо через каждые два года на третий совершал паломничества в Иерусалим. И оттого что проводил он в паломничествах всю свою жизнь, люди звали его граф Ансерус-Паломник.

А у этого графа была дочь по имени Алиса, собою прекрасная, и по имени своего отца она звалась Алиса-Прекрасная Паломница.

И вот, услыхав о том, что возгласил сэр Александр, она отправилась ко двору короля Артура и объявила там открыто, при всех рыцарях, что кто одолеет рыцаря, взявшегося отстаивать землю, где стоял замок, тот получит ее самое и все ее земли.

Когда рыцари Круглого Стола услышали такие ее речи, многие из них обрадовались, ибо она была прекрасна собой и имела большие владения и богатые доходы.

Она же повелела возвестить по городам и замкам о своем решении, столь же твердом, как и решение сэра Александра. И разбили ее шатер рядом с тем местом, которое поклялся отстаивать сэр Александр.

Но не успела она там расположиться, как появился вдруг рыцарь Артурова двора по имени сэр Саграмур Желанный и вызвал на поединок сэра Александра. Вот съехались они, и он обломал об сэра Александра свое копье. Сэр же Александр ударил его с такой силой, что отломилась лука его седла и он очутился на земле.

Увидела Прекрасная Алиса, как искусно бьется сэр Александр, и подумалось ей, что никогда еще не встречался ей всадник, видом столь прекрасный. И тогда она выбежала из шатра, взяла его коня за узду и сказала так:

— Любезный рыцарь! Прошу тебя рыцарской честью: открой мне твое лицо.

— Я согласен,— он отвечал,— и не побоюсь открыть лица.

И с тем он снял шлем свой, и она, увидев черты его, сказала:

— Ах, милосердный отче Иисусе! Тебя я должна любить и никого другого.

— Тогда откройте и вы мне ваше лицо,— сказал он.



КАК АЛЕКСАНДР ПОВСТРЕЧАЛСЯ С АЛИСОЙ-ПРЕКРАСНОЙ ПАЛОМНИЦЕЙ, И КАК ОН СРАЖАЛСЯ НА КОПЬЯХ С ДВУМЯ РЫЦАРЯМИ, А ТАКЖЕ ЕЩЕ О НЕМ И О СЭРЕ МОРДРЕДЕ ❧ Она откинула покрывало, и когда он увидел ее, он сказал:

— Ах, господи Иисусе! Вот я нашел себе даму и возлюбленную. И потому я клянусь вам, прекрасная дама, быть верным вашим рыцарем и больше ничьим на свете.

— А теперь, благородный рыцарь,— сказала она,— назовите мне ваше имя.

— Госпожа, мое имя — сэр Александр-Сирота.

— Ах, сэр,— сказала она,— меня же, если вам угодно знать, зовут Алиса-Прекрасная Паломница. Потом когда-нибудь, на досуге, мы расскажем друг другу, какого мы оба рода.

Так началась между ними великая любовь.

Но покуда они беседовали, прискакал туда рыцарь по имени сэр Харлеус Бородатый [39] и крикнул, чтобы сэр Александр поделился с ним своими копьями [40]. И тогда сэр Александр выехал против него и с первого же удара перебросил его через круп его коня. Вслед за тем явился туда другой рыцарь, которого звали сэр Хугон, и сэр Александр его тоже поверг наземь. Тогда сэр Хугон предложил ему рубиться пешими, но и тут сэр Александр сокрушил его с трех ударов; а потом сорвал с него шлем и хотел было его убить, но сэр Хугон ему покорился. И сэр Александр заставил обоих этих рыцарей поклясться, что они не наденут оружия целый год и один день. А затем сэр Александр спешился и ушел отдохнуть и подкрепиться.

Между тем, та девица, что вызволила сэра Александра из замка, шутя, поведала Алисе все о том, как он был пленником в замке Бель-Регард и как она избавила его из неволи.

— Сэр,— сказала ему Алиса-Прекрасная Паломница,— мне кажется, что вы весьма обязаны этой девице.

— Воистину так,— сказал сэр Александр.

После этого Алиса поведала ему, какого она рода, сказав так:

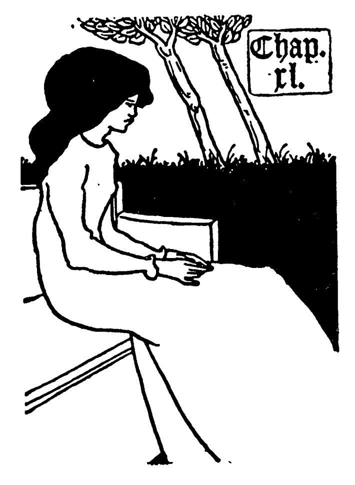
— Сэр, да будет ведомо вам, что я из рода короля Бана, который был отцом сэра Ланселота.

— Истинно так, прекрасная дама,— сказал сэр Александр.— А моя мать мне говорила, что отец мой был брат короля и я — в близком родстве с сэром Тристрамом.

Вскоре после того прибыли туда три рыцаря: одного звали сэр Вейн, другому имя было сэр Харвис Маркский, а третьему — сэр Перин де ла Монтань. И сэр Александр одним копьем поверг их наземь всех троих, и они так расшиблись, что уж не было у них охоты биться дальше пешими. И он заставил их поклясться не носить оружие целый год.

Когда они уехали, сэр Александр, не слезая с коня, поглядел на свою возлюбленную Алису, стоящую у входа в шатер, и от любви к ней совсем по-

терял рассудок, так что уже и не знал даже, на коне он или на земле. А тут как раз прискакал туда коварный рыцарь сэр Мордред и увидев, что сэр Александр от любви совсем обеспамятел, он взял под уздцы его коня и повел за собой, думая увести его с назначенного места и тем опозорить.
Но девица, что вызволила его из замка, увидела, какой ему грозит позор, и повелела тут же облачить себя в доспехи и навесила щит на плечо. И сев на коня, она с обнаженным мечом в руке налетела на сэра Александра со всею силой и так ударила его по шлему, что у него словно огонь из глаз выбился.
Ощутив такой удар, очнулся сэр Александр, оглянулся вокруг и выхватил свой меч. И при виде этого она пустилась прочь во весь опор, и сэр Мордред тоже поспешил укрыться в лесу. А девица спряталась в шатре.
Понял тут сэр Александр, что коварный рыцарь опозорил бы его, не очутись тут эта храбрая девица, и подосадовал он на себя, что упустил сэра Мордреда. И весело посмеялись сэр Александр и его дама Алиса над девицей, что она так смело на него напала.
Так бился сэр Александр день за днем, и верхом, и пешим, и много боев провел он с рыцарями Артурова двора, а также и с неизвестными мимоезжими рыцарями, так что описывать поединок за поединком было бы уж слишком долго. Ибо за те двенадцать месяцев не было дня, чтобы он не сражался с одним или двумя рыцарями, а в иной день так и с тремя, а то и с четырьмя, и ни разу ни один рыцарь не взял над ним верх.
По прошествии же года он покинул то место со своею дамой Прекрасной Паломницей. И девица та ни за что не пожелала с ним расстаться, так что они все втроем отправились в страну свою Бенвик и там жили в радости и веселии.



КАК СЭР ГАЛАХАЛЬТ ВЕЛЕЛ ПРОВОЗГЛАСИТЬ ТУРНИР В СУРЛУЗЕ, НА КОТОРОМ РЫЦАРИ КОРОЛЕВЫ ГВИНЕВЕРЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ВЫСТУПИТЬ ПРОТИВ ВСЕХ ПРИЕЗЖИХ ❧ Но, как повествуется в Книге, король Марк не знал покоя, покуда все же предательски не убил его. Но Алиса родила ему сына, имя которому дано было Белингер Жестокий, и ему посчастливилось попасть ко двору короля Артура, где он выказал себя добрым рыцарем. Он и отомстил за смерть своего отца этому недостойному королю Марку, который убил через свое предательство и коварство и сэра Тристрама и сэра Александра.
А сэр Александр так никогда и не сподобился чести и удачи попасть ко двору короля Артура. Ибо прибудь он к сэру Ланселоту, завоевал бы он славу одного из самых могучих рыцарей в Артуровы времена, каким признавали его все рыцари, кому случалось с ним встретиться. И все его горько оплакивали.

На том мы его оставим и обратимся к другому повествованию.
Случилось так, что сэр Галахальт, Высокородный Принц, властелин страны Сурлузской, откуда вышло немало добрых рыцарей,— и сам этот благородный принц был доблестный рыцарь и содержал при себе добрую рыцарскую дружину — случилось, что он прибыл ко двору короля Артура и объявил королю о причине своего приезда: он назначил турнир у себя в Сурлузе, а эта страна находилась в пределах Артуровых владений, и потому он испрашивал позволения созвать этот турнир.
— Я даю вам мое изволение,— сказал король Артур,— но знайте, что сам я туда прибыть не смогу.
— Сэр,— сказала королева Гвиневера,— не соблаговолите ли вы отпустить меня на этот турнир?
— С доброй охотой,— отвечал король Артур,— ибо сэр Галахальт, добрый барон, возьмет вас под свое покровительство.
— Сэр, как вы велите, так пусть и будет.
И еще королева сказала:
— Я хочу выбрать и взять с собою кое-кого из рыцарей.
— Поступайте по своему желанию,— сказал король.
И тогда она повелела готовиться в путь сэру Ланселоту с теми из рыцарей, кого он изберет.
Между тем по всем славным городам и замкам этой страны было возглашено, что сэр Галахальт устраивает турнир в стране Сурлузе, что продлится этот турнир семь дней и что Высокородный Принц заодно с рыцарями королевы Гвиневеры будет биться против всякого, кто туда ни приедет. И когда глашатаи об том возвестили, короли и принцы, герцоги, графы и бароны и благородные рыцари стали собираться на турнир.
А в день начала турнира прибыл туда переодетым сэр Динадан.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ СРАЖАЛСЯ НА ТУРНИРЕ, И КАК СЭР ПАЛОМИД СОВЕРШАЛ ПОДВИГИ РАДИ ДЕВИЦЫ

И он свершил там немало бранных подвигов. Но потом, по желанию королевы Гвиневеры и короля Багдемагуса, в гущу сражения въехал сэр Ланселот; однако и на нем не было никаких знаков, и потому на турнире мало кто его признал. И схватился с ним сэр Эктор Окраинный, его единокровный брат, и оба они обломали друг о друга копья по рукоять. Но потом они взялись за новые копья, и сэр Ланселот поверг наземь сэра Эктора, своего брата.
Это видел сэр Блеоберис, и он нанес сэру Ланселоту по шлему такой удар, что у того в глазах померкло. Но тут же сэр Ланселот с такой силой поразил в ответ сэра Блеобериса, что у сэра Блеобериса голова поникла на сторону, и затем он нанес ему второй удар и выбил его из седла. И поскакал он дальше, все время держась в самой гуще сраженья.

Когда король Северного Уэльса увидел сэра Эктора и сэра Блеобериса распростертыми на земле, он сильно разгневался, ибо они выступали на его стороне против рыцарей Сурлузы. И вот тот король ринулся на сэра Ланселота и об него обломал свое копье. А сэр Ланселот тогда нагнал короля Северного Уэльса и мечом нанес ему по шлему удар такой силы, что он вылетел вон из седла. Но вскоре подсадили его вновь на коня.

И бросились в бой рыцари короля Багдемагуса против рыцарей короля Северного Уэльса, и закипело тут яростное сражение, но сторона Северного Уэльса была сильнее, чем противная.

Вот видит сэр Ланселот. что его сторона терпит поражение, и тогда он ринулся в самую гущу сражающихся с тяжелым мечом в руке. Он разил направо и налево, выбивая рыцарей из седел и срывая шлемы с голов, так что все там диву давались, видя его доблестные подвиги без счета.

Видит все это сэр Мелегант, сын короля Багдемагуса, он узнал в том рыцаре сэра Ланселота и сразу догадался, что это из-за него сэр Ланселот не хочет быть узнан. И тогда он попросил одного рыцаря копьем или мечом убить под сэром Ланселотом коня.

А между тем король Багдемагус съехался в сторонке с рыцарем, имя которому было сэр Сансей, добрый рыцарь, и сказал ему так:

— Вот что, любезный рыцарь сэр Сансей, выезжай против моего сына и проучи его как следует, ибо я желаю, чтобы он был побит твоею рукою и оттого покинул этот турнир.

И съехался сэр Сансей с сэром Мелегантом, и сшибли они друг друга на землю. Потом затеяли пеший бой, и сэр Сансей так и одолел бы сэра Мелеганта, когда бы не подоспела подмога. Но вот затрубил Высокородный Принц сигнал к отбою, и все рыцари, снявши оружие, поспешили на пир.

Между тем явилась к Высокородному Принцу девица и принесла жалобу на рыцаря по имени сэр Гонерис, что он захватил все ее земли. А рыцарь этот был как раз там, и он бросил перчатку ей или любому, кто ни возьмется за нее выступить в поединке. Подобрала девица перчатку в печали, ибо некому было за нее сразиться. Но тут явился паж и сказал:

— Девица, поступите ли вы по моему совету?

— С радостью,— она отвечала.

— Тогда ступайте к рыцарю, что остановился тут неподалеку в монашеской обители. Этот рыцарь преследует Зверя Рыкающего, и вы попросите его, чтобы он за вас заступился. Он непременно удовлетворит вашу просьбу.

Она тут же села на лошадь и поехала и вскоре нашла того рыцаря, а имя ему было сэр Паломид. Как только высказала она ему свою просьбу, он облачился в доспехи и поехал вместе с нею, и он послал ее к Высокородному Принцу испросить изволения ее рыцарю на поединок.

— Я даю согласие,— сказал Высокородный Принц.

Вот рыцари изготовились к бою и выехали верхами на турнирное поле. У обоих в руках было по тяжелому копью, и они сшиблись с такой силой, что копья их раскололись. Тут выдернули они свои мечи, и одним ударом поверг сэр Паломид сэра Гонериса на землю. А тогда сорвал он с него шлем и отсек ему голову долой.

И после того отправились они все ужинать.
А эта девица полюбила сэра Паломида, но, как повествуется в Книге, она была с ним из одного рода.
Тогда сэр Паломид переменил на себе платье и доспехи — он взял щит с изображением Зверя Рыкающего, и такие же изображения были у него на плаще и на чепраке его коня, и послал он к Высокородному Принцу и просил у него позволения сразиться с остальными рыцарями, кроме лишь сэра Ланселота, с которым состязаться он страшился. Высокородный Принц передал ему ответ, что он свободен биться со всяким и что сэр Ланселот против него не выйдет. И повелел возгласить сэр Галахальт, Высокородный Принц, что тому рыцарю, который повергнет сэра Паломида, достанется его девица.



КАК БИЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ СЭР ГАЛАХАЛЬТ И СЭР ПАЛОМИД; И О СЭРЕ ДИНАДАНЕ С СЭРОМ ГАЛАХАЛЬТОМ

Здесь начинается день второй. Вот только что выехал на поле сэр Паломид, как с другого конца показался сэр Галахальт, Высокородный Принц, и съехались они, выставив тяжелые копья. Сшиблись они с такой силой, что у обоих копья раскололись. Удар сэра Галахальта был таков, что он отбросил сэра Паломида назад на круп его коня, однако тот не потерял стремени. После этого обнажили они мечи и нанесли друг другу немало жестоких ударов, так что многие доблестные рыцари приостановили поединки, чтобы наблюдать за ними. Но под конец нанес сэр Галахальт сэру Паломиду по шлему удар великой силы, однако шлем его оказался так прочен, что меч не смог его рассечь, но скользнул вниз и отсек голову коню.
Но когда сэр Галахальт увидел, как под славным рыцарем сэром Паломидом рухнул на землю конь, он устыдился такого своего удара. В тот же миг соскочил и он на землю со своего коня и просил сэра Паломида принять этого коня от него в дар, а его самого простить.
— Сэр,— отвечал сэр Паломид,— я вас благодарю за великую вашу доброту, ибо от благородного человека рыцарю никогда не будет бесчестия.
И он сел на того коня, Высокородному же Принцу тут же подвели коня другого.
— А теперь,— молвил Высокородный Принц,— я отдаю вам эту девицу, ибо вы ее себе завоевали.
— Сэр,— отвечал Паломид,— и девица и я, мы оба к вашим услугам.
С тем они разъехались, и сэр Галахальт свершил на турнире еще немало бранных подвигов. Вскоре выехал против него сэр Динадан, и устремились они с сэром Галахальтом друг на друга и сшиблись с такой силой, что копья их обломились по рукоять. Но сэр Динадан думал найти своего противни-

ка обессиленным, и он стал осыпать Высокородного Принца яростными ударами. Однако, видя, что повергнуть его наземь ему не удается, он сказал:
— Господин мой, я прошу вас, прекратите поединок со мной и сразитесь, если вам угодно, с кем-нибудь другим.
Высокородный Принц сэра Динадана не узнал, но за учтивые его слова прервал с ним поединок, и на том они разъехались. Но другой рыцарь, случившийся поблизости, открыл Высокородному Принцу, что то был сэр Динадан.
— Воистину,— сказал Высокородный Принц,— мне обидно, что он от меня так ушел, ибо теперь от его шуток и насмешек не буду я знать покою.
И с тем он бросился за ним вослед во весь опор, крича издалека:
— Постой, сэр Динадан, именем короля Артура!
— Ну, нет,— отвечал сэр Динадан,— избави меня бог еще раз встретиться сегодня с вами лицом к лицу!
Тогда сэр Галахальт на всем скаку налетел на сэра Мелеганта и так ударил его копьем в горло, что, упади сэр Мелегант на землю, сломал бы он себе шею. И тем же копьем поверг он наземь еще одного рыцаря.
Между тем выехали на поле рыцари Северного Уэльса и с ними еще многие неизвестные рыцари, и уже обернулось дело так, что Сурлузской стороне грозило поражение, ибо на долю сэра Галахальта — Высокородного Принца доставалось чересчур много ратных трудов. Но в это время выехал на поле добрый рыцарь сэр Семонд Храбрый с сорока рыцарями и отбил все их нападения.
Тут королева Гвиневера и сэр Ланселот дали знак трубить отбой, и все рыцари разоружились и стали собираться на пиршество.



КАК СЭР АРКАД ОБВИНИЛ СЭРА ПАЛОМИДА В ИЗМЕНЕ, И КАК СЭР ПАЛОМИД ЕГО УБИЛ ❧ Когда сэр Паломид разоружился, он спросил себе с девицею покои, и Высокородный Принц распорядился, чтобы было все устроено. Но лишь только он очутился у себя в покое, как явился к сэру Паломиду рыцарь по имени Аркад,— а был он братом сэру Гонерису, которого сэр Паломид убил в поединке за ту девицу. И этот рыцарь Аркад назвал сэра Паломида предателем и обвинил его в убийстве своего брата.
— С изволения Высокородного Принца,— сказал ему сэр Паломид,— я отвечу на твое обвинение.
Когда сэр Галахальт услышал, в чем их распря, он повелел им сначала отправиться обедать.
— А как только вы отобедаете, смотрите, будьте оба готовы к поединку.
Вот, лишь только пообедали они, оба облачились в доспехи и сели на коней. А королева и Высокородный Принц и сэр Ланселот расположились

наблюдать за ними. Вот пустили они коней во весь опор, сшиблись сэр Паломид с сэром Аркадом, и перекинул сэр Паломид сэра Аркада на конце копья через круп его коня. После того спешился сэр Паломид и обнажил меч, но сэр Аркад не смог подняться на ноги. И тогда сэр Паломид сдернул с него шлем и отсек ему голову. И после этого Высокородный Принц и королева Гвиневера отправились ужинать.
А король Багдемагус отослал оттуда своего сына Мелеганта, дабы воспрепятствовать его поединку с сэром Ланселотом; ибо он жестоко ненавидел сэра Ланселота, а тот об этом не знал.



О ДНЕ ТРЕТЬЕМ, И КАК СЭР ПАЛОМИД БИЛСЯ НА КОПЬЯХ С СЭРОМ ЛАМОРАКОМ; А ТАКЖЕ И О ДРУГИХ ВЕЩАХ

Здесь начинается третий день турнира. В тот день изготовился к бою король Багдемагус, а против него выехал король Марсил, который держал от сэра Галахальта — Высокородного Принца один остров. И случилось так, что король Багдемагус и король Марсил Пометанский сшиблись, выставив копья, и король Марсил получил такой удар, что перелетел через круп своего коня. Тогда выехал один рыцарь короля Марсила отомстить за своего господина, но король Багдемагус поверг его — и коня и всадника — наземь. Тут выехал граф по имени сэр Арус и сэр Брюс и с ним сто рыцарей Пометанских, и еще король Северного Уэльса, и все они выехали против Сурлузской стороны. Тут завязалось большое сражение, и многих рыцарей посбрасывали под ноги их коням. Но всех превзошел король Багдемагус, ибо он первым выехал на поле и дольше всех оставался среди сражающихся. Но сэр Гахерис, Гавейнов брат, все старался достать копьем до лица короля Багдемагуса, и тот под конец сшиб наземь сэра Гахериса — и коня и всадника.
И случилось сэру Паломиду встретиться с сэром Бламуром Ганским, что приходился братом сэру Блеоберису, и они оба так ударили друг на друга тяжелыми копьями, что рухнули наземь, и кони и всадники. Но сэр Бламур упал так, что едва не сломал себе шею, ибо кровь хлынула у него из носа, изо рта и из ушей.
И еще приехал туда граф Чаленс Кларанский, а с ним рыцарь по имени сэр Элис Черный. Схватился с ним король Багдемагус и так поразил сэра Элиса, что выбил его вон из седла.
Граф же Чаленс Кларанский свершил там немало бранных подвигов, и хоть он прибыл на турнир только в третий день, никто так не отличился, кроме короля Багдемагуса и сэра Паломида. Первенство в тот день было присуждено королю Багдемагусу, а после того протрубили отбой, все разоружились и собрались на пиршество.
В это самое время явился туда сэр Динадан и стал шутить и потешаться над Багдемагусом, так что все рыцари вместе с ним смеялись, ибо он был прославленный шутник и состоял в дружбе со всеми добрыми рыцарями.

А лишь только они отобедали, явился туда паж, неся на плече четыре копья, и, приблизившись к сэру Паломиду, сказал ему так:
— Здесь поблизости находится один рыцарь, он прислал тебе на выбор эти четыре копья, дабы ты взял себе половину и ради твоей дамы сразился бы с ним на турнирном поле.
— Передай ему,— отвечал сэр Паломид,— что за мною дело не станет.
Тогда сказал ему сэр Галахальт:
— Готовьтесь к бою!
И вот королева Гвиневера и Высокородный Принц и сэр Ланселот расположились в ложах, дабы судить поединок между этими рыцарями.
Поскакали сэр Паломид и неизвестный рыцарь друг другу навстречу и обломали свои копья по рукоять. Схватили оба по второму копью и их раскололи в щепы. Тогда взяли они оба тяжелые копья, и тот рыцарь поверг наземь сэра Паломида, и коня и всадника. Но когда он хотел проскакать над поверженным противником, конь его споткнулся, и он упал на сэра Паломида. Тогда они обнажили мечи и стали рубиться яростно — всем на диво. И сказали Высокородный Принц и сэр Ланселот, что никогда они не видели, чтобы двое рыцарей рубились лучше. Но неизвестный рыцарь все удваивал свои удары и постепенно теснил сэра Паломида.
Наконец подал Высокородный Принц знак к окончанию боя.
Они разошлись по своим покоям, а когда разоружились, то в неизвестном рыцаре признали сэра Ламорака. Сэр Ланселот, узнавши сэра Ламорака, приветствовал его с великим радушием, ибо он любил его больше всех людей на свете, кроме сэра Тристрама.
И королева Гвиневера тоже восхваляла его, и с нею все добрые рыцари, и все принимали его радушно, кроме братьев сэра Гавейна.
А потом сказала королева Гвиневера сэру Ланселоту:
— Сэр, я прошу вас больше не вести поединков ни с кем из рода господина моего короля Артура.
И он дал ей в том обещание на время турнира.



О ДНЕ ЧЕТВЕРТОМ И О МНОГИХ СЛАВНЫХ РАТНЫХ ПОДВИГАХ ❧ Здесь начинается четвертый день. Выехал на поле Король-с-Сотней-Рыцарей и все остальные со стороны Северного Уэльса, и герцог Чаленс Кларанский, и король Марсил Пометанский. А между тем прибыл туда сэр Сафир, брат сэра Паломида, и принес сэру Паломиду вести об их отце и матери:
— Имя нашего обидчика было граф де-ла-Планш, я обвинил его перед королем в том, что он пошел войной на нашего отца и мать. И в честном поединке я его убил.
И оба они выехали на турнирное поле, и та девица — с ними.
А против них выехали сэр Блеоберис Ганский и сэр Эктор Окраинный. И Сэр Паломид встретился

в поединке с сэром Блеоберисом, и оба они оказались выбиты из седел. Так же было и с сэром Сафиром и сэром Эктором, и дальше обе эти пары вели бой пешие.

Потом выехал сэр Ламорак против Короля-с-Сотней-Рыцарей и перекинул его через круп его коня. Таким же образом разделался он с королем Северного Уэльса и так же сокрушил и короля Марсила. И до той поры, покуда он не прекратил бой, он копьем своим и мечом сокрушил тридцать рыцарей.

А герцог Чаленс, при виде такой его доблести, не стал с ним сражаться, убоясь позора. И всем своим рыцарям он повелел, чтобы «ни один не коснулся того рыцаря, ибо всему рыцарству это было бы позором, когда б столь доблестный рыцарь оказался посрамлен».

Тогда те два короля съехались вместе и вдвоем напали на сэра Ламорака.

Он же не заставил себя просить, но носился туда и сюда, там срывал шлемы, тут сыпал удары, так что Высокородный Принц и королева Гвиневера говорили, что не случалось им видеть, чтобы рыцарь так отличился на коне.

— Увы! — сказал тут сэр Ланселот королю Багдемагусу,— придется мне вооружиться и выехать на подмогу сэру Ламораку.

— И я поеду с вами,— сказал король Багдемагус.

И когда они двое сели на коней, то подъехали к сэру Ламораку, окруженному тридцатью рыцарями, хотя редко кому из них удавалось нанести ему удар; он же разил в ответ сокрушительно. Но вот въехал в гущу битвы сэр Ланселот и выбил из седла сэра Мадора де-ла-Порте, и обломком того же копья он поверг на землю еще многих рыцарей. И король Багдемагус разил направо и налево, так что дивно было смотреть. И тогда те три короля отступили и обратились в бегство.

Тут повелел сэр Галахальт трубить отбой; и все герольды возгласили победителем сэра Ламорака.

А все это время сэр Паломид, и сэр Блеоберис, и сэр Сафир, и сэр Эктор продолжали свой пеший бой, и никогда не бились в поединках рыцари, столь равные силой. Теперь они разошлись и разоружились, и все собрались на пиршество.

А когда сэр Ламорак явился в замок, королева Гвиневера заключила его в свои объятья и сказала:

— Сэр, ныне вы изо всех отличились!

Подошел тут и Высокородный Принц и приветствовал его с великой радостью, и сэр Динадан тоже, он даже плакал от радости. Но радость сэра Ланселота никакой язык не в силах передать. А потом все разошлись на отдых.

Наутро же снова повелел трубить Высокородный Принц к началу боя.



О ДНЕ ПЯТОМ, И КАК ВЫКАЗАЛ СЕБЯ СЭР ЛАМОРАК ❧ Здесь начинается пятый день. Случилось так, что рано поутру прискакал сэр Паломид туда, где находился король Артур,— в замок неподалеку от Сурлузы, и вызвал на бой всякого, кто ни пожелает с ним сразиться. Встретился с ним почтенный герцог по имени сэр Адрон, и сэр Паломид перебросил его через круп его коня. А этот герцог был дядей королю Артуру.

Тогда сын его, сэр Элис, выехал против сэра Паломида, и он так же расправился и с сэром Элисом. Когда увидел это сэр Гавейн, то разгневался сильно. Он сел на коня и схватился с сэром Паломидом, но сэр Паломид ударил на него с такой силой, что сокрушил его наземь, и коня и всадника. И, говоря коротко, также сокрушил он его троих братьев — сэра Мордреда, сэра Гахериса и сэра Агравейна.

— Иисусе! — вскричал король Артур,— это жестокое оскорбление, что один сарацин поверг стольких моих родичей!

Разгневался король Артур и собрался сам выехать с ним сразиться. Но сэр Ламорак, видя гнев короля Артура и его племянников, поспешил изготовиться к бою и спросил сэра Паломида, желает ли он сразиться еще.

— Отчего бы мне не сразиться? — сказал сэр Паломид.

Тут они сшиблись с разгону и обломали свои копья, так что древки разлетелись вдребезги, и весь замок звенел от их ударов. Потом взяли они копья потяжелее и снова сшиблись яростно, и копье сэра Паломида сломалось, Ламораково же копье осталось цело. Потерял сэр Паломид шпоры из-под ног и лег плашмя на спину коню. Но потом все же удержался на коне, поднялся снова в седле и ускакал оттуда прочь вместе с девицею и с сэром Сафиром.

Когда он скрылся из виду, то король приблизился к сэру Ламораку, поблагодарил его за его благородство и спросил его имя.

— Сэр,— отвечал сэр Ламорак,— знайте, что я обязан вам службой, но покамест еще я здесь при вас не останусь, ибо вокруг вас вижу я множество моих врагов.

—Увы! — сказал король Артур,— теперь мне понятно, что это — сэр Ламорак Уэльский. О, сэр Ламорак, останься с нами! И клянусь короной, ты можешь на меня положиться: не осмелится ни сэр Гавейн и ни один из его братьев замыслить против тебя зло.

— Сэр, они уже причинили великое зло и мне и вам.

— Это правда,— молвил король Артур,— ибо они убили свою родную мать, мою сестру. Куда справедливее и лучше было бы вам обвенчаться с нею, ведь вы такой же королевский сын, как и они.

— Ах, Иисусе милосердный! — сказал сэр Ламорак.— Ее смерть не забуду я, покуда жив, и когда бы не почтение мое к вашему величеству, я бы отомстил сэру Гавейну и его братьям.

— Поверьте,— сказал король Артур,— я вас примирю.

— Сэр,— отвечал сэр Ламорак,— на сей раз я все же при вас не останусь, ибо я должен выступить на турнире перед сэром Ланселотом и сэром Галахальтом, Высокородным Принцем.

А была там одна девица, она приходилась дочерью королю Баудасу; и был сарацинский рыцарь по имени сэр Корсабрин, который любил эту девицу и не давал ей ни за кого выйти замуж. Он постоянно ославлял ее и порочил, говоря, что она безумна, и тем препятствовал ее замужеству.



КАК ПАЛОМИД СРАЖАЛСЯ ЗА ОДНУ ДАМУ С КОРСАБРИНОМ, И КАК ПАЛОМИД УБИЛ КОРСАБРИНА

И случилось этой девице услыхать про сэра Паломида, что он всегда заступается за девиц. Она тот же час послала ему свой флажок и просила его сразиться за нее с сэром Корсабрином, а в награду он получит ее самое и все ее земли, и от отцовских земель, что ей достанется после его смерти. А потом послала девица к сэру Корсабрину, чтобы он встретился в поединке с сэром Паломидом, таким же язычником, как и он сам. И она уведомила его, что подарила сэру Паломиду свой флажок, но что если он его одолеет, тогда она станет ему, Корсабрину, женой.

Когда сэр Корсабрин узнал об том ее решении, он пришел в бешенство. Вскочил он на коня и поскакал в Сурлузу к Высокородному Принцу, и там нашел он сэра Паломида готовым к бою, и флажок был у него. И сговорились они про поединок перед сэром Галахальтом.

— Что ж,— сказал Высокородный Принц,— ныне предстоит сразиться многим благородным рыцарям. Посмотрим после обеда, на что способны вы. И когда вы выбьете его из седла, то приведите его ко мне и к королеве Гвиневере.

Вот прозвучал сигнал к началу боя. Выехал на поле сэр Динадан и встретился в поединке с сэром Герином, добрым рыцарем, и сбросил его на землю через круп его коня. Так же сокрушил сэр Динадан и еще четырех рыцарей и свершил немало славных подвигов, ибо был он рыцарь доблестный. Только он был великий шутник и забавник и изо всех рыцарей Артуровой дружины самый большой весельчак, но он любил всех добрых рыцарей и все добрые рыцари любили его.

Когда увидел Высокородный Принц, как отличается сэр Динадан, он выслал к нему сэра Ланселота, чтобы сэр Ланселот поверг его на землю. Сэр Ланселот сделал, как его просили. Выехал он на поле и поверг наземь немало рыцарей, и посрывал немало шлемов, и обратил всех рыцарей в бегство. Сбросил наземь сэр Ланселот и сэра Динадана и повелел своим людям снять с него доспехи. А затем привел его пред очи королевы, и они

все с Высокородным Принцем так смеялись над сэром Динаданом, что едва на ногах держались.
— Ну, что ж,— сказал сэр Динадан,— и все же мне это не позор, что старый хитрый сэр Ланселот выбил меня из седла.
И пошли они обедать всем двором, и все от души потешались шуткам сэра Динадана.
А когда отобедали, то протрубили сигнал собираться на поле, дабы следить за поединком сэра Паломида и сэра Корсабрина. Сэр Паломид воткнул свой флажок в землю посередине поля, и тогда они ринулись друг на друга, навесив копья, и сшиблись, будто гром грянул, и оба рухнули на землю. А потом выхватили они мечи, перетянули наперед щиты и рубились богатырски как два могучих рыцаря, так что ни единый доспех не остался цел и на теле не держался, ибо этот Корсабрин был свирепый рыцарь.
Вот говорит Корсабрин:
— Сэр Паломид, может, ты уступишь мне девицу и этот флажок?
И так рассвирепел при этом безмерно сэр Корсабрин, и такой удар нанес сэру Паломиду, что тот упал на одно колено. Но он тут же снова вскочил на ноги и так ударил, размахнувшись, его по шлему, что сэр Корсабрин рухнул навзничь на землю.
Он сорвал с него шлем и сказал так:
— Покорись, Корсабрин, а иначе ты умрешь!
— Я плюю на тебя! — сказал сэр Корсабрин.— Можешь делать, что хочешь!
И тогда он отсек ему голову. И такой тут поднялся смрад, когда душа его выходила из тела, что никто не мог выдержать этой вони. И унесли его тело и похоронили в лесу, ибо он был язычник.
Тут протрубили отбой, и сэр Паломид разоружился. А затем явился он к королеве Гвиневере и к сэру Галахальту-Высокородному Принцу и к сэру Ланселоту.
— Сэр,— сказал ему Высокородный Принц,— ныне видели вы великое чудо у тела Корсабрина, какой поднялся страшный смрад, когда душа его выходила из тела. И потому все мы просим вас принять крещение, тогда все рыцари будут почитать вас еще больше.
— Сэр,— отвечал сэр Паломид,— да будет вам всем ведомо, что я прибыл в эту страну, дабы стать христианином, в сердце моем я христианин и христианином буду. Но я дал такую клятву, что не приму крещения, пока не проведу семи жестоких боев во славу Иисуса, а тогда уж крещусь. И я верю, что богу угодно мое намерение, ибо оно праведно.
Потом сэр Паломид пригласил королеву Гвиневеру и Высокородного Принца к нему отужинать, пригласил и сэра Ланселота с сэром Ламораком и многих других добрых рыцарей.
А наутро они прослушали обедню, потом протрубили к началу боя и многие славные рыцари приготовились выступить.



О ДНЕ ШЕСТОМ И ЧТО ТОГДА ПРОИСХОДИЛО ❧ Здесь начинается шестой день. Выехал на поле сэр Гахерис и встретился в поединке с сэром Оссейсом Сурлузским, и сэр Гахерис перекинул его через круп его коня. А потом началась общая схватка обеих сторон, и много копьев было поломано, и много рыцарей сброшено под ноги коням.

Вот сэр Дарнард и сэр Агловаль, братья сэра Ламорака, встретились в бою с двумя другими рыцарями, и так они друг на друга ударили, что все четыре рыцаря и их кони очутились на земле.

Как увидел сэр Ламорак двоих своих братьев поверженными, разъярился он безмерно. Он схватил в руку тяжелое копье и этим копьем сокрушил четырех добрых рыцарей, а потом копье его сломалось. Тогда вытащил он меч свой из ножен и стал разить им направо и налево, срывая шлемы и повергая наземь рыцарей, так что все люди дивились его подвигам, ибо многие рыцари пред ним обратились в бегство. А он вновь посадил на коней своих братьев и сказал так:

— Братья, стыдитесь, что вылетели вы из своих седел! Чего стоит рыцарь, если он не на коне? Я ни во что не ставлю рыцаря, когда он пеш, ибо пеший бой — дело простых воинов. И ни один рыцарь не должен сражаться пешим, когда не принудили его к тому изменой или не заставили спешиться силой. А потому, братья, крепче держитесь в седле или же больше у меня на глазах не сражайтесь!

Затем выехал герцог Чаленс Кларанский, а против него выехал граф Ульбанс Сурлузский, и они повергли один другого наземь. Тогда рыцари обеих сторон вновь посадили этих лордов на коней, ибо герцогу Чаленсу прислуживали, спешившись, сам сэр Эктор и сэр Блеоберис, а с графом Ульбансом был Король-с-Сотней-Рыцарей.

Вслед за тем выехал сэр Гахерис и набросился на Короля-с-Сотней-Рыцарей, а тот — на него. Но подскакал граф Чаленс и рознял их. Тут затрубили отбой, рыцари сняли доспехи и собрались все на обед.

В середине обеда пришел сэр Динадан и стал всех подымать на смех. Он увидел, что Высокородный Принц чем-то разгневан: он не любил рыбы, и оттого что ему положили рыбу, которая была ему ненавистна, он сидел там хмур и невесел. Когда разглядел все это сэр Динадан, он выбрал на столе одну рыбу с большой головой и между двумя блюдами поставил ее перед Высокородным Принцем, сказав так:

— Сэр Галахальт, я могу уподобить вас волку, ибо волк не ест рыбы, а только мясо.

И Высокородный Принц посмеялся его словам.

— Ну, ну,— обратился тогда сэр Динадан к сэру Ланселоту,— а ты-то чего ради приехал в эти края? Ведь в бою с тобою смертному рыцарю не добыть себе славы. Поверь, сэр Ланселот,— сказал сэр Динадан,— что

я никогда больше не встречусь с тобой в поединке, не встречусь с твоим тяжелым копьем, ибо от его прикосновений мне не сидится в седле. Если смогу, постараюсь держаться подальше от твоего могучего тела, которое ты повсюду с собой возишь.

— Что же,— отвечал сэр Ланселот,— смотри, берегись. Боже избави нас с тобой когда-нибудь встретиться иначе как за обеденным столом.

И так рассмеялись тут королева и Высокородный Принц, что за столом усидеть не могли. И такое веселие продолжалось у них едва что не до самого утра.

А на заре прослушали они мессу, и был подан сигнал к новым сраженьям, и королева и с ней все сословья воссели на поле судьями без доспехов, лишь с одними щитами, дабы судить справедливо.



О СЕДЬМОМ СРАЖЕНИИ, И КАК ЛАНСЕЛОТ В ОБЛИЧИИ ДЕВИЦЫ ПОВЕРГ СЭРА ДИНАДАНА

❧ Здесь начинается седьмой день. Выехал на поле герцог Канбенет, и встретился с ним в поединке сэр Аристанс, почитавшийся добрым рыцарем, и сшиблись они с такою силою, что повергли один другого наземь вместе с конями. Но вышел граф Ламбаль и вновь подсадил герцога на коня.

После того выехал сэр Оссейс Сурлузский и выбил графа Ламбаля из седла. И тут началось великое сражение — много славных подвигов было свершено, много копий поломано и много рыцарей повергнуто на землю. А король Северного Уэльса и граф Ульбанс сшиблись с такою силой, что все судьи уже думали, что им обоим пришла смерть.

Между тем королева Гвиневера и Высокородный Принц и сэр Ланселот велели сэру Динадану готовиться к бою.

— Ну, нет,— отвечал сэр Динадан,— я выеду на поле, а один из вас двоих выедет против меня.

— Клянемся богом,— сказали Высокородный Принц и сэр Ланселот,— вы ведь оттуда будете видеть нас, как мы тут сидим судьями при наших щитах, и вы сможете всегда заметить, сидим мы или же ушли.

Сэр Динадан от них отошел, сел на коня и выехал на турнирное поле, и в тот день он померился силами со многими рыцарями и свершил немало славных подвигов. А сэр Ланселот, когда сэр Динадан от них уехал, нарядился поверх доспехов в девичьи пестро изукрашенные одежды. И он сказал сэру Галиходину, чтобы тот провез его между сражающимися, и все, кто там был, дивились: кто такая и откуда эта девица. И вот, когда сэр Динадан выехал на турнирное поле, сэр Ланселот, переодетый в девические одежды, взял у сэра Галиходина копье и поскакал на сэра Динадана.

Между тем сэр Динадан как ни глянет туда, где сидел сэр Ланселот, видит, там кто-то сидит на месте сэра Ланселота при щите и в латах. Но увидев, как скачет на него та девица, сэр Динадан жестоко испугался: уж

не сэр ли это Ланселот переодетый на него едет. А сэр Ланселот так на него налетел, что перебросил сэра Динадана через круп его коня. Тут подхватили сэра Динадана здоровые мужики, сволокли его в соседний лесок, а там раздели до рубашки, нарядили в женские одежды и снова привели на поле. Тем временем протрубили отбой, и все рыцари разошлись и поснимали свои доспехи.

И доставили туда к ним сэра Динадана, и когда королева Гвиневера увидела его, она так смеялась, что от смеха упала; и все, кто там был, тоже.

— Ну,— сказал сэр Динадан,— ты, сэр Ланселот, так коварен, что от тебя не убережешься.

И со всеобщего согласия, первенство присудили сэру Ланселоту; за ним шел сэр Ламорак Уэльский, а третьим был сэр Паломид; четвертым же признали короля Багдемагуса. Так четыре этих рыцаря были признаны лучшими. И при дворе была великая радость и великое торжество.

А наутро королева Гвиневера и сэр Ланселот отправились в путь к королю Артуру. Но сэр Ламорак ни за что не соглашался поехать вместе с ними.

— Сэр, я могу поручиться,— сказал ему сэр Ланселот,— что, если вы отправитесь с нами, король Артур не позволит сэру Гавейну и его братьям причинить вам зло.

— Что до этого,— отвечал сэр Ламорак,— то я не стану доверяться сэру Гавейну и никому из его братьев. Да будет вам ведомо, сэр Ланселот, когда бы не господин мой король Артур, я бы сумел поквитаться с сэром Гавейном и его братьями. Но уж доверяться им — этого я не стану делать. А потому, прошу вас, передайте мой поклон королю Артуру и рыцарям Круглого Стола, я же, где я ни буду, всегда готов вам служить, сколько это в моих силах. А за них я даже третьего дня заступился, когда они терпели поражение от сэра Паломида.

И сэр Ламорак распростился с сэром Ланселотом и всей его дружиной, и все они горько плакали при том расставании.



КАК СЭРА ТРИСТРАМА ЗАМАНИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ НА ТУРНИР, ДАБЫ УБИТЬ, И КАК ОН ПОПАЛ В ЗАТОЧЕНИЕ ❧ Теперь мы обратимся от этого рассказа к сэру Тристраму, коему главным образом посвящена сия книга. И мы оставляем короля и королеву и сэра Ланселота и сэра Ламорака. Было провозглашено по всем пределам Корнуэльским, что скоро состоится большой турнир, а затеяли его сэр Галахальт. Высокородный Принц, и король Багдемагус для того единственно, чтобы убить сэра Ланселота, погубить его и опозорить. Ибо сэру Ланселоту всегда доставались победа и первенство, и потому король и принц затеяли этот турнир против сэра Ланселота.

И был их замысел открыт королю Марку, чему он весьма возрадовался. И тогда придумал король Марк отправить на тот турнир сэра Тристрама переодетым, так чтобы ни один человек его не признал, и все это для того, чтобы Высокородный Принц принял его за сэра Ланселота.

Вот приехал на турнир сэр Тристрам, а сэра Ланселота в то время там не было. Но когда увидели, что неизвестный рыцарь свершает столь славные подвиги, все подумали, что это — сэр Ланселот, да король Марк так прямо всем и говорил.

И тогда стали наседать на него вдвоем и король Багдемагус и Высокородный Принц, так что рыцари только дивились, откуда у сэра Тристрама берутся силы выстоять под их жестокими ударами.

Но как бы то ни было и как ни язвили они его копьями, он все равно на том турнире завоевал первенство и многих рыцарей сокрушил и многих жестоко поранил.

А когда турнир был окончен, все узнали, что это — сэр Тристрам Лионский, и все те, кто были на стороне короля Марка, радовались его ранам, остальные же печалились, ибо у сэра Тристрама не было в королевстве Английском стольких низких завистников, сколько было их у сэра Ланселота.

И явился король Марк к сэру Тристраму и сказал:

— Любезный племянник, я соболезную вашим увечьям.

— Грамерси, господин мой,— отвечал сэр Тристрам.

Тогда король Марк, в знак великой своей любви, повелел положить сэра Тристрама в повозку и сказал ему:

— Любезный кузен, я сам буду вашим лекарем.

И он поехал вместе с сэром Тристрамом и еще засветло привез его в замок.

Там король Марк уговорил сэра Тристрама поесть, а потом дал ему питье; и лишь только он его выпил, как тот же час заснул. А когда настала ночь, король Марк повелел перенести его в другой замок, и там заключил он его в крепкую темницу и приставил мужчину и женщину приносить ему еду и питье. Так провел он там долгое время.

Вскоре хватились сэра Тристрама, но ни одна душа не знала, где он находится. И Прекрасная Изольда, когда услыхала, что сэр Тристрам исчез, послала тайно к сэру Садуку и просила его разведать, куда он пропал. И узнав об исчезновении сэра Тристрама, сэр Садук стал его разыскивать и рассылать людей по всем землям.

И разузнал он, что король Марк заманил этого славного рыцаря и содержит в темнице по своему злодейству и с согласия предателей из замка Магон. Тогда сэр Садук взял с собою двоих своих родичей и, вооружившись, залег вместе с ними в засаде по соседству с Тинтагилем.

И случилось, что как раз проезжал там король Марк с четырьмя своими племянниками и несколькими предателями из Магона. Завидел их сэр Садук, выскочил из засады и набросился на них. Король же Марк, признавши сэра Садука, обратился в поспешное бегство, и сэр Садук убил всех четверых его племянников и спутников. Но предатели Магонские нанесли одному из родичей сэра Садука страшную рану в горло, зато двоих из них сэр Садук зарубил насмерть.

После того поскакал сэр Садук оттуда прочь к замку, что звался Лион [41], и там поведал он о подлости и предательстве короля Марка. Рыцари этого замка поехали дальше вместе с сэром Садуком и прибыли к замку под

названием Арбрэй, и там в городе они нашли сэра Динаса-Сенешаля, который был добрым рыцарем. Однако когда сэр Садук открыл ему все предательство короля Марка, он объявил, что не почитает над собой господином такого короля и отказывается от земель, которые от него держал. А после таких его речей и прочие все рыцари там повторили то же, что и сэр Динас. И тогда, по совету сэра Садука, стали они снаряжать гарнизоны и запасать провиант во всех замках и городах страны Лион, сколько могли собрать.



КАК КОРОЛЬ МАРК РАСПОРЯДИЛСЯ СОСТАВИТЬ ПОДЛОЖНЫЕ ПИСЬМА ОТ РИМСКОГО ПАПЫ, И КАК СЭР ПЕРСИВАЛЬ ОСВОБОДИЛ СЭРА ТРИСТРАМА ИЗ ТЕМНИЦЫ

❧ Мы же теперь обратимся к королю Марку, который, избегнув засады сэра Садука, прискакал в замок Тинтагиль и там велел кликать клич и призывать всех к оружию, кто был в силах носить доспехи.

А потом нашли мертвыми четверых родичей короля Марка и предателей из Магона. И король Марк повелел похоронить их в часовне. И тогда король разослал глашатаев по всем своим вассальным землям, призывая к оружию, ибо он понимал, что войны ему теперь не избегнуть.

А услышав и прознав, что сэр Динас и сэр Садук поднялись против него в стране Лион, он снова припомнил свои прежние хитрости и коварство, и вот повелел он составить поддельные письма словно бы от Римского папы и чужому гонцу приказал доставить их себе, королю Марку, а в тех письмах значилось, что король Марк должен под страхом проклятия снарядить свое войско и прибыть на помощь к папе, дабы с ним отправиться в Иерусалим для войны с сарацинами.

Доставил письма гонец, и король послал его с ними к сэру Тристраму сказать, что если он согласен итти войной на неверных, то будет он освобожден из заточения и дружина его к нему вернется.

Когда сэр Тристрам прочитал письма, он сказал гонцу так:

— А, король Марк, всегда ты был предателем, предателем и останешься! Но ты, гонец,— сказал сэр Тристрам,— ты скажи королю Марку так: раз папа Римский послал за ним, пусть он сам туда и отправится. Ибо, скажи ему, раз он такой предатель, я не стану воевать под его началом. Удастся мне выйти из этой темницы, так когда-нибудь и выйду, ибо вижу я, что отлично награжден за мою верную службу.

Вот возвратился гонец к королю Марку и передал ему ответ сэра Тристрама.

— Ладно,— говорит король Марк,— все равно я его перехитрю.

И он поспешил к себе в покои и составил новые подложные письма, а в них

значилось, будто папа желает, чтобы сэр Тристрам сам прибыл для войны с неверными.

Вот снова пришел гонец к сэру Тристраму и подал ему письма, а сэр Тристрам увидел, что это подделка короля Марка, и сказал:

— А, король Марк! Всегда ты был коварен, таким и останешься до конца!

И снова возвратился гонец от сэра Тристрама к королю Марку. А в это время явились в замок Тинтагиль четыре раненых рыцаря, у одного из них шея была едва что не пополам переломана, у другого рука едва не напрочь отрублена, третий был пронзен копьем, а у четвертого бедро рассечено надвое.

И, явившись к королю Марку, они вскричали так:

— Король, отчего ты не спасаешься бегством? Ведь вся страна открыто поднялась против тебя!

Пришел король Марк в безмерную ярость.

А между тем прибыл в ту страну сэр Персиваль Уэльский, разыскивавший сэра Тристрама. И когда сэр Персиваль услышал, что сэр Тристрам заключен в темницу, он сразу же, как настоящий рыцарь, его освободил. И когда он очутился на воле, то приветствовал сэра Персиваля, и они оба от души обрадовались встрече. И сказал сэру Персивалю сэр Тристрам:

— Если вы повремените покидать здешние края, то я поеду вместе с вами.

— Нет,— отвечал сэр Персиваль,— в этих местах задерживаться мне невозможно, ибо я должен быть в Уэльсе.

И вот сэр Персиваль простился с сэром Тристрамом и поехал прямо к королю Марку и ему объявил, что вызволил сэра Тристрама из заточения. И еще он сказал королю, что тот покрыл себя великим позором, заключив в темницу сэра Тристрама.

— Ибо он — один из самых почитаемых рыцарей на свете, и знайте, что все благородные рыцари мира любят сэра Тристрама. И если он пойдет на вас войной, тогда вам не устоять!

— Это правда,— сказал король Марк,— но я не могу любить сэра Тристрама, потому что он любит мою королеву Изольду Прекрасную.

— А, позор вам! — сказал сэр Персиваль.— Впредь никогда больше не говорите так! Ибо разве вы не родной дядя сэру Тристраму? Про своего же племянника и про столь благородного рыцаря, как сэр Тристрам, не должно вам думать, что он так себя уронит, что возьмет жену своего дяди. Однако,— сказал сэр Персиваль,— он может любить вашу королеву безгрешно, ибо ее почитают одной из прекраснейших дам в мире.

И с тем сэр Персиваль простился с королем Марком, но тот задумал еще большее предательство, хотя и посулился сэру Персивалю никогда более и ничем не вредить сэру Тристраму.

Послал король Марк к сэру Динасу-Сенешалю с повелением успокоить всех людей, которых он поднял, ибо он, король, дает ему клятву, что вскоре отправится к папе Римскому для войны с неверными.

— А это будет, я думаю, война справедливее, нежели вот так подымать народ против своего короля.

Услышавши о войне с неверными, сэр Динас со всею возможной поспешностью распустил восставших. Когда же все его люди разошлись по домам,

тут король Марк, выследив, где находился сэр Тристрам с Прекрасной Изольдой, велел схватить его предательски и бросить в темницу, вопреки обещанию, что дал он сэру Персивалю.

Когда узнала королева Изольда, что сэр Тристрам опять в заточении, она убивалась прегорестно, как еще не убивалась ни одна королева, ни благородная дама. А сэр Тристрам вскоре прислал письмо Прекрасной Изольде, где просил ее стать его возлюбленной, и пусть, если она согласна, приготовит для него и для себя корабль, чтобы он мог уехать с нею в королевство Логрское, то есть в нашу страну.

Разобрав письмо сэра Тристрама и поняв его замысел, Изольда Прекрасная отправила ему ответное письмо с радостной вестью, что она непременно снарядит для них судно и приготовит все, что только может им понадобиться. А потом Изольда Прекрасная послала к сэру Динасу и сэру Садуку и просила их каким возможно способом захватить короля Марка и заточить его в темницу к тому сроку, когда она с сэром Тристрамом должна отправиться в королевство Логрское.

Когда сэр Динас-Сенешаль понял все предательство короля Марка, он согласился поступить по ее велению и послал сказать ей, что король Марк будет заточен в темницу. И вот, как они задумали, так и было сделано, и сэр Тристрам был вызволен из заточения. В тот же час, посовещавшись, королева Изольда и сэр Тристрам захватили с собой все, что пожелали, и отправились в путь.



КАК СЭР ТРИСТРАМ И ПРЕКРАСНАЯ ИЗОЛЬДА ПРИЕХАЛИ В АНГЛИЮ, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИВЕЗ ИХ В ЗАМОК ВЕСЕЛОЙ СТРАЖИ

Они сели на корабль и приплыли в здешнюю страну. Здесь не пробыли они еще и четырех дней, как было возглашено повсюду, что король Артур устраивает большой турнир. Услышавши об том турнире, сэр Тристрам переоделся тайно, и Прекрасная Изольда тоже, и они прибыли на турнир. Там увидели они многих рыцарей, сражавшихся на копьях и на мечах, и тогда сэр Тристрам изготовился к бою и тоже выехал на турнирное поле. И заключая кратко, он сокрушил в тот день четырнадцать рыцарей Круглого Стола.

Увидел сэр Ланселот четырнадцать рыцарей Круглого Стола поверженными, и тогда он изготовился к бою с сэром Тристрамом. Но Прекрасная Изольда видела, как сэр Ланселот выехал на поле, она послала сэру Ланселоту кольцо, чтобы он узнал по нему сэра Тристрама Лионского. И сэр Ланселот, признав сэра Тристрама, обрадовался и не стал с ним сражаться. Он заметил, в какую сторону сэр Тристрам поехал, и туда за ним последовал, и оба они от души обрадовались этой встрече.

Потом сэр Ланселот привез сэра Тристрама и Изольду в свой замок под названием Веселая Стража, который он завоевал своими руками. И там сэр Ланселот их поселил и сказал, чтобы они располагали тем замком, как своим собственным. И уж конечно замок тот был снаряжен и убран достойным образом, чтобы служить царственным пристанищем для самых благородных короля и королевы. И сэр Ланселот наказал там своим людям почитать и любить их, как его самого.

После того сэр Ланселот отбыл назад к королю Артуру и там открыл королеве Гвиневере, что рыцарь, так отличившийся на последнем турнире,— это сэр Тристрам, и с ним, вопреки воле короля Марка, находится Прекрасная Изольда. Королева же Гвиневера передала все это королю Артуру, и когда король Артур узнал, что сэр Тристрам спасся от короля Марка и прибыл сюда и что с ним Изольда Прекрасная, он тому весьма обрадовался. И на радостях и в честь сэра Тристрама король Артур повелел возгласить, что в понедельник будет устроен турнир у стен замка Лонезеп, что по соседству от замка Веселой Стражи.

И повелел король Артур, чтобы все рыцари нашей страны, и Корнуэлла, и Северного Уэльса сражались против рыцарей Ирландии и Шотландии, и остального Уэльса, и страны Гоор, и Сурлузы, и Листенойза, и Нортумберланда и всех тех, кто держал земли от короля Артура по сю сторону моря. И когда услышали этот клич, то многие рыцари были рады, но иные и загрустили.

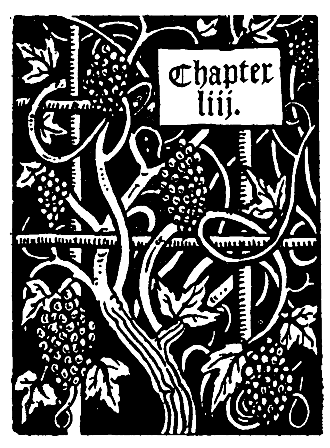
— Сэр,— сказал сэр Ланселот королю Артуру,— этим кличем, что повелели вы повсюду возгласить, обрекаете вы нас, выших рыцарей, немалой опасности, ибо много на свете есть рыцарей, которые завидуют нам. И потому, когда мы встретимся на турнирном поле в назначенный день, нам придется нелегко.

— До этого,— молвил король Артур,— мне дела нет. Мы увидим, кто выкажет себя изо всех лучшим бойцом.

Когда сэр Ланселот понял, ради кого король Артур затеял этот турнир, он устроил так, чтобы Прекрасная Изольда могла в скрытом месте наблюдать выступления рыцарей, не роняя своего королевского достоинства.

Мы же теперь обратимся к сэру Тристраму и Прекрасной Изольде, которые день за днем веселились и радовались, что оказались вместе, измышляя какие только возможно развлечения.

Каждый день сэр Тристрам ездил на охоту, ибо в те времена он почитался первым в мире охотником и лучшим трубачом в охотничий рог на все возможные лады. Как передают нам книги, от сэра Тристрама пошли все добрые правила ловитвы и охоты [42], и все лады и приемы игры на охотничьем роге; и от него первого у нас все правила соколиной охоты, и какая дичь пригодна для ловитвы, а какая нечиста, и когда как надлежит трубить в рог: сперва, когда спускают гончих со своры, потом, когда ищут след, когда подняли зверя, когда гонят, когда настигают, когда разят и убивают; и многие еще другие сигналы и приемы, так что у всех джентльменов до конца мира будут причины восхвалять сэра Тристрама и молиться за душу его. Аминь, говорит сэр Томас Мэлори.



КАК ПО СОВЕТУ ПРЕКРАСНОЙ ИЗОЛЬДЫ ТРИСТРАМ НЕ ВЫЕЗЖАЛ БЕЗОРУЖНЫЙ И КАК ОН ПОВСТРЕЧАЛ СЭРА ПАЛОМИДА ❧ Вот однажды Прекрасная Изольда сказала сэру Тристраму:

— Преудивительно мне, как можете вы позабыть о том, что вы в чужой стране и что здесь много опасных рыцарей, да и король Марк, как вы знаете, исполнен коварства. А вы вот так ездите на охоту и ловитву без доспехов, вас всякий день могут убить.

— Моя прекрасная дама и возлюбленная, не гневайтесь! Больше я так поступать не буду.

И сэр Тристрам стал ездить на охоту в доспехах, а люди его везли за ним его щит и копье.

И вот однажды, перед самым месяцем маем, сэр Тристрам гнал оленя, увлекшись погоней, и выехал на берег чистого ручья. Спешился тут сэр Тристрам и снял шлем с головы, чтобы напиться ключевой журчащей воды, и вдруг он слышит и видит Зверя Рыкающего, выходящего к ручью. Как завидел сэр Тристрам зверя, тут же надел он шлем, ибо знал, что сейчас услышит приближение сэра Паломида, ведь его рыцарский подвиг был преследовать этого зверя. И вот видит сэр Тристрам рыцаря в латах на добром скакуне и приветствует его с берега ручья.

Они потолковали о многих вещах с этим рыцарем, имя которому было сэр Брюс Безжалостный. А тут вдруг выехал к ним сэр Паломид, и они обменялись приветствиями и учтивыми речами.

— Ну, любезные рыцари,— говорит сэр Паломид,— могу сообщить вам важные вести.

— Что за вести? — спросили те двое.

— Сэры, знайте, что король Марк Корнуэльский заключен в темницу его же собственными рыцарями, и все это — из-за сэра Тристрама, ибо король Марк дважды бросал в темницу сэра Тристрама, и один раз его вызволил сэр Персиваль, а в последний раз сэра Тристрама освободила Прекрасная Изольда, и она вместе с ним вовсе уехала оттуда и прибыла в нашу страну. И все это время король Марк находится в заточении. И если только это правда,— сказал сэр Паломид,— мы скоро услышим о сэре Тристраме. А что до моей страстной любви к Прекрасной Изольде, то я всегда готов подтвердить и доказать ее в поединке и буду служить изо всех женщин мира королеве Изольде до исхода дней моих.

Так они стояли и говорили и вдруг увидели рыцаря, всего закованного в латы и на могучем скакуне, а за ним один из его людей вез щит его, другой же — копье. И лишь только этот рыцарь их завидел, он тут же навесил щит, подхватил в руку копье и изготовился с ними сражаться.

— Ну, любезные други,— сказал сэр Тристрам,— вон тот рыцарь желает с нами сразиться. Давайте же решим, которому из нас выехать на него первым, ибо я вижу отлично, что он из рыцарей короля Артура.

— Ему недолго придется дожидаться противника,— сказал сэр Паломид,—

ибо за время, что я преследую Рыкающего Зверя, не случалось мне встретить рыцаря, который желал бы поединка и я бы ему отказал.
— Сэр, я тоже могу, как и вы,— сказал сэр Брюс Безжалостный,— преследовать этого зверя.
— Вам придется сначала сразиться со мною,— отвечал сэр Паломид.
Между тем сэр Паломид изготовился к бою с неизвестным рыцарем, а он звался сэр Блеоберис и был рыцарь добрый и близкий родич сэру Ланселоту. Вот съехались они на полном скаку и сшиблись так, что сэр Паломид рухнул наземь, и конь и всадник. А сэр Блеоберис вскричал так:
— Готовься к бою, ты, коварный предатель среди рыцарей, сэр Брюс Безжалостный! Ибо с тобою поведу я бой до последнего за всех тех благородных рыцарей и дам, которых ты коварно погубил!
Услышал сэр Брюс такие его слова, натянул повод и пустился оттуда прочь, сколько хватило духу у его коня. Сэр же Блеоберис, видя, что он обратился в бегство, погнался за ним и поскакал по лугам и чащобам. И случилось сэру Брюсу, спасаясь бегством, увидеть на пути своем впереди трех рыцарей Круглого Стола, из коих одного звали сэр Эктор Окраинный, другого сэр Персиваль Уэльский, а третий звался сэр Харри Фиц-Лейк, добрый рыцарь и бесстрашный. А что до сэра Персиваля, то он в среде своих сверстников славился как один из лучших рыцарей мира и самый стойкий. И вот, когда сэр Брюс увидел этих рыцарей, он подъехал прямо к ним, громко прося у них защиты.
— А в чем ваша нужда? — спросил сэр Эктор.
— Ах, любезные рыцари,— отвечал сэр Брюс,— за мною гонится коварнейший в мире рыцарь, к тому же самый трусливый и злобный, имя же ему — сэр Брюс Безжалостный. И если он меня настигнет, он убьет меня без жалости и милосердия.
— Тогда останься тут с нами,— сказал сэр Персиваль,— и мы за тебя заступимся.
Тут видят они, скачет к ним сэр Блеоберис во весь опор. И выехал тогда из них троих первым на поединок сэр Эктор. А сэр Блеоберис, увидя, что их четверо против него одного, остановился в сомнении, продолжать ли путь свой или повернуть назад. Но потом он сказал себе:
— Я рыцарь Круглого Стола, и чем покрыть позором мне мою клятву и мою кровь, лучше мне ехать вперед, что бы из этого ни получилось.
И тогда сэр Эктор выставил копье, и они сшиблись с ужасной силой, и сэр Эктор рухнул на землю. Это увидел сэр Персиваль, и он пустил на него коня во всю мочь. Но и сэр Персиваль получил такой удар, что рухнули наземь разом и конь и всадник.
Когда увидел сэр Харри, что оба они повержены, то сказал он себе:
— Никогда не знали за сэром Брюсом такой доблести.
И с тем сэр Харри пустил на него коня, и сшиблись они друг с другом с такой силой, что оба коня со всадниками рухнули на землю, но под сэром Блеоберисом конь сразу же стал опять подыматься на ноги.
Это увидел сэр Брюс, и он подскочил туда и стал наносить всаднику удар за ударом и так бы и убил его, не дав подняться. Но сэр Харри быстро вскочил на ноги, схватил Брюсова коня под уздцы и сказал:

— Позор и стыд! Как можно разить рыцаря, поверженного на землю? Этот рыцарь вышел из боя с честью, ибо сражался доблестно и победил троих добрых рыцарей.
— Вот потому-то я и не намерен оставить его в живых,— сказал сэр Брюс.
— Ну, пока еще тут не тебе распоряжаться,— сказал сэр Харри.
Видит сэр Брюс, что нельзя ему так просто поставить на своем, и тогда заговорил он учтивее. И сэр Харри его отпустил. И тотчас же он направил коня прямо на сэра Блеобериса, перескочил через него, сбил с ног и готов уже был его зарубить. Но при виде такого его предательства вскричал сэр Харри:
— Назад, рыцарь-изменник, позор тебе!
И хотел было сэр Харри сесть на коня, чтобы биться с сэром Брюсом, но сэр Брюс подскакал к нему, пока он еще не успел усесться в седло, и поверг его наземь вместе с конем и едва не зарубил сэра Харри, доброго рыцаря. Но это увидел сэр Персиваль и вскричал:
— Что ты делаешь, рыцарь-предатель?
И тогда сэр Брюс, увидя, что сэр Персиваль уже на коне, поворотил коня своего и во всю мочь помчался наутек, а сэр Персиваль и сэр Харри поскакали за ним вослед, но чем дальше гнались они за ним, тем больше от него отставали. Наконец, они повернули назад и приехали туда, где оставались сэр Эктор Окраинный и сэр Блеоберис. И сэр Блеоберис сказал:
— Что за причина вам была заступиться за этого рыцаря — изменника?
— Как так? — спросил сэр Харри.— Кто же он таков? Ибо я теперь сам убедился, что он недостойный рыцарь,— сказал сэр Харри,— и трус, и злодей.
— Сэр,— отвечал сэр Блеоберис,— он — трусливейший из рыцарей, погубитель дам и убийца рыцарей, какого второго на свете нет.
— Сэр, а как ваше имя? — спросил сэр Эктор.
— Мое имя,— он отвечал,— сэр Блеоберис Ганский.
— Увы, любезный кузен! — сказал сэр Эктор,— простите меня, ведь я сэр Эктор Окраинный.
И сэр Персиваль с сэром Харри тоже весьма обрадовались сэру Блеоберису, но всем им было досадно, что сэр Брюс Безжалостный от них ушел, и они тому сильно печалились.



О СЭРЕ ПАЛОМИДЕ, КАК ОН ПОВСТРЕЧАЛСЯ С СЭРОМ БЛЕОБЕРИСОМ И СЭРОМ ЭКТОРОМ, И О СЭРЕ ПЕРСИВАЛЕ

Так стояли они там и беседовали, и вдруг скачет сэр Паломид; и когда он увидел щит сэра Блеобериса на земле, сказал сэр Паломид так:
— Пусть тот, кому принадлежит этот щит, готовится к поединку со мною, ибо он только что выбил меня из седла у ручья неподалеку отсюда, и потому теперь я желаю сразиться с ним в пешем бою.

— Сэр, я готов,— отвечал сэр Блеоберис,— и отвечаю на твой вызов, ибо знай, сэр рыцарь, это был я, и мое имя — сэр Блеоберис Ганский.
— Я рад встретить тебя,— сказал сэр Паломид,— и знай, что мое имя — сэр Паломид-Сарацин.
(А они оба ненавидели друг друга смертельной ненавистью).
— Сэр Паломид,— сказал сэр Эктор,— да будет ведомо тебе, что нет такого рыцаря на свете, который, убив кого-нибудь из нашего рода, не умрет за это. А потому, коль скоро тебе угодно сражаться, то поезжай и разыщи сэра Ланселота или же сэра Тристрама, эти рыцари — тебе ровня по силе.
— С ними я уже встречался,— отвечал сэр Паломид,— но в поединках с ними чести себе не завоевал.
— А больше не случалось вам встретить рыцаря,— спросил сэр Эктор,— кроме этих двоих, который был бы вам под стать?
— Случалось,— отвечал сэр Паломид.— Был еще и третий рыцарь, он ничем не уступал им обоим, а из своих сверстников он первый, ибо равного ему не встречал я нигде. Доживи он до зрелости, не было бы на свете рыцаря, равного ему мощью. Звали же его сэр Ламорак Уэльский. Однажды на турнире он одержал верх надо мною и еще над тридцатью рыцарями и завоевал первенство. Но когда он уезжал оттуда, его подстерег сэр Гавейн со своими братьями, и превеликими трудами они убили его предательски, всем добрым рыцарям на горе!
Лишь только услышал сэр Персиваль о гибели своего брата сэра Ламорака, он упал без памяти на гриву своему коню и стал плакать и убиваться прегорестно, как еще ни один благородный рыцарь на свете. А когда сэр Персиваль поднял голову, то сказал так:
— Увы, мой добрый и благородный брат сэр Ламорак, никогда теперь уж нам не встретиться! А ведь во всем широком свете не найдется второго такого рыцаря среди его сверстников. О как тягостно пережить сначала смерть отца нашего короля Пелинора, а потом еще смерть нашего доброго брата сэра Ламорака!
А тем временем прибыл туда паж от двора короля Артура и поведал им о том, что в Лонезепе назначен большой турнир, и на нем наши земли и Корнуэлл с Северным Уэльсом будут сражаться против всех, кто только ни приедет с разных концов света.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОВСТРЕЧАЛ СЭРА ДИНАДАНА, И О ТОМ, ЧТО ОНИ ЗАДУМАЛИ И ЧТО ОН СКАЗАЛ БРАТЬЯМ СЭРА ГАВЕЙНА ❧ Мы же теперь обратимся к сэру Тристраму, который однажды, выехав на охоту, повстречал сэра Динадана — он приехал в эти края разыскивать сэра Тристрама.
Сэр Динадан сразу же назвал сэру Тристраму свое имя, но сэр Тристрам своего имени открыть не захотел, и оттого сэр Динадан на него жестоко разгневался.

— Вот точно такого же неразумного рыцаря, как вы,— сказал сэр Динадан,— я видел не далее как сегодня, у ручья. Он был словно во сне. Лежал над ручьем, улыбался, будто безумный, и ни слова мне не отвечал, а рядом валялся его щит, и конь его тоже стоял рядом. Я сразу же понял, что это — влюбленный.

— А, любезный сэр,— сказал сэр Тристрам,— а вы разве не влюбленный?

— Еще чего? Тьфу на это колдовство!

— Сэр, неправильно вы говорите,— сказал сэр Тристрам,— ибо нет истинной рыцарской доблести без любви.

— Прекрасно сказано,— сказал сэр Динадан.— А теперь, прошу вас, назовите мне ваше имя, раз вы так стоите за любовь. А иначе я буду с вами драться!

— Что до этого,— сказал сэр Тристрам,— то нет вам причины со мною драться только оттого, что я отказываюсь открыть вам мое имя. А что до моего имени, то его вы от меня на сей раз не узнаете.

— Позор и стыд! Что вы за рыцарь, если боитесь назвать свое имя! И коли так, сэр, я буду с вами драться.

— Что до этого,— отвечал сэр Тристрам,— то я еще подумаю, я дерусь, только когда сам того хочу. Но ведь если я выеду на вас,— сказал сэр Тристрам,— то вы против меня не устоите.

— Позор тебе, трус! — вскричал сэр Динадан.

Но пока они так стояли и переговаривались, вдруг увидели они рыцаря, скачущего прямо на них.

— Взгляните! — сказал сэр Тристрам.— Вон скачет рыцарь, который сразится с вами.

Но сэр Динадан на него взглянул и сказал:

— Клянусь верою! Это тот самый полоумный рыцарь, которого я видел у ручья не то спящим, не то бодрствующим.

— Ну что ж,— сказал сэр Тристрам,— этого рыцаря я узнаю отлично по щиту его, крытому лазурью. Это сын короля Нортумберландского, и зовут его — сэр Эпиногрис. Он самый страстный влюбленный, какого я только знаю, и любит он дочь короля Уэльского, даму весьма прекрасную. И я полагаю,— сказал сэр Тристрам,— что если вы его вызовете на бой, он примет ваш вызов, и тогда мы посмотрим, который из вас окажется лучшим бойцом: влюбленный или же вы, у кого нет ни возлюбленной, ни дамы сердца.

— Ладно,— сказал сэр Динадан,— сейчас ты увидишь, каков я в деле.

И с тем сэр Динадан возвысил голос и вскричал:

— Сэр рыцарь, готовься к поединку, ибо тебе придется со мною сразиться, тут уж ничего не поделаешь, ведь таков уж обычай странствующих рыцарей, чтобы каждого рыцаря заставлять сражаться, хочет он того или нет.

— Сэр,— отозвался сэр Эпиногрис,— придерживаетесь ли и вы такого порядка и обычая?

— Что до этого,— отвечал сэр Динадан,— то защищайся! Копье ответит за меня.

И они пришпорили коней и сшиблись с такою силой, что сэр Эпиногрис выбил сэра Динадана из седла. Тут сэр Тристрам подъехал к сэру Динадану и сказал:

— Как так? Неужто влюбленный одерживает верх?

— Позор тебе, трус! — вскричал сэр Динадан.— Если только ты настоящий рыцарь, то отомсти ему за меня!

— Ну, нет,— отвечал сэр Тристрам,— у меня сегодня нет желания драться. Садись-ка на коня и поедем отсюда.

— Упаси меня бог,— сказал сэр Динадан,— от такого товарища, ибо после встречи с тобою мне нет удачи.

И с тем они собрались в путь.

— Ну,— сказал сэр Тристрам,— быть может, я сообщу вам вести о сэре Тристраме.

— Спаси меня бог,— отвечал сэр Динадан,— не надо! Ибо сэру Тристраму плохо пришлось бы, спознайся он с тобою.

И они распрощались.

— Сэр,— сказал ему напоследок сэр Тристрам,— может статься, что мы еще встретимся с вами в ином месте.

И сэр Тристрам возвратился в замок Веселой Стражи, а там услышал он, что в городе стоит великий шум и волнение.

— Что это за шум? — спросил сэр Тристрам.

— Сэр,— отвечали ему,— был в этом замке рыцарь, он долго жил среди нас, и вот теперь он убит двумя рыцарями, и за то только, что наш рыцарь назвал сэра Ланселота лучшим рыцарем, чем сэр Гавейн.

— Это не причина,— сказал сэр Тристрам,— чтобы убивать рыцаря за добрые речи о его господине.

— Нам от этого не легче,— отвечали жители города.— Вот будь здесь сейчас сэр Ланселот, он быстро отомстил бы тем двум низким рыцарям.

Когда услышал сэр Тристрам такие их слова, он послал за щитом своим и за копьем. И в короткий срок он их нагнал и потребовал, чтобы они возвратились и принесли возмещение за свершенное ими дело.

— Какого возмещения ты ждешь? — спросил один из них.

И с тем разъехались они для разгона и сшиблись с такой силой, что сэр Тристрам перебросил того рыцаря через круп его коня. Тогда приготовился к бою с сэром Тристрамом второй рыцарь, и со вторым рыцарем он обошелся точно так же.

И тогда они со всей возможной поспешностью высвободили ноги из стремян, выхватили мечи, перетянули наперед щиты и приготовились рубиться до последнего.

— Рыцари,— сказал им сэр Тристрам,— лучше скажите мне, кто вы и откуда. Ибо, может статься, вы — те, кому от меня живым не уйти, а может быть вы носите имена такие и родом из таких мест, что несмотря на все ваши злые дела я отпущу вас подобру-поздорову.

— Знай же, сэр рыцарь,— они отвечали,— мы не боимся назвать тебе наши имена, ибо мое имя — сэр Агравейн, а мое — сэр Гахерис, мы братья славного рыцаря сэра Гавейна и родные племянники королю Артуру!

— Хорошо,— сказал сэр Тристрам,— ради короля Артура я на этот раз вас отпущу. Но позор сэру Гавейну и вам, принадлежащим столь высокому роду, что о вас, четырех братьях, идет такая дурная молва: ибо вас считают величайшими убийцами и погубителями добрых рыцарей во всем королевстве Английском. И я слышал, что сэр Гавейн и вы, его братья, убили вчетвером рыцаря, который был получше любого из вас, имя же его — добрый рыцарь сэр Ламорак Уэльский. Милостью божией,— сказал сэр Тристрам,— хотел бы я быть с ним рядом в его смертный час.
— Тогда и ты последовал бы за ним,— сказал сэр Гахерис.
— Для этого, любезные рыцари, понадобилось бы куда больше доблестных рыцарей, чем сыщется в вашем роду.
И с тем сэр Тристрам расстался с ними и поехал к замку Веселой Стражи. А когда он уехал, они сели снова на коней, и один сказал другому:
— Догоним его и сквитаемся с ним за его любовь к сэру Ламораку.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОВЕРГ СЭРА АГРАВЕЙНА И СЭРА ГАХЕРИСА, И КАК ПРЕКРАСНАЯ ИЗОЛЬДА ПОСЛАЛА ЗА СЭРОМ ДИНАДАНОМ

Вот нагоняют они сэра Тристрама и сэр Агравейн ему кричит:
— Оборотись, рыцарь-предатель!
— Добро,— отвечал сэр Тристрам.
И с тем он обнажил меч свой и нанес сэру Агравейну такой удар по шлему, что тот без памяти свалился с лошади, а на голове у него зияла страшная рана. А он тогда оборотился против сэра Гахериса, и с такой силой обрушился на шлем его меч сэра Тристрама, что сэр Гахерис вывалился из седла.
Тогда сэр Тристрам возвратился в замок Веселой Стражи, а там спешился и снял доспехи. И рассказал сэр Тристрам Прекрасной Изольде обо всех своих приключениях, о каких вы уже слышали, и она, при имени сэра Динадана, сказала:
— Сэр, это не он ли сложил ту песню о короле Марке?
— Он самый,— отвечал сэр Тристрам,— ибо он лучший шутник и забавник, какого я знаю, и благородный боец, и добрый товарищ, и в его обществе любят бывать все славные рыцари.
— Увы, сэр,— сказала она,— мне жаль, что вы не привезли его с собою сюда.
— Нужды нет,— отвечал сэр Тристрам,— ведь он разъезжает по этой стране в поисках меня и потому не уедет, покуда со мною не встретится.
И еще сэр Тристрам рассказал Прекрасной Изольде о том, что сэр Динадан — противник всех влюбленных.
В это самое время явился туда паж и объявил сэру Тристраму, что в город прибыл странствующий рыцарь, носящий такие-то цвета и знаки на щите.

— Клянусь моей верой, это сэр Динадан,— сказал сэр Тристрам.— А потому, госпожа моя, вот что надлежит вам сделать: пошлите за ним, я же скроюсь. Вы тогда послушаете речи веселейшего из рыцарей, с каким вам случалось беседовать, и словеса несообразнейшие. Но прошу вас сердечно, окажите ему добрый прием.

И вот послала Изольда Прекрасная в город с приглашением сэру Динадану в замок отдохнуть в обществе дамы.

— С доброй охотою! — отвечал сэр Динадан.

И он сел на коня и въехал в ворота замка, а там спешился, и ему помогли снять доспехи и ввели его в залу.

Вышла туда к нему Прекрасная Изольда, и они приветствовали друг друга. А потом она спросила его, откуда он.

— Госпожа,— он ответил,— я принадлежу ко двору короля Артура и состою в рыцарях Круглого Стола. Имя же мое — сэр Динадан.

— А что делаете вы в наших краях? — спросила его Прекрасная Изольда.

— Правду сказать, госпожа, я разыскиваю сэра Тристрама, доброго рыцаря, ибо говорят, что он находится в здешних местах.

— Возможно, что и так,— сказала Изольда,— но мне об нем ничего не известно.

— Госпожа,— сказал тут сэр Динадан,— я дивлюсь на сэра Тристрама и на многих других подобных ему влюбленных. Что им за печаль так безумствовать и терять голову из-за женщины?

— Как так? — сказала Прекрасная Изольда.— Разве вы, странствующий рыцарь, не влюблены? Истинно, это стыдно, ведь и в самом деле, тот не заслуживает славы настоящего рыцаря, кто не вступает в поединок ради дамы.

— Боже меня упаси! — отвечал сэр Динадан.— Ведь радость любви так коротка, а горечь ее и все, что из нее потом проистекает,— это бедствия весьма длительные.

— А! — сказала Прекрасная Изольда,— никогда больше так не говорите, ведь здесь поблизости проезжал недавно добрый рыцарь сэр Блеоберис, который однажды бился за свою даму против трех рыцарей, и он завоевал ее на турнире у короля Нортумберландского. Это был благородный подвиг,— сказала Прекрасная Изольда.

— Воистину это так,— отвечал сэр Динадан,— я знаю его хорошо, он славный и благородный рыцарь и высокого роду, ведь в роду сэра Ланселота Озерного все — добрые рыцари.

— Я же вот о чем хочу вас просить,— сказала ему Изольда Прекрасная,— не согласитесь ли вы за меня сразиться с тремя рыцарями, которые чинят мне великое зло? Поскольку вы рыцарь короля Артура, я жду, что вы пойдете за меня на бой.

Тогда говорит сэр Динадан:

— Вот что я вам скажу. Вы — дама прекраснейшая, какую приходилось мне только видеть, и много прекраснее госпожи моей королевы Гвиневеры. Но, да будет вам ведомо без дальних слов: я не стану сражаться за вас с тремя рыцарями, упаси меня Иисусе!

Изольда посмеялась и потешилась над ним вволю. И принимала она его со всем радушием, и он провел в том замке всю ночь до утра.
А рано поутру сэр Тристрам облачился в доспехи, и Прекрасная Изольда дала ему добрый шлем, а он ей пообещал, что встретится с сэром Динаданом. И что они вдвоем отправятся на турнир в Лонезеп.
— И там я позабочусь, чтобы для вас было приготовлено место, откуда вы сможете следить за всеми выступлениями рыцарей.
И сэр Тристрам пустился в путь, сопровождаемый двумя оруженосцами, которые везли его щит и его копья, тяжелые и длинные.



КАК СЭР ДИНАДАН ВСТРЕТИЛСЯ С СЭРОМ ТРИСТРАМОМ И КАК В ПОЕДИНКЕ С СЭРОМ ПАЛОМИДОМ СЭР ДИНАДАН УЗНАЛ ЕГО

А вскоре после него собрался ехать и сэр Динадан, и он пустился в дорогу быстрым галопом, и под конец нагнал сэра Тристрама.
И лишь только завидел он его, как тут же признал вчерашнего знакомца, а изо всех рыцарей с ним встреча была ему всего нежелательнее.
— А! — вскричал сэр Динадан,— не тот ли ты самый рыцарь-трус, который попался мне вчера? Ну, держись! ибо сейчас ты все равно будешь со мною биться, желаешь ты того или нет!
— Что ж,— говорит сэр Тристрам.— А мне как раз до смерти неохота сражаться.
Вот пустили они коней, и сэр Тристрам промахнулся нарочно, а сэр Динадан расколол свое копье в щепы. Тогда изготовился сэр Динадан рубиться на мечах.
— Ну, нет, сэр,— сказал сэр Тристрам,— зачем вы так гневаетесь? Я больше не расположен сегодня биться.
— Позор тебе, трус! — вскричал Динадан.— Ты позоришь все рыцарство!
— Что до этого,— отвечал сэр Тристрам,— то мне дела нет, я желаю держаться подле вас и находиться под вашим покровительством, ибо вы — столь славный рыцарь, что всегда сумеете меня защитить.
— Избави меня бог от тебя! — сказал сэр Динадан.— Ведь на тебе превосходнейшее рыцарское облачение и собою ты прекрасен, как ни один из рыцарей, кого только случалось мне встретить, но ты же изо всех, кого я встречал,— величайший трус. К чему тебе тяжелые копья и все эти доспехи, что ты на себе возишь?
— Сэр, все это я отдам какому-нибудь доброму рыцарю,— сказал сэр Тристрам,— когда прибуду на турнир. Вот увижу, сэр, что на турнире отличаетесь вы,— вам все это и достанется.
Так они ехали, беседуя, и вдруг выехал на них какой-то странствующий рыцарь и изготовился к бою с ними.
— Взгляните-ка,— сказал сэр Тристрам,— вон человек, который ищет поединка. Изготовьтесь к бою и скачите прямо на него.
— А тебе да будет позор! — сказал сэр Динадан.

— Ну, нет,— отвечал сэр Тристрам,— по-моему, уж очень он страшен.
— Ладно, вот я ему сейчас! — сказал сэр Динадан.
И они навесили на плечи щиты, выставили копья и сшиблись друг с другом с такой силой, что тот рыцарь выбил сэра Динадана из седла.
— Вот видите,— сказал сэр Тристрам,— лучше было бы вам ехать от него прочь.
— Позор тебе, трус! — сказал сэр Динадан.
И вскочив на ноги, он выхватил меч свой и предложил тому пеший бой.
— По дружбе или же по злобе? — спросил тот.
— Сэр, давайте рубиться по-дружески,— отвечал сэр Динадан.
— А как ваше имя? — спросил тот рыцарь.— Я прошу вас честью ответить мне.
— Сэр, знайте, я зовусь сэр Динадан.
— А, сэр Динадан,— сказал тот,— мое же имя сэр Гарет, я меньшой брат сэра Гавейна.
Обрадовались они друг другу, ибо этот сэр Гарет был изо всех своих братьев лучший рыцарь, и сэр Динадан тоже выказал себя славным рыцарем. И они снова сели на коней, едут и ругают трусом сэра Тристрама. А сэр Тристрам слышит каждое слово и смеется над ними про себя. Вдруг видят: скачет к ним еще один рыцарь, и вот уж он изготовился к бою.
— Ну, любезные рыцари,— говорит сэр Тристрам,— решайтесь, которому из вас биться вон с тем рыцарем, ибо что до меня, то предупреждаю вас: я с ним сражаться не буду.
— Тогда я поскачу,— сказал сэр Гарет.
И они съехались, и тот рыцарь перебросил сэра Гарета через круп его коня.
— Ну, как? — спрашивает сэр Тристрам сэра Динадана,— Готовьтесь, теперь ваш черед биться и отомстить за доброго рыцаря сэра Гарета.
— Нет уж,— отвечал сэр Динадан.— Не буду я с ним биться, ведь он вышиб из седла рыцаря куда более сильного, чем я.
— А, сэр Динадан,— говорит сэр Тристрам,— вижу я и чувствую, что вы струсили. А коли так, сейчас вы увидите, что будет.
И сэр Тристрам налетел на того рыцаря и сбросил его с коня долой. И при виде этого сильно подивился сэр Динадан, и понял он тут, что это — сэр Тристрам. А неизвестный рыцарь лишь только поднялся на ноги, как тут же обнажил свой меч, чтобы рубиться дальше.
— Сэр, как ваше имя? — спрашивает его сэр Тристрам.
— Да будет вам ведомо,— тот отвечал,— что мое имя сэр Паломид.
— Тогда, сэр рыцарь, назовите же нам имя рыцаря, вам всех более на свете ненавистного? — спросил сэр Тристрам.
— Воистину,— отвечал он,— всех более ненавижу я смертельно сэра Тристрама, и если мы с ним где-либо повстречаемся, одному из нас живым не быть.
— Добро,— сказал сэр Тристрам.— Так знайте же, что мое имя сэр Тристрам Лионский, и теперь разите!
Услышав такие его слова, сэр Паломид изумился и сказал так:
— Я прошу вас, сэр Тристрам, простить мне все зло, что я к вам питал.

Буду я жив, стану служить вам изо всех рыцарей первому. В злобе, что питал я против вас, я жестоко раскаиваюсь. Сам не знаю, что на меня тогда нашло, ведь я вижу, вы благородный рыцарь; и теперь я от души дивлюсь, как может вас ненавидеть кто-либо, себя благородным рыцарем почитающий. Я прошу вас, сэр Тристрам, не прогневаться на мои недобрые речи.

— Сэр Паломид,— отвечал сэр Тристрам,— добро вы говорите. Уж я-то знаю, что вы — рыцарь благородный, ибо я видел вас в деле, и немало подвигов вы предприняли и свершили. Потому,— сказал сэр Тристрам,— если есть у вас на меня зло, ныне можете вы со мною сквитаться, ибо я к вашим услугам.

— О, нет, господин мой сэр Тристрам, я сам готов быть вашим рыцарем и сослужить вам любую службу по первому вашему слову.

— Сэр, я согласен,— отвечал сэр Тристрам.

И они поехали дальше своей дорогой, беседуя об разных вещах. И сказал сэр Динадан:

— Ах, господин мой сэр Тристрам! Как же вы низко надо мной насмеялись, ведь видит бог, я приехал в эту страну из-за вас, по наущению господина моего сэра Ланселота, хотя он так и не пожелал назвать мне точное место, где вас найти.

— Вот как? — сказал сэр Тристрам.— А ведь сэр Ланселот всех лучше знает, где меня найти, ибо я гощу сейчас в его замке.



КАК ОНИ ПОДЪЕХАЛИ К ЗАМКУ ЛОНЕЗЕПУ И О ПОДРОБНОСТЯХ СМЕРТИ СЭРА ЛАМОРАКА

❧ Так они скакали, покуда не завидели впереди замок Лонезеп, а у стен были разбиты четыре сотни шатров и палаток, и на прекрасном турнирном поле завершены уже были все приготовления к празднику.

— Да поможет мне бог,— молвил сэр Тристрам,— никогда еще я не видывал, чтобы все было так богато подготовлено к турниру.

— Сэр,— сказал сэр Паломид,— а мне думается, что вот так же все устроено было у стен Девичьего Замка на скале, в тот раз, когда вы завоевали там первенство, ведь я сам видел, как вы тогда один одолели тридцать рыцарей.

— Сэр,— сказал сэр Динадан,— и в Сурлузе тоже, когда сэр Галахальт, властелин Долгих Островов, устраивал турнир, который продолжался семь дней. Там было столь же великое скопление людей, как и здесь, ибо туда съехались рыцари из многих стран.

— Сэр, а кто там отличился больше всех? — спросил сэр Тристрам.

— Сэр, больше всех отличился сэр Ланселот Озерный, и еще благородный рыцарь сэр Ламорак Уэльский.

— Клянусь моей верою,— сказал сэр Тристрам,— если сэр Ланселот находится здесь, то нет сомнения,— сказал сэр Тристрам,— что он и здесь за-

воюет первенство, если только его не одолеют рыцари числом, собравшись многие против него одного. А что убит сэр Ламорак,— сказал сэр Тристрам,— это величайшей жалости достойно, ибо, думается мне, среди его сверстников не найдется второго рыцаря столь же могучего и неутомимого. Я знал его как одного из лучших рыцарей, с какими когда-либо встречался, кроме разве что сэра Ланселота.

— Увы,— сказали сэр Динадан и сэр Тристрам,— его смерть для нас — большое горе! И не будь его убийцы родичами господина нашего короля Артура, они заплатили бы за это жизнью, все, кто причастны были к его убийству.

— Из-за этого-то,— сказал сэр Тристрам,— я и опасаюсь возвращаться ко двору короля Артура. Сэр, я хочу, чтобы вы это знали,— сказал сэр Тристрам сэру Гарету.

— Что до этого, то я вас не виню,— сказал сэр Гарет,— ведь мне отлично известна мстительность моих братьев сэра Гавейна, сэра Агравейна, сэра Гахериса и сэра Мордреда. Но что до меня,— сказал сэр Гарет,— то я не вмешиваюсь в их дела, и потому из них ни один меня не любит. Оттого-то я и оставил их общество, что увидел в них погубителей рыцарства, и желал бы я, милостью божией, быть там поблизости в час, когда пал убитым этот благороднейший из рыцарей, сэр Ламорак!

— Ну, да поможет мне Иисус,— сказал сэр Тристрам,— это прекрасно сказано, ведь и я бы отдал все золото между Римом и здешними местами, только бы мне очутиться тогда подле него.

— Воистину,— сказал сэр Паломид,— и я тоже, а ведь я ни на одном турнире, ни в одном поединке ни разу не одержал верх, если там выступал этот благородный рыцарь сэр Ламорак. В конном ли, в пешем ли бою, но он всегда меня одолевал. А в тот день, когда он был убит, он свершил доблестнейшие подвиги, какие когда-либо свершал рыцарь у меня на глазах. И когда господин мой король Артур присудил ему первенство, сэр Гавейн и три его брата: сэр Агравейн, сэр Гахерис и сэр Мордред,— напали на сэра Ламорака в тайном месте, убили под ним коня, а потом дрались с ним пешим три часа кряду и долее, наседая и спереди и сзади, покуда сэр Мордред не нанес ему со спины смертельную рану, разрубивши его чуть не пополам. Так рассказывал мне один из пажей сэра Ламорака, который видел все это сам.

— Позор такому предательству! — сказал сэр Тристрам.— Мое сердце сокрушено этим рассказом.

— И мое тоже,— сказал сэр Гарет,— хоть они мне и братья родные.

— Поведем же теперь речь о других вещах,— сказал сэр Паломид,— а его оставим, ибо жизни ему не возвратить.

— Тем хуже! — отвечал сэр Динадан.— Ибо сэр Гавейн и все его братья, кроме вас, сэр Гарет,— злые ненавистники почти что всех добрых рыцарей Круглого Стола. Ибо мне хорошо известно, что они, как следует от них ожидать, ненавидят втайне господина моего сэра Ланселота и весь род его и затаили против него великое зло. Об том господин мой сэр Ланселот уж конечно извещен, для того-то он и желает иметь вокруг себя побольше добрых рыцарей — своих родичей.



КАК ОНИ ВЫЕХАЛИ НА БЕРЕГ УМБЕРА, И КАК УВИДЕЛИ ТАМ БАРКУ, А В НЕЙ ЛЕЖАЛО ТЕЛО КОРОЛЯ ХЕРМАНСА

А теперь, сэр,— сказал Паломид,— давайте все же оставим этот предмет и подумаем, как нам выступать на здешнем турнире. Мой совет вот каков: нам всем четверым держаться вместе против всех приезжих.

— Нет, этого делать не следует,— сказал сэр Тристрам.— Ибо я по шатрам вижу, что здесь собралось сотни четыре рыцарей. Нет сомнения,— сказал сэр Тристрам,— что на свете много добрых рыцарей и как бы могуч и храбр ни был рыцарь, его можно одолеть числом. Я видел, как это случалось со многими рыцарями, они уже полагали себя победителями, но оказывались побежденными. Ибо мужество не многого стоит, пока оно не сдобрено рассудком. И потому, что до меня,— сказал сэр Тристрам,— то, быть может, не потеряв головы сам, я еще спасу и чужие головы.

И они поскакали дальше и выехали на берег реки Умбер, и слышат там горестные стоны и плач. Видят они, идет по ветру богатый корабль, весь обтянутый красными шелками, и вот пристал этот корабль к берегу у самого того места, где они стояли. Тут спешился сэр Тристрам, и спутники его тоже, и взошли они на этот корабль. А там увидел сэр Тристрам прекрасное ложе под богатым покрывалом, и на ложе том лежал прекрасный мертвый рыцарь в полных доспехах, но только с непокрытой головой и весь в крови от смертельных ран.

— Иисусе! — воскликнул сэр Тристрам.— Как могло статься, что этот рыцарь лежит здесь убитый?

И вдруг видит сэр Тристрам в руке мертвого рыцаря письмо.

— Эй, кормчие-корабельщики,— сказал сэр Тристрам,— что это за письмо?

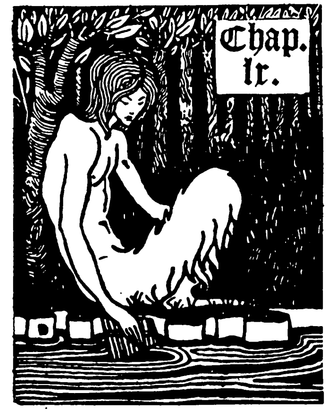
— Сэр,— они отвечали,— из этого письма можно узнать и понять, как был он убит и за что и как его звали. Но, сэр,— сказали корабельщики,— знайте, что письмо возьмет и прочтет лишь настоящий, доблестный рыцарь и лишь в том случае, если поклянется отомстить за его смерть, а иначе ни один человек не вскроет этого письма.

— Знайте же и вы,— сказал сэр Тристрам,— что из нас любой сумеет отомстить за его смерть и не ударит в грязь лицом. И если верно вы, корабельщики, говорите, смерть его будет отомщена.

И с тем сэр Тристрам вынул из руки рыцаря письмо, открыл его и прочел, а в нем значилось вот что:

«Я, Херманс, король и владыка Красного Города, обращаюсь с приветом ко всем странствующим рыцарям и всех прежде к вам, благородные рыцари Артурова двора, и прошу вас всех сыскать меж собою одного рыцаря, чтобы он вызвался сразиться за меня с двумя братьями, которых я взрастил и возвысил из ничтожества, они же коварно и подло меня убили. И потому я прошу, пусть добрый рыцарь отомстит им за мою смерть, и тому, кто за меня отомстит, завещаю я мой Красный Город и все мои замки».

— Сэр,— сказали корабельщики,— знайте, что этот рыцарь и король, здесь перед вами лежащий, был мужем великой чести и доблести и он всегда любил странствующих рыцарей.
— Да поможет мне бог,— сказал сэр Тристрам,— это случай препечальный, и я бы всей душой желал за него отомстить, но я дал клятву непременно быть на этом большом турнире, а иначе я окажусь опозорен. Ибо мне отлично известно, что ради меня-то главным образом и устроил господин мой король Артур турнир в здешних местах и что многие знатные люди соберутся на этот турнир, чтобы посмотреть на меня. Вот почему я не решаюсь взять на себя отмщение, боясь, что я не сумею возвратиться вовремя к началу турнира.
— Сэр,— сказал Паломид,— прошу вас, поручите это мне, и вы увидите, как я исполню все с честью, или же погибну в бою.
— Что ж,— сказал сэр Тристрам,— я поручу вам это дело с тем лишь условием, что вы присоединитесь ко мне на этом турнире, который назначен здесь ровно через неделю.
— Сэр,— отвечал сэр Паломид,— даю вам слово возвратиться к вам в назначенный срок, если не буду убит или изувечен.



КАК СЭР ТРИСТРАМ И ЕГО ТОВАРИЩИ ОСТАНОВИЛИСЬ В ОДНОМ ЗАМКЕ И КАК ЕГО ХОЗЯИН ПОТОМ БИЛСЯ С СЭРОМ ТРИСТРАМОМ, И О ПРОЧИХ ДЕЛАХ ❧ С тем сэр Тристрам с сэром Гаретом и с сэром Динаданом оставили сэра Паломида на корабле. И сэр Тристрам стоял там и смотрел, как корабельщики повели судно вниз по течению Умбера.

Когда же сэр Паломид скрылся у них из глаз, они сели на коней, огляделись вокруг и вдруг видят, скачет прямо на них рыцарь без доспехов и без оружия, лишь с одним мечом у пояса. Приблизившись, он с ними поздоровался, и они ответили на его приветствие.
— Любезные рыцари,— сказал тогда он,— прошу вас, как есть вы странствующие рыцари, поедемте ко мне в замок, и что найдете там, все к вашим услугам. Я приглашаю вас от всей души!
— С доброй охотою,— отвечал сэр Тристрам.
И они поскакали с ним к его замку, а там их провели в богато украшенную залу, и они, снявши доспехи, уселись за стол. Но лишь только взглянул тот рыцарь на сэра Тристрама, тут же он его узнал и страшно побледнел от гнева. А сэр Тристрам, видя такой прием, удивился и спросил:
— Сэр хозяин, что вы так невеселы?
— Знай,— тот отвечал,— не радость мне видеть тебя, ибо я тебя признал, ты — сэр Тристрам Лионский. Ты убил моего брата и потому я говорю тебе наперед: я убью тебя, как только встречу за стенами моего дома!
— Сэр рыцарь,— сказал сэр Тристрам,— мне неизвестно, чтобы я убивал

кого-нибудь из ваших братьев, но если я убил, я готов это возместить, сколько в моих силах.

— Я не приму возмещения,— сказал тот рыцарь.— И лучше мне не попадайся!

И вот, когда они отобедали, сэр Тристрам велел подать свои доспехи и собрался в путь. Поскакали они своей дорогой, но не проехали и мили, как вдруг заметил сэр Динадан: нагоняет их рыцарь во всеоружии и на добром коне и с белым щитом.

— Сэр Тристрам,— сказал сэр Динадан,— остерегайтесь, ибо сдается мне, вон там скачет наш хозяин, который ищет боя с вами.

— Пусть скачет,— отвечал сэр Тристрам,— уж я постою против него, как смогу.

Вот приблизился рыцарь к сэру Тристраму и крикнул ему:

— Остановись и защищайся!

И ринулись они друг на друга, сшиблись, и сэр Тристрам нанес тому рыцарю столь жестокий удар, что перебросил его через круп его коня. Но тот поднялся тут же, снова вскочил на коня и помчался во весь опор на сэра Тристрама и дважды или трижды ударил его по шлему.

— Сэр рыцарь,— сказал сэр Тристрам,— прошу вас, остановитесь и не наносите больше мне ударов, ибо я не желал бы, будь моя воля, с вами сражаться, ведь у меня в желудке ваша пища и ваше питье.

Но тот ни за что не соглашался прекратить бой. И тогда сэр Тристрам ударил его по шлему с такой силой, что он вниз головой повалился с коня и кровь хлынула сквозь отверстия в забрале. И упавши на землю, он остался лежать замертво. Тогда сказал сэр Тристрам:

— Я раскаиваюсь в своем столь сильном ударе, ибо я полагаю, что он умер.

И оставивши его так, они поскакали дальше. Вот, проехав совсем немного, вдруг увидели они двух рыцарей в прекрасных доспехах; они неслись прямо на них, пришпорив добрых своих коней, во всеоружии и в сопровождении верных оруженосцев. Один из них звался сэр Берант-Последыш по прозвищу Король-с-Сотней-Рыцарей, а второй был сэр Сегварид,— оба благородные и прославленные рыцари.

Когда же они поравнялись, король поглядел на сэра Динадана, а у сэра Динадана на плечах был шлем сэра Тристрама, который король раньше видел у королевы Северного Уэльса, королева же Северного Уэльса была его возлюбленной. Она подарила этот шлем Прекрасной Изольде, а королева Изольда подарила его сэру Тристраму.

— Сэр рыцарь,— сказал сэр Берант,— откуда у вас этот шлем?

— А вам что за дело?— сказал сэр Динадан.

— А я желаю с вами сразиться,— отвечал король,— за ту, которой этот шлем принадлежит. И потому защищайтесь!

И они сшиблись друг с другом со всею мощью своих коней. И Король-с-Сотней-Рыцарей поверг наземь сэра Динадана вместе с конем, а потом повелел слуге своему снять с него шлем, чтобы взять его себе. Вот приблизился к нему паж и хотел было отстегнуть на нем шлем.

— Что надобно тебе? — сказал сэр Тристрам.— Не прикасайся к его шлему!

— А вам что за причина,— спросил король,— беспокоиться об этом шлеме?

— Так знайте,— отвечал сэр Тристрам,— что с этим шлемом я так не расстанусь. За него вам придется заплатить дорогой ценой.
— Когда так, то готовьтесь к бою! — сказал сэр Берант сэру Тристраму. И они ринулись друг на друга, и сэр Тристрам сбросил его наземь через круп его коня; но король, не помедлив, тут же поднялся на ноги, вскочил вновь на коня и обрушил на сэра Тристрама множество свирепых ударов. Но под конец сэр Тристрам ударил его по шлему с такой силой, что он так и повалился с коня, жестоко оглушенный.
— Вот видите!— сказал сэр Динадан,— этот шлем принес несчастье нам обоим. Сначала я из-за него вылетел из седла, а теперь и вы, сэр король, повергнуты наземь.
Тут спросил сэр Сегварид:
— Который из вас будет биться со мною?
— Прошу вас,— сказал сэр Гарет сэру Динадану,— дозвольте мне взять на себя этот поединок.
— Сэр,— отвечал Динадан,— что до меня, то прошу вас от души, бейтесь!
— Это не дело,— сказал сэр Тристрам,— поединок с ним по праву — ваш.
— Раз он просит,— сказал сэр Динадан,— я отказываюсь.
Тогда сэр Гарет изготовился и выехал против сэра Сегварида, и сэр Сегварид поверг сэра Гарета вместе с конем на землю.
— Ну, — сказал тут сэр Тристрам сэру Динадану,— теперь вам биться с этим рыцарем.
— У меня нет охоты— отвечал сэр Динадан.
— Тогда я с ним сражусь,— молвил сэр Тристрам.
И сэр Тристрам разогнался, налетел на него и сбил его наземь, а затем они поскакали прочь, оставив их двоих пешими.
Сэр Тристрам повернул к замку Веселой Стражи, а сэр Гарет из учтивости отказывался туда ехать, но сэр Тристрам ни за что не согласился с ним расстаться. И они приехали, спешились, сняли с себя доспехи, и был им оказан наилучший прием. Но когда сэр Динадан явился перед Изольдой Прекрасной, он стал проклинать тот час, когда надел шлем сэра Тристрама, и поведал ей, как сэр Тристрам над ним посмеялся. И они все шутили и потешались над сэром Динаданом, так что не знали, куда деваться от смеха.



КАК ПАЛОМИД ОТПРАВИЛСЯ СРАЖАТЬСЯ С ДВУМЯ БРАТЬЯМИ, МСТЯ ЗА СМЕРТЬ КОРОЛЯ ХЕРМАНСА ❧ Так они жили-поживали в замке Веселой Стражи, а мы теперь их оставим и поведем речь о сэре Паломиде, который плыл вниз по Умберу, покуда не достиг моря, и там на берегу стоял прекрасный замок. Дело было ранним утром, еще до света. И вот корабельщики пришли к сэру Паломиду, который спал крепким сном.
— Сэр рыцарь,— сказали корабельщики,— вставайте, ибо перед нами замок, в который вам надлежит войти.

— Хорошо,— сказал сэр Паломид,— я согласен.

И вот, подскакав к воротам замка, он дунул в рог, который дали ему корабельщики.

Когда же в замке услыхали звук его рога, то вышло на стены множество рыцарей, и сверху они ему сказали в один голос:

— Добро пожаловать в наш замок!

Тут совсем рассвело, и сэр Паломид въехал в ворота замка. Там его угощали и потчевали всевозможными яствами. Но вскоре сэр Паломид услышал вокруг себя горькие стоны и громкий плач.

— Что это значит? — спросил сэр Паломид.— Мне не по сердцу слышать такие печальные звуки, и потому я непременно желаю узнать, что они означают.

Тут выступил перед ним один рыцарь по имени сэр Эбель и сказал ему так:

— Знайте же, сэр рыцарь, здесь плачут и стонут всякий день, и вот почему. Был у нас король, который звался Херманс, он правил Красным Городом, и был этот король, государь наш, благородный рыцарь, великодушный и щедрый. И во всем мире никого он так не любил, как странствующих рыцарей короля Артура, их турниры, охоты и всевозможные рыцарские потехи. Столь превосходный рыцарь и король никогда еще не правил бедным людом. Из-за этой его доброты и вежества мы его и оплакиваем и будем оплакивать всегда. Но пусть судьба нашего государя всем королям и сословьям послужит уроком, ибо он погиб по своей вине. Ведь если бы расточал он милости лишь на кровных своих родичей, был бы наш король и ныне в живых и жил бы в богатстве и мире. И потому пусть все сословья примут гибель нашего короля как предостереженье. Но увы! — сказал сэр Эбель.— Что нам в этом уроке для других, когда мы потеряли его!

— Скажите мне,— спросил сэр Паломид,— как и каким образом был убит ваш государь, и чьей рукою.

— Сэр,— отвечал сэр Эбель,— наш король воспитал с младенчества двух братьев, которые сделались теперь коварными убийцами, и эти два рыцаря королю нашему были так милы, что он никого так не любил и ни к кому такого не питал доверия из своих кровных родичей и из прочих, кто его окружал.

Этих двух рыцарей король наш во всем слушался, и так они управляли потихоньку им самим и его землями и не дозволяли никому из его родичей хоть слово совета сказать нашему королю. Он же был так доверчив и благороден, а те двое так лживы и коварны, что им долго удавалось мирно править нашим королем. Но, видя это, наши лорды из королевского рода отъехали все от него прочь по своим владениям.

Когда эти два изменника выжили всех его знатных родичей, то и тогда показалось им мало власти, все им было недостаточно. Вот так и в старой пословице говорится: «Дай мужлану волю — ему все будет мало». Ведь когда бы ни досталась власть человеку низкого рождения, если законный властелин — из высокого рода, то этот низкорожденный временщик погубит всех знатных людей, которые его окружают. Вот потому-то, лорды и все сословья, смотрите лучше, кем вы себя окружаете. Вы же, сэр, если вы — рыцарь

от Артурова двора, запомните эту повесть, ибо вот каков ее конец и заключенье:
Государь наш король ехал как-то по ближнему лесу, куда его заманили те два предателя, он охотился на красного зверя, облаченный в полные доспехи, как надлежит доброму рыцарю. Но, сильно утомясь, он почувствовал жажду, и тогда он спешился, чтобы напиться из ручья. И когда он стоял на земле, один из них, которому имя — Хелиус, по их взаимному уговору, вдруг размахнулся и пробил королю нашему грудь копьем. И так они его там и оставили; но когда они ускакали, случилось мне подъехать к тому ручью, и там я нашел моего господина и короля со смертельной раной в теле. Выслушав его жалобу, я приказал отнести его на берег реки, и живым еще положил на корабле. И когда государь мой король Херманс уже лежал на том судне, он взял с меня слово, во имя верности моей ему, написать такое письмо:



ТЕКСТ ПИСЬМА, НАПИСАННОГО РАДИ МЕСТИ ЗА СМЕРТЬ КОРОЛЯ, И КАК ПАЛОМИД СРАЖАЛСЯ ЗА ПРАВО ВЕСТИ ПОЕДИНОК ❧ «Напишите от меня поклон королю Артуру и всем его благородным странствующим рыцарям и передайте им мою просьбу, чтобы за меня, Херманса, короля Красного Города, убитого через измену и предательство двумя рыцарями, которых я сам взрастил и сам посвятил в рыцари, за погибель мою отомстил бы кто-нибудь из славных рыцарей, ведь я всегда, сколько было в моих силах, делал добро двору короля Артура. И тому, кто подвергнет опасностям свою жизнь ради того, чтобы отомстить за мою гибель и убить тех двух предателей, я, король Херманс, король Красного Города, завещаю без остатка все мои земли и доходы, которыми владел при жизни».
— И это письмо,— сказал сэр Эбель,— я написал по велению моего государя, а потом он причастился Святых Таин. А умирая, он наказал мне, прежде чем тело его охладеет, вложить письмо ему в руку, а потом велел послать тот корабль вверх по течению Умбера, и чтобы корабельщики не останавливались, покуда не прибудут в Лонезеп, куда к тому времени должны будут съехаться все благородные рыцари. «И там кто-нибудь из славных рыцарей сжалится надо мною и отомстит за мою смерть, ибо никогда еще ни один рыцарь, ни барон не был убит так коварно, так предательски, как я, умирающий от этой жестокой раны». Такова была предсмертная жалоба короля нашего Херманса.
— Ну вот,— сказал сэр Эбель,— теперь вам все известно о том, как был предан наш государь. И потому мы господом богом просим вас, сжальтесь над ним, коварно убитым, и тогда вы будете со славою владеть всеми его землями Ибо уж конечно, если только вы убьете тех двух злодеев, Красный Город и все, кто к нему принадлежат, признают вас своим милостивым владыкой.
— Воистину,— сказал сэр Паломид,— сердцу моему горестно слушать ваше печальное повествование, и, сказать правду, я видел это письмо, о котором вы рассказывали, его прочел мне один из лучших рыцарей мира, и это по

его повелению я прибыл сюда, дабы отомстить за смерть вашего короля. А потому довольно стенаний — научите меня, где мне найти тех двух злодеев, ибо я не буду знать покоя в сердце моем, покуда не схвачусь с ними в смертельном бою.

— Сэр,— отвечал сэр Эбель,— в таком случае воротитесь на корабль, и корабль вас доставит на Остров Сладостный неподалеку от Красного Города. Мы же здесь в замке будем за вас молиться и ожидать вашего возвращения. Ибо и этот замок, в случае вашего успеха, будет принадлежать вам. Наш король повелел некогда возвести его для тех двух предателей, и теперь, хоть мы отстояли его твердой рукой, над нами нависла угроза.

— Так знайте же, как вам поступить,— сказал сэр Паломид.— Что бы ни сталось со мною, все равно держитесь и не сдавайте замок, ибо, случись мне погибнуть в этом рыцарском деле, я знаю, отомстить за меня сюда приедет один из лучших рыцарей мира, и это будет сэр Тристрам Лионский или же сэр Ланселот Озерный.

И сэр Паломид оставил замок. Но когда он приблизился к реке, вышел на берег статный рыцарь в полном вооружении и со щитом на плече, а рука — на рукояти меча. И двинувшись на сэра Паломида, сказал он так:

— Сэр рыцарь, что ищете вы здесь? Отступитесь от этого подвига, ибо он по праву принадлежит мне и принадлежал мне еще раньше, чем вы взяли его на себя. И потому я свершу его сам!

— Сэр рыцарь,— отвечал сэр Паломид,— весьма возможно, что раньше этот подвиг надлежало свершить вам. Но когда из королевской мертвой руки вынимали письмо, в то время что-то не видно было рыцаря, который бы взялся отомстить за смерть короля. И потому я в тот день поклялся за него отомстить и клятву исполню, а иначе позор мне навеки.

— Хорошо сказано,— молвил тот рыцарь.— Но знайте, я тогда буду с вами биться, и который из нас выкажет себя лучшим рыцарем, тот пусть и берется за этот подвиг.

— Я согласен,— отвечал сэр Паломид.

И они перетянули наперед щиты, обнажили мечи и стали осыпать друг друга жестокими ударами, как бьются могучие рыцари. Так рубились они более часа. Но потом силы сэра Паломида стали возрастать, и дыхание его становилось ровнее, и, наконец, нанес он тому рыцарю такой удар, что у того ноги так и подогнулись, и он упал на колени. И тогда крикнул тот рыцарь громким голосом:

— Добрый рыцарь, придержи свою руку!

Сэр Паломид тут опустил меч, а рыцарь сказал так:

— Сэр, знайте, что вы достойнее, нежели я, предпринять этот подвиг, и я прошу вас вашей рыцарской честью, назовите мне ваше имя.

— Сэр, мое имя — сэр Паломид, я рыцарь короля Артура и рыцарь Круглого Стола, прибыл сюда, дабы отомстить в этом деле.



О ПРИГОТОВЛЕНИЯХ СЭРА ПАЛОМИДА И ДВУХ БРАТЬЕВ, КОТОРЫМ ПРЕДСТОЯЛО С НИМ СРАЗИТЬСЯ

— Сэр, в добрый час наша встреча,— сказал тот рыцарь сэру Паломиду,— ибо из всех ныне живущих рыцарей, кроме троих, я всего более рад встрече с вами. Из тех же троих первый — сэр Ланселот Озерный, второй — это сэр Тристрам Лионский, а третий — мой близкий сородич, добрый рыцарь сэр Ламорак Уэльский. А сам я — брат убитого короля Херманса, и мое имя — сэр Хермин.

— Добро,— отвечал сэр Паломид.— Теперь вы увидите, как я все исполню. Если же паду я в этом деле убитым, то поезжайте к господину моему сэру Ланселоту или же к господину моему сэру Тристраму и просите их отомстить за мою смерть. Что же до сэра Ламорака, то его вам уже на этом свете не увидеть.

— Увы! — сказал сэр Хермин,— как могло такое статься?

— Его зарезали сэр Гавейн с братьями,— отвечал сэр Паломид.

— Да поможет мне бог,— сказал сэр Хермин,— один на один никто из них не мог бы его одолеть!

— Это правда,— сказал сэр Паломид,— они убили его, когда их было четверо против одного — сэр Гавейн, сэр Агравейн, сэр Гахерис, сэр Мордред. Но пятого брата, сэра Гарета, рыцаря из них наилучшего, с ними не было.

И сэр Паломид поведал сэру Хермину, как было дело и как они сумели убить сэра Ламорака лишь коварством.

А затем сел сэр Паломид на корабль и поплыл к Острову Сладостному. А сэр Хермин, королевский брат, тем временем поспешил в Красный Город и там объявил, что некий рыцарь короля Артура вызвался отомстить за смерть короля Херманса.

— И зовется он сэр Паломид, добрый рыцарь, его главный подвиг — преследовать Зверя Рыкающего.

Тут сделалась в городе великая радость, ибо там немало слышали о сэре Паломиде и об его рыцарской доблести. И решено было послать к двум братьям и предупредить их, чтобы они готовились к битве, ибо объявился рыцарь, который будет биться с ними обоими. Вот посланный явился к ним в их замок, что стоял там неподалеку, и передал, что к ним едет рыцарь короля Артура, и он будет биться с ними обоими одновременно.

— Милости просим,— отвечали они.— Но уж не сэр ли Ланселот это или кто-либо из его рода?

— Нет, этот рыцарь не из его рода.

— Тогда и вовсе нам мало заботы,— сказали двое братьев.— А вот против рыцарей Ланселотова рода мы предпочитаем не сражаться.

— Сэр, да будет вам ведомо, этот рыцарь — сэр Паломид, что еще не принял крещения, рыцарь благороднейший.

— Ну что ж,— сказали они,— если он сейчас еще не крещеный, то уже крещеным ему не быть.

И они назначили ему быть под Красным Городом через два дня. Вот, когда подъехал сэр Паломид к городу, там встретили его очень радостно. Видят все — он собою ладен, строен и могуч, лицом чист, руки ноги целы, сам не слишком стар, не слишком молод; и оттого весь народ возносил ему хвалу. И хотя он был не крещен, все равно он веровал, как то всем надлежит, был честен и верен своему слову и имел добрый нрав. А все дело в том, что он дал клятву не принимать крещения до того срока, пока не настигнет Зверя Рыкающего, который был зверем чудеснейшим и исполненным великого значения, об нем и Мерлин немало оставил пророчеств. И еще сэр Паломид поклялся не принимать полностью христианства до тех пор, покуда он не проведет в один прием семи победных поединков.

Вот на третий день подъехали к городу те двое братьев: одного из них звали сэр Хелиус, а другого Хелак, оба мужи предоблестные. Хотя и были они исполнены коварства и измены и рождения были незнатного, все же они славились как рыцари искусные и могучие. И привели они с собою сорок рыцарей, чтобы было у них довольно силы завладеть Красным Городом. Так явились туда двое братьев, гордясь и похваляясь, что обрекут Красный Город бедам и разорению.

Вот расположились они на поле, и сэр Паломид, явившись туда, сказал им так:

— Вы ли это два брата Хелиус и Хелак, что убили хитростью и коварством короля и государя вашего сэра Херманса, за чью смерть я прибыл сюда отомстить?

— Знай, сэр,— отвечали Хелиус и Хелак,— мы и есть те самые рыцари, что убили короля Херманса. И знай также, сэр Паломид-Сарацин, мы так с тобою разделаемся, прежде чем ты унесешь отсюда ноги, что ты еще пожалеешь, что до сих пор не крестился.

— Возможно, что и так,— сказал сэр Паломид,— но я все же предпочел бы не умирать, пока не получу полного крещения. Однако вас обоих не боюсь я нисколько и знаю, что умру лучшим христианином, нежели любой из вас. А уж вы не сомневайтесь,— сказал сэр Паломид,— либо вы, либо я останемся мертвыми на этом самом месте.



О БОЕ МЕЖДУ СЭРОМ ПАЛОМИДОМ И ДВУМЯ БРАТЬЯМИ, И КАК ОБА БРАТА БЫЛИ УБИТЫ

И они разъехались в великой ярости, и два брата поскакали на сэра Паломида, а сэр Паломид на них, сколько достало мощи в конях. И, по счастью, удалось сэру Паломиду пробить сэру Хелаку щит и грудь более чем на локоть в глубину. А между тем сэр Хелиус держал поднятым свое копье и по гордыне своей и бахвальству не разил сэра Паломида. Но когда он увидел брата распростертым и недвижным на земле, тут крикнул он сэру Паломиду:

— Теперь держись!

И с тем ринулся на сэра Паломида, выставив копье, и сбросил его с коня долой. А потом направил коня своего и трижды или четырежды проскакал над сэром Паломидом. Устыдился сэр Паломид такого позора, он схватил под уздцы коня сэра Хелиуса, конь встал на дыбы, а сэр Паломид его подтолкнул, и они вместе рухнули на землю.

Но сэр Хелиус поднялся поспешно и нанес сэру Паломиду столь сильный удар по шлему, что сэр Паломид опустился на колено. После этого начали они рубиться, осыпая друг друга жестокими ударами, то нападая, то уклоняясь, то назад, то в сторону, и бросаясь друг на друга, точно два диких вепря, или же падая оба ничком на землю.

Так они рубились без остановки два часа, не давая себе передышки. Но вот сэр Паломид стал терять силы и слабеть, а у сэра Хелиуса силы прибавилось, он удвоил свои удары и стал гонять сэра Паломида по всему полю вдоль и поперек.

Когда увидели горожане сэра Паломида в беде, то стали они плакать и стенать и жестоко убиваться, противная же сторона ликовала и веселилась.

— Увы,— говорили горожане,— неужели этот благородный рыцарь погибнет, защищая нас?

И пока они так плакали и стенали, сэр Паломид, принявший сто ударов, так что дивиться приходилось, как он еще держится на ногах, сэр Паломид, наконец, оглянулся вокруг себя из последних сил, но, видя, что простой народ оплакивает его, так сказал себе: «О, стыд и позор тебе, сэр Паломид! Что так низко голову повесил?» И с тем поднял он щит свой, поглядел сквозь забрало на сэра Хелиуса, размахнулся и нанес ему мечом по шлему могучий удар, а затем еще один и еще, и он разил сэра Хелиуса с такой силой, что тот, наконец, рухнул ничком на поле боя. И тогда он сорвал с него шлем и отсек ему голову с плеч.

Тут так возрадовались горожане, что и сказать нельзя. С великой торжественностью доставили они его в замок, и там все провозгласили себя его подданными. Сэр же Паломид просил их получше заботиться обо всех владениях покойного короля Херманса.

— Ибо, любезные сэры, знайте, что я пока еще не могу оставаться с вами, ибо я со всей поспешностью должен отправиться в замок Лонезеп к государю моему королю Артуру.

Не хотели горожане расставаться с сэром Паломидом, и город предложил ему третью часть всех своих доходов, чтобы только он у них остался. Но он ни за что не соглашался.

И так сэр Паломид от них уехал и прибыл снова в тот замок, где управителем сидел сэр Эбель. И когда в этом замке узнали о победе сэра Паломида, не было второго такого веселого замка.

А сэр Паломид поехал дальше и прибыл в замок Лонезеп. Однако, узнав, что сэра Тристрама там еще нет, сэр Паломид поспешил переправиться через Умбер и явился под стенами замка Веселой Стражи, где находился сэр Тристрам с Изольдой Прекрасной.

А сэр Тристрам издал повеление, чтобы обо всяком странствующем рыцаре, который ни появится в замке или в городе, его, сэра Тристрама, тут же

оповещали. И вот пришел к сэру Тристраму человек из города и говорит, что в городе появился рыцарь прекрасный видом.
— А что он за человек? — спрашивает сэр Тристрам.— И какие носит знаки?
Тот ему все описал.
— Клянусь верою, это сэр Паломид! — воскликнул сэр Динадан.
— Воистину возможно, что это он,— сказал сэр Тристрам.— Что ж, поезжайте, сэр Динадан, и приведите его сюда.
Вот сэр Динадан отправился к сэру Паломиду, и они оба от души обрадовались этой встрече и вместе остановились на ночлег. А рано поутру прибыли к ним сэр Тристрам и сэр Гарет и подняли их с постелей; они встали и утолили голод.



КАК СЭР ТРИСТРАМ И СЭР ПАЛОМИД ПОВСТРЕЧАЛИСЬ С БРЮСОМ БЕЗЖАЛОСТНЫМ, И КАК СЭР ТРИСТРАМ И ПРЕКРАСНАЯ ИЗОЛЬДА ОТПРАВИЛИСЬ В ЛОНЕЗЕП

А после того сэр Тристрам взял с собой сэра Паломида и они поскакали по лесам и полям и условились остановиться на отдых в лесу. Они долго тешились ловитвой, но наконец выехали к чистому источнику. И вдруг видят, скачет прямо на них рыцарь, закованный в латы. Когда он приблизился, они приветствовали друг друга. И этот вооруженный рыцарь обратился к сэру Тристраму и спросил его, кто такие те рыцари, что расположились в замке Веселой Стражи?
— Мне неведомо, кто они,— отвечал сэр Тристрам.
— А кто же такие вы сами? По-моему, вы — не странствующий рыцарь, ведь на вас нет доспехов.
— Сэр, рыцари или не рыцари, но мы не намерены называть вам наши имена.
— Почему же не желаешь ты назвать мне твое имя? — говорит тот рыцарь.— Раз так, держись же, ибо ты умрешь от моей руки!
И с тем он схватил копье и хотел было пробить грудь сэру Тристраму. Увидел это сэр Паломид и ударил его коня сбоку, так что поверг в гневе наземь и коня и всадника. А сам спешился, выхватил меч из ножен и хотел уж было того убить.
— Не надо,— сказал сэр Тристрам,— не убивайте его, ибо рыцарь этот просто глуп, и такого стыдно убивать. Отымите у него копье,— сказал сэр Тристрам,— и пусть он садится на своего коня и скачет на все четыре стороны.
Поднялся рыцарь на ноги, застонав от ушибов, взял за узду своего коня, сел в седло и, поворотив коня, попросил сэра Тристрама и сэра Паломида рыцарской честью сказать, кто они такие.

— Так знай же,— отвечал ему сэр Тристрам,— мое имя — сэр Тристрам Лионский, а этот рыцарь зовется сэр Паломид.

Услышав их имена, он взял в шпоры своего коня, чтобы они не успели спросить, как зовут его, и поскакал во весь дух сквозь чащобы и леса. А на них, между тем, выехал другой рыцарь, у него был щит с перевязью на лазоревом поле, и звался он сэр Эпиногрис. Он мчался к ним быстрым галопом.

— Куда вы торопитесь? — спросил сэр Тристрам.

— Любезные лорды,— отвечал сэр Эпиногрис,— я преследую коварнейшего из рыцарей, живущих на свете, а потому прошу вас, скажите, видели ли вы его, ибо он носит щит, затянутый красным.

— Да поможет мне бог,— сказал сэр Тристрам,— этот рыцарь покинул нас не более четверти часа назад, и мы честью просим вас, назовите нам его имя.

— Увы! — сказал сэр Эпиногрис,— для чего вы позволили ему уйти от вас? А ведь он — величайший враг всем странствующим рыцарям, и имя его — сэр Брюс Безжалостный.

— А, позор и стыд! — вскричал сэр Паломид.— Как жаль, что он ускользнул у меня из рук, ведь он ненавистен мне всех более на свете.

И все остальные рыцари тоже стали сокрушаться, а сэр Эпиногрис их покинул и снова пустился в погоню за сэром Брюсом. Сэр же Тристрам со своими тремя товарищами повернул обратно к замку Веселой Стражи, и по пути сэр Тристрам стал расспрашивать сэра Паломида о том, как он бился у стен Красного Города. И как вы слышали выше, так он ему все до конца рассказал.

— Воистину,— сказал сэр Тристрам,— я весьма рад, что вы так преуспели, ведь вы с честью исполнили свой подвиг. Ну,— сказал сэр Тристрам,— а завтра мы отправляемся в путь.

И он поведал им, как и что он решил устроить. Он задумал послать вперед два своих шатра, дабы их установили под самыми стенами Лонезепа, и в тех шатрах будет находиться королева Изольда Прекрасная.

— Это правильно,— сказал сэр Динадан.

Но когда сэр Паломид услышал все это, сердце у него едва не разорвалось от муки, однако он не промолвил и слова. Но когда они подъехали к замку Веселой Стражи, сэр Паломид не захотел въезжать в ворота, и он согласился, только когда сэр Тристрам ввел его туда за руку. Когда же сэр Паломид увидел Прекрасную Изольду, страданье его было столь велико, что он едва в силах был говорить. Все пошли к столу, но сэр Паломид не мог есть, а принимали их там и угощали так, как только можно было пожелать.

А наутро снарядились они все в путь и выехали в Лонезеп.

Выехал сэр Тристрам с тремя рыцарями, а Прекрасная Изольда — с тремя дамами, и была сама королева, и эти три дамы в богатых нарядах. Больше же их не сопровождал никто, кроме оруженосцев, которые везли за ними их щиты и копья.

Вот едут они и вдруг видят впереди рыцарскую дружину, а это был сэр Галиходин со своими двадцатью рыцарями.

— Ну, любезные други,— сказал сэр Галиходин,— вон там едут четыре рыцаря и с ними богатая и прекрасная дама. Я же намерен эту прекрасную даму у них отбить.

— Сэр, это не очень хорошо,— сказал один из них,— лучше пошлите к ним и подождем, что они ответят.

Так они и сделали, и вот подъехал к сэру Тристраму паж и спрашивает, будут ли они биться или же так уступят даму.

— Ну, нет,— отвечал сэр Тристрам,— возвращайтесь к вашему господину и передайте ему, пусть выезжают их столько же, сколько нас, и в бою завоюют ее.

— Сэр,— сказал сэр Паломид,— если будет на то ваша воля, я хотел бы взять этот бой на себя и сразиться один против четырех.

— Сэр, я согласен,— отвечал сэр Тристрам,— поступайте по вашему желанию. А вы возвращайтесь к вашему господину сэру Галиходину и передайте ему, что вот этот рыцарь в бою будет биться против него и его товарищей.

И вот возвратился паж к сэру Галиходину и все ему пересказал.



КАК СЭР ПАЛОМИД БИЛСЯ С СЭРОМ ГАЛИХОДИНОМ, А ПОТОМ С СЭРОМ ГАВЕЙНОМ И ПОВЕРГ ОБОИХ Тут он навесил щит свой, выставил копье, и они сшиблись с сэром Паломидом, но сэр Паломид ударил сэра Галиходина так сильно, что и конь и всадник очутились на земле и рыцарь жестоко разбился. Поскакал на него второй рыцарь, и с ним он разделался подобным же образом; и так же разделался он и с третьим, и с четвертым, каждого перекинув через круп его коня. А у сэра Паломида копье оставалось целым.

Тогда подъехали к ним еще шестеро рыцарей сэра Галиходина, желая отомстить сэру Паломиду.

— Не надо,— сказал сэр Галиходин,— умерьте свой пыл! Не трогайте никто этого рыцаря, ибо он — муж достойнейший и славнейший, и если он станет биться всерьез, ни один из вас против него не устоит.

И тут они остановились, а сэр Паломид уже ждал их наготове. Когда же увидел он, что они не приближаются, то повернул и поскакал к сэру Тристраму.

— А, сэр Паломид! Вы славно и с честью исполнили это дело, как надлежит доброму рыцарю.

А этот сэр Галиходин приходился близким сородичем сэру Галахальту-Высокородному Принцу и у него было королевство в земле Сурлузе.

Вот поехали сэр Тристрам с тремя товарищами и Прекрасная Изольда дальше и вдруг видят впереди четырех рыцарей, и у каждого в руке — копье. И первый из них был сэр Гавейн, вторым был сэр Ивейн, третий — сэр Саграмур Желанный, а четвертый — сэр Додинас Свирепый. И когда сэр Паломид увидел, что они все четверо изготовились к бою, он испросил у сэра

Тристрама изволения биться с ними самому до тех пор, пока он будет держаться в седле.
— Если же я буду повергнут наземь, то прошу вас за меня отомстить.
— Хорошо,— сказал сэр Тристрам.— Не заботься даже вы так о преумножении собственной славы, я бы все равно и сам желал, чтобы вы стяжали славу.
Тут сэр Гавейн выставил копье, и сэр Паломид тоже, и они ринулись друг на друга яростно, и сэр Паломид поразил его с такой силой, что сэр Гавейн рухнул на землю вместе с конем. Так же расправился сэр Паломид и с сэром Ивейном, и с сэром Додинасом, и с сэром Саграмуром, и каждого из этих четырех рыцарей он поверг наземь другим копьем.
И пустился сэр Тристрам дальше в путь к Лонезепу, а когда они скрылись из виду, подъехал туда сэр Галиходин со своими двадцатью рыцарями, и он поведал сэру Гавейну о своем приключении.
— Истинно,— сказал сэр Гавейн,— хотелось бы мне знать, кто такие эти рыцари, облаченные во все зеленое.
— А тот рыцарь на белом коне выбил меня из седла,— сказал сэр Галиходин,— и еще троих моих товарищей.
— И меня тоже,— сказал сэр Гавейн,— а также и моих трех товарищей. И я твердо знаю,— сказал сэр Гавейн,— что этот рыцарь на белом коне — либо сам сэр Тристрам, либо сэр Паломид, а та дама в богатом наряде — это королева Изольда.
Так они толковали об том и об этом, а сэр Тристрам между тем скакал все дальше и подъехал, наконец, к берегу ручья, где были разбиты его шатры. Там они спешились и увидели множество шатров и украшенное широкое поле.
Сэр Тристрам оставил там сэра Паломида и сэра Гарета с Прекрасной Изольдой, а сам вместе с сэром Динаданом поскакал в Лонезеп узнать новости, и ехал сэр Тристрам на белом коне сэра Паломида. Вот прибыли они в замок, и слышит сэр Тристрам громкий звук рога, и в тот же час на рог собралось множество рыцарей. Спрашивает сэр Тристрам у одного рыцаря:
— Что означает этот звук рога?
— Сэр,— отвечал ему рыцарь,— это сзывают всех, кто на турнире будет выступать против короля Артура, а из них первый — король Ирландский, и еще король Сурлузы, и король Листенойза, и король Нортумберландии, и король почти всего Уэльса, и еще много других королей. Здесь их сзывают на совет, чтобы сговориться, какой им принять план.
Но король Ирландии сэр Мархальт, отец доброго рыцаря сэра Мархальта, которого некогда убил сэр Тристрам, произнес там громкую речь, так что сэр Тристрам все слышал:
— Ну, лорды и други, поглядим на себя, ибо у короля Артура, уж конечно есть много надежных отличных рыцарей, а иначе он бы не стал с несколькими рыцарями выступать против нас всех. А потому, мой совет: пусть у всякого короля будет свой штандарт и значок, чтобы всякий рыцарь мог держаться вместе со своим сюзереном. И пусть тогда всякий король и военачальник помогает своим рыцарям, если будет у них нужда.



КАК СЭР ТРИСТРАМ С ТОВАРИЩАМИ ПРИБЫЛ НА ТУРНИР В ЛОНЕЗЕПЕ, И О РАЗНЫХ ПОЕДИНКАХ И ПРОЧЕМ

Выслушал сэр Тристрам все, что говорилось на их совете, а потом поехал к королю Артуру держать с ним совет. Но лишь только он туда приехал, как сэр Гавейн и сэр Галиходин явились перед королем Артуром и пожаловались ему, что этот самый рыцарь в зеленых доспехах верхом на белом коне поверг наземь их двоих и шестерых их товарищей.

— Ладно,— сказал король Артур.

И он велел позвать к себе сэра Тристрама и спросил, как его имя.

— Что до этого,— отвечал сэр Тристрам,— то вам придется меня извинить, ибо сейчас еще вы не узнаете моего имени.

И с тем сэр Тристрам повернулся и поехал своей дорогой.

— Дивлюсь я,— сказал король Артур,— отчего этот рыцарь не захотел назвать мне своего имени? Поезжайте за ним, сэр Грифлет, и просите его поговорить со мною с глазу на глаз.

Сэр Грифлет поскакал вслед за ним, нагнал его и передал, что король Артур зовет его и хочет с ним побеседовать.

— Сэр, лишь на том условии я возвращусь,— отвечал ему сэр Тристрам,— если вы мне поручитесь, что король не станет допытываться о моем имени.

— Я ручаюсь,— сказал сэр Грифлет,— что он очень сильно вас допытывать не станет.

И они поскакали вместе обратно и явились снова к королю Артуру.

— Вот что, любезный сэр,— сказал король Артур,— отчего вы не желаете назвать мне ваше имя?

— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— без причины я не стал бы скрывать своего имени.

— Ну, что ж. А на которой стороне намерены вы выступить?— спросил король Артур.

— Истинно, государь мой,— отвечал сэр Тристрам,— я и сам не знаю, которую сторону изберу, покуда не выеду на турнирное поле. А там как сердце мне подскажет, за тех я и буду сражаться. Завтра вы сами увидите и узнаете, на какой стороне я буду.

И с тем он уехал и возвратился к своим шатрам. А утром они облачились в зеленые одежды и выехали на поле.

Первыми выступали молодые рыцари, и они немало там отличились. И тогда обратился к сэру Тристраму сэр Гарет и просил себе позволения тоже обломать на турнире копье, ибо ему казалось позором, что копье у него целое.

Выслушал его сэр Тристрам, засмеялся и сказал:

— Прошу вас, поезжайте и отличитесь!

И сэр Гарет выставил копье и изготовился к бою. Увидел его рыцарь, который приходился племянником Королю-с-Сотней-Рыцарей, звали же его сэр Селис, рыцарь добрый и славный боец. И этот Селис изготовился к бою с сэром Гаретом, и сшиблись они двое с такой силой, что повергли один другого наземь, и коней и всадников.

При падении они оба сильно расшиблись и покалечились и так лежали без движения, покуда Король-с-Сотней-Рыцарей не помог подняться сэру Селису, а сэр Тристрам с сэром Паломидом не подсадили в седло сэра Гарета, и поскакали они с ним обратно к их шатрам. А там они сняли с него шлем, и когда Прекрасная Изольда увидела, как разбито у него лицо, она стала спрашивать его, что с ним приключилось.

— Госпожа,— он ей отвечал,— мне достался жестокий удар по голове, надеюсь, что и я ответил таким же, из товарищей же моих ни один, да возблагодарит их господь, за меня не вступился.

— Клянусь богом,— сказал сэр Паломид,— нынче он ни одному из нас и не пристало сражаться, ведь сегодня на поле одни только молодые, неиспытанные рыцари. И когда та сторона увидела, что вы намерены сражаться, против вас выслали отличного рыцаря среди его сверстников, ибо я его знаю хорошо, его имя сэр Селис. И он сражался с вами достойно, и ни один из вас не обесчещен поражением. Так что теперь вы должны освежиться и подкрепиться, дабы завтра к началу турнира быть готовым и исполненным сил.

— Что до этого,— сказал сэр Гарет,— то я не премину явиться на поле, если только в силах буду держаться в седле.



КАК БИЛИСЬ СЭР ТРИСТРАМ И ЕГО ТОВАРИЩИ, И О СЛАВНЫХ ПОДВИГАХ, КАКИЕ ОНИ СВЕРШАЛИ НА ЭТОМ ТУРНИРЕ

— Ну сэры, на какой же стороне нам лучше будет завтра выступить?— спросил сэр Тристрам.

— Сэр,— сказал сэр Паломид,— мой совет такой: давайте завтра выступим против короля Артура, ведь на его стороне будет сэр Ланселот и еще многие славные рыцари, его родичи, и чем больше славных бойцов будет на их стороне, тем больше чести будет нам.

— Это сказано по-рыцарски,— сказал сэр Тристрам,— и как вы советуете, так тому и быть.

— Во имя господа,— сказали все.

И вот в ту ночь предавались они отдыху. А на утро, лишь только рассвело, они украсили коней своих зелеными чепраками, сами во всем зеленом и с зелеными щитами и копьями сели верхом, и Прекрасная Изольда и три ее дамы тоже были в нарядах зеленого цвета. И проехали эти четверо рыцарей наперерез через все турнирное поле, они сопровождали Изольду Прекрасную туда, где она должна была остаться и следить за турниром из окна ложи, но лицо ее все время было закрыто покрывалом, так что ни один

человек не мог разглядеть ее черты. А затем эти рыцари возвратились на поле и присоединились, не мешкая, к стороне короля Шотландского.

Король же Артур, видя все это, спросил у сэра Ланселота, кто такие эти рыцари и эта королева.

— Сэр,— отвечал сэр Ланселот,— точно я не могу вам сказать. Но если бы сэр Тристрам и сэр Паломид находились в наших краях, тогда, уж конечно, это были бы они, и королева Изольда Прекрасная с ними.

Тогда король Артур подозвал к себе сэра Кэя и сказал:

— Ступайте, прошу вас, и проведайте потихоньку, скольких рыцарей Круглого Стола мы не досчитываемся, вы это можете узнать по пустым местам за столом.

Сэр Кэй пошел и по надписям на сидениях узнал, что не хватает десяти рыцарей, и вот их имена: сэр Тристрам, сэр Паломид, сэр Персиваль, сэр Гарет, сэр Гахерис, сэр Эпиногрис, сэр Мордред, сэр Динадан, сэр Лакот Мальтелье и сэр Пелеас, благородный рыцарь.

— Что ж,— сказал король Артур,— кое-кто из этих рыцарей, как я понимаю, сейчас выступает на противной стороне.

Тут явились к королю два брата, сородичи сэра Гавейна,— одного звали сэр Эдвард, а другого сэр Садук, два славных рыцаря. И просили они изволения у короля Артура выступить первыми, ибо они родом с Оркнея[43].

— Я согласен и рад,— отвечал король.

И вот сэр Эдвард выехал против короля скоттов, на чьей стороне были сэр Тристрам и сэр Паломид. И этот сэр Эдвард Оркнейский выбил короля скоттов вон из седла, тот упал и жестоко расшибся. А сэр Садук поверг наземь короля Северного Уэльса, и тот упал так, что на стороне короля Артура поднялся громкий крик торжества.

Но это жестоко разгневало сэра Паломида, он навесил щит свой, выставил копье и сшибся с сэром Эдвардом Оркнейским на полном скаку и с такою силой на него ударил, что конь под ним не мог устоять на ногах и рухнул на землю. А затем этим же копьем сэр Паломид перебросил сэра Садука через круп его коня.

— А, Иисусе! — молвил король Артур.— Кто же этот рыцарь весь в зеленом? Он могучий боец!

— Так оно и есть,— сказал сэр Гавейн,— он рыцарь добрый, но знайте, он еще и не так отличится, прежде чем покинет турнирное поле. Но вы еще увидите рыцаря и посильнее, нежели он, и тоже в зеленом. А этот самый рыцарь,— сказал сэр Гавейн,— что поверг сейчас наземь двоих моих кузенов, не далее как два дня назад поверг и меня и еще семерых моих товарищей.

А покуда они так стояли и беседовали, прискакал на поле сэр Тристрам на черном коне. И он с ходу, не дав себе передышки, поверг наземь одним копьем четырех добрых рыцарей с Оркнея — всех из рода сэра Гавейна. А сэр Гарет и сэр Динадан тоже сразили каждый по рыцарю.

— А, Иисусе! — молвил Артур,— вон тот рыцарь на черном коне бьется на диво хорошо!

— Погодите,— сказал сэр Гавейн,— рыцарь на черном коне еще и не начал.

Между тем сэр Тристрам распорядился снова посадить на коней тех рыцарей, коих повергли наземь в самом начале сэр Эдвард и сэр Садук. А затем сэр Тристрам обнажил меч свой и ринулся в самую гущу рыцарей Оркнейских, и он сокрушал рыцарей, срывал шлемы, отбрасывал щиты и многих поверг на землю. И так преуспел он, что и король Артур, и все рыцари дивились, как может один рыцарь свершить столь много бранных подвигов.

И сэр Паломид на другом конце поля тоже от него не отставал, он так там отличился, что все кругом только диву давались. И король Артур уподобил сэра Тристрама, сидевшего на черном коне, бешеному льву, а сэра Паломида, что был на белом коне, он уподобил бешеному леопарду, сэра же Гарета с сэром Динаданом — двум свирепым волкам.

А было у них там заведено, что ни один король не помогал другому, но все рыцари, сражавшиеся под одним знаменем, стояли друг за друга, сколько доставало сил. Но сэр Тристрам бился так, что под конец Оркнейские рыцари изнемогли и отступили за стены Лонезепа.



КАК СЭР ТРИСТРАМ БЫЛ ВЫБИТ ИЗ СЕДЛА И ПОВЕРГНУТ НАЗЕМЬ СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ, А ПОСЛЕ ЭТОГО СЭР ТРИСТРАМ СОКРУШИЛ КОРОЛЯ АРТУРА

И поднялся тут крик герольдов и всего простого люда:

– Зеленый рыцарь сражался всех лучше, он одолел всех рыцарей Оркнея!

И подсчитали герольды, что сэр Тристрам, под которым был черный конь, поразил копьями и мечами тридцать рыцарей, а сэр Паломид сокрушил двадцать рыцарей; и почти все из этих пятидесяти рыцарей были из Артурова дома и испытанные бойцы.

— Ну, да поможет мне бог,— сказал король Артур сэру Ланселоту,— великий позор нам смотреть, как эти рыцари вчетвером одолели стольких моих рыцарей. И потому готовьтесь к бою, ибо мы сейчас поедем и сами померимся с ними силой!

— Сэр,—отвечал сэр Ланселот,— двое из них уж конечно превосходнейшие из рыцарей, и нам не много чести будет сейчас с ними сражаться, ибо они уже утомились после столь многих ратных трудов.

— Пусть так,— сказал король Артур,— но все равно я желаю с ними сквитаться. А потому возьмите с собой сэра Блеобериса и сэра Эктора Окраинного, а четвертым буду я сам,— сказал король.

— Хорошо,— сказал сэр Ланселот,— вы найдете нас готовыми: меня и брата моего сэра Эктора и кузена моего сэра Блеобериса.

И вот, когда все четверо они были готовы и верхами, сказал король Артур сэру Ланселоту:

— Теперь изберите, с которым из них вы желаете схватиться.

— Сэр,—отвечал сэр Ланселот,— я выеду против зеленого рыцаря на черном коне. (А это был сэр Тристрам.) Мой кузен сэр Блеоберис померится

силами с зеленым рыцарем на белом коне. (Это был сэр Паломид.) А мой брат сэр Эктор будет биться с зеленым рыцарем на гнедом коне. (Это был сэр Гарет.)

— Тогда мне,— сказал король Артур,— достанется зеленый рыцарь на сером коне. (А это был сэр Динадан.)

— Ну, а теперь пусть каждый следит за своим! — воскликнул сэр Ланселот.

И они поскакали бок о бок рысью; и встретился сэр Ланселот с сэром Тристрамом и с такой силой ударил его по щиту, что и конь и всадник очутились на земле. Но сэр Ланселот, полагая, что бьется с сэром Паломидом, проскакал дальше.

А сэр Блеоберис встретился с сэром Паломидом и так сильно ударил его по щиту, что и сэр Паломид вместе со своим белым конем покатился на землю.

После него сэр Эктор поразил сэра Гарета с такой силой, что тот вылетел из седла. А потом и благородный король Артур съехался с сэром Динаданом, и сбил его король Артур прочь с коня на землю. И тогда стали кричать другое:

— Зеленые рыцари повержены!

Когда король Северного Уэльса увидел сэра Тристрама на земле, он вспомнил, сколько славных подвигов они свершили, и изготовился к бою вместе со многими рыцарями. Ибо герольдами было возглашено там такое правило, что если рыцаря выбьют из седла и он не сможет снова сесть на коня ни сам, ни с помощью своих товарищей, тогда он на весь день становится пленником повергнувшей его стороны.

Вот выехал король Северного Уэльса и поскакал прямо к сэру Тристраму. И когда он приблизился, то спешился поспешно, подвел к сэру Тристраму своего коня и сказал так:

— Благородный рыцарь, я не знаю, кто ты и откуда родом, но за все те доблестные подвиги, что свершил ты сегодня, возьми моего коня и тем позволь мне отплатить тебе, насколько это в моих силах. Ибо, да поможет мне Иисус, ты более моего достоин сидеть на моем коне!

— Грамерси!— отвечал сэр Тристрам.— И если я смогу, то в долгу не останусь. А сейчас смотрите не отходите далеко, и надеюсь, я скоро раздобуду вам другого коня.

И с тем сэр Тристрам сел на коня и поскакал прямо на короля Артура и нанес ему по шлему удар такой силы, что король Артур не смог удержаться в седле. И тогда сэр Тристрам отдал королю Северного Уэльса Артурова коня. Тут бросились со всех сторон рыцари к королю Артуру, чтобы не оставить его пешим, но сэр Паломид не пожелал допустить, чтобы короля Артура снова посадили на коня, он разил рыцарей направо и налево и срывал с них шлемы, как подобает настоящему доблестному рыцарю.

А тут и сэр Тристрам устремился в самую гущу боя, и сокрушал рыцарей направо и налево и срывал шлемы, а потом ускакал к своим шатрам, оставив сэра Паломида пешим. И скрывшись, сэр Тристрам сменил коня и облачился во все красное, и коня покрыл красным чепраком.



КАК СЭР ТРИСТРАМ СМЕНИЛ ДОСПЕХИ И ОБЛАЧИЛСЯ В КРАСНОЕ И КАК ОН УНИЗИЛСЯ; И КАК СЭР ПАЛОМИД УБИЛ КОНЯ ПОД СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ

Королева же Изольда, видя сэра Тристрама повергнутым на землю и не зная, куда он скрылся, горько плакала. Но сэр Тристрам, снова изготовившись к бою, примчался на полном скаку на турнирное поле, и тут Прекрасная Изольда его увидела. А он стал свершать еще новые подвиги, и одним тяжелым копьем он поверг наземь без передышки пять рыцарей.

И тогда узнал в нем сэр Ланселот без труда сэра Тристрама и раскаялся, что сокрушил его раньше. Он отъехал в сторону передохнуть немного, прежде чем снова вернуться в гущу сражения.

Сэр же Тристрам, ворвавшись в гущу схватки, великой своей мощью отбил коня для сэра Паломида, а также и для сэра Гарета и сэра Динадана, и они снова начали сражаться, так что диво было смотреть. Но ни сэр Паломид и никто из его товарищей не знал, кто таков этот рыцарь, оказавший им помощь. А сэр Тристрам сражался с ними бок о бок, ибо он-то их узнал, это они его не узнали, ведь он переменил на себе доспехи и был теперь весь в красном. Сэр же Ланселот пока был в стороне.

А Прекрасная Изольда, увидев, что сэр Тристрам снова на коне, очень обрадовалась. Она сразу повеселела и засмеялась. И случилось так, что как раз в это мгновение сэр Паломид поднял на нее взгляд — она стояла в окне ложи, и сэр Паломид видел ее улыбку. И такой восторг охватил его, что он порубил и порасшвырял на землю ударами своего меча и копья всех, кто ни попадался у него на пути, ибо при виде королевы он воспылал такой любовью, что будь в это время и сэр Тристрам и сэр Ланселот его противниками, все равно бы, кажется, им его не одолеть. И в сердце своем, как повествует Книга, сэр Паломид желал бы в этот час своей славы помериться силами с сэром Тристрамом ради Прекрасной Изольды.

И удвоил сэр Паломид силу своих ударов, и он являл такую доблесть, что все вокруг только диву давались, он же все время бросал взоры на Прекрасную Изольду. И когда он видел, как она радуется, то разил, как лев, и никто не мог против него устоять. И сэр Тристрам, видя, как он скачет по полю, сказал сэру Динадану:

— Да поможет мне бог, сэр Паломид всегда был рыцарем отличным и стойким, но таких подвигов я не видел, чтобы он свершал, и не слышал, чтобы он когда-либо одержал столько побед за один день.

— Сэр, ныне его день,— отвечал сэр Динадан, и больше он ничего не прибавил сэру Тристраму, про себя же проговорил так:

— А если бы сэр Тристрам узнал, ради чьей любви свершает сэр Паломид все свои подвиги, он бы скоро положил конец его храбрости.

— Увы!— сказал сэр Тристрам. — Как жаль, что сэр Паломид не крещен!

И так же сказал король Артур, так же сказали и все остальные, кто его видел. И все в один голос присудили сэру Паломиду первенство как лучшему в тот день рыцарю, превзошедшему даже сэра Ланселота и сэра Тристрама.

— Ну,— сказал про себя сэр Динадан,— всей этой славой, которую сэр Паломид сегодня стяжал, он обязан королеве Изольде, ибо не будь ее здесь, сэру Паломиду не завоевать бы первенства.

В это время возвратился на поле сэр Ланселот Озерный, и он увидел и услышал, как все славили и восхваляли сэра Паломида. И он изготовился к схватке с сэром Паломидом, выставил копье свое, тяжелое и длинное, и хотел уж повергнуть его наземь. Но сэр Паломид, увидевши, что на него мчится сэр Ланселот, взяв в шпоры своего коня и пустился во весь спор ему навстречу с мечом в руке. И сэр Ланселот не успел еще поразить его копьем, а уж он ударил сбоку по копью мечом и расколол его надвое. А затем сэр Паломид ринулся с мечом на сэра Ланселота, предвкушая победу. Он перерубил шею Ланселотову коню, и сэр Ланселот повалился на землю.

Тут поднялся великий шум и крик, что сэр Паломид-Сарацин убил коня под сэром Ланселотом. И многие рыцари разгневались за это на сэра Паломида и были против него, они говорили, что это не по-рыцарски — убивать на турнире под рыцарем коня, это допустимо лишь в настоящем бою, лишь в поединке не на жизнь, а насмерть.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ОБЪЯВИЛ СЭРУ ПАЛОМИДУ, ЧТО В ТОТ ДЕНЬ ПЕРВЕНСТВО ПРИСУЖДЕНО СЭРУ ПАЛОМИДУ

Когда увидел сэр Эктор Окраинный, что сэр Ланселот, брат его, претерпел такое оскорбление и повергнут на землю, он схватил тогда копье и поскакал на сэра Паломида и так ударил его, что выбил его вон из седла. А сэр Тристрам, увидав это, ударил на сэра Эктора и выбил его из седла. Тут сэр Ланселот перетянул щит свой на плечо и с обнаженным мечом в руке выступил против сэра Паломида.

— Знай, что ныне ты причинил мне оскорбление, какого еще ни один честный рыцарь не причинял мне ни на турнире, ни в поединке. И потому я желаю тебе отомстить. Так что теперь держись!

— Помилосердствуй, благородный рыцарь! — отвечал сэр Паломид. — И прости мне, великодушный рыцарь, недоброе это дело, ибо у меня нет сил противостоять тебе. Ведь ныне я свершил столько, сколько никогда прежде и в будущем до конца дней моих тоже уж не свершу. И потому, о благороднейший рыцарь мира, я прошу пощадить меня сегодня, и клянусь я, покуда жив, буду твоим верным рыцарем, ибо если ты отнимешь у меня ныне завоеванную славу, то лишишь меня величайшей чести, какую мне только случалось в жизни стяжать.

— Ну, что ж,— сказал сэр Ланселот,— правду сказать, вижу, что сегодня вы отличились чудесно, и я догадываюсь отчасти, из любви к кому вы это свершили, а уж я-то знаю, что любовь могущественна. И если бы моя дама присутствовала здесь, то уж конечно, сэр Паломид, пришлось бы вам расстаться с вашей славой! Но остерегайтесь обнаружить вышу любовь, ибо, если сэр Тристрам об ней узнает, вы об том пожалеете. Но поскольку дело это не мое, ваше первенство ныне останется при вас. Вы столько уж сегодня потрудились и постарались, что мне не много чести было бы отвоевывать его у вас.

И с тем сэр Ланселот отпустил сэра Паломида. А потом через великую свою мощь и силу сэр Ланселот добыл себе коня, победив при этом двадцать рыцарей.

Когда же сэр Ланселот снова оказался на коне, он свершил множество дивных подвигов и сэр Тристрам тоже, а также и сэр Паломид. Сэр Ланселот одним копьем поверг наземь сэра Динадана, и короля Шотландии, и короля Северного Уэльса, и короля Нортумберландии, и короля Листенойза. Так сэр Ланселот и его товарищи повергли вместе наземь чуть не сорок рыцарей.

Потом выехали король Ирландии и король Низинных Земель на подмогу сэру Тристраму и сэру Паломиду, и завязалось тут большое сражение, и с обеих сторон было повержено много рыцарей. Но во все время боя сэр Ланселот не нападал на сэра Тристрама, а тот на него, и сэр Паломид избегал встреч с сэром Ланселотом.

Налетали рыцари один на другого там и тут, кололи копьями, рубились мечами, король Артур выслал на поле много рыцарей Круглого Стола, но сэр Паломид все время сражался в передних рядах; сэр же Тристрам свершал такие богатырские подвиги, что король и все остальные только диву давались.

Но вот король повелел трубить отбой, и первенство и честь победителя были присуждены в тот день королем Артуром и другими королями сэру Паломиду, ибо он начал всех раньше, не покидал ни пешим ни конным турнирного поля, но неустанно сражался либо верхом, либо на земле и всех более пробыл на поле.

И повелел сэр Тристрам сэру Динадану привезти королеву Изольду Прекрасную назад к его шатрам у ручья. И сэр Динадан так и сделал, а когда сэр Паломид узнал, что рыцарь в красном это и есть сэр Тристрам, он весьма тому обрадовался, и сэр Гарет с сэром Динаданом тоже, ибо они все полагали, что сэр Тристрам был взят в плен.

И вот все рыцари разъехались по своим пристанищам. А у короля Артура и у других королей только и было речи, что о рыцарях, выступавших в тот день, но изо всех первенство они отдавали сэру Паломиду, и все рыцари, знавшие сэра Паломида, дивились его подвигам.

— Сэр,— сказал сэр Ланселот королю Артуру,— что до сэра Паломида, если он и есть тот зеленый рыцарь, то ныне он уж конечно превзошел всех остальных, ибо он не передохнул ни разу и ни разу не переменил на себе одежды, а начал первым и держался всех долее. Но уж я-то знаю,— сказал сэр Ланселот,— на этом турнире выступал рыцарь еще лучший, нежели он,

и жизнью поручусь, он еще выкажет себя прежде, чем мы расстанемся. Такие разговоры велись с обеих сторон, а сэр Динадан упрекал сэра Тристрама и говорил так:

— Что за дьявольские чары наведены на тебя сегодня? У сэра Паломида силы за весь день не истощились, но лишь удвоились.



КАК СЭР ДИНАДАН ПОБУЖДАЛ СЭРА ТРИСТРАМА К УСПЕХАМ ❧ А сэр Тристрам целый день был словно во сне, и потому я называю его трусом.

— Ну, сэр Динадан,— отвечал сэр Тристрам,— меня еще ни один смертный рыцарь не называл трусом до сего дня. И да будет тебе ведомо, сэр Динадан, я не считаю себя трусом, из-за того что сэр Ланселот выбил меня из седла, ибо сэра Ланселота я отличаю изо всех рыцарей. И можешь не сомневаться, сэр Динадан, если бы сэр Ланселот сражался всерьез, то с ним не сравнился бы ни один из ныне живущих рыцарей, а кроме того и в кротости, щедрости, великодушии и учтивости я не знаю ему равных.

И сэр Тристрам разгневался несколько на сэра Динадана. А сэр Динадан говорил все эти речи для того, чтобы рассердить сэра Тристрама и тем пробудить в нем воинственный дух, ибо сэр Динадан отлично знал, что если сэра Тристрама всерьез распалить, то завтра уже первенство не достанется сэру Паломиду. И вот для того-то сэр Динадан и говорил сэру Тристраму все эти обидные речи.

— Истинно,— сказал сэр Паломид,— что до сэра Ланселота, то по рыцарственному благородству и вежеству, по доблести и великодушию мне некого назвать ему равного. Ибо ныне,— сказал сэр Паломид,— я обошелся куда как неучтиво с сэром Ланселотом и совсем не по-рыцарски. Он же в ответ поступил со мною со всей рыцарской учтивостью, ибо, окажись он не более великодушен со мной, чем я с ним, мне бы сегодня не досталась честь победы. И потому,— сказал сэр Паломид,— я, покуда живу, буду верным рыцарем сэра Ланселота.

И у всех королей тоже велись такие разговоры, и все короли, лорды и рыцари говорили, что по безупречному рыцарскому благородству, по чистой силе, по щедрости и учтивости всех рыцарей во дни короля Артура превосходят сэр Ланселот и сэр Тристрам, и не было во все Артуровы времена рыцарей, вполовину столь же доблестных, как эти двое. Как повествуется в Книге, не было и десяти рыцарей, которые совершили бы вместе хоть вполовину столько подвигов, сколько они двое, и не было в те дни ни одного рыцаря, который бы вызвался оспорить у сэра Ланселота или сэра Тристрама право на подвиг, но их слава оттого не уменьшалась, что не было желающих с ними сразиться.



КАК КОРОЛЬ АРТУР И СЭР ЛАНСЕЛОТ НАВЕСТИЛИ ПРЕКРАСНУЮ ИЗОЛЬДУ, И КАК ПАЛОМИД ПОВЕРГ НАЗЕМЬ КОРОЛЯ АРТУРА

А на следующее утро сэр Ланселот поднялся рано, и сэр Тристрам тоже поутру собрался в путь, а также и Прекрасная Изольда с сэром Паломидом и сэром Гаретом. И вот, снова нарядившись во все зеленое, они углубились в лес. А сэра Динадана сэр Тристрам оставил спящим в шатре. И случилось, когда они ехали мимо, что король с сэром Ланселотом стояли у окна и заметили сэра Тристрама и Прекрасную Изольду.

— Сэр,— сказал сэр Ланселот,— вон там едет прекраснейшая в мире дама, исключая вашу королеву леди Гвиневеру.

— Кто же это? — спросил король Артур.

— Сэр,— он отвечал,— это королева Изольда, не имеющая себе равных, за исключением госпожи моей вашей королевы.

— Тогда садитесь на коня,— сказал король Артур,— в полном вооружении, как и я, и клянусь,— сказал король,— я ее увижу.

Вот они облачились в доспехи, сели на коней и, взявши каждый по копью, тоже углубились в лес.

— Сэр,— сказал сэр Ланселот,— не дело это подъезжать к ним так близко, ибо знайте, двое из них — превосходные рыцари, каких только можно сыскать на свете. И потому, сэр, прошу вас, не будьте столь опрометчивы, ведь может статься, что кто-нибудь из них будет недоволен, если мы внезапно к ним приблизимся.

— Что до этого,— сказал король Артур,— то все равно я желаю ее увидеть и мне нет дела, понравится это кому-то или нет.

— Сэр,— отвечал сэр Ланселот,— вы подвергаете себя большой опасности.

— Ну, а что до этого,— сказал король,— то мы не уклонимся от опасности.

И с тем король подъехал к ней вплотную и сказал:

— Спаси вас господь!

— Сэр,— она отвечала,— я вас благодарю.

Король ее разглядел, и она ему очень понравилась. Но тут к нему как раз подъехал сэр Паломид и сказал так:

— Чего ты ищешь здесь, неучтивейший из рыцарей? Ведь это неучтиво, так внезапно приближаться к даме. И потому удались!

Но король и внимания не обратил на слова сэра Паломида, он продолжал смотреть, не отрываясь, на королеву Изольду. Тогда разгневался сэр Паломид, схватил копье и ринулся на короля Артура, и выбил его одним могучим ударом из седла.

Увидел сэр Ланселот столь непочтительный поступок сэра Паломида и сказал себе так:

— Не по душе мне биться с этим рыцарем, и не из-за него самого, а из-за сэра Тристрама. Ведь в одном я могу быть уверен: если я сокрушу сэра

Паломида, мне придется иметь дело с сэром Тристрамом, а биться подряд с ними обоими — это мне одному не под силу, ибо оба они отличные рыцари. Но как бы там ни было, погибну я или останусь жив, я непременно должен отомстить за моего короля Артура, и так я и сделаю, что бы мне ни угрожало.

И крикнул сэр Ланселот сэру Паломиду: «Держись, рыцарь!» — и они ринулись что было силы друг против друга, выставив копья. И сэр Ланселот нанес сэру Паломиду столь могучий удар, что вышиб его вон из седла и поверг на землю.

Увидел тут сэр Тристрам, что сэр Паломид повергнут, и крикнул он сэру Ланселоту:

— Сэр рыцарь, защищайся, ибо теперь буду с тобой биться я!

— Что до этого,— отвечал сэр Ланселот,— то я к вашим услугам, ибо я вас не боюсь. Но будь моя воля, я не стал бы с вами драться, ибо вам должно знать, что я обязан был отомстить за моего возлюбленного господина и грозного в бою товарища, который был столь не по-рыцарски, врасплох, выбит из седла. И потому, сэр, хоть я и отплатил за этот удар, не почтите мои действия за оскорбление, ибо товарищ мой мне так дорог, что я не в силах видеть, как он терпит поражение.

А сэр Тристрам сразу же по его виду и по рыцарственным речам признал в нем сэра Ланселота Озерного и догадался, что это, верно, был король Артур, тот, кого сокрушил сэр Паломид. И отложил сэр Тристрам свое копье, а сэра Паломида вновь посадил на коня. А сэр Ланселот усадил верхом короля Артура, и они ускакали.

— Да поможет мне бог,— сказал сэр Тристрам сэру Паломиду,— вы поступили не по чести, когда вдруг, врасплох, нанесли удар тому рыцарю. И знайте, вы жестоко опозорили себя, ибо эти рыцари подъехали сюда по своему вежеству, дабы увидеть прекрасную даму, а каждый рыцарь вправе любоваться прекрасной дамой, вам же вовсе не подобало затевать здесь кулачную расправу, да еще из-за моей дамы. Да будет вам ведомо, это еще обернется вам во зло, ибо тот, кого вы повергли,— король Артур, а второй — это славный рыцарь сэр Ланселот. Я никогда не забуду,— сказал сэр Тристрам,— слов сэра Ланселота, когда он назвал его знатнейшим господином, и я оттого и догадался, что это король Артур. Что же до самого сэра Ланселота, то будь перед ним на лугу хоть сто рыцарей, он не отказался бы против них биться, и все же он сказал, что не хотел бы биться со мною. И по этому я узнал, что это — сэр Ланселот, ибо он всюду выказывает мне снисхождение и великую доброту. А ведь изо всех рыцарей — не исключая никого, что бы ни говорили люди,— сэр Ланселот — цвет рыцарства, ибо кто ни выступит против него, если только он распалится всерьез и станет биться без пощады, не на жизнь, а насмерть, я не знаю такого рыцаря на свете, которого сэр Ланселот не одолел бы, что в конном, что в пешем бою.

— Сэр, я не могу поверить,— сказал сэр Паломид,— чтобы король Артур разъезжал так попросту, словно бедный странствующий рыцарь.

— А! — отвечал сэр Тристрам,— вы не знаете господина моего короля Артура, ибо у него все рыцари могут поучиться рыцарским правилам. И по-

тому надлежит вам раскаяться,— сказал сэр Тристрам,— что вы столь неучтиво обошлись с благороднейшим из рыцарей.

— Что уж сделано, сэр, того не переделаешь,— отвечал сэр Паломид.

После того сэр Тристрам препроводил королеву Изольду в ее ложу возле монашеской обители, откуда она наблюдала турнир.



КАК НА ВТОРОЙ ДЕНЬ ПАЛОМИД ИЗМЕНИЛ СЭРУ ТРИСТРАМУ И СТАЛ ВЫСТУПАТЬ НА ПРОТИВНОЙ СТОРОНЕ ❧

Между тем было возглашено повсюду, чтобы рыцари, лишь только услышат звук рога, принимались сражаться, как накануне. И как в первый день открыли турнир сэр Эдвард и сэр Садук, так на второй день турнир начали сэр Ивейн, сын короля Уриенса, и сэр Лукан Дворецкий.

И в первом столкновении сэр Ивейн сокрушил короля скоттов, а сэр Лукан сшибся с королем Уэльса, и они оба обломали копья, но оба они были охвачены столь сильной яростью, что продолжали теснить один другого конями и рухнули под конец и тот и другой на землю. Но рыцари Оркнейские снова подсадили Лукана на коня.

Затем выехал на поле сэр Тристрам Лионский и поверг наземь и сэра Ивейна, и сэра Лукана, а сэр Паломид сокрушил еще двух рыцарей. Вслед за ними выехал сэр Гарет и тоже сокрушил двух рыцарей. И сказал тогда король Артур сэру Ланселоту:

— А! взгляните, как славно бьются вон те три рыцаря, особенно же первый из них!

— Сэр,— отвечал сэр Ланселот,— этот рыцарь еще и не начал, ибо вы увидите, какие он еще свершит чудеса.

Между тем выехали на турнирное поле рыцари Оркнея и стали одерживать победу за победой. Увидел сэр Тристрам, как они взялись за дело, и сказал сэру Паломиду:

— Как вы себя чувствуете? Сможете ли вы и ныне показать себя не хуже вчерашнего?

— Ну, нет,— отвечал сэр Паломид,— я чувствую, что вовсе измучен и разбит после вчерашнего, и не смогу явить такой же стойкости.

— Это мне прискорбно,— сказал сэр Тристрам,— ибо сегодня мне вас будет недоставать.

— Однако выступайте сами, а на меня не полагайтесь,— сказал сэр Паломид,— ибо я уже не способен так биться, как вчера.

Но все эти речи сэр Паломид говорил, дабы обмануть сэра Тристрама.

А сэр Тристрам обратился к сэру Гарету:

— В таком случае мне придется положиться на вас, и прошу вас, держитесь от меня поблизости, дабы оказать мне помощь, если будет в том нужда.

— Я не премину сослужить вам службу,— отвечал сэр Гарет,— насколько это будет в моих силах.
А сэр Паломид тем временем от них отъехал и в насмешку над сэром Тристрамом затесался в самую гущу рыцарей Оркнея. И там он свершал столь чудесные подвиги брани, что все вокруг ему дивились, ибо ни один не в силах был выстоять под его ударом.
Увидел сэр Тристрам, как бьется сэр Паломид, удивился и сказал себе:
— Ему наверно прискучило быть моим товарищем.
Так наблюдал его сэр Тристрам долгое время, ни о чем ином не помышляя, ибо кругом так шумно восхваляли сэра Паломида, что сэр Тристрам понять не мог, откуда взялось у сэра Паломида столько сил.
— Сэр,— сказал сэр Гарет сэру Тристраму,— помните ли вы те слова, что сказал вам вчера сэр Динадан, когда назвал вас трусом? Клянусь богом, он сказал их не во зло вам, ибо вас он любит больше всех на свете, и все, что он говорил, было для вашей же чести. И потому,— сказал сэр Гарет,— покажите ныне, кто вы такой. А сэру Паломиду не удивляйтесь, ибо он выбивается из последних сил, чтобы перебить у вас честь победы.
— Этому я легко могу поверить,— сказал сэр Тристрам,— и уж коль скоро я понял, какое зло и зависть питает против меня сэр Паломид, вы теперь увидите, пусть мне придется приложить много усилий, но все эти возгласы одобрения, что сейчас ему достаются, скоро утихнут.
И сэр Тристрам устремился в самую гущу сражения, и стал он свершать столь дивные подвиги брани и так преуспел, что все кругом говорили, что сэр Тристрам вдвойне превзошел сэра Паломида. И люди вовсе перестали восторгаться сэром Паломидом, и теперь все кричали в честь сэра Тристрама, говоря:
— Ах, Иисусе, ах, господи! Взгляните-ка, скольких рыцарей поверг сэр Тристрам своим копьем! А скольких рыцарей,— говорили все,— он сокрушил мечом! И еще у скольких посрывал шлемы и щиты!
Так он побил всех рыцарей Оркнея.
— Ну как? — сказал сэр Ланселот королю Артуру.— Говорил я вам, что нынешний день кое-кто из рыцарей выкажет чудеса? И вон, поглядите, скачет всем рыцарям рыцарь; всем он взял: и силой богатырской и мужеством.
— Да поможет мне бог,— сказал король Артур сэру Ланселоту,— истинно вы говорите, ибо лучшего рыцаря я не видал, ведь он далеко превосходит сэра Паломида.
— Сэр, да будет вам ведомо,— отвечал сэр Ланселот,— что так и должно быть, ибо это — сам благородный рыцарь сэр Тристрам.
— Этому я легко могу поверить,— сказал король.
Но сэр Паломид, услышав, что в его честь больше уже не кричат и его не славят, отъехал в сторону и стал наблюдать за сэром Тристрамом. И видя столь дивные подвиги сэра Тристрама, он прегорько заплакал от зависти, ибо понял, что в этот день ему уже не завоевать первенства. Ведь сэр Паломид отлично знал, что когда сэр Тристрам соберется с силами и мужеством, то уж на его, Паломидову долю, немного достанется славы.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОКИНУЛ ПОЛЕ И РАЗБУДИЛ СЭРА ДИНАДАНА И СМЕНИЛ СВОЕ ОБЛАЧЕНИЕ НА ЧЕРНОЕ ❧ Между тем выехали на поле король Артур и король Северного Уэльса, и сэр Ланселот Озерный; и сэр Блеоберис, и сэр Борс Ганский и сэр Эктор Окраинный,— эти три рыцаря тоже выехали на поле вместе с сэром Ланселотом. И вчетвером они являли такие подвиги доблести, что теперь все только кричали и славили сэра Ланселота. И они оттеснили и отбросили далеко назад короля Уэльского и короля скоттов и принудили их покинуть турнирное поле.

Но сэр Тристрам с сэром Гаретом оставались на поле и стойко выдерживали все, что ни приходилось, так что все кругом дивились, как может рыцарь выдержать столько страшных ударов.

Но сэр Ланселот и его сородичи щадили сэра Тристрама и сэра Гарета. Вот спрашивает король Артур:

— Это не сэр ли Паломид там выказывает столь чудесную стойкость?

— Нет,— отвечает сэр Ланселот,— знайте, это славный рыцарь сэр Тристрам, а сэра Паломида вы можете видеть вон там, где он стоит и лишь следит за боем, сам же бездействует. И, сэр, вы можете догадаться, что сегодня сэр Тристрам задумал всех нас одолеть и изгнать с турнирного поля. Что же до меня,— сказал сэр Ланселот,— то я против него не выеду, пусть с ним бьется кто хочет. И еще, сэр, вы может видеть,— сказал сэр Ланселот,— что сэр Паломид стоит, точно сонный, ибо знайте, он тяжко опечален дивными подвигами сэра Тристрама.

— В таком случае он не более как глупец,— сказал король Артур,— ведь сэр Паломид никогда не был ровней сэру Тристраму, и никогда ему с ним не сравниться доблестью. И если он завидует сэру Тристраму,— сказал король Артур,— а сам выступает с ним на одной стороне, тогда он нарушает рыцарскую верность.

А покуда король и сэр Ланселот так между собой толковали, сэр Тристрам отъехал незаметно в сторону, так что ни один человек этого не видел, кроме Изольды Прекрасной и сэра Паломида, которые оба не сводили с него глаз. И сэр Тристрам возвратился туда, где стояли его шатры, и застал там сэра Динадана все еще спящим.

— Проснитесь! — воскликнул сэр Тристрам,— ибо стыдно вам должно быть спать, когда другие рыцари сражаются!

Сэр Динадан тут же поднялся и спрашивает:

— Сэр, что вам угодно?

— Собирайтесь,— отвечал сэр Тристрам,— вы поедете со мною на турнирное поле.

Вот снарядился сэр Динадан и поглядел на шлем и щит сэра Тристрама, и, увидев, как они иссечены и изрублены многими ударами, сказал так:

— В добрый час я спал, а не то бы мне пришлось поехать вместе с тобою, больше из боязни позора, чем из доблести, и я только опозорился бы, ибо

по твоему иссеченному шлему я вижу, что меня бы нещадно поколотили, как и вчера.
— Оставь свои шутки,— сказал ему сэр Тристрам,— и поторопись, ибо мне пора быть снова на поле.
— Как? —сказал сэр Динадан.— Значит, сегодня вы воспряли духом? Вчера-то вы ездили будто во сне.
Между тем сэр Тристрам сменил доспехи и облачился во все черное.
— А, Иисусе! — воскликнул сэр Динадан.— Что это с тобою? Сдается мне, что нынче ты настроен свирепее, нежели вчера.
Тут сэр Тристрам засмеялся и сказал:
— Следи все время за мною и будь готов вступиться, если меня станут одолевать, да смотри, держись вплотную позади меня, и я тогда, с помощью божией, проложу тебе дорожку.
И с тем они уселись на коней.
Но сэр Паломид видел и отъезд, и возвращение сэра Тристрама, и Прекрасная Изольда тоже, ибо облик сэра Тристрама был ей слишком хорошо знаком.



КАК СЭР ПАЛОМИД СМЕНИЛ ЩИТ И ДОСПЕХИ, ДАБЫ ПОРАЗИТЬ СЭРА ТРИСТРАМА, И КАК ПОСТУПИЛ С СЭРОМ ТРИСТРАМОМ СЭР ЛАНСЕЛОТ ❧ Увидел сэр Паломид, что сэр Тристрам скрылся под новым обличием, и задумал его опозорить. Он подъехал к одному рыцарю, который был тяжко ранен и сидел под кустом боярышника в стороне от поля.
— Сэр рыцарь,— сказал ему сэр Паломид,— прошу вас, ссудите мне ваши латы и щит, ибо мои доспехи чересчур хорошо всем на этом турнире знакомы, и это мне приносит много вреда. Вы же получите от меня мои латы и щит, столь же надежные, как и ваши.
— Я согласен,— отвечал рыцарь,— отдать вам мои латы и мой щит. Если вам от них будет польза, то я рад.
И вот сэр Паломид облачился с поспешностью в доспехи того рыцаря и взял его щит, сверкающий, будто хрусталь или серебро. И поскакал он обратно на турнирное поле. И ни сам сэр Тристрам, и никто из его рыцарей и из рыцарей короля Артура ни один не признал сэра Паломида.
Но лишь только показался сэр Паломид на поле, как сэр Тристрам тут же у него на глазах выбил из седла трех рыцарей. Тогда сэр Паломид направил коня прямо на сэра Тристрама, и они ударили друг на друга тяжелыми копьями, да так, что копья обломились по самую рукоять. И тогда они ринулись друг на друга еще яростнее, поднявши мечи, и стали свирепо рубиться.
И дивился сэр Тристрам: кто таков этот рыцарь, что так богатырски с ним бьется? И охватила сэра Тристрама могучая ярость, ибо он видел, что противник его силен, и может быть из-за него одного не удастся ему одолеть остальных рыцарей.

Так рубились они, осыпая один другого жестокими ударами, и многие рыцари кругом дивились, кто таков этот рыцарь, что так бьется с черным рыцарем — сэром Тристрамом? Но Прекрасная Изольда знала отлично, что это сэр Паломид рубится с сэром Тристрамом, ибо из своей ложи, где она стояла у окна, она видела, как сэр Паломид обменялся доспехами с тем раненым рыцарем. И от обиды на сэра Паломида она плакала так горько, что едва не лишилась чувств.

Но тут выехал на поле сэр Ланселот с рыцарями Оркнея, и когда на противной стороне их увидали, то раздался крик:

— Назад! Бегите! Это — сэр Ланселот!

И подъехал один рыцарь к сэру Ланселоту и сказал:

— Сэр, вам непременно должно сразиться вон с тем рыцарем в черных доспехах (а это был сэр Тристрам), ибо он того и гляди одолеет славного рыцаря, что бьется против него с серебряным щитом (а это был сэр Паломид).

Тогда сэр Ланселот направил на них коня, остановился между ними и так сказал сэру Паломиду:

— Сэр рыцарь, предоставьте теперь мне вести этот поединок, ибо вы нуждаетесь в передышке.

Сэр Паломид сразу же признал сэра Ланселота, и сэр Тристрам тоже, но, зная, что сэр Ланселот много превосходит его силой и доблестью, сэр Паломид рад был уступить ему бой с сэром Тристрамом. Ибо он сразу понял, что сэр Ланселот не узнал сэра Тристрама, и потому надеялся, что сэр Ланселот побьет или опозорит сэра Тристрама, о чем сэр Паломид только и мечтал.

И вот обрушил сэр Ланселот на сэра Тристрама множество жестоких ударов. Ибо сэр Ланселот не узнал сэра Тристрама, хотя сэр Тристрам и узнал сэра Ланселота. И так они рубились долго, и глядя на них, Прекрасная Изольда от горя едва не лишилась рассудка.

Но сэр Динадан открыл сэру Гарету, что рыцарь в черных доспехах — это их господин сэр Тристрам.

— А тот другой, что с ним сейчас бьется,— это сэр Ланселот, и он непременно его одолеет, ибо сэр Тристрам уже сегодня много потрудился.

— Тогда давайте поскачем и сбросим его с коня,— сказал сэр Гарет.

— Это будет лучше всего,— отвечал сэр Динадан.— Нам нельзя допустить, чтобы сэр Тристрам подвергся позору, ибо вон там выжидает случая неизвестный рыцарь с серебряным щитом, чтобы при первой возможности напасть на сэра Тристрама.

И с тем, без дальних слов, сэр Гарет налетел на сэра Ланселота и с такою силой ударил его по шлему, что вовсе его оглушил. А за ним ударил и сэр Динадан своим копьем, и удар его был столь силен, что и конь и всадник рухнули наземь и жестоко расшиблись.

— Стыд вам и позор! — сказал сэр Тристрам сэру Гарету и сэру Динадану,— отчего вы так обошлись с этим славным рыцарем, да еще в то время, когда я вел с ним поединок? А, Иисусе! Вы жестоко опозорили самих себя, а ему не причинили бесчестья, а ведь мы жарко бились и без вашей помощи.

А тем временем подскакал туда сэр Паломид в чужом обличье и выбил из седла сэра Динадана. И тогда сэр Ланселот, которого сэр Динадан только

что поверг наземь, набросился яростно на него пешего. Сэр Динадан защищался мужественно, но сэр Тристрам отлично понимал, что против сэра Ланселота ему не устоять, и сэра Тристрама это очень печалило.

А сэр Паломид со свежими силами устремился на сэра Тристрама. Видит сэр Тристрам, как яростно нападает на него сэр Паломид, и решился он разделаться с сэром Паломидом с одного раза, ибо он торопился помочь сэру Динадану, которому приходилось совсем туго под натиском сэра Ланселота. И потому устремился сэр Тристрам навстречу сэру Паломиду, ударил его по шлему изо всей силы, а потом ухватил его в охапку и, вырвав из седла, сбросил под ноги коню.

Сам же он, оставив так сэра Паломида, подбежал и встал между сэром Динаданом и сэром Ланселотом, и начался у них новый бой. А сэр Динадан привел ему коня и крикнул ему громко, так что сэр Ланселот услышал:

— Господин мой, сэр Тристрам, вот ваш конь!

Услыхал сэр Ланселот, как он назвал его сэром Тристрамом, и воскликнул:

— Иисусе! Что я наделал? Теперь я опозорен,— и сказал он: — Ах, господин мой сэр Тристрам, отчего вы приняли незнакомое обличье? Ведь вы подвергли себя великой опасности. Но я прошу вас простить меня, ибо если бы я знал, что это вы, не было бы между нами этого боя.

— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— вы уже не в первый раз выказываете мне доброту и великодушие.

Тут они оба вновь уселись на коней. И на одной стороне все люди возгласили победителем сэра Ланселота, на противной же стороне честь победы признали за сэром Тристрамом. Но сэр Ланселот на это сказал так:

— Нет, сегодня я не заслужил первенства, и все рыцари подтвердят, что сэр Тристрам долее моего пробыл на поле и сокрушил гораздо более рыцарей, нежели я. И потому я свой голос и свое имя подаю за сэра Тристрама и всех вас, лорды и други, прошу поступить так же.

И тогда подняли дружный голос все короли, герцоги и графы, бароны и рыцари, что лучшим рыцарем в тот день выказал себя сэр Тристрам Лионский.



КАК СЭР ТРИСТРАМ С ПРЕКРАСНОЙ ИЗОЛЬДОЙ ОТПРАВИЛИСЬ В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ И КАК ПАЛОМИД ПОСЛЕДОВАЛ ЗА НИМИ И ПРОСИЛ ИЗВИНЕНИЯ

❧ После того протрубили отбой. Королева Изольда со свитой отправилась назад к своим шатрам, но уж конечно она была жестоко разгневана на сэра Паломида, ибо она видела все его предательство от начала до конца. А ни сэр Тристрам, ни сэр Гарет, и ни сэр Динадан так до тех пор ничего и не подозревали о предательстве сэра Паломида. Но потом вы узнаете о величайшей распре, что была у сэра Тристрама с сэром Паломидом.

И вот, когда турнир был окончен, сэр Тристрам,

сэр Гарет и сэр Динадан ехали, сопровождая Прекрасную Изольду к шатрам, и сэр Паломид тоже ехал среди их рыцарей, как был, в чужом обличье. Но когда сэр Тристрам заметил, что с ними скачет тот самый рыцарь с серебряным щитом, с которым ему сегодня так нелегко пришлось в схватке, сэр Тристрам сказал:

— Сэр рыцарь, да будет вам ведомо, что здесь ни один не нуждается в вашем обществе. И потому я прошу вас, покиньте нас.

А сэр Паломид говорит ему в ответ, словно бы и не зная, что это — сэр Тристрам:

— Знайте, сэр рыцарь, что этой дружины я не оставлю, ибо мне приказано здесь находиться одним из лучших рыцарей в мире, и покуда он не отошлет меня сам, никто меня не прогонит.

Сэр Тристрам по его речи тут признал в нем сэра Паломида и говорит:

— А, сэр, вот вы, оказывается, какой рыцарь? Неверно вас называют благородным рыцарем, ведь ныне вы поступили со мною куда как неблагородно, ибо из-за вас я едва не принял смерть мою. Что до вас, то я полагаю, что против вас я бы не сплоховал, но когда сэр Ланселот за вас заступился, это было уж чересчур, ибо я не знаю на свете такого рыцаря, которому было бы под силу сражаться с сэром Ланселотом, если сэр Ланселот начнет биться всерьез.

— Увы,— сказал сэр Паломид,— так значит, вы — мой господин сэр Тристрам?

— Да, сэр, и вы это знаете отлично.

— Клянусь рыцарской честью,— сказал сэр Паломид,— до сего мгновения я вас не узнал, я полагал, что вы — король Ирландии, ведь вы носите ирландский герб.

— Да, я ношу этот герб,— отвечал сэр Тристрам,— и буду носить его и впредь, ибо некогда я завоевал его в бою против достойнейшего из рыцарей по имени сэр Мархальт. Мне великим трудом досталась та победа, но иного пути не было. А сэр Мархальт умер из-за дурных лекарей, а мне так и не покорился.

— Сэр,— сказал сэр Паломид,— я полагал, что вы перешли на сторону сэра Ланселота, и по этой причине тоже стал выступать на его стороне.

— Добрые речи,— отвечал сэр Тристрам.— Я их принимаю и прощаю вас.

И они подъехали к своим шатрам. А там, спешившись, они сняли доспехи, умыли лица свои и руки и уселись за стол обедать.

Но Прекрасная Изольда, увидев сэра Паломида, переменилась в лице и от гнева не могла и слова вымолвить.

Заметил это сэр Тристрам и говорит:

— Госпожа, что за причина вам столь нерадушно нас принимать? Ведь мы сегодня немало потрудились.

— О, мой господин,— отвечала Прекрасная Изольда,— ради господа бога, не гневайтесь на меня, ведь не моя в этом вина. Я видела сегодня, как вас предали и едва что не обрекли смерти. Истинно, сэр, я видела все — как это было, и когда, и что. И потому, сэр, как могу я терпеть при вас присутствие такого злодея и предателя, как сэр Паломид? Ведь я своими глазами виде-

ла, как он следил за вами, когда вы покинули турнирное поле. Он остановил коня и сидел в седле недвижно, покуда вы не возвратились. А тогда поскакал прямо к раненому рыцарю и обменялся с ним доспехами. И я видела после этого, как он разыскивал вас по всему полю, отыскавши же, тут же на вас напал и бился с вами нарочно, зная отлично, на кого поднял копье. Что до него, сэр, то сэра Паломида я не слишком испугалась, но я боялась сэра Ланселота, который вас не узнал.

— Госпожа,— сказал сэр Паломид,— ваша воля говорить, что хотите, я перечить вам не стану, но, вот клянусь моей рыцарской честью, я не знал, что это господин мой сэр Тристрам.

— Как бы то ни было,— сказал сэру Паломиду сэр Тристрам,— я принял ваше извинение, но я отлично знаю, что от вас бы мне пощады не было. Однако, это неважно. Что до меня, то вы во всем прощены.

Но Прекрасная Изольда низко опустила голову и не сказала в тот раз более ни слова.



КАК КОРОЛЬ АРТУР И СЭР ЛАНСЕЛОТ ЯВИЛИСЬ К НИМ В ШАТРЫ, И О СЭРЕ ПАЛОМИДЕ ❧ Тут подъехали к шатру два вооруженных рыцаря, спешились и вошли внутрь во всем вооружении.

— Любезные рыцари,— сказал им сэр Тристрам,— неправильно вы поступаете, что во всеоружии являетесь ко мне, когда мы сидим за едой. Если вам надобно что-нибудь от кого-либо из нас, то там, на турнирном поле, следовало вам облегчить свое сердце.

— Нет, сэр,— отвечал один из рыцарей,— не для того мы сюда прибыли, ибо знайте, сэр Тристрам, мы явились сюда как ваши друзья. Я приехал, дабы видеть вас, а вот он желает увидеть вашу королеву Изольду.

И тогда сказал им сэр Тристрам:

— Прошу вас честью, снимите шлемы, чтобы мне видеть ваши лица.

— Сэр, так мы и сделаем по вашему желанию,— отвечали рыцари.

И когда шлемы их были сняты, сэру Тристраму подумалось, будто их лица ему знакомы. И тут шепнул украдкой сэру Тристраму сэр Динадан:

— Это — государь мой король Артур, а тот второй, что говорил с вами,— сэр Ланселот.

— А, госпожа, прошу вас, поднимитесь навстречу гостям,— сказал сэр Тристрам,— ибо у нас государь мой король Артур.

Тут король с королевой поцеловались, а сэр Ланселот с сэром Тристрамом заключили друг друга в объятья. И было там радости и веселья без конца. По просьбе Изольды Прекрасной король и сэр Ланселот сняли доспехи, и начались между ними веселые беседы.

— Госпожа,— сказал король Артур,— уже давно я желал вас увидеть, ибо вашу красоту восхваляют повсюду. Теперь же я могу сказать, что вы —

красивейшая дама, какую мне случалось видеть, а сэр Тристрам — лучший и прекраснейший из известных мне рыцарей. И потому, мне думается, вы отлично подходите друг к другу.
— Государь, да возблагодарит вас бог! — сказали сэр Тристрам и Прекрасная Изольда.— По доброте и великодушию вам нет равных.
И так они беседовали о разных вещах и помянули обо всем, что происходило на турнире.
— Но что за причина,— спросил король Артур,— вам, сэр Тристрам, выступать против нас? Вы ведь рыцарь Круглого Стола и по праву должны быть на нашей стороне.
— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— это вот сэр Динадан и сэр Гарет, ваш родной племянник, побудили меня выступать против вас.
— Государь мой Артур,— сказал сэр Гарет,— я охотно приму вину на мои плечи, ибо они достаточно широки. Но, правду сказать, это дело сэра Тристрама.
— Клянусь богом, я от души обо всем сожалею,— сказал сэр Динадан.— Этот неудачник сэр Тристрам заманил нас сюда на турнир, и из-за него мы получили немало жестоких ударов по голове.
И король с сэром Ланселотом так смеялись, что едва усидели на своих местах.
— Но кто был тот рыцарь,— спросил король,— от которого вам пришлось так много претерпеть?
— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— вот он сидит за этим столом.
— Что? — сказал король Артур.— Неужели это был сэр Паломид?
— Сэр, знайте, это был он,— сказала Прекрасная Изольда.
— Да поможет мне бог,— сказал король Артур,— вы поступили недостойно рыцаря, да еще столь славного, ведь люди, я слышал, зовут вас учтивейшим рыцарем.
— Сэр,— отвечал сэр Паломид,— я не узнал сэра Тристрама, ибо он переоделся.
— Да поможет мне бог,— сказал сэр Ланселот,— это вполне возможно, ведь я и сам его не узнал.
— Но я не понимаю, отчего вы перешли на нашу сторону?
— Государь, должно быть, по той же причине,— сказал сэр Ланселот.
— Сэр, что до этого,— сказал сэр Тристрам,— то я его простил, и мне было бы вовсе не по душе с ним расставаться, ибо я дорожу весьма его обществом.
И они стали говорить о других вещах. А вечером король с сэром Ланселотом уехали к себе. Но знайте, что сэр Паломид всем сердцем страдал от ревности, и в ту ночь у себя на ложе он не ведал минуты покоя, плача и рыдая без удержу.
Вот наутро сэр Тристрам, сэр Гарет и сэр Динадан поднялись пораньше и вошли к сэру Паломиду. И застали они его крепко спящим, ибо он не смыкал глаз всю ночь. А на щеках у него видны были следы горьких слез.
— Не говорите ничего,— сказал сэр Тристрам,— ибо я уверен, что он рассердился и огорчился из-за упреков, которые высказали ему я и Прекрасная Изольда.



КАК СЭР ТРИСТРАМ И СЭР ПАЛОМИД ОТЛИЧИЛИСЬ НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ, И КАК КОРОЛЬ АРТУР БЫЛ ВЫБИТ ИЗ СЕДЛА

А вскоре сэр Тристрам послал будить сэра Паломида и наказал ему собираться в путь, ибо пора уже было выезжать на поле. Они все быстро вооружились и снарядились и облачились во все красное — и королева Изольда, и все ее рыцари — и они проскакали с нею через все турнирное поле к той монашеской обители, где была возведена для нее ложа.

И тут услышали все, как трижды протрубил рог, и все короли и рыцари выехали на турнирное поле. Первыми изготовились к бою сэр Паломид и сэр Кэй-Чужестранец, рыцарь Круглого Стола. И они затеяли бой. Но сэр Паломид ударил сэра Кэя с такой силой, что перебросил его наземь через круп его коня. А затем сэр Паломид поверг еще одного рыцаря и поломал при этом свое копье и тогда он извлек меч и стал рубиться всем на диво. И стали повсюду раздаваться крики одобрения сэру Паломиду.

— Взгляните-ка,— молвил король Артур,— вон как там сэр Паломид принялся за дело. Да поможет мне бог,— сказал король Артур,— он — отличный рыцарь.

Но пока они так стояли и говорили, вырвался на поле сэр Тристрам, подобно грому, и он схватился с сэром Кэем-Сенешалем и сокрушил его прямо на землю. После того он одним копьем поверг еще трех рыцарей. А потом обнажил он меч и стал рубиться так, что всем на изумление. И тогда народ перестал восхвалять и славить сэра Паломида, а все возгласы обратились на сэра Тристрама. Люди кричали:

— А! Тристрам! Тристрам!

Про сэра же Паломида было забыто.

— Ну, как? — спросил сэр Ланселот короля Артура.— Вон тот рыцарь и в самом деле являет собой дивное зрелище.

— Да поможет мне бог,— отозвался король Артур,— вы еще увидите сегодня, как оба эти рыцаря выкажут чудеса.

— Сэр,— сказал ему сэр Ланселот,— из них один все время через силу тянется за другим и по ревности принуждает себя превзойти сэра Тристрама, а тот и не подозревает о тайной ненависти сэра Паломида. Ибо, государь, все, что делает сэр Тристрам, он делает из чистого рыцарства.

В тот день и сэр Гарет с сэром Динаданом немало отличились, так что король Артур отозвался и о них с великой похвалой, и все короли и рыцари на стороне сэра Тристрама свершали славные боевые дела и преданно держались все вместе.

А потом и король Артур с сэром Ланселотом сели на коней и, изготовившись к бою, выехали на турнирное поле в самую гущу жаркой схватки. И сэр Тристрам, сам того не ведая, выбил из седла короля Артура, а сэр Ланселот ринулся было ему на подмогу, но на него самого набросились

противники в столь большом числе, что им удалось стащить его с коня. И тогда король Ирландии и король скоттов с их рыцарями затеяли, если удастся, захватить короля Артура и сэра Ланселота в плен. Но сэр Ланселот, услышавши такие их речи, стал разить всех, точно голодный лев, и сражался так, что ни один рыцарь не отваживался к нему приблизиться. Между тем выехал на поле сэр Эктор Окраинный, он ринулся, навесив копье, навстречу сэру Паломиду, и сломал об него копье на мелкие куски. Тогда сэр Эктор разогнал коня снова и с такой силой поразил сэра Паломида мечом, что тот, оглушенный, поник головой к луке седла. А сэр Эктор тотчас же вытянул его из седла и швырнул под ноги коню, а затем подвел коня сэру Ланселоту и пригласил его подняться в седло. Но сэр Паломид подбежал прежде, ухватил коня за узду и сам прыгнул в седло.

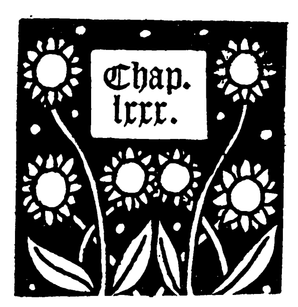
— Да поможет мне бог,— сказал сэр Ланселот,— вы более моего достойны сидеть на этом коне.

Тогда сэр Эктор подвел сэру Ланселоту другого коня.

— Грамерси,— сказал сэр Ланселот своему брату.

Когда же он снова оказался верхом, он одним копьем сокрушил четырех добрых рыцарей, и добыл сэр Ланселот королю Артуру доброго коня. И стали король Артур и сэр Ланселот вместе с немногими рыцарями Ланселотова рода свершать чудесные подвиги; сэр Ланселот в тот раз, как повествует Книга, один поверг наземь и сбросил под ноги коням тридцать рыцарей.

Но несмотря ни на что, противная сторона держалась так твердо, что король Артур со своими немногими рыцарями не мог их одолеть.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ВСТАЛ НА СТОРОНУ КОРОЛЯ АРТУРА, А СЭР ПАЛОМИД НЕ ПОЖЕЛАЛ ❧ И когда увидел сэр Тристрам, как потрудились король Артур и его рыцари, в особенности же,— сколько бранных подвигов свершил своими руками славный рыцарь сэр Ланселот, тут призвал сэр Тристрам к себе сэра Паломида, сэра Гарета и сэра Динадана и сказал им так:

— Любезные други, знайте, что я намерен перейти на сторону короля Артура, ибо я никогда не видел, чтобы в столь малом числе рыцари так сражались. И нам всем, рыцарям Круглого Стола, позор был бы смотреть, как терпят поражение государь наш король Артур и этот благородный рыцарь, сэр Ланселот.

— Сэр, это будет правильно,— отвечали сэр Гарет и сэр Динадан.

— Сэр, поступайте, как сочтете лучшим,— сказал сэр Паломид,— но я не сменю стороны, на которой начал выступать.

— Это вы из зависти ко мне,— сказал сэр Тристрам.— Но бог да пошлет вам удачи!

И на том сэр Паломид с ними расстался.

А сэр Тристрам и сэр Гарет с сэром Динаданом присоединились к сэру Ланселоту. Сэр же Ланселот сшиб с коня долой короля Ирландского, со-

крушил он и короля скоттов и короля Уэльского. Между тем король Артур пустил коня против сэра Паломида и выбил его вон из седла. А сэр Тристрам сокрушал всякого, с кем ни сталкивался, а также и сэр Гарет и сэр Динадан выказали себя там настоящими рыцарями. И вот противная сторона обратилась в бегство.

— Увы! — сказал сэр Паломид.— Зачем дожил я до этого дня! Ведь теперь я утратил всю славу, мною завоеванную.

И он поехал прочь, рыдая, и так доехал до ручья. Там сошел он с коня, снял доспехи и сидел, плача и рыдая, словно безумный.

А на поле многие рыцари провозгласили победителем турнира сэра Тристрама, но многие другие посчитали первым сэра Ланселота.

— Любезные лорды, я благодарю вас за честь, что вы хотите присудить мне первенство, но я прошу вас от души, отдайте голоса свои за сэра Ланселота, ибо, клянусь верою, мой голос я отдаю за него,— сказал сэр Тристрам.

Но сэр Ланселот и слышать об том не хотел, и потому первенство разделили между ними обоими. И на том все рыцари разъехались с поля. Сэр Блеоберис и сэр Эктор поехали вместе с сэром Тристрамом и Прекрасной Изольдой к их шатрам.

А мимо ручья, где сидел, рыдая и плача, сэр Паломид, проезжали, спасаясь бегством, король Уэльса и король Шотландии, и они увидели сэра Паломида, охваченного безумием.

— Увы,— сказали они,— сожаления достойно, что столь благородный муж пребывает в столь жалком виде!

Они поймали его коня, убедили сэра Паломида вновь облачиться в доспехи и сесть верхом, и так он поехал вместе с ними, сокрушаясь жестоко.

Но когда сэр Паломид проезжал мимо шатров сэра Тристрама и Прекрасной Изольды, он попросил королей задержаться немного и подождать его, покуда он поговорит с сэром Тристрамом. И подойдя ко входу в шатер, спросил сэр Паломид громким голосом:

— Где ты, сэр Тристрам Лионский?

— Сэр,— говорит сэр Динадан,— это сэр Паломид.

— Как, сэр Паломид, разве вы не войдете к нам сюда?

— Позор тебе, предатель! — отвечал сэр Паломид.— Да знай, что будь сейчас день, а не ночь, я убил бы тебя моими собственными руками! И где бы я ни встретил тебя,— сказал сэр Паломид,— ты умрешь за сегодняшнюю измену!

— Сэр Паломид,— отвечал сэр Тристрам,— вы вините меня напрасно, ведь если бы и вы поступили по-моему, вам досталась бы честь победы. Но уж раз вы меня заранее предупреждаете, я теперь буду вас остерегаться.

— Позор и стыд тебе, предатель! — еще раз воскликнул сэр Паломид и с тем удалился.

Наутро сэр Тристрам с Изольдой Прекрасной и сэр Блеоберис, сэр Эктор Окраинный, сэр Гарет и сэр Динадан отправились в путь и где сушей, где морем доставили Изольду Прекрасную в замок Веселой Стражи. Там они отдыхали неделю, предаваясь всевозможным играм и развлечениям, какие могли измыслить. А король Артур с его рыцарями отбыли в Камелот.

Сэр же Паломид ехал с двумя королями, предаваясь жесточайшей печали, какую можно вообразить, ибо он сокрушался не только из-за разлуки с Прекрасной Изольдой, но также еще и потому, что лишился дружбы сэра Тристрама. Ибо сэр Тристрам был так добр и великодушен, что, вспоминая его, сэр Паломид никогда уже не мог радоваться и веселиться.



КАК СЭР БЛЕОБЕРИС И СЭР ЭКТОР СООБЩИЛИ КОРОЛЕВЕ ГВИНЕВЕРЕ О КРАСОТЕ ПРЕКРАСНОЙ ИЗОЛЬДЫ ❧ А на исходе той недели сэр Блеоберис и сэр Эктор простились с сэром Тристрамом и его королевой. И они увезли с собой богатые дары. Но сэр Гарет и сэр Динадан навсегда остались с сэром Тристрамом.

Когда же сэр Блеоберис и сэр Эктор приехали в замок на берегу моря, где в то время пребывала королева Гвиневера (а королева к этому времени, милостью божией, оправилась от своей болезни), она стала спрашивать их, откуда они прибыли. И они ей отвечали, что едут от сэра Тристрама и Прекрасной Изольды.

— А как поживает сэр Тристрам,— спросила королева,— и Изольда Прекрасная?

— Истинно, госпожа,— отвечали двое рыцарей,— он живет во всем так, как подобает благородному рыцарю. А что до королевы, она несравненна среди дам, ибо о красоте ли ее будет речь, или о щедрости, о веселости и добронравии,— ни в чем не встречали мы ей равных, сколько ни ездили по свету.

— А, помилуй Иисусе! — сказала королева Гвиневера.— Так говорят все, кто ее видел и с нею беседовал. Хотелось бы мне, волею божией,— сказала она,— обладать хоть частью ее достоинств! А тут мне еще пришлось проболеть все время, пока продолжался турнир, и теперь, сдается мне, я во всю мою жизнь не увижу более такого собрания благородных рыцарей и прекрасных дам.

Двое рыцарей рассказали королеве, как в первый день победителем был возглашен сэр Паломид, а во второй день первенство досталось сэру Тристраму, в третий же день всех превзошел сэр Ланселот.

— Ну,— сказала королева,— а кому же принадлежит первенство за все три дня?

— Да поможет нам бог,— отвечали двое рыцарей,— всех меньше поражений потерпели сэр Ланселот и сэр Тристрам. Но знайте, что и сэр Паломид выказал великую доблесть и мощь, но он выступил против своих, против рыцарей, с которыми прибыл на турнир, и по этой причине лишился части своей завоеванной прежде славы, ибо все могли видеть, что сэра Паломида терзает зависть.

— Ну, если так, то он немного чести завоюет,— сказала королева,— ибо если завистнику однажды удастся отличиться, то дважды он потерпит поражение. И по этой причине все благородные люди не любят завистников и не выказывают им дружества, того же, кто учтив, добр и благороден, повсюду встречают с любовью.



КАК ПАЛОМИД УБИВАЛСЯ НАД РУЧЬЕМ, И КАК ТУДА ПРИБЫЛ И НАШЕЛ ЕГО ЭПИНОГРИС, И КАК ОНИ ОБА ВОЗНОСИЛИ ПЕНИ ❧ Теперь мы оставим все это и поведем речь о сэре Паломиде, который ехал вместе с двумя королями и с ними же стал на ночлег. Поутру же сэр Паломид распрощался с королями, и они тому очень опечалились. Король Ирландии дал сэру Паломиду своего человека и подарил ему могучего боевого коня. А король Шотландии одарил его многими богатыми дарами, и они оба очень уговаривали его с ними остаться, но сэр Паломид и слышать об том не хотел.

Так он с ними расстался и поехал, куда глаза глядят. Наступал уже полдень. И вдруг видит сэр Паломид, в лесу у ручья лежит раненый рыцарь, прекрасный собою, и конь его привязан поблизости. А рыцарь тот так горько стонет и плачет, что горше печали ему видеть не случалось, ибо тот рыдал, не переставая, и стенал без конца, словно наступал его смертный час. Подъехал к нему сэр Паломид, ласково его приветствовал и спрашивает:

— Любезный рыцарь, о чем вы так плачете? Позвольте и мне лечь подле вас и тоже предаться горю, ибо, поверьте, я опечален куда жесточе вашего. Ведь думается мне,— сказал сэр Паломид,— что мое горе во сто крат больше вашего. И потому давайте же поделимся друг с другом нашими печалями.

— Прежде всего,— сказал раненый рыцарь,— я прошу вас назвать мне ваше имя. Ибо если ты не из благородных рыцарей, тогда ты ничего обо мне не узнаешь, чем бы это мне ни угрожало.

— Любезный рыцарь,— отвечал сэр Паломид,— каков уж я есть, таков есть, понравится это тебе или нет. Ибо знай, что я зовусь сэр Паломид, сын и наследник короля Асклабора, и сэр Сафир и сэр Сегварид — мои братья. И что до меня, то знай, что я не крещен, братья же мои приняли истинное крещение.

— А, благородный рыцарь! — молвил раненый рыцарь,— благо мне, что я повстречал вас. Знайте же, что мое имя — сэр Эпиногрис, сын короля Нортумберландского. А теперь садитесь рядом со мною,— сказал сэр Эпиногрис,— и поведаем друг другу наши печали.

Тут сэр Паломид спешился и привязал накрепко своего коня. И так начал сэр Паломид свою жалобу:

— Сейчас я поведаю вам о горе, что выпало мне на долю. Я люблю прекраснейшую на всем свете даму и королеву, и знайте, что зовут ее Изольда Прекрасная, супруга короля Марка Корнуэльского.

— Это весьма неразумно,— сказал сэр Эпиногрис,— любить королеву Изольду. Ведь ее любит один из лучших рыцарей в мире — сэр Тристрам Лионский.

— Ваша правда,— отвечал сэр Паломид,— и никто на свете не знает это-

го лучше, чем я. Ибо последний месяц и даже более я провел в обществе сэра Тристрама, и Прекрасная Изольда тоже была с нами. И увы! — сказал сэр Паломид,— теперь я, несчастнейший из людей, навеки утратил дружбу сэра Тристрама и расположение Изольды Прекрасной, и верно, никогда уж ее больше не увижу! Теперь мы с сэром Тристрамом смертельные враги.

— Ну,— сказал сэр Эпиногрис,— вот вы любили Изольду Прекрасную, а видели ли вы от нее хоть в чем-либо ответную любовь и наслаждались ли вы когда-либо с нею?

— О, нет, клянусь моей рыцарской честью,— отвечал сэр Паломид,— я никогда не замечал, чтобы она любила меня больше прочих, и ни разу не насладился с нею, а в последний день она оскорбила меня так жестоко, как никто в жизни, и это ее оскорбление навсегда останется в моем сердце. А ведь я его заслужил, ибо поступил не по-рыцарски, оттого и утратил навеки дружбу ее и сэра Тристрама. А сколько раз я свершал ради нее подвиги, что были выше моих сил! Это ей обязан я завоеванной мною славой. И вот, увы! теперь я лишился всей славы, которую успел завоевать, ибо никогда уж мне больше не биться так доблестно, как я бился у сэра Тристрама.



КАК СЭР ПАЛОМИД ВОЗВРАТИЛ СЭРУ ЭПИНОГРИСУ ЕГО ДАМУ ❧ — Ну, нет,— сказал сэр Эпиногрис,— ваше горе — всего лишь шутка в сравнении с моим; ибо я завоевал мою даму своими руками и наслаждался ее любовью, а теперь вот ее потерял. Увы, что за скорбный день! Сначала же я завоевал ее так. Моя дама была графской дочерью, и вот когда граф, ее отец, вместе с двумя рыцарями возвращался в свой замок с турнира в Лонезепе, я, ради ее любви, один напал на графа и двух его рыцарей на глазах у моей дамы. И мне посчастливилось убить графа и одного из рыцарей, второй же обратился в бегство. И в ту ночь я насладился любовью моей дамы.
Но наутро, когда, мы с нею предавались отдыху здесь, на берегу ручья, вдруг подъехал ко мне странствующий рыцарь по имени сэр Хелиор Храбрый, могучий рыцарь, и вызвал меня на поединок биться за мою даму. Мы стали сражаться, сначала верхами, потом пеши, но под конец сэр Хелиор ранил меня так сильно, что я упал замертво, и он так меня и оставил и увез с собою мою возлюбленную. Вот почему мое горе больше вашего, ибо я наслаждался любовью моей дамы, вы же нет.

— Это правда,— отвечал сэр Паломид,— и раз уж со мною дела не поправишь, клянусь, что если только смогу отыскать этого сэра Хелиора, я вам возвращу вашу возлюбленную или же потерплю от него поражение. И с тем сэр Паломид помог сэру Эпиногрису снова сесть на коня, и они доехали до обители отшельника, где сэр Эпиногрис расположился на отдых. А сэр Паломид ушел потихоньку в лес отдохнуть под сенью листвы,

и вдруг видит: скачет рыцарь со щитом, какой он прежде видел у сэра Эктора Окраинного. А за ним едут еще десять рыцарей. И остановились они под деревьями отдохнуть от дневного жара.
Но вскоре подъехал туда еще один рыцарь — у него был щит с изображением белого льва по зеленому полю, а за собой он вел лошадь, на которой сидела дама. Тогда тот рыцарь со щитом, кто был предводителем над теми десятью рыцарями, ринулся во весь опор на сэра Хелиора — ибо это был он самый, ранивший сэра Эпиногриса. И приблизившись к сэру Хелиору, он крикнул ему, чтобы он защищал свою даму.
— Я готов ее защищать,— отозвался сэр Хелиор,— сколько достанет у меня сил!
И они пустили коней и сшиблись так яростно, что оба рухнули наземь, и кони со всадниками. Но тут же они вскочили, обнажили мечи, перетянули наперед щиты и рубились друг с другом отчаянно без передышки целый час. Сэр же Паломид все это видел и примечал.
Но вот наконец рыцарь со щитом сэра Эктора — а был он тяжелее и выше своего противника — поверг на землю сэра Хелиора. Он отстегнул на нем шлем и хотел уже было снести ему голову с плеч. Но тот воскликнул: «Пощади!» — и просил, чтобы он сохранил ему жизнь, а даму пусть увозит.
Тут вышел вперед сэр Паломид, ведь он уже понял, что эта дама — возлюбленная сэра Эпиногриса, а он дал обещание ему помочь. И вот сэр Паломид подошел прямо к даме, взял ее за руку и спросил, знаком ли ей рыцарь по имени сэр Эпиногрис?
— Увы,— она отвечала,— зачем только я узнала его, а он меня! Ибо по его вине я лишилась чести, а он жизни, и это печалит меня всего более.
— Нет, нет, прекрасная леди! — сказал сэр Паломид.— Следуйте за мною, и вы найдете сэра Эпиногриса вон в той обители.
— Ах, я буду счастлива,— отвечала она,— если он окажется жив!
Но тут подъехал победивший рыцарь и спросил:
— Куда это ты собрался ехать с этой дамой?
— Куда мне заблагорассудится,— отвечал сэр Паломид.
— Ну, знаешь,— сказал тот рыцарь,— что-то слишком ты расхвастался, верно, ты думаешь, что я тебе покорюсь, оттого что недавно сражался и устал? Напрасно ты понадеялся так легко увезти у меня даму. Но нет, и не думай! Будь ты даже рыцарь не хуже сэра Ланселота и сэра Тристрама или же сэра Паломида, и тогда ты завоюешь ее более дорогой ценой, чем она досталась мне!
И они затеяли пеший бой и обрушили один на другого немало страшных ударов и жестоко друг друга изранили. Так рубились они целый час и еще больше, и сэр Паломид дался диву, кто таков этот рыцарь, что бьется так стойко, с такой силой и с таким ровным дыханием.
И, наконец, спросил сэр Паломид:
— Рыцарь, я требую, открой мне твое имя!
— Знай,— отвечал рыцарь,— что я не побоюсь открыть тебе мое имя, если только ты назовешь мне свое.

— Я согласен,— сказал сэр Паломид.
— Истинно,— сказал тот рыцарь,— я зовусь сэр Сафир, сын короля Асклабора, и сэр Паломид с сэром Сегваридом — мои братья.
— Я же, да будет тебе ведомо, — сэр Паломид!
Тут сэр Сафир упал на колени и стал просить его о пощаде, и они отстегнули свои шлемы и, плача, поцеловались.
Между тем сэр Эпиногрис поднялся со своего ложа и, услышавши звук ударов, поспешил вооружиться, чтобы помочь сэру Паломиду, если в том будет нужда.



КАК НА СЭРА ПАЛОМИДА И НА СЭРА САФИРА БЫЛО СОВЕРШЕНО НАПАДЕНИЕ ❧ А сэр Паломид взял за руку даму и привел ее к сэру Эпиногрису, и была радость их так велика, что, увидев друг друга, они оба от радости поначалу лишились чувств.
— Ну, любезные рыцарь и дама,— сказал сэр Сафир,— жаль было бы вас разлучать. И потому, Иисус да пошлет вам радость друг в друге!
— Грамерси, благородный рыцарь,— отвечал сэр Эпиногрис,— и еще больше я благодарю господина моего сэра Паломида, который доблестью своею вернул мне мою возлюбленную.
И попросил сэр Эпиногрис сэра Паломида и сэра Сафира, его брата, чтобы они для охраны сопроводили его в его замок.
— Сэр,— отвечал сэр Паломид,— мы готовы вас сопровождать, поскольку вы столь тяжко ранены.
И вот сэра Эпиногриса с его возлюбленной усадили на смирную лошадь, и все отправились в его замок. Там их ожидал прием столь радостный и сердечный, какого лучше в жизни не видывали сэр Паломид и сэр Сафир. А на утро сэр Паломид и сэр Сафир с ними простились и поехали дальше по воле судьбы. Так ехали они с утра и заполдень. И вдруг, проезжая мимо какого-то замка, они услышали громкий плач и стон.
— Сэр,— говорит сэр Сафир,— давайте узнаем, что там за шум.
— Я согласен,— сказал сэр Паломид.
И они подскакали к богато украшенным крепким воротам замка, перед которыми сидел старец и по четкам читал молитвы. Сэр Паломид и сэр Сафир спешились, оставили там своих коней и вошли в ворота. Там увидели они много добрых мужей, плачущих и рыдающих.
— Любезные сэры,— сказал сэр Паломид,— о чем вы так плачете и убиваетесь?
Один из рыцарей замка тут узнал сэра Паломида, он подошел к своим товарищам и сказал:
— Любезные рыцари, да будет вам всем ведомо, у нас в замке находится сейчас тот самый рыцарь, что убил в Лонезепе нашего господина. Я узнал его — это сэр Паломид!

Бросились тут они вооружаться, все, кто был в силах носить оружие, иные верхами, иные пеши, всего числом в шестьдесят человек. И, снарядившись, набросились яростно на сэра Паломида и сэра Сафира, громко крича так:
— Берегись, сэр Паломид, ибо ты узнан! По праву надлежит тебе умереть, ибо ты убил нашего господина, и потому не жди от нас иного приема — мы тебя убьем! Итак, защищайся!
Тогда сэр Паломид и сэр Сафир стали спиной друг к другу, и они нанесли своим врагам немало жестоких ударов, но много могучих ударов приняли и сами. Так бились они против двадцати рыцарей и сорока дворянских сынов и йоменов без малого два часа. Но под конец, как ни сопротивлялись сэр Паломид и сэр Сафир, они были побеждены, схвачены и брошены в крепкую темницу.

А через три дня предстали они пред судом из двенадцати рыцарей[44], и признали те сэра Паломида виновным, а сэра Сафира не виновным в смерти их господина. Когда же сэра Сафира освободили, то они с братом тяжко горевали. И было при их расставании высказано столько горьких жалоб, что и десятую их часть ни один рассказчик не смог бы передать.
— Любезный брат, не жалуйтесь более, — сказал сэр Паломид, — и не сокрушайтесь, ибо если суждено мне погибнуть позорной смертью, то я готов ее принять. Но знай я, что буду приговорен к такой смерти, я бы пал в бою, но не сдался.
И с тем уехал от него сэр Сафир, его брат, сокрушаясь столь горько, как никакой рыцарь на свете.

А наутро отрядили из замка двенадцать рыцарей препроводить сэра Паломида к отцу того рыцаря, которого он убил. И вот связали ему ноги под брюхом старой лошади и пустились с ним в путь к замку, что стоял на морском берегу и назывался замок Пилон. Там ждала сэра Паломида кара, ибо таков был их приговор.

Но они проезжали с сэром Паломидом неподалеку от замка Веселой Стражи, и как раз когда они ехали мимо, повстречался им один из рыцарей замка, и он узнал сэра Паломида. И когда он увидел, как сэра Паломида везут связанного верхом на дряхлой кобыле, он окликнул сэра Паломида и спросил, отчего его связали и куда везут.

— А, любезный рыцарь и друг, — отвечал сэр Паломид, — это я еду навстречу моей смерти за то, что убил одного рыцаря на турнире в Лонезепе. А если бы я не отъехал от господина моего сэра Тристрама, чего и не должно мне было делать, то теперь бы я твердо знал, что жизнь моя будет спасена. Но прошу вас, сэр рыцарь, передайте мой поклон господину моему сэру Тристраму и госпоже моей королеве Изольде и скажите им, что если я в чем против них преступил, я прошу их прощения. И еще, заклинаю вас, передайте мой поклон господину моему королю Артуру и всем, кому можно, из дружины Круглого Стола.

Тут заплакал от жалости тот рыцарь, и пустился он в замок Веселой Стражи так быстро, как мог только бежать под ним конь. Приехав же, он спешился поспешно и вошел к сэру Тристраму и поведал ему все, что вы сейчас слышали. И, рассказывая, рыцарь тот плакал, как безумный.



КАК СЭР ТРИСТРАМ СОБРАЛСЯ ЕХАТЬ НА ВЫРУЧКУ СЭРУ ПАЛОМИДУ, НО СЭР ЛАНСЕЛОТ СПАС ЕГО ЕЩЕ ДО ПРИБЫТИЯ СЭРА ТРИСТРАМА

Услышал сэр Тристрам о том, как сэр Паломид ехал навстречу своей погибели, опечалился он этим вестям и сказал:

— Как бы ни был я разгневан на него, все же я не допущу, чтобы он умер столь бесславной смертью, ибо он — настоящий, благородный рыцарь.

И вот потребовал сэр Тристрам свои доспехи, вооружившись, сел на коня и, взявши с собою двух оруженосцев, поскакал во весь опор через лес вдогонку за сэром Паломидом — он ехал ближней дорогой в замок Пилон, где сэр Паломид осужден был принять смерть.

А двенадцать рыцарей везли его перед собою, и повстречался им у ручья благородный рыцарь сэр Ланселот, который спешился, привязал к дереву коня и снял шлем, желая напиться ключевой воды. Лишь только увидел он на дороге отряд рыцарей, он снова надел свой шлем и пропустил их мимо; и увидел он сэра Паломида, бесславно связанного и увозимого на казнь.

— А, Иисусе! — сказал сэр Ланселот,— что за беда приключилась с ним, что его вот так везут на позорную смерть? Но клянусь богом,— сказал сэр Ланселот,— позор мне будет, если я допущу, чтобы столь благородный рыцарь вот так погиб, и не помогу ему. А потому я заступлюсь за него, что бы там ни было, или же сам за него погибну!

И сэр Ланселот сел на коня, схватил в руку копье и поскакал вдогонку за двенадцатью рыцарями, увозившими сэра Паломида.

— Любезные рыцари! — крикнул он.— Куда везете вы этого рыцаря? Мне думается, не пристало ему ехать связанному.

А двенадцать рыцарей все вдруг поворотили коней и так отвечали сэру Ланселоту:

— Сэр рыцарь, послушайтесь нашего совета и не заботьтесь об этом рыцаре, ибо он заслужил смерть и к смерти присужден.

— Это мне жаль слышать,— сказал сэр Ланселот.— Значит, я не смогу выкупить его по-хорошему? Он чересчур благородный рыцарь, чтобы умереть столь бесславной смертью. И потому, любезные рыцари,— сказал сэр Ланселот,— защищайтесь, как сможете! Ибо я освобожу этого рыцаря или же сам погибну!

Они навесили копья, а сэр Ланселот уж сокрушил переднего рыцаря — и коня и всадника,— а за ним и еще троих, и всех одним копьем. Но потом копье его сломалось, и тогда сэр Ланселот извлек из ножен свой меч и стал рубить им направо и налево. И в короткий срок не осталось ни одного из тех рыцарей, кого не поверг бы наземь сэр Ланселот, и почти все они были жестоко изранены.

И тогда сэр Ланселот выбрал лучшего коня, развязал сэра Паломида и, подсадив его в седло, поскакал вместе с ним в замок Веселой Стражи.

Едут они и вдруг видят: скачет им навстречу сэр Тристрам. Сэр Ланселот с первого же взгляда его узнал, сэр же Тристрам не узнал сэра Ланселота, ибо на плече у него был золоченый щит. Изготовился сэр Ланселот к по-

единку с сэром Тристрамом, чтобы сэр Тристрам не догадался, что это он. Но сэр Паломид закричал громким голосом:

— О, господин мой! Прошу вас, не вступайте в бой с этим рыцарем, ибо он спас меня от смерти.

Услышал это сэр Тристрам и поспешил им навстречу легкой рысцой. А сэр Паломид сказал:

— Господин мой сэр Тристрам, я в великом долгу перед вами за вашу доброту, что вы пустились навстречу опасности, дабы меня, недостойного, спасти,— ведь я жестоко вас оскорбил. И все же,— сказал сэр Паломид,— вот перед вами благородный рыцарь, который доблестью и мужеством своим вызволил меня из рук двенадцати рыцарей, всех их поверг наземь и многих поранил жестоко.



КАК СЭР ТРИСТРАМ И СЭР ЛАНСЕЛОТ С ПАЛОМИДОМ ПРИБЫЛИ В ЗАМОК ВЕСЕЛОЙ СТРАЖИ. О ПАЛОМИДЕ И СЭРЕ ТРИСТРАМЕ ❧

— Любезный рыцарь,— обратился сэр Тристрам к сэру Ланселоту,— откуда вы?

— Я странствующий рыцарь,— отвечал сэр Ланселот,— и езжу в поисках славных дел.

— Сэр, как ваше имя? — спросил сэр Тристрам.

— Сэр, этого я вам на сей раз не скажу,— отвечал сэр Ланселот, и еще сказал он сэру Тристраму и сэру Паломиду: — Ну, вот, вы встретились друг с другом, и теперь я вас покину.

— Нет, нет,— сказал сэр Тристрам,— прошу вас и заклинаю вашей рыцарской честью поехать вместе со мной ко мне в замок.

— Знайте,— сказал сэр Ланселот,— что мне невозможно ехать с вами, ибо у меня еще в других местах много дел, так что на сей раз я не могу остаться с вами.

— Ах, милосердный Иисусе! — воскликнул сэр Тристрам.— Но я прошу вас, как есть вы верный рыцарь из высокого Ордена Рыцарей, согласитесь поразвлечься с нами нынче вечером.

И сэр Ланселот уступил сэру Тристраму. Он бы все равно с ними поехал или приехал бы вслед за ними, даже если бы сэр Тристрам на том так не настаивал, ибо он для того только и прибыл в те края, чтобы увидеться с сэром Тристрамом.

Когда же они приехали в замок Веселой Стражи, они спешились, их коней отвели в конюшню, а они сняли все доспехи. И лишь только сэр Ланселот снял свой шлем, как сэр Тристрам и сэр Паломид тут же его признали. Тут сэр Тристрам заключил сэра Ланселота в объятья, и Прекрасная Изольда тоже, а сэр Паломид преклонил перед ним колена и горячо его благодарил. Сэр же Ланселот, увидев сэра Паломида перед собою коленопреклоненным, поспешил поднять его и сказал так:

— Знай, сэр Паломид, что я, как и всякий рыцарь в этой славной стране,

истинным долгом своим почитаю помогать такому рыцарю, как ты,— благородному, испытанному и прославленному по всему здешнему королевству. После того было между ними великое веселье. Лишь сэр Паломид, чем чаще видел он Изольду Прекрасную, тем грустнее день ото дня становился.

Сэр Ланселот дня через три или четыре с ними простился, и вместе с ним уехали сэр Эктор Окраинный и сэр Динадан. А сэр Паломид оставался у сэра Тристрама два месяца и более. Но он все томился и чах, так что все кругом диву давались, что за причина ему так чахнуть.

И вот однажды, на заре, отправился сэр Паломид в одиночестве в лес, там отыскал он источник, заглянул в глубь прозрачной воды и увидел там свое лицо, столь истощенное и бледное, что он уже вовсе был на себя не похож.

— Господи Иисусе, что это значит? — воскликнул сэр Паломид, и так он сказал себе: — А, Паломид, Паломид! Отчего ты весь исчах, ведь прежде тебя почитали одним из прекраснейших рыцарей мира! Истинно, я не стану долее вести эту жизнь, ибо я люблю ту, которая никогда не будет моею, но которую мне не разлюбить никогда.

И с тем он лег у самой воды и стал сочинять стихи об Изольде Прекрасной и о себе. А между тем заехал в тот же самый лес сэр Тристрам, гонясь за жирным оленем. Но сэр Тристрам теперь не ездил на охоту безоружным, опасаясь сэра Брюса Безжалостного.

Вот носится сэр Тристрам по лесу из конца в конец и вдруг слышит он, кто-то поет песню; а это был сэр Паломид, лежавший над ручьем.

Тогда сэр Тристрам потихоньку туда подъехал, ибо он подумал, что там у ручья сидит какой-нибудь странствующий рыцарь. Приблизившись, сэр Тристрам спешился и привязал коня накрепко к стволу дерева. И пошел он дальше пешком и скоро увидел сэра Паломида, лежащего над водою и поющего громко и красиво. И в той песне были жалобы на Изольду Прекрасную, и была та песня складной на диво, плачевной и унылой. Выслушал сэр Тристрам всю эту песню слово за словом, и когда узнал он все любовные жалобы сэра Паломида, то разгневался безмерно и хотел было зарубить его, лежащего у ручья.

Но потом сэр Тристрам опомнился, ведь сэр Паломид был безоружен и о нем шла слава благородного рыцаря, да и о нем, сэре Тристраме, тоже. И тогда он умерил свою ярость и, подойдя к сэру Паломиду тихим шагом, сказал так:

— Сэр Паломид, я услышал все ваши любовные жалобы и узнал о вашей давней против меня измене, и потому знайте, что теперь вы умрете! Не будь мне дорога рыцарская честь, ты бы и сейчас не ушел из моих рук, ведь теперь я знаю, что ты поступил ко мне в рыцари с предательскими замыслами. И потому,— сказал сэр Тристрам,— говори, как думаешь ты оправдываться?

— Сэр, вот каково мое оправдание. Что до королевы Изольды, то знайте, что я любил ее более всех женщин на свете, хоть и понимал отлично, что любовь к Прекрасной Изольде приведет меня к тому же концу, что и благородного рыцаря Кэхидина, который умер из-за любви к ней. Но я хочу, чтобы знали вы, сэр Тристрам, что я люблю Прекрасную Изольду уже много лет, и ей я обязан всей моей славой. Ведь иначе был бы я незаметнейшим

из рыцарей на свете, когда бы не она, ибо ради нее я завоевал всю ту славу, что принадлежит мне. Стоит только мне подумать о королеве Изольде, и я, куда бы ни приехал, едва не всякий раз одерживаю победу. Но никогда за всю мою жизнь не было мне от нее вознаграждения и любви, я оставался ее рыцарем и без награды. Вот почему, сэр Тристрам, угроза смерти меня не страшит, ибо жить ли мне, умереть ли — мне все равно. И будь я сейчас вооружен, как вы, я, не откладывая, вступил бы с вами в поединок.

— Сэр, вы ясно высказали всю вашу измену,— молвил сэр Тристрам.

— Сэр, я не повинен перед вами в измене,— отвечал сэр Паломид,— ибо любить вправе каждый. И хоть та, кого я люблю,— ваша дама, она — и моя дама, а не только ваша. Но как бы то ни было, если кто от этого и страдает, то лишь я, ибо вы наслаждаетесь ее любовью по своему желанию, я же нет и, видно, никогда не буду. Однако я все равно стану до конца дней моих любить ее так же, как и вы.

Тогда сказал сэр Тристрам:



КАК У СЭРА ТРИСТРАМА С СЭРОМ ПАЛОМИДОМ БЫЛ НАЗНАЧЕН ДЕНЬ ПОЕДИНКА И КАК СЭР ТРИСТРАМ БЫЛ РАНЕН

— Я буду биться с вами до последнего дыханья!

— Я согласен,— отвечал сэр Паломид,— ибо лучшего повода для поединка я не знаю. Если умру я от вашей руки, что ж, от руки лучшего, нежели вы, рыцаря, я не мог бы погибнуть. А жизнь и смерть для меня безразличны, раз уж любви Прекрасной Изольды мне не видать.

— В таком случае назначьте день,— сказал сэр Тристрам,— чтобы нам устроить поединок.

— Сэр, через две недели, после сегодняшнего на пятнадцатый день,— отвечал сэр Паломид,— я встречусь с вами здесь поблизости, на лугу под стенами замка Веселой Стражи.

— Позор и стыд! — вскричал сэр Тристрам.— Для чего назначаете вы столь долгий срок? Давайте сражаться завтра же.

— О, нет,— отвечал сэр Паломид,— ибо я обессилен, я слишком долго был болен от любви к Прекрасной Изольде. И потому я должен отдохнуть и снова набраться сил.

Так сэр Тристрам и сэр Паломид сговорились непременно встретиться через две недели у того ручья.

— Но вот что я припомнил,— сказал сэр Тристрам сэру Паломиду,— ведь однажды вы уже нарушили данное мне обещание, когда я спас вас от сэра Брюса Безжалостного и девяти рыцарей. В тот раз вы пообещали встретиться со мною у могильного камня вблизи Камелота, но слова своего не сдержали.

— Знайте,— отвечал сэру Тристраму сэр Паломид,— что в тот назначенный день я томился, заточенный в темницу, и потому не мог исполнить обе-

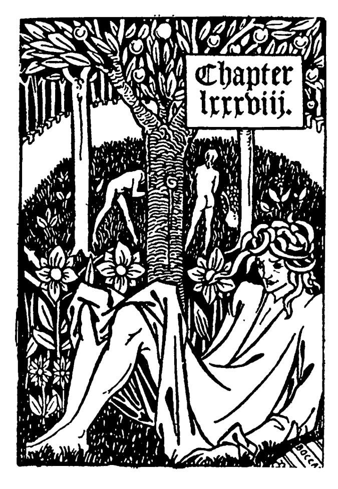
щания. Но теперь я даю вам слово,— сказал сэр Паломид,— и сдержу его.

— Да поможет мне бог,— сказал сэр Тристрам,— если б вы сдержали слово в тот раз, ничего этого сейчас бы уже не случилось.

И так расстались сэр Тристрам и сэр Паломид. Сэр Паломид взял коня своего и доспехи и уехал ко двору короля Артура. Там он взял с собою четырех рыцарей и трех оруженосцев и снова отправился к замку Веселой Стражи.

Между тем сэр Тристрам охотился и гонялся по лесам за всякой дичью. И вот, дня за три до назначенного срока, когда преследовал сэр Тристрам оленя, один его лучник выстрелил в оленя, но, по несчастью, угодила стрела в бедро сэру Тристраму, и та же стрела коня под ним убила насмерть.

Тут сэр Тристрам огорчился жестоко, кровь же у него из раны хлестала струей. Но он все же сел на другого коня и возвратился в замок в великом унынии — более из-за данного им сэру Паломиду обещания биться с ним через три дня, нежели от самой раны. И ни один человек не мог его в этом утешить, он заподозрил здесь умысел сэра Паломида, что тот подстроил это, дабы он, сэр Тристрам, не мог с ним биться в назначенный день.



КАК СЭР ПАЛОМИД ПРИБЫЛ ДЛЯ ПОЕДИНКА В УСЛОВЛЕННЫЙ ДЕНЬ, НО СЭР ТРИСТРАМ ПРИЕХАТЬ НЕ МОГ, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ

❧ Но не было среди рыцарей сэра Тристрама ни одного, кто согласился бы поверить, что сэр Паломид стал бы наносить ему увечье, ни сам своей рукой, ни подославши другого.

И вот, когда наступил пятнадцатый день, сэр Паломид приехал к источнику вместе с четырьмя рыцарями короля Артура и тремя оруженосцами[45]. А рыцарей тех он привез с собою для того лишь, чтобы они были свидетелями поединка между ним и сэром Тристрамом и впоследствии могли об том поведать. Из оруженосцев же один вез его шлем, второй — его копье и третий — меч. Так явился сэр Паломид на поле боя и прождал там сэра Тристрама без малого два часа. А потом послал он к сэру Тристраму пажа и звал его явиться и исполнить обещание.

Лишь только прибыл посланный в замок Веселой Стражи и сэр Тристрам об том услышал, он распорядился, чтобы пажа этого привели к нему туда, где он лежал на своем ложе.

— Господин мой сэр Тристрам,— сказал паж сэра Паломида,— знайте, что мой господин сэр Паломид дожидается вас на поле, и он желает знать, явитесь ли вы на поединок или же нет.

— Ах, любезный брат,— отвечал сэр Тристрам,— знайте, что меня жестоко печалит эта весть. Передайте господину вашему сэру Паломиду, что будь моя воля, я не лежал бы здесь, да и у него не было бы нужды посылать за

мною, если бы в силах я был ехать на лошади или идти пешком. Ты же убедись, что я не лгу,— сказал сэр Тристрам и показал ему свое бедро, где была рана в шесть дюймов глубиною.— А теперь, когда ты видел сам мою рану, заверь своего господина, что это не притворство, и скажи ему, что я всему золоту, каким владеет король Артур, предпочел бы сейчас исцеление. Пусть он знает, что я, лишь только смогу я сидеть верхом, стану разыскивать его по всей стране; и в том я даю слово, как есть я верный рыцарь. И когда бы ни удалось мне с ним встретиться, передай господину своему сэру Паломиду, что тогда он сможет биться со мною, сколько душе его будет угодно.

С тем паж от него и уехал. Сэр же Паломид, услышавши о ране сэра Тристрама, сказал так:

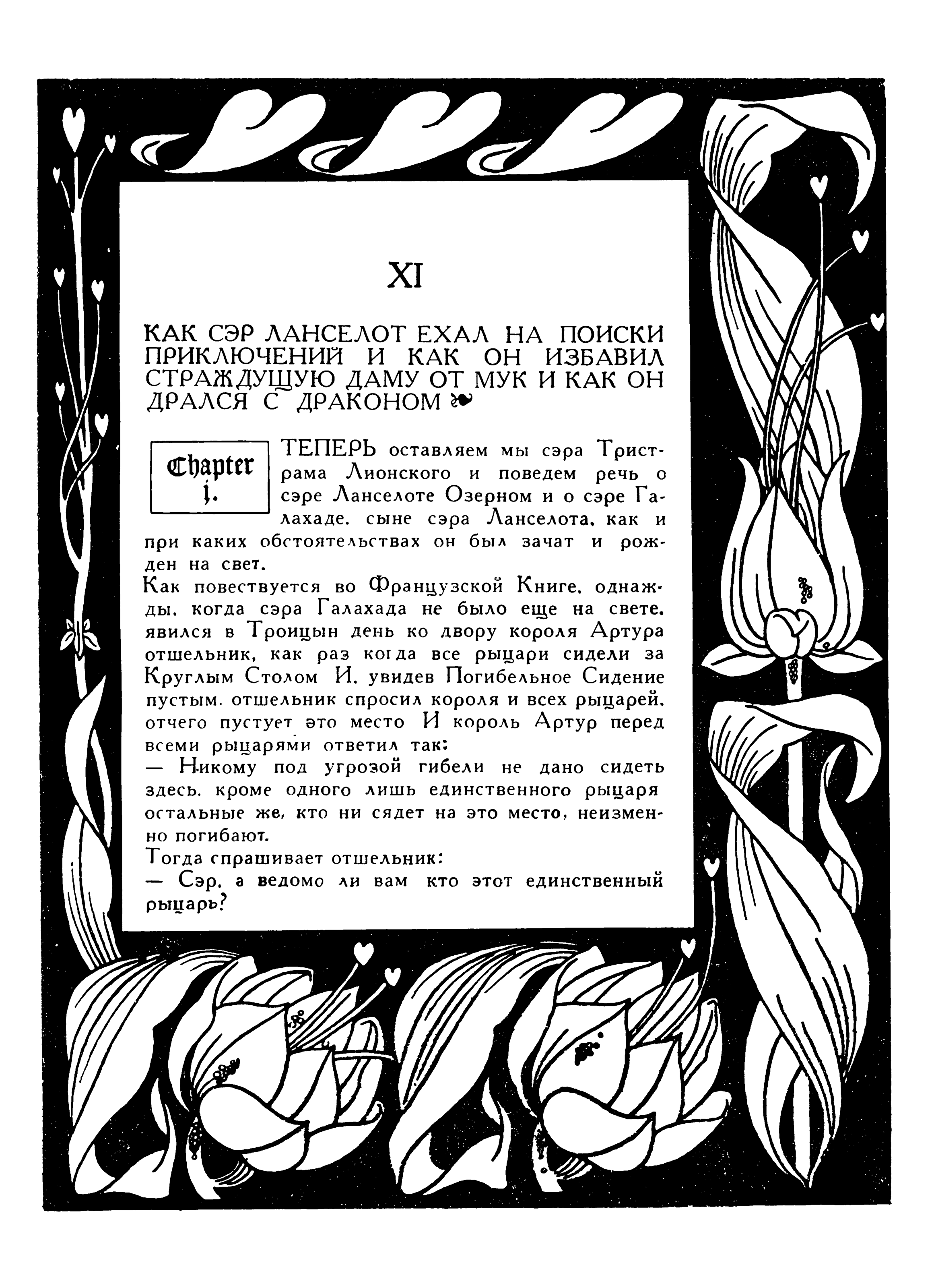
— Воистину, я рад этому, и вот по какой причине: ведь теперь я могу быть уверен, что мне не грозит бесчестье поражения. Ведь я-то знаю, если бы мы сразились, мне бы пришлось тяжко, и думается, выиграть этот бой мне бы ни за что не удалось. Ибо он в бою всех несокрушимее, не считая сэра Ланселота.

И с тем снова пустился сэр Паломид в путь на произвол судьбы. А сэр Тристрам по истечении месяца поправился, и тогда он сел на коня и долго ездил из края в край, встречая на пути своем всевозможные удивительные приключения и свершая подвиги. И повсюду он расспрашивал про сэра Паломида, но в то лето сэру Тристраму так и не удалось встретиться с сэром Паломидом.

Но, разъезжая в поисках и розысках сэра Паломида, сэр Тристрам бился во многих славных битвах, и оттого слава сэра Тристрама превзошла и затмила даже славу сэра Ланселота. Из-за этого братья сэра Ланселота и сородичи задумали было убить сэра Тристрама и вернуть сэру Ланселоту славу первого среди рыцарей. Но сэр Ланселот, узнавши о намерении своих родичей, сказал им открыто так:

— Знайте, что если из вас кто-нибудь отважится причинить господину моему сэру Тристраму вред, оскорбление или злодейство, то, как есть я верный рыцарь, я перебью вас всех моими руками. Увы, позор вам, неужели за славные его подвиги вы предательски его убьете? Упаси боже,— сказал сэр Ланселот,— чтобы через чье-то коварство погиб столь благородный рыцарь, как сэр Тристрам.

А громкая слава сэра Тристрама дошла и до Корнуэлла и достигла жителей Лиона, и все там весьма радовались и ликовали. И послали из Лиона к сэру Тристраму письма с приветом и много богатых даров, дабы было у сэра Тристрама все по его положению. Сэр же Тристрам, куда бы он ни ездил, возвращался неизменно в замок Веселой Стражи, где жила Изольда Прекрасная, которая любила его до могилы.



XI

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ЕХАЛ НА ПОИСКИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ И КАК ОН ИЗБАВИЛ СТРАЖДУЩУЮ ДАМУ ОТ МУК И КАК ОН ДРАЛСЯ С ДРАКОНОМ

Chapter i.

ТЕПЕРЬ оставляем мы сэра Тристрама Лионского и поведем речь о сэре Ланселоте Озерном и о сэре Галахаде. сыне сэра Ланселота. как и при каких обстоятельствах он был зачат и рожден на свет.

Как повествуется во Французской Книге, однажды. когда сэра Галахада не было еще на свете. явился в Троицын день ко двору короля Артура отшельник, как раз когда все рыцари сидели за Круглым Столом И. увидев Погибельное Сидение пустым. отшельник спросил короля и всех рыцарей. отчего пустует это место И король Артур перед всеми рыцарями ответил так:

— Никому под угрозой гибели не дано сидеть здесь. кроме одного лишь единственного рыцаря остальные же, кто ни сядет на это место, неизменно погибают.

Тогда спрашивает отшельник:

— Сэр, а ведомо ли вам кто этот единственный рыцарь?

— Нет,— отвечал король Артур и все рыцари,— кто он таков, кому предназначено сидеть на этом месте, мы не знаем.

— Тогда я вам открою,— молвил отшельник.— Тот, кому назначено сидеть на этом месте, еще не зачат и не рожден, но не пройдет еще и года, как будет зачат тот, который займет Погибельное Сидение, и он же добудет Святой Грааль[46].

И, объявив это, отшельник удалился от двора короля Артура.

А по окончании этого пиршества сэр Ланселот пустился в странствия на поиски приключений. Ехал он ехал, и случилось ему переезжать через мост Корбеник. За мостом увидел он прекраснейшую башню замка, а у подножья ее расположен был чудесный городок[47], полный жителей. И весь народ — и мужчины и женщины — в один голос воскликнули:

— Добро пожаловать, сэр Ланселот, цвет рыцарства! Ибо с твоей помощью мы надеемся быть избавлены от беды!

— Что это значит? — спросил сэр Ланселот.— О чем вы говорите?

— А, любезный рыцарь,— отвечали они все,— здесь в этой башне заключена злосчастнейшая дама, уже много лет терпящая страшные муки,— она варится в кипящей воде. В недавнем времени побывал у нас сэр Гавейн,— сказали они,— но он не смог ее спасти и оставил ее, как и прежде, в беде.

— Быть может, и я,— сказал сэр Ланселот,— ничего не смогу и тоже покину ее в беде, как и сэр Гавейн.

— Ну, нет,— сказали все жители города,— мы знаем, что уж вы-то, сэр Ланселот, вызволите ее непременно.

— Ну, что ж,— молвил сэр Ланселот,— скажите, что я должен сделать.

Они без промедления проводили сэра Ланселота в башню. И когда он встал перед дверью, за которой была заключена та дама, замки и засовы на железных дверях сами отомкнулись и отодвинулись, и сэр Ланселот вошел в покой, где было жарко, как в печи. Он взял за руку прекраснейшую даму, какую когда-либо случалось ему видеть, и она была нага с головы до ног, как игла. Королева Фея Моргана с королевой Северного Уэльса своими чарами подвергли ее столь жестоким мукам за то, что она почиталась в том краю первой красавицей; она провела там в мучениях пять лет, и не было ей спасения от мук до тех пор, пока лучший рыцарь мира не возьмет ее за руку. Тут ей принесли одежду, и когда она нарядилась, сэр Ланселот подумал, что столь прекрасной дамы он в жизни своей не видел, не считая разве королевы Гвиневеры. И говорит ему эта дама:

— Сэр, не соизволите ли вы пойти вместе со мною в ближнюю часовню, чтобы там воздать хвалу богу?

— Госпожа,— отвечал сэр Ланселот,— идемте. Я готов следовать за вами.

И вот когда они пришли в часовню и воздали благодарение богу, и все, сколько там было народу — и ученые и простые,— сказали так:

— Сэр рыцарь, раз вы спасли эту даму, спасите теперь нас от змея, обитающего вон в той гробнице.

Тогда сэр Ланселот взял свой щит и сказал:

— Сэры, проводите меня туда, и что в силах я буду сделать по милости божией и вам на пользу, то я сделаю.

Когда же сэра Ланселота туда привели, он увидел на могильном камне зо-

лотыми буквами надпись, которая гласила: «Сюда явится леопард королевской крови и убьет этого змея. И этот леопард породит в здешнем краю льва, каковой лев превзойдет всех рыцарей на свете».
Вот поднял сэр Ланселот надгробную плиту, и выполз наружу ужасный, мерзкий дракон, изрыгающий из пасти бешеное пламя. Тогда сэр Ланселот обнажил меч и долго бился с тем драконом, и под конец, после долгих и тяжких трудов, сэр Ланселот дракона убил.
И тогда явился туда король Пелес, благородный и добрый король, и он приветствовал сэра Ланселота, а сэр Ланселот — его.
— Любезный рыцарь,— молвил король,— как ваше имя? Прошу вас вашей рыцарской честью себя назвать.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИБЫЛ К ПЕЛЕСУ, И О СВЯТОМ ГРААЛЕ, И КАК ОН ЗАЧАЛ ГАЛАХАДА С ЭЛЕЙНОЙ, ДОЧЕРЬЮ КОРОЛЯ ПЕЛЕСА ❧

— Сэр,— отвечал сэр Ланселот,— знайте, что я зовусь сэр Ланселот Озерный.
— А мое имя — король Пелес, властитель Нездешней страны [48] и близкий сородич Иосифа Аримафейского [49].
Они обрадовались встрече друг с другом, и вошли они в замок, чтобы подкрепиться и отдохнуть. Вдруг видят — в окно влетела голубица, а в клюве у нее была золотая курильница, и разлился вокруг такой аромат, точно все благоухания мира очутились там. И стол их вдруг оказался заставлен всеми яствами [50] и напитками, каких только могли они себе пожелать.
Затем явилась в залу дева, юная и прекрасная собою, и несла она в ладонях золотую чашу. И пред этой чашей преклонил король колена и произнес молитву, и все, кто там были, сделали то же.
— Иисусе! — воскликнул сэр Ланселот.— Что это должно означать?
— Сэр,— отвечал король,— это — драгоценнейшее из сокровищ, каким владеет смертный человек. И когда оно будет утрачено, Круглый Стол распадется надолго. Знай же,— сказал король,— что ты видел пред собою Святой Грааль [51].
Весь тот день король и сэр Ланселот провели вместе. И король Пелес изо всех сил изыскивал способ, как ему склонить сэра Ланселота возлечь с его дочерью, прекрасной Элейной. А добивался он этого вот почему: король знал, что у его дочери от сэра Ланселота должен родиться сын, который будет зваться сэр Галахад, добрый рыцарь, через кого придет спасение всей Нездешней страны, и он же достигнет Святого Грааля [52].
И вот явилась к нему дама по имени Брузена, и так сказала она королю:
— Сэр, да будет вам ведомо, что сэр Ланселот изо всех женщин в мире любит одну лишь королеву Гвиневеру. Так что вам остается только поступить, как я вас научу, и я сделаю так, что он возляжет с вашей дочерью, а сам будет думать, что это королева Гвиневера.
— Ах, любезная дама,— сказал король,— значит, вы надеетесь, что вам удастся это устроить?

— Сэр,— она отвечала,— я готова поручиться жизнью, только предоставьте это дело мне.

Ибо эта дама Брузена была великая ворожея, одна из искуснейших колдуний мира в те времена. И в недолгом времени устроила дама Брузена так, что к сэру Ланселоту явился человек, ему хорошо знакомый, и он принес сэру Ланселоту кольцо словно бы от самой королевы Гвиневеры. Уж конечно, увидев этот знак, сэр Ланселот воспылал страстью, как никогда.

— Где моя возлюбленная? воскликнул он.

— В замке Каз,— отвечал посланец,— всего лишь в пяти милях отсюда.

И сэр Ланселот вознамерился быть там в ту же ночь. А эта дама Брузена, с соизволения короля Пелеса, поспешила отослать в замок Каз прекрасную Элейну с двадцатью пятью рыцарями.

Под вечер прискакал в замок сэр Ланселот, и был встречен там радушно людьми, которые показались ему доверенными слугами королевы Гвиневеры. Лишь только спешившись, спросил сэр Ланселот, где же королева? И леди Брузена ему ответила, что королева на своем ложе.

Тут все люди разошлись, и сэр Ланселот был препровожден в королевин покой. Туда леди Брузена принесла ему кубок вина, и лишь только он испил того вина, как сразу так захмелел и распалился, что не имел силы долее медлить ни мгновения, но поспешил сразу же на ее ложе. И при этом верилось ему, что девица Элейна — это королева Гвиневера. И уж конечно сэр Ланселот был счастлив, и леди Элейна тоже была счастлива заключить сэра Ланселота в свои объятья, ибо она-то знала, что в ту ночь она понесет от него сэра Галахада, который станет первым рыцарем мира.

И провели они вместе на ложе ночь и утро, и хотя было уже не рано, однако все окна и щели в том покое были закрыты наглухо, так что не видно было наступления дня.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ БЫЛ НЕДОВОЛЕН, КОГДА УЗНАЛ, ЧТО ВОЗЛЕЖАЛ С ЭЛЕЙНОЙ, И КАК ОНА ПРОИЗВЕЛА НА СВЕТ ГАЛАХАДА ❧ Но вот сэр Ланселот вдруг очнулся, встал, подошел к окну и лишь только распахнул он ставни, как чары разрушились. Понял он, как он ошибся.

— Увы! — сказал он,— зачем дожил я до этого дня, ведь теперь я опозорен!

И он выхватил меч свой и сказал:

— Предательница! Кто ты, та, с кем провел я всю эту ночь? Ты умрешь от моей руки на этом месте!

Тогда прекрасная леди Элейна выскользнула из постели нагая и, упав на колени пред сэром Ланселотом, взмолилась:

— Любезный, великодушный рыцарь сэр Ланселот! Ты происходишь из королевского рода и потому я взываю к тебе о милосердии! И как есть ты прославленный по всему миру благороднейший из

рыцарей, молю, не убивай меня, ибо во чреве моем я зачала от тебя первейшего, лучшего рыцаря мира.
— А, коварная предательница! Зачем ты меня обманула? Говори сей же миг: кто ты?
— Сэр,— она отвечала,— я — Элейна, дочь короля Пелеса.
— Ну, пожалуй,— сказал сэр Ланселот,— я прощу вас.
И с тем он поднял ее с колен, обнял и поцеловал, ибо она была прекрасна собой и к тому же приветлива и молода и рассудительна, как редко какая женщина в те времена.
— Да поможет мне бог,— молвил сэр Ланселот,— я не должен винить в этом тебя, но лишь ту, которая сотворила надо мною это колдовство, надо мною и над тобою. И если только она попадется мне, эта дама Брузена, она лишится головы за свою ворожбу, ибо ни один рыцарь не был так обманут, как я нынешней ночью.
А она тогда сказала:
— Господин мой сэр Ланселот, умоляю вас, навещайте меня, когда только будет к тому у вас возможность, ибо я подчинилась пророчеству, которое открыл мне мой отец. По его велению и во исполнение пророчества я отдала тебе величайшее сокровище и прекраснейший цветок, каким владела, и это — моя девственность, которая больше уже ко мне не вернется. А потому, благородный рыцарь, сохраните ко мне добрые чувства.
И с тем сэр Ланселот надел свои одежды, облачился в доспехи и простился ласково с юной леди Элейной. Затем он пустился в путь и приехал в замок Корбеник [53], где пребывал ее отец.
Она же, когда пришло ее время, родила на свет прекрасное дитя, и его окрестили Галахад. И уж конечно младенца этого растили и воспитывали, как никого больше, а Галахадом его назвали потому, что так был наречен сэр Ланселот у камня, под которым был источник (а потом Владычица Озера переменила ему имя и назвала его сэр Ланселот Озерный [54]).
А после того как леди Элейна разрешилась от бремени и получила очищение в храме, прибыл к ней рыцарь по имени сэр Бромель Плессийский, владетельный барон. Он давно уже любил леди Элейну и настойчиво желал на ней жениться. И она никакими средствами не могла избавиться от его посягательств, пока однажды не сказала она сэру Бромелю так:
— Знайте, сэр рыцарь, что я не полюблю вас, ибо моя любовь отдана лучшему рыцарю мира.
— Кто же это? —спросил сэр Бромель.
— Сэр,— она отвечала,— это сэр Ланселот Озерный, его я люблю и никого больше, а потому не докучайте мне впредь вашими домогательствами.
— Хорошо же! — отвечал сэр Бромель.— Но раз уж вы мне рассказали про сэра Ланселота, вам от него не много будет радости, ибо я убью его, где бы он мне ни повстречался!
— Сэр,— отвечала леди Элейна,— не прибегайте только к коварству и обману, и боже меня упаси просить у вас для него пощады [55].
— Ну, госпожа моя,— сказал сэр Бромель,— с завтрашнего дня я целый год буду караулить его на мосту Корбеник, так что, когда бы он к вам ни собрался, ни на том пути, ни на этом ему не избежать встречи со мною.



КАК СЭР БОРС ПРИБЫЛ К ЛЕДИ ЭЛЕЙНЕ И УВИДЕЛ ГАЛАХАДА И КАК ЕГО НАПИТАЛ СВЯТОЙ ГРААЛЬ ❧ Но случилось так, по воле судьбы, что проезжал по тому мосту сэр Борс Ганский, племянник сэра Ланселота, и был у сэра Борса с сэром Бромелем поединок, и сэр Борс нанес сэру Бромелю по шлему удар такой силы, что выбил его из седла и перебросил через круп его коня.

Но тогда сэр Бромель как мужественный боец вскочил на ноги, обнажил меч и перетянул наперед щит, готовый продолжать бой с сэром Борсом. Тут и сэр Борс спешился и отдал коня, и они стали осыпать один другого градом жестоких ударов. Долго так они бились, но под конец был сэр Бромель повергнут наземь, и сэр Борс принялся было отстегивать его шлем, намереваясь его убить.

И тогда сэр Бромель воскликнул, что он сдается и просит у него пощады.

— Лишь вот на каком условии дарую я тебе жизнь,— сказал ему сэр Борс.

— На будущую Троицу ты должен явиться к господину моему сэру Ланселоту и ему покориться.

— Сэр, я все исполню,— отвечал сэр Бромель.

Он поклялся на перекрестии своего меча, и сэр Борс его отпустил. Сам же он поехал к королю Пелесу, который пребывал в замке Корбеник, и когда король и дочь его Элейна узнали, что он — племянник сэру Ланселоту, они оказали ему сердечный прием.

И сказала леди Элейна:

— Мы очень дивимся, где же сэр Ланселот? Ибо он лишь однажды здесь побывал, и с тех пор я его не видела.

— Госпожа, не удивляйтесь,— отвечал сэр Борс,— ибо он уже полгода томится в темнице у Феи Морганы, сестры короля Артура.

— Увы,— сказала леди Элейна.— Это меня весьма печалит.

А сэр Борс все посматривал на младенца у нее на руках, и видел он, что младенец очень походит на сэра Ланселота.

— Истинно,— сказала ему леди Элейна,— знайте, что это дитя я понесла от сэра Ланселота.

Тут сэр Борс заплакал от радости и помолился господу, чтобы мальчик выказал себя столь же славным рыцарем, как и отец его.

И в это мгновение влетела белая голубица, золотую курильницу в клюве держащая, и оказались на столах всевозможные яства и напитки. И девица явилась, несущая чашу — Святой Грааль,— и молвила во всеуслышанье так:

— Знай же, сэр Борс, что этот младенец, сэр Галахад, займет Погибельное Сидение и достигнет Святого Грааля, и будет он рыцарем, много превосходящим сэра Ланселота, своего родного отца.

Тогда они преклонили колена и вознесли молитвы, и разлился кругом такой аромат, словно все благоухания мира были принесены туда. А когда голубица, облетев залу, выпорхнула, девица со Святым Граалем тоже исчезла, как пришла.

— Сэр,— сказал тогда сэр Борс сэру Пелесу,— этот замок следует назвать Замком Приключений, ибо здесь у нас на глазах произойдет немало дивных дел.

— Это правда,— сказал король,— воистину здешние места могут быть названы краем опасных приключений. Ибо мало кто из рыцарей, сюда попадающих, уезжает отсюда со славой, и как бы могуч ни был рыцарь, здесь найдется ему дело по силам. Вот еще совсем недавно сэр Гавейн, добрый рыцарь, уехал отсюда обесславленный. Ибо, да будет вам ведомо,— сказал король Пелес,— здесь лишь тому достается честь победы, кто сам исполнен чести и живет праведной жизнью, кто любит бога и страшится бога. А иначе никогда не добыть ему славы, будь он хоть как никто мужествен и могуч.

— Это дивно,— сказал сэр Борс,— что говорите вы об этих местах. Здесь должно быть много чудесных приключений. И потому я хочу остаться на сегодняшнюю ночь в этом замке.

— Сэр, не делайте этого,— отвечал король Пелес,— послушайтесь моего совета. Ибо иначе вряд ли вам удастся избежать позора.

— Сэр, я готов встретить любые приключения, какие выпадут на мою долю,— отвечал сэр Борс.

— В таком случае, я вам советую,— сказал король,— очиститься исповедью.

— Что до этого,— сказал сэр Борс,— я с доброй охотою получу отпущение грехов.

И с тем сэр Борс исповедался в своих грехах. Был же сэр Борс передо всеми женщинам целомудрен, кроме одной, и это была дочь короля Брангориса, от нее родил он сына по имени Элин. А не считая ее, был сэр Борс чист и невинен.

И вот отвели сэра Борса на ложе в богатом просторном покое, а вокруг было много закрытых дверей. Увидел сэр Борс такое множество дверей и отослал всех своих людей, ибо он не желал, чтобы с ним кто-нибудь оставался.

Но доспехов сэр Борс снимать не стал, а прямо как был, во всем облачении, улегся сверху на ложе.

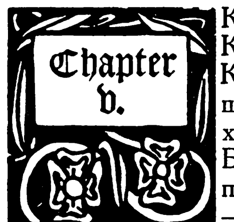
И вот замечает сэр Борс какой-то свет, и в этом свете разглядел он копье, тяжелое и длинное, устремленное острием прямо на него, наконечник же копья, показалось сэру Борсу, горел огнем, словно свеча. Сэр Борс и понять ничего не успел, как уже копье поразило его прямо в плечо, пробило рану в ладонь глубиной и уязвило его столь жестоко, что от боли он упал снова навзничь на ложе.

И тогда вдруг явился перед ним рыцарь со щитом на плече и с мечом в руке, и молвил он сэру Борсу:

— Вставай, сэр рыцарь, и сразись со мною!

— Хоть я и ранен жестоко, но от боя не уклонюсь!

И с тем сэр Борс вскочил, навесил щит свой, и они долгое время жестоко друг с другом рубились; но под конец сэр Борс, наступая, загнал его в угол, где была дверь, и тот рыцарь укрылся за дверью и долго там отдыхал. Передохнувши, он выскочил оттуда со свежими силами и завязал с сэром Борсом новый бой, отчаянный и жестокий.



КАК СЭР БОРС ПРИНУДИЛ СЭРА БЕДИВЕРА ПОКОРИТЬСЯ ЕМУ, И ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ЕГО ПРИКЛЮЧЕНИЯХ, И КАК ОН ВСЕ ИСПОЛНИЛ

Решил тогда сэр Борс, что больше не отпустит его туда отдыхать, и занял позицию между рыцарем и дверью. Так сэру Борсу удалось повергнуть его ниц, и тогда тот рыцарь ему покорился.

— Как ваше имя?— спросил сэр Борс.

— Сэр, мое имя — сэр Бедивер из Низинных Земель.

И сэр Борс заставил его поклясться, что на будущую Троицу он прибудет ко двору короля Артура и объявит себя пленником, побежденным и захваченным рукою сэра Борса.

С тем удалился сэр Бедивер, властелин Низинных Земель. И тогда сэр Борс снова возлег на свое ложе. Но вдруг услышал он сильный шум, и увидел сэр Борс, что невесть откуда — из дверей ли, из окон — летит на него целый дождь стрел и дротиков так густо, что он диву дался, и многие попали в него и поранили его тело в незащищенных местах.

Потом видит вдруг сэр Борс, перед ним очутился ужасный лев. Бросился на льва сэр Борс, лев содрал с плеча у него щит, но сэр Борс успел мечом своим отсечь ему голову.

Тут вдруг видит сэр Борс во дворе замка ужасного и грозного дракона, а на лбу у дракона заметил сэр Борс будто бы надпись золотыми буквами: «Король Артур». И видит он, что выскакивает на того дракона ужасный старый леопард, и начался между ними долгий, яростный бой. Но под конец изрыгнул дракон из пасти своей словно бы еще сотню драконов; и в тот же миг малые драконы умертвили старого дракона и разорвали его на куски.

Дальше вдруг явился к сэру Борсу в залу какой-то старец, уселся в кресло, и увидел сэр Борс, будто у него вокруг шеи обвились две змеи. А старец взял в руки арфу и запел старую балладу об Иосифе Аримафейском и о том, как он прибыл, странствуя, в здешние края. Окончив же пение, старец сказал сэру Борсу, чтобы он отправлялся дальше.

— Ибо здесь вас уже не ждут больше никакие приключения; вы с честью вышли изо всех испытаний сегодняшней ночи, но в дальнейшем достигнете еще большего.

Тут почудилось сэру Борсу, будто влетела к нему голубица, белейшая из всех, каких случалось только ему видеть, и в клюве она держала золотую курильницу. И лишь только она появилась, как улеглась и прошла буря, все время бушевавшая так, что дивно было слышать. И весь двор и замок наполнился сладкими ароматами.

И видит сэр Борс четырех прекрасных отроков, несущих четыре ясных свечи, а с ними — старец, в одной руке держащий чашу, а в другой копье, и название тому копью было: Копье Расплаты.



КАК СЭР БОРС ОТБЫЛ, И КАК СЭРА ЛАНСЕЛОТА УПРЕКАЛА КОРОЛЕВА ГВИНЕВЕРА, И ЧЕМ ОН ОПРАВДАЛСЯ

— Теперь,— молвил старец сэру Борсу,— ступайте к сородичу вашему сэру Ланселоту и поведайте ему об этом приключении, что из смертных рыцарей оно всех более подобает ему, но грех в нем так мерзок, что он не сможет вершить столь святые подвиги; а когда бы не грех его, он превзошел бы всех рыцарей на земле. И скажи так сэру Ланселоту: в мирских подвигах он всех превосходит мужеством своим и доблестью, но в этом подвиге духа он должен будет уступить многим.

Тут увидел сэр Борс идущих к нему четырех благородных женщин, облаченных в бедные одежды. И в том месте, откуда вошли они в залу, было светло, как в лучах летнего солнца. И преклонили женщины колена перед серебряным алтарем на четырех ножках, как епископ преклоняет колена пред серебряным престолом. А когда сэр Борс взглянул наверх, он увидел занесенным над головой у себя обнаженный меч, и сияние того меча поразило его взор, так что сэр Борс на время ослеп.

— Ступай прочь отсюда, сэр Борс, ибо ты покуда еще не достоин пребывать здесь!

И он тогда лег обратно на свое ложе и проспал до утра.

Утром король Пелес встретил сэра Борса радостно, а затем вскоре он отбыл в Камелот. Там нашел он сэра Ланселота и поведал ему о своем приключении у короля Пелеса в замке Корбеник.

Между тем, достигла Артурова двора молва, что у сэра Ланселота родился сын от Элейны, дочери короля Пелеса. За то сильно разгневалась на сэра Ланселота королева Гвиневера, она осыпала его упреками и назвала его неверным рыцарем. Но сэр Ланселот рассказал королеве все, как его обманом завлекли возлечь с той, кто «представилась мне в вашем обличии, моя королева», и тогда королева простила сэра Ланселота.

А король Артур, как повествует Книга, был в это время во Франции, он вел войну против могущественного короля Клаудаса и завоевал немало его владений. Когда же король возвратился домой, он повелел возгласить о предстоящем великом празднестве, на которое надлежало явиться всем лордам и дамам Англии, если только они не злоумышляют против своего короля.



КАК ЛЕДИ ЭЛЕЙНА, МАТЬ ГАЛАХАДА, ПРИБЫЛА С БОЛЬШОЙ ТОРЖЕСТВЕННОСТЬЮ В КАМЕЛОТ, И КАК ВЕЛ СЕБЯ СЭР ЛАНСЕЛОТ

Когда услышала о том празднестве леди Элейна, дочь короля Пелеса, она явилась к отцу своему и просила у него изволения, чтобы ей отправиться к королю Артуру. И король ответил ей так:

— Я согласен на вашу поездку. Но если любите меня и желаете моего благословения, смотрите, нарядитесь в самые драгоценные одежды и не постойте за тратами. Спрашивайте, и вы получите все, что вам понадобится.

И вот с помощью дамы Брузены, ее прислужницы, были проделаны все приготовления, так что не было на свете дамы в убранстве роскошнее. Так выехала она, сопровождаемая двадцатью рыцарями и десятью благородными дамами, и свитой — всего числом на ста лошадях. И когда она прибыла в Камелот, король Артур с королевой Гвиневерой перед всеми рыцарями объявили, что дамы прекраснее и в убранстве роскошнее, нежели леди Элейна, не видывали у них при дворе.

Король Артур, лишь только узнал об ее прибытии, сам встретил ее и приветствовал, а вслед за ним и большинство рыцарей Круглого Стола — и сэр Тристрам, и сэр Блеоберис, и сэр Гавейн, и еще многие, кого я не стану перечислять.

Но когда сэр Ланселот ее увидел, он так застыдился всего, что с ним было и что он занес на нее меч в утро после той ночи, которую провел с нею, что не стал ее приветствовать и не сказал ей ни слова. А между тем он подумал, что прекраснее дамы он в жизни своей не видел.

Но леди Элейна, видя, что сэр Ланселот не желает ей и слова молвить, так опечалилась, что сердце у нее едва не разорвалось от боли, ибо, да будет вам ведомо, она любила его безмерно. И так сказала леди Элейна своей прислужнице даме Брузене:

— Нелюбезность сэра Ланселота сокрушила мое сердце!

— Ах! Утешьтесь, госпожа,— отвечала дама Брузена. — Повремените, и я устрою так, что нынешней ночью он возляжет с вами, если только вы будете молчать.

— Это было бы мне,— сказала леди Элейна,— милее всего золота на этом свете.

— Тогда предоставьте все мне,— сказала дама Брузена.

Когда же леди Элейну проводили к королеве, они обе встретились ласково друг с другом, но лишь по виду, а не в душе. И все, кто там был, говорили о красоте леди Элейны.

И распорядился король, чтобы на ночь леди Элейне отвели покои рядом с королевиными, под одной крышей. Как повелел король, так и было сделано.

Тогда королева послала за сэром Ланселотом и повелела ему прийти ночью к ней в спальню.

— А иначе,— сказала королева,— я уверена, что вы проведете ночь со своей дамой леди Элейной, от которой у вас уже родился Галахад.

— Ах, госпожа! — отвечал сэр Ланселот,— не говорите так, ведь это я сделал против моей воли.

— Тогда,— сказала королева,— смотрите, явитесь ко мне, когда я пошлю за вами.

— Госпожа,— отвечал сэр Ланселот,— я не премину явиться по вашему повелению и буду ждать наготове.

Но едва только было между ними все сговорено и условлено, как уже дама Брузена через хитрые чары свои об том прознала и поведала госпоже своей леди Элейне.

— Увы! — молвила та. — Что мне делать?

— Положитесь на меня,— отвечала дама Брузена,— и я приведу его за руку к самой вашей постели, а он будеть думать, что я послана от королевы Гвиневеры.

— То-то я буду рада,— сказала леди Элейна,— ведь весь мир мне не дороже любви сэра Ланселота.



КАК ДАМА БРУЗЕНА СИЛОЮ ЧАР ПРИВЕЛА СЭРА ЛАНСЕЛОТА НА ЛОЖЕ ЭЛЕЙНЫ, И КАК ЕГО УПРЕКАЛА КОРОЛЕВА ГВИНЕВЕРА ❧ И вот когда настал час и все в замке уснули, дама Брузена подошла к ложу сэра Ланселота и сказала так:

— Сэр Ланселот Озерный, уж не спите ли вы? Госпожа моя королева Гвиневера дожидается вас на своем ложе.

— Ах, любезная дама! — отвечал сэр Ланселот.— Я готов следовать за вами, куда бы вы меня ни повели.

И с тем сэр Ланселот накинул на плечи долгополую ферязь, а в руку взял меч свой. Дама Брузена взяла его за палец и отвела к ложу госпожи своей, леди Элейны, и скрылась, оставив их вдвоем на ложе. И уж конечно, прекрасная Элейна была счастлива, и сэр Ланселот тоже, ведь он думал, что держит в объятьях другую.

Тут мы их оставим среди поцелуев и объятий, обычных в таком деле, и поведем речь о королеве Гвиневере, которая послала к ложу сэра Ланселота одну из своих женщин, какой всех более доверяла. Но та, придя, обнаружила, что постель холодна и пуста; и с тем она вернулась к своей королеве и это ей рассказала.

— Увы! — воскликнула королева.— Куда же делся этот вероломный рыцарь?

И королева едва рассудка не лишилась, она билась и металась у себя на ложе, как безумная, и пять часов не могла уснуть.

А у сэра Ланселота была привычка разговаривать во сне, и он часто произносил сквозь сон имя возлюбленной своей, королевы Гвиневеры. Вот он бодрствовал, сколько ему хотелось, а затем, как обычно, уснул, и леди Элейна тоже. Во сне же начал сэр Ланселот разговаривать и выболтал все, как сорока, про любовь свою и королевы Гвиневеры, и говорил он так громко, что королева услыхала его на своем ложе. Услышавши звук его голоса, разгневалась королева без меры, и от гнева и боли не знала, что делать, а потом закашляла так громко, что сэр Ланселот пробудился. И лишь только он услышал ее кашель, в тот же миг он понял, что лежит с королевой Элейной, и выскочил он из ее постели, как безумный, в одной рубахе и встретился с королевой Гвиневерой посреди залы.

И сказала ему королева так:

— А, коварный ты и вероломный рыцарь! Смотри, не вздумай оставаться более при моем дворе и без промедления покинь мои покои! Да не будь так дерзок, коварный рыцарь-изменник, чтобы еще хоть когда-либо показаться мне на глаза!

— Увы мне! — воскликнул сэр Ланселот.

И он так опечалился ее словам, что прямо, где стоял, без чувств повалился на пол. А королева оттуда удалилась.

Когда же сэр Ланселот пришел в себя, он из верхнего окна выпрыгнул прямо в сад, и шипы и колючки исцарапали ему все лицо и тело, а он бросился бежать куда глаза глядят, обезумевший от своего горя. Он скрывался, блуждая, целых два года, и никто из встречавшихся ему не мог угадать в нем сэра Ланселота.



КАК КОРОЛЕВА ГВИНЕВЕРА ПОВЕЛЕЛА ЛЕДИ ЭЛЕЙНЕ ПОКИНУТЬ КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОМЕШАЛСЯ УМОМ

А теперь мы возвратимся к королеве Гвиневере и прекрасной леди Элейне, — а леди Элейна, узнав про жестокие слова, сказанные королевой сэру Ланселоту, и про то, как он упал без чувств и как затем выпрыгнул из верхнего окна, так сказала королеве Гвиневере:

— Госпожа, вы неправы перед сэром Ланселотом, и вот теперь вы его потеряли, ибо по виду и по речам его я сужу, что он лишился рассудка навеки. Вы же, госпожа, увы! совершили великий грех и сами себя опозорили, ибо у вас есть супруг — король, и ваш долг любить его; ведь на этом свете нет другой королевы, чьим супругом был бы такой король. А я, когда бы не вы, могла бы добиться любви господина моего сэра Ланселота; ведь у меня есть причина любить его: ему отдала я мою девственность и от него родила сына чудесного по имени сэр Галахад. Он же, когда придет его срок, будет первым среди рыцарей мира.

— Вот что, леди Элейна, — сказала ей королева, — как только настанет день, повелеваю вам покинуть мой двор. И если только в самом деле любите вы сэра Ланселота, не разузнавайте, где он скрывается, ибо тогда он погибнет!

— Что до этого,— отвечала леди Элейна,— полагаю, что он и так уже погиб навеки, и это сделали вы! Теперь ни вам, ни мне не видать больше его ласк, ибо когда он выбросился вон из того окна, он так страшно стонал, как не случалось мне слышать, чтобы стонал человек.

— Увы!— сказала прекрасная Элейна.

— Увы! — сказала и королева,— вижу я теперь, что мы потеряли его навсегда!

А наутро леди Элейна собралась и, не медля, отправилась в обратный путь. Король Артур со ста рыцарями поехал провожать ее через лес. И по пути она рассказала сэру Борсу Ганскому обо всем, что и как было минувшей ночью, и как сэр Ланселот выбросился из окна, лишившись от горя рассудка.

— Увы!— воскликнул тут сэр Борс,— где же теперь господин мой сэр Ланселот?

— Сэр,— отвечала леди Элейна,— этого я не знаю.

— Горе вам обеим,— сказал сэр Борс,— вдвоем вы погубили столь славного рыцаря!

— Что до меня, сэр,— отвечала леди Элейна,— я не сделала и не сказала ничего, что могло бы хоть как-то огорчить его. Но я сама видела, как от жестоких слов королевы Гвиневеры он упал без чувств. А очнувшись, схватил свой меч и нагой, в одной лишь рубахе, выбросился из окна с прежалостным стоном, какой когда-либо случалось мне слышать из уст мужчины.

— Прощайте же,— сказал сэр Борс леди Элейне.— Задержите подле себя разговором сколько возможно господина моего короля Артура, а я возвращусь к короле Гвиневере и выскажу ей все ваши упреки. Вас же прошу, если хотите, чтобы я вам служил, будьте бдительны и глядите хорошенько, быть может, вам случится встретить господина моего сэра Ланселота.

— Истинно,— отвечала леди Элейна,— я сделаю все, что могу, ибо я скорее жизнь свою за него отдам, чем допущу его до беды.

— Госпожа,— сказала тут дама Брузена,— пусть сэр Борс отправляется в обратный путь и поспешит приступить к поискам сэра Ланселота, ибо, помните, он совершенно безумен, однако его можно будет спасти, хотя и с помощью чуда.

Тут леди Элейна заплакала, и сэр Борс Ганский заплакал тоже, а затем они расстались. Сэр Борс поскакал прямо к королеве Гвиневере, она же, при виде его, залилась слезами, как безумная.

— Ну, вот, теперь-то вы плачете,— сказал сэр Борс Ганский.— А что толку вам плакать, когда ничего уже невозможно сделать? Увы!— сказал сэр Борс,— зачем только сэр Ланселот увидел вас, и мы, его сородичи, тоже? Ибо теперь вы потеряли лучшего рыцаря в нашем роду, нашего главу и заступника. Смело скажу, и я готов подтвердить это с оружием в руках, что всем королям, и христианским, и языческим, не сыскать второго такого рыцаря, что по благородству, учтивости, что по красоте и по вежеству. Увы! — сказал сэр Борс,— что делать теперь нам, сородичам его?

— Увы! — сказал сэр Эктор Окраинный, и — Увы! — сказал сэр Лионель.



КАК УБИВАЛАСЬ КОРОЛЕВА ГВИНЕВЕРА ПО СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ, И КАК ЕГО РАЗЫСКИВАЛИ РЫЦАРИ ИЗ ЕГО РОДА ❧ Королева же, услышав такие их речи, замертво упала на пол в обмороке. Тогда сэр Борс ее поднял, привел в чувство, и когда она очнулась, то встала на колени перед теми тремя рыцарями, воздела к ним обе руки и стала умолять их найти сэра Ланселота.

— И перед тратами не постойте, лишь бы только он отыскался, ибо я знаю, он сейчас не в своем уме!

С тем сэр Борс, сэр Эктор и сэр Лионель покинули королеву, ибо долее не в силах были видеть ее горя. Королева послала им драгоценностей довольно для расходов, и они, облачившись в доспехи, сели на коней и пустились в путь. Они ездили из края в край, из страны в страну, по лесам, по безлюдным чащобам и равнинам, и всюду, куда ни ехали, они зорко озирались в лесах и расспрашивали встречных, не слыхали, не видали ли человека нагого, в одной рубахе и с мечом в руке.

Так проездили они вдоль и поперек три месяца без малого, но ни разу слова о нем не слыхали, и уж конечно эти трое рыцарей были жестоко опечалены. И вот, наконец, повстречался сэру Борсу с товарищами рыцарь по имени Мелион-Татарин.

— Любезный рыцарь,— сказал сэр Борс,— куда держите вы путь? (Ибо они уже раньше были друг с другом знакомы.)

— Сэр,— отвечал сэр Мелион,— я еду ко двору короля Артура.

— Тогда мы просим вас,— сказал сэр Борс,— передайте от нас господину моему королю Артуру и госпоже моей королеве Гвиневере и всем рыцарям Круглого Стола, что, несмотря на все наши старания, нам не удалось узнать, куда скрылся сэр Ланселот.

И сэр Мелион, простившись с ними, пообещал передать королю с королевой и всем рыцарям Круглого Стола все, что они ему поручили. И когда сэр Мелион прибыл ко двору, он поведал королю и королеве и всем рыцарям, что сэр Борс просил его передать про сэра Ланселота.

Тогда сэр Гавейн, сэр Ивейн, сэр Саграмур Желанный, сэр Агловаль и сэр Персиваль Уэльский, по горячему настоянию короля и в особенности королевы, взяли на себя обыскать всю Англию, Уэльс и Шотландию, дабы только найти сэра Ланселота. Вместе с ними выехали еще восемнадцать рыцарей, и уж конечно у них не было недостатка в средствах на этот поход. Итак, было их всего двадцать три рыцаря.

Мы же вскоре обратимся к сэру Ланселоту и поведем речь о его горе и печали и о тяготах, которые его постигли, ибо холод, голод и жажду испытал он в избытке.

А те благородные рыцари ехали поначалу все вместе, но потом сговорились разъехаться, и они повернули в разные стороны по двое, по трое, и вчетвером, и впятером, согласившись заранее, где и когда они встретятся.

Сэр Агловаль с сэром Персивалем поехали вместе и завернули к матери своей, которая была в те дни королевой. Она, увидев двух своих сыновей, от радости нежной заплакала и сказала так:

— А, сыновья мои милые! Когда отец ваш был убит, он оставил мне четырех сыновей, но двое из вас теперь убиты [56]. После смерти славного сэра Ламорака, моего сына, никогда уже не утешится мое сердце!

И она опустилась на колени перед сэром Агловалем и сэром Персивалем и молила их остаться с нею в отчем доме.

— О, моя ласковая мать,— отвечал сэр Персиваль,— это нам невозможно, ведь мы и с отцовской и с материнской стороны происходим от королевских родов. И потому, матушка, такова наша природа: искать бранных подвигов и благородных приключений.

— Увы! мои любимые сыновья,— сказала тогда она,— ради вас лишусь я последних радостей жизни, а ведь мне уже не под силу терпеть ветер и непогоду теперь, после гибели короля Пелинора, вашего отца, принявшего позорную смерть от руки сэра Гавейна и брата его сэра Гахериса! И ведь они убили его вероломно, а не в честном бою. Увы! милые мои сыновья, горько убиваюсь я из-за гибели вашего отца, а тут еще гибель сэра Ламорака, которому мало было равных среди рыцарей. Вы же, любезные сыновья, помните и не забывайте об этом.

Много было слез и рыданий при дворе, когда подошел им срок отправляться дальше, и королева тут же упала в обморок от горя.



КАК БЫЛ УБИТ СЛУГА СЭРА АГЛОВАЛЯ И КАКИМ ОБРАЗОМ ОТОМСТИЛИ ЗА ЭТО СЭР АГЛОВАЛЬ И СЭР ПЕРСИВАЛЬ ❧ А когда она пришла в себя, то послала им вослед с пажом деньги, чтобы у них не было недостатка. Паж их нагнал, но они не позволили ему ехать с ними, но отослали его назад, чтобы он принес утешение их матери и кротко испросил им ее благословения.

Вот поскакал он обратно, и случилось, что ночь застигла его в пути. По несчастью, он находился как раз поблизости от замка, в котором обитал один барон, и этот барон, когда паж заехал к нему в замок, стал расспрашивать его, кто он, откуда и кому служит.

— Мой господин,— отвечал паж,— я состою на службе у доброго рыцаря по имени сэр Агловаль.

Паж сказал так с добрыми побуждениями, надеясь, что ради сэра Агловаля к нему лучше отнесутся в замке; и еще он сказал, что служит королеве, матери его.

— Что ж, приятель,— сказал тут владелец замка,— ради сэра Агловаля будет тебе оказан здесь дурной прием, ибо сэр Агловаль убил моего брата. И потому в счет расплаты примешь ты смерть!

И с тем барон повелел своим людям увести его и убить. Они повиновались, выволокли его за стены замка и зарезали безо всякой милости. А наутро проезжали там дорогой мимо кладбища сэр Агловаль и сэр Персиваль, и видят они, много мужчин и женщин разглядывают мертвого пажа, которого привезли туда хоронить.

— Что это,— спрашивает сэр Агловаль,— вы там разглядываете?

Тут выступила вперед одна добрая женщина и отвечала:

— Любезный рыцарь, здесь лежит юный паж, коварно убитый нынешней ночью.
— Как же был он убит, матушка? — спросил сэр Агловаль.
— Мой любезный господин,— отвечала женщина,— владелец здешнего замка принял этого пажа нынешней ночью к себе на ночлег. Но за то, что его гость объявил себя пажом одного доброго рыцаря, который служит королю Артуру, а имя ему — сэр Агловаль, за это хозяин распорядился его убить; и вот по этой-то причине он и лежит здесь мертвый.
— Грамерси,— молвил сэр Агловаль,— вы скоро увидите, как смерть его будет отомщена! Ибо я и есть рыцарь, за которого принял смерть этот паж.
Потом сэр Агловаль окликнул сэра Персиваля и велел ему спешиться, не тратя времени. Передали они коней своим людям и пешком поспешили в замок. И лишь только вошли они в ворота, как сэр Агловаль послал привратника его господину сказать: «Здесь я, сэр Агловаль, за которого убили вы нынешней ночью моего пажа!»
И лишь только передал это привратник своему господину,— «Добро ему пожаловать!» — отвечал сэр Годвин. И он тут же облачился в доспехи, вышел во двор и сказал:
— Который из вас сэр Агловаль?
— Вот он я, гляди! Ты за что нынешней ночью убил пажа моей матери?
— Я убил его,— отвечал сэр Годвин,— из-за тебя, ибо ты убил брата моего сэра Годлина.
— Что до твоего брата,— сказал сэр Агловаль,— то, признаюсь, я убил его, ибо он был вероломный рыцарь, предатель дам и добрых рыцарей. Что же до смерти пажа моего,— сказал сэр Агловаль,— то я вызываю тебя за него на поединок!
И с тем они ринулись в бой друг против друга яростно, как львы. А сэр Персиваль бился со всеми остальными его рыцарями, и в недолгий срок сэр Персиваль перебил всех, кто вышел против него, ибо сэр Персиваль наносил удары столь могучие, что никто не в силах был против него устоять.
А через некоторое время и сэр Агловаль поверг сэра Годвина на землю, и тогда он отстегнул ему шлем и отсек ему голову долой. А затем они удалились, снова сели на коней, а мертвого пажа распорядились отнести на монастырский двор и там его предали земле.



КАК СЭР ПЕРСИВАЛЬ ОТЪЕХАЛ ВТАЙНЕ ОТ БРАТА И КАК ОСВОБОДИЛ РЫЦАРЯ, СКОВАННОГО ЦЕПЬЮ, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ

Когда же это было сделано, они снова пустились в путь и объехали много стран в поисках сэра Ланселота. Но нигде не слышали они о нем никаких вестей. Под конец прибыли они в замок, называвшийся Кардихан, и там остановились сэр Персиваль с сэром Агловалем на ночлег. А перед полуночью явился сэр Персиваль тайком к оруженосцу сэра Агловаля и сказал ему:
— Вставай и собирайся в путь, ибо мы с тобой вдвоем тайно отсюда уедем.
— Сэр,— отвечал оруженосец,— я с радостью готов куда угодно следовать

за вами, но ведь если господин мой ваш брат меня настигнет, он меня убьет.
— Что до этого, то ничего не бойся, ибо я буду твоим заступником.
И поехали они с сэром Персивалем, и было уже заполдень, а они все находились в пути, и наконец оказался перед ними каменный мост, а на мосту увидел сэр Персиваль рыцаря, опоясанного железной цепью и прикованного к каменному столбу.
— О, мой любезный рыцарь,— обратился к нему скованный рыцарь,— прошу тебя твоею рыцарской честью, освободи меня от этих пут!
— Сэр, а кто вы такой? — спросил сэр Персиваль,— и за что вас здесь приковали?
— Сэр, я отвечу вам,— сказал тот рыцарь.— Я рыцарь Круглого Стола и зовусь сэр Персид. Случилось мне в странствиях моих заехать в эти края, и здесь я остановился на ночлег в замке, что стоит там за мостом. А в том замке обитает злая дама, и за то, что я отказался быть ее возлюбленным, как она мне предлагала, она выслала против меня своих людей, и они напали на меня врасплох, прежде чем я успел взяться за оружие. И вот они схватили меня и здесь приковали и оставили умирать, если только какой-нибудь честный рыцарь не разобьет мои узы.
— Сэр, воспряньте духом!— молвил сэр Персиваль.— Раз вы, как и я, рыцарь Круглого Стола, я, с помощью божией, разобью эти цепи.
И с тем сэр Персиваль обнажил меч и с такой силой обрушил его на цепь, что разрубил звенья и сэру Персиду рассек кольчугу и слегка его поранил.
— А, Иисусе!— вскричал сэр Персид.— Это был могучий удар, сильнее удара не испытывал я от руки рыцаря! Ведь когда бы не цепь, быть бы мне убитым.
Но тут сэр Персид заметил рыцаря, во весь дух скакавшего к ним из замка.
— Сэр, берегитесь! Вон скачет рыцарь, который пожелает с вами сразиться!
— Пусть скачет!— отвечал сэр Персиваль.
И он встретился с тем рыцарем на средине моста, и нанес ему сэр Персиваль такой удар, что сбросил его с коня прочь и перекинул через край моста, так что не окажись под мостом рыбачьего суденышка, утонул бы тот рыцарь и погиб.
А сэр Персиваль взял его коня, подвел к сэру Персиду и пригласил его сесть верхом. И они поскакали вдвоем к замку и передали его владелице, чтобы она отпустила слуг сэра Персида, а иначе сэр Персиваль перебьет там всех, кто попадется ему под руку. Она испугалась и всех освободила. И вдруг увидел сэр Персиваль в окне башни даму.
— А, госпожа,— обратился к ней сэр Персиваль,— что за порядок и обычай для благородной дамы губить добрых рыцарей, если они отказываются стать ее возлюбленными? Клянусь богом, это постыдный обычай! И не будь у меня сей час другого дела особой важности, я бы положил конец такому вашему коварному обычаю.
После того сэр Персид привез сэра Персиваля к себе в замок и там принимал его с великим радушием.
А наутро, когда сэр Персиваль выслушал обедню и утолил голод, он поручил сэру Персиду отправиться ко двору короля Артура:
— И поведайте королю о том, как повстречались вы со мною, брату же

моему сэру Агловалю расскажите о том, как я вас избавил от смерти. Передайте ему, пусть он меня не ищет, ибо я отправился в странствие на поиски сэра Ланселота Озерного. И как бы ни искал он меня, ему меня не найти. Скажите ему, что я не увижусь с ним и ни с кем при дворе, покуда не разыщу сэра Ланселота. А сэру Кэю-Сенешалю и сэру Мордреду скажите, я уповаю на бога, что добуду себе чести не менее, нежели они, ибо я никогда не забуду, как они надо мной издевались и потешались в тот день, когда я был посвящен в рыцари; и скажите им, что я не увижу Артурова двора, покуда люди не заговорят обо мне еще больше, чем о них.

На том сэр Персид расстался с сэром Персивалем и поехал к королю Артуру. И он рассказал королю про сэра Персиваля. А сэр Агловаль, услыша речи о своем брате Персивале, сказал так:

— Право же,— сказал он,— со мною он расстался не по-доброму.



КАК СЭР ПЕРСИВАЛЬ ПОВСТРЕЧАЛ СЭРА ЭКТОРА, И КАК ОНИ ДОЛГО СРАЖАЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ И ЕДВА НЕ УБИЛИ ОДИН ДРУГОГО

— Сэр,— сказал сэр Персид,— клянусь жизнью, он еще выкажет себя благороднейшим из рыцарей нашего времени.

А когда он увидел сэра Кэя и сэра Мордреда, то сказал им сэр Персид так:

— Любезные лорды, сэр Персиваль шлет вам обоим свой сердечный привет, и он просил меня передать вам, что, милостию божией, он надеется еще до возвращения своего сюда ко двору стать столь же великим, как вы оба, и добыть себе славы, которая превзойдет даже вашу.

— Возможно, что и так,— сказали сэр Кэй и сэр Мордред,— однако тогда, когда получил он посвящение в рыцарство, вовсе не похоже было на то, что из него получится добрый рыцарь.

— Что до этого,— сказал король Артур,— то добрым рыцарем будет он непременно, ибо и отец его и братья — все были рыцари изрядные.

А теперь мы обратимся к сэру Персивалю, который продолжал свое странствие. Повстречался ему в лесу рыцарь в разрубленном шлеме и с иссеченным щитом. Лишь только они друг друга завидели, как сразу же изготовились к бою и вот ринулись друг против друга со всею мощью своих коней и сшиблись с такою силою, что сэр Персиваль был сбит на землю. Вскочил сэр Персиваль проворно на ноги, подтянул щит свой на плечо, обнажил меч и крикнул тому рыцарю, чтобы он спешился и бился с ним до последнего.

— Вот как, сэр, с вас еще не довольно? — говорит тот рыцарь.

И спешившись, он отпустил коня своего, и они сошлись налегке и стали осыпать один другого ударами славных своих мечей. Они рубились сплеча и

кололи острием, и нанесли один другому немало могучих ударов и жестоких ран. Так сражались они чуть не полдня, не дав себе и краткой передышки, и ран у того и другого было не меньше чем по пятнадцати, и оба они так истекали кровью, что дивно было, как могли они еще держаться на ногах. Но противник сэра Персиваля был рыцарь испытанный в боях, и он бился расчетливо, сэр же Персиваль был юн и могуч телом, но не столь искушен в боевых приемах, как тот, другой. И вот заговорил сэр Персиваль первым и сказал:

— Сэр рыцарь, остановись и придержи руку свою на мгновенье, ибо мы уже слишком долго бьемся, а причины нам быть врагами нет. И потому, я прошу тебя, открой мне свое имя, ибо до сего дня не встречал я себе равных в бою.

— Да поможет мне бог,— отвечал рыцарь,— и я до сего дня не встречал рыцаря, который нанес бы мне столь жестокие раны, а ведь я бился во множестве поединков. Знай же, что я рыцарь Круглого Стола и зовут меня сэр Эктор Окраинный, и я брат славному рыцарю сэру Ланселоту Озерному.

— Увы!— молвил сэр Персиваль,— мое же имя — сэр Персиваль Уэльский, и я странствую в поисках сэра Ланселота. Но теперь я вижу, что мне уже не довести до конца моих поисков, ибо вы убили меня своей рукою.

— Ну нет,— сказал сэр Эктор,— это я убит вашей рукою, и в живых мне не быть. И потому прошу вас,— сказал сэр Эктор сэру Персивалю,— гоните как возможно быстро коня своего до ближайшего монастыря и привезите мне священника, дабы успел я причаститься Святых Даров, ибо на этом свете мне уже не жить. Когда же прибудете вы ко двору короля Артура, не говорите брату моему, сэру Ланселоту, что вы меня убили, ибо тогда он станет вам смертельным врагом. Но можете сказать ему просто, что я убит в поединке, когда странствовал в поисках его.

— Увы!— сказал сэр Персиваль,— тому, о чем вы говорите, не бывать, ибо я так обессилел и истек кровью, что уж и на ногах не стою. Разве смогу я сесть на коня!



КАК ОНИ ОБА ЧУДЕСНО ИСЦЕЛИЛИСЬ БЛАГОДАРЯ СВЯЩЕННОМУ СОСУДУ СВЯТОМУ ГРААЛЮ ❧ И тут стали они оба горькс плакать и сокрушаться.

— Так делу не поможешь,— сказал наконец сэр Персиваль. И опустившись на колена, он сотворил благочестиво молитву всемогущему Иисусу, ибо в те времена он был одним из лучших рыцарей мира, в ком истинная вера стояла всего крепче.

В тот же миг прошла перед ними священная чаша — Святой Грааль, и разлились в воздухе ароматы и благоухания, но видеть ясно, как ее пронесли, они не могли. Лишь перед взором сэра Персиваля мелькнул облик девы, несущей чашу, ибо сэр Персиваль был целомудрен и непорочен. И тот час же они оба оказались целы и невредимы, словно ран

их и увечий и не бывало. И с великой кротостью возблагодарили они господа.

— Ах, Иисусе! — молвил сэр Персиваль.— Что это значит? Ведь вот только что мы прощались с жизнью, а теперь исцелены.

— Я знаю отлично,— сказал сэр Эктор,— что это было. Это была священная чаша, несомая девой, а в той чаше — толика крови господа нашего Иисуса Христа. Но видеть ее может лишь тот, кто сам непорочен.

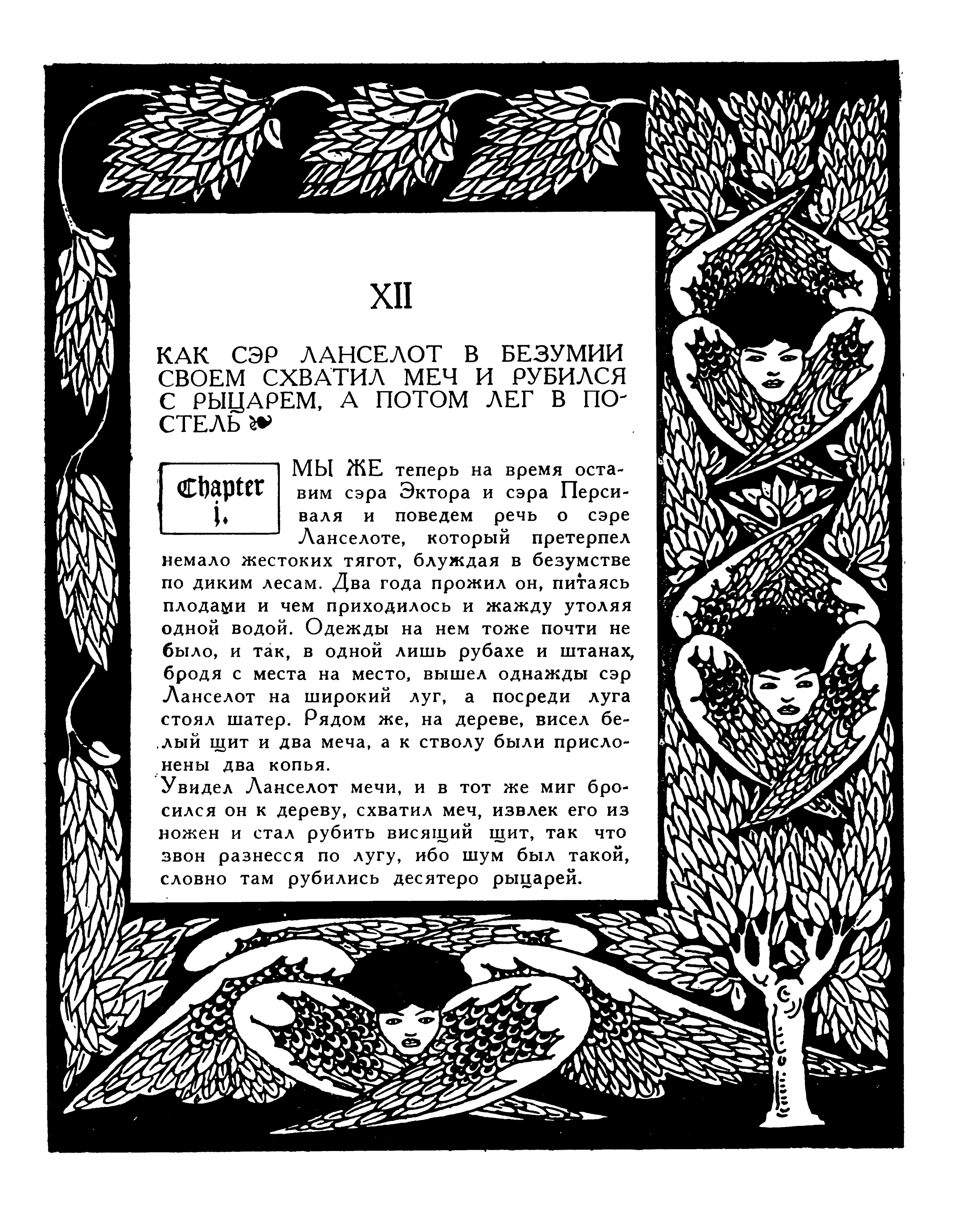
— Да поможет мне бог,— сказал сэр Персиваль,— мне показалось, будто я видел деву всю в белом, а в ладонях ее я разглядел чашу, и в тот же миг я был исцелен.

И с тем подобрали они свои доспехи, как могли, починили, что было порублено, сели на коней и, беседуя, пустились в путь.

В пути же поведал сэр Эктор Окраинный сэру Персивалю, что и он тоже давно разыскивает брата своего сэра Ланселота, но даже и на след его не сумел напасть.

— А ведь я немало испытаний встретил на моем пути!

И они поведали друг другу о своих приключениях.



XII

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ В БЕЗУМИИ СВОЕМ СХВАТИЛ МЕЧ И РУБИЛСЯ С РЫЦАРЕМ, А ПОТОМ ЛЕГ В ПОСТЕЛЬ

Chapter i.

МЫ ЖЕ теперь на время оставим сэра Эктора и сэра Персиваля и поведем речь о сэре Ланселоте, который претерпел немало жестоких тягот, блуждая в безумстве по диким лесам. Два года прожил он, питаясь плодами и чем приходилось и жажду утоляя одной водой. Одежды на нем тоже почти не было, и так, в одной лишь рубахе и штанах, бродя с места на место, вышел однажды сэр Ланселот на широкий луг, а посреди луга стоял шатер. Рядом же, на дереве, висел белый щит и два меча, а к стволу были прислонены два копья.

Увидел Ланселот мечи, и в тот же миг бросился он к дереву, схватил меч, извлек его из ножен и стал рубить висящий щит, так что звон разнесся по лугу, ибо шум был такой, словно там рубились десятеро рыцарей.

Тогда выбежал из шатра карлик, подскочил к сэру Ланселоту и хотел было вырвать у него из руки меч. Но сэр Ланселот схватил его за плечи и швырнул на землю, так что тот едва шею себе не сломал. Закричал тогда карлик, призывая на помощь.

Тут вышел из шатра статный рыцарь, облаченный в богатый алый плащ[57] с меховой опушкой. Лишь только взглянул он на сэра Ланселота, как сразу же понял, что тот не в своем уме. И он обратился к нему с учтивой речью:

— Добрый человек, положи мой меч. Ибо сдается мне, что ты нуждаешься в сне и в теплой одежде, а не в том, чтобы размахивать оружием.

— Что до этого,— отозвался сэр Ланселот,— то лучше ты ко мне не приближайся, ибо знай, что иначе я тебя зарублю.

Видя это, рыцарь отступил в свой шатер, там карлик помог ему проворно облачиться в доспехи, ибо рыцарь решил силою отнять у сэра Ланселота свой меч. Вот стал он на него наступать, но когда сэр Ланселот увидел его облаченным в доспехи и с мечом в руке, он устремился ему навстречу с таким пылом и ударил его мечом по шлему так сильно, что у того от удара в мозгу помутилось, меч же в руке сэра Ланселота раскололся натрое. Упал рыцарь наземь замертво, а изо рта, из ушей и из носа хлынула у него кровь.

А сэр Ланселот вбежал в его шатер и бросился сразбегу прямо в теплую постель.

А там в постели лежала дама, она схватила свое платье и выскочила вон из шатра. И увидев возлюбленного своего лежащим замертво, стала она плакать и рыдать, как безумная. Но при звуках ее плача рыцарь очнулся и пришел в себя и с трудом поднял на нее глаза.

Он спросил ее, куда девался тот безумец, что нанес ему столь могучий удар.

— Ибо такого удара за всю жизнь не получал я от руки рыцаря!

— Сэр,— отвечал ему карлик,— вам не будет чести обидеть его, ибо ясно, что он безумен. Но, не сомневайтесь, в свое время он был из достойнейших мужей, да, видно, какое-то приключилось с ним горе и свело его с ума.

Сдается мне,— сказал карлик,— что в нем большое сходство с сэром Ланселотом, которого я видел на турнире в Лонезепе.

— Упаси Иисусе,— сказал рыцарь,— чтобы такой славный рыцарь, как сэр Ланселот, оказался в столь тяжкой беде! Но кто бы он ни был,— сказал рыцарь,— вреда я ему не причиню.

Имя же того рыцаря было сэр Блиант, и сказал он тогда своему карлику так:

— Садись на коня и скачи побыстрее к моему брату сэру Селиванту в Белый замок, расскажи ему о моем приключении и проси, чтобы он доставил сюда конную повозку. И тогда мы отвезем этого рыцаря в мой замок.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ БЫЛ УВЕЗЕН В КОННОЙ ПОВОЗКЕ, И КАК ОН ПОТОМ СПАС СВОЕГО ХОЗЯИНА СЭРА БЛИАНТА ❧

Карлик поскакал во весь опор и вскоре возвратился вместе с сэром Селивантом, с шестью слугами и повозкой. Они подняли пуховую постель прямо с сэром Ланселотом и отвезли все в Белый замок, и сэр Ланселот так и не проснулся, покуда не очутился в стенах замка. А они успели связать его по рукам и по ногам и кормили его добрыми яствами, поили крепкими напитками, так что под конец вернулись к нему его сила и его прекрасный облик. Но рассудок ему возвратить они не смогли, он оставался безумен и себя не помнил. И пробыл там сэр Ланселот целых полтора года, в чести и в достатке.

Но вот однажды владелец замка сэр Блиант снарядился в дорогу, сел на коня, держа копье в руке, и отправился на поиски приключений. Ехал он по лесу, и повстречались ему два странствующих рыцаря: один был сэр Брюс Безжалостный, а другой — его брат, сэр Бартелот. Они оба бросились вдвоем на сэра Блианта и поломали об него свои копья. Тогда они обнажили мечи и затеяли против него яростный бой, и долго они так бились. Но под конец сэр Блиант был жестоко изранен, почувствовал, что силы ему изменяют, и, обратившись в бегство, поскакал назад к себе в замок.

А сэр Ланселот в это время глядел из окна, и он видел, как они все трое подскакали к стенам замка и как те двое набросились на сэра Блианта, размахивая мечами. И при виде этого, как ни безумен был сэр Ланселот, все же он пожалел своего хозяина сэра Блианта. Одним усилием он разорвал цепи у себя на ногах и на руках, жестоко поранив при этом себе запястья; а затем выбежал сэр Ланселот через задние ворота и встретил тех двоих рыцарей, что преследовали сэра Блианта. Он голыми руками стянул с коня сэра Бартелота, вырвал у него из ножен меч, с мечом тем ринулся на сэра Брюса и нанес ему по голове столь могучий удар, что тот опрокинулся навзничь и перелетел через круп своего коня.

Сэр же Бартелот, увидев, какой удар был нанесен его брату, зажал в руке копье и хотел уже проколоть им сэра Ланселота насквозь. Но это заметил сэр Блиант, и он ударил сэра Бартелота по руке. Тогда сэр Брюс и сэр Бартелот вскочили снова на своих коней и, сколько было в конях духу, пустились прочь.

И вот, когда явился туда сэр Селивант и увидел, что сделал сэр Ланселот для его брата, он тогда возблагодарил бога и брат его тоже, что в свое время они обошлись с сэром Ланселотом добром. Но когда сэр Блиант увидел, что, разрывая цепи, сэр Ланселот поранил себе запястья, он тогда раскаялся, что держал его закованным.

— Прошу тебя, брат мой сэр Селивант, не накладывай на него более цепей, ибо он учтив и всем доволен.

И было у них по этому случаю великое веселие, и после того сэр Ланселот провел у них еще полгода с лишком.
Вот однажды утром увидел вдруг сэр Ланселот: несется огромный вепрь, а за ним гонятся собаки, но вепрь тот был столь могуч, что собакам не под силу было его задержать. Следом явились охотники, трубя в рога, иные верхами, иные же пеши, и вот видит сэр Ланселот, как один из всадников спешился, привязал коня к дереву и прислонил к стволу свое копье.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ЗАРУБИЛ КАБАНА, А САМ БЫЛ РАНЕН И ПРИНЕСЕН В ОБИТЕЛЬ ОТШЕЛЬНИКА ❧ Тогда сэр Ланселот приблизился туда, отвязал коня, нашел и добрый меч, приторочейный к седельной луке, вскочил в седло, подхватил копье с земли и пустился вскачь вслед за вепрем.
Вот видит он его — тот сидит прижавшись задом к скале, неподалеку от отшельничьей обители. Ринулся сэр Ланселот на вепря с копьем в руке, и копье его сломалось вдребезги. А вепрь тут повернулся проворно и вырвал у лошади легкие и сердце, так что сэр Ланселот оказался на земле; и прежде чем он успел высвободить ноги из стремян, вепрь разодрал ему мякоть бедра до самой кости. Разъярился тут сэр Ланселот, вскочил на ноги, выхватил меч из ножен и одним ударом отсек вепрю голову долой.
Между тем вышел из хижины отшельник и увидел сэра Ланселота с зияющей раной на бедре. Пожалел он его и хотел было устроить в своей обители. Но сэр Ланселот при звуках его голоса, разъяренный своей раной, ринулся на отшельника с мечом и хотел его зарубить. Бросился отшельник от него бежать, и тогда сэр Ланселот, не в силах догнать его, ибо так жестоко истек он кровью, швырнул ему вслед свой меч.
Отшельник снова к нему подошел и спросил сэра Ланселота, каким образом получил он эту рану.
— А, приятель,— отвечал сэр Ланселот,— это вепрь покусал меня так сильно.
— Тогда ступайте за мной,— сказал отшельник,— и я вас исцелю.
— Иди, друг, своей дорогою,— отвечал сэр Ланселот,— и не трогай меня.
Отшельник ушел прочь, и повстречался ему добрый рыцарь с большой дружиной.
— Сэр,— обратился к нему отшельник,— там, вблизи моей обители, лежит человек, собою прекраснейший из всех, кого случалось мне в жизни видеть. Он жестоко ранен вепрем, которого он успел убить. Но я-то знаю,— сказал добрый старец,— что, если не оказать ему помощи, он умрет от своей раны, а это будет великой жалости достойно.
И по просьбе отшельника рыцарь привел туда телегу, в нее положили и вепря, и сэра Ланселота, ибо он уже так обессилел, что с ним можно было делать, что угодно. Сэра Ланселота доставили в обитель отшельника, и там

отшельник залечил его рану. Но отшельнику негде было добывать ему пропитание, и он совсем исчах и ослабел и телом, и духом; ибо от недостатка пищи он сделался еще безумнее, чем был прежде.

И вот однажды сэр Ланселот убежал из той обители и снова стал блуждать по лесу. И счастливый случай привел его в город Корбеник, где жила леди Элейна, родившая Галахада, Ланселотова сына. Вот вошел сэр Ланселот в город и пробежал его насквозь туда, где стоял замок; а все мальчишки в городе бежали вслед за сэром Ланселотом, бросали в него землей и били его. Сэр же Ланселот кого успевал схватить, того отшвыривал от себя с такой силой, что второй раз они ему уже не попадались, ибо он многим переломал руки и ноги.

Так добежал он до ворот замка, а оттуда вышли рыцари и пажи и укрыли сэра Ланселота от преследователей. Разглядев же его и видя, каков он собой, нашли, что мужа столь прекрасного не приходилось им видеть. А когда они заметили рубцы от ран, покрывавшие во множестве его тело, то решили, что, верно, был он прежде доблестным рыцарем. Они принесли ему одежду прикрыть его могучее тело и постелили у ворот замка соломы ему на подстилку, и туда каждый день ему бросали пищу и ставили питье, но мало кто из них решался приносить и отдавать ему пищу прямо в руки.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ БЫЛ УЗНАН ЛЕДИ ЭЛЕЙНОЙ, ПЕРЕНЕСЕН В ПОКОИ И ИСЦЕЛЕН СВЯТЫМ ГРААЛЕМ ❧ А у короля Пелеса был племянник по имени Кастор, и он просил короля, чтобы король посвятил его в рыцари. И по его просьбе король на праздник Сретенья Господня произвел его в рыцари.

В день своего посвящения сэр Кастор раздавал людям дорогие одежды. И послал он за местным дураком, каковым у них почитался сэр Ланселот, и когда он явился перед сэром Кастором, сэр Кастор пожаловал ему алый плащ и все прочее, что к нему принадлежало. И когда сэр Ланселот предстал перед ними в рыцарском облачении, они увидели, что он всех прекраснее при дворе и всех превосходит статностью и красотою.

Он пробыл с ними недолго, а затем вышел в сад, лег у ручья и уснул. А после полудня вышли в сад леди Элейна и ее девушки играть и резвиться, и одна из девушек, блуждая по саду, заметила у ручья прекрасного спящего рыцаря.

— Молчите,— молвила ей леди Элейна,— ни слова больше, покажите мне только, где он лежит.

И она привела леди Элейну к ручью, где он спал. Та лишь только на него взглянула, тут же вспомнила его и узнала в нем сэра Ланселота. И тогда она так заплакала и зарыдала, что обессилела от слез и опустилась на землю. Долго она так плакала, а затем поднялась, подозвала своих девушек и сказала им, что внезапно занемогла. А сама поспешила вон из сада и прямо бросилась к отцу. Она отвела его в сторону и сказала ему так:

— Ах, мой милый отец! вот теперь мне пришла нужда в вашей помощи, и если теперь вы мне не поможете, то навеки прощай все мое счастье!
— О чем вы, дочь моя? — спросил король Пелес.
— В вашем саду, куда я вышла прогуляться, у ручья я нашла спящего сэра Ланселота Озерного.
— Быть того не может! — удивился король Пелес.
— Истинно, сэр, он там! — отвечала она.— И сдается мне, он все еще не в своем уме.
— Тогда погодите,— сказал король,— и предоставьте все мне.
И король позвал с собой самых доверенных людей — четверых своих приближенных, дочь свою леди Элейну и даму Брузену, ее служанку. И когда они подошли к ручью и увидели сэра Ланселота, дама Брузена сказала королю так:
— Надобно нам быть очень осторожными в обращении с этим спящим рыцарем, ведь он безумен, и если мы разбудим его неловко,— что он тогда сделает, никто из нас знать не может. И потому, повремените немного, покуда я наведу на него чары, чтобы он еще час спал, не пробуждаясь.
Так она и сделала, и тогда король распорядился, чтобы все разошлись и скрылись с глаз, дабы никого не было на пути короля. А затем четверо его приближенных и две дамы подняли за руки и за ноги сэра Ланселота и отнесли его в башню и уложили в том самом покое, где хранилась священная чаша Святой Грааль. Положили сэра Ланселота перед той священной чашей. И вошел туда святой человек, снял с нее покров, и тогда чудесной силою той святой чаши сэр Ланселот был исцелен.
Вскоре сэр Ланселот пробудился и стал громко стенать и вздыхать, ибо его мучила боль от полученных ран и ушибов.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ, КОГДА ИСЦЕЛИЛСЯ И К НЕМУ ВЕРНУЛСЯ РАССУДОК, КАК ОН УСТЫДИЛСЯ, И КАК ЛЕДИ ЭЛЕЙНА ИСПРОСИЛА ДЛЯ НЕГО ЗАМОК

Когда же он увидел короля Пелеса и леди Элейну, то, охваченный стыдом и раскаянием, стал их спрашивать:
—А, господи Иисусе! как очутился я здесь? Во имя бога, мой любезный господин, откройте мне, как я сюда попал?
— Сэр,— отвечала ему леди Элейна,— в наши края вы забрели в безумии, потерявши рассудок. И здесь вас держали как шута, и ни одна живая душа не знала, кто вы, пока, волею счастливого случая, одна из моих девушек не показала мне вас спящего у ручья. А я лишь только увидела вас, как тотчас же вас узнала. Я рассказала про вас моему отцу, и вас положили перед священной чашей, и ее волшебная сила вас исцелила.
— Ах, помилуй Иисусе! — воскликнул сэр Ланселот.— Если это правда, то сколько же людей должны знать здесь о моем безумии?

— Да поможет мне бог,— отвечала леди Элейна,— об этом знает лишь отец мой да я и дама Брузена.

— Тогда, ради Иисуса,— сказал сэр Ланселот,— храните это в тайне и не открывайте ее никому на свете! Ибо мне стыдно от души, что со мной произошло такое,— ведь я изгнан из пределов Английского королевства.

И пролежал там сэр Ланселот еще более двух недель, прежде чем в силах оказался подняться на ноги. Но вот однажды обратился он к леди Элейне с такими словами:

— Прекрасная леди Элейна, из-за вас постигло меня много бед и мучений, нет нужды перечислять их, вы сами это знаете. Однако я отлично помню, как оскорбил вас, поднявши на вас меч и чуть не убив вас после той ночи, которую я провел с вами. Всему причина была та, что вы и дама Брузена устроили так, что я против моей воли возлежал с вами. Тогда-то и был зачат, как вы говорите, ваш сын, сэр Галахад.

— Это правда,— сказала леди Элейна.

— Тогда не согласитесь ли вы, ради меня,— сказал сэр Ланселот,— пойти к вашему отцу и испросить у него для меня место, где мне поселиться? Ибо ко двору короля Артура вернуться мне нельзя.

— Сэр,— отвечала леди Элейна,— ради вас я готова жить с вами и умереть, и если от жизни моей вам не будет проку, а будет прок от моей смерти, знайте, что я всегда готова ради вас умереть. Я пойду к моему отцу, и я твердо знаю: что бы я у него ни испросила, он все исполнит И где бы вы ни жили, господин мой сэр Ланселот, я неизменно буду подле вас, дабы услужать вам, сколько это в моих силах.

С тем она явилась к отцу своему и сказала:

— Государь, господин мой сэр Ланселот желает жить здесь у вас в каком-нибудь из ваших замков.

— Что ж, дочь моя,— отвечал король,— поскольку его желание — поселиться в наших краях, пусть он возьмет себе замок Блиант, и вы там живите вместе с ним. И возьмите с собою двадцать прекраснейших юных дам из благороднейших родов нашей страны и двадцать рыцарей. Ибо знайте, дочь моя, что мы все высоко ценим честь родства с сэром Ланселотом.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИБЫЛ НА ОСТРОВ РАДОСТИ И ТАМ НАЗВАЛСЯ КАВАЛЕР МАЛЬФЕТ ❧ Вернулась леди Элейна к сэру Ланселоту и поведала ему о распоряжениях своего отца.

Между тем прибыл ко двору рыцарь по имени сэр Кастор, племянник короля Пелеса, явился к сэру Ланселоту и спросил у него, как его имя.

— Сэр,— отвечал сэр Ланселот,— мое имя — Кавалер Мальфет, что означает: «Рыцарь, свершивший проступок».

— Сэр,— сказал сэр Кастор,— возможно, что и так, но мне все же сдается, что ваше имя

должно быть сэр Ланселот Озерный, ибо я, помнится, встречал вас и прежде.
— Сэр,— сказал сэр Ланселот,— вы не учтивы, ибо пусть даже мое имя и сэр Ланселот, но я предпочел не открывать его, а вам-то что за горе сохранить мой секрет, ведь вам от того вреда не будет? Но знайте, если только я в силах буду, я еще покараю вас, попадитесь вы мне только на пути!
Тут сэр Кастор упал на колени и стал молить сэра Ланселота о прощении:
— Ибо, клянусь, я никому не обмолвлюсь о том, кто вы, покуда вы останетесь в наших краях.
И тогда сэр Ланселот его простил. И вот отправились король Пелес с двадцатью рыцарями и леди Элейна с двадцатью дамами в замок Блиант, который стоял на острове, окруженном со всех сторон чистыми водами глубокой и широкой реки. Когда же они прибыли туда, сэр Ланселот дал тому острову название остров Радости. Его же самого там все звали не иначе, как Кавалер Мальфет, то есть «Рыцарь, свершивший проступок».
Сэр Ланселот заказал себе щит, весь черненный, посредине серебряная фигура королевы в короне и коленопреклоненный рыцарь во всеоружии перед нею. И каждый день, неизменно, как бы ни развлекали, ни веселили его дамы, он в один и тот же час обращал взор в сторону Логрского королевства, где оставались король Артур и королева Гвиневера, и принимался плакать так горестно, словно сердце у него того и гляди разорвется.
И вот однажды как-то прослышал сэр Ланселот о турнире, что должен был состояться неподалеку, в трех милях от их замка. Призвал он к себе карлика и приказал ему отправиться на турнир.
— И прежде чем рыцари разъедутся, смотри, успей возгласить, так чтобы всем было слышно, что на острове Радости, где стоит замок Блиант, живет рыцарь, который зовется Кавалер Мальфет, и этот рыцарь готов сразиться со всяким, кто бы ни пожелал к нему приехать. И тот, кто его одолеет, получит в награду красавицу девицу и ловчего сокола.



О БОЛЬШОМ ТУРНИРЕ НА ОСТРОВЕ РАДОСТИ, И КАК ТУДА ПРИБЫЛИ СЭР ПЕРСИВАЛЬ И СЭР ЭКТОР, И КАК СЭР ПЕРСИВАЛЬ С НИМ СРАЖАЛСЯ ❧ И вот, когда провозглашен был этот вызов, устремились на остров Радости рыцари числом в пять сотен. И знайте, что ни один рыцарь в Артуровы времена не совершил столько бранных подвигов, сколько сэр Ланселот за те три дня. Ибо, как правдиво упоминается в Книге, он одолел всех пятьсот рыцарей, но ни одного из них не лишил жизни. А потом сэр Ланселот им задал великий пир.
Тем временем подъехали к замку, что стоял на острове Радости, сэр Персиваль Уэльский и сэр Эктор Окраинный. И увидев тот веселый за-

мок, пожелали они попасть внутрь, но это им не позволяла окружавшая стены вода, а моста они сыскать не могли. И вдруг видят они на том берегу даму с ястребом на ладони, и тогда сэр Персиваль ее окликнул и спросил, кто живет в этом замке.

— Любезные рыцари,— она отвечала,— в этом замке находится дама — первая красавица здешних мест, имя же ее — леди Элейна. И еще в этом замке у нас один из прекраснейших рыцарей и самый сильный, я полагаю человек на свете, и он зовет себя Кавалер Мальфет.

— А как попал он в здешние края? — спросил сэр Персиваль.

— Правду сказать,— отвечала дама,— он прибыл в наши места безумцем, собаки и мальчишки гнались за ним через весь город Корбеник, но священной силою чаши Святого Грааля ему был возвращен рассудок. Он ни с одним рыцарем не вступает в поединок в иное время, как только утром или в полдень. Если же вы хотите попасть в этот замок,— сказала дама,— скачите на тот конец, и там вы найдете лодку, которая переправит вас вместе с конями.

Они с ней простились и вскоре нашли лодку; сэр Персиваль тут спешился и сказал сэру Эктору Окраинному:

— Дожидайтесь меня здесь, покуда я не проведаю, что он за рыцарь. Ведь нам не к чести будет, если он один, а мы против него выступим оба.

— Как вам будет угодно,— отвечал сэр Эктор,— я останусь здесь, покуда не получу от вас вестей.

Сэр Персиваль переправился на тот берег и, подъехав к воротам замка, сказал привратнику так:

— Ступай к доброму рыцарю, что живет в этом замке, и скажи ему, что странствующий рыцарь вызывает его на поединок.

Привратник ушел и вскоре возвратился и пригласил его въехать на обычное место, где проводятся поединки, и где дамы и лорды смогут их видеть. Скоро сэр Ланселот дал знать, что он готов к бою, и они с сэром Персивалем поскакали навстречу друг другу. Они сшиблись с такой силой и удары их копий были столь сокрушительны, что они оба, и кони и всадники, оказались повергнуты наземь. Тут же высвободили они ноги из стремян, выхватили из ножен благородные свои мечи и ринулись один на другого, как два вепря. Они наносили друг другу жестокие раны, и вот, наконец, когда они уже бились более двух часов, сэр Персиваль заговорил первым и сказал так:

— Любезный рыцарь, прошу вас вашей рыцарской честью, откройте мне ваше имя, ибо я не встречал рыцарей, вам равных.

— Сэр, что до имени моего,— отвечал сэр Ланселот,— то я скрывать его от вас не буду: меня зовут Кавалер Мальфет. А теперь,— сказал сэр Ланселот,— назовите и вы мне свое имя.

— Истинно,— отвечал сэр Персиваль,— мое имя — сэр Персиваль Уэльский, я был братом сэру Ламораку Уэльскому, а отец наш был король Пелинор, и сэр Агловаль мне брат.

— Увы! — молвил сэр Ланселот,— что я сделал! Зачем бился с вами, с рыцарем Круглого Стола? Ведь и я некогда состоял в вашем братстве!



КАК ОНИ УЗНАЛИ ДРУГ ДРУГА, И ОБ ИХ ВЕЖЕСТВЕ, И КАК ЕГО БРАТ СЭР ЭКТОР ПОДОШЕЛ К НЕМУ, И ОБ ИХ ВЕСЕЛЬЕ ❧ И с тем сэр Ланселот преклонил колена и отбросил меч свой и щит от себя прочь. Сэр же Персиваль при виде этого весьма удивился и сказал ему так:

— Сэр рыцарь, кто бы вы ни были, я требую от вас, именем высокого Ордена Рыцарства, чтобы вы назвали мне ваше истинное имя!

И тогда тот ответил ему:

— Да поможет мне бог, мое имя — сэр Ланселот Озерный, сын короля Бана Бенвикского.

— Увы! — воскликнул тут сэр Персиваль.— О, что же я сделал? Ведь я послан королевой разыскивать вас, и вот уже два почти года ищу вас повсюду. А на том берегу дожидается меня сэр Эктор Окраинный, ваш брат. И потому, ради господа,— сказал сэр Персиваль,— простите мне обиды, вам ныне мною причиненные!

— Сэр, вы уже прощены,— отвечал сэр Ланселот.

Тогда сэр Персиваль послал за сэром Эктором Окраинным, и лишь только сэр Ланселот его завидел, он бросился ему навстречу и заключил его в свои обьятья. А потом сэр Эктор упал перед ним на колени, и они оба так плакали, что людям жалко было на них смотреть. Между тем, вышла к ним леди Элейна. Она оказала им прием, которого радушнее невозможно вообразить, и поведала сэру Эктору и сэру Персивалю, как все дело было, как сэр Ланселот забрел, блуждая, в те края и как он был исцелен. Тогда-то и стало известно, сколько времени провел сэр Ланселот у сэра Блианта и сэра Селиванта, при каких обстоятельствах он с ними повстречался и как расстался с ними, раненный вепрем, и как отшельник залечил его страшную рану, и как он, в конце концов, попал в город Корбеник.



КАК СЭР БОРС И СЭР ЛИОНЕЛЬ ПРИБЫЛИ К КОРОЛЮ БРАНГОРИСУ, И КАК СЭР БОРС ВЗЯЛ СВОЕГО СЫНА ЭЛИНА БЕЛОГО, И О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ ❧ А теперь мы оставим сэра Ланселота на Острове Радости с его дамой леди Элейной и в веселом обществе сэра Персиваля и сэра Эктора и обратимся к сэру Борсу Ганскому и к сэру Лионелю, которые без малого два года искали повсюду сэра Ланселота, но нигде и следов его не могли сыскать. Странствуя так, по воле случая выехали они к замку короля Брангориса, а там хорошо знали сэра Борса, ибо пятнадцать лет назад королевская дочь родила от него сына, которому имя было Элин Белый. Когда сэр

Борс увидел этого отрока, тот сразу же пришелся ему по душе. Король же Брангорис принял обоих рыцарей с великим радушием.

Вот на утро пришел сэр Борс к королю Брангорису и говорит:

— У вас растет мой сын Элин Белый, и раз уж это так, то, да будет вам ведомо, что я намереваюсь взять его с собою ко двору короля Артура.

— Сэр,— отвечал король,— вы можете, разумеется, взять его с собою, но ведь он еще в нежном возрасте.

— Что до этого,— сказал сэр Борс,— то я все же возьму его с собою в дом доблести и славы.

И вот, когда сэр Борс собрался в путь, сильно горевали все в замке, оплакивая предстоящий отъезд Элина Белого. Но под конец они все же уехали и в недолгом времени прибыли в Камелот, где находился король Артур. И когда король Артур узнал, что Элин Белый — сын сэра Борса и внук королю Брангорису, он произвел его в рыцари Круглого Стола. И впоследствии он выказал себя добрым рыцарем и охотником до приключений.

А теперь мы возвратимся к нашей повести про сэра Ланселота.

Однажды сэр Эктор и сэр Персиваль явились к сэру Ланселоту и стали спрашивать, что он намеревается делать дальше и не поедет ли он вместе с ними к королю Артуру.

— Нет,— отвечал сэр Ланселот,— это сделать мне никак невозможно, ибо я был с таким позором изгнан от его двора, что решил никогда более туда не являться.

— Сэр,— сказал сэр Эктор,— я вам родной брат и я люблю вас больше всех на свете. И уж конечно, если бы я видел, что это вам позорно, я никогда бы не посоветовал вам такое. Но король Артур и все его рыцари и королева Гвиневера в особенности так скорбят и убиваются по вас, что дивно это видеть и слышать. Не забывайте о вашей прежней славе, ведь вы — самый знаменитый из ныне живущих рыцарей. Двое вас только таких на свете: вы и сэр Тристрам. И потому, брат мой,— сказал сэр Эктор,— снаряжайтесь в дорогу и едемте ко двору вместе с нами. Я думаю и берусь подтвердить,— сказал сэр Эктор,— что госпоже моей королеве розыски ваши обошлись в двадцать тысяч фунтов [58].

—Хорошо, брат мой,— молвил сэр Ланселот,— я поступлю по вашему совету и поеду вместе с вами.

И с тем они взяли своих коней, снарядились в путь и простились с королем Пелесом и леди Элейной. Леди же Элейна, расставаясь с сэром Ланселотом, жестоко сокрушалась.

— Господин мой сэр Ланселот,— сказала она,— в этом году на праздник Пятидесятницы ваш и мой сын Галахад будет посвящен в рыцари, ибо ему сравняется полных пятнадцать лет.

— Госпожа моя, поступайте по своему усмотрению,— сказал сэр Ланселот.— И дай ему бог выказать себя добрым рыцарем.

— Что до этого,— молвила леди Элейна,— то я не сомневаюсь, что он окажется лучшим рыцарем в своем роду за одним исключением.

— Ну, что ж, и то будет неплохо,— отвечал ей сэр Ланселот.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ С СЭРОМ ПЕРСИВАЛЕМ И СЭРОМ ЭКТОРОМ ПРИБЫЛИ КО ДВОРУ, И КАК ВСЕ ЕМУ ВЕСЬМА ОБРАДОВАЛИСЬ ❧ И с тем они тронулись в путь и через две недели прибыли в Камелот, что зовется по-английски Винчестер. И когда сэр Ланселот оказался среди них, король и все рыцари от души были рады его возвращению.

И поведали там сэр Персиваль и сэр Эктор Окраинный от самого начала все приключения: как сэр Ланселот был безумен почти во все время своего отсутствия и как он назвал себя Кавалер Мальфет, что значит: «Рыцарь, свершивший проступок», и как за три дня на Острове Радости сэр Ланселот поверг пять сотен рыцарей.

И все время, пока сэр Эктор и сэр Персиваль вели свои речи, плакала королева Гвиневера так, что, казалось, она умирает. И она рада была сэру Ланселоту безмерно.

— А, Иисусе! — сказал ему король Артур,— мы диву даемся, что могло вас, сэр Ланселот, свести с ума? Я и многие другие полагаем, что это случилось от любви к прекрасной Элейне, дочери короля Пелеса, от которой, как гласит молва, у вас родился сын по имени Галахад. И говорят, что ему предстоит свершить много чудесных подвигов.

— Государь мой,— отвечал сэр Ланселот,— быть может, я и поступал неразумно, но теперь я нашел, что искал.

И больше король не сказал об том ни слова. Но все сородичи сэра Ланселота знали, из-за кого на самом деле он впал в безумие.

И задали при дворе веселый пир, и было меж ними много радости и веселья. Все лорды и дамы радовались от души, когда узнали, что сэр Ланселот снова возвратился ко двору. А теперь мы оставим это и поведем речь о сэре Тристраме и о сэре Паломиде — некрещенном сарацине.



КАК ПРЕКРАСНАЯ ИЗОЛЬДА СОВЕТОВАЛА СЭРУ ТРИСТРАМУ ОТПРАВИТЬСЯ КО ДВОРУ НА ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ ❧ Когда сэр Тристрам возвратился из странствий к себе в замок Веселой Стражи — а все это время, что сэр Ланселот пропадал, эти два года с лишком, сэр Тристрам разъезжал по всему королевству Логрскому, а молва и слава о нем распространялась еще шире, и много чудесных приключений было с ним в пути, и он всякий раз выходил из них с честью и с победой,— и вот, когда он возвратился, Прекрасная Изольда рассказала ему о том, что на день Пятидесятницы назначено большое празднество.

И еще она рассказала ему о том, как сэр Ланселот пропадал два года и как он все это время был безумен и как он был наконец исцелен священной чашей Граалем.

— Увы! — молвил сэр Тристрам,— этому причиной была ссора между ним и королевой Гвиневерой.

— Сэр,— отвечала леди Изольда,— мне все это известно, ибо королева Гвиневера прислала мне письмо, в котором написано, как все это было, чтобы я попросила вас заняться его поисками.

Но теперь, благословен да будет господь,— сказала Прекрасная Изольда,— он снова в здравии и благополучии и уже возвратился ко двору.

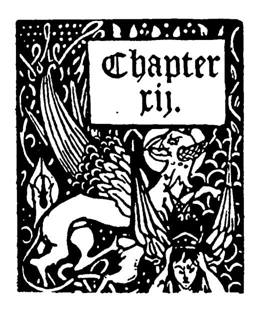
— А Иисусе! Это меня весьма радует,— сказал сэр Тристрам.— А теперь и вам и мне следует приготовиться в путь, ибо мы с вами отправляемся туда на празднество.

— Сэр,— отвечала леди Изольда,— с вашего изволения, я предпочла бы не ездить туда, ибо мое присутствие выделяет вас из всех рыцарей и из-за меня вам приходится слишком много сражаться.

— Тогда и я не поеду,— сказал сэр Тристрам,— если вы предпочитаете туда не ездить.

— Упаси бог,— сказала Прекрасная Изольда,— ведь тогда обо мне будут дурно говорить все королевы и знатные дамы; ибо как же это возможно, чтобы вы, один из благороднейших и славнейших рыцарей в мире и рыцарь Круглого Стола, не присутствовали на празднестве? Что же тогда скажут о вас другие рыцари? «А! Поглядите-ка на сэра Тристрама: на соколиную и псовую охоту он ездит, за стенами замка отсиживается со своей дамой, а с нами не знается. Увы,— скажут их них иные,— жаль, что он назвался рыцарем и удостоился любви прекрасной дамы». А что королевы и дамы скажут обо мне? Скажут, жаль, что такая женщина живет на свете, которая столь благородному рыцарю, как вы, препятствует в делах славы.

— Да поможет мне бог,— сказал сэр Тристрам Изольде Прекрасной,— это отличные слова и благородный совет. Я вижу теперь, что вы меня любите. И как вы мне советуете, так, в главном, я и поступлю. Но только поеду я один, ни муж, ни отрок не будут меня сопровождать. И отправлюсь в путь в будущий вторник, вооруженный лишь копьем своим и мечом.



КАК СЭР ТРИСТРАМ ВЫЕХАЛ НЕВООРУЖЕННЫЙ И ПОВСТРЕЧАЛ СЭРА ПАЛОМИДА, И КАК ОНИ НАЛЕТЕЛИ ДРУГ НА ДРУГА, НО СЭР ПАЛОМИД ВОЗДЕРЖАЛСЯ ОТ ПОЕДИНКА С НИМ

И вот, когда подошел срок, сэр Тристрам простился с Прекрасной Изольдой, и она отправила с ним четырех рыцарей, но, отъехав за полмили, он отослал их назад. После того проехал он еще милю и увидел впереди сэра Паломида, повергнувшего наземь какого-то рыцаря и ранившего его едва не на-

смерть. И тогда пожалел сэр Тристрам, что на нем нет доспехов, придержал коня и остановился. А сэр Паломид, лишь только завидел сэра Тристрама, крикнул ему громким голосом:

— Сэр Тристрам, раз уж мы встретились, то прежде чем расстаться, рассчитаемся за все старые обиды!

— Что до этого,— отвечал сэр Тристрам,— то на свете нет среди христиан человека, который мог бы похвастаться, что я перед ним обратился в бегство. И да будет ведомо тебе, сэр Паломид, что уж тебе-то, сарацину, и подавно не придется похвастаться, что перед тобой обратился в бегство сэр Тристрам Лионский.

И с тем сэр Тристрам пустил вскачь своего коня и со всей мощью устремился на сэра Паломида, ударил его копьем, и раскололось его копье на сотню кусков. Тогда сэр Тристрам выхватил меч свой, снова повернул коня и обрушил тому на голову шесть могучих ударов. А сэр Паломид стоял и глядел на сэра Тристрама и дивился его пылу и его неразумию. И сказал себе сэр Паломид так: «Этого сэра Тристрама, даже и без доспехов, теперь не удержишь от боя. Но если я теперь направлю на него коня и убью его, буду навеки опозорен, куда ни поеду».

Тут говорит ему сэр Тристрам:

— Эй, трусливый рыцарь, что намерен ты теперь сделать? Отчего не хочешь ты биться со мною дальше? Можешь не сомневаться, я выстою против тебя и против всей твоей злобы.

— А, сэр Тристрам,— отвечал сэр Паломид,— ведь ты отлично знаешь, что биться с тобою мне был бы позор, ибо ты обнажен, я же облачен в доспехи, и, если я тебя убью, то будет лишь к моему бесчестью. И ты знаешь отлично,— сказал сэру Тристраму сэр Паломид,— мне известны твоя сила и стойкость в рыцарском поединке.

— Это правда,— отвечал сэр Тристрам.— Мне понятны твои сомнения.

— Хорошо сказано,— молвил сэр Паломид.— А теперь я прошу вас, ответьте мне на вопрос, который я вам задам.

— Задавайте,— сказал сэр Тристрам,— и я отвечу вам правду, да поможет мне бог.

— Сэр, если предположить,— сказал сэр Паломид,— что вы были бы в полном облачении, а я без доспехов, как вы сейчас, как бы вы со мной поступили, по истинной рыцарской чести?

— А,— сказал сэр Тристрам,— я тебя понял, сэр Паломид, ибо теперь я должен буду произнести мое суждение! И, клянусь благословеньем господним, то, что я скажу, будет сказано не из страха перед тобою, сэр Паломид. Вот что я говорю: знай, сэр Паломид, что тебе надлежит уехать от меня, ибо я не стал бы с тобою биться.

— И я не стану,— сказал сэр Паломид.— И потому поезжай своей дорогою!

— Что до этого,— отвечал сэр Тристрам,— то мое дело: уезжать или оставаться. Но одно меня, сэр Паломид, удивляет,— сказал сэр Тристрам,— отчего столь добрый рыцарь, как ты, по сей день не крещен, ведь вот брат твой сэр Сафир давно уже принял крещение?



КАК СЭР ТРИСТРАМ ОБЛАЧИЛСЯ В ДОСПЕХИ РЫЦАРЯ, КОТОРЫЙ БЫЛ РАНЕН, И КАК ОН СОКРУШИЛ СЭРА ПАЛОМИДА

Что до этого,— отвечал сэр Паломид,— то мне еще невозможно принять крещение из-за клятвы, данной мною много лет назад. Но, как бы то ни было, в сердце моем и в душе я уже много дней храню добрую веру в Иисуса Христа и в его нежную матерь Марию. И мне осталось провести еще один лишь бой, а после того я тут же приму крещение.

— Клянусь головой,— сказал сэр Тристрам,— если за одним боем дело стало, то искать его тебе долго не придется. Ибо упаси бог,— сказал сэр Тристрам,— чтобы по моей вине ты дольше оставался язычником. Вон там лежит рыцарь, которого ты ранил и поверг наземь, помоги мне облачиться в его доспехи, и я, не промедлив, позволю тебе исполнить твою клятву.

— Как вы желаете,— сказал сэр Паломид,— так тому и быть.

И они подъехали к тому рыцарю, сидевшему на песке, и сэр Тристрам его приветствовал, а тот слабым голосом ему ответил.

— Сэр рыцарь,— сказал ему сэр Тристрам,— прошу вас назовите мне ваше настоящее имя.

— Сэр,— тот отвечал,— мое настоящее имя — сэр Галерон Галовейский, и я рыцарь Круглого Стола.

— Да поможет мне бог,— сказал сэр Тристрам,— меня печалят ваши раны! Но дело вот в чем: я должен просить вас, чтобы вы ссудили меня всеми вашими доспехами, ибо, как вы видите, я безоружен, а я должен биться в поединке вон с тем рыцарем.

— Сэр, я вам их отдаю с доброй охотою. Но остерегитесь, предупреждаю вас, ибо тот рыцарь — боец могучий, которого опаснее не приходилось мне встречать. Но прошу вас, сэр,— сказал сэр Галерон,— назовите мне ваше имя, а также и имя того рыцаря, что нанес мне поражение.

— Сэр, что до моего имени, то знайте, я зовусь сэр Тристрам Лионский, а что до него, то это — сэр Паломид, брат доброго рыцаря сэра Сафира; только сэр Паломид по сей день еще не крещен.

— Увы!— сказал сэр Галерон,— великой жалости это достойно, чтобы столь славный рыцарь и столь доблестный боец был некрещен.

— Да поможет мне бог,— сказал сэр Тристрам,— он либо убьет меня, либо же я его убью, но прежде, чем мы с ним расстанемся на этот раз, он примет крещение.

— Господин мой сэр Тристрам,— сказал сэр Галерон,— ваша слава и доблесть хорошо известны во многих странах, и бог да убережет вас от урона и бесчестья и на этот раз!

Тут сэр Тристрам снял доспехи с сэра Галерона, который был благородным рыцарем, совершившим немало славных подвигов, и он был собою велик

костьми широк и плотью обилен. И без доспехов он остался стоять на ногах, ибо он был поражен сзади копьем. Но на сколько в силах был сэр Галерон, он помог сэру Тристраму снарядиться к бою.

И вот сэр Тристрам сел на коня и в руке зажал копье сэра Галерона, и сэр Паломид уже тоже изготовился к бою. И ринулись они друг на друга на всем скаку и ударили один другого в средину щита. Копье сэра Паломида при этом сломалось, и сэр Тристрам поверг его, и всадника и коня, прямо на землю.

Тогда сэр Паломид, как только смог, поспешил высвободить ноги из стремян, перетянул наперед свой щит и обнажил меч. И видя это, сэр Тристрам тоже спешился и привязал коня своего к дереву.



КАК СЭР ТРИСТРАМ И СЭР ПАЛОМИД ДОЛГО БИЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ, НО ПОТОМ ПОМИРИЛИСЬ, И КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОЗАБОТИЛСЯ О ЕГО КРЕЩЕНИИ

И бросились они друг на друга, словно два диких вепря, и бились они так друг с другом, наседая и приседая, разя и рубя, как надлежит двум благородным рыцарям, отличившимся во многих боях. Но все время сэр Паломид испытывал жестокий страх перед мощью сэра Тристрама и потому не теснил его очень, и так они рубились два часа с лихвою. И сэр Тристрам иной раз наносил сэру Паломиду столь могучие удары, что у того подгибались колени, а сэр Паломид изрубил и посек у сэра Тристрама щит и наконец нанес сэру Тристраму жестокую рану, ибо сэр Паломид был искусный боец.

Тогда сэра Тристрама обуял бешеный гнев свыше меры, и он ринулся на сэра Паломида с такою силой, что сэр Паломид не устоял и рухнул ниц на землю. Но он тотчас же вновь вскочил на ноги, и тогда сэр Тристрам нанес сэру Паломиду жестокую рану в плечо. Сэр Тристрам рубился с неослабным пылом, но и сэр Паломид ему не уступал и столь же яростно разил его в ответ. Но под конец сэр Тристрам удвоил свои удары и, по счастью, выбил меч у сэра Паломида из руки, и если бы сэр Паломид нагнулся за своим мечом, был бы он в тот же миг убит. И потому сэр Паломид стоял недвижимо, с тяжким сердцем взирая на меч свой.

— Ну, как? — спрашивает его сэр Тристрам.— Теперь ты в моей власти, как нынче утром я был в твоей. Но никогда, ни при одном дворе или в среде добрых рыцарей, не скажут, что сэр Тристрам может убить безоружного рыцаря. А потому подними свой меч и доведем наш бой до конца!

— Что до этого боя,— отвечал сэр Паломид,— то я готов довести его до конца. Но у меня нет уже больше особой охоты сражаться,— сказал сэр Паломид.— Оскорбления, мною вам нанесенные, не столь велики, чтобы нам

невозможно было вновь стать друзьями, ведь все, в чем ни преступил я против вас, я делал из любви к Прекрасной Изольде. Что же до нее, то ее я почитаю как несравненную среди дам, и я никогда и ни в чем не покушался оскорбить ее, и ей же я обязан всею моей славой. А раз против нее самой не совершил я оскорбления, а в чем против вас виновен, за то вы ныне отплатили мне многими жестокими ударами — хоть и я немало ударов нанес вам в ответ, но теперь могу сказать, что рыцаря вашей силы и столь ровного дыханья не встречал я, не считая разве сэра Ланселота Озерного,— потому я прошу вас, господин мой, простите мне, в чем я вас обидел! И ныне же отведите меня в ближайшую церковь, дайте мне прежде очиститься исповедью, и тогда увидите сами, как я приму святое крещение. А затем мы все вместе отправимся ко двору короля Артура, чтобы поспеть туда к ближайшему празднику.

— В таком случае, садитесь на коня,— сказал сэр Тристрам,— и, как вы говорите, так пусть и будет. Бог да простит вам все мои обиды, а я вас прощаю. Здесь же поблизости, не далее как в миле отсюда, живет епископ Карлайлский, и он совершит над вами святое крещение.

И с тем они сели на коней, и сэр Галерон поскакал вместе с ними, и когда они прибыли к епископу, то объяснили ему свое желание. И епископ распорядился наполнить водою большой сосуд, и когда он освятил воду, то исповедал сэра Паломида и отпустил ему грехи. И сэр Тристрам и сэр Галерон были его восприемниками [59].

А вскоре после того они снова пустились в путь и приехали в Камелот, где в это время были король Артур и королева Гвиневера, а также и почти все рыцари Круглого Стола. И был король, и весь двор его тоже, очень рады, что сэр Паломид принял крещение.

И туда же на празднество прибыл сэр Галахад, сын сэра Ланселота Озерного, и он сел на Погибельном Сидении. И тогда разъехались по всему свету все рыцари Круглого Стола. Сэр Тристрам возвратился в замок Веселой Стражи, а сэр Паломид вновь пустился преследовать Зверя Рыкающего. На этом кончается вторая книга о сэре Тристраме Лионском, которую пересказал с французского сэр Томас Мэлори, рыцарь, да поможет ему Иисус. Аминь. Третьей же книги нет. Далее же следует благородная повесть о Святом Граале, каковым именем зовется священная чаша и знак благословенной крови господа нашего Иисуса Христа, а ее принес в нашу землю Иосиф Аримафейский. И потому, како и надо всеми грешниками, всеблагий господи, смилуйся над твоим рыцарем. Аминь.

ПОВЕСТЬ

О СВЯТОМ ГРААЛЕ

В КРАТКОМ ИЗВОДЕ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА,

КАКОВАЯ ЕСТЬ ПОВЕСТЬ,

ТРАКТУЮЩАЯ О САМОМ ИСТИННОМ

И САМОМ СВЯЩЕННОМ,

ЧТО ЕСТЬ НА ЭТОМ СВЕТЕ





XIII

КАК В КАНУН ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ ЯВИЛАСЬ В ЗАЛЕ ПРЕД КОРОЛЕМ АРТУРОМ ДЕВИЦА И ПОЖЕЛАЛА, ЧТОБЫ СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОСЛЕДОВАЛ ЗА НЕЮ И ПОСВЯТИЛ ОДНОГО РЫЦАРЯ, И КАК ОН С НЕЮ ОТПРАВИЛСЯ

Chapter i.

В КАНУН Пятидесятницы, когда все рыцари из дружины Круглого Стола собрались в Камелоте и выслушали праздничную службу и столы, наконец, уставили яствами для пиршества, вдруг въехала прямо в пиршественную залу прекрасная дама на коне, и видно было, что она гнала во всю мочь, ибо конь ее был взмылен. Спешилась она и сразу, приблизившись к королю, ему поклонилась, а он сказал ей в ответ:

— Девица, да благословит вас бог.

— Сэр,— сказала она,— бога ради, скажите мне, где сейчас сэр Ланселот?

— Вон он, вы можете его видеть,— отвечал король.

Тогда она подошла к сэру Ланселоту и сказала:
— Сэр Ланселот, я приветствую вас от имени короля Пелеса и прошу вас рыцарской честью последовать за мною в лес, что отсюда поблизости.
Тогда сэр Ланселот спросил ее, у кого она живет.
— Я живу,— она отвечала,— у короля Пелеса.
— Что же вам угодно от меня? — спросил сэр Ланселот.
— Увидите,— отвечала она,— когда со мной прибудете на место.
— Что ж,— сказал он,— я с охотою последую за вами.
И сэр Ланселот повелел своему оруженосцу седлать коня и принести ему доспехи без промедления. Тот все исполнил. Но тут подошла к сэру Ланселоту королева и сказала:
— Неужели вы покинете нас на праздник?
— Госпожа,— сказала ей вновь прибывшая дама,— знайте, что завтра к обеду он уже снова будет с вами.
— Если бы я думала,— сказала королева,— что и завтра он не вернется, я бы его доброй волею с вами не отпустила.
И с тем сэр Ланселот отправился в путь, ехал, ехал и наконец приехал в лес, а в лесу была глубокая лощина, и в ней они увидели обитель святых монахинь. Ключарь их уже ждал и распахнул перед ними ворота, они въехали на двор монастыря и сошли с коней. Тут окружила сэра Ланселота большая толпа, и все очень радовались его приезду; они отвели его в аббатиссин покой и помогли ему разоружиться.
И вдруг видит он там на ложе двух своих кузенов: сэра Борса и сэра Лионеля. Он разбудил их, и они, видя его, весьма обрадовались.
— Сэр,— сказал сэр Борс сэру Ланселоту,— что за приключение привело вас сюда? Мы думали найти вас завтра в Камелоте.
— Да поможет мне бог,— сказал сэр Ланселот,— меня привела сюда одна женщина, а для чего, не знаю.
А покуда так они беседовали меж собою, вошли вдруг туда двенадцать монахинь и ввели с собою Галахада, а был он лицом столь прекрасен и статен телом, что едва ли можно было в мире сыскать ему равного. И все женщины шли и плакали.
— Сэр,— сказали они все разом,— мы привели вам этого отрока, которого мы вырастили, и просим вас посвятить его в рыцари, ибо от руки более достойной не мог бы он получить посвящение в Рыцарский Орден.
Поглядел сэр Ланселот на юного пажа и увидел, что он хорош собою и кроток, как голубица, и исполнен достоинств, и подумалось сэру Ланселоту, что среди сверстников не попадался ему ни один столь совершенный обликом. И сказал тогда сэр Ланселот:
— От него ли самого исходит это желание?
И отрок и все они отвечали: «Да!»
— Тогда,— сказал сэр Ланселот,— он получит посвящение в Рыцарский Орден в славный день великого праздника.
И устроили Ланселота на ночлег со всем радушием. А на утро при первых лучах зари он по желанию Галахада посвятил его в рыцари и сказал:
— Бог да сделает тебя хорошим человеком, ибо красотой ты не уступишь никому на этом свете.



КАК НА ПОГИБЕЛЬНОМ СИДЕНИИ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПИСЬМЕНА, И О ЧУДЕСНОМ ПРИКЛЮЧЕНИИ С МЕЧОМ В КАМНЕ ❧ А теперь, любезный сэр,— сказал сэр Ланселот,— не поедете ли вы вместе со мною ко двору короля Артура?

— Нет,— тот отвечал,— пока еще я с вами не поеду.

Тогда сэр Ланселот с ними простился и уехал вместе со своими кузенами. И к исходу утра в Троицын день они прибыли в Камелот. Король с королевой уже ушли к святому отцу слушать обедню. Они оба возрадовались от души возвращению сэра Борса и сэра Лионеля, и все их рыцари тоже.

Когда же король и все рыцари возвратились с обедни, увидели вдруг бароны, что на сидениях вокруг всего Круглого Стола золотыми буквами написано:

«Здесь должен сидеть такой-то» и *«Такой-то должен сидеть здесь»*.

Так обошли они вкруг всего стола и дошли до Погибельного Сидения, и там они нашли свежую надпись золотыми буквами, так гласившую:

«Когда сравняется четыреста пятьдесят лет и еще четыре года со дня страстей господа нашего Иисуса Христа, тогда будет занято это место».

И сказали тут они все:

— Это чудное дело и дивное!

— Во имя господа! — промолвил сэр Ланселот, и он объяснил смысл той надписи от рождества господа нашего и по сей день.

— Мне сдается,— сказал сэр Ланселот,— что место это должно быть занято как раз сегодня, ибо сегодня первый праздник Пятидесятницы, после того как сравнялось четыреста пятьдесят лет и четыре года. И если все здесь согласны со мною, я бы сделал так, чтобы эти буквы были скрыты до той минуты, покуда не явится тот, кому дано исполнить этот новый подвиг.

И распорядились принести шелковый покров, чтобы укрыть надпись на Погибельном Сидении. После того велел король всем поспешать к обеду.

— Государь,— сказал ему сэр Кэй-Сенешаль [1],— если мы теперь усядемся прямо за ваш пиршественный стол, мы тем нарушим древний обычай вашего двора, ибо прежде никогда не садились вы в этот день за обед, не увидев или не услышав какого-нибудь чуда.

— Ваша правда,— отвечал король,— но я так обрадовался, что вижу сэра Ланселота и его кузенов вновь целыми и невредимыми у нас при дворе, что вовсе забыл про древние обычаи.

Но между тем, пока они так стояли и беседовали, является вдруг туда паж и так говорит королю:

— Сэр, я принес вам чудесные вести.

— Какие же? — спросил король.

— Сэр, здесь неподалеку, под стенами замка протекает река, над рекою

стоял большой камень, и я сам видел, как этот камень плывет по воде и не тонет, а из камня торчит меч.

И сказал тогда король:

— На это чудо я должен взглянуть.

И он пошел вместе со всеми своими рыцарями. Выйдя к реке, увидали они и впрямь камень, плывущий по воде,— глыбу красного мрамора, а в нее воткнут добрый меч, богато изукрашенный, рукоять его из драгоценных камней, с искусно выбитыми золотыми буквами. И прочли бароны надпись, в которой значилось:

«Ни один не извлечет меня отсюда, кроме того лишь, у кого на боку назначено мне висеть, и это будет лучший из рыцарей мира».

Увидевши такую надпись, молвил король сэру Ланселоту:

— Любезный сэр, этот меч должен принадлежать вам, ибо, вне сомнения, вы — лучший из рыцарей мира.

Но сэр Ланселот ответил здраво:

— Сэр, этот меч предназначен не мне; у меня не хватит духу наложить руку на него, ибо не на моем боку ему место. А кто попытается его извлечь и не сумеет, получит от этого меча жестокую рану, от которой долго не сможет исцелиться. И еще, да будет ведомо вам, с того мгновения, когда будет добыт этот меч, начнутся приключения со Святым Граалем, как именуется священная чаша.



КАК СЭР ГАВЕЙН ПЫТАЛСЯ ВЫТАЩИТЬ МЕЧ, И КАК НЕКИЙ СТАРЕЦ ПРИВЕЛ СЭРА ГАЛАХАДА ❧ — Тогда, любезный племянник,— сказал король Артур Гавейну,— попытайте-ка вы удачи, ради меня.

— Сэр,— тот отвечал,— да не заслужу я немилости вашей, но я не хочу этого делать.

— Сэр,— молвил король Артур,— по моему желанию и повелению, попытайтесь выдернуть этот меч.

— Сэр, вашему повелению я покорюсь.

И с тем он ухватился за рукоять меча, но не смог даже шевельнуть им.

— Благодарю вас,— сказал король.

— Господин мой сэр Гавейн,— сказал сэр Ланселот,— знайте, теперь этот меч поразит вас так жестоко, что вы не захотели бы к нему прикоснуться и за богатейший из замков в этом королевстве.

— Сэр,— тот отвечал,— я не вправе был оспаривать волю моего дяди короля.

Но король, слыша эти речи, сам раскаялся, и сказал он сэру Персивалю:

— Сэр, а вы не попытаете ли, ради меня, удачи?

И он с готовностью взялся за рукоять меча, чтобы разделить участь сэра Гавейна, и потянул со всей силы, но не смог и покачнуть его. Больше же так не нашлось никого, кто отважился бы коснуться того меча.

— Ну вот, теперь вы можете садиться за обед,— сказал королю сэр Кэй,— ибо чудо вы уже видели.

С тем король и все остальные возвратились ко двору, и рыцари расселись

по своим местам. А юные рыцари, которые уже отличились в боях, прислуживали им за столом. И вот, когда все блюда были расставлены и все места вкруг стола заняты, кроме одного лишь Погибельного Сидения, случилось вдруг дивное чудо: все двери и окна дворца захлопнулись сами собой. Но даже и при этом стало все же не совсем темно [2], и они все очень дивились и тому, и другому. Наконец, заговорил первым король Артур и сказал так:

— Клянусь богом, любезные други и лорды, ныне повидали мы чудес немало! Но полагаю, до наступления ночи мы увидим их еще больше.

В это время вошел туда добрый старец, совсем дряхлый, в белых одеждах, и ни один из рыцарей не знал, кто он и откуда взялся. За собою вел он юного рыцаря в красных доспехах, но без щита и без меча — только порожние ножны висели у него на боку. И произнес старец такие слова:

— Мир вам, любезные лорды!

А потом обратился к королю Артуру и сказал:

— Сэр, вот я привел вам юного рыцаря, он королевской крови и из рода Иосифа Аримафейского, и через него будут свершены дивные чудеса при этом дворе и в чужих странах.



КАК СТАРЕЦ ПОДВЕЛ ГАЛАХАДА К ПОГИБЕЛЬНОМУ СИДЕНИЮ И УСАДИЛ ЕГО, И КАК ВСЕ РЫЦАРИ ТОМУ ДИВИЛИСЬ

Король весьма обрадовался этим словам и так сказал доброму старцу:

— Сэр, добро вам пожаловать, и юному рыцарю, что явился с вами, тоже.

Тогда старец помог юноше снять доспехи, и он остался в рубахе из тонкой красной материи, а на плечи он накинул ему плащ, подбитый горностаем.

И сказал старый рыцарь молодому:

— Сэр, следуйте за мною.

И он подвел его прямо к Погибельному Сидению, подле сэра Ланселота, и поднял добрый старец покров, и открылась там надпись, гласившая: «*Это место сэра Галахада, Высокородного принца*» [3].

— Сэр,— молвил старый рыцарь,— знайте, что это место — ваше.

И он уселся без колебаний на Погибельное Сидение и так сказал старому рыцарю:

— Теперь, сэр, вы свободны отправиться, куда вам угодно, ибо вы все исполнили, как было вам предписано. И передайте поклон от меня моему деду королю Пелесу и господину моему королю Пешеру-Рыболову [4] и скажите им от моего имени, что я навещу их, когда только смогу.

Добрый старец ушел, на дворе его ждали двадцать славных оруженосцев, все сели на коней и ускакали оттуда прочь.

А все рыцари Круглого Стола дивились сэру Галахаду, что он отважился сесть на то место, хоть сам еще был в столь нежном возрасте,

и никто не знал, откуда он,— видно промысел божий его привел. И сказали они все так:
— Вот рыцарь, который достигнет Святого Грааля, ибо прежде никому не удавалось сюда сесть, не навлекши на себя несчастья.
А сэр Ланселот при виде своего сына радовался ему от души.
А сэр Борс сказал своим товарищам:
— Ручаюсь жизнью, этот юный рыцарь сподобится великой чести!
И много было толков при дворе, так что дошли они и до королевы. И она подивилась, что за рыцарь это мог быть, отважившийся сесть на Погибельное Сидение. А люди ей сказали, что он походит на сэра Ланселота.
— Можно догадаться,— сказала королева,— что это его сын, которого родила от сэра Ланселота дочь короля Пелеса, волшебными чарами склонившая его возлечь с нею. Тогда имя этого юноши — Галахад. Хотелось бы мне увидеть его,— сказала королева,— ибо он уж конечно должен быть благородным рыцарем, ведь таков его отец, породивший его; пусть подтвердят это все рыцари Круглого Стола.
Когда же они отобедали, и король со всеми рыцарями поднялся от стола, подошел король к Погибельному Сидению, поднял покров и нашел на нем имя сэра Галахада. И тогда он показал его сэру Гавейну и молвил:
— Любезный племянник, с нами теперь сэр Галахад, который нас всех прославит. И ручаюсь жизнью, он достигнет Святого Грааля, как про то объяснял нам сэр Ланселот.
Потом приблизился король Артур к сэру Галахаду и сказал:
— Сэр, добро вам сюда пожаловать, ибо вы подвигнете многих славных рыцарей на достижение Святого Грааля, и вы свершите то, чего еще многие благородные рыцари будут пытаться достигнуть, но тщетно.
И король взял его за руку и вышел с ним из дворца, чтобы показать сэру Галахаду чудо с камнем и мечом.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ПОКАЗАЛ ТОРЧАЩИЙ ИЗ ВОДЫ КАМЕНЬ СЭРУ ГАЛАХАДУ, И КАК ТОТ ИЗВЛЕК МЕЧ

А королева услышала об этом и тоже явилась туда вслед за ними, сопровождаемая многими своими дамами. И показали им камень, вздымающийся на воде.
— Сэр,— сказал король сэру Галахаду,— вот перед вами величайшее диво, какое только приходилось мне видеть. Многие добрые рыцари пытали здесь удачи, но не преуспел ни один.
— Сэр,— отвечал сэр Галахад,— тут нечему дивиться, ибо этот подвиг назначен не им, но мне. Я же, рассчитывая твердо на этот меч, меча с собой не привез, лишь ножны у меня на боку.
И с тем он наложил руку на меч и без труда вынул его из камня, вложил его в ножны и так сказал королю:
— Ну вот, так-то будет лучше, чем прежде.

— Сэр,— сказал король,— теперь да пошлет еще вам бог щит.
— Теперь у меня есть меч, который некогда принадлежал доброму рыцарю Балину Свирепому, а он был славный рыцарь и добрый боец. Этим мечом он убил своего брата Балина, что великой жалости достойно, ибо и он был рыцарь добрый. Они зарубили один другого, и все через плачевный удар, что нанес Балин королю Пелесу [5], который по сей день еще не исцелился и не исцелится, покуда я его не исцелю.
И тут вдруг видит король, и все остальные тоже: скачет к ним во весь опор по-над рекою дама на белой лошади. Вот приветствовала она короля с королевой и спрашивает, с ними ли здесь сэр Ланселот? Он же сам ей отвечает:
— Я здесь, прекрасная дама!
И тогда она сказала, залившись слезами:
— Ах, сэр Ланселот! Куда подевалось все ваше величие за один нынешний день?
— Девица, отчего вы так говорите?
— Сэр, истинно я вам говорю,— отвечала девица,— ведь еще сегодня утром вы были первым рыцарем в мире. А кто скажет это теперь, тот будет лжецом, ибо есть теперь один рыцарь, лучший, нежели вы, и доказательство тому — этот меч, к которому вы не дерзнули даже прикоснуться. На этом переменяется слава ваша и уходит. А потому запомните: отныне не считайте себя более лучшим рыцарем в мире.
— Что касается до этого,— отвечал сэр Ланселот,— то я знаю отлично, что и раньше не был лучшим.
— Нет, были,— сказала девица,— вы и теперь — лучший среди грешных людей на этом свете. Вам же, государь мой король, отшельник Насьен велел передать вот что: вы сподобитесь величайшей чести, какая выпадала королю в Британии, ведь ныне в доме твоем объявился Святой Грааль и напитал тебя и всех рыцарей твоей дружины Круглого Стола.
И с тем она ускакала прочь той же дорогой, какою явилась.



КАК КОРОЛЬ АРТУР СОБРАЛ ВСЕХ РЫЦАРЕЙ НА ЛУГУ ПОД ВИНЧЕСТЕРОМ И УСТРОИЛ ПРОЩАЛЬНЫЙ ТУРНИР ❧ — Ну,— молвил король,— знаю я, что на подвиг во имя Святого Грааля теперь отправитесь все вы, рыцари Круглого Стола, и никогда уж мне больше не видеть вас всех вместе. А потому напоследок я еще раз погляжу на вас всех на турнирном поле! На луг под стенами Камелота выезжайте все вы выступать в турнире и состязаниях, дабы после вашей смерти люди говорили о том, что́ за славные рыцари некогда сражались на этом лугу.
Все согласились с замыслом и желанием короля, и поспешили они облачиться в доспехи, какие потребны для турнира. Король же все

это устроил затем лишь, чтобы увидеть в бранном деле сэра Галахада, ибо король знал, что, отправившись в странствие, сэр Галахад едва ли возвратится ко двору.

И вот собрались все на лугу, и велик, и мал.

Сэр Галахад, по настоянию короля и королевы, облачился в добрый панцирь, надел также шлем, но щита не взял, как ни молил его об том король. Сэр Гавейн и другие рыцари стали просить его, чтобы он взял копье. Он так и сделал. Королева же со всеми своими дамами поднялась на башню, дабы наблюдать оттуда турнир.

И вот сэр Галахад выехал на средину турнирного поля и принялся ломать копья с чудесным искусством, так что все кругом ему дивились, ибо он всех, с кем ни встретится, выбивал из седла. И в короткий срок он одержал верх над многими славными рыцарями Круглого Стола, кроме лишь двоих, и это были сэр Ланселот и сэр Персиваль.



КАК КОРОЛЕВА ПОЖЕЛАЛА ВИДЕТЬ СЭРА ГАЛАХАДА, И КАК ПОТОМ ВСЕХ РЫЦАРЕЙ НАПИТАЛ СВЯТОЙ ГРААЛЬ, И КАК ОНИ ВСЕ ПОКЛЯЛИСЬ ОТПРАВИТЬСЯ НА ПОДВИГ ВО ИМЯ СВЯТОГО ГРААЛЯ ❧ Тогда по желанию королевы король повелел ему спешиться и отстегнуть шлем, чтобы королева могла видеть его лицо. И, посмотрев в лицо ему, она сказала так:

— Воистину могу сказать, что его породил сэр Ланселот, ибо никогда еще два человека так не походили друг на друга видом. И потому не диво, что он столь доблестен в сраженье.

И сказала одна дама, стоявшая подле королевы.

— Госпожа, бога ради, разве ему по праву рождения предназначено быть столь славным рыцарем?

— Да, воистину так,— отвечала королева,— ведь он с обеих сторон происходит из лучших рыцарских родов мира по самой высокой линии; ибо сэр Ланселот происходит лишь в восьмом колене от господа нашего Иисуса Христа, и значит, этот сэр Галахад — потомок нашего господа Иисуса Христа в девятом колене. И потому можно считать, что они двое — первые рыцари мира.

С тем король и все сословия возвратились назад в Камелот, и собрались все к вечерней молитве в большом монастыре А после того вернулись к ужину, и всякий рыцарь уселся на своем месте, как и прежде. И вдруг послышался треск и грохот грома, так что всем почудилось, что сейчас весь дворец рассыплется в прах. Но еще не смолк громовый раскат, а уже проник к ним туда солнечный луч, в семь раз яснее, чем в самый ясный день, и всех, кто там был, осветила благодать Духа Святого. И посмотрели рыцари один на другого, и каждый показался остальным словно

бы прекраснее видом, чем прежде. Но долгое время ни один из них не мог вымолвить ни слова, и они лишь сидели и смотрели друг на друга, как немые.

Но вот очутилась в зале священная чаша Грааль под белым парчовым покровом, однако никому не дано было видеть ее и ту, что ее внесла. Только наполнилась зала сладостными ароматами, и перед каждым рыцарем оказались яства и напитки, какие были ему всего более по вкусу. И была священная чаша Грааль пронесена через всю залу, и исчезла неведомо как и куда.

И тогда все вздохнули и вновь обрели дар речи, и король вознес хвалу господу за благодать, что была им ниспослана.

— Воистину,— молвил король,— нам надлежит горячо возблагодарить господа нашего Иисуса Христа за чудеса, которые он сподобил нас увидеть ныне, в славный день высокого праздника Пятидесятницы.

— Все мы,— сказал сэр Гавейн,— вкусили ныне от яств и напитков, каких только душе нашей было угодно. Лишь в одном мы все же обманулись: мы не смогли видеть Святой Грааль, он был скрыт драгоценным покровом. И потому здесь же, не сходя с места, я даю клятву, что завтра, без всякого промедления, отправлюсь на подвиг во имя Святого Грааля и пробуду в отъезде целый год и один день и даже больше, если будет в том нужда, и не возвращусь ко двору, покуда не увижу священную чашу яснее, чем нынче. Ну, а если не будет мне удачи, тогда вернусь я назад, ибо не должно человеку оспаривать волю божию.

Когда услышали рыцари Круглого Стола такие речи сэра Гавейна, они повставали все со своих мест, и каждый повторил клятву, данную сэром Гавейном.

Но король Артур, слыша это, был очень недоволен, ведь он знал, что от раз данной клятвы он уже не мог их освободить.

— Увы! — сказал король Артур сэру Гавейну,— я убит вашей клятвой, ибо через вас я лишусь лучшей и вернейшей рыцарской дружины, какая собиралась когда-либо при королевском дворе. Ибо, отправившись в странствия, они, я знаю, никогда уже не съедутся вместе в этом мире, но погибнут многие в поисках. А это печалит меня немало, ибо я любил их, как жизнь мою. И потому я горько сокрушаюсь их предстоящему отъезду, ведь я издавна привык видеть их всех подле себя.



КАК КОРОЛЬ И ДАМЫ ГОРЬКО СОКРУШАЛИСЬ ОТБЫТИЮ РЫЦАРЕЙ, И КАК РЫЦАРИ ВЫЕХАЛИ НА ПОДВИГ ❧ И слезы упали из очей его, и он сказал:

— Сэр Гавейн, Гавейн, вы повергли меня в глубокую печаль, ибо боюсь, мои верные рыцари никогда уже больше ко мне не съедутся.

— О, государь,— сказал сэр Ланселот,— утешьтесь! Ведь для нас это будет великой честью, куда большей, чем всякая иная смерть, а от смерти не уйти никому.

— Ах, Ланселот! — сказал король,— это великая моя любовь, которую я испытывал к вам всю мою жизнь, исторгает у меня столь горькие речи. Ибо

ни у одного христианского короля не сидели за столом столько благородных рыцарей, скольких вижу я ныне у меня за Круглым Столом. Вот о чем печаль моя. Когда же узнали эту весть королева, ее дамы и девицы, столько было плача и печали, что язык не в силах передать, ибо эти рыцари их чтили и защищали. Но всех больше убивалась королева Гвиневера.

— Дивлюсь я,— говорила она,— как это супруг мой отпускает их всех от себя?

И весь двор был в смятении из-за предстоящего отбытия рыцарей, а многие из дам, любившие тех рыцарей, пожелали последовать за своими возлюбленными. Так бы они и сделали, не объявись между ними старый рыцарь в церковных одеждах, который громким голосом сказал им так:

— Любезные лорды, давшие клятву отправиться на подвиг во имя Святого Грааля, отшельник Насьен шлет вам весть, что на этот подвиг ни один из вас не вправе взять с собою даму или девицу, ибо это не подобает при столь высоком служении, на каком подвизаетесь отныне вы. Говорю вам ясно: кто не чист от грехов, не увидит тайн господа нашего Иисуса Христа.

И по этой причине они не взяли с собою своих дам и возлюбленных.

Королева же явилась к сэру Галахаду и спросила его, откуда он прибыл и из какой страны родом. Он ответил ей, где его родина.

— И вы сын сэра Ланселота? — спросила она.

— Что до этого,— он отвечал,— то я не скажу вам ни да, ни нет.

— Да поможет мне бог,— сказала королева,— вам нечего стыдиться, ибо он добродетельнейший из рыцарей и из лучших людей, когда-либо живших на свете, и с обеих сторон происходит от королевского корня. А потому и вы должны выказать себя отличным рыцарем. Ибо воистину,— сказала она,— вы на него очень походите.

Сэр Галахад слегка устыдился и сказал:

— Госпожа, раз вы сами знаете наверное, для чего же задавать вопросы? Ибо в свой срок объявится перед всеми, кто мой отец.

После этого все разошлись на отдых. И почитая высокое рыцарское достоинство сэра Галахада, его проводили в покой короля Артура и уложили отдыхать на королевской постели. А лишь забрезжил день, король поднялся, ибо он во всю ночь не забылся сном от горя. Он пошел к сэру Гавейну и к сэру Ланселоту, которые поднялись уже, чтобы выслушать обедню, и снова сказал король так:

— Ах, Гавейн, Гавейн! Вы меня предали, ибо возместить урон моему двору вы не сможете никогда. И вы не будете так оплакивать меня, как я оплакиваю вас!

Тут слезы потекли по его лицу, и он сказал так:

— Ах, учтивый рыцарь сэр Ланселот! Прошу вас, дайте мне совет, как мне быть, ибо я бы хотел отменить этот подвиг, если только возможно.

— Сэр,— отвечал сэр Ланселот,— вы сами видели вчера, сколько славных рыцарей дали клятву выехать на этот подвиг, так что теперь уже никак невозможно, чтобы они оставили свое намерение.

— Я и сам это знаю отлично,— сказал король,— но их предстоящий отъезд так печалит меня, что теперь уже никаким радостям меня не утешить.

И король с королевой отправились к священнику. А сэр Ланселот и сэр Гавейн приказали своим пажам принести им доспехи и оружие, и когда они уже были во всеоружии и в полном облачении, кроме щитов и шлемов, то присоединились к остальным рыцарям, тоже уже снаряженным, и поскакали в монастырь слушать обедню и всю службу.

По окончании службы король пожелал узнать, сколько же рыцарей вызвались на подвиг во имя Святого Грааля. И оказалось, что общим числом их было сто пятьдесят, и все они — рыцари Круглого Стола.

Вот надели они шлемы и на прощанье все поклонились королю и королеве. И много было горя и слез при расставании.

А королева удалилась в свои покои, чтобы никто не мог видеть, как она убивалась. Скоро сэр Ланселот хватился королевы и пришел вслед за нею в дальний покой, и когда королева увидела его, то воскликнула так:

— Ах, сэр Ланселот, Ланселот! Вы предали меня и обрекли на смерть тем, что покидаете вот так двор моего супруга!

— О, госпожа, молю вас, не гневайтесь на меня, ибо я вернусь назад, когда только смогу возвратиться с честью.

— Увы,— она сказала,— зачем только я увидела вас! Но пусть Он, принявший смерть на кресте за род человеческий, ведет и хранит вас и всю вашу рыцарскую дружину!

С тем оставил ее сэр Ланселот и присоединился к своим товарищам, поджидавшим его наготове, они сели все на коней и проскакали по улице Камелота. И плакали там бедные и богатые, а сам король отвернулся, ибо от слез не мог говорить.

Некоторое время скакали они все вместе, покуда не подъехали к городу и замку, который звался Вогон. Они въехали в ворота замка, а хозяином его был старый рыцарь по имени Вогон, муж праведной жизни. Он распахнул им ворота и принимал их со всем радушием, какое только было возможно.

А утром они все согласились, что им надо разъехаться. И они все расстались в утренний час и плакали, прощаясь, и каждый рыцарь свернул на ту дорогу, какая всего более пришлась ему по душе.



КАК ГАЛАХАД ДОБЫЛ СЕБЕ ЩИТ, И ЧТО ПРОИСХОДИЛО С ТЕМИ, КТО ОТВАЖИВАЛСЯ ЭТОТ ЩИТ ВЗЯТЬ ❧ Вот скачет Галахад по-прежнему без щита, и так ехал он четыре дня, не встретив никаких приключений, и к исходу четвертого дня, после вечерней молитвы, подъехал он к белому аббатству. Там приняли его с великим почтением, проводили в покои, и там он снял свои доспехи. И встретил он в аббатстве двух рыцарей Круг-

лого Стола — один был сэр Багдемагус, второй — сэр Ивейн, и когда они заметили сэра Галахада, они пошли к нему навстречу с великой радостью. А затем все отправились ужинать.

— Сэры,— сказал сэр Галахад,— какие приключения привели вас сюда?

— Сэр,— отвечали они,— мы слышали толки, будто в этом монастыре хранится щит, и если кто навесит его себе на шею, то не пройдет и трех дней, как постигнет его беда или смерть, или же увечье навеки. Но я, сэр,— сказал сэр Багдемагус,— завтра же надену его, дабы попытать удачи.

— Во имя господа! — молвил сэр Галахад.

— Сэр,— сказал Багдемагус,— если же не будет мне удачи в приключении с этим щитом, тогда возьмите его вы, ибо вы, я уверен, не потерпите неудачи.

— Сэр, я на это согласен, ибо у меня нет щита.

Вот поднялись они наутро, выслушали обедню. И тогда спрашивает сэр Багдемагус, где же этот опасный щит. И повел его монах за алтарь и показал ему висящий там щит, белый, как снег, только с красным крестом посредине.

— Сэры,— сказал монах,— этот щит не должно навешивать на шею ни одному рыцарю, только лишь достойнейшему рыцарю в мире. И потому мой совет вам, рыцари, не поступать опрометчиво.

— Что ж,— сказал сэр Багдемагус,— я знаю, что я — не лучший рыцарь мира, однако я попытаю удачи и навешу этот щит себе на шею.

И сделав так, он выехал из монастыря, сказав сэру Галахаду:

— Не соизволите ли повременить здесь до тех пор, покуда вы не услышите о том, что станется со мною?

— Сэр, я останусь здесь,— отвечал сэр Галахад.

Тогда король Багдемагус взял с собою надежного пажа, чтобы было кому принести сэру Галахаду известия о его приключениях. Вот проскакали они две мили и выехали в живописную долину, где стояла отшельничья обитель, и видят: скачет им навстречу рыцарь весь в белом, и конь и всадник, несется его конь во весь дух, и копье уперто в надежный упор. Выставил сэр Багдемагус свое копье, устремился ему навстречу и поломал копье о белого рыцаря, а тот ударил на него с такой силою, что пробил на нем звенья кольчуги и пронзил ему правое плечо, ибо щит не укрыл его от удара. Выбил он сэра Багдемагуса из седла, спешился и сам, снял с плеча у него тот белый щит и сказал так:

— Рыцарь, ты поступил весьма неразумно, ибо этот щит может навесить на себя лишь тот, кто не имеет себе равных на свете.

И затем он подошел к юному пажу Багдемагуса и наказал ему:

— Отвези этот щит доброму рыцарю сэру Галахаду, которого вы оставили в аббатстве, и передай ему от меня низкий поклон.

— Сэр,— сказал паж,— а каким именем мне назвать вас?

— Мое имя — не твоя забота,— отвечал рыцарь,— ибо не тебе его узнать, да и никому из смертных.

— Тогда, любезный рыцарь,— сказал паж,— ради почтения перед Иисусом Христом, объясните мне, что за причина, что кто ни навесит этот щит, тому не избежать беды?

— Раз ты спрашиваешь меня его именем,— отвечал рыцарь,— то знай: этот щит предназначено носить лишь сэру Галахаду.

Затем подошел паж к Багдемагусу и спросил его, тяжка ли его рана.

— Да, воистину,— отвечал тот,— нелегко мне будет избегнуть смерти. Юный паж повел под уздцы его коня и с великой болью доставил его назад в аббатство. А там сняли его бережно с коня, освободили от доспехов, уложили в постель, осмотрели его раны, и, как повествуется в Книге, он долго там пролежал и едва не лишился жизни.



КАК ГАЛАХАД ОТБЫЛ СО ЩИТОМ, И О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ЭВЕЛАК ПОЛУЧИЛ ЭТОТ ЩИТ ОТ ИОСИФА АРИМАФЕЙСКОГО ❧ — Сэр Галахад,— сказал паж,— тот рыцарь, что ранил Багдемагуса, посылает вам привет, и он велел сказать вам, чтобы вы взяли себе этот щит, отчего произойдут великие приключения.

— Благословен будь столь счастливый случай! — сказал сэр Галахад.

И он потребовал свои доспехи, сел на коня, навесил белый щит себе на шею и поручил себя милости господней. А сэр Ивейн сказал, что охотно поедет вместе с ним, если он согласен.

— Сэр,— сказал сэр Галахад,— это невозможно, ибо я должен странствовать в одиночку, вместе со мною будет лишь этот юный паж.

И тогда расстался с ним сэр Ивейн.

Поскакал сэр Галахад, и вскоре приехал туда, где белый рыцарь поджидал его у отшельничьей обители. И они учтиво приветствовали один другого.

— Сэр,— сказал сэр Галахад,— с этим щитом, видно, связано много чудес?

— Сэр,— отвечал ему тот рыцарь,— случилось на тридцать втором году после страстей господа нашего Иисуса Христа, что Иосиф Аримафейский, тот самый добрый рыцарь, что снял господа нашего со святого креста, выехал из Иерусалима в сопровождении многих своих сородичей. Они добрались в конце концов до города под названием Саррас. А как раз, когда Иосиф прибыл в Саррас, был там король по имени Эвелак, который вел великую войну против сарацин, в особенности же против одного сарацина, приходившегося ему кузеном, богатого и могучего властителя, с ним пограничного, по имени Толом ла Фентис. И вот однажды назначен был день, когда они двое должны были встретиться в поединке.

Тогда Иосиф, сын Аримафейский явился к королю Эвелаку и открыл ему, что он будет побежден и убит, если только не откажется от веры в старый закон и не поверит в новый закон. И он научил его тут же истинной вере в Святую Троицу, и тот принял эту веру всем сердцем.

Вот тогда-то и был сделан для короля Эвелака этот щит во имя Того, кто умер на кресте. Он же, через добрую свою веру, одержал верх над королем Толомом. Ибо поначалу, когда сэр Эвелак выехал на поединок, его щит был спереди завешен покрывалом, а когда опасность стала ему угрожать не на шутку, он откинул покрывало, и тогда враги его увидели фигуру Распятого на кресте и были обращены в бегство.

Но случилось так, что одному из людей короля Эвелака отсекли в сражении руку, и он держал отрубленную руку свою в другой руке. Иосиф подозвал к себе этого человека и наказал ему с истинной верою прикоснуться к кресту. И лишь только он притронулся увечной рукой к кресту, как в тот же миг его рука срослась и стала цела, как ни в чем не бывало. А вскоре после этого случилось великое чудо: крест со щита вдруг исчез, и никто не знал, куда он девался. И тогда король Эвелак принял святое крещение, и почти все жители города тоже.

Вскоре же после того Иосиф собрался дальше в путь, и король Эвелак во что бы то ни стало пожелал последовать за ним, хотел он того или нет. И по воле счастливого случая, прибыли они в эту страну, которая в те годы звалась Великая Бретань, но здесь их захватил злой язычник и бросил Иосифа в темницу. Но, по счастью, известия об этом достигли слуха достойного человека по имени Мондрам[6], и он, наслышанный об Иосифе, собрал для его спасения всех своих людей. И явился он с ними в страну Великую Бретань, сверг злого язычника и разбил его войско, а Иосифа освободил из темницы. И после этого весь народ обратился к христианской вере.



КАК ИОСИФ СВОЕЮ КРОВЬЮ НАЧЕРТАЛ НА БЕЛОМ ЩИТЕ КРЕСТ, И КАК ГАЛАХАД БЫЛ ПРИВЕДЕН МОНАХОМ К ГРОБНИЦЕ ❧ А в недолгом времени после того лежал уже Иосиф на смертном одре, и король Эвелак увидел это, он очень убивался и сказал так:

— Ради тебя покинул я мою страну, и коли теперь ты покидаешь меня и уходишь из этого мира, оставь мне на память что-нибудь, дабы мог я о тебе думать.

И сказал тогда Иосиф:

— Я сделаю это со всей моею охотою. Принеси мне щит твой, что я дал тебе перед поединком с королем Толомом.

И хлынула тут у Иосифа носом кровь, и никакими ухищрениями нельзя ее было остановить, а он своею кровью начертал на том щите крест и сказал так:

— Теперь есть у тебя память обо мне и знак моей любви, ибо когда бы ни взглянул ты на этот щит, ты подумаешь обо мне. А знак креста всегда будет оставаться свежим, как сейчас, и кто бы ни навесил этот щит себе на шею, неизбежно об том пожалеет, и так будет до тех пор, пока не достанется

си Галахаду, доброму рыцарю. Этот щит будет носить последний из моего рода, и он свершит немало чудных подвигов.
— Где же,—спросил король Эвелак,—хранить мне щит этот, чтобы он попал в руки достойному рыцарю, твоему потомку?
— Сэр, вам надлежит оставить его в том месте, где он будет находиться после смерти отшельника Насьена, ибо туда явится тот славный рыцарь на пятнадцатый день после посвящения в Рыцарский Орден.
И вот ныне настал назначенный день, когда он должен завладеть своим щитом. А в этом аббатстве покоится тело отшельника Насьена.
И окончив речь, белый рыцарь исчез.
Юный паж слышал весь этот рассказ, и он поспешил слезть со своей лошади, опустился у ног Галахада на колени и стал молить его, чтобы он дозволил ему сопровождать себя до того дня, покуда сам не посвятит его в рыцари.
— Я не отказал бы вам, когда бы не должен был ехать один.
— В таком случае, посвятите меня в рыцари! — сказал юный паж.— И милостью божией, я не опозорю высокий Рыцарский Орден.
Сэр Галахад согласился на его просьбу, и они возвратились назад в то самое аббатство, откуда начали путь, и там все весьма возрадовались при виде сэра Галахада.
Но лишь только они спешились, подошел к ним один монах, и он пригласил сэра Галахада к старой гробнице на кладбище, откуда, как сказал он, исходил столь ужасный шум, что кто ни услышит его, тот воистину лишается сил и рассудка.
— И мы полагаем сэр, что это дело диавола.



О ЧУДЕ, КОТОРОЕ СЭР ГАЛАХАД ВИДЕЛ И СЛЫШАЛ В ГРОБНИЦЕ, И КАК ОН ПОСВЯТИЛ В РЫЦАРИ МЕЛИАСА

— Ведите меня туда,— сказал сэр Галахад.
И его привели на кладбище в полном облачении, но только без шлема.
— Вот,— сказал добрый старец,— теперь приблизьтесь к гробнице и подымите камень.
Он подошел, и донесся из могилы громкий крик, и голос произнес жалобно, но отчетливо:
— Сэр Галахад, слуга Иисуса Христа, не подходи ко мне, ибо иначе ты принудишь меня возвратиться туда, где я пребывал уже столь долго!
Но сэр Галахад ничего не побоялся и откинул надгробную плиту. Вырвался из земли зловонный дым, а вслед затем увидел он, как выпрыгнуло из ямы мерзейшее из существ, когда-либо виденное им во образе человека. Посмотрел он, благословясь, и понял, что перед ним — дьявол.
И услышал он тот же голос:

— Сэр Галахад, я вижу вокруг тебя такое множество ангелов, что сила моя бессильна противоборствовать тебе!
И увидел тогда сэр Галахад, что в могиле лежит мертвый рыцарь в доспехах, а сбоку — меч его.
— Вот что, любезный брат,— сказал сэр Галахад,— распорядись перенести отсюда это тело. Этот рыцарь не достоин лежать в ограде церковного кладбища, ибо он не был истинным христианином.
И с тем они оттуда ушли и возвратились в аббатство. Но там, лишь только снял он доспехи, подошел к нему какой-то добрый человек, сел подле него и сказал:
— Сэр, я объясню вам, что означает виденное вами сейчас в могиле. Сэр, плита, покрывавшая тело, означает тяготы жизни и тяжкие грехи, какие застал господь наш в этом мире. Тогда такие царили пороки, что отец не любил сына и сын не любил отца. Это и было одной из причин, что господь наш принял плоть и кровь чистой девы; ибо грехи наши были в те времена столь велики, что кругом и повсюду царил почти один порок.
— Истинно,— сказал сэр Галахад,— я верю в то, что вы говорите.
И сэр Галахад провел там ночь, а на утро он посвятил того пажа в рыцари и спросил его при этом, как его имя и откуда он родом.
— Сэр,— тот отвечал,— люди зовут меня Мелиас Островной, и я сын Датского короля.
— Ну, любезный сэр,— сказал Галахад,— раз вы происходите от королей и королев, так уж, верно, рыцарского звания не уроните, ибо вам надлежит быть зерцалом рыцарства.
— Сэр,— отвечал сэр Мелиас,— истинно вы говорите. Но раз уж, сэр, вы посвятили меня в рыцари, вам надлежит, по справедливости, исполнить мое первое желание, если только оно разумно.
— Верно вы говорите,— сказал сэр Галахад.— Я исполню ваше желание.
— Грамерси, господин мой,— сказал тот.— Дозвольте же мне сопровождать вас в ваших поисках Святого Грааля до тех пор, покуда приключения не разлучат нас.
— Я согласен на это, сэр.
И принесли люди сэру Мелиасу доспехи его, и копье, и привели коня. И поехал он с сэром Галахадом, и целую неделю не встречались им никакие приключения. Наконец, в понедельник утром, покинув монастырь, где останавливались они на ночлег, выехали они на распутье, где расходилась надвое их дорога, и там увидели они надпись, гласившую:
«*Вы, странствующие рыцари, едущие на поиски рыцарских приключений, здесь пред вами две дороги: одной дорогой ехать запрещается, ибо на нее свернешь, обратно не выберешься, если только ты не добродетелен и в бою не доблестен. А коли налево свернешь, то нелегко тебе будет стяжать славу, ибо долго не проедешь, как испытаешь нападение*».
— Сэр,— молвил Мелиас сэру Галахаду,— если соблаговолите вы отпустить меня налево, то я туда и поеду, ибо на этом пути думаю я испытать мою силу.
— Лучше бы вам,— отвечал сэр Галахад,— не ехать этим путем, ибо думается мне, я легче избегну на нем опасностей, нежели вы.

— О нет, господин мой, прошу вас, поручите мне это приключение!
— Что ж, поезжайте, во имя господа,— сказал сэр Галахад.



О ПРИКЛЮЧЕНИИ, КОТОРОЕ БЫЛО У МЕЛИАСА, И КАК ГАЛАХАД ЗА НЕГО ОТОМСТИЛ И КАК МЕЛИАСА ОТВЕЗЛИ В МОНАСТЫРЬ ❧ Теперь обращается это повествование к сэру Мелиасу Островному.

Вот едет сэр Мелиас вековым лесом, едет два дня, едет дольше. И выехал он на широкий луг, а посреди луга стоял просторный шалаш из сучьев и ветвей. Внутри увидел он кресло, и на нем золотую корону, искусно и богато изукрашенную. На земляном же полу была разостлана скатерть, уставленная многими прекрасными яствами.

Посмотрел на это все сэр Мелиас, подивился чуду. Но голода он не испытывал, и потому приглянулась ему только золотая корона, он наклонился, подобрал ее и с нею поскакал дальше. Вдруг заметил он: скачет за ним вослед рыцарь и кричит:

— Положи корону, тебе не принадлежащую! И защищайся, если можешь!

Перекрестился тут сэр Мелиас и проговорил:

— Милостивый господь небес, поддержи и спаси твоего новопосвященного рыцаря!

И пустили они навстречу друг другу коней во весь опор и сшиблись с налета. Но тот рыцарь пробил сэру Мелиасу кольчугу с левой стороны, так что он замертво свалился на землю. И тогда он отнял у него корону и ускакал прочь. А сэр Мелиас остался лежать недвижимый, не имея силы и пошевелиться.

Но по воле счастливого случая подъехал туда сэр Галахад и нашел его при последнем издыхании. Он спросил:

— Сэр Мелиас, кто нанес вам эту рану? Вот видите, лучше было бы вам ехать другой дорогой.

Услышал сэр Мелиас его голос.

— Сэр,— сказал он,— ради господа, не оставьте меня умирать в этом лесу, но отвезите в ближнее аббатство, дабы я мог, как подобает, покаяться и получить отпущение грехов.

— Я это исполню,— отвечал сэр Галахад.— Но где же тот, кто нанес вам рану?

И тут вдруг услышал сэр Галахад из зарослей громкий возглас:

— Рыцарь, защищайся!

— О сэр,— молвил сэр Мелиас,— остерегитесь, ибо это и есть он, тот, кто убил меня.

И крикнул в ответ сэр Галахад:

— Сэр рыцарь, пожалуй сюда, себе на погибель!
Тут оба они изготовились к бою и устремились навстречу друг другу во весь опор. И сэр Галахад ударил его с такой силой, что копьем пронзил ему плечо и лопатку и сбросил его с коня долой. И при этом сломалось Галахадово копье. Но тут выскочил из зеленых зарослей еще один рыцарь и поломал копье об сэра Галахада, не дав ему даже повернуть коня. Но сэр Галахад тогда выхватил меч свой и отсек ему левую руку, и она упала на землю. И тогда тот обратился в бегство, а сэр Галахад поскакал за ним вослед[7].
Но потом он возвратился к сэру Мелиасу, спешился, положил его бережно перед седлом, ибо в теле у него оставался обломок копья. А потом сам вскочил в седло, поднял его на руки и так довез до аббатства, а там снял с него доспехи и отнес на ложе. И он попросил Святых Даров, а когда получил последнее причастие, то сказал сэру Галахаду:
— Сэр, теперь пусть приходит смерть, когда будет на то его воля.
И с тем выдернул обломок копья из своей раны и сразу лишился чувств. Тут вошел к нему один старый монах, сам некогда бывший рыцарем. Поглядел он на сэра Мелиаса, осмотрел и промыл его рану и сказал сэру Галахаду так:
— Я могу исцелить его, буде на то милость божия, за семинедельный срок.
Обрадовался сэр Галахад, снял с себя доспехи и сказал, что останется там на ночь. И пробыл он с ними три дня и три ночи, а потом спрашивает сэра Мелиаса, каково ему теперь, не лучше ли? И ответил сэр Мелиас, что, благодарение богу, он чувствует, что поправляется.



КАК ГАЛАХАД ПОЕХАЛ ДАЛЬШЕ И КАК ЕМУ БЫЛО ВЕЛЕНИЕ ОТПРАВИТЬСЯ В ДЕВИЧИЙ ЗАМОК И УНИЧТОЖИТЬ ТАМ ДУРНОЙ ОБЫЧАЙ — Тогда я вас покину,— сказал сэр Галахад,— ибо мне предстоит еще многое сделать, и немало добрых рыцарей сейчас заняты тем же. Этот рыцарь и я,— сказал сэр Галахад монаху,— странствовали вместе в поисках Святого Грааля.
— Сэр,— отвечал этот добрый человек,— он за грехи свои был так изувечен. И я дивлюсь,— сказал он,— как вы дерзаете принять на себя столь важное нечто, как высокий Орден Рыцарства, и притом без очищения исповедью? По этой-то причине вы и получили вашу жестокую рану, ведь путь направо означал столбовой путь господа нашего Иисуса Христа, путь истинной добродетельной жизни. А другой путь — это путь греха и неверия. И когда диавол увидел вашу гордыню, что вы осмелились присоединиться к взыскующим Святого Грааля, ваша же гордыня и послужила к вашему поражению, ибо этот подвиг предназначен лишь для мужей праведной жизни.
Да и сама надпись на распутье гласила о делах небесных и о рыцарских подвигах на божиих путях, но не о подвигах рыцарей в делах земных; гордыня

же — глава всех грехов, это она побудила вас разлучиться с сэром Галахадом. А взяв золотую корону, вы свершили грех корыстолюбия и воровства. Все это — не рыцарские поступки. Когда же сэр Галахад, святой рыцарь, бился с теми двумя рыцарями, то два рыцаря обозначали эти два смертных греха, что гнездятся в рыцаре сэре Мелиасе; но против вас они выстоять не могли, ибо у вас нет смертных грехов.

После того простился с ними сэр Галахад и поручил их богу.

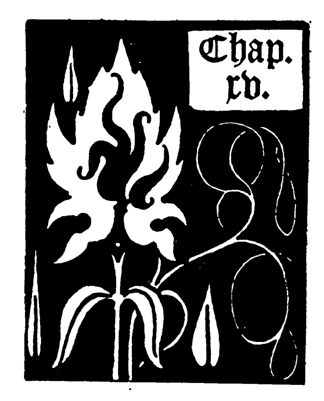
И сказал тогда сэр Мелиас:

— Господин мой сэр Галахад, я разыщу вас, как только смогу сидеть в седле.

— Бог да исцелит вас! — сказал сэр Галахад.

И с тем сел он на коня и пустился в путь, и много ездил он по свету туда и сюда, и наконец случилось ему однажды покинуть замок, где он останавливался на ночлег, не выслушав поутру обедни. Название же тому замку было Абблacyp. Ехал он, ехал и очутился на горе, а там стояла старая, ветхая часовня, и в ней не было ни души, ибо вокруг царило безлюдье. И преклонил он там пред алтарем колена и воззвал к богу о добром наущении, и не кончил еще молитвы, как услышал голос, говоривший:

— Ныне ступай, о странствующий рыцарь, в Девичий замок и положи конец его злым обычаям!



КАК СЭР ГАЛАХАД БИЛСЯ С РЫЦАРЯМИ ЗАМКА И УНИЧТОЖИЛ ДУРНОЙ ОБЫЧАЙ ❧ Услышавши это, возблагодарил сэр Галахад бога и сел на коня, и долго не проехал, как увидел в долине перед собою крепкий замок, окруженный глубокими рвами, а рядом бежала широкая река, что зовется Северн[8]. И повстречался ему древний старец, и они приветствовали один другого, а потом сэр Галахад спросил у него, как называется этом замок.

— Любезный сэр,— тот отвечал,— это Девичий замок. На нем лежит проклятье, равно как и на всех тех, кто в нем обитает, ибо сострадания там не ведают, зло же и жестокость всевозможные там процветают. И потому мой совет вам, сэр рыцарь, вернитесь назад.

— Сэр,— сказал сэр Галахад,— знайте, что назад я ни в коем случае не поверну.

И оглядел сэр Галахад свои доспехи, надежны ли они, крепки ли, и выставил перед собою щит. В это время вышли ему навстречу семь прекрасных девушек, и сказали они ему так:

— Сэр рыцарь, по великому неразумию вы сюда скачете, ведь вам надобно будет перебраться через реку.

— Отчего же бы мне и не перебраться через реку? — спросил сэр Галахад.

И с тем поскакал прочь от них своею дорогой, и повстречался ему молодой рыцарь, который сказал ему так:

— Рыцарь, знай, что рыцари этого замка запрещают тебе ехать дальше, покуда ты не объявишь, чего тебе здесь надо.
— Любезный сэр,— отвечал сэр Галахад,— я прибыл сюда затем, чтобы уничтожить здешний злой обычай!
— Сэр, если вы от этого намерения не отступитесь, дела у вас будет немало.
— Поезжайте-ка своей дорогой,— сказал сэр Галахад,— и меня не задерживайте.
Тот возвратился в замок, и вот выехали из ворот замка семь рыцарей, все семеро — братья. И, завидев сэра Галахада, вскричали они громким голосом:
— Рыцарь, защищайся! Ибо мы можем тебе обещать лишь верную смерть.
— Как так? — спросил сэр Галахад,— неужели вы хотите биться против меня все сразу?
— О да,— они отвечали.— В этом ты можешь не сомневаться.
Тогда выставил сэр Галахад свое копье и сшиб переднего рыцаря наземь, так что тот едва не сломал себе шею. Тут остальные шестеро с размаху ударили его в щит копьями, но копья у них у всех поломались. А сэр Галахад обнажил меч и набросился на них так, что дивно было глядеть, и через великую свою мощь вынудил их под конец покинуть поле битвы. Сэр Галахад погнался за ними вослед, они же въехали в ворота замка, проскакали его насквозь и выехали вон через другие ворота.
И вышел навстречу сэру Галахаду старец в церковных одеждах и сказал:
— Сэр, примите ключи от замка.
Тогда сэр Галахад отпер ворота и увидел на улице столько людей, что и сосчитать нельзя. И все они сказали:
— Сэр, добро вам пожаловать, ибо мы давно уже ждем избавления!
Тут вышла вперед благородная женщина и сказала:
— Сэр, те рыцари бежали, но нынче же ночью они возвратятся и снова восстановят здесь свой злой обычай.
— Чего же вы желаете от меня? — спросил сэр Галахад.
— Сэр,— отвечала благородная женщина,— вы должны послать за всеми рыцарями, что держат земли от этого замка, и пусть они поклянутся вам в том, что будут верны прежним обычаям, которые повелись здесь издавна.
— Я охотно это исполню,— сказал сэр Галахад.
Тогда она принесла ему рог из слоновой кости с богатой золотой накладкой и сказала:
— Сэр, затрубите в этот рог, и его все услышат на две мили в округе.
Сэр Галахад протрубил в рог и сел на ложе. И пришел к Галахаду священник и рассказал ему:
— Сэр, уже тому прошло семь лет, как эти семеро братьев явились в наш замок, воспользовавшись гостеприимством герцога нашего Лианора, которому принадлежали все здешние земли. Когда же они увидели дочь герцога, даму весьма собой прекрасную, то коварно замыслили недоброе и затеяли между собою ссору. Герцог по доброте своей хотел было их разнять, но они убили его и его старшего сына. И завладели они прекрасной девицей и всеми сокровищами замка и силою держали всех рыцарей здешнего края в подчинении и повиновении, а простой люд грабили и обирали немилосердно. Но однажды сказала им герцогская дочь: «Вы сделали великое зло, убив

отца моего и брата и завладев нашими землями. Но впрочем,— она сказала,— вы не много лет будете владеть этим замком, ибо всем вам нанесет поражение один рыцарь». Так пророчествовала она тому семь лет назад. «Что ж,— отвечали ей семеро рыцарей,— коли так, то ни одна дама и ни один рыцарь, кто заедет в этот замок, его уже под страхом смерти не покинут, хотят они того или нет, покуда не объявится тот самый рыцарь, который его у нас отнимет». Вот потому-то и зовется он Девичий замок, что здесь погублено немало девиц.

— А та,— спросил сэр Галахад,— из-за кого произошли все эти бедствия? Здесь ли она?

— Нет, сэр,— отвечал священник,— она умерла на третью ночь, как учинили над нею насилие. Они же содержали при себе в заточении ее младшую сестру, которая приняла немало мук вместе со многими другими дамами. К этому времени собрались в замок все окрестные рыцари, и сэр Галахад пригласил их поклясться в вассальной верности меньшой герцогской дочери и тем облегчил их сердца. А наутро прибыл к сэру Галахаду человек и принес известие, что те семеро братьев убиты рукою сэра Гавейна, сэра Гарета и сэра Ивейна.

— Полагаю, что так оно и к лучшему,— сказал сэр Галахад, облачился в доспехи, сел на коня и поручил их господу богу.

Здесь оставляем мы сэра Галахада и поведем речь о сэре Гавейне.



КАК СЭР ГАВЕЙН ПРИБЫЛ В МОНАСТЫРЬ, ЕДУЧИ ВСЛЕД ЗА ГАЛАХАДОМ, И КАК ОН ИСПОВЕДАЛСЯ ОТШЕЛЬНИКУ

Когда сэр Гавейн, как рассказывается в повести, выехал в странствия, он изъездил много земель вдоль и поперек, и под конец прибыл он в то аббатство, где сэр Галахад добыл себе белый щит. Там узнал сэр Гавейн, каким путем следовать ему за сэром Галахадом, и так добрался до другого аббатства, где лежал больной Мелиас. И поведал ему сэр Мелиас о чудесных подвигах сэра Галахада.

— Правду сказать,— молвил тогда сэр Гавейн,— я сожалею, что не поехал с ним одной дорогой. И если только я встречусь с ним теперь, я так просто от него не отстану, какие бы небывалые приключения ни встретились сэру Галахаду.

— Сэр,— сказал один из монахов,— но он не согласится, чтобы вы его сопровождали.

— Отчего же? — спросил сэр Гавейн.

— Сэр,— тот отвечал,— ведь вы порочны и грешны, он же блажен.

Между тем как они беседовали, прискакал вдруг туда сэр Гарет, и они встретились друг с другом сердечно и радостно. А наутро они выслушали обедню и отправились дальше, и по пути повстречался им сэр Ивейн Отчаянный. И сказал сэр Ивейн сэру Гавейну, что у него не было ни одного приключения, с тех пор как он выехал в странствие.

— И у нас тоже не было,—сказал сэр Гавейн.
И они уговорились втроем не расставаться в этом странствии, разве что неожиданный случай их разлучит. Вот поехали они дальше и добрались до Девичьего замка. Там в окрестностях завидели их те семеро братьев и сказали:
— Раз мы выгнаны из этого замка одним рыцарем, мы теперь будем убивать всех рыцарей короля Артура, каких сможем одолеть, в отместку этому сэру Галахаду.
И с тем они всемером напали на тех троих рыцарей. Но, по счастью, сэр Гавейн тут же одного из братьев убил, и товарищи его каждый поразил по брату, а затем они убили и остальных.
После этого они поскакали дальше под стенами замка, но утеряли след сэра Галахада, а утеряв след Галахада, решили разъехаться в разные стороны. Сэр Гавейн ехал, ехал и увидел хижину отшельника, а в ней нашел он доброго старца за молитвой Святой Деве. Сэр Гавейн попросил у него, Христа ради, ночлега, и добрый человек принял его с охотою. А потом спрашивает его старец, кто он таков.
— Сэр,— он отвечает,— я рыцарь короля Артура, взыскующий Святого Грааля, имя же мое — сэр Гавейн.
— Сэр,— сказал тут добрый старец,—мне хотелось бы знать о счетах ваших с господом богом.
— Сэр,— отвечал сэр Гавейн,— я с охотою открою вам мою жизнь, если будет на то ваша воля.
И он рассказал отшельнику, как один монах в аббатстве назвал его порочным рыцарем.
— И он вправе был вас так назвать,— сказал отшельник,— ибо, сделавшись рыцарем, вы должны были обратиться к благородным делам и к добродетельной жизни. Вы же поступали напротив того и много лет прожили греховной жизнью. А сэр Галахад девствен и не грешил никогда, и вот поэтому-то он достигнет того, за что взялся, в то время как вы и все, кто вам подобен, никогда этого не достигнете, и никто из ваших сотоварищей тоже, ибо вы вели жизнь неправеднейшую, какою когда-либо жил рыцарь. И воистину, не будь вы столь порочны, не были бы убиты вами и вашими товарищами те семеро братьев; ведь сэр Галахад один одолел их всех семерых накануне, однако он живет столь праведно, что просто так не убьет человека. И еще могу сказать вам, что Девичий замок означает заточение, в котором пребывали души добрые прежде воплощения господа нашего Иисуса Христа. А семеро рыцарей означают семь смертных грехов, что царили в то время в мире. Доброго же рыцаря сэра Галахада я могу уподобить Сыну Небесного Отца, родившемуся из чрева девственницы и выкупившему все души из неволи: так и сэр Галахад освободил девушек из мрачного замка. Тебе же, сэр Гавейн,— сказал добрый человек,— надлежит искупить твои грехи.
— Сэр, что же я должен сделать?
— Исполнить, что я тебе назначу,— сказал отшельник.
— Нет,— сказал сэр Гавейн,— я не согласен, ибо мы, странствующие рыцари, и без того слишком часто испытываем тяготы и мученья.

— Ну, что ж,— только и молвил добрый человек и больше не сказал ни слова.

А наутро сэр Гавейн простился с отшельником и поручил его богу. И случилось ему вскоре повстречать сэра Агловаля и сэра Грифлета, двух рыцарей Круглого Стола, и так втроем скакали они четыре дня безо всяких приключений. На пятый день они расстались, и каждый поехал дальше своим путем, как вела его судьба.

Здесь оставляет рассказ сэра Гавейна и его товарищей и обращается к сэру Галахаду.



КАК СЭР ГАЛАХАД ПОВСТРЕЧАЛСЯ С СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ И СЭРОМ ПЕРСИВАЛЕМ И КАК ОН ИХ СОКРУШИЛ И УСКАКАЛ ПРОЧЬ ❧ А сэр Галахад, покинув Девичий замок, долго ехал и очутился в пустынном лесу, а там повстречал он сэра Ланселота и сэра Персиваля. Но они его не признали, ибо им незнакомо было его новое обличье. И, завидев его, отец его сэр Ланселот тут же выставил копье и сломал его об сэра Галахада, а сэр Галахад в ответ ударил на него так, что рухнули наземь и конь, и всадник. А затем он обнажил меч и выехал против сэра Персиваля и такой удар нанес ему по шлему, что рассек сталь до кольчатого наглавника, так что, не подвернись меч у него в руке, быть бы сэру Персивалю убитым. И от этого удара вывалился сэр Персиваль из седла.

А происходил весь этот бой в виду одинокого дома, в котором жила затворница. И сказала святая женщина, глядя вслед сэру Галахаду:

— Бог да пребудет с тобою, лучший из рыцарей мира! Ах, воистину,— воскликнула она громко, так что и сэр Ланселот, и сэр Персиваль ее слышали,— если б те два рыцаря признали тебя, как я, они бы с тобою не бились!

Услышав слова ее, сэр Галахад испугался, как бы его не узнали, ударил шпорами коня и во весь опор поскакал от них прочь. Поняли они, что это был сэр Галахад, поспешили сесть на своих коней и пустились за ним вдогонку. Но вскоре он уже скрылся у них из глаз, и тогда они повернули печально назад.

— Может быть, нам лучше расспросить эту затворницу? — сказал сэр Персиваль.

— Поступайте как знаете,— сказал сэр Ланселот.

И с тем сэр Персиваль возвратился к затворнице, и она сразу же узнала его и сэра Ланселота тоже.

Но сэр Ланселот поскакал дальше, он долго ездил вдоль и поперек по дикому лесу, не разбирая дороги и положившись лишь на волю случая. Но под

конец выехал он на распутье двух дорог, где на безлюдной равнине стоял большой каменный крест. А подле креста лежала мраморная плита, но она так потемнела, что сэр Ланселот не мог ничего на ней разобрать. И тогда огляделся сэр Ланселот кругом и увидел старую часовню, и туда направил он коня, думая найти там людей.

Вот привязал сэр Ланселот коня к дереву, снял щит свой с плеча и повесил на сук, и приблизился он к дверям часовни, но двери оказались разбиты и обрушены. А внутри разглядел он алтарь прекрасно и богато убранный покровом из чистого шелка, а на нем стоял блистающий подсвечник с шестью большими свечами, и был этот подсвечник из серебра. И, видя такое сияние, пожелал сэр Ланселот во что бы то ни стало войти в ту часовню, но входа найти не мог. И тогда он, огорченный и опечаленный, повернул назад, туда, где был привязан его конь, снял седло и сбрую и отпустил его пастись, а сам отстегнул шлем, отвязал меч с пояса, лег на щит свой у подножья креста и уснул.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ В ПОЛУСНЕ ВИДЕЛ ПОВОЗКУ, В КОТОРОЙ ПРОВЕЗЛИ НЕДУЖНОГО ЧЕЛОВЕКА, И КАК ОН БЫЛ ИСЦЕЛЕН СВЯТЫМ ГРААЛЕМ ❧ Дремлет он, и во сне ли, наяву ли, видит: скачут прямо к нему две лошади, белые как снег, и везут повозку, а в ней — недужный рыцарь. Подъехали к кресту и остановились. А сэр Ланселот все видит и замечает, ибо он спит ненастоящим сном. И услышал он, как тот проговорил:

— А, милосердный Иисусе! Когда оставит меня эта мука? Когда очутится вблизи меня священный сосуд, от которого мне будет исцеление? Ведь я так долго страдаю за столь малый проступок, страдаю уже давно!

Так жаловался рыцарь, а сэр Ланселот все слышал от начала и до конца. И вдруг видит сэр Ланселот перед каменным крестом подсвечник с шестью зажженными свечами, но не видно было, кем он был принесен. И еще очутился там серебряный стол, а на нем — священный сосуд Святой Грааль, еще прежде виденный сэром Ланселотом во дворце Короля-Рыболова. В тот же миг сел в повозке больной рыцарь, воздел кверху обе руки и сказал:

— Милостивый, благостный боже, здесь, в этом священном сосуде пребывающий, внемли мольбе моей, дабы мне исцелиться от моего недуга!

И на четвереньках подполз он к священному сосуду, коснулся его и поцеловал. И в тот же миг он был исцелен. И тогда он сказал:

— Господи боже, благодарю тебя, ибо я исцелен от моего недуга!

Долгое время пробыл там священный сосуд, а затем, вместе с подсвечником и огнем, исчез в часовне, так что сэр Ланселот и не видел этого, ибо, подавленный своими грехами, он не в силах был поднять глаз на священный сосуд. И оттого впоследствии многие дурно о нем говорили, он же после этого обратился к покаянию.

А исцеленный рыцарь облачился в одежды и поцеловал крест. Тут подоспел и паж с его оружием, и он спросил у своего господина, как он себя чувствует.

— Воистину,— он отвечал,— я, благодарение господу, совсем здоров! Си-

лою священного сосуда я исцелен. Но я дивлюсь на вот этого спящего рыцаря, что он не смог пробудиться, когда священный сосуд был здесь.
— Я полагаю,— сказал паж,— он пребывает в смертном грехе и в нем до сих пор не раскаялся и не получил отпущения.
— Клянусь,— сказал рыцарь,— кто бы он ни был, он несчастлив. Я полагаю, что он из рыцарей Круглого Стола, взыскующий Святого Грааля.
— Сэр,— молвил ему паж,— вот я принес вам все ваши доспехи, кроме шлема и меча, и потому мой вам совет: возьмите шлем и меч у этого спящего рыцаря.
Он так и сделал. И, оказавшись во всеоружии, он сел на Ланселотова коня, ибо он был лучше, чем его конь, и с тем ускакали они оттуда прочь.

Chap. xix.

КАК СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ БЫЛ ГОЛОС И КАК ОН ЛИШИЛСЯ КОНЯ И ШЛЕМА И ДАЛЕЕ ОТПРАВИЛСЯ ПЕШКОМ ❧ Вот очнулся сэр Ланселот, сел и задумался о том, что видел, сон ли то был или явь? И услышал он голос, говорящий:
— Сэр Ланселот, сэр Ланселот, твердый, как камень, горький, как древесина, нагой и голый, как лист смоковницы! Ступай отсюда прочь, удались от этих святых мест!
Услышавши это, опечалился сэр Ланселот и не сразу решил, как ему поступить. Отошел он оттуда прочь, горько плача и проклиная тот час, когда родился на свет, ибо он думал, что уже никогда не вернуть ему былой славы. Ибо те слова запали ему в сердце, и он понимал, чем заслужил их.
И когда он возвратился на перекресток, не нашел он там ни шлема, ни меча, ни коня своего. И тогда воскликнул он, что он бедный неудачник и несчастнейший из рыцарей, и сказал так:
— Мои грехи и пороки довели меня до этого бесславия! Ибо когда я брался за мирские подвиги ради мирских нужд, то всегда достигал цели и всюду одерживал верх и ни в одном бою не испытал поражения, прав ли я был или виноват. Но вот теперь я выехал на подвиг ради того, что свято, но чувствую и вижу, как прежние мои грехи препятствуют мне и меня позорят, так что я даже не имел силы ни шевельнуться, ни слова молвить, когда святая кровь явилась предо мною.
Так он убивался, покуда не настал день и не услышал он пение птиц; и тогда он немного утешился. Но лишившись коня и вооружения, сэр Ланселот понял ясно, что подвиг его неугоден богу. И он ушел пешим в густой лес и к исходу утра очутился на высокой горе, где нашел хижину отшельника, и святой человек как раз готовился служить обедню.
Опустился сэр Ланселот на колени и воззвал ко господу о милосердии и прощении грехов. Когда же кончилась служба, сэр Ланселот окликнул отшельника и просил его, чтобы он выслушал милостиво рассказ о его жизни.
— С охотою,— отвечал добрый человек и спросил его, не из рыцарей ли короля Артура он, не из дружины ли Круглого Стола.

— Да, воистину, сэр, и имя мое — сэр Ланселот Озерный, о котором всегда говорили лишь доброе. Но теперь удача мне изменила, ибо я теперь всех несчастнее на свете.

Поглядел на него отшельник и подивился, отчего он так горько убивается?

— Сэр,— сказал отшельник,— вам надлежит благодарить господа более, нежели какому-либо еще рыцарю на свете, ибо он дал вам мирской славы больше, чем другим рыцарям. Но за то, что вы осмелились взыскать его, будучи в смертном грехе, взыскать плоти его и крови, вам не дано увидеть его вашим смертным взором, ибо господь не является грешникам, разве только им же на позор и на погибель. Но в мире нет второго такого рыцаря, кому столь же надлежит возносить хвалу господу, как вам, ибо изо всех рыцарей лишь вас одарил бог столь щедро красотой, благородным нравом, вежеством и великой мощью. И потому вы более, нежели кто-либо еще из смертных, обязаны ему любовью и страхом, ибо сила ваша и мужество немногого бы стоили без господня благоволения.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ИСПОВЕДАЛСЯ, И КАК ОН СОКРУШАЛСЯ, И О ДОБРЫХ ПРИМЕРАХ, ЕМУ УКАЗАННЫХ ❧ Тут заплакал сэр Ланселот с тяжелым сердцем и сказал:

— Вижу, что истинно говорите вы.

— Сэр,— сказал ему святой человек,— прошу вас, не скройте от меня ни единого вашего старого греха.

— Право,— отвечал сэр Ланселот,— мне очень неприятно поминать прошлое. Ведь вот уже четырнадцать лет, как я никому не открываю ничего о себе, и вот теперь должен я признать мой позор и мою слабость.

И с тем он рассказал святому человеку всю свою жизнь, как он без меры любил свою королеву безмерно долгий срок.

— И все мои бранные подвиги я почти всегда свершал во имя королевы и ради нее всегда готов был вступить в поединок, все равно за правое или неправое дело. И никогда не бился я просто во имя господа, но всегда желал завоевать себе славы и тем заслужить еще больше любви и редко когда благодарил за славу мою господа бога.— И под конец сказал сэр Ланселот:

— Сэр, я прошу у вас наставления.

— Сэр, я дам вам наставление,— отвечал отшельник,— если вы поручитесь мне вашей рыцарской честью, что воздержитесь от общения с вашей королевой, насколько возможно.

Тогда сэр Ланселот поклялся ему в этом душой и телом.

— Сэр, глядите, чтобы сердце ваше и язык были в согласии,— сказал добрый человек,— и я ручаюсь вам, что вы сподобитесь славы еще большей, нежели та, что у вас теперь.

— Святой отец,— сказал сэр Ланселот,— а что же это был за голос, произнесший мне те дивные слова, про которые я вам рассказал?

— Не удивляйтесь,— отвечал добрый человек,— ибо они означают, что бог вас любит. Человек должен помнить, что камень тверд по природе, хоть есть камни мягче, а есть тверже. И это надлежит помнить тебе, сэр Ланселот, ибо ты не отступался от греха своего, как милостив ни был к тебе господь. Вот потому ты тверже любого камня и тебя не размягчить ни воде, ни огню и потому жар святого духа не проникает тебе в душу.
Но погляди, во всем мире не сыскать другого рыцаря, кому господь наш ниспослал бы столько милостей, сколько тебе, ибо тебе дал господь красоту и вежество, а также смысл и рассуждение, дабы мог ты различить добро от зла. И еще он дал тебе доблесть и мужество и наделил тебя достоинствами столь щедро, что ты всю жизнь свою, куда бы ни направился, везде одерживал победы. Но вот теперь господь наш не пожелал долее попускать тебе, покуда ты не познаешь его, волей или неволею. А горьким, как древесина, голос назвал тебя потому, что где коренится грех, там нет места сладости; вот почему был ты уподоблен старому прогнившему стволу дерева.
Я показал уже тебе, почему ты тверд, как камень, и горек, как дерево; а теперь я покажу тебе, почему ты гол и наг, как лист смоковницы. Случилось так, что однажды в Вербное воскресенье господь наш проповедовал в Иерусалиме, и нашел он, что народ там закоснел в жестокости, ибо во всем городе ни один не соглашался дать ему приют. И тогда вышел он из города и по дороге набрел на смоковницу с густой, зеленой листвой, но без плодов на ветвях. И проклял господь наш дерево, которое не приносит плодов. А означает эта смоковница город Иерусалим, имеющий листья, но не плоды. Вот и тебя, сэр Ланселот, когда явился пред тобою Святой Грааль, бог узрел без плодов — без добрых мыслей, без возвышенных стремлений, лишь запятнанным похотью.
— Воистину,— сказал сэр Ланселот,— все, что вы говорите,— правда. И отныне, милостию божией, я намереваюсь отказаться от прежних моих пороков, не откажусь лишь от рыцарства и от бранных подвигов.
И назначил святой человек сэру Ланселоту такое покаяние, какое только было ему под силу исполнить, не отказываясь от рыцарства. И отпустил он ему грехи и пригласил его провести у него весь тот день.
— Я готов, с доброй охотой,— отвечал сэр Ланселот,— ведь у меня нет ни шлема, ни коня, ни меча.
— Что до этого,— сказал отшельник,— то я к завтрашнему вечеру помогу тебе достать коня и все, что тебе потребно.
И раскаялся сэр Ланселот от души во всех своих прегрешениях.
Здесь оставляет повествование сэра Ланселота и обращается к сэру Персивалю Уэльскому.



XIV

КАК СЭР ПЕРСИВАЛЬ ПРОСИЛ НАСТАВЛЕНИЯ У ЗАТВОРНИЦЫ И КАК ОНА ОТКРЫЛА ЕМУ, ЧТО ОНА — ЕГО ТЕТКА ❧

Chapter I.

КАК РАССКАЗЫВАЕТ повесть, когда сэр Ланселот отправился вослед за сэром Галахадом, о чьих подвигах говорилось выше, сэр Персиваль возвратился к затворнице, у которой он думал узнать вести про этого рыцаря, разыскиваемого сэром Ланселотом.

Он опустился на колени у ее окна, и затворница открыла окно и спросила сэра Персиваля, чего ему надобно.

— Госпожа,— он отвечал,— я рыцарь короля Артура, и мое имя сэр Персиваль Уэльский. Услышала затворница его имя и очень обрадовалась, ибо он ей издавна был дорог более, чем какой-либо другой рыцарь. Да и не удивительно, ведь она приходилась ему теткой. Она распорядилась отпереть ворота, и был ему оказан добрый прием, сколько это было в ее силах.

Вот наутро явился сэр Персиваль к затворнице и спросил ее, знаком ли ей рыцарь с белым щитом.
— Сэр,— сказала она,— а что за причина вам спрашивать?
— Правду сказать, госпожа,— отвечал сэр Персиваль,— я не буду знать покоя, покуда не встречусь с этим рыцарем и не сражусь с ним. Так просто он от меня не уйдет, ибо я уже потерпел однажды от него поражение.
— А, сэр Персиваль! — сказала она,— неужели вы ищете сразиться с ним? Вижу я, что вам пришла охота погибнуть, как погиб когда-то ваш отец через свое неразумие.
— Госпожа, я сужу по вашим словам, что вы меня знаете.
— Да,— отвечала она,— уж конечно я должна знать вас, ведь я ваша тетка, хоть я сейчас и в бедности. А некогда люди звали меня королевой Западных Земель и я почиталась самой богатой королевой на свете. Но никогда богатство мое не радовало меня так, как моя бедность.
И заплакал сэр Персиваль от глубокой жалости, узнав, что она его тетка.
— Ах любезный племянник,— сказала она,— когда слышали вы в последний раз вести о вашей матери?
— Правду сказать,— отвечал он,— я вестей от нее не имею, но часто вижу ее во сне и потому не могу сказать, жива ли она или умерла.
— Истинно, любезный племянник, ваша мать умерла, ибо, расставшись с вами, она так тосковала, что едва только успела исповедаться и тут же скончалась.
— Господь да смилостивится над ее душою! — молвил сэр Персиваль.— Мне прегорестно это, но ведь каждому из нас предстоит расстаться с земным существованием. Однако, любезная тетушка, откройте мне теперь, кто таков был тот рыцарь? Сдается мне, что он — тот же самый рыцарь, что выступал на Троицу в красных доспехах.
— Знайте же,— она отвечала,— что это он и есть. Ему нельзя было явиться иначе, как в красных доспехах. И рыцарь этот не имеет себе равных, ибо все подвиги его чудесны и смертной руке его не одолеть.



КАК МЕРЛИН УПОДОБИЛ КРУГЛЫЙ СТОЛ МИРУ, И О ТОМ, КАК СТАЛИ ИЗВЕСТНЫ ИМЕНА РЫЦАРЕЙ, КОИМ ВЫПАЛО ДОСТИЧЬ СВЯТОГО ГРААЛЯ

А Круглый Стол был сооружен Мерлином как знак истинной круглости мира[9], и людям так и надлежит понимать значение Круглого Стола. Ибо весь мир, и языческий, и христианский, стремится к Круглому Столу, и когда человека избирают в братство рыцарей Круглого Стола, он почитает это для себя высшей милостью и вестью, нежели получи он полмира в собственное свое владение.
Вы сами видели, как рыцари лишались отцов и матерей, лишались рода своего и племени, и жен, и детей, чтобы только вступить в ваше

братство. Вы и сами тому пример, ибо, оставив вашу матушку, вы никогда уже ее не увидите,— столь превосходное братство нашли вы за Круглым Столом.

Когда Мерлин затеял сделать Круглый Стол, он сказал так: «Те, кто будут рыцарями Круглого Стола, познают истину Святого Грааля». А когда его спрашивали, как же отличить тех, кто сподобится достичь Святого Грааля, он отвечал: «Три белых быка исполнят этот подвиг, и двое будут непорочны, а третий чист. И один из тех троих превзойдет отца своего, как лев превосходит леопарда, и силою, и бесстрашием».

Слыхавшие же это из уст Мерлина сказали: «Раз должен появиться такой рыцарь, ты устрой для него силою чар твоих особое сидение, чтобы никому нельзя было сидеть на нем, кроме лишь того, кто превосходит всех рыцарей». И Мерлин ответил, что так он и сделает. И устроил он Погибельное Сидение, на котором сидел Галахад во время пиршества на прошлую Троицу.

— Теперь, госпожа,— сказал сэр Персиваль,— я столь многое услышал от вас, что своей охотою никогда не стану искать иной встречи с сэром Галахадом, как только учтивой и дружественной. Но ради господа, любезная госпожа, не можете ли вы научить меня, где мне его найти? Ибо быть с ним мне бы хотелось всей душой.

— Любезный племянник,— она отвечала,— отправляйтесь в замок, который зовется Гот, где живет один его кровный родич, и там остановитесь на ночлег. А утром, как он вас научит, туда и поспешите. Если же он ничего сказать вам не сможет, тогда поезжайте прямо в замок Корбеник, где находится Увечный Король, а уж там вы непременно узнаете о нем верные вести.



КАК СЭР ПЕРСИВАЛЬ ПРИБЫЛ В МОНАСТЫРЬ, ГДЕ НАШЕЛ КОРОЛЯ ЭВЕЛАКА, КОТОРЫЙ БЫЛ ГЛУБОКИМ СТАРЦЕМ

Вот простился, в слезах, сэр Персиваль со своею теткой. И пустился он в путь и скакал до самой вечерни. Вдруг слышит он бой часов. Смотрит — стоит у дороги высокий дом за крепкими стенами и глубокими рвами. Постучал сэр Персиваль в ворота. Раскрылись перед ним ворота, въехал он внутрь, спешился, его проводили в покои, помогли снять доспехи, и ждал его там самый лучший прием и ночлег.

А наутро отправился он слушать обедню. В монастырском храме священник уже стоял в облачении пред алтарем, справа же увидел он скамью, забранную железной решеткой. А позади алтаря высилось прекрасное и роскошное ложе под шелковым, золотом расшитым покрывалом. И на нем заметил сэр Персиваль то ли женщину, то ли мужчину, ибо лицо от него было скрыто. Здесь перестал он оглядываться и погрузился в молитву.

Когда же дошло до освящения даров, лежавший позади алтаря поднялся

во весь рост и открыл лицо свое, и увидел сэр Персиваль глубокого старца с золотой короной на голове, плечи же его были не покрыты и грудь нага до самого пояса. И увидел сэр Персиваль, что все тело его изъязвлено глубокими ранами — и плечи, и руки, и даже лицо. Вот воздел старец ладони к Телу Господню и воскликнул:

— Милостивый и благий господи Иисусе Христе, не оставь меня!

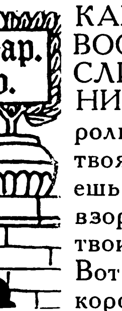
И более он уже не ложился, но без устали творил молитвы и славословия, хотя с виду ему было лет, наверное, триста. Когда же кончилась обедня, священник поднес Тело Господне к израненному королю. И когда тот вкусил Его, то снял корону с головы и велел положить ее на алтарь.

Тут спросил сэр Персиваль одного из монастырской братии, кто этот король.

— Сэр,— отвечал добрый монах,— вы много слышали об Иосифе Аримафейском, как он был послан в наши земли учить и проповедовать святую христианскую веру и как за то принял он много страданий от врагов Христовых. В городе Саррасе он обратил короля, которого звали Эвелак, и король этот прибыл вслед за Иосифом в нашу землю, и постоянно стремился он быть там, где находился Святой Грааль. Но однажды он настолько приблизился к священной чаше, что господь наш разгневался на него, но он все не отступался. все тянулся к ней, и тогда бог поразил его почти полной слепотой.

И вскричал этот король:

«Господи милостивый, не дай мне умереть, покуда не объявится в девятом поколении из моего рода добрый рыцарь, который сподобится достичь Святого Грааля, чтобы только мог я узреть его и поцеловать!»



КАК СЭР ПЕРСИВАЛЬ УВИДЕЛ МНОГО ВООРУЖЕННЫХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НЕСЛИ МЕРТВОГО РЫЦАРЯ, И КАК ОН С НИМИ БИЛСЯ ❧ Когда взмолился так этот король, услышал он голос, произнесший: «Услышана твоя молитва, и ты не умрешь, покуда не поцелуешь его. И когда объявится этот рыцарь, ясность взора к тебе вернется, и ты прозреешь, и раны твои заживут, а до той поры они не закроются». Вот что было с королем Эвелаком, и прожил этот король четыреста лет святой жизни, а теперь, говорят, рыцарь, что должен его исцелить, уже объявился при здешнем дворе. Сэр,— сказал добрый человек,— прошу вас, скажите мне, кто вы, не рыцарь ли Круглого Стола?

— Да, воистину, я рыцарь Круглого Стола и зовусь сэр Персиваль Уэльский.

Услышал святой человек это имя и весьма обрадовался. А сэр Персиваль с ним простился и поехал дальше, и скакал он до самого полудня. И повстречались ему в долине двадцать всадников, что везли на носилках насмерть

раненного рыцаря. Завидевши сэра Персиваля, они спросили его, кто он и откуда.

Он сказал:

— Я рыцарь короля Артура.

И тут они разом вскричали:

— Смерть ему!

Сэр Персиваль сшиб ближнего рыцаря наземь, вместе с конем, и тогда семеро из тех рыцарей ударили его в щит своими копьями, а остальные убили под ним коня, так что он очутился на земле, и они так бы и убили его или захватили бы в плен, не окажись в тех краях по воле случая добрый рыцарь сэр Галахад в красных доспехах. Увидел он, что столько рыцарей нападают на одного, и сказал:

— Жизнь этого рыцаря должна быть спасена!

И он выехал против тех двадцати всадников, пустив коня своего во весь опор и уперев копье. Переднего рыцаря сокрушил он наземь вместе с конем. Когда же копье у него сломалось, он зажал в руке меч и стал разить направо и налево, так что дивно было смотреть. И с каждым ударом падал один из его противников или же обращался в бегство, так что скоро некому уже было с ним сражаться, ибо они укрылись в густом лесу, и сэр Галахад устремился за ними в погоню.

Сэр же Персиваль при виде этого горько убивался, что у него нет коня. Он теперь догадался, что это сэр Галахад, и крикнул ему вслед громким голосом:

— Любезный рыцарь, постой! Позволь мне поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал!

Но сэр Галахад только гнал коня и скоро уже скрылся из виду. А сэр Персиваль со всех ног торопился за ним пешком, крича и плача. Но вот повстречался ему йомен верхом на лошади, а в поводу вел он могучего вороного скакуна, мастью чернее черники.

— А, любезный друг,— сказал сэр Персиваль,— я, что хочешь, готов сделать для тебя и всегда буду тебе верным рыцарем, когда бы ты ни попросил меня о защите, но только ссуди мне этого черного коня, чтобы я мог догнать рыцаря, что скачет там впереди.

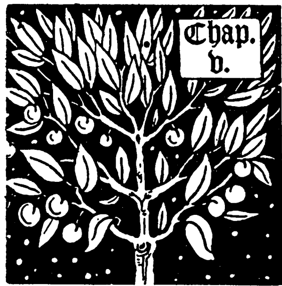
— Сэр,— отвечал йомен,— этого я сделать не могу, ибо владелец коня таков, что он убьет меня.

— Увы! — сказал сэр Персиваль,— потерять этого рыцаря мне всего горше на свете!

— Сэр,— сказал йомен,— мне очень жаль вас, ибо добрый конь был бы вам под стать, но отдать вам этого коня я не осмеливаюсь, разве что вы силой у меня его отберете.

— Нет, этого я не сделаю,— сказал сэр Персиваль.

На том они расстались, и сэр Персиваль уселся под деревом и стал плакать и убиваться. Вдруг видит он: скачет рыцарь в полном вооружении, а конь под ним тот самый, что вел в поводу йомен.



КАК ЙОМЕН ПРОСИЛ ЕГО ВЕРНУТЬ ЕМУ ЛОШАДЬ И КАК БЫЛА УБИТА КОБЫЛА СЭРА ПЕРСИВАЛЯ, И ТОГДА ОН ДОБЫЛ СЕБЕ КОНЯ

А следом и сам йомен трусит, торопится, и спрашивает он у сэра Персиваля, не проезжал ли там рыцарь верхом на его черном скакуне.

— Да, сэр, видел я его. А почему ты спрашиваешь?

— О сэр, этого коня отнял он у меня силой, и за это господин мой меня убьет на месте.

— Что ж,— сказал сэр Персиваль,— чего же хочешь ты от меня? Видишь сам, что я пеш. Конечно, будь у меня добрый конь, я бы быстро вернул тебе твоего скакуна.

— Сэр,— сказал йомен,— возьмите мою лошадь и постарайтесь сделать, что возможно. Я же последую за вами пешком, чтобы увидеть, как вы преуспеете.

Сел Персиваль верхом на его лошадь, и погнал ее как мог скорее, и, наконец, завидел впереди того рыцаря. Крикнул он ему:

— Рыцарь, поворачивай назад!

Тот повернул коня, выставил копье против сэра Персиваля и поразил его лошадь прямо в шею, так что упала скотина мертвая на землю. Тут рассвирепел сэр Персиваль и вскричал:

— Постой, рыцарь-злодей! Поворачивай снова коня, трусливый и вероломный рыцарь! Выходи биться со мною в пешем бою!

Но тот ничего не ответил и ускакал прочь. А сэр Персиваль, видя, что он и не думает возвращаться, бросил оземь щит свой, меч и шлем и воскликнул:

— Что я за несчастный рыцарь! Второго такого проклятого и незадачливого нет среди рыцарей!

И провел он там в печали целый день, когда же стемнело, он совсем обессилел, лег на землю, уснул и проспал до полуночи. В полночь проснулся он и видит: стоит перед ним женщина и говорит ему суровым голосом:

— Сэр Персиваль, что делаешь ты здесь?

— Ничего не делаю: ни добра, ни большого вреда.

— Если ты пообещаешь исполнить мою волю, когда я тебя призову,— сказала она,— то я ссужу тебе моего коня, который понесет тебя, куда ты ни пожелаешь.

Сэр Персиваль обрадовался такому предложению и пообещал выполнить все, что она от него пожелает.

— В таком случае подожди меня здесь, и я приведу тебе коня.

Скоро она возвратилась и привела в поводу коня, черного, как чернила. Поглядел на этого коня сэр Персиваль и диву дался: как он высок и статен и что за богатая на нем сбруя. Но все равно, ничего не побоявшись, он вскочил на коня верхом, не думая об опасности. А севши верхом, вонзил в бока коню шпоры и поскакал по лесу. А луна светила ясно, и дивный конь за час с небольшим перенес его на расстояние четырех дней пути. Наконец, очутились они над пенным кипучим потоком, и конь устремился прямо в волны.



О ВЕЛИКОЙ ОПАСНОСТИ, В КАКУЮ СЭР ПЕРСИВАЛЬ ПОПАЛ ИЗ-ЗА СВОЕЙ ЛОШАДИ, И КАК ОН ВИДЕЛ ЗМЕЮ И ЛЬВА, СРАЖАЮЩИХСЯ МЕЖДУ СОБОЮ ❧

Но сэр Персиваль, подъехав к самому берегу, увидел, что вода вся так и бурлит, и замешкался, не решаясь ехать вброд. И осенил он крестом себе лоб. Почуял черт огорчение, стряхнул с себя сэра Персиваля, а сам прыгнул в воду, ревя, крича и плача, и вода словно бы загорелась огнем. Тут понял сэр Персиваль, что его вез нечистый и едва не завлек к погибели. И предал он себя в руку господу и помолился, чтобы бог хранил его впредь от такого соблазна.

Он провел в молитве всю ту ночь, покуда не наступило утро и не стало светло, и тут увидел он, что находится на безлюдной горе, со всех сторон окруженной морем, так что нигде не видно было спасительной земли, только дикие твари вокруг. Спустился он вниз и увидел: змея влечет к нему за шею молодого льва. Вдруг выскакивает с ревом и рыком большой лев и бросается вслед за змеею. Лишь только завидел это сэр Персиваль, сразу же поспешил туда, где лев уже нагнал змею и завязал с нею бой. Сэр Персиваль желал помочь льву, ибо тот из них двоих был тварью более божеской, и с тем обнажил он меч, выставил щит перед собой и так ударил змею, что нанес ей смертельную рану. А лев, видя это, не напал на сэра Персиваля, но, напротив, преклонился перед ним, как только возможно зверю преклониться перед человеком.

Сэр Персиваль отбросил щит свой, который был расколот, снял шлем с головы, чтобы получше отдышаться, ибо дыхание змеи его сильно обожгло; а лев следовал за ним повсюду и ластился, словно собака. И погладил Персиваль льва по загривку и по шее и возблагодарил бога за дружбу зверя. А перед полуднем лев взял своего детеныша, поднял и унес туда, откуда они вылезли. И остался сэр Персиваль один. Но, как рассказывается в повести, сэр Персиваль в те дни был одним из тех немногих, в ком особенно тверда была вера в господа нашего Иисуса Христа, ибо в те времена мало кто верил по-настоящему; ведь в те времена сын мог поднять руку на отца, как на чужого.

И вот стал сэр Персиваль искать утешения в боге и помолился ему, чтобы никакой соблазн не отвлекал его от служения господу и чтобы оставаться ему всегда верным борцом за дело божие. И лишь только он помолился, видит: лев подошел к нему опять и лег у его ног. И всю ту ночь спали вместе лев и он.

Заснул сэр Персиваль, и привиделся ему дивный сон: будто повстречались ему две дамы, одна верхом на льве, другая — на змее, одна молодая, другая же старая. И молодая будто бы говорит: «Сэр Персиваль, мой господин приветствует тебя и передает, чтобы ты облачился в доспехи и был готов к бою, ибо завтра предстоит тебе биться с сильнейшим рыцарем мира. И если ты будешь побежден, то не отделаешься тем, что лишишься руки или ноги, но будешь еще опозорен до последнего дня творения».

Тогда он спрашивает ее, кто же таков ее господин, и она отвечает: «Величайший властитель мира». И с тем вдруг она исчезла неведомо куда.



О ВИДЕНИИ, КОТОРОЕ БЫЛО СЭРУ ПЕРСИВАЛЮ, И КАК ЭТО ВИДЕНИЕ БЫЛО РАСТОЛКОВАНО, И О ЕГО ЛЬВЕ ❧ Выступила тут вторая дама, что сидела верхом на змее, и сказала:

— Сэр Персиваль, я приношу вам жалобу на обиду, что вы мне причинили, хоть я вам ничего не сделала.

— Уж конечно, госпожа,— отвечал он,— я никогда не причинил обиды ни вам, и никакой другой даме.

— Нет, причинили,— сказала она,— а чем, сейчас вам открою. Я издавна воспитывала здесь змею, которую я очень любила, и она мне верно служила много лет. Вы же вчера убили ее, когда она ловила свою добычу. Скажите же мне, почему вы убили мою змею, ведь лев-то был не ваш?

— Госпожа, я согласен, что это был не мой лев, но лев по природе благороднее, нежели змея, и потому я убил ее, и я не думал, что тем обидел вас. Госпожа,— сказал он,— чего же вы теперь от меня хотите?

— Я хочу,— она отвечала,— чтобы вы возместили мне потерю любимой змеи и поступили ко мне в услужение.

И он ответил:

— Нет, этого я для вас не сделаю.

— Не сделаете? Да ведь вы всегда были моим послушным слугой, прежде чем начали поклоняться господу нашему Иисусу Христу. И потому обещаю вам, что где ни застану вас врасплох, там и захвачу как бывшего моего слугу.

И с тем она пропала и оставила сэра Персиваля спать тревожным, беспокойным сном. Утром поднялся он, перекрестился и почувствовал, что совсем обессилел.

И вдруг заметил сэр Персиваль в море плывущий к нему корабль, и он взошел на тот корабль и увидел, что и снаружи, и изнутри там все затянуто белым шелком. У руля же стоял старец в церковном облачении, по виду священник.

— Сэр,— сказал ему сэр Персиваль,— я рад вашему прибытию.

— Храни вас бог,— отвечал старец.— Откуда вы?

— Сэр, я от двора короля Артура, рыцарь Круглого Стола, а сейчас взыскую Святого Грааля. Здесь терпел я жестокую нужду и вовсе не чаял спастись из этой дикой пустыни.

— Не сомневайтесь,— молвил святой человек,— если вы истинный и верный рыцарь, как того требует высокий Орден Рыцарства, и сердцем чисты, как надлежит вам, помните, что никакому врагу вас не убить.

— А кто вы? — спросил сэр Персиваль.

— Сэр, я из дальних стран прибыл сюда, дабы укрепить и наставить вас.

— Сэр,— сказал сэр Персиваль,— что означает сон мой, виденный мною минувшей ночью?

И он поведал ему весь свой сон.

— Та, что привиделась вам верхом на льве, означает Новый Завет святой церкви, под коим надо понимать веру, добрую надежду, упование и святое крещение. А что она казалась моложе, чем вторая, тому есть своя причина, ведь она рождена с воскресением и страстями господа нашего Иисуса Христа. Из великой любви к тебе она явилась, дабы предуведомить тебя о предстоящей тебе великой битве.

— Против кого же,— спросил сэр Персиваль,— буду я биться?

— Против грознейшего в мире бойца; и, как сказала тебе дама, если ты не одолеешь его, тогда не отделаешься тем, что лишишься руки или ноги, но будешь еще опозорен до последнего дня творения. А та, что была верхом на змее, означает Старый Завет, змея же — это диавол. А что она упрекала тебя в убийстве ее слуги, не относится к той змее, которую ты в самом деле убил, но к диаволу, который занес тебя на ту скалу. Когда ты начертал крестное знамение, ты его тем убил и лишил силы. А что она требовала у тебя в возмещение, чтобы ты стал ей слугою, на что ты не согласился, это она хотела, чтобы ты уверовал в нее и отказался от святого крещения.

После этого повелел он сэру Персивалю оставить судно. Сэр Персиваль перепрыгнул через борт в воду, а корабль со всем, что там было, тут же исчез неведомо куда. Тогда он снова поднялся на скалу и нашел там льва, который делил с ним там одиночество, и он погладил его по спине и очень ему обрадовался.



КАК СЭР ПЕРСИВАЛЬ УВИДЕЛ ПРИБЛИЖАЮЩИЙСЯ К НЕМУ КОРАБЛЬ И КАК ДАМА ПОВЕДАЛА ЕМУ О ТОМ, ЧТО ОНА ОБЕЗДОЛЕНА

❧ Так провел на скале сэр Персиваль много часов, а в полдень завидел он в море корабль, бежавший к нему, словно все ветры света гнали его к той скале. И вот причалил корабль под скалою.

При виде этого поспешил туда сэр Персиваль, и увидел он корабль, весь затянутый черным, как черника, шелком. На корабле встретила его дама необыкновенной красоты в наряде столь богатом, что богаче не бывает. И когда она увидела сэра Персиваля, она спросила, как он попал в эту пустынную местность.

— Ведь отсюда вам не выбраться никогда и вы умрете от голода и горя.

— Девица,— отвечал сэр Персиваль,— я служу мужу превосходнейшему изо всех на свете, и как я состою у него на службе, он не попустит меня погибнуть, ибо кто стучится, тот войдет, и кто спрашивает, получит; и кто ищет его, от того он не скрывает слово свое.

И тогда она сказала:
— Сэр Персиваль, разве вы не узнаете меня?
– Кто научил вас моему имени? — спросил сэр Персиваль.
— Я знаю вас лучше, чем вы полагаете, ведь я только недавно из Пустынного Леса, где я видела Красного Рыцаря с белым щитом.
— Ах, любезная девица, как бы мне хотелось встретиться с этим рыцарем!
— Сэр рыцарь,— сказала она,— если вы поклянетесь верностью вашей славному рыцарству, что исполните мою волю, когда я вас призову, то я доставлю вас к этому рыцарю.
— Я согласен,— отвечал сэр Персиваль,— обещаю вам исполнить ваше желание.
— Хорошо,— сказала она,— тогда слушайте. Я повстречала его в Пустынном Лесу, он гнался за двумя рыцарями и загнал их в реку под названием Мортеза. Перебрались двое рыцарей на ту сторону, а Красный Рыцарь за ними, но конь под ним утонул, и он с великим трудом выбрался на землю.
Так она ему рассказывала, и сэр Персиваль весьма радовался вестям о нем. А потом она спросила его, ел ли он что-нибудь?
— Нет, госпожа, правду сказать, я вот уже три дня ничего не ел, но некоторое время тому назад я беседовал тут с добрым человеком, и он напитал меня добрыми словами и тем весьма меня подкрепил.
— А, сэр рыцарь, человек тот,— сказала она,— чародей и умножитель словес, и если вы поверите ему, то в позоре и бесславии умрете на этой скале от голода, и дикие звери обглодают ваши кости. Но вы еще молоды и собой пригожи, и потому я спасу вас, если вы согласны.
— А кто вы,— спросил сэр Персиваль,— что хотите мне сделать столько добра?
— Я,— отвечала она,— теперь обездолена и лишена владений, а некогда почиталась богатейшею в мире дамою.
— Госпожа,— сказал сэр Персиваль,— кто отнял ваши владения? Ибо мне жаль вас от души.
— Сэр,— она отвечала,— я жила в доме величайшего из мужей, и он так холил меня и нежил, наряжал и украшал, что не было другой женщины, как я. Но красотой своей великой я чересчур возгордилась, и я сказала ему однажды обидное слово, и с тех пор он не пожелал больше терпеть меня подле себя. Он выгнал меня из отчего дома и навсегда лишил меня наследства и не желал сжалиться надо мною, ни над моими слугами и приближенными. Но хоть оказалась я повергнута в нищету, я сманила у него кое-кого из его людей, и они сделались моими слугами, ибо что они у меня ни попросят, я даю им тотчас же, и еще того более. И веду я и слуги мои денно и нощно против него войну, вот почему, повстречавши доброго рыцаря или крепкого бойца, я всякий раз стараюсь заручиться его поддержкой. А так как я знаю, что вы — доблестный рыцарь, я прошу вас о помощи, и раз вы рыцарь Круглого Стола, вы не можете оставить без поддержки благородную женщину, если она обездолена и просит вас о защите.



КАК СЭР ПЕРСИВАЛЬ ОБЕЩАЛ ЕЙ ПОМОЩЬ, И КАК ОН ПРОСИЛ ЕЕ ЛЮБВИ, И КАК БЫЛ СПАСЕН ОТ ИСКУСИТЕЛЯ

И сэр Персиваль пообещал ей всю помощь, какая была в его силах, и она от души его благодарила. А в это время стоял сильный зной. И вот она кликнула одну свою даму и повелела принести шатер. И по ее повелению разбили шатер на прибрежном песке.

— Сэр,— молвила она,— здесь можете вы отдохнуть и укрыться от полдневного зноя.

Он поблагодарил ее, а она взяла у него шлем и щит, и он уснул и спал много часов подряд.

Пробудившись же, он спросил, нет ли у нее какой-нибудь пищи, и она ответила:

— Да, вы получите всего вдоволь.

И был там накрыт стол и столькими заставлен яствами, что сэр Персиваль лишь диву дался. И было там все, о чем он только мог помыслить. И пил он там вино, которого крепче, казалось ему, не отведывал он в жизни, и от вина захмелел сверх меры. Поглядел он на ту даму, и подумалось ему, что такой красавицы он еще не видывал.

И тогда сэр Персиваль предложил ей любовь и просил ее быть его возлюбленной. Но она отказала ему в его просьбе, ответив, что страсть его недостаточно горяча.

А он все не переставал просить ее о любви. И когда она увидела, что он уже довольно распалился, она сказала так:

— Сэр Персиваль, знайте, что я не удовлетворю вашего желания, пока вы не поклянетесь быть мне отныне верным слугою и делать лишь то, что я вам стану повелевать. Обещаете ли вы мне это, как есть вы верный рыцарь?

— Да, моя прекрасная дама,— отвечал сэр Персиваль,— клянусь телом и душою!

— Хорошо,— сказала она,— тогда можете делать со мною, что захотите, ибо знайте, что изо всех рыцарей на свете вы теперь мне всего желаннее!

И приказано было двум пажам соорудить ложе посреди шатра, и вот она сняла свои одежды и легла. И сэр Персиваль возлег с нею рядом нагой.

И вдруг, по счастливому случаю, увидел он на земле меч свой обнаженный, с красной рукоятью в виде креста и с распятием. Тут вспомнил он о своем рыцарстве и об обещании, данном накануне святому человеку, и осенил он чело себе крестным знамением. В тот же миг обрушился шатер и превратился в дым и черное облако. Страшно стало сэру Персивалю, и вскричал он громким голосом.



КАК СЭР ПЕРСИВАЛЬ В НАКАЗАНЬЕ РАССЕК СЕБЕ БЕДРО И КАК ОНА ОКАЗАЛАСЬ ДИАВОЛОМ ❧ — Милосердный, всеблагий господи Иисусе Христе, не попусти меня опозориться, ведь когда бы не милость твоя, я бы уже погиб!

И взглянул он туда, где стоял ее корабль, и видит, что она уже всходит на борт и так ему говорит:

— Сэр Персиваль, вы меня предали.

И уплыл корабль, гонимый ветром, который выл и гудел, а на воде остался словно бы огненный след.

В великом сокрушении сэр Персиваль схватил меч свой и сказал так:

— Раз плоть моя стремится властвовать надо мною, я накажу ее.

И с тем он рассек себе бедро, так что кровь брызнула кругом, и сказал:

— О благий господи! Прими это в возмещение того, в чем я преступил против тебя!

А затем он оделся, облачился в доспехи и стал убиваться, называя себя несчастным из несчастных и говоря так: «Ведь я едва не погиб и едва не утратил то, чего бы уже никогда не смог получить назад,— моей девственности, ибо, потеряв, ее уже не вернешь».

Потом остановил он кровь из раны лоскутом, вырванным из своей рубахи. И, так стеная и скорбя, увидел вдруг, что с Востока плывет к нему тот самый корабль, на котором накануне беседовал он со святым старцем. Тут так жестоко устыдился себя этот благородный рыцарь, что упал и лишился чувств. А когда очнулся, то пошел к нему навстречу из последних сил и приветствовал доброго старца.

Спрашивает старец у сэра Персиваля:

— Каково тебе тут было, пока я отсутствовал?

— Сэр,— он отвечал,— здесь объявилась дама и довела меня до смертного греха.

И он поведал ему все, как было.

— И вы не знаете, кто такая эта девица? — спросил святой человек.

— Сэр,— тот отвечал,— я не знаю, но, уж конечно, это диавол ее ко мне подослал, дабы меня опозорить.

— А, добрый рыцарь,— сказал старец,— ты глупец, ведь эта женщина и есть верховный диавол преисподней, в чьей власти все остальные диаволы. Это и есть та самая старуха, что приснилась тебе верхом на змее.

И он поведал сэру Персивалю, как господь наш Иисус Христос изгнал того с небес за грехи его, а был он светлейшим из ангелов, но утратил все, чем владел.

— И это и есть враг твой, и он одержал бы над тобою верх, когда бы не милость божия. Помни же об этом, сэр Персиваль, и прими как урок для себя.

Тут добрый старец исчез. А сэр Персиваль взял доспехи свои, взошел на корабль и так уплыл оттуда.

Здесь кончается эта повесть, и мы обращаемся к сэру Ланселоту.



XV

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИЕХАЛ К ЧАСОВНЕ И НАШЕЛ В НЕЙ МЕРТВОГО СТОЛЕТНЕГО СВЯЩЕННИКА, ОБЛАЧЕННОГО В БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ

Chapter i.

КОГДА отшельник продержал у себя сэра Ланселота три дня, он достал ему коня, шлем и меч, и сэр Ланселот с ним простился и отправился в путь и скакал до полудня. И вот увидел он маленький домик, а когда приблизился, оказалось, что это часовенка.

Подле часовенки увидел он старца в богатых белых одеждах. И сказал ему сэр Ланселот:

— Сэр, спаси вас бог!

— Сэр, храни вас господь,— отвечал добрый человек,— и да сделает Он из вас доброго рыцаря.

Тут сэр Ланселот спешился и вошел в часовню, и там увидел он мертвого старца в белой ризе из тончайшей ткани.

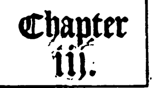
— Сэр,— сказал ему добрый человек,— этому мужу подобает не то одеяние, в каком вы сейчас его видите, ибо он нарушил клятву своего ордена, хотя он более ста лет был служителем веры.

И добрый старец возложил на плечи себе столу [10], взял в руки книгу и сотворил заклинание по этой книге. И тогда увидели они диавола в столь страшном обличии, что и самый храбрый на земле человек не мог бы глядеть на него без страха. И молвил тот диавол:
— Ты меня потревожил. Говори же, чего тебе от меня надобно?
— Я желаю,— отвечал старец,— чтобы ты поведал мне, как умер мой товарищ, и спасен ли он или обречен на погибель?
И отвечал тот ужасным голосом:
— Нет, не обречен он погибели, но спасен!
— Как возможно это? — спросил старец.— Ведь он, мне думается, плохо жил, ибо он нарушил клятву ордена и облачен теперь в ризу не по заслугам, а кто преступает против нашего ордена, тот не добром живет.
— Нет, это не так,— сказал диавол.— Человек, здесь лежащий, происходил из великого рода. И был один лорд по имени граф Вальский, он вел жестокую войну против его племянника, которого звали Агвар. Увидел Агвар, что граф этот сильнее его. И тогда явился он за советом к дяде своему, что лежит здесь перед вами мертвый, и дядя покинул отшельничью обитель и отправился на поддержку племяннику в войне против могучего графа. И так случилось, что через мудрость свою и силу этот человек, что лежит здесь мертвый, так преуспел, что им захвачен был сам граф и три его барона.



О МЕРТВОМ СТАРЦЕ, КАК ЛЮДИ ХОТЕЛИ РАЗРУБИТЬ ЕГО, НО ЭТОГО НЕЛЬЗЯ БЫЛО СДЕЛАТЬ, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ВЗЯЛ СЕБЕ ВОЛОС С ГОЛОВЫ МЕРТВОГО ❧ И установлен был мир между графом и Агваром и даны были зароки, что граф никогда больше не пойдет на него войной. Тогда этот человек, что лежит здесь мертвый, возвратился в обитель. Но граф послал двух своих племянников, чтобы они отомстили ему. Вот прибыли они сюда и застали его за освящением Святых Даров. Они подождали, пока кончилась служба, а потом напали на него с обнаженными мечами, и непременно бы его зарубили, но только мечи от него отскакивали, как от стали, ибо тот, кому он служил, оберегал его жизнь. Тогда развели они большой костер и сорвали с него одежды и власяницу, что носил он на теле. И сказал им тогда этот отшельник:
— Уж не задумали ли вы сжечь меня? Нет, не в вашей власти погубить меня и ни единой нитки повредить на моем теле.
— Вот как? — сказал один из них.— Это мы проверим.
И с тем они, сорвав с него одежды, надели на него ризу и бросили его в костер. Но он пролежал в огне целый день до вечера и остался жив. И только наутро я нашел его мертвым, но ни единая нитка на его теле и коже нигде не пострадала. И тогда с великим страхом я вынул его из огня и положил тут, как вы его видите. А теперь отпусти меня, ибо я сказал вам всю прав-

ду. И он с великим громом исчез. Обрадовались услышанному добрый старец и сэр Ланселот. И сэр Ланселот остался у него на ночлег.
— Сэр,— спросил у него этот добрый человек,— вы не сэр ли Ланселот?
— Да, сэр,— он отвечал.
— Сэр, чего же вы ищете в наших краях?
— Я странствую, сэр, взыскуя Святого Грааля.
— Что ж,— сказал тот,— искать-то его вы можете, но будь он даже на этом самом месте, вы все равно не могли бы его увидеть, как слепой не может видеть сверкающего меча. Причина этому — ваши грехи, а когда бы не они, никто лучше вас не мог бы свершить этот подвиг.
Тут заплакал сэр Ланселот. А добрый старец спросил его:
— Исповедались ли в грехах своих, отправляясь взыскать Святого Грааля?
— Да, сэр,— отвечал сэр Ланселот.
А наутро добрый старец прочел обедню, и они похоронили мертвого инока.
— Теперь,— молвил сэр Ланселот,— научите меня, отче, что мне делать?
— Вот что,— отвечал он,— я велю вам взять власяницу, принадлежавшую этому святому человеку, и надеть ее прямо на тело. Это вам поможет.
— Сэр, в таком случае так я и сделаю,— сказал сэр Ланселот.
— И еще, сэр, велю тебе не есть мяса, покуда длится это твое странствие, и не пить вина и ежеутренне слушать обедню, если ты будешь вблизи храма.
И вот он надел на себя власяницу и после вечерней молитвы пустился в путь. И заехал он в густой лес. Там повстречалась ему дама на белой лошади, и она спросила его:
— Сэр рыцарь, куда вы едете?
— Правду сказать, девица,— отвечал сэр Ланселот,— я еду не знаю куда, полагаясь на волю судьбы.
— Ах, сэр Ланселот,— сказала она,— я знаю, чего вы ищете, но прежде вы были ближе к цели, нежели теперь, вы в этом еще сами убедитесь, и в самом недолгом времени.
Потом спросил у нее сэр Ланселот, где он сможет найти ночлег.
— Вы не найдете себе сегодня ночлега и проведете всю ночь под открытым небом, а завтра утром отыщете вы себе пристанище и разрешите все ваши сомнения.
Тогда, поручив ее богу, он поехал дальше, и скакал, покуда не увидел у дороги крест, и этот крест дал ему приют на всю ту ночь.



О ВИДЕНИИ, КОТОРОЕ БЫЛО СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ, И КАК ОН ПЕРЕСКАЗАЛ ЕГО ОТШЕЛЬНИКУ И ПРОСИЛ ЕГО СОВЕТА ❧ Он отпустил коня своего пастись, снял шлем и щит и сотворил перед крестом молитву о том, чтобы ему никогда более не впасть в смертный грех. А затем лег и уснул. И вот когда он спал, было ему видение: явился пред ним некто, весь окруженный звездами и с золотой короной на голове. Вел он за собой в свите семь королей и двух рыцарей, и все они поклонились кресту, упав на колени и воздев руки к небесам, и в один голос сказали так:
— Милосердный отец небесный, приди и посети нас и воздай каждому из нас по нашим заслугам.

Поднял сэр Ланселот глаза к нему, и почудилось ему, словно облака разверзлись и спустился оттуда старец в окружении ангелов. Он ступил на землю среди них, каждого из стоявших у креста благословил и назвал их своими слугами и своими добрыми и верными рыцарями. А затем старец этот обратился к одному из рыцарей и сказал:

— Я потерял все, что вложил в тебя, ибо ты, воюя, обратился против меня и воевал в неправедных войнах из тщеславия и более ради мирских радостей, чем из желания заслужить мою милость. И потому ты будешь обречен погибели, если не возвратишь мне моего сокровища.

Вот какое видение видел сэр Ланселот ночью у креста, а поутру он снова сел на коня и скакал до самого полудня. В полдень же повстречался ему тот самый рыцарь, что захватил его коня, шлем и меч, пока он спал в ту ночь, когда явился у креста Святой Грааль. Когда увидел его сэр Ланселот, он не приветствовал его учтиво, но крикнул ему громким голосом.

— Рыцарь, защищайся, ибо ты причинил мне большую обиду!

И вот, выставив копья, они ринулись навстречу друг другу, и сэр Ланселот налетел на него столь яростно, что поверг и его, и коня под ним прямо наземь, так что тот едва не сломал себе шею. А сэр Ланселот взял тогда рыцарева коня, что прежде принадлежал ему, спешился, пересел на своего старого коня, а другого коня привязал к дереву, чтобы тот мог его найти, когда подымется на ноги. После того скакал сэр Ланселот до самой ночи и, по воле случая, повстречался с отшельником. Они приветствовали друг друга. И всю ту ночь он провел у святого старца, и тот, чем мог, накормил его коня. А потом спрашивает добрый человек:

— Откуда вы?

— Сэр,— он отвечал,— я рыцарь Артурова двора, и имя мое — сэр Ланселот Озерный. Я странствую, взыскуя Святого Грааля. И поэтому, сэр, я прошу вас, растолкуйте мое видение, которое было мне нынешней ночью. И он рассказал ему все.



КАК ОТШЕЛЬНИК РАСТОЛКОВАЛ СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ ЕГО ВИДЕНИЕ И ОТКРЫЛ ЕМУ, ЧТО СЭР ГАЛАХАД — ЕГО СЫН ❧ — Внимай же, сэр Ланселот,— сказал ему добрый старец,— надлежит тебе узнать о твоем высоком происхождении, ибо видение твое говорит о нем. Спустя сорок лет после страстей Иисуса Христа Иосиф Аримафейский прорицал о победе короля Эвелака, о том, что ему в битвах предстоит одолеть своих врагов, а также о семи королях и двух рыцарях. Из коих первым был святой человек по имени Наппус, второй же звался Насьен в память праотца своего, и в нем воплотился господь наш Иисус Христос, а третьего звали Хелиас Дородный, четвертого — Лисайа, пятого — Иона; он покинул свою страну и прибыл в Уэльс и взял там за себя дочь Мэнуеллеву, а за нею он взял страну Галлию. И он посе-

лился в этой стране, и от него родился король Ланселот, твой дед, который был повенчан с дочерью короля Ирландии, и был он столь же достойный муж, как и ты. От него же родился король Бан, твой отец. И это — последний из семи королей. Что же до тебя, сэр Ланселот, то ангелы тебе показывают, что ты — не из их числа. Девятым же был рыцарь, ему обозначение — лев, ибо он превзойдет всех земных рыцарей; и это — сэр Галахад, которого ты зачал от дочери короля Пелеса. Тебе же надлежит благодарить господа более, нежели кому-либо из смертных, ибо из грешников ты не имеешь себе равных в рыцарстве и не будешь иметь. Но мало ты возносил благодарений богу за все те великие достоинства, коими он тебя наградил [11].

— Сэр,— сказал сэр Ланселот,— этот добрый рыцарь мой сын?

— Это ты сам должен знать,— отвечал старец,— ведь ты познал плотски дочь короля Пелеса, и она понесла от тебя и родила Галахада, а он и есть тот самый рыцарь, что на праздник Пятидесятницы сидел на Погибельном Сидении. И потому объяви открыто, что он рожден тобою. И еще мой совет тебе, где бы ты с ним ни встретился, не добивайся с ним поединка, ибо никому из рыцарей не будет чести от поединка с ним.

— Что ж,— сказал сэр Ланселот,— по-моему, этот славный рыцарь должен молиться за меня всевышнему отцу, дабы мне не впасть уже более в грех.

— Можешь верить твердо,— отвечал добрый человек,— тебе немало помогает его молитва, ведь на сына не ложится грех отца, ни на отца грех сына, но всякий несет свое бремя. И потому уповай лишь на бога, и он поможет тебе во всех твоих нуждах.

После того они с сэром Ланселотом поужинали, а затем легли на отдых, и власяница язвила сэру Ланселоту кожу, и жестоки были его терзания, но он принимал это с кротостью и стойко терпел боль. Наутро же он отслушал обедню, облачился в доспехи и, распрощавшись с отшельником, сел на коня своего и поехал прямо в лес, не разбирая дороги.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ СРАЖАЛСЯ С МНОГИМИ РЫЦАРЯМИ И БЫЛ СХВАЧЕН ❧ Едет он и видит впереди зеленую равнину, на краю ее — славный замок, а перед замком — во множестве шатры из шелка разных цветов. И почудилось ему, будто скачут по равнине пять сотен рыцарей верхами, разделенные на две партии: те, что из замка, были все на черных конях под черными чепраками, а приезжие — на белых и под белыми чепраками. Вот начался там большой турнир, и налетали они друг на друга с такой силой, что сэр Ланселот только диву дался. Но вот, наконец, видится ему, будто рыцари замка терпят поражение. И тогда решил сэр Ланселот помочь слабейшей стороне и тем умножить свою рыцарскую честь. Ринулся он в гущу рыцарей замка,

сокрушил одного рыцаря вместе с конем и стал носиться по полю, свершая во множестве дивные подвиги. А потом он обнажил меч свой и многих рыцарей поверг наземь, так что все, кто видел это, дивились, как может один рыцарь свершить столь много бранных подвигов.

Но белые рыцари все время теснились вокруг сэра Ланселота, желая, чтобы он утомился и задохнулся, и под конец — ведь силы человеческие не безграничны — сэр Ланселот так устал рубиться и скакать по полю и так обессилел от подвигов своих, что не мог уже более руку поднять для удара, словно бы никогда прежде и не брался за оружие.

Тут они все обступили его и отвезли его в лес, а там принудили спешиться и перевести дух. Между тем дружина замка, лишившись его помощи, была побеждена. А они сказали сэру Ланселоту так:

— Слава господу, теперь вы на нашей стороне, ибо мы считаем вас теперь своим пленником.

И без долгих слов покинули его.

Стал тут сэр Ланселот убиваться прегорестно:

— Ведь никогда прежде, на турнире и в поединке, никто не мог взять надо мною верх. Ныне же я опозорен, видно, грехи мои еще умножились.

Так ехал он, горюя, чуть не целый день в полном отчаянии, и заехал, наконец, в глубокую долину. Видит он, что не выбраться ему вверх по крутому склону. Тогда он спешился под яблоней, повесил на сучья шлем свой и щит, коня отпустил пастись, а сам лег под деревом и уснул.

И привиделось ему, будто явился пред ним старец и сказал ему так:

— Ах, Ланселот, слабый верою и порочный душою! Отчего так легко обратилась воля твоя к смертному греху?

И, сказав это, он исчез неведомо куда.

Тогда облачился сэр Ланселот в доспехи, сел на коня и поскакал дальше. Вот подъезжает он к часовне, а рядом там жила затворница, и в ее обители было оконце, чтобы ей виден был алтарь в часовне. И, видя, что скачет странствующий рыцарь, громко позвала она сэра Ланселота. Он приблизился, и она спросила, кто он и откуда и чего он ищет в странствиях.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПЕРЕСКАЗАЛ СВОЕ ВИДЕНИЕ ЖЕНЩИНЕ И КАК ОНА ЕГО ЕМУ РАСТОЛКОВАЛА ❧

И он поведал ей все слово за словом и всю правду о том, что приключилось с ним на турнире. А потом рассказал ей о своем видении, что было ему во сне, и просил ее растолковать, что оно означает.

— А, Ланселот,— сказала она,— до тех пор, пока вы оставались рыцарем земного рыцарства, вы были славнейшим из мужей на свете и удачливейшим. Ныне же,— сказала святая женщина,— вступив в число рыцарей небесного подвига, не должно вам удивляться, если удача вам изменяет. Ибо на вчерашнем тур-

нире вам было лишь знамение божие, колдовства же в этом не было никакого. Ибо там, на турнире, сражались рыцари земные. Устроен он был для того, чтобы проверить, у кого рыцари доблестнее, у Элиазара, сына короля Пелеса, или же у Аргустуса, сына короля Харлона. И был Элиазар весь в черном облачении, Аргустус же — в белом. А что это означает, я сейчас вам открою.

Случилось в день Пятидесятницы, когда собрал король Артур двор свой, что земные и небесные короли и рыцари выехали на турнир-состязание, то есть отправились на подвиги, взыскуя Святого Грааля. Из них земные рыцари были те, что выступали в черном облачении, и цвет его знаменует грехи, в коих они не раскаялись. Те же, что были в белом, воплощают непорочность, это те, кто избрал участь чистоты. Так началось между ними состязание. И потому те, кого ты видел, были мужи грешные и мужи добродетельные. И когда на глазах у тебя грешников стали теснить, ты склонился на их сторону, ради тщеславия и светской гордыни, а все это надлежит тебе теперь отринуть, ибо среди взыскующих подвига вместе с тобою есть и равные тебе и те, кто тебя превосходит,— ведь ты слаб истинной верою и добродетелью. Вот потому-то тебя и захватили и завели в лес.

Потом явился белым рыцарям Святой Грааль, но ты был так слаб верою, что не смог лицезреть его, несмотря на наставления святого старца. Ведь ты обратился к грешникам, и это и было причиною твоего поражения ибо надлежит тебе различать бога от суеты мирской, которая не стоит сушеной груши. Ты же по гордыне своей непомерной горевал, что не сумел одолеть всех белых рыцарей. И за это бог разгневался на тебя, ибо в теперешнем странствии твоем бранные подвиги богу не угодны. Потому-то и было тебе видение, возвестившее, что ты слаб верою и порочен душой, отчего предстоит тебе быть поверженным в адскую бездну, если ты не остережешься в будущем.

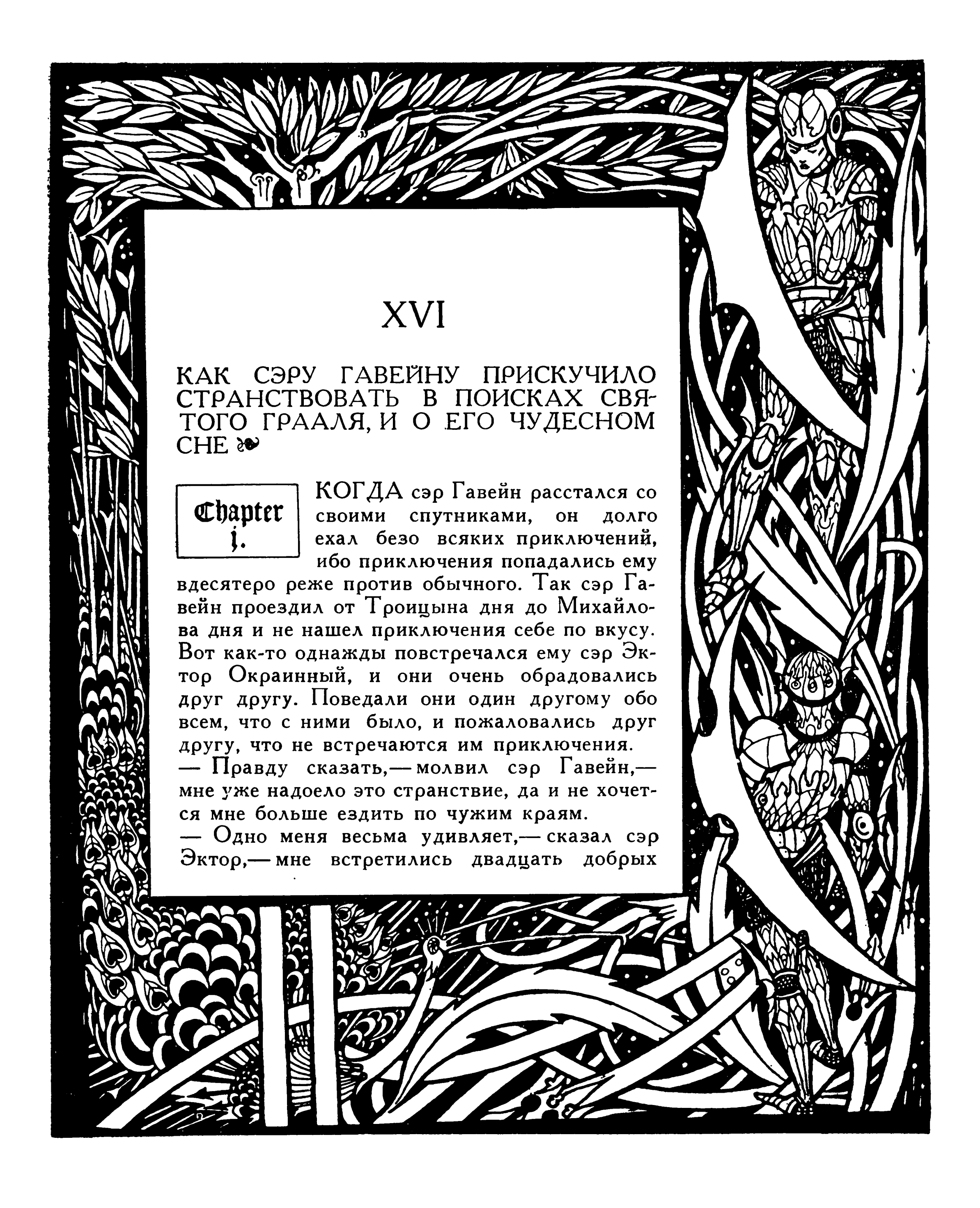
Вот я предостерегла тебя от твоей гордыни и тщеславия, что ты много раз преступил против твоего Создателя. Остерегись вечных мук, ибо изо всех земных рыцарей мне всех более жаль тебя, ибо я знаю, что тебе нет равных среди грешных людей на земле.

После этого отослала она сэра Ланселота обедать. А после обеда он снова сел на коня и, поручив ее богу, поскакал дальше и подъехал к глубокому ущелью. Там протекала река под названием Мортеза, и ему непременно надо было перебраться через ее воды, что катились с устрашающей силой. И вот, с именем божиим, он съехал в реку и с легким сердцем начал переправу.

Когда же перебрался он на тот берег, то повстречал там рыцаря, который был во всеоружии и с ног до головы во всем черном, и конь и всадник. Не вымолвив и слова, он замахнулся и убил под сэром Ланселотом насмерть коня. А затем ускакал и скрылся неведомо куда.

Тогда снял сэр Ланселот шлем свой и щит и возблагодарил бога за это приключение.

Здесь оставляет повесть сэра Ланселота и поведет дальше речь о сэре Гавейне.



XVI

КАК СЭРУ ГАВЕЙНУ ПРИСКУЧИЛО СТРАНСТВОВАТЬ В ПОИСКАХ СВЯТОГО ГРААЛЯ, И О ЕГО ЧУДЕСНОМ СНЕ

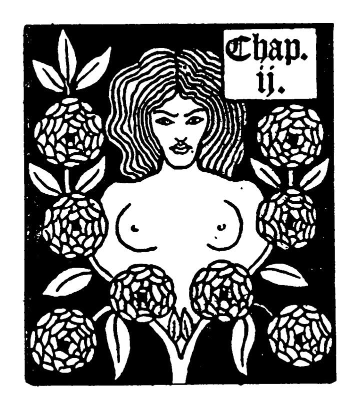
Chapter i.

КОГДА сэр Гавейн расстался со своими спутниками, он долго ехал безо всяких приключений, ибо приключения попадались ему вдесятеро реже против обычного. Так сэр Гавейн проездил от Троицына дня до Михайлова дня и не нашел приключения себе по вкусу. Вот как-то однажды повстречался ему сэр Эктор Окраинный, и они очень обрадовались друг другу. Поведали они один другому обо всем, что с ними было, и пожаловались друг другу, что не встречаются им приключения.

— Правду сказать,— молвил сэр Гавейн,— мне уже надоело это странствие, да и не хочется мне больше ездить по чужим краям.

— Одно меня весьма удивляет,— сказал сэр Эктор,— мне встретились двадцать добрых

рыцарей, взыскующих этого подвига, и все они жалуются на то же самое.
— А мне хотелось бы знать,— сказал сэр Гавейн,— где сейчас сэр Ланселот, ваш брат.
— Правду сказать,— отвечал сэр Эктор,— я о нем ничего не знаю, и о сэре Галахаде, сэре Персивале, и сэре Борсе тоже.
— Пусть себе странствуют,— сказал сэр Гавейн,— ибо они четверо не имеют себе равных. И если бы не одна слабость, сэр Ланселот всех превосходил бы среди смертных. Но он таков же, как и мы, сколь бы он ни отличался в подвигах. И если эти четверо и равны меж собою, всякому бы не поздоровилось, кто бы пожелал сравниться с ними. Когда уж им не преуспеть и не достигнуть Святого Грааля, остальным бесполезно даже браться за этот подвиг.
Так ехали сэр Эктор и сэр Гавейн вместе восемь дней. А в субботу выехали они к старинной часовне, что была в полной ветхости и запустении и, видно, ни один человек туда не заглядывал. Спешились они, копья свои прислонили у двери и вошли внутрь и долго там молились.
А после сели они на скамью в часовне и, беседуя меж собою о том и о сем, незаметно, поддавшись усталости, оба уснули. И случились с ними обоими чудесные приключения.
Сэру Гавейну привиделось, будто он очутился на лугу, покрытом травами и цветами, и там увидел он кормушку, у которой толпились быки числом в сто пятьдесят, и все гордые и черные, кроме лишь трех, цветом белых, а из них один был с черной отметиной. Два же других были столь чисты и белы, что не бывает белее. И эти три прекрасных быка были связаны между собой двумя крепкими веревками. Остальные же быки говорили меж собою так:
— Отправимся прочь отсюда, поищем лучших пастбищ.
И иные из них ушли, иные же потом возвратились, но были так тощи, что едва стояли на ногах. Из белых же быков лишь один вернулся назад, а другие два не вернулись. Но когда этот белый бык снова оказался в стаде, подняли все быки крик, что им не довольно пищи на всех [12], и разбрелись все в разные стороны, один туда, другой сюда.
Вот какое видение было в ту ночь сэру Гавейну.



О ВИДЕНИИ СЭРА ЭКТОРА И КАК ОН БИЛСЯ С СЭРОМ УВЕЙНОМ ОТЧАЯННЫМ, СВОИМ НАЗВАНЫМ БРАТОМ

Сэру же Эктору привиделось совсем иное. Показалось ему, будто брат его сэр Ланселот и он сам сходят вместе с одной колесницы и вскакивают на коней. И один из них говорит другому:
— Едем разыскивать то, чего не найдем.
И увидел он, будто какой-то человек побил сэра Ланселота, сорвал с него рыцарское облачение, а затем нарядил его в другие одежды, все в узлах, и усадил верхом на осла. И поехал он на осле и выехал к источнику, которого прекраснее не ви-

дывал в жизни. Но когда он наклонился над источником, чтобы напиться, вода под ним отступила. И, видя это, сэр Ланселот повернул и поскакал туда, откуда приехал. Сам же он, сэр Эктор, словно бы скакал между тем все дальше и выехал к богатому дому, где как раз справляли свадьбу. Там встретил его король и сказал ему так:

— Сэр рыцарь, здесь нет места вам.

И тогда он тоже вернулся на колесницу, с которой сошел.

Вскоре пробудились сэр Эктор и сэр Гавейн и поведали друг другу, какие им были видения, и оба не знали, что подумать.

— Правду сказать,— молвил сэр Эктор,— я теперь не буду знать веселья, покуда не услышу вестей от брата моего сэра Ланселота.

Так сидели они и беседовали, и вдруг показалась им рука по локоть, в рукаве из красного шелка, на руке перекинута была старая узда, а в кулаке зажата была свеча, горевшая ясным светом. Миновала она их, прошла в дверь часовни и пропала неведомо куда.

И раздался тогда голос, произнесший:

— Рыцари, слабые верой и нетвердые духом, вот чего недостает вам, и потому не достичь вам Святого Грааля!

Первым опомнился сэр Гавейн и сказал:

— Сэр Эктор, вы слышали ли эти слова?

— Да, воистину,— отвечал сэр Эктор,— я слышал все. Давайте-ка отправимся к какому-нибудь отшельнику,— сказал он,— чтобы он растолковал нам наши видения, ибо, сдается мне, труды наши все напрасны.

И вот они пустились в путь и заехали в долину, и там повстречался им добрый человек на кобыле, которого приветствовали они весьма учтиво.

— Сэр,— спросил его сэр Гавейн,— не можешь ли научить нас, как найти отшельника?

— Сэр, вон там на холме живет один, но дорога туда не расчищена, так что конем туда не проехать. Потому придется вам идти на гору пешком. Там найдете вы бедный дом, а в нем живет отшельник Насьен, святейший муж в нашем краю.

На том они расстались. Едут дальше, и в долине повстречался им рыцарь во всеоружии, и он лишь только их завидел, предложил им бой на копьях и на мечах.

— Во имя господа,— отвечал сэр Гавейн.— Ведь с тех пор как я покинул Камелот, меня лишь однажды вызвали на поединок.

— Быть может, сэр,— сказал Эктор,— вы позволите мне сразиться с ним?

— Ну, нет, не прежде, чем я буду побит. Тогда мне не будет обидно.

И вот они приготовились к бою и сшиблись на полном скаку, так что у обоих треснули щиты и лопнули кольчуги. И сэр Гавейн получил рану в левый бок, а у того рыцаря была пробита грудь и копье вышло под лопаткой наружу. И свалились они оба с коней и, падая, поломали свои копья.

Но сэр Гавейн тотчас же поднялся, положил руку на меч и перетянул наперед щит свой. Однако все это было напрасно, ибо тот рыцарь оказался не в силах встать против него. И сказал тогда сэр Гавейн:

— Вам должно признать себя побежденным и покориться, а иначе я вас убью!

— Ах, сэр рыцарь! — тот отвечал.— Я ведь убит. И потому, ради бога и вашего благородства, доставьте меня в какой-нибудь монастырь, дабы я мог перед смертью причаститься Святых Даров.
— Сэр,— сказал сэр Гавейн,— я не знаю поблизости ни одного святого храма.
— Сэр, посадите меня перед собой на коня, и я покажу вам дорогу.
Сэр Гавейн подсадил его в седло, а сам вспрыгнул на коня сзади, чтобы его поддерживать.
Так прибыли они в аббатство, и там их ждал сердечный прием. Сняли с рыцаря доспехи, и причастился он Святых Даров. И тогда стал просить он сэра Гавейна, чтобы он вытащил у него из тела обломок копья. А сэр Гавейн спросил его, кто он такой.
— Сэр,— тот отвечал,— я рыцарь короля Артура и состоял в братстве Круглого Стола, в котором все мы были связаны клятвой. Ты же, сэр Гавейн, убил меня. А имя мое — сэр Ивейн Отчаянный, я был сыном короля Уриенса, и я странствовал, взыскуя Святого Грааля. Пусть же простит тебя бог, ибо в веках будут рассказывать о том, как один названый брат убил другого.



КАК СЭР ГАВЕЙН И СЭР ЭКТОР ПРИЕХАЛИ К ОТШЕЛЬНИКУ, ДАБЫ ПОКАЯТЬСЯ В ГРЕХАХ, И КАК ОНИ РАССКАЗАЛИ ОТШЕЛЬНИКУ СВОИ ВИДЕНИЯ ❧ — Увы! — сказал сэр Гавейн,— почему приключилась со мною такая беда?
— Не печалься,— сказал сэр Ивейн,— раз уж выпало мне умереть этой смертью, то ведь от руки более достойной я не мог бы умереть. Вы же, когда возвратитесь ко двору, передайте поклон от меня господину моему королю Артуру и всем остальным, кто еще будет в живых. И по старому дружеству вспоминайте обо мне.
Тут заплакал сэр Гавейн, и сэр Эктор тоже.
А сэр Ивейн опять его просит вытащить из груди у него обломок копья.
Вот вырвал сэр Гавейн обломок копья своего, и в тот же миг покинула душа Ивейново тело. Похоронили его сэр Гавейн с сэром Эктором, как надлежало им похоронить королевского сына, и на камне могильном написали, как его имя и как он был убит.
А сэр Гавейн и сэр Эктор снова пустились в путь, горько сокрушаясь приключившейся с ними беде. Ехали они так, покуда не очутились у подножья поросшей лесом горы, и там привязали они коней и пешком поднялись к жилищу отшельника. Наверху нашли они убогий дом, а рядом, под стеной часовни, маленький огород, где отшельник Насьен выращивал коренья себе в пищу, ибо иной пищи он уже долгие годы не отведывал. И, завидя странствующих рыцарей, вышел он к ним и приветствовал их, а они его.
— Любезные лорды,— он сказал,— какое приключение привело вас сюда?
Тогда ответил ему сэр Гавейн, что они прибыли говорить с ним и у него исповедаться.
— Сэр,— молвил отшельник,— я готов.

По этим их речам он уже понял, кто они такие, и решил, если сможет, дать им наставление.
Вот начал сэр Гавейн и поведал ему о своем видении, что было ему в часовне. А потом и сэр Эктор поведал ему о том, что было с ним, как уже изложено выше.
— Сэр,— сказал отшельник сэру Гавейну,— под кормушкой на цветистом лугу надо понимать Круглый Стол, а под самим лугом — смирение и кротость: они всегда живы и свежи. Ибо людям никогда не победить смирения и кротости. Оттого и был основан Круглый Стол, и рыцарское благородство дружины Круглого Стола всегда стояло так высоко, что ее никому не под силу было победить; ведь люди говорят, что братство Круглого Стола было основано на смирении и кротости. Быки же, числом в сто пятьдесят, ели из кормушки, но не паслись на лугу, ибо иначе их сердца были бы вскормлены на смирении и кротости; эти же быки были горды и все, кроме трех, черны. Под быками надо понимать рыцарей Круглого Стола, черных от греха и гордыни, ибо чернота означает отсутствие добрых дел и свойств. А те три быка, что были белы и один с черной отметиной? Два белых означают сэра Галахада и сэра Персиваля, ибо они девственны и чисты, незапятнанны, а третий, что с пятном, это сэр Борс Ганский, который лишь однажды нарушил свою девственность. Но с тех пор он так свято хранит чистоту, что ему прощены его проступки и прегрешения. А на шее у них были веревки потому, что они — три рыцаря — едины в чистоте и непорочности и не ведают гордыни. А черные быки, говорящие: «Отправимся прочь отсюда!» — это те, кто на великий праздник Пятидесятницы вызвались на подвиг во имя Святого Грааля, не покаявшись в грехах своих: им нет места на лугу кротости и смирения. И потому они отправились в далекие пустыни; это означает смерть, ибо многие из них погибнут. Они будут убивать друг друга за грехи свои, а кто останется в живых, так отощает, что диво будет смотреть. Из трех же белых быков один возвратится, а два другие — нет.



КАК ОТШЕЛЬНИК ТОЛКОВАЛ ИХ ВИДЕНИЯ ❧ Потом говорил Насьен сэру Эктору:
— Воистину это так, что сэр Ланселот и вы сошли с одной колесницы; колесница же означает власть и могущество, от которых вы произошли. Но вы, двое рыцарей,— сказал отшельник,— странствуете в поисках того, чего вам не найти, то есть Святого Грааля, ибо он — тайная тайных господа нашего Иисуса Христа. Но как же надлежит понять, что сэр Ланселот оказался без коня? Это он оставил свою гордыню и обратился к смирению, ибо он во весь голос возопил о пощаде и горько раскаялся, и господь облачил его в свои одежды, которые все в узлах, то есть во власяницу, что носит он неизменно на своем теле. Осел же, на котором он едет, это тварь смирения, ведь господь не восседал верхом ни на боевом скакуне, ни на крестьянской лошади, но лишь на осле. В сне твоем осел, на котором верхом привиделся тебе сэр Ланселот, означает кротость.

Ну, а источник, где вода уходила под ним, когда он хотел зачерпнуть ее? Когда понял он, что не может испить ее, он вернулся туда, откуда прибыл, ибо источник тот означает небесную благодать господню, которой чем более отведает человек, тем сильнее жаждет. И потому, когда сэр Ланселот окажется подле Святого Грааля, он уже впадет в такое смирение, что почтет себя недостойным приблизиться к священному сосуду, ибо за много лет он спорочил себя смертным грехом. Но когда он опускается пред источником на колени, то зрит великие обещания Святого Грааля; за то, что он столь долго служил диаволу, будет ему кара на срок в двадцать четыре дня, ибо он двадцать четыре года пробыл слугою диавола. А вскоре затем он возвратится из этих краев в Камелот и там поведает об иных из тех приключений, что ему здесь выпадут.

А теперь я скажу вам, что означает рука со свечой и с уздечкой: под ней надо понимать святой дух, чье милосердие вечно и неизменно; узда же означает воздержание, ибо когда оно обуздывает природу христианина, то держит так прочно, что он уж не впадет в смертный грех. А свеча, источающая свет и ясность, означает прямой путь Иисуса Христа.

— Когда он уходил, он сказал так: «Рыцари, слабые верой и нетвердые духом, вот чего недостает вам: милосердия, воздержания и праведности. И потому не вам быть среди взыскующих Святого Грааля».



О ДОБРОМ СОВЕТЕ, КОТОРЫЙ ДАЛ ИМ ОТШЕЛЬНИК ❧ — Воистину,— сказал сэр Гавейн,— все, что вы говорили,— правда, я вижу это ясно. А теперь скажите, прошу вас, отчего нам столь редко стали попадаться приключения?

— Я скажу вам с охотою,— отвечал святой человек.— Святой Грааль, которого ты и многие твои товарищи взыскуете безуспешно, не открывается грешникам, и потому не удивляйтесь, что вам не удается достичь его, как и многим другим. Ведь ты — неверный рыцарь и великий убийца. А Святой Грааль для добрых людей означает не убийства, а иное. Вот ведь сэр Ланселот хоть и грешен, но с тех пор как странствует, взыскуя Святого Грааля, он не убил ни одного человека, и не убьет, покуда не возвратится ко двору в Камелот; ибо он решился отстать от греха. Правда он не стоек и готов в мыслях своих свернуть на прежний путь, а иначе он второй был бы достоин удачи в этом подвиге, после сэра Галахада, своего сына. Но богу ведомы его нестойкость и слабость. Однако все равно он умрет святым мужем, и, вне сомнения, ему нет равных среди смертных грешников на земле.

— Сэр,— сказал сэр Гавейн,— по вашим словам я понимаю, что через грехи наши для нас не будет проку от наших трудов в этом подвиге.

— Именно так,— отвечал святой человек,— вас таких целая сотня, которые ничего не достигнут, кроме позора.

И, выслушав такие его речи, они поручили его господу. Но он подозвал к себе сэра Гавейна и сказал:
— Много лет уже прошло с тех пор, как тебя посвятили в рыцари, но ты никогда не служил Создателю твоему. А теперь ты уже столь старое дерево, что нет у тебя ни листа, ни зелени, ни плода. Позаботься же о том, чтобы господу нашему вручить хоть голую кору, раз уж листья и плоды достались диаволу.
— Сэр,— сказал сэр Гавейн,— будь у меня досуг, я бы остался для беседы с вами, но мой товарищ сэр Эктор уже собрался в путь и ждет меня вон там под горой.
— Ну,— молвил святой человек,— мои наставления были для твоей пользы.
И с тем оставил его сэр Гавейн и нагнал сэра Эктора, и, сев на коней, они пустились в путь и скакали, пока не добрались до избушки лесника, где ждал их добрый ночлег. А наутро они простились со своим хозяином и долго ехали, прежде чем им встретились какие-то приключения.
Теперь обращается эта повесть к сэру Борсу Ганскому.



КАК СЭР БОРС ПОВСТРЕЧАЛ ОТШЕЛЬНИКА И КАК ОН ПОКАЯЛСЯ ЕМУ В СВОИХ ГРЕХАХ И ТОТ НАЛОЖИЛ НА НЕГО ЭПИТИМЬЮ

Когда сэр Борс покинул Камелот, повстречался ему святой человек верхом на осле, и сэр Борс приветствовал его. Тот сразу же узнал, что перед ним один из странствующих рыцарей, взыскующих Святого Грааля.
— Кто вы? — спросил добрый человек.
— Сэр,— отвечал сэр Борс,— я рыцарь, всей душой жаждущий наставления, ибо я выехал на подвиг, взыскуя Святого Грааля. Ведь много чести и славы будет тому, кто преуспеет в этом приключении.
— Это правда,— сказал добрый человек,— все это именно так и есть, ведь он будет первым среди рыцарей мира и лучшим изо всех. Но знай, лишь чистотой можно этого добиться, которая есть полное покаяние.
Так ехали они вместе, покуда не приехали к жилищу отшельника, и он пригласил к себе сэра Борса на ночлег. Сэр Борс снял с себя доспехи и просил доброго человека, чтобы он его исповедал, и они вошли в часовню, и там получил сэр Борс отпущение грехов. А потом они вдвоем поели хлеба и выпили воды.
— Прошу тебя,— сказал святой человек,— чтобы ты не ел ничего иного, пока не будешь сидеть за тем столом, где окажется Святой Грааль.
— Сэр,— он отвечал,— я согласен на это. Но как можете вы знать, что я буду сидеть за тем столом?
— Да, это я знаю,— сказал святой человек,— но мало кто из ваших товарищей будет там с вами.

— Я с радостью приму все,— молвил сэр Борс,— что ни пошлет мне бог.
— И еще,— сказал отшельник,— вместо рубахи в знак покаяния, должно вам носить вот это облачение. А потому прошу вас, снимите все ваши одежды и рубаху тоже.

Он так и сделал. И тот дал ему алую рубаху, чтобы носить на теле, пока он не достигнет Святого Грааля. Этот святой старец счел жизнь его столь чистой и самого его столь стойким, что плотские страсти никогда им не могли овладеть, кроме лишь одного раза, когда от него родился Элин Белый.

Вслед за тем облачился сэр Борс в доспехи, простился с отшельником и продолжал свой путь. Проскакал он совсем недолго, поглядел вверх над собою и увидел в ветвях старого дерева огромную птицу. Дерево же было все сухое, без единого листа, и птица сидела у верхушки, а вокруг были птенцы ее, мертвые от голода. И видит он, как она ударила вдруг себя в грудь своим большим острым клювом, хлынула кровь у нее струей, и она тут же поникла мертвая среди своих птенцов. Но птенцы ее молодые обрели жизнь с кровию большой птицы.

Увидел все это сэр Борс и сразу догадался, что здесь сокрыт великий смысл. И, видя, что большая птица не оживает, он снова погнал своего коня и ускакал оттуда прочь.

И по воле случая, к вечерней молитве подъехал он к высокой и крепкой башне, и там приняли его радушно на ночлег.



КАК СЭР БОРС ОСТАНОВИЛСЯ У ОДНОЙ ДАМЫ И КАК ОН ВЫЗВАЛСЯ СРАЗИТЬСЯ ЗА ЕЕ ЗЕМЛИ

Когда он снял с себя доспехи, его проводили в башню, а там встретила его дама, юная, веселая и прекрасная, и она принимала его с большой радостью и пригласила сесть рядом с нею. И сели они за стол к ужину, и было им подано мясо и многие редкостные яства.

Но увидев все это, вспомнил сэр Борс о наставлении отшельника и велел пажу, чтобы тот принес ему воды. Тот исполнил его веление, и сэр Борс накрошил туда хлеба и ел.

— Ах,— сказала дама,— вижу, что вам не нравится угощение.

— Нет, нравится,— отвечал сэр Борс.— Бог да вознаградит вас, прекрасная госпожа, но я ничего иного не должен нынче есть.

Больше она ни слова ему не сказала, опасаясь рассердить его. А после ужина стали они беседовать о том и об этом. Вдруг является к ним паж и говорит:

— Госпожа, к завтрашнему дню вы должны найти рыцаря, который за вас сразится, а иначе этот замок и все ваши земли достанутся вашей сестре, если некому будет выступить за вас против сэра Придама Черного.

Тут стала она убиваться и плакать и говорила так:
— Ах, господи боже! Зачем только дано мне было владеть моими землями, которые ныне у меня отторгают без всякой причины и права?
И, слыша такие речи, сказал сэр Борс:
— Я готов помочь вам.
— Сэр,— сказала она,— я сейчас вам все расскажу. Жил здесь некогда король по имени Аниансе, который владел всеми здешними землями. Но случилось так, что он полюбил одну даму, много старше меня. И он передал ей во владение все свои земли и всех людей своих в ее управу. Она же установила много дурных обычаев и через то перебила чуть не всех королевских родичей. Когда он увидел это, он изгнал ее из своей страны, а земли эти передал мне в мое владение. Но лишь только умер этот достойный король, та дама пошла на меня войной, она многих моих рыцарей перебила, иных же обратила против меня, так что у меня уже почти никого не осталось, и все, чем я владею, это вот эта высокая башня, которую она у меня еще не отняла. Но она пригрозила мне забрать и башню, если я не найду рыцаря, который будет биться с рыцарем, которого выставит она.
— Скажите мне,— спросил сэр Борс,— кто таков этот Придам Черный?
— Сэр, он самый грозный боец в этой стране.
— Тогда пошлите к ней сказать, что вы нашли рыцаря, который будет биться с Придамом Черным за божью правду и за ваше право.
Обрадовалась эта дама и послала известить, что они готовы. А сэру Борсу она не знала, как угодить, но он не захотел лечь ни на какое ложе, а лег прямо на полу, ибо иначе он спать не желал, пока не исполнит подвиг Святого Грааля.



О ВИДЕНИИ, КОТОРОЕ БЫЛО СЭРУ БОРСУ В ТУ НОЧЬ, И КАК ОН СРАЖАЛСЯ И ОДОЛЕЛ СВОЕГО ПРОТИВНИКА ❧

Но пока он спал, было ему видение. Прилетели две птицы: одна белая, как лебедь; другая черная на диво, но она была не столь велика, а подобна размерами ворону. Вот приблизилась к нему птица белая и сказала:
— Если ты станешь кормить меня и мне услужать, я дам тебе все богатства мира и я сделаю тебя таким же белым и прекрасным, как я сама.
И с тем отлетела белая птица. А за ней приблизилась и черная и сказала так:
— Лучше сослужи завтра службу мне и не презирай меня, хотя я и черна. Ибо знай, что от моей черноты проку более, нежели от белизны других.
И с тем она отлетела. А ему после того было еще другое видение. Будто бы очутился он перед большим домом, по виду церковью, и там нашел он скамью, слева же от нее стояло гнилое, червями источенное дерево, а справа росли два цветка наподобие лилий, и одна лилия словно бы клонилась к

другой, дабы похитить у нее всю белизну. Но какой-то добрый человек развел их, так что они не касались одна другой. И тогда из обоих цветков выросло еще по многу цветов и плоды в изобилии. И чудится ему, будто добрый человек говорит:

— Не свершит ли тот великого неразумья, кто погубит эти два цветка ради того, чтобы поддержать это гнилое дерево, дабы оно не упало на землю?

— Сэр,— он сказал,— сдается мне, что от этого бревна мало проку.

— Смотри же,— молвил добрый человек,— чтобы и с тобой не случилось такого.

С тем пробудился сэр Борс, осенил знаком креста лоб свой, а затем поднялся и оделся. И пришла к нему хозяйка башни. Она приветствовала его, и он ее тоже, а затем они прошли в часовню и прослушали там службу.

Между тем собрались рыцари, за которыми послала дама, чтобы они сопровождали сэра Борса к месту поединка. Тут велел он принести свои доспехи, и когда он облачился в них, она стала упрашивать его, чтобы он проглотил хоть крупицу пищи.

— Нет, госпожа,— отвечал сэр Борс,— этого я не сделаю, покуда милостью божией не кончу поединок.

И он вскочил на коня и тронулся в путь, а рыцари и оруженосцы поскакали за ним.

А когда съехались обе дамы, то та, за которую предстояло сражаться сэру Борсу, стала упрекать другую, говоря:

— Госпожа, вы учинили мне великое зло, отторгнув мои земли, что отдал мне король Анианс, и, право, не следует затевать теперь поединок.

— Не вам решать,— отвечала та.— А не хотите поединка, прикажите вашему рыцарю, чтобы он признал себя побежденным.

Между тем было возглашено, что который из рыцарей одержит верх, того дама получит во владение все земли.

Вот разъехались рыцари один туда, другой сюда. А затем ринулись друг другу навстречу и сшиблись с такой силою, что пробили и щиты и панцири, а копья у обоих разлетелись в щепы, и оба оказались жестоко ранены. Но сшиблись они второй раз и повергли один другого наземь вместе с конями. Вскочили оба в тот же миг, наложили руки на мечи свои и с такой силою обрушили мечи один другому на голову, что пробили большие и глубокие раны и кровь побежала из ран. Ибо сэр Борс встретил более искусного противника, чем ожидал,— ведь этот сэр Придам был превосходный рыцарь, и он жестоко поранил сэра Борса, а тот его. Но сэр Придам ни на минуту не ослаблял натиска. Это заметил сэр Борс, и он допустил того уже почти до победы, а затем набросился на него со свежими силами, и тот стал отступать шаг за шагом под страхом смерти. И, отступая, он упал навзничь, а сэр Борс потянул его за шлем так сильно, что сорвал его с головы, и плашмя ударил его несколько раз мечом по лицу и повелел ему покориться, а иначе он убьет его. Тут вскричал сэр Придам, прося пощады, и сказал так:

— Любезный рыцарь, ради господа бога, не убивай меня, я обещаю никогда больше не выступать против твоей дамы, но всегда держать ее сторону.

Сэр Борс подарил ему жизнь, и старая дама бежала оттуда со всеми своими рыцарями.



КАК БЛАГОДАРЯ ПОЕДИНКУ СЭРА БОРСА ДАМЕ БЫЛИ ВОЗВРАЩЕНЫ ЕЕ ВЛАДЕНИЯ, И КАК ОН УЕХАЛ, И КАК ВСТРЕТИЛ СЭРА ЛИОНЕЛЯ, СВЯЗАННОГО И ПОБИТОГО ТЕРНИЯМИ, ТАКЖЕ ДЕВИЦУ, КОТОРУЮ ВЕЛИ НА ПОГИБЕЛЬ

Затем созвал сэр Борс всех тех, кто держал земли от его дамы, и объявил им, что уничтожит из них всякого, кто не будет ей служить, как обязан держащий от нее земли. И они ей все поклонились, а те, кто не пожелал поклониться, были согнаны с ее земель. Так случилось, что молодая госпожа снова вступила во владение своими богатствами через славную мощь сэра Борса Ганского.

Когда же во всей той стране утвердился мир, сэр Борс с нею простился и снова тронулся в путь. Она благодарила его горячо и хотела наградить его богатыми дарами, но он ото всего отказался. Ехал он весь тот день до вечера, а на ночлег остановился у одной дамы, которая его хорошо знала и оказала ему радушный прием. Наутро же, лишь только занялся день, сэр Борс снова пустился в путь и до полуденного часа скакал по густому лесу.

И там было с ним чудесное приключение. На развилке двух дорог повстречались ему два рыцаря, которые вели сэра Лионеля, его брата, нагого и привязанного веревками к высокому коню, а руки его были скручены перед грудью. Они же оба держали в руках тернии и ими хлестали его так жестоко, что кровь бежала по его телу из сотни мест и весь он был залит кровью, спереди и сзади. Но ни слова не произносил он, как подобает мужу благородной души, но все терпел, что они над ним ни чинили, словно бы и не чувствуя боли.

В тот же миг изготовился сэр Борс выступить в защиту того, кто был ему братом. Но взглянул он в другую сторону и увидел там рыцаря, который влек за собою прекрасную даму и хотел затащить ее в самую непроходимую чащу, подальше от взгляда тех, кто станет ее искать. Она же, не терявшая веры, воскликнула громким голосом:

— Святая Мария, помоги слуге твоей!

И лишь только завидела она сэра Борса, она сразу же догадалась, что он — рыцарь Круглого Стола. И стала она заклинать его:

— Ради верности твоей тому, кому ты ныне служишь, и ради короля Артура, который, наверное, сам посвятил тебя в рыцари, помоги мне, не допусти моего позора!

Услышал сэр Борс такие ее слова и стал горько убиваться, не зная, как поступить.

— Ведь если я брошу в беде брата моего, он погибнет, а на это не согласился бы я за все блага мира. Если же я не помогу этой девице, она будет опозорена и утратит девственность свою, которую ей уже никогда не вернуть.

И, поднявши ввысь глаза, сказал он, плача:

— Благий, милосердный господи Иисусе Христе, создатель мой! Храни, господи, брата моего сэра Лионеля, не дай тем рыцарям убить его, я же, из сострадания тебе и кроткой деве Марии, заступлюсь за эту девицу.



КАК СЭР БОРС ОТПРАВИЛСЯ СПАСАТЬ СВОЕГО БРАТА И СПАС ДЕВИЦУ И КАК ОН УЗНАЛ, ЧТО СЭР ЛИОНЕЛЬ УМЕР

И с тем, изготовившись к бою, крикнул он рыцарю, который был с дамой:

— Сэр рыцарь, прочь руки от этой девицы, или же почитай себя мертвым!

Тот опустил девицу на землю и изготовился к поединку. Не было у него только копья. Но он загородился щитом и обнажил меч. Ударил его сэр Борс с такою силой, что пробил копьем и щит и панцирь, и вошло оно в левое плечо, и тем ударом поверг он его на землю. А как выдернул из его раны копье, тот от боли лишился чувств.

Подъехал сэр Борс к девице и говорит:

— Ну, как? Сдается мне, вы избавлены от преследований этого рыцаря?

— Теперь, сэр,— сказала она,— прошу вас, отвезите меня туда, откуда этот рыцарь меня увез.

— Я сделаю это охотно.

И он взял коня, на котором приехал поверженный им рыцарь, посадил на него девицу и так доставил ее туда, куда она пожелала.

— Сэр рыцарь,— сказала она,— вы и сами не знаете, как много вы сделали, ведь если бы я лишилась девственности, пятьсот человек за это лишились бы жизни.

— А кто был тот рыцарь, завезший вас в лесную чащу?

— Правду сказать, это мой кузен. Я и не подозревала о том, в какие хитрые сети завлек его диавол, а он вчера тайком увез меня от отца моего, тогда как ни я сама и никто из людей моего отца не питали к нему недоверия. И если бы он лишил меня девственности, он умер бы за грех своей плоти, опозоренный и обесчещенный навеки.

Между тем как она там стояла и так говорила, прискакали двенадцать рыцарей, ее разыскивавшие. Она рассказала им, как сэр Борс ее спас. И они все очень обрадовались и стали звать его к ее отцу, могущественному лорду, у которого ждал его сердечнейший прием.

— Право,— отвечал им сэр Борс,— мне это сейчас никак невозможно, ибо мне еще предстоит в здешнем краю одно важное дело.

И он поручил их господу и уехал. Теперь, по следам конских копыт, сэр Борс поскакал догонять своего брата сэра Лионеля.

Долго он так ехал, ища его, и нагоняет он человека в церковном одеянии верхом на крепком вороном коне, мастью чернее черники. Говорит человек:

— Сэр рыцарь, чего вы ищете?

— Сэр,— отвечал он,— я ищу брата моего, которого я видел раньше, избиваемого двумя рыцарями.

— А, сэр Борс, не беспокойся понапрасну, и не льсти себя пустыми надеждами. Я сообщу тебе все как есть: он умер.

И показал он ему свежеубиенное тело, лежащее в кустах, и увидел он, что это как бы и вправду тело брата его сэра Лионеля. Тут испытал он такое горе, что в бесчувствии свалился на землю и пролежал так долгое время. Когда же пришел в себя, то сказал так:

— Любезный брат, навсегда мы разлучены с тобою, и поэтому не ведать больше радости сердцу моему! Теперь лишь Он, Кого избрал я господином моим, будет мне поддержкой.

И, сказавши это, поднял он с легкостью тело брата, положил его поперек своего седла и сказал тому человеку:

— Не укажете ли вы мне церковь где-нибудь здесь поблизости, где бы я мог похоронить его?

— Следуйте за мною,— тот отвечал,— здесь есть часовня совсем неподалеку.

Они поехали и наконец подъехали к высокой башне, а у подножья ее стояла старая, ветхая часовня. Спешились они оба и положили мертвого в мраморную гробницу.



КАК СЭР БОРС РАССКАЗАЛ СВОЙ СОН СВЯЩЕННИКУ, И О СОВЕТЕ, КОТОРЫЙ ДАЛ ЕМУ СВЯЩЕННИК ❧

— Оставим его здесь,— сказал добрый человек,— и отправимся на ночлег, а утром вернемся сюда снова и отслужим над ним последнюю службу.

— Сэр,— спросил сэр Борс,— вы священник?

— Да, воистину,— тот отвечал.

— Тогда прошу вас, растолкуйте мне сновидение, которое было мне минувшей ночью.

— Рассказывайте,— сказал он.

И он начал свой рассказ с той большой птицы, что он видел в лесу, а потом поведал ему о птицах из своего видения, одной белой, другой черной, и о гнилом дереве, и о белых цветах.

— Сэр, я растолкую вам половину сейчас, а остальное завтра. Белая птица означает даму, прекрасную и богатую, у которой много возлюбленных и которая давно уже любит тебя. И если ты отвергнешь ее любовь, она в скором времени умрет — раз ты не хочешь сжалиться над нею. Это и означает черная птица, которая зовет тебя отвергнуть любовь той. Ты же не из страха божия, не из боязни, отвергнешь ее; ты сделаешь это, дабы сохранить чистоту свою и победить суетную страсть и тщету земной жизни. Ибо вот что произойдет, если ты отвергнешь ее любовь: сэр Ланселот, добрый рыцарь и твой кузен, должен будет умереть. И тогда люди станут говорить о тебе, что ты убийца и сэра Ланселота, и брата своего сэра Лионеля, которого ты легко мог спасти, ты же предпочел заступиться за девицу, хотя она тебе никто. Подумай теперь, что было хуже: чтобы умер брат твой или же чтобы она лишилась девственности?— И спросил он: — Понял ты теперь смысл своих видений?

— Да,— отвечал сэр Борс.
— Значит, твоя будет вина, если погибнет кузен твой сэр Ланселот?
— Сэр,— сказал сэр Борс,— мысль об этом мне ненавистна, ибо менее всего на свете я желал бы видеть гибель сэра Ланселота, да еще по моей вине.
— Выбирай же одно или другое.
И он отвел его в башню, и там встретили его дамы и рыцари и приветствовали его радушно. Они сняли с него доспехи, и когда он остался в одном дублете, принесли ему мантию, подбитую горностаем, и накинули ему на плечи. И так все радовались и веселились, что он забыл о своем горе.
Но вот вышла к нему из дальнего покоя дама, прекраснейшая, какую случалось ему видеть, и наряженная богаче самой королевы Гвиневеры и любой другой знатной дамы.
— Взгляните, сэр Борс,— сказали все,— этой даме мы все служим, она же всех прекраснее и богаче на свете, и она изо всех рыцарей любит вас одного и никого кроме вас не желает.
Услышавши такие речи, смутился сэр Борс. Но она тут поклонилась ему, и он поклонился ей в ответ. И сели они рядом и беседовали о разных вещах, и наконец она стала просить его быть ее возлюбленным, ибо она любит его более, нежели кого-либо еще на свете, и сделает его самым богатым из всех его сверстников.
Выслушал сэр Борс эти ее слова, и тяжко стало у него на душе. Но он ни за что на свете не хотел нарушать чистоту свою и не знал, как ей ответить.



КАК ДИАВОЛ ВО ОБРАЗЕ ЖЕНЩИНЫ СКЛОНЯЛ СЭРА БОРСА ВОЗЛЕЧЬ С НЕЮ И КАК МИЛОСТИЮ БОЖИЕЙ ЕМУ УДАЛОСЬ СПАСТИСЬ ❧ — Увы, сэр Борс! — воскликнула она.— Неужто не исполните вы моей воли?
— Госпожа,— он отвечал,— на свете нет женщины, чью волю в этом согласился бы я выполнить. Не должно желать этого, ибо брат мой, недавно убиенный, лежит не преданный земле.
— Ах, сэр Борс,— сказал она,— я так давно люблю вас за великую красоту, какую я в вас увидела, и за великую вашу храбрость, о которой я слышала, что вы непременно должны возлечь со мною нынче же ночью, и прошу вас согласиться на это.
— Воистину,— отвечал он,— я этого не сделаю.
Тогда стала она так убиваться, что казалось, вот-вот она умрет от горя.
— Вот, сэр Борс,— говорила она,— вы меня довели едва что не до смерти.
И с тем она взяла его за руку и стала просить, чтобы он взглянул на нее.
— И тогда вы сами увидите, что я умираю от любви к вам.
Но он отвечал:
— Я не стану глядеть на вас.
Тогда она покинула его и поднялась на самый верх башни, а с нею двенадцать дам, и одна дама крикнула ему сверху:

— О сэр Борс, благородный рыцарь! Сжалься над нами всеми и исполни волю госпожи нашей, а иначе мы все вместе должны принять смерть, бросившись вниз с высоты этой башни. И если из-за такой малости вы допустите нас умереть, все благородные дамы и девицы ославят вас и опозорят. Поглядел он наверх и видит, что там собрались дамы знатные, в богатых и красивых нарядах. И стало ему их очень жаль. Но все равно про себя он твердо решил, что пусть лучше они погубят свои души, нежели он — свою. И тогда они все вдруг бросились с башни на землю, а он, видя это, диву дался, смутился духом. И осенил он себе грудь и лицо крестным знамением. В тот же миг раздался страшный вой и рев, словно все диаволы преисподней обступили его. И не увидел он больше ни башни, ни владычицы ее, ни дам, и ни часовни, где оставил он своего брата. Тогда воздел он обе руки свои к небесам и промолвил:
— Благий милосердный боже и отче небесный! Я спасен!
И он взял доспехи свои и коня и снова пустился в путь.
Едет он и слышит, справа доносится звон колокола. Повернул он в ту сторону и скоро подъехал к аббатству, обнесенному высокими стенами, и впустили его через ворота внутрь. А там с первого же взгляда догадались, что он рыцарь Круглого Стола, взыскующий Святого Грааля, и отвели его в отдельный покой и помогли снять доспехи.
— Сэры,— сказал сэр Борс,— если есть среди вас святой человек, прошу, позвольте мне поговорить с ним.
Тогда один из них отвел его в часовню к настоятелю. Приветствовал его сэр Борс, и он ответил на его приветствие.
— Сэр,— сказал ему сэр Борс,— я странствующий рыцарь.
И поведал ему обо всех своих приключениях.
— Сэр рыцарь,— сказал настоятель,— я знаю, кто вы такой, ибо мне казалось, что рыцарь вашего возраста не может быть так крепок в деле веры. Но вы пока ступайте на покой, ибо ныне я не буду наставлять вас, уже поздно. Завтра же я наставлю вас по мере моего разумения.



О СВЯТОМ ПРИЧАСТИИ, КОТОРОЕ ДАЛ СЭРУ БОРСУ НАСТОЯТЕЛЬ, И КАК НАСТОЯТЕЛЬ НАСТАВЛЯЛ ЕГО ❧ В ту ночь сэру Борсу ни в чем не было недостатка. А рано поутру он поднялся, отслушал обедню, и тогда явился к нему настоятель и пожелал ему доброго утра, а сэр Борс ответил ему тем же.
И рассказал сэр Борс, что он странствует, взыскуя Святого Грааля, и поведал о том, как святой старец повелел ему питаться только хлебом и водой.
— Это господь наш Иисус Христос явился вам во образе птицы, ибо он претерпел за нас великие муки на кресте, изойдя кровью сердца своего за род человеческий. Видение, что вам было, означает Святой Грааль, ибо кровь, пролитая большой

птицей, подняла птенцов ее от смерти к жизни А голое дерево означает мир этот, который наг, убог и бесплоден, когда не приходит к богу.

Так и та дама, за которую вы сражались. Король Анианс, прежний владыка, означает Иисуса Христа, который есть владыка всему миру. Бой же ваш с рыцарем той второй дамы надлежит понимать так: под вашей дамой понимайте новый закон господа нашего Иисуса Христа и святую церковь; а под другой дамой понимайте старый закон и диавола, что денно и нощно воюет против святой церкви. Потому битва ваша была правой, ибо вы — рыцарь Иисуса Христа и вам надлежит быть защитником святой церкви. И под черной птицей должно понимать святую церковь, которая говорит: «Я черна», а в действительности она бела. Под белой же птицей надо понимать диавола, и я скажу вам, что лебедь тот был бел снаружи и черен изнутри: он знаменует лицемерие, которое снаружи желто и бледно и представляется верным слугой Иисуса Христа, внутри же столь черно от мерзости греха и столь коварно обманывает мир.

Когда же диавол явился тебе во образе святого старца и попрекал тебя тем, что ты оставил в беде брата твоего ради дамы, и отвел тебя туда, где лежал, как представилось тебе, твой брат мертвый,— а между тем он жив,— все это было лишь для того, чтобы ввести тебя в заблуждение, соблазнить тебя тщеславием и плотской страстью, ведь он знал, что ты добр сердцем, и цель у него была одна: чтобы ты не исполнил подвиг Святого Грааля. Теперь сухое дерево и белые лилии. Засохшее дерево знаменует брата твоего сэра Лионеля, который высох без добродетели и может быть назван засохшим деревом, источенным червями, ибо убивает людей и преступает законы высокого Ордена Рыцарства. А два белых цветка означают две невинности: рыцаря, которого вы ранили накануне, и девицу, которую вы спасли. Клонился же один цветок к другому потому, что этот рыцарь хотел надругаться на девицею и над самим собою. И вы, сэр Борс, поступили бы весьма неразумно и предосудительно, поспешив на подмогу гнилому дереву, ибо если бы они согрешили, они погибли бы. За то же, что вы спасли их обоих от погибели, теперь вас можно называть настоящим рыцарем Иисуса Христа и верным слугой Его.



КАК СЭР БОРС ПОВСТРЕЧАЛ СВОЕГО БРАТА СЭРА ЛИОНЕЛЯ И КАК СЭР ЛИОНЕЛЬ ХОТЕЛ УБИТЬ СЭРА БОРСА ❧ После того покинул сэр Борс монастырь, поручив настоятеля господу. Ехал он весь день, а на ночлег остановился у одной старой женщины. Утром же он снова пустился в путь и подъехал к замку в низине. Видит он, навстречу ему торопится по пути к лесу крестьянин на лошади.

— Скажи мне,— спрашивает сэр Борс,— не будет ли здесь поблизости каких приключений?

— Сэр,— тот отвечал,— здесь под стенами замка состоится большой чудесный турнир.

— Какие же люди выступят на нем? — спросил сэр Борс.

— С одной стороны выступит граф — владетель Равнинных Земель, а с другой — племянник леди Гервины.
И тогда сэр Борс задумал быть там и попытать счастья; быть может, встретится ему на турнире брат его сэр Лионель или кто другой из его товарищей, взыскующих Святого Грааля. И свернул он к хижине отшельника, стоявшей на опушке леса.
И там, у отшельника, застал он сэра Лионеля, своего брата, который сидел на пороге часовни, вознамерившись так дождаться утра и начала турнира.
Когда увидел его сэр Борс, так велика была его радость, что невозможно передать. Слез он с коня и сказал:
— Милый, любезный брат, давно ли вы здесь?
А сэр Лионель, поглядев на него, ответил так:
— А, сэр Борс, не приближайтесь ко мне! По вашей милости я чуть не погиб. Вы видели, как два рыцаря, избивая, увозили меня, но вы поспешили на подмогу девице, меня же оставили в смертельной опасности. Никогда до этих пор не обходился брат с братом так несправедливо. И за эту несправедливость я обещаю вам только смерть, ибо вы ее заслужили. Берегитесь же меня отныне! Дайте только мне облачиться в доспехи.
Увидел сэр Борс гнев брата своего, опустился перед ним на колени и, воздев кверху руки, просил его смилостивиться и простить ему обиду.
— Ну, нет,— отвечал сэр Лионель,— этому не бывать никогда! И если только тебя одолею, то клянусь господом богом, тебя ждет смерть, ибо жаль было бы дольше оставлять тебя в живых.
С тем зашел он в хижину, облачился в доспехи, сел на коня и, подскакав к нему, воскликнул:
— Сэр Борс, защищайся, ибо я обойдусь с тобою как с предателем и подлецом. Ибо ты — недостойнейший из рыцарей, вышедших из славного дома короля Борса Ганского, нашего отца. И потому садись на коня, дабы быть в равном со мной положении, а не желаешь, так наеду на тебя, прямо как ты стоишь там на земле, так что тебе будет хуже, а мне будет стыдно — да только я тот стыд ставлю ни во что.
Видит сэр Борс, что не избежать ему сразиться с родным братом или же придется погибать. И не знает он, как ему быть. И сердце его ничего ему не подсказывало, кроме лишь того, что как есть сэр Лионель ему старший брат, обязан он ему почтением. И он снова опустился на колени у копыт его коня и сказал так:
— Милый любимый брат, смилуйся надо мною и не убивай меня, помни о великой любви, какая должна быть между нами двоими.
Но что ни говорил сэр Борс, сэр Лионель слышать ничего не хотел, ибо диавол так распалил его ярость, что тот во что бы то ни стало желал его убить. И, видя, что сэр Борс не подымается, чтобы вступить с ним в поединок, сэр Лионель пустил на него коня, и сшиб сэра Борса наземь вверх ногами, и так жестоко его поранил, что тот лишился чувств от горя при мысли, что умрет без покаяния. А сэр Лионель, видя это, спешился, дабы отсечь ему голову, ухватился за шлем его и хотел было сорвать его с головы. Но тем временем подбежал к нему отшельник, добрый муж и древний годами,

который все слышал, что было сказано между ними. Он бросился между ними, упал прямо на сэра Борса и сказал так:



КАК СЭР КОЛГРЕВАНС БИЛСЯ С СЭРОМ ЛИОНЕЛЕМ, ЧТОБЫ СПАСТИ СЭРА БОРСА, И КАК БЫЛ УБИТ ОТШЕЛЬНИК ❧ О благородный рыцарь! Смилуйся надо мною и над твоим братом, ведь если ты убьешь его, от этого греха своего ты сам примешь смерть, и это было бы большой бедою, ибо он достойнейший из рыцарей мира и жизни праведнейшей.

— Да поможет мне бог, святой человек, но если вы не отойдете, я убью вместо него вас, а его отпущу.

— Воистину,— отвечал старец,— я предпочту, чтобы вы убили меня, нежели его, ведь от моей смерти немного будет ущерба, вполовину не так много, как если вы убьете его.

— Что ж,— сказал сэр Лионель.— Я согласен.

И он наложил руку на меч и ударил его так сильно, что голова его откатилась назад. Но и тем не спас добрый старец сэра Борса от злобы его брата. Отстегнул сэр Лионель на нем шлем и хотел уже было отсечь ему голову долой, и так бы и убил он его, когда бы не товарищ его по Круглому Столу, чье имя было сэр Колгреванс, который заехал туда, ибо на то была воля господа.

Когда увидел он святого старца убиенным, сильно он тому подивился. А потом увидел он и сэра Лионеля, который замахнулся на брата своего, и узнал он сэра Борса, которого очень любил. Сошел он тогда с коня, взял сэра Лионеля за плечи, оттащил с силою от сэра Борса и сказал:

— Неужели вы хотите убить вашего брата, одного из достойнейших рыцарей мира? Этого никто не потерпит.

— Что вам за дело,— спросил сэр Лионель,— препятствовать мне? Если вы будете мне мешать, я убью вас, а уж затем его!

— Как? — воскликнул сэр Колгреванс,— значит, вы и вправду хотите убить его?

— Да, так я решил и убью его, что бы вы ни говорили! Ибо он такую обиду причинил мне, что заслужил смерть.

И снова ринулся он к поверженному брату и занес меч, чтобы отсечь ему голову. Но сэр Колгреванс бросился между ними и сказал:

— Если вы отважитесь сделать еще хоть шаг, мы с вами будем сражаться!

Услышав такие речи, поднял сэр Лионель свой щит и спрашивает его, кто он такой.

— Сэр, мое имя сэр Колгреванс, я один из его товарищей.

Изготовился тут сэр Лионель, набежал на него и нанес ему жестокий удар по шлему. Но и тот обнажил меч свой — ибо был он искусный боец — и мужественно от него защищался.

И так долго длился этот поединок, что сэр Борс очнулся и сел, жестоко страдая, и увидел он, что сэр Колгреванс, добрый рыцарь, сражается за него с его братом. Опечалился он, думая, что если сэр Колгреванс убьет его бра-

та, тогда не знать ему больше радости в жизни; если же брат убьет сэра Колгреванса, будет он так же опозорен навеки.

Хотел было он встать, чтобы разнять их, но ноги его не держали. И увидел он, как рухнул наземь сэр Колгреванс, ибо сэр Лионель был искуснейший боец и весьма храбрый; он пробил на нем кольчугу и шлем, и того ожидала лишь смерть,— он потерял так много крови, что удивительно было, как он столько времени держался на ногах. И слышит сэр Борс, с трудом приподнявшись на земле, как сказал ему сэр Колгреванс:

-- А, сэр Борс! Почему не спешите вы спасти меня от грозящей мне смерти, тогда как я бросился вам на подмогу, иначе бы вы уже погибли?

-- Воистину,— сказал сэр Лионель,— от этого вам бы не было проку. Вы не годитесь друг другу в заступники, ибо вы оба погибнете от моей руки!



КАК СЭР ЛИОНЕЛЬ УБИЛ СЭРА КОЛГРЕВАНСА И ХОТЕЛ ЗАТЕМ УБИТЬ СЭРА БОРСА ❧ Выслушал сэр Борс такие его речи, встал на ноги и надел шлем. И увидел он убитого отшельника и стал над ним горько сокрушаться. А сэр Колгреванс призывал сэра Борса, говоря так:

— Неужели вы допустите меня погибнуть здесь из-за вас? Но нет нужды, сэр! Если вам угодно, чтобы я умер, я смерть приму с радостью, ибо я не мог бы умереть, защищая мужа достойнее.

При этих словах его сорвал сэр Лионель шлем у него с головы; и, видя, что нет уже ему спасения, воскликнул сэр Колгреванс:

— Благий милосердный Иисусе Христе! В чем прегрешил я, отпусти душе моей! Сокрушается сердце мое по добродетели и по делам милосердия, что не исполнил я в этой жизни, и за то послужи облегчением мук души моей!

И при этих словах ударил его сэр Лионель с такой силою, что он рухнул наземь мертвый. А убивши сэра Колгреванса, набросился, словно одержимый диаволом, на брата своего и поразил его мечом с такой силой, что тот покачнулся и поник к земле. И взмолился он, исполненный кротости, чтобы, ради господа, прекратил брат его этот бой.

— Ибо случись ли, что я вас убью, любезный брат, или же вы меня, все равно мы оба погибнем из-за этого греха.

— Да поможет мне бог, мне не надо иной милости божией, лишь бы мне только расправиться с вами.

— Ну что ж,— сказал сэр Борс и, плача, обнажил меч свой,— любезный брат, воля моя чиста перед господом, вы же свершили ныне великое зло, убив святого старца, никому не причинившего обиды. И еще вы убили благородного рыцаря, нашего товарища. Знайте же, что вас я не очень-то боюсь, но страшусь господня гнева. Ведь война между нами — неправедная война. Яви же господи нам обоим свое чудо и смилуйся, господи, надо мною, хоть я и защищаю жизнь мою против родного брата!



КАК РАЗДАЛСЯ ГОЛОС, ЗАПРЕЩАВШИЙ СЭРУ БОРСУ ПРИКАСАТЬСЯ К НЕМУ И КАК ИХ РАЗДЕЛИЛО ОБЛАКО

И с тем занес сэр Борс руку и хотел было уже поразить своего брата. Но тут раздался голос, произнесший:

— Беги, сэр Борс, не касайся его, ты его убьешь!

В тот же миг разделило их, спустившись на землю, облако, по виду подобное чудесному ясному пламени, и занялись огнем оба их щита. Охватил их обоих страх божий, они упали на землю и долго лежали так без чувств. Когда же пришел в себя сэр Борс, поглядел он на брата и увидел, что тот невредим. Тогда воздел он ввысь руки, ибо боялся, как бы бог не покарал сэра Лионеля. И услышал он голос, произнесший:

— Сэр Борс, уезжай отсюда, не медли дольше в обществе своего брата, но поспеши отсюда к морю, ибо там ожидает тебя сэр Персиваль.

Тогда обратился он к брату и сказал:

— Ради господа, милый, любезный брат, простите мне, чем я вас обидел!

— Бог простит вас, а я прощаю охотно,— ответил тот.

И с тем сэр Борс его покинул и поскакал прямой дорогой к морю. Наконец, по воле счастливого случая, приехал он к аббатству, что стояло неподалеку от моря, и там остановился он на ночлег.

Но во сне раздался ему голос, повелевший ему, не медля, ехать к морю. В тот же миг встал он, осенил крестом чело свое, облачился в доспехи и оседлал коня. И выехал он через пролом в стене и достиг берега моря, а там у берега нашел он корабль, весь обтянутый белыми шелками.

Спешился сэр Борс, поручил себя божьему попечению и взошел на корабль. В тот же миг корабль отчалил от берега и поплыл в море так быстро, что, казалось, летел по волнам. Скоро совсем стемнело, и он никого не мог разглядеть. И тогда он лег и уснул и проспал до света. Пробудившись же, увидел он, что лежит на палубе рыцарь в полном облачении, только без шлема. И узнал он в нем сэра Персиваля Уэльского. Бросился он к нему с радостью, но сэр Персиваль смутился и спросил его, кто он такой.

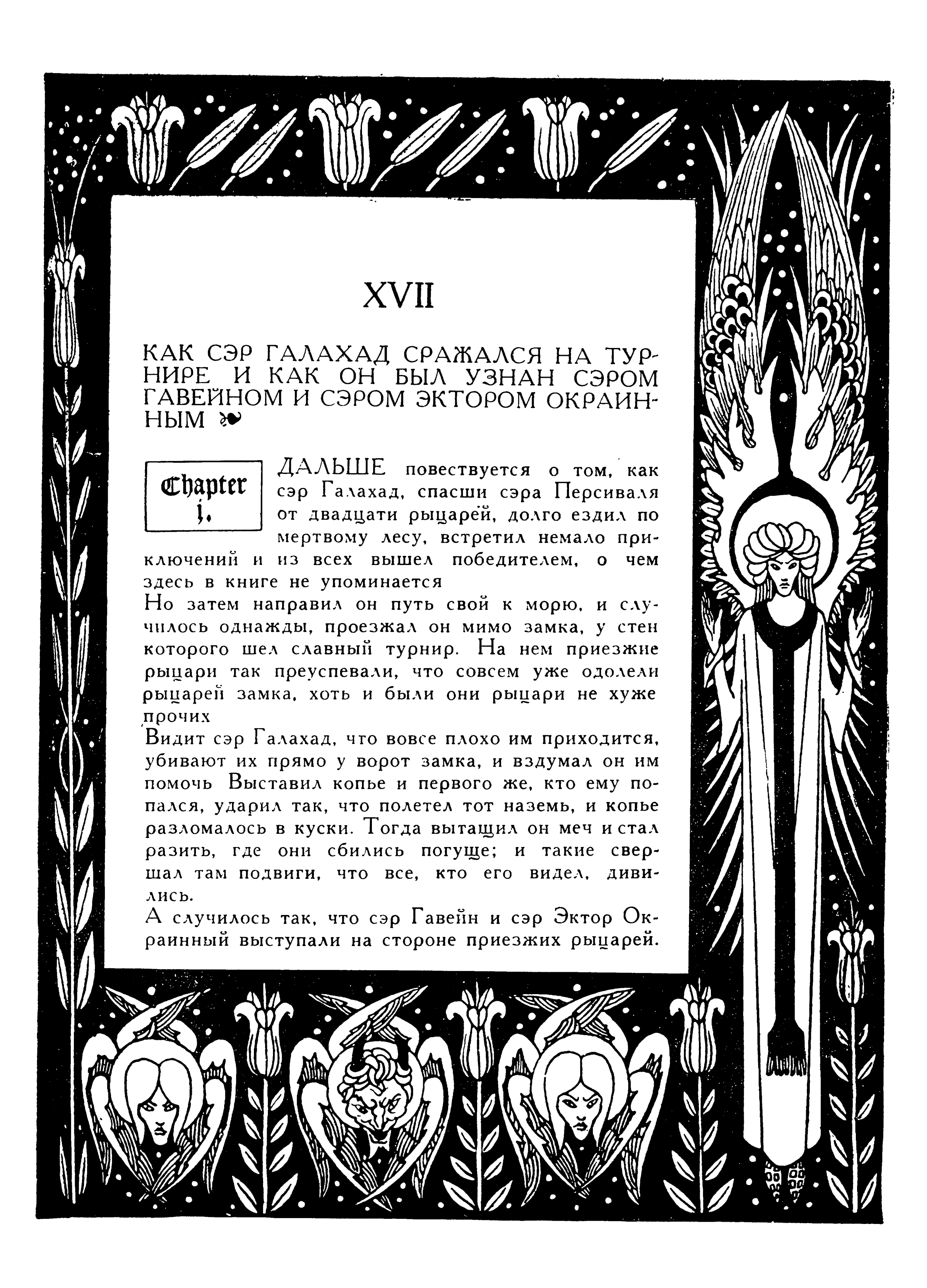
— А, любезный сэр,— сказал сэр Борс,— разве вы меня не узнаете?

— Воистину,— тот отвечал,— я диву даюсь, как вы сюда попали, если только не сам господь привел вас на этот корабль.

Усмехнулся сэр Борс и снял шлем, и в тот же миг сэр Персиваль его узнал. Обрадовались они друг другу так, что дивно было на них смотреть. И рассказал сэр Борс, как он попал на этот корабль и по чьему велению. А потом рассказали они друг другу о своих искушениях, о чем вы слышали выше. Так носились они по морю то вперед, то назад, утешая друг друга и все время предаваясь молитве. И молвил сэр Персиваль:

— Теперь нам недостает лишь сэра Галахада, доброго рыцаря.

А теперь обращается наше повествование к сэру Галахаду.



XVII

КАК СЭР ГАЛАХАД СРАЖАЛСЯ НА ТУРНИРЕ И КАК ОН БЫЛ УЗНАН СЭРОМ ГАВЕЙНОМ И СЭРОМ ЭКТОРОМ ОКРАИННЫМ ❧

Chapter i.

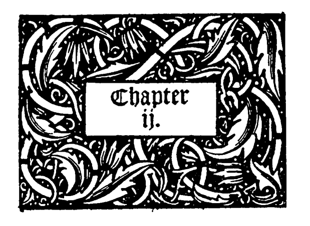
ДАЛЬШЕ повествуется о том, как сэр Галахад, спасши сэра Персиваля от двадцати рыцарей, долго ездил по мертвому лесу, встретил немало приключений и из всех вышел победителем, о чем здесь в книге не упоминается

Но затем направил он путь свой к морю, и случилось однажды, проезжал он мимо замка, у стен которого шел славный турнир. На нем приезжие рыцари так преуспевали, что совсем уже одолели рыцарей замка, хоть и были они рыцари не хуже прочих

Видит сэр Галахад, что вовсе плохо им приходится, убивают их прямо у ворот замка, и вздумал он им помочь Выставил копье и первого же, кто ему попался, ударил так, что полетел тот наземь, и копье разломалось в куски. Тогда вытащил он меч и стал разить, где они сбились погуще; и такие свершал там подвиги, что все, кто его видел, дивились.

А случилось так, что сэр Гавейн и сэр Эктор Окраинный выступали на стороне приезжих рыцарей.

Но лишь только они увидели белый щит с красным крестом, один из них сразу же сказал другому:
— Это ведь сэр Галахад, Высокородный Принц. Воистину, думается мне, тот будет великим глупцом, кто поскачет биться против него.
Но под конец, по воле случая, очутился сэр Галахад лицом к лицу с сэром Гавейном и нанес ему удар такой силы, что рассек на нем шлем и наглавник железный и голову до кости, так что рухнул сэр Гавейн на землю; и так могуч был тот удар, что меч, скользнувши вниз, разрубил еще и плечо коню. Когда увидел сэр Эктор, что сэр Гавейн упал, он отъехал в сторону и подумал, что неразумно было бы ему долее сражаться, также и из-за родства — ведь он приходился сэру Галахаду дядей.
Так, через свою доблесть отбил сэр Галахад все нападения приезжих рыцарей, и тогда рыцари замка выехали из ворот и стали преследовать тех по всем окрестностям. Но сэр Галахад, видя, что те не думают нападать снова, тайно ускакал с поля, так что никто и не заметил, куда он исчез.
— Ныне,— сказал сэр Гавейн сэру Эктору,— клянусь головой, сбылись все чудеса, которые предсказывал сэр Ланселот: что меч, вырванный из камня, нанесет мне такой удар, что я и за лучший замок в мире не согласился бы принять его. И вот теперь воистину слова его исполнились, ибо никогда прежде не получал я от руки рыцаря такого удара.
— Сэр,— сказал сэр Эктор,—сдается мне, что ваш подвиг на этом кончается, мой же еще нет.
— Что ж,— отвечал сэр Гавейн,— я и в самом деле продолжать это странствие не буду.
И отнесли сэра Гавейна в замок, там сняли с него доспехи и уложили на богатое ложе и призвали лекаря, дабы исцелить его раны. И сэр Эктор его не покидал, покуда он почти совсем не излечился.
Между тем добрый рыцарь сэр Галахад скакал во весь опор, спеша к ночи добраться до замка Корбеник. Но случилось, что ночь застигла его в пути и он остановился в хижине отшельника. Обрадовался святой человек, что заехал к нему странствующий рыцарь. Но когда они уже улеглись на покой, вдруг стучится в дверь женщина и зовет сэра Галахада.
Добрый старец подошел к дверям узнать, чего она хочет. И тогда дама назвала отшельника по имени сэром Ульфином и сказала:
— Я хотела бы побеседовать с рыцарем, который сейчас у вас.
Тогда добрый человек разбудил сэра Галахада и сказал ему:
— Подымайтесь. Там какая-то дама, видно, нуждается очень в вашей помощи.
Вышел к ней сэр Галахад и спросил, чего она хочет.
— Сэр Галахад,— она отвечала,— я хочу, чтобы вы облачились в доспехи, сели на коня и последовали за мною, ибо не позднее, чем через три дня, встретится вам такое приключение, какое еще не выпадало на долю ни одному рыцарю.
Сэр Галахад тут же облачился в доспехи, сел на коня и поручил отшельника господу. И сказал он даме, чтобы она скакала и указывала ему путь, он же последует за нею, куда она пожелает.



КАК СЭР ГАЛАХАД УЕХАЛ С ДЕВИЦЕЮ И КАК ОН ПРИБЫЛ НА ТОТ ЖЕ КОРАБЛЬ, ГДЕ НАХОДИЛИСЬ СЭР БОРС И СЭР ПЕРСИВАЛЬ

Поскакала она так быстро, как только могла скакать ее лошадь. Они ехали к морю, что звалось Коллибским. И к ночи добрались они до замка в долине, со всех сторон окруженного проточной водой, стены же замка был высоки и прочны.

И въехала она в тот замок вместе с сэром Галахадом, и там был ему оказан радушный прием, ибо владелица того замка была госпожой его проводницы.

Вот снял он доспехи. И тогда сказала девица:

— Госпожа, неужели мы должны ждать здесь целый день?

— Нет,— она отвечала,— но лишь до тех пор, покуда рыцарь этот поест и поспит.

И он поел и немного поспал, и тогда девушка позвала его и при свете факелов помогла ему вновь облачиться в доспехи. И когда оба они сели на коней, владелица замка поднесла сэру Галахаду прекрасный щит, богато украшенный. С тем покинули они замок и поскакали дальше и приехали к морю. И увидели они у берега корабль, на котором находились сэр Борс и сэр Персиваль, и они сказали ему с корабля:

— Сэр Галахад, добро вам пожаловать, мы давно уже вас ждем!

Услышав это, спросил их сэр Галахад, кто они такие.

— Сэр,— сказала ему девица,— оставьте здесь коня своего, и я тоже своего оставлю.

И, взявши с собою седла и сбрую, осенили они себя крестом и взошли на корабль. И те двое рыцарей встретили их с радостью, и все узнали друг друга.

Между тем поднялся ветер и погнал их через море к чудесным местам. А вскоре за тем наступил рассвет. Снял тогда сэр Галахад шлем свой и меч и спросил своих товарищей, откуда взялся этот прекрасный корабль.

— Воистину,— отвечали они,— вы сами знаете, как и мы, что он от милости божией.

И тут поведали они друг другу обо всех приключениях и великих искусах.

— Воистину,— сказал сэр Галахад,— вы всем обязаны милости божией, ибо вы избегли столько страшных опасностей. Я же, правду сказать, никогда не попал бы сюда, когда бы не эта дама. И что до вас двоих, то я никак не думал найти вас в этих краях.

— Ах, сэр Галахад,— сказал сэр Борс,— если бы еще сэр Ланселот, ваш отец, был здесь, вот тогда не о чем нам было бы больше заботиться, ибо тогда, сдается мне, все было бы как надо.

— Этого не может быть,— отвечал сэр Галахад,— когда не будет на то воли божией.

Между тем, корабль уже на много миль отплыл от Логрской земли. И случилось так, что он оказался между двух на диво огромных скал, но выса-

диться было им невозможно, ибо там было бурление моря. Поблизости же очутился другой корабль, на который перейти можно им было без опасений.

— Перейдем туда,— сказала девица,— и увидим чудесные приключения, ибо такова воля господня.

Приблизившись к другому кораблю, нашли они его богато убранным, но не было на нем ни живой души. На носу же корабля увидели они сверкающую надпись, которая грозными и чудесными словами гласила:

«Остерегись ступить на этот корабль, если ты нетверд в вере, ибо я есмь вера. И потому отступись, если вера твоя нетверда, ибо при недостатке веры тебе не будет помощи от меня».

И тогда сказала девица сэру Персивалю:

— Сэр Персиваль, ведомо ли вам, кто я?

— Правду сказать,— он отвечал,— нет. Насколько я знаю, я никогда вас прежде не видел.

— Знайте же,— сказала она,— что я ваша сестра, дочь короля Пелинора, и потому, уж конечно, вас я люблю всех более на свете. Если вы не совершенно тверды в вере вашей в Иисуса Христа, не всходите ни в коем случае на этот корабль, ибо тогда вы погибнете. Ибо он столь совершенен, что не потерпит грешника.

Когда узнал сэр Персиваль, что она подлинно сестра ему, обрадовался он в сердце своем и сказал:

— Любезная сестра, я взойду на корабль, и если я низок душой и недостоин звания рыцаря, пусть я там погибну.



КАК СЭР ГАЛАХАД ВЗОШЕЛ НА КОРАБЛЬ, О БОГАТОМ ЛОЖЕ, КОТОРОЕ ТАМ БЫЛО, И О ДРУГИХ ЧУДЕСАХ, А ТАКЖЕ О МЕЧЕ ❧

Между тем сэр Галахад перекрестился и взошел на корабль, а вслед за ним и девица, а за ней сэр Борс, а последним сэр Персиваль. И когда они очутились на корабле, было там все столь прекрасно и роскошно, что они диву дались. А посреди стояло богатое ложе. Не помедлив, приблизился к ложу сэр Галахад и нашел на нем шелковый венец в головах. В изножье же лежал меч, прекрасный и драгоценный, и он был вытянут из ножен на полфута и даже более.

И был тот меч по-разному изукрашен. Рукоять была из камня всех возможных цветов, какие может только измыслить человек, и каждого цвета там были различные оттенки. Чаша же рукояти была сделана из ребер двух зверей: змея, обитающего в Каледонии, где он зовется змеем диаволовым, а кость его обладает такой силою, что рука, к ней прикасающаяся, не ведает ни усталости, ни увечья; вторая же — кость рыбы, не очень крупной, которая обитает в водах Евфрата и зовется эртанакс, ее кости отличаются таким свойством, что кто касается их, у того воля становится крепка и тверда и он, не зная усталости и не припоминая прежних радостей и горестей, неотступно преследует лишь цель свою.

«А что до этого меча, ни один да не возьмет его в руку, кроме лишь единственного; он же превзойдет всех остальных».
— Во имя господа,— проговорил сэр Персиваль,— я сейчас попытаю счастья, быть может, мне удастся взять в руки этот меч.
И он наложил ладонь на рукоять меча, но ухватить ее не смог.
— Клянусь,— сказал он,— я потерпел неудачу.
Вслед за ним сэр Борс попытался взяться за тот меч и тоже потерпел неудачу.
А сэр Галахад стал разглядывать меч и прочел на нем надпись, красную, как кровь.
«Лишь тот да отважится вытащить меня из ножен, кто доблестнее всех, и кто обнажит меня, никогда не испытает позора поражения, ни смертельной раны».
— Клянусь,— сказал сэр Галахад,— я бы извлек этот меч из ножен, но на нем такие запреты, что я не наложу на него руки.
— Да, сэры,— сказала тогда девица,— на этом мече лежит запрет против всех, кроме вас. Однажды этот корабль побывал в стране Логрской, как раз когда велась там смертельная война между королем Лабором, отцом Увечного Короля [13], и королем Хюрланом, который был сарацином. Но он тогда уже принял крещение и повсюду почитался потом одним из достойнейших мужей мира.
И вот случилось однажды, что король Лабор и король Хюрлан собрали людей своих для битвы на берегу моря, где стоял причаленный этот корабль.
И потерпел там король Хюрлан поражение, люди же его были перебиты. Король, страшась смерти, укрылся на этом корабле и здесь нашел этот меч, выхватил его из ножен и выбежал навстречу королю Лабору, который изо всего христианского мира обладал самой твердой верой. Замахнулся на него мечом король Хюрлан и так ударил его по шлему, что одним ударом рассек его до седла и коня под ним до земли.
И было это в королевстве Логрском, и вскоре разразился там страшный мор и начались великие бедствия в обоих королевствах; ибо хлеба не росли, ни трава, и никакие плоды не поспевали, и в водах пропала рыба. И потому люди зовут те места, пограничные земли обоих королевств, Мертвой землей, и все из-за плачевного удара.
А король Хюрлан поглядел на острое лезвие меча и возвратился за ножнами на корабль. Взошел он на корабль и вложил в ножны меч этот, и в тот же миг упал мертвый здесь перед ложем. Так исполнилась угроза, что кто ни обнажит этот меч, умрет либо останется изувечен. И долго пролежал он здесь, пока не взошла на корабль одна девица и выбросила его в воду, ибо не было в мире мужа столь отважного, чтобы не побоялся взойти на корабль, нарушив запрет.



О ЧУДЕСАХ МЕЧА И НОЖЕН ❧ Выслушав ее, стали они разглядывать ножны и увидели, что они сшиты из змеиной кожи, а сверху была надпись золотом и сребром. Перевязь же была бедной в сравнении со столь раскошным мечом и слишком непрочной, чтобы выдержать его тяжесть. А надпись гласила:

«Кто подымет меня, да будет всех отважнее, если хочет носить меня по праву. Ибо тот, у кого на поясе предназначено мне висеть, не узнает позора поражения, до тех пор пока он опоясан этой перевязью. И никто также да не отважится сменить эту перевязь, ибо это могут проделать лишь девичьи руки и чтобы девица та была дочерью короля и королевы. И она должна быть непорочна до конца дней своих, и в помышлениях и на деле; если же нарушит она свое целомудрие, то умрет ужаснейшей смертью, какой когда-либо умирала женщина».

— Сэр,— сказал сэр Персиваль,— давайте перевернем этот меч с посмотрим, что на нем с той стороны.

А с той стороны ножны были красны, как кровь, с черной, как уголь, надписью, которая гласила:

«Кто всех больше будет мной дорожить, всех меньше найдет во мне проку в нужде. И кому буду я самый верный слуга, тому буду и злейший враг. И случится это лишь однажды».

— Любезный брат,— сказала девица сэру Персивалю,— случилось спустя сорок лет после страстей господа нашего Иисуса Христа, что Насьен, зять короля Мордрена, был, по воле господа нашего, унесен в море на утлой лодочке за две недели пути от своей страны и попал на остров в Западных краях, который люди называли Остров Кружащийся.

И там случилось ему найти под скалой у входа в пещеру этот корабль, а на нем увидел он и ложе, и меч, как мы теперь. Однако у него недостало дерзости вынуть меч из ножен. Прожил он здесь на корабле восемь дней, а на девятый день поднялся сильный ветер и отогнал его от острова и прибил его к другому острову под самый скалистый берег. А на том острове увидел он огромнейшего великана, когда-либо виденного человеком. Приблизился этот ужасный великан, желая убить его, а он огляделся вокруг, видит, что некуда ему бежать и защищаться ему тоже нечем. И тогда побежал он за этим мечом, обнажил, увидел его прекрасный клинок, обрадовался, взмахнул им у себя над головой, а меч тут возьми да и расколись на две половины.

— А,— сказал Насьен,— на что всего более я понадеялся, меня всего жесточе подвело!

И с тем забросил он обратно на ложе обломки меча, а потом сам перепрыгнул через борт судна и схватился с великаном и убил его. После этого возвратился он на корабль, и поднялся ветер и погнал его по морю, и по

воле счастливого случая повстречался ему другой корабль, а на том корабле плыл как раз король Мордрен, которого перед тем жестоко искушал диавол в Проливе Погибельных Скал.
Когда увидели они друг друга, то весьма обрадовались оба встрече. И поведали один другому о своих приключениях, и Насьен рассказал, как меч подвел его в минуту крайней нужды. Когда же Мордрен увидел тот меч, он его очень похвалил.
— А сломался он через собственную твою порочность, ибо ты, верно, в чем-то прегрешил.
И с тем взял он половинки меча, приставил одну к другой, и они соединились так прочно, как и прежде. Тогда он снова вдел меч в ножны и положил на ложе. И услышали они тут голос, изрекший:
— Ступайте скорее прочь с этого корабля и взойдите на тот, другой корабль, а не то вы впадете в смертный грех. И если вы подпадете смертному греху, тогда нет вам спасения и вы погибли!
Вот перешли они на второй корабль. Но в тот миг, когда Насьен перешагивал за борт, ударило его мечом по правой ноге, так что он упал ничком на палубу и воскликнул:
— А, господи милосердный, какая боль!
И снова прозвучал тогда голос, изрекший:
— Получи удар за то, что осмелился обнажить этот меч! За то и нанесена тебе рана, что не был ты достоин взять в руки такой меч, как об этом гласит надпись.
— Во имя господа! — сказал Галахад.— Воистину мудры ваши речи!



КАК КОРОЛЬ ПЕЛЕС БЫЛ ПОРАЖЕН В ОБА БЕДРА, ИЗ-ЗА ТОГО ЧТО ОБНАЖИЛ ТОТ МЕЧ, И ДРУГИЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

— Сэр,— она продолжала,— жил король по имени Пелес, которого люди зовут Увечный Король, и покуда мог сидеть в седле, был он верной опорой христианства и святой церкви. Вот однажды охотился он в своем лесу, что тянулся до самого моря, и растерял он в нем всех своих собак и всех рыцарей, кроме одного.
Ехал он вдвоем с этим рыцарем, ехал, и выехали они к самой Ирландии, и там нашел он этот корабль. Увидел он и прочел надпись, но все же взошел на борт, ибо он был муж жизни безгрешной. Но рыцарь его не отважился за ним последовать. И нашел он и меч этот и вытащил его из ножен вот на столько, как сейчас вы можете видеть. В тот же миг появилось там копье и пронзило ему оба бедра. И с тех пор так и не смог он никогда исцелиться, и не будет ему исцеления, покуда вы не явитесь к нему. Вот что произошло с королем Пелесом, вашим дедом,— заключила она,— изувеченным за свою дерзость.

— Во имя господа, девица! — воскликнул сэр Галахад.

И приблизились они к ложу, чтобы разглядеть все получше. Сверху над ложем свисали два меча и также висели там веретена, одно белое, как снег, а другое красное, как кровь, а еще выше — зеленое, как изумруд. Вот каких цветов были те веретена, и это были их природные цвета, а не краска снаружи.

— Эти веретена,— сказал девица,— остались от того времени, когда грешница Ева пришла сорвать плод, за который она и Адам были потом изгнаны из Рая. Она сорвала яблоко вместе с веткой, но потом увидела, что ветка осталась свежею и зеленой, и тем напоминала она об утрате, что постигла их от того дерева. И решила Ева сколько можно дольше сохранить ветку, но так как у нее не было сосуда, куда ее поставить, она воткнула ее в землю. И по воле господа нашего, выросла та ветка за короткий срок в большое дерево, и все то дерево было бело, как снег,— и ствол, и ветви, и листы; и это знаменовало, что оно посажено рукою девственницы. Но потом господь наш явился Адаму и повелел ему познать жену свою плотью, как требует природа. И возлежал Адам со своею женою под этим же самым деревом, и тогда древо, бывшее белым, вдруг сделалось зеленым, как трава, не окрасились лишь ростки, которые оно пустило прежде. И в тот раз был зачат ими Авель.

Долго оставалось то древо зеленым. Но много дней спустя случилось так, что под этим же самым деревом Каин убил Авеля, и оттого произошло великое чудо: в тот миг, как принял Авель смерть свою под зеленым деревом, утратило оно свой зеленый цвет и сделалось красным; и этим знаменовалась пролитая кровь. От нее все прочие растения погибли, лишь то дерево разрослось и окрепло на диво и стало прекраснейшим изо всех деревьев, какие только видели люди на земле. Но не погибли ростки, что пустило дерево еще до смерти Авелевой.

И простояло это дерево так долго, что дожило до тех времен, когда Соломон, сын царя Давида, получил во владение царство после отца своего. А был этот Соломон мудр и знал все свойства камней и деревьев; знал он также пути звезд и многие еще другие вещи. Но у этого Соломона была злая жена, и оттого он полагал, что не рождена такая женщина, которая не была бы дурной. Он писал об них презрительно в своих книгах, но однажды ответил ему голос, сказавший:

— Соломоне, пусть от женщины и приходит печаль — нет нужды, ибо придет однажды женщина, которая принесет радости стократ более, нежели эта печаль приносит страданий. И женщина та родится от твоего семени.

Когда услышал это Соломон, он почувствовал себя полным глупцом. Но потом в старинных книгах он отыскал подтверждение этим словам. Так Святой Дух открыл ему будущий приход славной Девы Марии.

Тогда стал он вопрошать у голоса, произойдет ли это все в его царствующем доме.

— Нет,— отвечал голос,— но явится некогда муж целомудренный, и он будет последний в твоем роду, и будет он рыцарем, столь же доблестным, как и вождь Иисус Навин, твой свояк. Вот я разъяснил тебе то, в чем были у тебя сомнения.



КАК СОЛОМОН ВЗЯЛ ДАВИДОВ МЕЧ ПО НАУЩЕНИЮ СВОЕЙ ЖЕНЫ И О ДРУГИХ ДИВНЫХ ДЕЛАХ ❧ Обрадовался Соломон, что произойдет от его рода такой муж, но стал денно и нощно гадать и узнавать, кто он будет и каково ему будет имя. Заметила его жена, что он чем-то занят, и решила в свой срок разузнать, в чем дело. Выждала она, выбрала время, пришла к мужу и спросила. И он рассказал ей все, что объявил ему голос.

— Вот как,— говорит она,— я бы тогда распорядилась построить корабль из лучшего дерева и самого прочного, какое только возможно сыскать.

И Соломон послал за плотниками, лучшими со всех концов страны. Когда же они построили корабль, сказала жена Соломону:

— Сэр, поскольку тот рыцарь должен будет превзойти всех, кто был до него и будет после, вот что я бы вам посоветовала,— сказала она,— отправьтесь в храм господа нашего, где хранится меч короля Давида, отца вашего, чудеснейшее и острейшее оружие, какое держал когда-либо в руках рыцарь. И возьмите вы этот меч, отнимите его рукоять и насадите другую, из драгоценных камней; пусть смастерят ее так искусно, что кто бы ни глянул на нее, все согласно восхитились. А сверху еще пусть сделают щиток всем на удивленье. И еще пусть сделают чудесные ножны. Когда же вы все приготовите, я тогда совью перевязь по моему вкусу.

Так и распорядился исполнить все король Соломон, как она задумала, и корабль, и все остальное. И когда корабль уже был готов и спущен на воду, королева повелела поставить там большое ложе, на диво роскошное, сама же села в изголовье на шелковое покрывало, а меч положила в изножье. Перевязь же на нем была пеньковая.

Царь Соломон разгневался.

— Сэр, знайте, что у меня ничего не нашлось, достойного держать столь чудесный меч.

И распорядилась она затянуть весь корабль шелковыми покровами, чтобы гниль его не затронула в любую непогоду. А потом привела она плотника к тому дереву, под которым был убит Авель.

— Вот что,— сказала она,— вырежь мне из этого дерева веретено.

— Ах, госпожа,— он отвечал,— это дерево посадила еще праматерь наша

— Исполни, что велю,— сказала она,— а не то погибнешь.

Но лишь только взялся он за дело, выступили на древесине капли крови; он хотел было сразу все бросить, но она не позволила. И вырезал он кусок дерева на веретено, и по такому же куску заставила она его вырезать из зеленого дерева и из белого дерева. Когда же эти три веретена были готовы, она повелела привесить их к пологу над ложем. Когда же увидел это Соломон, он сказал жене своей:

— Вы сделали все это на диво хорошо, ибо сколько ни окажись здесь сейчас

народу, никто бы не подумал иначе, как только, что создано это самим господом нашим. Но и ты, устроившая все это, не знаешь, какой в этом тайный смысл.
— Оставим же все как есть,— сказала она,— ибо еще скорее, чем ты предполагаешь, услышишь ты чудесные вести.
Здесь следует чудесная повесть о царе Соломоне и его жене.



ЧУДЕСНАЯ ИСТОРИЯ О ЦАРЕ СОЛОМОНЕ И ЕГО ЖЕНЕ ❧ В ту ночь расположился царь Соломон с немногими приближенными возле корабля. И когда он спал, привиделось ему, будто слетело к нему с неба большое воинство ангелов, опустились они на корабль и водою, что один из ангелов принес в серебряном сосуде, окропили его с носа до кормы.
Потом этот же ангел приблизился к мечу и написал надпись вокруг рукояти, а потом подошел к борту и там начертал другую надпись, гласившую: *«Ты, желающий взойти на меня, исполнен ли истинной веры? Ибо помни, что я — это вера»*. Прочел Соломон эту надпись и сокрушился, и не осмелился взойти на корабль. Он отошел прочь, а корабль между тем отчалил от берега. И он понесся так быстро, что в краткий срок Соломон потерял его из виду. И снова тут раздался голос, сказавший:
— Соломон, последний рыцарь в твоем роду будет покоиться на этом ложе.
И тогда Соломон пошел и разбудил свою жену и поведал ей о том, что сталось с их кораблем.
А дальше повествуется о том, что трое рыцарей долго разглядывали роскошное ложе и три веретена. И убедились они, что веретена эти не раскрашенные, что это их природные цвета. Потом приподняли они ковер, лежавший на полу, и нашли там кошель, по виду полный денег. Сэр Персиваль его подобрал и в нем нашел записку; он прочел ее и узнал, что́ это были за веретена, и о корабле тоже: откуда он и кем построен.
— А теперь,— сказал сэр Галахад,— где нам найти девицу, которая смастерит нам новую перевязь для меча?
— Любезные сэры,— отвечала сестра Персиваля,— не печальтесь. Ибо я дам вам перевязь к этому мечу, такую, чтобы была ему под стать.
И с тем открыла она шкатулку и вынула оттуда перевязь, сплетенную словно бы из золотых нитей, а на ней были нанизаны драгоценные камни и богатая золотая пряжка.
— Взгляните, лорды,— сказала она,— вот вам перевязь, достойная этого меча. Знайте, что она почти вся сплетена из моих волос, которыми некогда я очень гордилась, когда еще жила в миру. Но лишь только я узнала, что мне назначен этот подвиг, я обрезала волосы и сплела из них перевязь.
— Во имя господа, как хорошо, что вы нам встретились! — сказал сэр Борс.— Ибо вы избавили нас от великих бед, которые постигли бы нас неизбежно, когда бы не ваши наставления.

И вышла девица вперед и прикрепила к мечу новую перевязь.
— Каково же,— сказали они,— имя этого меча и как нам называть его?
— Воистину,— она отвечала,— этот меч зовется Мечом-на-Чудесной-Перевязи, а ножны — Отворяющими Кровь. Ибо ни один человек, в чьих жилах бежит кровь, не увидит той стороны ножен [14], что сделана из древа жизни.
И тогда они сказали:
— Сэр Галахад, во имя Иисуса Христа мы просим вас препоясаться этим мечом, который так желанен всем в королевстве Логрском.
— Сейчас я попытаюсь,— сказал сэр Галахад,— взять в руку этот меч, дабы придать вам храбрости. Но помните, что он принадлежит мне не более, нежели и вам.
И с тем сжал он изо всех сил пальцами рукоять меча, девица же обвязала его вокруг пояса перевязью.
— Теперь пусть я умру, нет нужды, ибо отныне я почитаю себя счастливейшей из дев мира, ибо мною посвящен лучший в мире рыцарь.
— Девица,— молвил сэр Галахад,— вы столько сделали, что теперь я до конца дней моих пребуду вашим рыцарем.
И с тем они покинули тот корабль и перешли на другой. И отогнал их сразу ветер далеко в море. А у них на борту не было никаких припасов. И случилось так, что к утру отнесло их под стены замка, который звался Картелойзским, что у границ Шотландии.
Когда они вошли уже в ворота замка, сказала им девица:
— Лорды, здесь находятся сейчас такие люди, которые сразу же напали бы на вас, знай они только, что вы рыцари Артурова двора.
— Ничего, девица, не печальтесь,— отвечал сэр Галахад,— ибо Он, вызволивший нас, застрявших между скал, спасет нас и отсюда.



КАК ГАЛАХАД И ЕГО ТОВАРИЩИ ПРИБЫЛИ К СТЕНАМ ЗАМКА, И КАК С НИМИ ВСТУПИЛИ В БОЙ, И КАК ОНИ ПОБЕДИЛИ СВОИХ ВРАГОВ, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ ❧ И так случилось, что пока они между собою беседовали, приблизился к ним паж и спросил у них, кто они такие.
— Сэр, мы рыцари из Артурова дома.
— Это правда? — спросил паж.— Тогда, клянусь головою,— сказал он,— не в добрый час вы сюда приехали.
И с тем он возвратился в главную башню, и вскоре услыхали они звук рога. И вышла к ним навстречу дама и спросила их, откуда они. Они и ей ответили.
— Вот что, любезные лорды,— сказала дама,— ради господа, возвращайтесь туда, откуда вы приехали, ибо сюда вы прибыли на погибель свою.
— Ну, нет, клянемся,— отвечали они,— мы не уедем, ибо нам поможет Тот, Кому мы служим.
Но пока они так беседовали, подъехали к ним десять рыцарей во всеоружии и крикнули им, чтобы они сдавались, иначе же им смерть.
— Много вам придется похлопотать,— они отвечали,— прежде чем мы вам сдадимся.

И с тем пустили рыцари на них своих коней, и сэр Персиваль первого же достал мечом и выбил из седла, а коня его взял и вскочил на него верхом. Так же поступил и сэр Галахад, а за ним и сэр Борс, ибо у них там не было коней, потому что своих коней они бросили, когда садились на корабль. Когда же оказались они верхами, стали они теснить рыцарей, и те бежали и укрылись в главной башне замка, но эти трое погнались за ними, спешились, всех их порубили мечами и вошли в залу замка. Но когда они увидели, скольких они убили, опечалились они, что впали в такой грех.

— Право,— сказал сэр Борс,— мне думается, что если бы господь благоволил к ним, у нас недостало бы силы их вот так перебить. Но видно, они столько прегрешили против господа нашего, что Он не допустил их долее править этим замком.

— Не говорите так,— сказал сэр Галахад,— ведь если они преступили против бога, не нам за то воздавать им, ибо Ему отмщение, в чьей деснице сила. Между тем вышел к ним из дальнего покоя добрый старец, который был священником и нес в чаше Тело господне. Но увидя тех, что лежали мертвыми в зале, остановился он в испуге. Сэр же Галахад поспешил снять шлем свой и преклонил перед ним колена, и так же поступили его товарищи.

— Сэр,— сказали они,— не бойтесь нас, ибо мы рыцари короля Артура. И спросил тогда их добрый человек, как случилось, что столько рыцарей вдруг оказались убиты. И они рассказали ему, как было дело.

— Воистину,— сказал добрый старец,— проживи вы даже до конца света, все равно не совершить вам второго такого же благого дела.

— Сэр,— сказал сэр Галахад,— я весьма раскаиваюсь в их смерти, ведь они были крещеные люди.

— Нет, не раскаивайтесь,— тот отвечал,— ибо они некрещеные люди. Я расскажу вам все, что знаю об этом замке. Был его владельцем граф по имени Хернокс, еще и года не прошло с тех пор. И было у него три сына, добрых рыцаря, и одна дочь, прекраснейшая дама, какую только приходилось видеть людям. И те трое рыцарей воспылали столь жестокой любовью к сестре своей, что сгорали от любви. И они все возлежали с нею, против ее желания. А за то, что она кричала и призывала отца, они ее убили, а отца своего схватили, ранили жестоко и бросили в темницу. Но один из племянников выходил его.

Они же продолжали творить великое зло, убивали писцов и священников и рушили храмы, чтобы нигде не служили службы господу нашему и не читались молитвы. А как раз сегодня их отец послал за мною, чтобы я его исповедал и отпустил ему грехи. И не испытывал человек никогда такого позора, как я сегодня от тех троих братьев. Но старый граф убеждал меня терпеть, говоря, что долго они не процарствуют, ибо трое слуг господних должны уничтожить их. И вот теперь наступил их власти конец, вы же можете видеть, что богу был угоден ваш подвиг.

— Правду сказать,— молвил сэр Галахад,— не будь дела наши угодны господу, нам никогда бы и не убить стольких рыцарей в столь короткое время. И освободили они графа Хернокса из заточения и привели его и посадили посреди замковой залы. И он сразу же узнал сэра Галахада, хотя никогда прежде не видел его, но ему было откровение от господа нашего.



КАК ТРИ РЫЦАРЯ С СЕСТРОЙ ПЕРСИВАЛЯ ПРИЕХАЛИ В МЕРТВЫЙ ЛЕС, И ОБ ОЛЕНЕ И ЧЕТЫРЕХ ЛЬВАХ, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ ❧ Он заплакал нежно и сказал:

— Давно уже я жду вашего прибытия! Вы же, ради господа, заключите меня в свои объятья, дабы душа моя могла расстаться с телом, оставив его в руках столь достойного мужа!

— С доброй охотою,— сказал сэр Галахад.

И тогда произнес он громко, так что все, кто там был, могли слышать:

— Сэр Галахад, ты сполна отомстил врагам господа. Теперь надлежит тебе отправиться, нисколько не медля, к Увечному Королю, ибо через тебя будет ему исцеление, которого он так долго ждет.

Тут душа его рассталась с телом.

И сэр Галахад распорядился, чтобы его похоронили, как ему подобает. И с тем отбыли оттуда трое рыцарей, и сестра сэра Персиваля с ними. Завела их дорога в мертвый лес, и вдруг видят они впереди себя: четыре льва ведут белого оленя. Согласились они между собою последовать за ними и узнать, куда держат они путь. Долго скакали они за ними вослед и очутились, наконец, в долине. Там стояла хижина, убогое жилище отшельника, туда вошли и олень, и львы. Видя это, они свернули в часовню и там нашли отшельника в церковном облачении, в доспехах господа нашего, ибо он готовился в это время служить обедню.

И вошли они и выслушали службу, и в миг пресуществления на глазах у них олень превратился в человека, чему они весьма удивились; он же сел в алтаре, на богато изукрашенном месте. И львы тоже изменили обличье свое: один обратился человеком, другой остался львом, третий явился орлом, а четвертый — быком. И уселись они все рядом с оленем, посидели и вышли вон сквозь стекло в окне. И при этом осталось оно цело и не разбито.

И услышали они голос, сказавший:

— Вот так же вошел Сын Божий в лоно Девы Марии, чье целомудрие осталось нетронуто, не нарушено.

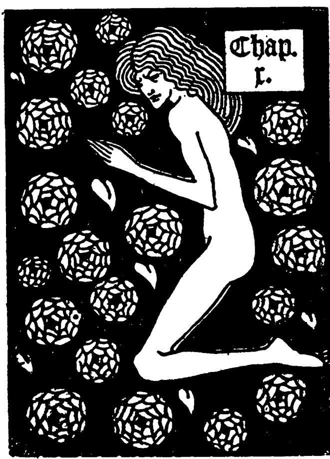
И когда услышали они эти слова, то упали на землю без памяти. А кругом разлилось великое сияние. Когда же они вновь пришли в себя, то приблизились к святому старцу и просили его, чтобы он растолковал им их видение.

— Что же вы видели?

Они ему тут же все рассказали.

— А, лорды,— сказал он,— добро вам пожаловать, ибо теперь-то я знаю наверно, что вы и есть те трое рыцарей, которым суждено достичь Святого Грааля. Ибо это вам явит господь наш тайная тайных Своя. И господа нашего верно знаменует белый олень. Ибо олень, состарившись, снова затем становится молодым в своей белой шкуре[15]. Точно так же и господь наш приходит от смерти к жизни, ибо он утратил лишь земную плоть, которая

есть смертная плоть, принятая им во чреве Святой Девы Марии. Вот почему явился вам господь в образе белого оленя без единого пятнышка.
А четверо, бывшие с ним, это четыре евангелиста, которые запечатлели в Писании часть жизни и деяний Иисуса Христа, свершенных Им, когда был Он среди нас смертный среди смертных. Узнайте же истину, не известную еще доселе ни одному рыцарю: господь наш нередко являлся святым мужам и добрым рыцарям в образе оленя. Но вы, думаю я, больше уж его в этом обличии не узрите.
Обрадовались они его словам, и пробыли они там весь день. А наутро, выслушав обедню, они с ним простились и поручили его господу. На пути же своем миновали они замок. Но вот нагоняет их вооруженный рыцарь и говорит:



КАК ОТ НИХ ПОТРЕБОВАЛИ ПОДЧИНИТЬСЯ НЕЗНАКОМОМУ ОБЫЧАЮ, А ОНИ НЕ ПОДЧИНИЛИСЬ, ЗА ЧТО ИМ ПРИШЛОСЬ СРАЗИТЬСЯ И УБИТЬ МНОГИХ РЫЦАРЕЙ ❧ — Лорды, эта благородная дама, что едет с вами, девственна ли?
— Да, сэр,— отвечала она,— я девственна.
Тогда он взялся за узды ее коня и сказал:
— Клянусь Святым Крестом, вы не уедете отсюда до тех пор, пока не исполните обычай нашего замка.
— Отпустите ее! — сказал сэр Персиваль.— Вы заблуждаетесь: ведь девственница всюду вольна приезжать и уезжать.
Но тем временем выехало из замка десять или двенадцать вооруженных рыцарей и с ними — дама, державшая серебряное блюдо. И они сказали:
— Эта дама должна подчиниться обычаю нашего замка.
— Как так? — спросил сэр Галахад.— Что же это за обычай в вашем замке?
— Сэр,— отвечал один рыцарь,— всякая девственница, проезжающая мимо, должна наполнить это блюдо кровью из своей правой руки.
— Дурно поступает тот,— сказал Галахад,— кто насаждает такие обычаи. Но да поможет мне бог, можете не сомневаться, от этой дамы вы не получите крови, покуда есть сила у меня в руках.
— И мне да поможет бог,— сказал сэр Персиваль,— я скорее дам убить себя.
— И я тоже,— сказал сэр Борс.
— Клянусь,— объявил им тот рыцарь,— тогда вы умрете, ибо против нас вам не устоять, будь вы хоть самые лучшие рыцари в мире.
И устремили они друг против друга коней своих, и эти трое рыцарей взяли верх над десятью рыцарями, они наложили руки на мечи свои и повергли тех наземь. Но тогда выехало из замка шестьдесят вооруженных рыцарей.
— Ну, любезные лорды,— сказали им трое рыцарей,— пожалейте самих себя и не вступайте в бой с нами.
— Нет, любезные лорды,— отвечали рыцари замка,— наш совет вам, поко-

ритесь. Вы, без спора, лучшие рыцари в мире, и потому не трудитесь более, ибо вы и так уже сделали довольно. Мы пропустим вас, не причинив вам более вреда, но только обычай наш должен быть исполнен.

— Право,— сказал сэр Галахад,— впустую все ваши речи.

— Ну, что ж,— сказали те,— значит, вы хотите смерти?

— Сэр, до этого еще не дошло,— отвечал сэр Галахад.

И началось тут между ними сражение. Сэр Галахад обнажил свой Меч-на-Чудесной-Перевязи и разил им направо и налево, убивая всякого, кто ни попадался ему на пути, и так он там преуспел, что кто ни видел его, думал, будто он не смертный человек, но ужасное чудовище.

И два его товарища помогали ему доблестно, и так держались они, не дрогнув, пока не наступила ночь. Тогда пришлось волей-неволей прервать сражение. И вот приблизился к ним один добрый рыцарь и сказал:

— Если вы согласитесь провести эту ночь у нас в замке, приняв наше, пусть и убогое, гостеприимство, вам будут весьма рады. И мы поручимся вам телом нашим и душою, вот как есть мы верные рыцари, не тронуть вас и отпустить завтра такими же, какие вы сегодня, безо всякого предательства. Вы же, узнав подробнее про наш обычай, сами согласитесь его исполнить.

— Во имя господа,— сказала их дама,— едемте, не отказывайтесь из-за меня.

— Ну, что ж! Едем,— сказал сэр Галахад.

И они въехали в ворота замка, и когда они спешились, их встретили в замке с великим радушием. И в скором времени трое рыцарей захотели узнать все про обычай этого замка и как он был установлен.



КАК СЕСТРА ПЕРСИВАЛЯ ДАЛА БЛЮДО СВОЕЙ КРОВИ ДЛЯ ИСЦЕЛЕНИЯ ДАМЫ, ОТЧЕГО И УМЕРЛА, И КАК ЕЕ ТЕЛО ПОЛОЖИЛИ НА КОРАБЛЬ ❧

— Сэр, мы расскажем вам всю правду, как есть. Живет в этом замке благородная дама, которой и сам замок принадлежит, и мы все, и еще много других владений. Но много лет тому назад случилось так, что охватил госпожу нашу какой-то странный недуг, она долго лежала с ним, но ей становилось только хуже. И никакой лекарь не мог ее исцелить, пока, наконец, не объявил один старец, что если достанут ей блюдо крови молодой девицы, целомудренной девственницы и в помыслах и на деле и, к тому же, королевской дочери, эта кровь и послужит ей исцелением, когда ее ею обмажут. Вот по какой причине был установлен в нашем замке этот обычай.

— Вот что,— сказала тогда сестра сэра Персиваля,— любезные рыцари, я вижу, что эта дама

погибла, если ей не будет оказана помощь. И потому позвольте мне дать ей моей крови.
— Но, право,— сказал сэр Галахад,— если вы дадите ей столько вашей крови, вы можете умереть.
— Воистину,— отвечала она,— если я умру, чтобы исцелить ее, мне будет оттого честь и спасение души и честь моему роду. Да и лучше одному пострадать, чем двоим. И потому больше не будет сражения, но завтра я подчинюсь обычаю вашего замка.
В замке все тому очень возрадовались, ведь иначе назавтра был бы возобновлен меж ними смертный бой. Но хотели бы они того или нет, она все равно твердо стояла на своем. И вот в тот вечер принимали трех товарищей в замке со всем возможным радушием; а наутро они, поднявшись, выслушали обедню. И велела сестра сэра Персиваля, чтобы принесли больную даму. Вот принесли ее, страдающую жестоким недугом. И сказала девица:
— Кто отворит мне кровь?
И вышел один человек и отворил ей кровь. Полилась кровь и наполнила блюдо. Тогда подняла она руку, осенила себя крестным знамением и сказала той даме:
— Госпожа, я принимаю смерть мою ради вашего исцеления. И потому, богом вас заклинаю, молитесь обо мне!
И с тем она упала без чувств. Подбежали тут к ней сэр Галахад и его двое товарищей, подняли ее с пола и остановили ей кровь. Но она уже все равно потеряла так много крови, что не могла жить. Когда она пришла в себя, то сказала так:
— Любезный брат сэр Персиваль, я умираю ради исцеления этой дамы. И когда я умру, прошу вас, не хороните меня в этих краях, но лишь только испущу я дух, вы положите меня в барку у ближайшей пристани и пустите меня плыть, куда захочет случай. А когда вы трое приедете в город Саррас, чтобы там достигнуть Святого Грааля, вы найдете меня под стенами города. И там погребите меня в божьем храме. Ибо открою вам истину, там же будет со временем погребен и сэр Галахад, и вы двое тоже.
Выслушал ее сэр Персиваль и, горько плача, на все согласился. И тут раздался голос:
— Лорды, завтра в час рассвета вы должны расстаться друг с другом, и вы соединитесь лишь тогда, когда приключения приведут вас к Увечному Королю.
После этого попросила она дать ей последнее причастие и лишь только приняла его, как тут же испустила дух. И в тот же день хозяйка замка исцелилась от недуга, когда ее обмазали тою кровью.
А сэр Персиваль составил запись обо всем, чем помогла она им в их чудесных приключениях, и вложил ей в правую руку. И положили ее в барку и закрыли черным шелком. Тут же поднялся ветер и погнал барку прочь от берега, и все рыцари, собравшись во множестве, долго смотрели ей вслед, покуда она не скрылась из виду.
Затем возвратились все в замок, и в тот же час разразилась внезапная буря, с громом, с молниями и с дождем, так что, казалось, вот-вот расколется зем-

ля. И половина замка обрушилась сверху вниз. Только перед вечерней улеглась та буря.

И вдруг увидели: скачет рыцарь в полном вооружении, жестоко раненный и в грудь, и в голову. И твердил тот рыцарь на скаку:

— О господи милосердный, помоги мне ныне, в час нужды!

А вслед за этим рыцарем проскакал другой, и при нем был карлик, и кричал он тому, кто ехал впереди:

— Остановись! Все равно не спастись тебе бегством!

И воздел тогда руки раненый рыцарь и взмолился богу, чтобы не умереть ему в этот час бедствия.

— Клянусь,— сказал тогда сэр Галахад,— я вступлюсь за него, ради Того, к Кому он взывает.

— Сэр,— сказал сэр Борс,— лучше пусть я сделаю это, ибо это подвиг не для вас, ведь там всего один рыцарь.

— Сэр,— он отвечал,— я согласен.

И вот сэр Борс вскочил на коня, поручил их богу и поскакал вдогонку на помощь раненому рыцарю.



КАК ГАЛАХАД И ПЕРСИВАЛЬ НАШЛИ В ЗАМКЕ МНОГО МОГИЛ, ГДЕ БЫЛИ ПОХОРОНЕНЫ ДЕВИЦЫ, УМЕРШИЕ ОТТОГО, ЧТО ОТДАЛИ СВОЮ КРОВЬ ❧ А теперь эта повесть обращается к сэру Галахаду и сэру Персивалю, которые всю ночь провели в церкви в молитвах за спасение сэра Борса.

Наутро же, облачившись в доспехи, они возвратились в замок узнать, что сталось с его обитателями. И увидели они, что там не осталось в живых ни мужчины, ни женщины, но всех убило отмщение господне. И услышали они голос, изрекший:

— Это кара за пролитие крови девственниц!

А позади храма они нашли кладбище и там — шестьдесят каменных гробниц, и все было там тихо и прекрасно, словно бы никакая буря не бушевала над ними. В тех гробницах покоились тела всех непорочных девственниц, замученных ради исцеления госпожи того замка. Они нашли там имя каждой девицы, и какого она рода. И все они были королевской крови, а двенадцать — королевские дочери.

Затем покинули они то место и отъехали в лес.

— Ну,— говорит сэр Персиваль сэру Галахаду,— теперь должны мы расстаться, и потому будем молить господа, чтобы поскорее нам встретиться вновь.

И с тем сняли они шлемы и поцеловались, горько оплакивая свою разлуку. Теперь обращается эта повесть к сэру Ланселоту.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ВЗОШЕЛ НА КОРАБЛЬ, ГДЕ ЛЕЖАЛА МЕРТВОЙ СЕСТРА СЭРА ПЕРСИВАЛЯ, И КАК ОН ВСТРЕТИЛ СЭРА ГАЛАХАДА, СВОЕГО СЫНА ❧ Дальше в повести речь идет о том, что когда сэр Ланселот выехал к реке Мортезе, как говорилось выше, он очутился в великой опасности. Но он лег там прямо на землю и уснул, положившись на провидение божие. И пока он спал, было ему видение, и голос сказал:

— Сэр Ланселот, вставай и облачись в доспехи и взойди на первый же корабль, который увидишь.

Тут же очнулся он и увидел вокруг ослепительную ясность, и тогда он поднял руку и осенил себя крестом. А затем облачился в доспехи и пустился в путь по-над берегом.

И вскоре выехал он к излучине, где увидел корабль без парусов и весел. Взошел он на него, и в тот же миг разлился вокруг сладчайший аромат, какой когда-либо он вдыхал, и оказалось перед ним все, чего он только мог задумать и пожелать. И тогда сказал он:

— Отче милостивый, Иисусе Христе! Я сам не знаю, отчего мне дано все это, ибо это превосходит все земные радости, когда-либо мною испытанные.

И в радости лег он прямо на палубу и проспал до рассвета. Когда же он проснулся, то увидел прекрасное ложе, а на нем лежала мертвая дама, и это была сестра сэра Персиваля. Лишь только взглянул на нее сэр Ланселот, сразу же увидел он запись у нее в правой руке, и в ней он прочел обо всех приключениях, о которых вы уже слышали, и какого она была рода.

И провел там подле нее сэр Ланселот целый месяц и более. А если вы спросите, чем он жил, то Он, в пустыне напитавший манной народ Израиля, питал и его, ибо каждый день, произнеся молитву, он получал поддержание благодатью Святого Духа.

Но вот однажды вышел он на берег поразмяться, ибо он устал от пребывания на корабле. И вдруг прислушался он и услышал конский топот — какой-то всадник приближался туда. Поравнялся он с сэром Ланселотом, с виду — рыцарь в полном снаряжении, и направился прямо к кораблю. А там спешился, снял седло и сбрую, коня отпустил и взошел на корабль. Тогда и сэр Ланселот возвратился на корабль и сказал:

— Сэр, добро вам пожаловать!

А тот в ответ приветствовал его и сказал:

— Сэр, как ваше имя? Ибо сердце мое влечется к вам.

— Воистину,— он отвечал,— мое имя — сэр Ланселот Озерный.

— Сэр,— молвил тот,— я рад вас видеть! Ибо вы породили меня на этот свет.

— А, сэр, так вы — сэр Галахад?

— Да, истинно так.

И он преклонил колена и испросил его благословения. А потом он снял шлем свой, и они поцеловались, и радовались они друг другу ото всей души, так что никакими словами не передать эту их радость.

Они поведали один другому обо всех приключениях, что выпали им на долю после того, как они покинули двор короля Артура. Увидев же на ложе мертвую девицу, сэр Галахад сразу же узнал ее и говорил о ней с великим почтением, что она была одной из лучших девиц на свете и как жаль, что она умерла.

Но когда сэр Ланселот услышал о том, как был добыт чудесный меч и кто его сделал и о всех чудесах, рассказанных выше, он стал просить сэра Галахада, чтобы тот показал ему свой меч. И он принес его и поцеловал рукоять, и перекладину, и ножны.

— Воистину,— сказал сэр Ланселот,— никогда прежде не слышал я о столь возвышенных, столь дивных и чудесных подвигах.

И прожил так сэр Ланселот с сэром Галахадом на корабле целых полгода, и служили они господу денно и нощно, сколько могли. И часто заезжали они на дальние острова вдали от людей, где водились одни лишь дикие звери, и там встречалось им немало удивительных и опасных приключений, и всякий раз им сопутствовал успех. Но поскольку то были приключения с дикими зверями, а не во имя Святого Грааля, потому наше повествование ничего не говорит о них, ибо слишком уж долго было бы пересказывать все их приключения.



КАК НЕИЗВЕСТНЫЙ РЫЦАРЬ ПРИВЕЛ СЭРУ ГАЛАХАДУ КОНЯ И ПЕРЕДАЛ ЕМУ, ЧТО ЕГО ЗОВЕТ ОТЕЦ СЭР ЛАНСЕЛОТ ❧ Но вот однажды в понедельник очутились они у лесистого берега, где был перекресток дорог. И там увидели они рыцаря в богатых белых доспехах, а правой рукой вел он на поводу белого коня под белым чепраком, и приблизился он к самому кораблю, приветствовал обоих рыцарей во имя божие и сказал сэру Галахаду:

— Сэр, вы уже довольно пробыли с отцом вашим. И потому сойдите с корабля и садитесь на этого коня и скачите снова куда глаза глядят, взыскуя Святого Грааля.

И он подошел к отцу, поцеловал его нежно и сказал:

— Любезный, милый отец, не знаю, увижу ли я вас еще до того, как узрю Тело Господне.

— Что ж, во имя божие,— сказал сэр Ланселот,— молите за меня Отца Небесного, чтобы мне и впредь быть Ему верным слугою.

И сел Галахад на коня, и тут услыхали они голос, произнесший:

— Пусть каждый из вас помыслит о разлуке, ибо вы никогда больше не увидите друг друга до Дня Страшного Суда.

— Ну, сын мой сэр Галахад, раз предстоит нам расстаться и никогда уж больше не встретиться, я молю Отца Небесного хранить меня и вас.

— Сэр,— отвечал сэр Галахад,— ничья молитва не имеет такой силы, как ваша.

И с тем углубился сэр Галахад в лесную чащу. А ветер вдруг поднялся и больше месяца носил сэра Ланселота по морю, и все это время он почти не спал, но все молился о Святом Граале.

И случилось однажды ночью, что ровно в полночь пристал он у задних ворот замка, богатого и прекрасного, и были те ворота распахнуты на море, и никто их не сторожил, кроме двух львов, стоявших на страже. А луна сияла с небес и разливала свет. И услышал сэр Ланселот голос, произнесший:

— Ланселот, сойди с корабля и войди в этот замок, где ты увидишь исполненными многие твои желания.

Бросился он за своими доспехами, вооружился и подошел к воротам и увидел львов. Наложил он руку на меч свой и уже обнажил его, но тут явился вдруг карлик и ударил его по руке так больно, что меч выпал у него из пальцев. И произнес голос:

— О, муж слабый духом и нетвердый верою! Отчего полагаешься ты более на твое оружие, нежели на твоего Творца? Ведь от Него, Кому ты ныне служишь, было бы тебе более помощи, нежели от доспехов!

И тогда воскликнул сэр Ланселот:

— Благий Отче Иисус Христе! Благодарю Тебя за великую Твою милость, что Ты указуешь мне на прегрешения мои [16]. Теперь я вижу, что Ты признаешь меня слугой Твоим.

И он подобрал меч свой и вложил его обратно в ножны. И осенил он себя крестом и пошел прямо на львов. Хотели было они броситься на него. Но он прошел мимо, и они не смогли причинить ему никакого вреда. И вошел он в ворота замка и приблизился к главной башне. А в это время все рыцари замка отдыхали.

Вошел сэр Ланселот в залу, не снявши доспехов, ибо никто ему не повстречался и все ворота и двери на его пути были открыты. Наконец, нашел он один покой, куда дверь была закрыта, и он протянул руку и хотел открыть ее, но не смог.



КАК ЛАНСЕЛОТ ОКАЗАЛСЯ ПЕРЕД ДВЕРЬЮ, ЗА КОТОРОЙ БЫЛ СВЯТОЙ ГРААЛЬ

Тогда навалился он на дверь со всей силою. И прислушался он и услышал голос, который пел столь сладостно, что казался неземным. И голос тот словно бы повторял:

— Славься и радуйся, Отец Небесный!

И опустился тогда сэр Ланселот на колени перед той дверью, ибо он понял, что за ней заключен Святой Грааль. И сказал он так:

— Благий и милосердный отче Иисусе Христе! Если хоть раз свершил я что-то, чем заслужил Твою милость, сжалься надо мною, господи, и не наказуй меня за прежние мои прегрешения, но дай узреть хоть частицу того, чего я взыскую.

И с тем увидел он, как отворилась дверь в тот покой и оттуда излилась великая ясность и стало сразу так светло, словно все на свете факелы горели за той дверью. Приблизился он к порогу и хотел уже было войти. Но тут прозвучал ему голос:

— Сэр Ланселот, стой и не входи, ибо не ты вправе сюда войти. И если ты войдешь, то горько раскаешься.

И отступил сэр Ланселот в глубокой печали. И взглянул он через порог и увидел там посреди покоя серебряный престол, а на нем священную чашу, покрытую красной парчою, и множество ангелов вокруг, и один из них держал свечу ярого воска, а другой — крест и принадлежности алтаря. А перед священной чашей он увидел блаженного старца в церковном облачении, словно бы творящего молитву. Над воздетыми же ладонями священника привиделись сэру Ланселоту три мужа, и того, что казался из них моложе, они поместили у священника между ладоней, он же воздел его высоко вверх и словно бы показал так всему народу.

Подивился этому сэр Ланселот, ибо ему показалось, что священник под тяжестью той фигуры вот-вот упадет на землю.

И не видя вокруг никого, кто мог бы поддержать старца, бросился он к двери и сказал:

— Милосердный отче Иисусе Христе! Не почти за грех мне поддержать этого доброго человека, который так нуждается в помощи!

И с тем шагнул он за порог и устремился к серебряному престолу, но когда он приблизился, то ощутил на себе дыхание, словно бы смешанное с пламенем, и оно ударило его прямо в лицо и жестоко его опалило. В тот же миг упал он на землю, и не было у него сил подняться, словно у человека, утратившего от потрясения власть над своими членами и слух и зрение. И тут он почувствовал, как множество рук его подхватили и вынесли вон из того покоя, и оставили его там за дверью, с виду для всякого — мертвым.

А наутро, при ясном свете дня, поднялись все обитатели замка и нашли сэра Ланселота лежащим перед закрытой дверью. Подивились они, как он там очутился. Они осмотрели его, пощупали ему пульс, чтобы узнать, сохранилась ли в нем жизнь. И оказалось, что он жив, но не в силах ни встать, ни двинуть рукой или ногой.

Тогда подняли его, подхватив со всех сторон, перенесли в дальний покой и уложили на богатое ложе вдалеке от людей. И там пролежал он четыре дня. И одни говорили, что он жив, а другие — что умер.

— Во имя господа,— сказал, наконец, один старец,— истинно говорю вам, что он не умер, но так же полон жизни, как и самый здоровый из нас. И потому я наставляю вас: оберегайте его, покуда господь не возвратит ему жизнь.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРОЛЕЖАЛ ЗАМЕРТВО XIV ДНЕЙ И СТОЛЬКО ЖЕ НОЧЕЙ И О РАЗЛИЧНЫХ ДРУГИХ ВЕЩАХ

Так продержали они там сэра Ланселота двадцать четыре дня и двадцать четыре ночи, и все время он лежал неподвижно, точно мертвый. Но на двадцать пятый день после полудня он открыл глаза. И увидев собравшихся людей, стал горько убиваться, говоря:

— Зачем разбудили вы меня? Ведь мне было лучше, пока я лежал, точно мертвый. Ах, Иисусе Христе, кто же столь благословен, чтобы узреть воочию великие Твои чудеса и тайны там, куда нет доступа грешнику?

— А что же вы видели? — спросили его те, кто стояли вокруг.

— Я видел,— он отвечал,— великие чудеса, какие не передать словами, и столько их, что не вообразить сердцем. И если бы не грехи мои прежние, я увидел бы еще гораздо больше.

Они тогда рассказали ему, как он пролежал у них двадцать четыре дня и ночи.

И подумалось ему, что это было ему карой за двадцать четыре года его жизни во грехе, что господь наш определил ему во искупление. И поглядел вокруг сэр Ланселот и увидел подле себя власяницу, что проносил он без малого целый год; и сокрушился он горько в сердце своем, что нарушил слово, которым поклялся тогда отшельнику.

А они между тем стали спрашивать его, как он себя чувствует.

— Право,— он отвечал,— я здоров телом, благодарение господу. И потому, ради бога, скажите мне, где я нахожусь.

И ответили ему, что он в замке Корбеник.

И явилась к нему одна дама и принесла ему рубашку из льняного полотна, но он не надел ее, а решился снова облачиться в свою власяницу.

— Сэр,— сказали они ему,— для вас нынче окончен подвиг во имя Святого Грааля, и никогда вам не увидеть той святыни сверх того, что вы видали.

— Что ж,— отвечал он,— я благодарю господа за великую милость его в том, что дано мне было видеть, ибо этого мне довольно. Ибо, думается мне, ни один человек на этом свете не заслужил, как я, верою и правдой того, чего сподобился я[17].

И с тем взял он власяницу и надел на себя, а поверх нее надел льняную рубаху, а потом уже алую парчовую ферязь, свежую и новую. И когда он предстал пред ними в таком облачении, все очень удивились, ибо сразу же узнали в нем достославного рыцаря сэра Ланселота. И воскликнули они все:

— Господин наш сэр Ланслот, вы ли это?

И он им ответил:
— Воистину, это я.
Вскоре и короля Пелеса достигла весть, что рыцарь, столь долго пролежавший замертво у него в замке, это благородный рыцарь сэр Ланселот. Обрадовался король всем сердцем и поспешил к нему, сэр же Ланселот, видя его приближение, бросился ему навстречу, и король обнял его с великим радушием.
Потом поведал ему король о том, что его прекрасная дочь умерла. И сэр Ланселот тяжко опечалился и сказал:
— Мне горестно слышать о смерти вашей дочери, ибо она была прекраснейшая дама, цветущая и молодая. И уж я-то знаю, что она родила на свет лучшего рыцаря изо всех ныне живущих и живших когда-либо с рождества господня.
И задержал его у себя король на четыре дня, с утра же на пятый день стал сэр Ланселот прощаться с королем Пелесом и со всем его двором и благодарил их за труды и заботу.
И как раз когда они все сидели в главной зале за обедом, Святой Грааль заполнил столы яствами, каких только можно душе пожелать, и увидели они, сидя за столом, как все двери дворца и все окна сами закрылись без руки человеческой. Замерли они от изумления.
А в это время у главных дверей появился рыцарь во всеоружии, стал стучаться и кричать:
— Отворите!
Никто из них не двинулся с места, а рыцарь все кричал:
— Отворите! Отворите!
Наконец не выдержал сам король, поднялся с места и подошел к окну, выходившему туда, где стоял рыцарь. И сказал король:
— Сэр рыцарь, вам нет сюда входа сейчас, когда здесь Святой Грааль. И потому поезжайте в другой замок, ведь вы не из взыскующих Святого Грааля, но из тех, что служат диаволу, оставив служение господу.
Жестоко разгневался тот на речи короля.
— Сэр рыцарь,— молвил тогда король,— уж коли вы так этого добиваетесь, скажите мне тогда, из какой страны вы прибыли.
— Сэр,— он отвечал,— я из королевства Логрского и зовусь сэр Эктор Окраинный, родной брат господину моему сэру Ланселоту.
— Во имя господа,— сказал тут король,— я сожалею обо всем, что вам говорил, ибо здесь с нами находится ваш брат.
Когда услышал сэр Эктор, что в замке брат его — а его он во всем мире всех более почитал и любил,— воскликнул он тогда так:
— А, милостивый господин, теперь удвоились стыд мой и беда моя! Истинную правду говорил святой человек на горе сэру Гавейну и мне, когда толковал наши сны!
И с тем ускакал он во весь опор вон со двора и из ворот замка.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ВОЗВРАТИЛСЯ В КОРОЛЕВСТВО ЛОГРСКОЕ И О ДРУГИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ, ВСТРЕТИВШИХСЯ ЕМУ ПО ПУТИ ❧ Тогда возвратился король Пелес к сэру Ланселоту и принес ему весть об его брате. Он очень сокрушался и не знал, как ему быть. Сэр Ланселот с ним простился, взял доспехи свои и объявил, что отправляется в королевство Логрское, которое он уже год не видал, и с тем поручил короля попечению божию.

Он ехал через многие страны и наконец выехал к Белому Аббатству, и там был оказан ему в ту ночь радушный прием. Наутро же он поднялся, отслушал обедню, и там перед алтарем он увидел богатую могильную плиту, недавно уложенную. Пригляделся он и разобрал на гранях надпись, сделанную золотом:

«Здесь лежит король страны Гоор Багдемагус, которого убил племянник короля Артура».

И дальше названо было имя сэра Гавейна.

Опечалился тут сэр Ланселот, ибо он любил его сильнее, нежели других, и будь это не сэр Гавейн, не избежать бы убийце смерти. И сказал он себе:

— Ах, господи! Великий это урон для короля Артура — утрата такого мужа!

И пустился он снова в путь и прибыл в аббатство, где у сэра Галахада было приключение с могильным камнем и где он добыл себе белый щит с красным крестом.

Там был оказан сэру Ланселоту наилучший прием, а наутро он снова пустился в путь и возвратился в Камелот, где нашел короля Артура с королевой.

Но многие рыцари Круглого Стола пали убитыми, более половины не вернулось ко двору.

Однако трое уже возвратились домой: сэр Эктор, сэр Гавейн и Лионель,— и еще многие, кого нет нужды здесь перечислять. И весь двор очень радовался сэру Ланселоту, и король много расспрашивал о сыне его сэре Галахаде.

И поведал сэр Ланселот королю обо всех своих приключениях со времени отъезда. А также рассказал он о приключениях сэра Галахада, сэра Персиваля и сэра Борса, о которых он узнал из записи при мертвой девице, а также и из рассказов сэра Галахада.

— Да будет на то воля божия,— сказал король,— чтобы им всем троим возвратиться сюда!

— Этому никогда не бывать,— молвил сэр Ланселот,— ибо двоих из них вам никогда уже больше не увидеть. И лишь один возвратится домой.

Здесь прерывается эта повесть, и дальше идет речь о сэре Галахаде.



КАК ГАЛАХАД ПРИБЫЛ К КОРОЛЮ МОРДРЕНУ И О ДРУГИХ ДЕЛАХ И ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ❧ Дальше повествуется о том, что сэр Галахад долго странствовал попусту, пока не прибыл, наконец, в монастырь, где находился король Мордрен. И, услышав о нем, сэр Галахад решил там остаться, чтобы его увидеть.

И вот наутро, отслушав обедню, явился он к королю Мордрену. И узрел его король, давно уже ослепший, поднялся ему навстречу и сказал:

— Сэр Галахад, слуга Иисуса и истинный рыцарь, которого я так давно дожидаюсь, обними же меня и дай мне почить на груди твоей, дабы мог я успокоиться в твоем объятье! Ибо ты целомудрен и чист среди всех рыцарей, подобный цветку лилии, знаменующему целомудрие. Также подобен ты розе, которая есть цвет всех добродетелей и рдеет, как огонь. Ибо огонь Святого Духа так разгорелся в тебе, что плоть моя, издавна мертвая от годов моих, снова стала юной.

Услышал сэр Галахад такие речи и обнял его и прижал к себе его дряхлое тело.

И сказал тот:

— Милосердный Господи Иисусе Христе! Исполнилась воля моя. Молю же Тебя, вот как я стою здесь сейчас, явись мне, о господи!

И услышал господь наш его молитву, и в тот же миг душа его рассталась с телом. Похоронил его сэр Галахад, как подобает королю. А затем пустился он снова в путь и заехал в погибельный лес, где увидел он источник, кипевший волнами, как описано выше.

Но лишь только протянул сэр Галахад к воде руку, волны тут же улеглись, и перестала вода кипеть, и жар охладился. А бурлил тот источник потому, что он знаменовал собою разврат, в те времена повсеместно распространенный, но жар не мог устоять против его девственной чистоты. И сочли это в их краю чудом, и с тех пор так и зовется тот источник Галахадовым.

А он по воле случая заехал в страну Гоор, в то самое аббатство, где побывал прежде сэр Ланселот, и нашел там гробницу короля Багдемагуса. Основателем того аббатства был сын Иосифа Аримафейского, и там была еще его гробница, и гробница Симеона, которых сэр Ланселот не увидел. А сэр Галахад затем заглянул еще в склеп под храмом и там в глубине разглядел могильную плиту, горевшую дивным пламенем.

И спросил он одного из братии, что это за плита.

— Сэр, — отвечали ему,— здесь заключено чудесное приключение, которое может исполнить лишь тот, кто рыцарственным благородством превосходит всех рыцарей Круглого Стола.

— Я бы хотел,— сказал сэр Галахад,— чтобы вы меня туда отвели.

— С охотою,— они отвечали.

И они отвели его ко входу в подземелье, и он спустился внутрь по ступеням и приблизился к той могильной плите. В тот же миг поникло пламя и погас огонь, столь много дней там полыхавший.

И тогда раздался голос:
— Воистину надлежит тебе горячо возблагодарить бога за счастливый твой час, в который дано тебе вызволять души из земных мучений и обращать их к блаженству рая. Сэр, я твой сородич, промаявшийся в этом огне ровно триста лет и пятьдесят четыре года, дабы очиститься от греха, совершенного мною против Иосифа Аримафейского.
И поднял сэр Галахад тело и отнес его в храм. Ночь он провел там в аббатстве, а наутро отслужили над мертвым службу и предали его земле перед высоким алтарем.



КАК СЭР ПЕРСИВАЛЬ И СЭР БОРС ВСТРЕТИЛИСЬ С СЭРОМ ГАЛАХАДОМ И КАК ОНИ ПРИБЫЛИ В ЗАМОК КОРБЕНИК И О ДРУГИХ ВЕЩАХ ❧ А потом он оттуда уехал, поручив братию господу. И проехал он еще пять дней, прежде чем прибыл к Увечному Королю.
И все эти пять дней сопровождал его сэр Персиваль, расспрашивая его о том, где он побывал, и тот поведал ему обо всех делах Логрских. И однажды случилось, когда выезжали они из великого леса, пересеклись их пути с сэром Борсом, который ехал один. Не стоит и спрашивать, были ли они рады встрече! Он приветствовал их, а они поклонились ему и пожелали ему доброй удачи, и поведали они друг другу обо всем, что с ними было. И сказал им сэр Борс:
— Вот уже более полутора лет, как я и десяти раз не ночевал в людских жилищах, но лишь в диких лесах и в горах. Но бог всегда был моим прибежищем.
И они еще долго скакали, покуда не прибыли в замок Корбеник. Когда же они вошли в залу, король Пелес их узнал. И было там много радости, ибо он знал, что раз они прибыли, значит, подошел к концу подвиг во имя Святого Грааля.
И вот сэр Элиазар, сын короля Пелеса, принес им сломанный меч, которым Иосиф был поражен в бедро. И наложил на него руку сэр Борс, думая починить его, если возможно, но это ему не удалось. Тогда поднес он его сэру Персивалю, но и сэр Персиваль оказался не в силах это исполнить.
— Теперь вы возьмите этот меч,— сказал сэр Персиваль сэру Галахаду,— ибо если смертному дано его соединить, то лишь вам.
И взял он обломки меча и соединил их, и показалось им, будто он никогда и не был сломан, а оставался таким, каким и был выкован. И когда обитатели замка увидели, что подвиг меча исполнен, они отдали меч сэру Борсу, ибо в лучшие руки он не мог бы попасть, ведь сэр Борс был славный рыцарь и достойный муж.
А незадолго перед вечером поднялся меч, большой и дивный и полный чудесного жара [18], и попадали все кругом от страха. И раздался голос меж ними, произнесший:
— Да изыдут отсюда те, кто не достоин сидеть за столом господа нашего Иисуса Христа! Ибо истинные рыцари сейчас напитаются.

И удалились оттуда все, кроме короля Пелеса и Элиазара, сына его, которые были святые мужи, и одной девицы, его племянницы. И остались там три рыцаря. Только эти трое и больше никто. И вдруг видят они: входят в двери залы рыцари во всеоружии и снимают они шлемы и доспехи свои и так говорят сэру Галахаду:

— Сэр, мы спешили, как могли, чтобы быть с вами вместе за этим столом и вкусить божественной пищи.

И ответил он:

— Добро вам пожаловать! Но откуда вы?

И ответили трое из них, что они из Галлии, другие трое, что они из Ирландии, а последние трое — что из Дании.

Расселись они все, и вдруг из дальнего покоя появилось пред ними деревянное ложе, несомое четырьмя благородными дамами, а на ложе лежал в недуге благородный старец с золотым венцом на голове. Поставили его дамы посреди залы и удалились. И тогда он поднял голову и сказал:

— Сэр Галахад, добрый рыцарь, я рад видеть тебя, ведь я горячо желал твоего прибытия. Ибо я терплю такие муки и страдания, каких ни один человек не в силах долго переносить. Но теперь я верю, что пришел срок исцеления от моих мук, и я скоро покину этот мир, как было мне обещано.

И с тем раздался голос:

— Среди вас есть двое, не взыскующих Святого Грааля. Пусть же они удалятся!



КАК ГАЛАХАДА С ТОВАРИЩАМИ НАПИТАЛ СВЯТОЙ ГРААЛЬ И КАК ИМ ЯВИЛСЯ НАШ ГОСПОДЬ И О ДРУГИХ ДЕЛАХ ❧

Тогда удалились король Пелес и его сын. И вот представилось им, будто явился пред ними старец в сопровождении четырех ангелов небесных, и был он словно бы в епископском облачении и в руке держал крест. Четыре ангела несли его сидящим в кресле и опустили и поставили перед серебряным престолом, на котором стоял Святой Грааль. На челе же у него словно бы виднелись буквы, гласившие: «Вы видите пред собою Иосифа, первого епископа христианского, которого господь наш поддержал в божественном храме в городе Саррасе». И подивились этому рыцари, ибо тот епископ уже триста лет и более, как умер.

— Ах, рыцари,— молвил он,— не удивляйтесь, ведь некогда и я жил на земле.

И с тем услышали они, как распахнулись двери дальнего покоя, и внутри увидели они ангелов. Два ангела держали восковые свечи, а третий платок, четвертый же — копье, с которого чудесным образом бежала кровь, и капли крови падали в шкатулку, что держал он в другой руке. Вот поставили они свечи на престол, третий ангел опустил платок свой на священную чашу, а четвертый установил священное копье стоймя на крышке чаши.

И тогда епископ приступил к освящению даров, и поднял он облатку, наподобие хлебца. В тот же миг явилась фигура наподобие отрока с лицом красным и светлым, как огонь. И она вошла в тот хлебец, так что все видели, что хлебец тот из плоти человеческой. А затем старец поместил его обратно в священную чашу. И он проделал все остальное, что надлежит священнику во время мессы.

А потом приблизился он к сэру Галахаду и поцеловал его и велел ему поцеловать своих товарищей. Тот так и сделал.

— А теперь,— сказал епископ,— слуги Иисуса, вы вкусите пищу за этим столом и утолите голод сладчайшими блюдами, каких никогда еще не отведывал рыцарь.

И, сказав это, он исчез. Они же сели к столу в великом страхе и прочитали молитвы. И поглядели они и увидели, что выходит к ним из священного сосуда фигура человека, со всеми знаками страстей Иисуса Христа, открытыми и кровоточащими, и говорит:

— Мои рыцари и слуги и верные мои дети, от жизни смертной пришедшие к духовной жизни. Я не буду более скрываться от ваших взоров, и вы увидите ныне мое тайное и сокровенное. Примите же и вкусите пищи, которой вы алчете.

И поднял он сам священную чашу и приблизился к сэру Галахаду. И тот преклонил колена и принял причастие. Вслед за ним приняли причастие и все остальные. И нашли они его столь сладким, что никакими словами нельзя передать. И молвил он сэру Галахаду:

— Сыне, ведомо ли тебе, что держу я меж ладоней?

— Нет,— отвечал,— покуда ты не сказал мне.

— Это,— сказал он,— священный сосуд, из которого ел я агнца на Пасху [19], и ты видишь теперь то, что видеть желал всего более. Но покуда ты еще видишь это не так ясно и открыто, как предстоит тебе это видеть в городе Саррасе, в храме духовном. И потому надлежит тебе покинуть здешний замок, взявши с собою этот священный сосуд, ибо нынче ночью назначено ему покинуть пределы королевства Логрского, и больше его здесь никогда не увидят.

А знаешь ли ты, почему? Потому, что ему не служат и не поклоняются в этой стране так, как должно, ибо здесь люди обратились ко злу, и я лишу их той чести, что некогда я им оказал. И потому отправляйтесь завтра поутру к морю, где вы найдете корабль ваш наготове, и с собою захватите Меч-на-Чудесной-Перевязи, и никто более не должен ехать с вами, кроме сэра Персиваля и сэра Борса. И еще повелеваю вам взять с собою крови с этого копья, дабы натереть сю Увечного Короля, и ноги его, и тело, и тогда он будет исцелен.

— Сэр,— сказал Галахад,— а почему бы и остальным тоже не отправиться с нами?

— По той же причине, что рассылаю я моих апостолов одного сюда, другого туда, также хочу я и вас разлучить. Двое из вас примут смерть, служа мне, и лишь один возвратится назад и принесет людям вести.

И с тем дал он им свое благословение и исчез.



КАК ГАЛАХАД ПОМАЗАЛ УВЕЧНОГО КОРОЛЯ КРОВЬЮ С КОПЬЯ И О ПРОЧИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ❧ А сэр Галахад приблизился к лежавшему на столе копью и омочил пальцы в крови, с него стекавшей, а затем поспешил к Увечному Королю и обмазал кровью его тело и ноги. И в тот же миг поспешил король вновь облачиться в свои одежды и вскочил на ноги из постели здрав и невредим и возблагодарил господа за чудесное свое исцеление.

А вскоре он удалился от мира и обосновался в святых местах у белых монахов и жил там жизнью праведной.

Им же раздался в ту самую ночь, незадолго до полуночи голос, изрекший:

— Сыны мои, но не самые главные, друзья мои, но не воины, отправляйтесь же ныне повсюду, где вам лучше вершить дела свои, как я повелеваю вам.

— Благодарение тебе, господи, что ты признал нас и провозгласил сынами твоими! Теперь-то мы докажем на деле, что не напрасны труды наши.

И со всей поспешностью разобрали они свои доспехи и снарядились в путь. Но трех рыцарей Галлии — одного из них звали Клаудин, он был сын короля Клаудаса, и двое других были знатные бароны — просил сэр Галахад, обратившись к каждому, чтобы они, если возвратятся когда-нибудь ко двору короля Артура, передали поклон «господину моему сэру Ланселоту, моему отцу и всем рыцарям Круглого Стола». И заклинал он их, чтобы, когда будут в тех краях, они не забыли его просьбу.

После того отбыл сэр Галахад, и сэр Персиваль и сэр Борс с ним, и ехали они целых три дня. И выехали они на берег реки, а там нашли корабль, о котором была речь прежде. Когда же взошли они на борт, то увидели там в середине серебряный престол, который они оставили у короля Пелеса, и Святой Грааль под покровом красного шелка. Обрадовались они тому, что эти священные предметы при них. Они приблизились и склонились пред престолом, а сэр Галахад, опустившись на колени, долго молился господу о том, чтобы ему покинуть мир этот, когда он попросит. И так долго он молился, что прозвучал, наконец, голос, изрекший:

— Сэр Галахад, твоя просьба будет исполнена, и когда ни испросишь ты смерти для тела твоего, тогда и ниспослана тебе будет смерть, и тогда будешь ты жить жизнью души твоей.

А сэр Персиваль услышал и стал спрашивать его во имя дружбы, какая была между ними, почему он молит бога о смерти.

— Сэр, я отвечу вам,— сказал сэр Галахад.— В тот день, когда узрели мы толику чудес Святого Грааля, душа моя испытала такую радость, какой, думается мне, не ведал смертный человек. И потому я знаю, когда тело мое умрет, душа моя еще больше возликует от каждодневного лицезрения Святой Троицы и величия Господа нашего Иисуса Христа.

Долго плавали они на этом корабле, и, наконец, сказали они сэру Галахаду:

— Сэр, вам должно возлечь на этом ложе, ибо так гласит надпись.

И лег он и спал долгое время, а когда пробудился и взглянул перед собой, то увидел город Саррас. Стали они причаливать и увидели там барку, на которой сэр Персиваль положил когда-то свою мертвую сестру.

— Истинно,— сказал сэр Персиваль,— во имя господа, сестра моя выполнила уговор.

С тем вынесли они из корабля своего серебряный престол, и сэр Персиваль с сэром Борсом взялись спереди, а сэр Галахад сзади, и так вошли они в город. У городских же ворот увидали они ветхого согбенного старца, и окликнул его сэр Галахад и позвал его «помочь нести эту тяжелую вещь».

— Воистину,— отвечал старец,— вот уж десять лет, как я не могу и шагу ступить без костылей.

— Нет нужды! — сказал ему сэр Галахад,— встань и покажи твою добрую волю!

Тот приподнялся, и оказалось, что он здоров и крепок, как в прежние года. Тогда подбежал он к престолу и взялся за край против сэра Галахада.

Между тем прошла по городу весть о том, что чудесные рыцари, явившиеся в город, исцелили калеку у ворот. А рыцари снова возвратились к воде и вынесли на берег сестру сэра Персиваля и похоронили ее в храме богато, как подобало королевской дочери.

Когда услышал о трех рыцарях король той страны,— а имя ему было Эстоpанс,— он позвал их и стал спрашивать, откуда они прибыли и что за предмет принесли в город на серебряном престоле.

И они рассказали ему всю правду о Святом Граале и про ту силу, какую бог придал священной чаше.



КАК ИХ ПИТАЛ СВЯТОЙ ГРААЛЬ, ПОКА ОНИ БЫЛИ В ТЕМНИЦЕ, И КАК ГАЛАХАД СТАЛ КОРОЛЕМ ❧ А этот король был великий тиран и родом происходил от язычников, и он схватил их и бросил их в глубокую черную яму. Но лишь только они там очутились, господь наш перенес к ним Святой Грааль, и он благодатью своей питал их все время, что пробыли они в темнице.

А к исходу года случилось так, что король слег в недуге и почуял, что умирает. Тогда послал он за тремя рыцарями, и когда они явились перед ним, стал просить у них прощения за все, что над ними учинил. Они простили его в доброте своей, и он вскоре умер.

После смерти короля началась в городе смута, и не знали люди, кому теперь царствовать над ними. Но как раз когда они совещались, раздался над ними голос и повелел им избрать королем младшего из троих рыцарей, «ибо он будет надежным хранителем вам и всем вашим».

И так провозгласили они королем сэра Галахада по единодушному решению всего города, угрожая убить его, если он не согласится. И когда он вступил во владение королевством, он распорядился сделать поверх серебряного престола короб из золота и драгоценных камней, который закрывал свя-

щенный сосуд. И каждый день рано поутру трое рыцарей представали перед престолом и произносили молитвы.

И вот по прошествии года, ровно в то же самое воскресенье, как надел сэр Галахад золотую корону, он поднялся ранним утром вместе со своими товарищами и пришел во дворец, и увидели они священный сосуд, а пред ним, преклонив колена, молился некто в обличии епископа, и вокруг него — великое воинство ангелов, как если бы то был сам Иисус Христос. Вот поднялся он и начал моление Богородице. Вот совершил он освящение Даров и окончил службу. А потом подозвал к себе сэра Галахада и сказал:

— Ступай сюда, о слуга Иисусов, и ты увидишь то, что горячо желал увидеть.

Тут сильно задрожал сэр Галахад,— это трепетала смертная плоть, которой открывались божественные явления. И воздел он руки к небесам и произнес:

— Господи, благодарю тебя, ибо вижу я то, что много дней уже стремился увидеть. Теперь, о благий господи, я не хотел бы более ни дня оставаться в этом жалком мире, если будет на то воля Твоя, господи.

Тут взял святой старец в ладони Тело Господне и протянул сэру Галахаду, и тот вкусил смиренно и радостно.

— Теперь знаешь ли, кто я? — спросил старец.

— Нет, сэр,— отвечал сэр Галахад.

— Я — Иосиф Аримафейский, которого господь прислал тебе в сотоварищи. А знаешь ли, почему изо всех господь прислал к тебе именно меня? Потому, что ты в двух вещах подобен мне: в том, что ты сподобился видеть чудеса Святого Грааля и что ты, как и я, целомудрен и чист.



О ГОРЕ ПЕРСИВАЛЯ И БОРСА, КОГДА УМЕР ГАЛАХАД, И О ТОМ, КАК УМЕР ПЕРСИВАЛЬ, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ ❧ И когда он так сказал, сэр Галахад приблизился к сэру Персивалю и поцеловал его и поручил его попечению господню. А затем приблизился он к сэру Борсу, поцеловал его и его тоже поручил богу, сказавши так: — Любезный лорд, передай мой привет господину моему сэру Ланселоту, моему отцу, и когда ни увидите его, напомните ему о непрочности этого мира.

И с тем опустился он на колена перед престолом и стал молиться. И внезапно отлетела душа его к Иисусу Христу, и великое воинство ангелов вознесло ее к небесам прямо на виду у двоих его товарищей.

И видели также двое рыцарей, как с небес протянулась рука, но тела они не видели, и та рука достигла до священного сосуда и подняла его, и копье тоже, и унесла на небо. С тех пор не было больше на земле человека, который мог бы сказать, что видел Святой Грааль.

И вот когда увидели сэр Персиваль и сэр Борс, что сэр Галахад умер, они плакали и сокрушались так, как никто на свете. И не будь они мужи благие, они легко могли бы впасть в отчаяние. И все жители города и страны той

тоже погрузились в уныние. Но вот, наконец, его похоронили, и лишь только был он предан земле, сэр Персиваль отправился к отшельникам за город и принял духовный чин и облачился в церковные одежды. А сэр Борс неотступно был с ним, но он не менял своего мирского платья, ибо намерен был еще возвратиться когда-нибудь в Логрское королевство.

Так прожил сэр Персиваль святой отшельнической жизнью целых два года и два месяца, а затем покинул этот свет. И тогда сэр Борс распорядился похоронить его рядом с сестрою его и с сэром Галахадом в божьем храме. И увидел сэр Борс, что он в краю столь же дальнем, как земля Вавилонская, и тогда покинул он город Саррас, облачился в доспехи и, прибыв на берег моря, сел на корабль. И случилось ему, по счастью, пристать в королевстве Логрском, и от берега он скакал во весь опор, торопясь в Камелот, где находился король.

Много было радости при дворе, когда он возвратился,— ведь все полагали его погибшим, ибо он так долго находился в чужих странах. Когда же все поели, король призвал к себе главных писцов, дабы они увековечили благородные подвиги добрых рыцарей. И сначала сэр Борс поведал о тех возвышенных подвигах во имя Святого Грааля, что выпали на долю ему и трем его товарищам: Ланселоту, Персивалю и Галахаду и ему самому; а затем сэр Ланселот поведал о том, что было с ним, когда он странствовал, взыскуя Святого Грааля. И все это было записано в больших книгах и сложено в хранилищах Солсбери.

А сэр Борс сказал сэру Ланселоту:

— Сэр Галахад, ваш родной сын, прислал вам со мною привет, а после вас — господину моему королю Артуру и всему двору. И сэр Персиваль тоже. Ибо я похоронил их обоих моими руками в городе Саррасе. И также еще сэр Ланселот, сэр Галахад просил вас помнить о ненадежности этого мира, как вы обещали ему, когда вы целых полгода с лишком провели вместе.

— Это правда,— сказал сэр Ланселот,— и я верю, что его молитва обо мне будет услышана.

И сэр Ланселот заключил сэра Борса в объятья и сказал:

— Любезный кузен, я от души рад вас видеть! Все, что только смогу я сделать для вас и для ваших родичей, вы найдете меня всегда готовым исполнить, насколько это под силу бедному моему телу, пока душа не покинула его. В этом я вам твердо и неизменно клянусь. И знайте, любезный кузен сэр Борс, вы и я никогда не расстанемся друг с другом, покуда мы живы.

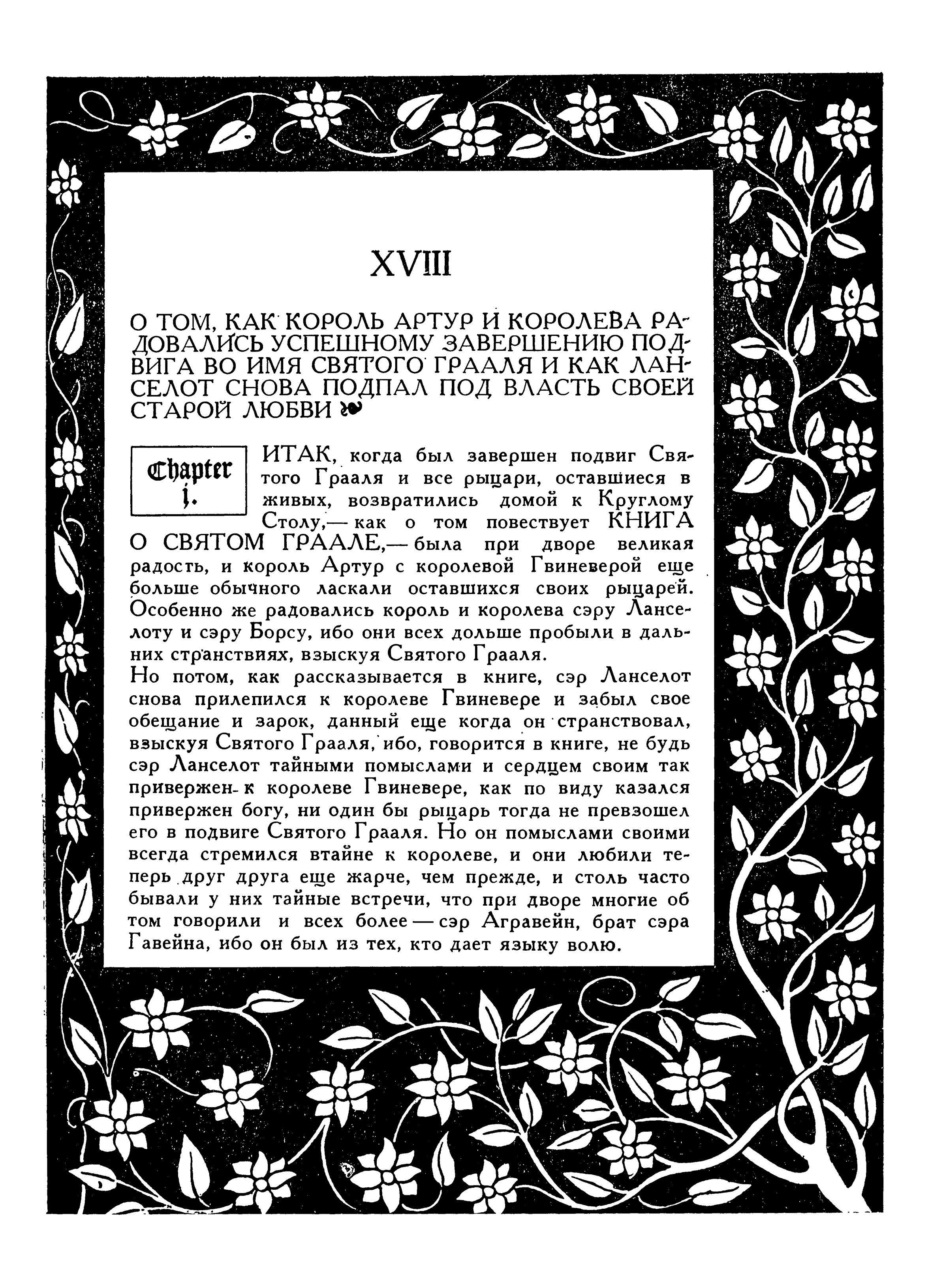
— Сэр,— тот отвечал,— я согласен.

Так кончается повесть о Святом Граале в кратком изводе с французского языка, в которой запечатлен рассказ о том, что есть самое святое и самое верное на свете, записанный сэром Томасом Мэлори, рыцарем.

О благословенный Иисусе, помоги ему твоим могуществом! Аминь.

КНИГА
О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ
И КОРОЛЕВЕ ГВИНЕВЕРЕ





XVIII

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ АРТУР И КОРОЛЕВА РАДОВАЛИСЬ УСПЕШНОМУ ЗАВЕРШЕНИЮ ПОДВИГА ВО ИМЯ СВЯТОГО ГРААЛЯ И КАК ЛАНСЕЛОТ СНОВА ПОДПАЛ ПОД ВЛАСТЬ СВОЕЙ СТАРОЙ ЛЮБВИ

Chapter i.

ИТАК, когда был завершен подвиг Святого Грааля и все рыцари, оставшиеся в живых, возвратились домой к Круглому Столу,— как о том повествует КНИГА О СВЯТОМ ГРААЛЕ,— была при дворе великая радость, и король Артур с королевой Гвиневерой еще больше обычного ласкали оставшихся своих рыцарей. Особенно же радовались король и королева сэру Ланселоту и сэру Борсу, ибо они всех дольше пробыли в дальних странствиях, взыскуя Святого Грааля.

Но потом, как рассказывается в книге, сэр Ланселот снова прилепился к королеве Гвиневере и забыл свое обещание и зарок, данный еще когда он странствовал, взыскуя Святого Грааля, ибо, говорится в книге, не будь сэр Ланселот тайными помыслами и сердцем своим так привержен к королеве Гвиневере, как по виду казался привержен богу, ни один бы рыцарь тогда не превзошел его в подвиге Святого Грааля. Но он помыслами своими всегда стремился втайне к королеве, и они любили теперь друг друга еще жарче, чем прежде, и столь часто бывали у них тайные встречи, что при дворе многие об том говорили и всех более — сэр Агравейн, брат сэра Гавейна, ибо он был из тех, кто дает языку волю.

Но к сэру Ланселоту все время обращались многие дамы и девицы, постоянно осаждавшие его просьбами, чтобы он бился за них на турнирах и в поединках. И во всех этих справедливых делах сэр Ланселот неизменно поступал как должно рыцарю в угоду господу нашему Иисусу Христу, и всегда, когда мог, сэр Ланселот избегал общества королевы Гвиневеры, дабы не питать клевету и пересуды. А королева за это гневалась на сэра Ланселота.

Вот однажды призвала она его в свой покой и сказала так:

— Сэр Ланселот, я вижу день ото дня, как любовь ваша оскудевает, ибо вы не рады быть со мною, но все время стремитесь прочь от двора и поединки и заступничества ваши за девиц, дам и благородных женщин участились теперь даже против вашего прежнего обыкновения.

— Ах, госпожа,— отвечал сэр Ланселот,— за это вы должны извинить меня по многим причинам, и одна из них — что я лишь недавно возвратился из странствий во имя Святого Грааля и благодарю бога и его великую милость, что мне хоть и не по заслугам, но дано было узреть более в моих исканиях, нежели кому-либо еще из грешников на свете, о чем мне и было объявлено. И когда бы не сохранил я тайных помыслов возвратиться к вашей любви, то открылись бы мне такие же великие чудеса, как и сыну моему сэру Галахаду, Персивалю и сэру Борсу. И потому, госпожа, я так долго пробыл в отсутствии, и знайте, госпожа, не легко забывается такое, все труды мои прилежные ради высокого служения.

И еще госпожа, да будет известно вам, что многие здесь при дворе говорят о нашей любви и упорно следят за вами и мною, как, например, сэр Агравейн или сэр Мордред. И знайте, госпожа, я опасаюсь их больше из-за вас, нежели стал бы бояться сам, ибо я ведь могу все бросить и уехать отсюда в случае нужды, вы же, госпожа, принуждены будете терпеть все, что ни скажут против вас. И если придется вам попасть в беду через упорное неразумие ваше, то ведь ни от кого не будет вам помощи, кроме меня и моих родичей.

И знайте, госпожа, наша с вами неосторожность принесет нам позор и наветы, а мне всего менее хотелось бы видеть вас опозоренной. Вот по какой причине я еще чаще, чем прежде, выступаю защитником девиц и дам, чтобы люди думали, будто мне в жизни всего милее и дороже — радость биться в поединках за прекрасных девиц.



КАК КОРОЛЕВА ВЕЛЕЛА СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ ПОКИНУТЬ ДВОР И О ГОРЕ, КОТОРОМУ ПРЕДАЛСЯ СЭР ЛАНСЕЛОТ

❧ Королева же между тем стояла молча, дожидаясь, чтобы сэр Ланселот высказал все, что желал; а когда он кончил, она разразилась слезами и долго плакала и рыдала. И когда она смогла говорить, то сказала:

— Сэр Ланселот, вот теперь я вижу, что ты просто коварный рыцарь-изменник и любодей, что ты любишь и целуешь других женщин, а меня презираешь и ставишь ни во что. Знай же, что раз мне откры-

лась твоя измена, теперь я уже никогда больше не буду тебя любить, ты же не дерзай никогда более показаться мне на глаза. Сей же час я освобождаю тебя от службы при нашем дворе, и больше ты никогда сюда не возвращайся. Я лишаю тебя моего общества, и ты под страхом смерти никогда уже больше на меня не взглянешь!

И сэр Ланселот ее покинул в столь глубокой тоске, что едва держался на ногах от горя и печали. И призвал он к себе сэра Борса, сэра Эктора Окраинного и сэра Лионеля и рассказал им, что королева запретила ему оставаться при дворе и что он намерен отправиться к себе на родину.

— Любезный сэр,— сказал сэр Борс Ганский,— мой совет вам: не покидайте эту страну. Ведь вы должны помнить, кто вы,— самый прославленный изо всех рыцарей мира, свершитель многих славнейших подвигов. А женщины в своей поспешности нередко совершают поступки, в которых потом горько раскаиваются. И потому мой вам совет: садитесь на коня и поезжайте к доброму отшельнику, что обитает здесь по соседству от Виндзора, а некогда был славным рыцарем по имени сэр Брастиас. И у него подождите, пока я не сообщу вам добрые вести.

— Брат,— сказал сэр Ланселот,— уж конечно, мне самому не хочется уезжать из этого королевства, но королева так сурово корила меня, что, боюсь, никогда больше не будет уже она моей дамой.

— Не говорите так,— отвечал сэр Борс,— ведь она уже много раз на вас гневалась, а потом сама же первая раскаивалась.

— Это правда,— сказал сэр Ланселот,— и оттого я поступлю по вашему совету: возьму коня и доспехи и отправлюсь к отшельнику Брастиасу и там останусь до тех пор, пока не услышу от вас новых вестей. Но прошу вас, любезный брат, если только возможно, возвратите мне любовь госпожи моей королевы Гвиневеры.

— Сэр,— отвечал сэр Борс,— вам нет нужды говорить мне это, ибо вы знаете, что я сделаю все возможное, дабы утешить вас.

И с тем сэр Ланселот вдруг уехал, и ни одна душа не знала, куда он исчез, кроме одного лишь сэра Борса. А королева, когда сэр Ланселот уехал, не показала и виду, что горюет, ни родичам своим и никому при дворе, но знайте, что в глубине души она, как повествуется в книге, горько призадумалась. Однако держалась она гордо, словно бы не было у нее на сердце ни заботы, ни опасения.



КАК НА ПИРУ У КОРОЛЕВЫ ОДИН РЫЦАРЬ УПАЛ ОТРАВЛЕННЫЙ И КАК СЭР МАДОР ВОЗЛОЖИЛ ВИНУ НА КОРОЛЕВУ ❧ Вскоре задумала королева задать в Лондоне малый пир для рыцарей Круглого Стола,— и все лишь для того, чтобы показать, что ей так же милы все остальные рыцари Круглого Стола, как и сэр Ланселот. И был на том пиру только сэр Гавейн со своими братьями: сэром Агравейном, сэром Гахерисом, сэром Гаретом и сэром Мордредом. Был там также сэр Борс Ганский, сэр Бламур Ганский и сэр Блеоберис Ганский, сэр Гали-

худ и сэр Галиходин, сэр Эктор Окраинный и сэр Лионель, сэр Паломид и сэр Сафир, его брат, сэр Лакот Мальтелье, сэр Персиант, сэр Иронсид, сэр Брандель, сэр Кэй-Сенешаль, сэр Мадор де-ла-Порте, сэр Патрис, рыцарь из Ирландии, сэр Алидук, сэр Аскамур и сэр Пионель Свирепый, кузен доброго рыцаря сэра Ламорака, которого сэр Гавейн и его братья предательски убили.

Были эти двадцать четыре рыцаря приглашены отобедать с королевой, и в назначенном месте ожидало их славное пиршество и яства всевозможные без счета.

Но у сэра Гавейна было одно обыкновение: он и на обед и на ужин каждый день ел непременно всякие плоды и фрукты, а более всего любил яблоки и груши. И потому кто бы ни угощал, ни потчевал сэра Гавейна, заботился неизменно, чтобы перед ним стояли отборные плоды. Позаботилась об том и королева: чтобы угодить ему, она повелела доставить на обед лучших плодов и фруктов.

Был этот сэр Гавейн по природе рыцарь весьма горячий, а сэр Пионель его ненавидел за убийство родича своего сэра Ламорака, и потому, из чистой злобы и ненависти, сэр Пионель напитал ядом несколько яблок, желая отравить сэра Гавейна.

Дело было уже к концу обеда, и случилось на беду, что потянулся за яблоком добрый рыцарь сэр Патрис, родич сэра Мадора де-ла-Порте, ибо он был разгорячен выпитым вином. И как раз случилось ему на беду взять отравленное яблоко. Лишь только съел он его, как начал пухнуть, и, наконец, его разорвало, и упал среди них мертвым сэр Патрис.

Повскакали тут все рыцари со своих мест из-за стола, стыдом и гневом разъяренные до безумия, ибо они не знали, что сказать, ведь пир и обед устроила королева Гвиневера, и они все подозревали ее.

— Госпожа моя королева! — воскликнул сэр Гавейн.— Знайте, что это угощение предназначено было мне, ведь все, кто знаком со мною, помнят, как я люблю плоды и фрукты. И теперь я вижу, что едва не принял смерть. И потому, госпожа, боюсь, как бы не было вам великого позора.

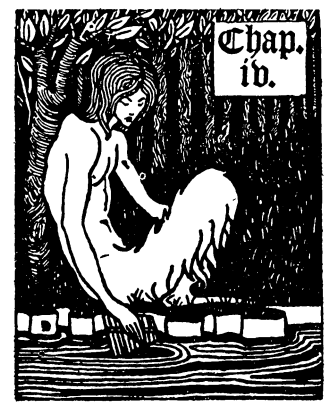
А королева стояла молча, ибо она была так глубоко смущена, что не знала, как ответить.

— Так этому не до́лжно кончиться,— сказал сэр Мадор де-ла-Порте,— ибо я потерял здесь славного рыцаря из моего рода, и потому за такой позор и оскорбление я буду искать отмщения!

И сэр Мадор при всех открыто обвинил королеву в смерти своего кузена сэра Патриса.

Они же все стояли молча, не желая говорить против него, ибо велики были их подозрения против королевы, ведь обед тот задала им она. А королева была в таком смятении, что могла только плакать и рыдать, пока не упала в обморок.

Между тем на шум и крики явился туда сам король Артур, и, когда он узнал о случившейся беде, он весьма опечалился.



КАК СЭР МАДОР ОБВИНИЛ КОРОЛЕВУ В ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ, И ПОНАЧАЛУ НИ ОДИН РЫЦАРЬ НЕ ВЫЗВАЛСЯ СРАЗИТЬСЯ ЗА НЕЕ ❧ А сэр Мадор молча стоял перед королем, обвинив королеву в предательстве. Ибо в те дни нравы были такие, что всякое коварное убийство почиталось предательством.

— Любезные лорды,— молвил король Артур,— я очень сожалею об этой беде, но обстоятельства здесь таковы, что сам я не могу принять участия в этой распре, ибо мне должно оставаться справедливым судьей. Однако мне весьма жаль, что я не смогу сразиться за мою супругу, ибо, по моему мнению, это зло сотворено не ею. И потому, я надеюсь, она не будет опозорена, но какой-нибудь добрый рыцарь вызовется положить жизнь свою за королеву, чем ей сгореть на костре по облыжному обвинению. Поэтому, сэр Мадор, не будьте столь поспешны, ибо, клянусь богом, может еще статься, что у нее найдутся друзья, готовые за нее заступиться. Назначьте же по своему желанию день поединка, и она найдет какого-нибудь доброго рыцаря, который ответит на ваш вызов, а иначе позор мне и всему моему двору.

— Мой милостивый государь,— сказал сэр Мадор,— прошу у вас прощения, но хотя вы и король наш, но в этом деле вы такой же рыцарь, как и мы, и вы так же, как и мы, давали рыцарскую клятву. И потому, прошу вас, не гневайтесь, но среди двадцати четырех рыцарей, которые были званы на этот обед, ни одного нет, кто не питал бы подозрений против королевы. Что скажете вы, лорды? — спросил сэр Мадор.

Они стали отвечать один за другим и все говорили, что не находят извинения королеве за устроенный ею обед и что либо в несчастье повинна она, либо кто-нибудь из ее слуг.

— Увы! — сказала королева,— я устроила этот обед не по злым побуждениям, но лишь по добрым, и да поможет мне всемогущий Иисус в моей правоте, только у меня никогда не было на уме зла, и в том полагаюсь я на волю божию.

— Господин мой король,— сказал сэр Мадор,— я прошу вас, как есть вы справедливый король, назовите мне день, в который должно свершиться возмездие.

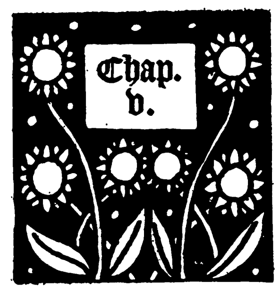
— Хорошо,— сказал король,— ровно через четырнадцать дней смотрите явитесь на коне и во всеоружии на луг близ Винчестера. И если найдете там рыцаря, готового встретиться с вами в поединке, то бейтесь во всю мочь, и бог да пошлет правому победу. Если же не окажется там рыцаря, готового к бою, то в тот же самый день должна будет принять смерть на костре моя королева, и она будет ожидать там суда.

— Я удовлетворен,— сказал сэр Мадор.

И все рыцари разошлись кто куда.

Когда же король и королева остались одни, король спросил ее, как все произошло.

И отвечала королева:
— Сэр, да поможет мне Иисус, я не ведаю, как и отчего это было.
— Где сэр Ланселот? — спросил король Артур.— Будь он сейчас здесь, он бы не преминул сразиться за вас.
— Сэр,— отвечала королева,— я не знаю, где он, но его брат и его родичи полагают, что он находится вне пределов этого королевства.
— Это жаль,— сказал Артур,— ведь если бы он был здесь, он быстро положил бы конец этой распре. Ну что ж, тогда вот какой я дам вам совет,— сказал король,— пойдите к сэру Борсу и просите его ради сэра Ланселота выступить за вас в поединке, и ручаюсь жизнью, он вам не откажет. А то, вижу я, ни один из двадцати четырех рыцарей, что были на вашем пиру, где пал сэр Патрис, не склонен сражаться за вас или заступиться за вас хотя бы словом, и оттого пойдут о вас при дворе враждебные толки. Я сожалею об отсутствии сэра Ланселота, ибо будь он здесь, он скоро облегчил бы мне душу. Что за причина,— спросил король,— что вы не можете удержать при себе сэра Ланселота? Ведь знайте,— сказал король,— иметь на своей стороне сэра Ланселота, значит располагать помощью благороднейшего мужа в мире. Ступайте же,— сказал король королеве,— и просите сэра Борса, ради сэра Ланселота, выступить за вас в поединке.



КАК КОРОЛЕВА ПРОСИЛА СЭРА БОРСА СРАЗИТЬСЯ ЗА НЕЕ, И КАК ОН СОГЛАСИЛСЯ, НО НА ОДНОМ УСЛОВИИ, И КАК ОН ОПОВЕСТИЛ ОБ ЭТОМ СЭРА ЛАНСЕЛОТА

❧ И вот королева рассталась с королем Артуром и послала за сэром Борсом. И когда он явился, она просила его о защите.
— Госпожа,— он отвечал,— какую помощь вам угодно от меня получить? Ведь честь не позволяет мне сразиться за вас в этом деле, ибо я тоже был на вашем обеде и другие рыцари могут меня заподозрить в нечестии. Вот, госпожа,— сказал сэр Борс, — теперь вам недостает сэра Ланселота, ведь он бы не отказал вам в помощи ни в правом деле, ни в неправом, ибо он не раз помогал вам, когда вам грозили беды. Вы же изгнали из пределов вашей страны того, кто своим присутствием оказывал повседневно честь вам и всем нам тоже. И потому, госпожа, я просто дивлюсь, как, не стыдясь, испрашиваете вы помощи у меня, тогда как сами изгнали от своего двора того, кем мы были возвеличены и прославлены.
— Увы, любезный рыцарь,— сказала королева,— я всецело полагаюсь на вашу милость и готова исправить все мои промахи по вашему совету. И с тем она опустилась на оба колена и умоляла сэра Борса сжалиться над нею — «ведь иначе я приму позорную смерть за преступление, которого не совершила».
Тут как раз явился король Артур и застал королеву коленопреклоненной. И сэр Борс поспешил ее поднять и сказал так:
— Госпожа, вы позорите меня.
— А, благородный рыцарь,— сказал король,— сжальтесь над моей коро-

левой, учтивый рыцарь, ибо я теперь уверен, что ее опозорили облыжно. И потому, учтивый рыцарь,— король продолжал,— обещайте сразиться за нее, я прошу вас во имя любви, которую вы питаете к сэру Ланселоту.

— Господин мой,— отвечал сэр Борс,— вы спрашиваете с меня столь великую службу, что большего и спросить невозможно. А ведь знайте, если я соглашусь на поединок за королеву, я утрачу дружбу многих моих товарищей, рыцарей Круглого Стола. Но я,— сказал сэр Борс,— даю согласие, ради господина моего сэра Ланселота и ради вас, выступить в назначенный день заступником королевы, если только, по воле случая, не объявится к тому времени рыцарь получше меня и не вызовется сразиться за королеву.

— Вы поклянетесь мне в этом,— спросил король,— своей душою?

— Да, сэр,— отвечал сэр Борс,— в этом и вы и она можете на меня положиться. Но если объявится лучший рыцарь, тогда сражаться будет он.

Тут король и королева весьма возрадовались и простились с ним, благодаря его всем сердцем.

А сэр Борс вскоре тайно отъехал со двора и прискакал туда, где сэр Ланселот находился у отшельника Брастиаса, и поведал ему обо всем, что произошло.

— Ах, Иисусе,— сказал сэр Ланселот,— все складывается именно так, как мне бы и хотелось. И потому прошу вас, приготовьтесь к поединку и выезжайте на луг, но смотрите, помедлите подольше и не начинайте, покуда не увидите, что еду я. Ибо я полагаю, что сэр Мадор горяч во гневе, и чем дольше вы промешкаете, тем сильнее он будет рваться в бой.

— Сэр,— сказал сэр Борс,— предоставьте его мне. И не сомневайтесь, я все исполню по вашей воле.

С тем сэр Борс от него уехал и возвратился ко двору. Между тем при дворе прослышали о том, что сэр Борс будет биться в защиту королевы, и многие рыцари были за то на него сердиты, ибо без малого все рыцари при дворе полагали королеву неправой и повинной в предательстве. И сэр Борс так отвечал своим товарищам по Круглому Столу:

— Знайте же, любезные лорды, что нам всем был бы великий позор, если бы мы допустили, чтобы благороднейшая в мире королева была так опозорена перед всеми, ведь ее супруг, наш король,— муж величайшей славы в христианском мире, и он прославил нас всех по всему белому свету.

Но многие из них сказали ему в ответ:

— Что до нашего благороднейшего короля Артура, мы любим и почитаем его не меньше, нежели вы, но что до королевы Гвиневеры, ее мы не любим, ибо она — погубительница добрых рыцарей.

— Любезные лорды,— отвечал сэр Борс,— сдается мне, вы говорите не то, что вам следует говорить, ибо за всю мою жизнь я не знал и не слышал, чтобы ее называли погубительницей добрых рыцарей, но всегда, сколько я помню, она почиталась покровительницей всех добрых рыцарей, и не было дамы щедрее ее на дары и на милости среди тех, кого я знаю или о ком слышал. И потому позор был бы всем нам, допусти мы, чтобы супруга нашего благороднейшего короля, которой мы обязаны верной службой, умерла бы позорной смертью. И знайте,— сказал сэр Борс,— я этого не допущу, ибо могу вам сказать: королева не виновна в смерти сэра Патриса, ведь она

никогда не питала к нему зла, да и ни к кому из двадцати четырех рыцарей, которых пригласила на обед. Она звала нас по любви, а не из злого побуждения. И это, я не сомневаюсь, будет вскоре открыто, ибо, как бы ни обернулось дело, меж нами все же было предательство.
Тогда сказал кто-то Борсу:
— Мы верим вашим речам.
И с тем иные остались удовлетворены, иные же нет.



КАК В НАЗНАЧЕННЫЙ ДЕНЬ СЭР БОРС СНАРЯДИЛСЯ К БОЮ ЗА КОРОЛЕВУ, И КАК В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ ВМЕСТО НЕГО ВЫЕХАЛ ДРУГОЙ ❧ И побежало время быстро, и настал, наконец, канун того дня, на который назначен был поединок. Королева послала за сэром Борсом и спросила его, каковы его намерения.
— Право же, госпожа,— он отвечал,— мои намерения те же, что и были, когда я давал вам обещание: я не откажусь за вас сразиться, если только не объявится лучший рыцарь, нежели я, который захочет вступить в этот поединок. На тот случай, госпожа, я должен быть освобожден вами от моего обещания.
— Вы желаете,— спросила королева,— чтобы я так и передала супругу моему, королю?
— Поступайте, как вам будет угодно, госпожа.
Тогда королева пришла к королю и передала ему ответ сэра Борса.
— Что ж,— сказал король,— в сэре Борсе вы не сомневайтесь, ибо его я считаю одним из благороднейших рыцарей среди ныне живущих и превосходнейшим из мужей.
Так подошло утро, и вот король и королева и все рыцари, находившиеся в то время при дворе, собрались на лугу близ Винчестера, где назначен был поединок. Когда явились туда король с королевой и многие рыцари Круглого Стола, тогда отдана была королева под стражу, и вокруг железного столба были разложены поленья для большого костра, дабы, если верх возьмет сэр Мадор, ее тут же предали бы сожжению. Ибо таковы были нравы в те времена: ни милость, ни любовь, ни родство не имели силы, но лишь справедливый суд, равно как для простого рыцаря, так и для короля, и равно для бедной дамы и для королевы.
Тем временем прибыл сэр Мадор де-ла-Порте и перед королем под присягой повторил свое обвинение в том, что королева совершила предательство против его родича сэра Патриса.
— И клятву эту я готов подтвердить моей жизнью лицом к лицу со всяким, кто бы ни стал утверждать противное.
Тут выехал сэр Борс Ганский и сказал:
— Что до королевы Гвиневеры, то правда на ее стороне, и я готов доказать, что она не повинна в предательстве, в котором ее обвинили.

— Тогда готовься к бою,— молвил Мадор,— и мы увидим, кто из нас прав.

— Сэр Мадор,— отвечал сэр Борс,— я знаю вас как доброго рыцаря. Но тем не менее я не побоюсь вас, ибо милостию божией я надеюсь против вашего гнева устоять. Ведь господину моему королю Артуру и госпоже моей королеве я обещал, что буду биться за ее правоту в этом деле до последнего, если только не объявится лучший рыцарь, нежели я, и возьмет этот бой на себя.

— Ты все сказал? — спросил сэр Мадор.— Либо кончай свои речи и выходи на бой, либо прямо скажи, что отказываешься от боя.

— Садись на коня,— отвечал сэр Борс,— я же, с божьей помощью, не заставлю тебя долго ждать, и ты получишь удовлетворение.

Тут разошлись они оба к своим шатрам и изготовились к бою верхами со всем возможным тщанием. И вот выехал на поле сэр Мадор со щитом на плече и с копьем в руке и поскакал по кругу, громким голосом обращаясь к королю Артуру:

— Высылайте ко мне сюда вашего рыцаря на бой, или он боится?

Устыдился сэр Борс, пустил коня и выехал на другой конец поля. И тут вдруг видит он, как из ближнего леса выехал рыцарь на белом коне, и щит у него никому не известный, а на щите — никому не знакомый герб. Скачет рыцарь к ним во весь опор. Вот поравнялся он с сэром Борсом и говорит:

— Любезный рыцарь, прошу вас, не гневайтесь, ибо этот поединок должен достаться лучшему рыцарю, нежели вы. И потому, прошу вас, отступитесь, ибо знайте, что я прискакал сюда издалека и этот поединок по праву должен достаться мне. Так уговорился я с вами, когда мы виделись в последний раз, и я теперь благодарю вас от всего сердца за вашу доброту.

Тогда сэр Борс поскакал к королю Артуру и сказал ему, что на поле объявился другой рыцарь и желает сразиться за королеву.

— А что он за рыцарь? — спросил король.

— Я не знаю,— отвечал сэр Борс,— но он так условился со мною, что будет здесь в день поединка. Итак, господин мой,— сказал сэр Борс,— я уступаю поле боя.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ БИЛСЯ ЗА КОРОЛЕВУ С СЭРОМ МАДОРОМ И КАК ОН ОДОЛЕЛ СЭРА МАДОРА И ОПРАВДАЛ КОРОЛЕВУ ❧ Тогда король окликнул того рыцаря и спросил его, правда ли, что он желает сразиться за королеву.

И ответил тот:

— Сэр, для того я и прибыл сюда. И потому, король, не удерживай меня долее, ибо я сразу же по окончании поединка должен буду поспешить отсюда прочь, ведь меня ждет еще много поединков в других местах. Ибо знайте,— сказал рыцарь,— что вам и всем рыцарям Круглого Стола позорно смотреть, как столь благородная дама и столь милостивая коро-

лева, как Гвиневера, подвергается у вас на глазах наветам и поношениям. И дивились все, там собравшиеся: кто бы мог быть этот рыцарь, взявший на себя поединок? Ибо ни один его не признал, кроме сэра Борса. Между тем, сказал королю сэр Мадор де-ла Порте:

— Сейчас я узнаю, кто таков мой противник!

И вот разъехались они в концы поля, там наставили копья и ринулись друг другу навстречу со всей мощью. И Мадорово копье разбилось на куски, но копье его противника осталось цело, и оно отбросило сэра Мадора вместе с конем назад и сокрушило наземь. Но он ловко и проворно высвободил ноги из стремян, загородился щитом, обнажил меч и крикнул тому рыцарю, чтобы он спешился и бился с ним на мечах.

Сошел тот рыцарь с коня, перетянул наперед щит свой и обнажил меч. И бросились они яростно в бой, и осыпали один другого жестокими ударами, то наседая, то отступая, то сшибая мечи, словно два диких вепря, и так сражались они целый час. Ибо этот сэр Мадор был рыцарь могучий, не раз отличавшийся в богатырских боях. Но под конец противник поверг сэра Мадора наземь и тут же подступил к нему, дабы прижать его плашмя к земле. Но сэр Мадор успел вскочить и, поднимаясь, пробил тому бедро, так что кровь брызнула струей.

Когда он почувствовал рану и увидел кровь свою, он дал сэру Мадору подняться на ноги, а потом нанес ему по шлему мечом удар такой силы, что тот плашмя растянулся на земле.

Тогда подошел он к нему и хотел сорвать шлем у него с головы. Но сэр Мадор взмолился о пощаде. И признал он себя побежденным и ему покорился, объявив, что берет назад обвинение против королевы.

— Я не пощажу твоей жизни,— отвечал рыцарь,— покуда ты не откажешься навсегда от всех поклепов на королеву и не поклянешься, что на могиле сэра Патриса не будет даже упомянуто, что будто бы его убили с согласия королевы Гвиневеры.

— Даю в этом клятву,— отвечал сэр Мадор,— и раз и навсегда беру назад все мои обвинения.

После этого рыцари с Мадорова конца поля подняли сэра Мадора с земли и отвели его к его шатру. А тот, другой, рыцарь направился прямо к подножью ложи, где сидел король Артур.

К этому времени королева уже возвратилась к королю, и они сердечно поцеловались. Когда же король увидел того рыцаря, он наклонился к нему и благодарил его, и королева тоже. И попросил его король снять шлем и отдохнуть с ними и принять от него кубок вина.

Снял он шлем с головы, чтобы выпить вино, и тогда все рыцари узнали в нем сэра Ланселота. И лишь только увидел король, что это сэр Ланселот, он взял за руку королеву, подвел ее к нему и сказал:

— Сэр, грамерси за ваши ратные труды, что приняли вы нынче за меня и за мою королеву.

— Мой государь,— отвечал сэр Ланселот,— знайте, что мой неизменный долг — всегда выступать на вашей стороне и на стороне госпожи моей королевы и биться за вас обоих, ибо вы, господин мой, посвятили меня в высокий Орден Рыцарства, и в тот же день госпожа моя, ваша королева, ока-

зала мне великую милость. Так что, не храни я вам верности, позор был бы мне, ибо в тот самый день, когда я принял от вас посвящение в рыцари, я впопыхах обронил меч, и госпожа моя, ваша королева, нашла его, спрятала в шлейфе своего платья и передала его мне, когда он мне как раз понадобился. Если бы не она, я был бы опозорен перед всеми рыцарями. И потому, господин мой Артур, в тот день я поклялся ей всегда, и в правде, и в неправде, быть ее верным рыцарем.

— Грамерси,— молвил король,— за ваш поспешный приезд. И знайте,— сказал король,— я не останусь у вас в долгу за ваше благородство.

А королева все глядела и глядела на сэра Ланселота и под конец так разрыдалась от всего сердца, что едва не упала на пол от горькой мысли, что он был к ней так добр, тогда как она обошлась с ним так немилостиво. Между тем окружили его рыцари из его рода, и все приветствовали его и радовались ему от души. Вслед за ними приблизились и все остальные рыцари Круглого Стола, кто был там в то время, и поздравили его с возвращением.

А вскоре сэр Мадор исцелился собственным искусством от полученных ран, и сэр Ланселот тоже был исцелен от раны в бедре. И было там при дворе великое веселие и множество развлечений.



КАК СТАЛА ИЗВЕСТНА ПРАВДА ЧЕРЕЗ ДЕВУ ОЗЕРА И О МНОГИХ ДРУГИХ ВЕЩАХ ❧ И случилось так, что Дева Озера по имени Нинева, которая была женой доброго рыцаря Пелеаса, тоже явилась ко двору короля Артура, ибо она неизменно помогала королю и всем его рыцарям своими чарами и волшебством. И когда она прослышала о том, как королева попала в беду из-за смерти сэра Патриса, то она во всеуслышанье объявила, что королева ни в чем не повинна, и открыла людям, кто это сделал, и назвала имя сэра Пионеля и за что он его убил. И стало это всем известно и всем открыто, и так королева была оправдана [1]. А этот рыцарь сэр Пионель сбежал в свою страну, и был он повсюду ославлен как отравитель, ибо он напитал ядом на пиру яблоки, желая погубить сэра Гавейна за то, что сэр Гавейн и его братья убили сэра Ламорака Уэльского, которому сэр Пионель приходился родичем.

А сэра Патриса вскоре похоронили в гробнице в Вестминстерской церкви. и сверху на гробнице было начертано:

Здесь покоится сэр Патрис Ирландский, убитый сэром Пионелем Свирепым, который напитал ядом яблоки, дабы отравить сэра Гавейна, но, по несчастью, сэр Патрис съел одно из тех яблок, и тут же его вдруг разорвало». И еще было написано на гробнице, как в смерти сэра Патриса была обвинена сэром Мадором де-ла Порте королева Гвиневера, а дальше излагалось, как сэр Ланселот сражался за королеву Гвиневеру и одержал верх

в честном поединке. Все это было начертано на могиле сэра Патриса в оправдание королевы.

Сэр же Мадор долго и неотступно искал милости королевы и под конец, благодаря заступничеству сэра Ланселота, завоевал королевино доброе расположение, и все было прощено и забыто.

Так все шло до самого Успенья Богородицы. За две недели король распорядился огласить, повсюду, что в день праздника у стен Камелота, который иначе зовется Винчестер, состоится большой турнир. И повелел король глашатаям объявить, что он сам вместе с королем скоттов будет сражаться против всех, кто ни вздумает на них выйти.

Когда был тот клич повсюду оглашен, съехались туда многие добрые рыцари: король Северного Уэльса, и король Ангвисанс Ирландский, и Король-с-Сотней-рыцарей, и сэр Галахальт, Высокородный Принц, и король Нортумберландский и еще многие благородные графы и герцоги из многих стран.

Вот приготовился король Артур ехать на турнир и стал звать с собой королеву, но она сказала, что не поедет, потому что больна и не в силах сидеть на лошади.

— Это жаль,— сказал король,— ибо вот уже семь лет, как вы не могли любоваться столь славным собранием рыцарства, с самого того дня, как сэр Галахад покинул наш двор.

— Право,— отвечала королева,— вы должны меня извинить, ибо я не могу ехать.

А многие при дворе полагали, что королева не хочет уезжать из-за сэра Ланселота: ибо он не сопровождал короля, так как еще не оправился от раны, нанесенной сэром Мадором.

Опечалился король и в великом гневе отправился в Винчестер со своею дружиной. На пути случилось королю остановиться ночлегом в городе, который назывался Астолат, а по-английски — Гилфорд[2]. И там расположился он в замке.

Королева же, когда король уехал, призвала к себе сэра Ланселота и сказала ему так:

— Сэр, вы дурно поступили, что не последовали за королем, моим супругом. Ведь что теперь подумают и скажут ваши недруги и мои? «Посмотрите, как сэр Ланселот постоянно норовит отстать от короля, и королева тоже, и все затем, что они хотят насладиться любовью друг с другом». Вот что они станут говорить,— сказала королева.

Chapter xij.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОЕХАЛ В АСТОЛАТ И ПОЛУЧИЛ ТАМ ОТ ОДНОЙ ДЕВИЦЫ РУКАВ, ДАБЫ НОСИТЬ ЕГО НА ШЛЕМЕ

— Это верно, госпожа,— отвечал сэр Ланселот,— я признаю вашу правоту. Но давно ли вы сделались столь рассудительны? Теперь, госпожа моя, согласен поступить по вашему совету: нынешней ночью я отдохну и завтра чуть свет поскачу в Винчестер. Но только знайте,— сказал сэр Ланселот королеве,— я на этом турнире буду выступать против короля Артура и против всей его дружины.

— Сэр, поступайте там, как вам будет угодно,— сказала королева,— но мой вам совет: не сражайтесь против вашего короля и против ваших товарищей, ведь среди них будет немало стойких бойцов, будут и ваши родичи.

— Госпожа,— отвечал сэр Ланселот,— я готов встретить любые опасности, какие ни пошлет мне бог.

И вот рано поутру он отслушал обедню, утолил голод, простился с королевой и отправился в путь. И он скакал во весь опор и как раз случилось, что к ночи он достиг Астолата и подъехал к замку старого барона по имени Барнард Астолатский. Когда въезжал сэр Ланселот в замок на ночлег, его заметил король Артур, гулявший в то время в саду под стеной замка, и сразу же его узнал.

— Ну, сэры,— сказал король Артур своим рыцарям, которые гуляли с ним у стен замка,— сейчас я видел рыцаря,— сказал он,— который на турнире, могу поручиться, покажет чудеса.

— Кто же он? — спросили рыцари.

— Пока еще вы этого от меня не узнаете,— отвечал король.

И улыбнувшись, он удалился в свой покой.

Когда сэр Ланселот стал в отведенном ему покое располагаться на ночь и снял с себя доспехи, к нему явился старый барон сэр Барнард и приветствовал его любезнейшим образом. Однако он не узнал сэра Ланселота.

— Любезный сэр, — сказал сэр Ланселот своему хозяину,— прошу вас, не ссудите ли вы меня щитом, который не был бы известен повсеместно, ибо мой щит знаком всем?

— Сэр,— отвечал его хозяин,— ваше желание будет исполнено, ибо вы кажетесь мне одним из достойнейших рыцарей, каких мне случалось видеть, и потому я готов оказать вам дружеское расположение.— И еще он сказал:— Сэр, знайте, что у меня есть два сына, и они лишь недавно получили посвящение в рыцари. Старшего зовут сэр Тиррей, и он был ранен в тот самый день, как принял рыцарское посвящение, и по сей час не может сесть на коня; его щит вы и получите, ибо, ручаюсь, он известен только здесь и больше нигде. А второго моего сына зовут сэр Лавейн. И с вашего изволения, он поедет вместе с вами на турнир, ибо для своего возраста он крепок и силен. Мое сердце сразу расположилось к вам, так что вы, должно быть, рыцарь благородный. И потому я прошу вас, назовите мне ваше имя,— сказал сэр Барнард.

— Что до этого,— отвечал сэр Ланселот,— то вы должны меня покамест извинить. Если, с милостью божией, я преуспею на турнире, тогда я возвращусь и назову вам мое имя. Но я прошу вас, как бы ни обернулось дело, все равно послать вместе со мною вашего сына сэра Лавейна и позволить мне воспользоваться щитом его брата.

— Сэр, все это будет исполнено,— отвечал сэр Барнард.

А у этого старого барона была дочь, которую в то время все называли Прекрасной Девой из Астолата, и она, не отрываясь, глядела на сэра Ланселота с великим восхищением. (И как рассказывается в книге, она воспылала к сэру Ланселоту столь сильной любовью, что так и не смогла его никогда разлюбить, и от этого умерла. Имя же ее было Элейна Белокурая.)

Она входила туда и выходила много раз, и так разгорелась ее любовь, что

под конец она попросила сэра Ланселота, чтобы он на турнире носил ее знак.
— Девица,— сказал сэр Ланселот,— если бы я согласился на эту вашу просьбу, вы смогли бы сказать, что ради вас я сделал большее, нежели ради какой-либо другой дамы или девицы за всю мою жизнь.
Но тут он вспомнил, что едет на турнир в чужом обличии, и оттого что прежде он никогда не надевал знаков ни одной дамы, он решил надеть теперь ее знак, чтобы никто из его родичей не заподозрил, что это он. И тогда он сказал:
— Прекрасная девица, я согласен носить ваш знак на шлеме. И потому покажите мне, каков он.
— Сэр,— она отвечала,— это мой красный рукав из тонкой ткани [3], шитый крупным жемчугом.
И она принесла его сэру Ланселоту. Сэр Ланселот принял его и сказал:
— Никогда еще я не делал этого ни для одной девицы.
И он передал этой прекрасной деве на хранение свой щит и просил ее сберечь его, пока он, сэр Ланселот, не возвратится. И в тот вечер сэра Ланселота принимали там с особым радушием и веселием, ибо девица Элейна все время, пока ей дозволено было, находилась подле сэра Ланселота.



КАК НАЧАЛСЯ В ВИНЧЕСТЕРЕ ТУРНИР, И КАКИЕ РЫЦАРИ ТАМ БЫЛИ, И О ПРОЧИХ ДЕЛАХ

❧ А назавтра поутру король Артур и все его рыцари снова пустились в путь, ибо король и так провел там целых три дня, поджидая, пока соберутся все его благородные рыцари. Когда же король отъехал, сэр Ланселот и сэр Лавейн тоже собрались в дорогу, и у обоих у них были белые щиты, и еще сэр Ланселот вез с собою красный рукав девицы Элейны.
И вот они простились с сэром Барнардом, старым бароном, и с его дочерью, Прекрасной Девой из Астолата, и пустились в путь, и скакали до тех пор, покуда не достигли Камелота, как звался в те времена Винчестер. А там собралось уже великое множество королей, герцогов, графов и баронов и всевозможных благородных рыцарей. Но сэр Ланселот с помощью сэра Лавейна нашел себе тайно пристанище у одного богатого горожанина, так что никто в городе не знал, где они остановились. И там они отдыхали, пока не настал, наконец, праздник Успенья Богородицы, на когда назначен был турнир.
И вот, проиграли на поле трубы и король Артур уселся на высоких подмостях дабы лучше видеть, кто выкажет себя лучшим изо всех рыцарей (но, как рассказывает Французская Книга, король не отпустил от себя сэра Гавейна, потому что сэр Гавейн никогда не одерживал верх, если на поле боя был сэр Ланселот, и много раз терпел сэр Гавейн поражения, когда сэр Ланселот вот так появлялся под чужим обличием),— и тогда иные из коро-

лей, как король Ангвисанс Ирландский и король скоттов, изготовились к бою на стороне короля Артура. А на другой стороне были король Северного Уэльса, и Король-с-Сотней-Рыцарей, и король Нортумберландский, и сэр Галахальт-Высокородный Принц. Но эти три короля и один барон были слишком слабы против Артуровой стороны, ибо с теми были благороднейшие рыцари мира.

И вот когда они разъехались в противоположные концы поля, и каждый рыцарь изготовился сделать все, что ему под силу, тогда снарядился к бою и сэр Ланселот и прикрепил себе на шлем красный рукав. И с тем сэр Ланселот и сэр Лавейн тайно выехали из Винчестера и укрылись в зеленом леске позади той партии, что должна была биться против рыцарей короля Артура. Там выждали они, покуда не сошлись обе стороны в сражении. И вот выехали с Артуровой стороны король скоттов и король Ирландии, а против них — король Нортумберландский и Король-с-Сотней-Рыцарей. И началась тут жаркая схватка. Король скоттов поверг наземь короля Нортумберландии, а Король-с-Сотней-Рыцарей сокрушил короля Ангвиссанса Ирландского. Потом сэр Паломид, выступавший на стороне короля Артура, встретился с сэром Галахальтом, и они сокрушили наземь один другого, каждая сторона поспешила на подмогу своему рыцарю, и снова подсадили их на коней. И бросились тут в бой обе стороны.

Выехали сэр Брандель, сэр Саграмур Желанный, сэр Додинас Свирепый, сэр Кэй-Сенешаль, сэр Грифлет-Божий Сын, сэр Лукан-Дворецкий, сэр Бедивер, сэр Агравейн, сэр Гахерис, сэр Мордред, сэр Мелиот Логрский, сэр Озанна-Храброе Сердце, сэр Сафир, сэр Эпиногрис, сэр Галерон Галовейский. Все эти пятнадцать рыцарей были рыцари Круглого Стола, и они вместе с другими набросились на противную сторону и потеснили короля Нортумберландского и Короля Северного Уэльса.

Видит это сэр Ланселот, укрывшийся поблизости в зеленом лесу, и говорит он сэру Лавейну так:

— Взгляните, вон добрая рыцарская дружина, и они держатся сплоченно, точно вепри, преследуемые гончими псами.

— Это правда,— отвечал сэр Лавейн.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ И СЭР ЛАВЕЙН ВЫСТУПИЛИ ПРОТИВ РЫЦАРЕЙ АРТУРОВА ДВОРА, И КАК ЛАНСЕЛОТ БЫЛ РАНЕН

— А теперь,— сказал сэр Ланселот,— если вы мне поможете немного, вы увидите, как вся эта дружина, что сейчас так теснит рыцарей нашей стороны, столь же быстро откатится назад, как сейчас продвигалась вперед.

— Сэр, не мешкайте из-за меня,— отвечал сэр Лавейн,— ибо я сделаю, что смогу.

И вот сэр Ланселот с сэром Лавейном выехали на поле и вмешались в самую гущу схватки, и сэр Ланселот поверг наземь сэра Бранделя, сэра Саграмура, сэра Додинаса, сэра Кэя и сэра Грифлета,

всех — одним копьем. А сэр Лавейн сокрушил сэра Лукана-Дворецкого и сэра Бедивера. Потом сэр Ланселот взял другое копье, потяжелее, и им сокрушил сэра Агравейна и сэра Гахериса, сэра Мордреда и сэра Мелиота Логрского, а сэр Лавейн сокрушил сэра Озанну-Храброе Сердце. Затем сэр Ланселот извлек из ножен меч и стал рубить направо и налево и мощью своею вышиб из седла сэра Сафира, сэра Эпиногриса и сэра Галерона.
И тогда рыцари Круглого Стола, поймав коней, как смогли, отступили.
— А, спаси нас Иисус! — сказал сэр Гавейн.— Что это за рыцарь, являющий на турнирном поле такие чудеса?
— Я знаю, кто он,— отвечал король,— но покамест еще его имени не назову.
— Сэр,— сказал сэр Гавейн,— по посадке и по ударам, которые он наносит, я бы сказал, что это сэр Ланселот. Но мне думается, что это все-таки не он, ибо этот рыцарь носит на шлеме красный рукав, а я никогда не видел, чтобы сэр Ланселот носил на турнире знак какой-либо дамы или девицы.
— Оставим его,— молвил король,— ибо прежде чем он уедет, он еще не так отличится и выкажет себя.
Между тем та сторона, что выступала против короля Артура, ободрилась, и рыцари, недавно отступавшие, снова сплотились и бросились в бой. Тогда сэр Борс, сэр Эктор Окраинный и сэр Лионель стали скликать рыцарей — своих родичей, как сэр Бламур Ганский, сэр Блеоберис, сэр Алидук, сэр Галихуд, сэр Галиходин и сэр Белингер Жестокий. И вот эти девять рыцарей Ланселотова рода стали мощно теснить противную сторону, ибо они все были славные рыцари, и, пылая жаждой мести, они с великой яростью устремились против сэра Ланселота и сэра Лавейна, ибо они не догадывались, кто это.
И вот сшиблись они с разгона, и было повержено наземь немало рыцарей Нортумберландии и Северного Уэльса. И видя все это, успел сэр Ланселот схватить большое копье, и в тот же миг налетели они на него разом все трое: и сэр Борс, и сэр Эктор, и сэр Лионель. Они ударили на него в три копья и силой своею опрокинули Ланселотова коня на землю. И на беду сэр Борс пробил сэру Ланселоту щит и ранил его в бок, и копье его при этом сломалось, и наконечник остался у сэра Ланселота в боку.
Когда увидел сэр Лавейн своего покровителя поверженным, он ринулся на короля скоттов и выбил его из седла; а коня изловил и подвел к сэру Ланселоту, и хотя кругом его теснили противники, сумел подсадить сэра Ланселота в седло. И тогда сэр Ланселот взял в руку копье и сшиб наземь сэра Борса, и коня и всадника; так же обошелся он и с сэром Эктором, и с сэром Лионелем. А сэр Лавейн поверг наземь сэра Бламура Ганского. Сэр же Ланселот между тем обнажил меч свой, ибо он испытывал такую боль от своей раны, что уж думал настал его смертный час. И нанес он сэру Блеоберису по шлему удар такой силы, что тот рухнул на землю в беспамятстве, и так же обошелся он с сэром Алидуком и с сэром Галихудом. А сэр Лавейн сокрушил сэра Белингера, который был сыном Александра-Сироты.
Но к этому времени сэр Борс уже снова сидел на коне, и он вместе с сэром Эктором и с сэром Лионелем опять напал на сэра Ланселота, и ударили они

в три меча по шлему сэра Ланселота. Почувствовал он их тройной удар, и рана его тоже причиняла ему жестокую боль, и тогда он решил поспешить и успеть побольше, покуда силы не оставили его вовсе. Обрушил он на шлем сэра Борса такой удар, от которого низко поникла у того голова, а он сорвал с него шлем и мог бы убить его, но, увидев его лицо, только стащил его с коня. И так же обошелся он с сэром Эктором и сэром Лионелем; ибо, как повествуется в Книге, он мог бы их зарубить насмерть, но когда он взглянул в их лица, сердце его не позволило это сделать, и он их оставил.

А после этого он устремился в самую гущу сражения и свершил там много чудеснейших бранных подвигов, когда-либо виданных на земле. С мечом в руках сэр Ланселот сшиб и стянул на землю, как говорит Французская Книга, более тридцати рыцарей, и почти все — рыцари Круглого Стола. И сэр Лавейн тоже немало отличился в тот день, сокрушив десятерых рыцарей Круглого Стола.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ И СЭР ЛАВЕЙН ОТБЫЛИ С ТУРНИРНОГО ПОЛЯ, И ОБ ОПАСНОСТИ, В КОТОРОЙ ОКАЗАЛСЯ ЛАНСЕЛОТ ❧ — Иисусе милосердный,— сказал сэр Гавейн королю Артуру,— я диву даюсь, кто бы мог быть этот рыцарь с красным рукавом?

— Сэр,— отвечал король Артур,— вы его узнаете, прежде чем он успеет покинуть турнирное поле.

И с тем протрубил король конец сраженью, и глашатаи объявили, что первенство присуждается рыцарю с белым щитом и с красным рукавом на шлеме. И вот подъехали король Северного Уэльса, и король Нортумберландский, и Король-с-Сотней-Рыцарей, и сэр Галахальт-Высокородный Принц и так сказали сэру Ланселоту:

— Любезный рыцарь, да благословит вас бог, ибо вы немало сделали для нас сегодня. И потому мы просим вас поехать с нами и принять все почести первенства, которое вы с честью завоевали.

— Любезные лорды,— отвечал сэр Ланселот,— знайте, если я и заслуживаю благодарности, то я купил ее дорогой ценой и очень в этом раскаиваюсь, ибо мне уже, видно, не быть более в живых. И потому, любезные мои лорды, прошу вас, позвольте мне уехать, куда я пожелаю, ибо я ранен жестоко. И мне дела нет до всех ваших почестей, ибо я предпочту сейчас отдых владычеству над целым миром.

И с тем он застонал жалостно и быстрым галопом ускакал прочь и мчался, покуда не достиг опушки леса. Когда же он увидел, что отъехал от турнирного поля без малого на милю и что теперь его наверняка оттуда не видно, тогда воскликнул он громким голосом с жалобным стоном:

— О, любезный рыцарь сэр Лавейн! Помогите мне извлечь этот обломок копья из моего бока, ибо он язвит меня столь жестоко, что жизнь вот-вот покинет меня.

— Ах, дорогой мой господин,— отвечал сэр Лавейн,— я бы с радостью исполнил ваше желание, но я очень боюсь, как бы мне, вытащив этот обломок, не подвергнуть самую жизнь вашу опасности смерти.

— Велю вам, если вы любите меня, сей же час его извлечь!

И с тем сошел сэр Ланселот с коня, и сэр Лавейн тоже, и тут же выдернул он наконечник копья из его бока, и сэр Ланселот издал пронзительный крик и ужасный стон, и кровь хлынула из раны большой струей, и вылилась сразу чуть не целая пинта, так что под конец он покачнулся, сел прямо на землю и, лишившись чувств, упал, бледный и безжизненный.

— Увы,— промолвил сэр Лавейн,— что мне делать?

Он повернул сэра Ланселота так, чтобы ветер дул ему в лицо, и тот пролежал там замертво целых полчаса. Потом, наконец, открыл сэр Ланселот глаза и сказал:

— Ах, сэр Лавейн, помогите мне сесть на коня! Ибо здесь поблизости, отсюда в двух милях, живет благородный отшельник, бывший некогда славным рыцарем и владетельным лордом. Теперь он, из добродетели, принял нищенство и отказался от богатых своих земель. Имя его — сэр Бодуин Бретонский, и он славится как искусный лекарь и добрый врачеватель. Посмотрим же, не удастся ли мне туда добраться, ибо сердце мое говорит мне, что на руках моего доброго кузена я не умру.

И с великой мукой поднял его сэр Лавейн в седло, и они быстро поскакали вдвоем, а кровь все бежала у сэра Ланселота из раны и стекала прямо на землю. И привел их путь к жилищу отшельника под сенью леса, а напротив высилась большая скала и под нею бил чистый источник. Сэр Лавейн постучал в ворота древком копья и громко крикнул:

— Отворите, во имя Иисуса!

Вышел к ним прекрасный отрок и спрашивает, что им угодно.

— Сынок,— отвечал сэр Лавейн,— ступай и попроси твоего господина, во имя бога, пустить к себе раненого рыцаря. И скажи твоему господину, что сегодня у меня на глазах этот рыцарь свершил столько бранных подвигов, что я никогда и не слышал такого.

Отрок быстро ушел и вернулся с отшельником, благообразным старцем. Лишь только увидел его сэр Лавейн, он стал просить его, во имя господа, о помощи.

— А что он за рыцарь? — спросил отшельник.— Он из Артурова дома, или же нет?

— Я не знаю,— отвечал сэр Лавейн,— ни кто он, ни как его зовут, я только знаю, что сегодня у меня на глазах он совершил чудесные подвиги.

— На чьей же стороне он выступал? — спросил отшельник.

— Сэр,— отвечал сэр Лавейн,— сегодня он выступал против дружины короля Артура, но завоевал первенство среди всех рыцарей Круглого Стола.

— Я видел этот турнир,— сказал отшельник.— В прежние времена я бы не мог его любить, раз он дрался против господина моего короля Артура, ведь я сам некогда состоял в той дружине. Но теперь, благодарение богу, я сужу иначе. Но где же он? Отведите меня к нему.



КАК ЛАНСЕЛОТА ДОСТАВИЛИ К ОТШЕЛЬНИКУ ДЛЯ ИЗЛЕЧЕНИЯ, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ ❧ Сэр Лавейн привел отшельника к сэру Ланселоту. Увидел его отшельник склоненного к самой седельной луке и жестоко истекающего кровью, и показалось рыцарю-отшельнику, что прежде он его уже встречал. Но вспомнить, кто это, он не смог, потому что сэр Ланселот был очень бледен и обескровлен.

— Что вы за рыцарь? — спросил отшельник.— Откуда вы родом?

— Любезный мой господин,— отвечал сэр Ланселот,— я чужеземец и странствующий рыцарь, который путешествует из страны в страну, добывая себе славу.

Но тут отшельник присмотрелся получше и по шраму на щеке узнал в нем сэра Ланселота.

— Увы, господин мой! — сказал отшельник.— Почему скрываете вы от меня ваше имя? Клянусь богом, мне следовало бы узнать вас раньше, ведь вы — славнейший из рыцарей мира. Теперь-то я знаю, что вы — сэр Ланселот.

— Сэр,— он отвечал,— раз уж вы меня знаете, то помогите мне, если можете, ради господа! Ибо жить мне или умереть, но я не могу больше терпеть эту боль.

— Не тревожьтесь,— сказал отшельник,— ибо вы будете еще долго жить и благоденствовать.

И с тем отшельник призвал к себе двоих слуг, и они перенесли сэра Ланселота к нему в дом, быстро сняли с него все доспехи и уложили его на постель. И тогда отшельник сразу же остановил ему кровь, дал ему испить доброго вина, так что он пришел в себя и силы начали к нему возвращаться. Ибо в те дни обычай был не таков, как теперь: тогда отшельниками становились только рыцари, некогда доблестные и благородные, и эти отшельники содержали богатые дома, где оказывали гостеприимство всем попавшим в беду.

А теперь мы обратимся к королю Артуру, оставив сэра Ланселота у отшельника. Когда съехались короли с обеих сторон и назначен был большой пир, король Артур спросил короля Северного Уэльса и его дружину, куда же девался рыцарь с красным рукавом на шлеме.

— Приведите его ко мне,— молвил король,— дабы он мог получить все хвалы и почести и награды, которые ему причитаются.

В ответ сказали ему сэр Галахальт-Высокородный Принц и Король-с-Сотней-Рыцарей:

— Мы боимся, что этот рыцарь так пострадал во время турнира, что едва ли мы его еще когда-нибудь увидим. И это величайшей жалости достойно.

— Увы,— сказал король Артур,— как это могло статься? Неужели он так сильно ранен? Однако как его имя? — спросил король Артур.

— Правду сказать,— они все отвечали,— мы не знаем ни имени его, ни откуда он родом, ни куда держал он путь.
— Увы,— сказал король,— это плачевнейшие вести, какие я слышал за последние семь лет! Ибо за все земли, которыми я владею, я не согласился бы, чтобы этот рыцарь был убит.
— Сэр, а разве вы знаете, кто он? — спросили все.
— Что до этого,—отвечал король Артур,— то знаю я его или нет, вы от меня ничего об нем не услышите, до тех пор пока всемогущий Иисус не пришлет мне от него добрых вестей.
— Клянусь головой,— сказал сэр Гавейн,— если в самом деле этот добрый рыцарь так жестоко ранен, то это большой ущерб для всего королевства, ибо он — один из благороднейших рыцарей, какого я когда-либо видел на турнирном поле с копьем или мечом в руке. И если только возможно найти его, я его найду, ибо я уверен, что он не мог далеко уехать из этого города.
— Сэр, вы правы,— сказал король Артур,— вы его разыщете, если только ему не настолько плохо, что он себя не помнит.
— Упаси Иисусе!— отвечал сэр Гавейн.— Но знайте, что если только найду его, я его непременно узнаю.
И с тем сэр Гавейн, взяв с собой оруженосца, сел на лошадь и объездил на шесть миль всю округу Камелота, но так и возвратился, не узнав про него никаких известий. А через два дня король Артур и вся его дружина отправились обратно в Лондон. И на возвратном пути случилось сэру Гавейну стать в Астолате на ночлег у того самого сэра Барнарда, у которого останавливался сэр Ланселот.
И вот когда сэр Гавейн удалился на отдых, сэр Барнард, старый барон, явился к нему в покой вместе со своей дочерью Элейной, чтобы приветствовать и расспросить его о новостях и о том, кто завоевал первенство на турнире в Винчестере.
— Да поможет мне бог,—отвечал сэр Гавейн,— там были два рыцаря с белыми щитами, и один из них еще носил красный рукав на шлеме, и он-то как раз и выказал себя лучшим изо всех рыцарей, кого я когда-либо видел на турнирном поле. Ибо, думается мне,— сказал сэр Гавейн,— этот рыцарь с красным рукавом один сокрушил сорок рыцарей Круглого Стола, да и его товарищ тоже бился славно и искусно.
— Слава господу,— сказала Прекрасная Дева из Астолата,— что этот рыцарь так преуспел на турнирном поле! Ибо он — первый, кого я полюбила в жизни, и клянусь, будет последним, кого я когда-либо полюблю.
— Вот как, прекрасная девица? — сказал сэр Гавейн.— Значит, этот добрый рыцарь — ваш возлюбленный?
— Именно так, сэр,— она отвечала,— он мой возлюбленный.
— Тогда вам известно его имя?
— Нет, сэр,— отвечала девица,— имя его мне не известно, и откуда он к нам прибыл, я тоже не знаю, знаю только, что я люблю его, и в этом клянусь перед богом и перед вами.
— А как же вы с ним познакомились? — спросил сэр Гавейн.



КАК СЭР ГАВЕЙН ОСТАНОВИЛСЯ В АСТОЛАТЕ И ТАМ УЗНАЛ, ЧТО РЫЦАРЬ С КРАСНЫМ РУКАВОМ НА ШЛЕМЕ БЫЛ СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ ❧ И она рассказала ему все, что вы уже слышали, и как ее отец послал с ним ее брата служить ему, и как он отдал ему щит ее другого брата, сэра Тиррея.

— А здесь у меня он оставил свой щит.

— Для чего же он так сделал? — спросил сэр Гавейн.

— Для того,— отвечала девица,— что его собственный щит хорошо знаком всем благородным рыцарям.

— Ах, благородная девица,— сказал сэр Гавейн,— не соблаговолите ли вы дать мне взглянуть один раз на этот щит?

— Сэр,— она отвечала,— он у меня в комнате, покрытый чехлом, и если вы последуете за мною, вы его увидите.

— Нет, нет,— сказал сэр Барнард своей дочери,— лучше пошлите за этим щитом.

Когда же щит был принесен, сэр Гавейн снял с него чехол, и когда он увидел щит, он сразу узнал, что это щит сэра Ланселота и его герб.

— А, милосердный Иисусе! — воскликнул сэр Гавейн.— Теперь на сердце у меня еще тяжелее, чем было прежде.

— Отчего? — спросила девица Элейна.

— На то есть немалая причина,— отвечал сэр Гавейн.— Значит, рыцарь, которому принадлежит этот щит, и есть ваш возлюбленный?

— Да, воистину так,— она отвечала,— его я люблю. Молю господа, чтобы и он меня полюбил!

— Пошли бог вам удачи,— сказал сэр Гавейн,— прекрасная девица, ибо вы правы, ведь если ваш избранник — он, значит вы любите благороднейшего рыцаря в мире и мужа величайшей славы.

— Я и сама так думала,— сказала девица,— ибо ни один знакомый мне рыцарь прежде не внушал мне любви.

— Дай господи,— сказал сэр Гавейн,— вам вкусить радость друг с другом, но только это весьма сомнительно. Однако воистину,— сказал сэр Гавейн девице,— можно сказать, что вам выпала удача, ибо сколько я знаком с этим благородным рыцарем, а тому вот уже двадцать четыре года, никогда прежде ни я сам и никто из рыцарей, ручаюсь, тоже не видел и не слышал, чтобы он на турнирах и в поединках носил знак какой-нибудь дамы или девицы. И потому, прекрасная девица, вам должно быть ему благодарной. Но боюсь,— сказал сэр Гавейн,— что вы уже никогда не увидите его в этом мире, и это величайшей жалости достойно.

— Увы,— молвила она,— как это возможно? Разве он убит?

— Этого я не сказал,— отвечал сэр Гавейн,— но знайте, что он, сколько можно заключить, был прежестоко ранен и, судя по его виду, он, всего вернее, сейчас умер, а не жив. И знайте, что он — сам благородный рыцарь сэр Ланселот, ибо я узнал его по щиту.

— Увы! — воскликнула Прекрасная Дева из Астолата,— возможно ли это? Как он был ранен?

— Воистину,— отвечал сэр Гавейн,— его ранил тот, кто всех более его любит. Ручаюсь,— сказал сэр Гавейн,— что если бы рыцарь, ранивший его, знал правду, что он ранил сэра Ланселота, это было бы для него величайшим горем, когда-либо им испытанным.

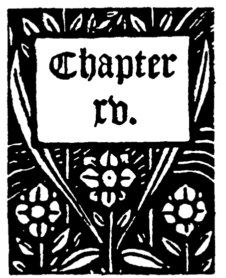
— Мой любезный отец,— сказала тогда Элейна,— прошу у вас изволения на то, чтобы мне отправиться разыскивать его, а иначе, я знаю, я сойду с ума. Ибо я ни за что не успокоюсь, покуда не найду его и моего брата сэра Лавейна.

— Поступайте по своему желанию,— отвечал ей отец,— ибо я от души печалюсь ранам этого достойного рыцаря.

В тот же час собралась девица в путь и простилась с сэром Гавейном, горько плача и печалясь. А сэр Гавейн на следующее утро явился к королю Артуру и поведал ему о том, как он нашел щит сэра Ланселота на хранении у Прекрасной Девы из Астолата.

— Я все это знал и раньше,— отвечал ему король Артур,— вот почему я и не позволил вам принять участие в турнире; ибо я видел его, когда он поздним вечером прибыл в Астолат и остановился на ночлег. Но вот что дивит меня весьма,— сказал король Артур,— как это он согласился носить знак дамы на своем шлеме? Прежде я никогда не видел и не слышал, чтобы он носил знак хоть одной женщины на свете.

— Клянусь головой, сэр,— сказал сэр Гавейн,— Прекрасная Дева из Астолата любит его всей душой. К чему это все приведет, я не знаю. Но сейчас она отправилась на поиски его.



О ГОРЕ СЭРА БОРСА ИЗ-ЗА РАН ЛАНСЕЛОТА И О ГНЕВЕ КОРОЛЕВЫ ИЗ-ЗА РУКАВА, КОТОРЫЙ БЫЛ У ЛАНСЕЛОТА НА ШЛЕМЕ ❧ Вскоре король и все остальные прибыли в Лондон,— и там сэр Гавейн открыл всему двору, что рыцарем, завоевавшим первенство на турнире, был сэр Ланселот. И когда сэр Борс услышал об этом, уж конечно, он опечалился жестоко, и все его сородичи тоже. Но когда узнала королева, что это сэр Ланселот носит на шлеме алый рукав Прекрасной Дамы из Астолата, она от гнева едва не лишилась рассудка. Она послала за сэром Борсом Ганским и призвала его явиться к ней без промедления.

И как только он к ней явился, сказала королева так:

— А, сэр Борс! Слышали ли вы, как сэр Ланселот коварно меня предал?

— Увы, госпожа,— отвечал сэр Борс.— Боюсь, что он предал сам себя и всех нас.

— Пусть,— сказала королева,— хоть бы он и погиб, мне все равно, ибо он — коварный рыцарь-изменник.

— Госпожа,— сказал сэр Борс,— прошу вас, не говорите так больше, ибо знайте, я не могу слышать о нем такие речи.

— Почему это, сэр Борс?— сказала она.— Разве я не могу назвать его из-

менником, если он носил во время турнира в Винчестере на своем шлеме чей-то красный рукав?
— Госпожа,— отвечал сэр Борс,— что он носил этот рукав, меня и самого печалит, но ручаюсь, он это сделал не из злого умысла,— он для того нацепил этот красный рукав, чтобы никто из сородичей не мог его признать. Ибо до этого дня ни один из нас никогда не видел и не слышал, чтобы он носил знак какой-нибудь девицы, дамы или благородной женщины.
— Позор ему! — воскликнула королева.— И ведь при всей его заносчивости и бахвальстве вы выказали себя лучшим рыцарем, чем он.
— Нет, госпожа, не говорите так больше никогда, ибо он одолел меня и моих товарищей и мог бы нас убить, если бы только захотел.
— Позор ему! — сказала королева.— Я слышала, как сэр Гавейн рассказывал перед господином моим Артуром, что нет слов передать, какая любовь между ним и Прекрасной Девой из Астолата.
— Госпожа,— сказал сэр Борс,— я не могу запретить сэру Гавейну говорить, что ему вздумается, но что до господина моего сэра Ланселота, то я могу поручиться: он не любит ни одну девицу, или даму, или благородную женщину, но всех их почитает в равной мере. И потому, госпожа,— сказал сэр Борс,— можете говорить, что хотите, но знайте, что я поспешу на его поиски и найду его, где бы он ни находился, и бог да пошлет мне о нем добрые вести!
И на этом мы их оставляем и поведем речь о сэре Ланселоте, который лежал, страдая от жестокой раны. Когда прекрасная девица Элейна прибыла в Винчестер, она обыскала там все окрестности, и, по счастью, брат ее сэр Лавейн как раз прискакал на луг погарцевать и погорячить застоявшегося коня. И лишь только девица Элейна завидела его, она сразу его узнала и стала кричать ему громким голосом, покуда он не расслышал и не подъехал к ней. И вот спрашивает она своего брата:
— Как поживает господин ваш сэр Ланселот?
— Кто сказал вам, сестра, что имя моего господина — сэр Ланселот?
И тогда она рассказала ему, как сэр Гавейн узнал его по его щиту.
Поскакали они вместе и добрались до подворья отшельника, и там она сошла с коня. И отвел ее сэр Лавейн к сэру Ланселоту, и когда она увидела его столь больного и бледного на ложе, то не могла произнести ни слова, но вдруг упала без чувств на землю. И так она пролежала долгое время. А когда пришла в себя, то закричала так:
— О, господин мой сэр Ланселот! Увы, почему лежите вы здесь в болезни?
И снова лишилась чувств. Тогда сэр Ланселот попросил сэра Лавейна, чтобы он поднял ее и принес к его ложу. И когда она опять пришла в себя, сэр Ланселот поцеловал ее и сказал:
— Прекрасная девица, что с вами? Ведь вы причиняете мне еще бóльшую боль. Почему вы так убиваетесь? Ведь если вы прибыли утешить меня, то добро вам пожаловать. Что же до этой моей легкой раны, то я от нее скоро уже оправлюсь, милостью божией. Но я диву даюсь,— сказал сэр Ланселот,— откуда известно вам мое имя?
И тогда девица ему все поведала, как сэр Гавейн, остановившись на ночлег у ее отца, признал щит сэра Ланселота и открыл им его имя.

— Увы! — сказал сэр Ланселот, — мне очень жаль, что мое имя стало известно, ибо я уверен, это обернется худом.

Ибо сэр Ланселот представил в душе своей, как сэр Гавейн непременно расскажет королеве Гвиневере о том, что у него был красный рукав на шлеме, и чей это был рукав, и понял он, что от всего этого произойдет немало зла. Девица же Элейна не покинула сэра Ланселота, но смотрела за ним денно и нощно и так за ним ходила, что, как рассказывает Французская Книга, ни одна женщина не была нежнее ни с одним рыцарем. И однажды сэр Ланселот попросил сэра Лавейна послать людей в Винчестер и проследить, не объявится ли там сэр Борс, и он научил его, по каким знакам узнать сэра Борса: по шраму на лбу.

— Ибо я уверен, — сказал сэр Ланселот, — что сэр Борс приедет разыскивать меня, ибо он и есть тот бесстрашный рыцарь, ранивший меня.



КАК СЭР БОРС РАЗЫСКИВАЛ ЛАНСЕЛОТА И НАШЕЛ ЕГО У ОТШЕЛЬНИКА, И КАК ОНИ ОПЛАКИВАЛИ ЭТОТ ПЛАЧЕВНЫЙ СЛУЧАЙ ❧ А теперь обратимся мы к сэру Борсу Ганскому, который прибыл в Винчестер искать своего кузена сэра Ланселота. А там его признали люди сэра Лавейна и сообщили сэру Лавейну о его появлении, и тогда он нашел сэра Борса, приветствовал его и рассказал, от кого он прибыл.

— Любезный рыцарь, — сказал ему сэр Борс, — я рад встрече с вами и прошу вас, проводите меня к господину моему сэру Ланселоту.

— Сэр, — отвечал сэр Лавейн, — садитесь на коня, и не пройдет и часа, как вы его увидите.

И вот пустились они в путь и прибыли к подворью отшельника. И когда сэр Борс увидел сэра Ланселота на ложе, смертельно бледного и обескровленного, он переменился в лице и от жалости и любви не мог говорить, но долго прегорестно плакал. Когда же речь к нему вернулась, он сказал так:

— О, господин мой сэр Ланселот, бог да благословит вас и ниспошлет вам скорое выздоровление! Ибо я жестоко страдаю от моей беды и злосчастья. Ведь я и впрямь могу почесть себя злосчастным и боюсь, господь разгневался на меня, что наслал на меня такой позор и попустил меня ранить вас, главного и славнейшего среди нас. Вот почему я почитаю себя злосчастным рыцарем. Увы, зачем только такой ничтожный рыцарь, как я, на беду, имел довольно силы, чтобы ранить благороднейшего рыцаря в мире! Ведь когда я так постыдно напал на вас и одолевал вас числом, вы могли меня убить, но вы меня пощадили. Я же поступил не так, ибо я и все наши родичи бились с вами без пощады. Дивно мне, — сказал сэр Борс, — что сердце мое и кровь моя не отказались мне служить. И за это я, господин мой сэр Ланселот, прошу вашего прощения.

— Любезный кузен,— отвечал сэр Ланселот,— добро вам сюда пожаловать, и знайте, вы из любви ко мне наговорили на себя чересчур много, мне же это вовсе не по вкусу, ибо и на мне вина не легче вашей: я по гордыне желал непременно одолеть вас всех. Из-за этой-то гордыни я едва и не поплатился жизнью, и в этом я сам виноват. Ведь я мог бы вас уведомить о себе, и тогда не получил бы этой раны. Ибо так и древняя пословица говорит: «Жестока та битва, когда брат бьется с братом и друг сражается с другом», ведь в такой битве не будет пощады, но лишь смертное кровопролитие. И потому, любезный кузен,— сказал сэр Ланселот,— оставьте эти речи, и встретим с радостью все, что ни пошлет господь. Оставим же это и поговорим о чем-нибудь веселом, ведь что сделано, то уже сделано. Лучше поищем для меня скорейшего исцеления.

Тут сэр Борс склонился на край его кровати и поведал сэру Ланселоту, как разгневана на него королева за то, что он носил во время турнира красный рукав на шлеме. И еще он поведал ему о том, как сэр Гавейн все раскрыл через щит, который оставался у Прекрасной Девы из Астолата.

— Так значит королева гневается? — сказал сэр Ланселот.— Это меня жестоко печалит, но ведь я не заслужил ее гнева, я же поступил так только затем, чтобы не быть узнанным.

— Сэр, так я и объяснял ей,— сказал сэр Борс,— но все было напрасно, ибо она говорила мне против вас гораздо больше, чем я сейчас передаю вам. Но, сэр, эта девица, что так хлопочет здесь возле вас,— спросил сэр Борс,— это и есть та, кого люди зовут Прекрасной Девой из Астолата?

— Имено так, это она,— отвечал сэр Ланселот,— и я никаким способом не могу удалить ее от себя.

— А зачем вам удалять ее от себя? — спросил сэр Борс.— Ведь она прекрасна собой, богато наряжена и всему научена. Вот если бы, волей божией, любезный кузен,— сказал сэр Борс,— вы могли бы полюбить ее, но в этом я не могу и не смею ни советовать вам, ни указывать. Однако я вижу по ее прилежанию,— сказал сэр Борс,— что она вас любит всей душой.

— Об этом я весьма сожалею,— сказал сэр Ланселот.

— Ну что ж,— сказал сэр Борс,— она не первая, кто хлопочет об вас понапрасну, и это тем более жалости достойно.

И так они беседовали еще о многих других вещах. А дня через три или четыре сэр Ланселот вновь почувствовал себя крепким и сильным.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ОБЛАЧИЛСЯ В ДОСПЕХИ, ДАБЫ ПРОВЕРИТЬ, В СИЛАХ ЛИ ОН НОСИТЬ ОРУЖИЕ, И КАК ВНОВЬ ВСКРЫЛИСЬ ЕГО РАНЫ ❧ И тогда сэр Борс сообщил ему о том, что король Артур поклялся устроить под Винчестером большой турнир между своими рыцарями и рыцарями Короля Северного Уэльса, и назначил его на День Всех Святых.

— Это правда? — сказал Ланселот.— Тогда пробудьте здесь со мною еще немного, пока я совсем не оправлюсь, ибо я и сейчас уже чувствую себя изрядно окрепшим и сильным.

— Слава господу! — сказал сэр Борс.

И пробыли они там вместе почти целый месяц, и все это время девица Элейна денно и нощно хлопотала и заботилась о сэре Ланселоте, и никогда ни жена ни дитя не были так кротки с мужем и отцом, как Прекрасная Дева из Астолата с сэром Ланселотом; и сэр Борс был за это ею очень доволен.

И вот однажды, уговорившись между собою, сэр Лавейн, сэр Борс и сэр Ланселот попросили отшельника поискать в лесах различные травы, и потом сэр Ланселот послал прекрасную Элейну собрать этих трав ему для купания. А тем временем сэр Ланселот велел сэру Лавейну облачить его в полные доспехи и хотел испытать, сможет ли он сидеть верхом и держать в руках копье после своей раны?

Вот сел он в седло, натянул сильно удила, а конь под ним заиграл и стал рваться в галоп, ибо он целый месяц не чуял поводьев. И попросил сэр Ланселот сэра Лавейна подать ему тяжелое копье, и упер сэр Ланселот древко копья в железный упор. Скакун под ним рванулся вперед, почуяв шпоры, и седок, искуснейший в мире наездник, напрягся могуче и твердо, и копье его не дрогнуло в упоре. Но при этом сэр Ланселот напрягся так сильно, направляя вперед скакуна, что затянувшаяся рана его разорвалась изнутри и снаружи и кровь хлынула мощной струей, и он почувствовал такую слабость, что не мог удержаться в седле. И тогда крикнул сэр Ланселот:

— А, сэр Борс и сэр Лавейн, на помощь! Ибо пришел конец мой!

И с тем повалился он на сторону с коня своего и рухнул наземь замертво. Бросились к нему сэр Борс и сэр Лавейн с громкими возгласами горя. И случилось как раз девице Элейне услышать их крики, и она возвратилась туда, и когда увидела сэра Ланселота в доспехах, то стала плакать и кричать, точно безумная. Она целовала его и всеми способами пыталась привести в чувство, а потом стала упрекать брата своего и сэра Борса, называя их изменниками и предателями:

— Как решились вы поднять его с ложа? — говорила она.— Знайте же, что если он умрет, я обвиню вас перед судом в его смерти!

Тем временем явился туда отшельник, сэр Бодуин Бретонский, и увидя сэра Ланселота лежащим замертво, не сказал ничего, но знайте, что уж конечно он был сильно разгневан. Он велел поднять его, и они отнесли его в дом, сняли с него доспехи и уложили на постель; и все время из раны его, не переставая, бежала кровь, и он лежал недвижно, не шевеля ни рукой ни ногой. Тогда рыцарь-отшельник вложил что-то ему в нос и влил немного питья ему в рот, и сэр Ланселот, наконец, очнулся. Отшельник остановил ему кровь, и когда сэр Ланселот смог говорить, спросил его, отчего он подверг жизнь свою столь великой опасности.

— Оттого, сэр,— отвечал сэр Ланселот,— что я полагал себя уже довольно окрепшим, а сэр Борс как раз сообщил мне, что на День Всех Святых назначен большой турнир между королем Артуром и королем Северного Уэльса. И потому я подумал испытать свои силы: смогу ли я участвовать в том турнире или же нет.

— Ах, сэр Ланселот,— сказал отшельник,— ваше мужество и ратный дух ваш неистребимы до последнего дня вашей жизни. Однако послушайте ныне моего совета: отошлите от себя сэра Борса, и пусть он, как может, отличит-

ся на турнире. И с божьей помощью,— сказал отшельник,— к тому времени, когда окончится турнир и сэр Борс возвратится к вам, вы, сэр, будете здоровы, если только станете исполнять мои веления.



КАК СЭР БОРС ВОЗВРАТИЛСЯ С ВЕСТЯМИ О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ И О ТУРНИРЕ, И О ТОМ, КОМУ ДОСТАЛОСЬ ТАМ ПЕРВЕНСТВО ❧ И вот собрался в путь сэр Борс, стал прощаться, и сказал ему сэр Ланселот:

— Любезный кузен сэр Борс, поклонитесь от меня всем, кому должно. И прошу вас, уж вы постарайтесь отличиться на этом турнире, ради меня, не пожалейте трудов. Я же буду ждать здесь, с милостью божией, вашего возвращения.

И с тем сэр Борс уехал и прибыл ко двору короля Артура и там рассказал о том, где он оставил сэра Ланселота.

— Весьма жаль,— сказал король.— Но он будет жить, и за это мы все можем возблагодарить господа.

Потом сэр Борс рассказал королеве, как сэр Ланселот едва не умер, когда пытался сесть в седло.

— И все это он сделал ради вас, ибо он хотел быть на турнире.

— Позор ему, малодушному рыцарю! — сказала королева.— Знайте, я от души сожалею, что он не умер.

— Госпожа, как бы то ни было, он не умер и будет жить,— отвечал ей сэр Борс,— и всякому, кто желает ему иного, кроме вас, госпожа, мы, его сородичи, всегда готовы укоротить дни жизни! Но вы госпожа,— сказал сэр Борс,— и прежде часто бывали недовольны господином моим сэром Ланселотом, и всякий раз под конец убеждались, что он верный рыцарь.

И, так сказав, он ее оставил. Между тем, все рыцари Круглого Стола, что были там в то время, готовились к турниру, назначенному на День Всех Святых. И съезжались туда многие рыцари из разных стран. А когда приблизился День Всех Святых, туда прибыл король Северного Уэльса и Король-с-Сотней-Рыцарей, и сэр Галахальт-Высокородный Принц Сурлузский. И еще туда прибыли король Ангвисанс Ирландский, и король Нортумберландский, и король скоттов. Эти три короля прибыли, чтобы выступить на стороне короля Артура.

И в день турнира первым выехал сэр Гавейн, и он свершил великие бранные подвиги; герольды подсчитали, что сэр Гавейн сокрушил один двадцать рыцарей. Но и сэр Борс Ганский выехал одновременно с ним, и про него тоже подсчитали, что он сокрушил двадцать рыцарей; и потому первенство было присуждено им обоим, ибо они выступили всех ранее и всех долее оставались на турнирном поле. Также и сэр Гарет, как повествуется в Книге, отличился немало на том турнире, ибо он повыбивал из седел и стянул на землю тридцать рыцарей; но совершив столько подвигов, он не задержался на поле, а ускакал прочь и потому лишился первенства. И сэр Паломид тоже в тот день отличился немало, ибо он поверг наземь два-

дцать рыцарей, но и он покинул вдруг турнирное поле, так что люди полагали, что он вместе с сэром Гаретом поспешил на поиски новых приключений. По окончании же турнира сэр Борс тоже поспешил прочь и возвратился к сэру Ланселоту, своему кузену. Он застал его уже на ногах, и они оба весьма обрадовались встрече.

Рассказал сэр Борс сэру Ланселоту о том, как прошел турнир, что вы уже слышали выше.

— Я удивляюсь — сказал сэр Ланселот,— как это сэр Гарет, так отличившись на турнире, не остался там.

— Сэр, мы все тому дивились,— сказал сэр Борс,— ведь не считая вас и благородного рыцаря сэра Тристрама или благородного рыцаря сэра Ламорака Уэльского, я не видел рыцаря, который мог один повергнуть наземь в столь краткий срок стольких рыцарей, как сэр Гарет. Но теперь он ускакал, и мы не знаем, что с ним дальше сталось.

— Клянусь головой,— сказал сэр Ланселот,— он благородный рыцарь, мощь его велика и дыхание ровно, и если он захочет, то, я думаю, одолеет любого из ныне живущих рыцарей. И он учтив и любезен и от души щедр, кроток и нежен, и в нем нет ни толики низкой хитрости, но лишь простота, преданность и верность.

Потом собрались они покинуть дом отшельника. Поутру сели они на коней и пустились в путь, и Элейна Белокурая с ними. А когда они прибыли в Астолат, их приняли там и расположили на ночлег с великим радушием сэр Барнард, старый барон, и его сын сэр Тиррей.

А наутро, когда сэр Ланселот собрался в дальнейший путь, пришла к нему прекрасная Элейна и привела с собою отца своего и братьев, сэра Лавейна и сэра Тиррея. И сказала она ему так:



КАК УБИВАЛАСЬ ПРЕКРАСНАЯ ДЕВА ИЗ АСТОЛАТА, КОГДА ЛАНСЕЛОТ СОБРАЛСЯ В ПУТЬ, И КАК ОНА УМЕРЛА ОТ ЛЮБВИ ❧ — Господин мой сэр Ланселот, я вижу, что вы собрались оставить меня. Прошу вас, любезный и учтивый рыцарь,— сказала она,— сжальтесь надо мною и не дайте мне умереть от любви к вам.

— Что же вам от меня угодно? — спросил сэр Ланселот.

— Сэр, я хочу, чтобы вы были моим мужем,— отвечала Элейна.

— Прекрасная девица, я благодарю вас от всего сердца,— сказал сэр Ланселот.— Но право,— сказал он,— я издавна решился никогда не жениться.

— Тогда, любезный рыцарь,— сказала она,— быть может, вы согласитесь стать моим возлюбленным?

— Упаси меня Иисусе! — воскликнул сэр Лан-

селот.— Ведь я отплатил бы великим злом отцу вашему и брату за их доброту.
— Увы! — сказала она,— в таком случае мне придется умереть от любви к вам.
— Нет, не должно вам умирать,— сказал сэр Ланселот,— ибо да будет известно вам, прекрасная девица, что, захоти я, я мог бы давно жениться, но я никогда не думал о женитьбе. Но раз вы, любезная девица, говорите, что так меня любите, я за доброту вашу и заботу тоже отплачу вам добром. Я назначу вам и тому рыцарю, кому вы отдадите свое сердце и кто станет вам мужем, тысячу фунтов в год, и вам и вашим наследникам. Все это я дарю вам, любезная девица, за вашу доброту, и покуда я жив, всегда буду вашим верным рыцарем.
— Сэр,— отвечала девица,— ничего этого мне не надобно, ибо если вы не женитесь на мне или, на худой конец, не согласитесь быть моим возлюбленным, то знайте, сэр Ланселот, что дни мои сочтены.
— Прекрасная девица,— сказал сэр Ланселот,— и от того и от этого, прошу вас, меня увольте.
Тут она вскрикнула пронзительным голосом и упала в обморок, и женщины унесли ее в ее покои, и там она убивалась прегорестным образом. А сэр Ланселот между тем собрался уезжать и стал спрашивать сэра Лавейна, что он намерен делать.
— Сэр, что же еще мне делать,— отвечал сэр Лавейн,— как не последовать за вами, если только вы не прогоните меня от себя или не прикажете вас покинуть.
Тем временем явился к сэру Ланселоту сэр Барнард и сказал ему:
— Вижу я, что из-за вас моя дочь умрет.
— Сэр, я в этом не повинен,— отвечал сэр Ланселот,— и весьма об ней сожалею, вы ведь и сами можете подтвердить, я предложил ей щедрый дар. И я от души сожалею,— сказал сэр Ланселот,— что она так сильно меня любит, ибо я этого вовсе не хотел, ваш сын подтвердит, что ни в начале, ни потом я не соблазнял ее ни подарками, ни клятвами. И что до меня,— сказал сэр Ланселот,— я всегда готов доказать в бою, как пристало рыцарю, что она для меня — непорочная девица, и на деле и в помыслах. И горе ее меня весьма печалит. Ибо она девица собой прекраснейшая, добрая и ласковая и всему обученная.
— Отец,— сказал сэр Лавейн,— ручаюсь, что она осталась чиста у господина моего сэра Ланселота; но с ней случилось то же, что и со мной, ведь и я, как увидел первый раз господина моего сэра Ланселота, так с тех пор и не в силах с ним расстаться, и ничего мне другого не надо, как только следовать повсюду за ним.
Вот сэр Ланселот простился со старым бароном, и они пустились в путь и добрались до Винчестера.
Когда же король Артур узнал, что сэр Ланселот возвратился жив и здоров, то не было конца его радости. Радовались его приезду и сэр Гавейн и все рыцари Круглого Стола, кроме сэра Агравейна и сэра Мордреда. И еще королева Гвиневера, она по-прежнему гневалась на сэра Ланселота и ни за что не хотела с ним разговаривать и совсем от него отдалилась.

А сэр Ланселот испробовал все средства, чтобы склонить королеву выслушать его, но все понапрасну.

А теперь мы поведем речь о Прекрасной Деве из Астолата, которая денно и нощно предавалась столь жестокой печали, что не ела, не пила, не спала, но все время жаловалась и вздыхала по сэру Ланселоту. Так прожила она десять дней и обессилела до того, что настал ее смертный час. Она исповедалась перед смертью и приняла последнее причастие. Но все время не переставала она повторять свои любовные жалобы. Тогда святой отец велел ей оставить такие мысли. Но она отвечала ему так:

— Отчего должна я оставить эти мысли? Разве я не земная женщина? И покуда дыхание есть в моем теле, я стану твердить мои жалобы, ибо я верю, в том нет греха перед богом, что я люблю земного мужчину, ибо для того и создал меня господь, и всякая праведная любовь приходит от него. Я же иначе как праведной любовью не любила сэра Ланселота Озерного. И бог свидетель, кроме него, я никого не любила и не полюблю на этом свете. Я осталась непорочной девственницей перед ним и перед всеми остальными. И раз уж такова воля божия, чтобы мне умереть от любви к столь благородному рыцарю, я молю тебя, отец небесный, помилуй меня и душу мою, и пусть за бесчисленные муки, что я сейчас приемлю, мне простится часть моих прегрешений. Ибо, милосердный господи Иисусе,— сказала прекрасная девица,— свидетель бог, что я ни в чем не преступала против тебя и твоих законов, а только любила без меры лучшего из рыцарей, сэра Ланселота. И не было у меня силы, господи милостивый, выдержать эту горячую любовь, и оттого ныне пришла моя смерть!

Тут она призвала к себе отца своего сэра Барнарда и брата сэра Тиррея и просила отца слезно, чтобы брат ее написал письмо словно бы от ее имени, и отец дал на то свое согласие. И когда письмо было написано, слово в слово так, как она задумала, она попросила отца, чтобы у ее ложа сидели, пока она не умрет.

— И пока тело мое еще будет теплым, пусть вложат эту запись в мою правую руку, сложат пальцы и обвяжут крепко, и так пусть останется, пока я не закоченею. А тогда пусть уложат меня на богатом ложе и затянут его всеми этими дорогими тканями, и пусть отвезет меня колесница прямо с ложем к берегу Темзы, а там пусть поставят меня в барку и пошлют со мною одного человека, кому вы всех более доверяете, чтобы провел барку вниз по течению, и пусть моя барка вся будет затянута черными шелками. И все это, отец мой, молю вас исполнить.

Отец ее обещал ей, что все будет сделано по ее замыслу. И после того отец и брат стали горько плакать над нею и убиваться. А когда они ее оплакали, она вздохнула последний раз и умерла.

И тогда тело ее вместе с ложем отвезли ближним путем на берег Темзы, и там спустили тело на воду, и с ним кормчего и все, как она замыслила. И кормчий привел барку к Вестминстеру, а там она долго качалась и билась на волнах, прежде чем кто-либо успел ее заметить.



КАК ТЕЛО ПРЕКРАСНОЙ ДЕВЫ ИЗ АСТОЛАТА ПРИПЛЫЛО К КОРОЛЮ АРТУРУ, И КАК ЕГО ПРЕДАЛИ ЗЕМЛЕ, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ЗАКАЗАЛ МЕССУ

❧ Но, по воле случая, как-то король Артур и королева Гвиневера у окна беседовали меж собою, и когда они взглянули на Темзу, то заметили на воде черную барку и подивились, что бы это могло означать. Король призвал сэра Кэя и показал ему барку.

— Сэр,— сказал сэр Кэй,— уж верно, нас ждут какие-то известия.

— Ну что ж, отправляйтесь туда,— сказал король сэру Кэю,— и возьмите с собою сэра Бранделя и сэра Агравейна и привезите мне оттуда верные вести.

Собрались эти три рыцаря, спустились к берегу и взошли на барку. И там они нашли труп прекраснейшей девушки, лежащий на роскошнейшем ложе, какое только приходилось им в жизни видеть, а на корме сидел бедный человек, но он не сказал им ни слова. С тем трое рыцарей возвратились к королю и рассказали ему обо всем, что видели.

— Эту прекрасную покойницу я хочу увидеть,— сказал король Артур. И взял он за руку королеву и пошел к реке. Он повелел причалить барку и взошел на нее вместе с королевой и кое-кем из рыцарей. И там увидели они чудесную красавицу на богато убранном ложе, до пояса покрытую роскошными тканями и златотканной парчой. Она лежала и словно бы усмехалась.

Вдруг заметила королева в ее правой руке письмо и сказала об этом королю.

Король вынул письмо и сказал так:

— Я полагаю, что письмо откроет нам, кто она такая и почему очутилась здесь.

И король с королевой вышли из барки, оставив там людей сторожить тело. И когда возвратились они в свои покои, то король созвал своих рыцарей и объявил, что желает при всех узнать, что написано в том письме. И с тем король вскрыл его и передал писцу, чтобы он прочел его вслух.

И вот что значилось в том письме:

«Благороднейший рыцарь, господин мой сэр Ланселот, смерть из-за любви к вам встала между вами и мной, которая вас любила и которую люди звали Прекрасной Девой из Астолата. И потому с любовной жалобой моею я обращаюсь ко всем дамам, вы же молитесь за мою душу и позаботьтесь хотя бы о том, чтобы меня похоронили, закажите по мне погребальную службу,— такова моя последняя просьба. Умерла же я непорочной девственницей, в чем господь мой свидетель. Молись же за мою душу, сэр Ланселот, как есть ты несравненный среди рыцарей».

Вот и все, что было написано в том письме. И когда его огласили, то

король, королева и все рыцари плакали от жалости над ее горькими страданиями. Потом послали за сэром Ланселотом, и когда он явился, король Артур велел, чтобы для него еще раз прочитали письмо.

Выслушал его сэр Ланселот от первого до последнего слова и сказал так:

— Господин мой Артур, знайте, что я всем сердцем сокрушаюсь из-за смерти этой прекрасной дамы. Видит бог, не моей волею я стал виновником ее смерти, и это вам подтвердит родной брат ее сэр Лавейн, который находится здесь со мною. Я не спорю,— сказал сэр Ланселот,— она была и прекрасна собой и добра нравом, и я ей многим обязан, но она любила меня сверх меры.

— Сэр,— сказала королева,— вы могли бы явить ей больше учтивости и доброты и тем спасти ее от смерти.

— Госпожа,— отвечал сэр Ланселот,— она ничем не соглашалась удовлетвориться, как только тем, чтобы стать мне женой или возлюбленной, а я ни в том, ни в другом не мог согласиться с ее желанием. Но я предложил ей в награду за доброту ее и заботу тысячу фунтов в год ей и ее наследникам, и чтобы она обвенчалась с каким угодно рыцарем, какого она ни найдет достойным своей любви. Ибо я, госпожа,— сказал сэр Ланселот,— не люблю принуждения в любви, потому что любовь должна рождаться в сердце сама, но не по принуждению.

— Это правда, сэр,— сказал король Артур,— любовь рыцарей свободна и независима и не терпит оков; а где она несвободна, там она пропадает.

И еще сказал король сэру Ланселоту:

— Сэр, ваша честь требует от вас, позаботьтесь, чтобы ее достойным образом предали земле.

— Сэр,— отвечал сэр Ланселот,— это будет сделано наилучшим, какой только смогу я измыслить, способом.

После этого многие рыцари отправились к реке посмотреть мертвую девицу, утром же ее богато похоронили. Сэр Ланселот заказал по ней заупокойную службу, и все рыцари Круглого Стола, которые были там на похоронах, тоже внесли от себя деньги на помин ее души. А бедный кормчий со своей баркой пустился в обратный путь.

Королева же послала за сэром Ланселотом и просила у него прощения за свой беспричинный гнев.

— Это не в первый раз,— сказал сэр Ланселот,— что вы гневаетесь на меня беспричинно. И всякий раз, госпожа, я сношу от вас все, вы же знать не хотите о страданиях, которые я терплю.

А время шло, и так миновала зима, среди охот и ловитв; и немало турниров и поединков было в тот год между великими лордами. И всегда и везде отличался в бранных трудах сэр Лавейн, так что слава его благородная утвердилась между рыцарями Круглого Стола.



О ПОЕДИНКАХ, ПРОИСХОДИВШИХ НА РОЖДЕСТВО, И О БОЛЬШОМ ТУРНИРЕ, ОБЪЯВЛЕННОМ КОРОЛЕМ АРТУРОМ, И О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ ❧ Наступило Рождество, и к Рождеству каждый день устраивали поединки и состязания на алмаз: кто одерживал верх, получал алмаз в награду. Но сэр Ланселот отказывался выступать, пока не объявят большого турнира; а сэр Лавейн сражался в каждом рождественском состязании и отличился немало, и все его хвалили, ибо мало кто еще отличился так, как он. И оттого многие рыцари считали, что сэра Лавейна должно возвести в рыцари Круглого Стола в будущий праздник Пятидесятницы.

После Рождества король Артур призвал к себе многих своих рыцарей, и вместе они решили устроить празднество и большой турнир с поединками. Король Северного Уэльса объявил королю Артуру, что на его стороне выступит король Ангвисанс Ирландский, и Король-с-Сотней-Рыцарей, и король Нортумберландский и сэр Галахальт-Высокородный Принц. Эти четыре короля и один могущественный герцог будут на турнире противниками короля Артура и рыцарей Круглого Стола.

И крикнули повсеместно клич, что турнир состоится близ Вестминстера на праздник Сретенья Господня, и все рыцари обрадовались и стали готовиться и собираться на турнир.

А королева Гвиневера послала за сэром Ланселотом и сказала ему королева так:

— Повелеваю вам не являться более на турниры и поединки тайно от ваших сородичей и не узнанным ими, для предстоящего турнира я дам вам мой золотой рукав. И заклинаю вас, ради меня, не жалейте сил, дабы о вас опять говорили с почтением. Но смотрите, если дорога вам моя любовь, пусть ваши сородичи знают, что во время турнира у вас будет мой золотой рукав.

— Госпожа,— отвечал сэр Ланселот,— я все исполню.

И они оба радовались от души своему согласию и своей любви. И вот, выждав, сколько было нужно, сэр Ланселот сказал сэру Борсу, что уезжает с одним лишь сэром Лавейном к доброму отшельнику по имени сэр Брастиас, который жил в Виндзорском лесу. Там думал он отдохнуть и набраться свежих сил к предстоявшему турниру.

Вот отбыли сэр Ланселот и сэр Лавейн, да так, что ни одна живая душа не ведала, куда они исчезли, кроме лишь добрых рыцарей — его родичей. И когда он прибыл к отшельнику, знайте, что уж конечно он был встречен с радушием. И там сэр Ланселот каждый божий день стал ходить к источнику, что был неподалеку от дома отшельника, ложился над водою и подолгу лежал, любуясь бурлящей струей, а порой погружаясь в сон.

А в те времена жила в Виндзорском лесу одна дама, она была искусная охотница и всякий день выезжала на охоту. Она носила на плече лук, и ее никогда не сопровождали мужчины, но только женщины, и все они были искусницы стрелять из луков и легко могли убить оленя что на скаку, что из засады. Всякий день они возили с собою луки, стрелы, охотничьи рога и ножи, и было у них много добрых псов, натасканных и гонять и задирать зверя.

И вот однажды пес этой леди-охотницы поднял и погнал на нее яловую лань, а лань та ушла в сторону и помчалась по лесам и лугам. Леди же и ее дамы гнались вслед за ланью, пока не услышали, наконец, по собачьему голосу, что лань настигнута за лесом у ручья. А это был тот самый ручей, у которого проводил время сэр Ланселот во сне и дремоте. А лань, когда выскочила к ручью, то, разгоряченная, залегла в грязи у самой воды. Между тем показался и пес и стал шарить вокруг, потеряв у ручья след дичи. А вслед за псом появилась и леди-охотница, и она сразу догадалась, что лань залегла где-то здесь в грязи у воды. Она подъехала прямо к ручью и увидела лань. В тот же миг положила она на лук стрелу с тяжелым наконечником, пустила ее, но стрела, на беду, перелетела через лань и вонзилась по самое древко прямо в мякоть бедра сэру Ланселоту.

Почуя боль, вскочил сэр Ланселот в бешеной ярости, но увидел, что рану ему нанесла женщина. И видя, что обидчик его — дама, сказал ей сэр Ланселот так:

— О дама, или девица, кто бы вы ни были, в недобрый час взяли вы в руки этот лук. Дьявол научил вас стрелять!



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ, ПОЛУЧИВ РАНУ ИЗ-ЗА ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ, ОТПРАВИЛСЯ К ОТШЕЛЬНИКУ, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ

— Простите меня, великодушный сэр,— сказала та леди.— Я — благородная дама и всегда охочусь в здешних лесах, вас же, свидетель бог, я не заметила, ведь я целилась вон в ту лань, что залегла у воды. Я не думала, что могу промахнуться, но, видно, дрогнула у меня рука.

— Увы,— сказал сэр Ланселот,— вы причинили мне зло.

С тем ускакала от него леди-охотница прочь. А сэр Ланселот, как смог, вытащил стрелу из раны, но наконечник застрял у него в теле. И побрел сэр Ланселот, ковыляя, к дому отшельника, на ходу истекая кровью. И когда сэр Лавейн и отшельник увидели, что случилось с сэром Ланселотом, уж конечно они жестоко опечалились. Как был ранен сэр Ланселот и кем, этого сэр Лавейн не узнал, но они оба были разгневаны без меры. С большими муками извлек отшельник наконечник стрелы у сэра Ланселота из бедра, и пролилось при этом немало рыцаревой крови.

Но рана продолжала причинять ему жестокую боль, и была она в столь неудобном месте, что сэр Ланселот не мог сидеть ни в одном седле.

— О, Иисусе милосердный! — воскликнул сэр Ланселот,— воистину я несчастнейший из живущих, ибо как раз, когда мне так желанна слава, со мною непременно случается какая-нибудь незадача. Однако, да поможет мне Иисус,— сказал сэр Ланселот,— пусть будет, что будет, но на этот раз я на праздник Сретенья господня все же буду в назначенный час на турнирном поле, и да свершится воля божия!

И собраны были все средства для излечения сэра Ланселота. Когда же настал день турнира, сэр Ланселот распорядился, чтобы он сам, и сэр Лавейн, и кони под ними были в облачении сарацинском. И в таком виде они пустились в путь и подъехали к назначенному месту.

У короля Северного Уэльса было на турнире сто рыцарей, и король Нортумберландский привел с собою сотню добрых рыцарей, и король Ангвисанс Ирландский тоже привел сотню добрых рыцарей, готовых к бою. Сотню рыцарей привел с собою и сэр Галахальт-Высокородный Принц, и Король-с-Сотней-Рыцарей привел столько же, и все это были добрые рыцари, испытанные в ратном деле.

Вслед за тем выехала на поле партия короля Артура, а заодно с ним выступали король скоттов и с ним сто рыцарей, и король страны Гоор Уриенс со своей сотней рыцарей, король Бретани Хоуэлл и с ним столько же рыцарей, а также герцог Чаленс Кларанский и с ним тоже сотня рыцарей.

Сам же король Артур выехал на поле с двумя сотнями рыцарей, почти все — рыцари Круглого Стола, бывалые и славные бойцы. А на подмостьях расположились старые рыцари, чтобы судить вместе с королевой, кто одержит верх на турнире.



КАК ПРЕУСПЕЛ НА ТУРНИРЕ СЭР ЛАНСЕЛОТ, А ТАКЖЕ И ДРУГИЕ РЫЦАРИ ❧

Вот затрубили к бою. И выехал король Северного Уэльса и повстречался с королем скоттов, и был король скоттов повержен на землю. А король Ирландии сокрушил короля Уриенса, король Нортумберландии сокрушил короля Хоуэлла Бретонского, и сэр Галахальт-Высокородный Принц выбил из седла герцога Чаленса Кларанского. Тут разъярился король Артур, он ринулся на Короля-с-Сотней-Рыцарей и поверг его наземь. А затем, не меняя копья, он сокрушил еще троих рыцарей, и лишь тогда сломалось его копье, но он продолжал свершать чудесные подвиги.

Вслед за тем выехали на поле сэр Гавейн, сэр Гахерис, сэр Агравейн и сэр Мордред, и каждый из них сокрушил по рыцарю, а сэр Гавейн положил четверых. И началось тут большое сра-

жение, ибо выехали на поле рыцари из Ланселотова рода и с ними сэр Гарет, и сэр Паломид, и еще многие рыцари Круглого Стола. Они стали так наседать на четырех королей и могущественного герцога, что тем уже не на шутку грозило поражение. Но сэр Галахальт-Высокородный Принц был доблестный рыцарь, и силою своего оружия он сдерживал продвижение рыцарей Круглого Стола.

Все это видит из леса сэр Ланселот, и вот будто гром грянул — это он выехал на поле вместе с сэром Лавейном. И лишь только увидели его сэр Борс и остальные рыцари, они поспешили предостеречь своих товарищей:

— Смотрите, берегитесь вон того рыцаря с золотым рукавом на шлеме, ибо это сам господин наш сэр Ланселот.

По доброте своей сэр Борс предостерег и сэра Гарета.

— Сэр, я вознагражден уже тем,— отвечал сэр Гарет,— что могу с ним встретиться.

— Но кто же это,— спрашивали все,— там вместе с ним, облаченный в такие же одежды?

— Сэр, это доблестный и учтивый рыцарь сэр Лавейн,— отвечал сэр Борс.

Между тем сэр Ланселот встретился лицом к лицу с сэром Гавейном, и сэр Ланселот с разлета сбил наземь сэра Гавейна вместе с его конем. И так же сокрушил он сэра Агравейна и сэра Гахериса, сокрушил он и сэра Мордреда — и все одним копьем.

А сэр Лавейн встретился с сэром Паломидом, и они сшиблись так яростно и сильно, что под обоими кони рухнули на землю. Но они тут же вскочили и снова взобрались в седла.

Затем сэр Ланселот съехался с сэром Паломидом, и сэр Паломид оказался повержен наземь. Сэр же Ланселот, не останавливаясь, помчался дальше и, на ходу меняя сломанные копья, поверг наземь тридцать рыцарей, почти все — рыцарей Круглого Стола. Одни только его родичи уклонялись от столкновений с ним и бились в другом конце поля, куда не заезжал сэр Ланселот.

А король Артур разгневался, видя подвиги сэра Ланселота, и призвал король к себе сэра Гавейна, сэра Гахериса, сэра Агравейна, сэра Мордреда, сэра Кэя, сэра Грифлета, сэра Лукана-Дворецкого, сэра Бедивера, сэра Паломида и сэра Сафира, его брата. И с этими десятью добрыми рыцарями король приготовился выступить против сэра Ланселота и сэра Лавейна.

Но все это заметили сэр Борс и сэр Гарет.

— Боюсь,— сказал сэр Борс,— что теперь господину моему сэру Ланселоту придется тяжко.

— Клянусь головой,— сказал сэр Гарет,— я поскачу на подмогу господину моему сэру Ланселоту, что бы меня ни ждало. Ведь это он посвятил меня в рыцари.

— Нет, сэр, мой вам совет — не делайте этого,— сказал сэр Борс,— если только вы не переоденетесь так, чтобы никто не мог вас узнать.

— Сэр, вы сейчас увидите, что я сделаю,— отвечал сэр Гарет.

И с тем, осмотревшись, он заметил одного уэльского рыцаря, отдыхавшего на краю поля, ибо незадолго перед тем он получил жестокую рану от руки сэра Гавейна. К нему-то и подъехал сэр Гарет и просил его рыцарской его честью обменяться с ним щитами.

— Я готов и с охотою,— отвечал рыцарь из Уэльса.

И когда сэр Гарет взял его щит — в Книге говорится, что щит тот был зеленый с фигурой девы на зеленом поле,— в тот же миг помчался сэр Гарет на полном скаку к сэру Ланселоту и крикнул ему:

— Сэр рыцарь, берегитесь, ибо вон оттуда скачет на вас король Артур с десятью славными рыцарями и хочет нанести вам поражение. Я же прибыл сюда разделить с вами опасность, ибо когда-то вы выказали мне дружескую любовь.

— Грамерси,— отвечал сэр Ланселот.

— Вы, сэр,— сказал сэр Гарет,— выезжайте навстречу сэру Гавейну, я же схвачусь с сэром Паломидом, а сэр Лавейн пусть начинает бой с благородным королем Артуром. Когда же мы разделаемся с этими тремя, то будем все трое твердо держаться вместе.

Меж тем приблизился король Артур со своими десятью рыцарями, и сэр Ланселот выехал против сэра Гавейна и нанес ему такой удар, что у того лопнула подпруга седла, и рухнул сэр Гавейн на землю. А сэр Гарет сшибся на скаку с сэром Паломидом и так ударил на него, что рухнули наземь и конь и всадник. Король же Артур оказался лицом к лицу с сэром Лавейном, и они повергли друг друга наземь вместе с конями и долго оба пролежали, не в силах подняться.

После того сэр Ланселот сокрушил еще сэра Агравейна, и сэра Гахериса. и сэра Мордреда; а сэр Гарет поверг с коней сэра Кэя, сэра Сафира и сэра Грифлета.

Тем временем сэр Лавейн снова сел на коня и ринулся в бой и поверг сэра Лукана-Дворецкого и сэра Бедивера, и началось тут великое сражение доблестных рыцарей. Сэр Ланселот носился в гуще битвы туда и сюда, срывая и сбивая с голов шлемы, так что ни один не мог удержаться в седле, испытав удар Ланселотова копья или меча.

И сэр Гарет свершал столь славные подвиги, что все рыцари гадали, кто таков этот рыцарь с зеленым щитом, ибо он в тот день повыбил и стянул с седел более тридцати рыцарей. И сам сэр Ланселот, повествуется во Французской Книге, тоже дивился, видя доблесть сэра Гарета, и гадал, что он за рыцарь. И сэр Ланселот тоже поверг в тот день более двадцати рыцарей. Но как ни ломал голову сэр Ланселот, не мог он узнать сэра Гарета; ибо будь тогда в живых сэр Тристрам Лионский или же сэр Ламорак Уэльский, сэр Ланселот сказал бы, что это — один из них двоих. Но все время, пока сэр Ланселот, сэр Гарет и сэр Лавейн сражались на одной стороне, сэр Борс, сэр Эктор Окраинный, сэр Лионель, сэр Блеоберис, сэр Галихуд, сэр Галиходин и сэр Пелеас и еще многие рыцари из рода короля Бана бились на другой стороне и сдерживали натиск Короля-с-Сотней-Рыцарей и короля Нортумберландского.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ВЕСЬМА ДИВИЛСЯ ХОДУ ТУРНИРА, И КАК ОН ПОСКАКАЛ НА ПОЛЕ И НАШЕЛ СЭРА ЛАНСЕЛОТА

Так продолжался турнир чуть не до ночи, ибо рыцари Круглого Стола один за другим устремлялись на подмогу к королю Артуру. Но как ни гневался король, он и его рыцари не в силах были одержать верх. Наконец, сказал королю сэр Гавейн:

— Сэр, удивительно мне, где это пропадают сегодня целый день сэр Борс Ганский и все остальные рыцари из Ланселотова рода? Их вовсе не видно подле вас, и я полагаю, что этому есть своя причина,— сказал сэр Гавейн.

— Клянусь головой,— сказал сэр Кэй,— сэр Борс нынче весь день сражается вон там, в правой стороне поля, и там он со своими родичами преуспевает получше нашего.

— Возможно, что и так,— сказал сэр Гавейн,— но я опасаюсь хитрости. Ибо жизнью ручаюсь, этот рыцарь с золотым рукавом на шлеме — сам сэр Ланселот, я вижу это по его посадке и по могучим ударам. Второй рыцарь в таком же облачении — это добрый юный рыцарь сэр Лавейн, а рыцарь с зеленым щитом — это мой брат сэр Гарет, скрывшийся под чужим обличием; его никто не заставит выступить против сэра Ланселота, ибо от него он получил посвящение в рыцари.

— Клянусь головой, племянник,— сказал король Артур,— я вам верю. И потому скажите, как вы советуете нам поступить.

— Сэр,— отвечал сэр Гавейн,— мой совет вам трубить к окончанию турнира. Ибо если это в самом деле сэр Ланселот Озерный и мой брат сэр Гарет, и с ними еще этот добрый юный рыцарь сэр Лавейн, то уж верьте мне, драться с ними бесполезно, пока у нас не будет по десять — двенадцать рыцарей против каждого из них, а это будет нам не честь, но позор.

— Правду вы говорите,— сказал король,— позор был бы нам, если мы все, сколько нас тут есть, стали бы и дальше наседать на них. Ибо знайте,— сказал король Артур,— они все трое добрые рыцари, в особенности же тот, что с золотым рукавом на шлеме.

И вот затрубили к окончанию турнира, и тотчас же король Артур послал к четырем королям и к герцогу и просил их, чтобы они не отпускали рыцаря с золотым рукавом, покуда он, король Артур, не побеседует с ним. Сам же король, не тратя времени, спешился и снял тяжелые доспехи, и сел он на низкорослую лошадь и поехал туда, где находился сэр Ланселот, за которым он все время следил. Он застал его вместе с четырьмя королями и с герцогом, и всех их король пригласил к себе на ужин. И они приняли приглашение с доброй охотою. Когда же явились они без доспехов, король Артур сразу узнал сэра Ланселота, сэра Гарета и сэра Лавейна.

— А, сэр Ланселот! — сказал король Артур,— вы нынче заставили попотеть меня и моих рыцарей!

И так они все вместе отправились к королю Артуру, а там их ждало богатое пиршество и великое веселье. И победителем турнира был провозглашен сэр Ланселот, ибо герольды объявили, что он сокрушил пятьдесят рыцарей, а сэр Гарет — тридцать пять рыцарей, и сэр Лавейн — двадцать четыре. И рассказал сэр Ланселот королю с королевой о том, как в Виндзорском лесу его ранила тяжелой стрелой в мякоть бедра леди-охотница и о том, что рана его была в шесть дюймов глубиной и такой же ширины. А король Артур стал укорять сэра Гарета в том, что он оставил своих и держал сторону сэра Ланселота.

— Государь,— отвечал сэр Гарет,— от него получил я посвящение в рыцари, и когда я увидел, какая ему грозит опасность, я подумал, что честь велит мне выступить ему на подмогу. Ибо я видел, как он свершал один славные подвиги, а против него билось столь много благородных рыцарей, что когда я узнал в нем сэра Ланселота Озерного, мне стыдно было смотреть.

— Воистину,— молвил король Артур,— хорошо вы говорите и поступили вы по чести и себе на славу. Знайте же, что до конца дней моих,— сказал король Артур сэру Гарету,— я буду любить вас и во всем вам доверять. Ибо для настоящего рыцаря это всегда первое дело — придти на помощь другому рыцарю, которому грозит опасность. Ведь честный человек не может смотреть спокойно, как оскорбляют другого честного человека, от того же, кто бесчестен и труслив, не увидишь рыцарской учтивости и вежества, ибо трус не знает милосердия. А хороший человек всегда поступает с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с ним.

После того устроено было для королей и герцогов великое пиршество и веселие с играми, состязаниями и со всеми благородными искусствами. И всякий, кто был учтив, честен и верен другу, был в те дни обласкан и прославлен.



КАК ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ УПОДОБЛЯЕТСЯ ЛЕТУ ❧ Так прошло время от Сретения до Пасхи[4], и наступил месяц май, когда всякое живое сердце пробуждается и расцветает. Ибо подобно тому, как наливаются соками и цветут в мае деревья и травы, точно так же и всякое горячее любящее сердце дает новые побеги, наливается соками, распускается и цветет радостью жизни. Потому что веселый месяц май поощряет всех влюбленных более, чем какой-либо другой месяц, и тому есть разные причины: ведь как деревья и травы возрождают сердца женщин и мужчин, так же и влюбленные припоминают прежние ласки и былую учтивость и все хорошее, что было раньше, но без внимания забылось.

И как зимние стужи всегда побеждают и изгоняют зеленое лето, так же бывает и с непостоян-

ной любовью в сердце женщины и мужчины, ибо многим людям свойственно непостоянство: мы всякий день видим, как с первым же дыханием зимних холодов забывают и забрасывают, как безделицу, старую любовь, которая на самом деле драгоценна. И в этом нет мудрости и постоянства, а лишь слабосилие натуры и великое нечестие, кто бы так ни поступал.

И потому, как месяц май цветет пышным цветом у каждого в саду, подобным же образом пусть расцветает в этом мире сердце каждого, кому дорога честь: прежде всего любовью к богу, а потом и ко всем тем, кому ты клялся в верности; ибо не было еще на свете честного мужчины, ни честной женщины, которым кто-то не был бы дороже остальных, а честью пренебрегать нельзя. Но прежде всего воздай почести богу, а потом пусть твои мысли будут о твоей даме. И такую любовь я называю праведной любовью.

Но в наши дни люди и недели не могут любить, чтобы не удовлетворить всех своих желаний. Такая любовь недолга, и это понятно: когда так скоро и поспешно наступает согласие, столь же скоро приходит и охлаждение. Именно такова любовь в наши дни: скоро вспыхивает, скоро и гаснет. Нет в ней постоянства. Но не такой была старая любовь. Мужчины и женщины могли любить друг друга семь лет кряду, и не было промеж ними плотской страсти; а это и есть любовь, истинная и верная. Вот такой и была любовь во времена короля Артура.

Потому-то я и уподобил любовь в наши дни лету и зиме: нынче она горяча, как лето, завтра холодна, как зима. И потому все вы, влюбленные, отмечайте всегда наступление месяца мая, как делала и королева Гвиневера, о которой я здесь скажу, что до конца дней ее она была постоянной в любви и за то ей уготован был добрый конец.



XIX

КАК КОРОЛЕВА ГВИНЕВЕРА ВЫЕХАЛА МАЙСКИМ ПОЕЗДОМ В СОПРОВОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ РЫЦАРЕЙ КРУГЛОГО СТОЛА, И БЫЛИ ВСЕ ОБЛАЧЕНЫ В ЗЕЛЕНОЕ

Chapter i.

СЛУЧИЛОСЬ ТАК, что в начале мая королева Гвиневера призвала к себе десять рыцарей Круглого Стола и объявила им, что назавтра рано поутру она отправится майским поездом[5] по лесам и лугам близ Вестминстера

— Повелеваю вам чтобы каждый из вас явился на добром коне и с ног до головы облаченный в зеленое, в шелк или полотно. Со мною же поедут десять дам, так что каждому рыцарю будет дама Только пусть каждого рыцаря сопровождает оруженосец и двое прислужников, и повелеваю всем им явиться верхами на добрых конях.

И вот снарядились они к выезду со всем возможным тщанием Имена же тех десяти рыцарей таковы: сэр Кэй-Сенешаль, сэр

Агравейн, сэр Брандель, сэр Саграмур Желанный, сэр Додинас Свирепый, сэр Озанна-Храброе Сердце, сэр Ладинас-из-Дикого-Леса, сэр Персиант Индийский, сэр Иронсид-Железный Бок по прозвищу Рыцарь Красного Поля и сэр Пелеас Влюбленный. И все эти десять рыцарей со всем тщанием снарядились сопровождать королеву.

И вот ранним майским утром, еще до света, они уселись на коней своих и вместе с королевой отправились майским поездом и скакали, не разбирая пути, через леса и луга, с шутками и весельем. А в десять часов, самое позднее, королева хотела возвратиться к королю Артуру, так что к десяти часам назначено было окончание их поездки.

Но был один рыцарь по имени сэр Мелегант, сын короля Багдемагуса, и этот рыцарь получил в те дни в дар от короля Артура замок не далее как в семи милях от Вестминстера. А этот рыцарь сэр Мелегант уже многие годы питал любовь к королеве Гвиневере. И как повествуется в Книге, он постоянно устраивал засады, чтобы силою захватить королеву, но ни разу не отважился напасть из-за сэра Ланселота, ибо он не решался тронуть королеву, если с нею рядом или же где-то поблизости ехал сэр Ланселот.

А в те дни был такой обычай, что королева никогда не ездила без сопровождения целой рати вооруженных рыцарей. То были добрые рыцари, все больше молодые, искавшие чести, и их называли Рыцари Королевы. И никогда, ни в битвах, ни в поединках, они не носили никаких своих значков, но лишь гладкие белые щиты, за что и было им дано прозвище Рыцари Королевы. И когда кому-либо из них случалось всех более отличиться в бранном деле, тогда в ближайший праздник Пятидесятницы, если умирал или погибал в бою кто-нибудь из рыцарей Круглого Стола — а в те времена не проходило года, чтобы хоть одним рыцарем да не стало меньше,— и тогда на освободившееся место избирался достойнейший из Рыцарей Королевы. Так был избран еще задолго до того, как прославился, и сэр Ланселот, и все остальные тоже.

Но тот рыцарь, сэр Мелегант, выследил майский поезд королевы, разузнал и о том, куда она направляется, и о том, что сэра Ланселота при ней нет, а сопровождают ее лишь десять рыцарей, облаченные в зеленые одежды ради летнего праздника. И собрал он двадцать вооруженных рыцарей и сотню лучников и приготовился напасть на королеву и ее поезд, ибо он рассудил, что это — самое удобное время, чтобы завладеть королевой.



КАК СЭР МЕЛЕГАНТ ЗАХВАТИЛ КОРОЛЕВУ И ВСЕХ ЕЕ РЫЦАРЕЙ, ПОНЕСШИХ В СХВАТКЕ ТЯЖЕЛЫЕ УВЕЧЬЯ ❧ И вот скачет по лесу королева со своими рыцарями, изукрашенными с ног до головы зелеными уборами из трав, мхов и цветов, и вдруг выскакивает из рощи им наперерез сэр Мелегант со ста шестьюдесятью людьми, все в полном боевом снаряжении, и крикнул он королеве и ее рыцарям, чтобы они остановились, ибо, хотят они того или нет, им все равно придется покориться.

— Рыцарь-изменник! — сказала королева Гвиневера,— что ты задумал? Или ты решился опозорить себя навеки? Вспомни, ведь ты — королевский сын и рыцарь Круглого Стола, а ты собрался причинить обиду благородному королю, посвятившему тебя в рыцарство! Ты позоришь рыцарское звание, ты позоришь себя и меня. Но знай, что меня тебе опозорить не удастся никогда, ибо я скорее перережу себе горло, чем позволю тебе меня обесчестить!

— Что до этих ваших речей,— отвечал сэр Мелегант,— то это мы еще увидим. Ибо да будет вам ведомо, госпожа, я уже много лет люблю вас и никогда до сих пор не мог к вам приблизиться. И потому, как бы там ни было, я все равно вас не отпущу.

Тут заговорили все десять благородных рыцарей и сказали в один голос так:

— Сэр Мелегант, знай, что ты погубишь честь свою и покроешь себя позором, да и самую жизнь свою обречешь гибели. Ибо хоть мы и безоружны и числом уступаем сильно твоей дружине,— ибо ты хитро нас здесь подкараулил,— но чем отдавать на бесчестие королеву и самим лишаться чести, мы скорее согласимся жизни свои положить, ибо в противном случае мы были бы опозорены навеки.

И тогда сказал им сэр Мелегант:

— Что ж, готовьтесь, как можете, к бою и защищайте с оружием в руках свою королеву!

Тут десять рыцарей Круглого Стола обнажили мечи, а Мелегантовы рыцари поскакали на них, навесив копья, и десять рыцарей встретили их мужественно и порубили мечами их копья, так что ни одно копье не причинило вреда. После того стали они рубиться на мечах, и вот уже сэр Кэй, сэр Саграмур, сэр Агравейн, сэр Додинас, сэр Ладинас и сэр Озанна повержены наземь с жестокими ранами. Но сэр Брандель и сэр Персиант, сэр Иронсид-Железный Бок и сэр Пелеас бились еще долго и тоже получили ужасные раны, и все эти десятеро рыцарей, прежде чем полегли, зарубили сорок своих противников из числа храбрейших и искуснейших. Когда же увидела королева, что все ее рыцари тяжко ранены и неизбежно будут убиты, тогда заплакала она от жалости и горя и сказала так:

— Сэр Мелегант, не убивай моих благородных рыцарей. И тогда я согласна последовать за тобой, но при том лишь условии, что ты сохранишь им жизнь и не велишь их больше увечить, и пусть они сопровождают меня, куда бы ты меня ни увез. Ибо я предпочту лишить себя жизни, чем следовать за тобою, если этих благородных рыцарей со мной не будет.

— Госпожа,— отвечал сэр Мелегант,— ради вас я согласен, чтобы их препроводили вместе с вами в мой замок при условии, что вы будете мне послушны и покорны.

И крикнула королева тем четырем рыцарям, чтобы они прекратили бой, если они не хотят с нею расставаться.

— Госпожа,— отвечал ей сэр Пелеас,— мы поступим по вашему велению, но что до меня, то жить или умереть — мне теперь все равно.

А этот сэр Пелеас, как говорится во Французской Книге, наносил мечом своим столь могучие удары, что никакие латы не могли их выдержать.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ УСЛЫШАЛ О ТОМ, ЧТО КОРОЛЕВА СХВАЧЕНА, И КАК СЭР МЕЛЕГАНТ УСТРОИЛ ЗАСАДУ НА СЭРА ЛАНСЕЛОТА

Но вот, по велению королевы, они прекратили бой, подняли в седла раненых рыцарей, иных верхами, иных же поперек седла, так что жалко было глядеть.

А сэр Мелегант объявил королеве и всем ее рыцарям, что ни один из них не вправе ее теперь покинуть, ибо он очень боялся, как бы сэр Ланселот Озерный не прознал о том, что произошло. Все это поняла королева, и она тайно призвала к себе одного из своих пажей, дала ему доброго коня и сказала так:

— Улучи минуту, и скачи отсюда прочь прямо к сэру Ланселоту Озерному. Ты передай ему это кольцо и проси его, во имя его любви ко мне, пусть он прибудет сюда и меня спасет, а иначе не видать ему больше меня и любви моей. Да смотри, не жалей коня,— сказала королева,— ни на суше, ни на воде.

И вот улучил отрок удобную минуту, дал коню шпоры и поскакал прочь во весь опор. Видит сэр Мелегант, что сбежал один паж, и он сразу же догадался, что это королева послала его к сэру Ланселоту. Бросились за ним в погоню лучшие всадники, и стреляли ему в спину лучшие стрелки, но отрок ушел от них от всех и вскоре уже скрылся из глаз.

И сказал тогда королеве сэр Мелегант:

— Госпожа, вы затеяли предать меня, но я позабочусь о том, чтобы сэр Ланселот не скоро мог до вас добраться.

И он поскакал с королевой и со всеми рыцарями, поспешая к себе в замок. А по пути сэр Мелегант оставил засаду из лучших лучников, каких только можно было сыскать в тех краях, всего числом в тридцать человек, и приказал им караулить сэра Ланселота.

— И если увидите, что скачет такой-то и такой-то рыцарь на белом коне, то любым способом убейте под ним коня, с ним же самим не вступайте в бой, ибо его одолеть вам не под силу.

После того прибыли они в его замок; но королева ни на минуту не отпускала от себя никого из десяти рыцарей и из своих дам, и они все постоянно были при ней. Ибо в Книге говорится, что сэр Мелегант не осмеливался учинить насилие, боясь сэра Ланселота, который, как он знал, был уже обо всем оповещен.

А отрок, вырвавшись от сэра Мелеганта, в скором времени достиг Вестминстера и разыскал сэра Ланселота. И когда он пересказал сэру Ланселоту, что ему было поручено, и отдал ему королевино кольцо,— Увы! —

воскликнул сэр Ланселот,— я опозорен навеки, если не спасу эту благородную даму от бесчестия!

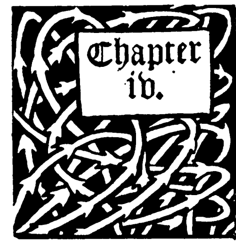
И он громко крикнул, чтобы ему поскорей подали доспехи.

А юный паж поведал сэру Ланселоту о том, как славно бились те десять рыцарей, как всех доблестнее оказались сэр Пелеас, сэр Иронсид-Железный Бок, сэр Брандель и сэр Персиант Индийский, в особенности же — сэр Пелеас, чьи удары не выдерживали никакие латы; и как они сражались до тех пор, покуда все не были повержены; и как королева, ради спасения их жизней, согласилась последовать за сэром Мелегантом.

— Увы! — воскликнул сэр Ланселот,— неужели эта благороднейшая из дам обречена на гибель? Пусть бы мне предложили всю Францию,— сказал сэр Ланселот,— я лучше предпочел бы очутиться тогда подле моей королевы с оружием в руках.

Когда же сэр Ланселот в полных доспехах уже сидел на коне, он попросил королевина пажа пойти к сэру Лавейну и рассказать ему, как и зачем сэр Ланселот столь поспешно уехал.

— И проси его, если он любит меня, пусть поспешит мне вослед и скачет, не переводя духа, пока не достигнет Мелегантова замка. Ибо там,— сказал сэр Ланселот,— он услышит обо мне, если только буду я жив.



КАК БЫЛ УБИТ КОНЬ СЭРА ЛАНСЕЛОТА, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОЕХАЛ В ТЕЛЕГЕ, ДАБЫ СПАСТИ КОРОЛЕВУ ❧ И с тем поскакал сэр Ланселот во весь опор, и в Книге рассказывается, что у Вестминстерского моста он переплыл на коне через Темзу и вышел на том берегу у Лэмбита [6]. И так, в короткое время, он добрался до того самого места, где десятеро благородных рыцарей сражались против сэра Мелеганта.

И дальше сэр Ланселот ехал по их следам, покуда не заехал в рощу, а там, в узком месте, преградили ему путь тридцать лучников и крикнули, чтобы он поворачивал и не ехал дальше этой дорогою.

— А вы кто такие,— спросил сэр Ланселот,— что указываете мне, рыцарю Круглого Стола, где мне сворачивать с моего пути?

— Этим путем нет тебе проезда, разве что пойдешь ты пешком, ибо знай, что конь под тобою будет сейчас убит!

— Невеликая это доблесть — убить под рыцарем коня! — сказал сэр Ланселот.— Но вот что до меня самого, то и без коня я не ставлю вас ни во что, будь вас даже не три десятка, а пять сотен!

И застрелили они из луков Ланселотова коня, поразив его многими стрелами. Высвободил сэр Ланселот ноги из стремян и остался пеш, но их отделяло от него столько плетней и канав, что он не мог до них добраться.

— Увы, позор,— сказал сэр Ланселот,— что один рыцарь предает другого! Но старая пословица говорит: «Доброму человеку грозит лишь тогда опасность, когда он во власти труса».

И зашагал сэр Ланселот дальше пешком, но тяжело ему было итти в доспехах со щитом и с копьем. Сэр Ланселот досадовал и ярился, но бросить что-нибудь из своего снаряжения не решался, ибо опасался предательства сэра Мелеганта.

И вдруг, по воле случая, показался ему навстречу возчик с телегой, приехавший туда за дровами.

— Скажи мне, возчик,— спросил его сэр Ланселот,— много ли ты спросишь с меня за то, чтобы я мог забраться в твою телегу и ты бы доставил меня в замок, что здесь неподалеку?

— Ты не должен залезать ко мне в телегу,— отвечал возчик,— ибо я послан сюда за дровами.

— Для кого же дрова? — спросил сэр Ланселот.

— Для господина моего сэра Мелеганта,— отвечал бедный человек.

— А я как раз с ним и хочу говорить,— сказал сэр Ланселот.

— Но я тебя не повезу! — сказал возчик.

Тогда сэр Ланселот бросился на него и так ударил его тыльной стороной своей латной рукавицы, что он замертво повалился на землю. А второй возчик, его товарищ, боясь, как бы и ему не отправиться той же дорогой, крикнул тогда:

— Не губите мою жизнь, милостивый господин, и я отвезу вас, куда вы пожелаете.

— Тогда велю тебе,— сказал сэр Ланселот,— отвези меня на этой телеге к воротам сэра Мелеганта.

— Забирайтесь же на телегу,— сказал возчик,— и вы вскорости будете на месте.

И припустил возчик галопом, а конь сэра Ланселота поспевал следом за телегой, хотя в теле у него торчало сорок стрел.

А королева Гвиневера более часа сидела со своими дамами в ожидании у верхнего окна. Но вот одна из ее дам заметила рыцаря в доспехах, стоя ехавшего на телеге [7].

— Я вижу, госпожа,— сказала она,— там на телеге рыцаря в добрых доспехах, наверное его везут на повешение.

— Где он? — спросила королева.

Выглянула она из окна и в тот же миг узнала по щиту сэра Ланселота, и увидела она, что за телегой тащится его конь и сам наступает на свои вываливающиеся внутренности.

— Увы! — сказала королева,— теперь я вижу, что хорошо тому, у кого есть верный друг.— Да, да,— сказала королева Гвиневера,— вижу я, что вам пришлось нелегко, если вы едете на телеге.

И упрекнула она ту даму, что сравнила сэра Ланселота с едущим на казнь.

— Воистину, злые то были слова,— сказала королева,— и негодное сравнение, когда благороднейшего рыцаря в мире уподобили осужденному на столь жалкую смерть. Ах, храни и спаси его Иисусе,— сказала королева,— от всякого дурного конца.

К этому времени сэр Ланселот уже подъехал к воротам замка, и вот сошел он с телеги и крикнул так, что отдалось по всему замку:

— Где ты, коварный изменник сэр Мелегант, рыцарь Круглого Стола?

Выходи, рыцарь-предатель, и выводи всю твою дружину, ибо это я, сэр Ланселот Озерный, здесь буду биться со всеми вами!
И с тем толкнул он ворота, и распахнулись они широко, отбросив прочь привратника, а он ударил привратника по уху своей латной рукавицей, и у того шея переломилась надвое.



КАК СЭР МЕЛЕГАНТ ИСПРОСИЛ У КОРОЛЕВЫ ПРОЩЕНИЯ, И КАК ОНА УСМИРИЛА СЭРА ЛАНСЕЛОТА, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ

❧ А сэр Мелегант, услышавши, что прибыл сэр Ланселот, прибежал к королеве, упал перед нею на колено и воскликнул:
— Пощады, госпожа! Вашему милосердию поручаю я мою жизнь!
— Что это вдруг случилось с вами? — спросила королева.— Клянусь богом, разве не ясно было и так, что кто-нибудь из добрых рыцарей поспешит отомстить за меня, пусть даже сам господин мой король Артур и не знает об этом вашем черном деле.
— Ах, госпожа,— отвечал сэр Мелегант,— в чем я против вас повинен, я все искуплю по вашему желанию, я же всецело поручаю себя вашему милосердию.
— Чего же вы от меня хотите? — спросила королева.
— Госпожа, я прошу лишь,— отвечал сэр Мелегант,— чтобы вы распорядились и усмирили господина моего сэра Ланселота. И чем богаты мы в этом жалком замке, все будет к вашим и его услугам, а завтра вы и все они сможете вернуться в Вестминстер. Я же всю мою жизнь и все мое достояние отдаю в вашу власть.
— Хорошо,— сказала королева.— Мир всегда лучше ссоры, и чем меньше будет толков и пересудов, тем это благоприятнее для моей чести.
И королева со своими дамами спустилась к воротам, где стоял сэр Ланселот, охваченный безмерной яростью, и вызывал на бой противника, повторяя:
— Эй, рыцарь-изменник! Выходи!
Королева приблизилась к нему и сказала:
— Сэр Ланселот, отчего вы так разгневаны?
— А, госпожа! — отвечал сэр Ланселот,— как можете вы меня об этом спрашивать? Ведь вы, думается мне, должны испытывать еще более сильный гнев, нежели я, ибо это вам нанесен ущерб и бесчестие. Ведь я пострадал немного, только разве коня потерял убитым, и оскорбление, вами испытанное, гнетет меня куда более, чем все мои потери.
— Воистину,— сказала королева,— правду вы говорите, и я всем сердцем вас благодарю. Но теперь,— сказала королева,— вы должны последовать за мною мирно в замок, ибо здесь теперь распоряжаюсь я, а все обиды

будут искуплены, ибо этот рыцарь от души раскаялся в том, что произошло.

— Госпожа,— отвечал сэр Ланселот,— раз вы с ним примирились, то я уж конечно перечить вам не стану, хотя сэр Мелегант и обошелся со мною весьма коварно и трусливо. И знай я, госпожа,— сказал сэр Ланселот,— что вы так скоро с ним примиритесь, я бы не так спешил к вам на помощь.

— Для чего говорите вы так? — сказала королева.— Или вы раскаиваетесь в своем добром деле? Ведь знайте,— сказала королева,— что я примирилась с ним не из милости или любви, но лишь затем, чтобы разумно пресечь все оскорбительные слухи и пересуды.

— Госпожа,— сказал сэр Ланселот,— вам известно, что я всегда опасался и избегал позорных слухов и наветов. Но нет на земле ни короля, ни королевы, ни рыцаря, кроме господина моего короля Артура и вас, госпожа, которые могли бы помешать мне пронзить сердце сэра Мелеганта, прежде чем я покину этот замок.

— Я это знаю,— сказала королева.— Но помимо этого, чего еще вы желали бы? Я распоряжусь, чтобы любое ваше желание было исполнено.

— Госпожа,— отвечал сэр Ланселот,— были бы только вы довольны, а что до меня, то коли вы довольны, то и я доволен.

И тут королева взяла сэра Ланселота за голую руку, ибо рукавицу он снял, отвела его к себе в покои и повелела ему разоружиться и снять доспехи. И спросил сэр Ланселот королеву, где ее десять рыцарей, которые были ранены, ее защищая. И тогда она показала ему, где они лежали, и они весьма обрадовались приезду сэра Ланселота, он же горько сокрушался их ранам. И он рассказал им о том, как сэр Мелегант коварно и трусливо выставил против него лучников, которые убили под ним коня, и как ему пришлось ехать на телеге. Так жаловались они друг другу и горячо желали мести, но сохраняли мир ради королевы.

Вот тогда-то, как повествует Французская Книга, сэр Ланселот и получил прозвище «Рыцарь Телеги» и носил его долгое время, совершив немало славных и великих подвигов.

Мы же теперь оставляем рассказ о «Рыцаре Телеги» и возвратимся к нашему повествованию.

Королева была весьма милостива к сэру Ланселоту. И они условились между собой, что ночью сэр Ланселот проберется к ее окну, выходившему в сад; окно это было забрано железной решеткой, и там сэр Ланселот должен был встретиться с королевой, когда в замке все будут спать.

Тем временем подъехал к воротам сэр Лавейн и крикнул:

— Где господин мой сэр Ланселот?

И вышел сэр Ланселот к нему навстречу, и когда сэр Лавейн его увидел, то сказал:

— Ах, господин мой! Я знаю, как тяжко вам пришлось, ведь я видел вашего коня, убитого многими стрелами.

— Что до этого,— сказал сэр Ланселот,— то прошу вас, сэр Лавейн, поговорим о чем-нибудь другом, а это пока оставим до иных времен.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ НОЧЬЮ ПРИШЕЛ К КОРОЛЕВЕ И ВОЗЛЕЖАЛ С НЕЮ, И КАК СЭР МЕЛЕГАНТ ОБВИНИЛ КОРОЛЕВУ В ИЗМЕНЕ ❧ Между тем раненых рыцарей осмотрели, к ранам их приложили целительные снадобья, и так приблизилось время ужина. За ужином королеву и ее рыцарей угощали всем, что только можно было найти в замке, а когда настал срок, то все разошлись спать, но королева ни за что не соглашалась отпустить от себя своих раненых рыцарей, и их уложили в нишах по стенам ее спальни, дабы королева сама могла заботиться о том, чтобы у ее рыцарей ни в чем не было недостатка.

А сэр Ланселот, оказавшись в отведенной ему комнате, тут же призвал к себе сэра Лавейна и открыл ему, что этой ночью он должен увидеться с госпожой своей королевой Гвиневерой.

— Сэр,— сказал ему сэр Лавейн,— позвольте мне пойти вместе с вами, ибо я сильно опасаюсь предательства сэра Мелеганта.

— Нет,— отвечал сэр Ланселот.— Я вас благодарю, но со мною никому не до́лжно быть.

И взял сэр Ланселот в руку меч свой и тайно вышел к тому месту, где еще днем приметил лестницу, подхватил лестницу под мышку, пронес через сад и приставил к окну. А там уже поджидала его королева.

Стоя у окна, они беседовали о многих вещах, поверяя друг другу свои печали, и сэр Ланселот сказал, что хотел бы проникнуть к ней за решетку.

— Знайте,— отвечала королева,— что я не менее вашего желала бы, чтобы вы могли проникнуть ко мне.

— Вы всем сердцем желаете, госпожа моя,— спросил сэр Ланселот,— чтобы я был сейчас с вами?

— Да, воистину,— отвечала королева.

— Тогда, ради вашей любви, я покажу свою силу,— сказал сэр Ланселот. И он наложил руки на железные прутья решетки и дернул с такой мощью, что вырвал их из каменной стены. При этом один из прутьев врезался в мякоть его ладони по самую кость. И прыгнул сэр Ланселот через окно в спальню королевы.

— Тише,— сказала она.— Мои раненые рыцари спят здесь же неподалеку.

И вот, говоря коротко, сэр Ланселот возлег с королевой на ее ложе, забыв и думать о своей поврежденной руке, и предавался радостям и наслаждениям любви, покуда не занялся новый день, ибо знайте, он всю ночь не спал, но бодрствовал. Когда же он увидел, что настало его время и что более медлить там ему невозможно, он простился с королевой и вылез через окно, приставив, как мог, обратно решетку, и возвратился к себе. А там он рассказал сэру Лавейну, как поранил себе руку. И сэр Лавейн перевязал ему рану, остановил кровь и надел ему сверху перчатку, чтобы никто ничего не заметил. И после этого они все утро пролежали в постелях до девяти часов.

Наконец, сэр Мелегант подошел к спальне королевы и там нашел ее дам, давно уже одетых и ожидающих свою госпожу.

— Ах, помилуй Иисусе! — сказал сэр Мелегант.— Что это с вами, госпожа, что вы так долго спите?

И с тем он раздвинул полог. И увидел ее лежащей на ложе, и вся ее постель: и подушки, и простыни, и одеяла,— все было запятнано кровью сэра Ланселота, вытекшей из его разрезанной ладони. Но сэр Мелегант, видя эти пятна крови, решил, что королева изменила королю Артуру и что она возлежала эту ночь на своем ложе с одним из своих раненых рыцарей.

— А, госпожа! — воскликнул сэр Мелегант.— Теперь я вижу, что вы — коварная изменница государю нашему королю Артуру, ибо у меня есть доказательства, что неспроста вы пожелали уложить всех рыцарей у себя в спальне! И потому я обвиню вас в измене перед королем Артуром. Ибо я застал вас, госпожа, с вашим позором; а из этих рыцарей все ли изменники или лишь иные из них, все равно вашу измену я докажу, ибо все видят: нынче ночью с вами возлежал раненый рыцарь!

— Это ложь,— отвечала королева,— и все они мне в том свидетели.

И десять рыцарей, услышав его речи все сказали в один голос так:

— Сэр Мелегант, ты облыжно клевещешь на госпожу нашу королеву, и за это любой из нас готов с тобой биться в поединке. Ты только выбери из нас, кого пожелаешь, и дай нам оправиться от ран, которые ты нам нанес!

— Ну нет! Ни к чему все ваши надменные речи! Взгляните, и вы сами увидите, что нынешней ночью с королевой возлежал раненый рыцарь.

Посмотрели все и горько устыдились при виде тех кровавых пятен. И знайте, что сэр Мелегант весьма радовался, что может обвинить королеву, ибо он надеялся так скрыть свою собственную измену.

Среди этого шума вошел сэр Ланселот и застал их в большом волнении.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ОТВЕТИЛ ЗА КОРОЛЕВУ И ВЫЗВАЛСЯ НА БОЙ С СЭРОМ МЕЛЕГАНТОМ, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОПАЛСЯ В ЛОВУШКУ ❧ — Что тут случилось? — спросил сэр Ланселот.

И тогда сэр Мелегант поведал ему о том, что он обнаружил, и показал на ложе королевы.

— Воистину,— сказал сэр Ланселот,— вы поступили не по правилу и не по-рыцарски, что коснулись королевина ложа в то время, как полог был задернут и она сама еще там лежала. Ручаюсь,— сказал сэр Ланселот,— что и сам господин мой король Артур не стал бы раскрывать королевина полога, пока она находится на ложе, если только он не пожелает возлечь с королевой. И потому, сэр Мелегант, вы поступили не по чести и на позор себе.

— Сэр, я не ведаю, о чем вы говорите,— сказал сэр Мелегант,— знаю только одно, что

нынешней ночью с королевой спал один из раненых рыцарей. И я готов своими руками подтвердить, что она изменница господину моему королю Артуру.

— Остерегись говорить так,— сказал сэр Ланселот,— ибо твой вызов может быть принят.

— Господин мой сэр Ланселот,— отвечал сэр Мелегант,— это я вам советую быть осмотрительнее, ибо хоть вы и лучший из рыцарей, кому, я знаю, нет равных, все же и вам не следует биться за неправое дело, ибо без вмешательства бога не проходит ни одного поединка.

— Что до этого,— сказал сэр Ланселот,— то да будет над нами страх божий! Но я открыто отвергаю ваше обвинение и утверждаю, что ни один из этих десятерых рыцарей не возлежал нынешней ночью с госпожой моей королевой Гвиневерой, и вашу неправоту в этом я готов подтвердить моими руками. Что скажете вы на это? — спросил сэр Ланселот.

— Я скажу,— отвечал сэр Мелегант,— что вот моя перчатка тому, кто будет отрицать, что королева — изменница господину моему королю Артуру и что нынешней ночью один из этих раненых рыцарей возлежал с нею!

— Что же, сэр, вашу перчатку я принимаю,— сказал сэр Ланселот.

И они скрепили договор свой малыми печатками и поручили их на хранение десяти рыцарям.

— На когда же назначим мы поединок? — спросил сэр Ланселот.

— Через неделю в этот же день,— отвечал сэр Мелегант,— на лугу близ Вестминстера.

— Я согласен,— сказал сэр Ланселот.

— Но теперь,— сказал сэр Мелегант,— раз нам с вами предстоит бой, я прошу вас, как есть вы благородный рыцарь, не замышляйте против меня во весь этот срок ни хитрости, ни предательства, и вы все тоже.

— Да поможет мне бог,— молвил сэр Ланселот,— вам бы надо знать, что хитрость вообще не в моем обычае. Ибо спросите рыцарей, которые со мной знакомы, и они вам подтвердят, что я и сам никогда не прибегал к хитростям и не любил общество тех, кто к ним прибегает.

— В таком случае, идемте обедать,— сказал сэр Мелегант,— а после обеда королева и все вы можете уехать в Вестминстер.

— С охотою,— отвечал сэр Ланселот.

И тогда сэр Мелегант сказал сэру Ланселоту:

— Сэр, не пожелаете ли осмотреть все покои этого замка?

— С доброй охотою,— отвечал сэр Ланселот.

И они пошли с ним вдвоем из покоя в покой, ибо сэр Ланселот не опасался никаких ловушек: ведь честные и доблестные люди не опасаются чужого коварства, ибо они думают, что другие подобны им. И потому хитрый и коварный человек нередко несет погибель тому, кто правдив и прям.

Так было и с сэром Ланселотом, который шел, не подозревая злого умысла: в одном из покоев он ступил, не заметив, ногою на люк, доска перевернулась, и сэр Ланселот упал с высоты десяти локтей в яму, набитую соломой.

А сэр Мелегант воротился к гостям, не показав даже и виду, что только что отсутствовал. Когда же хватились сэра Ланселота и подивились, куда он исчез, то королева и остальные решили, что он просто уехал из замка внезапно, как было у него в обыкновении. Ибо сэр Мелегант поспешил распорядиться, чтобы тайно увели коня сэра Лавейна, так что все предположили, что это сэр Ланселот внезапно на нем ускакал.

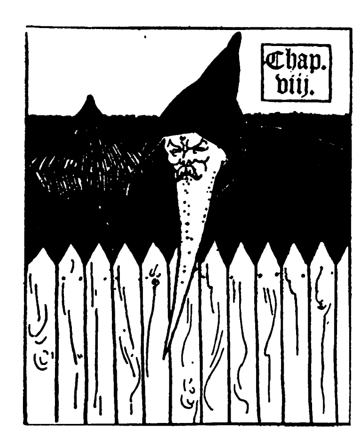
Так шло время к вечеру, и тогда сэр Лавейн стал собираться в дорогу и не удовлетворился, покуда не раздобыл конные повозки для каждого раненого рыцаря. И вот, вместе с королевой, ее дамами и прислужницами, они двинулись в путь и прибыли в Вестминстер, и там рыцари рассказали о том, что сэр Мелегант обвиняет королеву в измене королю и что сэр Ланселот принял его вызов.

— И ровно через неделю в этот же день у них будет поединок здесь перед вами.

— Клянусь головой,— сказал король Артур,— боюсь, что сэр Мелегант накликал на себя большую беду. Однако где же сэр Ланселот? — спросил король.

— Сэр, мы не знаем, где он, но полагаем, что он отправился на поиски новых приключений, как это в его обыкновении, ведь он взял коня у сэра Лавейна.

— Пусть его,— сказал король.— Он объявится в срок, если только его не задержит предательство.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ БЫЛ ОСВОБОЖДЕН ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ ОДНОЙ ДАМОЙ, И КАК ОН СЕЛ НА БЕЛОГО КОНЯ, ЧТОБЫ ПОСПЕТЬ В НАЗНАЧЕННЫЙ СРОК ❧ Мы же оставили сэра Ланселота в черной яме терпящим великие мучения. Всякий день к нему являлась дама и приносила пищу и питье и всякий раз соблазняла его возлечь с нею, но сэр Ланселот неизменно отвечал ей отказом.

Вот как-то раз она ему сказала:

— Сэр, вы поступаете неразумно, ведь из этого заключения вам не выбраться без моей помощи. К тому же, по вашей вине сгорит на костре ваша дама, королева Гвиневера, если в назначенный день вы не сможете явиться на поединок.

— Боже упаси,— сказал сэр Ланселот,— чтобы по моей вине ее сожгли! И если уж правда,— сказал сэр Ланселот,— что я не сумею туда явиться, то всякий догадается: и король, и королева, и все честные люди,— что я либо мертв, либо болен, либо заключен в темницу. Ибо все, кто знают меня, поймут, что я попал в беду, раз в назначенный день не явился на бой. И точно так же я думаю, что найдется какой-нибудь добрый рыцарь, из моего ли рода или из другого, который возьмет на себя мое дело. И потому,— молвил сэр Ланселот,— знайте, что вам не удастся меня за-

пугать, и пусть бы даже во всей этой стране не было другой женщины, кроме вас, все равно я не возлягу с вами.
— Ну, тогда ты опозорен и погиб навеки,— сказала дама.
— Что до мирского позора, то Иисус будет мне заступником! — отвечал сэр Ланселот.— А бед я не боюсь, ибо с радостью приемлю все, что ни пошлет мне господь.
Но в день, когда назначено было состояться поединку, явилась она к нему опять и сказала:
— Сэр Ланселот, право же, вы чересчур жестокосердны. Подумайте еще раз, и если только вы поцелуете меня всего один раз, я выпущу вас на волю, и верну вам ваши доспехи, и дам вам лучшего скакуна из конюшен Мелеганта.
— Что до поцелуя,— отвечал сэр Ланселот,— то я могу поцеловать вас без ущерба для моей чести. Но знайте, если бы я полагал, что, целуя вас, совершу бесчестие, вы бы меня к этому не склонили.
И с тем он поцеловал ее. И она тотчас же вывела его туда, где хранились его доспехи, и когда он облачился в них, она отвела его в конюшни, где стояло двенадцать добрых боевых коней, и предложила лучшего на выбор. Огляделся сэр Ланселот, и всех более приглянулся ему белый скакун, и его-то повелел он седлать лучшей боевой сбруей. А потом сэр Ланселот взял в руку копье, привесил сбоку меч и, поручив ту даму господу, сказал ей так:
— Госпожа, за услугу нынешнего дня я теперь всегда и сам готов вам услужить во всем, что в моих силах.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИСКАКАЛ ТУДА, ГДЕ ЕГО ЖДАЛ СЭР МЕЛЕГАНТ, И ОНИ ИЗГОТОВИЛИСЬ К БОЮ ❧ На этом оставляем мы сэра Ланселота, пустившего коня самым быстрым галопом, и поведем речь о королеве Гвиневере, которую уже подвели к сложенному костру[8]; ибо сэр Мелегант, видя, что сэр Ланселот не явился на бой, расхрабрился и кричал королю Артуру, что требует исполнить правосудие, либо выслать к нему сэра Ланселота. Опечалился и устыдился король и с ним весь двор, что из-за отсутствия сэра Ланселота королева должна будет сгореть на костре.
— Господин мой король Артур,— молвил сэр Лавейн,— вы сами понимаете, что с господином моим сэром Ланселотом приключилась беда, ибо если б он был жив, здоров и на свободе, уж конечно он был бы сейчас здесь. Ведь никто еще не слышал, чтобы сэр Ланселот не явился в условленный день на поединок. И потому,— сказал сэр Лавейн,— господин мой король Артур, я прошу вашего изволения, чтобы выступить мне сегодня в поединке вместо господина моего и учителя и спасти жизнь нашей королеве.

— Грамерси, учтивый сэр Лавейн,— отвечал король Артур,— ибо я готов ручаться, что все обвинения, какие сэр Мелегант возвел против моей королевы, ложны. Я беседовал со всеми десятью рыцарями, и среди них нет ни одного, который не жаждал бы сейчас, если бы зажили раны, сразиться против сэра Мелеганта и доказать, сколь ложны его обвинения.

— К этому же стремлюсь и я,— сказал сэр Лавейн,— и отстою также и честь господина моего сэра Ланселота, если только будет на то ваша королевская воля.

— Я даю вам мое согласие,— молвил король Артур,— и призываю вас биться жестоко, ибо, думается мне, сэра Ланселота задержало какое-то коварное предательство.

Вот облачился сэр Лавейн в доспехи, сел на коня и с дальнего конца поля поскакал, торопясь начать поединок. Но в тот самый миг, когда герольды крикнули: «Расступитесь все!» — появился сэр Ланселот, во весь опор скакавший к месту боя. И крикнул тогда король Артур:

— Эге-гей! Остановитесь!

И призвали сэра Ланселота к королю Артуру, и он открыто поведал королю обо всем, как с ним поступил сэр Мелегант. И когда король и королева и все бароны узнали о предательстве сэра Мелеганта, они все за него устыдились. И послали за королевой Гвиневерой и усадили ее подле короля, ибо никто уже не сомневался в победе ее рыцаря.

И вот, навесив копья, сшиблись сэр Ланселот и сэр Мелегант, точно гром грянул. И сэр Ланселот перекинул того через круп коня. Затем спешился и сэр Ланселот, перетянул щит свой на плечо, выхватил меч, и они снова бросились друг на друга и осыпали один другого множеством жестоких ударов. Наконец, сэр Ланселот нанес тому по шлему такой могучий удар, что поник сэр Мелегант на одну сторону и рухнул наземь.

И тогда крикнул он громким голосом:

— Благороднейший рыцарь сэр Ланселот, помилуйте и не убивайте меня! Ибо я сдаюсь и прошу вас, как есть вы благородный рыцарь и один из товарищества Круглого Стола, оставьте меня в живых, я же покоряюсь и, живой или мертвый, отныне вручаю судьбу мою королю Артуру и вам.

Сэр Ланселот не знал, как ему поступить, ибо ему дороже всех благ в мире была бы месть сэру Мелеганту. И поглядел сэр Ланселот на королеву, надеясь прочесть по ее лицу или жестам, как она желает, чтобы он поступил. Королева же покачала сэру Ланселоту головой, словно бы говоря: «Убей его!» И по этому ее знаку сэр Ланселот ясно понял, что она желает смерти сэра Мелеганта.

И тогда приказал ему сэр Ланселот:

— Вставай, позор тебе! Вставай и доведи поединок до конца!

— Ну нет,— отвечал сэр Мелегант,— я не встану, покуда вы не примете у меня меча как у побежденного.

— Ну вот, что,— сказал сэр Ланселот,— я сделаю вам такое предложение: я обнажу голову и левую половину тела, насколько возможно, и левую руку велю привязать у меня за спиной, дабы я не мог ничего ею сделать, и в таком виде я буду продолжать с вами поединок.

Тогда сэр Мелегант вскочил и крикнул громким голосом:

— Слышал ли ты это предложение, король Артур? Ибо я намереваюсь его принять. Пусть же он будет разоружен и связан по своему предложению!
— Что скажете вы? — спросил король Артур сэра Ланселота.— Исполните ли вы ваше предложение?
— Да, государь мой,— отвечал сэр Ланселот,— ибо я никогда не отступаюсь от того, что раз мною сказано.
И вот рыцари, следившие за поединком, обнажили сэру Ланселоту сначала голову, а затем левую руку и левую сторону тела и левую руку привязали ему за спиной, так что он остался без щита и без защиты. И вот сошлись они снова.
И знайте, немало дам и немало рыцарей дивились сэру Ланселоту, что он таким образом подвергает опасности свою жизнь.
Вот сэр Мелегант бросился на него с высоко поднятым мечом, а сэр Ланселот показал ему свою обнаженную голову и обнаженный левый бок. Но когда сэр Мелегант хотел поразить мечом его непокрытую голову, он вдруг быстро ступил назад левой ногой и подставил под удар свою правую руку с мечом и с легкостью отбил его меч. А затем сэр Ланселот обрушил ему на шлем удар такой силы, что рассек ему голову надвое.
После этого ничего уже не оставалось, как только утащить его с поля, и по горячему настоянию рыцарей Круглого Стола король позволил его похоронить и сделать надпись о том, кем он был убит и за что.
А король с королевой после этого были еще милостивее к сэру Ланселоту и ласкали его еще больше, чем прежде.



КАК СЭР УРРИЙ ПРИБЫЛ КО ДВОРУ АРТУРА, ДАБЫ ПОЛУЧИТЬ ИСЦЕЛЕНИЕ ОТ РАН, И КАК КОРОЛЬ АРТУР СОГЛАСИЛСЯ НАЛОЖИТЬ НА НЕГО РУКИ

В те времена, как повествует Французская Книга, жил в земле Унгарской добрый рыцарь по имени сэр Уррий. Он был большой охотник до приключений, и где бы ни открывались благородные приключения и подвиги чести, там неизменно объявлялся и он.
И случилось так, что в Испании жил один граф, а у него был сын по имени сэр Алфеус. Однажды на большом турнире встретились в поединке сэр Уррий, унгарский рыцарь, и сэр Алфеус Испанский, и из соперничества решились они биться до смертного конца. По воле случая, сэр Уррий убил в том поединке сэра Алфеуса, сына испанского графа. Но прежде чем быть ему сраженным, сэр Алфеус успел нанести сэру Уррию семь жестоких ран: три в голову, три в грудь и одну в левую руку. А у этого сэра Алфеуса мать была искусная волшебница, и она, в от-

местку за смерть сына, своими тонкими чарами сделала так, чтобы сэру Уррию никогда не исцелиться, чтобы одни раны у него гноились, другие кровоточили, и так все время, покуда лучший рыцарь мира не коснется его ран. Так она и объявила открыто, и все узнали, что сэру Уррию никогда не исцелиться.

И тогда его мать распорядилась приготовить конную повозку, запрячь в нее двух лошадей и положить туда сэра Уррия. И еще она взяла с собой его сестру, прекрасную девицу по имени Филелоли, и юного пажа — присматривать за лошадьми, и так возили они сэра Уррия по многим странам. Ибо Французская Книга говорит, что мать семь лет возила его по всем христианским землям, но нигде не могла найти такого рыцаря, который исцелил бы ее сына.

Так попали они в Шотландию, а оттуда в пределы Англии. И по воле случая, как раз на праздник Пятидесятницы она прибыла ко двору короля Артура, а двор он держал в те дни в Карлайле[9]. Приехав туда, она объявила всем, что ищет в этой стране исцеления своему сыну. Тогда король Артур распорядился призвать к нему эту даму и стал расспрашивать ее, для чего привезла она в эти края раненого рыцаря.

— Благороднейший король,— отвечала эта дама,— знайте, что я привезла его сюда, дабы исцелить его раны, от которых он страдает вот уже семь лет.

И она поведала королю все о том, где и кем он был ранен, и как мать убитого им противника из гордости открыла, что навела на него чары и что теперь он не исцелится, покуда лучший рыцарь мира не коснется его ран.

— И так я объехала с ним, ища ему исцеления, все земли христианские, кроме этой страны, и если я и здесь не преуспею в моих поисках, то оставлю всякие старания. А это будет великой жалости достойно, ибо он — рыцарь доблестный и благородный.

— А как его имя? — спросил король Артур.

— Мой добрый и милостивый господин,— отвечала она,— его имя сэр Уррий-Горец.

— В добрый час,— молвил король,— и добро вам пожаловать, раз вы прибыли в нашу страну. Знайте же, что здесь будет ваш сын исцелен, если только есть среди крещеных людей человек, могущий принести ему исцеление. А дабы показать пример всем честным мужам, я первый прикоснусь к вашему сыну, а за мною и все короли, герцоги и графы, которые находятся здесь в настоящее время. Я вовсе не хочу сказать, будто я и есть лучший рыцарь мира и от меня будет исцеление вашему сыну, но лишь подвигну остальных благородных мужей последовать моему примеру.

И повелел король Артур всем королям, герцогам, графам и всем благородным рыцарям Круглого Стола, бывшим там в то время, собраться всем на Карлайлском лугу. Но в то время там было всего лишь сто десять рыцарей Круглого Стола, ибо сорок рыцарей находились в отъезде. И тут мы должны начать с короля Артура, ибо так и подобает первым помянуть того, кто был в те дни достославнейшим мужем в христианском мире.



КАК КОРОЛЬ АРТУР НАЛОЖИЛ НА СЭРА УРРИЯ РУКИ, А ВСЛЕД ЗА НИМ — И МНОГИЕ ДРУГИЕ РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

Поглядел король Артур на сэра Уррия, и подумалось ему, что исцеленный он был бы прекрасен собой. Он дал знак, чтобы его сняли с повозки и положили на землю, и вот уже принесена золотая подушка, чтобы королю стать на колени. И сказал король Артур:

— Любезный рыцарь, я сожалею о твоей болезни, и дабы положить почин для всех остальных рыцарей, я прошу тебя кротко претерпеть, пока я займусь твоими ранами.

— Благороднейший из христианских королей, поступайте, как сочтете нужным,— отвечал ему сэр Уррий.— Ибо я поручаю себя милости божией и вашим заботам.

И тогда король Артур осторожно стал ощупывать его раны. И часть его ран открылась и стала вновь кровоточить.

После него прикоснулся к ранам сэра Уррия король Клариенс Нортумберландский, но и он не помог. Затем попытал удачи сэр Беррант-Последыш по прозвищу Король-с-Сотней-Рыцарей и тоже не преуспел. Так же и король Уриенс из страны Гоор. И король Ангвисанс Ирландский тоже, и король Нантрес Гарлотский. А за ними и король Карадос Шотландский. И герцог Галахальт-Высокородный Принц. И сэр Константин, сын короля Корнуэльского Кадора. И герцог Чаленс Кларанский. И граф Ульбанс, и граф Ламбаль, и граф Аристанс.

После этого приблизился сэр Гавейн и его три сына: сэр Гингалин, сэр Флоренс и сэр Ловель (два последних — рожденные от сестры сэра Бранделя), и ни один из них не преуспел. Затем подходили сэр Агравейн, сэр Гахерис и сэр Мордред и добрый рыцарь Гарет, который в рыцарском своем благородстве один стоил всех своих братьев.

Вслед за тем выступили рыцари Ланселотова рода, но самого сэра Ланселота в то время не было при дворе, ибо он где-то странствовал в поисках приключений. И приблизились сэр Лионель, сэр Эктор Окраинный, сэр Борс Ганский, сэр Бламур Ганский, сэр Блеоберис Ганский, сэр Гахалантин, сэр Галиходин, сэр Менадук, сэр Вилар Доблестный и сэр Эб Достославный — все рыцари из Ланселотова рода; и ни один из них не преуспел.

Затем выступили сэр Саграмур Желанный, сэр Додинас Свирепый, сэр Динадан, сэр Брюнор Черный, которого сэр Кэй-Сенешаль прозвал Худая Одежка, и сам сэр Кэй-Сенешаль, и сэр Кэй-Чужестранец, сэр Мелиот Логрский, сэр Петипас из Винчелси, сэр Галерон Галовейский, сэр Мелион-Горец, сэр Кардок, сэр Ивейн Отчаянный и сэр Озанна-Храброе Сердце.

После них пытали удачи еще сэр Аскамур, и сэр Груммор Грумморсон, и сэр Кроссельм, и сэр Северанс ле-Брюс, о котором шла слава как о весьма могучем рыцаре. Однажды, как рассказывает Французская Книга, глав-

ная Владычица Озера потчевала у себя сэра Ланселота, а в другой раз — этого сэра Северанса, и когда она каждого напотчевала, то от обоих испросила в награду, чтобы они исполнили ее желание. И от сэра Северанса она потребовала обещания, что он никогда не будет сражаться против сэра Ланселота, а от сэра Ланселота потребовала обещания, что он не будет сражаться против сэра Северанса. И оба они дали ей такое обещание. А про этого сэра Северанса во Французской Книге рассказывается, что его и так никогда не влекло в бой с рыцарями, но только с великанами, драконами и дикими зверями.

На том мы оставляем этот рассказ и возвращаемся назад к тем рыцарям Круглого Стола, кто по королевскому приказу собрались в день праздника попытать удачи в исцелении семи ран сэра Уррия. Для того король сам осмотрел его раны первым, ибо он был меж ними благороднейший рыцарь.

Своим чередом выходили сэр Агловаль, сэр Дарнард и сэр Тор, рожденный от жены скотопаса, но только он был зачат еще до того, как скотопас Арий на ней женился. (Все они были рождены королем Пелинором: первый сэр Тор, и сэр Агловаль, и сэр Дарнард, и сэр Ламорак, благороднейший рыцарь, какой только был во дни короля Артура среди земных рыцарей, и еще сэр Персиваль, не имевший себе равных, кроме сэра Галахада, в делах неземных. Но они умерли, взыскуя Святого Грааля.)

Выходили затем сэр Грифлет-Божий Сын, сэр Лукан-Дворецкий, сэр Бедивер, брат его, сэр Брандель, сэр Константин, сын Кадора Корнуэльского, который стал королем после Артура, сэр Клегис, сэр Садук, сэр Динас-Сенешаль Корнуэльский, сэр Фергус, сэр Дриант, сэр Ламбегус, сэр Кларус Клермонтский, сэр Клодрус, сэр Хектимер, сэр Эдвард Карнарвонский, сэр Приам, принявший святое крещение через сэра Тристрама, благородного рыцаря, и эти трое были родные братья[10]; за ними — сэр Элин Белый, приходившийся сыном сэру Борсу, ибо тот зачал его от дочери короля Брангориса, и сэр Бриан Листенойзский; сэр Гаутер, сэр Рейнольд, сэр Гилмер — три брата, которых сэр Ланселот победил когда-то на мосту, облаченный в доспехи сэра Кэя; сэр Гунрет Низкорослый, сэр Белингер Жестокий, сын доброго рыцаря Александра-Сироты, убитого предательством короля Марка.

И еще этот коварный король ударом острого копья убил благородного рыцаря сэра Тристрама[11], когда тот сидел и играл на арфе у ног своей дамы и госпожи Изольды Прекрасной, и смерть его была горько оплакана каждым рыцарем в Артуровы времена,— ни по ком так не скорбели рыцари, как по сэру Тристраму и по сэру Ламораку, ибо они оба были убиты через предательство: сэр Тристрам рукою короля Марка, а сэр Ламорак рукою сэра Гавейна и его братьев.

А сэр Белингер отомстил за смерть своего отца, сэра Александра, и за смерть сэра Тристрама, и убил короля Марка. Прекрасная же Изольда умерла, упав без чувств на труп сэра Тристрама, и это тоже весьма прискорбно. Убиты были также и все, кто состоял при короле Марке и был причастен к смерти сэра Тристрама, как сэр Андрет и многие еще другие.

Выходили также пытать удачи сэр Эб, сэр Морганор, сэр Сентраль, сэр Супинабиль, сэр Белианс Надменный, которого добрый рыцарь сэр Ламорак победил когда-то в честном бою, сэр Неровенс и сэр Пленориус, два добрых рыцаря, некогда побежденные сэром Ланселотом, сэр Дарас, сэр Харри Фиц-Лейк, сэр Хермин, брат короля Херманса, за которого сражался в Красном Городе сэр Паломид против двух братьев, и сэр Селис из Башни Слез, сэр Эдвард Оркнейский, сэр Иронсид-Железный Бок, называемый также рыцарем Красного Поля, которого победил сэр Гарет ради любви прекрасной дамы Лионессы; сэр Арус, сэр Дегревант, сэр Деграв Бесхитростный, что бился с великаном у Черной Воды; сэр Эпиногрис, сын короля Нортумберландского, сэр Пелеас, что любил леди Этарду (и он бы принял за нее смерть, когда бы не дева озера по имени Нинева: она вышла замуж за сэра Пелеаса и оберегала его и спасала от смерти до конца своих дней; и был он рыцарь предоблестный); и сэр Ламиель Кардиффский, великий любовник, сэр Плэн де-Форс, сэр Мелиас Островной. сэр Борр-Бесстрашное Сердце, сын короля Артура, сэр Мадор де-ла Порте, сэр Колгреванс, сэр Хервис из Дикого Леса, сэр Маррок, добрый рыцарь, которого предала жена его, на семь лет сделав его оборотнем; сэр Персиант, сэр Пертолип, брат его, прозванный Зеленым Рыцарем, и сэр Перимон, брат этим двоим, по прозвищу Красный Рыцарь,— их всех троих победил сэр Гарет, когда он еще носил прозвище Прекрасные Руки.

Все эти сто десять рыцарей, по велению короля Артура, пытались исцелить раны сэра Уррия.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ, ПО ВЕЛЕНИЮ АРТУРОВУ, ПРИКОСНУЛСЯ К ЕГО РАНАМ, И В ТОТ ЖЕ МИГ ОН ИСЦЕЛИЛСЯ СОВЕРШЕННО, И ОНИ ВОЗБЛАГОДАРИЛИ ГОСПОДА ❧ — Милосердный Иисусе! — сказал король Артур.— А где же сэр Ланселот Озерный, почему в такой час его нет с нами?

И как раз когда они так стояли и беседовали обо многих вещах, вдруг кто-то заметил сэра Ланселота, скакавшего прямо к ним. И об этом сказали королю.

— Тише,— сказал король,— пусть никто ему ничего не говорит, покуда он не присоединится к нам.

А сэр Ланселот, увидевши короля Артура, сошел с коня, подошел к королю и приветствовал его и всех остальных.

И лишь только увидела сэра Ланселота девица — сестра сэра Уррия, она отошла туда, где брат ее лежал в повозке, и сказала:

— Брат мой, сюда прибыл еще один рыцарь, и сердце мое сразу к нему склонилось.

— Любезная сестра,— отвечал сэр Уррий,— и мое сердце тоже тянется к нему, и я чувствую к нему гораздо более расположения, нежели ко всем этим рыцарям, ощупывавшим мои раны.

Между тем молвил король Артур сэру Ланселоту:
— Сэр, вам надлежит проделать все то же, что проделали и мы.
И он рассказал ему, для чего они ощупывали раны сэра Уррия, и указал ему на всех тех, кто уже пытал там удачи.
— Иисусе меня упаси,— отвечал сэр Ланселот,— чтобы я, когда столько благородных королей и рыцарей потерпели неудачу, думал преуспеть в том, в чем вы все, господа мои, преуспеть не смогли.
— Не вам это решать,— молвил король Артур,— ибо я повелеваю вам последовать нашему примеру.
— Мой достославнейший господин,— сказал сэр Ланселот,— я знаю, что я не смею, да и не вправе ослушаться вас. Но если бы мог я и смел, то знайте, я бы никогда не взял на себя прикоснуться к этому раненому рыцарю, будто бы я могу превзойти всех других рыцарей.
— Сэр, вы не правы в этом,— молвил ему король Артур,— ибо вам должно сделать это не из самонадеянности, но из товарищества, дабы вам быть заодно со всеми рыцарями Круглого Стола. И да будет вам известно,— сказал король Артур,— если вы не преуспеете и не сможете его исцелить, значит, можно поручиться, нет в нашей стране рыцаря, могущего дать ему исцеление. И потому прошу вас не отстать от всех нас.
И тогда все короли и почти все рыцари стали тоже просить сэра Ланселота осмотреть и ощупать раны сэра Уррия. И сам раненый рыцарь сэр Уррий сел на повозке из последних сил и проговорил так:
— Учтивый рыцарь, прошу тебя, во имя господа, исцели мои раны! Ибо сдается мне, с того мгновения, как появились вы здесь, мои раны болят не так сильно, как прежде.
— Ах, любезный господин,— отвечал сэр Ланселот,— дай бог, чтобы я сумел вам помочь! Но мне стыдно, что от меня ждут такого, ибо не мне недостойному преуспеть в столь возвышенном деле.
И с тем сэр Ланселот опустился на колени подле раненого рыцаря со словами: «Господин мой король Артур, я обязан исполнять ваше веление, хотя оно мне совсем не по сердцу». После этого он воздел кверху ладони и, глядя на восток, неслышно промолвил про себя: «Благословен Отец и Сын и Дух Святой, взываю к милости Твоей, да спасешь Ты простую честь мою и доброе имя мое, Святая Троица. Ниспошли мне силы исцелить этого недужного рыцаря от великой благодати и от заслуг Твоих, господи, но отнюдь не от моих».
После того сэр Ланселот попросил сэра Уррия, чтобы тот дал ему осмотреть его голову. И, благочестиво коленопреклоненный, сэр Ланселот ощупал все три раны у него на голове, и вот они вдруг затянулись, словно зажили еще семь лет тому назад. Подобным же образом он ощупал три раны на его теле, и они точно так же зажили у всех на глазах. Последней же он коснулся раны на его руке, и тотчас же она затянулась и зажила.
Тут король Артур и все короли и рыцари опустились на колени и вознесли хвалу и благодарение богу и Его Святой Матери. Сэр же Ланселот сам плакал, словно малый ребенок, которого побили.
После того король Артур повелел священнослужителям высших и низших

степеней облачиться в торжественнейшие одеяния, дабы они сопровождали сэра Уррия в Карлайл с песнопениями и восхвалениями господа. А затем король сам явился в богатых одеждах, и мало тогда было при дворе рыцарей прекраснее видом, ибо король Артур был собой прекрасен, строен и могуч.

И спросил король у сэра Уррия, как он себя чувствует.

— Ах, мой добрый и достославный господин, я никогда не чувствовал себя столь полным сил.

— Тогда, быть может, вы захотите выступить на турнире и показать свое воинское искусство? — спросил король Артур.

— Сэр, если бы у меня было все потребное для боя, я не много времени потратил бы на сборы.



КАК СОСТАВИЛАСЬ ПАРТИЯ ИЗ СТА РЫЦАРЕЙ И ВЫСТУПИЛА ПРОТИВ ДРУГОЙ ПАРТИИ ИЗ СТА РЫЦАРЕЙ, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ ❧ Тогда король Артур выделил одну сотню рыцарей выступать против другой сотни, и наутро состоялся у них турнир, и в награду победителю был назначен драгоценный алмаз. Но ни один из грозных рыцарей не выступал на том турнире, и говоря коротко, в тот раз изо всех отличились сэр Уррий и сэр Лавейн, ибо и тот и другой сокрушили в тот день по тридцать рыцарей.

После того, с согласия всех королей и лордов, сэр Уррий и сэр Лавейн были приняты в рыцари Круглого Стола. И сэр Лавейн полюбил прекрасную даму Филелоли, сестру сэра Уррия; и вскоре они обвенчались с великим веселием, а король Артур пожаловал обоим рыцарям большие баронские владения.

И сэр Уррий не пожелал ни за что покинуть сэра Ланселота, и они вдвоем с сэром Лавейном служили ему всю жизнь. Всеми при дворе они оба почитались как добрые рыцари и желанные товарищи по оружию. Они свершили немало славных воинских подвигов, ибо они без устали сражались и искали случаев отличиться. Так они прожили при Артуровом дворе с честию и веселием долгие годы.

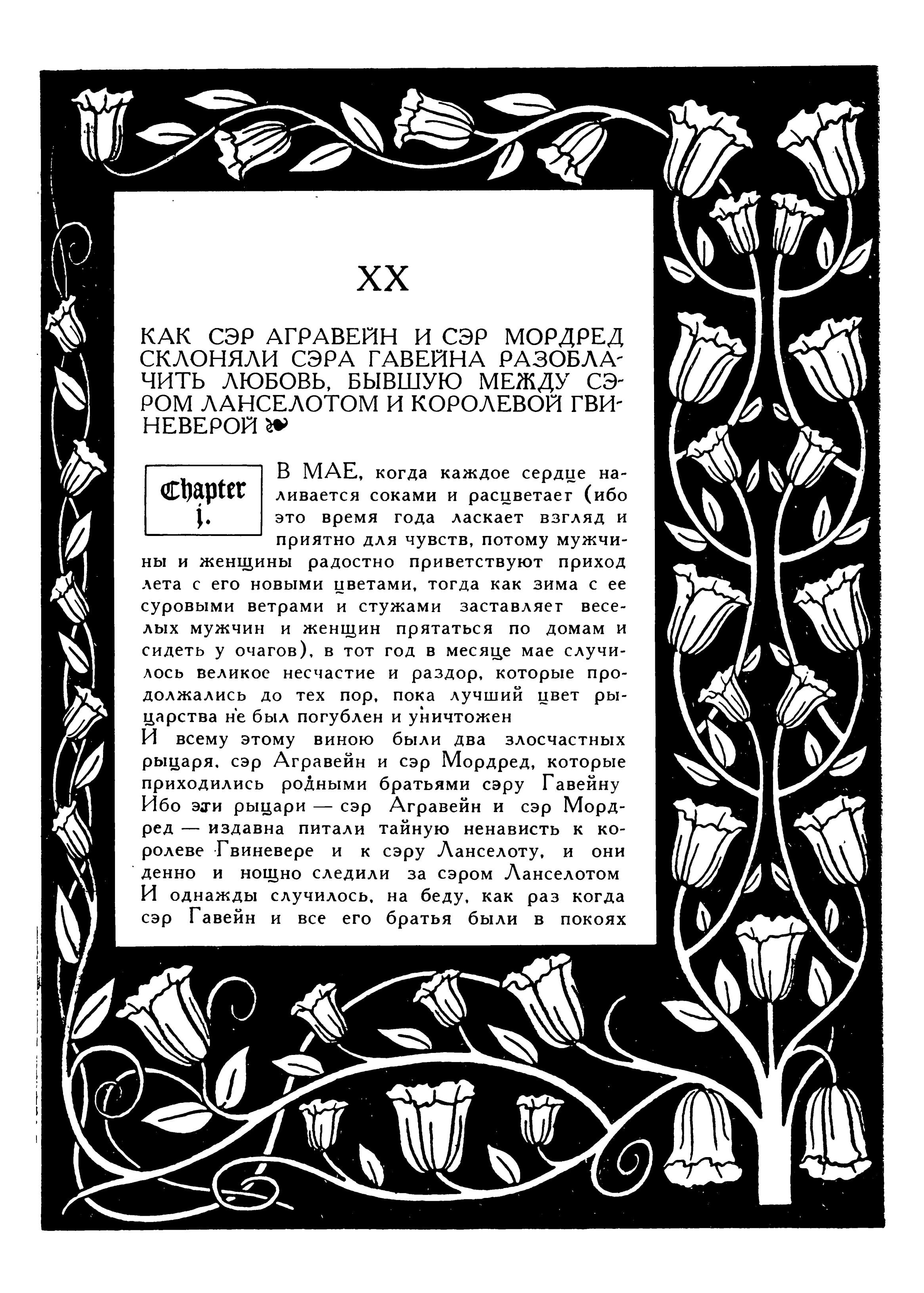
Но день за днем и ночь за ночью сэр Агравейн, брат сэра Гавейна, следил за королевой Гвиневерой и сэром Ланселотом, желая обречь их обоих позору и поруганию.

Здесь я оставляю эту повесть и пропускаю большие книги о сэре Ланселоте и о том, какие славные подвиги он свершил в те дни, когда он носил прозвище «Рыцарь Телеги». Ибо, как рассказывает Французская Книга, сэр Ланселот, желая досадить тем рыцарям и дамам, которые укоряли его тем, что он ехал на телеге, словно бы его везли на виселицу,— желая досадить всем им, сэр Ланселот целый год потом разъезжал на телеге; за це-

лый год, после того как он убил, защищая честь королевы, сэра Мелеганта, он ни разу не сел на коня. Но в этот год, как повествует Французская Книга, он провел более сорока поединков.
Оттого же, что я упустил самую суть рассказа о «Рыцаре Телеги», я здесь оставляю повествование о сэре Ланселоте и приступаю к Смерти Артура, которую причинил сэр Агравейн. Далее на оборотной стороне следует «плачевнейшая повесть о смерти Артура Бескорыстного», написанная кавалером сэром Томасом Мэлори, рыцарем.
Иисусе, поддержи его своей милостью! Аминь.

ПЛАЧЕВНАЯ ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ АРТУРА БЕСКОРЫСТНОГО





XX

КАК СЭР АГРАВЕЙН И СЭР МОРДРЕД СКЛОНЯЛИ СЭРА ГАВЕЙНА РАЗОБЛАЧИТЬ ЛЮБОВЬ, БЫВШУЮ МЕЖДУ СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ И КОРОЛЕВОЙ ГВИНЕВЕРОЙ ❧

Chapter i.

В МАЕ, когда каждое сердце наливается соками и расцветает (ибо это время года ласкает взгляд и приятно для чувств, потому мужчины и женщины радостно приветствуют приход лета с его новыми цветами, тогда как зима с ее суровыми ветрами и стужами заставляет веселых мужчин и женщин прятаться по домам и сидеть у очагов), в тот год в месяце мае случилось великое несчастие и раздор, которые продолжались до тех пор, пока лучший цвет рыцарства не был погублен и уничтожен

И всему этому виною были два злосчастных рыцаря, сэр Агравейн и сэр Мордред, которые приходились родными братьями сэру Гавейну Ибо эти рыцари — сэр Агравейн и сэр Мордред — издавна питали тайную ненависть к королеве Гвиневере и к сэру Ланселоту, и они денно и нощно следили за сэром Ланселотом

И однажды случилось, на беду, как раз когда сэр Гавейн и все его братья были в покоях

короля Артура, что сэр Агравейн сказал открыто, не таясь, но во всеуслышание, так:

—Дивлюсь я, как это нам всем не стыдно видеть и знать, что сэр Ланселот всякий день и всякую ночь возлежит с королевой? Все мы про это знаем, и стыд нам и позор терпеть, чтобы столь славный король, как наш король Артур, подвергался такому бесчестию.

Тут ответил ему сэр Гавейн и сказал так:

— Брат мой сэр Агравейн, прошу вас и требую, не говорите больше при мне такое, ибо я не заодно с вами.

— Да поможет нам бог,— сказали сэр Гахерис и сэр Гарет,— и мы тоже не желаем слышать такие речи.

— Зато я заодно с вами! — сказал сэр Мордред.

— Уж этому-то я верю,— сказал сэр Гавейн,— ибо вы, сэр, всегда готовы на любое недоброе дело. Послушали бы вы меня и не затевали ничего, ибо мне хорошо известно,— сказал сэр Гавейн,— чем все это кончится.

— Пусть кончится, как кончится,— отвечал сэр Агравейн,— я все открою королю!

— Мой совет, не делайте этого,— сказал сэр Гавейн,— ведь если из этого получится вражда и раздор между сэром Ланселотом и нами, знайте, брат мой, что многие короли и владетельные бароны примут сторону сэра Ланселота. И еще, брат мой сэр Агравейн,— сказал сэр Гавейн,— вам должно помнить, сколько раз сэр Ланселот спасал короля и королеву; и из нас лучшие уже давно полегли бы хладными трупами, когда бы сэр Ланселот не выказал себя многократно первым среди всех рыцарей. И что до меня,— молвил сэр Гавейн,— то я никогда не выступлю против сэра Ланселота уже за то одно, что он избавил меня от короля Карадоса из Башни Слез [1], убив его и тем спасши мне жизнь. И подобным же образом, братья мои, сэр Агравейн и сэр Мордред, сэр Ланселот и вас избавил, и с вами еще шестьдесят два рыцаря, из заточения у сэра Тарквина [2]. И потому, братья, мне думается, что такие благородные и добрые дела нельзя забывать.

— Как вам угодно,— отвечал сэр Агравейн,— а я больше этого скрывать не намерен.

И как раз при этих его словах вошел король Артур.

— Прошу вас, брат,— сказал сэр Гавейн,— умерьте вашу злобу.

— Ни за что! — сказали сэр Агравейн и сэр Мордред.

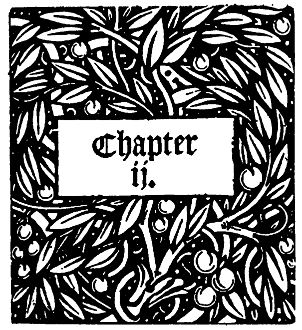
— Значит, вы решились? — молвил сэр Гавейн.— Тогда да хранит вас бог, ибо я не желаю об этом ни знать, ни слышать.

— И я тоже,— сказал сэр Гахерис.

— Ни я,— сказал сэр Гарет,— ибо я никогда не скажу худого слова о том, кто посвятил меня в рыцари.

И с тем они трое удалились, предаваясь глубокой печали.

— Увы! — говорили сэр Гавейн и сэр Гарет,— погибло, уничтожено все это королевство, и благородное братство рыцарей Круглого Стола будет рассеяно.



КАК СЭР АГРАВЕЙН ОТКРЫЛ ИХ ЛЮБОВЬ КОРОЛЮ АРТУРУ И КАК КОРОЛЬ АРТУР ДАЛ СОГЛАСИЕ НА ТО, ЧТОБЫ ИХ ЗАХВАТИЛИ ❧ И с тем они удалились, а король Артур стал спрашивать, о чем у них велась речь.

— Мой государь,— отвечал сэр Агравейн,— я вам все скажу, ибо долее скрывать это я не в силах. Я и брат мой сэр Мордред пошли против брата нашего сэра Гавейна, сэра Гахериса и против сэра Гарета, а дело, в котором мы не согласны, коротко говоря, вот в чем: все мы знаем, что сэр Ланселот обнимает вашу королеву, и притом уже давно, и мы, как сыновья сестры вашей, не можем этого более терпеть. И все мы знаем, что вы выше сэра Ланселота, ибо вы — король и вы посвятили его в рыцари, и потому мы утверждаем, что он изменник.

— Если это все так,— сказал король,— то уж конечно он и есть изменник. Но я не намерен затевать такое дело без ясных доказательств, ибо сэр Ланселот — рыцарь бесстрашный, и все знают, что он — лучший рыцарь изо всех нас, и если только он не будет схвачен с поличным, он захочет биться с тем, кто заводит о нем такие речи, а я не знаю рыцаря, которому под силу было бы сразиться с сэром Ланселотом. И потому, если то, что говорите вы,— правда, пусть он будет схвачен с поличным.

Ибо, как говорит Французская Книга, королю очень не по сердцу были все эти разговоры против сэра Ланселота и королевы; ибо король и сам обо всем догадывался [3], но слышать об этом не желал, ибо сэр Ланселот так много сделал для него и для королевы, что король его очень любил.

— Господин мой,— сказал сэр Агравейн,— поезжайте завтра на охоту, и вы увидите, что сэр Ланселот не поедет с вами. А ближе к ночи вам надо будет послать к королеве с известием, что вы не вернетесь ночевать, и чтобы вам прислали ваших поваров. И, жизнью готов поручиться, в эту же ночь мы застанем его с королевой и доставим его вам, живого или мертвого.

— Я согласен,— молвил король.— Только мой совет вам — пригласите с собою надежных товарищей.

— Сэр,— отвечал сэр Агравейн,— мой брат сэр Мордред и я, мы возьмем с собою двенадцать рыцарей Круглого Стола.

— Смотрите,— сказал король,— я предупреждаю вас, вы найдете в нем могучего противника.

— Положитесь на нас! — сказали сэр Агравейн и сэр Мордред.

И вот наутро король Артур уехал охотиться и прислал известить королеву, что пробудет в отъезде всю ночь. И тогда сэр Агравейн и сэр Мордред призвали еще двенадцать рыцарей и тайно спрятались в одном из покоев Карлайлского замка. Имена же тех двенадцати рыцарей были: сэр Колгреванс, сэр Мадор де-ла Порте, сэр Гингалин, сэр Мелиот Логрский, сэр Петипас из Винчелси, сэр Галерон Галовейский, сэр Мелион-Горец, сэр Аскамур, сэр Грумморсон, сэр Кроссельм, сэр Флоренс и сэр Ловель. Вот

эти двенадцать рыцарей были с сэром Агравейном и сэром Мордредом, и все они были из Шотландии, или же из рода сэра Гавейна, или же из доброжелателей его брата.

И вот, когда настала ночь, сэр Ланселот сказал сэру Борсу, что пойдет повидаться с королевой.

— Сэр,— отвечал ему сэр Борс,— мой совет вам, не делайте этого нынче ночью.

— Почему же?— спросил сэр Ланселот.

— Потому, сэр, что я всей душой опасаюсь сэра Агравейна, который денно и нощно выслеживает вас, желая обречь позору и вас, и всех нас. И никогда еще мое сердце не подсказывало так ясно, что вам не следует итти к королеве, как нынче, ибо я не верю, что король в самом деле не ночует нынче у королевы, может быть он устроил засаду против вас и королевы Гвиневеры. И потому я очень страшусь предательства.

— Не страшитесь понапрасну,— сказал сэр Ланселот,— ибо увидите, я схожу к королеве и возвращусь без промедления.

— Сэр,— сказал сэр Борс,— мне прискорбно это слышать, ибо боюсь, как бы это ваше намерение не погубило нас всех.

— Любезный племянник,— отвечал сэр Ланселот,— я дивлюсь, что вы так говорите, ведь королева посылала за мной. И знайте, я никогда не буду таким трусом, чтобы королева могла усомниться в моей готовности ее видеть.

— Да хранит вас господь,— сказал сэр Борс,— и да возвратит он вас назад целым и невредимым!



КАК СЭРА ЛАНСЕЛОТА ВЫСЛЕДИЛИ ДО КОРОЛЕВИНОЙ ОПОЧИВАЛЬНИ, И КАК СЭР АГРАВЕЙН И СЭР МОРДРЕД ЯВИЛИСЬ ТУДА С ДВЕНАДЦАТЬЮ РЫЦАРЯМИ, ДАБЫ УБИТЬ СЭРА ЛАНСЕЛОТА

И сэр Ланселот с ним простился, спрятал под мышкой меч свой и вышел вон, закутавшись плащом, и обрек себя этот благороднейший рыцарь великой опасности. Он пришел к покоям королевы и был сразу же впущен к ней.

Ибо, как повествует Французская Книга, королева и сэр Ланселот провели ту ночь вместе. Но возлежали ли они вместе на ложе или же предавались иным усладам, об этом говорить мне нет охоты, ибо любовь в те времена была не такой, как в наши дни.

Но пока они пребывали там вдвоем, сэр Агравейн и сэр Мордред с двенадцатью рыцарями Круглого Стола подкрались к их двери и крикнули громкими грозными голосами:

Ага, изменник сэр Ланселот, теперь ты попался!

И они кричали столь громкими голосами, что по всему замку было слышно.

И все они четырнадцать рыцарей были в полном вооружении, словно сейчас собрались на бой.
— Увы!— сказала королева Гвиневера,— теперь мы оба погибли!
— Госпожа,— спросил сэр Ланселот,— не найдется ли здесь, в ваших покоях, каких-нибудь доспехов, чтобы мне прикрыть мое тело? Если найдется, то дайте мне их скорее, и я, милостью божией, быстро умерю их злобу.
— Воистину,— сказала королева,— здесь нет ни лат, ни шлема, ни щита, ни меча, ни копья, и потому боюсь, наша давняя любовь пришла к печальному концу. Ибо по их крикам я слышу, что там много доблестных рыцарей, и уж конечно они во всеоружии, вам же не с чем им противостоять. И потому вас наверное убьют, меня же потом сожгут на костре! А вот если бы вы могли спастись от них бегством,— сказала королева,— я не сомневаюсь, что тогда вы бы защитили меня, какая бы беда мне ни угрожала.
— Увы!— сказал сэр Ланселот,— за всю мою жизнь со мной не случалось такого, чтобы мне вот так принять позорную смерть из-за того, что я безоружен.
А сэр Агравейн и сэр Мордред все продолжали кричать:
— Рыцарь-изменник! Выходи из опочивальни королевы! Ибо знай, нас тут против тебя столько, что тебе от нас не уйти!
— Ах, милосердный Иисусе! — воскликнул сэр Ланселот,— эти оскорбительные крики и вопли я не в силах более слышать, и лучше уж погибнуть сразу, нежели долее терпеть такое мучение.
И с тем он заключил королеву в объятия, поцеловал ее и сказал так:
— О, благороднейшая из христианских королев! Молю вас, как есть вы и всегда были моя прекраснейшая и возлюбленная дама, а я — ваш бедный рыцарь, верный вам, по мере сил моих, и как я ни разу не оставил вас в беде, ни правую, ни виноватую, с самого того первого дня, когда король Артур посвятил меня в рыцари,— заклинаю вас, молитесь за мою душу, если я буду убит. Ибо я твердо знаю, что сэр Борс, мой племянник, и все остальные рыцари из моего рода, а также и сэр Лавейн и сэр Уррий,— они все не оставят вас и непременно спасут от костра. И потому, возлюбленная госпожа моя, утешьтесь: что бы ни сталось со мною, вы уезжайте с сэром Борсом, моим племянником, и все мои родичи, по мере сил своих, будут во всем исполнять вашу волю, и вы сможете жить королевой на моих землях.
— Нет, сэр Ланселот, ни за что!— отвечала королева.— Знай, что после тебя я долго не проживу. И если тебя убьют, я приму смерть мою столь же кротко, как святой мученик принимает смерть во славу Иисуса Христа.
— Что же, госпожа моя,— молвил сэр Ланселот,— раз настал день нашей разлуки, знайте, что я продам свою жизнь так дорого, как только смогу. Но в тысячу раз горше,— сказал сэр Ланселот,— я скорблю о вас, нежели о себе! И сейчас, чем быть мне владыкой всего христианского мира, я предпочел бы иметь надежные доспехи, чтобы люди еще рассказывали о моих подвигах прежде, чем мне умереть.
— Воистину,— отвечала ему королева,— будь на то милость божия, я бы предпочла, чтобы они схватили и убили меня, а вам бы зато спастись.
— Этому не бывать никогда,— сказал сэр Ланселот.— Упаси меня бог от такого позора! И пребуди, о Иисусе Христе, щитом моим и панцирем!



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ УБИЛ СЭРА КОЛГРЕВАНСА, ОБЛАЧИЛСЯ В ЕГО ДОСПЕХИ И ЗАТЕМ УБИЛ СЭРА АГРАВЕЙНА И ЕГО ДВЕНАДЦАТЬ ТОВАРИЩЕЙ

И с тем обернул сэр Ланселот плащ свой плотно и крепко вокруг своей руки; между тем снаружи к дверям подтащили из зала большую скамью и с нею приготовились набежать на двери.

— Вот что, любезные лорды,— сказал сэр Ланселот,— не шумите так и не высаживайте двери, ибо я сейчас ее отопру, и тогда вы сможете сделать со мною, что пожелаете.

— Давай же,— отвечали они,— отпирай дверь, ибо сражаться тебе против всех нас нечего и пытаться! И потому впусти нас, и мы сохраним тебе жизнь, дабы ты предстал пред королем Артуром.

Тут сэр Ланселот отодвинул дверные засовы, левой рукой приоткрыл неширокo дверь, так что лишь по одному можно было пройти. И шагнул первым в дверь добрый рыцарь по имени Колгреванс Гоорский, могучий и грозный муж. Ударил он сэра Ланселота мечом, но сэра Ланселот отбил его могучий удар и сам с такою силой обрушил меч свой ему на голову, что тот ничком повалился мертвый прямо в спальню королевы.

Тот же час заперли дверь и сэр Ланселот с помощью королевы и ее дам быстро облачился в доспехи сэра Колгреванса. А сэр Агравейн с сэром Мордредом все стояли за дверью и кричали:

— Рыцарь-изменник! Выходи из королевиной опочивальни!

— Сэры, не кричите понапрасну,— отозвался им сэр Ланселот,— ибо знайте, сэр Агравейн, что на этот раз вам меня не взять! А потому мой совет вам, ступайте же прочь от дверей этого покоя и не занимайтесь больше доносами и наветами. Ибо, клянусь моею рыцарской честью, если вы разойдетесь и перестанете шуметь, я завтра утром предстану перед королем и перед вами, и тогда посмотрим, который из вас — или может быть вы все вместе — осмелитесь завтра обвинить меня в измене. И тогда я отвечу вам так, как надлежит рыцарю, и докажу, что я пришел сюда к королеве не со злым умыслом, и сумею подтвердить это моею рукою.

— Позор тебе, предатель! — отвечали сэр Агравейн и сэр Мордред.— Мы все равно захватим тебя, желаешь ты того или нет, и мы убьем тебя, если захотим! Ибо знай, что мы от короля Артура получили право выбора: убить тебя или оставить в живых.

— Ах так!— молвил сэр Ланселот.— Тогда защищайтесь, злосчастные! И тут сэр Ланселот распахнул двери и могучей рыцарской поступью вышел им всем навстречу. С первого же удара он убил сэра Агравейна и обратился против его двенадцати товарищей. И в короткий срок он уложил их всех замертво, ибо ни один из тех двенадцати рыцарей не в силах был выдержать Ланселотова удара. А сэра Мордреда он ранил, и тот с поспешностью обратился в бегство.

После этого сэр Ланселот возвратился к королеве и сказал ей так:

— Госпожа, вы сами видите, что всей нашей верной любви пришел конец ибо отныне король Артур будет мне врагом. И потому, госпожа моя, если только вы пожелаете последовать за мною, я избавлю вас от всех бед и опасностей.

— Сэр, мне думается,— отвечала королева,— что это было бы неправильно, ибо столько бед уже здесь свершено, что вам лучше теперь на время остаться в стороне. Если же завтра вы узнаете, что меня решено казнить, тогда вы меня спасете.

— Я согласен,— отвечал сэр Ланселот,— ибо не сомневайтесь, покуда я жив, я вас в беде не оставлю.

И с тем он ее поцеловал, и они обменялись кольцами, и он оставил королеву и возвратился к себе.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИШЕЛ К СЭРУ БОРСУ И РАССКАЗАЛ ЕМУ О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО, И КАК ВСЕ БЫЛО, И ЧЕМ ВСЕ КОНЧИЛОСЬ ❧ Когда сэр Борс увидел сэра Ланселота, он так обрадовался его возвращению, как не радовался никогда прежде.

— Иисусе милосердный! — воскликнул сэр Ланселот.— Что это значит? Что за причина вам всем встречать меня во всеоружии?

— Сэр,— отвечал сэр Борс,— когда вы ушли, всем нам, вашим родичам и доброжелателям, приснились такие тревожные сны, что иные из нас повыскакивали нагие из постелей, другие со сна хватались за мечи. И потому,— сказал сэр Борс,— мы решили, что начинается война и что мы попали в предательскую ловушку; потому-то мы и поспешили приготовиться к бою, на случай если вам угрожает опасность и нужна наша подмога.

— Мой любезный племянник,— сказал сэр Ланселот сэру Борсу,— знайте же, что в эту ночь мне угрожала такая опасность, какой я не видел еще за всю мою жизнь. Но благодарение богу, я сам ее избегнул и спасся от них.

И он поведал им, как и что с ним было, как вы уже слышали выше.

— И потому, друзья мои,— сказал им сэр Ланселот,— прошу вас, воспряньте духом и поддержите меня, когда мне будет в том нужда, ибо отныне к нам пришла война.

— Сэр,— отвечал ему сэр Борс,— что ни пошлет нам господь, мы все встретим с радостной душою. И как приняли мы при вас много добра и чести, так же готовы мы принять при вас и беду, как приняли благо.

И сказали они, все добрые рыцари:

— Не сокрушайтесь сердцем, сэр! Ибо нет таких рыцарей на свете, которым мы не сумеем нанести урон не меньший, чем они нам. Не падайте же духом, мы соберем всех, кого мы любим и кто любит нас, и всё, что повелите вы, будет исполнено. И потому будем принимать горести заодно с радостями.

— Грамерси,— отвечал им сэр Ланселот,— за вашу добрую поддержку, ибо в моей тяжкой беде, любезный племянник, вы очень поддержали меня. И вот что, любезный племянник, я поручаю вам сделать со всею возможной поспешностью, прежде чем пройдет этот день: навестите тех, кто здесь находится при короле, и разузнайте, кто примет мою сторону, а кто нет. Ибо теперь настало мне время знать, кто мне друг и кто враг.

— Сэр,— сказал сэр Борс,— я приложу все мои старания, и еще до семи часов вы будете знать наверное про тех, в ком вы сомневались, на чью сторону они встанут.

И призвал к себе сэр Борс сэра Лионеля, сэра Эктора Окраинного, сэра Бламура Ганского, сэра Блеобериса Ганского, сэра Гахалантина, сэра Галиходина, сэра Галихуда, сэра Менадука, сэра Вилара Доблестного, сэра Эба Достославного, сэра Лавейна, сэра Уррия Унгарского, сэра Неровенса, сэра Пленориуса (ибо они двое были теми самыми рыцарями, которых сэр Ланселот победил на мосту, и потому они ни в чем не выступали против него), сэра Харри Фиц-Лейка и сэра Селиса из Башни Слез, сэра Мелиаса Островного и сэра Белингера Жестокого, что был сыном Александра-Сироты, а так как его мать была из Ланселотова рода, то и он держал его сторону.

И прибыли также сэр Паломид и сэр Сафир, его брат; сэр Клегис, сэр Садук, сэр Динас и сэр Кларус Клермонтский.

Собрались эти двадцать четыре рыцаря верхами и в полных доспехах, и они дали обещание сэру Ланселоту исполнять его волю. И еще пристали к ним, кто там был из Северного Уэльса и Корнуэлла, ради памяти сэра Ламорака и сэра Тристрама, всего числом в сто сорок рыцарей. И молвил им сэр Ланселот:

— Знайте все вы, что я с первого дня, как появился здесь при дворе, по мере сил моих, стремился сохранять дружеское расположение господина моего Артура и госпожи моей королевы Гвиневеры. Но нынешней ночью королева призвала меня к себе, как я полагаю, по предательскому наущению, однако я ото всей души ее извиняю, хотя я у нее едва не погиб, когда бы господь бог не вступился за меня.

И тут благородный рыцарь сэр Ланселот поведал им обо всем, как его пытались схватить, четырнадцать на одного, в королевиных покоях и каким образом удалось ему спастись и уйти живым.

— И потому знайте, любезные лорды, я вижу, что мне и тем, кто за меня, теперь войны не избежать. Нынешней ночью я убил сэра Агравейна, Гавейнова брата, и еще не менее двенадцати его товарищей, и по этой причине я обречен теперь на смертную вражду. Ибо эти рыцари были посланы королем Артуром, чтобы предательски меня схватить, и теперь король в ярости и злобе присудит королеву к сожжению на костре, я же никогда не потерплю, чтобы королеву сожгли из-за меня. Если только меня согласятся выслушать и принять, тогда я буду сражаться за королеву и сумею доказать, что она — верная супруга своему государю. Но боюсь, король в пылу гнева не пожелает выслушать меня и дать мне право сразиться за королеву.



О СОВЕТЕ, КОТОРЫЙ ДЕРЖАЛ СЭР ЛАНСЕЛОТ СО СВОИМИ СТОРОННИКАМИ ПРО ТО, КАК СПАСТИ КОРОЛЕВУ ❧ — Господин мой сэр Ланселот,— сказал сэр Борс,— мой совет вам: примите зло вместе с добром. И раз уж так все случилось, мой совет вам собраться с силами и защищаться, ведь если вы решитесь выступить, то и целая рыцарская дружина не сможет причинить вам зла. И еще мой совет вам, господин мой, если госпожа моя королева Гвиневера попадет в беду и пострадает из-за вас, спасите ее, как подобает рыцарю; ведь если вы этого не сделаете, весь мир будет говорить о вашем позоре до скончания века. Раз уж вас застали у нее, то, правы ли вы или виноваты, ваш долг теперь — не оставлять королеву и уберечь ее от оскорблений и от позорной смерти. Ибо, если она умрет этой страшной смертью, вечный позор падет на вас.

— Упаси Иисусе меня от позора,— отвечал сэр Ланселот,— и защити и сбереги госпожу мою королеву от злобы и от постыдной смерти! А уж я не дам ей погибнуть!

Итак, мои любезные лорды, родичи мои и други,— спросил сэр Ланселот,— как вы решились поступить?

И ответили они ему разом, в один голос:

— Сэр, мы будем стоять за вас.

— Тогда скажите мне,— спросил сэр Ланселот,— если завтра господин мой король Артур по злому наущению и в пылу гнева своего отправит госпожу мою королеву на костер и обречет на сожжение, тогда прошу у вас совета, как мне наилучшим образом поступить?

И ответили они ему все разом, в один голос:

— Сэр, нам думается, всего лучше, чтобы вы спасли королеву, как подобает рыцарю. Ведь если ее обрекут сожжению, то из-за вас; и надо думать, захвати они вас, и вам была бы уготована такая же смерть, а то и постыднее. И мы все знаем, сэр, что вы уже много раз спасали королеву от беды, которую навлекали на нее другие люди; и потому нам думается, что тем более честь ваша требует спасти ее теперь от этой беды, в которую она попала из-за вас.

Тогда встал Ланселот и сказал так:

— Любезные лорды, знайте, что я ни за что не желал бы поступить так, чтобы навлечь позор на себя или на род свой; знайте также, что я ни за что не желал бы, чтобы госпожа моя королева приняла столь позорную смерть. Но если уж вы советуете мне спасти ее, мне придется много бед причинить в здешних краях, прежде чем она будет спасена, и кто знает, возможно, от моей руки падут иные из дорогих мне друзей, и это мне будет весьма прискорбно. И возможно, среди них есть такие, кто не медля стал бы на мою сторону если бы только мог и осмелился ослушаться господина моего коро-

ля Артура. И этих мне тоже не хотелось бы губить. А если мне все же удастся отбить у них королеву, где мне поместить ее?

— Сэр, об этом нам всего менее должно заботиться,— отвечал сэр Борс,— ибо как поступил благороднейший рыцарь сэр Тристрам? Разве не по вашей доброй воле провел он вместе с Прекрасной Изольдой без малого три года в замке Веселой Стражи, послушавшись вашего совета? Замок же этот принадлежит вам, и вы тоже, если хотите, можете поступить так: по-рыцарски увезти королеву, если дело обернется так, что король приговорит ее к сожжению. В замке Веселой Стражи она может пробыть с вами столько времени, сколько понадобится, чтобы прошел гнев короля Артура, и тогда вы с честью возвратите ему королеву, и, быть может, заслужите благодарность и признательность короля, вместо вражды и злобы.

— Это все сделать непросто,— сказал сэр Ланселот,— ибо пример сэра Тристрама служит мне предостережением: ведь сами посмотрите, что получилось под конец, когда сэр Тристрам по мирному согласию доставил Изольду Прекрасную из замка Веселой Стражи обратно королю Марку? Как предательски заколол его этот коварный изменник король Марк, когда он сидел у ног госпожи своей Изольды Прекрасной и играл на арфе! Навостренным бердышом он пронзил его сзади до самого сердца, и мне весьма прискорбно— сказал сэр Ланселот,— говорить о его смерти, ибо во всем мире не сыскать второго такого рыцаря.

— Все это правда,— сказал сэр Борс,— но есть одно, что должно внушить смелость и вам и всем нам: ведь все знают, что король Артур никогда не походил на короля Марка своими обычаями, и не было еще на свете человека, который мог бы уличить короля Артура в том, что он неверен своему слову.

И вот, говоря коротко, они все, на горе ли, на счастье, согласились на том, что если завтра королеву повезут на костер, то будь что будет, но они все вместе ее отобьют. И по замыслу сэра Ланселота они как смогли попрятались в лесу близ Карлайля и там, притаившись, дожидались решения короля.



КАК СЭР МОРДРЕД ВТОРОПЯХ ПОСКАКАЛ К КОРОЛЮ, ДАБЫ ПОВЕДАТЬ ЕМУ О ТОЙ СТЫЧКЕ И О ГИБЕЛИ СЭРА АГРАВЕЙНА И ОСТАЛЬНЫХ РЫЦАРЕЙ ❧ А теперь мы обратимся к сэру Мордреду, который, спасшись от меча сэра Ланселота, вскочил на коня и прискакал к королю Артуру, жестоко пораненный и весь залитый кровью. И поведал он королю о том, как все это было, и что все остальные убиты, кроме лишь его одного.

— О, милостивый Иисусе! Возможно ли это? — воскликнул король.

— И вы застали его в спальне королевы?

— Именно так, да поможет мне бог,— отвечал сэр Мордред.— Мы застали его там нево-

оруженным, но он убил сэра Колгреванса и облачился в его доспехи.
И он рассказал королю все от самого начала и до конца.
— Господи спаси! — воскликнул король.— Он рыцарь чудесной доблести! Увы,— сказал король,— мне весьма прискорбно, что сэр Ланселот оказался моим противником, ибо теперь я знаю, благородное братство рыцарей Круглого Стола распадется навеки, ведь многие благородные рыцари примут его сторону. И теперь все обернулось так,— сказал король,— что честь требует от меня, чтобы моя королева была предана смерти,— так сказал король с сердечным волнением.
И в страшном гневе издал он повеление судить королеву, и предстояло ей быть осужденной на смерть. Ибо в те дни закон был таков; что кто бы ни был человек, высокого ли звания и положения, или же низкого, но если окажется он повинен в измене, то ничего ему не остается, кроме смерти, и если он захвачен с поличным или же есть еще другие обстоятельства, то тем лишь ускоряется суд и расправа [4]. Так было и с королевой Гвиневерой: жестокая рана сэра Мордреда и гибель тринадцати рыцарей Круглого Стола,— эти причины и обстоятельства побудили короля Артура незамедлительно присудить королеву к сожжению и отправить ее на костер.
Но тут заговорил сэр Гавейн и сказал так:
— Господин мой Артур, мой совет вам не спешить так, лучше бы вам отложить этот суд над госпожой моей королевой, к чему есть много причин. Одна причина в том, что хоть сэр Ланселот и был застигнут в королевиной спальне, но ведь, может статься, он явился туда не со злыми целями. Ведь вы знаете, господин мой,— сказал сэр Гавейн,— что госпожа моя королева многим обязана сэру Ланселоту, гораздо более, нежели какому-либо еще рыцарю; ибо не раз он спасал ей жизнь и бился за нее в поединках, когда все другие при дворе отказывали королеве в защите. И кто знает, быть может, королева призвала его по доброте, а не для зла, дабы вознаградить его за его прежние пред нею заслуги. Быть может, госпожа моя королева послала за ним ночью для того, чтобы сэр Ланселот мог прийти к ней тайно, ибо она полагала, что таким путем всего легче избегнуть пересудов и наветов; ведь нередко мы делаем такое, что представляется нам к лучшему, а при случае может обернуться злом. И я полагаю,— сказал сэр Гавейн, — что госпожа моя ваша королева сохраняет вам верность и любовь. А что до сэра Ланселота, то могу поручиться, он с оружием в руках отстоит честь свою против любого рыцаря, который осмелится обвинить его и оскорбить; и подобным же образом отстоит он и честь госпожи моей королевы.
— Этому я готов поверить,— сказал король Артур,— но больше я сэру Ланселоту этого не позволю, ибо он слишком уж доверяет рукам своим и своей силе и не боится никого на свете. И потому он уже более никогда не выступит в поединке за мою королеву, ибо с ней будет поступлено по закону. И если я доберусь до сэра Ланселота, то знайте, что и он примет столь же позорную смерть.
— Упаси меня Иисусе,— сказал сэр Гавейн,— узнать такое или увидеть.
— Отчего говорите вы так? — спросил король Артур.— Ведь, клянусь богом, вам нет причины любить его! Ибо минувшей ночью он убил вашего брата сэра Агравейна, благороднейшего рыцаря, и едва не убил второго

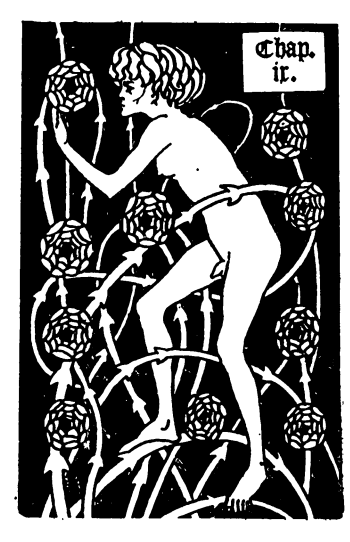
вашего брата — сэра Мордреда, и всего он убил в ту ночь тринадцать благородных рыцарей. Помните также, сэр Гавейн, что среди них он убил двоих ваших сыновей, сэра Флоренса и сэра Ловеля.
— Мой господин,— отвечал сэр Гавейн,— обо всем этом я извещен и об их смерти горько сожалею. Но поскольку я их предупреждал и наперед сказал брату моему и моим сыновьям, чем все это кончится, и поскольку они не пожелали послушать моего совета, я устраняюсь, не буду искать и мести за их гибель; ведь я говорил им, что вражда с сэром Ланселотом не принесет добра. Как бы я ни печалился о смерти моего брата и двух моих сыновей, все же это они сами повинны в своей смерти, ибо много раз предостерегал я брата моего сэра Агравейна от грозящих ему бед.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ СО СВОИМИ СОРОДИЧАМИ СПАСЛИ КОРОЛЕВУ ОТ КОСТРА, И КАК ОН ЗАРУБИЛ ПРИ ЭТОМ МНОГИХ РЫЦАРЕЙ ❧ Тогда сказал король Артур сэру Гавейну: — Собирайтесь, прошу вас, вместе с братьями вашими сэром Гахерисом и сэром Гаретом, облачитесь в лучшие ваши доспехи и отвезите мою королеву на костер.
— О нет, благороднейший мой король,— отвечал сэр Гавейн,— этого я не сделаю, ибо знайте, меня не будет там, где столь благородная дама, как госпожа моя королева Гвиневера, должна будет принять такую позорную смерть. Ибо да будет вам ведомо,— молвил сэр Гавейн,— сердце мое не вынесет подобного зрелища, и никто никогда не скажет про меня, что я был в этом согласен с вами.
— Тогда,— сказал король сэру Гавейну,— дозвольте братьям вашим, сэру Гахерису и сэру Гарету, присутствовать при казни.
— Мой господин,— отвечал сэр Гавейн,— знайте, что они бы с радостью уклонились от вашего поручения, ибо от этого последует еще немало бед, но они молоды и не могут ослушаться вас.
И сказали сэр Гахерис и сэр Гарет королю Артуру:
— Сэр, вы вправе, конечно, послать нас, но знайте, что это будет против нашей воли. И если мы и будем присутствовать там по прямому вашему велению, то в одном вам все равно придется нас извинить: мы явимся туда мирно, без доспехов и не при оружии.
— Во имя господа,— молвил король,— собирайтесь в путь, ибо суд над нею будет скорый.
— Увы! — сказал сэр Гавейн.— Зачем дожил я до этого скорбного дня. И с тем отвернулся сэр Гавейн и, горько заплакав, удалился в свои покои. И вот вывезли королеву за стены Карлайля, вот уже сорвали с нее одежду и подвели к ней ее духовного отца, дабы она покаялась в своих прегрешениях. И поднялся тут среди лордов и дам плач и вой и ломание рук; но мало кто явился туда в гербах и доспехах торжествовать смерть королевы.

Но был среди них посланный от сэра Ланселота, которому поручено было следить, когда начнется казнь. И вот, видя, что с королевы сорвали дорогие одежды и что она уже покаялась перед смертью, он дал сэру Ланселоту условный сигнал. Пришпорили они коней, погнали во весь опор и подскакали прямо к костру. А кто противился им, те все пали убитыми, ибо никто не мог выстоять против сэра Ланселота.

Так были убиты там все, кто с оружием в руках пытался их задержать, и полегло немало благородных рыцарей: сэр Белианс Надменный, сэр Сегварид, сэр Грифлет, сэр Брандель, сэр Агловаль, сэр Тор; сэр Гаутер, сэр Гилмер и сэр Рейнольд — три брата; сэр Дамас, сэр Приам, сэр Кэй-Чужестранец, сэр Дриант, сэр Ламбегус, сэр Хермин и сэр Пертолип с сэром Перимоном, два брата, которых называли Зеленый Рыцарь и Красный Рыцарь. Но в схватке и толчее, устремляясь то туда то сюда, сэр Ланселот, на беду, убил, не разобрав, сэра Гахериса и сэра Гарета, двух благородных рыцарей, безоружных и не ожидавших худого. Как повествует Французская Книга, сэр Ланселот рассек сэру Гахерису и сэру Гарету головы, и оттого они пали мертвыми прямо на поле. Но истина в том, что сэр Ланселот их не заметил. И только потом их нашли мертвыми в самой гуще сражения. После того сэр Ланселот, порубив и обратив в бегство всех, кто пытался ему противостоять, подскакал прямо к королеве Гвиневере. Он набросил на нее платье и плащ, усадил ее позади себя на коня и сказал ей, чтобы она воспрянула духом. И знайте, что уж конечно королева была рада избавиться от неминуемой смерти, и она возблагодарила господа и сэра Ланселота. И ускакал он с королевой, как повествует Французская Книга, в замок Веселой Стражи, и там содержал он ее так, как подобает благородному рыцарю. И многие короли и бароны послали к сэру Ланселоту своих рыцарей, и многие благородные рыцари сами пристали к сэру Ланселоту. И услышав о распре между королем Артуром и сэром Ланселотом, иные рыцари радовались, иные же горько печалились их вражде.



О ТОМ, КАК ГОРЕВАЛ И ОПЛАКИВАЛ КОРОЛЬ АРТУР СМЕРТЬ СВОИХ ПЛЕМЯННИКОВ И ДРУГИХ ДОБРЫХ РЫЦАРЕЙ, А ТАКЖЕ И КОРОЛЕВУ, СВОЮ СУПРУГУ ❧ Теперь же мы вновь обращаемся к королю Артуру,— а он, когда ему сообщили о том, как и при каких обстоятельствах была похищена от костра королева, и когда он услышал о гибели многих своих благородных рыцарей, в особенности же о смерти сэра Гахериса и сэра Гарета, то он от великой жалости и печали лишился чувств. Когда же он очнулся, то сказал так:

— Увы! Зачем только ношу я корону на голове моей? Ибо вот теперь я утратил прекраснейшую рыцарскую дружину, какую когда-либо содержал христианский король. Увы, мои доб-

рые рыцари пали убитыми или покинули меня, и я за прошедшие два дня лишился без малого сорока рыцарей, не считая сэра Ланселота и его сородичей, ибо отныне честь моя мне не дозволяет быть с ними в мире! Увы, увы! зачем только началась эта распря!— Однако, любезные други,— сказал король,— я повелеваю, пусть никто не говорит сэру Гавейну о гибели его братьев, ибо я знаю,— сказал король,— что когда он услышит о том, что умер сэр Гарет, он почти что лишится рассудка. Боже милостивый,— сказал король,— почему же он убил сэра Гахериса и сэра Гарета? Ибо что до сэра Гарета, то ведь, ручаюсь, он любил сэра Ланселота более всех людей на свете.

— Это правда,— отвечали иные из рыцарей,— но они были убиты в общей схватке, когда сэр Ланселот разил, не разбирая, в самой гуще сражения. На них не было доспехов, и он поразил их, не ведая, кого убивает, и так, по несчастью, были они убиты.

— Ну,— сказал король Артур,— их гибель вызовет величайшую смертельную войну, какая была на земле, ибо я уверен, что когда сэр Гавейн узнает о том, что сэр Гарет убит, я не буду знать от него покоя до тех пор, пока не уничтожу весь род сэра Ланселота и его самого, или же он уничтожит меня. И потому,— сказал король,— знайте, что никогда еще сердце мое не сокрушалось так, как ныне. И я гораздо более скорблю о потере моих добрых рыцарей, нежели об утрате моей любезной королевы; ибо королев я всегда смогу найти довольно, а такую дружину добрых рыцарей не собрать больше никогда на свете. И могу сказать,— молвил король Артур,— ни у одного христианского короля не было еще такой дружины. И вот, увы! теперь между сэром Ланселотом и мною вражда! Ах, Агравейн, Агравейн,— молвил король,— Христос да помилует твою душу, ибо ненависть, которую ты и сэр Мордред, брат твой, питали к сэру Ланселоту, породила все эти беды.

И плакал король, повторяя свои жалобы, и лишался чувств.

Но к сэру Гавейну явился один человек и поведал ему о том, что королева похищена сэром Ланселотом и без малого двадцать четыре рыцаря пали убитыми.

— Ах господи, помилуй и храни моих двух братьев[5]!— воскликнул сэр Гавейн.— Ведь я так и знал,— сказал сэр Гавейн,— что сэр Ланселот явится к ней на помощь и спасет ее либо погибнет на поле боя. И правду сказать, он не достоин был бы рыцарской славы, если бы не спас королеву, ведь это из-за него обрекли ее на костер. Так что сэр Ланселот,— сказал сэр Гавейн,— поступил по-рыцарски, так же и я поступил бы, окажись я на его месте. Но где же мои братья?— спросил сэр Гавейн.— Мне странно, что я их не вижу.

И тогда тот человек ему сказал:

— Сэр Гахерис и сэр Гарет убиты.

— Боже упаси!— молвил сэр Гавейн.— За весь этот мир я не согласился бы, чтобы они были убиты, в особенности же мой добрый брат сэр Гарет.

— Сэр,— сказал тот,— он убит, и это весьма прискорбно.

— Кто же убил его? — спросил сэр Гавейн.

— Сэр Ланселот,— тот отвечал,— убил их обоих.

— Этому я не могу поверить,— сказал сэр Гавейн,— не мог он убить моего доброго брата сэра Гарета, ибо ручаюсь, мой брат любил его более, нежели меня или всех остальных наших братьев, или даже короля. И также я знаю, что, пожелай сэр Ланселот призвать моего брата сэра Гарета на свою сторону, он бы сразу же к нему примкнул против короля и против всех нас. И потому я никогда не поверю, что сэр Ланселот мог убить моих братьев.

— Воистину, сэр,— молвил тот человек,— все говорят, что это он убил его.

— Увы! — воскликнул сэр Гавейн,— не видать мне больше радости на свете!



КАК КОРОЛЬ АРТУР ПО ТРЕБОВАНИЮ СЭРА ГАВЕЙНА РЕШИЛСЯ ИДТИ ВОЙНОЙ НА СЭРА ЛАНСЕЛОТА И ОБЛОЖИЛ ЕГО ЗАМОК ПОД НАЗВАНИЕМ ВЕСЕЛАЯ СТРАЖА

И с тем он упал и лишился чувств и долго так пролежал, словно мертвый. А когда он очнулся от своего обморока, то вскричал горестно: «Увы мне!» — и побежал к королю, рыдая и плача, и сказал ему так:

— О, дядя мой, король Артур! Мой добрый брат сэр Гарет убит, убит и другой мой брат, сэр Гахерис, оба добрые рыцари. Тут заплакал король, и он вместе с ним, и оба они упали без памяти. Когда же их привели в чувство, то заговорил сэр Гавейн и сказал:

— Сэр, я желаю увидеть тело моего брата Гарета.

— Сэр, вы не сможете увидеть его,— отвечал король,— ибо я повелел предать его земле, и сэра Гахериса тоже, ибо я ведь знал, что вы будете убиваться сверх меры, и вид сэра Гарета удвоит ваше горе.

— Увы, господин мой,— молвил сэр Гавейн,— как случилось, что он убил моего брата сэра Гарета? Прошу вас, расскажите мне.

— Воистину,— отвечал король,— скажу вам, как сказали мне: сэр Ланселот зарубил и его, и сэра Гахериса.

— Увы,— сказал сэр Гавейн,— ведь они оба были безоружны против него!

— Я не знаю, как это было,— сказал король,— но рассказывают, что он убил их в гуще битвы, не узнав ни того, ни другого. И потому давайте измыслим способ, как нам отомстить за их гибель.

— Мой король, мой господин и мой родной дядя,— сказал сэр Гавейн,— знайте же, ныне я даю вам слово, которое подкреплю всей моей рыцарской честью: отныне и впредь я неотступно буду преследовать сэра Ланселота, пока один из нас двоих не будет убит. И потому прошу вас, мой господин и король, готовьтесь к войне, ибо знайте, я не успокоюсь, покуда не отомщу сэру Ланселоту; и если вы дорожите моей любовью и моей службой, то поспешайте и созовите ваших друзей. Ибо клянусь богом, — сказал сэр Гавейн,— в отместку за смерть брата моего сэра Гарета я семь царств обыщу, а сэра Ланселота найду, и либо я его убью, либо же он убьет меня.

— Сэр, вам не придется искать его так далеко,— сказал король,— ибо, как я слышал, сэр Ланселот поджидает меня и всех нас в своем замке Ве-

селой Стражи. И люди говорят, что туда к нему стекается немало народу.

— В это я легко поверю,— отвечал сэр Гавейн.— Однако, господин мой,— сказал он,— собирайте ваших друзей, а я соберу моих.

— Так и будет сделано,— молвил король,— и думается, у меня достанет силы и мощи выбить его из крепчайшей башни его замка.

И разослал король письма и бумаги вдоль и поперек по всей Английской земле, призывая к себе всех своих рыцарей. И съехались к королю Артуру многие рыцари, герцоги и графы, так что собралось у него большое войско. И когда они все съехались, король поведал им о том, как сэр Ланселот похитил у него королеву.

И приготовился король со всем его войском обложить сэра Ланселота в его замке Веселой Стражи.

Сэр Ланселот о том прослышал и тоже призвал к себе многих добрых рыцарей, ибо немало рыцарей держали его сторону — одни ради него самого, другие из-за королевы. И вот оснащены были обе стороны всем, что ни на есть потребного для ведения войны. Но войско короля Артура было столь велико, что войско сэра Ланселота не могло встретиться с ним на поле. И сам сэр Ланселот не хотел сражаться против короля. Он удалился в свой крепкий замок, запасшись в изобилии всем нужным провиантом и взяв с собою столько доблестных мужей, скольких возможно было расположить внутри замка и в городских стенах.

И вот подошел король Артур и сэр Гавейн с огромным войском и обложил со всех сторон стены Веселой Стражи — и город и замок. И было там между ними немало жестоких схваток, но сэр Ланселот не выезжал надолго за крепостные стены и никому из своих добрых рыцарей не позволял делать вылазки ни из города, ни из замка; и так продолжалось целых пятнадцать недель.



О СООБЩЕНИИ МЕЖДУ КОРОЛЕМ АРТУРОМ И СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ, И КАК КОРОЛЬ АРТУР УКОРЯЛ ЕГО

Но вот в один прекрасный день сэр Ланселот выглянул через стену и громким голосом обратился к королю Артуру и к сэру Гавейну:

— Любезные мои два господина, знайте, понапрасну вы ведете эту осаду, ибо здесь не завоюете вы чести, но лишь горе себе и позор. Ведь если я пожелаю выйти за стены с моими добрыми рыцарями, то я в краткий срок положу конец этой войне.

— Выходи же,— отвечал сэру Ланселоту король Артур,— если смеешь, и я обещаю встретиться с тобою посреди этого поля.

— Господь меня упаси,—отвечал сэр Ланселот,— когда-либо встретиться в бою с благороднейшим из королей, посвятившим меня в рыцари.

— Позор тебе! Не желаю я слушать твои сладкие речи! — отвечал король, — ибо знай и не сомневайся, я твой смертный враг и останусь им до по-

следнего дня моей жизни. Ибо ты убил моих добрых рыцарей, мужей славных и моих сородичей, и этой потери мне ничем не возместить. Кроме того ты возлежал с моей королевой и был ее возлюбленным много лет, а потом еще, как настоящий изменник, похитил ее у меня силою.
— Благороднейший мой господин и король,— молвил сэр Ланселот,— вы можете говорить все, что пожелаете, ибо вам отлично известно, что на вас я зла держать не стану. А что вы говорите, что я убил ваших добрых рыцарей, то это я и сам знаю и горько об этом скорблю; но я вынужден был вести с ними бой ради спасения моей жизни, иначе оставалось мне допустить, чтобы они убили меня. Что же до госпожи моей королевы Гвиневеры, то, кроме вашего величества и еще господина моего сэра Гавейна, ни один рыцарь на свете не посмел бы в лицо обвинить меня в измене вашей особе. А что вы изволите говорить, что я долгие годы был возлюбленным госпожи моей, вашей королевы, на это я всегда готов дать ответ и доказать с оружием в руках против любого рыцаря на земле, кроме вас и сэра Гавейна, что госпожа моя королева Гвиневера — верная супруга вашему величеству, и нет на свете другой дамы, которая тверже бы хранила верность своему супругу; и это я готов подтвердить с оружием в руках. И если ей угодно было в милости своей оказывать мне ласку и предпочтение перед всеми рыцарями, то по мере сил моих я заслужил ее любовь, ибо много раз, господин мой, вы соглашались в гневе предать ее сожжению и гибели, и всякий раз мне выпадала честь за нее сразиться, и прежде чем я расставался с моим противником, он всегда признавался в своей неправоте и честь королевы бывала восстановлена. И в такие минуты, господин мой Артур,— сказал сэр Ланселот,— вы тоже ласкали и благодарили меня за то, что я спас от костра вашу королеву, и вы клялись навеки быть мне благосклонным сюзереном. Теперь же, сдается мне, вы платите мне злом за мою добрую службу. Ибо, думается мне, господин мой, я утратил бы едва что не всю мою рыцарскую честь, когда бы потерпел, чтобы госпожу мою, вашу королеву, сожгли на костре, тем паче, если это случилось бы из-за меня. Ведь если прежде я сражался за вашу королеву и спасал ее из беды, что навлекли на нее другие, то тем более я должен был спасти ее от облыжного обвинения на этот раз. И потому, мой добрый и милостивый господин,— сказал сэр Ланселот,— примите милостиво назад вашу королеву, ибо она верна вам и добродетельна.
— Тьфу на тебя, трусливый рыцарь-изменник!— воскликнул тогда сэр Гавейн.— Ибо да будет ведомо тебе: что бы ты ни говорил, мой господин и родной дядя король Артур все равно получит назад свою королеву и тебя тоже и убьет вас обоих или помилует, как ему заблагорассудится.
— Возможно, что и так,— отвечал сэр Ланселот,— но знай и ты, господин мой сэр Гавейн, что если мне вздумается выйти за городские стены, то, чтобы захватить меня и королеву, вам придется выиграть нелегкий бой, какого жесточе еще не случалось вам выигрывать.
—Тьфу на твои хвастливые речи! — сказал сэр Гавейн.— Что до госпожи моей королевы, то знай: я никогда не скажу про нее худого слова. Но ты, коварный и трусливый рыцарь,— сказал сэр Гавейн,— за что было тебе убивать моего доброго брата сэра Гарета, который любил тебя сильнее,

нежели меня и весь род наш? И ведь ты, увы, своей рукою посвятил его в рыцари! Почему же убил ты его, который так тебя любил?

— Извинения мне в этом нет,— отвечал сэр Ланселот,— но клянусь Иисусом и моей верностью высокому Ордену Рыцарства, для меня это было все равно что убить моего собственного племянника сэра Борса Ганского. Увы мне, почему случилось со мною такое злосчастье,— сказал сэр Ланселот,— что я не заметил сэра Гарета и сэра Гахериса!

— Ты лжешь, трусливый рыцарь! — воскликнул сэр Гавейн.— Ты убил их из ненависти ко мне. И потому, знай, о сэр Ланселот, я буду вести войну против тебя, и покуда я жив, я — твой враг!

— Мне прискорбно это,— отвечал сэр Ланселот,— ибо я понимаю, что напрасно буду искать примирения, пока вы, сэр Гавейн, настроены так злобно. А когда бы не вы, я не сомневаюсь, что возвратил бы себе милость господина моего короля Артура.

— Охотно верю этому, коварный, трусливый рыцарь, ибо ты долгое время высокомерно помыкал нами и погубил немало наших добрых рыцарей.

— Сэр, говорите, как вам будет угодно,— отвечал сэр Ланселот,— и все же никто не может обвинить меня и доказать перед всеми, что я когда-либо убил рыцаря коварными ухищрениями, как это сделали некогда вы, господин мой сэр Гавейн. Я же убивал, только защищаясь, понужденный к этому ради спасения моей собственной жизни.

— А, лживый рыцарь!— сказал сэр Гавейн.— Ты намекаешь на сэра Ламорака [6]. Но знай же, я убил его моею рукою!

— Сэр, вы убили его не один на один,— отвечал сэр Ланселот,— это было бы вам не под силу, ибо он почитался среди сверстников своих одним из лучших рыцарей в христианском мире. И это великой жалости достойно, что он погиб.



КАК КУЗЕНЫ И РОДИЧИ СЭРА ЛАНСЕЛОТА ПОБУЖДАЛИ ЕГО ВЫЙТИ НА БОЙ, И КАК ОНИ ГОТОВИЛИСЬ К СРАЖЕНЬЮ ❧ — Что ж, ладно, сэр Ланселот,— сказал сэр Гавейн,— раз уж ты упрекаешь меня за сэра Ламорака, то знай, я буду преследовать тебя до тех пор, покуда и ты не попадешься мне так, что уже не уйдешь из моих рук.

— В это я легко поверю,— отвечал сэр Ланселот,— и если уж вы до меня доберетесь, то мне не дождаться пощады.

Но Французская Книга говорит, что король Артур склонялся принять свою королеву обратно и примириться с сэром Ланселотом, да только сэр Гавейн ни за что не желал на это согласиться. Сэр Гавейн собрал людей, велел им всем разом трубить в рога и вызывать сэра Ланселота, и они в один голос кричали ему, что он — «коварный и трусливый рыцарь».

Но когда эти возгласы услышали сэр Борс Ганский, сэр Эктор Окраин-

ный и сэр Лионель, то они призвали к себе сэра Паломида и сэра Лавейна и сэра Уррия и еще многих добрых рыцарей из своего рода, и все вместе они явились к сэру Ланселоту и сказали так:

— Мой господин, знайте, что мы глубого презираем все эти оскорбительные речи, что сэр Гавейн говорил против вас. И мы просим вас и требуем, если дорожите вы нашей службой, не удерживайте нас более в этих стенах, ибо мы объявляем вам, что желаем выехать на поле и сразиться с ними. Ибо вы поступаете, как человек, который боится, а ведь все ваши прекрасные речи вам не помогут, ведь сэр Гавейн все равно никогда не допустит вашего примирения с королем. И потому, сражайтесь за вашу жизнь и ваше право, если только вы не боитесь!

— Увы!— отвечал сэр Ланселот,— выезжать из замка и завязывать бой я бы никак не хотел!

И крикнул сэр Ланселот громким голосом королю Артуру и сэру Гавейну:

— Мой господин, прошу вас и заклинаю, раз уж я вынужден выехать на поле боя, вы, господин мой король Артур, и вы, сэр Гавейн, воздержитесь и не появляйтесь там.

— А что же нам делать?— спросил сэр Гавейн.— Разве не королю надлежит биться с тобою за те оскорбления, что ты ему нанес? И разве не мне биться с тобою за смерть брата моего сэра Гарета?

— Ну, что ж, ничего не поделаешь,— сказал сэр Ланселот.— Приходится мне выходить в бой. Но знайте, господин мой Артур, и вы, сэр Гавейн, вы еще пожалеете, что настояли на сражении со мной.

И с тем они разошлись; и обе стороны стали готовиться к завтрашнему бою, и большие приготовления были сделаны и с той и с другой стороны. А сэр Гавейн собрал много рыцарей и поручил им преследовать сэра Ланселота, обступить его плотно, когда представится случай, и убить. И вот на рассвете король Артур с тремя большими полками уже стоял готовый к бою у стен замка.

Тут и Ланселотово войско выехало на поле через трое ворот в полном боевом порядке: с первым полком выехал сэр Лионель, со средним полком — сэр Ланселот, а в третьи ворота выехал сэр Борс. Они двигались ровным строем, как подобает благородным рыцарям. Но сэр Ланселот наставлял своих рыцарей щадить жизнь королю и сэру Гавейну.



КАК СЭР ГАВЕЙН В СХВАТКЕ НА КОПЬЯХ ПОВЕРГ СЭРА ЛИОНЕЛЯ, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОМОГ КОРОЛЮ АРТУРУ СЕСТЬ НА КОНЯ ❧ И выехал вперед королевского войска сэр Гавейн и вызвал любого, кто пожелает с ним сразиться. Сэр Лионель был горячий рыцарь, в тот же миг он ринулся ему навстречу, съехались они, и сэр Гавейн пробил ему грудь, так что сэр Лионель рухнул замертво с коня на землю. И тогда сэр Эктор вместе с другими рыцарями унес его в замок.

Тут завязалось великое сражение и много полегло в нем народу; но все время сэр Ланселот старался щадить людей короля Артура. Ибо сэр Борс и сэр Паломид и сэр Сафир сокрушали многих рыцарей, ведь они были грозные бойцы; и вместе с сэром Бламуром Ганским, сэром Блеоберисом и сэром Белингером Жестоким они вшестером нанесли врагам немалый урон. А король Артур все прорывался к сэру Ланселоту, желая его убить, но сэр Ланселот терпел его удары и не разил его в ответ. И схватился с королем Артуром сэр Борс и выбил его из седла; а затем он и сам спешился, обнажил меч и крикнул сэру Ланселоту:

— Сэр, не положить ли мне конец этой войне? (Ибо он подразумевал что убьет его.)

— Не смейте!— воскликнул сэр Ланселот.— Под страхом смерти не дерзайте более к нему прикоснуться! Ибо я никогда не допущу, чтобы благороднейший из королей, посвятивший меня в рыцари, был убит или посрамлен!

И с тем сэр Ланселот сошел со своего коня, поднял с земли короля, подсадил в седло и сказал так:

— Господин мой король, ради Иисуса, прекратите эту войну, ибо вам не будет от нее чести, если я стану биться до последнего. Ведь я все время щажу вас, вы же сами, и все ваши, наседаете на меня без пощады. И потому, господин мой, прошу вас, припомните все мои многочисленные заслуги, за которые я сейчас получаю дурную награду.

А король Артур, вновь очутившись в седле, посмотрел на сэра Ланселота, и слезы брызнули из глаз его при мысли о великом благородстве сэра Ланселота, которому равного не было среди мужей. И с тем ускакал король прочь, не в силах более его видеть, и горестно молвил про себя: «Увы, увы, зачем начинали мы эту войну!»

Между тем отошли полки обеих сторон на отдых, стали хоронить убитых, осматривать раненых и прикладывать к их ранам утоляющие снадобья. И так провели они ту ночь, пока не настало утро. А к рассвету все вновь изготовились к бою, и передовой отряд возглавил сэр Борс.

И когда наступило утро, выехал вперед сэр Гавейн, свирепый, как вепрь, и в руке он держал тяжелое копье. Увидел его сэр Борс и задумал отомстить за брата своего сэра Лионеля, который потерпел от него поражение накануне. И вот, признав издалека один другого, навесили они свои копья, ринулись друг на друга со всей своей мощью и мощью коней своих и сшиблись столь яростно, что пронзили друг друга копьями и оба рухнули на голую землю.

И встретились тут полки, вновь завязался бой, и много народу пало убитыми с обеих сторон. Сэр Ланселот успел подобрать сэра Борса и отослал его в замок, и ни сэр Гавейн, ни сэр Борс не умерли от тех ран, ибо им была оказана добрая помощь.

И стали сэр Лавейн и сэр Уррий просить сэра Ланселота, чтобы и он сражался в полную силу, как и они:

— Ибо мы видим, что вы щадите и уклоняетесь разить врагов, мы же от этого терпим урон. И потому мы просим вас, не пекитесь о ваших врагах, как они не пекутся о нас.

— Увы,— сказал сэр Ланселот,— не велит мне сердце сражаться против господина моего Артура, ибо кажется мне, будто я поступаю не так, как предписывает мой долг.

— Господин мой,— сказал сэр Паломид,— как бы вы их ни щадили, они вам будут за это только благодарны, если же им удастся захватить вас, то почитайте себя убитым.

И понял сэр Ланселот, что они говорят правду. И стал он сражаться с большей силою, чем прежде, к тому же и раны племянника его сэра Борса распаляли в нем ярость.

И в скором времени, еще до начала вечерни, сторона сэра Ланселота стала одерживать верх, и кони их шагали выше копыта в крови — так много людей было убито в тот день.

И пожалел их снова сэр Ланселот, он удержал своих рыцарей и позволил войску короля Артура отойти с поля боя. Затем и сэр Ланселот удалился со своими силами в замок, и оба войска стали хоронить убитых и раненым прикладывать утоляющие снадобья. Но теперь, когда был ранен сэр Гавейн, рыцари на стороне короля Артура уже не столь пылко рвались в битву.

Тем временем о войне между королем Артуром и сэром Ланселотом распространилась весть по всем христианским землям и достигла, наконец, через донесения до слуха римского папы. И папа, зная о великой добродетели короля Артура и о высокой доблести сэра Ланселота, который почитался благороднейшим рыцарем мира, призвал к себе одного благородного служителя веры, который в то время находился в Риме (а Французская Книга говорит, что это был епископ Рочестерский), и вручил ему папа буллы со свинцовыми печатями и отправил его к королю с повелением, под угрозой интердикта всей Англии, принять назад свою королеву и примириться с сэром Ланселотом.



КАК ПАПА РИМСКИЙ ПРИСЛАЛ ИМ БУЛЛЫ С ПОВЕЛЕНИЕМ ПРИМИРИТЬСЯ, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИВЕЗ КОРОЛЮ АРТУРУ КОРОЛЕВУ

И вот когда прибыл епископ в Карлайль, он показал королю буллы, и король, услышав, что в них написано, не знал, как ему дальше быть: он бы с превеликой охотою примирился с сэром Ланселотом, но сэр Гавейн этого не допускал. На возвращение королевы он согласился, но допустить, чтобы король примирился с сэром Ланселотом, он не согласен был ни в коем случае, он дал только согласие, чтобы вернулась королева. И получил епископ от короля Артура заверения под большой королевской печатью, что, как есть он истинный и помазанный король, сэр Ланселот сможет уехать в неприкосновенности, а королева будет при-

нята обратно, и никто при дворе, ни сам король, ни словом не помянут ей того, что было. И верную запись этих условий епископ отвез показать сэру Ланселоту.

Когда он прибыл в замок Веселой Стражи, то объявил и доказал сэру Ланселоту, что послан папой римским с буллами к королю Артуру и к нему. И он объявил сэру Ланселоту, что ему грозит, если он откажется возвратить королю Артуру его королеву.

— Сэр, у меня в мыслях не было,— сказал сэр Ланселот,— отказаться возвратить королеву господину моему Артуру. Я держу ее у себя вот по какой причине: поскольку она была обречена на сожжение из-за меня, я счел моим долгом спасти ей жизнь и защитить ее от опасности, до тех пор пока не объявится заступничество надежнее моего. И вот теперь, хвала господу,— сказал сэр Ланселот,— папа римский позаботился о королеве и установил меж ними мир. Ибо видит бог,— сказал сэр Ланселот,— мне в тысячу раз радостнее возвратить ее королю, нежели было раньше ее похитить, при том условии, что я смогу приехать и уехать неприкосновенным и что королева будет на свободе и никогда впоследствии не подвергнется опасности, в чем бы ее ни обвиняли теперь. В противном же случае,— молвил сэр Ланселот, —я не побоюсь оставить ее у себя, пусть даже враги мои нападают на нас еще яростнее, чем прежде.

— Сэр, вам нет нужды,— сказал епископ,— этого опасаться, ибо знайте, повеления папы никто не вправе ослушаться. И ни честь римского папы, ни мое смиренное достоинство не допустят, чтобы вы или королева вновь попали в беду и чтобы вам грозила гибель или поношение.

И он показал сэру Ланселоту все бумаги, и от папы, и от короля Артура.

— Это надежные заверения,— сказал сэр Ланселот,— ибо я всегда готов довериться письму господина моего и его печати, ведь никто не слышал. чтобы он когда-либо нарушил свое слово. И потому,— сказал сэр Ланселот епископу,— поезжайте к королю Артуру вперед меня, приветствуйте его от меня и сообщите, что ровно через семь дней, милостию божией, я сам привезу к нему королеву. И еще скажите моему достославному господину, что я перед всеми готов защищать честь королевы и ни для кого не сделаю исключения, кроме лишь самого короля и господина моего сэра Гавейна, и то более ради короля, нежели ради сэра Гавейна.

И отбыл епископ и приехал в Карлайль к королю и пересказал ему ответ сэра Ланселота, и покатились у короля слезы из глаз. Между тем сэр Ланселот собрал сотню рыцарей, облаченных в добрые одежды из зеленого бархата и верхом на конях, по копыта покрытых чепраками из той же ткани, и каждый рыцарь держал в руке оливковую ветвь в знак мира. И таким же образом сопровождали королеву двадцать четыре дамы. А за сэром Ланселотом вели двенадцать коней, и на каждом сидели верхом дворянские сыны, и все они были облачены в одежды из белого бархата с золотыми цепями вокруг бедер, и кони покрыты белыми же чепраками по самые копыта, а сбруи унизаны драгоценными пряжками, шиты каменьями и жемчужинами в золотой оправе,— всего числом в тысячу на каждом коне. И в подобном же облачении была королева, а также и сэр Ланселот — в одеждах из белой ткани с золотым шитьем.

И вот в таком-то виде, как повествует Французская Книга, сэр Ланселот отправился из замка Веселой Стражи в Карлайль. Он проследовал через весь город в замок, так что все жители могли его видеть. И было там по пути их немало плачущих глаз. Приехав, спешился сэр Ланселот и отдал коня, снял с седла королеву и повел ее туда, где король Артур восседал на своем месте; перед ним же сидел сэр Гавейн и еще многие великие лорды. Увидел сэр Ланселот короля и сэра Гавейна, подвел он королеву за руку, и преклонили они оба перед королем колени. И знайте, многие мужественные рыцари, вместе с королем Артуром, плакали, при этом так горько, словно все их родичи до последнего лежали перед ними мертвые!

А король сидел неподвижно, не произнеся ни слова. Поглядел в лицо ему сэр Ланселот и встал во весь рост, поднял и королеву с колен, и так сказал он по-рыцарски:



О ВОЗВРАЩЕНИИ СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ КОРОЛЮ КОРОЛЕВЫ, И С КАКИМИ РЕЧАМИ ОБРАТИЛСЯ К СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ СЭР ГАВЕЙН

— Мой достославный король, вы видите, что по повелению римского папы и вашему я привез вам госпожу мою королеву, как того требует право. Но если есть здесь, кроме вашего величества, хоть один рыцарь, высокого ли звания и рождения или низкого, все равно, который осмелится отрицать, что она верна вам и чиста, то я, сэр Ланселот Озерный, с оружием в руках против него докажу, что она — ваша верная супруга.

Но вы, сэр, послушали лжецов, и это породило великую распрю между мною и вами. Ведь было время, господин мой Артур, когда вы были довольны мною за то, что я защищал госпожу мою, вашу королеву, и вам отлично ведомо, о благороднейший из королей, что она не раз и прежде подвергалась великим опасностям. А раз в прежние времена вы были довольны, когда я за нее сражался, то тем паче, казалось мне, я должен был спасти ее от костра, который грозил ей из-за меня.

Те же, кто передавали вам все эти рассказы, были лжецами, и им досталось по заслугам; ибо всего вернее, не будь могущество божие на моей стороне, мне бы не выстоять одному против четырнадцати рыцарей. К тому же они были вооружены и знали, на что шли, я же был безоружен и застигнут врасплох, ведь я был зван к госпоже моей, вашей королеве, а для чего, я не знал, но едва только переступил порог королевиных покоев, как тотчас же сэр Агравейн и сэр Мордред стали кричать мне из-за двери и называть меня изменником и трусом.

— Клянусь, они называли тебя правильно! — воскликнул сэр Гавейн.

—Господин мой сэр Гавейн,— сказал сэр Ланселот,— в той схватке им не удалось выказать себя ни правыми. ни сильнейшими.

—Ну, ну, сэр Ланселот,— сказал король,— я не давал вам причины поступать со мною так, как вы поступили, ибо вы и ваша родня были у меня в чести большей, чем другие рыцари.

— Мой господин,— отвечал сэр Ланселот,— не прогневайтесь, но ведь я и мои сородичи не однажды сослужили вам лучшую службу, нежели другие рыцари; и всякий раз, как вам приходилось тяжко, я избавлял вас от всевозможных опасностей; я всегда по мере сил моих рад был оказать услугу вам и господину моему сэру Гавейну. И в поединках, и на турнирах, и в сраженьях, пеший и конный, я много раз повсюду спасал вас и вас, господин мой сэр Гавейн, и еще многих ваших рыцарей.

И сейчас я смело скажу,— продолжал сэр Ланселот,— да будет вам всем ведомо, что еще ни разу не встретил я такого рыцаря, который мог бы против меня выстоять в честном бою до последнего. Помилуй меня господь! С какими бы славными рыцарями мне ни приходилось сражаться, будь то даже сэр Тристрам или сэр Ламорак, я никогда не бился из всех моих сил, ибо щадил их, догадываясь, кто они. И я беру бога в свидетели, никогда я не питал зла и зависти к добрым рыцарям, добывающим себе славу в поединках, и всегда был рад, если мне встречался рыцарь, хоть недолго могший выстоять против меня, в пешем ли бою или в конном. Только вот, пожалуй, сэр Карадос из Башни Слез, он был боец превосходнейший и муж силы превеликой, и кому и знать это, сэр Гавейн, как не вам, ведь того нельзя не почитать превосходным бойцом, кто великой мощью своею стащил вас с коня, положил поперек своего седла и прикрутил веревками к луке. И в тот раз, господин мой сэр Гавейн, я вас спас и убил его у вас на глазах. А в другой раз я повстречал брата вашего сэра Гахериса и сэра Тарквина, который вез его перед собою, связанного по рукам и ногам. И тогда я спас вашего брата и убил сэра Тарквина и к тому же вызволил из заточения еще шестьдесят четыре рыцаря господина моего короля Артура. И потому говорю теперь,— сказал сэр Ланселот,— что никогда не встречал столь могучих рыцарей и столь искусных бойцов, как сэр Карадос и сэр Тарквин, ибо с ними обоими я бился в полную мою силу. И потому также думается мне,— сказал сэр Ланселот сэру Гавейну,— что и вам не должно об этом забывать. Ибо если я склоню к доброму расположению вас, то, с помощью божией, я добьюсь и милости господина моего короля Артура.



О СООБЩЕНИИ МЕЖДУ СЭРОМ ГАВЕЙНОМ И СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ, И О МНОГИХ ИХ СЛОВАХ ❧ — Сэр, король пусть решает, как ему угодно,— отвечал сэр Гавейн,— но знай, сэр Ланселот, между мною и тобой никогда не будет мира, покуда мы живем на свете, ибо ты убил трех моих братьев. И двоих из них ты убил предательски и безжалостно, ибо они были безоружны, да и никогда бы не подняли против тебя оружия.

— Сэр, видит бог, я желал бы, чтобы они были в доспехах,— сказал сэр Ланселот,— ибо тогда они были бы сейчас живы. Что до сэра Гарета, то никого из своих кровных родичей я так не любил, как его, и покуда жив я,— ска-

зал сэр Ланселот,— я буду оплакивать смерть сэра Гарета, и вовсе не из страха перед вами, но по многим другим причинам, причиняющим печаль мою. Одна из них та, что я сам посвятил его в рыцари; вторая причина — что, я знаю, он любил меня более, нежели кого-либо еще из рыцарей; а третья — что он был благороден и верен, любезен и учтив и нравом весьма добр. Четвертая же причина в том, что я сразу же понял, услышав о смерти сэра Гарета, что мне никогда уже больше не пользоваться вашею, господин мой сэр Гавейн, любовью, но лишь вражда вечная будет между нами. И также я понял, что вы склоните господина моего короля Артура на вечную и смертельную со мною вражду. Но клянусь моей рыцарской честью и как есть Иисус мне защитник, я не убивал ни сэра Гарета, ни брата его моею волею, но увы! на беду явились они в тот день без доспехов! Но вот что я предложу вам,— сказал сэр Ланселот,— если угодно будет королю и вам, господин мой сэр Гавейн: я выйду из Сандуича босой и в одной рубахе и отправлюсь в путь, и через каждые десять миль буду основывать и закладывать святые обители какого ордена вы мне назначите, и часовни, чтобы в них день и ночь пели и читали молитвы, в особенности же по сэру Гарету и по сэру Гахерису. И это я сделаю на всем пути от Сандуича до Карлайля, и каждой обители придам довольно имущества и добра. И покуда останется у меня хоть какое-то имение на земле, ни один из этих божьих домов не будет испытывать недостатка ни в чем, что потребно для устройства, содержания и кормления святых обителей. И это будет дань во спасение их душ достойнее и святее и богу угоднее, нежели когда вы, мой благороднейший король и вы, сэр Гавейн, идете на меня войной, ибо этим вы ничего не добьетесь.

Тут все рыцари и дамы, при том присутствовавшие, стали плакать, как безумные, и на щеки короля Артура тоже упали слезы.

— Сэр Ланселот,— сказал сэр Гавейн,— я выслушал твои прекрасные речи и щедрые посулы. Но знай, пусть король поступает, как угодно ему, я же никогда не прощу тебе смерть моих братьев, в особенности же, смерть брата моего сэра Гарета. И если мой дядя король Артур пожелает помириться с тобой, он лишится моей службы, ибо говорю тебе,— сказал сэр Гавейн,— ты изменник и королю и мне.

— Сэр,— отвечал сэр Ланселот,— не родился еще на свете такой рыцарь, который сумел бы доказать это против меня с оружием в руках! И если вы, сэр Гавейн, бросаете мне столь ужасное обвинение, то уж извините меня, но мне придется на него ответить.

— Ну, нет,— сказал сэр Гавейн,— теперь уж об этом речи нет из-за папы римского, ибо он повелел дяде моему королю принять назад королеву и примириться, сэр Ланселот, с тобою, и на этот раз дать ручательство, что ты сможешь уехать невредим, как и приехал. Но в нашей земле тебе не должно оставаться долее пятнадцати дней — такое предупреждение тебе делаю я, ибо еще до твоего приезда мы с королем в том сговорились и согласились. А если ты замешкаешься,— сказал сэр Гавейн,— то знай, что лучше бы тебе вовсе сюда не приезжать, ибо ты заплатишь головой. И когда бы не повеление папы,— сказал сэр Гавейн,— я бы своими руками бился против тебя, один на один, и доказал бы, одолев тебя, что ты — изменник и дяде

моему королю Артуру, и мне. Я еще докажу это в поединке с тобою после того, как ты отсюда уедешь, где бы я тогда тебя ни встретил!



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРОСТИЛСЯ С КОРОЛЕМ И С ЗАМКОМ ВЕСЕЛОЙ СТРАЖИ И СОБРАЛСЯ ЗА МОРЕ, И КАКИЕ РЫЦАРИ ОТПРАВИЛИСЬ ВМЕСТЕ С НИМ ❧ Тут вздохнул сэр Ланселот, и слезы упали на щеки его, и он сказал:

— О, благороднейшее христианское королевство, возлюбленное мною превыше всех королевств! В твоих пределах добыл я почти всю мою славу, но ныне, когда должен я вот так бесславно тебя покинуть, воистину мне жаль, что когда-то я прибыл сюда, откуда я столь позорно изгнан, незаслуженно и беспричинно! Но так уж изменчива судьба и безостановочно ее колесо, что нет в жизни постоянства. И тому есть много свидетельств в старых хрониках, как, например, в историях благородного Гектора Троянского или Александра[7], этого могущественного завоевателя, и еще многих других: они были вознесены на царственную высоту, а потом падали всех ниже. Так случилось и со мною,— сказал сэр Ланселот,— ибо в этом королевстве я пользовался величайшей славой, и подвигами моими и сородичей моих умножена была слава всего Круглого Стола более, нежели кем-либо еще из вас.

И потому знай, сэр Гавейн, я проживу на моих собственных землях не хуже любого из здесь находящихся рыцарей. И если вы, мой достославный король, придете на мои земли с сэром Гавейном войной против меня, то я уж постараюсь, как смогу, противостоять вам. Но что до вас, сэр Гавейн, если вы пойдете на меня, то прошу вас, не обвиняйте меня в измене и предательстве, ибо иначе я должен буду ответить на ваши обвинения.

— Поступай как тебе будет угодно,— отвечал сэр Гавейн,— только поторопись скрыться с наших глаз! И знай, мы скоро последуем за тобою и обрушим крепчайший из твоих замков тебе на голову!

— В этом вам не будет нужды,— молвил сэр Ланселот,— ибо когда бы я был столь же воинственно настроен, как вы, я бы непременно искал с вами встречи на ратном поле.

— Не надобно нам больше речей твоих,— сказал сэр Гавейн,— вручи королю королеву и поспеши вон из этого замка!

— Ну, что ж,— сказал сэр Ланселот,— знай я, какая меня здесь ждет встреча, я бы дважды подумал, прежде чем ехать сюда. А если бы королева и вправду была мне так дорога, как вы на нее нашептываете, уж я бы не побоялся оставить ее у себя и отстоять ее даже и против сильнейшей в мире рыцарской дружины.

И с тем обратился сэр Ланселот к королеве Гвиневере и при короле и при всех, кто там был, сказал ей так:

— Госпожа, теперь я должен навсегда покинуть вас и это благородное общество. И раз уж это так, я заклинаю вас молиться за меня, как я буду молиться за вас. Если же лживые языки еще когда-нибудь навлекут на вас беду, без промедления, добрая моя госпожа, дайте знать об том мне, и если хоть один рыцарь на всем свете сможет вас спасти, то этим рыцарем буду я, и я спасу вас с оружием в руках.

И с тем сэр Ланселот поцеловал королеву и сказал громким голосом:

— А теперь посмотрим, найдется ли здесь кто-нибудь, кто осмелится сказать, что королева неверна господину моему королю Артуру? Пусть говорит, если посмеет.

И с тем он подвел королеву к королю, а потом поклонился и вышел. И не было там ни короля ни герцога, ни графа ни барона, ни рыцаря ни дамы, кто бы не плакал, как безумный, кроме лишь сэра Гавейна. И когда благородный рыцарь сэр Ланселот садился на коня, чтобы покинуть Карлайль, поднялись тут великие стоны и рыдания, и горько был оплакан его отъезд. И пустился он в путь к замку Веселой Стражи, который он с тех пор всегда называл замком Печальной Стражи. Так покинул сэр Ланселот навсегда двор короля Артура.

Когда же он прибыл к себе в замок, то призвал к себе свою дружину и спросил рыцарей, как намерены они поступить дальше. И ответили они все разом в один голос, что как он поступит, так и они.

— Тогда, любезные мои други,— сказал сэр Ланселот,— мы должны покинуть пределы этого благороднейшего королевства. И теперь, когда я должен отсюда уехать, мне это очень горько, ибо отъезд мой будет бесславен, ведь изгнанник всегда удаляется бесславно. А это меня очень печалит, ибо я боюсь, что люди после моей смерти запишут в хроники, что я был изгнан из этой земли. А иначе, любезные лорды, когда бы не боялся я позора, госпожа моя королева Гвиневера и я не расстались бы никогда.

Тут заговорили благородные рыцари сэр Паломид и сэр Сафир, его брат, и сэр Белингер Жестокий, и сэр Уррий с сэром Лавейном, и еще многие другие, и сказали так:

— Сэр, если вы склонны не уезжать и остаться в этой стране, то мы не подведем вас, вы можете на нас положиться. Если же вы надумаете покинуть эту страну, то здесь нет ни одного доброго рыцаря, который бы не последовал за вами, и тому есть много причин. Одна из них та, что все мы, хоть и не вашей крови, при дворе короля не встретим радушного приема. И раз уж мы предпочли в беде вашей принять вашу сторону, когда вы находились здесь, знайте, что мы также последуем за вами и в другие страны и разделим с вами и там вашу судьбу.

— Любезные лорды,— отвечал им сэр Ланселот,— я вас понял и отблагодарю, как могу. Вы же знайте: все мои наследственные владения я разделю с вами, то есть я разделю все мое имение и все земли между вами, и себе возьму ровно столько же, сколько достанется и всякому из вас; и если будет у меня довольно, чтобы жить мне одному, то больше мне не надо ни богатств, ни роскошеств. И с божьей помощью я надеюсь содержать вас на моих землях не хуже прежнего.

Тут сказали все рыцари в один голос:

— Позор да будет тому, кто вас покинет! Ибо мы все понимаем, не будет мира в этом королевстве, но лишь раздор и война, когда распалось братство рыцарей Круглого Стола. Ведь это дружиною Круглого Стола держалась слава короля Артура, ее доблестью поддерживался мир и покой короля и всего королевства. И немалая доля,— сказали они все,— в этом и ваших заслуг, сэр Ланселот.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПЕРЕЕХАЛ ЧЕРЕЗ МОРЕ И КАК ОДЕЛИЛ БОГАТЫМИ ЗЕМЛЯМИ РЫЦАРЕЙ, УЕХАВШИХ ВМЕСТЕ С НИМ ❧ — Воистину я благодарю вас всех за добрые ваши слова. Как бы то ни было, я знаю, что не на мне одном держалось благоденствие этого королевства, но в чем мог, я исполнял свой долг. И право, я помню в мои дни немало смут и мятежей, которые мною и моим родом бывали усмирены. Но о мятежах, я знаю, все мы еще скоро услышим, и это мне весьма прискорбно. Ибо я очень опасаюсь,— сказал сэр Ланселот,— что сэр Мордред учинит в стране смуту, ибо он человек злобный и весьма склонный творить беды.

Так было между ними решено отправиться вместе с сэром Ланселотом в его владения. И говоря коротко, они наняли и закупили все потребное снаряжение, и собралась при сэре Ланселоте целая сотня рыцарей, и они приняли присягу, что бы ни было, не покидать его ни в славе ни в беде.

Сели они на корабли в Кардиффе и отплыли в Бенвик; сейчас иные зовут его Байонна, а иные — Бонн[8], откуда вино боанское. Но правду сказать, сэр Ланселот и его племянники владели всей Францией и всеми землями, к Франции принадлежащими; он и весь его род приобрели все эти владения через благородную доблесть сэра Ланселота.

Прибыв, стал он укреплять и оснащать все свои славные города и замки и ставил в них отряды-гарнизоны. И тогда признали его власть все жители тех земель и смиренно ему покорились. Когда же распорядился он всем в тех краях, то вскоре созвал парламент, и там он короновал сэра Лионеля королем Франции, а сэра Борса он короновал королем всех бывших владений короля Клаудаса, а сэра Эктора Окраинного, младшего своего брата, короновал он королем Бенвика и всей Гийенны — наследными владениями сэра Ланселота. И он сделал сэра Эктора князем над ними всеми.

Так расчленил он все свои земли и наделил ими своих благородных рыцарей. Сначала он пожаловал владения своим сородичам: сэра Бламура он сделал герцогом Лимузина, что в Гийенне, а сэра Блеобериса — герцогом Пуатье. Сэру Гахалантину он отдал герцогство Овернь, сэру Галиходину — герцогство Сентон, сэра Галихуда сделал графом Перигё, сэра Менадука сделал графом Руэрга, сэра Вилара Доблестного — графом Беарна,

сэра Эба Достославного — графом Коммана, сэра Лавейна он сделал графом Арманьяка, сэра Уррия — графом Астарака, сэра Неровенса — графом Пардиака, сэра Пленориуса — графом Фуа, сэра Селиса из Башни Слез он сделал графом Марсана, а сэра Мелиаса Островного — графом Турсана, а сэра Белингера Жестокого — графом Ланд, а сэра Паломида — герцогом Прованса и сэра Сафира, его брата,— герцогом Лангедока. Сэру Клегису он пожаловал графство Ажен, сэру Садуку — графство Сарла, сэра Динаса-Сенешаля он сделал герцогом Анжуя и сэра Кларуса — герцогом Нормандии [9].

Так наградил сэр Ланселот своих благородных рыцарей, этих и еще многих других, которых слишком долго было бы, мне думается, здесь перечислять.





КАК КОРОЛЬ АРТУР И СЭР ГАВЕЙН СОБРАЛИ БОЛЬШОЕ ВОЙСКО, ЧТОБЫ ПЕРЕЕХАТЬ ЧЕРЕЗ МОРЕ И ПОЙТИ ВОЙНОЙ НА СЭРА ЛАНСЕЛОТА ❧ Теперь мы оставляем сэра Ланселота в его владениях, и с ним — его благородных рыцарей, и возвратимся к королю Артуру и сэру Гавейну, которые собрали большое войско всего числом в шестьдесят тысяч. Все уже было готово для переезда через море и для войны против сэра Ланселота и против его земель. И вот в Кардиффе погрузились они на корабли.

А король Артур назначил сэра Мордреда главным управителем над всей Английской землей, и под его началом оставил также королеву: оттого что был сэр Мордред сыном королю Артуру, король на время своего отсутствия поручил ему в управление свою страну и свою королеву.

Переехал король через море, высадился на земле сэра Ланселота и стал предавать страну грабежам и пожарам — ради мести сэра Гавейна. Когда же достигла сэра Ланселота весть о том, что король Артур с сэром Гавейном высадились на его землю и все разоряют и губят, то сказал ему сэр Борс:

— Мой господин сэр Ланселот, позор нам, что мы вот так допускаем их хозяйничать на наших землях. Ведь знайте, как бы вы им ни попускали, они вам за то не сделают снисхождения, если вы попадете к ним в руки.

Потом заговорил сэр Лионель, рыцарь разумный и осмотрительный, и сказал ему так:

— Мой господин сэр Ланселот, вот какой я дам вам совет: отсидимся за крепкими стенами в городах наших, покуда противники наши не начнут испытывать голод и холод и не будут дуть себе на пальцы, а тогда нападем на них со свежими силами и порежем их, как овец в загоне, чтобы навсегда запомнили чужестранцы, на них глядя, как высаживаться на наших землях!

Потом заговорил король Багдемагус и сказал сэру Ланселоту так:
— Сэр, ваша учтивость погубит нас всех, ваша учтивость породила и все эти бедствия, но ведь если они так будут хозяйничать на наших землях, то постепенно они и нас самих уничтожат, если мы вот так попрячемся по норам.
Затем сказал сэру Ланселоту сэр Галихуд:
— Сэр, среди нас немало рыцарей королевской крови, и долго они не согласятся сидеть и бездействовать в этих стенах. И потому, позвольте нам, как должно рыцарям, встретить врага в поле, и мы так разделаемся с ними, что они проклянут тот час, когда ступили на нашу землю.
Затем заговорили семеро братьев из Северного Уэльса; то были семь благороднейших рыцарей,— семь королевств можно было обыскать и все же не найти других таких семерых рыцарей. И сказали они все семеро в один голос так:
— Сэр Ланселот, ради Христа, позвольте нам с сэром Галихудом выехать за стены, ибо мы не приучены прятаться по замкам и крепким городам.
И тогда заговорил сэр Ланселот, который всем им был глава и господин, и сказал так:
— Любезные лорды, знайте, я никак не хотел бы выезжать из стен замка ради пролития христианской крови. Но я вижу, что мои земли окажутся вовсе разорены, если на них еще долго будут кормиться большие армии, занятые великой войной, какую еще во время оно вел на них король Клаудас против здешних людей, а также против отца моего короля Бана и моего дяди короля Борса. Но все же пока еще мы останемся за этими крепкими стенами. Я же пошлю посольство к господину моему королю Артуру для примирения, ибо мир лучше, нежели постоянные войны.
И послал сэр Ланселот девицу и с нею карлика, дабы просили они короля Артура не воевать более его земли. Пустилась она в путь на лошади, ее карлик бежал сбоку, и когда она подъехала к шатру короля Артура, то спешилась. И встретил ее учтивый рыцарь сэр Лукан-Дворецкий и сказал:
— Прекрасная девица, вы прибыли от сэра Ланселота Озерного?
— Да, сэр,— она отвечала,— для того я прибыла сюда, чтобы говорить с королем Артуром.
— Увы,— сказал сэр Лукан,— господин мой Артур рад был бы примириться с сэром Ланселотом, но сэр Гавейн до того не допустит.— И еще он сказал: — Молю бога, девица, чтобы вам преуспеть, ибо все мы, состоящие при короле, почитаем сэра Ланселота за лучшего среди всех рыцарей на свете.
И с тем сэр Лукан отвел девицу к королю, где он сидел с сэром Гавейном, чтобы они могли выслушать ее посольство. И когда она кончила говорить, побежала влага из королевских глаз. И все лорды с превеликой радостью стали советовать королю примириться с сэром Ланселотом, кроме лишь одного сэра Гавейна. А он сказал так:
— Господин мой и родной дядя, как намерены вы теперь поступить? Неужели решитесь вы повернуть назад, когда уже так далеко зашли? Весь мир будет говорить о вас со смехом и презрением.

— Знайте, сэр Гавейн,— отвечал король,— что я поступлю по вашему совсту. Однако сдается мне,— сказал король Артур,— что не следовало бы отвергать его справедливых предложений. Но раз уж я зашел так далеко, дать ответ этой девице я поручаю вам, ибо сам я не в силах от жалости говорить с нею, ведь ее предложения столь благородны.



КАК СЭР ГАВЕЙН ПОСЛАЛ ОБЪЯВИТЬ СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ, И КАК КОРОЛЬ АРТУР ОБЛОЖИЛ БЕНВИК, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ ❧ И тогда сказал сэр Гавейн девице так:

— Передайте вы сэру Ланселоту, что посылать посольства к моему дяде для него — напрасный труд. Ибо, скажите ему, если он в самом деле желает приложить старания для мира, надо было сделать это ранее, ибо теперь уже поздно. И скажите ему, что я, сэр Гавейн, просил ему передать, что я клянусь верностью моею господу и рыцарству преследовать его неотступно до тех пор, пока он меня не убьет либо же я его!

Заплакала тут девица и удалилась, но и там осталось немало плачущих глаз. Сэр Лукан отвел ее туда, где стояла ее лошадь, и она возвратилась к сэру Ланселоту. А он был со своими рыцарями, и когда сэр Ланселот услышал ответ короля, то слезы сбежали по щекам его. А благородные рыцари обступили его и сказали:

— Сэр Ланселот, почему вы так невеселы? Вспомните, кто вы такой, вспомните, кто мы такие, и давайте, благородные рыцари, померимся с ними силами на поле брани.

— Это-то легче легкого,— отвечал сэр Ланселот,— но никогда еще не был я менее склонен к сраженью. И потому прошу вас, сэры, если вы меня любите, то послушайтесь вы меня и поступите по-моему. Ибо я буду всегда избегать боя с благородным королем, когда-то посвятившим меня в рыцари. Перед ним я буду обращаться в бегство, а если уж некуда мне будет дальше бежать, только тогда стану обороняться. И оттого будет мне и всем нам больше чести, чем если бы стали мы биться против благородного короля, которому прежде мы все служили.

На том прекратили они свои речи, и в ту ночь все расположились на отдых.

А рано поутру, как еще только светало, выглянули рыцари и увидели, что осада со всех сторон подступает к городу Бенвику, и уже лестницы наставлены. А из города их отбивают и сбрасывают со стен.

И выехал вперед сэр Гавейн, во всеоружии, на могучем скакуне, остановился перед главными воротами с копьем в руке и крикнул:

— Где ты, сэр Ланселот? Или меж вами, гордыми рыцарями, ни один не осмелится поломать копья со мною?

Тут изготовился сэр Борс и выехал за стены города. И встретился сэр Гавейн с сэром Борсом и сшиб его с коня и самого его едва не убил. Подобрали сэра Борса и унесли обратно в город.

Тогда выехал сэр Лионель, желая отомстить за сэра Борса. Вот оба они наставили копья, ринулись друг против друга и сшиблись жестоко, но сэру Гавейну была в тот день такая удача, что он сшиб наземь сэра Лионеля и нанес ему глубокую рану. Подобрали тогда сэра Лионеля и внесли за ворота в город.

И так сэр Гавейн приезжал каждый день, и не было случая, когда он не сокрушил бы кого-либо из рыцарей сэра Ланселота. Так продолжалось целых полгода, и немало народу было побито с обеих сторон.

Но вот случилось однажды сэру Гавейну подъехать к воротам города, как всегда, в полном вооружении и верхом на отличном скакуне, и с тяжелым копьем в руке, и крикнуть громким голосом так:

— Где же ты, коварный изменник сэр Ланселот? Почему прячешься, как трус, за стенами и укрытиями? Выгляни только, коварный рыцарь-предатель, и я отомщу тебе за смерть моих трех братьев!

Все эти речи слышал сэр Ланселот от начала до конца. И тут обступили его со всех сторон родичи его и его рыцари, и так сказали они сэру Ланселоту все враз:

— Сэр, теперь должно вам непременно защитить себя, как подобает рыцарю, либо же быть опозоренным навеки, ибо когда вас открыто обвиняют в измене, тогда настает время действовать! И так слишком долго вы спали и слишком много терпели.

— Да поможет мне бог,— отвечал сэр Ланселот,— меня жестоко печалят слова сэра Гавейна, ибо ныне он бросает мне тяжкое обвинение. И потому знаю я, как и вы, что мне должно теперь непременно защищаться, либо же оказаться трусом.

И приказал сэр Ланселот седлать своего лучшего коня и нести свои доспехи в надвратную башню. А сам сэр Ланселот обратился к королю громким голосом и сказал так:

— Господин мой Артур, благородный король, когда-то посвятивший меня в рыцари! Знайте, сокрушается сердце мое за вас, что вы вот так преследуете меня. Я же все от вас сносил, ведь будь я мстителен, я бы давно уже встретился с вами на бранном поле и усмирил бы самых храбрых ваших рыцарей. Вот уже полгода, как я все терплю и сношу от вас и от сэра Гавейна. Но теперь я уже более терпеть не могу и непременно должен защититься, раз уж сэр Гавейн обвинил меня в измене. Но это будет против моей воли, ибо я не хотел биться против рыцарей вашей крови, однако теперь уже мне нет пути назад, как зверю, загнанному в засаду.

Тогда сказал сэру Ланселоту сэр Гавейн:

— Если ты отважился на бой, то оставь пустые речи и выходи на поле, и мы отведем душу!

Тогда облачился сэр Ланселот в доспехи и сел на коня своего, и оба рыцаря взяли в руки тяжелые копья. Отступило от ворот осаждавшее войско, и вышли из города благородные рыцари, числом столь многие, что когда увидел король Артур такое множество воинов и рыцарей, подивился он и сказал себе:

— Увы мне, что сэр Ланселот против меня! Ибо теперь я вижу, что он и вправду до сих пор меня щадил.

И заключен был между ними двумя договор, что никто не должен к ним приближаться и ввязываться в бой, покуда один из них не будет убит или не покорится.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ И СЭР ГАВЕЙН БИЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ, И КАК СЭР ГАВЕЙН БЫЛ ПОВЕРЖЕН И РАНЕН ❧ И вот разъехались далеко сэр Ланселот и сэр Гавейн и пустили друг на друга коней во всю мочь и во весь опор, сшиблись и ударили один другого в середину щита. Но так могучи были рыцари и так тяжелы их копья, что не выстояли кони под этими ударами и рухнули наземь. Встали рыцари, бросив узду, перетянули наперед щиты и, сойдясь, стали рубиться, нанося один другому жестокие удары по всему телу, так что кровь хлестала у них отовсюду.

А у сэра Гавейна была такая тайная сила в ладанке, полученной от святого старца, что всякий день в году с девяти часов утра и до полудня за три часа мощь его возрастала втрое[10] против обычного. И это помогало сэру Гавейну снискать себе немало славы. Из-за него-то и издал король Артур такое повеление, чтобы все поединки божьего суда, которые должны были происходить пред королем Артуром, назначались как раз на это время; и все это — ради сэра Гавейна, дабы он, если случится ему выступить на одной стороне, успел одержать в поединке верх, покуда сила его не начнет убывать. Но мало кто из рыцарей в то время знал о тайном преимуществе сэра Гавейна, кроме одного лишь короля Артура.

А сэр Ланселот продолжал биться с сэром Гавейном, и чуя, как все возрастает у того сила, испугался сэр Ланселот, как бы ему не потерпеть поражения, ибо, как повествует Французская Книга, он подумал, почуяв, как удвоилась сила сэра Гавейна, что это сам дьявол с ним бьется, а не смертный человек.

И стал тогда сэр Ланселот наклоняться и уклоняться и щитом загораживаться, и так сберегал свои силы и дыхание в продолжение трех часов. И немало нанес ему за то время сэр Гавейн могучих ударов, рубя и коля, так что все рыцари, следившие за сэром Ланселотом, дивились, откуда берутся у него силы все это выстоять, но и им невдомек было, как трудно приходилось сэру Ланселоту.

Но когда миновал полдень, пропала волшебная мощь сэра Гавейна, и осталась у него лишь его собственная сила. Почувствовал сэр Ланселот, как поник сразу сэр Гавейн, выпрямился он во весь рост, подошел к сэру Гавейну и сказал так:

— Ну, теперь чую я, что́ могли, вы уже сделали. И теперь, господин мой сэр Гавейн, наступил мой черед! Ибо за нынешний день я натерпелся от вас немало и принял жестоких и могучих ваших ударов без счета.

И удвоил сэр Ланселот свои удары и с такою силой обрушил меч на шлем

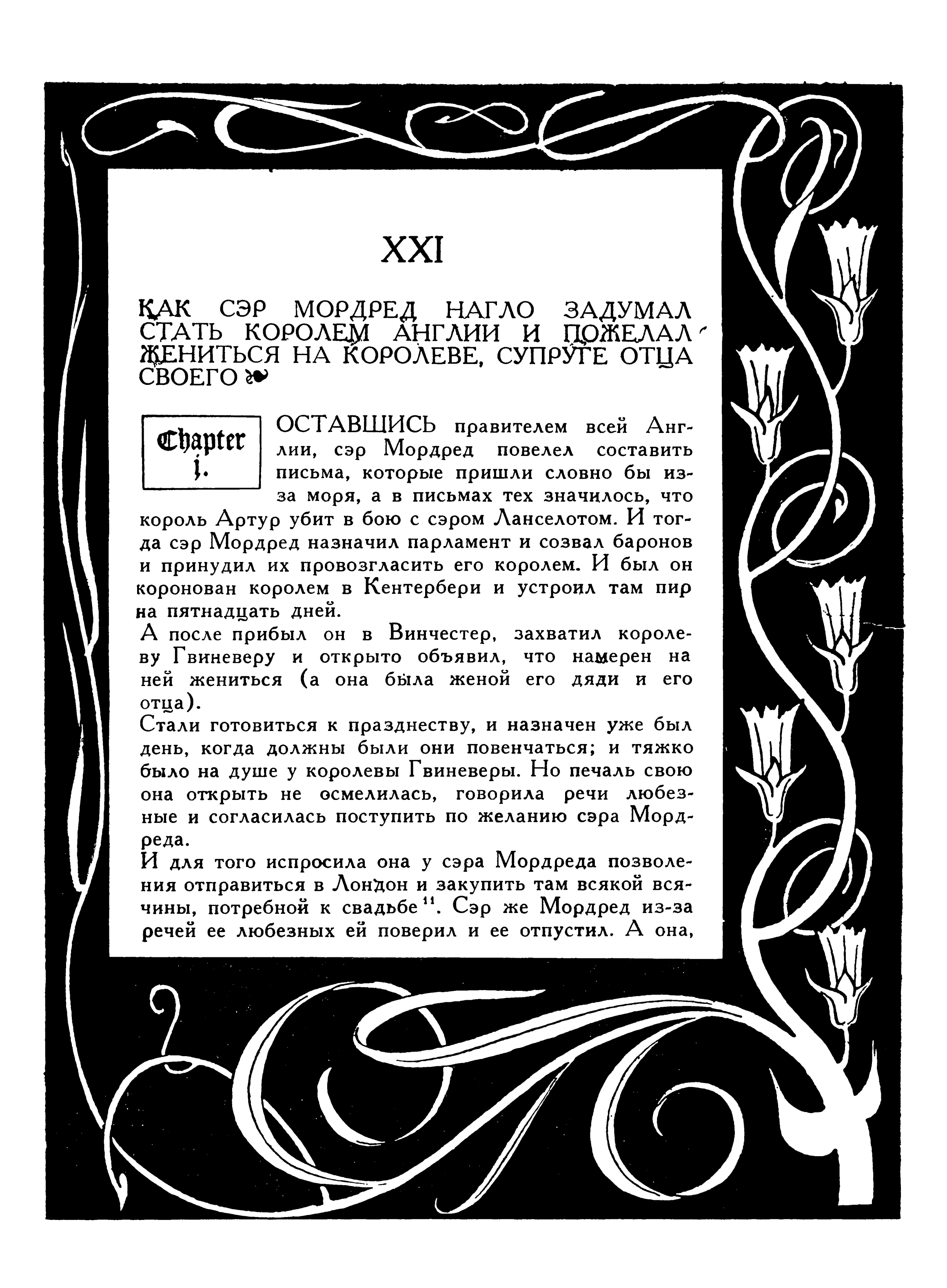
сэру Гавейну, что тот рухнул во весь рост на бок. А сэр Ланселот от него отступил.
— Зачем ты отступаешь от меня? — спросил сэр Гавейн.— Вернись, коварный рыцарь-предатель, и убей меня насмерть! Ибо если ты меня так оставишь, знай, что лишь только я оправлюсь, я буду биться с тобою снова!
— Сэр,— отвечал сэр Ланселот,— как-нибудь с божьей помощью, я выстою против вас! Но знай, сэр Гавейн, что поверженного рыцаря я разить не стану.
И с тем сэр Ланселот удалился и вернулся в город. А сэра Гавейна отнесли в шатер короля Артура, и призваны были к нему тотчас же лучшие лекари, и они осмотрели и промыли ему раны и смазали утоляющими снадобьями.
Сэр же Ланселот сказал так.
— Приветствую вас, господин мой король! Но знайте, что у этих стен вам не завоевать себе славы, ибо захоти я вывести из города моих рыцарей, и многие достойные мужи примут смерть свою. А потому, господин мой Артур, не забывайте о прежней любви между нами, и да наставляет вас во всяком деле Иисус, что бы ни случилось дальше со мною.



О ПЕЧАЛИ, КОТОРОЙ ПРЕДАВАЛСЯ КОРОЛЬ АРТУР ИЗ-ЗА ЭТОЙ ВОЙНЫ, И О ВТОРОМ ПОЕДИНКЕ, В КОТОРОМ СЭР ГАВЕЙН ОПЯТЬ ПОТЕРПЕЛ ПОРАЖЕНИЕ ❧ — Увы мне,— сказал король,— зачем только началась эта злосчастная война! Сэр Ланселот постоянно и повсеместно щадит меня и избегает боя со мною и со всеми моими сородичами, и это все видели нынче, когда он столь благородно поступил с племянником моим сэром Гавейном.
И заболел Артур от горя, что сэр Гавейн столь жестоко изранен и что между ним и сэром Ланселотом идет война. И долго еще после этого войско короля Артура продолжало осаждать город, но схваток у них почти не было, ибо осажденные сидели за стенами и только защищались, когда была нужда.
А сэр Гавейн пролежал в своих шатрах три недели больной и недужный в окружении лучших лекарей, каких только удалось сыскать. Но лишь только смог он ходить и ездить верхом, он тут же облачился в доспехи, сел на могучего скакуна, в руку взял тяжелое копье и подскакал к главным воротам Бенвика. И крикнул он громким голосом так:
— Где ты, сэр Ланселот? Выходи, коварный и трусливый рыцарь-изменник! Это я, сэр Гавейн, готовый подкрепить с оружием в руках все мои против тебя обвинения!
Все эти речи слышал сэр Ланселот, и сказал он так:
— Сэр Гавейн, я слышу ваши грубые речи и сожалею, что вы никак не уго-

монитесь. Ведь вам ведомо отлично, сэр Гавейн, что я знаю вашу силу и ваше искусство и что большого вреда вы мне нанести не сможете.
— Спускайся сюда, рыцарь-предатель,— отвечал он, —и подтверди правоту твою с оружием в руках! В прошлый раз мне не посчастливилось и я пострадал от твоей руки, но знай, я прибыл сегодня расплатиться с тобою, ибо я повергну тебя, как ты поверг меня!
— Иисусе меня упаси,— отвечал сэр Ланселот, — оказаться в вашей власти, как вы в тот раз оказались в моей, ибо тогда мне пришел бы конец. Но, Гавейн,— молвил сэр Ланселот,— не думай, что я стану долго медлить, и раз уж ты столь несправедливо обвиняешь меня в предательстве, ты сейчас получишь, чего добиваешься, и будет тебе со мною дела по горло.
И сэр Ланселот облачился во все доспехи, сел на коня, взял в руку большое копье и выехал из ворот. Собрались и оба войска, и осаждавшие, и осажденные, и стояли грозным строем, и было им приказано не двигаться и следить за поединком этих двух благородных рыцарей.
Вот уперли они копья в свои седельные упоры, ринулись друг на друга и сшиблись, точно гром грянул. У сэра Гавейна копье сломалось по рукоять на сотню кусков, сэр же Ланселот ударил его сильнее, так что конь под сэром Гавейном копытами вскинул, и рухнули конь и всадник наземь. Тогда сэр Гавейн высвободил проворно ноги из стремян, загородился щитом, выхватил яростно меч из ножен и крикнул сэру Ланселоту:
— Слезай с коня, рыцарь-изменник! Ибо если сын кобылы и отказался мне служить, знай, что сын короля и королевы попрежнему к твоим услугам!
Тогда спешился и сэр Ланселот, загородился щитом, обнажил меч, и сошлись они яростно и осыпали друг друга жестокими ударами, так что люди с обеих сторон только диву давались.
Но когда сэр Ланселот почувствовал, что сила сэра Гавейна чудесно возрастает, он умерил свою храбрость и стал сберегать свои силы и дыхание, обороняясь мечом и укрываясь за щитом: он наклонялся и уклонялся туда и сюда, отбивая удары сэра Гавейна и умеряя его напор. А сэр Гавейн напрягал всю мощь и силу, чтобы зарубить сэра Ланселота, ибо, как рассказывает Французская Книга, вместе с мощью возрастала у сэра Гавейна его злоба.
Так три часа наседал он на сэра Ланселота, причиняя ему жестокие страдания, и тому великих трудов стоило от него обороняться. Но когда миновали те три часа и сэр Ланселот почувствовал, что сэр Гавейн вновь остался при своей собственной силе, тогда сказал он так:
— Сэр, вот уже дважды вы доказали мне, что вы грозный рыцарь и муж дивной мощи. И много чудесных подвигов вы свершили за жизнь свою, ибо не один благородный рыцарь был обманут вашей волшебно возрастающей силою. Но теперь, сдается мне, вы уже свершили все ваши чудесные подвиги, и знайте, теперь настал мой черед свершать подвиги!
И сэр Ланселот приблизился к сэру Гавейну и удвоил свои удары, и как ни оборонялся сэр Гавейн, все же сэр Ланселот успел нанести ему такой удар по шлему и по старой ране, что сэр Гавейн поник, упал наземь и лишился чувств. Но лишь только пришел он в себя, как стал лежа размахивать мечом и метить в сэра Ланселота, говоря так:

— Рыцарь-предатель, знай, я еще не убит! И потому приблизься, и мы доведем этот бой до конца!
— Я не сделаю более ни шагу,— отвечал сэр Ланселот.— Ибо когда я вижу вас на ногах, я готов с вами биться все время, пока вы стоите на ногах; но поразить раненого человека, который не в силах стоять,— упаси меня бог от такого позора!
И с тем повернулся он и направился к городу, а сэр Гавейн кричал ему вослед: «Предатель!» — и говорил так:
— Знай, сэр Ланселот, когда я вновь оправлюсь от ран, я опять буду биться с тобою, ибо я не отступлюсь до тех пор, пока один из нас не будет убит!
И так вновь продолжалась эта осада, и сэр Гавейн пролежал больной без малого месяц, а когда он поправился и был уже готов через три дня снова затеять бой с сэром Ланселотом, прибыли вдруг к королю Артуру из Англии вести, которые заставили его со всем войском двинуться в обратный путь.



XXI

КАК СЭР МОРДРЕД НАГЛО ЗАДУМАЛ СТАТЬ КОРОЛЕМ АНГЛИИ И ПОЖЕЛАЛ ЖЕНИТЬСЯ НА КОРОЛЕВЕ, СУПРУГЕ ОТЦА СВОЕГО

Chapter i.

ОСТАВШИСЬ правителем всей Англии, сэр Мордред повелел составить письма, которые пришли словно бы из-за моря, а в письмах тех значилось, что король Артур убит в бою с сэром Ланселотом. И тогда сэр Мордред назначил парламент и созвал баронов и принудил их провозгласить его королем. И был он коронован королем в Кентербери и устроил там пир на пятнадцать дней.

А после прибыл он в Винчестер, захватил королеву Гвиневеру и открыто объявил, что намерен на ней жениться (а она была женой его дяди и его отца).

Стали готовиться к празднеству, и назначен уже был день, когда должны были они повенчаться; и тяжко было на душе у королевы Гвиневеры. Но печаль свою она открыть не осмелилась, говорила речи любезные и согласилась поступить по желанию сэра Мордреда.

И для того испросила она у сэра Мордреда позволения отправиться в Лондон и закупить там всякой всячины, потребной к свадьбе[11]. Сэр же Мордред из-за речей ее любезных ей поверил и ее отпустил. А она,

лишь только прибыв в Лондон, удалилась в Лондонский Тауэр[12] и, со всей поспешностью запасшись всевозможным провиантом, засела там с надежным гарнизоном.

Когда узнал об этом сэр Мордред, жестока и безмерна была его ярость. И говоря коротко, он обложил Тауэр могучей ратью, то и дело пускаясь на штурмы, наставляя стенобитные машины и паля из тяжелых пушек. Но все было напрасно, ибо королеву Гвиневеру ни добром, ни угрозами не удавалось склонить довериться сэру Мордреду и вновь отдаться ему в руки.

И прибыл к сэру Мордреду епископ Кентерберийский, муж ученый и святой, и сказал ему так:

— Сэр, что задумали вы? Или вы хотите оскорбить господа бога, а затем еще опозорить себя и все рыцарство? Ибо разве король Артур вам не дядя родной, и не далее как брат вашей матери? И разве не от него же она и родила вас, его родная сестра? И потому как можно вам взять себе жену вашего собственного отца? Потому, сэр,— сказал епископ,— оставьте этот замысел, а иначе я прокляну вас книгой, колоколом и свечой[13].

— Делай, что хочешь,— отвечал ему сэр Мордред.— Я же знать тебя не желаю!

— Сэр,— сказал епископ,— да будет вам ведомо, что я не побоюсь исполнить мой долг. К тому же, вы пустили слух, будто господин мой Артур убит, а это ложь, и потому черное дело затеяли вы на этой земле!

— Молчать, лживый поп! — вскричал сэр Мордред.— Если ты еще будешь меня попрекать, я отсеку тебе голову!

Епископ удалился и предал его самому грозному проклятью, какое только можно произнести. Тогда сэр Мордред решил разыскать епископа Кентерберийского и предать его смерти. Пришлось епископу бежать, захватив с собою часть своего добра, и скрылся он в окрестностях Гластонбери[14]. Там жил он отшельником в часовне, пребывая в бедности и в святых молитвах, ибо он хорошо понимал, что близится усобная война.

А сэр Мордред меж тем пытался письмами и посольствами, добром или хитростью выманить королеву из Лондонского Тауэра; но все его усилия были тщетны, ибо королева отвечала ему кратко и на открытые его послания и на тайные, что она охотнее убьет себя, чем станет его женой.

Но вот прибыло к сэру Мордреду известие, что король Артур снял осаду с сэра Ланселота и возвращается домой с большим войском, дабы отомстить сэру Мордреду. И тогда сэр Мордред разослал письма ко всему баронству нашей страны. Собралось к нему множество народу, ибо среди баронов общее было мнение, что при короле Артуре нет жизни, но лишь войны и усобицы, а при сэре Мордреде — веселие и благодать. Так был ими король Артур подвергнут хуле и поруганию, а между ними были многие, кого король Артур возвысил из ничтожества и наделил землями, но ни у кого не нашлось для него доброго слова.

О вы, мужи Англии! Разве не видите все вы, какое творилось злодейство? Ведь то был величайший из королей и благороднейший рыцарь в мире, всего более любивший общество благородных рыцарей и всем им слава и опора, но даже и им не остались довольны англичане. Вот таков был прежде обычай и нрав в нашей стране, и люди говорят, что мы и по сей день не

отстали от этого обычая. Увы! это у нас англичан большой порок, что долго нам ничто не мило [15].

Так было с людьми и в тот раз: им более по нраву стал теперь сэр Мордред, а не благородный король Артур, и много народу стеклось к сэру Мордреду, и они объявили ему, что будут стоять за него и в беде и в удаче. И вот с большим войском сэр Мордред подошел к Дувру, ибо там, он слышал, должен был высадиться король Артур, и потому он задумал силой не допустить родного отца на родную землю. И почти вся Англия была на стороне сэра Мордреда, ибо люди так падки до перемен.



КАК, УЗНАВ ОБ ЭТОМ, КОРОЛЬ АРТУР ПОВЕРНУЛ ВОЙСКО И ПРИБЫЛ В ДУВР, ГДЕ СЭР МОРДРЕД ПОДЖИДАЛ ЕГО, ДАБЫ ПОМЕШАТЬ ВЫСАДКЕ, И О СМЕРТИ СЭРА ГАВЕЙНА

И вот, когда сэр Мордред со своим войском был уже в Дувре, прибыл туда король Артур с большим флотом кораблей, галеонов и карак, но сэр Мордред уже наготове поджидал его на берегу, дабы воспрепятствовать родному отцу высадиться на земле, над которой тот был королем.

Стали спускать на воду суда большие и малые, полные славных воинов; и немало благородных рыцарей тут было побито, и немало высокомерных баронов повержено в ничтожество с обеих сторон.

Но король Артур был так храбр, что никто из рыцарей не смог помешать ему высадиться на берег, и его рыцари бесстрашно пробились вслед за ним. Так высадились они вопреки сэру Мордреду со всем его могуществом и обратили в бегство его и его войско.

А когда окончился бой, король Артур повелел разыскать всех своих рыцарей, кто был ранен или убит. И был найден сэр Гавейн лежащим замертво на дне большой лодки. Когда услышал король Артур про такую беду, он пошел к нему и нашел его при смерти. Горько заплакал король, убивался жестоко, он заключил сэра Гавейна в свои объятья и трижды лишился чувств. А когда пришел в себя, то сказал так:

— Увы! сэр Гавейн, сын сестры моей, вот лежишь ты, кого я всех более на свете любил! Не видать мне больше радости! Ибо теперь, племянник мой сэр Гавейн, я открою тебе, что в тебе и в сэре Ланселоте была вся моя радость, на вас — все мое доверие. И теперь я лишился вас обоих, и потому не видать мне уж больше радости на этом свете!

— Ах, мой дядя,— сказал сэр Гавейн,— знайте же, что наступил мой смертный срок. И все это через собственную мою нетерпимость и ненависть, ибо моею ненавистью я навлек на себя же погибель; ведь нынче я принял удар по старой моей ране, которую нанес мне сэр Ланселот, и чувствую я, что к

полудню должен буду умереть. Это из-за меня, из-за моей гордыни терпите вы такой позор и урон, ведь будь благородный рыцарь сэр Ланселот сейчас с вами, как бывал он прежде и был бы и в этот раз, эта злосчастная война никогда бы не началась; ибо он рыцарским своим благородством вместе с рыцарями его благородной крови всех ваших злобных врагов держал в страхе и повиновении. И вот теперь,— молвил сэр Гавейн,— вы пожалеете, что нет с вами сэра Ланселота. Увы! зачем я не примирился с ним! И потому прошу, любезный дядя, пусть мне дадут бумагу, перо и чернила, дабы я мог написать письмо сэру Ланселоту, начертанное моею собственной рукой.

И вот, когда принесли бумагу, перо и чернила, сэр Гавейн едва приподнялся на ложе с помощью короля Артура, ибо незадолго перед этим он уже покаялся в своих грехах и приготовился к смерти. И взял он в руку перо и, как сказано во Французской Книге, написал так:

«Тебе, сэр Ланселот, цвет благородного рыцарства, лучший изо всех, кого только видел я и о ком слышал за всю мою жизнь, я, сэр Гавейн, сын короля Лота Оркнейского и сын сестры благородного короля Артура, шлю приветствие и оповещаю тебя о том, что десятого дня мая месяца мне был нанесен удар по старой ране, полученной мною от тебя под стенами города Бенвика, и через эту рану настал теперь мой смертный час. И я хочу, чтобы весь мир узнал, что я, сэр Гавейн, рыцарь Круглого Стола, сам повинен в моей смерти и умираю не по твоей вине, но по моей. И потому я заклинаю тебя, сэр Ланселот, возвратиться в это королевство и посетить мою могилу и прочитать, быть может, молитву-другую за упокой моей души. Написано мною это послание в тот самый день, когда я был смертельно ранен, но рану эту еще прежде нанес мне ты, сэр Ланселот, и я не мог бы принять смерть от руки, благороднее той, что убила меня.

Ты же, сэр Ланселот, ради прежней любви, что была некогда между нами, не медли, прошу тебя, но переезжай через море со всею возможной поспешностью, и твои благородные рыцари пусть приедут с тобою, и спасите благородного короля, который посвятил когда-то тебя в рыцари, ибо ему угрожает жестокая опасность от коварного изменника — моего единоутробного брата сэра Мордреда. Ибо тот короновался здесь королем и задумал еще жениться на госпоже моей королеве Гвиневере; и так бы он и сделал, когда бы королева не засела в Лондонском Тауэре со своими людьми. А десятого дня минувшего месяца мая господин мой король Артур и мы все высадились в Дувре и обратили этого коварного изменника сэра Мордреда в бегство. Вот тогда-то и пришлось мне получить удар по старой ране, нанесенной вами. А время написания этого письма — всего лишь за два с половиной часа до моей смерти. Писано моею собственной рукой и подписано кровью моего сердца. Прошу тебя, прославленнейший рыцарь мира, посети мою могилу».

Тут он заплакал, и король Артур тоже, и они оба лишились чувств. А когда они пришли в себя, то король распорядился, чтобы дали сэру Гавейну последнее причастие, а потом сэр Гавейн стал просить короля послать за сэром Ланселотом и принять его с лаской и почетом как ни одного из рыцарей.

А в час полудня сэр Гавейн испустил дух. И повелел король похоронить его в часовне в стенах Дуврского замка. Там и сейчас все люди могут видеть его череп, и видна та рана, что нанес ему в поединке сэр Ланселот.

Вскоре король узнал о том, что сэр Мордред опять расположил войска свои для боя на взгорье Бархем-даун [16]. Ранним утром король Артур поскакал туда со своей ратью, и там был у них великий бой, и много людей было побито и с той, и с другой стороны. Но под конец войско короля Артура одержало верх, и сэр Мордред со своими людьми бежал в Кентербери.



КАК ПОЗДНЕЕ ДУХ СЭРА ГАВЕЙНА ЯВИЛСЯ КОРОЛЮ АРТУРУ И ПРЕДОСТЕРЕГ ЕГО ОТ СРАЖЕНИЯ В ТОТ ДЕНЬ ❧ А король распорядился обшарить холмы, разыскать всех убитых рыцарей и похоронить, а тем, кто ранен жестоко, намазать раны целительными снадобьями. В тот день многие перешли на сторону короля Артура, и говорили они, что война сэра Мордреда против короля Артура — несправедливая война.

А король со своим войском пошел на запад к морю, в сторону Солсбери. Там в назначенный между ними день король и сэр Мордред должны были встретиться на холме в окрестностях Солсбери, неподалеку от берега моря. А день, назначенный между ними, был понедельник после Троицына дня [17], и король Артур радовался, что сможет отомстить сэру Мордреду.

Сэр Мордред собрал под Лондоном большое войско, ибо в Кенте, Сассексе и в Саррее, в Эссексе, Саффолке и Норфолке [18] держали большей частью его сторону. Немало благородных рыцарей съехалось к нему, и к королю тоже; но получилось так, что те, кто любил сэра Ланселота, принимали сторону сэра Мордреда.

Но в ночь на Троицу привиделся королю Артуру дивный сон. Представилось ему во сне, будто стоит перед ним на возвышении кресло на одном колесе, а в кресле сидит сам он, король Артур, в богатейших золотых одеждах. А внизу, глубоко, будто бы чернеет под ним бездонный колодец, и в воде кишат всевозможные змеи и черви и дикие твари, мерзкие и ужасные. И вот словно бы кресло перевернулось вверх колесом, и король упал в самую гущу гадов, и они стали раздирать его тело. И закричал король на ложе своем: «Спасите! Спасите!».

Тут рыцари, пажи и слуги разбудили короля, и он был так потрясен, что долго не понимал, где он находится. И пролежал он, бодрствуя, почти до света, а потом снова впал в дремоту, и не то во сне, не то наяву видит король: пришел к нему сэр Гавейн, и с ним — прекрасные дамы. Когда увидел его король, то сказал так:

— Я рад видеть вас, сын моей сестры, я ведь думал, что вы умерли! Но теперь я вижу, что вы живы, и за то благодарю всемогущего Иисуса. А кто же эти прекрасные дамы, любезный племянник, что вас сопровождают?

— Сэр,— отвечал сэр Гавейн,— это все дамы, за которых я сражался, когда был жив. Это те, за кого я заступался по справедливости, и господь даровал им милость в ответ на их молитвы, раз я был их заступником, сопровождать меня сюда к вам. Господь дозволил мне предостеречь вас от поги-

бели: если завтра вы будете биться с сэром Мордредом, как между вами условлено, то знайте. вы будете убиты, и с вами — множество вашего народу с обеих сторон. И по великой милости и любви своей к вам и из сострадания к вам и еще многим добрым мужам, которым предстоит пасть мертвыми вместе с вами, господь послал меня сюда предостеречь вас, дабы вы ни в коем случае не затевали завтра боя, но заключили бы перемирие на целый месяц. И в переговорах не скупитесь, лишь бы получить завтра отсрочку. Ибо через месяц сюда прибудет сэр Ланселот со всеми своими доблестными рыцарями и спасет вас с честью и убьет сэра Мордреда и всех, кто стоит за него.

Тут сэр Гавейн и все дамы вдруг пропали, а король крикнул к себе своих рыцарей, пажей и слуг и повелел им поспешно призвать к нему его благородных баронов и мудрых епископов. И когда они собрались, король поведал им о своем видении, как с ним говорил сэр Гавейн и посоветовал ему воздержаться от завтрашнего сражения, ибо иначе он будет убит. И назначил король сэра Лукана-Дворецкого и брата его сэра Бедивера Бесстрашного и с ними двух епископов отправиться к сэру Мордреду и любым способом добиться перемирия сроком на один месяц.

— И не скупитесь, предлагайте ему земли и сокровища, сколько ни сочтете нужным.

С тем отбыли они и явились к сэру Мордреду туда, где он стоял с грозным войском в сто тысяч человек, и там они долго его убеждали и уговаривали. Наконец, сэр Мордред согласился, что пока жив король Артур, он будет владеть только Корнуэллом и Кентом, а после Артуровой смерти и всей Англией.



КАК ИЗ-ЗА НЕБЛАГОПРИЯТНОЙ СЛУЧАЙНОСТИ С ГАДЮКОЙ СРАЖЕНИЕ НАЧАЛОСЬ, В КАКОВОМ СРАЖЕНИИ СЭР МОРДРЕД БЫЛ УБИТ, А КОРОЛЬ АРТУР СМЕРТЕЛЬНО РАНЕН ❧ И на том они сговорились, что король Артур и сэр Мордред встретятся на глазах у обеих армий, каждый в сопровождении четырнадцати человек. С тем и возвратились они к королю Артуру.

И сказал он:

— Я доволен, что дело удалось.

И отправился на поле.

Но уходя, король Артур наказал своему войску, что если где-нибудь блеснет обнаженный меч, пусть нападают, не мешкая, и убьют этого предателя сэра Мордреда.

— Ибо я вовсе ему не доверяю.

Точно так же и сэр Мордред наказал своему войску:

— Если только заметите вы блеск меча обнаженного, нападайте, не мешкая, и рубите всех, кто будет перед вами, ибо я вовсе не доверяю этому перемирию.

Ибо я,— сказал сэр Мордред,— знаю наверное, что мой отец захочет мне отомстить.
И вот встретились они, как было условлено, и обо всем сговорились и согласились. Принесли вино, и они выпили друг с другом. Но в это самое время из кустика вереска выползла гадюка и ужалила одного из рыцарей в ногу. Почуяв боль, взглянул рыцарь вниз, увидел гадюку и, не чая зла, выхватил меч свой, чтобы ее убить. Но в тот же миг оба войска, заметив блеск обнаженного меча, затрубили в рога, трубы и горны и с грозными возгласами ринулись навстречу друг другу. Тогда вскочил король Артур на коня, молвил: «Увы, несчастный этот день!» — и поскакал к своим; и так же поступил и сэр Мордред.
С тех пор не видел свет ни в одной христианской земле битвы ужаснее,— разили пешие, кололи конные, носились воины по полю, и немало страшных слов было произнесено между врагами, и немало обрушено смертоносных ударов. Но король Артур скакал сквозь ряды Мордредова войска, свершал славные подвиги, какие подобают столь благородному королю, и не дрогнул ни разу. Также и сэр Мордред поступал в тот день по долгу чести, идя навстречу жестоким опасностям.
Так бились благородные рыцари целый день без передышки, покуда не ложились костьми на сырую землю. И продолжалась битва до самой ночи, а к тому времени уже сто тысяч человек полегло мертвыми на холмах. И жестоко разгневался король Артур, видя, сколько народу его перебито.
Вот огляделся он вокруг себя и ото всего его славного войска и ото всех его добрых рыцарей лишь двух рыцарей увидел в живых: один был сэр Лукан-Дворецкий, а второй — брат его сэр Бедивер. Но и они оба были тяжко изранены.
— Иисусе милостивый!— молвил король,— куда же делись все мои благородные рыцари? Увы! зачем дожил я и увидел этот горестный день! Ибо теперь,— сказал король Артур,— наступил мой конец. Но клянусь, хотелось бы мне знать,— сказал он,— где сейчас этот предатель сэр Мордред, по чьей вине случилась вся эта беда?
Тут король Артур оглянулся еще раз и увидел сэра Мордреда — он стоял, опираясь на меч свой, а вокруг него была большая груда мертвых тел.
— Дайте мне мое копье,— сказал король Артур сэру Лукану,— ибо вон там я вижу предателя, который навлек на нас все это горе.
— Сэр, оставьте его,— сказал сэр Лукан,— ибо он несчастен. И если только вы переживете этот злосчастный день, вы еще будете отомщены. Ибо вспомните, мой господин, сон, что приснился вам минувшей ночью, вспомните, о чем предупреждал вас дух сэра Гавейна, и все же господь в милости своей сохранил вас от смерти. Потому, господа бога ради, оставьте это, ибо, благословенье богу, победа ныне осталась за вами, ведь нас с вами в живых здесь трое, тогда как у сэра Мордреда в живых нет больше никого. И потому если теперь вы прекратите бой, этот недобрый День Рока с тем и минет.
— Нет, смерть ли, жизнь ли будет мне дальше уделом,— отвечал король,— но я вижу его там одного, и он не уйдет из моих рук! Ибо больше он мне, быть может, уже никогда не попадется.

— Помоги вам бог! — сказал сэр Бедивер.

Вот взял король копье обеими руками и побежал на сэра Мордреда, крича так:

— А, предатель! Пришел твой смертный час!

Но сэр Мордред, увидя бегущего на него короля, устремился ему навстречу с обнаженным мечом в руке. Король Артур достал сэра Мордреда из-под щита и пронзил его насквозь острием своего копья. Но почуяв смертельную рану, из последних сил рванулся сэр Мордред вперед, так что по самое кольцо рукояти вошло в его тело копье короля Артура, и при этом, держа меч обеими руками, ударил он отца своего короля Артура сбоку по голове, и рассек меч преграду шлема и черепную кость. И тогда рухнул сэр Мордред наземь мертвый.

Но и благородный король Артур повалился без чувств на землю. И много раз он падал без чувств, а сэр Лукан с сэром Бедивером его поднимали. и так, потихоньку, из последних сил, довели они его до маленькой часовни у самого моря, и когда король очутился там, ему словно бы сразу полегчало. Вдруг слышат они крики на поле.

— Пойди, сэр Лукан,— сказал король,— и узнай мне, что означает этот крик на поле.

Сэр Лукан с ними простился, ибо был он тяжко изранен, и отправился на поле, и услышал он и увидел при лунном свете, что вышли на поле хищные грабители и лихие воры и грабят и обирают благородных рыцарей, срывают богатые пряжки и браслеты и добрые кольца и драгоценные камни во множестве. А кто еще не вовсе испустил дух, они того добивают, ради богатых доспехов и украшений.

Разглядев все это, поспешил сэр Лукан, как мог, к королю и поведал ему обо всем, что видел и слышал.

— И потому мой совет,— сказал сэр Лукан,— чтобы мы доставили вас в ближайший город.



КАК КОРОЛЬ АРТУР ПОВЕЛЕЛ ЗАБРОСИТЬ МЕЧ СВОЙ ЭКСКАЛИБУР В ВОДУ, И КАК КОРОЛЯ ЗАБРАЛИ ЖЕНЩИНЫ В БАРКЕ ❧ — И я бы этого хотел,— отвечал король,— но я не в силах держаться на ногах, так болит моя голова... Ах, сэр Ланселот! — сказал король.— Вот когда мне особенно тебя нехватает! Ибо пришла смерть моя, как предупреждал меня во сне сэр Гавейн.

Тогда сэр Лукан поднял короля с одной стороны, а сэр Бедивер с другой, но когда они его подымали, король лишился чувств, и сэр Лукан, подымая короля, тоже упал без чувств, ибо внутренности выпали из его иссеченного тела, и тут сердце благородного рыцаря разорвалось. И когда король очнулся, то увидел, что сэр Лукан лежит

с пеною у рта, а под ногами у него — его вывалившиеся внутренности.
— Увы,— сказал король,— вот для меня прегорестное зрелище — видеть этого благородного герцога умершим за меня. Ибо он хотел помочь мне, хотя сам еще более моего нуждался в помощи! Увы, зачем не произнес он ни слова жалобы, зачем во что бы то ни стало решил помочь мне! Иисусе, помилуй его душу.
А сэр Бедивер стал оплакивать смерть брата.
— Оставь слезы и стенания, любезный рыцарь,— сказал ему король,— ведь ими ты мне не поможешь. Ибо знай, когда бы остался я жив, я бы сам, не переставая, оплакивал смерть сэра Лукана. Но время мое убегает быстро,— сказал король.— И потому,— сказал король Артур сэру Бедиверу,— возьми добрый меч мой Экскалибур и ступай с ним на берег, а когда придешь туда, велю тебе, брось меч в воду и возвратись ко мне рассказать, что ты там увидишь.
— Мой господин,— отвечал сэр Бедивер,— ваше повеление будет исполнено, и я сразу же ворочусь к вам с известием.
И отправился сэр Бедивер на берег. А по пути рассмотрел он благородный меч, увидел, что рукоять с перекладиной вся усажена драгоценными камнями. И тогда сказал он себе: «Если я заброшу этот богатый меч в воду, от того никакого не будет добра, но лишь урон и ущерб». И потому Бедивер спрятал Экскалибур под корнями дерева, а сам поспешил воротиться к королю и сказал, что будто бы дошел до берега и зашвырнул меч в воду.
— Что же ты там видел?— спросил король.
— Сэр,— он отвечал,— я не видел ничего, но лишь волны и ветер.
— Неправду ты говоришь,— сказал король.— А потому отправляйся туда поскорее снова и выполни мое повеление. Как мил ты мне и дорог, прошу тебя, не жалей, забрось его в воду.
И пошел сэр Бедивер назад, и вынул меч, и взял его в руку, и снова подумалось ему, что грех и позор бросать такой добрый меч. И тогда он опять спрятал его и воротился назад и опять сказал королю, будто бы был у моря и исполнил его повеление.
— Что же ты там видел?— спросил король.
— Сэр,— он отвечал,— я не видел ничего, но лишь колыханье волн и плеск прибоя.
— А, обманщик и предатель своего короля!— воскликнул король Артур.— Дважды ты меня предал. Кто бы подумал, что ты, кто мне так мил и дорог, кто прославлен как столь доблестный рыцарь, предашь меня ради драгоценностей этого меча! Смотри же, отправляйся снова, да поспеши, промедление твое грозит мне гибелью, ибо холод охватил мое тело. И если ты и на этот раз не сделаешь, как я тебе сказал, я убью тебя моими руками, как только увижу, ибо ты ради моего драгоценного меча обрекаешь меня смерти.
И снова ушел сэр Бедивер, пришел туда, где лежал меч, вытащил его поспешно и принес на берег. И там намотал он перевязь на рукоять и зашвырнул меч в воду как только смог далеко. В тот же миг поднялась из волн рука, поймала меч, сжала пальцами, трижды им потрясла и взмахнула и исчезла вместе с мечом под водою.
Возвратился сэр Бедивер к королю и рассказал ему о том, что видел.

— Увы,— сказал король,— помоги мне выбраться отсюда, ибо боюсь, я уже и так пробыл здесь слишком долго.
Тут сэр Бедивер поднял короля к себе на спину и вышел с ним на берег. Подошел он к воде и увидел под самым берегом маленькую барку, а на ней много прекрасных дам и среди них — королева, и у всех у них головы покрыты были черными капюшонами. И при виде короля Артура они стали плакать и стенать.
— Отнеси меня на эту барку,— сказал король.
Он так и сделал, отнес его осторожно, и приняли у него короля три женщины в глубокой печали. Они сели все рядом, и на колени одной из них положил король Артур голову.
И молвила королева:
— Милый брат мой! Почему так долго ты медлил вдали от меня? Увы! рана у тебя на голове чересчур остудилась!
И стали они грести прочь от берега и увидел сэр Бедивер, что они уплывают. Тогда вскричал он:
— О, господин мой Артур, что же будет теперь со мною, когда ты покидаешь меня здесь среди моих врагов?
— Не убивайся понапрасну,— отвечал король,— и позаботься о себе сам, ибо на меня теперь тебе не в чем полагаться и надеяться. Я должен поспешать в долину Авалона, дабы залечить там мою жестокую рану. И если ты никогда более обо мне не услышишь, то молись за мою душу!
Он говорил, а королева и все дамы так плакали и стенали, что прегорестно было слышать. Вот скрылась барка из глаз сэра Бедивера, и тогда он заплакал, зарыдал и вошел в лес и шел по лесу целую ночь. А поутру он увидел меж двух крутых лесистых бугров дом отшельника с часовней.



КАК СЭР БЕДИВЕР НАШЕЛ ЕГО НАУТРО МЕРТВЫМ В ОТШЕЛЬНИЧЬЕЙ ОБИТЕЛИ, И КАК ОН ОСТАЛСЯ У ОТШЕЛЬНИКА

Обрадовался сэр Бедивер и поспешил туда, но когда он вошел в часовню, то увидел там отшельника, простертого ниц подле свежего надгробного камня. Отшельник же, поднявши голову, сразу же признал сэра Бедивера, ибо прежде он был епископ Кентерберийский, незадолго перед тем изгнанный сэром Мордредом.
— Сэр,— сказал ему сэр Бедивер,— что за человек погребен здесь, за которого вы молитесь так горячо?
— Любезный сын мой,— отвечал отшельник,— верно я этого не знаю, а только догадываюсь. Ибо нынешней ночью, ровно в полночь, сюда явилось много дам, и они принесли с собою мертвое тело и просили, чтобы я похоронил его здесь. И они поставили по нем сто больших свечей и пожертвовали тысячу безантов.
— Увы! — воскликнул сэр Бедивер,— тот, кто лежит погребенный в этой часовне, был прежде господином моим королем Артуром!

И сэр Бедивер упал без чувств, а когда пришел в себя, то просил у отшельника позволения остаться с ним и жить в посте и молитве.

— Ибо отсюда мне некуда итти,— сказал сэр Бедивер,— и здесь я желал бы остаться навсегда и молиться за господина моего Артура.

— Сэр, я рад принять вас,— отвечал отшельник,— ибо я знаю вас лучше, чем вы полагаете: вы — сэр Бедивер Бесстрашный, и благороднейший герцог сэр Лукан-Дворецкий был вам родным братом.

Тут рассказал сэр Бедивер отшельнику все, что вы уже слышали, и так поселился он у отшельника, прежде бывшего епископом Кентерберийским. Он облачился в бедные одежды и служил ему смиренно в посте и молитвах.

И более про Артура я ничего не нахожу в моих верных книгах и про смерть его я тоже больше ничего надежного и достоверного не слышал, кроме лишь того, что на корабле, его увезшем, были три королевы: одна была сестра короля Артура королева Фея Моргана, другая — королева Северного Уэльса, а третья — королева Опустошенных Земель [19].

(И еще там была дама Нинева, главная Владычица Озера, которая была женой доброго рыцаря сэра Пелеаса; она немало сделала когда-то для короля Артура. А сэра Пелеаса не допускала дама Нинева в такие места, где жизни его могла грозить опасность, и оттого он прожил с нею в мире и покое до конца дней своих.)

А больше о смерти короля Артура я не смог найти ничего, говорят лишь, что эти дамы принесли его в часовню и там его похоронили, как о том свидетельствует отшельник, бывший некогда епископом Кентерберийским. Но наверное отшельник не знал, точно ли то было тело короля Артура. Для того-то сэр Бедивер, рыцарь Круглого Стола, и позаботился записать все как было на самом деле.



О МНЕНИИ ИНЫХ ЛЮДЕЙ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ КОРОЛЯ АРТУРА, И КАК КОРОЛЕВА ГВИНЕВЕРА СТАЛА МОНАХИНЕЙ В ЭМСБЕРИ ❧ Однако многие люди во всех краях земли Английской полагают, что король Артур не умер, но был по воле господа нашего Иисуса перенесен отсюда в другие места; и говорят, что он еще вернется и завоюет Святой Крест [20]. Я, однако, не стану утверждать, что так будет, вернее скажу: в этом мире он расстался с жизнью. Но многие рассказывают, будто на его могиле написано так: «Hic jacet Arthurus rex quondam rexque futurus» * [21].

И на том оставляю я сэра Бедивера у отшельника, который обитал при часовне в окрестностях Гластонбери, и там был его дом. И жили они там в молитвах и постах и в великом воздержании.

А королева Гвиневера, узнав о смерти короля Артура и всех благородных

* Здесь лежит Артур, король в прошлом и король в грядущем (*лат.*).

рыцарей, и сэра Мордреда, и всех остальных, тайком покинула двор и с пятью дамами пришла в Эмсбери [22]. Там она постриглась в монахини, носила белые одежды и черные и приняла суровейшее покаяние, какое когда-либо принимала грешница в нашей стране. Никто не мог ее развеселить, и она жила в неизменных постах, молитвах и делах благотворительных, и все люди только дивились тому, сколь праведно она переменилась.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ, УЗНАВ О СМЕРТИ КОРОЛЯ АРТУРА И СЭРА ГАВЕЙНА И ОБ ОСТАЛЬНЫХ ДЕЛАХ, ПРИБЫЛ В АНГЛИЮ ❧ А теперь мы оставим королеву в Эмсбери монахиней в белых одеждах и черных — а она там, как и должно по разуму, была аббатиссой и правительницей — и от нее обратимся к сэру Ланселоту Озерному, который, услышавши в своих владениях о том, что сэр Мордред короновался в Англии королем и пошел войной на короля Артура, своего родного отца, и задумал помешать ему высадиться на родную землю (и еще ему рассказали, как сэр Мордред осаждал Лондонский Тауэр, оттого что королева не пожелала стать его женой), разгневался тогда сэр Ланселот прежестоко и сказал своим родичам так:

— Увы! Этот дважды предатель сэр Мордред! Я раскаиваюсь, что отпустил его живым из моих рук, ибо великий позор причинил он господину моему Артуру. По этому горестному письму, что прислал ко мне сэр Гавейн,— да помилует Иисус его душу — чувствую я, что господину моему Артуру сейчас приходится тяжко. Увы,— сказал сэр Ланселот,— зачем дожил я до этого дня, когда я слышу, что этот благороднейший из королей, посвятивший некогда меня в рыцари, в своем собственном королевстве должен обороняться от своего же подданного! А это горестное письмо, что господин мой сэр Гавейн, отправил ко мне перед смертью, прося, чтобы я посетил его могилу,— знайте, что его горестные слова никогда не уйдут из моего сердца. Ибо он был благороднейшим из рыцарей в мире! В недобрый час я родился на свет, раз мне выпала злосчастная доля убить сэра Гавейна, сэра Гахериса, доброго рыцаря, и друга моего сэра Гарета, благороднейшего из рыцарей. Увы, я могу сказать, что я несчастный рыцарь, раз мне досталось в удел все это. И однако же, увы! этого предателя сэра Мордреда мне убить не пришлось!

— Оставьте ваши жалобы,— отвечал ему сэр Борс,— и прежде всего отомстите за смерть сэра Гавейна, помилуй Иисусе его душу. Будет хорошо, если вы и в самом деле поспешите посетить его могилу. А вслед за этим и отомстите за короля Артура и за госпожу мою королеву Гвиневеру.

— Благодарю,— сказал сэр Ланселот.— Вы всегда печетесь о моей чести,

И они собрались со всей возможной поспешностью, снарядили корабли и галеры и погрузились на них со всем войском, чтобы плыть в Англию. И вот, наконец, достигли они Дувра, и высадился там сэр Ланселот с семью королями, а их войско было столь велико числом, что страшно было смотреть.

Стал спрашивать сэр Ланселот у мужей Дувра, что сталось с королем Артуром. И поведали ему люди о том, что король убит, и сэр Мордред тоже, и с ними еще сто тысяч человек полегло мертвыми за один день. Рассказали ему и о том, как сначала сэр Мордред дал бой королю Артуру, когда он высаживался на английский берег, и как в том бою был убит сэр Гавейн.

— А на следующее утро сэр Мордред сражался с королем на холмах Бархэм-даун, и там король одержал над ним верх.

— Увы,— сказал сэр Ланселот,— вести, горестнее этих, никогда еще не достигали моего сердца! А теперь, любезные сэры,— попросил сэр Ланселот,— покажите мне, где могила сэра Гавейна.

И проводили его в Дуврский замок и показали ему могилу. Преклонил сэр Ланселот колена на могиле и заплакал и горячо помолился за его душу. А вечером устроил сэр Ланселот людям угощение — всякий, кто ни приезжал, что из города, что из деревни, получал поровну мяса и рыбы, и вина, и эля, и кто ни подходил, каждого, мужчину и женщину, наделяли деньгами по двенадцати пенсов. Сэр Ланселот своею собственной рукою одарял люд деньгами, стоя в траурных одеждах, и при этом он горько плакал и каждого просил молиться за душу сэра Гавейна.

Наутро же собрались туда все прелаты и священники, каких только можно было сыскать в городе и в окрестностях, и отслужили по нем заупокойную мессу. После того первым делал приношение сэр Ланселот, и он пожертвовал сто фунтов, а за ним и все семеро королей, и каждый пожертвовал по сорок фунтов. И еще из тысячи рыцарей каждый пожертвовал по фунту. И приносили пожертвования с утра и до самой ночи.

Две ночи пролежал сэр Ланселот на могиле сэра Гавейна, горько плача и молясь. А на третий день сэр Ланселот созвал всех королей, герцогов и графов, и всех баронов, и всех своих благородных рыцарей и сказал им так:

— Любезные мои лорды, благодарю вас всех за то, что вы вместе со мною приехали в эту страну. Но знайте все вы, мы приехали слишком поздно, и об этом я буду сокрушаться до конца дней моих, однако против смерти не восстанешь. Но раз уж это так,— сказал сэр Ланселот,— я сам отправлюсь на поиски госпожи моей королевы Гвиневеры. Ибо, как я слышал, ей досталось немало страданий и мук, и говорят, она бежала на Запад. И потому вы ждите меня здесь, и если через две недели я не возвращусь, садитесь на корабли со своими дружинами и возвращайтесь на свою землю, а я как сказал, так и сделаю.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ОТПРАВИЛСЯ НА ПОИСКИ КОРОЛЕВЫ ГВИНЕВЕРЫ, И КАК ОН НАШЕЛ ЕЕ В ЭМСБЕРИ ❧ Тут выступил сэр Борс и сказал:

— Господин мой сэр Ланселот, что это вы задумали пуститься в странствия по здешним краям? Ведь знайте, на пути вы встретите мало друзей.

— Будь что будет,— отвечал сэр Ланселот,— а вы оставайтесь здесь, ибо я отправляюсь в путь, в котором ни рыцарь, ни паж не должен сопровождать меня.

Напрасно бы стали они с ним спорить — он сел на коня и уехал на закат. Дней семь или восемь провел он в поисках, но наконец, однажды выехал он к монастырю, и королева Гвиневера, гуляя за стенами, вдруг узнала сэра Ланселота. Тогда она трижды подряд упала в обморок, так что всем дамам и благородным девицам было немало заботы ее поддерживать и подымать с земли. Когда же речь к ней вернулась, она призвала их всех к себе и сказала так:

— Вы верно удивляетесь, любезные дамы, тому, что со мною происходит. Правду вам сказать,— молвила королева,— всему виною вон тот рыцарь, который стоит вон там. И потому прошу вас, призовите его сюда ко мне.

Привели к ней сэра Ланселота; и тогда сказала королева всем дамам:

— Из-за этого рыцаря и из-за меня случилась вся эта ужасная война и погибли благороднейшие в мире рыцари; ибо из-за нашей любви, что мы любили друг друга, убит мой благороднейший супруг. И знай, сэр Ланселот, потому-то я и приемлю ныне столько трудов для спасения моей души. Но все же я уповаю, что через милость божию и через Страсти Его ран разверстых, я после смерти смогу узреть благословенный лик Иисусов и в День Страшного Суда буду сидеть одесную Его, ибо такие же грешники, как я, теперь стали святыми в небесах. И потому, сэр Ланселот, я прошу тебя и умоляю всей душой, во имя всей нашей любви, никогда больше не ищи увидеть лицо мое. И велю тебе именем господа бога, покинь меня навсегда. Возвращайся назад в твое королевство и храни владения твои от войн и разорения, ибо как я любила тебя прежде всем сердцем, так теперь я не могу тебя видеть, ведь через тебя и меня погиб весь цвет рыцарства. Потому отправляйся ты в свое королевство, там возьми себе жену и живи с нею в радости и блаженстве. И прошу тебя от души, молись за меня предвечному господу, дабы мне простилась моя прежняя неправедная жизнь.

— Как, возлюбленная госпожа моя,— сказал сэр Ланселот,— неужели вы желаете, чтобы я вернулся в мою страну и там женился? Нет, госпожа, знайте, этого я никогда не сделаю, ибо я никогда не нарушу данной вам клятвы. Но доля, к которой я вас привел, станет и моей долей. Я заслужу милость божию и в особенности буду молиться за вас.

— Ах, сэр Ланселот, если бы вы так сделали и сдержали свое слово! Но увы, я не могу вам поверить. Вы опять обратитесь к мирской жизни.

— Хорошо, госпожа моя,— отвечал он,— говорите, как вам будет угодно, хотя никогда еще не бывало, чтобы я нарушил данное мною слово. Но боже меня упаси так покинуть мир, как это сделали вы! Ведь когда-то в поисках Святого Грааля я отрекся от суеты мирской, но мне воспрепятствовала ваша любовь. А если бы в то время я это сделал всем сердцем, волею и помышлениями, то я превзошел бы всех рыцарей, взыскующих чаши Святого Грааля[23], кроме лишь сына моего сэра Галахада. И потому, госпожа, если вы обратились к святой жизни, то и я, уж конечно, должен к ней обратиться. Ибо бог мне свидетель, в вас одной были все мои земные радости, и когда бы я не нашел вас столь переменившейся, я намерен был увезти вас в мое королевство.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ВСТРЕТИЛ В ОДНОЙ ОБИТЕЛИ АРХИЕПИСКОПА КЕНТЕРБЕРИЙСКОГО, И КАК ТОТ ОБЛАЧИЛ ЕГО В МОНАШЕСКУЮ РЯСУ ❧ Но поскольку теперь помыслы ваши устремлены к иному, я истинно объявляю вам, что отныне до конца дней моих буду жить в покаянии и молитвах, если только найду монаха-отшельника, серого или белого, который согласится меня принять. А потому, госпожа моя, прошу вас, поцелуйте меня сейчас в последний раз.

— Нет,— отвечала королева,— этого я не сделаю, и вы воздержитесь от подобных дел.

И они простились друг с другом; и не нашлось бы человека столь жестокосердного, чтобы не заплакал при виде их горя, ибо они стонали жалобно, словно пронзенные копьем, и, расставаясь, много раз лишались чувств. Наконец дамы унесли королеву в ее покои.

А сэр Ланселот, очнувшись, вышел вон, сел на коня, и весь этот день и всю ночь он ехал по лесу, плача и не разбирая дороги. Наконец увидел он вдруг впереди жилище отшельника и часовню меж двух скал и услышал колокольчик, звонящий к обедне. Туда и направил он коня и, спешившись, привязал коня к ограде и выслушал обедню.

А служил ту обедню как раз епископ Кентерберийский. Он и сэр Бедивер сразу узнали сэра Ланселота, и когда служба была закончена, они с ним разговорились. Но когда сэр Бедивер поведал ему до конца свою историю, сердце сэра Ланселота едва не разорвалось от горя, он широко раскинул руки и воскликнул:

— Увы! Можно ли довериться этому миру?

Потом преклонил сэр Ланселот одно колено и просил епископа исповедать его и отпустить ему его грехи. И просил он епископа, чтобы он сделал его своим братом. Отвечал ему епископ: «Я готов, со всей моей охотою»,— и он облачил сэра Ланселота в монашескую рясу. И остался там Ланселот служить господу денно и нощно в постах и молитвах.

Великое же войско его пребывало в Дувре. Но потом сэр Лионель призвал к себе пятнадцать баронов и с ними отправился в Лондон на поиски сэра Ланселота; и там был сэр Лионель убит и с ним — многие его бароны.

Тогда сэр Борс Ганский отправил великое войско в обратный путь, а сам сэр Борс, сэр Эктор Окраинный, сэр Бламур, сэр Блеоберис и еще многие из Ланселотова рода остались с намерением объехать всю Англию вдоль и поперек и разыскать сэра Ланселота.

И вот ехал сэр Борс, ехал, до тех пор пока, по воле случая, не выехал к той самой часовне, где находился сэр Ланселот. Слышит он, колокольчик звонит, возвещая начало обедни. Он спешился, вошел и прослушал обедню. Когда же служба кончилась, епископ, сэр Ланселот и сэр Бедивер приблизились к сэру Борсу, а он, увидевши сэра Ланселота в подобном облачении, просил епископа, чтобы и ему можно было последовать его примеру. И вот его облачили в рясу, и он остался жить там в посте и молитвах. А не прошло и полугода, как туда заехали сэр Галихуд, сэр Галиходин, сэр Бламур, сэр Блеоберис, сэр Вилар, сэр Кларус и сэр Гахалантин. Эти семеро благородных рыцарей остановились там, и когда они увидели, что сэр Ланселот обратился к святой жизни, то не пожелали ехать дальше и также облачились в монашеские рясы. Так прожили они в суровом покаянии шесть лет. После этого сэр Ланселот принял от епископа священнический сан и целый год сам служил обедни. А все остальные рыцари, с ним бывшие, читали по книге, и прислуживали во время обедни, и звонили в колокола и смиренно все исполняли. А кони их разбрелись[24], куда им вздумалось, ибо они теперь не заботились о достоянии земном: ибо когда они видели, каким тяготам подвергал себя в постах и молитвах сэр Ланселот, то уж не думали о том, каково приходилось им самим, ибо они видели, как благороднейший из рыцарей мира живет в столь суровом воздержании, что вовсе отощал и обессилел. Но вот однажды ночью было сэру Ланселоту божественное видение и повелело ему, во искупление его грехов, поспешить в Эмсбери: «А к тому времени, как ты туда прибудешь, ты найдешь королеву Гвиневеру мертвой. И потому возьми с собой товарищей твоих и снаряди конную повозку, возьми в Эмсбери тело королевы, отвези и похорони ее подле ее супруга, благородного короля Артура».



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ С СЕМЬЮ ТОВАРИЩАМИ ОТПРАВИЛСЯ В ЭМСБЕРИ И ЗАСТАЛ ТАМ КОРОЛЕВУ УСОПШЕЮ, И КАК ОНИ ПРИВЕЗЛИ ЕЕ В ГЛАСТОНБЕРИ ❧ И являлось это видение сэру Ланселоту трижды в одну ночь. И поднялся сэр Ланселот еще до света и поведал об этом отшельнику.

— Надобно,— сказал отшельник,— чтобы вы поспешили в путь и не ослушались вашего видения.

И взял сэр Ланселот с собою семерых своих товарищей, и пешком они отправились из Гластонбери в Эмсбери, что находился оттуда немногим более чем в тридцати милях[25], но прибыли они туда лишь к исходу второго дня, ибо были слишком слабы и обессилены для ходьбы.

Когда сэр Ланселот достиг ворот Эмсберийского монастыря, королева Гвиневера уже ровно полчаса как скончалась. И женщины поведали сэру Ланселоту, что перед смертью королева сказала им о том, что сэр Ланселот уже целый год как стал священником. «И он придет сюда сразу же со всею возможной поспешностью за моим телом и подле господина моего короля Артура он похоронит меня». И так королева сказала во всеуслышание: «Молю всемогущего господа, чтобы никогда мне более не узреть сэра Ланселота земными очами!»

Так молилась королева неотступно два последних дня до самой своей смерти. После этого увидел сэр Ланселот ее мертвый лик, но не заплакал, а лишь вздохнул. И отслужил он сам по ней всю службу — и панихиду и заупокойную мессу поутру. И была снаряжена конная повозка, и тронулись они в путь: сто факелов полыхали вокруг тела королевы, и сэр Ланселот со своими восьмью товарищами окружали ее, распевая тропари и читая молитвы, и курились над телом благовонные курильницы. Так пришли пешком сэр Ланселот и его товарищи из Эмсбери в Гластонбери, и когда они достигли часовни, то отслужили там по королеве торжественную панихиду. А наутро сам отшельник, некогда бывший епископом Кентерберийским, пропел над нею заупокойную мессу, а потом стали подносить приношения, и первым жертвовал сэр Ланселот, а за ним и все его восемь спутников[26]. После этого трижды с ног до головы обернули ее в Реннское вощеное полотно[27], поместили в свинцовый ларь, а свинцовый ларь поставили в мраморный гроб. Когда же опустили ее в землю, сэр Ланселот упал без чувств и долго пролежал так, покуда отшельник не приблизился, привел его в чувство и сказал так:

— Грех вам, ибо вы, так предаваясь горю, гневите господа.

— Истинно,— отвечал сэр Ланселот,— я уповаю, что не прогневил господа, ибо Он знает: я убивался и убиваюсь не о греховных радостях, но горю моему никогда не будет конца. Ибо когда я вспомню красоту ее и благородство ее и короля и когда я вижу теперь ее могилу рядом с его могилой, то воистину сердце мое отказывается служить моему отягщенному печалями телу. И когда я вспоминаю, как по моей вине, из-за моей надменности и гордыни, они оба оказались повержены в ничтожество, кому нет и не было равных во всем христианском мире, то знайте,— молвил сэр Ланселот,— эта память об их доброте и о моей неблагодарности проникает меня до самого сердца, и я не в силах этого вынести.

Так говорится во Французской Книге.



КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ СТАЛ ЧАХНУТЬ И ВСКОРЕ УМЕР, И ТЕЛО ЕГО БЫЛО ПЕРЕНЕСЕНО В ЗАМОК ВЕСЕЛОЙ СТРАЖИ, ГДЕ И ПРЕДАНО ЗЕМЛЕ ❧ С этого дня сэр Ланселот почти не принимал пищи и не пил, пока не умер, ибо он все больше слабел и чахнул и жизнь в нем угасала. Но ни епископ и ни один из его товарищей не могли уговорить его есть, и пил он так мало, что на целый локоть стал ниже ростом и люди уже не узнавали его. И он неотступно, день и ночь, молился, лишь

изредка забываясь неспокойной дремотой. Все время лежал он, распростершись ниц, на могиле короля Артура и королевы Гвиневеры, и как ни пытались его утешить епископ и сэр Борс и все его товарищи, их старания оставались безуспешны.
Шесть недель так прошло, и сэр Ланселот занемог и слег в постель. И тогда послал он за епископом, который там жил отшельником, и за всеми своими верными товарищами.
И так сказал сэр Ланселот унылым голосом:
— Сэр епископ, прошу вас, пусть будут исполнены надо мною последние обряды, как надлежит христианину.
— В том нет нужды,— отвечали епископ и все его товарищи,— это просто тяжесть в вашей крови. К завтрашнему утру, с божией помощью, вы поправитесь.
— Любезные лорды,— сказал им сэр Ланселот,— знайте, что мое отягщенное печалями тело стремится в землю. И мне было открыто больше, чем я сейчас вам говорю. А потому, пусть исполнят надо мною все обряды.
И вот, когда он принял последнее причастие и соборование, то стал просить сэр Ланселот епископа, чтобы товарищи перенесли его тело в замок Веселой Стражи, про который некоторые говорят, что это Анвик, а иные — что Бамборо[28].
— Хоть мне и самому это горько,— говорил сэр Ланселот,— но я когда-то дал клятву, что меня похоронят в замке Веселой Стражи. И дабы не нарушить мне моей клятвы, прошу вас всех, отвезите меня туда.
Начали тут плакать его товарищи, ломая руки. А когда настала ночь, улеглись они все на свои ложа, ибо они все спали в одном покое. И вот, когда миновала полночь и близился уже рассвет, епископ-отшельник, спавший на своем ложе, вдруг громко рассмеялся. Пробудились все, сбежались к нему, стали спрашивать, что с ним случилось.
— Иисусе милостивый! — отвечал епископ.— Зачем вы меня разбудили? Мне никогда еще в жизни не было так весело и приятно.
— Отчего? — спросил сэр Борс.
— Истинно,— отвечал епископ,— я видел рядом с собою сэра Ланселота в окружении ангелов, и было их такое множество, что я никогда столько и людей не видывал. Они подняли сэра Ланселота к небесам, и врата небес распахнулись перед ним.
— Все это лишь тревожные сны,— сказал сэр Борс,— ибо сэру Ланселоту, я уверен, сейчас стало уже совсем хорошо.
— Возможно, что и так,— сказал епископ.— Ступайте же к его ложу, и удостоверьтесь.
Но когда сэр Борс и его товарищи приблизились к ложу сэра Ланселота, они нашли его мертвым. Он лежал словно бы улыбаясь, а вокруг него разлился сладчайший аромат, какой только случалось им вдыхать. Тут они заплакали горько, ломая руки, и так по нем убивались, как никогда еще не убивались мужи.
А поутру епископ отслужил заупокойную мессу, а потом епископ и все девять рыцарей уложили сэра Ланселота в ту же повозку, на которой везли к месту погребения королеву Гвиневеру. И день за днем шли епископ

и все остальные за телом сэра Ланселота, покуда не достигли они замка Веселой Стражи; и всю дорогу окружали их сто горящих факелов.

На пятнадцатый день прибыли они в замок Веселой Стражи. Положили его тело в алтаре и читали и пели над ним псалмы и молитвы. И все время лицо его было открыто, дабы все люди могли его видеть, ибо таков был обычай в те времена, чтобы благородные мужи лежали с открытым лицом, пока их не похоронят.

И вдруг, как раз пока шла служба, явился туда сэр Эктор Окраинный, семь лет искавший по всей Англии, Шотландии и Уэльсу брата своего сэра Ланселота.



КАК СЭР ЭКТОР НАШЕЛ СЭРА ЛАНСЕЛОТА, СВОЕГО БРАТА, МЕРТВЫМ, И КАК ПОСЛЕ АРТУРА ЦАРСТВОВАЛ КОНСТАНТИН, И О КОНЦЕ ЭТОЙ КНИГИ ❧ Услышал он звуки молитвы, увидел свет в алтаре церкви Веселой Стражи, спешился, отпустил коня и вошел в церковь. Видит он людей, плачущих и молящихся, но кто они, не узнает, хотя они узнали его сразу.

И тогда приблизился к сэру Эктору сэр Борс и сказал ему, что это брат его сэр Ланселот лежит здесь мертвый. Отбросил сэр Эктор щит свой, меч и шлем и при виде лица Ланселотова упал без чувств. Когда же он снова очнулся, то ни один язык не в силах передать те жалобные речи, какими он оплакивал своего брата.

— Ах, Ланселот! — говорил он,— ты был всему христианскому рыцарству голова! И скажу теперь, сэр Ланселот, когда лежишь ты здесь мертвый, что не было тебе равных среди рыцарей на всей земле. Ты был благороднейшим из рыцарей, когда-либо носивших щит! И был ты для любивших тебя самым верным другом, когда-либо сидевшим верхом на коне, и самым верным возлюбленным изо всех грешных мужей, когда-либо любивших женщину, и самым добрым человеком, когда-либо поднимавшим меч. Ты был собой прекраснейшим изо всех в среде рыцарей, и ты был кротчайшим и учтивейшим мужем, когда-либо садившимся за стол вместе с дамами, а для смертельного врага — суровейшим противником, когда-либо сжимавшим в руке копье.

И поднялся тут великий плач и стон.

И пролежало тело сэра Ланселота на возвышении пятнадцать дней, а потом торжественно было предано земле. После того не спеша возвратились они с епископом Кентерберийским в его обитель и там провели все вместе больше месяца.

А потом сэр Константин, сын короля Корнуэльского Кадора, был избран королем Англии, и был он благороднейший рыцарь и с честью правил своим королевством. И этот король Константин послал за епископом Кен-

терберийским, прослышав о том, где он скрывается. И получил он обратно свое епископство и покинул отшельническую обитель, но сэр Бедивер оставался там отшельником до конца дней своих.

А сэр Борс Ганский, сэр Эктор Окраинный, сэр Гахалантин, сэр Галихуд, сэр Галиходин, сэр Бламур, сэр Блеоберис, сэр Вилар Доблестный и сэр Кларус Клермонтский,— все эти рыцари возвратились в свои владения. Правда король Константин хотел, чтобы они жили у него, но они не согласились остаться в этом королевстве. Они уехали к себе, и жили каждый жизнью святой и праведной.

Правда иные английские книги утверждают, будто после смерти сэра Ланселота ни один из них не покинул пределов Англии [29],— но это все лишь измышления сочинителей! Ибо во Французской Книге говорится — и это достоверно,— что сэр Борс, сэр Эктор, сэр Бламур и сэр Блеоберис отправились в Святую Землю, где жил и принял смерть Иисус Христос. И после того, как они водворились в своих владениях — ибо в книге говорится, что так повелел им перед смертью сэр Ланселот,— эти четыре рыцаря многократно сражались против неверных турок. И умерли они в один год на Страстную Пятницу, во славу господа.

Здесь кончается вся книга о короле Артуре и о его благородных рыцарях Круглого Стола, которых, когда они собирались вместе, было всего числом сто сорок человек. И здесь кончается «Смерть Артура».

Я же прошу вас, всех джентльменов и дам, кто прочтет эту книгу об Артуре и о его рыцарях от начала и до конца, молитесь за меня, покуда я еще жив, дабы господь ниспослал мне освобождение. А когда я умру, то прошу вас, молитесь все за мою душу.

Книга эта окончена в девятый год правления короля Эдуарда Четвертого [30] сэром Томасом Мэлори, рыцарем, да поможет ему Иисус во всемогуществе своем, как есть он смиренный слуга Иисусов и денно и нощно [31].

ПРИЛОЖЕНИЯ



У. Мортон

АРТУРОВСКИЙ ЦИКЛ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

1. ИСТОЧНИКИ

Когда многие знатные и благородные джентльмены сего королевства Английского приступили с требованием к Кэкстону, чтобы тот издал историю «славнейшего из христианских королей, первого и главнейшего из трех честнейших в мире христианских мужей, и достойнейшего — историю короля Артура, память о коем должна изо всех христианских королей более всего почитаться среди нас, англичан»,— первая реакция Кэкстона была сдержанной. Он ответил, что немало людей того мнения держатся, будто означенного Артура вовсе не существовало и все книги, о нем написанные, не более как басни и выдумки. Однако почтенные клиенты Кэкстона были настойчивы и напомнили ему некоторые доказательства исторического существования Артура.

«Во-первых, можно видеть его гробницу в Гластонберийском монастыре.., и в разных местах Англии память о нем сохранена и останется навечно, а также и о рыцарях его; в Вестминстерском аббатстве в раке святого Эдуарда хранится оттиск его печати в красном воске: «PATRICIUS ARTHURUS BRITANNIE GALLIE GERMANIE DACIE IMPERATOR» *, также и в Дуврском замке можно увидеть череп Гавейна и плащ Кардока; в Винчестере — Круглый Стол, в иных местах — Ланселотов меч и многие другие предметы» [1].

Конечно, мы не можем быть уверены в том, что эти «свидетельства» убедили трезвого и практичного печатника больше, чем они убеждают нас сегодня. Однако они свидетельствуют о существовании в XV в. распространенного предания об Артуре-герое, настолько возбуждающем всеобщий интерес, что книга о нем непременно будет доходной. Нам уже не объяснить, как это случилось, но у Кэкстона оказалась под рукой рукопись сэра Томаса Мэлори, несколько списков которой, видимо, имелось уже к 1488 г.; отсюда можно сделать вывод о ее известной популярности. Кэкстон подготовил эту рукопись к печати и издал ее, оговорившись, что «верить ли и принимать за истину все, что в ней содержится,.. вы вольны и в своем праве» [2].

К этому произведению, к «Смерти Артура», нам еще придется вернуться: оно представляет собою последний и окончательный этап развития так называемого артуровского цикла сюжетов на английской почве. Но ему предшествовал длительный процесс, в ходе которого полулегендарный пер-

* Патриций Артур, император Британии, Галлии, Германии и Дании (*лат.*). Под * даются примечания автора.

1 См. стр. 9, наст. изд. Под цифровыми обозначениями даются примечания переводчика.

2 См. стр. 10 наст. изд.

сонаж далеких темных времен оказался в центре большого цикла рыцарских романов, преданий и легенд. Мы будем здесь говорить не об Артуре как исторической личности, ибо в действительности о нем известно очень мало, но проследим сам ход этого процесса. Мы попытаемся дать ему объяснение, связав его с подъемом и упадком феодального общества, рассмотрим, как складывался артуровский цикл, и покажем, почему на разных этапах легенды об Артуре он принимал именно ту, а не иную форму.

О самом же Артуре история может добавить весьма немногое к тому, что сказано в «Хронике» Уильяма Малмсберийского, составленной около 1125 г. А там сказано следующее:

«Амброзий *, коий из римлян был единственный оставшийся в живых и воцарившийся по смерти Вортигерна **, сокрушил гнусных варваров при славной подмоге воинственного Артура. Вот о сем Артуре британцы сложили многие легенды и с любовью рассказывают про него и поныне. Истинно, был он достоин, чтобы подвигам его было воздано должное не в досужих вымыслах, но в подлинной истории. Он долгие годы поддерживал гибнущее королевство, одушевляя дрогнувших соотечественников на новые битвы. Когда же осадили Маунт-Бадон, сей герой с верой в Святую Деву, которой образ был прикреплен им к доспехам, один, без всякой помощи вступил в сражение с девятью сотнями недругов и в бегство их обратил после неслыханной сечи» [3].

Среди составителей ранних хроник Уильям больше других придерживался истины, и его рассказ соответствует взглядам современных историков, которые в большинстве своем считают, что Артур был не королем, а предводителем отряда вольных стрелков, «легкого» войска, которое находилось на службе у тогдашних бриттских королей и отражало нашествия завоевателей. Если мы не ошибаемся, упоминая Артура в связи с битвой у Маунт-Бадон, у нас достаточно оснований отнести время его подвигов на конец пятого — начало шестого столетия. Совершенно очевидно, что Уильям Малмсберийский был знаком не только с хрониками Гильдаса *** и Нення ****, но и со всевозможными устными легендами, которые рассказывались в Уэльсе и юго-западной Англии. Отзвуки этих преданий еще можно различить в сохранившихся фрагментах ранней поэзии Уэльса, и можно полагать, что аналогичные предания, правда, не засвидетельствованные в каких-либо литературных источниках, были распространены и в Бретани и в Корнуолле. Именно на такое предание и ссылается Уильям, когда упоминает Артура в другом случае. Рассказывая об открытии в конце одиннадцатого столетия предполагаемой могилы Вальвина (Гавейна), он

* Амброзий Орелиан — вождь бриттов в период их борьбы с саксами в V в. Согласно преданиям, был выходцем из Рима. В хронике Нення Амброзий представлен защитником римских завоеваний в Британии.

** Вортигерн — полулегендарный король бриттов в V в. Позднейшие хроники (Гильдаса, Беды и др.) изображали его тираном.

3 *William of Malmesbury*.— «Bohn Library», p. 11.

*** Гильдас — один из первых английских историков; его хроника запечатлела события VI в.

**** Ненний (конец VIII в.) — автор исторической хроники Британии, доведенной до VIII в.

добавляет: «Могила же Артура нигде не обнаружена; поэтому древние баллады предсказывают, что он еще объявится»[4].

Сведения об Артуре бытовали лишь как народные сказания да в виде отдельных упоминаний в «Хрониках» вплоть до появления написанной Гальфридом Монмутским «Истории британских королей», которая последовала примерно лет через десять после произведения Уильяма; но затем положение меняется. У Гальфрида Артур изображен во весь рост как монарх — завоеватель мира, окруженный самым изысканным двором и доблестными соратниками. Фигуры Гавейна, Кэя и Бедивера, которые в гномической поэзии Уэльса существовали всего лишь как тени, ныне представлены во всем своем рыцарском величии. Гвиневера здесь уже фигурирует в традиционной роли неверной жены. Появляется Мерлин, очевидно, впервые. Как рождение, так и гибель Артура мало чем отличаются от окончательных версий.

«История» Гальфрида немедленно завоевала прочную популярность, о чем свидетельствует количество дошедших до нас списков. Артур стал самым модным героем, и уже сыновья первых читателей Гальфрида могли наслаждаться целым циклом романов, оттеснившим на задний план повествования о Шарлемане*. Однако, как ни популярна была книга Гальфрида, этого бы никогда не произошло, не будь на то вполне определенных причин исторического, общественного и литературного характера.

В течение примерно пятидесяти лет, предшествовавших появлению «Истории британских королей», норманны одну за другой захватывали земли Уэльса и Бретани. Для рассматриваемого нами вопроса это важно по двум причинам. С одной стороны, легенды об Артуре и его рыцарях распространялись среди побежденных все шире, ибо они пробуждали у валлийцев патриотические чувства, напоминая им о героическом прошлом. Нет почти никаких оснований предполагать, что до завоевания Англии норманнами существовал миф о том, будто Артур не умер и лишь выжидает момента, чтобы прийти на помощь своему народу. С другой стороны, покорение Уэльса и Бретани впервые познакомило норманнскую знать из Франции с легендами об Артуре, которые, должным образом изложенные, могли быть использованы в интересах завоевателей.

Династия норманнов была монархией выскочек, на их престоле к тому времени сменилось лишь два короля. Уильям I был всего только герцог, да еще всю жизнь носивший клеймо внебрачного сына дочери кожевника. И эта безродная династия теперь правила всей Англией и частью Франции, а также всеми более или менее доступными районами Уэльса. Ей нужен был миф подобный тому, чем были «Энеида» Вергилия для молодой Римской империи, или же предания о Шарлемане для французских королей. Такой миф и был найден в книге Гальфрида с ее сказочными историями о Новой Трое и норманнизированным Артуром.

Гальфрид жил на границе Уэльса, и его непосредственными покровите-

[4] *Willaim of Malmesbury.*— «Bohn Library», p. 315.

* Шарлемань — Карл Великий, герой более раннего цикла французских эпических сюжетов.

лями были марчерские бароны, которые раздавали валлийские земли новым феодалам. Его «История» была посвящена самому могущественному из этих баронов — графу Роберту Глостерскому, а для политической перестраховки и его врагу Стефану Блуа. Нет сомнений в том, что Гальфрид имел хорошую возможность ознакомиться с преданиями Уэльса. Возможно даже, в его распоряжении была, как он утверждал, «одна очень древняя книга на языке бриттов» [5], хотя никаких следов такой книги или чего-нибудь подобного не сохранилось, да и в любом случае она могла бы дать ему лишь скудный материал. Возможно также, что он знал некоторые легенды Корнуолла и Бретани, хотя теперь они полностью забыты; есть все основания полагать, что в свое время они существовали, а в сочинении Гальфрида обе эти области фигурируют довольно часто. Во всяком случае, он, как никто другой, мог знать местные предания, мог переработать их и норманнизировать. В этой связи важно, что, хотя Гальфрид и не может совсем не сказать о вере народа в чудесное спасение Артура, он, насколько это в его силах, опровергает легенду. Поистине замечательно, с каким упорством эта вера вновь и вновь утверждалась в исторических произведениях и романах вопреки суждениям и желаниям их просвещенных авторов. Это была надежда угнетенных классов и покоренных народов, и наиболее ярко она выражена именно в тех произведениях, которые, подобно «Бруту» Лайамона *, и по форме своей, и по выразившимся в них настроениям ближе всего к народу. В этом отношении особенно заметен контраст между Лайамоном, писавшим по-английски, и Васом, который несколько ранее писал на норманнском диалекте французского языка.

Спящий Артур — один из целой плеяды тех уснувших долгим сном героев, от Карла Великого и Барбароссы до герцога Монмута и лорда Эдуарда Фицджеральда **, чьего пробуждения ждет народ [6]. В конечном счете выявляется связь этой идеи с иудейско-христианскими представле-

[5] «Histories of the Kings of Britain». Everyman Edition», p. 1. Книга, которой пользовался Гальфрид, если она действительно существовала, могла быть скорее бретонской, нежели валлийской.

* Лайамон — английский поэт начала XIII в.; в его творчестве соединились традиции англосаксонского героического эпоса и французской куртуазной литературы.

** Герцов Джеймс Монмут (1649—1685) — побочный сын Иакова II, первого из английских королей после реставрации Стюартов в 1660 г. Объявив себя законным претендентом на английский престол, в 1685 г. вторгся из Голландии, где он скрывался, в Англию с войском сторонников-протестантов. Однако народные массы не поддержали Монмута, он был разбит и казнен; после его смерти родилась легенда, что на самом деле казнили другого, а Монмут жив и придет вновь, неся избавление от нищеты и гнета.

Лорд Эдуард Фицджеральд (1763—1798) — ирландский революционер, участник французской революции; готовил заговор, целью которого было отделение Ирландии и установление в ней республики при содействии Франции; однако помощи Фицджеральду оказано не было, заговор был раскрыт; Фицджеральд бежал, был ранен и умер в тюрьме.

[6] «Раз в семь лет граф Джеральд выезжает на скаковое поле в Кильдаре. У его лошади, так же как и у лошади Артура в Кэдбери, серебряные подковы. В тот год, что Джеральд впал в сон, они были толщиной в пол-дюйма. Когда они станут не толще кошачьего уха, сын мельника, шестипалый на обе руки, протрубит в рог и Джеральд даст сражение англичанам» (*E. K. Chambers*. Arthur of Britain 1927, p. 225).

ниями о тысячелетнем царстве божием на земле и мифами первобытной эпохи о смерти и возрождении бога плодородия. Любопытным образчиком этих мифов является и легенда о Бране Благословенном, чья голова охраняла Лондон,— с ним имя Артура связывается в одной из ранних валлийских триад *.

Артур привлекал норманнов также и тем, что был героем досаксонской эпохи и во всех легендах изображался борцом против саксонских завоевателей. В XII в. англосаксы далеко еще не составляли подавляющего большинства в стране. Поэтому подвергшийся надлежащей обработке, трансформированный Артур был для норманнов вполне пригодным исходным эпическим образом, каким не мог, например, стать Альфред **. Когда же позднее стал распространяться миф об Альфреде, он принял вполне ощутимую буржуазную и антифеодальную окраску.

Положение в Бретани было во многом таким же. В течение X в. туда постепенно проникали норманны, однако Бретани удавалось сохранять независимость под властью герцогов Бретонских вплоть до 1148 г., когда Плантагенет Жоффруа Анжуйский начал новый приступ. Следующий Жоффруа, сын английского короля Генриха II, женился на Констанции Бретонской, и ему пришлось долго бороться, прежде чем он сумел утвердить свои права на Бретонское герцогство. Именно в это время с необычайной быстротой распространяется легенда об Артуре. Прошло совсем немного времени, и Ален де Лиль писал:

«Ступайте в Арморику ***, иначе Малую Британию, и только попробуйте возгласить на рынках и в деревнях ее, что Артур, бритт, умер, как и все смертные,— увидите сами, сколь верным было пророчество Мерлина, что кончина Артура будет сомнительной.

Вы едва ли останетесь невредимы, ибо слушатели обрушат на вас град камней и проклятий [7].

Как ни популярна была «История» Гальфрида Монмутского, было бы абсурдом полагать, что подобные чувства в народе обязаны своим происхождением только ей, хотя Ален писал и несколько позже ее выхода в свет.

В 1187 г. у Жоффруа и Констанции родился сын, которого крестили Артуром с явным намерением задобрить бретонцев, точно так же как поступил позже Эдуард I, провозгласив своего новорожденного сына принцем Уэльским. Буквально через два года после рождения Артура Бретонского была очень кстати «обнаружена» могила Артура в Гластонберийском монастыре, который с тех пор стали выдавать за остров Авалон, куда, согласно рассказу Гальфрида Монмутского, был перенесен Артур для исцеления ран. Та-

* Валлийские триады — в древневаллийской поэзии особый жанр стихотворений, написанных на сюжеты популярных преданий и композиционно распадавшихся на триптихи.

** Альфред — уэссекский король (IX в.), вел успешную борьбу с датскими завоевателями и создал сильное английское государство; известен также своей просветительской деятельностью; Н. Г. Чернышевский характеризовал Альфреда как «распространителя просвещения и устроителя государственных дел, смиряющего внешних и внутренних врагов», сопоставляя его с Петром I.

*** Арморика — древнее название Бретани.

[7] *E. K. Chambers*. Arthur of Britain, p. 109.

ким образом, перед нами очередная попытка норманно-французского правящего класса подорвать веру народа в бессмертие Артура, сохранив в то же время те черты этого культа, которые отвечали его интересам; впрочем, такие попытки никогда не приносили полного успеха.

В народных представлениях могло совмещаться поистине несовместимое: верили одновременно и в могилу Артура, и в его спасение. Вот как об этом говорит четверостишие начала XV столетия:

В Гластонбери, в боковом приделе,
Похоронили Артура
И начертали по-латыни:
«Hic jacet Arthurus rex quondam, rexque futurus» [8]

Нетрудно догадаться, что монахи из Гластонбери, куда к тому времени уже и так стекались бесчисленные паломники, привлекаемые знаменитой ракой Иосифа Аримафейского, не особенно старались искоренить поверье, вероятно приносившее им немалый дополнительный доход. Должно быть, это случайное соседство Артура с Иосифом впоследствии способствовало включению в артуровский цикл легенды о Граале, вначале существовавшей самостоятельно.

Ясно, что такие исторические условия способствовали быстрому распространению легенды: в силу совсем разных причин она устраивала как норманнов, так валлийцев и бретонцев. Но эти условия, объясняющие причины популярности легенды, все же недостаточны для объяснения тех резко отличных и своеобразных форм, которые она приобрела во Франции и в Англии.

2. ГЕРОИКА И РЫЦАРСКИЙ РОМАН

Двенадцатое столетие знаменовало собой поворотный момент в социальном развитии Северной и Западной Европы. Век развитого феодального общества шел на смену так называемому мрачному средневековью, которое, по словам У. П. Керра, «с большим почтением и неменьшей справедливостью следовало бы именовать героическим веком Севера». Завершилась эпоха переселений и завоеваний, и жизнь, по крайней мере правящего класса, стала более спокойной, безопасной и просвещенной. Этот новый, более аристократический правящий класс уже не довольствовался идеями и представлениями, которые содержала в себе героическая поэзия прошлого — «Беовулф», «Сага о Волсунгах», «Сражение при Мэлдоне» *. Он нуждался в новой этике, новом кодексе манер и норм поведения, а также в новой идее,

[8] *E. K. Chambers.* Arthur of Britain, p. 125. «Здесь покоится Артур, король в прошлом и король в будущем».

* «Сага о Волсунгах» — скандинавская обработка сюжета о Зигфриде из «Песни о Нибелунгах», относящаяся к середине XIII в.; «Сражение при Мэлдоне» — условное название фрагмента поэмы на древнеанглийском языке, рассказывающей о нашествии викингов в 991 г. в Эссекс и о их битве с войском саксов; рукопись (325 строк) была обнаружена в 1731 г.

которая подчеркнула бы его резкий отход от народных масс, чья жизнь изменилась в значительно меньшей степени.

В Англии, где норманнское завоевание лишь стимулировало классовое разграничение, происходившее повсеместно, эти изменения видны уже по рассказу Беды * о певце Кэдмоне. Кэдмон служил конюхом в аббатстве Уитби. По вечерам там все собирались в большой зале и пели по очереди, передавая по кругу арфу и аккомпанируя себе. Кэдмон же этого не умел, и поэтому «он, увидев, что арфа уже близко, встал из-за стола и пошел домой. Стало быть, он (Кэдмон) среди веселых песен вышел из дому и вернулся на конюшню, где надо ему было в ту ночь стеречь коней, и рано лег спать» [9].

Далее Беда рассказывает, как Кэдмона посетил ангел и принес ему дар божественной поэзии. Интересно, однако, что Кэдмон, занимавший столь скромное положение,— ему приходилось спать на конюшне,— тем не менее имел право сидеть в зале и участвовать в общих развлечениях. Это было в 680 году. Едва ли можно представить себе что-нибудь подобное в послеальфредовской Англии и уж совершенно невозможно — после норманнского завоевания, когда классовое разграничение еще усугубилось языковым барьером. Такой же контраст выявится, если сравнить низкие деревянные, беспорядочно разбросанные, открытые для всех дома саксонской знати с устрашающими каменными цитаделями, которые в XI и XII вв. возникли не только по всей Англии, но и по всей северо-западной Европе.

Вот в среде этого правящего феодального класса, все более возвышающегося и отдаляющегося от народных масс, развились идеи рыцарства, служившие как бы цементом, скрепляющим всю постройку. Воин превращался в рыцаря; войну, которой не требовалось никаких оправданий в героический век, теперь стало нужно объяснять какими-то нравственными соображениями. Таким образом, родственная группа племенного общества превратилась в военный отряд, державшийся на личной преданности военачальнику. И сам этот отряд можно рассматривать как переходную форму; он был промежуточным звеном между группой родичей и феодалом с его вассалами. По мере развития феодального общества война утрачивала свое значение как источник наживы по сравнению с постоянной эксплуатацией крепостных. Можно проследить и соответствующую перемену в отношении к самой войне. Воин сражался из-за добычи, и ему не приходилось оправдываться. Рыцарь же должен, хотя бы на словах, согласовывать свои действия с религией. Он не просто сражается, но бьется за справедливость, честь, за свою возлюбленную или христианский мир. Во всяком случае, так считалось. Как писал Дж. С. Ф. Хирншоу, «в золотой век рыцарства отличительными качествами настоящего рыцаря были из самых положительных — честь, набожность и любовь, а из самых худших — жестокость, суеверие и жажда наслаждений; добродетели рыцарства — это храбрость, вера и преданность, пороки — кровожадность, нетерпимость, прелюбодеяние».

* Беда Достопочтенный (673—735) — автор многочисленных хроник и трактатов на латинском языке.

[9] *Bede.* Ecclesiastical History.— «Everyman Edition», p. 206.

Однако он добавляет: «В действительности же золотого века рыцарства не было» [10].

То был период крестовых походов и основания первых религиозно-военных рыцарских орденов. Самым первым из них был орден святого Иоанна Иерусалимского, ставший военным союзом около 1118 г.; тогда же был основан и орден храмовников. Около 1128 г. был основан Тевтонский орден, который в начале XIV века начал свои завоевания в Прибалтике, ведя захваты феодальных владений под удобным предлогом борьбы с язычниками. Такие же ордена были учреждены к концу XII столетия и в Испании.

Именно в эти столетия и создавался как нечто целое артуровский цикл, претерпевая многочисленные переработки и изменения и отражая изменяющееся и сложное соотношение старых и новых сил. Ибо, хотя феодализм и был новой эрой, он вел свое происхождение от предшествовавшей исторической эпохи и в течение длительного времени сохранял ее черты.

Расцвет артуровского цикла пришелся на период, последовавший вслед за героическим веком — сразу же по его окончании. Прежние темы, древние представления Севера устарели, но полностью забыты не были. И Артур, путешественник в неведомое, победитель великанов и драконов, приносит с собой кое-какие древние черты и в новое время — в конце концов ведь он был героем VI в., хотя трансформированным в соответствии с идеями XII. Однако трансформации эти были неизбежны. К XII столетию героический век завершился, феодальное общество с его четким классовым разграничением стирало последние следы родового строя. Вместе с этим пришло и разграничение культуры, и эпическую поэму, которая обращалась ко всем без различия, сменили рыцарский роман, сочинения придворных поэтов и духовных лиц, предназначавшиеся для праздного господствующего класса. Высказывалось предположение, что эпические поэмы адресованы к мужчинам, а романы писались главным образом для дам [11]. Контрасты в любовных отношениях между Сигурдом и Брунгильдой, с одной стороны, и Ланселотом и Гвиневерой — с другой, отражают именно эти изменения.

Тем не менее рыцарский роман черпал материал из сказаний героического века. Как раз в то время, когда норманно-французский мир окончательно и бесповоротно прощался с этим веком, он открыл для себя сокровищницу преданий Уэльса и Бретани и грабил ее точно так же, как эксплуатировал валлийские и бретонские земли. По словам У. П. Керра, французские поэты XII столетия, писавшие рыцарские романы, обдуманно и со знанием дела разрабатывали эту золотую жилу согласно требованиям времени [12]. При этом многое погибало — о рыцарском романе, пожалуй, можно было бы сказать, что это героическая поэзия, пришедшая в упадок. Но сказать это — еще не значит сказать все: поэты, сочинявшие романы, обогащали и развивали традицию в той же мере, в какой обкрадывали и вульгаризировали ее.

[10] *Chivalry*. A Series of Studies. L., Edgar Prestage, 1928, p. 18, 20.
[11] Например, *Alfred Hutt*. Celtic and Medieval Romance, 1899, p. 16—17.
[12] «Epic and Romance», 1897, p. 371—372.

К счастью или к несчастью, но наиболее полно все это выразилось в литературе Франции, в литературе французского языка, начиная от Васа * и Кретьена де Труа и кончая авторами прозаического артуровского цикла. В их сочинениях стиль достиг такой изысканности, что от героического эпоса оставались лишь едва различимые черты. В Англии дело обстояло совершенно иначе. Героическая литература когда-то особенно расцветала там, где вообще не было господства римлян или же где латинская традиция была наиболее слабой и непрочной; именно эти области северо-запада и поставляли авторам новой литературы древние сюжеты и мотивы, но здесь же, естественно, в литературе сохранялись особенно долго и упорно кое-какие архаичные черты.

Поэтому в Англии артуровские предания хотя и претерпели глубокую модернизацию, тем не менее не утратили полностью своего характера. Здесь сохранялась и развитая народная культура, о чем свидетельствует возрождение англосаксонской аллитеративной поэзии от Лайамона до «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря» и Лэнгленда **. Народная культурная традиция сильно сказалась на особенностях артуровского цикла в Англии.

Таким образом, с самого начала существовало резкое различие между обработками артуровских преданий в Англии и во Франции. Французские авторы рыцарских романов в стихах и прозе интересовались личностью героя, всячески расписывая его приключения, а также события его личной жизни и перипетии утонченной и искусственной куртуазной любви. В Англии же всегда сохранялся тот псевдоисторический фон, который привнес в предания об Артуре Гальфрид Монмутский, хотя этот фон постоянно изменялся и усложнялся под воздействием французских обработок тех же сюжетов. Кроме того, в английском варианте всегда чувствуется эпический размах, совершенно отсутствующий во французском. Эти различия выявляются очень рано — уже при сравнении поэм Васа, писавшего на нормано-французском диалекте, и Лайамона, который писал по-английски. Оба непосредственно заимствуют у Гальфрида Монмутского, но придворная изысканность Васа совершенно очевидно отличается от народного эпического стиля Лайамона.

Лайамон, например, постоянно помнит, что Артур был бриттским, а не французским королем; для Васа же это не имеет почти никакого значения. И хотя мы, разумеется, не можем говорить о бриттской или об английской нации в период средневековья, в Британии достаточно рано, гораздо раньше, чем в большинстве других европейских стран, уже наблюдаются черты того сознания, которое можно назвать преднациональным. По мере развития внутри феодального общества буржуазных производственных отношений это сознание крепло и ко времени Мэлори и Кэкстона оказывало уже большое влияние на жизнь и мысль британцев. Артуровские традиции в Англии питались в своем развитии этим крепнувшим национальным духом и сами питали его.

* Вас (ум. после 1174 г.) — норманнский поэт, автор ранних рыцарских романов «Брут» и «Деяния норманнов».

** Лэнгленд, Уильям (ок. 1322—1376) — английский дидактический поэт, автор «Видения о Петре Пахаре».

Мы уже упоминали о различиях между Васом и Лайамоном, о той симпатии, с которой последний относился к вере в возвращение Артура. Не меньший интерес представляет разработка Лайамоном сюжета об учреждении Круглого Стола. Несомненно, этот мотив, хотя он и встречается уже в валлийских преданиях, был многим обязан созданию в XII в. рыцарских орденов. Однако, с другой стороны, он связан с военными отрядами короля или вождя в дофеодальном героическом веке. Во французских обработках подчеркивается рыцарский характер института Круглого Стола, который превращается в неотъемлемую черту идеализированного королевского двора и служит отправным моментом всяких фантастических приключений. В противоположность этому у Лайамона на первый план выдвигаются архаичные черты, которые имеются еще в валлийских преданиях. По Лайамону, Круглый Стол был создан в результате кровавой распри, возникшей из-за пищи во время трапезы, и описание этого носит у него поистине эпический характер:

«Кравчие из высоких родов стали обносить яствами сидевших за столами; и первым подносили знатным рыцарям, после же них — воинам, а после тех — пажам и оруженосцам; а последним — челядинам в самом конце стола. И разгорелись страсти, и завязалась свара; поначалу бросали друг в друга хлебами, а когда хлебы кончились, то серебряными чашами, полными вина, а там уж и кулаки пошли гулять по шеям. И была великая драка; всяк разил соседа, и много было пролито крови, и злоба обуяла людей» [13].

Идея Круглого Стола по существу воплотила идущую от героического века традицию личной преданности вассала своему сюзерену, которую феодализм унаследовал от прошлого, от времен родового строя, и которая была цементирующей силой для всего феодального общества. В ней воплощалось также и одно из противоречий этого общества — король постоянно сталкивался с проблемой, как найти способ вознаградить своих воинов и тем самым сохранить их преданность, не превращая их в феодальных лордов, чьи владения внушали бы им иллюзию независимости и диктовали интересы, расходившиеся с его собственными. Вот почему одна из важных тем средневековой литературы — постоянный конфликт между интересами правящего класса феодалов в целом и личными интересами отдельного феодала, бесконечный конфликт, ведущий к сложному переплетению преданности и предательства, чести и обмана, конфликт неразрешимый, явившийся в конце концов одной из причин распада феодального общества. Круглый Стол и был в плане идеальном (как в плане реальном — рыцарские ордена) попыткой разрешить это противоречие, но он так и остался чистым вымыслом, поскольку материальная основа существования артуровской дружины нигде не описывается и остается неопределенной. Ко времени Мэлори отмеченный конфликт стал свойственным уже всей эпохе и достаточно разрушительным, и именно потому, что Мэлори коснулся его, «Смерть Артура» исполнена такой жизненности и трагической силы.

Книга Мэлори завершает трехсотлетнюю эволюцию, в ходе которой было

[13] *Layamon's Brut.*— «Everyman Edition», p. 210.

достаточно времени, чтобы английские и французские предания об Артуре взаимно переплелись. Худшие образцы английских романов об Артуре грешили скучной банальностью псевдоистории и были простым перечнем имен и сражений; но лучшие из них обладали выразительностью и драматизмом, полностью отсутствовавшими во французских обработках этих преданий. Обогащенный отдельными элементами французской традиции и волшебных сказаний Уэльса и Бретани, английский роман смог достичь высот «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря». Написанная перемежающимся аллитеративным и рифмованным стихом, эта поистине великая поэма, стоящая где-то на полпути от Лайамона к Мэлори, во многих отношениях является связующим звеном между ними. Мэлори, в чьей книге это англо-французское слияние достигло полного завершения, использовал преимущественно французские источники [14], но на английский лад. И примечательно, что последняя часть его произведения «Смерть Артура Бескорыстного» (книги XX и XXI в издании Кэкстона), где Мэлори пользуется одновременно как французскими, так и английскими источниками [15], получила всеобщее признание как выдающийся образец литературы артуровского цикла.

3. ГАВЕЙН И ЛАНСЕЛОТ

Ничто, видимо, не проливает больше света на развитие артуровской темы, чем история Гавейна. Под именем Вальвейн или Гвалхман он становится одним из самых ранних персонажей артуровского цикла. Валлиец по происхождению, он наделен такими первобытными и грубыми чертами, которые трудно принять англонорманнам. Многие из этих черт Гавейн проносит через весь цикл. Они сохранены даже в тексте Мэлори, относящемся к концу XV века: сила его растет от рассвета к полудню и исчезает с заходом солнца; его родственные отношения по материнской линии гораздо важнее, чем по отцовской; на всем, что с ним связано, лежит печать волшебства, и в целом его приключениям присущ особый элемент фантастики и даже гротеска. С самого начала он — один из виднейших сподвижников Артура и был слишком выдающейся фигурой, чтобы исчезнуть впоследствии. Этого и не случилось, но по мере появления новых персонажей, которые «узурпируют» многие черты и приключения Гавейна, мы наблюдаем, как он постепенно отходит в тень [16].

Одним из самых ранних и замечательных приключений Гавейна является посещение им потустороннего мира. Такие сюжеты носят ярко выраженный мифологический характер и делятся на два вида. Одни посещения предпринимаются по приглашению королевы потустороннего мира, на которой герой зачастую женится, как это случилось с Браном или Томасом Сти-

[14] *Eugene Vinaver.* Malory, 1929, passim.
[15] *Vinaver.* The Tale of the Death of King Arthur, 1955, p. XII.
[16] Для общего представления о той роли, которую играли в цикле Гавейн и Ланселот, см.: *Jessie L. Weston.* The Legend of Sir Gawain, 1897. The Three Days Tournament, 1902.

хоплетом *, другие совершаются вопреки воле короля, властителя того света, чьи сокровища похищаются, а пленники освобождаются. В различных легендах о Гавейне оба эти вида паломничества в потусторонний мир переплетаются и смешиваются, но особый интерес представляют именно приключения второго типа.

С одной стороны, эти сюжеты связаны с весьма архаичной валлийской поэмой «Preidu Annwfyn», которая содержит ранние упоминания об Артуре и рассказывает о каких-то трагических походах в поисках волшебных и животворящих сокровищ в потусторонний мир, куда «въезжали с тремя поклажами, а возвращались с семью».

С другой стороны, они имеют параллели в широко распространенной в средние века истории о разорении ада. Известная легенда о том, что Христос между своим распятием и воскресением уничтожил ад, избавив души умерших от мук [17], не нашла себе места в канонических книгах Библии, но восходит к подробному рассказу об этом в апокрифе «Евангелие от Никодима».

Вера в это чудо была в воображении народа исключительно сильной. Она в чрезвычайно детализированном виде отразилась в англосаксонской поэзии, в мираклях например, относящихся к честерскому и вейкфилдскому циклами **, и особенно красочно в «Петре Пахаре» [18] Лэнгленда, не говоря о многих других отрывочных и случайных упоминаниях. В названных сочинениях Христос выступает как защитник угнетенных, побеждающий смерть и спасающий души из узилища, а также олицетворяет победу здравого смысла и порядка над хаосом. Христос выступает в доспехах Петра, этого народного героя, и сокрушает врата ада, причем ад изображается как типичный феодальный замок, обороняемый могущественными баронами.

«Некто, напоминающий самаритянина и отчасти Петра Пахаря, приехал верхом на осле, без башмаков, совсем босой, без шпор и без копья.

Но взор его сиял, как сияет взор рыцаря, ожидающего посвящения, а с ним позолоченных шпор и башмаков с разрезами.

И тут стоявшая у окна Вера воскликнула: «Ах! Сын Давида!»

Как восклицает герольд, когда на турнире появляется вновь прибывший.

И вопросил я Иисуса: «Кто будет биться с тобой — евреи или книжники?»

«Нет,— был ответ.— Злой демон, и ложь, и смерть».

Смерть сказала, что она сокрушит и уничтожит все живущее и зрящее на суше и в воде.

* Томас Стихоплет (настоящее имя — Томас Эрселдун, ок. 1200?—1297?) — поэт, почитавшийся также провидцем; ряд авторитетов, в том числе Вальтер Скотт, приписывают ему одну из поэм о Тристраме.

[17] В некоторых вариантах Христос избавляет от мук усопших праведников, в других — все души в аду. См.: *W. Hone*. The Apocryphal New Testament, 1821, p. 44—71; Ancient Mysteries Described, n. d., p. 120—137.

** Тексты средневековых английских драм, мираклей и моралите сохранились лишь в отрывках; они сосредоточены в рукописях, условно разделяемых на четыре цикла согласно предполагаемому месту исполнения пьес: йоркский, вейкфилдский, честерский и ковентрийский.

[18] Passus XVIII, *B* Text.

Но Жизнь возразила, что не бывать тому, и жизнью своей поклялась, что, как Смерть ни ломи, не пройдет и трех дней, а уже Петр Пахарь сумеет вырвать у дьявола драгоценный плод и сделает с ним все, что захочет, и усмирит Люцифера и сокрушит зло и смерть на веки веков».

Тема перепахивания и уничтожения ада [19], потенциально столь революционная, встречается, если я не ошибаюсь, только в литературе, отражавшей чувства низов, и ожидать, что она окажется связана с придворным артуровским циклом, казалось бы, не приходится. И тем не менее связь здесь налицо, поскольку и Артур и Гавейн поддерживали некоторые отношения с потусторонним миром. Я не знаю ни одного автора, который обратил бы внимание на близкие соответствия между произведениями на тему о перепахивании ада и отдельными частями «Ланселота» Кретьена де Труа, но соответствия эти слишком бросаются в глаза, чтобы быть случайными. Ланселот отправляется в поход, дабы вызволить из неволи супругу Артура и всех пленников, томящихся у Мелеаганта (Мелегант у Мэлори) в его потустороннем королевстве. В эпизоде с поездкой на телеге для осужденных на казнь он повторяет путь Христа на Голгофу. Он откатывает камень с могилы:

«...И право, чтобы убрать его, понадобилось бы семь мужчин, из коих каждый сильнее меня или Вас. На этом камне начертано, что тот, кто один, без сторонней помощи, сможет его отвалить, вызволит всех людей, томящихся в плену в той стране, откуда нет исхода ни рабу, ни дворянину, разве только уроженцам той страны. Никто и никогда не возвращался оттуда, кто попал туда, томится в узилище; а обитатели той страны свободно покидают ее и возвращаются назад. Рыцарь без колебаний взялся за камень и поднял его легче, чем подняли бы десятеро, употребив на то всю свою силу» [20].

И почти теми же словами, какими «Евангелие от Никодима» и Лэнгленд изображают смятение дьяволов при приближении Христа, один из подданных Мелеганта взывает к своему господину:

«Сир, сир, поспешите! Ведь народ Логрский пошел на нас, жителей этой страны, войной, и смерть и разорение уже бушуют на земле нашей. Говорят, что в нашу страну вошел рыцарь, сражавшийся во многих битвах, и никто, как бы ни старался, не в силах преградить ему путь. И еще говорят, что он освободит всех, кто томится здесь в плену и покорит народ нашей страны».

А затем освобожденные Ланселотом воздают ему хвалу, подобно тому как воздавали хвалу Христу души, освобожденные им из ада.

«Джентльмены! Вот он, кто избавляет нас от плена и страданий, на которые мы столь долго обречены, и наш долг воздать ему высшие почести,

[19] Последующее развитие этой темы можно найти в новейших сочинениях: *А. Е. Housman.* Hell Gate in Last Poems, 1922; *E. M. Forster.* The Point of It in the Eternal Moment, 1928, написано около 1912 г. (А. Е. Хаусман «Врата Ада» в «Последних стихотворениях», 1922 г. и Е. М. Форсиф в «Вечном мгновении», 1928 г.).

[20] «Eric and Enid».— «Everyman Edition», p. 294.

ибо ради нашего спасения он подверг себя неисчислимым опасностям и многие из них ему еще предстоят» [21].

Надо заметить, что к этому времени Ланселот занял место главного героя, принадлежавшее до этого Гавейну. Гавейн все еще слишком заметная фигура, чтобы повествование могло обойтись без него, но ему уже отводится вторая роль. Однако ко времени Мэлори Гавейн полностью исчез из этого эпизода, а вместе с ним и все, что было связано с потусторонним миром. Мелегант превращается в обыкновенного похитителя, и спасение Гвиневеры трактуется как акт вполне земной доблести. Телега, игравшая такую символическую роль в поэме Кретьена, теперь становится просто удобным способом, которым Ланселот добирается до замка Мелеганта после того, как под ним ранили лошадь [22]. Все это, конечно, согласуется со стремлением Мэлори давать событиям насколько возможно рационалистическое истолкование.

Тема перепахивания и уничтожения ада исчезает из цикла, а на смену ей приходит тема Грааля, несомненно имевшая какое-то отношение к первой; ведь Грааль в известном смысле есть не что иное, как христианское переосмысление волшебного котла Анвена, ради овладения которым легендарный валлийский Артур отправляется в загробный мир. Вероятно, эта смена есть еще одно проявление уже отмеченной выше тенденции придавать артуровским сказаниям характер, который устраивал бы правящий класс и церковь. В XIII столетии тема Грааля, хотя и являвшаяся позднейшим дополнением к артуровскому циклу, стараниями редакторов — монахов цистерцианского ордена стала центральной во всем цикле [23]. Скоро Грааль сделался мерилом для суда и приговора над двором Артура, над его славой и добродетелями. В сюжете французских романов поиски чаши Грааля занимают центральное место, их неуспех становится непосредственной причиной окончательного краха [24].

В ходе этого процесса образ Гавейна продолжает меркнуть. Первоначально герой поисков Грааля, Гавейн уступает свое место Ланселоту, затем Персивалю, бывшему, возможно, раньше сыном Гавейна, как предполагает Дж. Л. Уэстон (подобно тому как Ланселот был со временем вытеснен своим сыном Галахадом) и, наконец, Галахаду. Профессор Винавер пишет: «История Гавейна особенно интересна. Он один из самых славных рыцарей Круглого Стола, уступающий лишь Ланселоту. Беспредельно пре-

[21] «Eric and Enid».— «Everyman Edition», p. 299, 300 У. П. Керр приводит еще более выразительный отрывок из безыменного романа: «Гавейн обернулся и поглядел назад; и видит он, что там, через реку, все улицы полны мужчин и женщин, ликующих и распевающих наподобие гимна: «Люди, пребывавшие во мраке, узрели великий свет». «The Dark Ages», p. 50.— «Mentor Books Edition».

[22] См. стр. 689.

[23] Как раз в то время, когда Роберт де Борон и другие разрабатывали тему Грааля, в церковных кругах шли бурные дебаты в связи с евхаристией. Толкование доктрины евхаристии было дано Латеранским собором (1215). Авторов романов, как мы видим, занимала тема, вызывавшая в то время самый широкий интерес. *Charles Williams.* Arthurian Torso, p. 16—61. Для общего ознакомления с темой Грааля см.: *L. Jessie.* Weston, From Ritual to Romance, 1920.

[24] *Vinaver.* Malory, p. 70—73.

данный своему королю, он щедр и благороден, храбр и могуч. Он наделен всеми земными человеческими добродетелями, его чтят и любят «как соотечественники, так и чужеземцы...» Но поскольку бог не имеет отношения к его подвигам, никакие достоинства не спасают его, и кончает он как последний преступник. Вероятно, было опасно делать грешника столь привлекательным, и считалось необходимым показать, что достоинства и успехи Гавейна все же не приносят ему вознаграждения» [25]. И даже самые его земные добродетели претерпевают ущерб. Поэма «Гавейн и Зеленый Рыцарь» характерна тем, что еще представляет Гавейна как совершенный образец рыцаря, хотя относится к концу XIII столетия; здесь еще раз сказалось влияние английской традиции, которая поддавалась новым веяниям гораздо медленнее, чем французская. Вообще же к этому времени Гавейна превзошли многие герои, вышедшие на сцену позже него, так что Мэлори в полном соответствии с общепринятыми взглядами заставляет в своей книге сэра Тристрама при перечислении лучших рыцарей своего времени поставить Гавейна на одно из последних мест.

«— Сэр,... прошлую ночь здесь ночевал сэр Эктор Окраинный. С ним была девица, которая сказала мне, что он один из лучших рыцарей в мире.

— Это неверно,— ответил сэр Тристрам,— ибо я знаю из одного только его рода четверых рыцарей, которые его превосходят. Из них первый — сэр Ланселот Озерный, его зовем лучшим из рыцарей, и еще — сэр Борс Ганский, сэр Блеоберис Ганский и сэр Бламур Ганский. А также еще и сэр Гахерис.

— Ну нет,— возразил его хозяин,— сэр Гавейн будет его получше.

— Неправда,— возразил сэр Тристрам.— Я встречался с ними обоими и нашел, что сэр Гахерис из них лучший рыцарь. И еще сэр Ламорак, его я почитаю не хуже любого из них, кроме сэра Ланселота.

— Сэр, а отчего не называете вы сэра Тристрама? — спросил его хозяин.— Я так полагаю, что он не уступит любому из этих рыцарей.

— Я не знаю сэра Тристрама,— ответил сэр Тристрам» [26].

В другом случае Персиваль, Пелеас и Мархальт ставятся выше Гавейна.

Но и это не все. Гавейн как образ архаичный, в котором сильно сказываются дофеодальные черты, с точки зрения церкви и феодальных норм был нравственно неприемлем. Первоначально, видимо, он выступал возлюбленным королевы и ее спасителем из заточения в потустороннем мире [27]. Характер Гвиневеры как неверной жены был, несомненно, заимствован из валлийских преданий; да и вообще треугольник: дядя — жена — племянник — встречается довольно часто, например, в сюжетах о Тристраме, Мордреде и ирландце Диармиде. По всей видимости, эта история была предана забвению, когда она оказалась в противоречии с идеалом героя-рыцаря, каким стал Гавейн, и лишь гораздо позже вновь получила широкое распространение в связи с придворным культом свободной любви. Вот тогда тема неверности Гвиневеры возродилась опять, и уже на новый романтический

[25] *Vinaver*. Malory, p. 73.
[26] См. стр. 366.
[27] *Weston*. Legend of Sir Gawain, p. 73—78.

лад, но возлюбленным королевы стал теперь не Гавейн, а Ланселот. Ланселот вообще перенял многие атрибуты Гавейна.

Тем временем Гавейну, который уже не считался исключительно образцовым персонажем, было позволено вернуть себе свои старые «безнравственные» черты. Отсюда и возникли все те противоречия, которые достаточно четко прослеживаются в «Смерти Артура» Мэлори. С одной стороны, Гавейн слишком известная фигура, чтобы его можно было игнорировать: как племяннику Артура и главе могущественного клана, ему было отведено в повествовании достаточно видное место; и все же роль его довольно двусмысленна. Убийство Ламорака, открытое предательство, когда Гавейн соблазняет Этарду, хотя поклялся отвоевать ее для Пелеаса[28], надо полагать, никак не совмещались с кодексом рыцарской чести, и Гавейн выведен настолько опрометчивым, чувственным и жестоким, что даже собственный брат осуждает его: «Ибо впоследствии, познакомившись с нравом сэра Гавейна, сэр Гарет от него отдалился, хоть он и был его братом. Он увидел, что сэр Гавейн мстителен и кого ненавидит, тому отомстит убийством, а это сэр Гарет ненавидел»[29].

С другой стороны, в книге V, в которой рассказано о войне Артура против императора Луция, Гавейну отведена героическая роль, и в последних книгах, несмотря на то, что его ненависть к Ланселоту и решимость отомстить за смерть родственников влекут за собой трагические последствия, его образ приобретает подлинно эпическое величие, чему, кажется, способствуют даже его недостатки. Вероятно, тут необходимо прежде всего принять во внимание, что Мэлори в обеих этих частях пользовался не только французскими, но и английскими источниками. Некоторые из этих противоречий Мэлори объясняются методом его работы. В результате глубокого исследования Винчестерской рукописи профессор Винавер показал, что создаваемое текстом Кэкстона впечатление единого целого обманчиво. То, что представлялось единым и законченным трудом, в действительности составлялось Мэлори как восемь самостоятельных произведений, основанных на разных источниках[30]. Каждая книга представляет собой вполне законченное произведение с особой трактовкой событий и персонажей, и связать их воедино Мэлори в общем-то и не пытался. Он довольствовался тем, что шел по следам своих источников, попросту опуская в них то, что казалось ему излишним, а подчас и кое-что присочиняя соответственно своему пониманию общего характера этого произведения. Тем не менее его произведение создает впечатление единого целого. Чем внимательнее мы вчитываемся в «Смерть Артура», тем сильнее поражает нас роль, которую играет в ней часто скрытый, но никогда, по сути дела, не прекращающийся конфликт между двумя большими соперничающими группами при дворе Артура — родственниками и приверженцами Гавейна, с одной стороны, и Ланселота — с другой. Сама действительность, окружавшая Мэлори, особенно обостряла его восприимчивость как раз к теме та-

[28] См. стр. 119.
[29] См. стр. 242.
[30] См. стр. 824.

кой междоусобицы, ибо он жил в эпоху войн Алой и Белой розы и сам принимал в них участие. Из всех вариантов артуровской легенды его версия носит наиболее последовательно политический характер; можно даже сказать, что это единственная политическая версия. В этом одна из причин близости к действительной жизни и почти актуальности его книги, до чего никогда не поднимались ни составители псевдохроник, такие, как Гальфрид Монмутский, ни авторы классических рыцарских романов.

Конфликт у Мэлори является не просто столкновением между отдельными личностями или группами людей, преследующими различные интересы; это борьба двух противоположных идей, двух цивилизаций, двух миров. Гавейн представляет в ней старый мир. Он — родич Артура, все его наиболее глубокие чувства — это чувства кровного родства, сама его верность — это добродетель старинной эпохи, верность на основе родственных уз. Его дружба — лишь иное проявление давней родовой связи, и, если чувства родства придут с ней в противоречие, она должна уступить. Любовь для него — просто эпизод, и не случайно, что он всегда выступает неверным возлюбленным.

Ланселот символизирует собой новое, хотя, возможно, в силу архаичности исторического материала, положенного в основу артуровского цикла, и в этом герое идет борьба старого с новым. Его верность — это совершенно новый род верности вассала своему сюзерену, и ей, как мы уже видели, придано феодальное истолкование, хотя сущность ее все еще зачастую содержит черты дофеодального периода, а выражение остается героическим. Но эта идея верности, в которой старое борется с новым, сталкивается с другим обязательством. Выбор, перед которым стоит Ланселот, между долгом и любовью — двумя высочайшими велениями человеческой души, по тогдашним представлениям,— есть одновременно и выбор между старым и новым. Любовь, будучи чувством сугубо личным, отражает целый мир абсолютно новых человеческих ценностей. После сложной душевной борьбы Ланселот выбирает новое, и тем самым еще более очевидно подчеркивается вся глубина различия между ним и Гавейном, который всем существом своим целиком связан с родовым прошлым.

Кульминация повествования наступает — и это один из вкладов самого Мэлори в развитие легенды,— когда Ланселот, спасающий Гвиневеру от костра, сам того не зная, убивает Гарета, того Гарета, который, по словам Гавейна, «любил Ланселота более, нежели меня и всех остальных наших братьев и даже короля. И также я знаю, что, пожелай сэр Ланселот призвать моего брата, сэра Гарета, на свою сторону, он бы сразу же к нему примкнул против короля и против всех нас. И потому я никогда не поверю, что сэр Ланселот мог убить моих братьев»[31].

Гарет был посвящен Ланселотом в рыцари и являлся его нареченным братом в полном смысле этого слова: его смерть вызвала вражду, в которой невозможен никакой компромисс: «Мой король, мой господин и мой родной дядя,— сказал сэр Гавейн,— знайте же, ныне я даю Вам слово, которое подкреплю всей моей рыцарской честью: отныне и впредь я неотступно буду

[31] См. стр. 723.

преследовать сэра Ланселота, пока один из нас двоих не будет убит. И потому прошу Вас, мой господин и король, готовьтесь к войне, ибо знайте, я не успокоюсь, покуда не отомщу сэру Ланселоту; и если вы дорожите моей любовью и моей службой, то поспешайте и созовите всех ваших друзей. Ибо клянусь богом,— сказал сэр Гавейн,— в отмщение за смерть брата моего сэра Гарета я семь царств обыщу, а сэра Ланселота найду, и либо я его убью, либо же он убьет меня»[32].

В этой войне рухнул и Круглый Стол, долго служивший средством для примирения старого и нового миров. Здесь, как и во многом другом, Мэлори следует английской традиции. Для французских авторов центральным мотивом были поиски Святого Грааля; для Мэлори суть — Круглый Стол, королевская власть и человеческая трагедия борьбы между разноречивыми велениями долга.

4. МЭЛОРИ И УПАДОК ФЕОДАЛИЗМА.

Артуровский цикл, равно как и идея рыцарства, обрел свою окончательную форму в период становления и укрепления феодального общества, в то время, когда требовалось найти какой-то предлог, оправдывавший нормы поведения, которые оставались еще в сущности варварскими. Рыцарство (и его идеи) и явились как раз таким предлогом, а также и организующей силой как в общественной жизни, так и в военной области. «Смысл организованного рыцарства,— писал Винсент де Бовэ,— состоит в том, чтобы защищать церковь, пресекать нарушения феодального долга, чтить духовенство, мстить за обиды бедных и поддерживать спокойствие в стране». Винсент как лицо духовное выделяет прежде всего то, что близко ему самому; легко убедиться, что среди названных им функций наибольшее практическое значение имели две: поддержание идеи феодального долга и наведение порядка в государстве.

Рыцарские ордена, создававшиеся именно в тот период, когда идея Круглого Стола получила широкое распространение, играли существенную военную и общественную роль. Но к началу XIV столетия ситуация изменилась. Ордена все больше шли по пути обогащения и разложения. В 1312 г. был распущен орден храмовников — этому событию сопутствовал скандал на всю Европу, истинные обстоятельства которого до сих пор полностью не выяснены. В основе этих перемен лежали изменения в военной стратегии и организации, которые начали подрывать господствующее положение рыцарства.

На смену отдельным отрядам рыцарей и их личных оруженосцев и челядинов, среди которых какой-либо порядок и дисциплина были невозможны, приходили профессиональные армии. В этих армиях рыцарь еще занимал свое место, но он уже не был боеспособнее тяжеловооруженного профессионального солдата, который на коне сражался рядом с ним. С возрастанием роли лучника рыцарю в его громоздких доспехах пришлось сходить

[32] См. стр. 723.

с коня и вести бой пешим; его значение еще более упало. Победы, одержанные фламандскими мастеровыми над французскими рыцарями, были для последних еще более губительными, чем битвы при Кресси и Пуатье, где было убедительно доказано превосходство новой тактики и вооружения. Развитие в XV в. артиллерии означало конец личной безопасности феодальной знати, чьи устаревшие замки не могли больше служить укрытием от ядер.

По мере того как практическое значение рыцарства уменьшалось, оно все больше тяготело к внешней, орнаментальной пышности. В течение XIV столетия были созданы новые рыцарские ордена: в 1349 г.— орден Подвязки, в 1392 г.— орден Благовещения, в 1429 г.— орден Золотого руна. В отличие от более ранних, эти рыцарские ордена с самого своего основания были в большей мере парадными. Подлинной задачей ордена Подвязки являлась, по словам профессора Винавера, «демонстрация великолепия придворных празднеств... В ходе праздничных шествий действовал строго регламентированный порядок костюмирования: чем больше людей, одетых в гражданское темное платье, ставилось между теми, кто был одет богато и нарядно, тем восхитительнее была картина, услаждавшая взор зрителей. Вероятно, в этой внешней стороне и находил самое яркое выражение характер рыцарства конца средних веков. Идеал рыцаря, сочетающий в себе храбрость, великодушие и преданность, уже более не существовал в реальной жизни, и вместо меча и молитвы на первый план выдвинулись красочные парады» [33].

Форма, не наполненная содержанием, оставалась и получала дальнейшее развитие, приобретая подчас почти фарсовые черты. Ярким примером этого могут служить описанные Дж. Хуизингом «дуэли между принцами, о которых всегда так торжественно объявлялось, но до которых так никогда и не доходило... Читая собщения о самых тщательных приготовлениях к этим царственным поединкам, мы задаем себе вопрос, не были ли эти приготовления лишь намеренным маскарадом, имевшим целью либо оказать психологическое давление на врага, либо произвести впечатление на своих недовольных подданных. Не выглядят ли эти приготовления неразделимой смесью притворства и химерического, но в конце концов искреннего желания не отстать от героических идеалов, выказать себя перед всем миром поборником справедливости, готовым без колебаний пожертвовать собой за своих подданных» [34].

В то же время рыцарство становилось все более замкнутым, и внутри него самого наблюдается все большее расслоение, поскольку прежние рыцари, лишаясь военных функций, должны были искать для себя новое поле деятельности и новые возможности для существования.

«Своим манерно-изысканным и утонченным характером средневековое рыцарство во многом обязано тому, что его ряды к концу XIII столетия значительно сузились. Право посвящения в рыцари перешло исключительно в руки королевской власти, да и сама эта церемония становилась делом чрез-

[33] *Vinaver*. Malory, p. 57—58.
[34] «The Waning of the Middle Ages».— «Pelican Books», p. 96—97.

вычайно дорогостоящим, и отпрыски знатных фамилий все больше и больше замыкались в своем кругу, чтобы поставить себя выше массы служилых-вассалов, число которых увеличивалось в ходе быстрого дробления феодальных земель»[35].

Таким образом, и это особенно характерно для Англии, в то время как знать и наиболее богатые землевладельцы превращались в придворных, мелкопоместные дворяне все чаще оставались жить в своих поместьях. И если раньше они существовали преимущественно за счет натурального хозяйства и искали дополнительного дохода на войне с ее грабежом и выкупами за пленных, то теперь начали производить шерсть и продукты на рынок, нередко заменяя принудительный труд, характерный для более раннего средневековья, наемным. Эти изменения были ускорены затяжным экономическим кризисом, разразившимся в XIV в. Мелкопоместные дворяне начали служить в качестве мировых судей и проявлять интерес к местным органам власти; а в тот период почти все управление было местным. Если они покидали свои владения и отправлялись в Лондон, то чаще всего для участия в парламенте или в каком-нибудь судебном деле. У них развивалась страсть ко всевозможным тяжбам, что не мешало им, впрочем, при случае вступать в вооруженные конфликты и совершать набеги на своих соседей. Для таких дел они обычно искали поддержки и покровительства у кого-нибудь из высшей знати, как поступил и сам Мэлори, отдав себя под покровительство графа Варвика.

В эту эпоху разложения феодализма развитие артуровского цикла вступило в свою новую фазу. Поиски Святого Грааля заняли в нем центральное место, в то время как мирские подвиги и могущество рыцарства все более обесценивались,— в эпоху, когда они теряли свое реальное жизненное значение, естественно, возникло чувство, что они утрачивают и благословение свыше. По мере того как понятие рыцарства становилось пустым звуком, артуровский цикл и рыцарский роман в целом утрачивали связь с действительностью и приобретали все более религиозный и фантастический характер. Тема Святого Грааля выдвигалась на передний план, повествование становилось все более изысканным, вычурным, отражая искусственность придворных манер, сюжеты делались все более фантастическими, гротескно неправдоподобными, бесконечные приключения бессмысленно нагромождались одно на другое. К чему в конце концов пришел рыцарский роман, можно прочесть у Сервантеса в «Дон Кихоте»,— критика священника почти не содержит преувеличений *. А еще задолго до Сервантеса примерно то же говорил в «Рассказе о сэре Топасе» Чосер; об отношении Чосера к рыцарским романам косвенно свидетельствует и то, что он игнорировал артуровскую тему.

Унылые нагромождения однообразных сюжетов наиболее характерны, вероятно, для книги о сэре Тристраме. В ней различимы остатки костяка — предания о безыскусном героизме, постоянно привлекавшем к себе вни-

[35] *Prestage.* Op. cit., p. 52.

* Имеется в виду эпизод осмотра библиотеки Дон-Кихота священником и цирюльником («Дон-Кихот», ч. I, гл. VI).

мание поэтов[36] и ведущем начало, несомненно, от кельтского предания, не связанного с артуровским циклом. Но, слившись с другими темами, эта история разрослась до гигантских размеров, вобрав в себя самые различные побочные приключения, хотя следует признать, что в разделе о Тристраме содержатся отдельные великолепные сюжеты, как, например, история о Ланселоте и Элейне. Посвятив теме Тристрама более трети своего труда и так и не доведя ее до завершения, Мэлори наконец не выдержал и бросил рассказ на полдороге, даже не попытавшись извиниться за это, как он это сделал, объясняя, почему урезан раздел о Ланселоте: «Оттого же, что я упустил самую суть рассказа о «Рыцаре Телеги», я здесь оставляю повествование о сэре Ланселоте и приступаю к Смерти Артура, которую причинил сэр Агревейн»[37].

Мэлори лишь пишет: «На этом кончается вторая книга о сэре Тристраме Лионском, которую пересказал с французского сэр Томас Мэлори, рыцарь, да поможет ему Иисус. Аминь.

Третьей же книги нет»[38].

Недовольство Мэлори тем направлением, которое приобрел рассказ, было, я думаю, вполне осознанным и понятным и говорит нам многое о том, какие цели он перед собой ставил и какие методы для этого использовал. Об этом свидетельствует не только характер произведенных им сокращений тристрамовской темы, о чем уже говорилось, но и безжалостное обращение с темой Грааля, из которой он выбрасывал, насколько только это было возможно, все мистическое и теологическое, всячески преуменьшая ее значение для артуровского цикла в целом. Не менее отчетливо позиция Мэлори видна и в том, что он заново вводит героические и эпические мотивы, а также в том сильном национальном чувстве, которым пронизано его произведение. Похоже, что он направлял все свои усилия к тому, чтобы восстановить в артуровском цикле ощущение реальности происходящего, еще раз придать ему современное звучание.

Ибо Мэлори, будучи очень во многом человеком своего времени, тем не менее считал, что рыцарство и его идеалы все еще сохраняют значение. Но, принадлежа своей эпохе, он чувствовал, что эти идеалы нуждаются в новой форме, и именно это он пытался сделать, возрождая и перерабатывая артуровский цикл. Сейчас нам нетрудно понять, что его попытка была обречена на провал, что рыцарство, сколь много оно ни значило когда-то, окончательно отошло в прошлое и возврат к нему был невозможен; представлять дело иначе Мэлори мог, лишь закрывая глаза на реальность, которая его окружала. Это можно продемонстрировать одним примером из области военной техники, где Мэлори, несомненно, считал себя большим знатоком. Во времена Мэлори в военной технике уже был произведен настоящий переворот

[36] Например, Арнольда, Суинберна и Гарди.

[37] См. стр. 706. Трудно поверить этому объяснению. По всей вероятности, Мэлори имел возможность пользоваться великолепной библиотекой францисканцев в Лондоне, и ему нетрудно было бы разыскать рукопись, если бы он к этому стремился. См.: *Edward Hicks*. Sir Thomas Malory His Turbulent Career, 1928, p. 65—66.

[38] См. стр. 541.

внедрением стрельбы из лука, а затем в этой области произошла революция, вызванная появлением артиллерии. Однако, несмотря на присущий ему здравый смысл, Мэлори не проявил никакого понимания этих событий. Лучники упоминаются им лишь раз, когда Мелегант «оставил против сэра Ланселота засаду из лучших лучников, каких только можно было сыскать в тех краях, всего числом в тридцать человек»[39]. Артиллерия также упоминается им лишь однажды, и то в форме нарочитого анахронизма,— когда Гвиневера нашла убежище в Тауэре, Мордред «обложил замок могучей ратью, то и дело пускаясь на штурмы, наставляя стенобитные машины и паля из тяжелых пушек»[40].

Таким образом, два новшества, коренным образом изменившие во времена Мэлори всю военную стратегию, в его книге выступают как недостойные средства, к которым прибегают презренные люди, и нигде нет намека на то, что они уже сделали закованного в доспехи рыцаря безнадежно устаревшей фигурой. Но Мэлори, который был солдатом, не мог не понимать этого. Подобные противоречия весьма свойственны его произведению.

Итак, перед нами эпическое повествование, проникнутое, однако, присущим XV столетию новым духом практицизма. Это противоречие соответствует тому, что нам известно о жизни Мэлори[41]. Его несомненно криминальный «послужной список», сообщающий нам о его неоднократных тюремных заключениях за грабежи, вооруженные нападения и пр., озадачивает и смущает некоторых современных исследователей. На поверхностный взгляд, это плохо вяжется и с высказываниями самого Мэлори: «Как? — воскликнул сэр Ланселот,— Рыцарь — и вор? Насильник женщин? Он позорит рыцарское звание и нарушает клятвы. Да это позор рыцарского ордена; он преступает присягу. Сожаления достойно, что такой человек живет на земле»[42].

Думается, что вышеупомянутые гуманные критики напрасно мучаются сомнениями. XV век в Англии был периодом насилия над личностью и вечных стычек между соседствующими мелкопоместными дворянами, и Мэлори, без сомнения, испытал воздействие всех страстей своего времени. С другой стороны, при тщательном рассмотрении его действия можно объяснить иначе. Насколько можно судить, врагами Мэлори были некие монастырские хозяйства, которые уже в течение длительного времени конфликтовали с окружающими их селениями. По своим действиям Мэлори больше похож на руководителя народного движения, чем на заурядного правонарушителя. Быть может, он считал себя не бандитом, а странствующим рыцарем, пресекающим общественное зло. По предположениям его биографа Эдуар-

[39] См. стр. 688.
[40] См. стр. 746.
[41] Мы не располагаем бесспорными доказательствами тождества этого автора с сэром Томасом Мэлори из Ньюболд Ривел, графства Уорикшир, но практически их можно с достаточной вероятностью считать одним и тем же лицом.
[42] См. стр. 177. Отрывок написан, очевидно, самим Мэлори. В источниках, которыми он пользовался, этого нет.

да Хикса, Мэлори, подобно многим мелкопоместным дворянам районов средней Англии, склонялся к лоллардизму» *. В «Смерти Артура» прямых указаний на это нет, но это совсем не противоречит его последовательным попыткам приглушить религиозно-мистические мотивы в разделе о Святом Граале. Высказывалось также предположение, и при этом вполне правдоподобное, что выдвинутые против Мэлори обвинения в изнасиловании представляют собою «юридическую фикцию» [43]. Что до всего остального, то сохранились данные о том, что Мэлори принимал участие в войнах против Франции и Шотландии [44], а также в войнах Алой и Белой розы. Будучи приспешником графа Варвика, он, по-видимому, сперва выступал на стороне Йоркской династии, а затем Ланкастерской и, как ее сторонник, попал в свое последнее тюремное заключение, которое, возможно, окончилось лишь с его смертью в 1471 году.

Когда в 1934 г. обнаружилась Винчестерская рукопись, подтвердилось сделанное на основании последнего раздела текста Кэкстона предположение, что книга Мэлори была написана в тюрьме. Будучи в заключении, он много размышлял о жизни и современной ему эпохе, о трагических последствиях насилий, предательств и общественного беспорядка, которых он так много насмотрелся, и «Смерть Артура» явилась плодом всех этих раздумий. Именно это прежде всего и придало книге характер серьезного политического произведения. Буквально во всем, начиная от упрека англичанам за пристрастие ко всякого рода новшествам [45] и вплоть до мрачного, в высшей степени выразительного описания последнего сражения Артура, везде мы чувствуем руку автора, писавшего не об отдаленном прошлом, а о том, что ему хорошо известно: «Вдруг слышат они крики на поле. «Пойди, сэр Лукан,— сказал король,— и узнай, что означает этот крик на поле». Сэр Лукан с ним простился, ибо был он тяжко изранен, и отправился на поле, и услышал он и увидел при лунном свете, что вышли на поле хищ-

* Лолларды — в XIV в. так назывались в Нидерландах еретические секты. В Англии лоллардами стали называть сектантов — последователей Джона Уиклифа (1300—1384), одного из предшественников Реформации. Лолларды сыграли большую роль в подготовке восстания Уота Тайлера (1381). После прихода к власти Ланкастеров (1399) лолларды подверглись гонениям и казням как еретики (*Hicks*. Op. cit., p. 40—47).

[43] *G. L. Kitteridge*. Sir Thomas Malory, 1925. Приводится по кн.: *Hicks*. Op. cit., p. 52—53. Мэлори было предъявлено обвинение в преступном насилии над Джоан, женой Хью Смита. Китеридж пишет по этому поводу: «Тщетно Мэлори и его слуга обыскивали дом Смита. Возможно, жена последнего, которая мешала обыску, подверглась грубому обращению; может быть, ее насильно удалили из помещения во время розысков. Это на юридической латыни определяется термином raptus. Затем 1 августа обыск, сопровождавшийся аналогичным грубым обращением, был повторен, на этот раз с полным успехом. Ни в том, ни в другом случае добрейшая мистрис Смит изнасилованию, разумеется, не подвергалась. Доказательством тому может служить уже самая сдвоенность обвинения: нелепо было бы предполагать, что Мэлори действительно дважды насиловал эту женщину».

[44] Винавер предполагает («Works», 1947, I, XXV), что Мэлори писал Артура с Генриха V. Во всяком случае, это звучит более убедительно, чем принадлежавшее Теннисону сравнение Артура с царствующим супругом королевы Виктории!

[45] См. стр. 747.

ные грабители и лихие воры и грабят и обирают благородных рыцарей, срывают богатые пряжки и браслеты и добрые кольца и драгоценные камни во множестве. А кто еще не вовсе испустил дух, они того добивают, ради богатых доспехов и украшений»[46].

Вот эта-то взаимосвязь духа старинных времен с тем, что пережил сам автор, и делает «Смерть Артура» книгой, живущей и сегодня; нужно только научиться видеть, что скрывается под романтическими покровами, в которые она облечена.

Мэлори воспринимал идеи рыцарства как цементирующую силу, способную предотвратить крушение мира, как некогда они были силой, помогавшей построить этот молодой тогда мир. Он рассматривал эти идеи как нечто способное спасти его класс и все, что ему было дорого, от надвигавшейся гибели. Попытка его была тщетной, но ее диктовали отнюдь не низменные побуждения: в век предательств, насилий и стяжательства Мэлори во всеуслышание провозгласил простую веру в храбрость, преданность и честь как основу общественного порядка. Однако он был слишком реалистом и человеком своей эпохи, чтобы оставаться вне влияния тех новых, основанных на здравом смысле экономических отношений, которые все более распространялись в XV столетии. Так, последним доказательством любви Гвиневеры к Ланселоту, которое приводит Эктор, служит то, что «госпоже моей королеве розыски ваши обошлись в 20 тысяч фунтов»[47]. И ни Ланселот, этот образец рыцарских достоинств, ни сам Мэлори не видят ничего противоестественного в том, чтобы, отвергая любовь Элейны, изъясняться следующим образом: «Но раз вы, любезная девица, говорите, что так меня любите, я за доброту вашу и заботу тоже отплачу вам добром. Я назначу вам и тому рыцарю, кому вы отдадите свое сердце и кто станет вам мужем, тысячу фунтов в год, и вам, и вашим наследникам»[48].

Мэлори знает, что брак — это серьезное дело, связанное с дележом феодальных поместий и приданым, и даже в самых романтических эпизодах вполне осознает, что в том классе, к которому он принадлежит, при существующих условиях дело не может обстоять по-другому. И уж если любовь и брак ни в коем случае не были для него синонимами, то и сама любовь в представлении Мэлори неотделима от здравого смысла и постоянства, она даже отдаленно не походит на ту искусственно усложненную, полную измен куртуазную любовь, о которой ранее писалось в романах. Ланселот Мэлори не имеет с Ланселотом Кретьена де Труа ничего общего, кроме имени и некоторых незначительных деталей. Герой Кретьена — это кукла, которой автор сообщил чувства и манеры придворного любовника: он говорит и поступает, как по книге — и какой! Ланселот Мэлори — живой человек, оказавшийся в самом центре яростного конфликта долга и чувства, конфликта, который он не может разрешить, не погубив и себя и самых дорогих ему людей — Гвиневеру и Артура. Возможно, во всей новой евро-

[46] См. стр. 752.
[47] См. стр. 535.
[48] См. стр. 673.

пейской литературе Ланселот Мэлори — первый настоящий образ, раскрытый изнутри [49].

Его верность и преданность возлюбленной так же нерушимы, как и у героев любого более раннего романа, однако в основе его отношения к ней лежит практицизм совершенно в духе самого Мэлори. В ответ на упрек одной дамы в том, что он не хочет «полюбить какую-нибудь девицу или благородную даму», он отвечает: «Прекрасная девица, мне невозможно запретить людям говорить обо мне, что им нравится. Что же до женитьбы, то жениться нет у меня намерения, ибо тогда я должен спать с женой, оставить брань и турниры, походы и приключения. А любиться и тешиться с разными женщинами я не согласен, более всего ради страха божия, ибо странствующим рыцарям не должно быть прелюбодеями и распутниками, иначе не будет им удачи и счастья на войне: либо одолеет такого рыцаря рыцарь попроще родом и званием, либо же, по несчастью, себе на беду, он сам убьет человека лучшего, нежели он. У кого есть любовницы, тот несчастлив и нет ему удачи ни в чем» [50]. А под конец Ланселот и Гвиневера раскаиваются, но не потому, что боятся морального или господнего осуждения их греховной любовной связи, а ввиду ее фатальных практических и политических последствий: «Из-за этого рыцаря и из-за меня и случилась вся эта ужасная война, и погибли благороднейшие в мире рыцари; ибо из-за нашей любви, что мы любили друг друга, убит мой благороднейший супруг. И знай, сэр Ланселот, потому-то я и приемлю ныне столько трудов для спасения моей души. Но все же я уповаю, что через милость божию и через страсти Его ран разверстых я после смерти смогу узреть благословенный лик Иисусов и в день Страшного суда буду сидеть одесную Его, ибо такие же грешники, как я, теперь стали святыми в небесах» [51].

Тот же практицизм звучит и в знаменитом оригинальном рассуждении Мэлори, не имеющем почти никаких параллелей в использованных им источниках: «И как зимние стужи всегда побеждают и изгоняют зеленое лето, так же бывает с непостоянной любовью в сердце женщины и мужчины, ибо многим людям свойственно непостоянство: мы всякий день видим, как с первым же дыханием зимних холодов забывают и забрасывают, как безделицу, старую любовь, которая на самом деле так драгоценна. И в том нет мудрости и постоянства, а лишь слабосилие натуры и великое нечестие, кто бы так ни поступал.

И потому как месяц май цветет пышным цветом у каждого в саду, подобным же образом пусть расцветает в этом мире сердце каждого, кому дорога честь; прежде всего любовью к богу, а потом и ко всем тем, кому ты клялся в верности; ибо не было еще на свете честного мужчины, ни

[49] В своем модернизированном переложении артуровского цикла «Король в прошлом и в будущем» Т. Х. Уайт блестяще развивает линию Ланселота — Гвиневеры и характер Ланселота. Тем не менее он только расширяет и выявляет то, что уже содержится в трактовке Мэлори. Я считаю его книгу единственным настоящим творческим вкладом нашего времени в «Артуриану», за исключением, может быть, коротких поэм Морриса.

[50] См. стр. 178.

[51] См. стр. 758.

честной женщины, которым кто-то не был бы дороже остальных, а честью пренебрегать нельзя. Но прежде всего воздай почести богу, а потом пусть твои мысли будут о твоей даме. И такую любовь я называю праведной любовью» [52].

Короче, любовь оправдана в том случае, если она помогает рыцарю исправнее делать свое дело. Тристрам и Паломид сражаются на турнире гораздо успешнее обычного, когда среди зрителей находится Изольда. Если же любовь нарушает общественный порядок, тогда ее существование прискорбно. Артур старается возможно дольше не замечать любви Ланселота и Гвиневеры, и, когда он вынужден обратить на нее внимание, его огорчение проистекает из причин скорее практических, нежели сердечных: «Знайте, что никогда еще сердце мое не сокрушалось так, как ныне. И я гораздо более скорблю о потере моих добрых рыцарей, нежели об утрате моей любезной королевы; ибо королев я всегда смогу найти довольно, а такую дружину добрых рыцарей не собрать больше никогда на свете. И могу сказать, что ни у одного христианского короля не было еще такой дружины. И вот, увы! Теперь между сэром Ланселотом и мною вражда! Ах, Агравейн, Агравейн! Христос да помилует твою душу, ибо ненависть, которую ты и сэр Мордред, брат твой, питали к сэру Ланселоту, породила все эти беды» [53].

Потерпевший крушение всех своих надежд, заключенный в тюрьму, возможно больной, Мэлори сообщил своему эпическому произведению дух поражения и обреченности, которые он познал, оглядываясь на собственную жизнь и наблюдая гибель того, за что всегда стоял. Вместе с сердцем Ланселота остановилось и его сердце; вместе с королем Артуром умерло рыцарство, как он его понимал. В этом, мне думается, секрет неожиданного величия его книги. Он стремился воспеть рыцарство, вдохнуть в него новую жизнь и показать, что «рыцарство является полезным инструментом, с помощью которого, если правильно им пользоваться, можно превратить своих приверженцев в доблестных воинов, суровых по отношению к врагам». Если бы он преуспел, то стало бы больше еще одним устаревшим трактатом о средневековых нравах. Однако Мэлори не преуспел, ибо сердцем он чувствовал, что мир, который он так высоко ставил и возрождения которого так страстно желал, безвозвратно уходит в прошлое. Феодальному обществу еще предстоял долгий путь распада и умирания даже в самой Англии, где этот процесс уже шел особенно заметно. Это общество было обречено, на его челе лежала уже печать смерти, и стилем мрачным, возвышенным, не сознавая этого, Мэлори сам сложил свою погребальную речь и произнес ее над ним.

[52] См. стр. 684.
[53] См. стр. 722.

А. Д. Михайлов

АРТУРОВСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ

1

Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, о поисках Святого Грааля прошли в своей эволюции несколько этапов, многообразно отразившись в памятниках духовной и материальной культуры народов Европы — от архивольта северных дверей собора в Модене, датируемого 1096 или 1106 годом [1], до «двора короля Артура», знаменитого Дома Черноголовых в Риге (XIV в.) [2], от валлийских «романов» IX—XI вв., составивших «Мабиногион», до обширнейших прозаических циклов конца средневековья. В этом длинном ряду книга Мэлори — «как бы последнее прощание с миром легенд и вымысла куртуазной поры» [3]. Но значение книги Мэлори не только в этой завершаемости важного этапа культурного развития. Она имела, как заметил академик В. М. Жирмунский, «поистине колоссальное влияние на всю английскую литературу XIX и XX веков и является для англичан национальным классическим наследием» [4].

Действительно, на Мэлори история литературных обработок артуровских легенд не прекращается. Даже наоборот: именно с Мэлори и некоторых более молодых его современников [5] начинается череда пересказов, переделок, транскрипций [6]. В этом смысле роль Мэлори двойственна: куртуазная традиция им порядком расшатана (что хорошо показано в статье А. Мортона), но не преодолена. С куртуазной средневековой традицией Мэлори еще не порывает, и его книга — еще одна (последняя, гениальная и т. д.) литературная манифестация средневековых легенд, в терминах которых описывается им окружающий мир. Таким образом, Мэлори остается в пределах куртуазной идеологической и сюжетно-стилистической системы.

Корни артуровских сказаний уходят в далекое прошлое, в «темную» эпоху V—VII вв. и еще дальше — в верования и сказания дохристианской и доримской Британии, в культуру древних кельтов. Кельтский элемент

[1] См.: *R. S. Loomis*. Arthurian Legends in Medieval Art. L.— NY., 1938, p. 32—36; *R. S. Loomis*. Wales and the Arthurian Legend. Cardiff, 1956, p. 198—208.

[2] См.: *Б. Р. Виппер*. Дом Черноголовых в Риге.— В сб. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М.— Л., 1948, стр. 459—478.

[3] *М. П. Алексеев*. Английская проза XV века.— В кн. «История английской литературы», т. I, вып. 1. М.— Л., 1943, стр. 239.

[4] «Литературная газета», 10 августа 1965 г.

[5] Мы имеем в виду, в частности, авантюрный роман «Тристан», созданный в первые годы XVI в. Пьером Сала (См.: *Pierre Sala*. Tristan, roman d'aventures du XVI^e siècle, publié par L. Muir. Genève — Paris, 1958).

[6] Из характерных примеров подобных переделок см.: «Les Romans de la Table Ronde mis en nouveau langage par P. Paris», t. I—V, Paris, 1868—1877; «Les Romans de la Table Ronde», nouvellement rédigés par I. Boulenger. Paris, 1961.

в созидании артуровских легенд — древнейший и наиболее значительный.

Кельтская цивилизация является одной из великих цивилизаций древней Европы[7]. И хотя следы ее, как чисто материальные, так и духовные, обнаруживают себя повсюду, мы знаем об этой цивилизации бесконечно мало. Кельтские племена населяли когда-то всю Европу, но, постоянно теснимые, они вынуждены были непрерывно мигрировать, что неизбежно приводило к гибели памятников их культуры. Национальная культурная традиция во многом утрачивала единство и жизнеспособность. Для судеб собственно литературной традиции немаловажно также то, что у многих кельтских племен существовал запрет записывать сакральные и литературные тексты: литературная (а до нее — мифологическая) традиция была здесь исключительно устной. Когда запрет на письменную фиксацию литературных памятников был забыт, записанными оказались лишь поздние версии кельтских легенд и преданий. Поэтому, например, галльская ветвь общей культуры кельтов (рано слившаяся с культурой Древнего Рима) представлена исключительно данными археологии и свидетельствами античных писателей. Этим последним в полной мере доверять нельзя: древнеримские писатели и историографы мерили кельтскую культуру своими мерками, тем самым навязывая чуждые ей критерии. Так, древние римляне старательно искали в мифологии кельтов аналогии своим мифам и легендам, не принимая во внимание (вернее, не понимая), что эти две мифологические системы не только непохожи, но даже во многом несовместимы. Эту непохожесть и несовместимость некоторые из поздних писателей античности все-таки почувствовали и отметили не без недоумения, например Лукиан из Самосаты [8]. Он отмечал, что кельтские божества претерпевали трансформацию под воздействием культуры римлян[9]. С подобными трансформациями мы будем постоянно сталкиваться и в формирующихся артуровских легендах, что не исключает чрезвычайной устойчивости на протяжении многих веков отдельных компонентов кельтской культуры.

Кельтская цивилизация уже к началу нашей эры распалась на несколько автономных ветвей, между которыми существовал, конечно, постоянный обмен, у них были общие истоки, но пути и судьбы — разными. Кельтское культурное единство рано было утрачено. Следовательно, участие этих ветвей в сложении общей культуры средневекового Запада оказалось различным, различным же, в частности, был их вклад в формирование артуровских легенд. Пракельтский элемент просматривается в них с трудом. С бóльшим основанием можно видеть в артуровских сказаниях отзвуки ирландских и валлийских вариантов кельтских мифов и легенд, о чем речь пойдет несколько ниже.

Происхождение преданий о короле Артуре изучается уже давно, и здесь было предложено немало решений. Споры велись в основном вокруг того, относить ли возникновение этих преданий ко времени их первой письменной

[7] См.: *Я. Филип*. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
[8] *Лукиан*. Собр. соч., т. II. М.— Л., 1935, стр. 722—724.
[9] См.: *F. Le Roux*. Le Dieu celtique aux liens. De l'Ogmios de Lucien à l'Ogmios de Dürer.— «Ogam. Tradition celtique». Rennes, 1960 (t. XII), p. 209—234.

фиксации (причем здесь нередко подлинность текста Ненния бралась под сомнение, и поэтому речь шла о начале XII в.), приурочивать ли их к моменту кульминации борьбы кельтов с саксами (VI в.) или искать их истоки в кельтском фольклоре. В конце концов, для нас не так уж и важно, кем был легендарный Артур — римским легионером [10] или кельтским вождем [11], не так уж важно, существовал ли он вообще [12] (видимо, существовал: археологические раскопки последних лет [13] подтверждают свидетельства средневековых летописцев). Важнее другое: необычайная, поистине удивительная и стойкая популярность артуровских легенд несомненно объясняется условиями их возникновения и функционирования; в их эволюции отразился путь от мифологии к литературе (через фольклор) и дальнейшая трансформация последней. Каждый из этих переломов и превращений оставил след в изучаемых нами легендах. Артур не был только кельтским вождем, только римским военачальником, только мифологическим героем древних бриттов. Поэтому различные этимологии его имени, которые мы сейчас перечислим, не ошибочны, а узки. Имя Артура возводят к латинскому Artorius, к индоевропейскому *ara-* (землепашец), к кельтскому artos (медведь), к ирландскому *art* (камень) и т. д. [14]. В действительности имя Артура, как и сложенные о нем легенды,— многослойны. Они подобны средневековому палимпсесту, где сквозь новый текст смутно просматривается старая рукопись, которая никогда не оказывается стертой до конца. С этой многослойностью артуровских легенд мы сталкиваемся не только в обширных сводках и компиляциях XIII—XIV вв., где обилие и разнородность источников оборачиваются противоречиями в развитии сюжета, обрисовке действующих лиц и т. п. (не избежал этого и Мэлори), но и в более сюжетно завершенных, замкнутых произведениях, как, например, в романах Кретьена де Труа.

Попытки исключительно мифологического истолкования артуровских легенд следует признать несостоятельными. Для этого просто нет материала, хотя отдельные пережитки древних магических ритуалов (например, обряда инициации и т. п.) присутствуют даже в поздних литературных обработках «бретонских» сюжетов. Теперь от исключительно мифологической интерпретации артуровских легенд подавляющее большинство исследователей отказалось. Так, если Джон Рис [15] видел в Артуре, исходя из этимологии, им принятой (ara — землепашец), какое-то кельтское аграрное божество, то Роджер Шерман Лумис [16] убедительно показал, что в легендах о короле Артуре не удается обнаружить каких-либо рудиментов сельскохозяйственных мифов. Нет в Артуре и черт «первопредка» или культурного

[10] См.: *J. Rhys.* Studies in the Arthurian Legend. L., 1891, p. 7.
[11] См.: *W. L. Jones.* King Arthur in history and legend. Cambridge, 1914, p. 17.
[12] См.: *K. H. Jackson.* The Arthur of history.— In: «Arthurian literature in the Middle ages». Oxford, 1959, p. 10.
[13] См., например: *О. Орестов.* Легенды и быль о короле Артуре.— «Вокруг света», 1971, № 1, стр. 63—67.
[14] *E. Faral.* La légende Arthurienne, t. I. Paris., 1929, p. 134.
[15] *J. Rhys.* Op. cit., p. 39, sqq.
[16] *R. S. Loomis.* Geltic Myth and Arthurian romance. N. Y., 1927, p. 350—355.

героя, типичных для древнейшего слоя фольклора доклассового общества [17]. Однако некоторые мотивы кельтской мифологии в сказаниях об Артуре все-таки присутствуют, что убедительно показано Р. Ш. Лумисом в серии его работ (например, отождествление Артура с богом Браном-вороном).

Говоря об Артуре как о мифологическом персонаже (вернее, о его мифологических истоках или эквивалентах), нельзя забывать о том, что состав плохо известного нам кельтского пантеона все время менялся, причем не только количественно, но и функционально. Нельзя также не учитывать «обратной связи»: столкновение мифов с исторической действительностью отзывалось перераспределением старых и возникновением новых мифологем. К старым мифам мы подчас идем неизбежным путем реконструкции (нередко — ювелирным по тонкости, но и по хрупкости, методом аналогий). При этом многослойность мифов вряд ли может быть с достаточной точностью учтена. Добавим, что сказания об Артуре, зафиксированные в валлийских текстах,— вторичного происхождения. Как полагает Р. Ш. Лумис [18], в них немало ирландских элементов. В кельтской мифологической системе — не один слой. Эта система развивалась в постоянном взаимодействии и столкновении с рудиментами мифологии пиктов (давших мировой культуре прообраз Тристана) и со сказаниями соседних народов (в частности, очевидно, скандинавов, издавна совершавших набеги на Британские острова) [19].

Кельтский пантеон продолжает вызывать споры, хотя его изучение ведется со времен Цезаря, Плиния и Страбона. Уже у Цезаря мы находим параллели между кельтскими (галльскими) божествами и богами Древнего Рима. В основном опираясь на писания древних, были выявлены в верованиях кельтов некоторые аналоги римских богов. Так, с Меркурием сопоставляется обычно Луг Длинной Руки, бог света, обладающий функциями всех других богов (очевидно, пережитки солярных культов); с Юпитером — Дагда, бог-друид, прорицатель, покровитель дружбы; с Марсом — Огме (Огмий, Огам), бог войны, но одновременно бог красноречия и письменности (в его функции входило также препровождать людей в иной мир); с Вулканом — Гойбниу, бог кузнечного ремесла; с Минервой — Бригита, мать богов и поэтов, богиня поэзии и ремесел; с Аполлоном [20] — Ойнгус (ирландское Мак Ок, валлийское Мабон, галльское Мапониус), бог молодости и красоты.

Но эти параллели охватывают ничтожное число кельтских богов. По данным археологии, эпиграфики, нумизматики, литературы, мы сталкиваемся с десятками и даже сотнями кельтских божеств с довольно нечетким и противоречивым распределением функций. Такое обилие не раз ставило в тупик

[17] См.: *Е. М. Мелетинский.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963, стр. 25—72.

[18] *R. S. Loomis.* Wales and the Arthurian Legend. Cardiff, 1956, p. 20.

[19] См. обобщающую работу по кельтской мифологии: *M.-L. Sjoestedt.* Dieux et héros des Celtes. Paris, 1940.

[20] См.: *F. Le Roux.* Notes d'Histoire des Religions. 9. Introduction à une étude de l',,Apollon'' celtique.— ,,Ogam'', 1960 (t. XII), p. 59—72.

исследователей. Это обилие можно объяснить двумя причинами. С одной стороны, эта чрезмерная населенность кельтского пантеона отражает наличие местных божеств, поклонение которым было локально ограниченным и не вполне повторяло систему поклонений и ритуалов соседних, а тем более удаленных кельтских племен. У разных племен были и разные теонимы (за исключением нескольких общих, восходящих к пракельтскому пантеону, но их функционирование у разных племен могло не совпадать). С другой стороны, лингвистический анализ показывает, что это кажущееся обилие божеств — фиктивно: перед нами не разные боги, а лишь многочисленные прозвища (часто ситуативные, т. е. свертывающие сюжет, а также эпитетные) очень немногих божеств. Ряд ученых вообще склонны утверждать, что для древних кельтов, по крайней мере в период их независимости, характерна тенденция к монотеизму [21]. Впрочем, делаются оговорки: единое божество (пракельтов?) обычно выступает в нескольких лицах, чаще всего в трех (сакральное число у большинства первобытных народов).

Помимо почитания мифологических персонажей, у древних кельтов был распространен стойко державшийся, даже в романизированных и христианизированных областях, культ воды, камней и священных деревьев [22]. Кстати, этот культ всевозможных источников и озер дошел и до артуровской традиции, отозвавшись во множестве текстов, где говорится о воде в легендах и романах бретонского цикла. В этих легендах и романах герои проводят в недрах озер целые периоды своей жизни (как, например, Ланселот, получивший воспитание в подводном замке у Владычицы Озера), постоянно возвращаются туда, находятся в общении с жителями озер и т. д. В озеро падает и меч короля Артура Экскалибур, подхваченный показавшейся оттуда рукой. Помимо озер, в кельтском фольклоре и в артуровских легендах немалое место предоставлено и всевозможным источникам, многие из которых заколдованы, чудесны и т. п. Тема брода, который не каждому дано отыскать и у которого происходят решительные схватки героев, также весьма характерна для артуровских сказаний. Недавние археологические поиски на дне озер, ручьев и колодцев говорят о том, что подобные места издавна были предметом поклонения у разных кельтских племен.

Отметим также у кельтов распространенный культ животных, которые часто наделялись сверхъестественной силой, с которыми люди и боги находятся в сложных отношениях то дружбы, то вражды. По сообщениям средневековых хронистов, у кельтов существовала твердая вера в возможность превращений человека в животное (волка, вепря и т. д.) и обратно, и эту веру не смогло сокрушить даже христианство. Часто в верованиях кельтов фигурировали фантастические животные — трехрогие быки, единороги и т. п. Это внимательное, в известной мере даже почтительное отношение к животным отразилось и в артуровских легендах, где кони, собаки, вепри, ястребы и т. д. имеют почти обязательно собственные имена, находятся в

[21] *F. Le Roux.* Introduction générale à l'étude de la tradition celtique.— „Ogam", 1967, (t. XIX), p. 352.

[22] *E. Ettinger.* Les conditions naturelles des légendes celtiques.— „Ogam", 1960 (t. XII), p. 101—112.

активных отношениях с людьми, но в то же время сохраняют по отношению к ним большую независимость.

У древних кельтов был очень развит культ героев. Полуисторические персонажи, например кельтский царь VI в. до н. э. Амбига или военачальники Белловез и Churches Сеговез, очень быстро становились героями народных легенд. Так сложились кельтские эпические сказания, памятники которых лучше всего сохранились в Ирландии, менее других кельтских областей подвергавшейся чужеземным влияниям. От ирландского героического эпоса нет прямой дороги к артуровским легендам, но известная связь между героями ирландских и артуровских сказаний безусловно есть.

Из героев ирландской мифологии и ирландского народного эпоса наиболее близок к Артуру король Улада Конхобар. Его мудрость и справедливость напоминают аналогичные качества Артура, а его двор в Эмайн-Махе, состоящий из доблестнейших и славнейших рыцарей,— артуровский Камелот. Вот описание правления Конхобара из саги «Сватовство к Эмер»: «Жил некогда великий и славный король в Эмайн-Махе, Конхобар, сын Фахтны Фатаха. Блага и богатство были в изобилии у уладов, пока правил он. Мир был тогда, спокойствие и всем людям — добрый привет. Было вдоволь плодов и всякого урожая, а также и жатвы морской. Были довольство, справедливость и доброе владычество над людьми Ирландии в течение всего этого времени. В королевском доме в Эмайн были благолепие, пышность и всякое обилие»[23]. Далее следует описание королевского дворца, поражавшего своим великолепием и разумной планировкой. Во дворце часто устраивались шумные трапезы, в которых участвовали все славные воины королевства: «Поистине все доблестные воины из числа мужей Улада находили себе место в королевском доме во время попоек, и все же не было при этом никакой тесноты. Блестящи, статны, прекрасны были доблестные воины, люди Улада, собиравшиеся в этом доме. В нем происходило много великих собраний всякого рода и дивных увеселений. Были там игры, музыка и пение, герои показывали подвиги ловкости, поэты пели песни свои, арфисты и музыканты играли на своих инструментах»[24]. Однако при всем разительном сходстве со двором Артура, описанным в рыцарских романах (даже со дворами государей в развитых формах героического эпоса), двор Конхобара более примитивен и груб; в нем нередки резкие перебранки и драки, что было уже невозможно в Камелоте (по крайней мере в Камелоте рыцарских романов), где общество руководствовалось законами куртуазного вежества. Это различие не может нас удивлять, ибо сказания о Конхобаре и легенды о короле Артуре относятся к разным стадиям культурного развития,— одни возникли в первобытно-племенной среде, где разложение родового строя только начиналось, другие — в обстановке складывающегося феодального общества. В ирландских сагах перед нами процесс перехода (через циклизацию) от богатырской сказки к героическому эпосу; свойственная последнему историчность в них лишь намечается. Ирландские саги

[23] „Ирландские саги". Перевод, предисловие, вступительная статья и комментарии А. А. Смирнова. Л., 1933, стр. 105.

[24] Там же, стр. 106.

сложились, очевидно, еще до римского завоевания и христианизации Британских островов (Ирландия римлянами и не была завоевана), артуровские же легенды возникли позже, они несут на себе отпечаток римской культуры, римского миропонимания. Не случайно Конхобар является одним из королей Ирландии, тогда как Артур правит всей Британией, а по существу стоит во главе всего Западного мира (вот почему его в искусстве средневековья так часто сопоставляли с Карлом Великим).

И другие герои артуровских сказаний находят себе аналогов в ирландском эпосе. Тот же Конхобар в саге «Изгнание сыновей Уснеха» является параллелью королю Марку в легенде о Тристане и Изольде. Самый популярный герой древних ирландцев, Кухулин, может быть сопоставлен с Гавейном артуровского цикла[25]. Да и не только с ним. Черты Кухулина («Многими дарами обладал он,— говорится в саге «Сватовство к Эмер»,— прежде всего —даром мудрости (пока не овладевал им боевой пыл), далее — даром подвигов, даром игры в разные игры на доске, даром счета, даром пророчества, даром проницательности. Три недостатка было у Кухулина: то, что он был слишком молод, то, что он был слишком смел, и то, что он был слишком прекрасен»[26]) легко обнаружить и у Ивейна, и у Ланселота, и у Персиваля.

Было бы ошибочным утверждать, что образы Кухулина или Конхобара в ходе развития народно-эпической традиции легли в основу образов героев артуровских легенд. Характерные и для тех и для других мотивы героического детства, инициации, поисков далекой невесты, борьбы с чудовищем и т. п.— суть непременные компоненты биографии эпического героя. Таким образом, в артуровских сказаниях повторяется лишь общая модель.

В основе артуровских легенд лежат кельтские эпические сказания, их ирландская вариация известна нам лучше всего. Поэтому ирландские саги — не источник, а параллель, в известной мере даже модель легенд о короле Артуре. Здесь не следует выстраивать прямолинейных генетических рядов. Так, например, было бы заманчиво, но слишком неосмотрительно видеть прообраз волшебника Мерлина в советнике Конхобара, друиде Катбаде, или в боге Мидере, известном даром превращений и любовью к смертной женщине. Мерлин артуровских легенд несомненно унаследовал многие черты этих мифологических персонажей, но не может быть возведен непосредственно и прямолинейно к ним.

Еще меньше оснований видеть истоки артуровских легенд в ранних памятниках валлийского эпоса. В таких сагах (этот термин применяется нами условно, по аналогии с ирландскими сагами), как «Мабиноги[27] о Пуилле», «Мабиноги о Брануэн», «Мабиноги о Манауиддане, сыне Ллира», «Мабиноги о Мате, сыне Матонуи», историческая действительность (военные столкновения племен, борьба за власть и т. д.) переосмыслена мифологически. Здесь действие свободно переносится в Иной Мир (Аннон), герои

[25] *R. S. Loomis.* Wales and the Arthurian Legend, p. 77—78.
[26] „Ирландские саги", стр. 107.
[27] Этот термин имеет разные толкования, его переводят и как «рассказ о молодости и приключениях героя», и как «то, что должен знать рассказчик — ученик барда».

меняются обликами, превращаются в животных и птиц, сочетаются браком с неземными существами (такова, например, таинственная женщина Рианнон, которую всегда сопровождают птицы, чье пение заставляет забыть о времени), плодородные земли внезапно превращаются в пустыню, заколдованные замки исчезают при приближении героя и т. д. Этот феерический элемент сочетается с жестокостью нравов и даже некоторыми пережитками матриархата (отношение юного витязя Придери к матери, которую он, по смерти Пуилла, выдает замуж за короля Манауиддана). В артуровские легенды из ранних валлийских саг на уровне сюжета не было перенесено ничего. Эпические мотивы, как и в случае с ирландскими сагами, отражают достаточно общую модель. Но валлийский эпос отозвался в сказаниях об Артуре своей стилистикой, своим волшебным, феерическим колоритом, поэтичным отношением к природе, населенной духами и активной по отношению к человеку, богатством фантазии.

Итак, первый этап — это как бы Артур до Артура. Нет ни имени, ни героических деяний, ни привычного нам окружения. Есть лишь «мотивы», которые очень скоро найдут отклик в ранних памятниках кельтской (валлийской) литературы и фольклора, где будет фигурировать и Артур.

(Такой же случай и с другим популярнейшим героем средневекового Запада — Тристаном: ирландский Найси или шотландский Даэрмейд — это тоже Тристаны до Тристана [28].)

Очень скоро в развитии артуровских легенд появился новый, весьма действенный фактор — христианство. Все, чем может оперировать современная кельтология, т. е. не только рукописи, достаточно поздние, но и произведения, которые несомненно на несколько веков старше этих рукописей, создано в христианизированной Британии. Лишь основа легенд, впрочем очень плотная, их первичный слой — чисто языческие.

Британские острова, особенно Ирландия, были христианизированы очень рано и очень мирно. Поэтому христианская культура не уничтожила языческую, а обогатила последнюю, принеся знакомство с греческой и римской литературой, традиции которых нашли здесь твердую почву (вот почему при дворе Карла Великого, среди деятелей каролингского Возрождения было немало ирландцев). Как заметил А. А. Смирнов, «еще долго после официального введения христианства в народе держалось двоеверие. Да и само ирландское духовенство проявило в этом отношении гораздо большую терпимость, чем духовенство в других странах. Удар пришелся главным образом по пантеону верховных богов. Что же касается веры в духов, то она сохранила в сагах свое прежнее место. Более того, она даже расширилась против прежнего. Именно большинство богов, утратив право на существование в своей «почетной» форме, не умерло, но перешло в низший разряд — в разряд духов: последних, как известно, христианская церковь терпела, отождествляя их с «дьяволами» [29]. Именно благодаря не вытесненным хри-

[28] См.: *А. А. Смирнов.* Роман о Тристане и Изольде по кельтским источникам.— В кн. «Из истории западноевропейской литературы». М.— Л., 1965, стр. 49—64.
[29] «Ирландские саги», стр. 33—34.

стианством, а приспособившимся к нему народным верованиям артуровские легенды оказались в такой степени насыщенными мотивами сверхъестественного, чудесного, фантастического. То есть характерные черты кельтского мироощущения благодаря вызванным христианством трансформациям кое в чем даже усилились.

Ранняя христианизация объясняет также, почему на Британских островах столь значительны были традиции восточного христианства (Палестины, Сирии, Египта и т. д.) — монашество, отшельничество и т. п., почему сюда проникли некоторые восточные культы (например, Митры[30]). Да и сложившаяся здесь церковная организация оказалась весьма своеобразной, отличающейся от континентальной. В христианизированной Британии, особенно в северной ее части, почти не было городов, а следовательно, не было епископств. Основными религиозными центрами стали монастыри. Их настоятелями, как правило, бывали отпрыски местных княжеских семей, а поэтому руководство монастырями редко уходило из рук одного рода, становясь как бы наследственным. Таким образом, монастыри становились средоточием и духовной и светской власти. Барды и филиды также неизменно тяготели к монастырям, и их устное творчество, арсеналом и почвой которого была кельтская мифология, развивалось рядом с письменной латинской традицией, параллельно ей, без непримиримого противоборства и противостояния. Поэтому воздействие библейских мотивов было здесь, с одной стороны, глубоким и органичным, с другой же стороны — лишенным категорической императивности. Ранняя христианизация, приобщение в той или иной мере к раннему христианству объясняют, наконец, тот культ апокрифических евангелий, особенно «Евангелия от Никодима», и, в частности, легенд об Иосифе Аримафейском, которые зафиксированы на Британских островах уже в VII в.[31] Этот культ Иосифа оказал сильнейшее воздействие на формирование артуровских легенд, вообще на самоощущение британцев: в Иосифе видели христианизатора Британии, в какой-то мере даже ее родоначальника.

Эрнест Ренан отмечал как главные черты ранней кельтской литературы абстрактность, кротость, пассивность, мечтательность[32]. Известный английский поэт прошлого века Мэтью Арнольд[33] говорил о страстности, любви к фантастическому, о меланхолии. При всей односторонности этих оценок, в них немало верного. Очень справедливо, например, замечание Э. Ренана о том, что известная нам литература кельтов вполне самостоятельна и христианский элемент в ней едва заметен: «Вся природа заколдована и изобилует, подобно воображению, бесконечно разнообразными созданиями. Христианство редко обнаруживается; хотя иногда и чувствуется его близость, но оно ни в чем не изменяет той естественной среды, в которой все происходит. Епископ фигурирует за столом рядом с Артуром, но его

[30] См.: *Я. Филип.* Кельтская цивилизация и ее наследие, стр. 168.

[31] См.: *J. Marx.* Nouvelles recherches sur la literature arthurienne, Paris, 1965, p. 160—164. См. также: *N. Chadwick.* The Age of the Saints in the early celtic church. Oxford, 1961.

[32] *Э. Ренан.* Поэзия кельтических рас.— В кн. *Э. Ренан.* Собр. соч., т. 3. Киев, 1902, стр. 182—219.

[33] *M. Arnold.* On the study of Celtic literature. L., 1867.

функции ограничиваются только тем, что он благословляет блюда [34]. Современные кельтологи, например, Жан Маркс [35], отмечают в поэзии кельтов особую созерцательность, вызванную близостью к природе. Кстати, эта близость подкреплялась у христианизированных кельтов широко распространенным отшельничеством. Монахи-отшельники, селившиеся в живописных местах, были не выдумкой авторов романов «бретонского цикла», а исторической реальностью тех «темных» веков.

Отшельническим духом овеяна и поэзия первых валлийских бардов — Анейрина, Талиесина и др. Долгое время считалось, что их творчество является поздней обработкой каких-то сказаний о мифологических и национальных героях (Кадуаладре, Артуре и др.). Новейшие исследования (прежде всего сэра Айвора Вилльямса [36]) показали, что эти барды существовали в действительности и их произведения, являясь позднейшими записями, восходят к VI в. Таким образом, достаточно древней оказывается и валлийская поэма «Гододдин», рассказывающая о героической гибели одного из кельтских племен. В поэме, приписываемой Анейрину и относящейся к панегирическому жанру (в ней восхваляются воины короля Эдинбурга Миниддаука), упоминается военачальник Артур, довольно зловещая фигура: стаи воронов слетаются к тем местам, где поработал Артуров меч, так как там для этих птиц, питающихся трупами, всегда есть обильная добыча. Здесь перед нами узко племенной герой. Есть лишь имя. Идеологического наполнения, составившего суть артуровских легенд, еще нет. Впрочем, как полагает Ж. Маркс [37], фигура Артура в этой поэме может быть позднейшей интерполяцией.

В одной из поэм, приписываемых барду Талиесину («Добыча Аннона»), повествуется о рискованной экспедиции, предпринятой Артуром против загадочного города-крепости, расположенного, по-видимому, в потустороннем мире (путешествия в загробный мир типичны для валлийского и ирландского фольклора и мифологии — ср. ирландскую сагу «Плавание Брана сына Фебала» [38]) и напоминающего «Остров фей» (Caer Siddi) валлийской мифологии. Вместе с Артуром отправляются на поиски обетованной страны три корабля с воинами, стремящимися раздобыть таинственный котел, купание в котором дарует вечную молодость. Культовые котлы постоянно фигурировали в верованиях кельтов. Академик Ян Филип пишет по этому поводу: «В этой символике... важное место занимал, кроме прочего, как на островах, так и на континенте, культовый котелок. В Ирландии магический котелок был символом изобилия и бессмертия и часто помещался на священном месте или в здании. При торжествах, известных под названием гобния, в котле варилось магическое пиво для питания и подкрепления божеств» [39]. Поиски магических котлов из валлийской литературы

[34] *Э. Ренан.* Собр. соч., т. 3, стр. 189.
[35] *J. Marx.* Nouvelles recherches sur la littérature arthurienne, p. 9.
[36] *I. Williams.* Studies in early welsh poetry. Dublin, 1944.
[37] *J. Marx.* Nouvelles recherches..., p. 24.
[38] «Ирландские саги», стр. 237—246.
[39] *Я. Филип.* Кельтская цивилизация и ее наследие, стр. 171.

перейдут и в артуровские романы. Из описанной в поэме «Добыча Аннона» опасной экспедиции возвращается лишь Артур и девять его воинов. Поэма окрашена в сумрачные, трагические тона. И здесь Артур — лишь племенной герой.

Для нас наиболее существен вопрос о том, является ли упоминание в валлийских литературных памятниках имени Артура всегда позднейшей интерполяцией, как иногда полагают. Или оно присутствовало в наиболее раннем, восходящем к VI—VII вв. слое. Вопрос этот сложен и не имеет, по-видимому, однозначного решения. Наиболее ранние памятники валлийской поэзии [40] собраны в достаточно поздних рукописях, состав которых пестр и неровен. Здесь Артур упоминается не только как непобедимый, отмеченный чертами первобытной жестокости и кровожадности воин, но и уже во многом мудрый король. То есть не только племенной герой, но и герой всех бриттов. Как произошло это превращение? Когда оно произошло? Здесь от мифологии и фольклора мы переходим к историческим судьбам островных кельтов.

2

В 407 г. римские легионы покинули Британию. С середины V в. отряды саксов начинают все глубже проникать на территорию Уэльса. Поэтический мир кельтских легенд наполняется духом сопротивления и борьбы [41]. В этой обстановке начинается, на старой основе, сложение новых легенд, легенд о сопротивлении завоевателям. Это было одно из великих «сопротивлений» средневековья: по своим литературным последствиям оно может быть сопоставлено с испанской реконкистой или борьбой русского народа против татаро-монгольского ига. Один из эпизодов этой многовековой борьбы — битва при горе Бадоне, о которой патетически рассказал в середине VI в. латинский хронист Гильдас, становится сюжетным ядром легенды, последним великим подвигом героя. Совершенно понятно, почему именно эта битва оказывается в центре создаваемой легенды: это был наиболее яркий, наиболее значительный успех кельтов. Вокруг этого эпизода группируются другие. В конце концов у Артура, как и у Геркулеса, оказывается двенадцать подвигов. Но их первый перечень, данный Неннием, возникнет позднее. Гильдас и писавший два века спустя Беда Достопочтенный (его «Historia ecclesiastica gentis Anglorum» датируется 731 годом) не упоминают ни всех этих сражений, ни самого Артура.

Однако отметим у Беды («Hist. eccl.», III, I, 2) упоминание короля Нортумбрии Освальда, грозного противника саксов. Освальд был горячим поклонником Богородицы; однажды на поле боя он своими руками водрузил в ее честь крест. Это стало легендой. Мотив из одной легенды перекочевал в другую: по свидетельству Ненния, Артур в одной из битв несет

[40] См. о них: *K. H. Jackson.* Arthur in early welsh verse.— In: «Arthurian literature...», p. 12—19.
[41] *J. Marx.* Les littératures celtiques. Paris, 1959, p. 13.

на своих плечах изображение девы Марии[42]. Здесь, как и в ряде следующих текстов, борьба с англосаксонским нашествием приобретает религиозную окраску: бритты обороняют не только свою землю, но и веру, и одерживаемые ими победы как бы даруются по божественному соизволению. Этот религиозный элемент, не находящийся в противоречии с исторической действительностью (кельты были христианами, англы, саксы и юты — варварами), лишь в незначительной степени затронул легенду об Артуре на первых этапах ее развития. В собственно кельтских литературных памятниках, созданных вскоре после завоевания, т. е. начиная со второй половины VI в., он не прослеживается. Таким образом, элементы культа девы Марии не являются существенным моментом в формировании артуровской легенды. Параллель Освальд — Артур — не решающая, боковая.

Гильдас и Беда были, по-видимому, не валлийцами. Поэтому им, типичным средневековым хронистам, людям латинской культуры, мифологизирующая тенденция в интерпретации истории была чужда. Участие в одном из сражений простого кельтского военачальника (который превратится у Ненния в «dux bellorum») прошло для них незамеченным. У Гильдаса победа при горе Бадоне связывается с неким Аврелием Амброзием, римским легионером, грозой саксов. У Ненния (или автора приписываемой ему хроники), тесно связанного с местной средой, герой этого сражения вполне естественно становится кельтом. Впрочем, те двенадцать сражений, о которых идет речь у Ненния, не могут быть связаны с одним лицом, ибо между ними несомненно лежит большой временной промежуток. Если же отбросить хронологические соображения (которые довольно гипотетичны для «темной эпохи»), то невозможность совершения одним лицом всех двенадцати подвигов подтверждается границей продвижения англосаксов на Запад к середине VI в. (Эдинбург — Йорк — Линкольн — Дорчестер — Саутгемптон): двенадцать пунктов, упомянутых Неннием, слишком далеко отстоят от этой линии. Совершенно очевидно что быстро сложившаяся «легенда о сопротивлении» приписала все эти эпизоды длительной борьбы кельтов с саксами одному лицу — простому военачальнику, вождю одного из кельтских отрядов. Такое превращение скромного военного эпизода в центральное ядро национальной легенды не должно нас удивлять — так не раз случалось в эпоху средневековья (достаточно вспомнить Роланда и битву в Ронсевальском ущелье).

Как полагал Э. Фараль[43], выдвижение Артура как героя легенды об успешном противостоянии захватчикам связано с началом продвижения англосаксов на Север, что по времени ближе к первой редакции книги Ненния[44]. Пограничные схватки кельтов с отрядами скоттов и пиктов ото-

[42] «Octavum fuit bellum in castello Guinnion, in quo Arthur portavit imaginem sanctae Mariae perpetuae virginis super humeros suos, et pagani versi sunt in fugam in illo die, et caedes magna fuit super illos per virtutem Domini nostri Jesu Christi et per virtutem sanctae Mariae virginis genitricis ejus» (*E. Faral.* Op. cit., t. III, p. 39).

[43] *E. Faral.* Op. cit., t. I, p. 147.

[44] В книге Ненния четко прослеживаются разные хронологические пласты; так, до гл. 56 основа книги — южная и более ранняя, затем появляются мотивы северной Британии, когда и возникает фигура Артура.

шли на задний план перед иноземным вторжением с Юга, и эта переориентация и внезапное напряжение борьбы и явилось отправным пунктом в развитии легенды. Лишь затем, когда общие задачи противостояния захватчикам привели к усилению кельтской общности (в самосознании, но не политически), легенды об Артуре попали и на юг. Подвиги «Артура», одного из вождей северных кельтов, были слишком незначительны, чтобы дойти до Беды или Гильдаса; приписанные ему легендой оказались достаточными, чтобы вдохновить Ненния и его последователей. «В результате этих превращений,— замечает Э. Фараль,— Артур, вождь северных бриттов, герой локальных сражений, приобретает в тексте «Артурианы», в том виде, в каком она дошла до нас, черты героя, чьи подвиги распространяются на всю Британию, и в котором последующие поколения призваны прославлять наиболее крупного государя британской национальной истории»[45].

Кельтская эпическая традиция, создавшая образы Конхобара, Кухулина, Пуилла, Придери и др., соприкоснулась с исторической реальностью, которая сразу же стала мифологизироваться. Сначала сложилась легенда о двенадцати подвигах Артура с кульминацией при горе Бадоне («Duodecimum fuit bellum in monte Badonis, in quo corruerunt in uno die nongenti sexaginta viri de uno impetu Arthur»[46]), затем Артур превращается просто в мудрого непобедимого правителя, заступника кельтов. Валлийская основа этих легенд несомненна, хотя собственно валлийских памятников, отражающих первый слой легенды (борьба с саксами), крайне мало. Действительно, Артур как победоносный вождь кельтов в их столкновении с англосаксами запечатлен в немногих текстах, причем текстах по преимуществу латинских (от Ненния до Гальфрида Монмутского), хотя и написанных с валлийских позиций.

Книга Ненния важна для нас не своим влиянием на последующее развитие артуровской легенды (влияние это было действительно незначительным и ни в какой мере не может быть сопоставлено с воздействием Гальфрида Монмутского); произведение Ненния — это свидетельство поворотного пункта в развитии легенды: частный эпизод, частный незначительный герой (как уже говорилось) в результате своего появления в момент особого напряжения сил и личной удачливости оказывается в центре творимой национальной легенды, аккумулируя все наиболее значительные события национальной истории. Книга Ненния — живое свидетельство существования легенды, ее развитости, ее активного функционирования в кельтской среде.

Немаловажно было и то, что хотя борьба кельтов с англосаксонским завоеванием была отмечена эпизодическими успехами, в целом же слабые, разрозненные кельтские племена были обречены на поражение. Это сразу придало творимой легенде скорбный колорит плача о национальной трагедии и одновременно нерасторжимо связало ее с упорной мечтой о грядущем реванше. Тем самым артуровские легенды при своем возникновении в самосознании кельтов имели компенсаторный характер. Вера в реванш,

[45] *E. Faral.* Op. cit., t. I, p. 147.
[46] Ibid., t. III, p. 38—39.

надежда на который связывалась с именем Артура, оплодотворяла национальную жизнь в сохранивших независимость частях Британии. А известную самостоятельность не утеряли лишь западные (часть Уэльса, Корнуолл) и северные (Шотландия) земли, где возникли княжества и королевства раннефеодального типа (подобно государствам англов, саксов и ютов — на острове, или франков, бургундов, вестготов и т. п.— на континенте). Эти княжества и королевства не теряли независимости очень долго, пережив нашествие датчан в VIII—IX вв. и нормадское завоевание XI в. История сохранила нам имена ряда этих правителей; некоторые из них предпринимали даже попытки объединить под своей рукой весь Уэльс. Таковы Родри Великий, Хоуэлл Добрый, Ллуелин Великий, жившие в IX—X вв. Интенсивная работа, направленная на созидание кельтской государственности [47], превратила Артура из непобедимого полководца в мудрого государя.

Совершилось это не сразу. Тут, т. е. в промежутке между Ненниelement и Гальфридом Монмутским, перед нами памятники двух родов. С одной стороны, это жития местных святых, написанные не всегда валлийцами и почти всегда — не с кельтских позиций, с другой стороны — памятники валлийской литературы, записанные довольно поздно, но относящиеся как раз к интересующему нас периоду.

Труды агиографов (авторов плохо сохранившихся жизнеописаний св. Патерна, св. Карантока) интересны нам прежде всего как свидетельства большой популярности артуровских легенд в Южном Уэльсе. Очень характерно отношение церковных писателей к Артуру. Для них он не идеальный герой, не последняя надежда порабощенных кельтов; он местный властитель, жестокий, сластолюбивый и коварный [48]. Такова первоначальная точка зрения католической церкви на Артура. Лишь в «постмонмутский» период она существенным образом изменится. Писавший уже в начале XII в. Уильям Малмсберийский не без осуждения отмечал чрезвычайное распространение среди кельтского населения легенд об Артуре [49], которым в народе «бредят до сего дня».

Таким образом, латинские источники (кроме уже упомянутых, «Annales Cambriae», «Miracula Sanctae Mariae Laudunensis» Германа Турнейского, «Mirabilia», «Vita Sancti Goesnovii», «Historia Anglorum» Генри Хэнтингдона и некоторые другие) говорят нам лишь о существовании и популярности артуровских легенд в кельтской среде. Источники эти, как полагал Э. Фараль [50], и послужили отправной точкой для Гальфрида Монмутского, а использовал он по существу одного Ненния, отбросив остальных, так как они ничего не могли ему дать.

[47] Работа не совершенно бесплодная: завоеватели-норманны вынуждены были считаться с кельтскими князьками (последний из них — Ллуелин аб Груффидд — умер в 1282 г.), а Эдуард I (1272—1307), король из норманнской династии, предусмотрительно ввел титул принца Уэльского для наследника престола, тем самым подчеркнув значение валлийских земель в своем королевстве.

[48] См.: *E. Faral.* Op. cit., t. I, p. 243.

[49] «Hic est Artur de quo Britonum nugae hodieque delirant» (*E. Faral.* Op. cit., t. I, p. 247).

[50] *E. Faral.* Op. cit., t. I, p. 257—261.

Как мы уже могли убедиться, точка зрения Э. Фараля в настоящее время должна быть признана ошибочной. Следует отделять свидетельства (пусть очень значительные и красноречивые) о функционировании легенды от памятников, ее воплощающих. К последним, кроме «Британской истории» Ненния, относится ряд кельтских текстов, датировка которых в последние годы была коренным образом пересмотрена. В первую очередь здесь должен быть назван замечательный валлийский роман (термин этот употреблен в данном контексте условно; можно было бы сказать и «сага») «Куллох и Олуэн».

Содержание этого произведения, справедливо вызывающего пристальнейший интерес исследователей, сводится к следующему. Повествование представляет собой типично эпический рассказ о добывании невесты. В центре его — юноша Куллох, отправляющийся на поиски нареченной, которой он никогда не видел и о которой поведала ему его мачеха. По ее словам, юная Олуэн прекрасна, но девушку очень трудно добыть, так как ее ревниво сторожит отец — гигант Избаддаден. Важно отметить табуированность поведения героя (что указывает на фольклорные корни сюжета): Куллоху предназначено жениться на Олуэн и запрещено приближаться к другой женщине. Отец юноши советует сыну обратиться за помощью к Артуру. Куллох прибывает к замку короля бриттов. В описании артуровского двора, перечислении придворных и т. п. немало забавных подробностей, иронических черточек, но одновременно типично фольклорных стилистических приемов (параллелизмы, повторы, украшающие эпитеты и т. д.). Отметим также, что при дворе Артура находятся не только протагонисты будущих рыцарских эпопей, но и персонажи мифологических сказаний, что говорит о многослойности произведения и о его переходном характере. В сценах появления Куллоха при дворе отчетливо проступает народно-эпическая основа произведения: героя пускают к Артуру не сразу (как Луга в ирландских сагах или Персеваля в сказаниях о Граале). После ряда ретардаций, после борьбы с привратником Гленувиддом юноша предстает, наконец, перед Артуром. Мудрый король радушно встречает молодого человека и обещает ему любую помощь, обещает дать все, кроме семи вещей — своего корабля, меча, плаща, копья, щита, кинжала и своей жены Гуэнхвивары (Гиневра — Гвиневера артуровских романов). Эта система ограничений также вскрывает эпическую основу памятника. Куллох просит у Артура послать с ним нескольких его рыцарей. Король соглашается, и вместе с Куллохом на поиски прекрасной Олуэн отправляются сенешаль Кэй, кравчий Бедивер, а также Эдерн, Гуитир, Гуальхмей (Гавейн) и др. После долгого пути спутники находят замок гиганта, и им удается увидеть девушку. Она действительно прекрасна, и Куллох понимает, что уже давно любит ее, сам не догадываясь об этом. Это — также типично фольклорный мотив, не раз повторяющийся в различных памятниках средневековья. Происходит встреча Куллоха и отца Олуэн. Юноша просит руки девушки, гигант отвечает уклончиво, предлагая обсудить все на следующий день. Когда Куллох и его спутники направляются к выходу, Избаддаден мечет им в спину свое короткое копье, но Бедивер успевает поймать его и в свою очередь метнуть в коварного хозяина и ранить его. На следующий день переговоры

снова оканчиваются ничем, снова коварный гигант пытается поразить копьем пришельцев, и снова копье перехвачено и поражает его самого. Все это повторяется и на третий день. Наконец, гигант ставит условия: чтобы получить Олуэн, Куллох должен пройти ряд испытаний, добыть ряд чудесных и заколдованных предметов. Юноша должен за один день вспахать и засеять большой холм и за один же день убрать с него урожай, разыскать волшебный напиток, дающий забвение, достать магический котел, добыть чудодейственный мед, колдовскую арфу, бездонную корзину, заколдованное оружие и т. д. Он должен отыскать и поймать свирепого кабана Торха Троифа, в шерсти которого запутался чудесный гребень. Все подвиги героя описаны достаточно подробно, особенно охота на кабана, которая начинается в Ленстере (Ирландия), затем переносится в Уэльс и заканчивается в Корнуэлле. Все добытые героем и его спутниками вещи фигурируют на свадебном пире Куллоха и Олуэн. Во всех подвигах юноше помогают не только рыцари Артура, но и волшебник Мабон[51] (персонаж, несомненно восходящий к кельтскому божеству Ойнгусу, аналогу Аполлона), а также ряд других мифологических героев (Гуинн, сын Нудда, и др.). Феерический колорит в соединении с известной простодушной жестокостью (побежденному Избаддадену, например, перед свадьбой молодых людей просто отсекают голову, что заранее предопределено), наличие типично фольклорных тем и мотивов (начиная с основного сюжета произведения — добывания невесты через преодоление заранее обусловленных препятствий и выполнение определенного, во многом стандартного набора заданий), повторы, ретардации и т. п. — все это говорит о том, что «Куллох и Олуэн» является переходным произведением, в котором очень сильны элементы фольклора. Современный французский кельтолог Жан Маркс заметил об этом «романе»: «Эта сокровищница приключений, наполненная вызовами на поединок, странствиями, разыскиванием талисманов, узнаваниями, поисками заколдованных предметов, создает ту атмосферу, в которой, благодаря литературным шедеврам, созданным поэтами-бриттами, несмотря на содержащиеся в их произведениях огромные лакуны, интерполяции, противоречия, можно отыскать ключ и источник чудесного, окрашивающий в неповторимые тона бретонские сюжеты»[52].

Книга о Куллохе и Олуэн важна не только своими незаурядными художественными достоинствами (да здесь и не все равноценно: ряд мест, например конец, представляется позднейшим кратким пересказом более пространной ранней редакции), но тем влиянием, которое это произведение оказало на дальнейшую судьбу артуровских легенд. Можно высказать предположение, что были и другие произведения, в которых образ Артура был достаточно разработан. Они почти не сохранились, а те, что дошли до нас (например, «Сновидение Ронабуи»), относятся к более поздней эпохе, и их генезис не вполне ясен. Долгое время велись споры и о датировке «Кул-

[51] Этот персонаж, Черный волшебник Мабон, встречается в ряде поздних романов «бретонского цикла» — в прозаическом «Романе об Артуре», в «Прекрасном незнакомце» Рено де Боже и др.

[52] *J. Marx.* Nouvelles recherches..., p. 29.

лоха и Олуэн». Предполагалось, что это произведение могло возникнуть лишь под влиянием Гальфрида Монмутского. В последнее время считается доказанным, что «Куллох и Олуэн» относится к середине XI в. (самое позднее) и поэтому предшествует не только Гальфриду Монмутскому, но и нормандскому завоеванию[53]. Поэтому попытку Моргана Уоткина[54] видеть в валлийском «Мабиногионе» отзвуки куртуазных идеалов, распространенных на континенте (а в Англию они могли проникнуть лишь с норманнами), следует признать несостоятельной.

Такие произведения валлийской литературы, традиционно включаемые в «Мабиногион», как «Герейнт и Энида» или «Оуэйн и Люнета», очень напоминают романы Кретьена де Труа («Эрек и Энида», «Ивен»), но не являются ни их источниками, ни подражаниями им. Полагают, что памятники валлийской литературы и романы Кретьена восходят к каким-то общим несохранившимся прототипам. Но «Куллох и Олуэн» разительно отличается от «Герейнта» и от «Оуэйна» своей народно-эпической структурой. Текст «Куллоха и Олуэн» дошел до нас в двух рукописях — в поздней «Красной книге Хергеста» и в «Белой книге Риддерха»; последняя датируется концом XI в., следовательно, текст романа можно датировать первой половиной XI столетия.

Рядом с «Куллохом и Олуэн» может быть поставлен другой памятник валлийской литературы — «роман» «Передур»[55]. Это произведение, дошедшее до нас в довольно поздней редакции (ок. 1275), сохранило, как на археологическом срезе, следы составивших его последовательных «культурных слоев». Наиболее ранним слоем был рассказ о подвигах какого-то исторического или псевдоисторического персонажа, ставшего героем прозаического кельтского эпического повествования — так называемой «саги». В первоначальной валлийской саге большое место уделено воспитанию героя (что может быть сопоставлено со сходными эпизодами ирландских саг, в частности с обучением Кухулина военному делу у шотландской воительницы Скатах), его любовным увлечениям, воинским подвигам, посещению Чудесного Замка, где он видит торжественную процессию, участники которой проносят по залам копье, с которого струится кровь, и глубокое блюдо, на котором лежит отрубленная голова. В заключение саги повествуется о мести Передура глочестерским колдуньям.

Этот ранний народно-эпический слой в определенный момент (очевидно, достаточно поздний, относящийся к XI в.) вошел в соприкосновение с артуровскими легендами. Так появляется мотив посещения героем двора короля Артура и участия в странствиях Передура трех рыцарей Круглого Стола — Гуальхмея (Гавейна), Гуэйра и Оуэйна. На этом этапе происходит усложнение характера героя: к его наивной простоте присоединяются

[53] См.: *I. L. Foster.* Cullwch and Olwen and Rhonabwy's Dream.— In: «Arthurian literature...», p. 31—43.
[54] *M. Watkin.* La civilisation française dans les Mabinogion. Paris, 1962.
[55] См.: *M. Williams.* Essai sur la composition du roman gallois de Peredur. Paris, 1909; *I. L. Foster.* Gereint, Owein, and Peredur.— In «Arthurian literature...», p. 192—205; *J. Marx.* Nouvelles recherches..., p. 122—135.

необузданная храбрость, склонность к рискованным, безрассудным деяниям. Усложняются и мотивы поступков Передура: помимо мести злобным колдуньям, он предпринимает отвоевание королевства, которое полагается ему по праву наследования.

Затем, благодаря непрерывным контактам кельтов-валлийцев с населением Бретани (эти контакты были постоянными начиная с VI в., когда теснимые англосаксами кельты переселились в Арморику, основательно ее кельтизировав), повествование о Передуре получило обработку на французском языке. Тут Передур превратился в Персеваля (т. е., по ложной средневековой этимологии, того, кто проникает — perce — в тайну долины — val —, где находится Чудесный Замок). Это французское сказание о Персевале, впрочем, не оставило никаких следов, но на него есть недвусмысленная ссылка в романе Кретьена де Труа: тут упоминается некое «старое повествование». Раньше это место в романе Кретьена воспринималось как обычный для эпохи стилистический штамп. В последнее время признано доказанным, что тут Кретьен упоминает действительно какое-то несохранившееся прозаическое произведение, какую-то повесть о приключениях, имевшую хождение в куртуазной среде. Ж. Маркс [56] попытался выявить структуру этой повести, точнее, установить узловые моменты ее сюжета, заимствованные Кретьеном. Однако следует признать, что все-таки не вполне ясно, была ли эта «повесть» зафиксирована в письменной форме или же бытовала лишь в устной передаче. Это не существенно. Важно, что некоторые черты этой французской обработки вернулись в валлийскую редакцию, привнеся в нее христианский элемент, но оставив в неприкосновенности центральный мотив отмщения героя.

Наконец, последним, верхним слоем «Передура» стали довольно наивные заимствования, сделанные валлийским переписчиком или редактором из стихотворного романа Кретьена де Труа. Возникновение этого последнего слоя относится к XIII в. Франсуаза Ле Ру очень верно заметила, что «история Передура была переписана, как и другие валлийские романы, во вкусе сеньеров того времени, и герой был втянут в бесконечные приключения, что должно было позабавить аудиторию, которой не могли наскучить загадочное и чудесное» [57].

Следует также упомянуть «Триады», своеобразный памятник валлийской литературы. В них дано описание полулегендарной Британии (Prydein), ее достопримечательностей, ее героев и преданий. Хотя возникновение «Триад» восходит, по-видимому, к IX в., их окончательная обработка произошла уже после Гальфрида Монмутского и обнаруживает следы его воздействия. «Триады» многослойны и внутренне противоречивы: так, среди полулегендарных, полумифологических героев, не вошедших в некельтскую артуровскую традицию, фигурируют в них, например, и Тристан (Drystan ab Tallwch) и Изольда (Essyllt Vinwen) как одна из трех образцовых любовных пар. Поэтому валлийские «Триады», при всей их значи-

[56] См.: *J. Marx.* Le conte d'aventure, canevas du Conte du Graal de Chrétien de Troyes.— «Le Moyen Age», 1961, n° 4, p. 439—477.
[57] *F. Le Roux.* Notes d'histoire et des religions.— «Ogam», 1966 (t. XVIII), p. 156.

тельности как литературного памятника, являются произведением слишком многослойным, предстают перед нами в редакции слишком поздней, чтобы служить одним из существенных звеньев в развитии артуровских сказаний.

Параллельно функционированию артуровских легенд в Уэльсе и Корнуэлле, где они вошли в латинские псевдоисторические хроники, саксонские анналы, валлийские «Триады» и гномические (т. е. имеющие своей темой какой-либо афоризм, пословицу) стихотворения, а также прозаические «саги» или «романы» («Куллох и Олуэн», «Передур»), шло их развитие во французской Бретани. Здесь вызванный саксонским завоеванием приток кельтского населения привел если не к полной кельтизации, то к возникновению устойчивого билингвизма. Кельтская и французская фольклорные и литературные традиции развивались здесь рядом, взаимно обогащаясь. Именно в Бретани сложился жанр короткой стихотворной повести — «лэ» на любовно-приключенческий сюжет; этот жанр был доведен до высокого художественного уровня во второй половине XII в. современницей Кретьена де Труа поэтессой Марией Французской[58]. В Бретани артуровские сюжеты, принесенные из Уэльса и попавшие в кельтскую же среду, соприкоснулись с куртуазной традицией, возникновение которой с такой обстоятельностью прослежено в капитальнейшем труде Рето Беццолы[59]. Феерический и таинственный мир кельтских легенд стал важным компонентом литературных манифестаций куртуазных идей. Как пишет Ж. Маркс[60], бретонские жонглеры, распевавшие под звуки арфы свои «лэ» при княжеских дворах, были благодаря своему билингвизму прекрасным связующим звеном, обеспечившим широкий обмен между кельтской и французской культурами.

Среди предводителей военных отрядов, которые во главе с нормандским герцогом Вильгельмом Незаконнорожденным в 1066 г. вторглись на Британские острова, было немало бретонских сеньоров. В их свите были и жонглеры. Так артуровские легенды вернулись в Англию, но уже в основном во французской обработке. Англосаксонская знать после нормандского завоевания быстро усвоила французский язык, здесь сложилась франкоязычная литература (например, Мария Французская, родившись на континенте, большую часть жизни провела в Британии).

Таким образом, на собственно кельтской почве легенды об Артуре прошли в своем развитии по меньшей мере пять этапов, вернее, в них может быть выделено пять слоев, пять слагаемых. Во-первых, это эпические сказания с сильной мифологической основой о племенных героях (типа богатырской сказки); во-вторых, мифологизированная история племенных столкновений, отразившаяся в известной мере в ранних валлийских «сагах»; в-третьих, также мифологизированные легенды о сопротивлении англосаксонскому нашествию, где впервые появляется Артур как главный герой это-

[58] См.: *А. А. Смирнов.* Ле Марии Французской и анонимные ле.— В его кн. «Из истории западноевропейской литературы». М.— Л., 1965, стр. 88—114.
[59] *R. Bezzola.* Les origines et a formation de la littérature courtoise en Occident. 3 parties en 7 vol. P., 1944—1963.
[60] *J. Marx.* Nouvelles recherches..., p. 31—32.

го сопротивления; в-четвертых, валлийские «саги» или «романы», сложившиеся накануне нормандского завоевания; в них идея реванша и пафос борьбы с саксами совершенно оттеснены на задний план авантюрно-фантастическим элементом, а Артур выступает не столько удачливым военачальником, сколько мудрым, убеленным сединами правителем, окруженным цветом рыцарства; наконец, в-пятых, это обработка артуровских сюжетов в смешанной франко-кельтской среде (Бретань), вскоре возвращенная нормандским завоеванием на родину.

Здесь совсем в новых условиях — политических и идеологических — эти легенды получили новую обработку, сперва на латинском языке под пером Гальфрида Монмутского, а вскоре и на новых языках — трудами замечательных средневековых поэтов[61].

3

Политическое содержание этого переосмысления старого эпического и фольклорного материала хорошо показано в статье А. Мортона. Укажем здесь на несколько иной аспект. В артуровских легендах, которые стали содержанием куртуазных романов, наполнявшие эти легенды фольклорные мотивы и темы, особенности стилистики и сюжетные «ходы» не исчезают, но коренным образом меняется их смысл. Они утрачивали живую непосредственность и во многом переходили в разряд сюжетообразующего фактора, даже просто «приема», что и было подмечено и высмеяно в эпоху Возрождения и Рабле, и Томасом Нэшем, и Сервантесом. Ритуально-мифологическая модель уступала место эмоционально-психологической. На смену мифологическому (или мифологизирующему) мышлению приходила литературная фантастика, вымысел. В этом отношении очень интересно наблюдение виднейшего советского медиевиста профессора А. А. Смирнова: «То, что в сказке, при всей видимой фантастичности, дается как самое «естественное», справедливое и необходимое или же, наоборот, как столь же «естественно» неотвратимое, гибельное (добрые силы природы, счастливые случайности, помогающие животные и губительные явления природы — чудовища, силы мрака),— в куртуазном романе преображается в диковинное,

[61] Подчеркнем здесь тесную связь складывающихся французской и английской куртуазных традиций (это не устраняет, конечно, вопроса о их национальной специфике, что убедительно показано в статье А. Мортона на сопоставлении творчества франко-норманна Васа и англичанина Лайамона). Таким образом, французские труверы воспринимали артуровские сюжеты по меньшей мере из трек источников: от бретонских жонглеров, от их островных собратьев и из латинских сочинений типа книги Гальфрида Монмутского. Связь с английской средой у них была довольно тесной. Так, крупнейший французский поэт второй половины XII в., Кретьен де Труа, мог иметь контакты с английским обществом, хотя это документально и не подтверждается. Дело в том, что Кретьен был связан со дворами Марии Шампанской и Филиппа Фландрского; но Мария была дочерью знаменитой Алиеноры Аквитанской, вышедшей после развода с Людовиком VII за Генриха Плантагенета. Поэтому совершенно исключать возможность английских связей Кретьена вряд ли было бы правомерно.

любопытное, непонятное и случайное («авантюры»)... Между фантастическим приключением и личностью героя, между его характером и его судьбой нет внутренней, смысловой связи»[62]. Известную стереотипность в технике романа на протяжении всего Зрелого средневековья отмечал академик В. М. Жирмунский. «Создание новых героев и новых романов,— писал он,— происходит по старым шаблонам, даже если в нем участвует новый материал, заимствованный из фольклорных или литературных источников. По этому принципу строятся в дальнейшем обширные прозаические компиляции типа старофранцузского цикла «Вульгаты» (первая половина XIII в.) и связанного с ней английского «Смерть Артура» («La Morte d'Arthur») рыцаря Томаса Мэлори»[63].

Это верное замечание не следует, конечно, распространять на лучшие, наиболее значительные памятники средневекового рыцарского романа. В произведениях поэтов второй половины XII и начала XIII в. не было ни схематической застылости, ни однообразия. Их книги открывали новый мир чувств и переживаний, новый мир индивидуальных человеческих отношений. С рыцарским романом в литературу пришел дух кельтской фантастики с его романтикой странствий, увлекательных приключений, нескончаемых поисков, с его атмосферой таинственности и загадочности.

Создателем романа бретонского цикла стал замечательный французский поэт Кретьен де Труа. Поэтому в формировании романного жанра его роль выдающаяся, особая. Строил он не на пустом месте. До Кретьена возникли обширные стихотворные романы на античные сюжеты («Роман о Фивах», «Эней», «Роман о Трое»), где старые темы, взятые у Вергилия, Стация и др., были рассказаны по-новому, в куртуазном духе. До него Вас переложил французскими стихами книгу Гальфрида Монмутского, придумав Круглый Стол и введя массу деталей рыцарского обихода. Но подлинно куртуазный роман создал Кретьен де Труа. Обращение к артуровским легендам не только дало ему увлекательные сюжеты; эти легенды стали в его творчестве формообразующим фактором. Из этих легенд в романы Кретьена вошел поэтический мир кельтской мифологии с чудесными животными, заколдованными странами, с «Иным Миром», таинственным и влекущим, но одновременно и чрезвычайно опасным (страна мертвых и сад наслаждений одновременно). Но не только это: из кельтской мифологии взял поэт основные мотивы своих книг (поиски, странствия, побратимство и мн. др.). До Кретьена (у Гальфрида Монмутского, Васа) не было таких прославленных героев европейской литературы, как Эрек, Ланселот, Персеваль. Если поэт из Шампани и нашел их прообразы в бретонских приключенческих и волшебных сказках (существование которых можно лишь предполагать), то сделались героями романов они лишь под его пером.

Кретьен де Труа, как и его великий современник Низами Ганджеви, написал свою «пятерицу» — пять романов на артуровские сюжеты, разных

[62] *А. А. Смирнов.* Из истории западноевропейской литературы, стр. 97.
[63] *В. М. Жирмунский.* Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения.— «Известия АН СССР», Серия литературы и языка, 1971 (т. XXX), вып. 3, стр. 195.

по тематике, по трактовке многих проблем, по творческим композиционным приемам, но единых по общей теме — изображению утопического мира подлинной рыцарственности, олицетворением, средоточием которой оказывается у Кретьена двор короля Артура. Сам Артур не играет значительной роли в романах поэта. Но он не только верховный правитель, он высший арбитр в делах любви, мужества, благородства. Побывать при его дворе — огромная честь, восседать за его Круглым Столом — предел мечтаний каждого рыцаря. Мир, в котором существует Артур и его сподвижники,— условен. Условно время, условно пространство. Тем самым мир короля Артура существует у Кретьена вне времени и пространства. Не случайно поэтому его королевство не имеет четких границ, и это символично: Артур царит там, где существует дух рыцарственности. И наоборот: последний возможен лишь благодаря Артуру, тот его воплощение и высший гарант. Таким образом, у Кретьена де Труа королевство Артура — это не социальная, а прежде всего моральная утопия.

Кретьен жил в северо-восточной Франции, был, очевидно, клириком, хорошо знал латынь и доступных в то время античных авторов (прежде всего Овидия, которому в молодости подражал). Поэт долгие годы провел при дворах влиятельных феодалов Генриха Шампанского и Филиппа Фландрского. Многие его произведения написаны по их заказу. Не все они дошли до нас. Но бретонские романы сохранились. Их, как уже говорилось, пять.

Роман Кретьена «Эрек и Энида» написан ок. 1170 г. В центре романа — конфликт между любовью и приключениями, между супружеским долгом и рыцарской доблестью, т. е. конфликт индивидуальный, внутренний. В этом произведении поэт использовал обычную для него в дальнейшем трехчастную композицию, резко отделив части друг от друга не только сюжетно, но и по их общему звучанию. Первая разворачивается как радостный придворный праздник. Король Артур устраивает традиционную охоту на белого оленя, в которой участвует молодой и прекрасный Эрек. Вскоре юноша попадает еще к одному двору, где принимает участие в пышном турнире и знакомится с дочерью скромного пожилого рыцаря, совершенно обнищавшего из-за постоянных феодальных войн. Энида бедна, но умна. обходительна, красива. Их взаимная любовь вспыхивает мгновенно, и все быстро заканчивается счастливым браком. На охоте и на турнирах Эрек показал себя отменным рыцарем, Энида стала украшением двора короля Артура, но молодые люди, поглощенные своей любовью, мало внимания обращают на окружающих. Эта первая часть романа, представляющая собой идиллическую любовную повесть, обладает несомненным внутренним единством и могла бы быть отдельным произведением. Но эта часть психологически открыта (в ней нет острых конфликтов, а социальное неравенство супругов не становится сюжетообразующим элементом) и подготавливает дальнейшее развитие действия. Для Кретьена характерно завершение первой, как правило, безмятежной, мажорной части психологическим кризисом. Так и здесь. Эрек, растворившись в любви к Эниде, забыл о своем долге рыцаря. Однажды для него наступает трагическое прозрение — его былые товарищи отворачиваются от него, и сама Энида горько оплакивает

позор мужа. Из мягкого и изнеженного Эрек становится твердым и жестоким. Так возникает основной конфликт романа. Эрек решает доказать, что он настоящий рыцарь. Доказать другим, прежде всего Эниде. Но доказать и самому себе. Начинается его самопроверка. В этой части, повествующей о серии «авантюр», участниками которых становится Эрек и везде сопровождающая его Энида, проверке подвергается не только мужественность и военная сноровка героя, но и любовь Эниды: она едет по бесконечным лесным дорогам впереди Эрека (который с ней либо не разговаривает, либо нарочито груб), ей строго запрещено предупреждать его о приближении опасности. Ее роль — роль зрителя. Но бесстрастным зрителем она быть не может. Тонко и поэтично описывает Кретьен ее колебания, ее нежелание ослушаться мужа и неподдельный страх за него. Если Эрек стал в известной мере жестоким по отношению к жене, то Энида остается нежной и любящей. В этой части подвергаются проверке не только мужество Эрека и верность Эниды, но и концепция супружеской любви Кретьена. В его понимании любимая женщина — это жена, подруга и дама. Во второй части романа эта триада нарушена, причем нарушена героем. Всем ходом развития сюжета Кретьен приводит его к приятию триады. В результате испытаний супружеская любовь вновь торжествует, но теперь она не заслоняет собой и не подменяет активной деятельности. Кретьен — за равновесие между ними. К пониманию этого приходят молодые герои романа, т. е. перед читателем развертывается формирование характера не только доблестного рыцаря (и образцового возлюбленного), но и дамы. Третья часть романа углубляет понимание подлинной рыцарственности. До этого «авантюры» Эрека были психологически оправданны, но, как правило, случайны и общественно бесполезны. Иначе в третьей части. Здесь Эрек побеждает в схватке с Мабонагреном и тем самым снимает заклятие с целого королевства.

В своих романах Кретьен де Труа стремился разрешить вопрос о личных качествах человека (как рыцаря, так и дамы) и о взаимоотношениях между людьми. В этом отношении программным стал его следующий роман, «Клижес», созданный около 1176 г.

«Клижес» занимает в творчестве Кретьена особое место; он резко отличается от остальных романов бретонского цикла. Основные качества романов этого типа (аисторичность, неопределенность топографии, фееричность и т. п.) здесь отсутствуют. В этом произведении Кретьен использовал византийский сюжет (в эпоху крестовых походов интерес к Византии повысился) — его герой является сыном императора Константинополя, и путешествует он не по таинственному Броселианду и загадочной стране Логр, а по реальной Европе конца XII в. Герои романа посещают Лондон, Винчестер, Дувр, Кентербери, Кельн, Регенсбург, Рим, Павию, а не Камелот или Тинтажель. Основное действие развертывается в Константинополе. Книга задумана как ответ на появившийся около 1170 г. «Тристан» франко-нормандского трувера Тома, поэтому между двумя произведениями существует определенный параллелизм. Как и в «Тристане», начинается роман с истории родителей героя — императора Александра и Соредаморы, сестры Говена. История родителей своей идилличностью контрастно подчеркивает трагический характер взаимоотношений героев — Клижеса и Фенисы. Ситуа-

ция здесь та же, что и в легенде о Тристане и Изольде: юноша полюбил жену дяди и она полюбила его. Их любовь вспыхнула тоже на корабле, но она лишена фатальной неизбежности. Молодых людей соединяет взаимное влечение их сердец, а не случайно выпитый любовный напиток. Поэтому любовь Клижеса и Фенисы подчиняется контролю разума и не носит неразрешимо трагического характера. Фениса не хочет повторять ошибки (с точки зрения Кретьена) Изольды и принадлежать нелюбимому. Чудесный напиток тоже появляется на сцену, но пьет его муж, император Алис (кстати, узурпировавший трон брата). Действие напитка таково, что Алису кажется, что он разделяет ложе Фенисы, в действительности же это не так. Но молодая женщина отвергает адюльтер и готова принадлежать возлюбленному только в том случае, если это не ущемит прав мужа. Что же ей надо сделать для этого? Умереть. Но умереть мнимо, так, чтобы все считали ее мертвой и лишь Клижес да верная служанка Фессала (послушная исполнительница ее воли) знали правду. План удается на славу, и только спустя много времени обман раскрывается — счастливых любовников случайно обнаруживают в роскошном саду, скрытом от посторонних глаз. Клижес и Фениса, сопутствуемые верной Фессалой, бегут и приезжают ко двору короля Артура. Справедливый король готов снарядить огромную армию, чтобы наказать узурпатора Алиса и восстановить на отцовском троне Клижеса, но приходит весть, что от ярости узурпатор скончался и все подданные ждут своего законного императора Клижеса. Как и предыдущий, роман заканчивается счастливо. Фениса становится женой, подругой и дамой героя. Кретьеновская триада опять торжествует. В этом романе особенной психологической разработке подвергнут характер героини; может быть, именно поэтому она оказывается исключительно активной и по сути дела направляет развитие действия. Она сама решает, что будет принадлежать любимому, и произносит знаменательные слова, довольно смелые для поры куртуазных увлечений (не говоря уже о истинном положении женщины в феодальной среде),— «чье сердце, того и тело» («Qui a le cuer, cil a le cors»).

Полной противоположностью такой трактовки любви стало ее решение в следующем романе Кретьена «Рыцарь Телеги, или Ланселот» (написан, по-видимому, в 1177—1181 гг.). Это было произведение «заказное», но несомненно Кретьен был увлечен сюжетом и возможностями его разработки. Здесь возникает новая для Кретьена тема — одержимости любовью. Именно таким предстает в романе Ланселот, все мысли и чувства которого заняты его страстью к королеве Геньевре. Такая любовь толкает героя не только на смелые поступки, но и на унижения: именно в этом смысл основного эпизода с телегой, сесть в которую для рыцаря было равносильно появлению у позорного столба. Если Ланселот беззаветен в своей любви, то королева кокетлива и капризна; она не может простить рыцарю тех двух шагов, что ступил он прежде, чем сесть в телегу (а лишь сидя там, он мог узнать, где находится похищенная рыцарем Мелеагантом Геньевра). Важно в романе противопоставление безрассудного Ланселота рассудочному Говену. Говен, этот бонвиван, спортсмен и донжуан, хочет спасти королеву, и поэтому его поиски обречены на неудачу. Побеждает не разум, но чувство. Из-за своей одержимости Ланселот попадает в опаснейшие переделки, но именно благо-

даря любви он везде оказывается победителем. Он стремится не спасти любимую женщину и не насладиться ее любовью (впрочем, в романе есть и это), он просто стремится к ней, чтобы лицезреть ее, исполнять любые ее желания. Неодолимое стремление к Геньевре заставляет героя совершать замечательные подвиги, но как бы машинально, в каком-то полусне, в состоянии любовной прострации. Его подвиги не бесполезны (освобождая королеву, Ланселот снимает заклятие и освобождает пленников), но не это теперь вменяется в обязанность образцовому рыцарю. В связи с этим характер героя (в отличие от характера Эрека) не эволюционирует, не развивается, он статичен. Здесь Ланселот только обезумевший от любви безрассудный рыцарь, и весь сюжет романа исчерпывается поисками Геньевры и сражением за нее. То, что мы находим в других французских (да и не только французских) рыцарских романах, где фигурирует Ланселот, в частности его участие в поисках Святого Грааля, возникло позже, у продолжателей Кретьена, и никак не согласуется с его трактовкой этого персонажа: полубезумный возлюбленный не станет у него браться за религиозные антрепризы, не станет отцом Галаада. Таким образом, куртуазная концепция любви одерживает в романе Кретьена де Труа верх: любимая — не жена, не подруга, она только дама.

Кретьен не закончил романа. Завершил книгу по его указаниям поэт Годфруа де Ланьи. Это не случайно. Кретьену наскучил чуждый его взглядам сюжет, вернее его решение. Это видно и в той ироничности, которая нет-нет, да прорывается в описании любовных безумств Ланселота (когда он, например, сражается с Мелеагантом, повернувшись к нему спиной, чтобы не терять из виду свою возлюбленную).

Одновременно с «Ланселотом» писался роман Кретьена «Рыцарь со львом, или Ивен». Он по своей идее противостоит «Рыцарю Телеги». По композиции новый роман представляет собой параллель «Эреку и Эниде»: он также четко членится на три части, но наполнение их более напряженное, чем в первом романе. В первой части рассказывается, как Ивен в поисках приключений вступает в схватку с одним рыцарем, владетелем роскошного замка, и побеждает его. Но благодаря тяготеющему над замком заклятию он сам становится там невольным пленником и видит, как неутешная вдова оплакивает мужа и мечтает о мести. Но Лаудина молода и прекрасна. Рассказы об Ивене ее наперсницы Люнеты сначала делают ее задумчивой, затем заставляют расспрашивать о нем все с большим интересом. Так из ненависти рождается любовь. Этот внезапный переход в душе героини описан Кретьеном с психологическим блеском, где методичный анализ переживаний Лаудины сочетается с ироничностью и обильными комическими деталями. И здесь все кончается свадьбой. И здесь молодые герои самозабвенно предаются радостям взаимной любви. И здесь затем возникает кризис: все смеются над изнеженным Ивеном, а образцовый рыцарь Говен открыто бросает ему в лицо обвинение в трусости. Начинается вторая часть и обязательная серия «авантюр». Но в них нет самопроверки рыцаря и проверки любви дамы. Рыцарские подвиги оказываются выше супружеской любви: увлеченный своими приключениями Ивен забывает вернуться к Лаудине в положенный срок и теряет ее любовь. Третья часть начинается новым

кризисом. Отвергнутый Лаудиной, герой становится безумным. Но это приводит к обновлению Ивена. Он снова ищет «авантюр». Но теперь они становятся общественно-полезными. Рыцарь защищает слабых, мстит обидчикам, освобождает невинных пленников. Если во второй части Ивен следовал советам Говена, то в третьей он противостоит ему. Противостоит прежде всего осмысленностью, полезностью своих приключений. Именно в последнем, по мнению Кретьена, и состоит основное качество подлинного рыцаря. Характерно, что не воинские подвиги воспитывают героя (как было с Эреком), а он приходит к духовному совершенству через сильнейшее любовное потрясение. В конце романа Лаудина вновь становится мужу женой, подругой и дамой, а Ивен попадает в число самых прославленных рыцарей Круглого Стола именно благодаря появившимся у него душевной широте и благородству.

«Повесть о Граале, или Персеваль» (писалась книга в 1181—1191 гг.)— это самое сложное по замыслу и наиболее вызывающее споры создание Кретьена. В нем четко вычленяется роман воспитания. Воспитания идеального рыцаря. Но смысл этого воспитания и этой идеальности теперь иной. Эволюция Персеваля подчеркнута статичностью Говена, который остается прирожденным гедонистом. Именно поэтому его поиски таинственного замка Короля-рыболова и Грааля не увенчиваются успехом. Найти их суждено лишь Персевалю, соединяющему в себе мужественность с религиозной одухотворенностью и аскетизмом. Но в романе Кретьена поиски не завершены, так как роман обрывается где-то в их середине. Продолжатели Кретьена (а их было несколько — история Персеваля под их пером растягивалась до бесконечности) включили в поиски чудесной чаши и других рыцарей Круглого Стола, прежде всего Ланселота, который в тексте Кретьена даже не упоминается. Следует заметить, что по мере умножения этих продолжений все более усиливался религиозный элемент в трактовке поступков героев. Нахождение Грааля приравнивалось обретению благодати, задачи снятия заклятия с земли Короля-рыболова и исцеления его самого все более отходили на задний план. Но эти трансформации в истолковании сюжета происходили уже в более поздний период, чем тот, когда творил Кретьен. Христианская направленность в его творчестве незначительна; она и проявила-то себя лишь в «Персивале», произведении заказном, созданном в угоду патрону поэта Филиппу Фландрскому.

Воздействие творчества Кретьена де Труа на развитие европейского рыцарского романа было продолжительным и многообразным. От Кретьена был воспринят и сам тип романа бретонского цикла, и излагавшиеся им сюжеты. Последнее относится прежде всего к немецкой литературе, где продолжателями Кретьена выступили Гартман фон Ауэ («Эрек», ок. 1190; «Ивейн», ок. 1200) и Вольфрам фон Эшенбах («Парцифаль», ок. 1200—1210).

Впрочем, источником Вольфрама был, очевидно, не один Кретьен де Труа; по крайней мере, немецкий поэт дал сюжету о поисках Грааля вполне оригинальную интерпретацию, подчеркнув в легенде содержащуюся в ней этическую проблематику. Вольфрам фон Эшенбах углубил и развил едва намеченный у Кретьена мотив идеального рыцарского содружества, охра-

няющего замок таинственного Грааля. Это содружество как бы оттесняет на задний план двор короля Артура (правда, иногда сам Артур царит в замке Грааля), именно оно оказывается средоточием и образцом подлинного мужества, благородства и веры. Последователи Вольфрама подробнейшим образом разработали родословную королей Грааля — от Титуреля (роман Альбрехта «Младший Титурель», ок. 1270) до сына Парцифаля Лоэнгрина (стихотворная повесть Конрада Вюрцбургского «Рыцарь с лебедем», ок. 1280; анонимная поэма «Лоэнгрин», ок. 1290), где бретонская фантастика и христианская мистика причудливым образом переплетались с отзвуками феодальной действительности XIII в.: так, посланный богом Лоэнгрин приходит на помощь Эльзе Брабантской, становится ее мужем, но затем все-таки возвращается в свой сказочный Мунсальвеш.

Здесь нет необходимости излагать дальнейшую историю длинной череды воплощений артуровских легенд в средневековом рыцарском романе, особенно в XIII и XIV вв., она неоднократно была самым детальным образом рассмотрена, в целом и по частям, в трудах ученых многих стран[64]. Отметим в этой эволюции одну ведущую особенность, которая вплотную подводит нас к книге Мэлори. Мы имеем в виду обозначившуюся уже с начала XIII в. в развитии «бретонского цикла» циклизирующую тенденцию. Что это значит? Интерес к какому-либо герою народных сказаний может привести к объединению разрозненных рассказов (песен, поэм) об отдельных его подвигах. Это нанизывание автономных эпизодов на единый сюжетный стержень является простейшим случаем циклизации. Еще более повысившийся интерес к герою приводит к биографической циклизации, когда рассказы о его деяниях выстраиваются в логически последовательное повествование о его жизни от рождения до героической гибели, а недостающие звенья восполняются. Следующим типом циклизации является циклизация генеалогическая, когда любимый герой легенд наделяется далекими предками и потомками. Наконец, можно говорить еще об одном, более сложном типе циклизации — вокруг единого центра, когда повествование ведется уже

[64] Укажем лишь обобщающие работы: *J. D. Bruce.* The evolution of Arthurian romance from the beginings down to the year 1300, t. 1—2. Göttingen, 1923, «Arthurian literature in the Middle ages». Oxford, 1959, p. 94—552 (главы, написанные Р. Ш. Лумисом, редактором этого коллективного труда, а также Жаном Фраппье, Александром Миша, Ритой Лежен, Юджином Винавером, Эрнстом Хёпфнером, Альбертом Томпсоном, Отто Шпрингером, Фанни Богдановой, Чедриком Пикфордом, Полем Реми, Шарлем Фулоном, Марией Розой де Малькиель, Антонио Вискарди, Ллуелином Фостером и др.); *R. S. Loomis.* The development of Arthurian romance. L., 1963. См. также новое капитальное исследование более узкого характера: *M. Huby.* L'adaptation des Romans courtois en Allemagne au XII^e^ et au XIII^e^ siècle. Paris, 1968. Специально о Кретьене де Труа из огромного числа посвященных ему работ см.: *M. Borodine.* La femme et l'amour au XII^e^ siècle d'après les poemes de Chrétien de Troyes. Paris, 1909; *R. Bezzola.* Le sens de l'aventure et de l'amour (Chrétien de Troyes). Paris, 1947; *G. Cohen.* Un grand romancier d'amour et d'aventure au XII^e^ siècle. Paris, 1948; *R. S. Loomis.* Arthurian tradition and Chrétien de Troyes. NY., 1949; *St. Hofer.* Chrétien de Troyes, Leben und Werke des altfranzösischen Epikers. Köln, 1954; *J. Frappier.* Chrétien de Troyes. Paris, 1957; *A. Micha.* La tradition manuscrite des romans de Chrétien de Troyes. Genève, 1966; *J. Frappièr.* Etude sur Yvain ou le Chevalier au lion de Chrétien de Troyes. Paris, 1969.

о нескольких героях, связанных родством, дружбой, побратимством, вассальной зависимостью и т. д.[65]

В сферу действия этих циклизирующих процессов были втянуты и артуровские легенды. Первую дошедшую до нас развернутую попытку сведе́ния существующих легенд и конструирования на их основе биографии героя сделал, как известно, Гальфрид Монмутский. После этого наступает второй этап: отдельные мотивы, отдельные персонажи оказываются в центре автономных произведений, не утрачивающих, однако, связи с целым. В этих произведениях подверглись детализации и углубленной разработке как сюжетные мотивы, так и характеры героев. Затем разработанные частные эпизоды возвращаются в лоно сквозного сюжета, и начинается создание грандиозных компиляций. В этом процессе в круг артуровских легенд втягиваются сюжеты, бывшие первоначально на их периферии (сказание о поисках Святого Грааля), либо вообще генетически автономные (легенда о Тристане и Изольде).

Легенда о Граале входит в круг артуровских преданий относительно рано. Это один из самых сложных и самых спорных сюжетов «бретонского цикла». Ему посвящена поистине огромная литература, написанная с очень разных, порой взаимоисключающих, позиций. Одна из распространенных точек зрения наиболее отчетливо и последовательно выражена в работе крупного французского медиевиста Марио Рока[66]. Он сопоставил изображенное в романах о Граале торжественное шествие с рядом живописных и скульптурных работ эпохи (из Буржа, Шартра и др.) и пришел к выводу о том, что в легенде о Граале нет иной основы, кроме христианской. С точки зрения Марио Рока, эта процессия воспроизводит в символической форме один из моментов христианской литургии — таинство евхаристии. Тогда проносимое копье оказывается символом (субститутом) того копья, которым один из воинов пронзил ребра распятого Иисуса, чаша же — символом той чаши, которая фигурировала во время Тайной Вечери и в которую собрали кровь Христа, истекшую из раны; оруженосец, держащий копье, олицетворяет собой этого воина, а Дева, проносящая чашу, олицетворяет христианскую церковь.

Более гибкой концепции придерживается Жан Маркс[67]. Он настаивает на кельтских корнях легенды, не отрицая ее христианского характера: «То, что все эти символы могут быть истолкованы в христианском духе,— вполне очевидно. То, что такая интерпретация напрашивается сама собой,— тоже не вызывает сомнений. Но мне кажется невозможным, чтобы христианское истолкование лежало в основе понятий и изображений, мифологический характер которых бросается в глаза»[68].

Здесь важно отметить, что в средневековой Британии довольно рано сложился культ Грааля[69], осмысленного как чаша, из которой Иисус ел и

[65] См.: *В. М. Жирмунский.* Народный героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 32—43.
[66] *M. Roques.* Le Graal de Chrétien et la Demoiselle au Graal.— «Romania», 1955, n° 1, p. 1—27.
[67] *J. Marx.* Nouvelles recherches..., p. 85—121, 196—204.
[68] Ibid., p. 87.
[69] От греч. *krater* — чаша, сосуд, через *лат.* crater и *Cratalem.

пил во время Тайной Вечери («Евангелие от Матфея», XXVI, 20—29) и в которую Иосиф Аримафейский собрал его кровь. Распространению этого культа среди кельтов способствовала простая историческая ошибка: средневековые монахи спутали двух Филиппов — первого епископа Иерусалима, который считался хранителем святых реликвий (чаши и копья), и первосвятителя Галлии, и считали, что среди галлов насаждал христианство один из соратников Иосифа Аримафейского. Эта церковная легенда локализовалась в Западном Уэльсе, в Гластонбери, который был местом соприкосновения четырех культур — валлийской, ирландской, саксонской и франко-нормандской. Здесь загадочный Авалон артуровских сказаний столкнулся с христианским мифом и церковной легендой о присутствии в христианизированном Уэльсе потомков стражей самых главных христианских святынь. Эта легенда стала еще более популярна в эпоху Крестовых походов, когда со взятием Иерусалима культ святынь заметно усилился. Распространенный мотив кельтского фольклора (чаша изобилия, панацея от всех бед, и она же — напоминание о возмездии), отразившаяся в «Передуре», наполнилась христианским содержанием.

Первоначально (и это относится в известной мере и к Кретьену и даже к его продолжателям) эти чаша и копье звали к снятию заклятия с Заколдованного Замка и его обитателей, являясь указанием на освободительную миссию и залогом освобождения. Затем (уже у Робера де Борона, т. е. в самом начале XIII в.) это сменяется темой поисков Святого Грааля (= благодати), появляется христианская символика, а вскоре христианская идея начинает подменять собой в Артуриане все другие, прежде всего идею реванша побежденных кельтов, т. е. первоначальное сюжетное и идеологическое ядро артуровских легенд. Так возникает чисто церковная интерпретация последних. Образ Артура несколько отходит на задний план, тема Грааля становится ведущей и пронизывает собой все поздние обработки цикла. В этом отношении весьма показательно строение огромной прозаической версии на французском языке, так называемой «Вульгаты», которая состоит из следующих частей: «История Святого Грааля», «История Мерлина», «Книга о Ланселоте Озерном», «Поиски Святого Грааля», «Смерть короля Артура»[70]. Иногда эту серию романов, особенно три последних, называют «Ланселотом в прозе» или «Ланселотом-Граалем»[71], так как этот персонаж играет во всех ее частях ведущую роль. Предполагалось даже, что три последние романа написаны одним автором; в настоящее время признано, что их объединяет не общность художественных приемов, стиля, а лишь основная сюжетная структура: Жан Фраппье[72] считает, что создателем этой структуры был один автор, написавший, очевидно, «Ланселота», а два другие романа были написаны кем-то другим, но точно следуя его схеме

Однако было бы неверным полагать, что прозаический цикл, обладая внешним сюжетным единством, лишен противоречий. Группируясь вокруг

[70] См.: «The Vulgate Version of the Arthurian Romances», ed. by O. Sommer, v. I—VII. Washington, 1908—1913.
[71] См.: *F. Lot.* Etude sur le Lancelot en prose. Paris, 1918.
[72] См. *J. Frappier.* Etude sur la Mort le Roi Artu. Genêve — Paris, 1961, p. 27—146.

легенды о Граале, он не наполняется полностью религиозным содержанием. В многочисленных рукописных версиях отдельных частей и всего цикла перед нами напряженная борьба церковного и светского начал. Незавершенность этой борьбы видна хотя бы в том, что прозаический цикл, традиционно начинаясь с истории Грааля, заканчивается не завершением его поисков, а рассказом о предательстве Мордреда и смерти Артура. Одновременно со сложением цикла вокруг нового — религиозного — ядра продолжалась обработка отдельных светских мотивов (любовных, приключенческих и т. д.). Отдельные части цикла обнаруживают тенденцию к разрастанию. Достигается это путем простого увеличения числа рыцарских схваток, блужданий по лесу (тема леса, то мрачного и враждебного героям, то дружественного им, несомненно пришла в рыцарский роман из валлийского фольклора), встреч с заколдованными замками, мудрыми отшельниками, свирепыми зверями и т. д.; в этих приключениях, таким образом, начинает участвовать все большее количество персонажей. Более сложным приемом развертывания сюжета является мотив поисков. Поиски (queste) пришли в роман артуровского цикла из валлийского фольклора и «саг», где этот мотив очень распространен. Встречается он и в ирландской средневековой литературе. В артуровском цикле мотив поисков позволяет выстраивать длинные сюжетные ряды, в которых каждый следующий большой эпизод является производным от предыдущего. С мотивом поисков тесно связана (являясь их оправданием) идея товарищества, объединяющего всех рыцарей Круглого Стола. Модель такого сцепления эпизодов может быть следующей: какой-либо рыцарь, которому просто наскучило пребывание в Камелоте, отправляется на поиски приключений, или же он, прослышав о некоей девице, попавшей в кабалу к злому волшебнику или кровожадному дракону, горит желанием ее освободить; перед отъездом он берет с друзей клятву по истечении положенного срока в свою очередь отправиться на его поиски, что те и выполняют; с известного момента повествование начинает развиваться в двух планах: рассказ о нескончаемых приключениях первого рыцаря перемежается сообщениями об ожидании и беспокойстве его друзей, а затем и их собственных «авантюрах». Эта редупликация сюжета может быть очень большой, но к концу романа обязательно должно произойти слияние параллельных сюжетных линий, чтобы привести повествование к единой развязке. В той или иной мере по этому принципу построены многие стихотворные и прозаические романы XIII в.

Важной особенностью артуровского цикла была его «открытость»: в него легко вплетались новые мотивы, сюжеты, герои. Наиболее яркий пример — включение в цикл истории трагической любви Тристана и Изольды. В первых ее обработках (Беруля, Тома) Артур лишь упоминался, не было ни Гвиневеры, ни Ланселота, ни других рыцарей Круглого Стола. В прозаических версиях[73] основной сюжетный стержень (столь удачно

[73] См. *E. L. Löseth.* Le roman en prose de Tristan, le roman de Palamède et la compiliation de Rusticien le Pise, analyse critique d'après les manuscrits de Paris. Paris, 1890; *E. Vinaver.* Etudes sur le Tristan en prose. Les sources, les manuscrits, bibliographie critique. Paris, 1925; *E. Vinaver.* The Prose Tristan.— In: «Arthurian literature...», p. 339—347; *R. L. Curtis.* Le Roman de Tristan en prose. München, 1963.

выявленный Ж. Бедье[74]) расшатывается уводящими в сторону эпизодами, где участвуют многие герои артуровских легенд. Одновременно с этим Тристан, король Марк и другие персонажи сказаний начинают фигурировать в различных редакциях «Вульгаты» рядом с Ланселотом, Гавейном, Бедивером, сенешалем Кэем и др. В отличие от Мэлори, «Тристан в прозе» не становится частью прозаического артуровского цикла, но прочно связывается с ним одними героями, одним принципом обрисовки характеров и построения сюжета.

Мэлори целиком зависит от этой позднесредневековой традиции. Его возможные источники (т. е. не претерпевшие решительную перестройку куртуазные идеалы и сюжеты, о чем так убедительно сказано у А. Мортона, а та гипотетическая «Французская Книга», о которой Мэлори так упорно пишет) выявлены в настоящее время достаточно четко. Юджин Винавер подробно говорит о них в обстоятельнейших комментариях к своему изданию книги Мэлори. Поэтому лишь кратко скажем о них, но предварительно заметим, что выявление этих источников связано у Ю. Винавера с его концепцией создания и строения книги. Ю. Винавер не случайно назвал свое издание не традиционно «Смерть Артура», а «Сочинения» («Works»). Подразделив эпопею Мэлори на восемь частей, согласно рубрикации и колофонам Винчестерской рукописи и их внутреннему стилистическому и сюжетному единству, исследователь пришел к выводу, что перед нами не единое произведение, а восемь самостоятельных «романов», написанных в разное время, несколько в иной последовательности и не всегда в одной и той же стилистической манере. Это подтверждается и некоторыми сюжетными противоречиями, на которые обратил внимание ученый[75]. Так, например, Тристан появляется уже в книге VII Кэкстона, тогда как о его рождении рассказывается лишь в книге VIII, поход Артура на Рим описывается дважды — сначала подробно в книге V, затем кратко — в книге XX, история Ланселота разделена на две части, она излагается в книге VI и в книгах XVIII—XIX, хотя хронологически эта последовательность должна быть иной. Ю. Винавер полагает, что Кэкстон сначала не заметил этих и многих других противоречий у Мэлори, затем исправлять их было уже поздно. Кэкстон хотел издать именно «книгу», т. е. единое произведение. Поэтому он заменил имеющийся в рукописи Мэлори краткий колофон («на этом кончается [рассказ о] смерти Артура») на более распространенный («так заканчивается благородная и веселая книга, называемая смертью Артура»). Если первая фраза относилась к последнему «роману» Мэлори, то вторая — ко всей их серии. Так название одной лишь части эпопеи распространилось на все это грандиозное творение[76].

Точка зрения Винавера не была принята безоговорочно. На доводы ученого выдвигались контрдоводы. Д. Брюэр писал: «Если и можно согласиться с теорией отдельности этих повестей, то неизбежно нужно отбросить тезис профессора Винавера, а именно то, что романы Мэлори сущест-

[74] См.: *J. Bédier.* Le Roman de Tristan par Thomas, v. 2. Paris, 1905.
[75] «The Works of Sir Thomas Malory», ed. by E. Vinaver. Oxford, 1947, p. XXXII.
[76] Ibid., p. XXXIII.

вуют в отдельном виде так, как это бывает при рассмотрении разных романов какого-либо современного автора, то, что эти романы могут следовать друг за другом произвольно (точнее, не имеют своего собственного специфического порядка), и, наконец, то, что они не обладают кумулятивным эффектом»[77]. Оппоненты Винавера[78] не без успеха доказывали единство книги. Колофоны ведь можно рассматривать не как показатель автономности отдельных частей, а, наоборот, как связующие звенья между ними. Как полагают многие ученые, перед нами несомненное художественное единство, несмотря на многообразие составляющих его частей. Причем для средневековья это случай совсем нередкий, достаточно вспомнить хотя бы «Кентерберрийские рассказы» Чосера, отстоящие от книги Мэлори на неполное столетие[79].

Что касается замысла и, главное, методов работы Мэлори, последовательности написания отдельных книг, то большинство исследователей приходят к выводу, что со всей необходимой определенностью ответить на этот вопрос нельзя. С. Льюис, например, пишет: «Ни на секунду я не думаю, что намерением Мэлори было написать одно «сочинение» или написать много «сочинений» (в том смысле, как мы понимаем эти выражения). Он рассказывал нам об Артуре и его рыцарях. Разумеется, у него был один объект — тот же король, тот же двор. И столь же само собой разумеется, что объект был множественный — приключений у них было много»[80]. Таким образом, вопрос о методе (вернее, методике) Мэлори как бы остается открытым. Такое грандиозное произведение не могло, конечно, быть создано на одном дыхании. На первых порах помогала французская «Вульгата». Подход писателя к своему материалу менялся, его мастерство совершенствовалось. Но нельзя сказать, что самыми несовершенными были первые части. Нам кажется, что Мэлори хотел написать одно большое суммирующее, итоговое сочинение, прекрасно отдавая себе отчет, что его книга сложится из многих и, главное, разнородных частей. Их разнородность коренится в неоднородности источников Мэлори.

Написанию книги должна была предшествовать большая работа. Работа двоякого рода. Во-первых, знакомство с развитой артуровской традицией, как английской, так и французской, не менее популярной в Англии, чем на континенте. Это работа внимательного, вдумчивого читателя. Здесь проявилась большая литературная культура Мэлори. Причем она росла по мере осуществления его замысла. Но требовалась и другая работа: по отбору, сопоставлению, сведению воедино разрозненных версий. Многие противоречия и даже стилевая разноголосица книги Мэлори, как уже говорилось, объясняется многообразным характером его непосредственных источников,

[77] *D. S. Brewer.* The hoole book.— In «Essays on Malory», ed. by J. A. W. Bennett. Oxford, 1963, p. 41.

[78] *D. S. Brewer.* Form in the Morte Darthur.— «Medium Aevum», 1952 (t. XXI), p. 14—24; *R. M. Lumiansky.* The Question of Unity in Malory's Morte Darthur.— «Tulane Studies in English», 1955 (t. V), p. 29—39; *E. Reiss.* Sir Thomas Malory. NY., 1966, p. 26—30.

[79] *E. Reiss.* Op. cit., p. 29.

[80] *C. S. Lewis.* The English Prose Morte.— In: «Essays on Malory». Oxford, 1963, p. 22.

т. е. тех книг (по преимуществу французских), которые у него были под рукой.

Некоторые из этих источников отыскиваются легко.

Не рассматривая всех эпизодов и мотивов книги Мэлори, восходящих к латинским, французским и английским средневековым памятникам (подробнее см. в комментариях), остановимся лишь на нескольких примерах, иллюстрирующих методы работы английского писателя и его обращение со своими источниками.

Центральное положение в эпопее Мэлори занимает «Книга о сэре Тристаме Лионском» (кн. VIII—XII Кэкстона). Здесь Мэлори переработал популярный французский прозаический роман о Тристане, первая редакция которого появилась около 1230 г. Мэлори не переводит, строчка за строчкой, «Французскую Книгу», он заметно сжимает, сокращает многие эпизоды и в конце концов так и не доводит повествования до конца. Вводит Мэлори и очень малораспространенный эпизод из одной из боковых версий «Тристана», представленный в немногих рукописях, эпизод с Александром-Сиротой (племянник короля Марка, убившего своего брата, отца Александра). Этот эпизод является примером поздней циклизации, когда в основное повествование вплетаются эпизоды почти посторонние, по крайней мере слабо связанные с основным сюжетом (в известном смысле будущие вставные новеллы). Таким же вставным эпизодом в истории Тристана и Изольды является рассказ о сэре Ланселоте и леди Элейне (имеющий продолжение в кн. XVIII Кэкстона).

«Повести о Святом Граале» (кн. XIII—XVII Кэкстона) также принадлежит важное место в эпопее Мэлори. Как полагает исследователь, это наименее оригинальное создание писателя. При всех индивидуальных особенностях стиля Мэлори, «Повесть о Граале» наиболее близка к своему источнику — четвертой части французского прозаического цикла XIII в.— к роману «Поиски Святого Грааля» [81]. Эту книгу Этьен Жильсон [82] не без основания назвал трактатом о благодати. Это наиболее абстрактная, наиболее имматериальная, наиболее мистическая часть артуровского цикла. Мэлори, рыцарь и христианин, не мог, конечно, совсем отказаться от этой абстрактности, нематериальности и мистичности. Но он последовательно снижает, приземляет свойственный его предшественникам высокий религиозный пафос. Как заметил академик М. П. Алексеев, «в полном противоречии со своими источниками Мэлори не решается противопоставить грешного Ланселота целомудренному искателю Грааля Галааду, и... возвышая Ланселота как идеального рыцаря, Мэлори вместе с тем отступает от церковно-христианских толкований «поисков чаши благодати», которые получают у него более прозаический и земной смысл занимательных рыцарских авантюр» [83].

[81] См. о нем: *A. Pauphilet*. Etudes sur la Queste del Saint Graal attribuée à Gautier Map. Paris, 1921. См. также: *M. Lot-Borodine*. Trois essais sur la Quête du Saint Graal. Paris, 1921.

[82] *E. Gilson*. La mystique de la grâce dans la Queste de Saint Graal.— «Romania», 1925, p. 323—347.

[83] «История английской литературы», т. I, вып. 1. М.— Л., 1943, стр. 240.

Завершается эпопея Мэлори «Повестью о смерти Артура Бескорыстного» (кн. XX—XXI Кэкстона). Источники этой части долгое время вызывали споры. Дело в том, что текст Мэлори, с одной стороны, очень близок к французскому прозаическому роману XIII в. «Смерть короля Артура»[84] и к одноименной английской аллитеративной поэме (а также строфической поэме), с другой же стороны, здесь немало оригинальных мелких эпизодов, характеристик героев и т. п.

Считалось, что Мэлори воспользовался каким-то несохранившимся французским романом, явившимся источником и книги Мэлори, и аллитеративной поэмы. Но сохранившиеся более чем 50 рукописей французского романа[85] не содержат ни одной из оригинальных деталей, обнаруженных у Мэлори. Этот факт приводит к двум выводам: все эти многочисленные новации появились в несохранившемся французском источнике Мэлори; все они суть создание английского писателя. Первый вывод противоречит характеру средневековой рукописной традиции: переписчики-редакторы никогда не решались на столь смелое вторжение в предшествовавший им текст, они «ремоделировали», а не творили. Поэтому остается только второй вывод: Мэлори, используя французский прозаический роман и английскую поэму как канву своего произведения, создал (а не воссоздал) новый роман. Этот единственно верный вывод, к которому приходит Ю. Винавер (ранее он придерживался точки зрения сторонников несохранившегося промежуточного звена[86]), вполне соответствует его взгляду на характер эволюции творческого метода Мэлори. Начинал Мэлори во многом как обычный средневековый переделыватель-перелагатель[87], поэтому ранние части его эпопеи более зависимы от своих источников, чем поздние. Но здесь Винавер подчеркивает не только бо́льшую стилистическую и сюжетную свободу английского писателя, он полагает, что Мэлори приходит к новой концепции романа; он вновь разрывает на части сложившийся на протяжении средневековья обширный цикл, но разрывает его не так, как это делали авторы «авантюрных» романов XIII в. («Отмщение за Рагиделя», «Идер» и мн. др.), которые либо развивали до больших размеров какой-либо боковой эпизод, либо по существующим моделям придумывали новые сюжетные положения. Мэлори, по мнению Винавера[88], создает эпопею, обладающую композиционным и идейным единством и одновременно — замкнутые автономные «романы». Но мы застаем Мэлори как бы на полпути. Этот переход от обширного, много раз переписанного и передактированного прозаического цикла (столь характерного для средневековья) к автономному роману Нового времени у Мэлори, типичного представителя английского Пред-

[84] См. о нем: *J. Frappier.* Etude sur la Mort le Roi Artu. Genève — Paris, 1961.
[85] См.: «La Mort le Roi Artu, roman du XIII^e^ siècle», éd. par J. Frappier. Genêva — Paris, 1964, p. XXX—XXXVI.
[86] См.: *E. Vinaver.* Malory. Oxford, 1929, p. 128—154.
[87] Аналогичные черты прослеживаются и в восточных средневековых литературах; см.: *Б. Рифтин.* Метод в средневековой литературе Востока.— «Вопросы литературы», 1969, № 6, стр 75—93.
[88] См.: «The Works of Sir Thomas Malory», v. III, p. 1275.

возрождения[89], не совершился до конца (только намечается он и в «пятикнижии» Рабле). Поэтому перед нами не результат, а процесс. Такие черты творческого метода Мэлори, как стремление к созданию автономных романов, как устранение из своего творения столь типичных для средневековых произведений «бретонского цикла» фантастики, таинственности, сверхъестественности, как привязывание изображаемых событий к английской природе, английской топографии и т. п., не реализованы последовательно во всех частях эпопеи.

Книга Мэлори была произведением итоговым. Итоговым в том смысле, в каком им была и «История бриттских королей» Гальфрида Монмутского. Автор латинской «Истории» подводил итог развитию артуровской легенды на кельтской почве. Подводил итог и одновременно открывал в эволюции легенды новую страницу. Назовем этот этап куртуазным. По числу созданных произведений он наиболее богатый. Но не многослойный. За три века — от Васа и Кретьена де Труа до Мэлори — артуровская традиция развивалась прежде всего количественно. Две противоборствующие тенденции — автономизации и циклизации — не следуют здесь друг за другом, а сосуществуют, взаимодействуя. Поэтому куртуазный этап в эволюции артуровских сказаний значительно более гомогенный, чем предшествующий. Это не значит, что никаких изменений не происходило. Они были. Одно из самых существенных — постепенное исчезновение из «бретонского цикла» лежащей в его основе кельтской мифологии. Мир артуровских легенд сам приобретал мифологические черты. Камелот, Круглый Стол, рыцарское братство, поиски Грааля становились новыми мифологемами. Именно в этом качестве они воспринимались уже на исходе средневековья. Поэтому обращение к артуровским легендам в XIX и XX вв. — у А. Теннисона, Р. Вагнера, У. Морриса, О. Ч. Суинберна, Д. Джойса (в «Поминках по Финнегану») и мн. др. — возрождало старые мифы, но основными мифологемами были здесь не мотивы кельтского фольклора, а идеи куртуазного средневековья.

По прочтении Мэлори, Альфред Теннисон (1809 — 1892) в своих писавшихся на протяжении тридцати лет (начиная с 1842 г.) «Королевских идиллиях» (куда входят такие поэмы, как «Сэр Галахад», «Сэр Ланселот и Гвенивера», «Святой Грааль», «Гарет и Линетта» и др.) эстетизировал далекое средневековье, видя в артуровской утопии, созданной поэтами XII и XIII вв., недостижимый морально-этический идеал. Приблизительно в том же духе написаны на сюжеты артуровских сказаний поздние поэмы прерафаэлита Олджернона Чарлза Суинберна (1837 — 1909) «Тристрам Лионский» (1882) и «Повесть о Балене» (1896). Однако если молодые прерафаэлиты (Данте Габриэль Россетти, Эдвард Бёрн-Джонс и др.), также восхищавшиеся книгой Мэлори, увидели в артуровских легендах мощный импульс для своего собственного живописного творчества, выработав достаточно условный орнаментальный, «под средневековье», художественный стиль, то

[89] См.: *В. И. Матузова.* К проблеме английского Предвозрождения.— «Вестник Московского университета». Филология, 1969, № 6, стр. 38—47.

их вдохновитель Уильям Моррис (1834—1896) в поэме «Защита Гвиневеры» (1858) стремился постигнуть подлинную суть средних веков, отказавшись от их идеализации и от нарочитого стилизаторства.

На восприятие артуровских сюжетов большое воздействие оказало во второй половине XIX в. музыкально-драматическое творчество Рихарда Вагнера. Но великий немецкий композитор обращался к национальным источникам, а не к книге Мэлори; его «Лоэнгрин» (1848) восходит к одноименной анонимной поэме XIII в., «Тристан и Изольда» (1859) — к «Тристану» Готфрида Страсбургского (ок. 1210), «Парцифаль» (1882) — к одноименному роману Вольфрама фон Эшенбаха.

Книга Марка Твена «Янки при дворе короля Артура» (1889) была направлена не против романа Мэлори (которого американский писатель читал с большим увлечением), а против чрезмерной популярности псевдосредневековья, мода на которое захлестнула западноевропейскую массовую культуру в конце прошлого века. Мэлори благодаря своему таланту был в известной мере повинен в распространении этой моды, но, конечно, не может нести ответственности за упрощенное и слащавое понимание средних веков в викторианской Англии.

Для нас важна не только рецепция его творчества последующими поколениями, но и его место в его собственной эпохе. Мэлори, как и многие другие деятели конца средних веков, подвел итог куртуазной традиции, тем самым подготовив ее гибель. Поэтому он стоит на пороге новой эпохи, эпохи иного содержания и смысла,— эпохи Возрождения.

И. М. Бернштейн

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО СТИЛЯ МЭЛОРИ

Стиль Мэлори, единогласно признаваемый учеными как самое главное достоинство его книги, связан некоторыми чертами с приемами фольклорного, доавторского, повествования. Такое употребление автором XV в. традиционных, готовых образно-ритмических конструкций отнюдь не лишает его прозу индивидуальной экспрессии, для Мэлори это была стилизация,— «так писали», так рассказывали в старину,— и он подчиняется требованиям жанра. Подобным же образом и в наши дни пишутся людьми письма — интимнейший жанр! — в строго выдержанном внеавторском стиле: «Добрый день или вечер, дорогие такие-то, пишет вам такой-то» или: «привет из такого-то места». «Еще кланяется вам» — следует перечисление. «Сообщаю вам, что живу я ничего...» и т. д. И в этот стереотип с успехом вписываются сведения сугубо личного и часто драматического характера. Впрочем, даже письма людей, прославленных оригинальностью, составлены обычно по старинным канонам и, как правило, содержат по меньшей мере две формулы: «Дорогой/Многоуважаемый такой-то» и «Ваш/С уважением» и т. п.

На фоне ровного и прозрачного повествования Мэлори, с его условными, одинаковыми описаниями, ритмичными оборотами, однотипными конструкциями, особую силу приобретают индивидуальные явления его стиля: энергичные, молниеносные диалоги, усложненные поэтические «речи» героев и редкие красочные неожиданные образы.

I. К фольклорным стилевым приемам Мэлори относится прежде всего употребление *постоянных эпитетов*:

Fair knight, *fair* dameselle (в обращении); *fair* fountaine, *fair* towre, *fair* meadow, *fair* courte, fair place, *fair* ford, *fair* tree, *fair* rivers and *fair* meadows, *fair* castle. *Good* knight, *good* friend. *Great* hurts, *great* sorrow, *great* dole. *Sore* wounds, *sore* repentis, *wondered sore*, I dread me *sore*, *sore* afiered, they loved each other passynge sore. *Noble* knight, *noble* tale, *noble* sword. *Cold* earth, *cold* water (против смысла!) *Mighty* strokes. *Sad* strokes. *Grevious* wound. *Hot* blood. *False* knight (в значении «недостойный»). *Pure* sorrow. *Fine* force. *Bright swords*. *Broad* way.

Сюда же можно отнести выражения wroth *out of measure* и great sorrow. love *out of reason*; а также — wept *heartily*, *wonderly* wroth.

II. *Постоянные сравнения*:

...they hit... as it had been thunder; like thunder; as thunder — diminuendo (в описании одного поединка); ...they rushed together like two boars; ...strake down

as wild men; ...they held together as wild swine; ...as naked as a needle; ...as hot as any stove; ...as wood as a lion that faught his fill; ...as eagerly as it had been two lions; ...he fared among the knights as a greyhound among coneys (rabbits); The moon shone as the bright day; ...light as it were a sommers light; ...clattered as a jay; ...white as snow; ...pale as the earth; ...tumbled down out of his saddle to the earth as a sack; ...the blood ran down as it had been rain; ...they fled from him as the sheep fro the wolfe of fro the lyon; ...fell there a thunder and a rain, as heaven and earth should go together.

Иногда такие сравнения бывают более изощренными, более красочными, но всегда на них лежит печать условности:

Tristram came into the field as it had been a bright angel; ...to see such a lad to match you, as the weed growith over the corn; ...he held... hard, as a man araged that took none heed of himself.

Даже знаменитое сопоставление человеческих чувств с временами года — конец книги XVIII («Рыцарь Телеги»), и отголосок его — начало книги XX, при всем изобилии убедительных жизненных подробностей, как прием тоже имеет за собой долгую, правда, книжную традицию.

III. *«Круглые»* или *«магические» числа*:

Три.— *Три* девицы сидели на Михайловой горе у великана; *три* девицы встретились Гавейну, Ивейну и Мархальту; *трижды* надо ударить в висящий таз; *три* дня и *три* ночи пролежал в обмороке Тристрам, столько же проспал у Морганы Александр-Сирота; *три* дня длится турнир, который во французских источниках продолжается только два дня, *трижды* тянет Тристрам меч из головы Мархальта; проехав *три* мили, король Марк встречает *трех* рыцарей; *три* рыцаря (во французском тексте — два) проезжают мимо спящего Ланселота, и т. д.

Двенадцать.— *Двенадцать* рыцарей поразил Тристрам у Девичьего замка (во французском тексте и у Кэкстона — 11); *двенадцать* лет длятся бедствия от плачевного удара Балина (во французском — 22); *двенадцать* замко́в отомкнула девица, освобождая Ланселота из заточения у Морганы, и т. д.

Семь.— *Семь* часов спит Ланселот, заколдованный Морганой; *семь* лет волшебница из Гиблой часовни любит Ланселота; *семь* дней идет турнир в Сурлузе; *семью* ударами Ланселот повергает преследователей Кэя; в *семь* раз ярче дневного света было сияние Святого Грааля; за *семь* недель исцеляет монах Мелиаса.

Можно отметить даже определенный фразеологический оборот, построенный на излюбленной фольклором семерке:

This is the best tidings that ever came to me this seven years.
This seven years I was not so sleepy as I am now.

Следует, однако, иметь в виду, что наряду с этими «особыми» числами Мэлори, со свойственным ему пристрастием к точности, употребляет и другие —30. 48, 2, 4, 8, 22 и т. п.

IV. Широко распространены у Мэлори *стереотипные описания* поединков, повторяющиеся с минимальными вариациями типа:

They lashed together eagerly with swords and mightily now here, now there, tracing and traversing on the right hand and on the left hand more than two hours.

События описываются с одинаковыми подробностями в одинаковых выражениях:

...met together like thunder; felle to the earth grovelling; voided his saddle; both horse and man; wounded passing sore; wept heartily; wonderly wroth; rode more than a pace; great deeds of arms; rode their ways; it were pity that he should live any longer; said but little (в значении «не сказал ничего»); for none other intent but; unlaced his helmet and struck off his head; etc.

Не следует, однако, преуменьшать формализованность поведения в подобных случаях,— за стереотипными описаниями Мэлори стоит обычно строгий ритуал (в XV в. это был уже ритуал) поединка.

IV а. Из стереотипных элементов стиля Мэлори выделяется анафора.

Абзац за абзацем, фраза за фразой начинается одинаково:

Then it befell that...; And thus..; Then...; So:..; For...; And...

Анафоры несут особую функцию — они придают тексту ритмическое единообразие, напевность.

Изобилует анафорами и диалог:

— As for me...; — As for that it may be so...; — Sir,..

При этом особую экспрессию приобретают речи без формального зачина, например, в устах балагура Динадана:

— Lo, sir Tristram...; — I marvel... etc.

IV в. Особым видом фразеологического стереотипа у Мэлори являются *парные речения*, часто тавтологические или антонимические, обычно аллитерирующие, иногда рифмующиеся. Прием этот и в настоящее время очень характерен для английского языка в целом (внеавторская, фольклорная традиция).

Тавтологические повторы:

Answered and said; for despite and anger; her lord and husband; you shall know and understand; the day assigned and set; your marches and lands; light and nimble; the language and the noise; noise and fame; was glad and blieth; for my deeds proved and seen; ward and keeping; most and best; leader and governor; as I see by their cheer and countenance; with all my might and power; many strange signes and tokens; gone and fled; shame and dishonour; weak ond feeble; foul and evil; by his deeds and manners; big and strong; in bondage and in servage; cowardly and felonly; with ire and malice; making great dole and sorrow; a basin of copper and iron; overthwart and endlonge; well learned and taught.

Сюда же примыкают более *распространенные двучленные конструкции:*

You have resqued me of my life and saved me of my death; ...over holts and hills through forests and woods.

Антонимические повторы:

High and low; learned and lewd.

Аллитерирующие повторы.

Многие из них Мэлори непосредственно заимствовал из аллитеративной поэмы «Смерть Артура», однако примеры парных аллитераций в изобилии встречаются по всему тексту книги:
why and wherefore; to wail and weep; other with fairness, other with foulness; I will neither hurt nor harm you; from the top to the toe; to rest him and to repose him; I shall lose my liking and my lust and then wind and weather I may not endure (гл. «Ланселот и Элейна»); courage and courtesy; kings and knights; brused and broken (о доспехах — в ущерб смыслу); through thick and through thin; forgiven and forgotten; cracking and crying of thunder; in will and in work; the promise and the perfection; through mares and mores.

Часто упоминаются по два аллитерирующих имени — прием аллитеративной поэзии:

Навон убил Наноуна; братья Годвин и Годлин; братья Бламур и Блеоберис; и т. д. Впрочем, в германской старине родичи и в самом деле носили одинаково начинающиеся имена, что в какой-то мере заменяло им фамилию.

Особо могут быть выделены рифмующиеся — т. е. одинаково оканчивающиеся пары слов, безусловно, нарочито применявшиеся Мэлори в описаниях:

tracing and traversing; toward and froward; foreward and backward; hurling and rushing.

Парные речения, как созвучные, так и не созвучные, исполняют все ту же ритмическую функцию — привнося в текст интонационное единообразие, напевность.

V. Аллитерация охватывает не только парные фигуры. Встречается много случаев *адъективной аллитерации:*
srarp showers; fair fellow; fine force; high hill; wicked works; wonderly wroth; seven strokes.

Более распространенные словосочетания:
mild mother Mary; the dreadful day of doom; deep droughts of death drawth to my heart («Круглый Стол»); she pulled out a bloody doublet and a bloody shirt that was bebled with old blood («Александр-Сирота»); therefore, fair fellows, fight freely («Король Марк»).

VI. Традиционным стилевым приемом, широко применяющимся в фольклорном повествовании, является также *Praesens Historicum,* употребление настоящего времени глаголов при описании прошлых событий. У Мэлори *Preasens Historicum* встречается считанное число раз:

Now rideth Galahad yet withouten shield; ...he lepe (Кэкстон исправил на lepte) and said; ...then he rideth in to Tuskane and winneth townes and castles; ...speak we of sir Lancelot that lieth under the apple-tree sleeping.

VII. В прямой речи иногда звучат пословицы и поговорки, развернутые сентенции:

Hard it is to take out of the flesh that is bred in the bone; ...they shall have both their hands full (в значении «им достанется много забот»); ...other else we row

against the stream; ...we had no foot to stand upon the earth; ...mother's son of us (т. е. «каждый из нас»).

VIII. Стилю Мэлори свойственна также *прямая тавтология* — он не только не избегает повторения в соседстве одинаковых слов и фраз, но, наоборот, свободно пользуется этим, достигая эффекта поэтического параллелизма:

...he took him the most goodliest knights... and they were arrayed... in the goodliest manner; ...king Arthur broke his spear all to pieces on sir Tristram's shield; Sir Uwain brused his spear all to pieces upon sir Tristram's shield; ср. также цитированное выше: a bloody doublet all bebled with old blood.

VIII a. Сюда же можно отнести неизменное употребление he said, she said после реплик диалога — у автора еще и в мыслях нет добиваться здесь разнообразия с помощью глаголов answer, retort, cry, exclaim, ask, suggest, etc, etc. Напротив, встречаются комбинации: asked and said; answered and said; или фразы типа:

A, false traitoress! — he said.

Но помимо этих отдельных художественных приемов, с фольклорным повествовательным стилем прозу Мэлори сближает прежде всего ее основная интонация — простой ход фразы, почти полное отсутствие подчинительных связей в предложении (кроме более изощренных монологов), часто невыдержанная прямая речь (...charged dame Brangwain to go out of the way to her logings and bid ye sir Persides that he make him no quarrels), звучность и напевность

Воссоздать, насколько возможно, этот редкостный, своеобразный стиль в первом приближении по-русски, разумеется не в частностях, а в общем звучании — такова была задача, стоявшая перед переводчиком.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

V — «The Works of sir Thomas Malory», ed. by E. Vinaver, vv. 1—3. Oxford, 1947.

Wr — Malory Thomas. La Mort D'Arthure, ed. by T. Wright, vv. 1—3, London, 1897.

Ack — Ackerman R. W. An Index of the Arthurian Names in Middle English. Stanford, California — London, 1950.

OED — «The Oxford English Dictionary», ed. by J. Murray et al., vv. 1—12. Oxford, 1933.

ALMA — «Arthurian Literature in the Middle Ages, a Collaborative History», ed. by R. S. Loomis. Oxford, 1961.

MLR — «Modern Languages Review», XXX (1935).

M — «Malory», гипотетический оригинальный манускрипт.

C — Caxton William, «La Morte Darthur» (цитируется по изданию Винавера — см. *V*).

MA — «Morte Arthure», английская аллитеративная поэма XIV в. (цит. по изданию Винавера — см. *V*).

W — Винчестерский манускрипт.

Thompson — Thompson Stith. Motif-Index of Folk-Literature, vv. 1—6. Indiana University Press, 1955.

s. v. — sub verbo (на это слово).

Названия остальных цитируемых работ приводятся в ссылках полностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОВЕСТЬ О КОРОЛЕ АРТУРЕ

Первая часть книги (по рубрикации Винавера) — «Повесть о короле Артуре» (кн. I—IV Кэкстона) восходит к французской прозаической компиляции XIII века, известной в медиевистике как «Продолжение Мерлина» (опубликованы рукописи из Британского музея и из Кембриджа).

1 *Утер Пендрагон.*— Собственное имя Утер (валлийск. Uthr) существовало у кельтов и засвидетельствовано памятниками (см. ALMA 14, 83), хотя и означает само по себе «ужасный». Пендрагон («pen», валлийск. «голова») — по-видимому, титул, в значении «главный дракон», принадлежавший ряду кельтских королей, распространявших свое владычество на несколько племен.

2 *...сказала она герцогу...* — В ориг.: «she tolde the duke and seyde». Реплики диалога у Мэлори в подавляющем большинстве случаев предваряются или заключаются этим словом, так что встречаются выражения типа: «...askede and seyde» «he cryiede with a lowde voyce and seyde»; «...spake on hygh unto kynge and seyde; — Fye uppon the, traitor! — they seyde». Такое употребление убедительно доказывает формальную роль этого глагола в тексте, хотя настойчивое повторение безусловно придает диалогу напевную монотонность.

3 *Террабиль.* — Это название, в отличие от Тинтагиль, представляется прозрачным по смыслу (Terrible — грозный). Однако Тинтагиль, по крайней мере один, существовал реально,— ср. совр. Тинтаджел — город на берегу Бристольского залива. Террабиль, реально не существующий, связан с ним по созвучию (такие созвучия не случайны для прозы Мэлори) и потому оставлен непереведенным.

4 *Мерлин* — образ знаменитого в средневековой литературе чародея, одно из красочных порождений кельтского фантастического фольклора (валлийск. Myrddin). Как колдун и прорицатель, был известен в средние века едва ли не всем народам Европы. После Гальфрида Монмутского, создавшего около 1135 г. свои «Prophetiae Merlini», фантастические «Пророчества Мерлина» распространялись всюду от Сицилии до Исландии вплоть до XVII в.

У Мэлори образ Мерлина получил своеобразную трактовку: утрачены или рационалистически переосмыслены многие волшебные подробности и обстоятельства (например, его чудесное рождение, детство). Здесь Мерлин скорее умудренный опытом советник короля, не провидящий, а предвидящий будущее.

5 Артур — один из самых популярных образов не только средневековой европейской, но и мировой литературы. Исторически — национальный герой бриттов, возглавивший в конце V— нач. VI в. (упоминается в «Истории бриттов» Ненния —IX, в хронике «Анналы Уэльса» X в. и, косвенно, еще раньше в хронике св. Гильдаса «О погибели Британии» VI в.) борьбу против англосаксонского вторжения и одержавший, по-видимому, триумфальную победу в битве при горе Бадоне, почти на полвека задержавшую проникновение германцев на Британские острова.

Имя Arthur большинство исследователей производят от заимствованного римского родового имени Artorius, которое мог носить и кельтский племенной вождь. Однако на уровне кельтской мифологии, в которую был включен этот образ, существует несколько многозначительных этимологий, например, Arthur < Arđu < ar («очень») + + đu («черный») — обозначение ворона. Действительно, существует поверье, что Артур не умер, а превратился в ворона (ср. воронев — хранителей Британии, живущих в Лондонском Тауэре); ворон по-валийски bran, так же звучит имя кельтского верховного

божества, которое в зооморфной стадии было вороном, как Зевс — орлом, а Афина — совой (закон Рейнака); таким образом, Артур и функционально и этимологически отождествлялся с богом Браном.

6 *Лоутеан* — по-видимому, современное Лотиан,— название Южной Шотландии вплоть до залива Ферт-оф-Форт. Следует отметить, что в старинных англо-норманнских и французских документах есть случаи транслитерации Lothian как Loenois, Loonois и пр., что существенно для атрибуции родины Тристрама, который носил прозвание Тристрам из Лиона, или из Лоэнуа, и т. п.

7 *Моргауза, Элейна и Фея Моргана* — единоутробные сестры Артура, дочери королевы Игрейны. Из этих трех персонажей одна лишь Моргана имеет многовековую традицию. Предтечей этого образа считают ирландскую богиню войны и смерти Morrigan, принимающую облик вороны, и в следующей стадии — бретонскую фею рек Морган. Имя Morgawse, по-видимому,— не более как иное прочтение Morgans, ибо в параллельных местах французских текстов вторая сестра анонимна (*V* 1283). Ниже она и у Мэлори фигурирует просто как королева Оркнейская. Что же до третьей, Элейны, то она и как персонаж — создание Мэлори, который, быть может, прибавил ее «для круглого счета», будучи не чужд некоторых фольклорных приемов повествования, и дал ей одно из самых распространенных женских имен — Елена. (В книге Мэлори, по меньшей мере пять персонажей носят это имя.)

8 *Повезли короля навстречу врагу в повозке... и под Сент-Альбаном сошлись его воины с великим воинством Севера.*— В этом описании, не имеющем параллелей во французском тексте (*V* 1284—1285), соблазнительно усмотреть аналогию некоторым событиям войны Алой и Белой Розы, современником и, возможно, участником которых был Томас Мэлори, приспешник влиятельного дома Варвиков. Северная Англия и Шотландия за это время неоднократно оказывались вражеской территорией для правящих королей (у Мэлори «The North fro Trent forwards», «the grete hoost of the North». А под Сент-Олбаном (Saint Albons) произошли две крупные битвы, и в первой из них, происшедшей 22 мая 1455 г., больного короля Генриха VI действительно везли в повозке.

9 *Собор святого Павла.*— Мэлори, естественно, мог иметь в виду отнюдь не нынешний собор святого Павла, возведенный архитектором Реном в 1675 г., а собор XI—XIII вв., сгоревший во время пожара 1666 г., на месте которого он был построен (ср. *Wr* I, 11).

10 *Французская Книга.*— Кэкстон в предисловии пишет (см. стр. 10 наст. изд.), что свой рассказ сэр Томас Мэлори, «подчерпнув из неких французских книг, на английском языке в кратком изводе составил». Действительно, тщательное текстологическое сличение, проделанное Винавером, а позднее Лумянским с сотрудниками, показало, что каждая из восьми книг (кроме «Гарета»), составляющих Винчестерский манускрипт, имеет один или несколько «источников», большей частью французских, но также и английских, которые Мэлори использовал, заимствуя фабулу, некоторые описания, фразы и даже отдельные слова (ср. прим. 57, стр. 844), производя при этом существенное «ужатие» и внося разного рода изменения (см. прим. 62, стр. 844 и прим. 7, стр. 847). Такой вид авторства был в обычае в средневековой литературе — еще Лайамон на исходе XII в. в зачине своего исторического труда «Брут» перечисляет использованные источники и указывает на характер своей над ними работы («перевод» и «сокращение»).

Но рыцарь Мэлори, в отличие от клирика Лайамона, в обычной жизни не имел постоянно дела с книгами. Французские рыцарские романы и английские поэмы он читал, вероятно, в Ньюгетской тюрьме в Лондоне (см. прим. 65, стр. 845). Напротив Ньюгетской тюрьмы стояла францисканская церковь, подле которой Мэлори был впоследствии похоронен, а рядом с нею, в специальном здании, заложенном в 1421 г., находилась библиотека (ее основателем был прославленный мэр Лондона Ричард Виттингтон, герой английских сказок).

Сам Мэлори многократно ссылается по ходу повествования на «Французскую Книгу» в подтверждение истинности своих слов. Однако детальное сопоставление с параллельными французскими текстами, проделанное проф. Винавером для трехтомного издания 1947 г., наглядно показывает, что ссылки на «Французскую Книгу» можно найти у Мэлори и в тех разделах, источником для которых ему служили английские

тексты (например, аллитеративная поэма «Morte Arthur», или там, где он выступает как оригинальный писатель в современном смысле слова (см., например, конец эпизода «Гавейн, Ивейн и Мархальт»). «Французская Книга» для Мэлори — часто символический научный авторитет, нередко фиктивный (в иных случаях это просто «Книга», the book). Ссылка на авторитетные источники — истинные или вымышленные — прием, широко распространенный. Еще Гальфрид Монмутский в описании Артура называет своим источником вымышленную, как считается, «книгу стариннейшую на языке британцев» (Britanici sermonis liber vetustissumus»), в чем Чэмберс усматривает «шутку, или литературную условность, или же прямой обман» (см. *Chambers E. K.* Sir Thomas Malory. Oxford, 1922).

С этой точки зрения вопрос о том, переводчик Томас Мэлори или автор, теряет смысл, ибо его книга — «historie», как называет ее Кэкстон, по законам жанра должна иметь солидные источники и не содержать вымысла, т. е. правдиво передавать рассказы прежних времен. Иное авторство для Мэлори было бы немыслимо.

11 *...турнир с поединками...* — В ориг.: a justes and a tournament, где первое понятие означает поединки всадников, вооруженных копьями, а второе — общее сражение участников, разделенных на две партии.

12 *День Всех Святых* (Alhalowmas) — праздник, установленный в Европе с VIII в. в честь всех святых и мучеников, известных и неизвестных. Отмечается 1 ноября. В канун этого дня исстари происходили народно-карнавальные действа.

13 *...поклясться на книге...* — В ориг.: to swere uppon a booke — т. е. на Библии. Такое словоупотребление — с неопределенным артиклем — характерное для ранней эпохи развития английского языка (вплоть до Шекспира), а в речениях сохранившееся до настоящего времени, отражает восприятие «книги», вообще писанного текста, как предмета мистического. Ср. ниже в Повести о Святом Граале, где с помощью «книги» (a booke) производится заклятье нечистой силы. Ср. также «Библия» — греч. βιβλία букв. «книги».

14 *Крещение Господне,* иначе Богоявление — великий двунадесятый праздник 6 января в память о крещении Иисуса от Иоанна в Иордане («Еванг. от Матф.» 3, 3—14; «Еванг. от Марка» 1, 9—11; «Еванг. от Луки» 3, 21—22). По другим версиям христианского предания, в этот день поминается поклонение волхвов младенцу Иисусу.

15 *Сретенье Господне* (Candilmas, буквально «Праздник светильников») — праздник принесения младенца Иисуса в Иерусалимский храм и очищения Богородицы на сороковой день после Рождества, т. е. 2 февраля. В католической церкви контаминирован подобно православной масленице, с каким-то языческим праздником (возможно, с римскими «луперкалиями») и с древних времен носит латинское название Candelaria.

16 *Пятидесятница* — то же, что день Святой Троицы, празднуется на пятидесятый день после Пасхи (7 воскресенье). После норманнского завоевания стал называться обычно Whitsunday — «белое воскресенье» или Trynyte Sunday — «Троицыно воскресенье» (см. ниже кн. XXI), так что Pentecoste у Мэлори — из французского источника. См. также прим. 17, стр. 866.

17 *...лордам и общинам...* (в ориг.: into his lordes and comyns) — Термин comyns в настоящем переводе передается по смыслу, как «народ», «простой люд». Однако в соответствии с контекстом было сочтено возможным в отдельных случаях воспроизвести эту политическую формулу так, как она дошла до наших дней,— ср. House of Lordes — House of Commons (палата лордов, палата общин), тем более что французские параллельные места этого слова не содержат; ср., с другой стороны: «съехались все лорды, и собрался простой люд» (стр. 19) — или «поднялся простой люд Карлиона» (стр. 23) и т. д.

18 *Сенешаль* — французское слово, по-видимому, германского происхождения (готск. «старый слуга» *OED* s. v.), управитель двора средневекового феодала, почетный титул и почтенная должность.

19 *Коннетабль.* — В ориг.: conestable, из позднелат. comes stabuli, «верховный управитель конюшен», нечто вроде русского «конюшего». Слово привезено норманнами в Англию

уже в значении «главный управитель двора, государства и армии». В переводе принята французская форма, более привычная для читающих по-русски.

20 *Карлион* — совр. Карлион на реке Аск в графстве Монмутшир, неподалеку от Ньюпорта. Там до настоящего времени сохранились развалины римского города Isca Silurum, которые описаны как местная достопримечательность еще хроникерами XII—XIII вв. Внушительные эти руины народная фантазия легко могла соединить с сюжетами Артуровских легенд (*Wr* I, 15).

Что до названия, то оно разлагается на две составные части: Caer (брит. лагерь, поселение, мб.<лат. castrum, ср. также Карнарвон, Кармартен, Кардифф) и leon<лат. legio-nis. Второй элемент также вошел во многие географические названия Европы начиная от испанского Леона, возможно также и франц. Лион, восходящий, с другой стороны, к лат. Lugdunum. При этом, по мнению исследователей, здесь произошла контаминация двух различных по происхождению корней: лат. legion, с одной стороны, и с другой — имя кельтского божества света — ирл. Lug, валлийск. Llew (см. *Rhys G.* Studies in the Arthurian Legend. Oxford, 1891). Этимология эта, как кажется, представляет интерес для объяснения столь большого количества в артуровских текстах якобы «львиных» наименований (ср. у Мэлори: Лионель, Лионетта, Лионесса, Лион и др.). См. также прим. 1, стр. 853.

21 *...вытащил он меч Экскалибур.*— Одна из обычных у Мэлори — и тем более в его громоздких «источниках», авторских и доавторских — неувязок; см. ниже в тексте, где Артур добывает меч Экскалибур у Владычицы Озера (см. стр. 45). Этимология не ясна. Райт в примечаниях к тексту приводит отрывок из стихотворного романа «Мерлин» (XV в.), содержащий толкование этого имени (*Wr*, I, p. 18):

Ich am y-hote Escalibore
unto a kynge fayr thesore,
On Inglis is this writing:
Kerve steel and yron, and al thing!

Я зовусь Эскалибор,
Драгоценное сокровище короля,
По-английски же будет эта надпись:
«Разрубаю сталь, железо и все».

Это пример типичной средневековой произвольной «этимологии».

22 *...и пригласит их явиться...*— Здесь начинается Винчестерский манускрипт. Изданная проф. Винавером рукопись была обнаружена в июле 1934 г. в библиотеке Винчестерского колледжа библиографом У. Ф. Оукшотом. Первое сообщение об этой находке было опубликовано в «Таймсе» 23 июля 1934 г. Рукопись выполнена двумя писцами. Начальные восемь листов рукописи, а также листы 32—33, 347—348 и конечные 488—492 утрачены, и в этих местах Винавер перепечатывал текст Кэкстона.

23 *...в добрых доспехах, как того требовал обычай тех времен.*— Хотя персонажи Мэлори и принадлежат хронологически к VI в. (в той мере, в какой их вообще возможно соотнести с какой-либо реальной исторической эпохой), сам он писал в XV в. и отнюдь не ставил перед собой задачи придать своему тексту колорит старины — если отвлечься от архаизации «идеологической», которая выражалась в общей идеализации артуровских героев и обычаев прошлого. Поэтому даже о вооружении рыцаря, столь важном аспекте жизни героев, у Мэлори можно почерпнуть лишь самые общие сведения.

Итак, что можно сказать о вооружении рыцаря у Мэлори? Рыцарь — всадник, он тяжело вооружен — бесспорно, черта поздняя, передвигаться пешком практически не может (ср. эпизод с Рыцарем Телеги). Его оружие — копье (spear) и меч (sword), иногда еще пика (glaive). Меч висит у пояса на перевязи с пряжкой; копье — длинный шест с наконечником и со специальным перехватом на древке, обычно защищенным щитком. На спине у всадника на специальной перевязи висит щит. Копья — разной толщины и длины, в том числе особо прочные — квадратного сечения — везет за рыцарем оруженосец. На голове — шлем, более или менее закрытый, который при-

крепляется к панцирю. Под шлемом, как и под панцирем, — слой тесно сплетенных металлических колец: кольчуга и кольчатый наглавник. Есть специальные латы для ног — поножи, наколенники и пр.; есть и латные рукавицы.

Готовясь к конному поединку, рыцарь перетягивает на плечо или вперед щит, берет копье, упирает его тыльным концом в специальный крюк — фокр, который, согласно словарю Брука (*V* 1710), расположен на луке седла, по данным энциклопедии Брокгауза и Эфрона — на панцире у левой подмышки, а сколько можно судить из текста Мэлори, где-то на поножи (on their thighs). Поверх лат рыцари носили короткий широкий плащ, как правило расшитый геральдическими узорами, которые повторялись также и на щите. Облачиться в доспехи и, будучи в доспехах, сесть на коня рыцарь без посторонней помощи не может.

24 *...потом позавтракали...* — В ориг.: dyned совр. dined, «пообедал». В средневековой Англии трапеза, обозначаемая этим словом, происходила обычно очень рано, около 10 ч. утра (*Wr* I, 24). Это становится понятным в свете этимологии слова dine < средневек. лат. disjunare, лат. disjejunare (dis + jejunium — «пост»). Таким образом, это же слово дало современное франц. déjeuner, «завтрак», и вполне аналогично английскому breakfast, которое и употребляет Мэлори в большинстве случаев. Интересно, что в современном языке английское dinner фактически обычно соответствует русскому «ужину».

25 *...и пеших десять тысяч добрых бойцов.* — Параллельные французские места не упоминают о пехоте при описании армии одиннадцати королей (*V* 1288). В связи с этим уместно вспомнить, что пешие полки лучников, составлявшиеся из свободных крестьян, сыграли немалую роль в рыцарских войнах позднего средневековья. Однако во время Столетней войны, события которой были так близки Мэлори, пешие полки были лишь в английских армиях, но не во французских (ср. их роль в победе при Кресси, 1346 г.). Следует также иметь в виду, что такие идеологи рыцарского века, как «сэр Томас Мэлори, рыцарь», и тем паче — более ранние рыцарские романы, естественно, относились к этой армии простолюдинов неприязненно (ср. ниже в тексте речь короля Лота, стр. 33).

26 *Грамерси* (graunt(e)mercy). — Язык, которым писал Мэлори, принадлежит к поздней разновидности среднеанглийского языка, уже пережившего натиск англонорманнского и вышедшего из многовековой борьбы с ним преображенным, но не утратившим своего собственного национального обличья. Для него, однако, характерно, даже в обиходе, присутствие не удержавшихся впоследствии галлицизмов, как вышеприведенное graumercy < фр. grand mercy, которое мы и сочли уместным, основываясь на существующей традиции передачи по-русски некоторых французских слов типа «бонжур», для создания колорита транслитерировать в тексте перевода. Помимо общеязыковой тенденции, заметно еще и личное пристрастие Мэлори к воспроизведению в английском тексте французских слов, особенно непонятных (см. прим 57, стр. 844).

27 *Гвинас де Блуа* — в оригинале здесь Gwyniarte de Bloy, ниже Gwynas. Выделение форманта -arte подтверждается аналогией Borre — Boarte (см. прим. 30, стр. 839).

28 *Наставник Мерлина Блэз* (*C:* Bleyse; *W:* Bloyse) — В текстах французских артуровских романов после Кретьена де Труа имеются в нескольких случаях ссылки на авторитет знаменитого «повествователя» (fabulator) из Уэльса по имени Bleheris, валлийск. Bleddri. Это — историческое лицо, представляющее большой интерес для исследователей, поскольку он указывает скорее на валлийское, а не бретонское происхождение этих сюжетов. Трансформировавшись в «летописца» Блэза, Блехерис нашел свое место и у Мэлори.

29 *Шервудский лес.* — Знаком русскому читателю как место действия знаменитых баллад о Робине Гуде. По происхождению слово sherwood означает лес (wood) в пользовании у всего графства (shire), «общий лес». И, стало быть, такое название могли носить леса в самых разных местностях.

30 *Борр* (*Borr*). — Значительно позже, в тексте «Исцеления сэра Уррия», фигурирует «sir Boarte le Cure Hardy, that was kynge Arthurs sone» сэр Борр-Бесстрашное сердце,

сын короля Артура» несомненно, тот же персонаж, что подтверждается также аналогией форм имени Gwynas — Gwyniarte (см. выше прим. 27, стр. 839). В переводе для обоих случаев принята одна форма — Borre.

31 *Гавейн.* — Этот персонаж имеет почти столь же древнюю и славную историю, как и сам Артур. В нем сохранились черты «солнечного» героя первобытно-магической культуры. Самое имя Гавейн (лат. Walwanus бретонск. Walwein) содержит свидетельство о генетической связи с валлийским фольклорным образом Гури Золотоволосым, или Длинноволосым, валлийск. [Gwry] Gwallta(d)vwyn ⟶ Galvagin ⟶ Galvain → Gauwain. Об его популярности в Британии можно судить хотя бы по тому, что именно он является протагонистом героической аллитеративной поэмы XIV в. «Morte Arthure», выступая там в качестве эпического героя, своего рода английского Роланда. Однако Гавейн раньше и в большей мере, чем Артур или Ланселот, подвергся общей тенденции развенчания и низвержения героев, и среди источников Мэлори (как и в ряде других текстов), по крайней мере некоторые, рисуют его в явно отрицательном свете — и трусливым, и хвастливым, и мстительным, и проч. (Правда, даже будучи возвеличенным героем *МА*, Гавейн все-таки преспокойно обращается за помощью тогда, когда Роланд отказывался затрубить в рог, так что этот мотив можно считать английским национальным вкладом в развитие образа эпического героя.) У Мэлори в трактовке образа Гавейна нет последовательности — он дается то в положительном, то в отрицательном освещении, в зависимости от «про-Гавейновской» или «анти-Гавейновской» ориентации использованных источников.

32 *Зверь Рыкающий* — подробное описание этого мифического животного см. в кн. IX. Мотив этот, имеющий, вероятно, восточное происхождение (см. *Веселовский А. Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872), у Мэлори не разработан, а использован лишь как признак, характеризующий сначала Пелинора, а позднее Паломида. Ср. два меча как признак Балина (кн. II), сюжетно настолько несущественный, что с потерей одного меча герой объявляется безоружным, — одна из тех неувязок, какими нередко грешат объемистые книги, не обязательно средневековые. Ср. прим. 43, стр. 842.

33 *Владычица Озера* — персонаж, безусловно проникший в рыцарскую литературу из кельтского фольклора, где озера, ручьи и колодцы считаются обычно владениями фей — следы доисторического обожествления. Из текста книги Мэлори тоже явствует, что Lady of the Lake — не одна героиня, а несколько героинь: ср., например, воспитательницу Ланселота и возлюбленную Пелеаса и т. д. Наряду с Lady of the Lake существуют еще Damesels of the Lake, Девы Озера. Примечательны также последовательные попытки Мэлори лишить эти персонажи их сверхъестественных качеств. Так, даря Артуру меч Экскалибур, Владычица Озера ничем не проявляет своей волшебной природы, в то время как во французском параллельном тексте она, как посуху, проходит по воде на середину озера и приносит Артуру меч (см. *E. Vinaver.* Malory. Oxford, 1929, p. 51, 52).

34 *... иные были четырех недель, иные же и того моложе...* — Любопытный случай неувязки, если вспомнить, что все эти дети, как сказано чуть выше, родились в первый день мая (May-day). Здесь можно предположить описку: правильно and som more, т. е. «иные старше» — на год и более (*Wr* I, 58).

35 *...как об том повествуется дальше в конце «Смерти Артура»...* — Поскольку обещанного рассказа о детстве Мордреда в книге Мэлори нет вообще, представляется излишней попытка Винавера объяснить эту ссылку в духе его теории «отдельных книг» вмешательством переписчика (*V* 1298). Это — скорее всего ссылка на французский «Mort Artu», где содержатся все названные сведения.

36 *«Смерть Атура»* — первое упоминание этого названия в книге Мэлори. Впоследствии традиция приписала его самой книге в форме Le Morte Darthur — с обоими варваризмами (мужской род артикля — ср. также Morgan le Fey — и сращение предлога с именем). Однако произошло это по ряду недоразумений. «Смертью Артура» называлась героическая английская аллитеративная поэма XIV в., где рассказывается, как Артур от-

правляется в поход на Луция, Мордред тем временем поднимает мятеж — и далее все как у Мэлори в кн. XXI. Сюжет этот, в основных чертах, восходит к знаменитой «Истории британских королей» Гальфрида Монмутского (1136) и, как мы видим, не включает книги о Тристраме и книги о Святом Граале (не говоря уже о ряде небольших разделов). Произведения с этим сюжетом существовали параллельно с артуровским циклом в виде отдельных книг — ср. помимо аллигеративной английской поэмы «Morte Arthure» также английскую строфическую поэму XV в.» «Le Morte Arthur» и французский прозаический роман XIII в.» «Mort Artu».

Мэлори оторвал историю Римского похода от собственно истории смерти Артура и в своем заключительном колофоне (см. прим. 30, стр. 868) дал ясно понять, что «Смерть Артура» и «вся книга о короле Артуре» — вещи разные. Однако Кэкстон в своем колофоне такого противопоставления не делает, и хотя Винкен де Ворде в издании 1498 г. еще не приписывает это название всей книге, в дальнейшем, по мере того как остальные «Смерти Артура» выходили из обихода и забывались, оно закрепилось за книгой Мэлори.

37 *Замок Камелот.*— Название Камелот (Camelot) на карте современной Англии не сохранилось. Попытки отождествления его с реальными географическими пунктами делались с древних времен. Его усматривали и в современном Кеймелфорде (Корнуэлл), в Кеймеле (Сомерсетшир) (*Wr* I, 59). Кэкстон в Предисловии помещает Камелот в Уэльсе, а сам Мэлори, вслед за Гальфридом Монмутским, не раз объявляет (см. ниже в тексте — стр. 656), что Камелот — это Винчестер (Гэмпшир).

Последнее отождествление приобретает особый смысл, если иметь в виду, что Винчестер, расположенный в 100 км к юго-западу от Лондона,— столица Уэссекса, а с 828 г., когда уэссекские короли стали британскими королями,— столица Англии; только после норманнского завоевания роль столицы окончательно перешла к Лондону Однако все эти — и многие другие — гипотезы лишний раз свидетельствуют лишь об изначальной сказочной природе артуровских мифов, которые разные писатели в разное время и по разным причинам стремились «привязать» к разным местностям,— так, Кеймел расположен по соседству со знаменитым Гластонберийским аббатством, вокруг которого концентрируется действие легенд о святом Граале и других разделов книги Мэлори (см. прим. 14, стр. 866). Что же до самого названия Камелот (Camelot, Camalot), то оно, по всей вероятности, восходит к лат. Camalodunum (возможно, от Camalos — валлийский бог войны), совр. Колчестер (Эссекс) — одному из центров Римской провинции Британия (см. *Holmes U. T.* Old French Camelot.— «Romanic review», v. 20. N. Y., 1929, p. 231—236).

38 *Владычица острова* (The Lady Lyle of Avilion).— Как справедливо отмечает проф. Винавер (*V* 1299), в такой форме это в самом деле выглядит как имя собственное (так оно и было воспринято дальнейшей литературной традицией — ср. «Лайли» Спенсера), что действительно отвечает последовательной тенденции Мэлори награждать анонимных персонажей именами (ср., например, Моргаузу и Элейну — прим. 7, стр. 836).

Однако эти соображения, как кажется, ни в коей мере не противоречат объяснению Э. Феттерманн, реконструирующей процесс образования этого имени из соответствующего французского обозначения (La Dame de l'Isle Avalon) на английском языковой почве. (См. *Vetterman E.* Die Balen-Dichtungen und ihre Quellen.— «Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie», LX, 1918. В настоящем переводе мы сознательно остановились на смысловой передаче этого имени — в ряду таких, как Владычица Озера (Lady of the Lake), Ланселот Озерный (Launcelot du La(a)ke), а не Ланселот Дюлак, или «Смерть Артура» (Le Morte Darthur), а не «Морт Дартюр», и т. д.

39 *Остров Авалон* — вероятно, от кельтск. avalla — яблоко (ср. яблоки Гесперид), «остров блаженных» кельтской мифологии (ср. «Плаванье Брана»). Издавна — с конца XII в.— отождествляется монастырскими легендами с местностью, на которой расположен Гластонберийский монастырь (см. прим. 14, стр. 866).

40 *... к густому лесу* (a fayre forest).— В описаниях Мэлори нередко пользуется постоянными, иногда, как в приведенном примере, аллитерирующими эпитетами — один из приемов, связывающий его стиль с доавторской (фольклорной) традицией (см.

стр. 831). Поскольку в таких случаях семантическая природа определения отступает перед его стилистической природой, при переводе избирается структурно более или менее аналогичный эпитет. Объемы этих аналогов, естественно, не совпадают: ср. *fair* sir, *fair* casle, *fair* forest, *fair* rivers and *fair* meadows, *fair* court и т. д. По-русски: любезный сэр, богатый замок, густой лес, полноводные реки и зеленые луга, широкий двор и т. д.

41 *...ты причинил великое зло... И знай, Балин... покуда не убьют тебя* (...thou hast done a grete damage... tylle they have slayne you).— Употребление личного местоимения 2 лица в прямой речи у Мэлори отнюдь не всегда дифференцировано по числам. И хотя определенные тенденции несомненно обозначены — местоимение единственного числа фигурирует, например, в обращении к «виллану» или в пассажах большой эмоциональной насыщенности, как положительной, так и отрицательной, но никогда в любовных сценах,— тем не менее весьма часты случаи чисто грамматического смешения форм: you, ye, thou, the,— благодаря которому и должны будут впоследствии отмереть избыточные варианты. Это явление грамматической синонимии и учтено в переводе. В то же время стилистический прием чередования форм единственного и множественного числа воспроизводится там, где это уместно по-русски.

42 *И вот в одной церкви сыскали плиту, красиво и богато отделанную.*— Характерная деталь средневекового обихода, когда на строительство новых сооружений разбирались камни древних построек, статуи языческих богов персонифицировали христианских святых и даже для надгробий использовались могильные камни, вытесанные за века до того. Любопытно, что могильная плита самого Мэлори тоже пошла на продажу после реформации в 1545 г.

43 *Оказавшись безоружным,..* — неувязка, особенно знаменательная, если вспомнить, что наличие двух мечей у Балина отражено даже в заглавии — «Рыцарь-о-Двух-Мечах».

44 *...а на кресте там золотыми буквами было начертано...*— Большой Оксфордский словарь дает для слова Cross под 7) специальное значение: — «Монумент в форме креста или с крестом наверху, возводившийся на перекрестках и пр.» Такие каменные кресты играли в средние века роль верстовых столбов, дорожных указателей, памятников и т. п., кроме того, что у их подножия путникам надлежало молиться (ср. русские сказки). Сохранился, например, знаменитый Рутвельский крест на юго-западе Шотландии, на котором высечена руническая надпись — религиозное стихотворение.

45 *Игры менестрелей* (mynstralsy) — слово и понятие, ввезенное в Англию норманнами (у кельтов были барды, у англосаксов — scōp, но это были только эпические певцы. О том, какое видное место занимали они в обществе, можно судить по тому, что хроника, приписываемая Неннию, приводит вначале генеалогию англосаксонских королей, потом перечисляются бриттские короли, с которыми они воевали, и *барды*, жившие и творившие в их времена). Профессия менестрелей включала как певцов и музыкантов, так и всевозможных скоморохов, плясунов, фокусников и пр. Во главе ее стояли «трубадуры», они часто принадлежали к высшей знати. Трубадуром был, например, Гильом IX, граф Пуату (ум. 1127). По английским преданиям, во время битвы при Гастингсе (1066) в стане Вильгельма находился знаменитый трубадур Taillefer, который пел норманнам «Песнь о Роланде». Позже за менестрелями сохраняется только зависимое положение — ср. у Мэлори, когда Элиот-арфист говорит: «Я менестрель... и должен делать, как велят мне мои господа, чьи цвета я ношу на своем платье». Впоследствии менестрели организовывались в цехи и корпорации. Лондонский цех менестрелей был образован в 1469 г. и в качестве «Лондонской корпорации музыкантов» существует по сие время.

46 *Explicit* — слово, широко употреблявшееся средневековыми переписчиками книг, а позднее и печатниками для обозначения конца рукописи или ее части. Осмыслялось как латинская глагольная форма 3 лица единственного числа (множественное — expliciunt). Однако в действительности, по-видимому, представляет собой сокращение от формы пассивного причастия в выражении explicitus est liber, буквально: «книга раскатана, раскручена, развернута» (лат. explicare). См. *OED* s. v.

[47] *Круглый Стол* — был, согласно книгам о Мерлине, некогда сооружен Мерлином для Утера Пендрагона. Впервые описан у Васа и Лайамона (ок. 1200). Исследователи-«кельтисты» связывают его с ирландскими круглыми башнями (при том, что обычен был прямоугольный план построек). По одной версии артуровской легенды, Круглый Стол был установлен для пресечения «местнических» распрей, доходивших до кровопролития, и как символ братского равноправия сохранился в английском языке до настоящего времени — «совещание за круглым столом». Ср., однако, ниже в тексте: «когда расселись все, как кому подобало по положению» (стр. 77).

[48] *Сорок восемь* — в ориг., и в рукописи, и у Кэкстона,— twenty and eight, однако из контекста (два сидения из 150 оставались свободными) и из сопоставления с параллельными французскими местами (*V* 1320) явствует, что это описка. В дальнейшем переводе подобные исправления не оговариваются.

[49] *...ему бы все только стрелять...*— Параллельные места французских текстов такого описания не содержат. Это добавление, принадлежащее, очевидно, самому Мэлори, отражает значительно более поздние и преимущественно английские понятия о достойном джентльмена времяпрепровождении — так, стрельба (из лука, shotynge) оказывается вдруг рыцарским занятием (*V* 1321). Ср. прим. 25, стр. 839.

[50] *Внешние острова.*— Этим названием ранние авторы обозначали разные острова — Оркней, Уайт и др., а впоследствии — Гебриды (см. *Ack s. v.)*

[51] *Онтлак из Вентеланда.*— Винавер отмечает (*V* 1327), что персонаж этот, анонимный во французских текстах, не следует, однако, смешивать с его тезкой из кн. IV. Но на уровне текста Мэлори нет данных, исключающих эту идентификацию. Можно считать, что здесь отразилась не только тенденция Мэлори награждать именами анонимные персонажи, но и его еще более конструктивные попытки сократить самое их число. И потому в переводе они фигурируют как одно действующее лицо.

[52] *А за труды возьмите себе его доспехи...*— Реплика, не имеющая параллелей во французских текстах и представляющая собой, по-видимому, оригинальный вклад рыцаря Мэлори в традиционное изложение. По мнению Винавера (*V* 1328). это — чуть ли не единственное в рыцарской литературе упоминание о мзде, которую получает за труды духовное лицо.

[53] *кто собственную жизнь не спас, хотя мог...*— Подобной аргументации параллельные французские тексты не содержат, ибо она ни в коей мере не согласуется с рыцарскими традициями (*V* 1328). Это оригинальное рассуждение Томаса Мэлори, достойное, из всех его персонажей, разве что сэра Динадана, демонстрирует практицизм в духе Нового времени, свойственный этому «идеологу рыцарства» (см. также прим. 58, стр. 860 и прим. 18, стр. 855). Впрочем, по мнению Т. Райта (см. его статью в книге «Malory's Originality», ed. by Lumiansky. Baltimore, 1964, p. 64), эта фраза Пелинора означает совсем иное: «Грех тому, кто не остался жить, хотя мог», и подразумевает не его самого, а даму-самоубийцу; тем самым в этой мысли нет комичного практицизма, а лишь осуждение религиозно недопустимого поступка. Действительно, оригинальный текст поддается такому толкованию.

[54] *Сурлуза* (Surluse, Surleus, Sorleys и т. п.).— По мнению Риса (*Rhys J.* Studies in the Arthurian Legend. Oxford, 1891), впрочем оспариваемому (*Snell F.* King Arthur's Country. London, 1926), имеются в виду острова Силли (Scilly Isles), которые постепенно опускаются, а некогда представляли собой один большой остров (см. *Crawford O. G. S.* Lyoness.— Antiquity, v. 1, 1927, p. 5—14), совр. франц. название — Sorlingues, откуда м. б. Sorleus, и т. д. По другой версии (см. *Ack s. v.*), имя это происходит от старофранцузского Sugales (Южный Уэльс), измененного в Sorgales по аналогии с Norgales (Северный Уэльс).

[55] *Река Умбер* (Humbir) — Имеется в виду эстуарий Трента и Уза (Хамбер — на современных русских картах), по которому в древности проходила граница между Нортумбрией и Мерсией, а в настоящее время проходит граница между Йоркширом и Ланкаширом. Этимология не ясна, но в средние века, особенно в латинских текстах, очевидно, ощущалась связь с лат. umbra, «тень», поскольку речь идет о севере, «ночи»;

Ср. у Мэлори ниже, в кн. VIII: «undir an umbir of a grete tre» (под тенью большого дерева). Здесь принята старая транслитерация — ср.: Норт-умбрия.

56 *...ветвь священной травы, которая была знак Святого Грааля...*— Мистическая эта «ветвь» находит самое неожиданное объяснение — параллельное место французского текста содержит слова: «la branke, car chou est droitment une des brakes del Graal», «ветвь, то есть, правильнее, одна из ветвей Грааля» (*V* 1337). Этот литературный термин — ветвь цикла романов,— будучи не понят Томасом Мэлори или его непосредственным источником, и породил, очевидно, загадочную «ветвь травы».

57 *Перед его грозным воинственным ликом* — в ориг. непонятный эпитет amyvestiall.— Как отмечает проф. Винавер, такого слова не было ни в старофранцузском, ни в среднеанглийском языке. Оно было непонятно и Кэкстону, который придал ему форму armyvestyall, осмысляя от «army». Позднейшие комментаторы так его и толковали. В действительности же, как показал проф. Винавер (*V* 1347), это слово — недоразумение. Оно «слеплено» из нескольких не понятых писателем рукописных французских слов, вместе выглядящих примерно так же. В соответствующем месте французского текста имеется выражение: ains estions del tout aussi comme mors (но мы все были как мертвые) — первые три слова и составили загадочный эпитет.

Подобных примеров непонимания французских слов и чисто зрительного их истолкования в книге Мэлори немало, причем почему-то главным образом в разделе «Артур и Акколон». Так, вначале необычное выражение: «the kynge looked about the world» — образовано из фр.: regarde contre monte (а не *monde*) la riviere, т. е. «взглянул вверх по течению». Ниже, уже в начале поединка, «Accolon began with the words of treason» («начал словами измены», хотя Акколон не был в сговоре с Феей Морганой). В параллельном месте французского текста он пытается уговорить Артура не продолжать бой — фр. traire, т. е. «отойти», но Мэлори увидел здесь глагол traire — «предавать».

58 *...У сэра Гавейна от девяти часов и до полудня сила прибавлялась и возрастала...*— Один из типичных магических мотивов кельтской волшебной сказки (Thompson *D* 1836). У Мэлори возникает дважды в связи с Гавейном — ср. последний поединок с Ланселотом (кн. XX, «Осада Бенвика»); и один раз при описании Красного Рыцаря Красного Поля, у которого сила возрастает в семь раз (кн. VII, «Гарет Оркнейский»). Ср. также прим. 7, стр. 851.

59 *Если бы я не любил ее так сильно, я предпочел бы сто раз умереть... Ведь любовь многих славных рыцарей принуждала страдать ради того, чтобы добиться желанной цели.*— Здесь мотивировка поведения «печального» рыцаря Пелинора значительно отступает и от французских версий (*V* 1354), и от куртуазных стандартов: рыцарь терпит унижения и обиды не из покорности своей даме, а в расчете таким способом рано или поздно добиться своего (his entente). Ср., однако, на стр. 118: «а я бы о большем и не мечтал...— мне бы только видеть ее каждый день». Но весь эпизод с Пелеасом и Этардой трактуется у Мэлори отнюдь не в куртуазном духе французской версии: вместо прощения и примирения жестокая дама наказана и умирает, а верный рыцарь Пелеас счастлив в любви к другой.

60 *Безант* — золотая монета, первоначально византийской чеканки, впоследствии, с. IX в., имевшая хождение по всей Европе. В Англии безант имел достоинство от соверена (фунта стерлингов) до полусоверена и даже ниже. Были также и серебряные безанты. Джон Виклиф (XIV в.) в своей Библии переводил греческие «таланты» и «драхмы» этим словом (см. *OED s. v.*).

61 *...сэр Пелеас и сэр Мархальт были приняты в рыцари Круглого Стола.*— Эта вполне уместная концовка находится в противоречии с приведенным несколько выше эпизодом, где Мархальт объявляет себя рыцарем Круглого Стола, за что и подвергается одновременному нападению герцога Южных Окраин и его шести сыновей — одна из характерных для этого текста неувязок, какие можно считать едва ли не особенностью жанра — см. также прим. 43, стр. 842.

62 *...как о том повествуется во Французской Книге.*— Сравнение показывает, что ни о чем подобном во «Французской Книге» не повествуется: во французской параллели к этому эпизоду Пелеас примиряется с Гавейном (*V* 1358). Это один из тех случаев, когда

Мэлори ссылается на вымышленный французский источник для придания веса собственной версии, которая в его глазах тем более нуждается в авторитетном подтверждении, что она — его собственная. Ср. также прим. 10, стр. 836.

63 *...целых полгода пролежал в монастыре у монахинь.*— Тристрам, согласно самому же Мэлори (см. кн. VIII), после поединка с Мархальтом у монахинь не лежал, но чахнул во дворце короля Марка, что и привело в конце концов к его знакомству с Изольдой. Это обычное у Мэлори разноречие объясняется, по мнению проф. Винавера, влиянием двух предыдущих рассказов,— о Мархальте и об Ивейне, которые после поединка оба оправлялись от ран «почти полгода», и, как нам думается, пристрастием рассказчика к фольклорной троекратности.

64 *Пелеас... был одним из четырех, которые достигли Святого Грааля.*— Здесь у Мэлори смешаны рыцарь Пелеас (Pelleas, Pellias, Pellas), возлюбленный Ниневы, и король Пелес (Pelles, иногда Pelleaus), Увечный Король и сын Увечного Короля Пелама. Впрочем, ни тот, ни другой, хотя и имели непосредственное отношение к Святому Граалю, в число рыцарей Святого Грааля не входили. Проф. Винавер на этом основании заключает, что Мэлори, завершая первую часть своего романа, был почти незнаком с «Книгой о Святом Граале». Справедливость требует, однако, заметить, что не только сэр Томас Мэлори, рыцарь, но и современные исследователи часто не в состоянии разобраться, где какой артуровский персонаж,— из-за той путаницы, которую не могли не создать авторы и пересказчики грандиозных, насильственно скомпонованных рыцарских циклов. Следует также иметь в виду, что Мэлори, valens miles, черпал свои сведения об артуровских персонажах из книг, которые в среднем превосходили объемом его собственный труд в пять раз (*V* LII). Так что рассматриваемый факт едва ли может служить доказательством намерения автора поставить на этом в своей работе точку.

65 *Здесь кончается... Аминь.*— Эта концовка (так называемый колофон), завершающая первую из восьми книг, на которые разделен Винчестерский манускрипт, представляет особую ценность, так как содержит сведения об авторе книги. В тексте имеются еще две подобных концовки: к «Повести о сэре Гарете Оркнейском» и к «Плачевной повести о смерти Артура»,— и все три они звучат как своего рода лирические отступления автора.

Имя его, звание («рыцарь»), дата окончания книги (между 4 марта 1469 г. и 3 марта 1470 г.), а также сведения о том, что в названное время он был узником, равно как был он им и гораздо раньше, когда кончил «Книгу о короле Артуре» и потом, завершив главу о Гарете Оркнейском,— содержатся непосредственно в колофонах книги.

Историкам же известен живший в это время некий Томас Мэлори, который родился в первой четверти века и умер 14 марта 1471 г. и, видимо, как раз и является автором «Смерти Артура» (см. *Kittredge G. L.* Who was sir Thomas Malory? Boston, 1897; *Hicks E.* Sir Thomas Malory, His Turbulent Career, 1928., *Vinaver E.* Malory, Oxford, 1929; *Bradrook M.* Sir Thomas Malory. L., 1958). Он принадлежал к старинному норманнскому варвикширскому роду. Отец его, Джон Мэлори, был варвикширским шерифом и дважды членом парламента. Сам Томас Мэлори в молодости под началом своего фамильного патрона графа Варвика (тогда Ричарда Бошампа) служил «с одним конником и двумя лучниками» в составе гарнизона Кале (1436 г.). В 1445 г. возвратившийся с войны Томас Мэлори также был представителем Варвикшира в парламенте. Однако с 1450 г. по 1468 г. почти все обнаруженные документы, имеющие к нему отношение, рисуют сэра Томаса Мэлори либо судимым, либо осужденным, либо бежавшим из тюрьмы, либо отпущенным на поруки,— но, так или иначе, преступником. Исключение составляют упоминания о том, что в 1456 г. он опять был депутатом парламента, и о том, что в 1462 г. вместе с Ричардом Невилем графом Варвиком он принимал участие в нортумберландской кампании Эдуарда IV — см. прим. 28, стр. 867. Преступления, вменявшиеся в вину Томасу Мэлори, многочисленны: грабеж на большой дороге, кража со взломом, угон скота, насилие над женщиной, разорение монастырской собственности, неоплаченный долг и пр. и пр. Правда, следует иметь в виду, что историки располагают лишь обвинительными документами, которые сами по себе еще не есть доказательства вины. Однако надо думать, что это был человек весьма буйного нрава (за ним числятся два дерзких побега из тюрьмы) и, видимо,

самой скверной репутации, дважды исключавшийся из амнистий Эдуарда IV (1468). Во всяком случае, рыцарю Томасу Мэлори досталось полной мерой вкусить от тягот заточения, и на страницах своей книги он молит бога об освобождении и со знанием дела толкует о доле узника. Ср. прим. 23, стр. 856.

ПОВЕСТЬ О БЛАГОРОДНОМ КОРОЛЕ АРТУРЕ, КАК ОН САМ СТАЛ ИМПЕРАТОРОМ ЧЕРЕЗ ДОБЛЕСТЬ СВОИХ РУК

Повесть о Римском походе Артура — единственный раздел книги Мэлори, в котором Винчестерский манускрипт радикально отличается от печатного текста Кэкстона. Кэкстон, говоря условно, «сократил» Винчестерскую рукопись примерно в том же отношении, в каком ее автор сократил аллитеративную поэму XIV в. «Morte Arthure»,— вдвое.

Написанная архаическим стилем и способом и послужившая Мэлори непосредственным источником, она наложила некоторый отблеск своеобразия и на этот раздел книги Мэлори, что прежде всего заметно на его стиле. В прозаической повествовательный текст включаются целиком аллитерирующие строки, т. е. фразы, содержащие по нескольку слов, начинающихся с одной и той же буквы. Появляется необычное для Мэлори в других разделах множество синонимических эпитетов — также черта аллитеративной поэзии, во что бы то ни стало подбиравшей хвалебный эпитет. На ту же букву, что и имя героя. Аллитеративное происхождение имеют также ряды географических названий. См. об этом прим. 15, стр. 849.

Мотив войны с римским императором Луцием восходит к «Истории британских королей» Гальфрида Монмутского и историческими фактами ни в коей мере не подтверждается. Ученые-«кельтисты» предполагают, что самому Гальфриду материал дал валлийский миф о войне героя с богом Лугом, однако существование такого мифа ничем, кроме общих соображений, не подтверждается.

Относительно императорства Артура можно только отметить, что если он, согласно гипотезе Джона Риса (см. Предисловие к изданию: *Malory*. The Birth, Life and Acts... Эдинбург, 1893), занимал римскую должность Comes Britanniae после отпадения провинции Британия, то он действительно имел формальные основания считаться среди соотечественников римским императором. Интересно, что, в то время как Гальфрид не говорит об императорстве Артура, валлийские тексты иногда величают его «императором», а вот «королем» — никогда.

Этот раздел, второй по порядку и в *C* и в *W*, проф. Винавер считает хронологически первой и по замыслу самостоятельной работой Мэлори (*V* XXXV—XXXIX). Сопоставление с текстом английской аллитеративной поэмы XIV в. «Morte Arthure» убедительно показывает, что именно она послужила Мэлори источником для переложения — об этом свидетельствуют и аллитерирующие фразы, и эпические старогерманские образы, не говоря уже о сюжете. Сравнение текстов в то же время показывает самобытность, простоту и драматическую насыщенность слога Мэлори — едва ли не самое главное и неоспоримое достоинство его книги. Проф. Винавер полагает, что обработка староанглийской поэмы послужила Мэлори той мастерской, где он выработал свой стиль, прежде чем приступить к созданию отдельных частей книги.

У этой точки зрения есть и сторонники и противники. К последним принадлежит, например, переводчик книги на чешский язык Ян Цаха (см. предисловие к книге «Artušova Smrt». Praha, 1960) или редактор сборника статей «Malory's Ori-

ginality», изданного в Балтиморе в 1964 г., Р. М. Лумянский со своими сотрудниками. Как бы то ни было, единственное текстологическое соображение, на котором основывается Винавер, «переставляя» «Артура и Луция» на первое место, перед «Повестью о короле Артуре», выглядит не очень убедительно. Речь идет о том, что в «Артуре и Луции» содержится описание поединка Артура с великаном, заимствованное из *МА*; схожее описание поединка с великаном есть и в конце кн. IV — эпизод «Гавейн, Ивейн и Мархальт», не подкрепленное источниками; отсюда Винавер заключает, что в кн. IV использован готовый текст кн. V и, значит, кн. V написана раньше всего, поскольку кн. I—IV, по Кэкстону составляют одну неразрывную первую книгу Винчестерского манускрипта. Но поединок человека с великаном — сюжет весьма распространенный в мировой литературе — ср. хотя бы бой Давида с Голиафом. Недаром же Дон-Кихоту мерещились в мельницах великаны, и Мэлори не было необходимости заимствовать его именно из «Артура и Луция». (Ср. мотивы «Великан с дубинкой», «Великан-людоед», и «Поединок с великаном». *Thompson H.* 1561—1566.) Текстуальные же совпадения в картинах обоих поединков представляются не столь уж разительными и могут быть объяснены, как кажется, определенными особенностями стиля Мэлори.

[1] *...сэр Белин и сэр Брин,.. Константин, сын королевы Елены Английской...* — Белин и Брин — легендарные короли Британии — упоминаются в латинской «Истории британских королей Гальфрида Монмутского (XII в.). Константин Великий, сын Елены, римский император 306—337 гг., также фигурирует в «Истории» Гальфрида, где ему, однако, приписаны черты и дела его сыновей и некоторых фольклорных героев.

[2] *Малая Британия* — французская Бретань, в противоположность Великой Британии; во времена римского владычества она называлась Арморикой, а современное имя получила после того, как была колонизована бриттами и другими кельтскими племенами, частично вытесненными с Британских островов англами и саксами (ок. V в.). Именно среди эмигрантов, не покорившихся завоевателям, и культивировался прежде всего героический образ борца за независимость — короля Артура и получил развитие весь связанный с ним цикл легенд.

[3] *Амбагия, Аррагия...* Ambage — (Амазония?), Arragé (?), Elamye (земля библейского племени еламитов?), Demayate (город в Египте?), Erretayne (Гиркания у Каспийского моря?). — В этом реестре за некоторыми именами едва ли вообще подразумеваются какие-либо конкретные географические представления. Именно поэтому невозможно с достоверностью заключить, какие реальные страны имеются в виду даже в тех случаях, когда само название и можно узнать. Во всяком случае, *Ack* воздерживается от идентификаций, давая лишь иногда, и под вопросом, возможные толкования. См. *Ack. s. v.*

[4] *Пресвитер Иоанн* — легендарный христианский царь-первосвященник, правивший якобы в XII веке сказочной благодатной страной где-то в глубине Азии. Фигурирует в многочисленных средневековых легендах, в том числе и относящихся к Святому Граалю. Вера в его реальное существование была настолько велика, что, по сведениям историков, папа Александр III (ум. 1181 г.) отправил к нему посольство с письмом, ответа на которое, естественно, так и не получил. См. об этом: *Л. Н. Гумилев.* Поиски вымышленного царства. (Легенда о государстве пресвитера Иоанна). М., «Наука», 1970.

[5] *Галахия (С:* Gallacye) — условный русский эквивалент (м. б., Валахия?). Название это интересно тем, что оно одного корня с Галлией, Уэльсом (Galys), Галицией (Зап. Украина), Галисией (Испания) и пр. Все эти имена восходят к германскому слову, означающему «отдаленную, пограничную территорию». См. также прим. 3, стр. 850.

[6] *День святого Гилария* — 14 января; однако существует и другой, менее знаменитый, святой Гиларий, память которого отмечается западной церковью 5 мая.

[7] *...и решено было назначить двух правителей... сэра Бодуина Бретонского и сэра Константина... что стал королем после смерти Артура.*— Зд. *М* существенно отходит от своего источника — в *МА* блюстителем королевства и королевы Артур оставляет Мордреда, отчего и проистекла трагическая развязка всей книги (ср. кн. XXI). В фигурах же двух правителей: Бодуина и Константина — просматриваются реальные исторические «прототипы»: епископ Генри Бофорт и королевский брат герцог Бедфорд, действительно остававшиеся в качестве правителей Англии в 1415 г. в отсутствие Генриха V, отправившегося с армией на континент (*V* XXV).

[8] *Карраки, галеоны, барки, галеоты.* — Имеются в виду разного рода «круглые» суда, т. е. суда, предназначенные для перевозок и имеющие очень широкие обводы.

[9] *Завоеватель.* — В истории прозвание «Завоеватель» сохранено за Вильгельмом I Завоевателем (1066—1087). Однако, как можно судить по текстам, это был почти титул, прозвание короля, проделавшего победную военную кампанию. По-русски правильнее было бы «Победитель», но поскольку для William the Conquerer принято «Завоеватель», в переводе оставлено это традиционное прозвание.

[10] *Мои предки приехали с Брутом из Трои.* — Намек на легендарного родоначальника британцев Брута, родича Энея. Будучи изгнан из Рима, Брут попадает в Грецию, оттуда с потомками троянцев отправляется на северо-запад и в конце концов завоевывает Альбион, который по его имени стал называться Brutannia или Britannia. Рассказ этот содержится в псевдоистории Ненния (IX в.) и лег в основу первых книг прославленной «Истории британских королей» Гальфрида Монмутского. Такой прием ложной этимологии образования имени лица из топонима широко распространен в средневековой литературе.

[11] *...в Лотарингию...* — В обоих вариантах, и *W* и *C*, маршрут Артурова войска определенным образом изменен в сравнении с *МА*, где Артур движется от Барфлета (вероятно, совр. Барфлер в Нормандии — *Аск*) через Суассон(?), в Люксембург, Мегц, Люцерн, Готард и Комо. У Мэлори же Артур после победы над Луцием «в долине Суассона» поворачивает на север и только потом возвращается в Южную Алеманию. В этом описании усматривается параллель к реальному историческому эпизоду — походу Генриха V, когда он, высадившись на континенте, по стратегическим соображениям форсировал Сомму в верхнем течении, а затем повернул на север и, миновав Бланжи, одержал свою достославную победу при Азенкуре (1415) (*V* 1388).

Наиболее уязвимым звеном этой гипотезы является, однако, местонахождение условного Суассона (у Мэлори — Sessoyne, от Sexon, «саксонский»), относительно которого высказываются самые противоречивые догадки (*V* 1381).

[12] *Гамбизоны ...дублеты* (*C:* paltockes; *W:* paltokkys and doublettis). — Оба слова употреблены как синонимическая пара. Дублет — это короткий кафтан, стянутый в поясе; во времена Мэлори только вошел в обиход. Встречается в тексте и ниже,— например, в эпизоде «Александр-Сирота», Paltock — примерно то же самое, «одежда с рукавами» в отличие от прежде употреблявшихся всевозможных плащей и накидок. (Кстати, и покроем, и названием — предок современного «пальто».) В тексте встречается только однажды. Для перевода в пару «дублету» избрано смежное «гамбизон» — специальная поддевка под латы, обычно замшевая, назначение которой смягчать удары.

[13] *...возвел меня в йомены...* — В средневековой Англии молодые люди — обычно рыцарские дети — проходили перед посвящением в рыцари подготовку при дворе сеньора сначала в роли пажа (page), затем (не всегда) в роли йомена (yeoman < young man) и, наконец (условно), оруженосца (squire). Все три звания предполагали служение рыцарю как в бою и в походе (squire — на коне, page — пешим), так и в домашнем быту, т. е. и в качестве личного слуги. Впоследствии за «йоменом» в этом смысле закрепилось именно такое значение. А поскольку в русском языке понятия эти не столь ясно разграничены (так, «Большой Академический словарь современного русского литературного языка» дает для «оруженосец» значение: «1. В средние века — молодой дворянин, обязанный сопровождать и охранять рыцаря в бою, заботиться о его оружии и коне»), в переводе не проводится строгого разделения между пажом и ору-

женосцем: squires, выполняющие всевозможные бытовые обязанности, обычно называются в переводе *пажами*. (Ср. Акад. словарь: «Паж — ...проходящий...подготовку к рыцарскому званию в качестве личного слуги».) «Йомен» в этом значении у *M* употреблено только однажды.

14 *...четырех рек, что текут из Рая*,.. — В Библии (Бытие 2, 11—14) об этом сказано так: «Из Эдема выходила река для орошения Рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон; она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото... Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассирию. Четвертая река Евфрат». Первая и вторая реки, текущие из Рая, бесспорному отождествлению не поддаются. Третью почти все исследователи считают Тигром.

15 *Плезанс и Павия, Петерсанта и Порт-Трембило*.— Исследователям удалось в Альпах и на Апеннинском полуострове обнаружить реальные географические соответствия почти всем названиям, перечисленным у *M* в кн. V — Витербо, Сполето, Плезанс, Пьетрасанта, Павия, Понтремоли (См. *Аск. s. v.*).

В качестве контрпримера можно привести Vale of Visecounte — долину Вискаунта, возникшую в *M* по недоразумению из *MA*: And one the viccunte londes he visez to lenge (*V* 1396).

Но возможно или невозможно указать соответствующее современное географическое название, — это обычно ничего не дает, т. к. в тексте такие перечисления носили главным образом условный характер, следует помнить, что это — по происхождению — аллитерирующие ряды. На уровне *C* они иногда уже неразличимы, оставаясь при этом явственными в тексте *W*. *C*; Spolute Vyterbe, Vale of Viscount. Непонятно, откуда Spolute, но в *W*: Than he Spedys towarde Spolute with his Spedfull knygrtes.

16 *...как повествуют романы*...— Ни один из доказанных или предполагаемых источников Мэлори, начиная с «Истории» Гальфрида Монмутского, не содержит утверждения о том, что Артур был коронован императором (*V* 1362). Но именно в этом оригинальном патриотическом пассаже, рожденном, как можно полагать, военно-дипломатическими триумфами Генриха V (см. также прим. 11, стр. 848), Мэлори счел необходимым сослаться на вымышленный французский авторитет (см. об этом прим. 10, стр. 836). Все известные французские источники, как и *MA*, после возвращения Артура из римского похода сразу же переходят к описанию предательства Мордреда и гибели королевства. Замысел заключить почти весь «артуровский» материал между собственно повестью о победе над Луцием и ее же финалом принадлежит, как можно полагать, самому Мэлори. Винавер идет здесь еще дальше и считает главу о войне с Луцием первым разделом всего романа.

СЛАВНАЯ ПОВЕСТЬ О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ ОЗЕРНОМ

1 *Ланселот Озерный* — персонаж, ставший протагонистом артуровских сюжетов лишь на романской почве и сменивший в этой роли Гавейна. Однако в нем, как и в образе Гавейна, сохранились генетические черты «солнечного героя» и отзвуки аграрных мифов — так, майский поезд, похищение и спасение Гвиневеры можно рассматривать как вариацию мифа о Персефоне. Как «солнечный герой» Ланселот ведет свое происхождение от кельтского бога Луга, который уже в «Куллохе» появляется в роли одного из воинов Артура. Имя Ланселот считается искаженным и романизированным валлийским прозванием Луга — Lanynnauc, «Белорукий». Что до прозвища Озерный, то оно еще недвусмысленнее свидетельствует о генетической связи Ланселота с Лугом. Как имя нарицательное валлийск. lluch означает «озеро», отсюда все озерные мотивы, возникшие как позднейшее осмысление уже на стадии «циклизации» артуровских сюжетов: детство на дне озера, воспитание Владычицей Озера, почти не отраженные в тексте Мэлори, сам субрикет. Точно так же поздним является и мотив любовной связи с Гвиневерой, хотя Гвиневера упоминается в качестве неверной жены еще в ранних валлийских текстах.

2 *Семь лет меня так не одолевал сон*.— Семь лет — любимый срок Мэлори (как и вообще число 7). Параллельные французские места указаний на «семь лет» не содержат

(*V* 1405). Этот фразеологический оборот, весьма часто вторгающийся в текст просто в значении «долго», представляет собой еще один стилистический прием, связывающий Мэлори с фольклорной традицией. Ср. также: «семь царств обыщу» «семеро братьев из Северного Уэльса... семь благороднейших рыцарей — семь королевств можно было обыскать, и все же не найти других таких семерых рыцарей» (см. стр. 830).

[3] *Эктор Окраинный* (Ector de Marys).— Прозвание младшего брата сэра Ланселота, по-видимому, образовано не от лат. mare, «море», как оно осмысляется в романской сфере, а от германского корня — ср. Ланселот едет throwoute morys and mares, т. е. «через топи и болота»; ср. также совр. англ. Marches — название низменных побережий Уэльса и Корнуэлла, со значением «отдаленная пограничная территория») ср. «марки» и «маркграфы» Священной Римской империи). Примечательно, что Galys (совр. Wales — Уэльс) также восходит к германскому корню того же значения — «отдаленная, окраинная территория». Ср.: Уэльс, Галлия, Валахия, Галиция, Галисия (Испания); ср. также: Украина. (См. *Wr* I, 21, 270.)

[4] *Обитель белых монахов.*— Белыми монахами в Англии назывались члены старинного (существует с XII в.) монашеского ордена кармелитов, облачение которых состояло из белого плаща поверх черной рясы. Вытесненные сарацинами с Ближнего Востока, кармелиты с середины XIII в. расселились в Южной Европе и в Англии. Наряду с белыми, Мэлори упоминает также несколько раз серых монахов. (Ср. кн. XXI: «если только найду монаха-отшельника, серого или белого, который согласится меня принять».) Серыми в Англии называли монахов из нищенствующего ордена францисканцев.

[5] *Долгополая ферязь.*— Ферязь — широкий длиннополый кафтан с короткими рукавами и без перетяжки в поясе. В переводе употреблено для передачи английского longe gowne совершенно в том же значении.

[6] *...оставили сэра Кэя...*— характерный повествовательный прием Мэлори, вернее отсутствие такового. Он не оттягивает сюжетного разрешения, развязки, а спешит сообщить только было заинтересовавшемуся читателю, кто был этот неизвестный рыцарь. Ср. также прим. 31, стр. 857.

[7] *Хелависа* (Hellawes) — одна из форм того же имени, что носила, в частности, прославленная возлюбленная Пьера Абеляра Элоиза — Héloise.

[8] *...и нашел королеву Гвиневеру с королем Артуром в Винчестере;..*— Следует иметь в виду, что для Мэлори Винчестер и есть сказочный Камелот короля Артура. См. прим. 37, стр. 841.

ПОВЕСТЬ О СЭРЕ ГАРЕТЕ ОРКНЕЙСКОМ

«Славная повесть о сэре Ланселоте Озерном» (кн. VI Кэкстона) имеет источником французскую прозаическую версию романа о Ланселоте. «Повесть о сэре Гарете» (кн. VII Кэкстона) не имеет, по-видимому, какого-то одного источника. Есть несомненные аналогии между этой частью эпопеи Мэлори и такими романами Кретьена де Труа, как «Эрек и Энида» или «Повесть о Граале», между нею и рядом других французских романов. Однако история младшего сына короля Лота во французской средневековой традиции не стала темой отдельного произведения. Как справедливо полагает Винавер, трактовка характера сэра Гавейна у Мэлори в этой части его эпопеи наиболее близка к его трактовке во французском прозаическом романе о Тристане.

[1] *Кинке-Кинадон* (Kynke Kenadoune, Kynkenadon).— Как доказывает Лумис (*Loomis.* Wales and Arthurian Legend. Cardiff, 1956), название это представляет собою искаженное Snowdon, через англ.-норм. Sinadon. Так в XII—XIII вв. стал называться (по местности) мертвый город Caer Segeinte, лат. Segontium, один из форпостов Рим-

ской Империи в Британии, расположенный близ Карнавона на возвышенности Сноудон. С IV в. он лежал в руинах и, как большинство таких развалин, оказался переосмысленным народной фантазией как место действия старинных сказаний.

2 *...Бомейн, что значит «Прекрасные Руки».*— Следует иметь в виду, что для изложенной у Мэлори повести о приключениях младшего брата сэра Гавейна, который повсеместно носит имя Гарет и только здесь выступает под прозвищем Бомейн (Beawmaynes, с переводом), исследователям по сей день не удалось разыскать ни французских, ни английских источников или параллелей.

Относительно происхождения этого сюжета и имени его протагониста существуют три гипотезы. По одной (ср., например, *Chambers E. K.* Arthur of Britain. London, 1927) и сам герой и его имя представляют собой вариант Гавейна (Geauvains Beaumains с англо-норманнской этимологизацией), некогда излюбленного героя британского эпоса. По другой гипотезе (*Kittredge G. L.* Who Was Sir Thomas Malory? Boston, 1897; *Schoffield W. H.* Chivalry in English Literature. Cambridge, 1912), прототипом для героя оригинального сочинения Мэлори послужило реальное историческое лицо, современник Мэлори и герой в его глазах — Ричард Бичем (Бошамп, Richard Beauchamp), граф Варвик, о сходстве которого с Гаретом-Бомейном, помимо созвучия имен, см. также прим. 13, стр. 852. Проф. Винавер также отмечает (*V* 1420), что толчком для воображения Мэлори при создании столь странного прозвища могло послужить одно место из прозаического французского «Ланселота», где сообщается, что Gaheret имел правую руку длиннее левой.

Буквально толкуя имя героя, Мэлори пишет, что у него были «руки... большие и красивые» (the largest and the fayryst handis), однако это описание допускает и фигуральное осмысление, понимай: «fair-handed» и «large-handed» как «справедливый» и «щедрый».

3 *...вырос при монастыре, где не видели вдоволь ни еды, ни питья.*— Райт усматривает в этом замечании сатиру на монастырское житье, ибо, согласно народному мнению, монахи ничего не делали и только чревоугодничали (*Wr* I, 235). Так или иначе, здесь нельзя не услышать враждебной ноты, тем более если вспомнить, что у самого сэра Томаса Мэлори были в 1451 г. крупные столкновения с монастырем Монкс-Керби, приведшие его в тюрьму.

4 *...кидал бревна и камни...* — Единственное в книге Мэлори упоминание о спорте (maystry), которым, как видно из контекста, в отличие от рыцарских турниров и поединков, занимались люди низкого звания На севере Великобритании, например в Горной Шотландии, бросание бревен — до сих пор популярный вид спорта.

5 *...звался он сэр Перард...*—На страницах книги Мэлори многократно встречается нечто вроде формулы, которая произносится в связи со смертью персонажа и содержит объявление его имени, а также краткую лестную характеристику. Здесь, очевидно, мы имеем дело с рудиментами некоторого общеевропейского погребального обряда. Ср. русск. «Поминай как звали» и «Сенькой звали».

6 *...навесными бойницами на все стороны прорезанная...*— Навесными бойницами, или машикулями, называются горизонтальные щели-стрельницы в стенах с выдвинутыми на кронштейнах наружу «подошвами».

7 *...сила его возрастает...*— Сказочный мотив, характерный для кельтского фольклора. Ср. о Гавейне прим. 58, стр. 844.

8 *...любить же ту, которая не любит тебя,— великое неразумие.*— Следует иметь в виду, что глава о Гарете не находит параллелей ни во французских, ни в старых английских текстах и потому авторство этого вопиющего отступления от традиционных куртуазных взглядов у Мэлори быть оспорено не может. Впрочем, в тексте книги есть немало и других мест, показывающих, сколь несвойственна была практичному духу бедного рыцаря старомодная куртуазность. См. прим. 52, 53, стр. 843. Ср. *V* 1426.

9 *...ехал, покуда солнце не поднялось совсем высоко* (untyll undyrn). — Для слова undyrn (совр. undern, «полдень») проф. Брук допускает здесь специальное значение «вечер» (см. «Vocabulary» в издании Винавера), которое, правда, можно обнаружить

в современных сев.-англ. диалектах, но не в XV в. и не у Мэлори (см. *OED s. v.*). Однако ниже из контекста становится очевидным, что в таком допущении нет нужды, так как леди Лионесса объясняет, что герой от сердечной тоски ляжет спать среди бела дня.

10 *...меня называют Красным Рыцарем Красного Поля, имя же мое — сэр Иронсид-Железный Бок.*— Иронсид (Айронсайд), разумеется, не имя а тоже прозвище,— ср. «железнобокие» XVII в., сторонники Кромвеля. Ср. также король уэсекcский Эдмунд Айронсайд (X в.).

11 *Успение Богородицы* — 15 августа. Праздник восходит к древнейшим временам христианства, с IV в. отмечается повсеместно, однако дата его окончательно установлена только в VI в., а первоначально в некоторых местах его справляли 18 января.

12 *Груммор Груммopсон* (*C*: Grummore Grummarson, a good knyghte of Scotland: *W*: syr Grumor and Grummorson, two knyghtes of Scotland).— Проф. Винавер упрекает здесь Кэкстона в создании одного персонажа из двух (см. *V* 1675), между тем как эта конъектура здравомыслящего первопечатника и редактора представляется вполне уместной, ибо Груммор Груммopсон — типичная патронимическая форма имени «дана», скандинава, которые вошли «третьим элементом» в образовавшуюся английскую нацию. В подтверждение правоты Кэкстона можно также сослаться на эпизод турнира несколько ниже (стр. 232), когда против Тора и Агловаля выехали, согласно Винчестерскому манускрипту, Бриан-Островитянин, Груммор и Груммopсон, т. е. трое против двоих, что было бы нарушением элементарных правил рыцарского обихода. Вторично этот «двойной» персонаж появляется в разделе «Исцеление сэра Уррия», и там тоже Кэкстоном сделана такая же поправка: Syr Gromere Grummors sone (сэр Груммор Груммopсон).

13 *И так... менялись на нем цвета, ...так что ни рыцарь, ни король не могли его сразу признать.*— Этому, казалось бы, совершенно сказочному эпизоду исследователи (Киттредж. Скофилд) дают, однако, самое реалистическое истолкование: предполагается, что Мэлори имеет в виду реальный подвиг одного из реальных героев своего времени — Ричарда Бичема (Бошампа), графа Варвика. Современник и, возможно, друг Мэлори Джон Рус рассказывает (*John Rous*, Life of Richard, Earl of Warwick), как в 1417 г. на турнире под Кале граф Варвик трижды в разных обличиях победно выступил против французских рыцарей (*V* 1429). Следует, однако, иметь в виду, что сюжет с рыцарем, меняющим цвета, известен в ирландских сагах (*Thompson* D 682) и в пределах артуровского цикла повторяется в применении к Гавейну. Правдоподобнее, поэтому, представляется предположение проф. Лумиса («Malory's Beaumains»), что в XV в. такие рыцари, как граф Варвик и др., сами сознательно подражали идеальным героям артуровских сказаний.

14 *По коню король видел, что это — тот же самый рыцарь* (W. by hys hores; C. by hys here, в дальнейшем интерпретировалось как his hair).— По мнению проф. Винавера, это — элементарная опечатка Кэкстона, однако исследователи усматривали в этой детали (узнавание по волосам) еще один след позднего происхождения персонажа от валлийского Гури Длинноволосого, которого, вероятно, даже не видя лица, можно узнать по волосам, а самое имя дало Гарета и Гахериса. См. об этом также прим. 31, стр. 840.

15 *Герцог де ла Рус* (duke de la Rous).— Джон Рус (1411—1492) — лицо историческое. Это был священник и писатель, автор упомянутого выше жизнеописания графа Варвика (см. выше прим. 13). Предполагают, что Мэлори был близок с Русом, чем и объясняется в книге пристрастно почтительное отношение Гарета к рыцарю, носящему это имя (*V* 1430). См. также *Schoffeild W. H.* Chivalry in English Literature. Cambridge, 1912.

16 *Михайлов день* (Mychaelmas) — праздник Михаила Архангела 29 сентября. Это — один из четырех дней, традиционно разделяющий в Англии год на кварталы (Quarter-days) в приблизительном соответствии с астрономическим делением года — ср. Christmas (Рождество) — 25 декабря; Lady Day (Благовещение) — 25 марта; Midsummer Day (Иванов день) — 24 июня.

17 *Гарет, Гахерис.*— Следует иметь в виду, что эти два имени в действительности представляют собою основную и номинативную формы одного слова — разделение и образование двух персонажей произошло на почве французского романа. Самое имя восходит к валлийскому Gury Gwallt Anwyn (т. е. Гури Имеющий Волосы как Поводья). А из его прозвища развилось, как предполагают, имя Гавейна (см. прим. 31, стр. 840), так что все трое генетически — один персонаж, раздвоение и дальнейшее умножение которого отражает широко прослеживаемое в литературе явление редупликации элементов — ср. трех сестер Артура (прим. 7, стр. 836), эпизоды с Гаретом, Лакотом и Александром-Сиротой, два «плачевных удара» (кн. II и кн. XVII) и т. д.

18 *...сочетал браком сэра Гарета и леди Лионессу. А сэр Гахерис... сочетался браком с мадемуазель Саваж... А еще король Артур женил сэра Агравейна на племяннице леди Лионессы, прекрасной даме по имени Лаурелла.*— Такая «трехчленная» счастливая концовка, как отмечает проф. Винавер (*V* 1431), совершенно не свойственна сложным конструкциям французского прозаического рыцарского романа и может быть соотнесена с другими чертами фольклорной трактовки текста, характерной для стиля Мэлори. По-видимому, он не только сам «женил» Гахериса на Лионетте, что не подтверждается никакими другими текстами, но и присочинил новый персонаж — леди Лауреллу, специально для ровного тройного счета.

19 *...дабы послал ему господь поспешное и скорое освобождение* (good delyveraunce sone and hastely).— Это обращение от автора, так же как и колофон «Книги о короле Артуре» (см. концовку кн. IV), отсутствует в печатном тексте и является убедительным свидетельством того, что книга Мэлори, хотя бы отчасти, написана им в тюремном заключении (*V* XIV—XV) — ср. также прим. 65, стр. 845.

КНИГА О СЭРЕ ТРИСТРАМЕ ЛИОНСКОМ

1 *Лион Lyones (Lyonas).*— За право называться родиной Тристрама спорят — как семь городов Древней Греции о Гомере — Западная Англия, Уэльс, Корнуэлл, Бретань и Южная Шотландия. В каждой из этих местностей есть пункты, которые народная фантазия и народная этимология отождествляют со сказочной землей Lyoness (она же Leonais, Loonois, Loenes и т. д.).

См. *Brugger E.* Loenois as Tristram's Home.— «Modern Philology», v. 22. Chicago, 1924—1925, p. 159—191; *Crawford O. G. S.* Lyoness.— «Antiquity», v. 1, 1927; *Hennie J.* Arthurian Localities.— «Early English Text Society», № 36. Oxford, 1869, p. III. См. также прим. 6, стр. 836.

Не отдавая предпочтения ни одной из сторон, настоящий перевод избирает для прозвания Тристрама форму «Лионский», отнюдь не имея в виду при этом никакого реального географического пункта, менее всего — французский Лион. О распространении элемента «Лион» в артуровских текстах — см. прим. 20, стр. 838.

2 *Елизавета* — во французских параллельных текстах Изабель (Ysabel) или Элиабель (Elyabel). Известно, что Елизаветой звали жену Мэлори, мать его единственного сына Роберта.

3 *...Тристрам, что значит: «горестного рождения»* (a sorrowful byrth) — широко распространенная во французских рыцарских романах ложная этимология (Trystan<triste). В действительности, как полагают исследователи (см. статью H. Newstead *ALMA*), это имя произошло от имени Drost, Drostan, которое, как явствует из хроник, носили пиктские «царьки». Один Drostan фигурирует в качестве героя валлийской легенды, сюжет которой содержит рудименты тристановского сюжета. Идентификация *Лион-Лотиан* может служить следом северного происхождения этого героя. Сам же прославленный сюжет о Тристраме, Марке и Изольде возник на почве валлийского фольклора по образцу ирландских любовных мифов о Диармайде и Грайне и о Найси и Дейрдре, а затем, попав из Бретани в литературу французского языка и обогатившись другими мотивами, которые уходят корнями даже в арабскую и индийскую литературы, в XII в. послужил материалом для поэтических обработок. В артуровский цикл Тристрам включен еще валлийскими сказителями (в триадах Drystan mab Tallwch, т. е. Дристан сын Талоха упоминается наряду с Артуром).

4 *Книга сэра Тристрама.*— Принято считать (*Wr* II, 7), что имеется в виду знаменитая «Книга Сент-Альбанса» (Booke of St. Albons), одно из первопечатных английских изданий, впервые, к тому же, снабженное цветными гравюрами. Это — ряд стихотворных трактатов об охоте, содержащих ссылки на Тристрама как на арбитра:

Where so ever ye fare by fryth or by fell,
My dere chylde, take hede how Trystram do tell.
Зверя загнав по лесам и полям,
Помни, дитя, чему учит Тристрам.

Однако именно эту книгу Мэлори не мог иметь в виду, так как она была напечатана в 1486 г., тогда как Мэлори завершил свой труд в 1471 г. О Тристраме как законодателе искусства охоты см. прим. 42, стр. 858.

5 *...джентльмена от йомена и йомена от мужика.*— Здесь слово yoman (совр. yeoman) употреблено в том значении, как оно вошло и в русский язык: «средний и зажиточный крестьянин в Англии XIV—XVI вв.» (БСЭ). Разъяснение из *OED*: «человек, владеющий небольшой земельной собственностью, свободный землевладелец рангом ниже джентльмена». См. также прим. 13, стр. 848.

6 *...в ту самую страну, откуда взялся этот яд...*— Характерный случай «рационализации» у Мэлори. По французской версии, судьба приводит Тристана, погруженного на корабль «без руля и ветрил», в Ирландию, отчего и завязывается знаменитая трагедия. У Мэлори же сэр Тристрам сознательно направляет свой корабль к берегам Ирландии, дабы отыскать там противоядие, что, по остроумному замечанию проф. Винавера (*V* 1446), вполне согласуется со взглядами современной фармакологии.

7 *...завоеватель замка Плачевной Стражи.*— Имеется в виду один из первых подвигов юного Ланселота, описываемый во французских романах,— овладение замком, расположенным на скале и окруженным двойными стенами; во всех воротах замка, постоянно запертых, стояли по десять рыцарей. С этой победы началась слава Ланселота (*V* 1447).

8 *...племянники с сестринской стороны* (sistyrs chyldyrn).— Известно, что в старогерманском («каноническом») праве родству между братом матери и детьми придается преимущественное значение, в чем усматривают очевидные пережитки материнского рода. Так, Тацит, описывая нравы и обычаи германцев, сообщает, что они на племянников смотрят, как на своих сыновей, а часто такое родство почитается еще священнее и ближе, так что в заложники, например у них предпочитают брать сыновей сестры. Разумеется, для Мэлори это уже рудименты сюжета или даже языка, однако, не зная этого, нельзя понять взаимоотношения Артура и Гавейна, Артура и Мордреда и др. Ср. также прим. 43, стр. 858.

9 *...две дамы ...сговорились погубить Брангвейну.*— Во французских текстах и в прочих вариациях этого сюжета Брангвейну обрекает на смерть сама Изольда, после того как верная служанка заменила ее в брачную ночь на супружеском ложе. Мэлори предпочитает представить свою героиню в более благоприятном свете, по нравственным понятиям нового времени. Т. Рамбл (T. Rumble) в книге «Malory's Originality» (1964) замечает, что именно Мэлори принадлежит замысел сделать героиню привлекательнее, «положительнее» и тем придать психологически убедительное оправдание любви к ней Тристрама, тогда как мотив любовного напитка был «редуцирован» еще в текстах XIII в. Действительно, мотив трагической любви к недостойному объекту, как, например, Манон Леско, не присущ, по-видимому, английской литературе, если не считать такого «офранцуженного» автора, как У. Сомерсет Моэм (ср. «Бремя страстей человеческих»).

10 *...хоть сын кобылы и отказался мне служить, сын королевы к твоим услугам!* (a marys sonne — a quenes sonne).— Формула, дважды встречающаяся на страницах книги Мэлори (ср. также конец кн. XX). Она носит характер приема эпической поэзии как по возвышенному тону, так и по матриархальному определению («сын кобылы», «сын королевы»), в последнем случае уже модернизированному (kyngis sonne and quenes

sonne — «сын короля и королевы»). И само обозначение коня как «сына кобылы» восходит к стилю старогерманского эпоса — ср., например, образы типа «сын молота» — меч в «Беовульфе» и т. п.

11 *Агрип* (Gryp(e)).— И Эккерман, и Винавер в своем «Индексе» в параллель этому имени приводят старофранцузскую форму Agripes, которая по соображениям благозвучия и принята для настоящего перевода.

12 *Супинабиль (Suppinabyles).*— Это имя можно считать смысловым (от лат. supinare) в значении «легко повергаемый», «тот, кого повергают» (ср. прозвище Юпитера Supinalis — «повергающий»). Однако, поскольку значение имени здесь никак не связано с характером персонажа и презрительное отношение к нему нигде не выражено, имя оставлено непереведенным. (Ср. в «Песне о Роланде» Пинабель — отрицательный герой, друг, родич и поручитель изменника Ганелона.)

13 *Остров Серваж, долина Серваж.*— Ниже из текста следует, что имеется в виду, во всяком случае, не остров в теперешнем смысле, оттуда только в Бретань плывут на корабле, а в Уэльс скачут на лошади. Действительно, старинное словоупотребление допускало для isle, island, более широкое значение, включающее такие понятия, как «сильно выдающийся мыс», «возвышенность, окруженная болотами», «участок, отрезаемый водой от остальной суши во время половодий или приливов» и т. д. Следы сохранились в географических названиях — ср. Портленд-айленд (см. *OED s. v.*). Благодаря такому пониманию, народная топонимика и монастырские легенды могли отождествить легендарный остров Авалон, он же ирландский Инис Витрин, с Гластонберийским монастырем, расположенным на холмистом мысу в долине реки Бру. См. также прим. 14, стр. 866.

14 *...я не из тех, кто может возненавидеть благородного рыцаря из-за легконравной женщины.*— Декларация, вложенная в уста персонажа непосредственно Томасом Мэлори и во французских романах немыслимая (*V*, 1453).

15 *Логрис.*— Англия короля Артура обычно называется в артуровских легендах и книгах, в том числе и у Мэлори, королевством Логрским (the realm of Logrys). Это старинное кельтское название (валлийск. Lloegr) собственно Англии к югу от Трента и к востоку от Северна, как территории, находящейся под властью завоевателей англосаксов. В том же значении употреблялось оно Васом и Кретьеном де Труа. Но у Роберта де Борона и в более поздних прозаических обработках Logres, Loundres — это уже город, отождествляемый с Лондоном,— по ошибке, как пишет проф. Винавер (*V* 1284). Однако, хотя исследователи и производят название Лондон (London, фр. Londra, лат. Londiniun) и от сканд. lǫnd («роща»), и от кельтск. londo («дикий», «храбрый»), однако сопоставление имен Logrys и London дает основание и для иной гипотезы: быть может, это формы одного и того же племенного имени, ассимилированные по-разному разными языками и, по существу, здесь: город и его владение, носящие одно название в соответствии со старинной традицией.

16 *Все это видел сэр Ламорак... отвечал тот.*— К сожалению, в примечании проф. Винавера к этому месту (*V* 1454) имеется неточность, и построенная схема сюжета не согласуется с текстом *М.* Ламорак, правда, хотел было сразиться с коварным Гавейном, но услышав, что перед ним — племянник короля Артура, от поединка воздерживается. Когда же неизвестный рыцарь, которого Мэлори спешит назвать Фроллом и тем идентифицировать с недавним спутником Ламорака, повергает Гавейна, Ламорак вынужден, во избежание нареканий, заступиться за своего собрата по Круглому Столу, т. е. за Гавейна, и бьется с Фроллом, а не с Гавейном, как значится в схеме.

17 *...всякий рыцарь свою даму почитает прекраснейшей.*— Весь разговор четырех рыцарей, прервавший поединок Ламорака и Мелеганта, представляет собой весьма красноречивое добавление Мэлори к куртуазному сюжету. Если бы герои рыцарских романов разделяли в этом вопросе здравые взгляды Т. Мэлори, как замечает проф. Винавер, им не приходилось бы так часто сражаться, но и самые рыцарские романы не существовали бы (*V* 1458).

18 *...ради вас пожертвовал многими землями и великими богатствами.* — Эти, столь нерыцарственные соображения чисто материального характера и еще несколько им

подобных (ср., напр., мотивировку женитьбы на Изольде Белорукой в кн. VIII) принадлежат перу самого Мэлори (*V* 1459) и красноречиво говорят о той трансформации, которой в Англии XV в. уже подверглись «идеальные» понятия рыцарской эпохи. Ср. прим. 52, 53, стр. 843, прим. 58, стр. 860.

19 *...злоключения сэра Тристрама произошли из-за... письма.*— Одна из характерных неувязок рыцарского романа: король Марк, по сюжету, не знал ни о каком письме, но сведения о героях эпопей были во времена Мэлори всеобщим достоянием, и для него было немыслимо, чтобы король Марк не знал того, что знал любой его читатель или слушатель.

20 *Динадан* — персонаж, интересный тем, что его можно считать своего рода предшественником здравомыслящего и простодушного Санчо Пансы, который, как мы видим, есть тоже порождение рыцарского романа. Динадан появился во французских прозаических романах около 1230 г. и еще за 200 лет до Мэлори высмеивал рыцарство во всей Европе. Разумеется, в соответствии с правилами жанра, он и сам рыцарь, а не простолюдин, но в уста этого трусоватого, веселого, жизнелюбивого героя вложено немало издевки над куртуазными и героическими рыцарскими обычаями (см. у *М* кн. X passim).

21 *...повстречал... глашатаев* (в ориг.: pursivantis вместо обычных geralds)...— Во времена расцвета рыцарства (XIII в.) герольды (т. е. вестники и в то же время знатоки геральдики) были трех степеней: kings of arms (королевские герольды), heralds (герольды при высшей знати или помощники королевских герольдов) и, наконец, poursuivants (ученики, состоящие при герольдах или сопровождающие рыцарей, не знатнее барона). См. *M. Davenport.* The Book of Costume. N. Y., 1948.

22 *Пассебрюль* (Passe-brewel, фр. Passebreuil) — в сущности, значимое имя. Оно построено по французской модели Passbois и аналогично ему по смыслу (Breuil — кельтск. «густой влажный лес», «заросли»). Таким образом, конь Тристрама носил имя «Через-Густые-Заросли-Проходящий». (Ср. *Dauzat A.* et *Rostaing Ch.* Dictionaire etymologique des noms. Paris, 1963, s. v.).

23 *...а это — величайшее бедствие, какое только может выпасть на долю узнику ...плакать и стенать.* — Здесь, как отмечают исследователи, начиная с А. У. Полларда (см. «Le Morte Darthur». London, 1900, Preface), звучит непосредственно живой голос самого Томаса Мэлори, «рыцаря-узника».

24 *И здесь кончается эта книга... сам того не знал.* — Выделенные строки представляют собою чужеродное тело в тексте — они попали в *W* и в книгу из какой-то предшествующей рукописи, в которой на это место приходилось окончание первого тома,— очередной переписчик деления на томы не повторил, но колофон воспроизвел прямо в середине диалога (*V* 1468).

25 *...и реки Камелот, там где стоит камень Мерлина.*— Ниже в тексте (стр. 375) Мэлори, не подкрепляемый своими французскими источниками, подробно объясняет, что это был за камень, ссылаясь на эпизод о Балине Свирепом (*V* 1471). Мегалитические постройки, естественно, представлялись народной фантазии сооружениями волшебными и нередко связывались с образом прославленного Мерлина. Так, древняя «обсерватория» Стоунхендж называется по-уэльски Gwayth Emrys, что значит: «Работа Эмриса» (Эмрис — уэльское имя Мерлина). См. *Nach W. D.* Merlin the Enchanter and Merlin the Bard.— «Early English Texts Society», N 36, p. III. Oxford, 1869.

26 *...слуга сэра Ланселота...* — Во французских параллельных текстах такое преждевременное раскрытие тайны, и тем самым развязка композиционного «узла», отсутствует (*V* 1472). Мэлори же широко использует этот прием — ср. также прим. 6, стр. 850.

27 *...под стенами Девичьего Замка, что расположен у Твердой Скалы* — Характерный для Мэлори случай сведения множества к единству. В предыдущих разделах подробно описаны два турнира: у Девичьего Замка и у Твердой Скалы, — а здесь они задним числом сведены в один — ср. прим. 29, стр. 857.

28 *...четыре английских лиги...* — Лига — в английском языке слово поэтическое, определенной длины не имеет, употребляется как стилистический синоним «мили» (см. *OED s. v.*).

29 *...сэр Ивейн, сын короля Уриенса,.. и сэр Ивейн Отчаянный* (Ewayne, Uwayne). — С персонажами, носящими имя Увейн, или Ивейн, у Мэлори произошло то же, что и с турнирами у Девичьего Замка и у Твердой Скалы (см. прим. 27, стр. 856), только в гораздо более грандиозных масштабах. Всего во французской рыцарской литературе Ивейнов насчитано 17, общепризнанных — 10 (см. у *Аск*). Мэлори же почти по всей книге свел их в одного, награждая этого одного персонажа титулами всех его тезок: le Blaunche Maynys, les Avoulres (самоперевод — Adventurys), the sonne of kynge Uryen, le Fyze de Roy Uryene, le Grand.

Только в кн. X ему не удается удержаться в рамках одного персонажа, и здесь возникает оппозиция: syr Uwayne u syr Uwayne des Avoutres, причем второй Uwayne — не родич Гавейна. Однако в Книге о Святом Граале снова фигурирует кузен Гавейна Uwayne, но уже с прозванием les Avoutres. Сэр Гавейн его по ошибке убивает — один из эпических мотивов. А в кн. XIX sir Uwayne les Avoutres (видимо, опять-таки не родич Гавейна, но без явной оппозиции) жив и пытается исцелить сэра Уррия.

Как видно из этого обзора, Мэлори не всегда успешно справлялся со своей задачей сведения множества к единству, но нам остается лишь простить ему его несовершенство и выполнить его волю. Что до транслитерации имени, Увейн (Uwayne) — форма валлийская, а Ивейн (Ewayne, фр. Ivain) — бретонская, так у Кретьена де Труа. В переводе избрана последняя как дань русской традиции, хотя правильнее, вероятно, было бы остановиться на первой, учитывая «патриотическую» направленность интересов Мэлори.

30 *...назначил им срок примириться* (made a broken love day between them). — По мнению Т. Райта (*Wr* II, 201), выражение a broken love day означает «назначенный срок примирения, который одна из сторон не имеет намерения соблюсти».

31 *Но при всем том король Марк замыслил коварство, как потом оказалось, ибо он бросил сэра Тристрама в темницу и подло хотел его убить.* — Такой композиционный прием нарочитого предвосхищения событий обычен для рыцарских романов. Мэлори идет в этом направлении особенно далеко: он спешит сообщить, что будет с героем дальше, открывает тайну рождения Тора, торопится назвать рыцаря, явившегося incognito, и т. п. Тем самым отвергаются легкие способы привлечения читательского любопытства, словно бы для того, чтобы сосредоточить интерес на самом главном.

32 *...мой отец не убивал вашего отца, это сделал Балин Свирепый!* — Это оригинальное разъяснение, предложенное самим Мэлори (*V* 1481), только вносит дополнительную путаницу. *М* явно смешивает Пелинора, отца Тора, Ламорака и других, с Пеламом, которого поразил «плачевным ударом» Балин Свирепый (см. об этом также прим. 64, стр. 845 и прим. 5, стр. 861). О том, как Пелинор убил в честном бою отца Гавейна — Лота, рассказывается в начале кн. II, а о том, что Гавейн с братьями в отместку коварно убил Пелинора, в тексте лишь упоминается (в кн. X).

33 *Песня* (lay). — Слово lay, имеющее, как полагают, кельтское происхождение, во французском куртуазном обиходе с XII в. означало небольшую лирическо-романтическую поэму, предназначенную для исполнения певцом, и в этом смысле по-русски его принято передавать как лэ. Однако в английском языке слово lay сохранилось по сей день в значении песни, песенного повествования (ср. *OED s. v.*), которое и принято здесь для перевода — тем более, что издевательское сочинение Динадана едва ли могло принадлежать к жанру лэ.

34 *...из Саксонии* (out of Syssoyne)... — Мотивы, подобные данному, восходят к эпохе завоевания островов нынешней Великобритании континентальными племенами англов, саксов и ютов (V—VI вв.). Следует вспомнить, что и самому легендарному Артуру приписывалась роль защитника бриттов от язычников — саксов.

35 *...менестрель Элиот* — в ориг. Elays the harpere, и так до конца главы.— Здесь и в *W*, и в *C* допущена столь очевидная и элементарная в глазах палеографа ошибка, что проф. Винавер ее даже не заметил.

[36] *Дикие огни* (wylde fyre) — жидкая горючая смесь, употреблявшаяся обычно в военных целях. Наиболее эффективная из таких смесей, горящая в воде и потому применявшаяся для поджигания судов, называлась, как и по-русски, «греческий огонь» (Greek fire). См. также *Wr* II, 245.

[37] ...*Магон... ныне... Арунделл, что в Сассексе.*— На сей раз «реалистическая» география Мэлори, разумеется, не подкрепленная источниками, оказывается несостоятельной. Отождествив по каким-то своим личным пристрастиям сказочный Магон с реальным Арунделлом (совр. Аренделл, чуть севернее Литлхэмптона), Мэлори упустил из виду, что Англида бежала из Корнуэлла к югу (Southword to the seasyde), тогда как Арунделл расположен на восток от Корнуэлла.

[38] ...*Великим постом на Благовещение.* — Благовещение — один из великих церковных праздников — день возвещения Марии о предстоящем рождении Христа; празднуется 25 марта. В некоторые годы приходится на Великий пост, так как Пасха исчисляется не по солнечному, а по лунному календарю.

[39] *Харлеус Бородатый* (Harleus le Barbus). — Значительно выше, в кн. II, этот персонаж был убит невидимым рыцарем Гарлоном — неувязка, ответственность за которую проф. Винавер склонен возложить на переписчика книги II, поскольку во французской параллели к кн. X это имя тоже встречается — Harlaux le Barbu, а в параллелях к кн. II — нет (см. *V* 1490).

[40] ...*крикнул, чтобы сэр Александр поделился с ним своими копьями.*— Фраза эта в оригинале — результат недоразумения. В параллельном месте французского текста, наоборот, Харлеус посылает Александру копья, как это и предписывается ритуалом вызова на поединок. Однако старинный этот обычай уже мертв для англичанина XV в., и Мэлори, не разбираясь в тонкостях, попросту перепутал действующих лиц (*V* 1490). Ср. ниже в тексте, в конце третьего дня турнира под Сурлузой, Ламорак, вызывая Паломида, присылает ему четыре копья.

[41] к *замку, что звался Лион.* — Речь идет о вотчине Тристрама, которая и в этой главе помещена автором не в Бретани, а на границе Корнуэлла, или даже в его пределах — ср. прим. 1, стр. 853.

[42] ...*от сэра Тристрама пошли все добрые правила ловитвы и охоты...* — Тристрам (Тристан) — излюбленный герой французской куртуазной литературы, однако именно английская традиция, лишь значительно позже воспринятая во Франции, приписывает ему роль законодателя «ловитвы и охоты». Впервые Тристрам-охотник изображается в английской поэме XIII в. «Сэр Тристрем». В позднейшие времена ссылки на авторитет Тристрама встречаются во многих английских книгах, посвященных правилам охоты: «The Boke of St. Albons», 1486; «The Noble Art of Venery, or Hunting», 1611 (*V* 1497).

[43] ...*ибо они родом с Оркнея.*— Следует помнить, что королевой Оркнейской была, у Мэлори, Моргауза, сестра Артура, и как племянники по сестринской линии эти два персонажа были вправе претендовать на особую милость короля (см. также прим. 8, стр. 854).

[44] ...*предстали они перед судом из двенадцати рыцарей...*— Практика суда двенадцати старейшин восходит в Европе еще к родовому строю. И по сей день обычное число присяжных в английском или французском суде — двенадцать.

[45] *Оруженосцы* (в ориг. sargeauntes of armys) — рыцари, составляющие вооруженную свиту сеньора (ср. прим. 21, стр. 856).

[46] *Святой Грааль* (Sankgreal). — Мистический культ чаши — Святого Грааля — восходит к языческим, вероятно, кельтским, или еще иберийским, мифам (ср. также «рог изобилия». См. ниже сцену появления Грааля). Само слово «грааль» (Graale, совр. grail) производится большинством исследователей от греч. crater, cratalis (через gradalis) в значении «сосуд» (см. *Nitze N.* Concerning the word graal.— «Modern Philology», v. 22, 1924—1925, p. 99—100; *Веселовский А. Н.* Где сложилась легенда о Святом Граале. СПб., 1900; *Дашкевич Н. П.* Сказание о Святом Граале. Киев, 1877). Так, латинская запись Гластонберийской легенды об Иосифе Аримафейском называлась

«De Gradali», хотя о чаше-граале там еще не упоминается. По другой гипотезе, graal восходил к ирл. cryol, «корзина изобилия» (см. *Rhys J. W.* Studies in Arthurian Legend. Oxford, 1891). Представляет также интерес гипотеза, по которой это слово возникло в результате ошибочного переосмысления: sang real («истинная кровь») → sangreal → Saint graal. Обычное написание Мэлори: Holy Sankgreal (см. *Loomis R. S.* The Origine of the Grail Legend; ср. также *Wr* III, 27).

47 *...мост... башня... городок* (Pounte... towre... fayre little towne...)... — При всей условности описания, здесь у Мэлори картина типичного средневекового европейского городка, т. е. поселения, расположенного в удобном пункте дороги (у моста) под стенами замка, который был городу защитой и одновременно феодальным властелином.

48 *...король Пелес, властитель Нездешней страны* (kynge of the forayne contre). — Владения Увечного короля носят — на уровне текста Мэлори и его непосредственных французских источников — несколько названий: Саррас, именуются они и Waste Land — Опустошенная или Мертвая земля, в соответствии с сюжетом о Плачевном ударе. Поздняя церковная традиция отождествляет их с Гластонбери (см. прим. 14, стр. 866). Однако цитируемое здесь название красноречиво свидетельствует о фольклорном субстрате легенды, по которому король Пелес был владыкой нездешнего, потустороннего мира.

49 *Иосиф Аримафейский.*— Упоминается в «Евангелии от Матфея» (27, 57—60), в «Евангелии от Марка» (15, 43—46), в «Евангелии от Луки» (23, 50—53) и в «Евангелии от Иоанна» (19, 38—42).— Согласно «Евангелию от Иоанна», фарисеи Иосиф из Аримафеи и Никодим были тайными учениками Иисуса и после крестной казни выкупили и похоронили его тело. Более подробно этот сюжет разработан в так называемом «Евангелии от Никодима» (IV в.) и др. апокрифах. Согласно монастырским легендам (записанным с XII в.), Иосиф с сосудом крови Христовой прибыл в Британию и основал Гластонберийский монастырь. Подобным же образом другой древний монастырь, Феканский (Fecamb), на французском берегу Ламанша, почитал своим основателем Никодима.

50 *...и стол их вдруг оказался заставлен всеми яствами...*— Эта многократно повторенная подробность свидетельствует о связи чаши Грааля, сосуда божественной благодати, с такими мифическими понятиями, как греческий (а также ирландский) рог изобилия или валлийская корзина (dysgl) изобилия. Именно благодаря тому, что священный сосуд изобилия мог переосмыслиться, по остроумной гипотезе Р. Ш. Лумиса, в sang real («истинную кровь»), и появилась словесная возможность для конструирования мифа о сосуде, в котором святой Иосиф Аримафейский принес собранную им кровь Христову.

51 *...явилась дева...ты видел...Святой Грааль.*— Девица как носитель Святого Грааля фигурирует только в первом — хронологически — сочинении на эту тему: в стихотворном романе Кретьена де Труа «Perceval, ou Le Conte du Graal». У его продолжателей, начиная с Роберта де Борона, девица заменена либо юношей, либо священником. Девица у Мэлори — свидетельство относительной близости к тем самым фольклорным, дохристианским источникам, из которых черпал и Кретьен.

52 *...достигнет Святого Грааля.*— Следует помнить, что на уровне Мэлори и его непосредственных источников подвиг во имя Святого Грааля (the quest of the Grail) отнюдь не означает добывание самого сосуда. Рыцари Грааля призваны, совершая добрые дела (и воздерживаясь от дел предосудительных), заслужить высшее право лицезреть священную чашу и стать рыцарями Христа. Делается это не ради самоусовершенствования, а ради спасения от заклятия Опустошенной страны (Waste Land), наложенного на нее в результате Плачевного удара. Таков, если его вычленить, один из мотивов книги. Однако исцелив Увечного короля и тем освободив от заклятия Опустошенную землю, рыцари Святого Грааля достигают и сами такого морального совершенства, что возносятся живыми на небо, либо на земле обращаются к святой жизни (Галахад и Персиваль).

53 *Замок Корбеник* (Corbenek, Corbyn, фр. Corbenis).— Первое в тексте Мэлори упоминание замка Святого Грааля. Название, по остроумной гипотезе Лумиса, произошло

от фр. Cor Benoit, где cor, cors — латинизированная форма валлийского слова «рог», и, стало быть, речь идет о замке Благословенного Рога (рога изобилия), т. е. опять же — Грааля.

54 ...*Владычица Озера... назвала его Сэр Ланселот Озерный*.— Историю рождения и детства Ланселота, содержащуюся в прозаическом фр. романе Lancelot, Мэлори не излагает, но ссылается на нее, как на общеизвестную. Это может служить доводом против предположения Винавера, будто Мэлори знакомился с артуровскими романами по мере того, как «переводил» их (см. *V* «Introduction» et passim). См., однако, в кн. IV несколько иную версию.

55 ...*боже меня упаси просить у вас для него пощады* (God forbede that ye *spare* him).— Винавер (*V* 1513) толкует эту фразу иначе: «God forbid that you *find* him», т. е. «дай бог, чтобы вы его не нашли». Однако для такой передачи мы не усматриваем оснований, тем более что она подменяет гордую рыцарственную интонацию испуганной, недостойной доблестного Ланселота, о котором идет речь. Глагол to spare в значении «щадить», «не причинять вреда» отмечен еще с англосаксонских времен (см. *OED s. v.*).

56 ...*оставил мне четырех сыновей, но двое... теперь убиты*.— Четверо сыновей Пелинора — Агловаль, Дарнард, Ламорак и Персиваль (не считая незаконнорожденного Тора). Обстоятельства гибели Ламорака от руки Гавейна и его братьев излагаются у Мэлори в эпизоде «Веселая Стража» и ниже. Остальные трое — если принять для повествования Мэлори прямую хронологическую последовательность — ко времени, к которому относится история Ланселота и Элейны, еще живы. Персиваль умер позже, взыскуя Святого Грааля; Агловаль пал от руки Ланселота уже к самому финалу, когда тот спасал королеву Гвиневеру от костра; Дарнард последний раз упоминается при перечислении рыцарей, пытавшихся исцелить сэра Уррия. Таким образом, кто эти двое убитых сыновей Пелинора, неясно. Самого Пелинора тоже убил сэр Гавейн с братьями, как он сам признается в эпизоде «Король Марк»,— из мести за смерть отца, короля Лота Оркнейского.

57 ...*облаченный в богатый алый плащ* (well apparayledi in scarlet).— Слово scarlet первоначально (с XII в.) обозначало не цвет, а сорт дорогой шерстяной ткани, которую, в соответствии с тогдашними представлениями о роскоши, обычно — но не всегда — окрашивали в красный цвет. В языке Мэлори это значение еще преобладает — ср. прим. 3, стр. 863.

58 ...*королеве розыски ваши обошлись в двадцать тысяч фунтов*.— Этот беспрецедентный в рыцарской литературе (*V* 1518) расчет затрат на рыцарский подвиг позволяет, как кажется, лучше представить себе фигуру самого Мэлори. Ср. также выше в тексте сцену расставания Агловаля и Персиваля с матерью, стр. 519; речь Гвиневеры к Борсу, Эктору и Лионелю — стр. 518; или объяснения Тристрама с Изольдой. Ср. прим. 18, стр. 855.

59 *Восприемники* (two godfathers) — лица (обычно мужчина и женщина), присутствующие при крещении и принимающие участие в обряде. Поскольку через таинство крещения они считаются в духовном родстве с подопечным, то и называются обычно «крестный отец», «крестная мать», «крестный сын» и т. п. По канону необходим как минимум один восприемник, но самая эта поговорка свидетельствует о том, что их может быть и больше, например, как здесь, два крестных отца.

ПОВЕСТЬ О СВЯТОМ ГРААЛЕ

1 *Кэй-Сенешаль* (в ор. вместо Senesciall — Steyward).— Как показывает такой самоперевод имени,— прием, обычный у Мэлори,— ср. La Beale Isode-Isode the Fair; Ozanna le Cure Hardy-with the Hardy Harte и т. д.— разница между титулами Seneshal и Steward уже не ощущалась. Steward служило переводом для Seneshal, «управитель», с англо-норманнского на английский язык. Действительно, хотя оба эти слова в конечном счете германского происхождения, seneshal пришло из Франции и потому отличается сферой употребления: seneshal — у короля, steward в любом хозяйстве (см. *OED s. v.*).

[2] *...все двери и окна... захлопнулись... но... стало все же не совсем темно...*— Действительно, явление чудесное, если иметь в виду, что окна в домах средневековой Европы представляли собою просто отверстия, иногда затянутые бычьим пузырем (слюда была роскошью). Оконные стекла стали входить в обиход вслед за возрождением стеклоделия, в XV в. Так что «закрыть окно» в применении к рыцарям короля Артура означает «закрыть ставни». Ср., однако, ниже, видение рыцарей Грааля в кн. XVII (стр. 623).

[3] *Это место сэра Галахада, Высокородного Принца.*— Юный сын Ланселота такого титула не носил. Здесь Мэлори в своем модернизаторском стремлении сокращать несуразно большое число персонажей рыцарских романов заходит слишком далеко и объединяет сэра Галахада, рыцаря Святого Грааля, в один образ с сэром Галахальтом, Высокородным Принцем,— владыкой Сурлузы и Долгих Островов. Эта контаминация выражена на страницах книги неоднократно. При всех вариантах написания обоих имен (Galahad, Galaad, Galahalt) названные персонажи по-английски и по-французски, безусловно, тезки. Однако в переводе разночтения использованы для подчеркивания их оппозиции. Ср. прим. 29, стр. 857.

[4] *Король Пешер-Рыболов* (Kynge Pecchere, англ. Fisher King).— Из двух упоминаний этого имени на страницах всей книги Мэлори (см. также стр. 568) невозможно составить представление об этом персонаже. Во втором случае он отождествлен с королем Пелесом, первый же («my grauntesyre kynge Pelles and my lord kynge Pecchere, and sey hem — «моему деду королю Пелесу и моему господину королю-Рыболову, и скажите им») с трудом поддается такому толкованию, даже если допустить, что him и hem неразличимы в рукописи, что факсимиле отнюдь не подтверждают.

Во французских текстах «король-Рыболов» — это отец (иногда брат) короля Пелеса, и именно он является хранителем Грааля. Образ этот, от которого в пересказе Мэлори остались лишь отголоски, сопоставляют с рыбаком — героем ирландских сказок (см. *Nitze W.* How did the Fisher King get his Name? Cambridge, 1948 и др.). Думается, однако, что в век ложных этимологий «Рыбак» (Pêcheur) вряд ли мог не испытать на себе влияние Грешника (Pécheur (?)).

[5] *...плачевный удар, что нанес Балин королю Пелесу...*— «Плачевный удар», нанесенный Балином, как то описано в кн. II «Балин Свирепый», был нанесен не Пелесу, а Пеламу — по Мэлори, отцу Пелеса. Эта оригинальная отсылка ко II книге свидетельствует о намерении автора придать книге единство. О путанице этих персонажей см. также прим. 64, стр. 845 и прим. 32, стр. 857.

[6] *Мондрам* (Mondrames) — это всего лишь иное прочтение имени (Mordrains), принятого при крещении Эвелаком (см. в тексте ниже стр. 617), но *М*, очевидно, не понимал, о ком идет речь.

[7] *...а сэр Галахад поскакал за ним вослед. Но потом он возвратился.*— Одно из немногих отступлений Мэлори от французского образца — прозаической Книги о Святом Граале. Французский Галахад не испытывает желания преследовать врага. Мэлори же, увлекшись описанием рыцарских потех, упускет из виду, что имеет дело с рыцарем нового склада, и приписывает «небесному» Галахаду воинственный раж и повадки обычных странствующиш рыцарей. Чтобы подхватить опять сюжетную нить, ему приходится заставить Галахада вернуться с полпути обратно.

[8] *Девичий замок... на реке... что зовется Северн.*— Девичий замок (фр. Castel as Pucelles, лат. castrum puellarum) артуровская традиция и местные легенды отождествляют с Эдинбургским замком. Однако, как видно из данного примера, Мэлори, вообще чуждый «шотландской» ориентации, такого отождествления в виду не имел. См. *Loomis R. S.* Arthurian Tradition. Oxford, 1963.

[9] *...в знак круглости мира...*— Имеется в виду средневековое представление о дискообразной форме мира (*Wr* III, 89).

[10] *Католическая стола* (stole).— То же, что православная епитрахиль — «навыйник», «нашейник», богослужебное одеяние священника в виде длинного узкого полотнища (см. *Бобровицкий Ив.* О происхождении и составе Римско-католической литургии и отличии ее от православной. Киев, 1873).

[11] *Внимай же, сэр Ланселот... коими он тебя наградил.*— Проповедь-толкование содержит все характерные черты той обработки, которой Мэлори подверг тексты из раздела о Святом Граале. Это, во-первых, как и всюду, сокращение,— здесь с аннотационной краткостью, приводящей к неточностям и прямой невразумительности, изложен сюжет обращения царя Эвелака и родословная его потомков (впрочем, по признанию Винавера, без сопоставления с французским оригиналом понять это место практически невозможно — в переводе использованы толкование и пунктуация издания Стрейчи). Во-вторых, здесь имеется оригинальная похвала Ланселоту — первому среди грешных рыцарей. Замечания такого рода Мэлори не устает делать по всякому удобному поводу.

[12] ...*что им не довольно пищи на всех* (в ориг. for lack of wynde that fayled them) — Т. е. ссылка на недостаток воздуха, пространства. Сличение с соответствующим местом французского текста (*V* 1548) показывает, что wynde стоит вместо фр. viande — пища. Случаи такого «транскрипционного перевода», когда в качестве эквивалента избирается слово или слова, совпадающие по звучанию или по виду на письме со словами оригинала, иной раз с натяжкой смысла (wynde может иметь значение «пастбища»), а иной раз и вопреки ему, у Мэлори нередки. Ср. ниже в тексте — Насьен выращивает коренья (wortis), тогда как по-французски это крапива — orties. Ср. также в кн. IV прислужники Феи Морганы жалуются на грозный вид короля Артура — в оригинале загадочный эпитет amyvestiall, представляющий собой, по догадке Винавера (*V* 1347), рукописное подобие трех неразобранных Мэлори французских слов: *ains estions del* tout aussi comme mors (см. прим. 57, стр. 844).

[13] *Король Лабор, отец Увечного короля.*— Мистические хранители Святого Грааля составляют целую династию, восходящую прямо к Иосифу Аримафейскому. Лабор у Мэлори — отец Пелама и дед Пелеса. Причем титул Увечный король у них наследственный — и самое увечье тоже. Мотив увечья короля как причины обнищания королевства восходит к представлениям аграрного культа, предполагавшего магическую связь между плодородием земли и мужской силой короля. Действительно, плачевный удар всякий раз им наносится в бедро или в оба бедра — эвфемизм для оскопления.

[14] ...*Ни один человек... не увидит той стороны ножен...*— Неувязка, поскольку все трое рыцарей только что осмотрели меч со всех сторон. В данном случае с помощью французского текста легко достигается ясность: ножны называются не mevear of blood, а memoir de sang, т. е. «память о крови» (memoir — слово, неверно прочтенное Мэлори и воспроизведенное по внешнему сходству — ср. выше прим. 12) и дальше поясняется, что никто не сможет взглянуть на оборотную сторону ножен без того, чтобы вспомнить пролитую кровь Авеля.

[15] *Ибо олень, состарившись, снова становится молодым, в своей белой шкуре.*— Место испорчено, и замечание невразумительно. Смысл восстанавливается при сличении с соответствующим французским местом, из которого следует, что олень молодеет не в шкуре, а, наоборот, утрачивая ее (en laisant son cuir et son poil), т. е. линяя. Эпитет же white означает в применении к масти животных не только «белый», но и «сивый», «седой». Тем самым поэтичность образа «белого оленя» утрачивается, как это нередко бывает, вместе с невразумительностью.

[16] ...*что ты указуешь мне на прегрешения мои* (в ориг.: reprevyst me of my myssedede).— Винавер, сопоставляя эту фразу с соответствующей французской, приписывает здесь глаголу repreve значение «to suspend the punishment», т. е. «отложить наказание» (*V* 1566, см. также Глоссарий). Однако для контекста Мэлори (Ланселот хотел прибегнуть к мечу, но был остановлен и услышал голос, его упрекавший) такое толкование представляется излишним: ситуация определяет здесь основное словарное значение слова — совр. reprove — «упрекать, укорять». Так же в издании Стрейчи.

[17] ...*Ни один человек на этом свете не заслужил, как я, верою и правдой того, чего сподобился я.*— Характерная добавка Мэлори в ряду многих аналогичных, возвеличивающих Ланселота в отличие от французской «Повести о Святом Граале», где

в лице Ланселота последовательно развенчивается земное рыцарство. Мэлори очень настойчиво превозносит своего любимого героя, даже когда это, как здесь, звучит рассудку вопреки: на предыдущей странице Ланселот оплакивает свои грехи, воспрепятствовавшие ему достичь Святого Грааля, и вдруг — такое самохвальство.

18 *...поднялся меч, большой и дивный, и полный чудесного жара.*— Еще одно мистически-поэтическое описание, которое является следствием недоразумения. По-французски здесь ung vent léva, т. е. «ветер», а не «меч, поднялся...» и т. д. Мэлори, по-видимому, прочел слитно написаное ungvent как un glaive (*V* 1469).

19 *...из которого я ел агнца на Пасху.*— Здесь выразилась последняя степень ассимиляции мотива Святого Грааля христианскими мифами. Языческий грааль, сосуд изобилия, идентифицируется не только с чашей крови Христовой и кубком причастия, но и с блюдом Тайной вечери, как она описана в «Евангелии от Матфея» (26, 17—35); «Евангелии от Марка» (14, 12—31); «Евангелии от Луки» (22, 7—38); «Евангелии от Иоанна» (13, 1—17).

КНИГА О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ И КОРОЛЕВЕ ГВИНЕВЕРЕ

Если в «Повести о Святом Граале» Мэлори оказался наиболее зависим от своего источника, то более свободным и оригинальным был он в «Книге о сэре Ланселоте и королеве Гвиневере» (кн. XVIII—XIX Кэкстона). Так, если первый и второй эпизоды «Книги» («Отравленное яблоко» и «Прекрасная Дева из Астолата») восходят к французскому прозаическому роману XIII века «Смерть короля Артура», если четвертый эпизод («Рыцарь телеги») с большими натяжками может быть возведен к роману Кретьена де Труа «Ланселот, или Рыцарь телеги», то два других эпизода («Большой турнир» и «Исцеление сэра Уррия») не имеют прямых аналогий в артуровской литературе. Возможно, Мэлори сам придумал эти эпизоды, но создал их по существующим моделям.

1 *...и так королева была оправдана.*— Вмешательство Ниневы и разоблачение настоящего виновника французскими параллельными местами не подтверждаются (*V* 1585). Такое добавление Мэлори показывает, насколько неавторитетен в его глазах божий суд. Ср. выше в тексте: Ланселот выступает защитником Гвиневеры «и в правых делах и в неправых», стр. 650; ср. также последние поединки Ланселота за Гвиневеру, из которых явствует, что отстаивается не невиновность (королева заведомо виновна), а неподсудность героини.

Скептицизм Мэлори вполне естествен, поскольку авторитет старинного божьего суда англосаксов (испытание раскаленным железом и пр.) и его норманнской вариации — поединков, подорвали еще реформы Генриха II Плантагенета (XII в.). Однако официальная отмена поединка как божьего суда была произведена в Англии лишь в 1818 г.

2 *Астолат, а по-английски Гилдфорд.*— Ничего подобного этим географическим подробностям соответствующие французские тексты не дают (*V* 1587). Мэлори сознательно отождествляет мифический Астолат с реальным Гилдфордом, расположенным в одном дне пути от Вестминстера (Лондон) по дороге на Винчестер. Есть в Гилдфорде и старинный королевский дворец, лежавший, впрочем, в руинах уже во времена Мэлори и оттого особенно подходящий в качестве места действия старинной «истории» (см. *Stewart C. R.* English Geography in Malory... в «Modern Languages Review», v. 30 (35), p. 204—209). Точно так же (см. ниже в тексте стр. 674) фантастическая река, по которой плывет в барке мертвая девушка из сказочного Астолата, превращается у Мэлори в реальную Темзу, на которую тело спускают в ближайшем от Астолата— Гилдфорда месте (например, в Черси, по предположению Стюарта) и по которой Прекрасную Деву из Астолата кормчий везет в Вестминстер.

3 *...мой красный рукав из тонкой ткани* (a rede sleve of myne, of scarlet).— Рукава, преимущественно женские, в Средние века часто шились в виде отдельных предметов одежды и могли привязываться к разным платьям (см. *OED s. v.*; *Davenport.* The Book of Costume. О сорте ткани, называвшемся scarlet см. прим. 57, стр. 860).

[4] *От Сретенья до Пасхи.*— Сретенье, церковный праздник, справляемый на 40-й день после Рождества, т. е. 2 февраля, в память о принесении Иисуса во храм. «Сретением» (с греческого) в православии называется в том смысле, что младенец был встречен у входа святым Симеоном и старицей Анной. У католиков празднуется как день Очищения Богородицы и включает ритуал освящения зажженных свечей (Candylmas). См. также прим. 15, стр. 837. В переводе использован, в календарном смысле, православный термин как более краткий и благозвучный.

[5] *Майский поезд* — обычай празднования 1 мая как начало весны, коренящийся в глубокой дохристианской древности, был широко распространен в Англии вплоть до конца XVII в. (*Wr* III, 244).

[6] *...в книге рассказывается, что у Вестминстерского моста он переплыл на коне через Темзу и вышел на том берегу у Лэмбита.*— Вероятно, самый характерный в книге пример оригинальной версии (см. прим. 10, стр. 836), в которой фигурируют реальные английские географические подробности. Стюарт (см. «English Geography in...») даже предполагает, что, сославшись на свой многотерпеливый «источник», Мэлори тем самым как бы снимает с себя ответственность за столь неправдоподобные сведения, ибо тяжеловооруженный рыцарь переплыть верхом в этом месте Темзу, по его мнению, не мог.

[7] *...рыцаря...стоя ехавшего на телеге.*— В пересказе Мэлори уже совершенно утрачен куртуазный смысл этого эпизода, как он изложен в романе Кретьена де Труа и у его более поздних подражателей. Для Ланселота приехать на телеге означало непоправимо уронить свое рыцарское достоинство, и не потому, что так возили осужденных на казнь, а потому, что не подобало рыцарю ездить иначе как на коне,— и поначалу он колебался. То, что он не сразу решается на унижение ради прекрасной дамы, и составляет его вину перед Гвиневерой, и эту вину он затем должен искупить.

Для Мэлори все эти изысканные материи просто не существуют. Ср. эпизод «Ланселот и Элейна»: отшельник везет раненого Ланселота на телеге (cart), где французский текст дает bier chevaleux, «конная повозка», а здесь charyote. См., однако, совсем иное толкование этого мотива у Мортона. В любом случае сам заголовок и упоминание его в тексте можно рассматривать как рудимент прежнего сюжета.

[8] *...королеву подвели к костру.*— В источниках Мэлори в этом эпизоде костер Гвиневере не угрожал. Мэлори, не чуждый фольклорной склонности к круглым числам, добавил эту подробность и получил трехкратное повторение с нарастанием: за отравленное яблоко королеву хотели сжечь безвинно, за окровавленную постель у Мелеганта она уже виновна по существу, но есть формальная зацепка, и наконец, ниже она идет на костер, застигнутая в опочивальне с Ланселотом, и, спасая ее в третий раз, Ланселот обрекает на гибель некие этические основы, на которых зиждется самое Артурово королевство (см. об этом статью Лумянского в его книге «Malory's Originality». Baltimore, 1964, p. 226).

[9] *...двор... держал... в Карлайле* (Carlehylle).— Такое местонахождение Артура названо в книге впервые. Зато весьма часто упоминание другой королевской резиденции — Карлиона (правда, только в первых шестнадцати книгах). И хотя последующие издатели (Стрейчи, Райт) идентифицируют Carlehyll с Карлайлем (Carlisle, Cair Luel), расположенным в 8 милях к югу от шотландской границы, можно допустить, что Мэлори сохранил это географическое название из своих источников потому, что помнил о Карлионе (Caerleon), что в Уэльсе.

[10] *...сэр Приам, принявший святое крещение через сэра Тристрама...*— История крещения Приама-сарацина описана у Мэлори в разделе о войне с Луцием, причем способствовал ему в том вовсе не Тристрам, а Гавейн. Тристрам же был крестным отцом другого сарацина — Паломида (кн. XII).

[11] *...этот коварный король... убил сэра Тристрама.*— Не доведя книгу о сэре Тристраме до конца, Мэлори уже здесь, попутно, «подвязывает конец», вкратце сообщая версию смерти Тристрама и Изольды, почерпнутую им из французского позднего прозаического романа «Тристан»,— совсем иную, чем известная русскому читателю из Бедье поэтическая история, отражающая бретонскую фольклорную традицию.

ПЛАЧЕВНЕЙШАЯ ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ АРТУРА БЕСКОРЫСТНОГО

1 *...он избавил меня от короля Карадоса из Башни Слез...*— Имеется в виду эпизод, описанный у Мэлори в разделе «Изольда Прекрасная» (стр. 283).

2 *...вас избавил... из заточения у сэра Тарквина.*— Эпизод описан в «Повести о сэре Ланселоте Озерном» (стр. 175—176). Мэлори здесь точен в цифрах: Ланселот спас 64 рыцаря, что за вычетом Агравейна и Мордреда и дает как раз 62.

3 *...как говорит Французская Книга... король сам... догадывался...*— Последняя книга Мэлори, источниками которой Винавер с большой достоверностью называет английскую строфическую поэму XV в. «Le Morte Arthur» и французский прозаический роман «Mort Artu» (последнюю ветвь артуровского цикла), носит на себе, тем не менее, многочисленные следы авторской обработки. При этом Мэлори, как и в первых книгах, часто подкрепляет свои оригинальные добавления ссылками на французский авторитет. В частности, утверждение о том, что Артур сознательно закрывал глаза на вину Ланселота, характерное для реалистического мышления Мэлори (в самом деле, неведение Артура неправдоподобно как психологически, так и сюжетно), не опирается ни на какие источники.

4 *...если он захвачен с поличным или же есть еще другие обстоятельства, то тем лишь ускоряется суд и расправа..* — По толкованию Винавера (*V* 1618), понятиям «the menour» и «the takynge with the dede» соответствуют косвенные и прямые улики (menour — the behaviour of the accused, ср. manouren, ст. фр. manoevrer, «вести, править» — ср. «маневр». См. *Strattman F. H.* A Middle English Dictionary. Oxford, 1891). Толкование это представляется сомнительным: почему и прямые и косвенные улики должны влечь за собой скорый суд? Между тем в следующей фразе содержится иное объяснение: королева осуждена на костер как застигнутая на месте преступления и как виновница раны Мордреда и смерти рыцарей Круглого Стола, т. е. налицо прямые улики и отягчающие вину обстоятельства, каковой смысл и избран для перевода. Слово же menour/manour как вариант maner (совр. manner) в употреблении Мэлори достаточно полисемантично, чтобы включать такое частное значение (?).

5 *...господи...храни моих... братьев!*— Можно заметить, что гибель двух сыновей — Флоренса и Ловеля — отнюдь не причинила сэру Гавейну такого горя, и не она послужила причиной трагической вражды между родом Ланселота и родом Гавейна. Старогерманское каноническое право считает родство между братьями равным по степени родству между отцом и сыном, тогда как по римскому праву отец и сын состоят в более близком родстве, нежели братья. Однако у героев Мэлори любовь к братьям неизмеримо сильнее любви к сыновьям, и это, видимо, тоже укладывается в идеал рыцарской братской любви, ибо братья — старые товарищи по оружию. Об отношении к племянникам по женской линии см. прим. 8, стр. 854 и прим. 43, стр. 858. Примеров проявления отцовской любви к сыновьям в книге нет.

6 *Ты намекаешь на сэра Ламорака.*— История гибели сэра Ламорака от руки сэра Гавейна и трех его братьев (только Гарет не участвовал в этой засаде) излагается у Мэлори в конце книги X в.

7 *...в старых хрониках... про Гектора Троянского или Александра...*— Прозаический «Роман о Трое» был первой печатной английской книгой. Он был издан Кэкстоном в Брюгге в 1475 г. в его собственном переводе с французского.

8 *...Бенвик... иные зовут Байонна, а иные — Бонн.*— Идентификация, принадлежащая самому Мэлори (в интерпретации Винавера), основанная на испытанном аллитеративном принципе безо всякой претензии на географическое правдоподобие.

9 *Гийенна* (Gyan, в XIV—XV вв. владение Англии), *Лимузин* (Lymosyn), *Пуатье* (Payters), *Овернь* (Overn), *Сентон* (Sentonge), *Перигe* (Perigot), *Руэрг* (Roerge), *Беарн* (Bearne), *Комман* (Commange), *Арманьяк* (Armynake), *Астарак* (Estrake), *Пардиак* (Pardyak), *Фуа* (Foyse), *Марсан* (Marsank), *Турсан* (Tursank), *Ланды* (Lawundis, *Прованс* (Provynce), Лангедок (Landok), Ажен (Agente), Сарла (Sarlat), *Анжу* (Angeoy). *Нормандия* (Normany). Параллелей к этому перечню ни французские, нн староанглийские тексты не содержат. Как показывает Винавер (*V* 1625—1626), перечень владений Ланселота, по Мэлори, довольно строго соответствует политической структуре юга и запада Франции во второй четверти XV в. В неясных случаях принята интерпретация Винавера.

[10] *...у Гавейна была такая тайная сила в ладанке... от святого старца... что с девяти часов утра и до полудня... мощь его возрастала втрое...*— В этой магической характеристике, дважды упоминающейся у Мэлори, исследователи усматривают рудимент той стадии эволюции образа, когда он был «солнечным героем» кельтской первобытной культуры. Здесь же можно наблюдать характерную для всего круга артуровских сюжетов попытку христианизации — магическое свойство оказывается полученным «от святого старца».

[11] *...в Лондон... закупить... всякой всячины, потребной к свадьбе.*— Эта, столь мало подобающая королеве мотивировка в источниках Мэлори отсутствует (*V* 1630) и представляет собою забавный бытописательский вклад человека уже почти Нового времени в разработку старинного куртуазного сюжета. О других примерах отнюдь не феодального практицизма Томаса Мэлори, рыцаря, см. прим. 58, стр. 860.

[12] *Лондонский Тауэр* — старинная крепость на северном берегу Темзы, вблизи устья. Древнейшие сооружения в комплексе (Белая башня и др.) относятся к XI в.

[13] *...прокляну вас книгой, колоколом и свечой.*— Старинная формула отлучения по католическому ритуалу, который состоит в том, что читается некий текст Библии («книги»), звонят колокола и гасятся свечи. Выражение сохранилось в современном языке.

[14] *Гластонбери* — бенедиктинский монастырь неподалеку от Бата (Соммерсетшир, вблизи уэльской границы), один из самых древних и влиятельных в Англии. Упразднен английской реформацией (1539). Церковные постройки существовали еще до саксонского завоевания. Основателем Гластонберийского аббатства монастырские легенды, начиная с XIII в., провозглашают Иосифа Аримафейского (см. прим. 49, стр. 859). Кроме того, в 1191 г. на территории Гластонберийского аббатства была «обнаружена» могила Артура (описано хронистом Гиральдом Кембрийским в 1193—1199 гг.), что принесло большие выгоды как монастырю, так и норманской королевской династии, которой больше не угрожало пришествие воскресшего Артура. Достоверность этой «археологической находки» подтверждалась монастырскими легендами с помощью ложной этимологии, на основании которой сказочный остров блаженных Авалон отождествлялся с Гластонбери (Inis Vitrin).

[15] *О вы, мужи Англии!.. ничто не мило.*— Эта ставшая классической инвектива принадлежит перу самого Мэлори. В ней можно усмотреть выражение политических взглядов и настроений рыцаря-узника, свидетеля и участника войны Алой и Белой розы.

[16] *Бархэм-даун* — возвышенность, расположенная в шести милях к юго-востоку от Кентербери (*V* 1633).

[17] *...понедельник после Троицына дня* — Духов день. См. также прим. 16, стр. 837.

[18] *...в Кенте, Сассексе и в Саррее, в Эссексе, в Саффолке и в Норфолке держали... его сторону.*— Это географическое указание, не подкрепленное источниками (*V* 1633), с большой точностью воспроизводит политическую ситуацию в Англии времен войны Алой и Белой Розы, когда юго-восточные графства были оплотом йоркистов (ср. *Stewart,* English Geography.— «Modern Languages Review», v. 30 (35)). В связи с отношениями между Мэлори и йоркистами уместно вспомнить, что король Эдуард IV Йоркский, хотя и пришел к власти с помощью патрона Мэлори графа Варвика, дважды вычеркивал из списка своих противников, подлежащих амнистии, сэра Томаса Мэлори, который так и умер в тюрьме в девятый год царствования.

[19] *...на корабле... были... Фея Моргана,.. королева Северного Уэльса... и королева Опустошенных Земель.*— В этой оригинальной коде к рассказу о смерти Артура содержится рудимент некогда весьма развитого мотива. Королевой Авалона, этого потустороннего мира блаженных, была Фея Моргана, сестра и супруга Артура. Королева Северного Уэльса, безымянная, уже фигурировала у Мэлори в качестве чародейки и приспешницы Морганы в кн. VI. Королева Опустошенных Земель, также анонимная,— напротив, лицо, скорее наклонное к святости: это ушедшая в затворницы сестра короля Пелинора и тетка Персиваля (кн. XIV).

[20] *...и завоюет Святой Крест.*— Разумеется, Крестовые походы во времена Мэлори давно уже перестали быть реальностью (последний Крестовый поход — 1270 г.). Однако

рыцарская идея Крестового похода сохранялась еще долго: французские короли до начала Столетней войны носили титул «Воитель Креста», английский король-рыцарь Генрих V, умирая, говорил об Иерусалиме; «в крестовые походы» отправлялись и Васко да Гама, и Колумб. А как фраза «крестовый поход» надолго пережил рыцарство и сохранился в языке и в политическом обиходе по сей день.

21 *...rexque futurus («король в грядущем»).*— Устная кельтская традиция, в отличие от прямых литературных источников, сохранила версию о том, что Артур не умер, а пребывает на Авалоне (или живет в подземном гроте, или воплотился в ворона), где залечивает свои раны и откуда еще возвратится и изгонит поработителей Британии. Этот мотив не использован непосредственно в артуровской литературе, однако ссылки на кельтские поверья о бессмертии Артура нашли отражение во множестве текстов, начиная от писаний англо-норманского хрониста Уильяма Малмсберийского, утверждавшего в 1125 г., что могилы Артура не существует и поэтому в народе предсказывают его возвращение, и кончая «Дон Кихотом» Сервантеса: «...о славных подвигах короля Артура, относительно которого существует весьма древнее предание... что король этот не умер, что он силою волшебных чар превратился в ворона» (М., 1961, т. I, стр. 141 — в переводе неверно: «его... превратили», но в оригинале se convirtió). Рассуждение Мэлори на эту тему служит наглядным проявлением его скептического умонастроения, каким прославились англичане в более позднюю эпоху. Ср. «Предисловие» Кэкстона, гораздо более наивное по своей аргументации.

22 *Эмсбери* (Amysbury).— Местечко в Уилтшире, неподалеку от Гластонбери,— там был женский монастырь бенедектинок, основанный в X в. (*V* 1639).

23 На этом кончается Винчестерский манускрипт, далее — по тексту Кэкстона.

24 *...кони их разбрелись...*— Оригинальный пассаж, в котором слышится голос бедного рыцаря сэра Томаса, хорошо знающего цену коню. Для него небрежение таким имуществом, как лошадь, есть последняя степень отречения от всех земных благ.

25 *...в тридцати милях...*— Цифра эта точная, здесь Мэлори знал, о чем писал (см. *Stewart*. English Geography.— «Modern Languages Review», v. 30 (35)).

26 *Восемь спутников.*— Здесь Мэлори тоже аккуратен в счете: последний раз к Ланселоту приехало семеро рыцарей, да еще Борс, прибывший раньше в одиночку.

27 *Реннское вощеное полотно.*—Ренн — некогда столица Бретани, там издавна было развито производство парусины, холста и других грубых тканей.

28 *...говорят, что это Анвик, а иные — что Бамборо.*— Еще одна характерная для Мэлори попытка переосмыслить сказочную страну в реальную Англию его дней — в 1462—1463 гг. замки Bamborough и Alnwick в Нортумберленде были осаждены и взяты графом Варвиком, в войске которого служил Мэлори, и это было, вероятно, одним из ярчайших политических событий в поле зрения Мэлори (см. *V* 1644).

29 *...иные английские книги утверждают, будто... ни один не покинул пределов Англии...*— Здесь интересен критический подход Мэлори к источникам. Опровергая «измышления сочинителей» — англичан, он ссылается как на более высокий авторитет все на ту же «Французскую Книгу»,— но опять в подтверждение своего собственного вымысла, ибо, как свидетельствует Винавер, ни одна французская версия не рисует Борса с товарищами в роли крестоносцев (*V* 1646). Может быть, самый этот диспут следует считать литературным приемом.

30 *...девятый год правления короля Эдуарда Четвертого* — приходится между 4 марта 1469 г. и 3 марта 1470 г.

31 *...и денно и нощно.*— На этом кончается текст Мэлори. Книга завершается следующим колофоном Кэкстона:

«На сем заканчивается эта благородная и веселая книга, озаглавленная «Смерть Артура», хотя в ней повествуется о рождении, жизни и делах названного короля Артура, о его благородных рыцарях Круглого Стола, их удивительных подвигах и приключениях, о достижении Святого Грааля и в конце о плачевной смерти их всех и уходе из этого мира, каковая книга в кратком изводе на английском языке составлена, как выше указывалось, сэром Томасом Мэлори, а мною разделена на XXI книгу и завершена печатанием в Вестминстерском аббатстве в последний день июля в год господа нашего MCCCCLXXXV. Caxton me fieri fecit. [Кэкстон меня сделал.]

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

В Указатель включены все персонажи книги Мэлори, фигурирующие в тексте под определенным именем. Анонимные персонажи в Указатель не вошли, хотя некоторые из них и играют в сюжете заметную роль (например, сестра Персиваля, жена Сегварида и т. п.). Не включены также те, что обозначены лишь титулом. Не включен в Указатель, наконец, сам король Артур, так как он практически упоминается почти в каждой главе книги.

При составлении Указателя была сделана — вслед за Мэлори — попытка объединить персонажи-тезки в один, в тех случаях, когда на уровне текста книги оппозиция не выявлена и носит генетический характер. В пояснениях к основному имени персонажа указываются его родственные связи, если они имеют важное сюжетное значение, а также прозвища и родовые обозначения.

После имени персонажа следует указание на книгу (арабская цифра) и главу (римская цифра) по рубрикации Кэкстона, где это действующее лицо упомянуто непосредственно или перифрастически.

* Составлен И. М. Бернштейн.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТЬ О КОРОЛЕ АРТУРЕ

I

III

IV

ПОВЕСТЬ О БЛАГОРОДНОМ КОРОЛЕ АРТУРЕ, КАК ОН САМ СТАЛ ИМПЕРАТОРОМ ЧЕРЕЗ ДОБЛЕСТЬ СВОИХ РУК

V

СЛАВНАЯ ПОВЕСТЬ О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ ОЗЕРНОМ

VI

ПОВЕСТЬ О СЭРЕ ГАРЕТЕ ОРКНЕЙСКОМ ПО ПРОЗВАНИЮ БОМЕЙН

VII

* Здесь (а также в книге IX) ошибка в нумерации глав («рубрик»), идущая от издания Кэкстона.

КНИГА О СЭРЕ ТРИСТРАМЕ ЛИОНСКОМ

VIII

IX

X

ПОВЕСТЬ О СВЯТОМ ГРААЛЕ В КРАТКОМ ИЗВОДЕ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА, КАКОВАЯ ЕСТЬ ПОВЕСТЬ, ТРАКТУЮЩАЯ О САМОМ ИСТИННОМ И САМОМ СВЯЩЕННОМ, ЧТО ЕСТЬ НА ЭТОМ СВЕТЕ

XIII

XIV

XV

XVI

XVII

КНИГА О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ И КОРОЛЕВЕ ГВИНЕВЕРЕ

XVIII

XIX

ПЛАЧЕВНЕЙШАЯ ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ АРТУРА БЕСКОРЫСТНОГО

XX

XXI

ПРИЛОЖЕНИЯ

Томас Мэлори

СМЕРТЬ АРТУРА

Утверждено к печати
редколлегией серии «Литературные памятники»
Академии наук СССР

Редактор издательства О. К. Логинова
Художник Б. И. Астафьев
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор О. М. Гуськова

Сдано в набор 23/VI-72 г. Подписано к печати 17/V-73 г.
Формат 70×90¹/16. Усл. печ. л. 65,81. Уч.-изд. л. 65,2.
Тираж 40 000. Тип. зак. 832. Бумага № 1.

Цена 4 р. 29 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
7	6 сн.	У. Мортону	А. Мортону
61	1 сн.	вакой	такой
420	4 сн.	сказал	сказала
537	21 сн.	их	из
606	20 сн.	на	над
616	21 св.	с	и
729	12 св.	сдэрживать	одерживать
767	1 св.	У. Мортон	А. Мортон
768	1 св.	У. Мортон	А. Мортон
770	17 сн.	Герцов	Герцог
840	5 сн.	Атура	Артура
860	26 сн.	apparayledi	apparayled

В «Содержании» пропущено указание на то, что роман переведен И. М. Бернштейн, а статья А. Мортона — Г. Е. Прохоровой

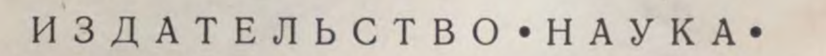
Т. Мэлори. Смерть Артура

4 р. 29 к.

4 р. 29 к.











ТОМАС МЭЛОРИ

СМЕРТЬ АРТУРА

